

Національна академія наук України
Інститут історії України
Державна архівна служба України
Центральний державний історичний архів України, м. Київ

УКРАЇНСЬКА
ІДЕНТИЧНІСТЬ
І МОВНЕ ПИТАННЯ
В РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ:
спроба державного
регулювання
(1847–1914)

Збірник документів і матеріалів

Київ 2013

УДК 930.253:323.1(477)."1847/1914"

ББК 81.2Укр+66.5(4Укр)л6

У45

Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів / Відп. ред. Г. Боряк; упоряд. Г. Боряк, В. Баран, Л. Гісцова, Л. Демченко, О. Музичук, П. Найдено, В. Шандра; НАН України, Ін-т історії України; Укрдержархів, ЦДІАК України. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2013. – LXII; 810 с.: іл.

ISBN 978-966-02-6683-4

У збірнику публікуються документи переважно з діловодних архівів державних органів та установ, які безпосередньо чи опосередковано реагували на прояви українського руху в різних сферах: у початковій освіті, у громадському й літературному житті тощо. Документи висвітлюють передумови, обставини й наслідки появи та функціонування Валуєвського розпорядження 1863 р., Емського указу 1876 р., низки інших нормативних документів, що регулювали мовне питання на теренах українських губерній Російської імперії упродовж другої половини XIX – початку XX ст. Частина документів пов'язана з виконанням цензурними установами на місцях зазначених “заборонних” актів щодо української літературної мови – одного із ключових чинників формування української ідентичності.

Переліки рукописів, заборонених до друку, а також творів, видрукованих за кордоном і нелегально поширюваних на Наддніпрянщині, окреслюють контури потужного освітньо-літературного масиву Українського Слова, яке упродовж кількох десятиліть у різних формах проривалося до читача крізь цензурні заборони. Більшість документів публікуються вперше.

У п о р я д н и к и:

*Геннадій Боряк, Василь Баран, Любов Гісцова, Людмила Демченко,
Ольга Музичук, Петро Найдено, Валентина Шандра*

Відповідальний редактор

Геннадій Боряк

Рецензенти:

Олександр Реснт, Олександр Рубльов

Редактор

Людмила Васько

Рекомендовано до друку Вченою радою Інституту історії України НАН України
(протокол № 10 від 27.11.2012),

Науково-видавничою радою Державної архівної служби України
(протокол № 3 від 14.11.2012)

*Видання здійснене завдяки підтримці та відданості
українській справі бл. п. Володимира та бл. п. Олени Шиприкевичів*

© Інститут історії України НАН України, 2013

© Центральний державний історичний
архів України, м. Київ, 2013

ISBN 978-966-02-6683-4

“Народ, який губить свої слова, перестане бути народом”

*Стефан I Неманя,
засновник династії володарів Сербії (XII ст.)*

“Заміна малоросійською мовою мови російської у викладанні, хоча б навіть у початкових школах, заміна російських підручників написаними малоросійською мовою [...], логічно призводячи у майбутньому до запровадження малоросійської мови у вищих навчальних закладах і до заміни нею мови державної у законодавстві, суді й адміністрації, загрожує незліченними ускладненнями та небезпечними змінами у державному ладі єдиної Росії”

О. М. Дондуков-Корсаков (1881)

Зміст

Мова як засіб формування національної ідентичності (<i>Валентина Шандра</i>)	VII
Українська мова в Росії XIX – початку XX ст.: шляхи утвердження (<i>Павло Гриценко</i>)	XXXIX
Від упорядників	LIII
Список скорочень	LXI
Документи і матеріали	1
Додатки	549
“Заборона українського слова в Росії. Реферат Петербурзької академії наук в справі знесення українського слова, з додатком Історичної записки К. А. Воєнського і вступним словом проф. М. Грушевського” (Скрентон, ПА, 1916). Факсиміле	551
<i>Василь Дмитришин</i> . Передмова до перевидання праці Федора Савченка “Заборона українства 1876 р.” у “Harvard Series in Ukrainian Studies” (1970). Переклад з англійської	611
Довідковий апарат	623
Коментарі	625
Показчик українськомовних рукописних та друкованих творів, що розглядалися цензурними органами	651
Анотований показчик імен	689
Показчик географічних назв	767
Перелік використаних архівних фондів та публікацій документів	777
Перелік документів	781

Мова як засіб формування національної ідентичності

1905 р., коли Володимир Антонович готував записку на захист української мови, йому вдалося відшукати кілька фактів заборони мов у Європі в XVII ст. Імператор Священної Римської імперії Фердинанд II у 1620-х роках переслідував чеську мову, Олівер Кромвель у 1650-х – ірландську. Щось подібне відбувалось і в Речі Посполитій, коли духовна цензура знищувала руські літописи¹. Історик пояснював ці явища середньовічним релігійним фанатизмом та політичною боротьбою непокірливих підданих.

Заборона української мови в Російській імперії не обумовлювалася ні тим, ні іншим. Адже календар позначав середину XIX ст., європейською культурою вже було пройдено етап Просвітництва з притаманними йому ідеями чільної ролі освіти у формуванні людини та прогресі цивілізації, правових інституцій і захисту свободи індивідуума, уся Європа вже зазнала значних суспільних, правових та культурних змін, спричинених Великою Французькою революцією; на її теренах формувалися нації, діяв новий принцип об'єднання громад поза становими поділами, відбувалася кардинальна модернізація соціального та культурного життя.

Станом на середину XIX ст., тобто час, про який ідеться, українці відзначалися високим рівнем лояльності до імператорської влади, жодних сумнівів щодо чого Петербург не мав. Це засвідчило, зокрема, завершення в імперії адміністративної інтеграції. 1856 р. було ліквідоване Малоросійське генерал-губернаторство у складі Чернігівської, Полтавської і Харківської губерній. А за чверть століття до того, 1831 р., малоросійський військовий губернатор М. Г. Репнін доповідав Комітету міністрів, що “малоросіяни непохитні у вірі”, “віддані престолу”, “що пам'ять колишньої самостійності зовсім зникла в Малоросії”, що “направду малоросіяни стали зовсім російські”. А “говірка, звичаї, одяг, хоча й відрізняються, проте віра, цар і Русь стали для них такими ж святыми, як і для росіян, а спадкова ворожість з сусідами – католиками-ляхами – дає можливість розраховувати на них ще на сто років як на вартових польської

¹ Записка в справі обмежень української мови // Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори / Упор. О. Тодійчук, В. Ульяновський. – К., 1995. – С. 154; див. док. № 235.

легковажності”². Тут Микола Рєпнін помилився, принаймні, років на 70. Що ж до віросповідання українського народу, то воно збігалось з російським і перебувало в лоні спільної православної церкви.

Аби зрозуміти закономірність чи унікальність становища української мови в Росії, варто з’ясувати це питання ширше, вивішивши його на імперські обрії. Як ставилася верховна влада імперії до мов тих народів, територію яких вона набула? Як еліти оцінювали її заходи, спрямовані на обмеження функціонування їхніх мов? Як влада і сама еліта розуміли співіснування державної російської мови і мов народів, що стали підданими російського імператора? І, окрім того, чи вважалася мова основним каталізатором у конструюванні української нації з точки зору як прихильників її розвитку, так і імператорської влади? Задля задоволення цього інтересу потрібен короткий екскурс в історію формування у Російській імперії мовної політики, тобто царину досліджень, яка ще не стала надбанням широкої громадськості.

Ставлення самодержавства до мов народів приєднаних територій

Політика верховної влади Російської імперії до мов інших народів не була заздалегідь продуманою і не мала раз і назавжди визначеного характеру. Її формували умови входження історичного регіону до складу імперії та статус, що надавався йому на цей момент, які з часом могли змінюватися (і, як правило, в бік посилення ролі російської мови). Мовну політику імперії увиразнював фактор допущення знаті до державної служби, відбір на яку був доволі складним, оскільки поєднував вимоги щодо шляхетного походження й освіченості з умовою обов’язкового володіння російською мовою. Свого часу Євген Чикаленко, задовго до Еві М. Томпсон³, висловив цікаві міркування про те, що намагання зробити російськомовними всіх підданих походили від чиновників, які були змушені служити в Польщі, Литві чи на Кавказі, вже не кажучи про Україну. Самі вони не бажали опановувати місцеві мови, проте потребували, щоб їхні розпорядження були зрозумілими. До цієї категорії Є. Чикаленко відніс також видавців і письменників, яким було вигідно, аби їхні твори мали якнайширшу аудиторію⁴.

У строкатій картині імперії виокремлюються принаймні кілька історичних регіонів, до мов народів яких спостерігалось неоднакове ставлення. Для одних

² Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство, 1802–1856: функції, структура, архів. – К., 2001. – С. 303–304.

³ Ідеться про професора, дослідницю славістичних студій Університету Уільяма Райса в Х’юстоні (США), авторку книг “Зрозуміти Росію: святий блазень у російській культурі” (Understanding Russia: the Holy Fool in Russian Culture. – Lanham, MD: University Press of America, 1987) та “Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм” (укр. переклад: Київ: Основи, 2006), що дають ключ до розуміння особливостей історії культури Росії.

⁴ Чикаленко Є. Розмова про мову. – Петроград, 1917. – С. 5.

із них, в яких еліта і широка людність належали до різних етносів, імперія підтримувала мову, якою володіли селяни. Так було в Остзейському краї, де еліта була німецькомовною, а селяни – латишами й естонцями. Побоюючися сепаратизму, правлячі кола звертали увагу спершу на мовну поведінку еліти і тривалий час не зауважували заходів, до яких вдавалась інтелігенція, відроджуючи латиську і естонську мови.

У Великому князівстві Фінляндському верховна влада імперії, остерігаючись опозиції з боку еліти, не перешкоджала творенню фінської мови, яка на час включення шведської провінції до імперії була виключно мовою селян та рибалок. Більше того, вона зацікавлено спостерігала, як шведська професура, захоплена ідеями західного романтизму та вважаючи мову головною ознакою нації, організовує дискусії, духовним наставником яких став викладач університету в Турку Адольф Арвідссон. Під час цих дискусій фінський рух отримав національний епос “Калевала”, укладач якого Елліас Лённрот вдало скористався ним, аби фінська мова набула статусу державної⁵. Між тим, російська влада втручалась, якщо вияви національної самосвідомості набували політичного забарвлення. Так, задля перешкодження поширенню небажаних ідей Петербург обмежив на деякий час вихід видань фінською мовою, проте пізніше дозволив друкувати нею книжки релігійної тематики та з питань сільського господарства⁶. І все ж Фінляндія продемонструвала унікальну ситуацію, коли шляхом творення літературної мови, діалектами якої на початок XIX ст. розмовляло понад 85% її населення⁷, відбулося формування фінської нації.

Окремо слід згадати про поляків і польську мову, вирізняючи два регіони – Царство Польське та українські землі, що входили до складу Речі Посполитої. Останні з найменшим ступенем правової автономії увійшли до складу імперії під час другого і третього поділів Польщі і відразу були названі російськими. Та й розглядали цей акт у Російській державі як повернення колись втрачених, але належних їй територій. Тут наступ на польську мову, яку на короткий час дозволялося використовувати в державному управлінні й судочинстві, провокувався польськими впливами на українське й білоруське селянство. Будучи

⁵ Під час мовного протиборства народилося своєрідне гасло фінського національного руху, що його сформулював професор Гельсінгфорського університету Йоган Снельман: “Ми не шведи, росіянами бути не бажаємо, так будьмо ж фінами” (Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начале XX века). – М., 1997. – С. 185). За іншими даними, ця радикальна позиція у національному питанні була оприлюднена першим державним секретарем Князівства Г. М. Армфельтом у відповідь на заклик Олександра I до населення завойованих фінських територій стати фінами.

⁶ Remi J. The Value of Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 2007. – Vol. XLIX, no. 1–2. – P. 89.

⁷ Мейнандер Г. Історія Фінляндії: лінії, структури, переломні моменти. – К., 2009. – С. 92.

не в змозі змагатися з католицьким віросповіданням, яке інтенсивно зберігало польську ідентичність, імперія, підтримуючи і насаджуючи православ'я, намагалася долати сепаратизм поляків, витісняючи мову зі сфер, де та була панівною⁸. Однак, не доводиться констатувати, що ця боротьба була успішною, оскільки ще і в 1840–1850-ті роки на цих теренах російські чиновники переходили в побуті на спілкування польською мовою, яка переважала серед місцевої шляхти⁹. На її вимогу 1860 р. у гімназіях та дворянських повітових училищах Київської, Подільської і Волинської губерній навіть було дозволено, хоча й на короткий час, вивчення польської мови. Про те, що до неї ставилися прагматично, свідчить звернення у 1859 р. студентів історико-філологічного факультету Університету св. Володимира до університетської ради щодо створення кафедри польської мови. Вони мотивували це тим, що невдовзі їм доведеться служити у Царстві Польському та школах й установах Віленського навчального округу, тож є потреба в опануванні цієї мови¹⁰.

Натомість, у інших навчальних закладах, розрахованих на вихідців із селянського стану, вводити її суворо заборонялося¹¹. Про обачність щодо написання і видання творів польською мовою для народу, передусім букварів, ішлося 1861 р.¹² Імперія намагалася регулювати ситуацію, аби через мову не відбувалось єднання еліти і простолюду, українців за етнічним походженням, стежила, щоб мова не сприяла формуванню польської нації. Як переконують програмні документи повстанців, поляки самі розбудовували політичну націю шляхом відновлення власної держави з тим самим населенням та у старих кордонах Речі Посполитої.

Після Другого польського повстання у сільських школах Литовсько-Білоруського краю було заборонено польську мову та запроваджено російську. Згідно з програмою М. О. Мілютіна, товариша міністра внутрішніх справ, слід було підтримувати непольське населення, а тому в місцях компактного проживання литовців дозволялося навчання рідною мовою, однак з обов'язковою заміною польської латиниці кирилицею. Перші литовські книжки друкувалися російськими літерами з дотриманням литовської фонетики¹³. Заборона ви-

⁸ Скажімо, у місцевих судах вживалася польська мова, а в Головному суді практикувалася двомовність. А з 1861 р. навіть службове листування польською мовою між посадовцями-поляками було заборонено (Полное собрание законов Российской империи (далі – ПСЗ). – Т. 25: 1798–1799. – СПб., 1830. – № 18850а.

⁹ Записки Н.И. Мамаева // Исторический вестник. – 1901. – Т. 83. – № 1. – С. 62.

¹⁰ Земський Ю. Польська, російська та українська еліти в змаганнях за Правобережну Україну середини ХІХ століття. – Хмельницький, 2011. – С. 180; ЦДІАК України, ф. 442, оп. 809, спр. 154, арк. 2.

¹¹ ЦДІАК України, ф. 442, оп. 809, спр. 184, арк. 2.

¹² Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. – СПб., 1904. – С. 38; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. – М., 1978. – С. 48–61; Миллер А. Империя Романовых и национализм. – М., 2006. – С. 84.

¹³ Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 242–245.

користувати латинський алфавіт на письмі і водночас впровадження кирилично-азбуки тривали з 1865 по 1904 роки. Ідея використовувати кирилицю, надаючи їй культурно-символічного значення задля запобігання перетворенню литовців на поляків, базувалася на висновку про спільні корені російської і литовської мов, а тому кирилиця вважалася надійним інструментом у низці заходів щодо зміни литовської ідентичності. При цьому, розпорядження про вживання виключно російських літер було дано віленським генерал-губернатором М. М. Муравйовим спершу усно, і лише згодом підтверджено письмовим циркуляром, який, проте, не був оприлюднений¹⁴.

Унікальність білоруської ситуації полягала в тому, що тут певний час співіснували два алфавіти – білоруська мова використовувала як латиницю, так і кирилицю. З часу виходу Валуєвського розпорядження його чинність автоматично поширили і на білоруські видання, оскільки викладання і книгодрукування білоруською прирівнювалось, як зауважив Михайло Долбілов, до польської крамоли, адже білорусів не визнавали як окрему народність¹⁵. Спроби запровадити російську мову в богослужіннях та для викладання в школі закону Божого тут, як і на Правобережній Україні, зазнали поразки. Перекладений російською мовою “Требник” був спалений ксьондзом костелу св. Рафаїла. Не дістав поширення й дитячий молитовник “Золотой олтарик для юношества”¹⁶.

Протиборство між латиницею і кирилицею тривало досить довго, книжки видавались як одними, так і іншим алфавітом. І все ж перевагу здобула кирилиця, оскільки нею оволоділа селянська більшість¹⁷. Усе це дозволяє зробити висновок про певну подібність методів мовної русифікації, до якої вдавалась адміністрація в Північно-Західному і Південно-Західному регіонах. Різницю їх те, що селянське населення українських губерній було православним, а литовських – католицьким, що й пояснювало більш успішну русифікацію на півдні, аніж на півночі.

У Царстві Польському уряд почав насильно запроваджувати російську мову в адміністративних і освітніх установах після Січневого повстання 1863 р. Це відбувалось одночасно з адміністративними перетвореннями, спрямованими на ліквідацію автономного статусу цього специфічного державного

¹⁴ Долбілов М. Превратности кириллизации: запрет латиницы и бюрократическая русификация литовцев в Виленском генерал-губернаторстве 1864–1882 гг. // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 255–256, 259, 262, 272.

¹⁵ Долбілов М. Д. Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае (1863–1865 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://conservatism.narod.ru/sb_cons1/dolbilov.doc.

¹⁶ Владимиров А. О введении русского языка в богослужение католической и протестантской церкви в Северо-Западном крае // *Вестник Европы*. – 1881. – Кн. 3. – С. 366–375; Кам’янецький римо-католицький єпископ відхилив пропозицію І. І. Васильчикова навчати російською мовою Закону Божого та церковного співу (ЦДІАК України, ф. 442, оп. 810, спр. 182, арк. 122).

¹⁷ Див. докладніше: *Токть С.* Латиница или кириллица: проблема выбора алфавита в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 297–319.

утворення. М. О. Мілюгін передбачав навіть переклад російською 69-томного зібрання законів під назвою “Сборник административных постановлений Царства Польского”¹⁸.

Стосовно мусульманських народів з їх літературною арабською мовою, то Росія, навіть менше остереігаючись їхнього сепаратизму, все одно спробувала запровадити російську азбуку в шкільне навчання, аби ізолюватися або хоча б відгородитися від ісламських впливів та ідей пантюркізму. Так, для казахів на початку ХІХ ст., поряд із збереженням традиційних, запроваджувалися й російські і змішані форми освіти. Місцеві мови використовувались у відомчому листуванні, при поданні письмових звернень, в юридичній практиці, а також для оголошення урядових постанов. З наступом русифікації, яка здійснювалася переважно через православні місії, з призначенням місцевих учителів і священників, казахська мова використовувалася для навернення населення до християнства. У школах впроваджувалися букварі і Священне Письмо, написані казахською мовою з використанням російської транслітерації. Мали місце й спроби реформувати навчання на основі арабської граматики і мусульманського богослужіння узбецькою (сартовською) мовою з викладанням арифметики та інших предметів російською. Вони закінчилися тим, що на кінець ХІХ ст. навчання в сирдар’їнських школах здійснювалося по-російськи¹⁹. Тож для степових народів Азії характерним було явище, коли русифікація відбувалася не стільки через мову, як через поширення православ’я. Такий шлях був притаманний і для волзьких татар, грамотність серед яких була досить високою (цьому вони завдячували магометанству). На середину ХІХ ст. більшість населення цього регіону уміли читати, а найпопулярнішою книжкою був “Аль-Коран”²⁰.

Що ж до мови єврейського етносу, то ставлення до неї імперії було іншим. Спершу влада, аби забезпечити елементарний контроль за життям кагалів, запропонувала євреям перейти з ідиш на російську, польську або німецьку²¹. Однак, уже незабаром, як зауважив Файфель Гец, Міністерство народної освіти, що мало турбувалось про освіту християнського населення, почало активно перейматись освітою юдеїв, для яких створювалася мережа початкових шкіл (хедерів). У такий спосіб, витіснивши талмуди, вважав С. С. Уваров, можна було подолати єврейський релігійний фанатизм і обскурантизм²². Євреї до російських шкіл тоді не пішли, хоча як правило, відразу засвоювали мову того народу, серед якого їм доводилося жити. Свідченням цього може бути, напри-

¹⁸ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1997. – С. 241.

¹⁹ Центральная Азия в составе Российской империи. – М., 2008. – С. 47, 162, 167.

²⁰ К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского округа // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – СПб., 1869. – С. 1; *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. – С. 67.

²¹ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. – С. 84.

²² *Гец Ф.* Школьное обучение у русских евреев // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. – 1914. – Ч. LI. – Кн. 5. – С. 3.

клад, поширення видань календарів, серед яких набув популярності польський, що його видавала Замойська академія. Невдовзі його витіснив бердичівський календар, який друкувався великим накладом у монастирі босих кармелітів. Календар успішно продавали на ярмарках та контрактах єврейські купці, навіть попри те, що російські свята в ньому позначалися польським шрифтом²³.

1862 р. Маркус Гурович, який обіймав посаду вченого єврея при новоросійському і бессарабському генерал-губернаторі, запропонував владі не запроваджувати в шкільну програму ідиш, оскільки це перешкоджатиме юним євреям вивчати російську і німецьку як більш модерні мови високої культури. Його міркування про переваги зазначених мов видалися П. О. Валуєву настільки слушними, що й для українців мовою такої культури він визнав російську²⁴. Від 1860-х років, коли здобуття російської освіти надало право на державну службу і можливість мешкати поза межею осілости, юдеї почали активно вступати до гімназій та університетів.

Дещо подібною до єврейського етносу була ситуація з освітою кримських татар, які звернулися до Олександра I під час його перебування в Криму з проханням про введення у школах вивчення татарської мови для того, аби краще розуміти російські закони. Зрештою, у деяких школах було запроваджено її вивчення, а при Сімферопольській гімназії 1827 р. відкрито відділення для підготовки вчителів татарської мови. Проблема виявилася складнішою, ніж здавалося спершу. З'ясувалося, що писемною мовою для татарського населення була арабська, татарська ж існувала як розмовна, тож не мала необхідного – абетки, граматики. Розпочалось їх укладання з орієнтацією на турецьку, до якої та була подібна. Проте, до шкіл, заснованих християнською владою, татари не пішли, бо віддавали перевагу традиційній освіті, яку здобували у приватних осіб та в школах при мечетях, де вони, згідно із шариатом, в обов'язковому порядку навчалися від 6 до 15 років. Там освіта тісно перепліталася з релігією, а практичні знання базувалась на вивченні її головних принципів через афоризми та приказки. Головною книжкою був “Аль-Коран”, написаний арабською мовою. Лише після масового виходу татар у 1860–1863 рр. до Туреччини верховна влада почала серйозніше ставитись до організації освіти, заходившись з'ясовувати, чому татари не йдуть до російських шкіл. Створена 1867 р. спеціальна урядова комісія у складі чиновників та мурз взяла курс на освіту татар “в русском духе” без оглядки на релігію²⁵.

В поліетнічній Бессарабії, включення території якої до складу Російської імперії зумовлювалося Бухарестським миром від 16 травня 1812 р., діловодство відразу запроваджувалося двома мовами – російською і румунською²⁶.

²³ *Иконников В. С.* Киев в 1654–1855 гг.: Исторический очерк. – К., 1904. – С. 134.

²⁴ *Remi J.* The Value of Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice. – P. 90.

²⁵ По вопросу о способах образования крымских татар // Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. – С. 85, 88, 99, 101.

²⁶ *Кушко А., Таки В.* Конструирова Бессарабию: имперские и национальные модели построения провинции // *Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. – М., 2010. – С. 213, 216.

Таким чином, мовну політику, при всій її суперечливості, можна і варто реконструювати навіть тоді, коли вона не була чітко артикульованою, суворо регламентованою і не носила лише заборонний характер. Загалом названі мови не витісняли з основних сфер побутування, як це було з українською. На проблему заборон щодо лише однієї мови в Російській імперії свого часу звернув увагу високопосадовець П. М. Саладилов. 1905 р. він зауважив, що українська писемність перебуває у “надзвичайному стані”. Натомість імперія не замірялася ні на мову, ні на літературу інших народів. Виняток становила заборона латинського алфавіту для литовців²⁷, що пов’язувалося, безумовно, з послабленням польського впливу.

У мовній політиці ключову роль відігравала природа російського самодержавства, яке вважало, що лише йому належить виняткове право на її регулювання. Воно само продукувало управлінські ідеї, односторонньо залишаючи за собою право першості, а відносно народів приєднаних територій все ще користувалося патерналістською зверхністю, віддаючи перевагу становій політиці перед національною. Будь-яке втручання в цю його прерогативу розцінювалось як небезпечний підрив династичного авторитету, а тому верховна влада опиралася націоналізації, довго нікого не допускаючи й не легітимізуючи цей новий сегмент власних взаємовідносин з підданими. Подільські дворяни-поляки, наприклад, незважаючи на те, що утримували школи своїм коштом, просили дозволу в Олександра II на впровадження у навчальних закладах вивчення польської мови²⁸. Влада Російської імперії не хотіла розуміти, як образно зазначав австрійський соціолог, автор теорії насилля Людвіг Гумплович, що після Великої Французької революції народи, виростаючи у нації, сповнилися бажанням самим бути ковалями свого щастя²⁹.

Мовна ситуація в губерніях Лівобережної і Правобережної України

Своєрідність мовної ситуації в губерніях Російської імперії, де масово проживали українці, в XIX ст. полягала в тому, що лише селяни залишались основними носіями української мови як природної. Еліта на початок XIX ст. не була мононаціональною, єдиною, хоча практично повністю кооптованою до імперського дворянства. Одна її частина без особливих проблем користувалася кількома мовами: на службі – російською, нею ж, а то й польською та французькою читала літературні твори й писала, вдома – українською, і при цьому не відчувала конфліктності даної ситуації. Інша, яка постійно чисельно збільшувалася внаслідок причетності до державної служби, доступ до якої полегшувало саме

²⁷ Сообщение П. М. Саладилова // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – СПб., 1905. – С. 73.

²⁸ ЦДІАК України, ф. 442, оп. 809, спр. 134, арк. 10–11.

²⁹ Гумплович Л. Национализм и интернационализм в XIX веке. – СПб., 1906. – С. 35.

знання російської мови як управлінської (для діловодства і документування в державних установах), взагалі не сприймала народної мови і не бачила за нею майбутнього, а тому сфера її вживання в кращому разі обмежувалася домашнім ужитком. Як результат, українська, не затребувана в державному управлінні, в навчанні, освіті, у видавничій справі, більше того – переслідувана, не розвивалася, і для значної частини управлінської еліти російська ставала якщо й не рідною, то принаймні такою, що давала доступ до влади і уможлилювала кар’єру³⁰.

Уже в другій половині XIX ст. становище мови виявилось показником соціальної картини українського суспільства. Лише нею постійно користувалися виключно представники нижчих верств – козаки, міщани, селяни, подеколи її могли вживати урядовці та літератори. А якщо брати до уваги роль армії, церкви та можливості залізничного сполучення, то сегмент її використання мав і надалі зменшуватися. Російська мова домінувала в державному управлінні, літературі, освіті, охоплюючи все більше сфер людського спілкування. Прикладом цього може слугувати постать знаного українського історика О. М. Лазаревського, закоханого в старовину, київський кабінет якого прикрашали українські килими, плахти на софі й фотелях, картини Тараса Шевченка. Водночас української мови він не вживав, та й навіть не знав її добре³¹. Для більшості селян наприкінці XIX і на початку XX ст. мова була показником їхнього соціального становища, яке вони розцінювали як менш привабливе порівняно із власним панством і вбачали пряму залежність між соціальним становищем і мовою спілкування. А тому багато з них при зміні соціального становища нехтували своєю мовою, вважаючи її “мужицькою”.

Друге польське повстання поділило інтелектуальну еліту Києва на табори. Так, Михайло Юзефович і Віталій Шульгін були переконані, що українцям варто дотримуватися у конфронтації *Росія–Польща* російської сторони і разом долати спільного ворога. Створенням особливої української мови можна зашкодити формуванню спільної антипольської єдності. Вони поділяли давно вмотивовану ідею “великої російської нації” та сформовані російською історіографією погляди на походження Російської держави. Михайло Юзефович, зокрема, вважав, що Московська Русь пішла від Києва, як і православна віра, що зміцнилась київською освітньою традицією; якщо Київ віддав себе на створення “єдиного отечества”, то склалося національне духовне єднання обох народів. Виходячи з цього, він не погоджувався з теорією про тяглість місцевої

³⁰ Ева Томпсон назвала навіть цифру – 50% населення не ідентифікувало себе з російською метрополією. Певна частина записували себе росіянами аби мати вигоду, а коли належність до росіян переставала бути перевагою, вони змінювали свою офіційну ідентичність. До того ж, вона вказала і причину цього: слабо розвинута культура Росії та брак у неї нових ідей (Томпсон Е. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм. – К., 2008. – С. 49).

³¹ *Стороженко М. З мого життя / Упор. і вст. ст. В. Ульяновський. – К., 2005. – С. 180.*

історії від Київської Русі до козацької України³², а відтак не визнавав особності українського народу.

Проміжну позицію займав Михайло Максимович, закоханий у київську старовину. Його втішило, що влада нарешті звернула увагу на Київ та його історичні пам'ятки, зокрема й писемні з їх старожитньою мовою. 1840 р. він вів лист Дениса Зубрицького, написаний російською, та висловив міркування з приводу співіснування російської й української мов, які зводилися до того, що в Російській імперії давньоруська мова стала великоросійською, а тому писати *по-малоросійськи* означає штучно підтримувати обласну мову³³.

1865 р. М. О. Максимович уже засуджував “Основу”, котра нібито спрочувала заборону української мови, якої, на його думку, влада почала боятися більше, ніж польської³⁴. Прихильники російської літературної мови вважали її зрілою й самодостатньою, а тому не сприймали навіть ідеї творення літературної української мови, вважаючи її зайвою. Самостійно, спершу без участі верховної влади, вони почали в місцевій пресі вести полеміку з українофілами, які прагнули створити українську мову, спираючись на народне мовлення. Згодом вони заручилися підтримкою верховної влади, яка вела власну політику й використовувала їхні переконання в інтересах імперії.

Саме ставлення до мови розкололо місцеву еліту, почалися непорозуміння. При цьому полеміка щодо наукового з'ясування походження мови стосувалася й іншого, не менш важливого питання – походження народу, його історії, адже за дослідженнями М. П. Погодіна, українцям, по суті, не залишалось місця на їхніх землях. Полеміку завершало політичне рішення верховної влади, яка у

³² Цю тезу Михайло Юзефович висував на противагу науковим висновкам Миколи Костомарова про окремий розвиток української і російської історії, що були висловлені у праці “Мысли об истории Малоросии” (див.: *Пінчук Ю.* Київський період творчості М. І. Костомарова: до проблеми самосвідомості історика // *Ейдос*. – 2006. – № 2. – С. 345).

³³ Михайло Максимович був переконаний, що не може існувати в Малоросії “... словесности на южнорусском языке, а только могут быть и есть отдельные на оном сочинения – Котляревского, Квитки (Основяненка), Гребенки и других. Южнорусский язык у нас есть как памятник только, из которого можно обогащать великороссийский или по преимуществу у нас русский язык. Народные украинские песни и пословицы суть также только прекрасные памятники для словесности русской”. (*Максимович М.* Листи / Упор. В. Короткий. – К., 2004. – С. 119). Несхвалення ним дій українофілів щодо піднесення народної мови до літературного рівня звучить також у листі до Осипа Бодяньського від 18 червня 1863 р., у якому він просив того написати про “старобытность нашей южно-русской мовы по тым древним писаниям! Бо бачите, що й киевские подбрехачи, Говорские и Кульжинские и инши, в противодействие кулишовским брехням, нашу старожитню мову в пивец обретають” (там само, с. 63). Такої ж точки зору дотримувалися чимало його сучасників, які були прихильниками ідеї “великої російської нації” (див.: *Миллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 58–60).

³⁴ *Максимович М.* Листи. – С. 65.

своєму висновку, що “никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может”, спиралася на думку лояльно налаштованої до неї київської інтелігенції.

“Киевлянин” почав виходити вже після появи розпорядження Валуєва, але те, що його дописувачами стали представники найкращих літературних і публіцистичних сил краю, більшість з яких вважали за потрібне відстоювати його “руськість” перед “польскістю”, свідчить, що загальна ідейно-політична атмосфера була спрямована проти поляків. Одним з авторів “Киевлянина” був, наприклад, той же М. О. Максимович. Серед дописувачів цієї газети були й інші відомі і шановані літератори – В. Г. Авсєєнко, О. М. Андріяшев, В. Б. Антонович, Г. П. Галаган, О. О. Гатцук, В. С. Гнилосиров, М. П. Драгоманов, П. Г. Житецький, О. Ф. Кістяківський, М. В. Лисенко, М. А. Рігельман, І. Я. Рудченко, О. О. Русов та ще не менше 25 осіб³⁵, що знаходило відповідний резонанс у освіченої публіки, думку якої ті формували. Окремо слід назвати також Ф. Ф. Воропонова, активного сподвижника селянської реформи і доброго журналіста, який також прийняв запрошення Віталія Шульгіна, відмовившись від співпраці з “Одесским вестником” через його комерційну тематику.

Соціально-етнічне середовище Правобережжя на початку 1870-х років добре описав П. П. Чубинський, коли готував черговий том “Трудов” етнографічної експедиції, рукопис якого передав для ознайомлення київському генерал-губернаторові³⁶.

Мова як основний елемент української ідентичності

У зазначений період українофіли, що становили меншість суспільства, відштовхуючись від широкої соціальної бази, селянства, козацтва, міщанства, лише починали творити свій світ патріотів з власною історією, ідеологією і символами, що увиразнювали б національну ідентичність України. Серед головних їхніх атрибутів виступала народна мова, яка ставала в цьому проекті чи не головною рушійною силою, якій слід було ще надати наукових стандартів, забезпечити єдино визнаним правописом запровадити нею масове шкільне навчання, увести її до храму духовного життя.

³⁵ “Киевлянин” под редакцией Виталия Яковлевича Шульгина. – К., 1880.

³⁶ “Польское общество здесь состоит почти исключительно из лиц привилегированного сословия и, следовательно, представляет интеллигентную часть населения, а очертит этнографически интеллигентное общество – гораздо труднее, чем народную массу. Общество это скомпрометированное недавним политическим движением, направленным к отторжению древней русской области от Русского государства, – находится в ложном положении. Малорусское население края относится к нему враждебно, чему нечего удивляться: история, национальность и религия разделяют это интеллигентное меньшинство от массы русского крестьянства” (Чубинский П. П. Очерк ополячения Юго-Западного края // Труды этнографически-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. – СПб., 1872. – С. 215; ЦДАК України, ф. 442, оп. 53, спр. 353, арк. 2).

Мотивація українофілів щодо конструювання української мови впливала з культурної моделі нації, покликаної виокремити, відмежувати українську ідентичність від російської шляхом виявлення її цінностей та проявів відмінностей, зокрема мовних³⁷. Ішлося про те, щоб утвердити в громадській думці вже призабуту назву спільності – *українці* – замість *малоросів, руських, южно-руссов* і т. ін., а для цього також треба було апелювати до мови. Тим більше, що літературна (книжна) російська мова відрізнялася від української літературної, вже не кажучи про розмовну. Завдання, які поставили перед собою українофіли, поєднували дві великі взаємні проблеми: соціальне становище і мова безпосередньо залежать від розуміння народом власних сил і власної значимості. Одним із засобів досягнення соціального благополуччя і суверенності ставала мова як чинник, за допомогою якої можна було повернути йому впевненість у власних силах, повагу до себе та власної ідентичності. Більше того, українофіли почали й самі говорити цією мовою, співати народних пісень, вдягалися в народний одяг і з'являлися в ньому у громадських місцях, демонструючи в такий спосіб власні переконання. А деякі, йдучи на крайнощі, навіть одружувалися на селянських дівчатах. Цей своєрідний різновид патріотизму уже в 1890-х роках був різко розкритикований представниками нового, радикальнішого покоління українських активістів, які й до мови почали ставитись активніше, використовуючи її у навчанні дітей³⁸.

Свідчень українофілів про своє розуміння соціального значення мови набагато менше, ніж представників влади, яка володіла більшими можливостями для виголошення своєї позиції. І все ж спробуймо пояснити їхню потребу в мові, окремій від російської. Передовсім, мову вони розцінювали як можливість, єднаючись з народом, чинити опір тому поглинанню всього українського, яке здійснювала імперія. Темпи асиміляції зростали з кожним десятиріччям XIX століття разом із модернізацією, новими можливостями комунікації (будівництво шляхів, розвиток міст, транспортного сполучення), а також з появою в кожному губернському центрі друкарні та центральної періодичної преси.

У конструюванні української нації її творці вважали спільність культури і мови наріжним каменем, суттєвою ознакою повноцінної характеристики народу. А тому українофіли вирішили розробити чіткі моделі, які сприяли б виробленню орфографії, що базувалась би на фонетичній основі. Пантелеймона Куліша не задовольняла орфографія Михайла Максимовича, яка зберігала близькість до російської, і він спробував відділити одну від іншої. Максимовичева етимологічна орфографія більше влаштувала загал, адже фонетична “кулішівка” збільшувала дистанцію між українською і російською мовами. Сам же Максимович недолюблював за це Куліша, а водночас і Костомарова³⁹.

³⁷ Долбилов М., Сталюнас Д. Введение к форуму “Алфавит, языки, национальная идентичность” в Российской империи // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 124.

³⁸ Скульчик С. Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX століття. – К., 2010. – С. 34–35.

³⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм. – С. 83; Максимович М. Листи. – С. 58, 62. У листі до Осипа Бодянського від 20 січня 1862 р. Михайло Максимович назвав Пантелеймона Куліша Полігістором, а його правопис “гнусным”.

У той самий час Каленик Шейковський у Бобруйську підготував власний правопис, відкинувши твердий знак та запровадивши апостроф. Микола Гатцук при підготовці абетки, не підтримуючи “кулішівки”, апелював до церковнослов'янської писемності, а Тимко Падурра спробував поєднувати польську й українську абетки через латиницю. Серед авторів підручників були також Олександр Кониський і Леонід Ященко. Михайло Драгоманов ґрунтував власний правопис на фонемічному принципі, коли одна літера означала один звук⁴⁰. Оригінальним був і правопис Фортуната Піскунова “Словниця української (або югово-руської мови)”, видана в Одесі 1873 р., який пропонував фонетичний правопис з порядком літер за латинським алфавітом. Працювали над українським правописом і в Галичині. Їхні видання були надіслані на експертизу члену-кореспонденту Петербурзької академії наук Олександру Гільфердингу, який визначив штучність русинської мови. Українофіли прагнули до створення довершеної граматики і словника української мови, які б зміцнили її позиції. Над граматику української мови працювали також Олександр Русов, Володимир Науменко, проте їхні напрацювання залишилися в рукописах. Питанням вироблення стандартної української мови, як бачимо, опікувалося багато інтелектуалів, причому незалежно один від одного. Однак цей процес явно гальмувався: імперське середовище не було надто сприятливим для процесів формування української мови.

Значення освіти в процесі соціалізації та формуванні ідентичності

Коло можливого функціонування національних мов у Російській імперії чіткіше окреслилося з політикою модернізації, зокрема під час підготовки та проведення ліберальних реформ, коли держава, щойно звільнившись від кріпацтва, почала перебирати на себе турботу про селян. Їх слід було піднести до становища інших соціальних груп, найперше – за допомогою знань. Цей намір було підтримано широкою громадськістю, діячами освіти, кожен з яких намагався в той чи інший спосіб допомогти верхній владі в його реалізації. Було підготовлено чимало проектів щодо того, якою має бути освіта для народу – спеціальною, з конкретними елементарними знаннями, та якою мірою поєднаною з вихованням гуманності. Тон задав Микола Пирогов, а у відповідь на його звернення відгукнулися ті, для кого освіта була професійною справою. Серед них був і Михайло Юзефович, колишній помічник попечителя Київського навчального округу, який висунув власні, продуктивні пропозиції⁴¹. Ідея надати освіту тим, хто раніше на мав можливості здобути її через соціальне становище, вилилась у заснування недільних і суботніх (для юдеїв) шкіл, в яких можна було отримати елементарну освіту та в яких, згідно з “нравственным

⁴⁰ Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 163.

⁴¹ Юзефович М. Чего требует общественное образование? – К., 1859.

пробуждением”, розпочали безкоштовно працювати штатні вчителі державних навчальних закладів⁴². Відразу ж постала проблема: якою мовою слід ліквідувати неписьменність серед найнижчих соціальних верств.

Микола Костомаров у статті “Мысли южноруса”, опублікованій в “Основи” вперше зріло визначив програмні завдання освіти народу⁴³. Слідом за ним на соціалізуючий аспект мови звернули увагу полтавці Дмитро Пильчиков і Віктор Лобода (1862), коли почали з’ясовувати, як їм здавалося, нескладне питання. Сільське населення, що становило значну більшість місцевої людності, розмовляло мовою, відмінною від книжної російської, якою дітей змусли здобувати освіту. Якщо влада справді переймається їхнім становищем, то не варто переучувати їх російською мовою, а слід відразу вчити рідною мовою. Це буде значно економніше для держави, а разом з тим долатиметься деструктивне соціальне явище, коли освіта вносить непорозуміння між батьками і дітьми, яке виникає внаслідок різномовності поколінь. Російська мова є державною, офіційною, вона, не ставши народною, сприймається як чужа і не завжди зрозуміла, а тому в селянському повсякденні використовуватися не буде. На підтвердження таких висновків було наведено приклади, коли місцева влада була змушена перекладати з російської Маніфест від 19 лютого 1861 р., а київський губернатор Павло Гессе 1861 р. свою промову

⁴² Виразно про цю потребу часу було сказано у звіті однієї з семи київських недільних шкіл, число учнів у якій зросло від 60 до 148 осіб: “Всякий знает, что грамотность для народа составляет теперь первейшую потребность времени” (ЦДІАК України, ф. 442, оп. 809, спр. 179, арк. 15).

⁴³ “Не знаю, как скажут другие, но мне кажется, что пока на южнорусском языке не будут сообщаться знания, пока этот язык не сделается проводником общечеловеческой образованности, до тех пор все наши писания на этом языке – блестящий пустоцвет, и потомки назовут их результатом прихоти, охоты для забавы переряживаться из сюртука в свитку и припишут их более моде на народность, чем любви к народности. Горькая истина лучше сладкой лжи. Кто любит свой народ – пусть любит его не по дон-кихотски, не воображением, а сердцем и делом, – пусть любит не отвлеченное понятие о народе, а народ в действительности, в осязаемости; пусть любит живые существа, принадлежащие к народу, и ищет того, что им полезно и нужно. В сфере всенародного слова мы не можем быть полезны народу ничем другим, как употребив это слово орудием общечеловеческого образования. Народ должен учиться, народ хочет учиться; если мы не дадим ему средств и способов учиться на своем языке — он станет учиться на чужом, и наша народность погибнет с образованием народа. И вправе ли мы будем тогда жалеть о ней? Что отраднее: видеть ли народ в невежестве сохраняющим свою народность, или образованным, но потерявшим эту свою народность? Конечно, при таком выборе придется жертвовать народностью. Но для чего же приносит бесполезную жертву, когда можно совместить и то, и другое, когда это будет и нравственно справедливо?” (*Костомаров Н. Мысли южноруса // Основа. – 1862. – № 5. – С. 1–2; Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, Х, 14901; машинописна копія*).

перед волосними старшинами про статутні грамоти мусив виголошувати помалоросійськи⁴⁴.

З текстом цієї доповідної записки ознайомилися й київські громадівці, які доповнили звернення полтавців аргументом, що польську пропаганду слід долати впровадженням української культури, зокрема мови, яка, між тим, відрізняється від російської і синтаксисом, і змістом. Було підтримано й інший важливий аргумент: “російська грамотність” сприяє зростанню соціальних конфліктів, бо ті, хто її набуває, намагаються реалізуватися в іншій сфері, відчуженій від селянської праці, навіть писарі, засвоївши її, демонструють свою зверхність при спілкуванні з селянами⁴⁵. Свої міркування громадівці виклали у доповідній записці до Петербурзького комітету грамотності, який одразу після створення при Вільному економічному товаристві енергійно взявся за поширення освіти шляхом видання шкільних підручників та підготовки вчителів початкової освіти. У підготовленому ним “Списке русских и малороссийских книг, одобренных для народных учителей и школ и для народного чтения” (1862) кількість як одних, так і інших видань була однаковою.

На Правобережній Україні каталізатором розвитку освіти стало Друге польське повстання, після якого вживання мови з її багатозначними символами почало розцінюватись як важливий фактор формування національної ідентичності.

Якщо спробувати визначити сферу можливого функціонування національних мов, то їх було доволі небагато. Щодо можливості їх використання в освіті йшлося лише про початкову школу, і держава надавала національним мовам допоміжної функції виключно на переходовому етапі до середньої освіти, що, як і вища, здійснювалась лише російською мовою. У липні 1862 р. подільський губернатор Рудольф Брауншвейг навіть написав київському генерал-губернаторові, що слід було б змусити ксьондзів навчати дітей їхньою рідною мовою, тобто українською⁴⁶. Учений комітет Міністерства народної освіти 1863 р. на одному з засідань, присвячених мовному питанню, також дійшов висновку, що у краях, де населення говорить іншими мовами (зокрема Остзейський край і Литва), можливо запроваджувати початкову освіту його рідною мовою. Те саме стосувалося й білорусів та українців, навчання яких розпочиналося б місцевими мовами, а вже згодом варто було переходити на російську мову викладання⁴⁷. Лише на початковому етапі не заперечувалося й видання книжок для народної освіти мовами, якими розмовляла місцева людність.

⁴⁴ І це був не поодинокий випадок. Крім Павла Гессе до перекладу урядових звернень вдавалися чернігівський і катеринославський губернатори, вже не кажучи про хрестоматійний приклад перекладу Пантелеймоном Кулішем документів селянської реформи 1861 р. (*Земський Ю.* Польська, російська та українська еліти в змаганнях за Правобережну Україну середини XIX століття. – С. 240–241).

⁴⁵ *Шевелів Б.* Петиції українських громад до Петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // *За сто літ.* – К., 1928. – Кн. 3. – С. 11–15.

⁴⁶ ЦДІАК України, ф. 442, оп. 810, спр. 182, арк. 122.

⁴⁷ *Журнал засіданий Ученого комітета Главного управління училищ.* – СПб., 1863. – С. 342.

До державного управління, яке документувалося російською, національні мови могли допускатися лише на стадії інкорпорації підкорених територій. Питання про можливість впровадження національної мови в духовне життя – видання Святого Письма та богослужіння національними мовами – постало практично одночасно з освітою. Стараннями Британського біблійного товариства було здійснено переклади Біблії 70-ма мовами Російської імперії (включно з калмицькою, чуваською, турецькою тощо), серед яких не варто шукати української⁴⁸.

Визначаючи сфери існування національних мов, уряд, скоріше за все, вдавався до тривіалізації національної ідентичності, як до одного із засобів підкорення народів; останні при цьому визначалися як такі, яким чогось бракує, котрі не є такими позитивними, як їхні поневолювачі⁴⁹.

Чинники Валуєвської заборони

Ухвалення Валуєвського розпорядження спричинили кілька факторів. Рікарда Вульпіус вважає, що вирішальну роль відіграла можливість появи українського перекладу Біблії Пилипа Морачевського⁵⁰, який відразу б відлучив від російської мови практично всю українську людність. Олексій Міллер, окрім того, вдало відшукав зовнішньополітичні імпульси: оскільки, на його думку, в Галичині серед русинів почала запроваджуватися латиниця, Російська імперія відчула свого роду відповідальність за людність колишніх річпосполитських земель, яка могла потрапити в коло інтересів конкуруючої польської нації⁵¹. Йоганес Ремі дотримується думки, що появу Валуєвської заборони спричинив острах верховної влади перед польським і українським національними рухами. Останній міг підірвати концепцію “великої російської нації”⁵², яка свого часу прийшла до освічених людей імперії із “Синописом”, що практично до середини XIX ст. відігравав роль основного підручника з історії⁵³. Девід Сондерс зауважив роль Михайла Каткова, який через польське повстання різко змінив власну позицію – від співчуття українському рухові⁵⁴ до ототожнення його з

⁴⁸ Вульпіус Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906) // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 201.

⁴⁹ Томпсон Е. Трубадури імперії: Російська література і колоніалізм. – С. 27.

⁵⁰ Вульпіус Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906). – С. 200.

⁵¹ Міллер А. Империя Романовых и национализм. – С. 87–88.

⁵² Remi J. The Valuev Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice. – P. 87–88.

⁵³ Міллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С. 32. Концепція про початок російської історії з київської доби та про існування спільної культури в межах імперії була збагачена Миколою Карамзіним; її підтримали Микола Полевой, Микола Устрялов, Михайло Погодін, Іван Кайданов, Сергій Соловійов, Василь Ключевський та інші історики.

⁵⁴ Михайло Катков друкував у своєму московському видавництві українські книжки, зокрема “Українську граматку” Іллі Деркача (М., 1861), а також опублікував

польським. Своїми статтями він намагався скомпрометувати чи не найпопулярнішого в російському суспільстві історика Миколу Костомарова, автора “Двох русских народностей” та творця української тогочасної ідеї. Він критикував його версію двох народностей і заявив, що українці і росіяни – це один народ, і мова у них одна, а відмінності пояснюються лише місцевими говірками⁵⁵. Михайло Катков висунув звинувачення й на адресу українофілів, що з “ничего” створили цілу літературну партію, “с небывалым малороссийским новосочиненным языком”, ставши заручниками польської інтриги. Він виступив проти прагнень українофілів надавати освіту українською мовою⁵⁶, конструюючи власний проект російської політичної нації та вважаючи, що саме російська мова сприяє її консолідації.

Місцева регіональна влада найпершою попередила українофілів про неможливість вести навчання в початкових школах Київського навчального округу мовою селян і міщан. Подібні намагання українофілів отримали загалом негативну оцінку, яку найвлучніше висловив київський генерал-губернатор М. М. Анненков. Він не сумнівався, як і той же Катков, що підліткам шкільного віку може бути незрозумілою російська мова, проте їм не слід викладати мовою, якою ті спілкуються вдома з батьками⁵⁷. Цьому посадовцю, що не знав і не хотів знати мови народу, яким управляв, було набагато легше надати питанню мовної асиміляції політичного характеру, аніж розбиратися в тонкощах шкільної освіти, а тим більше – відмінностях між українцями і росіянами. Відкинувши навіть посилення на уявну цивілізаційну місію Російської імперії, у березні 1863 р. він далекоглядно зауважив, що українофіли, “опираясь на отдельность языка, станут притязать на автономность Малороссии”⁵⁸. Його позиція не могла бути невідомою головному у Київському цензурному комітеті цензору О. О. Лазову, який в унісон з генерал-губернатором стверджував, що вживана “простонародьем” мова є такою, як і російська, незначні відмінності між ними пояснюються польськими впливами. Будь-які спроби її відокремити призведуть до того, що людність взагалі почне обходитися без загальноросійської мови⁵⁹.

в “Русском вестнике” “Отзыв из Киева” 21 особи з власною передмовою щодо позиції українофілів початку 1860-х років.

⁵⁵ *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr A. Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 / D. Saunders // Harvard Ukrainian Studies – Vol. XVII, no. 3/4. – December 1993 – P. 365–384.*

⁵⁶ *Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. – М., 1887. – Вып. 1. – С. 276; Его же. Собрание передовых статей “Московских ведомостей”: 1866. – М., 1897. – С. 154.*

⁵⁷ Про те, що українськомовній дитині було важко зрозуміти російську мову, писав у своїх спогадах І. С. Нечуй-Левицький, і на це звернув увагу Сергій Єкельчик (*Єкельчик С. Українофіли: світ українських патріотів другої половини XIX століття. – С. 95*).

⁵⁸ Цит. за: *Савченко Ф. Заборона українства. – Харків; Київ, 1930. – С. 192.*

⁵⁹ Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття // *Яременко В. В. “...Літератури дивна течія...”*. – К., 2011. – Т. 2. – С. 330.

Позицію Михайла Каткова підтримала російська православна церква. Обер-прокурор Святішого Синоду О. П. Ахматов намагався глибше розібратися в цій ситуації. Він заперечував не стільки впровадження розмовної народної мови у шкільництво, як спробу на її основі створити нову “малорусскую літературу”. Мовляв, таке патріотичне прагнення можна було б зрозуміти, якби за виокремленням літератури не настало політичне відокремлення. Він був переконаний, що українців підштовхували до творення художньої літератури поляки, які самі прагнули до того, щоб нав’язати селянам “малорусское наречие”, а “общерусский язык” дітям малоросіян такий же зрозумілий, як і дітям великоросіян, і перші ніколи не відмовляться від російських і церковнослов’янських книг. О. П. Ахматову, можливо, як нікому з міністрів, було зрозуміло, що до творення розвиненої російської мови чималих зусиль доклали українці. Він відчув, що верховна влада позбувається давньої малоросійської лояльності, а тому апелював до пам’яті українців, яку тепер українофіли нібито ображають, прагнучи створити окрему літературну мову⁶⁰. Його позиція не співпала з позицією міністра народної освіти О. В. Головніна, який не підтримав заборону видання Святого Письма українською мовою, вважаючи, що не мова, а зміст написаного має слугувати критерієм заборони і що не варто в такий спосіб знижувати значення релігійності в житті місцевого люду. Водночас позицію переслідування зайняв і М. В. Мезенцев, начальник штабу корпусу жандармів, який, до того ж, вважав за необхідне звільнити з посад педагогів найактивніших українофілів.

Загострення мовного питання у 1863 р. пояснювалось тим, що російська влада і громадська думка загалом були стурбовані наростанням польських маніфестацій, зокрема в Києві, як і самим повстанням, та боялась чогось подібного з боку українців. Зрештою, недалекоглядно вдалися до заборон, недооцінюючи цілий етап розвитку української літературної мови, яка вже мала в своєму доробку творчість І. П. Котляревського, Г. Ф. Квітки-Основ’яненка, Є. П. Гребінки, Л. І. Глібова та інших, і тим більше – Т. Г. Шевченка. Створений ними за майже півстоліття сегмент українського літературного слова був чималим і настільки значним, що твердити про відсутність мови було великою неправдою. Між тим, прихильники заборон спиралися на панівну тогочасну наукову концепцію, згідно з якою росіяни й українці здавна користувались однією й тією самою мовою, мали спільну віру і спільне історичне минуле. Міністр внутрішніх справ П. О. Валуєв заговорив в унісон з регіональною владою, церквою і впливовою журналістикою.

Не викликає сумнівів, що незаконність заборони, яка впроваджувалася не імператорським указом, а міністерським розпорядженням, визнавали всі учасники українофільського руху, однак можливостей і спроб висловитися вони мали небагато. Найбільш відомою була позиція з цього приводу Миколи Костомарова, який одразу звернувся з проханням про аудієнцію до міністра внутрішніх справ, вказуючи на помилковість ототожнення видання українських книжок із сепаратизмом. Виступив історик і проти того ж Михайла Каткова,

⁶⁰ Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття. – С. 343.

який вважав, що мова 11-ти мільйонів українців є такою самою, як і російська. Між тим, звернення професора перестали друкувати газети, хоча його пояснення були цілком вмотивовані. Він, зокрема, заперечував твердження, що малоросійська народність не має власної літератури. Історик наполегливо доводив, що книжки українською мовою виходили з дозволу цензури, а також стверджував, що існує велика різниця для розуміння, а отже – і для освіти, між текстами російською і українською мовами. Але, позбавлений права бути опублікованим Костомаров, схоже, припинив нерівну боротьбу⁶¹. Щоправда, на початку 1880-х років він знову спробував виступати у пресі, цього разу – із спростуванням недостовірних тверджень про відсутність заборон щодо українського слова⁶².

Тож, заборонними заходами проти української мови верховна влада переслідувала важливу для себе мету – не дати їй можливості стати основним елементом при творенні української ідентичності.

Інтелектуалізація мови: від розмовної до текстів книжок та маркера етнічної єдності українських земель

Емський указ в своїй основі спирався на факти та мотивацію доповідних записок голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича, який тепер перебрав на себе роль М. Н. Каткова, що певною мірою спричинив появу Валуєвського розпорядження. Юзефович зумів переконати центр, що місцеві українофіли у прагненні дослідити історію свого краю переслідують політичний сепаратизм, який є наслідком тепер уже австро-польської інтриги. За прагненням відшукати ініціатора діяльності українофілів, а не звинувачувати їх самих, приховувалося звичайнісіньке “доносительство”, а не достовірна інформація щодо трактування їхніх намірів. Юзефович творив нові міфи, яких на той час потребувала імперія, у т. ч. найголовніший: серед народів, віднесених ним до одного “русского племени”, ніколи не було національної ворожнечі, Малоросія завжди прагнула до возз’єднання з великою Росією, а вчинок гетьмана Івана Мазепи – це лише приклад історичного парадоксу. Культивування мови, на думку Юзефовича, відділяє малоросів від великоросійського “племени”, тим самим підриваючи єдність та цілісність і держави, і народу. Таким чином було піднято на щит ідею великої Росії, під якою малася на увазі, скоріше, не вся імперія, а лише її центр у складі Центральної Росії, України і Білорусії, що визначалося як “единое политическое тело”.

У цій пряолінійній концепції, замішаній на некоректно підібраних фактах, не могло, звичайно, знайтися місця для малоросійської літератури, а тим

⁶¹ *Saunders D.* Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr A. Valuev’s Anti-Ukrainian Edict of 1863. – P. 375–376; *Костомаров Н.* Малорусское слово // Вестник Европы. – 1881. – Кн. 1. – С. 402.

⁶² *Костомаров Н.* По вопросу о малорусском слове // Вестник Европы. – 1881. – Кн. 3. – С. 359–365. *Его же.* Еще по поводу малорусского слова // Там же. – Кн. 4. – С. 764–770 та ін.

більше – мови. Її просто не було в минулому, бо навіть не могло бути. І лише зараз ту мову й літературу починають творити українофіли, та й то не самі від себе, бо в них немає жодних підстав бути незадоволеними перебуванням у складі Росії. Обурювало М. В. Юзефовича й те, що для поширення освіти українофіли використовують просту народну, а не великоросійську мову. Більше того, вони підносять її до літературного рівня й для цього вдаються до перевидання М. В. Гоголя українською із заміною в тексті “русский” на “украинский”, а також перекладають українською іноземних та російських авторів. До того ж, українофіли вдаються до поширення серед різних прошарків суспільства українських книжок. Цю діяльність Юзефович пропонував кваліфікувати як неблагонадійну в політичному відношенні, незважаючи навіть на те, що видання з’явилися цілком легально, з дозволу цензури, хоча, на його думку, їй не завжди можна довіряти. Напевно, тут Юзефович мав рацію, бо, як з’ясував пізніше Йоганес Ремі, київський окремий цензор Ілля Пузиревський, наприклад, за хабарі дозволяв друк українських книжок. І впродовж 1874–1876 рр. лише в Києві було видрукувано 63 україномовні видання, тоді як згідно з Валувєвським розпорядженням вони не повинні були побачити світ⁶³.

Цензурне відомство також розцінило літературну діяльність українофілів не як природний процес, а як намагання відокремитися від великоросійської літератури, тобто замах на державну єдність, а тому Емський указ став ще суворішим порівняно до Валувєвського розпорядження. Урядова нарада, спеціально скликана Олександром II, куди було запрошено М. В. Юзефовича, а не генерал-губернатора, дійшла висновку, що людей в політичному відношенні ніщо так не об’єднує, як єдність мови і літератури. А тому дозволити українську літературу, базовану на народній мові, означало б провокувати в майбутньому відчуження України від Росії. Висновки зазначеної урядової наради лягли в основу Емського указу, схваленого імператором. Обґрунтування необхідності заборонних заходів щодо української мови базувалося на маніпулюванні фактами, за якими, зокрема, Малоросія завжди прагнула “возз’єднатися” з Росією. Знову стверджувалося, що спроби відродити національну малоросійську літературу є помилкою, бо такої в історії ніколи не існувало. Наголошувалося, що її придумано Пантелеймоном Кулішем не без впливу Міхала Грабовського, аби надати ідеї малоросійської самобутності більшої виразності⁶⁴. Саме задля підтвердження літературної окремішності українофіли звертаються до поезії Тараса Шевченка, з цієї ж метою почали видання двомовного журналу “Основа”. Більше того, вони заходилися впроваджувати навчання “мовою” в народних школах. У Києві з’явилась українська книгарня, й набули популярності переклади з російської мови на українську. Як це, так і інше веде до створення нової літературної мови. Ішлося й про появу перекладів з російської художньої літератури на українську, а також підручників та посібників, як і духовної лі-

⁶³ *Remi J.* The Valuev Circular and Censorship of Ukrainian Publications in the Russian Empire (1863–1876): Intention and Practice. – P. 107.

⁶⁴ [Науменко В.] До історії указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Кн. 5. – С. 138–139.

тератури, написаних українською мовою. Їхнє поширення відбувалося набагато швидше, ніж раніше, що пояснюється збільшенням кількості друкарень та накладів періодичних видань, а також розширенням залізничного сполучення, тобто створенням масового ринку видань. Як результат – відбувається формування того культурного простору, до якого прагнули залучитися й залучалися все більше людей не лише з губернських, а й повітових центрів. У переліку звинувачень на адресу українофілів ішлося й про те, що в їхніх програмах про збір етнографічного матеріалу поруч з відомостями про звичаї й обрядовість згадувалася й мова, якою люди повсякчас користуються⁶⁵.

Оскільки Михайло Юзефович звинуватив (Південно-Західний) Київський відділ Російського географічного товариства (РГТ) за внесення питання про українську мову в проект одноденного перепису киян та за дискусію, що тривала при обговоренні на III Археологічному з'їзді реферату професора Ореста Міллера про спорідненість малоросійських дум і російських *билин*, також у відкритті у Києві української книгарні, то Емський указ припиняв діяльність Відділу, як і газети “Киевский телеграф”.

Активізація громадськості, спричинена діяльністю Київського відділу РГТ, підштовхнула університетських інтелектуалів до з'ясування питання про можливості функціонування української мови, цього разу – у площині обслуговування науки і вищої освіти. Чи не піонером цієї проблеми був Ізмаїл Срезневський, який у “Взгляде на памятники украинской народной словесности” ще 1834 р. вказав на можливості її використання не лише в літературі, а й у науці⁶⁶. Його підтримав Микола Костомаров, але через переслідування історика за участь у Кирило-Мефодіївському братстві у 1840-х, через Валуєвське розпорядження – у 1860-х та Емський указ – у 1870-х роках проблема так і не дістала концептуального спрямування. Наприкінці XIX ст. це питання знову набуло актуальності, що засвідчив, зокрема, XI Археологічний з'їзд, який проходив у Києві 1899 р. До нього активно готувалася київська наукова громадськість. “Киевская старина” у лютому 1897 р. відкрила рубрику “К XI Археологическому съезду в Киеве”, де друкувалися матеріали про хід підготовчих робіт. Серед учасників з'їзду, а їх було 471, були делегати ще III з'їзду, який відбувся у Києві 1874 р., зокрема В. Б. Антонович, В. С. Іконников, П. О. Лошкар'єв, П. Г. Житецький, Д. Я. Самоквасов, Д. І. Іловайський, М. І. Петров, Ф. Т. Міщенко та ін. На з'їзд прибули вчені з різних міст: Праги, Будапешта, Софії, Кракова, Відня, Парижа, Сараєва, Вашингтона, Кенігсберга. Серед запроше-

⁶⁵ Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. – С. 40.

⁶⁶ Сарбей В. Г. Етапи формування української національної самосвідомості (кінець XVIII – початок XX ст.) // Український історичний журнал. – 1993. – № 7–8. – С. 8. Ізмаїл Срезневський, на той час викладач Харківського університету, писав у статті “Взгляд на памятники украинской народной словесности” (1834), що українська мова “одна з найбагатших слов'янських мов, що вона навряд чи поступиться, наприклад, богемській щодо багатства слів і виразів, польській – мальовничості, сербській – приємності, що ця мова, будучи ще необробленою, може вже рівнятися з мовами культурними щодо гнучкості й багатства синтаксичного – це мова поетична, музикальна, живописна”.

них були й члени львівського Наукового товариства ім. Шевченка, котрі мали 23 наукові доповіді (у тому числі – Михайло Грушевський, Філарет Колесса, Кирило Студинський). Вони запропонували розширити кількість робочих мов з'їзду, додавши до них “україно-руську”. Проти такої пропозиції організаторів з'їзду Московський комітет не заперечував, однак, на подив учасників, ректор Університету св. Володимира Ф. Я. Фортинський і голова з'їзду Т. Д. Флоринський заборонили виголошувати доповіді українською мовою. Цей інцидент спровокував серйозну академічну дискусію про походження української мови, її відмінності від російської та інших слов'янських мов. Ординарний професор (з 1888 р.) і декан історико-філологічного факультету Університету св. Володимира Тимофій Флоринський дискутував з Костем Михальчуком і Володимиром Науменком з питання визначальної ролі мови у формуванні будь-якого етносу.

Професор Флоринський намагався довести, що малоросійське наріччя, а також білоруське та великоруське, є народними розмовними мовами, належать до однієї російської діалектної групи й входять до складу загальноросійської літературної мови, а тому немає необхідності надавати їм значення окремої літературної мови. Для обґрунтування власних висновків він спирався на етнографію, яка, навіть засвідчуючи чималу низку відмінностей українського етносу від російського, все одно не дозволяє відокремити малоросів від росіян. Однією з причин несамостійності української нації він вважав відсутність у неї літературної мови, на якій можна було б формувати власну багату культуру та збагачувати світову науку. Натомість російська мова стала мовою науки, літератури, вищої освіти, і в її творенні взяли участь усі гілки російської народності. Йому здавалися непотрібними, а то й шкідливими цілеспрямовані заходи щодо створення української мови шляхом перекладів творів з інших мов, забезпечення її фонетичного правопису замість етимологічного, вже не кажучи про спроби надати мові право функціонувати в науці й вищій освіті. Він не вірив у її здатність виконувати роль, подібну до ролі російської літератури⁶⁷. Водночас Кость Михальчук як дослідник української діалектології, що вперше систематично описав українські діалекти на основі порівняльних матеріалів, одержаних після обстеження українських говірок за єдиною програмою, визначив автохтонність південно-давньоруського населення. Спираючись на власні наукові здобутки, він зрозумілою для широкого загалу мовою обґрунтував наддіалектний характер літературної мови, що дозволяло стверджувати право української мови і культури на безперешкодний самостійний розвиток.

Цю думку розвинув Олексій Міллер, який наголосив: літературна мова, що спирається на міцний фундамент народної говірки, набирає символічної, національно-репрезентативної ролі⁶⁸ і здатна конкурувати з російською. До того ж, саме вона виявилась маркером, що допоможе з'ясувати етнічні межі про-

⁶⁷ *Флоринский Т.* Малорусский язык и “украинско-русский” литературный сепаратизм. – СПб., 1900. – С. 8–9, 49, 68.

⁶⁸ *Миллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – С. 81.

живання українців. Першою це задекларувала “Основа”, яка почала активно вживати нову-стару назву етносу – *українці*, що поширювалася поруч з уже звичними назвами – *малороссы, южнорусские, русские* і т. п.⁶⁹. Згодом член Київської старої громади Кость Михальчук підтвердив цю тезу, підготувавши праці з діалектології.

Сумніви у легітимності заборон української мови

Висновки урядової комісії Олександр II схвалив і заборонив сфери, де українська мова ще могла функціонувати як літературна, зокрема: в художніх і музичних творах, у перекладах з інших мов, на сцені. Дозволялося вживати українську мову при виданні документів як історичних пам’яток, проте на основі російського правопису⁷⁰. Вже у цій поправці сучасники запримітили надуманість Емського указу, при ухваленні якого політичні моменти перепліталися з особистими. У такий спосіб Юзефович корисливо розправлявся з молодими українофілами, які обійшли його в організації місцевого відділу Російського географічного товариства⁷¹. Його обмовка про видання історичних документів і літературних пам’яток, написаних мовою, яку позбавляли життя, не зайве легітимізувало її давнє походження, а отже, й право на існування⁷². Не менш вразливою виявилась і вимога дотримуватися російського правопису, якої практично не можна було виконати, з огляду на невідповідність звуків і літер обох мов⁷³.

Через чверть століття генерал та історик К. А. Воєнський, аналізуючи тогочасну ситуацію, дійшов висновку, що урядовці поспішно врахували лише точку зору Юзефовича, не взявши до уваги любов малоросів до батьківщини, заборонити яку було все одно, що відмовитися користуватися сірниками, аби вберегтися від пожежі. Адже існують, не загрожуючи Росії, польська, грузинська, вірменська чи латиська мови, зауважував він риторично⁷⁴.

⁶⁹ *Котенко А. Л.* До питання про творення українського національного простору в журналі “Основа” // Український історичний журнал. – 2012. – № 2. – С. 56. Автор доказово стверджує, що хоча в “Основі” не було вміщено жодного графічного зображення української національної території, проте за допомогою мови, історії, звичаїв, одягу людності, вона набувала чіткого просторового окреслення.

⁷⁰ [Науменко В.] До історії указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Кн. 5. – С. 149.

⁷¹ Ідея заснування відділення була висловлена ще 1866 р. на сторінках “Киевлянина” М. Юзефовичем, В. Шультінім, П. Чубинським та ін. докладно див.: *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. – С. 61, 63, 72.

⁷² Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. 23, 24.

⁷³ Цей своєрідний правопис отримав жартівливо-зневажливу назву: ярижка. До створення кулішівки ярижку змушені були використовувати багато українських письменників.

⁷⁴ Историческая записка К. А. Военского по вопросу об ограничительных распоряжениях, касающихся малорусской письменности // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. 88.

Емський указ і Валуєвське розпорядження, не набули чинності закону, не були опубліковані для широкого загалу, а поширювались як відомчі акти Міністерства внутрішніх справ, що також характеризує Російську державу як самодержавну імперію, яка в питаннях національної ідентичності, не потребує легітимізації своїх дій, вчиняла позазаконний примус. Така форма правового регулювання додавала Російській імперії впевненості в собі, в непорушності її державного устрою і кордонів. З іншого боку, саме через це будь-яке розпорядження місцевої влади на виконання указу сприймалось як незаконне, яке можна було й не виконувати. Водночас різні за чином і посадою чиновники додавали власних тлумачень зазначеному документу, як правило, посилюючи вказівки верховної влади. Цю ситуацію проаналізував знаний історик-архівіст Володимир Міяковський, згадавши про митарства композитора й активного члена Київської старої громади Миколи Лисенка, які той виклав у доповідній записці на ім'я генерал-губернатора краю М. І. Черткова, а той, своєю чергою, – начальникові Головного управління у справах друку П. П. В'яземському. До цього можна додати й інший аспект: з посиланням на Емський указ, заборонялося друкувати не лише книжки, а й навіть портрети українських письменників та історичних діячів, як це було зроблено з підготовленим 1880 р. до видання альбомом Піскунова⁷⁵.

1881 рік позначений певною міткою в історії української мови, як рік, коли заборонні акти, прийняті в обхід регіональної влади, викликали певні непорозуміння між генерал-губернаторами і Петербургом. Їм, представникам верховної влади на місцях, було важко управляти, не маючи підтримки значної частини еліти, до останнього часу – переважно законслухняної, без нахилу до радикалізму. О. М. Дондуков-Корсаков був переконаний, що указ виявився надто суворим, до того ж, його прийняли без погодження з місцевою владою, і він лише провокує роздратування серед інтелігенції й відштовхує навіть тих українців, хто є прибічником єдності з Росією. М. І. Чертков, ідучи далі, запропонував поставити українську літературу в однакові цензурні умови з російською⁷⁶. На позицію Черткова певною мірою справив вплив І. Я. Рудченко, який, перебуваючи на службі в канцелярії генерал-губернатора і використовуючи свою близькість до цього високого сановника, доводив, що Емський указ 1876 р. шкідливий не лише для українства, а найперше – для російської влади, оскільки через нього вона втрачає авторитет серед лояльних підданих. Він підготував текст урядового звернення про можливість відміни Емського указу, відомого як меморандум Черткова–Рудченка. Завдяки доповідній записці “Винувато ли малорусское слово (по поводу 1876 г., воспрещавшего печатание помалорусски книг)” М. І. Чертков переконав уряд обмежити чинність указу про заборону друкувати літературу українською мовою. Ініційоване генерал-губернаторами та підтримане П. П. В'яземським, який навіть обіймаючи високу по-

⁷⁵ ЦДІАК України, ф. 442, оп. 593, спр. 59, арк. 1–5; див. док. № 92.

⁷⁶ Историческая записка К. А. Военского по вопросу об ограничительных распоряжениях, касающихся малорусской письменности // Об отмене стесненной малорусского печатного слова. – С. 87.

саду, залишався діючим літератором, українське питання знову було винесене для обговорення на урядовій нараді⁷⁷.

Міркування генерал-губернаторів видалися Олександрю II доволі слушними, однак не спричинили до радикального перегляду заборон. Щоправда у Петербурзі було скликано Особливу нараду, яка дещо пом'якшила заборонні статті, дозволивши друкувати українські словники за загальноросійським правописом, а місцевій владі було надане право дозволяти постановку малоросійських п'єс і вистав. Через три роки останнє рішення було доповнене розпорядженням, згідно з яким репертуар українських театральних труп передбачав присутність російськомовних спектаклів⁷⁸. Проте вже кількома роками пізніше, 1892 р., були заборонені переклади з російської мови на українську, а 1895 р. – видання українськомовних дитячих книжок.

Шлях відвойовування українською мовою свого простору був складним, бо імперія розцінювала будь-який крок у цьому напрямі як прояв політичного сепаратизму. Окрім згаданих можна додати ще один, пов'язаний з діяльністю земств, які, виконуючи урядову програму надання соціальних послуг, чутливо реагували на потреби освіти. Земські діячі, як правило, розуміли, що освіта повинна надаватися тією мовою, якою володіли з народження селянські та міщанські діти. Російська, як зауважили, наприклад, у Чернігівському земстві, виявилася складною для навчання дітей, а тому вони активно намагалися запровадити в початкових школах викладання українською мовою. Починаючи від 1880 р. за запровадження навчання українською мовою висловилися також губернські Полтавське і Херсонське земства. Їх підтримали повітові земські зібрання, Полтавська й Одеська міські думи, а також сільськогосподарські комітети, товариства грамотності та різні відомчі з'їзди, що скликалися земствами.

Як вимоги українських земств, так і наукова дискусія змушували уряд визнати, що діючі на початок ХХ ст. обмеження сфер функціонування української мови вступають у суперечність із загальним курсом лібералізації. Доводилося зважати на те, що українофільський рух уже не становить небезпеки, а от заборони щодо української книжки перешкоджають поширенню серед селянства практичних знань і заважають долати його низький культурний рівень. Те, про що українофіли попереджали ще у 1860-х рр., стало реальністю для влади лише 1904 р., і вона вирішила проконсультуватися з фахівцями Петербурзької академії наук. Заходи, пов'язані з переглядом обмежувального законодавства про вживання української мови, які розпочалися внаслідок указу Миколи II від 12 грудня 1904 р., слід розглянути окремо⁷⁹. Восьмий пункт височайшого указу

⁷⁷ Міяковський В. Ювілей цензурного акту 1876 року. – К., 1926. – С. 8.

⁷⁸ Подібна ситуація спостерігалась хоча й пізніше і з латиськими й естонськими спектаклями. Так, 1908 р. драматична цензура дала дозвіл на постановку по одній п'єсі латиською й естонською мовами і шести п'єс – російською (Правительственный вестник. – 22 июня 1908. – № 136.

⁷⁹ Про серйозність намірів верховної влади свідчить назва цього іменного указу: “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” // ПСЗ. – 3-е собр. – Т. 24: 1904. – Отд. 1. – СПб., 1907. – № 25495; див. док. № 222.

вимагав відмовитися від надмірних утисків у сфері друкованого слова. Тоді Комітет міністрів у пошуках засобів його виконання зобов'язав Академію наук, Київський і Харківський університети запропонувати своє бачення виходу із ситуації, попередивши, що не слід торкатися питання шкільної освіти.

Професура Харківського університету констатувала, що українська мова, попри заборони, розвивалася, що засвідчили, зокрема, вихід значущих літературних творів, поява у другій половині XIX ст. цілої плеяди талановитих літераторів. Верховній владі рекомендувалося визнати існування мови, попри її незаконні заборони. Комісія Університету св. Володимира також зауважила, що відбулося зміщення понять *мови й змісту* друкованих видань. Ніхто з її членів не сумнівався не лише в існуванні української мови, а й у тому, що заборонні заходи не сприяють доланню сепаратизму, а засвідчують насамперед незнання верховною владою умов народного життя, більше того – про відсутність у державі соціальної справедливості. Визнавалося, що мова – це чи не єдиний спадок, що залишився в малоросійській самобутності. Таким чином, київські професори надзвичайно гостро поставили питання про завдання держави в цій сфері та про те, що її власна користь не може вимірюватися насильницьким нівелюванням потреб громадян. Вказувалося також на можливість існування українськомовних Святого Письма, наукової та публіцистичної літератури⁸⁰. Як харківська, так і київська професура наголосили: громадська думка щодо сфери вживання української мови впродовж кількох десятиліть значно змінилася, інтелігенція не поділяє урядової політики з даного питання.

Спеціально для цієї комісії Петро Стебницький підготував “Очерк развития действующего цензурного режима в отношении малорусской письменности”, в якому детально обґрунтував, чому центр, починаючи з 1847 р., вдався до заборон – саме тоді ідеї свободи і рівності народів були сформульовані українською мовою. Громадська діячка і педагог Софія Русова написала науковий реферат, в якому, оперуючи даними військового відомства та земською статистикою, довела, що найнижчий рівень освіти в імперії мали новобранці з українських губерній. Як і те, що українські селяни не читають книжок російською мовою, бо вона для них не завжди зрозуміла, і водночас охоче читають україномовні брошури про сільське господарство, однак таких мало. На прикладі ілюстрацій з життя авторка стверджувала, що відчуження селянства від мови й культури породжує в ньому апатію, зневагу до своєї праці і свого середовища, штовхає його на пошук шляхів залишити село, що, зрештою, перетворює селянина на ізгоя. Те саме, на її переконання, відбувається і в сфері духовного життя, коли селянин не розуміє змісту Святого Письма і відвідує церкву, не переймаючися мораллю вчення святих отців і словом Божим. Цензурні ж заборони постійно паралізують дії малоросійської інтелігенції, яка прагне допомогти своєму 26-мільйонному народу вибратися з невігластва⁸¹.

⁸⁰ Доповідь особливої комісії з членів ради Університету св. Володимира, див. док. № 233.

⁸¹ Русова С. О необхідности малорусских книг для поднятия умственного развития малорусского народа // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. 52.

Ці ідеї підтримав і Володимир Науменко, який загальнокультурний розвиток селянства безпосередньо пов'язував з його освітою⁸², та Марко Кропивницький, що надіслав доповідну записку з даного питання голові Комітету міністрів С. Ю. Вігге⁸³.

Олександр Русов намагався з'ясувати походження терміна “українофільство” та встановити, чому і коли воно стало жупелом для російської влади й громадськості, зауваживши при цьому, що прихильники й учасники цього руху ніколи не виявляли шовінізму відносно інших народів Російської імперії, а лише демонстрували любов до батьківщини та її мови, яка існує, бо існує носій цієї мови – народ⁸⁴. Олександр Лотоцький також відгукнувся, аби переконати уряд у тому, що українська література існує і у своєму розвитку вона проходить ті ж етапи, що й європейська. Він детально з'ясував, чому українське літературне і наукове життя перемістилося в Галичину та яких форм і напрямів воно набуло там, зауваживши: внаслідок цього відбувається динамічне творення української нації⁸⁵. Петро Саладилов запропонував урядовій комісії і своє бачення проблеми. Якщо всі літературні твори оцінюються в імперії, як правило, з точки зору змісту, наголошував він, то у випадку з українськими – з огляду на мову написання. Йому важко було зрозуміти, чому Південна Русь, добровільно приєднавшись до Північної Русі, не маючи жодних особливих прагнень щодо політичного устрою, потерпає від заборон своєї мови. Він згадав і про наслідки такої недалекогоглядної політики, зокрема про поширення штундизму, яке він пояснював відсутністю книжок Святого Письма зрозумілою українцям мовою та складністю засвоєння ними елементарних знань по-російськи. Глибоку іронію з цього приводу він висловив сентенцією: хай краще низька землеробська культура призведе до голоду, ніж з'явиться книжка українською мовою з рекомендаціями, як поліпшити ґрунти та як забезпечити сівообіг; хай краще український люд переймається революційними ідеями з-за кордону, ніж читає лояльні до влади книжки українською⁸⁶.

Зрештою, соціальне середовище почало диктувати верховній владі свої правила. Особисті звернення були підтримані громадськими, серед яких вирізняється доповідна записка української громади в Одесі, що вимагала, спираючись на державні закони і на християнське вчення, повернути українському народові його право на рідну мову⁸⁷. При цьому їхні автори були сповнені переконання, що лише українці, не будучи ні іновірцями, ні іногородцями, терплять приниження власної національної гідності. Як і те, що заборонні заходи не принесли бажаних результатів. Попри все, українська літературна мова роз-

⁸² Сообщение В. П. Науменко // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. 80–82.

⁸³ Див. док. № 224.

⁸⁴ Русов А. Украинофильство // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. 59.

⁸⁵ Лотоцкий А. Краткий обзор литературного движения в России и за границей // Там же. – С. 60–72.

⁸⁶ Сообщение П. М. Саладилова // Там же. – С. 73–74.

⁸⁷ Див. док. № 226.

вивається, утвердилась і стала успішною, що свідчить про її життєздатність, а відтак – і про життєспроможність нації, і відповідно – її право на існування.

На основі аналізу отриманих пропозицій урядова комісія підготувала доповідь, у якій виклала проблему досить глибоко і виважено, намагаючись зрозуміти, яку роль відіграє мова у формуванні народності й держави. Було визнано існування окремої південної літературної (книжної) мови з XIV ст., як і її функціонування в канцелярії Великого князівства Литовського, простежено історичні умови, що спричинили появу і великоросійської, і малоросійської мов. У XVII ст. книжну мову засвоїла Москва, куди її занесли вчені-богослови з Гетьманщини. Зі створенням Російської імперії нова великоросійська мова, ставши мовою державного управління, а згодом і освіти, почала витіснити книжну малоросійську. Там же, у доповіді, було названо коло українських письменників першої половини XIX ст., які використали народну мову в своїх літературних творах, написаних уже новою українською мовою, продемонструвавши великоросійській літературі приклад послідовної демократичності: мова народу заслуговує на уважне і шанобливе ставлення. Досить оригінально з'ясовано чинники, що вплинули на появу Валуєвського розпорядження, зокрема вказано на конфлікт між місцевими релігійними та етнокультурними групами – поляками, українцями, росіянами, євреями – з приводу мови, якою мала б здійснюватись освіта селян і міщан після ліквідації кріпацтва.

У 1905 р. стало зрозуміло, що тоді це заборонне рішення принесло небажані результати, оскільки освічені українці своє право на мову й культуру реалізували на теренах іншої держави, конституційної Австрії, що завдало шкоди міжнародному авторитетові Росії. Академія наук назвала Валуєвську заборону помилкою, яку верховна влада не зуміла виправити, навіть більше – почала її посилювати. Було визнано, що височайші повеління 18 (30) травня 1876 р. і 8 жовтня 1881 р. спрямовувались на переслідування українофільського руху, який прагнув через літературу досягти політичного відокремлення Малоросії.

Зрештою Академія наук прийшла до висновку, що держава у посяганні на елементарне громадянське право – говорити рідною мовою, мати власну літературу – викликає неповагу до себе та свідчить про незнання державними мужами української історії. Тоді ж Академія наук уперше визнала, що заборонні розпорядження не були оформлені належним чином з точки зору законодавства, що провокувало різні форми протесту. Було зроблено висновок: “Малоросійське населення повинне мати таке саме право як і великоросійське говорити публічно і друкувати рідною своєю мовою”⁸⁸, необхідно скасувати розпорядження 1863, 1876 і 1881 рр. Такі висновки Академія наук обґрунтувала й соціальною проблемою. Внаслідок заборон, через неможливість для народу розвиватися на основі власної мови лишається низьким загальний культурний рівень українського населення. І, все ж, незважаючи на загальногромадське обговорення та засудження науковцями та громадськістю заборонних заходів, імперський уряд не поспішав остаточно вирішувати питання щодо сфери функціонування української мови. Втрачали чинність розпорядження та укази 1863,

⁸⁸ Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – С. III, 22.

1876 і 1881 рр., що означало відміну заборон на видання книг українською мовою. Водночас російська мова залишалася державною, а тому українська не запроваджувалась в адміністративних установах, як і в суді, а також у сфері освіти, що було зафіксовано Основними законами 1906 р.⁸⁹

Вимоги щодо викладання українською мовою та її вивчення у школі

Ще один з етапів, який сучасний німецький історик Рікарда Вульпіус віднесла до четвертої фази, згідно з концепцією Мирослава Гроха, характеризується переміщенням мовного питання у сферу високої політики, оскільки впровадження мови у сферу шкільної освіти перевищує на порядок його повсякденну комунікацію⁹⁰. 37 депутатів Державної думи 1908 р. уклали законопроект про викладання української мови у школі та про її вивчення як окремого предмета⁹¹. Ці прагнення українська фракція першого і другого скликання Державної думи змогла реалізувати лише в Думі третього скликання. Законопроект з обґрунтуванням потреби запровадження української мови у початкових школах не відкидав обов'язкового вивчення російської мови як державної. Заяву супроводжувала ґрунтовна пояснювальна записка, в якій йшлося про низьку освіченість української людності, що пояснювалося початковою освітою нерідною мовою, а також про проблеми духовного розвитку українського населення. Наводилися міркування видатних педагогів про успіхи освіти, якщо та надається рідною мовою, адже не випадково вони вважали мову могутнім знаряддям загального культурного й економічного прогресу будь-якого народу. Рада міністрів передала законопроект на розгляд до Міністерства народної освіти, де його розглянув О. М. Шварц, який обіймав посаду міністра. Цьому посадовцю вдалося, обійшовши аргументи записки, зосередитися на питанні спільності загальноросійської народності, в якій українці не виступали особним народом. Його думку поділяла й комісія з народної освіти. Цей проект, як і щодо білоруської мови, запропонований наприкінці 1910 р., не був схвалений думською більшістю. У виступі І. В. Лучицького, депутата від Києва, аргументовано йшлося про дидактичну потребу вивчення української мови як рідної⁹². Його підтримали лише ліберал Павло Мілюков та священник з Поділля Макарій Сендерко. На проект про запровадження української мови в судочинстві очікувала така сама доля. Водночас право на вивчення рідної мови, нехай

⁸⁹ “...русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях”. Що ж до інших мов, то невиразно обумовлювалось, що “употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами” (ПСЗ. – 3-е собр. – Т. 25: 1905. – Отд. 1. – СПб., 1908. – № 27805).

⁹⁰ *Вульпіус Р.* Украинский язык и школьное обучение в позднеимперский период // *Ab Imperio.* – 2005. – № 2. – С. 325.

⁹¹ Див. док. №№ 248, 251.

⁹² Див. док. № 261.

і обмежене, отримали поляки, литовці, німці, татари, естонці, латиші, вірмени, чехи, грузини⁹³.

Питання про українську мову як предмет викладання обговорювалося також IV Думою, але тоді законопроект не набув права на формальну процедуру. Його проходженню зашкодив волинський вікарій Никон (Безносів), який проголосив його ініціаторів “приверженцями мазепинського движенья”⁹⁴.

Наступ на завоювання революції 1905–1907 рр. в національному питанні, зокрема, щодо права створювати громадські товариства та об’єднання, справляв вплив і на атмосферу ставлення до української мови, якою переважно й велася просвітня діяльність⁹⁵. 20 січня 1910 р. П. А. Столипін підписав циркуляр⁹⁶, призначений для губернаторів, згідно з яким мала бути припинена реєстрація “інородчеських”, у тому числі й українських національних, культурно-просвітницьких товариств як таких, що “мають на меті об’єднання інородчеських організацій на ґрунті винятково національних інтересів”, а тому становлять, на думку прем’єр-міністра, загрозу для громадської стабільності та державної безпеки. Згідно з циркуляром вирішувалося й питання про діяльність уже діючих товариств, значна частина яких, зокрема й київська “Просвіта”, були закриті. Підставою для появи циркуляра була складена у грудні 1909 р. київським окремим цензором з іноземної цензури С. Н. Щоголевім за політичної підтримки діячів “Киевского клуба русских националистов” та відправлена у січні 1910 р. до Петербурга київським губернатором О. Ф. Гірсом доповідна записка “О польских и малорусских просветительных обществах”. Попри катастрофічні наслідки для українських товариств, цей циркуляр став першим офіційним визнанням з боку вищої влади імперії окремішності української нації від російської. Циркуляр спростовував офіційну доктрину “о триединстве русского народа”. Напруження продовжувало наростати у зв’язку із заборонаю святкування 100-річчя від дня народження Тараса Шевченка.

* * *

Відстоювання мови українськими інтелектуалами і боротьба проти неї верховної влади Російської імперії, що набула заборонних форм, беззаперечно підтверджують її вирішальну роль у конструюванні національної ідентичності. Недаремно ж іще Йоган Гердер назвав фактор єдиної мови спілкування, як і осмислення спільної історичної традиції, серед вирішальних чинників формування самоусвідомлення, завдяки якій народ здатен піднятися зі стану вар-

⁹³ Садовский В. Украинский вопрос в Третьей думе // Украинская жизнь. – 1912. – Кн. 5. – С. 18, 21, 22.

⁹⁴ Вульпулс Р. Украинский язык и школьное обучение в позднеимперский период. – С. 329.

⁹⁵ У статуті, наприклад, київської “Просвіти” основна мета її діяльності визначалась як сприяння розвитку української культури, переважно, шляхом освіти українського народу його рідною мовою.

⁹⁶ Див. док. № 257.

варства⁹⁷. Західний романтизм з його культом почуттів і природи впливав на розуміння того, що якщо українці є окремим від росіян народом, то повинні мати й окрему мову як частину власної природи, і вона разом з його історією та традиціями легітимізувала б його право на національну самостійність. Імперська влада виходила з іншої позиції і, не сприймаючи модерну ідею нації, вважала, що українці не є самостійним народом, продовжувала твердити, що вони становлять лише окрему гілку російської народності, є її різновидом. Якщо спробувати чітко визначити чинники, що формували заборонну політику щодо української мови, то найбільш вагомою з них була рефлексія страху імперської влади, що творці української мови постійно підважують, а то й спростовують міф про спільну російську народність (“большую русскую нацию”), руйнуючи таким чином ядро держави. У своєму конструюванні української нації вони не тільки не спиралися на спільну російську літературну мову, а й відкидали її, вдаючися до своєрідного опору русифікації, а для цього піднесли народну мову до ступеня літературної української мови. Наслідки такої півстолітньої мовної політики, звичайно ж, загальмовували і спотворювали розвиток української мови і літератури, уповільнювали формування української нації, з одного боку, а з іншого – розширювали її географію, бо заборонна політика призвела до зміцнення спільної національної ідентичності українців двох імперій – Російської і Австрійської. А якщо дивитися на цю проблему ще ширше, то імперія з її інтенціями, сама того не усвідомлюючи, заборонаю мови намагалась усунути суперника з уявного поля її культури. Проте вона не досягла бажаного, а, навпаки, збільшила ряди її прихильників серед освічених українців, що особливо інтенсивно виявилось на початку ХХ ст. Російська мова, яка продовжувала посідати панівні позиції в державі, не позбавила українців їхньої ідентичності, і під впливом нової політичної ситуації, з рухом до незалежності та розбудови окремої держави вони швидко наворотилися до українства.

Валентина Шандра

⁹⁷ Гердер И. Идеи о философии истории человечества // Гердер И. Избранные сочинения. – М.; Л., 1959. – С. 228.

Українська мова в Росії XIX – початку XX ст.: шляхи утвердження

Дослідження мови, носії якої тривалий час не мали своєї державності, перебували в політичному й адміністративному підпорядкуванні інших держав, є надзвичайно складним, оскільки передбачає урахування багатьох факторів, що впливали на стан та функціонування мови як багатовимірного лінгвально-го й соціо-культурного феномену. Буття й іманентний розвиток мови можуть бути додатково ускладнені її цілеспрямованою міноритаризацією шляхом різноманітних обмежень і заборон владними структурами держави, до складу якої входить етномовна спільнота; до того ж ця держава має свою іншу мову, яка належить до кола її маркерів і символів. Саме так складалася доля української мови часу підпорядкування частини української етномовної території Російській імперії¹, коли мову багатомільйонного народу внаслідок ідеологічних маніпуляцій було поставлено поза законом, а спроби відстоювати право на її безперешкодне й повноформатне функціонування переслідувано. Непроста ситуація ускладнювалася тим, що носії української мови, насамперед найсвідоміша її частина – інтелігенція – нерідко була неоднозгідною, мала різні погляди, інколи неусталені й мінливі, на статус і роль української мови у суспільному й лінгвальному житті Росії, була долучена до розбудови не питомої, первинної мови свого рідного доквілля – української, а набутої – російської. За тогочасних суспільно-політичних умов російська мова вирізнялася з-поміж усіх мов Росії насамперед як престижна, офіційно підтримувана, що слугувала передумовою кар'єрного зростання російськомовних неофітів з кола українців чи інших неросіян. Цей тісний зв'язок з російською мовою, участь в її розбудові для одних українських інтелігентів був стимулом свідомого творення і рідної української мови, а для інших – поштовхом до внутрішнього гамування імпульсів українськості, зневіри у можливості повноцінного розвитку української мови, відродження української культури², виправданням бездіяльності чи й опозиційності щодо утвердження української ідеї.

¹ Андрусівський *Вічний мир* (6 травня 1686 р.) закріпив поділ України, створивши передумови для трансформації мовного життя українців.

² Нерідко самовіддана праця – укладання словників, граматики української мови, збирання й видання фольклору – супроводжувалася зневірою в майбутнє цієї мови та української культури, див.: *Огієнко І. (Митрополит Іларіон). Історія української літературної мови.* – К., 1995. – С. 133–134.

Перебіг подій, пов'язаних із цілеспрямованими кількасотлітніми заборонами та обмеженнями української мови в Росії до 1917 р. у науці є загальновідомими³, як і їх продовження – в оновлених формах та з іншими наслідками – в час перебування України в складі СРСР⁴. В останні роки відчутно зросла кількість аналітичних студій, передруків документів з історії заборон української мови в XIX ст. та за радянського часу. Однак при цьому помітне недостатнє оновлення кола залучуваних джерел, повторюваність фактографічної бази таких праць. І це при тому, що досі не опрацьовано багато архівів та рукописних фондів бібліотек, які стосуються цих подій та їх учасників; передумови, політичне тло виникнення указів і розпоряджень про обмеження функціонування української мови в Росії в XIX ст., реальний перебіг подій та їх деталі, як і ролі багатьох учасників тих подій, залишаються недостатньо дослідженими, що унеможлиблює цілісне відтворення цього етапу історії української мови і культури, опису соціальної історії та історії мови. Зосередження уваги на Валувєвському розпорядженні 1863 р. (без належної уваги до інших документів, давніших і пізніших, зокрема додатків і нових роз'яснень 1881 р. до Емського указу) мимоволі створює враження епізодичності чи випадковості протистояння носіїв ідеї безперешкодного функціонування української мови російським державникам і церкві. Насправді обмеження української мови були тривалими в часі й послідовними; короткочасні послаблення тиску на українське мовокористування змінювалися його посиленням, нерідко виводячи проблему за власне мовні береги.

З позиції Росії як централізованої держави будь-які ідеї, наміри чи дії, що могли загрожувати її територіальній цілості чи імперським амбіціям “третього Риму”, або ж ставили під сумнів домінування російської мови як єдиного й потужного засобу інтегрування різномовних народів імперії та мови російської православної церкви, визнавалися шкідливими, антидержавними, а тому підлягали забороні; на це була спрямована докладно опрацьована система законів, які легітимізували в тогочасному чинному правовому полі різноманітні форми переслідування й каральні заходи. Важливе значення відводилося ідеологічному обґрунтуванню заборонних актів, представленню російському соціумові вчинків влади як закономірних, ба більше – безальтернативних; стосовно української мови використовувалися кілька домінантних постулатів. Стверджувалося, що:

по-перше, український ідіом не є мовою, а становить наріччя (діалектну територіальну одміну) *руської мови*; тому питання про його дорівняння до ро-

³ Див: *Кубайчук В.* Хронологія мовних подій в Україні (зовнішня історія української мови). – К., 2004; низку цінних свідчень зібрано в: *Чайковський А. С., Щербак М. Г.* За законом і над законом. З історії адміністративних органів і поліцейсько-жандармської системи в Україні (IX – початок XX ст.). – К., 1996.

⁴ *Дзюба І. М.* Інтернаціоналізм чи русифікація. – К., 2005 (написано 1965 р.); *Смаль-Стоцький Р.* Українська мова в Советській Україні. – Нью-Йорк; Торонто; Сідней; Париж, 1969; *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. – Нью-Йорк: Сучасність, 1987; *Лесюк М.* Доля моєї мови. – Івано-Франківськ, 2004; *Українська мова у XX сторіччі: історія лінгвоциду /* За ред. Л. Т. Масенко. – К., 2005.

сійської мови (розвиток функцій – створення художньої літератури, освіта цим діалектом, переклади з інших мов) не мають під собою реального ґрунту;

по-друге, українська мова є надлишковою, оскільки церковне життя, державне управління, армія, освіта забезпечені російською мовою, яку до того ж добре розуміють українці й послуговуються нею безперешкодно;

по-третє, структурний потенціал мови українців є недостатнім для забезпечення потреб інтелектуальної, наукової діяльності та богослужби; непридатна ця мова і для художньої творчості та для перекладу з чужих мов; єдиною сферою її використання може залишатися родинне спілкування.

Спираючись на ці публіцистично загострені, проте довільні щодо відповідності науковій істині, положення, які залежно від ситуації набували варіантних вербальних форм, світська і церковна влада Росії вживали різноманітних заходів, спрямованих проти піднесення функціонального і соціального престижу української мови. Ці дії з боку Росії не були винаходом ХІХ ст.; не варто їх кваліфікувати як безпосередню відрухову відповідь уряду на польські визвольні кроки 1863 р. Стосовно різних аспектів суспільного, культурного (включно з мовним) буття українців у Росії з боку російського уряду усталився *політичний* дискурс оцінювання, що, зокрема, підтверджує традиція постійного контролю і заборон, пов'язаних із книжною справою в Україні, з функціонуванням української мови, її статусом і реальним станом.

Так, відомими своїми глибокими негативними наслідками є численні інвективи Росії ХVІІ–ХVІІІ ст., якими заборонялося Києво-Печерській лаврі видавати богослужбові книги без попереднього узгодження з московським патріархом (1689, 1690, 1692), а на низку видань (книги Петра Могили, Кирила Ставровського, Іоанікія Галятівського, Сильвестра Косова, Лазаря Барановича та ін.) накладено “*прокляття й анафему*” (1690); згодом в *Малоросії* заборонено друкування будь-яких книг, окрім церковних, стосовно яких залишалася суворою вимога мовної ідентичності друкованим у Росії виданням (1720); у 1721 р. запроваджено мовну цензуру – приведення мови будь-яких українських видань у відповідність до видань російських; 1731 р. набрала чинності вимога вилучати книги старого українського друку і замінювати їх російськими виданнями; для опанування російської мови в богослужбі введено курс “*російського красноречія*” – “*для усвоєння великоросійського говора и произношения*” (1784), а незабаром в Києво-Могилянській Академії єдиною мовою викладання визнано російську мову (1786); накази про обов'язкове виправлення мови опублікованих в Україні книг за російськими зразками надходили в різних редакціях і з різного приводу в 1785, 1786, 1796, 1799, 1800 рр. і пізніше⁵.

Таким чином, на початок ХІХ ст. наступ на українську мову в Росії мав ґлибоку в часі традицію й різні форми реалізації. Нова хвиля протидії українськи зорієнтованому культурному рухові стала набирати сили від 40-х років ХІХ ст. і тривала до останніх днів імперії на початку ХХ ст. Всупереч виразним антиукраїнським заходам уряду й церкви розвиток української мови у цей період

⁵ *Кубайчук В.* Хронологія мовних подій в Україні. – С. 27–41.

позначений якісно новими здобутками і зовнішніми суспільними проявами, які сприяли її збереженню, усвідомленню широти суспільних функцій, зокрема націєтворчого начала мови, посилювали ідею необхідності й невідворотності відстоювання мовних і національних прав народу.

Відчутне розширення сумарного українськомовного тексту, що засвідчено зростаючою кількістю надрукованих різножанрових творів українською мовою, їх включенням у культурний, а тим більше – у суспільний дискурс, зміцнення, передусім серед еліти, національної ідентичності, розширення кола тих, для кого українство стало свідомим вибором, – з одного боку, і наростання спротиву світської й церковної влад Росії цим процесам, – з другого, як і синхронність дій сторін (кожна сторона мала свою визначальну мету, протилежно зорієнтовану стосовно іншої сторони), виказують тісний (якщо не детермінативний) зв'язок між ними. Художнє мовотворення, публічна презентація української мови (особливе значення мали численні театральні вистави) для багатьох українців виявилися потужними чинниками національного самоусвідомлення, формування українськи зорієнтованого мислення, що у суспільстві стало не тільки зауважуваним, а й викликало негативну реакцію, спротив, антиукраїнськи спрямовані дії. При цьому нині самоочевидний зв'язок понять (*окрема*) *мова* й (*окремий*) *народ* (*нація*) та логічно поєднаного з ними поняття (*окрема*) *держави* стосовно українських суспільних реалій початку XIX ст. ще не сприймався як нерозривна триєдність *мова – нація – держава*. Така тріада огранилася лише згодом, і сталося це, зокрема і внаслідок усвідомлення структурних відмінностей, окремішності української мови на тлі інших сусідніх мов, передусім російської, глибшого розуміння її ролі як засобу етнічної / національної ідентифікації. Універсальна опозиція *своє ~ чуже* в українському просторі стосовно мови набула особливо відчутної конотації, бо тогочасні суспільні умови вже вивели українську мову за вузькі межі засобу спілкування, перетворивши її на потужний каталізатор етнічного самоусвідомлення, фактор активного формування нації.

Для повнішого розуміння сутності заборонних дій російського уряду й російської православної церкви стосовно української мови потрібно збагнути стан розвитку мови на тлі її соціального і правового статусу.

Насамперед вартий уваги той факт, що у XIX ст. українська мова ввійшла як мова, по-перше, з великою жанрово розвиненою писемною традицією, наявністю багатьох пам'яток писемності різних епох, більшість з яких були відомі в колах інтелігенції; по-друге, з багатим і діалектно диференційованим народним розмовним мовленням, яке зберігало інформацію про варіативність мови як цілісного феномену, забезпечуючи формальними засобами потреби писемного мовлення; по-третє, зі структурно і жанрово розгалуженою фольклорною словесністю, в якій народне мовотворення як розвинене й усталене у багатьох формах було виразно уявлене вже в XVIII ст.; численні рукописні збірки народних та духовних пісень, поширення різноманітних співаників було невід'ємною ознакою життя українського суспільства⁶.

⁶ Докладний опис рукописних фольклорних збірників у контексті розвитку української літератури XVIII ст. одним із перших подав В. М. Перетц, див. його праці: Мало-

Отже, українська мова розвивалася в усному й писемному виявах, які різною мірою перебували у взаємозв'язку, корелювали між собою, хоча кожен із них мав свої особливості. Розвиток мови, динаміка структури, функціональних стилів та сфер використання відбувалися на противагу несприятливим зовнішнім чинникам, а то й відвертої протидії, за відсутності офіційної підтримки мови та легітимних і дієвих інститутів спонуки до оволодіння нею (відсутність розвиненої системи українськомовної освіти, українськомовної церкви, недопущення української мови до сфер урядування, судочинства, військової служби та ін.).

Відчутною перешкодою функціонуванню української мови була дезінтегрованість простору її поширення, яка виявилася в адміністративному входженні окремих частин України до різних держав. Таке просторове роз'єднання мало наслідком не тільки порушення природного процесу взаємодії різних локальних традицій у межах цілісного континууму мови, а й включення її в принципово відмінні мовно-культурні процеси і моделі функціонування мов у різних державах. В Росії, Австро-Угорщині, Румунії українська мова співіснувала з різними за структурою мовами; неоднаковими були і юридичні, соціо-політичні умови функціонування, як і моделі її аксіології в суспільстві.

Етапним у розвитку української мови став перехід у кінці XVIII ст. від давнішої писемної традиції (старої літературної мови), для якої була характерна залежність від церковнослов'янської мови з чималим додатком українських народнорозмовних рис, а також елементів російської та інших мов (як це демонструють тексти Г. Сковороди), до живої української мови як визначального джерела поповнення й розвитку оновлюваної літературної мови. Цю переорієнтацію творців нової мовної традиції на інші домінуючі джерела засвідчила “Енеїда” І. Котляревського, від якої почався не так рух епігонів (*котляревщина*⁷), як формування принципово нової моделі використання народної мови насамперед у художній словесності.

І. Франко слушно підкреслив, що “Енеїда” була “вдатною пробою піднести людську українську мову до висоти літературного твору [...]. Досить буде згадати, що крім трьох видань, які появилися протягом десятих років, із кожного з тих видань, а навіть із брудьйонів Котляревського перед першим виданням, роблено численні копії, з яких деякі заблукали також до Галичини”⁸. Котляревський змінив аксіологію української народної мови, зламавши приписи панівної до того теорії трьох стилів, зокрема щодо недопущення *подлого языка* (народної мови) до високого стилю – художньої словесної творчості⁹. Наступна

русские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. – СПб., 1899; Историко-литературные исследования и материалы. – СПб., 1900. – Т 1.

⁷ Погляди на явище і зміст поняття *котляревщина* див.: Українська літературна енциклопедія – Т. 3. – К., 1995. – С. 27–28.

⁸ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. // Франко І. Зібрання творів в п'ятдесяти томах. – Т. 41. – К., 1984. – С. 259.

⁹ Огієнко І. (*Митрополит Іларіон*). Історія української літературної мови. – С. 132 і наст.

за Котляревським генерація письменників орієнтувалася на народну мову вже поза традицією бурлеску: як вияв високих художніх достоїнств народне слово використовували Г. Квітка-Основ'яненко, плеяда поетів-романтиків, Є. Гребінка, Т. Шевченко, П. Куліш, Марко Вовчок, І. Нечуй-Левицький, Панас Мирний та ін.

Особливе значення в утвердженні й розвитку української мови мала творчість і особа Шевченка, його трагічна й водночас висока доля, в якій багато сучасників і наступників убачали паралелізм із долею України. У своїх творах Шевченко зумів поєднати різні джерела розвитку української мови, досягнувши їх органічного синтезу й зробивши цю мову формою, оболонкою нового суспільно значущого, особливо актуального змісту. Проте не лише і не скільки українська мова творів Шевченка викликала занепокоєння, а пізніше слугувала підставою для переслідувань відповідно до Валувського розпорядження й Емського указу, а насамперед зміст творів визначив їхню високу оцінку в суспільстві й водночас неприйняття їх владою та жорстоке покарання автора. Переслідували й карали також тих, хто виявляв зацікавлення творами Шевченка чи його особою, брав участь в акціях його пошанування чи поширював його твори. Не випадково, що в часи заборон українського друкованого слова навіть раніше опубліковані твори Шевченка часто не здобувалися на право повторного видання, заборонялися з будь-якого приводу, а надруковані раніше – вилучалися разом з творами інших авторів як *“вредные и опасные”*...

Складним і часто драматичним було служіння українській справі П. Куліша. Його оригінальні твори і переклади на українську мову художньої зарубіжної класики (особливо творів В. Шекспіра), Св. Письма; його редакторська і видавнича праця, завдяки якій формувалося коло однодумців; створення правопису (т. зв. *кулішівка*), яким автор порушив пропаговану правописну єдність з російською традицією, утвердив українську правописну самобутність, демонструючи й увиразнюючи через правопис фонетичну й граматичну індивідуальність української мови, – вся ця діяльність, різноспрямована й водночас цілісна у своїй українськоцентричності, спричинилася до відчутної активізації громадського руху за українську мову й літературу. Той факт, що в дозволах цензури на окремі видання спеціально зазначалася заборона використовувати *кулішівку*¹⁰, свідчить про особливу роль цього правопису в унормуванні й усталенні української літературної мови. Кроки мовознавців у виробленні стандарту української мови суттєво підважували поширену думку про неопрацьованість

¹⁰ Зокрема спеціальним розпорядженням Головного управління у справах друку нагадувало: “представлялось бы более правильным и целесообразным рукописи, написанные “кулишевкой”, совершенно не допускать к печати” (1885 р.); коли траплялися випадки друкування текстів кулішівкою, то навздогін летів наказ про знищення накладу таких видань, напр., 1886 р. було зобов’язано знищити 12 тис. (!) примірників творів, надрукованих кулішівкою, оскільки “книги эти напечатаны особым правописанием, так называемой “кулишовкою”, представляющей значительные отступления от общерусского правописания, отступления, не оправдываемые никакими ни фонетическими, ни лексическими особенностями малорусского наречия, [...] должны быть непременно уничтожены” (див. док. № 131).

української мови, відтак – її непридатність для функціонування як літературного стандарту. Зауважимо, що вимога обов'язкового дотримання російського правопису в дозволенних до друку українськомовних виданнях виказує не лише розуміння ролі правопису як символу й маркера окремої мови, а й усвідомлення того, що подоланням правописних, а з ними – й орфоепічних та фонетичних відмінностей між українською й російською мовами, можна прокласти надійний шлях до їхнього структурного нерозрізнення, злиття.

Наслідком глибокого пізнання й освоєння потенціалу української мови стала поява тематично й стильово різнопланових текстів – від побутових, нерідко сміховинних за змістом, до глибоко філософських, які охоплювали сучасне й далеке (до княжих часів) минуле українців та їхніх прашурів, сягали до буття інших народів, а через простір змісту сакральних християнських текстів – вносили у свій опис світ давньої Іудеї, Греції й Риму. Переймання іншомовних (та іншокультурних) впливів для українського мовного життя не було явищем новим, що засвідчує тяглість традиції, зокрема наявність великої перекладної літератури XVII–XVIII ст.; проте у XIX ст. цей процес набув нового змісту, став більш секуляризованим. Українська мова виявилася придатною для перекладів і переспівів з літератури античної та західноєвропейської; ця форма міжкультурного діалогу виявилася водночас живильним джерелом для дальшого розвитку української мови.

Загалом, граматичною структурою і складом словника українська мова початку XIX ст. виявилася на рівні комунікативних та номінативних запитів¹¹, забезпечувала відтворення інтелектуалізованого змісту творів, не обмежувалася побутописанням, фольклорними мовними та змістовими (й образними) кліше. Піднесенню української народної мови до рівня літературного стандарту, усвідомленню її цінності сприяли також висока позитивна оцінка народної словесної творчості, укладання й видання зібрань фольклору. В Україні рух за вивчення й збереження усної народної творчості був плідним: збірки М. Цертелєва (“Опыт собрания старинных малороссийских песней”, 1819), М. Максимовича (“Малороссийские песни”, 1827; “Украинские народные песни”, 1834; “Сборник украинских песен”, 1849), а також зібрання І. Срезневського, А. Метлинського, П. Лукашевича та ін., були відомі й поціновані¹². У цей же час розгортається збирання й упорядкування народних паремій – прислів'їв, приказок, словесних жартів і под., які засвідчували багатство народної мови, водночас ставали доступними для широкого використання. Учасниками цього руху були й письменники, що сприяло органічному використанню фольклору, зокрема сюжетів, мотивів, образів та мовних особливостей, у їхній літературній творчості. Увага й висока оцінка українського фольклору освіченою вер-

¹¹ На високий розвиток лексики художнього стилю української мови опосередковано вказує хоча б таке зовнішнє зіставлення: як свідчить Словник мови творів Г. Квітки-Основ'яненка, у своїх текстах автор використав 11 772 слова; в українськомовних творах Т. Шевченка – 10 116, в російськомовних – 20 554 слова; у творах О. Пушкіна, як свідчить словник його мови (поезія і проза), використано 21 285 слів.

¹² *Курдан Б. П.* Собиратели народной поэзии: Из истории украинской фольклористики XIX в. – М., 1974.

ствою суспільства, відкрите його схвалення й поцінування резонувало в суспільстві, набувало ознак національно зорієнтованих кроків.

Цей процес в Україні типологічно не відрізнявся від аналогічних рухів інших народів Європи, у яких пізнання духу і мови народу слугувало запорукою і важливим складником національної самоідентифікації й самоутвердження.

Особливе значення для усталення стандарту й поширення української мови мали граматики, створені на протигагу давнішої популярній на східнослов'янських обширах церковнослов'янській граматиці М. Смотрицького (“Грамматика славенскаа правильное Сунтагма”, 1619). Новітні граматичні студії (як “Грамматика малороссійскаго наречія” О. Павловського, 1818¹³) були зорієнтовані на опис живого мовлення, що створювало передумови для освіти цією мовою, її унормування й кодифікації. Це був важливий крок до поступових змін статусу української мови, розширення сфер її застосування. Цим шляхом згодом пішли й інші граматики, орієнтуючись на народну мову й дедалі ширше використовуючи художні тексти, писані цією мовою. Поступово зростав вплив мовознавців на усталення граматичних норм у практиці письменників, насамперед у художніх текстах.

Важливою сферою функціонування мови було (і нині залишається) релігійне життя – церковні відправи, щоденні молитви, циклічно повторювані свята з обов'язковими клішованими текстами не просто супроводжували вірян у житті, а входили в їхню мовну свідомість, перепліталися з побутовим мовленням, зумовлюючи взаємодію (часом химерну) цих відмінних мовних кодів. У підросійській Україні на початку XIX ст. ця сфера комунікації офіційно була зайнята мовами церковнослов'янською і російською, а після поширення російських канонічних перекладів Євангелія (1876) та інших видань, потрібних для забезпечення діяльності церкви, – винятково російською. Точніше, це був переважно український регіональний варіант російської мови, а за умови широко практикованого висилання до України священниками етнічних росіян у конфесійній сфері запанувала диглосія (кожен говорив своєю мовою: віряни – українською, а священник – російською); до середини XIX ст. виразних білінгвів, які досконало володіли українською і російською мовами і могли вільно переходити з одного мовного коду на інший, були одиниці.

Уцерковлення української мови у XIX ст. мало епізодичний характер, хоча не бракувало спроб різного характеру – від перекладів українською мовою Євангелія¹⁴, інших конфесійних текстів до богослужби і проповідування цією мовою. Проте якщо давніші спроби наблизити церковнослов'янські тексти до українськомовних вірян (виразний рух у цьому напрямку вже засвідчують Че-

¹³ З історії української мови. До 150-річчя “Граматики” О. Павловського. – К., 1972.

¹⁴ Докладніше подано в: *Горбач О.* Мовостиль новітніх перекладів Святого Письма українською народною мовою XIX–XX віків // Науковий конгрес у Тисячоліття хрещення Руси-України. – Т. 1: Збірник мовознавчої комісії. – Мюнхен, 1988; *Жукалюк М., Степовик Д.* Коротка історія перекладів Біблії українською мовою. – К., 2003; *Німчук В. В.* Українські переклади Святого Письма // *Das Ukrainische als Kirchensprache – Українська мова в церквах* / Hrsg. M. Moser. – Wien, 2005.

тя Мінея 1489 р., Пересопницьке Євангеліє 1556–1561 рр., низка учительних євангелій та ін.), що тривалий час залишалися явищами локальними через рукописний характер цих текстів, не мали значного впливу, не турбували очільників церкви, то в XIX ст. ситуація різко змінилася. Реалізація ідеї системної українізації церковного життя загрожувала звуженням сфер впливу російського варіанта церковнослов'янської мови, підважувала позиції російської мови та непохитність тріади *єдина держава – єдина церква – єдина мова*. Тому Святійший Синод, який тісно співпрацював з Головним управлінням у справах друку (цензурою), використовував надане йому право регулювати питання мови богослужби та відповідних видань, намагаючись впливати на мовну ситуацію загалом. Стосовно перекладів Святого Письма позиція Синоду була однозначною: українські переклади Євангелія не можуть бути допущені до видання¹⁵. Українськомовне проповідництво в церквах було поодиноким, а видання проповідей українською мовою – явищем винятковим навіть до прийняття заборонних указів. Одне з небагатьох таких видань – публікація священником В. Гречулевичем українськомовних проповідей¹⁶, які стали “сигналом для патріотично налаштованого священництва в Україні, розбудженого від “летаргійного сну” справою Кирило-Мефодіївського братства й арештом та засланням Тараса Шевченка, – домагатися мовної реформи церкви, виборювати свої національно-церковні права. [...] Священики стихійно, один за одним, почали виголошувати церковні казання до вірних українською мовою. Деякі з них (Микола Інфимовський, Іван Бабченко, Стефан Опатович, Василь Гуглинський) поширювали свої казання в рукописах або передавали до Санкт-Петербурга до приватної друкарні Пантелеймона Куліша для опублікування”¹⁷.

На тлі іншомовних анклавів (здебільшого переселенці з Балкан, німці-колоністи та переведені з глибинного російськомовного ареалу громади, що заснували окремі російськомовні села), а також військових, адміністративної верхівки та скерованих для роботи росіян (священиків, учителів, лікарів та ін.), на теренах України переважали українці, які утримували стійке українськомовне середовище, послуговуючись у різних комунікативних ситуаціях єдиною знаною ними українською мовою. Російськомовна освіта народу в підросійській Україні не була ні масовою, ні тривалою, а тому не мала глибоких наслідків щодо трансформації усного мовлення, як і мовної свідомості українців. Перемагала щоденна всеохопна рідномовна практика: їй поступалися основи російської мови, які вдавалося опанувати у початковій чи недільній школах.

¹⁵ Про драматичні події навколо видання українськомовного Євангелія, перекладеного Пилипом Морачевським, див.: *Вульпіус Р.* Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906 // *Ab Imperio*. – 2005. – № 2. – С. 191–224; про історію перекладу Св. Письма та деякі текстологічні проблеми див.: *Німчук В. В.* Українські переклади Святого Письма. – С. 26–30.

¹⁶ *Гречулевич В.* Проповеди на малороссийском языке. – СПб., 1849.

¹⁷ *Степовик Д.* Релігія і культура // *Історія української культури*. – Т. 4, кн. 1. – К., 2008. – С. 734.

Загострення питання української мови мало й індивідуальний складник: наступальна дієва позиція опонента українофілів Валуєва була настільки агресивною, що викликала несхвалення навіть у колах російських урядовців. Так, міністр народної освіти О. В. Головнін у листі до П. О. Валуєва підкреслив, що “*сущность сочинения, мысли, изложенные в оном, и вообще учение, которое оно распространяет, а отнюдь не язык или наречие, на котором оно написано, составляют основание к запрещению или дозволению той или другой книги, и что старание литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие и для сего писать на нем и печатать – весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения*”¹⁸. Упродовж усього XIX ст., аж до знесення офіційних заборон і утисків української мови, в Росії були ті особистості й рухи, які, оцінюючи події неупереджено, з позицій об’єктивності, в різних формах підтримували українськість – мову, культуру, народну творчість; це було виявом опозиційного ставлення до офіційного курсу Російської держави та Російської Православної Церкви.

* * *

XIX – початок XX ст. – це період дальшого розвитку української мови, її структури, важливий етап у формуванні літературного стандарту, зафіксованого у великій кількості текстів нової літературної мови, граматики, словниках; це час піднесення статусу української мови в суспільстві, впливу на усталення й поглиблення національної ідентичності українців. У підросійській Україні ці загалом висхідні процеси відбувалися на тлі значних політичних ускладнень, пов’язаних з *українським питанням*, долання репресивних заборон і обмежень урядом і церквою українського друкованого й усного слова, українськомовної освіти. Попри системність і різноплановість заборонні й каральні заходи російського уряду й православної церкви не досягли кінцевої мети – витворення уодноманітного російськомовного простору на східнослов’янських землях, хоча їх наслідки були глибокими.

У зв’язку з цим актуальним є питання Р. Вульпіус: чи скасування утисків української мови початку XX ст. свідчить про слабкість та непослідовність дій імперської адміністрації чи є ознакою сили українофільства?¹⁹ Насамперед відзначимо деяку некоректність самого питання, оскільки неможливо знищити мову, культуру як базові маркери окремого народу, особливо за умови, коли існувала потужна багатовікова традиція писемності, розвиненої усної словесності, коли народ мав глибоку історичну пам’ять, зокрема про етнічну окремішність, про князівську, а згодом – і козацьку державність. Українська мова в Росії у XIX ст. виявилася стрижнем багатовікової *традиції українськості*, і ця традиція, всупереч системним заборонам і переслідуванням мови й української ідеї загалом, продемонструвала життєдайність, здатність мобілізувати до дії,

¹⁸ Див. док. № 45.

¹⁹ Вульпіус Р. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии. – С. 222.

незважаючи на високу ціну – зламані життя, понівечені долі, трансформовану й пригамовану етнічну / національну самосвідомість багатьох українців. Заборонні заходи перетворилися на каталізатор активних дій і консолідації творчих сил, які спрямовувалися на формування й усталення української ідентичності.

Іншим важливим фактором, який унеможливив реалізацію програми російської єдиномовності росіян, українців і білорусів, виявився *приклад іншого шляху*, реальність якого демонстрували українці-наддністрянці, яким вдалося втілити принципово іншу модель вирішення мовного питання (початкове шкільництво рідною мовою; українська мова в університеті; безперешкодне поширення українського друкованого слова; успіхи в уцерковленні української мови і пов'язані з цим переклади Св. Письма та інших творів богослужбової сфери; діяльність українських просвітніх і наукових товариств та ін.). Про цей тип організації мовного і національно-культурного життя були добре поінформовані наддніпрянці, які намагалися скористатися цим досвідом.

Мали значення й інші фактори, які імпліцитно чи експліцитно були присутні, в різний спосіб були актуалізовані. Передусім важливою обставиною було те, що українці в Російській імперії становили значну за своїм людським потенціалом спільноту, яка проживала на великій території, до того ж займала автохтонний простір; навіть після переділу України (1686 р.) між кількома державами означення *великий* до українських реалій залишалося релевантним і об'єктивним. Тому протистояння такому народові вимагало значних зусиль і затрат, що Росія не завжди могла собі дозволити. Не запропонувавши прийнятної альтернативи, яка не зачіпала б національної гідності українців, особливо стосовно їхнього права на безперешкодний мовний розвиток, Росія силоміць наvertала неросіян до російської мови. І ці насильницькі акти супроводжувалося здрибнінням цілей і форм у всеохопному прагненні асимілятивного подолання українства (чого лише варті численні випадки конфіскації українськомовних видань, дозволених раніше цензурою; заборони виконувати народні пісні; поліцейний нагляд за тими, хто співчував чи потенційно міг співчувати українській ідеї; висилання вглиб Росії тих, кого було віднесено до неблагонадійних і под.). Для поборення *вредной* української ідеї державна машина вдавалася до будь-яких заходів. Показово, що з-поміж кроків у поборенні українства виявилось і припинення діяльності Південно-Західного відділу Російського географічного товариства у Києві (1876), завдяки якому вперше системно і в таких обсягах було зібрано етнографічний, статистичний і мовний матеріал, що піднесло на значно вищий рівень розвиток української етнології та мовознавства²⁰. Зауважимо, що цей проект (схвалений і фінансований урядом, патронований родиною імператора) не був лише українським, охоплював різні етноси і поширювався на інші етномовні регіони Росії, проте стосовно українців і українського континууму мав особливі конотації. Упереджене ставлення відчували на собі багато з учасників українотворчого процесу, до яких нерідко

²⁰ “Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край”, опубліковані за редакцією П. П. Чубинського у семи томах (СПб., 1872–1878), досі зберігають цінність як джерело етнологічної, мовної та статистичної інформації про українців середини XIX ст.

застосовували надмірно суворі покарання (заслання, заборона займатися науковими студіями, художньою творчістю та ін.²¹).

Українську зорієнтованість (*українську партію*) в Росії посилювала дієва солідарність неукраїнських прогресивних сил, які вбачали у захисті українськості прояв закономірного національного самоусвідомлення. Особливо промовистою була підтримка російських учених, політиків, урядовців, для яких, здебільшого етнічних росіян, проукраїнська позиція в цьому протистоянні була виявом громадянського чину й високої моральності. Така підтримка також творила окрему традицію, вершинними проявами якої були участь росіян у викупі Тараса Шевченка з кріпацтва, піклування про нього під час і після заслання; захист високих достоїнств українськомовного перекладу Євангелія П. Морачевським і права на його опублікування всупереч несправедливим оцінкам і заборонам Св. Синоду; спроби вивести українську мову з кола безсумнівних об'єктів цензурної заборони і відстоювання ідеї релевантності лише змісту цензурованих текстів безвідносно до їх мови та ін. Зрештою, сам рух за скасування обмежень у функціонуванні української мови завершився перемогою завдяки зусиллям членів Петербурзької академії наук Ф. Є. Корша, П. Ф. Фортунатова, О. О. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга та ін.: складений і затверджений цією комісією документ²² вражає глибиною наукової невідпорної аргументації, хоча його авторам доводилося вдаватися до інкрустування тексту елементами заспокійливої риторики, приховувати перспективу зв'язку проблем мовно-культурних і політичних. Таким самим шляхом ішли й інші експерти, намагаючись обмежитися культурним складником і убезпечити від можливого прочитання в політичному контексті відстоюваних ними ідей зняття заборон українського друкованого слова. Показовими щодо цього є положення експертної записки проф. В. Б. Антоновича (Київський університет, 1905 р.): “Малорусская литература никогда не подымала даже намека о политическом сепаратизме и всегда считала этот мотив для себя чуждым. Таким образом, преследование малорусской литературы из-за опасения политического сепаратизма представляет лишь продукт недомыслия и смешения стремлений культурных с политическими” (док. № 235). Таке демонстративне відмежування питань української мови від політики було особливо актуальним як прийом нейтралізації протилежної позиції: речники ідеї поширення російської єдиномовності в Україні наполегливо підкреслювали наявність зв'язку між захистом української мови і масштабними політичними програмами її оборонців, чим прагнули активізувати протидію українськи зорієнтованим намаганням²³.

²¹ Показовою є доля П. П. Чубинського: переслідувань і покарань людина зазнала лише за благородну подвижницьку діяльність – відродження українського народу, його культури і мови, див.: *Чередниченко Д.* Павло Чубинський. – К., 2005.

²² Доклад Комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – СПб., 1905. – С. 1–28 (див. док. № 234).

²³ Напр., проф. Київського університету Ю. Кулаковський, опонуючи українофілам, зауважив: “Пропаганда малорусского языка для Св. Писания есть вопрос текущей политики настоящего и не имеет никаких корней в прошлом” (док. № 230).

Окреслені вище важливіші фактори, їхнє поєднання забезпечували збереження традиції українства в Росії ХІХ ст., її підтримання, унеможлилювали досягнення повної русифікації українців як омріяної й декларованої мети (зауважимо, що відчутні досягнення в поширенні російської мови в Україні нерідко оцінювалися як запорука незворотності цього процесу, що не допускає іншого розв'язання мовного питання).

Хоча в історичному протистоянні української й російської мов в Україні повної русифікації українців не сталося, все ж цей процес виявився настільки глибоким, що залишається відчутним, досі сповна не подоланим і через століття після знесення офіційних заборон щодо вільного функціонування української мови²⁴. Насамперед зауважимо, що кількасотлітніми заборонами і втручаннями в мовне життя українського соціуму було порушено іманентний розвиток української мови як ідіому, який за інших історичних умов міг бути єдиним і самодостатнім для українців засобом комунікації. За таких обставин формування інвентарю мовних форм, засобів і моделей вербалізації не зазнавало б мовної агресії з боку інших мов, не було б такого звуження комунікативних сфер української мови й заступлення більшої частини функціонального поля російською, а на західноукраїнських землях – іншими мовами.

Наслідки такого перебігу подій, пов'язаних з українським питанням в Росії ХІХ ст., уявнилися в різних сферах – мови, мовознавства, культури, соціальної психології.

У структурі української мови ці події залишили глибокі зміни, що засвідчують передусім надмірно велика кількість російськомовних запозичень, численні кальки та похідні від непитомих основ за наявності українськомовних альтернативних словотвірних ресурсів, а також значне поширення суржику. Водночас відчутною була затримка формування багатьох функціональних стилів української мови²⁵.

Заборона мови відбивалася на долі українськомовних текстів, яких не тільки не дозволяли друкувати в Росії чи навіть завозити з-поза її кордонів, а й вилучали раніше дозволені. Це створювало ситуацію *нечитаного* чи *недостатньо читаного* тексту: прихильні чи захоплені відгуки про естетичні достоїнства художнього твору ще не означали, що такий твір у час його написання чи навіть видання мав читача і тим самим увійшов у простір національної словесної культури. Різні форми адміністративного стримування, заборон друкування й поширення творів не тільки збільшували часову відстань між створенням тексту і його потенційним читачем, а нерідко на тривалий час позбавляли можливості ознайомлення з художніми творами, залишаючи їх поза реальною парадигмою культури.

²⁴ Узагальнений історіософський погляд на проблему подано в: *Дзюба І. М.* Русифікація в українському контексті // *Енциклопедія історії України*. – Т. 9 – К., 2012. – С. 372–382.

²⁵ Гальмом розвитку структури, виражальних і стилістичних засобів української мови була наполеглива заборона друкування українською мовою перекладів з інших мов; заборона стосувалася й перекладів з російської мови, які, закономірно, увиразнювали б контраст цих структурно близьких і водночас відмінних мов.

Водночас заборони поширювалися й на наукові студії: лише незначна кількість граматик і словників української мови була дозволена до друку; чимало лінгвістичних досліджень XIX ст., які було передано до цензурного комітету чи Петербурзької академії наук, надовго лишалися в архівах цих установ; тільки в середині XX ст. окремі з них опубліковано²⁶, проте чимало й досі залишаються в рукописах, а про деякі праці сьогодні відомі лише згадки, відгуки, рецензії²⁷.

Цілеспрямовані утиски в Росії всього зорієнтованого на українськість сформували дві моделі аксіології української мови в українському соціумі: одна – це усвідомлення суспільного значення рідної мови, визнання її високого рангу в ієрархії цінностей нації; така оцінка спонукає до захисту української мови; друга – індиферентне ставлення до мови, байдужість і згода з будь-якими обставинами, зокрема й мовного буття, самооцінювання належності до українськомовної спільноти як ознака меншовартості. Друга модель породжує мовний конформізм, обниження мовної стійкості окремої особи чи мікроколективів, невиразну етнічну самоідентифікацію та пригамоване прагнення до її визначення.

...Якщо змодельовати ситуацію відсутності тиску на українську мову з боку російської влади і церкви задля утвердження російської мови навіть у тих сферах, які самою природою буття українського етносу призначені для рідної мови, тиску, який особливо відчутним був у XIX ст. з продовженням у модифікованій формі у XX ст., то можна припустити, що іманентна взаємодія територіально суміжних української й російської мов могла б мати іншу конфігурацію, інші наслідки для обох мов і обох соціумів. Таке припущення, оперте на досвід співжиття інших народів, не належить до фантастичних, хоча в контексті розглянутої зовнішньої історії української мови в Російській імперії таким може видаватися. Уроки лінгвоциду українців Росії XIX ст., які в глобальному макровимірі виявилися безрезультатними для їхніх організаторів і виконавців, зобов'язують сьогодні до пошуку інших моделей мовного і культурного співжиття і співдії сусідів, призначених на цю роль Долею.

Павло Гриценко

²⁶ Див.: Білецький-Носенко П. Словник української мови / Підготував до видання В. В. Німчук. – К., 1966. – (Серія “Пам’ятки української мови”); у виданні вміщено докладне дослідження В. В. Німчука “Перший великий словник української мови Павла Білецького-Носенка” (с. 5–37); Шимкевич Ф. С. Словарь украинскаго нарѣчія // Галас Б. К. Ф. С. Шимкевич як лексикограф і українське словникарство: кінець XVIII – початок XX ст. – Ужгород, 1995. – С. 78–296. У студії, що передує словникові Шимкевича, Б. К. Галас звернув увагу на численні рукописні словники, великі й менші обсягом, які досі не опубліковано й не використано істориками мови та в сучасній лексикографічній практиці; подано інформацію про рукописні словники, які зберігаються в архівах та бібліотеках України і Росії (лексикони М. Євстаф’єва, В. Лазаревського, П. Лукашевича, Й. Скоморовського, О. Афанасьєва-Чужбинського, А. Кримського та ін.).

²⁷ Такою є граматика П. Білецького-Носенка, яка, за відгуком М. О. Максимовича, перевершувала граматику О. Павловського (*Німчук В. В.* “Граматики” О. Павловського й мовознавчі праці П. Білецького-Носенка // З історії української мови. – С. 77–85).

Від упорядників

У пропонованому увазі читачів документальному виданні упорядники намагалися зібрати й оприлюднити масив документів з історії державного регулювання мовного питання на території українських губерній Російської імперії. Мова як ключова ознака національної ідентифікації й усе, що пов'язано з її функціонуванням у різних сферах суспільного побуту, була визначальним чинником добору документів для публікації.

Хронологія документів представляє масштабний період вітчизняної історії – від розгрому діяльності Кирило-Мефодіївського братства (1847) до початку Першої світової війни (1914). Відтак, збірник охоплює шість драматичних десятиліть протидії імперському центру процесам утвердження української нації і демонструє широку палітру різних форм протистояння між владою і суспільством крізь призму регулювання / заборони / обмеження / дозволу на вживання української мови.

До збірника включено 296 документів, 232 з яких публікуються вперше; 32 є археографічними репліками; 32 документи взято з попередніх публікацій, переважно початку – першої третини ХХ ст., зокрема: збірника “За сто літ”, часопису “Україна”; щоденників і спогадів П. Валуєва, Є. Чикаленка, О. Лотоцького; Повного зібрання законів Російської імперії, стенографічного звіту Третьої державної думи, досліджень М. Лемке, Ф. Савченка та ін. Окремі документи взято з новітніх видань – тритомника “Кирило-Мефодіївське товариство” (1990), праці О. Міллера (2000), публікацій Рікарди Вульпіус у журналі “Ab Imperio” (2005), В. Яременка (2001, 2011).

Основний масив документів виявлено у фондах Центрального державного історичного архіву України, м. Київ (понад 200 одиниць) та Російського державного історичного архіву в Санкт-Петербурзі (понад 40). Один документ зберігається у фондах Інституту рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Окрему частину становить добірка документів з відділу рідкісної книги Львівської національної наукової бібліотеки ім. В. Стефаника під загальною назвою “Докладные записки, мемориалы и др. документы, касающиеся отмены ограничения украинского языка дореволюционной России” (1905). Матеріали є друкарськими відбитками документів, зібраних Комітетом міністрів у процесі підготовки висновку щодо відміни обмежень на друку-

вання книг українською мовою, які були використані й частково видрукувані О. Лотоцьким у “Сторінках минулого” (1933).

У додатках факсимільно відтворюється переклад українською мовою доповіді Комісії Петербурзької академії наук про скасування заборони українського друкованого слова 1905 р. (док. № 231), здійснений В. Гнатюком і опублікований у США Видавництвом Просвітньої комісії Руського народного союзу у збірці “Заборона українського слова в Росії. Реферат Петербурзької академії наук в справі знесення українського слова з додатком Історичної записки К. А. Воєнського і вступним словом проф. М. Грушевського” (Скрентон, 1916). Згадану книжку, що походить з колекції Павла Штепи, було подаровано бібліотеці Торонтського університету. Сьогодні вона є бібліографічним раритетом і, безумовно, заслуговує на перевидання.

Другим додатком є переклад передмови проф. Василя Дмитришина (Портлендський державний університет) до також рідкісного репринтного перевидання праці Ф. Савченка “Заборона українства 1876 р.” (Київ; Харків, 1930), здійсненого Омеляном Прицаком як 14-й том “Harvard Series in Ukrainian Studies” (Мюнхен, 1970).

Упорядники певною мірою намагалися реалізувати амбітне завдання, що його Василь Дмитришин артикулював наприкінці своєї передмови. Чимало документів, згаданих автором, публікуються нижче. Втім актуальним залишається і висновок американського професора про те, що у нас попереду “ще чимало роботи, аби представити історію цього питання у всій її повноті”. Дана публікація – одне з таких досліджень, що його ми здійснюємо чотири десятиліття потому після републікації “Заборони українства 1876 р.” у “Гарвардській серії українських студій”*.

Найчисельнішу групу становлять діловодні документи державних установ, які безпосередньо або опосередковано реагували на прояви українського руху в різних його формах – у громадському та літературно-мистецькому житті, у школах різного рівня, у поширенні ідей, розповсюдженні українськомовної книжки тощо. Інша частина документів пов’язана з виконанням на місцях розпорядження 1863 р. та указів 1876 і 1881 рр. щодо заборони української літературної мови. Разом із “заборонними” документами публікуються ініціативні звернення, що надходили від громадськості та засвідчували її реакцію на обмеження, а також пошуки за тих умов можливостей для розвитку української мови, літератури, мистецтва. Насамперед ідеться про документи фондів центральних та місцевих органів влади і установ, що зберігаються в РДІА і ЦДІАК України, – Канцелярії Синоду, Канцелярії міністра внутрішніх справ,

* Слід зауважити, що Василь Дмитришин, як і його попередники, що досліджували питання заборони української мови, спеціально не вивчав документознавчі аспекти. Відтак і він припустився хибного датування заборонного розпорядження П. Валуєва, помилково послугуючися датою 20 червня 1863 р. (див. також коментар до док. № 44).

Головного управління у справах друку, Петербурзького цензурного комітету, Центрального управління по цензурному відомству Міністерства внутрішніх справ, Київського і Харківського цензурних комітетів, а також жандармських управлінь та охоронних відділень, Канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора, місцевих судових установ, Управління Київського навчального округу тощо.

Окрім зазначених архівів урядуючих інституцій, використано документи з особових фондів В. Антоновича, О. Лотоцького, М. Сумцова, що зберігаються у ЦДІАК України.

Автори свідомі того, що в цьому виданні представлено лише частину джерел дотичної тематики (хоча й першочергової ваги). Якщо розглядати дану публікацію як перший крок на шляху реалізації археографічного проекту з історії “українського питання” у політиці центральної влади у XVIII–XX ст., то певний документальний масив (передусім з федеральних архівів Санкт-Петербурга і Москви, а також із центральних і регіональних архівів України), що залишився неопрацьованим, у майбутньому мав би стати предметом особливої уваги археографів.

Археографічне опрацювання документів здійснено відповідно до усталених упродовж двох останніх десятиліть в едиційній практиці в Україні традиційних засад передавання текстів XIX ст. Останні, у свою чергу, спираються передусім на рекомендації “Правил издания исторических документов в СССР” (1990)¹.

Тексти російськомовних документів передано з наближенням до орфографії та правопису сучасної російської мови, водночас збережено стиль викладу й інші мовні особливості.

Певні розбіжності у написанні окремих лексем (*южнорусский/южно-русский, малорос/малоросс* тощо) також здебільшого залишено без уніфікації, зокрема, з огляду на те, що тексти частини документів є републікаціями.

Російськомовні документи із вкрапленнями (при цитуванні) українськомовних фрагментів подано без змін, зі збереженням мовних особливостей, зокрема українізмів.

Українськомовні документи друкуються у цілковитій відповідності з оригіналом: збережено усі мовні особливості їхнього написання й тогочасного відтворення.

Тексти розбито на абзаци й речення, розділові знаки, великі й малі літери проставлено з наближенням до правил сучасного правопису.

Більшість документів публікуються повністю. При публікації частини документа випущені місця позначено трьома крапками в квадратних дужках [...] й обумовлено у заголовках: “Із протоколу”, “Зі звіту” і под. Пояснення щодо змісту пропущених фрагментів, якщо він повторює або не стосується теми видання, подано в текстуальних примітках.

¹ Правила издания исторических документов в СССР / Главное архивное управление при СМ СССР. 2-е издание, перераб. и доп. – М., 1990. – 188 с.

Діловодні заголовки, місце і час написання документів у текстах випущено й використано в редакційних заголовках, складених упорядниками. Винятком є листи та особисті звернення, у яких дати та місце написання становлять складову тексту і відтворюються без змін.

Нерозбірливо написані частини тексту, скорочення, включно з наявними у попередніх археографічних публікаціях (окрім загальноновживаних, що їх подано у *Списку скорочень*), відновлено у квадратних дужках []. Непрочитаний текст, пропуски та пошкодження тексту позначено трьома крапками [...] й обумовлено в текстуальних примітках. Орфографічні помилки, очевидні описки, що не мають смислового значення (перестановка окремих літер і складів, пропуски літер тощо), виправлено без застережень. Різничитання у написанні імен та географічних назв збережено та обумовлено в текстуальних примітках.

Звернення на кшталт *Милостивий государь Александр Романович!* у листах, проханнях, відношеннях та інших документах подаються курсивом без застережень.

У текстах документів слова *город, местечко, село, слобода* та ін. перед географічними назвами подано скорочено (див. *Список скорочень*). Скорочення на зразок *г. – господин, гг. – господа, г-жа – госпожа, д. – добродій, дд. – добродії* розшифровано без застережень.

Помітки й резолюції наведено лише в тих випадках, коли вони засвідчують подальший рух документа, а також розкривають хід справи або ставлення посадової особи до події. Означення категорії документів (“Конфіденційно”, “Циркулярно”, “Совершенно секретно” та ін.) збережено.

Підписи в документах відтворюються через прізвища і подаються поруч із посадою курсивом (Начальник уездной полиции *Котляров*); оригінальні, але нерозбірливі підписи посадових осіб зазначаються поруч із посадою словом *підпис* у квадратних дужках (Верно: за помічника правителя дел [*підпис*]).

Якщо документ подано за попередньою археографічною публікацією і при цьому текст не було звірено з оригіналом, упорядники намагалися не відходити від опублікованого варіанту тексту, залишаючи незначні археографічні огріхи без застережень; виправлялися лише явні помилки технічного характеру.

Документи розміщено у хронологічній послідовності.

Кожен документ має заголовок, у якому зазначено: порядковий номер, дату, місце написання/створення, дипломатичний різновид, адресанта й адресата; визначено зміст. Якщо документ не має дати, вона встановлювалася за змістом та іншими документами справи. У кожному конкретному випадку про це застережено в текстуальних примітках. Документи, датовані за новим (григоріанським) стилем, у публікації мають подвійну дату (першою подано дату за старим, другою – за новим календарем). Місце написання документа зазначається в заголовках; якщо місце написання не зазначене або його не вдалося встановити, це спеціально не обумовлюється.

При визначенні у заголовках різновидів документів упорядники максимально враховували їхні самоназви і виходили з форм, вжитих у текстах. Подеколи відтворено найбільш виразні фрагменти документа з метою якнайадек-

ватнішого розкриття його змісту, ключових положень та колориту доби. Географічні назви в заголовках подаються в їхній історичній формі.

У легендах документів зазначено місце їх зберігання (скорочені назви архівів, номери фондів, описів, справ, аркушів) та попередні публікації, якщо документ є археографічним повтором. Архівне посилання перед бібліографічною позицією вказує на те, що документ публікується за оригіналом. При наявності кількох публікацій документа у легенді першим зазначається те видання, за яким документ публікується у цьому збірнику.

У легендах також зазначено автентичність документа (оригінал, відпуск, копія тощо) та спосіб його відтворення (машинопис, друкарський відбиток, гектографічний примірник, газетна вирізка). Випадки, коли документ є рукописом, спеціально не обумовлюються. Скорочені назви архівів і номери фондів розшифровано в *Переліку використаних архівних фондів та публікацій документів*.

Текстуальні примітки відображають результати критики текстів документів упорядниками. Подано різночитання, пояснено пропуски і пошкодження в тексті, непрочитані місця, описки. Перекладено іншомовні лексеми, цитати у текстах (виняток становлять назви іншомовних видань). Наведено посилання на діловодні документи, що згадуються в текстах (у тих випадках, коли їх вдалося виявити). Обґрунтовано датування, якщо дату встановлено упорядниками. Подано перехресні посилання на документи збірника. Текстуальні примітки послідовно позначено арабськими цифрами у межах кожної сторінки видання.

У *Коментарях* наведено певні уточнення та роз'яснення змісту документів, передусім щодо авторства окремих анонімно згадуваних у текстах праць і творів, російськомовних періодичних видань, цензурованих рукописів (бібліографічні дані щодо всіх українськомовних видань і рукописів представлено в *Покажчику українськомовних рукописних та друкованих творів, що розглядалися цензурними органами*); цензурної історії окремих творів друку, історії видавничих проєктів; історії українського правопису; історії державних установ, громадських об'єднань, творчих товариств і спілок. Розкрито зміст окремих законодавчих та інших нормативно-правових актів, прокоментовано ідеологічні засади державної політики у мовній сфері, ключові сюжети з історії її регулювання, окремі історичні події, обставини створення документів тощо. Коментарі щодо згадуваних у документах посадовців, духовних осіб, діячів науки, культури і мистецтва та інших "дійових осіб" не подаються; короткі відомості про них наведено в *Анотованому покажчику імен*. Коментарі позначено кирилическими літерами у межах кожного документа.

Покажчик українськомовних рукописних та друкованих творів, що розглядалися цензурними органами, містить усі згадувані у документах збірника твори друку (включно з періодичними виданнями) та підготовлені до друку рукописи творів різних жанрів і видів. У ньому представлено значну частину репертуару дозволеної або забороненої цензурою української книжки та періодики, зокрема видання, що побачили світ за межами Російської імперії та нелегально поширювались на Наддніпрянщині впродовж понад шести десяти-

літь. Російськомовні твори друку, включно з періодичними виданнями, подано у *Коментарях* до відповідних документів при першому згадуванні.

Ідентифікацію українських творів друку здійснено на базі зведених бібліографічних покажчиків репертуару української книги². В описових статтях покажчика зазначено місце і рік видання з відсиланням до повного бібліографічного опису у відповідному довіднику. При цьому вживаються аббревіатури: *УК* (Україномовна книга у фондах Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського) для київського видання та *РУК* (Репертуар української книги) – для львівського. До останнього упорядники зверталися у тих випадках, коли не знаходили відповідної позиції у київському довіднику.

Щодо драматичних та музичних творів, по дозвіл на постановку яких зверталися до цензурних органів, у покажчику зазначено лише місце і рік заборони або дозволу.

При ідентифікації творів друку упорядники передусім намагалися встановити конкретні бібліографічні дані саме щодо тих видань, про які йдеться у документах. Встановлення вичерпних даних про їхні першопублікації, а також про подальші перевидання і цензурну історію загалом не належало до наших завдань. Необхідну інформацію щодо національного бібліографічного репертуару читач може знайти у згаданих фундаментальних довідниках Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського НАН України, Львівської національної наукової бібліотеки ім. В. Стефаника НАН України, а також в аналогічному довіднику Національної парламентської бібліотеки України³.

Нерозшифровані бібліографічні позиції подаються в редукованому вигляді, тобто так, як вони трапляються в текстах. Загальновідомі літературні твори, що неодноразово перевидавалися, згадуються без вихідних даних.

Загалом упорядникам вдалося ідентифікувати, а відтак – “візуалізувати” бл. 600 одиниць окремих оригінальних і перекладних творів різних жанрів, збірок, підручників, часописів тощо, згадуваних у документах. Вони передавалися на цензурування у вигляді рукописів, попередніх видань (коли йшлося про перевидання) або книжок, видрукованих за межами Російської імперії

² Україномовна книга у фондах Національної бібліотеки України імені В. І. Вернадського. 1798–1923: Бібліогр. покажчик. У 3-х тт. / НАН України, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського; М. Д. Бойченко, С. А. Дзюбич, Т. Б. Королькова та ін. – Т. 1: 1798–1911; Т. 2: 1912–1923; Т. 3: Науково-допоміжний апарат. – К., 2003; Репертуар української книги 1798–1916: Матеріали до бібліографії. У 9-ти тт. / НАН України, Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника; Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського. Львівське відділення / Л. І. Крушельницька (відп. ред.) Л. І. Ільницька, Я. Р. Дашкевич. – Т. 1: 1798–1870. – Львів, 1995; Т. 2: 1871–1886. – Львів, 1997; Т. 3: 1887–1894. – Львів, 1999; Т. 4: 1895–1900. – Львів, 1999; Т. 5: 1901–1905. – Львів, 2001; Т. 6: 1906–1909. – Львів, 2002; Т. 7: 1910–1911. – Львів, 2003; Т. 8: 1912–1913. – Львів, 2004; Т. 9: 1914–1916. – Львів, 2005.

³ Друкований зведений каталог україномовної книги державних бібліотек та музеїв України, 1798–1923 / Національна парламентська бібліотека України; В. В. Патока (ред.), Р. С. Жданова (уклад.), І. О. Негрейчук (уклад.). – Вип. 1: 1808–1900. – К., 1999; Вип. 2: 1901–1910. – К., 2003; Вип. 3: 1911–1916. – К., 2003; Вип. 4. – 1917–1919. – К., 2003.

(якщо йшлося про дозвіл на розповсюдження в імперії). Майже половину згаданих творів частково чи повністю було заборонено цензурою (бл. 290 позицій покажчика); частина творів так і не побачила світу (принаймні не менше двох десятків назв рукописів ідентифікувати не вдалося); інші друкувалися або десятиліттями пізніше, після скасування цензурних перешкод, або пересилалися для друкування за кордон і згодом потрапляли на Наддніпрянщину нелегальним шляхом. У покажчику також представлено непросту цензурну історію кількох десятків українськомовних драматичних творів, – в одних містах їх дозволяли ставити, в інших – забороняли.

Анотований покажчик імен містить усі особові назви, що трапляються у виданні. В описових статтях покажчика подано прізвища з ініціалами (без ініціалів або з одним ініціалом) та короткі біографічні відомості про державних, військових та громадських діячів, посадовців центральних і місцевих адміністративних та судових установ, діячів науки, літератури і мистецтва, літературних героїв, історичні персонажі, тощо. Відсутність в описових статтях покажчика ініціалів, років життя, посад, передусім маловідомих дрібних службовців й інших персонажів “другого плану”, означає, що їх не вдалося встановити. Криптоніми, що зустрічаються у текстах, подано в загальному алфавіті з відсиланням до встановлених іменувань осіб; світські імена духовних осіб – у круглих дужках після черневого імені. Псевдоніми та інваріанти іменувань подаються з перехресними посиланнями у круглих дужках після прізвища як реєстрового слова.

До *Покажчика географічних назв* увійшли назви географічних об’єктів, згадувані в текстах документів, передмовах, коментарях. Географічні назви з бібліографічних посилань до покажчика не включалися. Упорядниками встановлено категорію та адміністративну приналежність усіх населених пунктів на території Російської імперії за тогочасним адміністративно-територіальним поділом; географічні об’єкти інших країн подано без зазначення статусу та адміністративної приналежності. Застосовано традиційну систему перехресних посилань зі зведенням до реєстрової позиції (наприклад, *Україна*) усіх наявних інваріантів назв (*Мала Росія, Малоросія, Південна Русь, Південно-Західний край, Південноруський край, Україна*). Інваріанти подано у круглих дужках після реєстрової позиції. Для суміжних за алфавітом позицій перехресні посилання не робилися.

Довідковий апарат збірника становлять також *Список скорочень* (до нього увійшли загальноновживані скорочення та традиційні абрєвіатури), *Перелік використаних архівних фондів та публікацій документів, Перелік документів*.

Видання проілюстроване зразками (фрагментами) документів, що публікуються, а також окремими матеріалами, згаданими в текстах (прокламаціями, обкладинками, титульними сторінками українськомовних книжкових та періодичних видань). У підтекстівках до ілюстрацій подано номери відповідних документів цього збірника або пошукові дані матеріалів, що не публікуються.

Археографічне опрацювання документів здійснено упорядниками.

Передмову до видання підготувала *В. С. Шандра* (Інститут історії України НАН України); короткий нарис історії української мови в Росії XIX – початку

XX ст. – *П. Ю. Гриценко* (Інститут української мови НАН України); автори вступу від упорядників – *Г. В. Боряк* (Інститут історії України НАН України), *Л. Я. Демченко* (ЦДІАК України), *В. С. Шандра*.

Коментарі до документів підготували *В. С. Шандра*, *Г. В. Боряк* та *І. І. Глизь*, Анотований покажчик імен, Покажчик українськомовних рукописних та друкованих творів, що розглядалися цензурними органами, Покажчик географічних назв – *В. С. Шандра*, *Л. Я. Демченко*, *Г. В. Боряк*. Розвідку Василя Дмитришина переклала з англійської *О. М. Шаленко* (Інститут історії України НАН України), редактор перекладу – *Роман Процик* (Фонд Катедр Українознавства, США).

Науково-допоміжні роботи з підготовки збірника (виявлення, копіювання, звіряння з оригіналом тощо) виконали співробітники ЦДІАК України *В. М. Миколенко*, *М. А. Панова*, *Ю. В. Орел*, *О. Б. Вовк*, *О. В. Полозова*.

Упорядники висловлюють щире подяку *А. А. Демченку* (ЦДІАК України) за виготовлення ілюстрацій, *Олі Алексич* (Український науковий інститут Гарвардського університету), *Л. А. Дубровиній*, *Т. П. Павлуші*, *Д. В. Устиновському* (Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського) за бібліографічні консультації, *Т. Г. Тайровій-Яковлевій* (Центр з вивчення історії України Санкт-Петербурзького державного університету) за допомогу у виготовленні копій документів з фондів РДІА, *І. І. Глизь* за консультаційну та редакційну допомогу у підготовці видання. Окрема подяка – співробітникам відділу національної бібліографії Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського на чолі з *В. Ю. Омельчуком* – укладачам фундаментального репертуару українськомовної книги.

Уклінна подяка за підтримку цього проекту бл. п. Володимиру та бл. п. Олені Шиприкевичам. Вони продовжили славу традицію своїх батьків, о. Петра та Катерини Шиприкевичів, які через все життя пронесли любов до рідного Полісся.

Список скорочень

англ.	– англійська	кн.	– князь
арк.	– аркуш	ком.	– коментарии
бл.	– близько	лат.	– латинь
бл. п.	– блаженної пам'яті	л. д.	– лист дела
б. н.	– без нумерації	м.	– местечко
в., вв.	– век, веков	м.	– місто
в. о.	– виконуючий обов'язки	м-ко	– містечко
вол.	– волость	мн.	– много
ВУАН	– Всеукраїнська академія наук	мн. др.	– многие другие
г.	– город	наз.	– называемый
гектограф.	– гектографічний	напр.	– например, например
гл.	– глава	наст.	– наступні
гр.	– граф	нім.	– німецька
губ.	– губернія	н. с., нов. ст.	– новый стиль, новый стиль
д.	– дом	о.	– отец, отець
див.	– дивись	об., обор.	– оборот
док.	– документ	оп.	– опис
д-ра	– доктора	опубл.	– опубліковано
досл.	– дослівно	отд.	– отделение
др., друг.	– другие, других	п., пп.	– пункт, пункты
друк.	– друкарський	пер.	– переулок
е.и.в.	– его императорское величество	побл.	– поблизу
застар.	– застарілий	пов.	– повіт
зв.	– зворот	под.	– подібне
ЗУНР	– Західноукраїнська Народна Республіка	пом.	– помощник
изд.	– издание, издания	пр., проч.	– прочее
ін.	– інше	прил., прилож.	– приложение
інв.	– інвентарний	прим.	– примірник
й.і.в.	– його імператорської величності	прим.	– примітка
к., коп.	– копеек	проф.	– профессор, професор
карб.	– карбованець, карбованців	ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
кв.	– квартира	публ.	– публікатор
КМФ	– Колекція мікрофільмів	р., рр.	– рік, роки
кн.	– книга	р., руб.	– рубль, рубли
		рос.	– російська

РУК	– Репертуар української книги 1798–1916: Матеріали до бібліографії. У 9-ти тт. / Відп. ред. Л. І. Крушельницька, наук. ред. Я. Р. Дашкевич. – Львів, 1995–2006	т. і.	– таке інше
		т. к.	– так как
		т. п.	– тому подобное
		т., тт.	– том, томах
		т., тыс.	– тисяча
		т. ч.	– тому числі
РУП	– Революційна українська партія	УДРП	– Українська демократично-радикальна партія
с.	– село	УК	– Україномовна книга у фондах Національної бібліотеки України імені В. І Вернадського. 1798–1923: Бібліогр. покажчик. У 3-х тт. / Редкол.: О. С. Онищенко (голова) та ін. – Київ, 2003
Св.	– Святейший, Святий, Святой, Святыє	уклад.	– укладач
с. г.	– сего года	укр.	– український
сл.	– следующие	ул.	– улица
сл.	– слобода	УНР	– Українська Народна Республіка
см.	– смотри	УНТ	– Українське наукове товариство
собр.	– собрание	упор.	– упорядник
соч., сочин.	– сочинение, сочинения	ф.	– фонд
спр.	– справа	франц.	– французька
ср.	– сравни	хут.	– хутір
с., стр., стран.	– страница, сторінка	час.	– часов
ст.	– станция	чел.	– человек
ст.	– статья, статьи	чеськ.	– чеська
ст.	– століття	ч., чч.	– часть, части; число, числа
ст.	– стих	экз.	– экземпляр
ст., стих.	– стихотворение		
т. д.	– так далее, так далі		
т. е.	– то есть		
т. и.	– таке інше		

ДОКУМЕНТИ
І МАТЕРІАЛИ

№ 1

**1847 р., травня 29. Санкт-Петербург. –
Розпорядження міністра народної освіти С. С. Уварова
попечителеві Київського навчального округу О. С. Траскіну
із зобов'язанням викладачів Київського університету
у викладанні і дослідженнях надавати перевагу російській мові,
літературі, історії, а також історії права з метою навчання юнацтва
“и впредь по-русски мыслить и чувствовать”, оскільки лише у такий
спосіб “будущие члены общества составят одну великую семью
с одинакими мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством”^а**

Секретно

В конце прошлого столетия родилась между соплеменными нам народами на Западе, именно в Богемии, мысль, что все народы славянского происхождения, рассеяные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить Государство славянское. Эта мысль мало-помалу овладела всеми ветвями славянского племени в Европе, сперва в литературном, потом и в политическом смысле.

От этого движения повсюду между народами славянского происхождения усилилось стремление к изучению языков, древностей и всех памятников славянских племен; но, к сожалению, это развитие отдельных ветвей славянских не долго оставалось в мирных пределах науки: скоро подпало оно искажению, частью от влияния общих тревожных идей политических, частью от возбужденных предрассудков религиозных, частью и от собственных недоразумений каждого племени. Европейское понятие о славянстве раздробилось уже на столько ветвей, сколько находится отдельных земель. Название славянства, драгоценное для восьмидесяти миллионов, разделенных на многие народы, занимающих безмерное пространство земли, по языку своему помнящих единое происхождение и древнее родство, как оказывается ныне, употребляется во зло под личиною чистого братства.

Эти идеи Запада о славянстве, естественно, тяготеют к России как средоточию племен славянских, потому что и в языке русских, и в вере, и в законах дышит и бодрствует древнее начало народной жизни, от различных судеб исторических давно умершее в других славянских народах. Но и у нас западные понятия могут увлечь людей пылких и не прозревающих опасности своих мечтаний.

Для охранения преподавателей, принадлежащих к ведомству Министерства народного просвещения, долженствующих проливать в юные умы учащегося благотворный свет истинных, полезных знаний и чувство любви к престолу и вере от вредного влияния разрушительных начал, почитаю священным долгом, с высочайшего соизволения государя императора, изложить значение народного начала в видах правительства, и мысли о сем важном современном вопросе передать Вашему превосходительству для конфиденциального сообщения их преподавателям и цензорам, в ведомстве Вашем состоящим.

Вопрос о славянстве в отношении к нам представляет две стороны: одну, которую злонамеренные могут употребить на возбуждение умов и распространение опасной пропаганды, преступной и возмутительной; другая же сторона содержит в себе святыню наших верований, нашей самобытности, нашего народного духа, в пределах законного развития имеющую неоспоримое право на попечение правительства. Русское славянство, в чистоте своей, должно выражать безусловную приверженность к православию и самодержавию; но все, что выходит из этих пределов, есть примесь чуждых понятий, игра фантазии или личина, под которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей. Раскрытию этого начала мы обязаны ближайшим знакомством с церковно-славянским языком, на котором чтение Священного Писания, недавно чуждое высшим слоям общества, ныне понятно юному поколению, одолжены знакомством и с другими славянскими наречиями, полезным и необходимым для ученых исследований языка отечественного. Этим же направлением главнейшие памятники нашей древней славяно-русской словесности вышли из забвения, множество актов и документов обнародованы на иждевении правительства.

Но этому славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенным, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоит трон и алтарь, собственно русское начало, русский дух, наша святыня.

В этом славянстве мы, русские, должны искать своего родного начала, источника и народного просвещения. Каждый народ в период самобытности своей вмещает в себе два элемента: общий, наследственный от народа-родоначальника, исчезающего в поколениях, и частный, составляющий личность народа. Общий элемент в нас есть – родовой, славянский; частный – наш собственный, русский. Посредством личности своей, каждый народ развивает в жизни человечества особую мысль провидения и содействует исполнению благих его предначертаний. Так все славянские государства были в свое время славны и могущественны, и все, как бы по очереди, пали: Моравия,

Болгария, Сербия, Померания, Чехия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Польша. Многие славяне даже потеряли язык свой вместе с воспоминаниями о прежней самобытности: в Померании, Мекленбурге, Саксонии и в других странах Германии славянское наречие вытеснено немецким, в Морее – греческим, в Венгрии – мадиарским. Этим славянам, утратившим значение свое, свойственно с сожалением вспоминать славное прошедшее. Но Россия, по воле провидения, выдержала удары судеб и приобрела самобытность: претерпев многоразличные долговременные бедствия, внутренние и внешние, она одна возносится над могилами едиnorodных государств и своею собственною личностью представляет беспримерную империю по необъятности владений, многочисленности обитателей и могуществу народного духа, благоговейно преданная своей вере, своему государю, сохранившая свой язык – знамение народного ума, народных доблестей, народного чувства. Тогда как прочие славянские народы, в изнеможении своем от чуждого владычества, еще гордятся общим славянским происхождением, Россия, не помрачившая славы предков, славна своими народными доблестями, славна и прошедшим, и настоящим.

И так, независимо от общего славянства, в действительности не существующего, а изменившегося в нескольких славянских племенах, мы должны следовать за своими судьбами, свыше нам указанными, и в своем родном начале, в своей личности народной, в своей вере, преданности к престолу, в языке, словесности, в истории, в своих законах, нравах и обычаях, – мы обязаны утвердить живительное начало русского ума, русских доблестей, русского чувства. Вот искомое начало народное, и не славяно-русское, а чисто русское, непоколебимое в своем основании – собственно наша народность.

Великий преобразователь России не все вновь в ней создал: стихии для его творения уже были приготовлены венценосными его предшественниками. Могучею волею Петр I совершил в свое царствование то, для чего потребны столетия; но он совершил то, до чего народы достигают и в постепенном своем развитии. Какие следствия его преобразований? Мы, оставаясь русскими по духу и сердцу, сравнились с европейцами в образованности. Ломоносов для пересоздания слова русского там же искал сокровищ науки, где Петр Великий находил их для пересоздания государства. Чего ж нам ожидать от соплеменных народов? Ответ мы находим в истории и прошедшей, и современной. Святая Русь бедствовала и страдала одна, одна проливала кровь свою за престол и веру, одна продвигалась твердым и быстрым шагом на поприще гражданского своего развития; одна ополчалась против двадцати народов, вторгнувшихся в ее пределы с огнем и мечом в руках. Все, что имеем мы на Руси, принадлежит нам одним, без участия других славянских народов, ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве, не столько по внушению братской любви, как по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма.

С таким воззрением на нашу народность я обращаю слово преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но и трудный – русский язык и русскую словесность, с про-

чими соплеменными наречиями как вспомогательными средствами для родного языка, русскую историю, историю русского законодательства: им предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение духа отечественного, не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических. Преподаватели, следуя видам и направлению правительства, и научая вверенное им юношество тому или другому предмету, да поучают его и впредь по-русски мыслить и чувствовать: только этим способом будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством.

Таково воззрение правительства на славянство вообще и на славянство в отношении к России; таковы мысли о начале народном и народности, источник народного просвещения, коими следует руководствоваться при направлении умов учащегося юношества.

Университет Св. Владимира, младший между русскими университетами, созданный щедротами государя императора и всегда составляющий предмет его особенных попечений, имеет прекрасное, но вместе и трудное, назначение сливать и примирять между собою на поприще нравственного образования, два доселе враждебные начала, оба исходящие из одного корня славянского, соприкосновенные во многих отношениях, но издавна разлученные гибельным влиянием противоборства векового. На преподавателях Университета Св. Владимира лежит обязанность самого бдительного внимания, – обязанность тем настоятельнейшая, что под личиною славянства легко может укрыться мятежный дух польский, готовый уловить умы неопытного юношества и коварно увлечь его за собою. Проникнутые чувством истинно русским и чуждые ложных понятий мнимого славянства, преподаватели Университета Св. Владимира внушат и питомцам своим, что для нас ничего не может быть славнее имени русского, того знаменитого нашего имени, которое с основания государства нашего повторялось и повторяется миллионами народа в жизни общественной. Да слышится в университетах имя русского, как слышится оно в русском народе, который, не мудрствуя лукаво, без воображаемого славянства, сохранил веру отцов наших, язык, нравы, обычаи – всю народность.

Я не скрываю пред собою, что вышеупомянутые уклонения от прямого пути науки возможны, но в то же время я уверен и имел счастье всеподданейше выразить всемилостивейшему государю императору уверение, что учащие и учащиеся, принадлежащие к ведомству Министерства народного просвещения, оправдают ожидания и надежды монаршие; и это уверение, с полным убеждением в точности его исполнения, передаю в настоящем случае самим делателям на ученом поприще.

Бог нам да поможет в великом деле народного просвещения, от которого зависит настоящее и будущее России!

В заключение я должен присовокупить, что это открытое и положительное изложение видов правительства в деле о началах русского просвещения бесспорно возбудит во всех благонамеренных стремление, по мере сил, оправдать доверенность правительства и употребить все старания к охране-

нию духа учащегося юношества от соблазна понятий, нам неприятных и вредных. Между тем правительство, следя неослабно развитие сего важного, по обстоятельствам, дела тогда только было бы вынуждено обратиться к мерам другого рода, когда ожидание его могло бы оказаться тщетным, и меры кротости и доверия не достигли бы благой его цели.

Ваше превосходительство, не оставите обращать особенное внимание на содержание сего предписания и повременно доносить мне о наблюдениях Ваших по вышеизложенным предметам, равно как и о распоряжениях, кои по местным соображениям могли бы впоследствии оказаться полезными.

Министр народного просвещения, граф *Уваров*
Директор *С. Комовский*

Помітка: Получено 6 июня и по докладу господину генерал-губернатору прочтено в полном присутствии совета Университета Св. Владимира 7 июня, куда и препроводить копию с сего предписания для приложения к журналу заседания.

Обо всем донести министру и снять копию для генерал-губернатора. 8 июня. Нужное.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1847), спр. 12, арк. 3–10. Оригінал.

№ 2

1847 р., травня 30. Санкт-Петербург. – Відношення начальника Третього відділення власної й.і.в. канцелярії О. Ф. Орлова міністрові народної освіти С. С. Уварову про наслідки розслідування діяльності Кирило-Мефодіївського братства у Києві

Секретно

М[илостивый] г[осударь] гр. Сергей Семенович!

По производству исследования об Украинно-славянском обществе, составившемся в Киеве, обнаружено следующее.

Общество это существовало в исходе 1845 и начале 1846 г. между тремя лицами: коллежским секретарем Гулаком, кандидатом Белозерским и адъюнктом-профессором Киевского университета Костомаровым. По предложению последнего из них это общество называлось Славянским обществом св. Кирилла и Мефодия, а знаком приняты были кольца или образа во имя сих святых.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен с тем, чтобы они были устроены на том основании, на каком состоит Царство Польское. Средствами для этого украинно-славянисты полагали воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры и заведение училищ и издание книг для простого народа.

Вскоре учредители общества сами увидели, что теоретические предположения их несообразны с практическим ходом дел, и в половине 1846 г. перестали называть свой круг обществом, положив заниматься изучением истории и языков славянских как наукою, без всякой политической цели.

Хотя ввиду имеется донесение, что украино-славянисты, особенно Гулак предавались и революционным идеям, но Белозерский, Костомаров, а после и Гулак решительно отвергли это обвинение, доказывая, что даже и в мыслях их никогда не было ни народных потрясений, ни преобразования законных властей в России и тем менее каких-либо вооруженных действий.

Кроме того, у некоторых из участников Украино-славянского общества находились: устав общества, составленный Белозерским по примеру уставов учено-литературных обществ, существующих у чехов, лужичан и сербов, рукопись преступнейшего содержания, служащая истолкованием тому же уставу и сочиненная тем же Белозерским, другая рукопись “Закон Божий”^а, или “Поднестриянка”^б, получившая ход от Костомарова, исполненная революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями к славянским племенам, также стихотворения Шевченки самого возмутительного и дерзкого содержания; но украино-славянисты утверждают, что эти рукописи никогда не были основанием или правилами бывшего их общества.

Костомаров издал еще под псевдонимом Иеремии Галки две книги: “Украинские баллады” 1839 г. и “Ветка” 1840 г., обращающие на себя внимание мыслями о прежних набегах казаков и Гетманщине, а Гулак увеличил вину свою необыкновенно упорным запирательством, продолжавшимся два месяца, и только после очных ставок, когда увидел, что дело уже открыто, принес сознание.

Еще к Украино-славянскому обществу приближались, хотя не участвовали в оном, действительный студент Навроцкий и студенты Киевского университета Андрузский и Посяда.

Навроцкий – родственник Гулаку и в продолжении года жил с ним на одной квартире, а потому не мог не знать о предположениях украино-славянистов, но он не сознался не только в этом, даже в чтении рукописи “Закон Божий” и возмутительных стихотворений Шевченки, тогда как в последнем был уличен на очной ставке. Поэтому вина Навроцкого важна не по сближениям его с украино-славянистами, а по упорству в запирательстве, которое он как бы перенял от родственника своего Гулака.

Андрузский, имеющий от роду 19 лет, сочинял стихи возмутительного содержания о государственном преобразовании в России, доходя в последних до мысли об учреждении республики; при производстве же следствия делал неосновательные показания, увеличивая вину некоторых или называя членами общества лиц, вовсе не принадлежавших к оному, но после очных ставок признал неправильность первого показания и с искреннейшим раскаянием испрашивал прощения; он еще обнаружил себя пламенным украинофилом и даже в последнем объяснении своем упомянул, что никогда не отступится ни от малороссийского языка, ни от любви к Украине.

Посяда в составляемых им записках и проектах просьб, содержания которых, впрочем, он не распространял, выражал плач о бедственном будто бы

положении Малороссии и в грубых словах описывал обращение недостойных помещиков с крестьянами.

Наконец, двое – художник Шевченко и бывший учитель 9-го класса Кулиш – хотя вовсе не участвовали в Украйно-славянском обществе, но были в коротких связях с учредителями общества и виновны по отдельным своим собственным действиям.

Шевченко сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетьманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ, к которым обязан питать благоговейное уважение, часть стихотворений под названием “Кобзарь” напечатано в 1840 г.

Кулиш в изданных им сочинениях “Повесть об украинском народе”^в 1846, “Украйна” 1843 и “Михайло Чарнышенко”^г 1843 г. с восторгом описывал дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва ли не знаменитее всех историй, славу его называл всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекал, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах, описывал распоряжения императора Петра I и преемников его в виде угнетений и подавления прав народных.

Сочинения Кулиша могли столько же поселять в малороссиянах мысли о возможности существовать отдельно, сколько стихотворения Шевченки, и тем более производит вреда, что одно из них издано “Для детей старшего возраста”. Разница между этими двумя писателями та, что Кулиш, увлекаясь любовью к родине, не предполагал, чтобы мнения его могли быть приняты в дурном смысле, и когда указали ему на двусмысленные места, он с ужасом увидел, что мысли его действительно могли сделаться причиною беспорядков.

Вообще вред от всех украйно-славянистов мог происходить хотя медленный, но тем более опасный, что они, быв при воспитании юношества, имели случай посеять в возрастающем поколении испорченность и приготовить будущие неустройства.

Государь император по всеподданейшему докладу об этом высочайше повелеть соизволил:

1. Гулака, как главного руководителя Украйно-славянского общества, весьма долго заправлявшегося, а еще более, как человека, способного на всякое вредное для правительства предприятие, заключить в крепость в отдаленную губернию под строжайший надзор.

2. Костомарова, хотя впоследствии сознавшегося в своих преступлениях, но виновного особенно потому, что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в крепость на один год и после того отправить в Вятку на службу, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора.

3. Белозерского за откровенность и в уважение того, что он при искреннейшем раскаянии дал точное и положительное сведение об Украйно-славянском обществе определить на службу в Олонецкую губ., не лишая его преимуществ

прежде приобретенных, но не по ученой части и с учреждением за ним надзора.

4. Шевченку определить рядовым в Отдельный Оренбургский корпус с правом выслуги под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать, дабы от него не под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений.

5. Кулиша, воспретив ему писать, заключить в крепость на четыре месяца и потом отправить на службу в Вологду никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора и с тем, чтобы он не был увольняем ни в Малороссию, ни за границу.

6. Андрузского, в уважение того, что слишком молод летами и душою и искренно повинился в своих преступлениях, отправить для окончания курса наук в Казанский университет и потом определить на службу в одну из великороссийских губерний с учреждением за ним и во время учения, и на службе строгого надзора, а также не увольнять в Малороссию.

7. Навроцкого отправить в Вятку, выдержать его там шесть месяцев в тюремном замке и после того определить на службу в одном из уездных городов Вятской губ., по назначению губернатора, с учреждением над ним, Навроцким, строгого надзора.

8. Посяде вменить в наказание содержание под арестом и отправить в Казанский университет для окончания курса наук, а потом определить на службу в одну из великороссийских губерний.

9. Белозерскому, Навроцкому, Андрузскому и Посяде выдать по 200 руб. сер[ебром] каждому на обмундирование и первоначальное обзаведение.

10. Матери Костомарова и жене Кулиша во все время содержания в крепости сына первой и мужа последней до освобождения их выдавать жалование, какое получали Костомаров и Кулиш, а жене коллежского асессора Мазуровой, которая прибыла в С.-Петербург с дочерью своею, невестою Костомарова, выдать 300 руб. серебром в пособие на возвратный путь в Киев.

11. Напечатанные сочинения Шевченки “Кобзарь”, Кулиша “Повесть об украинском народе”, “Украина” и “Михайло Чарнышенко”, Костомарова “Украинские баллады” и “Ветка” запретить и изъять из продажи.

12. Цензорам, дозволившим печатать упомянутые сочинения, сделать строгий выговор с тем, чтобы это не лишало их никаких прав, службою приобретенных, как людей, отлично аттестованных и сделавших ошибку более по неосмотрительности, нежели по умыслу и от Министерства народного просвещения предписать вообще цензорам обращать на труды литераторов более строгое внимание.

13. Генерал-адъюнктам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись “Закон Божий” и другие возмутительные сочинения, так же не питаются ли мысли о прежней вольнице, Гетманщине и о правах на отдельное существование, чтобы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но

самым независимым и осторожным образом, без явных преследований, сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

О таковой монаршей воле сообщая Вашему сиятельству для зависящего с вашей стороны распоряжения по предметам исключения из службы по учебному ведомству Гулака (если он уже определен к С.-Петербургскому университету), Костомарова и Кулиша, относительно надзора за Андрузским и Посядой, уже отправленным в Казань, равно по 11 и 12-му пунктам решения, и присовокупляя, что к исполнению этого решения по прочим предметам мною уже сделано распоряжение, имею честь покорнейше просить Вас, м[илостивый] г[осударь], не изволите ли удостоить меня уведомлением, сколько именно получали жалования Костомаров и Кулиш, дабы я мог распорядиться выдачею этого жалования их матери первого и жене последнего. Примите уверение в соверш[енном] моем почт[ении] и проч[ее].

Подписал гр. Орлов

Верно: кол[лежский] сов[етник] Константинов

Кирило-Мефодіївське товариство / Упоряд. М. І. Бутич, І. І. Глизь, О. О. Франко. – К., 1990. – Т. 1. – С. 75–77.

№ 3

1847 р., червня 21. Одеса. –

**Повідомлення начальника П'ятого округу Корпусу жандармів
у м. Одесі генерал-майора О. А. Шнеля полковникові
цього Корпусу В. І. Граве про недопущення
поширення українофільських ідей та друкованих
і рукописних творів членів Кирило-Мефодіївського братства**

Весьма секретно

В недавнем времени открыто, что молодые ученые люди в Киеве, почти все уроженцы Малороссии, составляли Украино-славянское общество Св. Кирилла и Мефодия. Учредители общества были: коллежский секретарь Гулак, адъютант Костомаров и кандидат Белозерский, но с ними по сходству занятый сблизались и другие молодые люди, большею частью учившиеся в Университете Св. Владимира.

Цель общества состояла в присоединении к России иноземных славянских племен, а средствами оно полагало воодушевление славянских племен к уважению собственной их народности, изгнание из нравов их всего иноземного, уничтожение вражды и водворение согласия между ними, склонение их к исповеданию одной православной веры, заведение училищ и издание книг для простого народа.

У некоторых из участников Украино-славянского общества были найдены не применявшиеся в прочем к обществу: Устав^а, по правилам которого в славянских племенах должно бы учредиться народно-представительное правление; рукопись преступнейшего содержания, служащая как бы истолкованием тому

же Уставу; другая рукопись, называемая “Закон Божий”, или “Поднестранка”, переделанная из Мицкевичевой “Пилигримки”^б, исполненная революционных и коммунистических правил, с возмутительными воззваниями в конце к славянским племенам и другие преступные сочинения.

Должно еще заметить, что идеи о восстановлении в каждой земле народности, языка, собственной литературы и соединении славянских племен в одно целое не принадлежат одним лицам, прикосновенным к упомянутому делу, но составляют предмет рассуждений многих ученых, и из них занимающиеся исследованиями вообще о славянах называются славянофилами.

В Киеве же и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди более заботятся о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии, доходя даже до мечтаний о возвращении времен прежней вольницы казачества и Гетманщины.

Прикосновенные к делу об Украино-славянском обществе, как уроженцы Малороссии, были собственно украинофилами. Все они в письмах своих, а художник Шевченко, бывший учитель Кулеш и Костомаров даже в напечатанных ими сочинениях, изображая в ложном виде настоящее положение Украины, будто бы находящейся в бедственном положении, с восторгом говорили о прежней Малороссии, придавая ей необыкновенно великое значение. Историю этого края представляли едва ли не знаменитее всех историй, наезды гайдамаков описывали в виде рыцарства, приводили примеры прежней вольности, намекая, что дух свободы не простыл и доселе таится в малороссиянах. Стихотворения же Шевченки на малороссийском языке, особенно рукописные: “Сон”, “Послание к мертвым и живым”, “Три души” и проч., – одни пасквильного и до величайшей степени дерзкого, а другие прямо возмутительного содержания.

По высочайше утвержденному решению дела об Украино-славянском обществе, виновные преданы строгому наказанию, сверх того определено:

1) Напечатанные сочинения: Шевченки “Кобзарь” 1840 г.; Кулеша “Повесть об украинском народе” 1846, “Украина” 1843 и “Михайло Чернышенко” 1843 г.; Костомарова, под псевдонимом Иеремии Галки, “Украинские баллады” 1839 и “Ветка” 1840 г., запретить и изъять из продажи.

2) Генерал-адъютантам Бибикову и Кокошкину сообщить, чтобы они наблюдали во вверенных им губерниях, не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись “Закон Божий” и другие возмутительные сочинения; также не питаются ли мысли о прежней вольнице, Гетманщине и о мнимых правах на отдельное существование; чтобы обращали внимание на тех, которые преимущественно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований, и сколь возможно не раздражая уроженцев Малороссии.

3) Министру народного просвещения, который уже принял меры для направления трудов ученых к рассуждениям о народности, языке и литературе собственно русских, объявить еще положительное высочайшее повеление, чтобы наставники и писатели действовали в духе и видах нашего правитель-

ства, отнюдь не допуская ни на лекциях, ни в книгах и журналах никаких предположений о присоединении к России иноземных славян, и вообще ни о чем, что принадлежит правительству, а не ученым; чтобы они рассуждали сколь возможно осторожнее там, где дело идет о народности или языке Малороссии и других подвластных России земель, не давая любви к родине перевеса над любовью к отечеству, империи, и изгоняя все, что может вредить последней любви, особенно о мнимых настоящих бедствиях и о прежнем, будто бы необыкновенно счастливом положении подвластных племен; чтобы все выводы ученых и писателей клонились к возвышению ни Малороссии, Польши и прочих стран отдельно, а Российской империи в совокупности народов, ее составляющих; чтобы цензоры обращали строжайшее внимание на московские, киевские и харьковские периодические издания, и на все книги, печатаемые в славянофильском духе, не допуская в них тех полутемных и двусмысленных выражений, которыми они изобилуют и которые хотя не заключают в себе злоумышленной цели, могут однако же людей злонамеренных приводить к предположениям о самостоятельности и прежней вольнице народов, подвластных России.

Господин шеф жандармов предписанием своим от 9 текущего июня № 981^B уведомил меня, что об исполнении таковой монаршей воли сообщено им для исполнения всем, кому надлежало, просит меня поручить жандармским штаб-офицерам вверенного мне округа, особенно в Малороссии, дабы они с своей стороны наблюдали, но самым осторожным и незаметным образом без всяких преследований по вышеизложенным пунктам из решения украино-славянского дела.

Сообщая о сем Вашему высокоблагородию к надлежащему исполнению и, что будет заслуживать внимания, доносить прямо от себя его сиятельству господину шефу жандармов и мне для сведения.

Генерал-майор *Шнель*

ЦДІАК України, ф. 1252, оп. 1, спр. 49, арк. 1–4. Оригінал. Опубл.: Тарас Шевченко. Документи і матеріали. 1814–1963. – К., 1963. – С. 53–55; Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії 1814–1861. 2-е вид. – К., 1982. – С. 143–145.

№ 4

**1847 р., вересня 22. Київ. – Розпорядження
попечителя Київського навчального округу директорів
училищ Волинської губернії про вилучення творів П. О. Куліша,
Т. Г. Шевченка і М. І. Костомарова з бібліотек
навчальних закладів**

Секретным предписанием господина министра н[ародного] п[росвещения] от 2 минувшего июня за № 742 сочинения господина Кулеша “Повесть об украинском народе” (1846 г.), “Украина” (1843 г.), “Михайло Чернышенко” (1843), господина Шевченка “Кобзарь” (1840 г.) и господина Костомарова (под псев-

донимом Иеремии Галки) “Украинские баллады” (1839 г.) и “Ветка” (1840 г.) подвергнуть запрещению.

Вследствие этого я покорнейше прошу Вас сочинения эти, буде они находятся в библиотеках вверенных Вам училищ, вытребовать оттуда и доставить их ко мне.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1847), спр. 18, арк. 3. Відпуск.

№ 5

1847 р., грудня 17. Київ. –

**Висновок ректора Київської духовної семінарії архімандрита
Антонія цензурному комітетові при Київській духовній академії
про небажаність публікацій українськомовних проповідей,
“дабы под предлогом общенародности, ложной простоты не исказить
русского языка, а найпаче не подвергать уничижению ... Слово Божье”**

Рассмотрев по поручению цензурного комитета присланные в оный из Святейшего Синода рукописные проповеди^а, честь имею представить оные и донести о них следующее:

1. Одна проповедь – на Новый год – неоригинальная, а переведена с чистого русского языка из “Собрания слова” бывшего ректора Киевской академии архимандрита Иннокентия^б, что ныне преосвященный Архиепископ Харьковский.

2. Вторая проповедь – в день Успения Пресвятой Богородицы – довольно хорошая, только в ней на стр. 15 слова Писания “той твою блюсти будет главу”, толкуются по чтению Вулгаты^в и разумению католиков не о Христе Спасителе, а о Пресвятой Деве Богородице; есть также выражения неприличные, напр., на стр. 9: “Она (Дева Мария) не перебирала Божьими дарами, хотя бы они не знати из чего складались”. Также на стр. 11 не совсем приличная молитва к Божьей Матери.

3. В слове о том, что не должно отлагать покаяния, на 6 стр. помещена нескладная повесть из каких-то книг взятая “об одной матери недбаной о свою душу, котору побожный сын нияким способом не мог до покаяния привести”.

4. “Слово в неделю [жен]-мироносиц” очень не обработано и наполнено неуместными примерами, взятыми из древней языческой истории о Сцеволе, о Клеопатре, о гладиаторских боях, есть также места противные нравственному чувству, напр., на 12 странице.

К сему долгом поставляю присовокупить, что язык, на котором писаны сии поучения есть самый грубый, провинциальный и площадный, на котором не только печатать, но и говорить церковные поучения, по моему мнению, не следует, дабы под предлогом общенародности, ложной простоты не исказить русского языка, а найпаче не подвергать уничижению церковную кафедру и проповедуемое с ней Слово Божье.

Семинарии ректор, архимандрит *Антоний*

ЦДІАК України, ф. 711, оп. 3, спр. 4213, арк. 3. Оригінал.

№ 6

1853 р., листопада 7. Київ. –

Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова міністрові народної освіти А. С. Норову про винесення суворої догани старшому вчителю Чернігівської губернської гімназії О. Д. Тулубу, який виконував обов'язки цензора “Губернских ведомостей”^а і схвалив до друку українські прислів'я та приказки, а також про обов'язкове подання етнографічних, фольклорних та історичних матеріалів на розгляд Київського цензурного комітету

Конфіденційно

Вследствие отношения В[ашего] пр[евосходительст]ва от 17 октября за № 1975 имею честь уведомить, что я объявил строгий выговор старшему учителю Черниговской губернской гимназии Тулубу за неосмотрительное одобрение к напечатанию в “Губернских ведомостях” малороссийских пословиц и поговорок, присовокупляя при том, что Тулуб занимался цензурою упомянутых “Ведомостей” временно, по случаю выбытия из гимназии назначенного для сего учителя Лузанова, но не утвержден мною в этой должности, а предписано избрать другого, более опытного.

При сем случае я не могу не высказать со всею откровенностью, что выбор учителей для цензуры неофициальной части “Губернских ведомостей”, по крайней мере в управляемом мною учебном округе, весьма затруднителен, как по причине национальной особенности и происходящей от того своеобразности понятий всех коренных жителей сего края, так и потому, что учитель, даже независимый от влияния местных идей, будучи слишком удален от средоточий правительственных мер, не имеет никакой возможности усвоить себе вполне такой взгляд на цензурные требования в многообразных административных положениях края, который ограждал бы его от ошибок и невинных недосмотров.

Находя по сему, что в здешних губерниях цензурование посредством избранных учителей гимназий неофициальной части “Губернских ведомостей” не вполне достигает своей цели, и принимая во внимание, что в этом отделе “Ведомостей” не помещаются статьи, требующие поспешного или срочного опубликования, так что менее или более позднее появление их в печати несколько не затруднит ни редакций, ни сочинителей статей, ни читателей, я полагаю бы вменить в обязанность цензующим неофициальную часть “Губернских ведомостей” губерний, составляющих Киевский учебный округ (кроме Киевской), чтобы они все статьи, заключающие в себе местные предания, поверья, пословицы, песни и тому подобное, равно содержания исторического и вообще такие, одобрение коих может зависеть от особенных соображений, представляли для рассмотрения в Киевский цензурный комитет, который обязан будет возвращать такие статьи непременно с первою почтою.

Приведение сего в исполнение тем более удобоисполнимо, что Киев занимает довольно центральное положение в отношении к причисленным к нему губерниям, и потому на пересылку и просмотр статей потребуется не слишком много времени.

Помітка: Вся переписка по сему делу велась по Цензурному комитету.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1853), спр. 8, арк. 1–2. Чернетка.

№ 7

1859 р., березня 14. Київ. –

Повідомлення цензора Київського цензурного комітету О. М. Новицького попечителєві Київського навчального округу і голові Київського цензурного комітету М. І. Пирогову про заборону використовувати латинський алфавіт в українськомовних творах

В Киевский цензурный комитет поступают иногда для цензурного рассмотрения рукописи на малороссийском наречии, но писанные польскими буквами, а равно и книги из Галиции на червоно-русском, или что то же, на малороссийском наречии, печатанные тоже польскими буквами.

Принимая во внимание, что с предстоящим изменением положения крестьян, грамотность между ними, по всей вероятности, распространится и усилится, – что крестьяне западных губерний, встречая здесь книги, написанные на малороссийском языке только польскими буквами, естественно, захотят больше изучать польский, чем русский алфавит, чтобы иметь возможность читать доступные им по языку сочинения, – что из обхождения с польским населением здешнего края, понимая польский язык, весьма легко могут перейти и к чтению собственно польских книг и грез, то подвергнуться влиянию лишь польской литературы с отчуждением от духа и направления литературы русской, – и наконец, что в Галиции (как вижу из бывшей у меня в цензурном рассмотрении печатаной во Львове в 1846 г. брошюры “*Słow kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości*”^а) тамошнее польское население сознательно и упорно стремится к тому, чтобы между коренным русским населением вместо кирилловского алфавита ввести в употребление исключительно польский алфавит с целью подавления литературным влиянием русинской народности и постепенного преобразования ее в народность польскую, – каковые тенденции тем же путем могут распространяться и на западные губернии, – имею честь донести эти обстоятельства до сведения Вашего превосходительства с тем, что не будет ли признано полезным, в видах охранения русской народности в русском населении западных губерний, постановить на будущее время, чтобы сочинения на малороссийском языке печатаны были в пределах России русскими буквами, или, где окажется нужным, церковнославянским, и что бы книги на червоно-русском наречии, печатанные за границею польскими буквами, не дозволены были к привозу в Россию в значительном количестве одного и того же сочинения.

Цензор *Новицький*

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1859), спр. 7, арк. 1–2. Оригінал.

№ 8

**1859 р., травня 30. Санкт-Петербург. –
Повідомлення товариша міністра народної освіти М. О. Муханова
попечителеві Київського навчального округу М. І. Пирогову
про заборону використовувати латинський алфавіт
для друкування українськомовних творів**

Главное управление цензуры, рассмотрев секретное представление Вашего превосходительства от 5 апреля сего года господину министру народного просвещения, 25 того же месяца определило воспретить печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку, а также постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе как русскими буквами, и чтобы подобные книги, напечатанные за границею польским шрифтом, не были допускаемы ко ввозу в Россию.

О сем определении Главного управления цензуры, предложенном мною вместе с сим циркулярно по цензурному ведомству, имею честь уведомить Ваше превосходительство для надлежащего распоряжения по Киевскому цензурному комитету. Два первые листа “Украинской азбуки”, приложенные к представлению Вашему, при сем возвращаются.

Товарищ министра народного просвещения *Н. Муханов*
Управляющий канцелярией [підпис]

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1859), спр. 7, арк. 7. Оригінал.

№ 9

**1859 р., червня 19. Київ. –
Розпорядження попечителя Київського навчального округу
М. І. Пирогова Київському цензурному комітетові про заборону
введення до Росії творів, надрукованих українською мовою
латинським алфавітом**

Господин управляющий Министерством народного просвещения от 30 минувшего мая за № 1296 уведомил меня, что Главное управление цензуры 25 апреля с. г. определило воспретить печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку, а также постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, писанные собственно для распространения их между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами чтобы подобные народные книги, напечатанные за границею польским шрифтом, не были допускаемы ко ввозу в Россию.

Уведомляю о сем цензурный комитет для руководства и исполнения.

Попечитель *Пирогов*
Правитель канцелярии [підпис]

ЦДІАК України, ф. 293, оп. 1, спр. 552, арк. 1. Оригінал.

№ 10

1861 р., лютого 25. Київ. –

**Розпорядження київського, подільського і волинського
генерал-губернатора І. І. Васильчикова попечителєві
Київського навчального округу М. І. Пирогову
про переведення студентів Київського університету
братів Тадея та Йосипа Рильських до Казанського
університету за “неуместное сближение
с крестьянами с предосудительной целью”**

Вашему превосходительству известно возникшее на студентов Университета Св. Владимира Фаддея и Осипа Рильских подозрение в неуместном сближении их с крестьянами с предосудительною целью.

Фаддей Рильский сам сознался, что он участвовал в полевых работах с крестьянами, посещал крестьянские избы и шинки, пел с крестьянами песни и читал им малороссийскую поэму “Наймичка”.

У него захвачено несколько листов тетради, писанной им на малороссийском языке, в которой рассказывается история Украины, наполненная местами, могущими возмущать крестьянские умы, так например: об угнетениях простого народа, о восстании его под предводительством гетьмана Хмельницкого, об успехе этого восстания и т. п.

В чтении этого сочинения крестьянам Фаддей Рильский, хотя не сознался, но есть некоторые указания, опровергающие его заперательство и дающие повод подозревать его, что он с неблагонамеренною целью сближался с крестьянами, пел с ними песни, пил водку, читал сочинения и т. п.

Осип Рильский содействовал брату Фаддею.

По представлению моему последовало высочайшее разрешение, которое, вероятно, и Вам уже объявлено, о переводе Фаддея и Осипа Рильских в г. Казань, с предоставлением им права окончить образование в тамошнем университете.

Как Рильские могли вовлечься в означенные действия по молодости, необдуманно и не сознавая вредных последствий таких действий, чтобы не прерывать продолжения им курса учения, я полагаю отправить их в Казань пред наступлением праздника Св. Пасхи, и с этою целью покорнейше прошу Ваше превосходительство до того времени настоящее распоряжение о Рильских удержать в секрете, приказав только инспектору студентов не выдавать Рильским билетов в отпуск.

Генерал-губернатор князь *Васильчиков*

Помітка: Приказано лично инспектору.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1861), спр. 2, арк. 6–7. Оригінал.

№ 11

1861 р., лютого 28. Санкт-Петербург. –
Розпорядження начальника Третього відділення власної
й.і.в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському
і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову
про підтвердження відомостей щодо появи студентів
Київського університету на лекціях у національному вбранні
та виконання польського гімну на концерті в залі університету

Конфіденційно

Милостивый государь князь Илларион Илларионович!

Мною получено сведение, что на концерте, данном 13-го сего месяца в зале Киевского университета, играна была между прочим известная польская песнь “Jeszcze Polska nie zginęła” и что во время игры оной вся публика при-встала.

Кроме того сообщено, что студенты университета, поляки и малороссияне, носят национальные костюмы, и что в этих костюмах являются они даже на лекции. Малороссияне же простирают это будто бы до того, что приходят в университет в больших сапогах, намазанных дегтем.

Считаю долгом покорнейше просить Ваше сиятельство почтить меня уведомлением, в какой степени справедливы эти сведения?

Примите, милостивый государь, уверения в искреннем моем почтении и совершенной преданности.

Князь *Василий Долгоруков*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 57, арк. 6. Оригінал.

№ 12

1861 р., березня 7. –
Лист П. О. Куліша до В. П. Буткова з поясненнями
щодо перекладу ним українською мовою “Загального положення
про селян, які вийшли з кріпосної залежності”^а

Милостивый государь Владимир Петрович!

Приношу Вашему превосходительству покорнейшую благодарность за снисходительное объяснение, как правительству угодно смотреть на предмет, в котором заинтересованы столь многие. Признавая за ним право заботиться о государственном благоустройстве по собственным, не согласным с нашими, соображениям, я только сожалею, что не могу служить ему тем, что ему, по моему глубокому убеждению, может со временем крайне понадобится.

Что касается моего перевода на украинский язык “Положений о крестьянах”, то имею честь изъяснить Вашему превосходительству, что желание восстановить некоторые исчезнувшие из простонародного языка термины происходит во мне не из одного моего взгляда на прошедшее и настоящее, но

также и из существенной необходимости, которая всегда находится в связи с прошедшим. Если оставить без перевода термины великорусские, конечно, понятные для всех, управляемых российскими законами, но понятные обязательно, то перевод представит помесь языков, равно неприятную для великорусского и для украинского читателя. Хотя правительство и не руководствовалось изложенными мною соображениями, дозволяя мне перевести “Положения о крестьянах” на украинский язык, но не может оно не желать, чтобы, по возможности, соблюден был характер той речи, на которую “Положения” переведены и достоинство языка, на котором говорят люди, заинтересованные в переводе. Позвольте заметить, что я вовсе не в том смысле сознаю неясность моего перевода для всей без исключения массы, как это выражено в письме Вашего превосходительства, а в том, в каком и русский юридический язык не всегда и всякому понятен. Мой перевод, по моим словам, должен объяснить многие места “Положения о крестьянах” не одним украинцам. Уже одни эти слова показывают, что я сделал все, что можно было сделать по отношению к общенародному языку украинскому; восстановить же некоторые термины я должен для того, чтобы, с одной стороны, не вводить в язык несвойственных ему слов, и с другой, не выдумывать новых терминов вместо тех, которые уже были в употреблении у украинцев. Официальный суд о моем опыте перевода могут взять на себя перед Вашим превосходительством многие, но между судом о деле и самим делом бывает огромное расстояние. При всем моем уважении к чинам государственной канцелярии, выразившим мнение о моем переводе, смею думать, что они не слишком глубоко посвящены в тайны украинского слова и могут как сами обманываться, так и других обманывать на счет своей компетенции в суждении в столь новом, трудном и исключительно специальном деле, как перевод на украинский язык “Положений о крестьянах”. Ваше превосходительство изволили поставить условием допущения к печатанию моего перевода, чтобы я “держался сколько возможно ближе тому языку и тем выражениям, кои употребляются ныне малороссийскими крестьянами”. Со своей стороны имею честь выразить Вам полную готовность служить правительству ради общей пользы; но почтительнейше прошу Вас вникнуть в следующую мысль: если я, сделавший жизнь украинского простолюдина предметом своего специального изучения, должен, по мнению людей почтенных, но неспециальных в этом деле, выразаться в данном случае так, а не иначе, то какое зрелище представит это командование в моих собственных глазах и в глазах судей, к которым оно перейдет на публичное обсуждение? Я бы полагал, что контроль над моим переводом должен ограничиться указанием неумышленных пропусков и других случайных недосмотров.

Что же касается до характера языка, до ясности и выразительности смысла, то каждый официальный наставник в этом случае будет играть роль домашней курицы, которая бы вздумала учить дикую птицу летать. Откровенно скажу, что мой перевод, даже пред судом моего самолюбия, которого не чужд каждый человек, не будет то, чем бы желательно, чтобы он был; и если я, готовившийся с детства быть украинским писателем и к старости не желающий ничего другого на земле, — если я сделаю дело плоховато, то каково сделают люди, родившиеся не в простонародном быту, проводившие жизнь вдали от народа

и приложившие свои труды вовсе не к народоведению. Мне было бы грустнее, нежели кому-либо из украинцев, осмеивать публично перевод, который бы оказался сродни кой-чему, выдаваемому у нас за настоящую украинскую речь, по недостатку истинных знатоков этой речи в классе образованном и литературном.

Покорнейше прошу Ваше превосходительство принять уверение в моем глубоком почтении и преданности.

П. Кулиш

Вашкевич Г. Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах // Киевская старина. – 1905. – Кн. 2. – С. 326–328.

№ 13

1861 р., березня 12. Київ. –

Рапорт кийвського жандармського штаб-офіцера начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про всенародне оголошення в Києві “Загального положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності” з обґрунтуванням доцільності здійснення його перекладу українською мовою

Секретно

В 10 день сего марта после божественной литургии в г. Киеве прочитан всенародно в церквях и на базарных площадях высочайший манифест о крепостной независимости с всемилостивейшим дарованием крестьянскому сословию новых прав в высочайше утвержденных правилах с обязательством впрочем крестьян находится на прежнем основании в продолжении 2-х летнего срока. Из разглашавшегося в этот день события заметно было совершенное удовольствие господ помещиков не нарушением безвозмездно поземельной их собственности (о чем носились доселе гадательные толки), что же касается дворовых людей в городе и некоторых крестьян из разных губерний, промышленяющих в Киеве, то сии последние по неграмотству своему, по-видимому, не совсем еще могли вразумиться в смысле даруемых им прав и преимуществ государем императором, и большая часть крестьянского сословия, выслушавши высочайший манифест, поняла то только, что они обязаны пребывать по-прежнему в господской зависимости еще на два года, обстоятельство это разъясняется как дворянством, так и распоряжением губернского начальства растолковать людям действительность монаршей милости об улучшении крестьянского быта. В тот же день разосланы из Киева нарочные с высочайшим манифестом и положением (коих прислано только 20 экземпляров в распоряжение губернского начальства) в уездные города для всенародного объявления.

Получив 10 числа сего месяца секретное предписание вашего сиятельства от 20 прошлого февраля № 566¹, и в исполнении оною поспешаю теперь же

¹ Див. цю саму справу, арк. 17.

донести о первоначальном введении в г. Киеве высочайшей воли о новом крестьянском положении, осмеливаясь при сем присовокупить, на начальниче благоуважение вашего сиятельства, нижеследующее:

Киевская губерния населена чисто малороссиянами и украинцами, чтобы каждый малоросс мог бы взять в толк на своем родном языке даруемые государем императором милости, не бесполезно было бы допустить перевод высочайшего положения на малороссийский язык с дозволением вольной продажи таковых, по сем опубликовать в “Губернских ведомостях”, мера эта отвратила бы простолюдинов от всякого злого искушения веровать по свойственной им простоте в какие-нибудь рассказы людей неблагонамеренных, всякая деревня могла бы обзавестись сама по себе таким экземпляром, грамотею из своей среды они поверят лучше, нежели поземельным владельцам или должностным лицам.

Верно: капитан [нідрус]

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 38, арк. 18–19. Засвідчена копія.

№ 14

1861 р., травня 11. Чернігів. – Лист Л. І. Глібова до О. Я. Кониського про намір видавати газету “Чернігівський листок”^а

Милостивый государь Александр Яковлевич!

Бывши в Нежине, я получил Ваше письмо из Полтавы от 22 апреля. Спасибі Вам, добродію, за тепле слово. И я чув про Вас и дуже бажав спізнатись з Вами. Аж ось Ви й обізвались. Спасибі П. А. Кулишу. Будьмо ж живи та здорови; може, Бог дасть, коли-небудь побачимось.

Пантелеймон Александрович сообщил Вам временный адрес мой. В Нежин я езжу только гостить до жіничиних родичів; живу же постоянно в Чернигове как учитель гимназии.

Еще зимой я слышал о предпринимаемом периодическом издании в Полтаве; но мне сказали, что оно не состоялось по случаю перемещения редактора на другое служебное место в другой город. Вероятно, этот неверный слух был о Вашей газете.

Посылаю Вам программу моего “Листка” в таком виде, в каком она послана на рассмотрение цензурному ведомству. Я предполагаю начать издание с июля, хотя и до сих пор еще не получил окончательного разрешения; надеюсь получить скоро.

Если можно, пришлите мне копию с Вашей широкой программы: интересно знать, какого рода программа может казаться широкой. Я надеюсь, что мы начали переписку в добрый час и не остановимся на этом. Вы бы очень меня порадовали, если бы прислали для моего “Листка” что-нибудь для литературного отдела или же листик из хроники полтавской жизни.

Шевченка провезли через Нежин 5 мая, куда я ездил для встречи – и опоздал. По возможности и без нас отдали подобающую честь нашему Кобзарю. Провожали церемониально от заставы до заставы, положили венок на гроб,

6 мая вечером Шевченко был уже в Киева, откуда, говорят, на пароходе повезли его к месту вечного покоя.

Воскресные школы в Нежине и Чернигове идут изрядно, но не так хорошо, как у Вас. В Чернигове уже думают устроить ряд спектаклей в пользу будущей женской гимназии.

Дай, Боже, Вам все добре.

Душевно преданный Вам *Л. Глебов*

Мой адрес: Л. И. Глебову в Чернигове. В здании пансиона при гимназии.

Извините, что дурно пишу, по-видимому, небрежно: лучше не могу. Глаза мои много выстрадали, и теперь еще далеко до нормального состояния.

Если захотите почтить вниманием “Черниг[овский] листок”, то для отдела литератур[ного] желательно что-нибудь небольшое на в[елико]р[усском] яз[ыке]: на украинском я буду мало печатать (разве стихи), отдавая предпочтение “Основе”.

Возняк М. З життя чернігівської громади в 1861–3 рр. (Листи Леоніда Глібова й Степана Носа до Ол. Кониського) // Україна. – 1927. – Кн. 6. – С. 115–116.

№ 15

1861 р., травня 16. Київ. –

Розпорядження київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова виконуючому обов’язки попечителя Київського навчального округу Й. Г. Міхневичу про підтвердження факту створення студентами Київського університету товариства “Українська громада”

Весьма секретно

Милостивый государь Иосиф Григорьевич!

Мною получено сведение, что студенты здешнего университета образовали будто общество малороссов под названием “Украинская громада”, что лица, принадлежащие к этому обществу, стремятся сблизиться с простым народом и прививать ему идеи о малороссийской национальности и независимости, что с этою целью рассылаются воззвания на малороссийском языке, пишется история Украины и существует в Киевском университете ежедневная народная школа, и что для распространения тех же идей выезжают здешние студенты в разные местности Малороссии и Украины.

Передавая эти сведения Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить уведомить меня о том, что Вам известно по этому предмету.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Князь И. Васильчиков

Помітка: Господин помічник попечителя спрашивал Абашева и инспектора студентов, но решительно нет никакого повода подозревать в учреждении такого общества.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1861), спр. 11, арк. 2. Оригінал.

№ 16

1861 р., травня 24. Київ. –

Донесення київського губернатора П. І. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про перепоховання праху Т. Г. Шевченка в Каневі

Секретно

По предложению Вашего сиятельства от 16 сего мая за № 2555¹, я в то же время потребовал от начальника Каневской уездной полиции сведений относительно речей, произнесенных при погребении в Каневе академика Шевченко.

Между тем еще до получения начальником полиции моего предписания он прислал мне рапорт, в котором пишет, что тело академика Шевченко похоронено вблизи г. Канева на особо избранном месте двоюродным братом его Варфоломеем Шевченком, на возвышенном берегу реки Днепра.

Погребение это происходило 10 мая, в 3 часу пополудни, при стечении народа около 2000 человек; во время похорон было сохраняемо спокойствие и порядок. При этом случае говорено было две проповеди и шесть речей; первая проповедь произнесена протоиереем Мацкевичем^а при выносе тела из церкви, а вторая при самом погребении священником Чайковским. Во время шествия похоронной процессии, когда останавливались для чтения над телом Св. Евангелия, и при погребении покойника произнесено шесть речей на русском, малороссийском и польском языках: окончившим курс Университета Св. Владимира Ковалевским, студентами того университета Михаилом Малашенком, Петром Вишневым, учеником 2-й гимназии Вельегорским² и канцелярским Иваном Шукетою.

В проповеди, говоренной протоиереем Мацкевичем, преувеличенно выставлены заслуги Шевченка как человека хотя и не государственного, по его выражению, но старавшегося своим высоким умом разлить свет истины в здешнем крае. В произнесенных же студентами и другими помянутыми лицами речах высказано, что Шевченко был отцом Малороссии и Украины, что слава его не померкнет надолго, и что в творениях его есть зародыш будущего величия страны, им воспетой.

При этом начальник полиции доставил мне и список лиц, прибывших из Киева в Канев на пароходе вместе с телом Шевченка³.

Подтвердив вместе с сим начальнику Каневской полиции ускорить доставлением затребованных от него сведений по означенному предложению за № 2555, я имею честь донести об этом Вашему сиятельству, препровождая при сем и копию вышеупомянутого списка, доставленного начальником полиции.

Генерал-лейтенант *Гессе*
Секретарь *Галуцинский*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 91, арк. 156, 158. Оригінал. Опубл.: Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. – Т. 1. – К., 1963. – С. 132–133.

¹ Див. цю саму справу, арк. 154.

² Далі також: Вілігорський (див. док. № 26).

³ Див. цю саму справу, арк. 157.

№ 17

1861 р., вересня 30. Канів. –

**Повідомлення начальника Канівської повітової поліції
київському, подільському і волинському
генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про розповсюдження
“Букваря” Т. Г. Шевченка у Канівському повіті**

Пристав 2-го стана от 26-го сего сентября за № 87 донес мне, что при наблюдении в подведомственном ему стане за обращением малороссийских букварей Кулеша он получил сведения, что временнообязанный крестьянин с. Зеленек Осип Устимов сын Кудлай (60 лет от роду) привез неизвестно откуда букваря соч[инения] Тараса Шевченка^а, и, будучи в с. Зеленках по делам службы, нарочито заезжал к крестьянину Кудлаю, где при разговорах с ним, весьма отдаленных от цели прибытия к нему, получил сознание Кудлая, что Кудлай, будучи в Черкасском уезде на сахарном заводе купцов Яхна и Семиренки, у которых он состоит подрядчиком 10 лет, получил от Ивана Терентьевича Яхно 12 букварей Тараса Шевченка собственно для себя, из числа коих роздал по одному экземпляру управляющему Дорожинскому, экономам Матковскому и Болевскому, благочинному Грушецкому, священнику с. Зеленек, местному диакону и питейным ревизорам Быстржановскому и Пилецкому, а четыре остались у него; при чем пристав, представляя один экземпляр тех букварей, присовокупил, что последние три экземпляра он оставил у себя.

По поводу сего и на основании предписаний господина начальника губернии от 21 июля и 31 августа сего года за №№ 157 и 7442, я предписал приставу 2-го стана: розданные крестьянином Кудлаем восемь экземпляров букварей Шевченка под благовидным предлогом отобрать и вместе с оставленными им у себя тремя экземплярами доставить немедленно ко мне; при чем, как ему приставу, так равно прочим станovým приставам и городскому надзирателю г. Канева, строго подтвердил иметь самое ближайшее из под руки наблюдение к недопущению распространения означенных букварей, и в особенности по сельским приходским школам и в Каневской воскресной школе, начальнику Черкасской уездной полиции сообщил вместе с сим сведение о появившихся в его ведомстве букварях.

О чем Вашему сиятельству с представлением одного экземпляра букваря Тараса Шевченка почтительнейше донося, имею честь испрашивать в разрешение предписания: как мне следует поступить с теми букварями, которые будут доставлены приставам 2 стана; то есть уничтожить ли их, или представить Вашему сиятельству, при чем долгом считаю доложить, что об этом вместе с сим донесено мною и господину начальнику губернии.

Помощник начальника уездной полиции [нідпис]

Резолюція: Вздорное распоряжение.

ЦДАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 136, арк. 118–119. Оригінал.

№ 18

1861 р., вересень. Київ. –

**Повідомлення попечителя Київського навчального округу
О. П. Ніколаї міністрові народної освіти Є. В. Путятіну про доручення
директорам училищ повідомити про факти використання
рукописних або видрукованих за кордоном підручників,
подібних до рукопису “Нової української азбуки”,
писаної польською абеткою і забороненої цензурою у 1859 р.**

Вследствие письма от 23 августа за № 31 имею честь доложить Вашему сиятельству, что в 1859 г. была передана цензору Киевского цензурного комитета Новицкому частным образом для предварительного просмотра “Новая украинская азбука”. Этот букварь был написан польскими буквами, вероятно, с целью ввести между простым народом вместо русской азбуки польскую.

По поводу означенной рукописи предместник мой входил к б[ывшему] господину министру народного просвещения с секретным представлением от 5 мая 1859 г. за № 7, на которое и получил ответ от 30 мая за № 1296. После же этой попытки с “Новой украинскою азбукою” никаких подобного рода сочинений в здешнюю цензуру не поступало.

О том же, нет ли в употреблении между простым народом в Киевском учебном округе подобного букваря рукописного или напечатанного за границею, я никаких указаний не имею; но поручил секретно директорам училищ, чтобы они при обозрении дирекций обратили на это негласным образом внимание, и если это узнают, то сообщили бы мне для доведения о том до сведения Вашего сиятельства.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашего сиятельства.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1859), спр. 7, арк. 3, 12. Відпуск.

№ 19

1861 р., жовтня 2. Радомишль. –

**Донесення начальника Радомишльської повітової поліції
Загорського київському губернаторові П. І. Гессе про розслідування
випадку одержання протоієреєм Троїцького собору
в м. Радомишль Гороновським книг українською мовою**

Секретно дознано было мною, что на имя протоиерея радомишльского Троицкого собора получен по почте тук с книгами на двадцать три руб. серебром, что в числе означенных книг находятся некоторые из запрещенных правительством к распространению. Вследствие сего я отправлялся к протоиерею Гороновскому, у которого действительно оказалось несколько брошюр на малороссийском языке и в числе их “ГраMATка”, изданная Кулишем в С.-Петербурге, о приостановлении распространения которой последовало предписание Вашего превосходительства 28 июля сего года за № 6319. Получив от него эту “ГраMATку” под благовидным предлогом, я потребовал от него 30 сентября за № 1078 подробных сведений – от кого, из какого места, каким путем и

для какой цели ему присланы эти брошюры, а также просил его сообщить мне их по описи за его подписью для надлежащего распоряжения.

Протоиерей Гороновский отзывом от 1 октября за № 1098 уведомил меня, что назад тому несколько дней им получен из Киева по почте тюк с книгами на 23 руб. серебром. По вскрытии тюка оказались книги на малороссийском языке различного содержания и между ними одна “ГраMATка” Кулиша издания 1854 г., но бумаги о том, от кого они присланы и для какой цели, не приложено; что он поджидал письма насчет этих книг с следующей почтою, но не получил. Справлялся лично на почте – нет ли на имя его какой-либо бумаги и старался, по крайней мере, узнать, от кого именно книги присланы, но все это осталось безуспешным.

Долго он раздумывал, от кого бы мог получить эти книги, наконец припомнил себе, что назад тому несколько месяцев проезжал через г. Радомысль неизвестный человек, именовавший себя студентом Харьковского университета Шимоновым. Был он у штатного смотрителя Радомысльского дворянского училища господина Штефана, у господина Бочковского – учителя того же училища, потом зашел к нему в канцелярию правления, где он в то время занимался делами, и просил сообщить ему сведение об успехе народного образования, так как он будто бы из числа людей, содействующих этому делу. Сухой его ответ и испытующий взгляд, устремленный им на него, заставили его скоро удалиться. Может быть этот человек прислал помянутые книги? Сколько он может припомнить, он видом белокур и не имеет, кажется, левой ноги, лет 30, росту среднего. При сем отзыве протоиерей Гороновский приложил список присланных ему книг, который по снятии копии при сем представляю, а также присовокупил, что он и со своей стороны доносит об этом его высокопреосвященству с препровождением в консисторию помянутых книг по списку.

По удостоверении моему оказалось, что действительно в начале августа, в бытность мою по делам службы в уезде, приезжали в Радомысль два молодых человека, один из них записался в книге, заведенной на постоялом дворе мещанина Козореза, – кандидат Харьковского университета Андрей Шимонов, а другой – студент Харьковского университета Василий Гнилосыров. Первый – по документу университета, а второй – по билету ректора того же университета, из Киева оба, и первый показал себя выехавшим в Почаев, а второй – в Каменец-Подольскую губернию. Приезжали они на одноконной простой подводе и кучером у них был отставной солдат.

По удостоверению же моему в почтовой конторе оказалось, что тюк, адресованный на имя протоиерея Гороновского, получен из Киева в Радомысльской почтовой конторе 15 сентября, по изверению росписался в приеме тюка канцелярский духовного правления Завадзский.

Отобранный мною экземпляр “ГраMATки” издания Кулиша при сем Вашему превосходительству имею честь представить и доложить, что о нераспространении в школах малороссийских букварей предписано было мною приставам еще 1 августа и ныне вновь подтверждено с тем, что, если где окажутся помянутые буквари, то тотчас представлять их мне для дальнейшего распоряжения.

Верно: начальник уездной полиции *Загорский*

ЦДАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 186, арк. 2–3, 5. Засвідчена копія.

№ 20

1861 р., грудня 13. Київ. –

Свідчення купчихи К. Киц, надане старшому поліцеймейстеру Києва, про продаж і розсилку нею книг українських письменників, виданих друкарнею П. О. Куліша в Петербурзі

1861 г., декабря 13 дня жена отставного штабс-капитана Екатерина Киц на вопрос – по какому случаю она занимается здесь рассылкою книг, присылаемых ей из С.-Петербурга из типографии Кулеша, объяснила, что она записана по г. Киеву в купцы 3-й гильдии и занимается продажей книг и некоторых красных товаров. Лавки или магазина не имеет, а производит продажу из квартиры своей, занимаемой Лыбедской части г. Киева в доме матери ее титулярной советницы Лобко. Книги сочинения Кулиша, Основяненка и Шевченко высылаются ей на комиссию для распродажи таким образом: родной брат ее, отставной поручик Лобко, живущий ныне по временам то в Харькове, то в г. Змиеве, выезжая из Киева 13 ноября 1860 г., объявил ей словесно, что к ней будут присылать из С.-Петербурга книги, то чтобы она их принимала и распродавала желающим, а также рассылала бы, кому напишет брат. И так она по письмам брата посылала книги в г. Дубно книгопродавцу Гольдфарбу, в Одессу – Великанову, в Чернигов – инспектору врачебной управы Носсу и разным другим лицам, которых не припомнит, но уже есть расписки почтовой конторы.

Таким порядком по полученному от брата письму она отправила книги и к священнику Гороновскому, полагая, что священник просил об том брата, но почему он отказывается, что просил о высылке книг, и просил ли он или нет, ей неизвестно, ибо таковую рассылку книг производит по письмам брата.

Письма и расписки почтовой конторы, буди потребуются, обязываюсь представить, в чем и подписалась.

Жена штабс-капитана *Екатерина Киц*
Допрашивал старший полицмейстер [підпис]

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 186, арк. 15. Оригінал.

№ 21

1862 р., лютого 6. Луцьк. – Донесення начальника Луцької повітової поліції Дверницького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про навчання селянських дітей студентами Київського університету Генріхом і Сигізмундом Средзинськими за українськими букварями і підручниками

Секретно

Дьячек с. Холоневич Антонович представил к местному благочинному священнику с. Копылья Теодоровичу отобранные им от крестьянских мальчиков того села буквари и книжечки на русском и малороссийском языках, по которым обучает их чтению сын помещицы с. Холоневич Средзинской студент Киевского университета Генрих Средзинский, а также захваченное этим

же дьячком Антоновичем в одной из этих книжечек письмо на малороссийском языке, писанное Сигизмундом Средзинским, студентом университета.

Получив сведение об этом, я отправлялся в с. Холоневици для удостоверения и оказалось, что Генрих Средзинский, показанный в числе прочих студентов Университета Св. Владимира, уволенных в отпуск в Волынскую губернию по списку, препровожденному при предписании господина начальника губернии от 20 декабря 1860 г. за № 993, за действиями коих предписано строго следить в особенности за сближением с простым народом и разговорами с ними, проживая в с. Холоневичах вместе с старшим братом Станиславом в доме матери помещицы Средзинской, занимается в своей комнате обучением крестьянских мальчиков: Василия Бортника, Тимофея Гуменюка, Григория Панасюка и Максима Лебедюка. Эту комнату называют вместо школы для обучения мальчиков польским выражением: охронка (*ochronka*).

Для обучения употребляются Средзинским следующие отобранные дьячком Антоновичем книги: 1). Новейшая русская азбука, с присовокуплением молитв и поучительных басен. Составил Ф. К. Москва, 1856. 2). Граматка П. Куліша. С.-Петербург, 1861. 3). Псалмы Давидови. Переложив по-нашому Тарас Шевченко. Петербург, 1860 и 4). Театр. А. Е. Ващенко-Захарченко. Выпуск 1-й. Киев. В университетской типографии, 1857.

В последней из них “Театр” находятся перемарки на стр. 34 и 55: вместо слов “за царя” исправлено “за правду”. Эти поправки, как полагать следует, сделаны Средзинским.

Крестьянам, сколько замечено, нравится обучение по тем книгам.

Село Холоневици состоит в Полесьи, в отдаленном расстоянии от города и становой квартиры, церкви в нем нет, а находится римско-католическая каплица, приписная к приходу м-ка Деражни Ровенского уезда, о передаче которой в ведение православного духовенства для обращения в православную церковь имеется у местного благочинного священника с. Копыля Теодоровича указ Волынской духовной консистории, последовавший в 1852 г.

Крестьяне же с. Холоневич принадлежат приходом к с. Липне, в 3-х верстах состоящему, где находится самостоятельная православная церковь и католическая каплица, причисленная к м. Деражни Ровенского уезда. В обеих этих каплицах бывает богослужение, на что имеются индульты¹.

О чем Вашему сиятельству почтительнейше донося, честь имею доложить:

1) что оба Средзинские, сколько я заметил, сближены с крестьянами, но сильно вольнодумны и даже дерзкого характера; и

2) что означенные выше четыре книжечки и подлинное письмо Сигизмунда Средзинского от 28 ноября 1861 г., писанное к братьям Генриху и Станиславу Средзинским, вместе с сим представлены мною господину начальнику губернии.

Начальник уездной полиции *Дверницкий*

Резолюції: Школу закрыть, а о протчем доложить.

Господину Никитенко. Потребовать книжку с перемар[ками] и письмо.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 48, арк. 1–2. Оригінал.

¹ Дозволи (*лат.*).

1862 р., лютого 19. Житомир. –

Донесення начальника Житомирської земської поліції Харченка кийівському, подільському і волинському генерал-губернаторові

І. І. Васильчикову про розповсюдження українських творів серед селян сл. Климундка та с. Стетківці Житомирського повіту

Пристав 4 стана от 10 февраля за № 17 донес мне, что проживающий вверенного ему стана в сл. Климундке 2-ой гильдии купчихи Михальчуковой сын Константин, православного исповедания, бывший прошлого года некоторое время в Киевском университете Св. Владимира, раздает некоторым крестьянам какие-то книжечки под названием “ГраMATка” и еще какие-то другие. По сему, прибыв 10 февраля в с. Стетковцы, смежное с сл. Климундкою, где проживает Михальчук, узнал, что он, Михальчук, действительно посредством дворянина, проживающего в с. Стетковцах Феликса Павловского, дал какие-то книги кириевскому сельскому старосте. Во время сих розысков прибыл из с. Кириевки в с. Стетковцы и мировой посредник 4-го участка Корчевский и отзывом за № 141 уведомил его, что сельский староста с. Кириевки представил ему 5 книг, данных ему прописанным дворянином Павловским для чтения крестьянам безденежно, и как он, посредник, находит оные несвойственными для чтения между крестьянами в настоящее время, и путь подозрительный, которым они к старосте достались, то он находит нужным представить таковые начальству.

По сему он, пристав, тотчас отправился в сл. Климундку к купеческому сыну Константину Михальчуку для личного в сем удостоверения. И как Михальчук несколько дней назад уехал неизвестно по каким делам в г. Киев, то поэтому пристав обратился к младшему брату его Василию с вопросом, есть ли у него книга под заглавием “Листок с хутора” и прочие книги, на что тот объявил, что у них есть такие книжечки и все предъявил, отзываясь, что книги эти присланы в исходе прошлого года брату его Константину из г. Киева какими-то знакомыми студентами Киевского университета для продажи крестьянам, и он таковые некоторым продает, а некоторым дает безденежно, так как малоценные; а несколько времени назад дал пять или шесть книжечек в с. Стетковцы, приехавшему к ним в дом дворянину Феликсу Павловскому для раздачи крестьянам.

Каковых книг найдено приставом в доме Михальчука под разными заглавиями 330 и рукописную карту некоторым российским губерниям, под названием “Украинцы або русины”. Хотя книжечки эти пропущены цензурою, но нельзя видеть в действии Михальчука благонамеренной цели, долгом счел книги эти и карту отобрать, и взяв таковые за роспискою при стетковецких волостных старшине Николае Коцуте и сельском старосте Дорофее Кучерявом, он, пристав, представляя мне из отобранных по одному экземпляру следующие книги: 1) “ГраMATка” Кулиша; 2) “Хмельница” Кулиша; 3) “Гайдамаки” Шевченка; 4) “Украинские песни” Данила Каменецкого^а; 5) “Дид Мина и

баба Миниха” Номиса; 6) “Листок с хутора”, печатана в Санкт-Петербурге в типографии Кулиша; 7) “Григорий Квитка” Кулеша; 8) “Тарасова нич” Шевченка; 9) “Лыхо не без добра” Ганны Барвинок; 10) “Добре робы, добре буде” Григория Квитки; 11) “Чари” Марка Вовчка; 12) “Дзвонарь” Данила Мордовцова; 13) “Пивпивника” Паныка Казюка; 14) “От тоби и скарб” Григория Квитки; 15) “Проповеди” на украинском языке протоиерея Василия Гречулевича; 16) “Быт подолян” Шейковского; 17) “Бабуся с того свиту” Кулиша; 18) “В осени лито” Ганны Барвинок; 19) “Катерина” Тараса Шевченка; 20) “Наймычка”, тоже Шевченка; 21) “Орися” Кулиша; 22) “Тополя” Тараса Шевченка; 23) “Казка про дивку-семилитку” Кулиша, и 24) Карта “Украинци або русины”, остальные же затем экземпляры прописанных книг впредь до особого распоряжения оставил у себя и доложил, что за отлучкою Константина Михальчука и дворянина Павловского о цели раздачи крестьянам безденежно книжечек положительно ничего не узнал.

О чем Вашему сиятельству имею честь донести и доложить: 1) что означенные экземпляры книг и карта представлены мною сего числа господину начальнику губернии и что по мнению моему сочинения эти для нашего простого народа в настоящее время не должны быть раздаваемы для чтения, так как во многих из них воспоминаются кровавые сцены, происходившие между народом православного исповедания и поляками; и 2) что как рапорт пристава получен в отсутствие мое из Житомира, а между тем я был в 4 стане и видел пристава, который мне лично о сем доложил, то я поручил ему объехать все селения и удостовериться, не раздал ли Михальчук еще кому-либо из крестьян этих книг, которые немедленно отобрать под благовидным предлогом и представить мне, а за возвращением Михальчука, истребовать от него объяснение, чем он побуждался в раздаче безденежно крестьянам означенных книг, и от кого оные приобретал, а также кем составлена географическая карта, и объяснение доставить мне, а между тем за действиями Михальчука иметь надзор.

Начальник земской полиции *Харченко*

Резолюция: Придать уведомлению губернатора.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 56, арк. 1–4. Оригінал.

№ 23

1862 р., не пізніше березня 6¹. Житомир. – Свідчення К. Михальчука, надані начальникові Житомирської земської поліції, щодо розповсюдження ним серед селян українських книжок

На настоящий вопрос Вашего благородия имею честь пояснить следующее:

Во-первых, на вопрос – когда именно получены мною забранные у меня господином приставом книжечки для пересмотрения, – ответить мне трудно,

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 7).

ибо оные книжечки я получал по две-три за деньги из магазинов книжных в Киеве в разные времена; однако, насколько помню, я всего более их купил себе, уезжая уже из Киева. Это было прошлого 1861 г. После, опять при конце уже 1861 г., не помню какого месяца, моим знакомым господином Непокуйчицким привезены мне (так как место моего жительства хутор Климунтка был по дороге ему) тоже книжки – такие же южнорусские, – которые он, господин Непокуйчицкий, взял их для меня в Киеве, в квартире господина Антоновича. Там они были оставлены господином Шимановым с просьбою к господину Антоновичу, чтобы он эти книжки отослал мне, когда случится возможность.

В особом письме, приложенном к книгам, господин Шиманов просил меня отсылать за эти книги деньги, смотря по тому, как мне удастся продавать их. Тогда-то я получил их наибольшее количество: почти все экземпляры “Грамаatok”, исключая двух, которые уже у меня были, и прочие другие. При том, как сюрприз для меня, господин Шиманов прислал мне особо отложенные вместе с теми на семь р[ублей] с[еребром] даром книг этих. Вот и все, что я могу сказать на счет того, когда и откуда мною книги эти получены.

Теперь второй вопрос.

Те книжки, которые или пришлись мне даром (в подарке и пр.), или которых я имел своею собственностью по несколько экземпляров, ежели кто из знакомых просил меня, я охотно отдавал их даром, и таким образом раздалось у меня не больше, кажется, десяти-пятнадцати книжек, которые в свою очередь могли перейти к простому народу. Прочие же я держал с тою целью, что если будет угодно кому покупить-продать их, с какого бы класса люди их не покупали. Другую еще я имел цель в продаже этих книжек, именно: сочувствуя совершенно стремлениям правительства и надеясь, что образование простого народа служит главною ему задачею, с другой стороны, тоже сочувствуя и поблагоденствованному государем императором народу, – я старался обдумывать, какие педагогические средства самые практические к наставлению народа, а также какие самые легкие способы к механическому обучению его грамоте. И поэтому, замечая, что “Грамаатки” Кулиша как раз приспособлены к моей гипотетической системе, старался их достать и в случае возможности часточку их дать знакомым, а прочие продать, ежели потребуетея это кем-нибудь из простолюдинов. Вот и вся цель, с которою я покупал книги и отдавал их частью даром, прочие же держал для продажи.

Константин Михальчук

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 56, арк. 8. Оригінал. Опубл.: *Міяковський В.* З молодих років К. Михальчука // Україна. – 1924. – Кн. 4. – С. 104–105.

1862 р., березня 18. –

**Петиція Д. П. Пильчикова, В. В. Лободи та О. Я. Кониського
до Петербурзького комітету грамотності^а з обґрунтуванням
необхідності викладання українською мовою
в народних школах Наддніпрянщини**

В Комитет грамотности, состоящий при 3 отделении импер[аторского] Вольного экономического общества.

Одна из целей, высказанных в разосланном объявлении от Комитета грамотности, есть: изыскивать средства к устранению препятствий, мешающих успешному развитию грамотности в сельском населении. В объявлении сказано: “предоставлением учения самому сельскому управлению без ограничения размеров и определения форм обучения устраняются сами собой существовавшие ранее препятствия этому делу: все племена, все местности призваны к участию в нем” и т. д.

Комитету известно, что туземное население Полтавской губернии есть чисто южнорусское, говорящее языком, отличающимся от великорусского грамматическими формами, значением слов и складом речи, а потому распространение грамотности в здешнем краю, между здешним сельским населением, – не в смысле переучивания народа на чужой для него язык, – ему каждый народ везде и всегда противится всеми силами, – а с целью принести ему грамотою истинную пользу, – необходимо производить на его собственном языке, как равно и дальнейшее развитие его должно быть ведено на его собственном языке. Легче и справедливее переводить книги на туземный язык, чем переучивать миллионы людей на чужой язык, хотя бы и соплеменный, и собственно для того только, чтобы на этом чужом языке дать прочесть ему книгу. С этою необходимостью, не во имя теории, а настоящего требования народного нельзя не согласиться. Здешний народ готов принять грамотность и образование, но не иначе, как только на своем собственном языке. Все попытки дать грамотность на великорусском языке остаются только попытками самыми неудавшимися и носят на себе характер крайнего принуждения. Ни проповеди в церквях, ни судопроизводство, ни даже преподавание в здешних народных школах на великорусском языке в продолжении долгих лет не дали здешнему народу благих результатов ни в умственном, ни, смеем сказать, в нравственном отношениях. Народ остается глух к образованию в чуждой ему форме, да и не может переродиться ради грамоты и учения, в силу и могущество которых без того недостаточно верует; и предпочел за лучшее учиться у дьячков исключительно церковной грамоте, в которой, по крайней мере, он видит нечто богоугодное. Опыт показал, несмотря на все усилия разных начальников, [...] ¹ по ведомству государ[ственных] имуществ, мальчишки из украинцев, и то более понятливые, после долгого, нескольколетнего переучивания на великорусский

¹ Одного слова в оригіналі немає. Б. Ш. [прим. публ.].

язык с целью, чтобы из них впоследствии делать писарей, фершалов¹, и пр., оказываются для обучения на великорусском языке неспособными, – чему, не как единственный случай, может служить доказательством в копии при сем прилагаемый рапорт миргородского окруж[ного] начальника в Полтав[ской] пал[ате] гос[ударственных] им[уществ] от 22 августа 1861 г. за № 3171. Что же относится до нравственных последствий обучения не на туземном языке, то, не говоря уже о разрыве в семействах между родителями и детьми, производящего нередко уродливые нравственные явления, мы можем указать на общеизвестный у нас факт. Волостные и сельские писари, в продолжении нескольких лет кое-как познакомившись с великорусским языком, видят в этом некоторое право на превосходство над местным населением и злоупотребляют умением коверкать русский язык для своих корыстных выгод, торгуя этим, как каким-то секретом, непонятным для других. Надеяться же, чтобы возможно было возбудить у всей массы народа любовь к чтению на языке другом, тогда как в семействе, в хозяйстве здешний простолюдин вынужден употреблять сам и непрерывно слышать вокруг себя туземный язык, – едва ли возможно. Но такие и подобные им факты остаются без надлежащего заявления: они, как догадываться должно, не идут далее Палаты гос[ударственных] им[уществ]. Высшее же начальство думает, что великорусская грамота равно доступна и одинаково полезна как для великорусского, так и для малорусского населения, и поэтому, вероятно, в целях единообразия, и предписывает в народных школах южнорусского края употреблять буквари и другие книги именно те самые, которые употребляются и в великорусских губерниях. По этому поводу на днях получено в Полт[авской] палате гос[ударственных] им[уществ] от I департамента Министерства гос[ударственных] имушеств предписание за № 3633, в копии при сем прилагаемое, сущность которого состоит в следующем: до сведения министерства дошло, что изданные Св. Синодом буквари (не соответствующие новейшим методам преподавания и при том на великорусском языке, непонятном для здешнего народа, особенно для сельского населения, для которого они преимущественно и предназначены) и присланные министерством в Полтаву для начальных школ ведомства гос[ударственных] имуществ будто бы не приняты, а палата рассылает по селам в огромном количестве буквари Шевченка “где нет молитв и помещены неуместные статьи”. При чем предписывает доставить объяснение: “с чьего разрешения введен в сельских приходских училищах Полт[авской] губернии букварь Шевченка, тогда как в реестре книг принятых для училищ и школ ведомства госуд[арственных] имуществ, букварь этот не значится”. Тут сущность дела не в дошедшем до министерства слухе, который совершенно не верен, ибо, во-первых, 1400 экз. изданных Св. Синодом букварей, несмотря на то, что они вовсе не приспособлены к новейшим, облегчающим методам обучения грамоты, палата в точности исполнила предписание министерства, разослав присланные ей экземпляры; и, во-вторых, букварей Шевченка никто никогда и никуда не рассылал по той простой причине, что они неудовлетворительны.

¹ Правопис оригиналу. Б. Ш. [прим. публ.].

Но дело в том, что министерство прямо запрещает вводить в преподавание те из книг, которые “не помещены в реестр книг, принятых для училищ и школ ведомства госуд[арственных] имуществ”, а в этот реестр не внесена ни одна книга (даже букварь) на южнорусском языке, и вероятно ни одна из них не войдет туда, если Комитет со своей стороны не примет на себя труда о том ходатайствовать. На представление же местного начальства по сему предмету надеяться нельзя, по всей вероятности оно скорей на основании этого предписания министерства будет преследовать введение книг на южнорусском языке, чем об этом ходатайствовать.

А потому мы, нижеподписавшиеся, и обращаемся с покорнейшею просьбою к Комитету исходатайствовать у Министерства государственных имуществ разрешение путем официальным ввести для южнорусского края в реестр книг, назначенных для училищ ведомства государственных имуществ, следующие книги: “Грамматку” господина Деркача, азбуку для южнорусского края, составленную по методу Золотова, и грамматику¹ господина Кулиша (все три прилагаются). В 1-х двух по краткости, кроме азбуки и самого необходимого для первоначального чтения текста, ничего не помещено, а в букваре господина Кулиша помещены молитвы, Св. история и катехизис, т. е. все то, на недостаток чего указывает министерство в букваре Шевченка, а потому эта грамматка и может служить полезным дополнением к двум первым.

Чтобы не оставить Комитет в сомнении о действительной необходимости первоначального обучения здешнего народа на туземном языке, мы имеем честь обратить его внимание на нижеследующее. В Малороссии книжный русский язык господствует в дворянстве и между немногими зажиточными гражданами, заимствовавшими его через службу или торговые связи, и при том молодежь этого класса усваивает его многолетним учением в средних и высших учебных заведениях, что никогда не может быть доступно для всей массы населения, и в особенности сельского. И что именно так взглянули на этот вопрос новые учреждения, возникшие вследствие эмансипации, как скоро потребовалось от крестьян понимание благих мер правительства; чему другие ведомства, может быть менее поставленные в необходимость напрямую достигать этой цели, представляют примеры – тому могут послужить доказательством следующие факты: Екатеринославское губернское по крестьянским делам присутствие для уяснения крестьянам их новых прав и обязанностей нашло необходимым сделать извлечение из положения 19 февраля 1861 г. и, изложив его на южнорусском языке, разослать по всем волостям своей губернии, что весьма способствует успешному ходу дела, так как по отзыву самих крестьян изложение на туземном языке для них оказалось совершенно понятным. Еще разительнее пример, приведенный в 4 № “Современн[ой] летописи”⁶ “Русск[ого] вестн[ика]”^В за 1862 г., состоящий в том, что начальник Киевской губернии генерал-лейтенант Гессе предпринял путешествие по губернии для внушения волостным старшинам необходимость составления уставных грамот. Вот точная выписка из этой статьи: “Речь, которую губернатор произнес

¹ Так у публікації.

старшинам, была потом прочитана находившимся с губернатором чиновником на малороссийском языке, и роздана старшим в печатных экземплярах, чтоб и они с своей стороны прочитали их своим волостянам”. “После этого нам случилось быть в с. Кочерове Радомысльского уезда и расспрашивать тамошнего волостного старшину Сидора Ярмоченка, читал ли он сказанные губернатором слова крестьянам в волости, какое произвели они на них впечатление, и верят ли они сказанному, на что старшина отвечал, что читал, и верят, при рассказе выразил особенное восхищение, даже от души смеялся, что речь написана помалороссийски, и каждое слово ее понятно и выражено “як лопатою”. “Да и в самом деле, как должно быть приятно крестьянам, когда о задушевных интересах их, о желанной воле их заговорили с ними родным языком”.

Можно ли после этого сомневаться, что обучение здешнего простонародья на туземном языке вместе с благоприятными последствиями для его умственного развития будет в то же время самым действительным средством против превратных толкований правительственных мер, относящихся к народу.

Мы имеем честь покорнейше просить, если бы Комитет по чему-нибудь не нашел удобным принять на себя прямого ходатайства по этому предмету, то настоящее письмо наше передать на благорассмотрение господину министру государственных имуществ. Если Комитет найдет нужным отвечать нам, то просим адресовать: наставн[ику] наблюд[ателю] Петров[ского] кад[етского] корпуса Дмитрию Павловичу Пильчикову, в собственный дом.

Подписали: распорядитель 1-й муж[ской] воскр[есной] школы *В. Лобода*, секретарь женской воскр[есной] школы *Д. Пильчиков* и член-корреспондент Петербург[ского] общества грамотности *А. Конисский*.

Шевелів Б. Петиції українських громад до Петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. – К., 1928. – Кн. 3. – С. 12–14.

№ 25

1862 р., не раніше березня 18. –

Петиція викладачів київських шкіл до Петербурзького комітету грамотності з обґрунтуванням необхідності викладання українською мовою в народних школах

Занимаясь образованием народа, мы встречаемся с обстоятельством, которое замедляет успех грамотности и самую грамотность делает не только бесполезною, но и сообщает ей характер деморализирующий. Это способ обучения на великорусском языке.

1. Ученики с трудом понимают учителя, изъясняющегося на этом языке. Известно, что кроме коренного различия в синтаксических оборотах языков южнорусского и великорусского есть в последнем множество таких понятий и слов, которых или совсем нет в языке южнорусском, или они имеют в нем другое значение. Причина этому, конечно, в совершенно различных историях этих языков. Наш опыт убеждает нас в том, как трудно ученику малороссу привыкнуть к речи учителя, изъясняющегося на языке великороссов, как от этого замедляется и самый успех обучения и образования.

2. До сих пор малороссы, обучаясь грамоте на языке великорусском, приобретали уродливый говор, не похожий ни на великорусский, ни на малорусский. При полуобразованности уродливый говор был поводом к выделению их из своих семейств, и вообще из среды своего рождения, на которую они смотрели свысока и связывали все хозяйственные промыслы и сельские занятия с людьми, говорящими на языке хохлачком, – мужицком, – они считали эти занятия для себя низкими. От этого сельский быт, свойственные ему занятия и промыслы не только не приобретали трудолюбивых деятелей со знанием и образованием, но и час от часу грамотность отнимала от них рабочие руки, ибо грамотные искали для занятий, по понятию ими усвоенному, более благородных, как-то: тяжбы по судам, ябедничество и пьянство. Таким образом, обучение на великорусском языке вносило нравственную порчу, и составляло главную причину того, что сельское население смотрит на грамотность враждебно.

3. Южнорусский край находится под влиянием польской пропаганды, которая заботится главным образом о распространении в нем грамотности, а затем письменности и свойственных ей эксклюзивных понятий. Противодействием же этому может служить только развитие местных элементов, так как при исчисленных неудобствах грамотности на великорусском языке трудно противодействовать польскому обучению.

4. В настоящее время, когда класс народа приобретает права гражданские, нельзя отказать ему в праве уважать себя, свой нравственный организм со всеми его проявлениями, нельзя отказать ему в праве уважать свои исторические предания, под влиянием которых сложился его организм мысли, чувства и их выражения в языке. Вполне сочувствуя тому положению педагогики, что личность, как индивидуума, так и народа, должна быть развиваема в образовании, а отнюдь не замещаемая преданиями и нравственным организмом другой личности, считаем необходимым указать на тот факт, что народ доселе удовлетворение всем высшим потребностям своим, как-то: проповедь, суд и образование, принимал не на своем языке; местный язык, допущенный только в семейном быту, все-таки сохранился у него во всей полноте, и прививаемые ему чужие формы повели только к непониманию всех высших общественных проявлений жизни, или к тому, что народ относился к ним враждебно, как к началу совершенно ему чуждому и непонятному. Насколько трудно изъясняться на великорусском языке испытало само правительство при введении в действие положения 19 февраля, и потому-то некоторые правительственные лица, как-то: киевский гражданский губернатор и Екатеринославское губернское по крестьянским делам присутствие^a принуждены были даже в письменных обращениях своих населению, в ведомстве их находящемуся, прибегать к языку малорусскому.

Считая все это радикально противоположным сущности образования, надеемся, что Комитет грамотности примет на себя ходатайство о дозволении в народных школах Южнорусского края обучения на родном языке, и внесении в списки книг, допущенных к употреблению в народных училищах, элементарных книг на южнорусском языке.

Шевелів Б. Петиції українських громад до Петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. – К., 1928. – Кн. 3. – С. 15.

№ 26

1862 р., квітня 7. Київ. –

**Донесення київського губернатора П. І. Гессе київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові
І. І. Васильчикову про затримання поліцією дворянина
М. М. Вілигорського за появу в українському
національному вбранні на вулицях Києва**

Киевский старший полицеймейстер доносит мне, что 30 числа прошлого марта, в 2 часа пополудни, замечен проходившим по Старокиевской части мимо здания присутственных мест молодой человек, одетый в малороссийском костюме, который, за призывом его в съезжий дом Старокиевской части, объявил, что он дворянин Черниговской губернии Козелецкого уезда селения Мостыщ Михаил Вилигорский, православного исповедания, квартирует Плоской части в доме Кузьминского.

Одежда на нем была следующая: шляпа круглая соломенная простая малороссийская; свита байковая дикого цвета, покроя тоже малороссийского; пояс синий полосатый шерстяной; синие суконной фланели малороссийского покроя шаровары; простые с длинными голенищами сапоги и часы, повешенные на ремешке. О чем и заключен акт, утвержденный подписом самого Вилигорского.

Имея в виду, что высочайше утвержденное положение об учреждении временных полицейских судов в западных губерниях^a и сделанные на основании оною губернским начальством распоряжения о воспрещении ношения национального платья и других отличительных знаков, имеющих вид заявления желаний и стремлений, направленных против существующего правительственного порядка, последовали вследствие беспорядков в Царстве Польском, отозвавшихся и в некоторых из западных губерний. И что потому применение этих правил к дворянину Вилигорскому, уроженцу Черниговской губернии, по мнению моему, было бы несоответственным, тем более, когда нет в виду сведений, которые бы доказывали, что он носит малороссийский костюм с какой-либо неблагонамеренной целью в политическом отношении, я полагал бы обстоятельство это оставить без последствий и о том разъяснить полицеймейстеру.

Представляя о сем на благоусмотрение Вашего сиятельства и препроводя доставленный полицеймейстером заключенный им акт по сему предмету, имею честь просить разрешения.

Генерал-лейтенант *Гессе*

Помітка: Здесь носить запретить, а если хочет, то может ехать к себе в губернию.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 257 ч. II, арк. 10–11. Оригінал.

1862 р., квітня 24. Умань. –

Рапорт начальника Уманської повітової поліції Котлярова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про виявлення в с. Росошки Уманського повіту віршованих прокламацій українською мовою. Тексти прокламацій

Секретно

Благочинний церквей 5-го округу Уманського уезда священник Дзбановский доставил ко мне писанные на малороссийском наречии стихи, отобранные приходским священником с. Росошек Алексеем Левитским от временнообязанного крестьянина того селения Пантелемона Пушкаря. Стихи эти возмутительного содержания под заглавием: 1) “Знаете, люде, для чого цар висько держит” и 2) “Туча прошедших и настоящих времен”. По рассмотрении смысла стихов и наречия, на котором они писаны, ясно видно, во-первых, что они составлены личностью католического исповедания, слабо знающего малороссийское наречие, что доказывают слова, подчеркнутые мною в рукописи красными чернилами, и написаны с целью нарушить спокойствие простого народа, что сочинитель их, как бы для блага предлагая изводить (москалей) русских и соединиться с католическим населением; и во-вторых, что стихи эти написаны давно, или долгое время находились в употреблении, что доказывает измятость, неопрятность и загрязнивший вид рукописи.

По причинам этим я съезжал лично в с. Росошки для произведения удостоверения, каким способом приобретены Пушкарем эти стихи и произвели ли они какое-либо влияние.

Вследствие чего мною обнаружено, что на второй недели минувшего Великого поста сельский старшина с. Росошек Бондаренко нарядил крестьянина Пушкаря в прислугу к землемеру, отставному кондуктору Островскому, при размежевании в с. Росошках усадебных земель. Едва Пушкарь вышел из избы, чтобы идти по назначению, то при выходе за ворота заметил свернутую какую-то бумагу, поднял ее и воротился домой спрятать, полагая по неграмотности, что это, вероятно, правила, потерянные старшиною, затем опять отправился по назначению. На пути же к землемеру встретился с сельским сотским, поздоровавшись, сказал ему: “Спроси у старосты Бондаренки, не потерял ли он чего, какой-либо бумаги”. А когда землемер, по миновании в Пушкаре надобности, отправил его домой, то он заходил к старосте, чтобы спросить лично, не принадлежит ли ему поднятая им бумага. Староста, при этом осмотревшись, ответил: “Нет, я ничего не потерял”. Через 10 дней спустя, именно 18 марта, Пушкарь отправился в церковь крестить дитя, взяв с собою найденную бумагу, где, в ожидании пока придет священник, заметил отставного рядового Алексея Моляра, занимающегося в сельской школе обучением детей, тотчас попросил его прочесть ту бумагу, для чего вместе с ним отправились в колокольню. Между тем священник Алексей Левитский, идучи в церковь, увидел как бумагу, поданную Пушкарем, рядовой Моляр развернул читать, в то же

время спросил: “Что это за бумага?”, тотчас же ее взяв у Моляра и оставил у себя. Затем 28 марта означенные бумаги отправил к благочинному, изговариваясь, что отправил эти стихи к благочинному не в то же самое время отчасти по неимению времени, а отчасти, не считая их важными.

Затем при дальнейших моих тщательных розысках не дознано, кем именно эта рукопись подброшена крестьянину Пушкарю, а также, чтобы подобные стихи у кого-либо из жителей с. Росошек находились по настоящее время, не открыто. В с. Росошки никто не приезжал вновь в тот день, когда эти стихи найдены, а также и накануне никого вновь из приезжих в селении не было. Поэтому надо думать, что они утрачены или подброшены кем-либо проезжим чрез селение. Эти стихи, как никем не читанные, никакого влияния на сельских крестьян не произвели. Крестьянин Пушкарь человек небедный, поведения хорошего, среди своего общества особенного влияния на крестьян не имеет, ведет жизнь скромную, грамоты не знает. Землемер, производивший в с. Росошках измерение усадеб, отставной топограф Островский в распространении сказанных стихов подозреваем быть не может, в с. Росошках производил размерение усадеб три недели сряду, исповедания православного, во время жительства в с. Росошках с крестьянами никаких разговоров не имел, обхождению был суров.

Имею честь об этом почтительнейше донести Вашему сиятельству, докладывая при том, что мною строго предписано подведомственным мне чиновникам полиции наблюдать, не появятся ли где-либо подобные стихи, которые, тотчас отобрав, доставить мне при подробном донесении, и что означенные в сем стихе мною вместе с сим представлены господину начальнику губернии.

Начальник уездной полиции *Котляров*

Резолюция: Неудовлетворительно. Ничего не сделано от 18 марта до 24 апр[еля].

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 4, арк. 67–69. Оригінал.

Знайте, люде, для чого цар висько тримаѣ

Цар наш маѣ виська много,
Аж страшно казаты,
Але висько те для чого,
Варт вам, люде, знаты

Не для края обороны
Вин јого збыраѣ, –
Для пиддержкы свей короны
Лыш тилькы тримаѣ.

З ворогом вин не воюѣ,
Войну в краю маѣ,
Скоро вольнисьць де зачуѣ,
Висько посылаѣ.

От по ти сами прычыни
Люде ся зибралы,
В Березни и Билоцеркивщыни^а,
То й их пострилялы.

43

Знайте люде дякого Царь Виско тримае
Царь нашъ мае Виска много
Ажъ Страшно Казати
Але Виско те дякого
Дартъ ваиъ люде знати
Не дяк Край Оборони
Винъ того Добранъ
Дяк пиддержки Свей Корони
Алиш тивки тримае
Зъ Ворогомъ винъ не воюе
Войну въ Краю мае
Скоро волюнисуе де Зачуе
Виско посылаетъ
Отъ по ти сами причины
Люде ся зидрае
Въ Березни и Пидоержкивцяхъ
Мой уахъ пострииди
Въ Корцунъ и на Подолъ
Страхъ людеи Енишны
Все за те що люде воли
И тамъ также Атиши
У Варшави тоже дучо
Що мошны Богу
Чортивске ужо Зачуло
Май Зродивъ тревогу

Перший аркуш прокламації “Знайте, люде, для чого цар військо тримає”.
Док. № 27.

В Корсуни и на Подоли
Страх людей гнитылы,
Все за те, що люде воли
И там также хтилы.

У Варшави тоже було,
Що молылысь Богу.
Чортивске ухо зачуло,
Та й зробыв тревогу.

Сылу там побыв народа,
Проте ниц не вдіав.
Сказать, люде, вам не шкода,
Злобу бильш розсіав.

Де Бог людам в помич стане,
Там чорт ниц не зможе,
Бо справа добра, мыряне,
Злюю переможе.

Таки то наши воякы,
Що служат корони,
Не згодни стать царски служакы
За край в оборони.

Лехко им було побыты
Мужыкив полякив,
Бо не малысь чым бороныты
Вид царских сипакив.

Воны храбро там воюют,
Де в них не стріляют,
Скоро тилько це зачуют,
То там поспишают.

Певно вы це, люде, чулы,
Лыш з думкы спустылы,
Мужык не бачыт фабулы,
Бо часто напылы.

Сым тым дасьця обмануты,
Грамоты не знаѣ.
Прыйдеця му що зачуты,
Швыдко забуваѣ.

Нехай јому лях що каже,
Вин не довираѣ,
Аж як шура стерпне даже,
То втогди пизнаѣ.

Через те ж то я ясно пышу,
Бо все добре знаю,
Що лыш бачу, и що слышу
Слидом подтверждаю.

Правды то я, браты мыли,
Тилько добываюсь,
На то люде ѣсть пожыли,
Нымы засвидчаюсь.

Москалям вирыть не можна,
Ляхив бильш пытайте,
Все то робит з осторожна,
Та й свій розум майте.

А для того я вам кажу,
Щоб ляхив пыталы,
Бо й воны московску вражу
Неволю зазналы.

Кто сам злого запробуѣ,
Не жычыт другому,
Всяк з вас сеѣ помиркуѣ
И повирит тому.

Ляхы волю колысь зналы,
То й нам не откажут,
В Москви ѣй нигды не малы,
Так и нас привяжут.

Вил робочый из гулящым
Не ѣмко береця,
Або добрый из ледащым
Швыдко пидирвеця.

Также ж и мы як спаруѣмсь
З народом не волным,
По невчаси помиркуѣмсь
Всяк з нас недоволным.

Мужык вперед не загляне,
Що то буде з того,
Чы на добри воно стане,
Чы выйде що злого.

Прочытайте-но ще “Тучу”,
Як хочте бильш знаты,
Там науку ѣще лучу
Будете в ней маты.

А на ти згуты, мыряне,
Що цар з намы мутыт,
Нех лыш це письмо достане,
То лоб .јому скрутыт.

Бо то вин усе в темноти
Мусыт содержаты,
Щоб не быть му в клопоти,
Та й довш так пановаты.

II

Наступаѣ туча.

Туча прошедших и настоящих времен

День був ясный, сонце грило,
Дым лыш став качаться.

Все в прыроды веселило,
Не знавши нещастя.

Давно кажут стари люде,
Як дым ся валяѣ,
То вже певно туча буде –
Кожен з вас се знаѣ.

Так и було, що в мыниту
Хмара наступала,
Всяк нарикав на плюту –
Темнота настала.

Страшно було, сумно, нудно –
Много говорыты,
Опысать се навет трудно –
Мусив всяк терпиты.

Тьма то була в чорни хмари,
Хоть дощу не малы,
В плачу диты, а що стари –
Тяжко сумовалы.

Се нещастя заступыло
Льш нашу краину,
Горко ж було и немыло
В ту лыху годыну.

Оден з нас пытав другого,
Чого так сумуѣ.
Отвичав всяк, що для того,
Бо цар нам пануѣ.

А знаѣте ж, мыли браты,
Як прыйшло до того,
От треба вам розказаты
Слова дида мого.

Народ той, що живе в згоди
Не дасьця пидбыты,
Бо вин завше в злой прыгоди,
Звык враз бороныты.

Так и мы, як из ляхамы
Сварытысь почалы,
То и воны, и мы самы
В неволю попалы.

Москаль на то постарався,
Щоб нас посварыты,
А по тому обибрався
Буцимто годыты.

Так погодыв, як всих в матню
Загорнув та й каже:
“Тепер з вас шкуру остатню
Здеру, лыхый враже”.

Туча Прошедших и Настоящих Времени,

Днем Духъ Лепши Сонце Зримо

Дниъ Мшиъ Ставъ Качатся

Все въ природи веселию

Незнавши нещастя

Давно Кажуть Стари Мудре

Акъ думи ся ваяло

Но вже певно туча буде

Кожень зъ васъ се Знае

Мажъ и думо що виникну

Хмара наступила

Всякъ нарикавъ на пилоту

Кимнота на стала

Страшно думо Сунно нудно

Много Говорити

Описати се наветь тужно

Мусивъ всякъ терпити

Мама то думо вогни Хмари

Котъ дошу немали

Въ тилу дити а що Стари

Мажко Сунновали

Се нещастя Заступило

Мшиъ нашу Краину

Саркожъ думо и Навило

Вту Мшю Зодону

Одгъ Знае пытавъ дрогого

Чого такъ Сунну

Отвичавъ всякъ що дя того

До Царя найъ пану

Перший аркуш прокламації "Туча прошедших и настоящих времен".

Док. № 27.

Хытра то царыця була^б
Короля пидсила
И так іого обманула,
Буцим полюбыла

Вона, що їй було треба,
То все з ным зробыла,
Знала дурня, що неклеба,
Так Польцу пидбыла.

Все вже було без порадку,
Як був король польскый,
Що пановав на останку,
Звавсь вин Понятовскый.

Ляхы булы схамынулысь,
Хтилы войоваты,
Лышко, що перше забулысь
Висько все зибраты.

Та ще булы б далы бобу,
Колы б не магнаты,
Що до шляхты малы злобу,
Сталы прешкажаты.

Тут царыця пидустыла
Нас на лядзьку шыю,
Розбойныка увольныла,
Мов як лыху змию.

Щоб ишов лядзьку кров ляты
И нас звав до дила,
Вин став Гонту пидмовляты –
З ным козацтва сыла.

Страшна була ризанына,
А що сырот много!
Сохрань, Боже, хрестянына
Вид такого злого.

Зате ж мы и наши диты
Зисталысь в неволи,
Довго мусилы терпиты,
Бо се з Божой воли.

Самы соби заслужылы
Гиршой Божой кары,
Бо якраз так поступылы,
От як ти татары.

За кров братню Бог нас скарав,
Що забулысь того,
Як Господь нам прыказав
Любыть блыжніого свого.

А мы справди так зробылы,
Як ти бисурманы,
За те ж на нас наложылы
Желизни кайданы

От видтогди то вже, хлопци,
Неволя нам була
И молодци-запорожци
Москва обманула.

Видтогди-то Украина
Голосыть почала,
Що проклята ж та година,
Як Москва нас взяла.

Видтогди вже и паны намы
Владиты почалы,
Бо им на то цары самы
Позваляты стали.

Дужчый став душиць слабшого,
А той ныжчых давыт,
Москаль все для взятку своего
Началныкив ставыт.

От так, хлопци, сталося з намы
За праидив штукы,
Мало, що воны терпили самы,
Ба ще терпят и внуки.

Ляхы булы нам, як браты,
Мы за ных кров лялы,
Тепер, хлопци, гыд сказаты
Зли часы насталы.

Не раз мы чуём вид старця:
“Лутше колысь було”.
Чом же ж нам не постаратся,
Щоб добро вернуло?

Ляхы нам колысь прыялы,
И мы их любылы,
Короля одного малы,
В згоди з нымы жылы.

Тепер мы и наши диты
Их ся видцуралы,
Я б вам казав з нымы жыты –
Мы б щастя зазналы.

Билорусьци тепер самы
Сталы говорыты,
Що им лутше б с полякамы
В братной згоди жыты.

Дида мого мову мылу
Я вам тепер кажу,
Вирте в мою правду шыру,
Бо ще й слид покажу.

За нас также паны хтили
И свою кров ляты,
Но мы за то их ловылы
Ну ж в суд прыставляты.

Трыдцят лит тому мынуло
Всяк се памнятаѣ,
Що то пид Дашовом було^В,
Може й з вас кто знаѣ.

Необачни прости люде
Наробылы злого,
Тепер ынше зовсим буде
Корыстуймо ж з того.

Ляхы то нас хтят увольныты,
Не московский цар,
З нымы то нам треба жыты,
Щоб знов не був свар.

Чумаки ж се трохы знали,
Як в Севастополи^Г
Найбільш за то војовалы,
Щобы из неволи

Выпустыв цар Польшу, Лытву,
Русь и Украину,
А мы шлим за них молитву
Во всяку годину.

То все ляхы напросылы,
Протерпившы много,
Трыдцят лит в чужыни жылы
Видцуравшысь своего.

Воны з нас бильш не желают
От як тилько згоды,
Кажут нех нам лыш прыяют
И не мают злобы.

Позабудьмо, що мынуло,
Возьмимсь рука в руку,
Простим то, що колысь було,
Так всю скинчым муку.

Бо як будем возновляты,
То москаль поволи
Знов нас почне завертаты
До давной неволи.

Памнятайте, вражи диты,
Що нам самы паны
Не хтилы и не могли б вдиты
Си тяжки кайданы.

Добра нам тепер покута,
Варт, щоб вы се знали,
Ни податив, ни рекрута
За Польщи не бралы.

А тепер нас обдырают,
Мов баранив з шкуры.
Мужыкы не покыдают
Вовчои натуры.

Москаль все робыт лесткамы,
Хоть ся пидсидаѣ,
Побачыте, що зробыт з намы,
Як нас загнуздаѣ.

Бо вин завше хытрошчамы
Вси дила провадыть,
Гирше з ным, як из ляхамы,
Мужыкови зладыть.

У цара все указ новый,
Старого збываѣ,
Шкода, що закон здоровый,
Да толку немаѣ.

Для того ж то, як заведеш дило,
То й правду програѣш,
В сводах так ся покрутыло,
Що их не зизнаѣш.

Ба и цар сам не дойде ладу
З своимы правамы,
Не раз вин складаѣ раду
Враз з сенаторамы.

Кажут траб ще предпысаты,
Щоб дила решалы,
Та й так пышут до палаты,
Щобы лутше кралы.

Московский суд бильш не знаѣ,
Як тилько напасты,
Кого можна обдыраѣ,
А як ни, то вкрасты.

На брихнях уся корона
Плутовством пидшыта,
Для тых лыш ѣсть оборона,
Де калытка сыта.

Тепер вже и нам прыйдеця
Дила в судах маты –
Не одному доведеця
Усе потераты.

А проте справу програѣш,
Як стераѣш грошы,
То аж втогди розпизнаѣш
Той закон хорошы.

А подати як станут браты
З старого й з малого,
Тогди то будемо знаты
Мылость цара свого.

Акцыз на силь и вид водкы,
Недоимок много,
Оплат вид чумацькой ходкы –
А це все для чого?

Що цар маѣ ридни сылу –
Траж им звидкысь жыты,
От вин всю краину мылу
Мусыт так душиты.

Знаѣте, як пип их стане
В церкви помынаы,
Хрестянын аж обивяне,
Докучыт стояты.

Щоб мав Богу честь виддаты –
Цара помынаѣ,
Правду треба вам сказаты,
Що не оден лаѣ.

Та й так гриха наберешся,
Просты лыш нам, Боже,
Пидеш з скукы та й упѣшся,
Що ж – неправда може.

Воны навет нашу виру
Зовсим изминылы.
Опысать то – жаль папыру,
Чого мы дожылы.

Служба Божа не набожна,
Попы сяки-таки,
С кого тилькы ино можна
Рвут, як кисть собаки,

Но мы люде неграмотни,
Не пизналы сіого.
Кажу вам сей раз остатни,
Що все иде до злого.

Тепер буду вам казаты,
Тра, щоб вы и се зналы,
Лутше перш помирковаты,
Щоб не жаловалы.

В Польщи права вид народа,
Сам король пид нымы
Там-то, правда, во всим згода
Руководыт тымы.

Воны на весь мыр однаки
И без перемины,
Паны ривни и служаки,
Кром малой дetyны.

Лыхоимцив там не буде,
Бо сылне карают,
Скоро возьме, знают люде,
Зараз розстриляют.

Так-то кожен побоится
Голову покласты,
Певно всякый воздержытся
В другого украсты.

Подати для того менши
И так лутше жыты,
Бо там навет князи перши
Вси мусят платыты.

В висько там и паньски диты
Мусят поступаты,
Салдагом перш тра служыты,
Закым чын достаты.

А тут усе мужыкамы
Диры запыхають,
Обдырають податямы,
В рекруты прыймають.

Выбырайте тепер, люде,
А казкы не гудьте,
Як вам лутше жыты буде,
То так соби будьте.

Се не казка – правда свята,
Вирте в мои слова,
Любит ляхив, як брат брата,
Це вам щыра мова.

А як вам не до сподобу,
Знайдит соби лучу,
Бо я килькы мав способу
Опысав вам “Тучу”.

Фрем Запорожець

Кто сію казку буде маты,
Повынен всіому мыру прочытаты,
Бо як їй тилько всим не обявыт,
Той проклятый навики, и грим в него вдарыт.

Во исполненные сей клятвы отправлен акафест до Святого отца Мыколая Чудотворца, в Киево-Печерской Лавре.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 4, арк. 43–44, 37–42. Список.

№ 28

1862 р., травня 19. Луцьк. –

Донесення начальника Луцької повітової поліції Дверницького кийвському, подільському і волинському генерал-губернаторові

І. І. Васильчикову про навчання студентом Київського університету Л. Житинським селянських дітей у с. Семиренки Луцького повіту за “ГраMATкою” П. О. Куліша та букварями

Пристав 1-го стана вверенного мне уезда донес мне, что по дошедшему к нему сведению об учреждении помещиком с. Семеренок действительным студентом Университета Св. Владимира Людвиком Житинским в доме своем

школки и обучении в ней крестьянских детей, отправлялся он в это имение, и по удостоверению оказалось, что Житинский действительно в последних числах минувшего марта месяца начал обучать русской грамоте крестьянских детей, а именно: сына сельского старосты того села Тараса Петрука, Адама Ляшука, Зиюна Мисанюка, Семена Стельмаха, Трифона Столярука и Кирилла Романюка, исповедания православного. По настоящее время помещик Житинский обучил их азбуки и начал обучать складов по букварям синодальной печати, полученным от приходского священника с. Хорохорина Снигуровского, в приходе коего состоит с. Семеренки, и на имевшейся у Житинского книге на малороссийском языке под заглавием “ГраMATка” П. Кулиша.

Житинский обучал крестьянских детей потому будто, как объяснил он и священник Снигуровский, что с. Семеренки находится от с. Хорохорина на расстоянии 5-ти верст, и дети не в состоянии ходить в сельскую школку. При чем он, пристав, представляя отобранные от Житинского три буквари и книжку под заглавием “ГраMATка”, а также взятую от него подписку в том, что впредь крестьянских детей обучать не будет, присовокупил, что им приказано местному старосте и сотскому, чтобы они не дозволяли детям ходить для обучения к помещику Житинскому, и чтобы родители посылали их в сельскую школку, и что польского языка Житинский крестьянских детей не обучал, как это удостоверили приходский священник и сельский староста.

О чем Вашему сиятельству почтительнейше донося, имею честь доложить, что о сем донесено мною и господину начальнику губернии с представлением трех букварей и книжки под заглавием “ГраMATка”, а также подписки помещика Житинского.

Начальник уездной полиции *Дверницкий*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 811, спр. 254, арк. 73–74. Оригінал.

№ 29

1862 р., червня 12. Санкт-Петербург. –
Циркуляр міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва
київському губернаторові П. І. Гессе про закриття
недільних шкіл і читалень

Циркулярно

Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности, люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развивать вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням, равным образом, обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического учения.

Государь император, по обсуждении в Совете министров собранных по сему предмету сведений, высочайше повелеть соизволил:

1. Немедленно приступить к пересмотру правил об учреждении воскресных школ.

2. Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни.

Сообщая Вашему превосходительству о таковой высочайшей воле, имею честь покорнейше просить Вас меня уведомить о ее исполнении.

Подписал: министр внутренних дел, статс-секретарь *Валуев*

Скрепил: за правителя канцелярии *И. Катанский*

Помітка: Сделано по распоряжению.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 106, арк. 2. Засвідчена копія. Друк. прим.

№ 30

1862 р., червня 20. Житомир. –

Повідомлення військового губернатора м. Житомира і волинського цивільного губернатора М. В. Друцького-Соколинського київському губернаторові П. І. Гессе про агітаційну роботу серед селян Київської губернії Т. Р. Рильського та В. Трубецького

Совершенно конфиденциально

Милостивый государь Павел Иванович!

Один из агентов сообщает мне, что недавно был в г. Житомире житель или помещик Киевской губернии Александр Грацианов Байковский (живет в с. Юшках Каневского уезда) и здесь рассказывал, что в Киевской губернии беспокойство между крестьянами происходит от какого-то Трубецкого (не князя) и Фадея Рильского – недавно студента и сотрудника журнала “Основы”. Они во главе партии малороссийских литераторов, проповедующих учение, что Бог есть Дух времени и потребности, текст Св. Писания “Нет власти еще не от Бога” толкуют, что власть эта есть гений или воля народа.

О вышеизложенном долгом считаю сообщить Вашему превосходительству.

С отличным почтением и совершенною преданностию, имею честь быть Вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Михаил Друцкий-Соколинский

Резолюція: Собрать сведения об этих лицах.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 4, арк. 110. Оригінал.

№ 31

1862 р., серпня 30. Сквиря. –

**Донесення начальника Сквирської повітової поліції
Шулькевича київському губернаторові П. І. Гессе про участь
молодшого помічника керуючого акцизною конторою в Сквирському
повіті В. А. Менчиця в етнографічній експедиції для вивчення
побуту чумаків, що її організував П. О. Куліш**

В Сквирском уезде до сих пор не открыто на пребывании никого из бывших студентов С.-Петербургского университета, высланных на родину за участие в университетских беспорядках.

Здешнего уезда м. Вчерайшего священнический сын Владимир Менчиц находился вольным слушателем лекций в С.-Петербургском университете и оставил занятие по случаю закрытия университета, но он не сознается, чтобы участвовал в беспорядках и не считает себя высланным. Я лично объяснялся с Менчицом, издал он сознался, что как студент сочувствовал товарищам своим, но не принимал участия в беспорядке. При этом Менчиц высказался, что по поручению редактора журнала “Основа” Кулеша, он в прошлом году ходил с чумаками в Крым и далее, переодевшись в чумацкую одежду, для узнавания быта чумаков.

В настоящее время Менчиц состоит на службе младшим помощником управляющего акцизною конторою в Сквирском уезде. Он человек довольно образованный, но ведет себя странно. Так, например, приезжая в Сквиру на простой телеге, останавливается на базаре, берет у перекупок кушанье и, сидя на возу, ест вместе со своим извозчиком.

Имею честь донести о сем Вашему превосходительству во исполнение предписания от 28 июля за № 6223.

Подписал: начальник полиции *Шулькевич*

Верно: столоначальник *Мулевич*

ЦДАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 153, арк. 2. Засвідчена копія.

№ 32

1862 р., вересня 28. Санкт-Петербург. –

**Лист міністра народної освіти О. В. Головніна до київського,
подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова
з пропозицією висловити думку щодо доцільності публікації
в часописі “Русский вестник” статті представників
київської інтелігенції про безпідставні звинувачення
у політичному характері їхньої діяльності^а**

Милостивый государь князь Илларион Илларионович!

В Московский цензурный комитет поступила для одобрения к печати в “Современной летописи” “Русского вестника” статья под заглавием “Общественные вопросы”, подписанная двадцать одним лицом из Киева. Лица эти, при-

надлежащие, по-видимому, к малороссийскому дворянству и посвящающие свою деятельность образованию простого народа, подверглись, по их словам, упрекам и даже гонению со стороны общества, которое видит в них нарушителей общественного спокойствия и приписывает им политические тенденции. Излагая в этой статье направление и характер своей деятельности, означенные лица ищут в общественном суде защиты от таких несправедливых нареканий.

Хотя это изложение может действительно послужить к оправданию подписавшихся лиц, но как Московскому цензурному комитету не известно, чем именно было вызвано и как выразилось против них общественное негодование, на которое они указывают, а главное, как смотрит на их общественную деятельность местное начальство края, то Комитет не считал возможным допустить этого совокупного заявления к печати и представил оное на мое усмотрение.

Вследствие сего, имея честь препроводить к Вашему сиятельству упомянутую статью в корректурных листах, я обращаюсь к Вам, милостивый государь, с покорнейшею просьбою об уведомлении меня с возвращением статьи, изволите ли Вы признавать полезным напечатание оной и не встречаете ли к тому препятствия.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

А. Головин

Резолюція: Прочсть и доложить подробно.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 85, арк. 24. Оригінал.

№ 33

1862 р.¹ Санкт-Петербург. –

Лист П. О. Куліша до Т. Р. Рильського, перлюстрований поліцією, з роздумами про спрямування громадської діяльності народолюбців

Я получил от какого-то поляка безименное письмо и тотчас на него ответил. Ответ мой, прилагаемый при сем в корректуре, препровожден был на рассмотрение государственному секретарю Буткову, который надписал, что не находит в нем ничего непозволительного к печати. Несмотря на то, статья моя пошла еще по другим мытарствам и наконец залегла у министра народного просвещения. Запретить ее, очевидно, нельзя, а позволить не хочется, и вот полтора месяца молчит голос, который должен отвечать во имя общего блага и даже в интересах той политической системы, которой служит сама цензура. Как не торжествовать ополченной шляхте над Русью?

Хорошо Вы делаете, творя живые органы здоровой общественной мысли в лице людей, предпочитающих службу сельскую службе городской. Чиновное сословие до того спуталось, что и лучшие в нем люди ничего не делают для

¹ Датується за змістом справи.

главного дела – для создания здорового, многочисленного общества собственников. Нам надобно оставить его в его жалком положении и, так как оно на каждом шагу препятствует вести дело печатно, то главные свои усилия употребить на размножение нелитературных слуг народа. Пусть оно действует посредством бюрократии, а мы будем действовать посредством живого слова. Приводя в исполнение его собственные распоряжения, мы заградим широкому произволу, который беспрестанно пользуется разрозненностью и невежеством наших сельских братий. Где нам удастся утвердить понятие о гражданских правах во всей громаде, там посягательство чиновных варваров сами собою рушатся. Где мы успеем гарантировать заработок поселян против закрытого законными формами хищничества, там явится довольство, а с довольством и стремление к высшей культуре, которое теперь уступает заботам о насущном хлебе.

Все это Вы уже сознали, и Ваши действия, чуждые политической мечтательности, радуют каждого гуманиста, преданного идее внутренней, а не внешней революции. Чтобы Вам что-нибудь присоветовать, надобно знать многие обстоятельства, при которых Вы действуете. Лучше всего, положиться на любовь Вашу к народу и на постоянное внимание к его жизни. Одного нам не достаёт: чтобы из нас, народолюбцев украинских, выходили люди с обширными познаниями, такие люди, которые при благоприятных обстоятельствах, могли бы мериться умственным рассудком с представителями других обществ. Желательно было бы, чтобы у Ваших друзей не пропадало без научных занятий ни одно утро. В разносторонней образованности представителей народа заключается не только опора его национальных и гражданских прав, но и залог безошибочности его движения вперед. Я мог бы указать Вам на исторические примеры, но считаю это излишним.

Пожалуйста, не оставляйте меня уведомлять о том, что у Вас есть отрадного или грустного по отношению к народному благосостоянию.

Помітка: Секретно.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 812, спр. 28, арк. 26–27. Копія. Опубл.: Шандра В. С. “Заступимо шлях сваволі...” // Україна. – 1990. – № 39. – С. 20 (у перекладі українською мовою).

№ 34

**1863 р., січня 28. Санкт-Петербург. –
Відношення начальника Третього відділення власної
й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському
і волинському генерал-губернаторові М. М. Анненкову
про вжиття заходів щодо припинення діяльності
української громади в Києві**

Секретно

Частным образом получены сведения, что в Киеве существует общество^а, которое под благовидным предлогом развития народа, помимо всех других социальных соображений, на разумных доступных ему началах старается ра-

спространить в народе либеральные идеи и с этой целью намерено издавать народные малороссийские книги, на печатание которых, будто бы, разрешено уже собирать деньги. Кроме того общество это предполагает действовать постепенно, расширяя в народе понятие от семьи и переходя потом к громаде (общине).

Общество это находится также в сношении с польскими гминами, самую замечательную из коих считают состоящую под управлением некоего Магера. В главе помянутого общества стоят Антонович и Рьльский, а главными членами его считаются поименованные в № 46 “Современной летописи” журнала “Русский вестник” за 1862 г. в статье под рубрикою “Отзыв из Киева”^б.

Вероятность таких сведений подтверждается, некоторым образом, помянутою выше статьею, написанною хотя и в умеренном, по-видимому, тоне, но с самую возмутительною целью и потому я считаю долгом сообщить их Вашему высокопревосходительству с тем, что не изволите ли Вы, милостивый государь, принять зависящие меры к прекращению дальнейших действий означенного общества, могущих иметь самые вредные и потом уже неисправимые последствия.

Генерал-адъютант князь *Долгоруков*

Резолюция: Нужное. Дол[ожить] с полною правкою. 4 февраля.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 45, арк. 1. Оригінал.

№ 35

1863 р., лютого 23. Київ. –

Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про встановлення таємного нагляду за особами, які підписали статтю “Отзыв из Киева”, вміщену у часописі “Русский вестник”

Совершенно секретно

В[аше] с[иятельство], отношением от 28 января сего года № 95¹ сообщая мне о существующем в Киеве обществе с целью распространения в народе либеральных идей, во главе которого стоят Антонович и Рьльский, а главными членами считаются поименованные в № 46 “Современной летописи” журнала “Русский вестник” за 1862 г., в статье под рубрикою “Отзыв из Киева”, просите принять меры к прекращению дальнейших действий этого общества.

В ответ на отношение это им[ею] ч[есть] уведомить, что еще в сентябре месяце 1860 года предместнику моему были доставлены сведения, что студенты здешнего университета стараются сблизиться с простым народом и действовать на него внушением вредных понятий и мыслей, что ради этой цели они знакомятся с крестьянами, проповедуют им равенство прав всех людей, называют их братьями, спят и едят вместе с прислугою. За действиями

¹ Див. док. № 34.

лиц, будто бы составляющих подобное общество, тотчас был учрежден самый строгий секретный надзор, который, однако, не обнаружил ни цели общества, ни даже того, действительно ли существует это общество.

Между тем в сентябре месяце прошлого года господин упр[авляющий] М[инистерством] народ[ного] просвещ[ения] препровождал к предместнику моему корректурные листы статьи под заглавием “Общественные вопросы”, подписанной двадцать одним лицом из Киева, просил заключения его о том, можно ли допустить напечатание этой статьи в “Современной летописи” “Русского вестника”.

Вместе с заключением своим по этому предмету покойный генер[ал]-ад[ъютант] кн. Васильчиков, отношением от 23 октября прошлого года № 3746, сообщил статс-секретарю Головнину в подробности все сведения, какие только имеются в здешнем Главном управлении о некоторых лицах, подписавшихся под упомянутую статью, напечатанную впоследствии в 46 № “Современной летописи” под заглавием “Отзыв из Киева”.

Вполне разделяя мнение В[ашего] с[иятельства], что распространение в народе коммунистических и социальных теорий влечет за собою самые вредные и неисправимые последствия, я распорядился учредить за теми из лиц, подписавших упомянутую статью в 46 № Совр[еменной] летописи, которые живут в управляемом мною крае, самое строгое секретное наблюдение, но при этом не могу не заметить, что лица, подписавшие статью, гласным заявлением своего образа мыслей и цели деятельности и вызовом своих обвинителей обличить их в неблагонамеренных стремлениях путем печатного слова, уже отчасти сами парализовали и устранили опасность, которая могла бы произойти от их действий. Весьма желательно было бы, чтобы кто-либо из вызванных лиц заявили бы печатно свое обвинение, ибо тогда журнальная полемика могла бы содействовать правительству к раскрытию действительной их цели, объяснению духа и направления лиц, подписавших статью.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 45, арк. 2, 14. Чернетка.

№ 36

1863 р., березня 4¹. –

**Анонімний лист від “благонамеренных малороссов”
до начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії
В. А. Долгорукова про можливі політичні наслідки та шкоду,
яку може завдати державі переклад Біблії українською мовою
“сепаратистами-хохломанами”**

Ваше сиятельство!

Из праха Шевченко выродилась целая шайка самых рьяных сепаратистов и ненавистников России. Теперь главное гнездо их в Киеве, но некоторые из них составили группу около “Основы”, в которой всякая почти статья пахнет

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 1).

революцией и обособлением Малороссии. Эти люди привлекли к своей партии в Киеве и Петербурге несколько людей значительных, хоть и слепотствующих.

Затея этих революционеров, теперь довольно невинная, рассчитывает на слишком широкие результаты. Начав обособлением языка, она метит на отделение Малой России от Великой и федерацию с Польшей. Не имей на этих господ надежды поляки, они не повели бы так широко и так варварски своего настоящего дела.

В стремлении к своей цели, сепаратисты-хохломы выбивались из сил, чтобы прибрать к своим рукам народное образование, навязать сельским школам свои возмутительные “Грамотки” и учебники, но увидев, что народ малорусский и духовенство оттолкнули от себя их непросимую услугу с негодованием, они затеяли дело сверху и сострепали следующее умозаключение: если нам удастся выхлопотать перевод Св. Писания на полупольское наречие малоруссов, дело наше будет выиграно; затея наша, на первый взгляд, невинна и даже благородна, авось поймаются, там уже к этому крепкому камню нетрудно будет пристроить обособление языка, потом жизни, потом и национальности.

Вот инициатива той затеи, которая своею благовидностию успела обольстить людей не совсем даже близоруких. Мы считаем излишним доказывать, что перевод Слова Божия на жаргон малорусский есть затея политическая, менее всего имеющая в виду сделать Св. Писание понятным для простого народа, что этот народ лучше понимает слово Божие на славянском и общерусском языке, чем сколько он будет понимать его на том наречии, которое нужно еще сочинить, чтобы сколько-нибудь сносно передать на нем высокие истины откровения и защитить их от профанации и пометания бисера под ноги свиней.

Мы также считаем излишним доказывать и то, что, допустив нелогичный и затейливый перевод Св. Писания на то наречие русское, которое по своему складу менее всего заслуживает это предпочтение, Св. Синод допустит историческую ошибку и что всяк, кто словом или делом будет способствовать этому опасному предприятию, приобретет известность Герострата и скоро увидит оправдание на опыте той благоразумной сентенции, что малая ошибка бывает причиною великих бед.

Сообразив все это, все мы, благонамеренные малороссы, вполне понимающие нужды и желания народа и затеи наших хохломанов-сепаратистов, умоляем Ваше сиятельство употребить все, чем только Вы можете располагать, чтобы защитить нашу святыню от поругания, а отечество от распадения и опасного раскола.

Простите нам, Ваше сиятельство, что мы находим пока неудобным заявить перед Вами свои имена, известность которых оказывается бесполезною в таком деле, которое говорит само за себя.

Впрочем, если моление наше, теперь одинаковое, не принесет ожидаемых от Вашей ревности к пользам церкви и отечества результатов, мы явимся с протестом нашим гласно пред лицом всего русского мира.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 672, арк. 2–3. Копія.

1863 р., березня 17. Київ. –

Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про намагання “малоросійської партії” отримати дозвіл на видання українського перекладу Святого Письма, що може призвести до легітимізації української мови та претензій на “автономію Малоросії”

Конфіденційно

Милостивый государь князь Василий Андреевич!

По поводу отзыва от 4-го сего марта за № 747¹, при котором Ваше сиятельство изволили препроводить ко мне в копии безименное письмо о политическом стремлении малороссиян, считаю долгом сообщить на благоусмотрение Ваше следующее:

Шевченко имеет здесь, в особенности между малорусской молодежью, многих горячих поклонников и, как кажется, не столько за поэтический талант, которым он был одарен, сколько за революционное направление своих сочинений².

Существование малороссийской партии, которая желала бы самостоятельного развития народной жизни в Малороссии ни для кого не тайна. Нельзя также отвергать, чтобы у некоторых крайних сторонников этой партии не было и мысли о сепаратизме, но полагать можно, что гнездо этой партии, если и находится где-либо, то не в одном только Киеве, а во многих местностях и даже в самом Петербурге. Чтобы приверженцы этой партии в Киеве составляли общество, организованное на положительных началах, мне по настоящее время в точности еще неизвестно. Мысль о федерации с Польшею едва ли может быть приписана сторонникам малороссийской партии, напротив, она стремится противодействовать латино-польской пропаганде. Но при всем том малороссийская партия возбуждает серьезное внимание, и действия ее должны быть подвергнуты бдительному наблюдению потому, в особенности, что теперь, как убеждают доходящие с разных сторон сведения, польская и малорусская партии, расходящиеся в окончательной цели своих стремлений, сходятся в средствах, ибо и поляки стали в воззваниях своих к простому народу тоже напоминать им о прежней независимости Украины, о козачестве³, и известный эмигрант Чайковский, затевающий вторжение в здешние губернии, рассчитывает привлечь на свою сторону сельское население обещанием возвращения прежних времен козачества.

¹ Див.: ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 672, арк. 1.

² Недавно почитатели Шевченки в Киеве, преимущественно студенты, затеяли было в день смерти его служить толпою панихиду, но это мною, по соглашению с епархиальным начальством, не допущено, и затея эта не имела никаких последствий [прим. док.].

³ Воззвания в этом духе представлены В[ашему] с[иятельству] при отзывах моих же от 2 и 16 сего марта за №№ 757 и 942 [прим. док.].

Обращаясь к упоминаемому в письме вопросу о переводе на малороссийский язык Священного Писания, я должен сказать: язык малороссийский есть язык простонародья, не имеющий ни грамматики, ни литературы, и до того беден, что на нем нельзя выразить никакого отвлеченного понятия, и для того, чтобы передать на этом языке высокие истины откровения, как справедливо замечает автор письма, пришлось бы сочинять чуть не половину слов.

Здесьние простолюдины, как я убедился, часто объясняясь с просителями из всех управляемых мною губерний, понимают по-русски едва ли не лучше жителей некоторых великорусских губерний, говорящих особым наречием, следовательно, желание перевода Священного Писания на малороссийский язык не может быть оправдано ни потребностью народа, ни свойством языка, и нельзя не думать, что это предприятие имеет скорее характер политический. До сих пор в литературе идет спор о том, составляет ли малороссийское наречие только особенность русского языка или это язык самостоятельный.

Добившись же перевода на малороссийское наречие Священного Писания, сторонники малороссийской партии достигнут, так сказать, признания самостоятельности малороссийского языка, и тогда, конечно, на этом не остановятся и, опираясь на отдельность языка, станут заявлять притязания на автономию Малороссии. Почему и по уважению вышеизложенных обстоятельств, указывающих на необходимость избегать всего того, что могло бы поддерживать стремления малороссийской партии, я просил бы Ваше сиятельство повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора положительное мое убеждение не только о бесполезности, но и о вреде перевода Священного Писания на малороссийский язык, так как сим дано было бы новое сильное орудие малороссийской партии, стремления которой, если и не согласны с стремлениями польских революционеров, то во всяком случае едва ли не представляют также особой и сильной опасности для спокойствия в государстве.

Покор[нейше] прошу при[нять] уве[ренье] в [моем почтении].

ЦДАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 637, арк. 1–3. Чернетка. Опубл.: Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. – Т. 2. – К., 1964. – С. 44–47.

№ 38

1863 р., березня 27. Ніжин. –

**Лист І. Г. Кулжинського до київського, подільського
і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова
із застереженням проти “дерзкой затей хохломанов” –
видання “Народної газети”, книжок для народних училищ
та Євангелія українською мовою**

Ваше высокопревосходительство!

Милостивый государь!

Слухом земля полна. После радостных слухов, везде распространившихся о Ваших патриотических действиях касательно очищения вверенного Вам края от сепаративных и предательских затей хохломанов и поляков, я уже не

только с прежним глубоким доверием к Вашим гражданским доблестям, но и с глубочайшею моею благодарностью осмеливаюсь писать это другое письмо к Вам^а. А в знак моей благодарности и доверия покорнейше прошу принять подмеченные мною примечания о том, что Вашим прекрасным и умным патриотическим действиям, кажется, как будто не сочувствует с.-п[етер]бургская журналистика и еще кто-то в Министерстве народн[ого] просвещения:

1) В 3 номере “Книжного вестника”^б сего 1863 г. перепечатано из “Одесского вестника”^в известие о том, что в Киеве будет издаваться “Народная газета”^г для тамошнего генерал-губернаторства. “Книжный вестник” удивляется: “Почему же для одного генерал-губернаторства, особенно ежели предположить (так продолжает “Вестник”), что эта газета будет на малороссийском языке?”. А кто сказал ему, этому поганому “Вестнику”, что в Вашем генерал-губернаторстве будет издаваться “Народная газета” на поганом малороссийском наречии?.. К чему такое предположение?..

2) В IX номере (воскресном) “Сына отечества”^г сего же года напечатан составленный в Министерстве народн[ого] просвещения “Проект положения о народных училищах”^д. В этом “Проекте” есть, между прочим, следующее чудовищное правило: “В тех местностях, где родной язык не есть язык великороссийский, ученье в народных училищах начинается на местном наречии, и затем уже делается переход к ученью на русском языке”. Этим правилом в наших народных училищах открываются настежь двери для хохлацкой грамотности и хохломанского сепаратизма: хотят сделать русский язык иностранным в Вашем генерал-губернаторстве. Ваше превосходительство, пока это еще Проект, а не высочайше утвержденный Устав народных училищ, будьте милостивы, остановите эту сепаративную затею врагов России! Благодарное потомство будет благословлять Вас за это.

3) В 3-м номере “Киевского телеграфа”^е сего же года напечатано письмо Костомарова с приглашением к денежным пожертвованиям для издания элементарных книг на малороссийском наречии для народных училищ. Вследствие этого приглашения на левой стороне Днепра нашлись уже некоторые глупцы, которые уже делают складчину. Неужели и на правом берегу Днепра найдутся такие недоброжелатели единства России?.. Неужели не можно никак удержать беспокойного Костомарова от его сепаративных затей, которыми он, кажется, как будто старается отомстить правительству за свою 10-летнюю ссылку?..

4) Академия наук (о которой давно известно всем, что хотя она существует в С.-П[етер]бурге, но она отнюдь не русская), уже одобрила сделанный одним хохломаном перевод Евангелия на малороссийское наречие, и просит у Святейшего Синода позволения напечатать этот перевод. Синод препроводил этот перевод на рассмотрение к калужскому епископу Григорию, как уроженцу Малороссии. Неизвестно, чем кончится эта дерзкая затея хохломанов^е. Но тот патриот, который не допустил бы Слово Божие до профанации на каррикатурном, ополяченном малороссийском жаргоне, тот был бы достоин памятника!

Живо и глубоко сочувствуя Вашим патриотическим делам, и я, признаюсь, хотел бы иметь честь под Вашим просвещенным начальством потру-

даться сколько-нибудь для блага нашей матери-России. Ежели не отыщется в редакторы “Народной газеты” человек способнейший, – покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство принять меня в эту должность. Я имею некоторую привычку говорить с простым народом; в доказательство чего покорнейше прошу Вас сделать мне честь принять представляемую при сем мою “Русскую книгу для грамотных людей”^ж.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

Иван Кулжинский

Резолюція: Пр[ошу] лично обьяс[нить]. Марта 28.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 672, арк. 4–5. Оригінал.

№ 39

1863 р., квітня 27 – травня 2. –

**Із свідчення В. С. Синьогуба, наданого земському справнику
Переяславського повіту, про знайомство з П. П. Чубинським
та написання останнім вірша “Ще не вмерла України...”^а
з наведенням по пам’яті його тексту**

[...] Знакомство мое с Чубинским было после взятия Красовского в июне месяце того же года в его квартире в доме Перо на Большой Васильковской улице; он был слишком осторожен и никогда почти не высказывал революционных идей, кроме в пьяном виде написал песню нижеследующего содержания:

Ще не вмерла України
И слава и воля.
Ще нам братця молодци
Осмихнедтс¹я доля. –
Сгинуть наши вороги
Як роса на сонци
Запануем братци и мы
В своей сторонци.
Душу и тило мы положим
За свою свободу
И докажем, що мы братце
Козацкого роду.
Гей, гей братья мили
Нумо братися за дѣло
Гей, гей пора встаты,
Пора воли добивати.
Наливайко и Павлюк,
И Тарас Трясило
Из могилы нас зовут
На святее дѣло.

¹ Так у тексті.

Спогадаймо славно смерть
Лицарства козацтва
Щоб не стратить марно нам
Своего юнатства.

Душу и тило ...

Гей, Богдане, Богдане,
Славный наш гетьмане
Нащо виддав Україну
Москалям поганим.
Щоб вернуты ей волю
Ляжем головами
И наречемся України
Вирными сынами.

Душу и тило ...

Нашы братчики славяне
Вже за зброю взялись,
Не дижде ништо, щоб мы
Позаду zostались.
Поеднаймось разом всѣ,
Братчики славяне,
Хай же гинуть вороги,
Хай воля повстане.

Душу и тило ...

Ввел меня в громаду или малороссийское общество изучения народного быта, языка и обычаев кандидат Университета Св. Владимира Владимир Антонович. Убеждение этой громады есть то, что два народа, русский и малороссийский, слились воедино, что Малороссия по этому самому слиянию не должна и думать о своей самостоятельности. Я, как ученик Красовского, совершенно расхотелся с нею и потому только участвовал в ней, что знал хорошо малороссийскую народность. Они, громадяне, не подозревали во мне такого страшного злодея, иначе выдали б меня давно в руки правосудного правительства. Главными занятиями членов громады был выпуск книжки “Дещо про свит Божий”, которые печатаются в типографии Минатова в Киеве; составляют еще украинско-русский словарь, слова которого собраны и лежат у кандидата Университета Св. Владимира Александра Стоянова [...].

ЦДІАК Україна, ф. 473, оп. 1, спр. 20, арк. 97 зв. – 98. Оригінал.

1863 р., червня 21¹. –

**Стаття М. Н. Каткова, вміщена в газеті “Московские ведомости”^а,
про шкідливість українофільства, неприпустимість формування
української літературної мови та осудження М. І. Костомарова
за видання книжок для народної освіти, оскільки “Украина
не может иметь особого политического существования”^б**

Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру!

Еще задолго до вооруженного восстания в Польше эта интрига начала свои действия. Все что в нашем обществе, до сих пор не признанном как следует и существующем как будто в тайне, все что завелось в нем нечистого, гнилого, сумасбродного, она сумела прибрать к рукам и организовать для своих целей. Наши жалкие революционеры, сознательно или бессознательно, стали ее орудиями. Наш нелепый материализм, атеизм, всякого рода эмансипации, и смешные и возмутительные, нашли в ней деятельную себе поддержку. Она с радостью покровительствовала всему этому разврату, и распространяла его всеми способами. Она умела вызвать некоторые выгодные ей административные распоряжения; она отлично умела пользоваться крайнею анархией в системе нашего народного просвещения; она садилась на школьную скамью, она влезла на учительскую кафедру, и без сомнения нередко случалось, что иной либерал-наставник, еще менее зрелый умом, чем его двенадцатилетний воспитанник, проповедуя космополитизм или безверие, служил чрез десятки руки органом иезуитской интриги и очень определенной национальности, рывшей под землю и во мраке подкапывавшейся под все корни русской общественной жизни.

Эта интрига, разумеется, не упустила воспользоваться и украинофильскими тенденциями, на которые наше общественное мнение еще не обратило должного внимания, потому что общественного мнения у нас не существовало, потому что общественное мнение было у нас случайным сбродом всяких элементов, преданным на жертву всякому влиянию и всякой интриге.

Дело вот в чем:

Русская народность несравненно менее, чем какая-либо другая великая народность в Европе, включает в себе резких оттенков. В Германии, Италии, даже во Франции, несмотря на сильную централизацию этой последней страны, везде есть резкие особенности и местные наречия до такой степени своеобразные, что если бы не было общего государственного и литературного языка, то люди одной страны и одной народности не могли бы понимать друг друга и должны были бы разойтись на множество особых центров. Если бы не было одного итальянского языка, то жителю Милана почти так же трудно было бы понимать сицилийца, как и испанца, или даже как своих вечных врагов те-

¹ Дата публікації.

десков. В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в ином местном говоре. Во Франции то же самое, и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности и резкие местные наречия, которые гораздо более разнятся между собою чем даже языки русский и польский. В России несравненно менее розни в языке чем где-нибудь, и менее, чем где-нибудь, рознь эта значительна. Ступайте по всей русской земле где только живет русский народ всех оттенков, и вы без труда поймете всякого, и вас без труда поймет всякий. Наиболее резкую особенность встретите вы в малороссийском и белорусском говоре. Но почему это? Заселены ли эти места какими-либо особыми народностями, случайно присоединившимися к русской и вошедшими в состав ее государства? Нет, здесь искони жил русский народ, здесь началось русское государство, здесь началась русская вера, и здесь же начался русский язык. Здесь впервые родилось историческое самосознание русского народа, здесь явились первые памятники его духовной жизни, его образования, его литературы. Южное и северное, западное и восточное народонаселение России с самого начала сознавали себя как один народ; да и нет ни одного признака в истории, чтобы между ними была какая-нибудь народная рознь, какой-нибудь племенной антагонизм. Но монголы и Литва разрознили на некоторое время русские народонаселения, и юго-западная часть нашего народа, подпавшая под польское иго, долго страдала, долго обливалась кровью, и хотя отстояла себя, но тем не менее время разъединения с Россией внесло в южно-русскую речь несколько элементов, и вообще несколько обособило ее, чем на сколько разнятся между собою другие местные говоры в России.

Как есть везде, так естественно были и у нас любители местных наречий. Делались попытки писать стихи и рассказы с подделкою под малороссийский говор, но делались без всякой цели, ради курьеза, или для местного колорита, и вообще в видах чисто литературных, подобно тому как во Франции сочиняются стихи на местных жаргонах, подобно тому как немецкий поэт Гебель писал свои идиллии на аллеманском наречии. У писавших не было и тени замысла создать из местного наречия особый язык и возвести его в символ особенной народности. Если же и встречались некоторые позывы сепаратизма, если и зарождалась иногда о разъединении единой и нераздельной народности, то эта мысль оставалась безвредною по своей несостоятельности; она не могла действовать в жизни, и была только фальшивым литературным направлением. Положительно она могла стать только как примесь к чему-нибудь другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое орудие для какой-нибудь более серьезной пропаганды.

Года два или три тому назад, вдруг почему-то разыгралось украинофильство. Оно пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества. Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катихизиса^B.

Польские публицисты с бесстыдной наглостью начали доказывать Европе, что русская народность есть призрак, что Юго-Западная Русь не имеет ничего общего с остальными народами русским, и что она по своим племенным особенностям гораздо более тяготеет к Польше. На это грубейшее искажение истории наша литература, к стыду своему, отозвалась тем же учением о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. Возмутительный и нелепый софизм! Как будто возможны две русские народности и два русские языка, как будто возможны две французские народности и два французские языка! И вот мало-по-малу из ничего образовалась целая литературная украинофильская партия, вербуя себе приверженцев в нашей беззащитной молодежи. Истошались все прельщения, чтобы связать с этой новой неожиданной пропагандой разные великодушные порывы, разные смутно понимаемые тенденции, разные сердечные чувствования. Из ничего вдруг появились герои и полубоги, предметы поклонения, великие символы новосочиняемой народности. Явились новые Кириллы и Мефодии с удивительнейшими азбуками, и на Божий свет был пущен пуф какого-то небывалого малороссийского языка. По украинским селам начали появляться, в бараньих шапках, усердные распространители малороссийской грамотности, и начали заводить малороссийские школы, в противность усилиям местного духовенства, которое вместе с крестьянами не знало как отбиться от этих непрошенных просветителей. Пошли появляться книжки на новосочиненном малороссийском языке. Наконец, одним профессором, составившим себе литературную известность, торжественно открыта национальная подписка для сбора денег на издание малороссийских книг и книжек.

Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдадут себе отчета в своих стремлениях. Мы отдаем должную дань и легковерию, и легкомыслию, и умственной незрелости, и бесхарактерности. Но не пора ли, по крайней мере в настоящую минуту, подумать о том, что мы делаем? Не пора бы этим украинофилам понять, что они делают нечистое дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат? Из разных мест Малороссии получаем мы вопиющие письма об этом зловредном явлении, которое тревожит и возмущает там мыслящих и серьезных людей. Нити интриги обнаруживаются все яснее и яснее, и нет никакого сомнения, что украинофилы находятся в руках интриганов; нет никакого сомнения, что украинофилы служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины. Нашим украинофилам пора одуматься и понять, в какую бездну хотят их ввергнуть. Мы знаем, что самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, что они радуются этому движению, и поддерживают его всеми способами, разумеется, прикрывая себя разными масками. В самом деле, ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики, как не разложения в собственных недрах русского народа? Они не прочь и сами прикинуться завзятыми украинофилами; имея на мысли великий идеал в лице Конрада Валенрода[†], они великодушно отрекутся от собственной на-

родности в пользу украинской и отрекутся тем охотнее, что украинской народности не существует, а существует только возможность произвести в русском народе брожение, которое всего действительнее может послужить целям врагов России, поднимающим вопрос о самом существовании ее.

Польские повстанцы, которые дерутся и гибнут в лесах, знают, по крайней мере, чего они хотят. Польская народность жила когда-то особым государством и имела самостоятельное историческое существование; польский язык есть язык существующий, язык обработанный, имеющий литературу. Польские повстанцы знают, чего они хотят, и желания их, при всей своей безнадёжности, имеют смысл, и с ними можно считаться. Но чего хотят наши украинофилы? Украина никогда не имела особой истории, никогда не была особым государством; украинский народ есть чистый русский народ, коренной русский народ, существенная часть русского народа, без которой он не может оставаться тем что он есть¹. Несчастные исторические обстоятельства, оторвав Украину от русского корня, насильственно соединили ее на время с Польшей; но Украина не хотела и не могла быть частью Польши, и из временного соединения с нею, вместе с полонизмами своей местной молвы, вынесла вечную, неугасимую национальную ненависть к польскому имени. Нигде в России, даже теперь, поляки не возбуждают против себя собственно-национальной ненависти; а в Украине кипит непримиримая национальная ненависть к полякам. Малороссийского языка никогда не было, и несмотря на все усилия украинофилов, до сих пор не существует. Во множестве особенных говоров юго-западного края есть общие оттенки, из которых искусственным образом можно, конечно, сочинить особый язык, как можно, конечно, сочинить особый язык, пожалуй, даже из костромского или рязанского говора. Но спрашивается, из каких побуждений может возникнуть желание сочинить такой особый язык, как будто не достаточно уже существующего русского языка, принадлежащего не какой-либо отдельной местности, но целому народу неразделимому и единому, при всех местных особенностях и местных наречиях, впрочем, несравненно менее резких, чем во всякой другой европейской стране? Откуда у нас в России могло взяться такое побуждение устраивать школы для преподавания на местном наречии и для возбуждения антагонизма между им и общепринятым государственным и литературным языком? Кто, кроме мономанов, мог бы прийти к такой мысли во Франции, Германии и Англии и какое общество допустило бы эту мысль до осуществления в размерах сколько-нибудь значительных? Общепринятый русский язык не есть какой-нибудь местный, или как говорят, великороссийский язык. Можно с полной очевидностью доказать, что это язык не племенной, а исторический, и что в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более. Всякое усилие поднять и развить местное наречие, в ущерб существующему общенародному историческому языку, не может иметь другой логической цели кроме расторгения народного единства.

В письмах, которые мы получаем из Украины, нам сообщают о решительном противодействии крестьян всем этим попыткам. В живом народе крепко сказывается инстинкт самосохранения. Но интриганы прибегают к разным хитростям. Дерзость свою они простирают до того, что выдают себя за аген-

тов правительства, отправленных будто бы с целью расшевелить крестьян и допытываться не пожелают ли они, чтобы детей их в школах учили малороссийской грамоте. Сельский люд Малороссии отличается особенным доверием к правительству, и, не разобрав в чем дело, крестьяне могут попадаться на эту удочку и заявлять такие желания, которых они не имеют, и которые противоречат их действительным желаниям и самым существенным интересам.

В деле народности и языка само общество должно быть на страже. Все, что есть серьезного, зрелого, мыслящего в Украине, особенно духовенство, должно энергически противодействовать интриге и изобличать интриганов. Мыслящие люди должны ограждать сельский люд от происков, объяснять ему, в чем заключается их смысл и куда они клонятся, раскрывать обман и растолковывать ему что правительство никак не может заводить школы для развития местного наречия в ущерб государственному языку; не может употреблять народные деньги на такое дело, которое явно клонится к ослаблению и расторжению народного единства. Всякий сколько-нибудь мыслящий человек, всякий способный принять к сердцу общее дело и серьезно подумать об интересах отечества должен понять, что нет ничего пагубнее как систематическими усилиями поднимать местное наречие на степень языка, заводить для него школы, сочинять для него литературу, что никакая другая рознь не может произвести таких пагубных последствий, и что одна и та же интрига, которая старалась ополячить народ в Белоруссии, старается создать призрак особой народности в Украине, и что последнее еще горше первого.

В Галиции, несмотря на давнее отделение этого края от родной России, писали языком подходящим к типу общепринятого русского языка, и только в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям поляков, львовская газета “Слово” начала отдаляться от этого типа; она представляет теперь собой самый уродливый маккаронизм. Но в Угорской Руси (в Венгрии), куда польское влияние не простирается, сохраняется и блюдетя в возможной чистоте русский язык, так что все, что там писалось и все, что оттуда пишется в львовском “Слове”, кроме некоторых неловкостей в оборотах речи, почти не разнится от обыкновенного русского языка. Зато теперь австрийское правительство запретило журнал, выходивший в Угорской Руси; оно требовало, чтобы наши родичи отказались от настоящего русского языка и писали тою же уродливою речью, какой львовские литераторы, под фирмою русского языка; но угорские русины объявили, что они другого русского языка не знают, кроме существующего, и предпочли замолкнуть.

Какой же смысл может иметь в самой России это так называемое украинофильское направление? Грустная судьба постигает эти украинофильские стремления! Они точь в точь совпадают с враждебными русской народности польскими интересами и распоряжениями австрийского правительства.

Неужели наши украинофилы, бессознательно завлеченные в интригу, будут работать на нее даже и теперь, когда народ на Украине так энергетически доказал свою преданность общему отечеству, и когда, по селам Русского царства у всех в устах и на сердце имя Киева, златоверхого Киева – имя производящее могущественное действие на всякого русского человека, какой бы он ни был уроженец, – имя, в котором быть может еще более единящей силы, чем

в имени самой Москвы? Наши крайнофилы должны пристальнее взглянуться в лицо софизмам, которыми их обольщают. Если русская земля должна быть одна и русский народ должен быть один, то не может быть двух русских народностей, двух русских языков: это очевиднее чем дважды два четыре. А если Украина не может иметь особого политического существования, то какой же смысл имеют эти усилия, эти стремления дать ей особый язык, особую литературу, и устроить дело так, чтоб уроженец киевский со временем как можно менее понимал уроженца московского, и чтоб они должны были прибегать к посредству чужого языка, для того чтоб объясняться между собою? Какой же смысл искусственно создавать преграду между двумя частями одного и того же народа и разрознивать их силы, между тем как только из взаимодействия их сил может развиваться жизнь целого, благотворная для всех его частей?

Давно уже замечали мы признаки этого фальшивого направления в нашей литературе и неоднократно изъявляли сожаление о том, что люди тратят свои силы на дело, от которого ни в каком случае добра ожидать не должно. Мы в “Русском вестнике” и “Современной летописи”, обращались к здравому смыслу господ подвизавшихся на этом поприще, но не могли удержаться от негодования, когда некоторые из этих господ вздумали было действовать посредством литературного застрашивания, которое было у нас в большом ходу в последнее время, и которое состояло в том, чтобы забрасывать грязью всякого, ко решался поднять независимый голос. Мы были очень рады, когда спустя некоторое время несколько киевских крайнофилов прислали для напечатания свою исповедь, в которой свидетельствовали о своем патриотизме и чистоте своих решений. Мы напечатали их исповедь; нам приятно было верить чистоте их намерений, и мы не сочли нужным пускаться с ними в толки о бесплодии их крайнофильских стремлений, тем более, что в то время начинали уже разыгрываться польские смуты. Но за это посыпались на нас сильные укоры из Малороссии, и нас обвиняли в послаблении. Каемся в грехе и постараемся загладить его.

Кстати, мы считаем своим долгом объявить господину Костомарову, чтоб он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем, и каемся, что в начале этого года, по случайной оплошности, эти объявления раза два появлялись в “Московских ведомостях”. Мы искренно сожалеем, что господин Костомаров ссудил свое имя на это дело, и позволяем себе надеяться, что он оценит наши побуждения и, размыслив, быть может, и сам согласится с нами. Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси добрыхотных подаяний в пользу польского мятежа. В замене того мы охотно вызываемся печатать объявления господина Костомарова, если он будет собирать пожертвования на развитие провансальского жаргона во Франции или нортумберландского в Англии. Или пусть эти суммы передаст он в кассу немецкого национального флота на постройку германского флота. Лучше бросить эти деньги... Бог с ними! Они жгутся.

Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. – Вып. I. – М., 1887. – С. 273–282.

1863 р., червня 27. Київ. –

Подання голови Київського цензурного комітету О. М. Новицького міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву про необхідність вжиття заходів проти намагання “некоторых малороссов” навести свій народ до рідної мови, оскільки “никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может”

Секретно

В Киевский цензурный комитет поступила рукопись под заглавием “Притчи Господа нашего Иисуса Христа на украинский мови розказани”. Рассматривавший эту рукопись цензор Лазов возвратил ее без одобрения к печати, потому, во-первых, что в Петербурге, как видно из газет, ожидается в непродолжительном времени выход полного Евангелия, переведенного на малороссийский язык Морачевским, и потому едва ли может быть допущен другой перевод частей Евангелия, и, во-вторых, что она по содержанию подлежит духовной цензуре.

Из предисловия к сей рукописи видно, что она преимущественно предназначена для учащихся, между тем как самое обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского наречия нигде не допущено. Самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже самое возбуждение сего вопроса принято большинством малороссиян с неодобрием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши, что общерусский язык также понятен для здешнего народа, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами и, в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссиян упрекает в каких-то сепаратистских замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии. Посему цензор Лазов, в донесении своем по поводу названной выше рукописи, присовокупляет, что, зная все это, разделяя убеждения большинства малороссиян и видя постоянное умножение малороссийских изданий, особенно предназначенных для народного обучения, он, равно как и всякий цензор, обращающий строгое внимание на цель подобных изданий, как того требует Устав о цензуре, не может спокойно разрешать печатание их, тревожимый опасением, не делается ли он чрез то невольным участником в распространении того противозаконного движения, на существование которого указывают сами же малороссы. Положение цензора при рассмотрении подобных рукописей и книг тем более затруднительно, что в них только цель и предосудительна, самое же содержание обыкновенно не заключает в себе ничего непозволительного по Уставу о цензуре. Посему господин Лазов просит цензурный комитет об исходатайствовании разрешения начальства, как поступить с рукописями и книгами, порождаемыми стремлением обосо-

бить малороссийский язык и доставить здешнему народу возможность обходиться без употребления общерусского языка.

Соглашаясь вполне со всем вышеизложенным, считаю необходимым при-
совокупить, что в проходящих через Киевский цензурный комитет сочинениях
нередко высказываются, хотя и не совсем ясно, какие-то затеи обособления
малороссийской народности.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимание правитель-
ства, что оно совпадает с политическими замыслами поляков и едва ли не им
обязано своим происхождением. На эту мысль невольно наводит между про-
чим одно место в польской брошюре, находящейся в моем рассмотрении по
иностранный цензуре, под названием: “Ręczę ze się pojednamy. Słowo do braci
Polaków w sprawie polsko-ruskiej” (“Ручаюсь, что соединимся. Слово к братьям
полякам в тяжбе польско-русской”^а). В ней автор, поговорив о мнимой ненави-
сти малороссиян к москалям и о том, что эта ненависть сближает и соединяет
их с поляками, продолжает: “Малороссияне говорят и пишут свои сочинения
на малороссийском языке, а поляки радуются тому и поддерживают литерату-
ру, дабы этим самым убедить свет и москалей, что Русь не есть Москва”. И из
дел Комитета видно, что большая часть малороссийских сочинений действи-
тельно поступает от поляков.

Обо всем вышеизложенном имею честь представить Вашему высокопре-
восходительству на тот конец, не изволите ли признать нужным принять ка-
кие-либо меры против обнаруживающегося стремления некоторых малорос-
сов, а совместно с ними и поляков, отчуждать здешний народ от общерусских
языка и народности.

Председательствующий *Новицкий*
Ис[правляющий] д[олжность] секретаря *К. Бурхард*

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 1–4. Оригинал. Опубл.: Архівні документи Валуєвського цирку-
ляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. –
С. 62–63; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...”. – Кн. 2. – К., 2011. – С. 329–331.

№ 42

1863 р., липня 11. Санкт-Петербург. –

**Доповідна записка міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва
Олександрові II “О книгах, издаваемых для народа на малороссийском
наречии” з пропозицією дозволити друкування творів
красного письменства та призупинити видання навчальної
та релігійної літератури українською мовою¹**

Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования
самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам слу-
жили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее
замечательным талантом или своею оригинальностью.

В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной
характер вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никако-

¹ Документ майже тотожного змісту від 18 липня 1863 р. було адресовано на ім'я
міністра народної освіти О. В. Головніна (див. док. № 43).

го отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находились прежде члены харьковского тайного общества, а в недавнее время – множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в комиссии, учрежденной под председательством статс-секретаря князя Голицына.

В С.-Петербурге даже собираются пожертвования бывшим профессором Костомаровым для издания дешевых книг на южнорусском наречии. Многие из этих книг поступили уже на рассмотрение в С.-Петербургский цензурный комитет. Немалое число таких же книг представляется и в Киевский цензурный комитет. Сей последний в особенности затруднялся пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства: обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено. Самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародием, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для него некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных России и гибельных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступавшим в цензуры и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находил опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовной цензурой перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Система общественного образования у нас основана преимущественно на условии правительственной инициативы; частная же или общественная инициатива допускается лишь настолько, насколько она может содействовать видам правительства и для того, чтобы подобная частная или общественная деятельность достигала этой цели и действительно служила к пользам народа, правительство учреждает за нею необходимый надзор. Бывшие отступления от этого правила, как, например, устройство воскресных школ по инициативе частной, общественной, без надзора со стороны правительства, приводили к

О книгахъ издаваемыхъ для народа на малороссийскомъ наречіи. Давно уже идутъ споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссийской литературы.

Високаяше повеленіи
государства.

С. Петербургу, 11 июля 1863

Ново-давно въ этихъ спорахъ суровыми произведеніями некоторыхъ писателей, отличающихся болѣе или менѣе замѣчательными талантами или своею оригинальностью.

Въ недавнее время въ прасѣ о малороссийской литературѣ получилъ иной характеръ въ видѣтвіи односторонности чисто политическисхъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ

Доповідна записка міністра внутрішніх справ П. О. Валуева Олександрю ІІ
“О книгахъ, издаваемыхъ для народа на малороссийскомъ наречіи”.
11 липня 1863 р. Док. № 42.

последствиям весьма неблагоприятным как для правительства, так и для самого народа.

Таким образом, возбужденный ныне цензурой вопрос об издании книг на малороссийском языке для народа представляется, при теперешних обстоятельствах, особенно важным, и к разрешению его оказывается необходимым приступить с крайней осторожностью.

В этих видах министр внутренних дел предполагает вопрос об издании упомянутых книг для народа подвергнуть совокупному обсуждению с министром народного просвещения, обер-прокурором Св. Синода и шефом жандармов; до получения же от них заключений и до рассмотрения настоящего дела в установленном порядке министр сделал распоряжение по цензурному ведомству, чтобы позволялись к печати только произведения на малороссийском языке, принадлежащие к области изящной литературы; пропуском же книг на том языке религиозного содержания, учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа, приостановиться до разрешения настоящего вопроса.

О вышеизложенном министр внутренних дел долгом считает всеподданнейше довести до высочайшего императорского величества сведения.

Статс-секретарь *Валуев*

Помітка: Высочайше повелено исполнить. С.-Петербург. 12 июля 1863 г.

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 4–8. Оригінал. Опубл.: Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпущко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 63–66; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...” – Кн. 2. – К., 2011. – С. 331–333.

№ 43

1863 р., липня 18. Санкт-Петербург. –

Відношення міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва міністрові народної освіти О. В. Головніну про заборону видань українською мовою, спричинену небезпекою масового поширення українофілами “політичних задумів” під виглядом запровадження письменності й просвіти і, відповідно, набуттям питання про українську літературу виключно політичного забарвлення¹

Секретно

Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью.

В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер вследствие обстоятельств чисто политических, не имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на

¹ Документ майже тотожнього змісту від 11 липня 1863 р. було адресовано на ім'я імператора Миколи II (див. док. № 42).

С. П. П.

18 Июля 1863 г.

Г. Министру Народнаго
Провѣщенія.

№ 394.

Давно ведутся споры въ нашей печати о возможности существованія самостоятельной малороссийской литературы. Новодомыкъ и Глинка спорили съ другими произведеніями такъ называемой, отечественной литературы, отстаивавшими доисторическую оригинальность свою оригинальностью.

Въ послѣднее время вопроса о малороссийской литературѣ поцурисъ и Глинка, въ сущности абсолютности чисто психическомъ, неимѣющаго никакого отношенія къ интересамъ собственно литературнымъ. Предотвѣтъ произведенія на малороссийскомъ языкѣ имѣли въ виду и имѣли образованные классы народа въ Россіи, въ томъ приверженцы къ малороссийской народности и брошюры свои всегда по малому непространству, и такъ и въ видахъ, какъ расстрелять къ присутствію

Відношення міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва міністру народної освіти О. В. Головніну. 18 липня 1863 р. Док. № 43.

малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находились прежде члены харьковского тайного общества, а в недавнее время – множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии, учрежденной под председательством статс-секретаря князя Голицына.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими стремлениями поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступавшим в цензуру и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовною цензурой перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны, имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, я признал необходимым, впредь до соглашения с Вашим превосходительством, обер-прокурором Святейшего Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропусками же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, я предложил цензурным комететам, приостановиться.

О распоряжении этом я поверг на высочайшее государя императора воззрение и его величеству благоугодно было удостоить оное монаршего одобрения¹.

Сообщая Вашему высокопревосходительству о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, почтить меня заключением о пользе и необходимости дозволения к печатанию книг на малороссийском наречии, предназначенных для обучения простонародья.

К сему неизлишним считаю присовокупить, что по вопросу этому, подлежащему обсуждению в установленном порядке, я ныне же вошел в сношение с генерал-адъютантом князем Долгоруковым и обер-прокурором Святейшего Синода.

Неизлишним считаю присовокупить, что Киевский цензурный комитет вошел ко мне с представлением, в котором указывает на необходимость при-

¹ Див. док. № 42.

няття мер против систематического наплыва изданий на малороссийском наречии¹.

Подписал министр внутренних дел статс-секретарь *Валуев*
Верно: секретарь *Забелин*

Помітка: Такого же содержания:

№ 395 – господину главному начальнику III Отделения собственной е. и. в. канцелярии; № 396 – господину обер-прокурору Святейшего Синода².

Верно: секретарь *Забелин*

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 11–12. Засвідчена копія. Опубл.: Трийцят літ духової неволі на Україні // Правда. – 1894. – Т. 21, вип. 63. – С. 281–290; *Лемке Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. – СПб., 1904. – С. 302–304; *Кревецький І.* “Не было, нет и быть не может” // Літературно-науковий вістник. – Т. XXVI. – Львів, 1904. – С. 138–139; *Ник. Фабрикант.* Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. – Год XXVI. – М., 1905. – № 3. – С. 132–134; *Миллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 240–241; Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 68–69; Западные окраины Российской империи. – М., 2006. – С. 222–224; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...” – Кн. 2. – К., 2011. – С. 337–338.

№ 44

**1863 р., липня 18. Санкт-Петербург. –
Розпорядження міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва
Київському цензурному комітетові про заборону друкуння
українською мовою книжок релігійного змісту, підручників
та видань для початкового читання**

Секретно

Вследствие представления от 27 минувшего июня за № 342³ предлагаю Киевскому цензурному комитету сделать распоряжение, чтобы в печати дозволялись только такие произведения на малороссийском языке, которые принадлежат к области изящной литературы. Пропуском же книг на том языке как религиозного содержания, так и учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа, приостановиться до разрешения возбужденного по этому предмету вопроса в установленном порядке, о чем комитет будет своевременно поставлен в известность^a.

Министр внутренних дел статс-секретарь *Валуев*

Помітка: Читал. *Лазов*

ЦДІАК України, ф. 293, оп. 1, спр. 552, арк. 28. Оригінал. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на уста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 21 (у перекладі українською мовою); Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 69; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...” – Кн. 2. – К., 2011. – С. 339.

¹ *Останній абзац дописано П. Валуєвим, що засвідчено поміткою секретаря:* Рукою министра внутренних дел написано.

² *Відповіді на відношення П. Валуєва: док. № 47 та № 57.*

³ *Див. док. № 41.*

Получ. 30 Июля 1863 года.

Секретно. 28.

~~27~~

**МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДѢЛЪ**

Киѣвскому Цензурному Коми-
тету.

**С. ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЦЕНЗУРНЫЙ
КОМИТЕТЪ.**

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

"18" Июля. 1863 г.

№ 397.

Сейчасъ слугъ

Всѣподостойе представленія
отъ 27го сшнцурскаго Юна за № 348,
предлагаго Киѣвскому Цензурно-
му Комитету сдѣлать расхо-
рощеніе, чтобы въ печати дозво-
лялись только такіа произведе-
нія на малороссійскомъ языкѣ,
которыа принадлежатъ къ об-
ласти изящной литературы,
пропускать же книги на томъ
языкѣ какъ религіознаго содержа-
нія, такъ учебныхъ и вообще на-
значенныхъ для первоначальнаго
ученія народа, пріостановитъ
до разрѣшенія вышесказаннаго по
этому предмету вопроса въ уста-
новленномъ порядкѣ, о чемъ Коми-
тетъ будетъ своевременно поста-
вить въ извѣстность.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,

Статсъ-Секретарь *Валуевъ*

Розпорядження міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва Київському
цензурному комітету. 18 липня 1863 р. Док. № 44.

1863 р., липня 20. Санкт-Петербург. –
Відношення міністра народної освіти О. В. Головніна
міністрові внутрішніх справ П. О. Валусьву про несхвалення
дій київського цензора та радикальних заходів уряду щодо
заборони українських видань, оскільки підставою
для цензурної заборони має бути не мова, а зміст твору

Ваше превосходительство, спрашивая мое мнение о пользе и необходимости дозволения к печатанию книг на малороссийском наречии, предназначенных для обучения простонародья, изволите сообщать, что Киевский цензурный комитет указывает на необходимость принятия мер против систематического наплыва изданий на малороссийском наречии и что киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовною цензурою перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Вследствие сего имею честь уведомить, что *сущность сочинения, мысли, изложенные в оном*¹, и вообще *учение, которое оно распространяет*, а отнюдь не *язык или наречие*, на котором написано, составляют основание к запрещению или дозволению той или другой книги, и что старание литераторов обработать грамматически каждый язык или наречие и для сего писать на нем и печатать – весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения. Посему Министерство народного просвещения обязано поощрять и содействовать подобному старанию. Затем, если старание это употребляется некоторыми лицами, как личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанные на малороссийском языке, употребляются как орудие вредной антирелигиозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобные книги; но запрещать их *за мысли*, в них изложенные, а не *за язык*, на котором писаны, и если таковых сочинений представляется в Киевский цензурный комитет значительное число, то комитет сей мог бы просить о временном усилении личного состава цензоров. Требование же комитета, чтобы приняты были меры против систематического наплыва изданий на малороссийском языке, я нахожу совершенно неосновательным. Что же касается до мнения киевского генерал-губернатора, что опасно и вредно выпустить в свет малороссийский перевод Нового Завета, рассматриваемый духовною цензурою, то из уважения к господину генерал-адъютанту Анненкову я объясню себе подобный отзыв какой-то неопытной канцелярской ошибкой. Духовное ведомство имеет священную обязанность распространять Новый Завет между всеми разноплеменными жителями империи на всех языках и наречиях и истинным праздником нашей церкви был бы тот день, когда мы могли бы сказать, что в каждом доме, избе, хате и юрте находится экземпляр Евангелия на языке, понятном обитателям. Министерство народного просвещения, со своей стороны, всемерно старается о распростра-

¹ Тут і далі курсивом подано підкреслені у тексті слова.

№ 36.
23 июля 1863 г.

М. В. Пугачев 21
15

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

ДЕПАРТАМЕНТЪ

КАНЦЕЛЯРІЯ

Стать 1.

20-го июля 1863 г.

№ 7329

Отвѣтъ на № 304.

По В. Петербургскому Цензурному
Комитету.

Вопросъ о переводѣ
с. н. книгъ на украинскій
и русскій языки 1863 г.

Господину Министру Внутрен-
нихъ Дѣлъ.

Ваше Превосходительство, спра-
шившая мое мнѣніе о пользѣ и нео-
бходимости дозволенія къ печатанію
книгъ на малороссійскомъ нарѣчій,
предназначенныхъ для одуренія просто-
народья, изволите соизнать, что Кіев-
скій Цензурный Комитетъ указываетъ
на необходимость принятія сего про-
тивъ систематическаго напыива из-
даній на малороссійскомъ нарѣчій и
что Кіевскій Генералъ-Губернаторъ
исходитъ опасныя и вредныя вы-
пуски въ свѣтъ разсматриваемого
нынѣ дѣловнаго цензурнаго перевода на
малороссійскій языкъ Нового Завета.

Вслѣдствіе сего писаннаго гдѣ
доимтъ, что сущность сочиненія,
мысли, изложенныя въ ономъ, и во-
обще цѣль, которое оно распростра-
няется, а отнюдь не языкъ или на-
рѣчье, на котораго написано, со-

№ 170. 1863

Відношення міністра народної освіти О. В. Головніна
міністру внутрішніх справ П. О. Валуєву. 20 липня 1863 р. Док. № 45.

нении в своих училищах и через них в народе книг духовного содержания, печатает их в числе десятков тысяч экземпляров, и в ряду этих книг Новый Завет на местном наречии должен бы занимать первое место. Посему, мало-российский перевод Евангелия, исправленный духовною цензурою, составит одно из прекраснейших дел, которыми ознаменовано нынешнее царствование, и Министерство народного просвещения должно желать этому делу скорейшего и полного успеха.

В заключение считаю долгом сказать, что лет за 15 перед сим я находился в Финляндии в то самое время, когда приняты были строгие цензурные меры против книг, которые печатались для народа на финском языке и разных наречиях оного, причем было дозволено издавать на этом языке только книги духовного или агрономического содержания. Я был тогда свидетелем негодования, которое возбудила эта мера в лицах самых преданных правительству, которые оплакивали оную, как политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряжению, ибо оно приносило большой вред самому правительству.

Министр народного просвещения *Головнин*

Управляющий департаментом статс-секретарь *Машуров*

Помітка П. Валусєва на лівому березі останнього абзацу: Сравнение Малороссии с Финляндией заключает в себе наилучшие оправдания всего того, что здесь [...] грамматически правильно высказано, сколько государственно неправильно соображено.

Резолюція: Ожидать получения отзывов господина [...] Долгорукова и господина министра Ахматова. 22 июля.

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 15–17. Оригінал. Опубл.: *Лемке Мих.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. – СПб., 1904. – С. 304–306; Архівні документи Валусєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 70; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...”. – Кн. 2. – К., 2011. – С. 340–341.

№ 46

1863 р., липня 23. Санкт-Петербург. –

Лист М. І. Костомарова до міністра внутрішніх справ П. О. Валусєва із проханням дозволити відповісти публічно у газеті “Голос”^а на звинувачення у солідарності з польським визвольним рухом та роз’яснити свою позицію щодо заборони видань українською мовою

Ваше високопревосходительство Петр Александрович!

Принимаю смелость просить Вас покорнейше благосклонно прочесть эти строки. Вот в чем дело, Ваше високопревосходительство:

В 136 № “Московских ведомостей”^б явилась статья, направленная против издания книг научного содержания на южнорусском языке, предпринятого мною¹. В ней бросается на это дело тень подозрения, проводится мысль о солидарности его с польскими замыслами. Публицист прямо выразился, что

¹ Див. док. № 40.

сбор пожертвований на такое дело гораздо хуже сбора в пользу польского мятежа. Такие выходы требовали с моей стороны возражений и объяснений, но статья моя, посланная в газету “Голос”, не пропущена цензурою. Между тем цензор Лебедев, которому я представил две малороссийские рукописи для цензирования, объявил, что, не находя в них по содержанию ничего противного цензурным узаконениям, он не может в настоящее время одобрить их к напечатанию, потому что они писаны по-малороссийски.

Из этого можна заключить, что правительство оказывает доверие к тем, которые думают, будто бы издание книг научного содержания на южнорусском языке состоит в солидарности с идеєю сепаратизма и стремлениями оторвать Южную Русь от Русского государства.

Но в таком случае да позволено же будет и противной стороне высказаться и также свободно защищать себя, как свободно на нее нападают.

Напечатанный в “Дне” к объяснению двусмысленных и оскорбительных выражений побудил публициста в 24 № воскресных приложений объявить, что он не подозревает меня в прямом соумышлении с поляками. Тот же публицист, утверждая, будто малороссийское наречие есть неорганическая примесь польских слов и форм к русскому языку и не имеет ничего самобытного, будто народ в нем не нуждается, не дорожит им и охотно усваивает русский книжный язык, легко понимаемый, и будто, наконец, пишущие и издающие малороссийские книги хлопчут о создании искусственного языка, который хотят навязать одиннадцати миллионам, преследуя при этом цели, которые окажутся вредными, – высказывает, однако, желание, чтоб я и другие, думающие со мною одинаково, выражали свои мнения свободно. Между тем, в настоящее время я лишен возможности опровергать моих противников по этому вопросу, потому что судьба статьи, посланной в “Голос”, дает мне повод полагать, что и другие мои статьи в пользу издания книг научного содержания на южнорусском языке не будут допускаться к напечатанию. Сверх того, запрещение на печатание книг научного содержания на том только основании, что они писаны по-малороссийски, ставит меня в невозможность защищать дело, против которого вооружается уже не мнение частных лиц, а сила правительства.

*Audiat et altera pars!*¹ В цензурных постановлениях существует правило, что обвиненный в чем бы то ни было каким-либо повременным изданием, имеет право печатать свое оправдание в том же издании. Я обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою применить это правило ко мне и дозволить мне напечатать оправдание своего дела в “Московских ведомостях”, обязав редакцию принять мою статью, а вместе с тем дозволить печатать малороссийские книги научного содержания, если они не будут противны по содержанию существующим цензурным правилам, ибо нет такого постановления, которое бы лишало возможности невинную по мыслям книгу явиться в печати единственно потому, что она написана на таком или ином языке или наречии. Умоляю Ваше высокопревосходительство отстранить от вопроса об издании книг научного содержания на южнорусском языке бездоказательные и крайне оскорбительные для всех имеющих честь принад-

¹ *Дозвольте, а и́нша сторона! (лат.).*

лежать к малорусскому племени подозрения в солидарности с какими-либо вредными замыслами святого дела народного образования, пусть этот вопрос станет на чисто учено-литературно-педагогическую почву и будет дозволен свободный обмен доказательствами pro et contra¹: тогда само собою окажется, в чем истина и в чем заблуждение.

Примите уверения в искренности чувств глубочайшего уважения и совершенной преданности, с которыми честь имею пребыть

Вашего превосходительства покорнейший слуга *Николай Костомаров*

Резолюція: Пригласить господина Костомарова к министру в воскресенье в 1 час пополудни, заготовить предварительно пригласительную записку, которую и прислать ко мне сего дня. 25 июля.

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 205, арк. 1–2. Оригінал. Опубл.: *Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 17, No. 3–4 (1996 for 1993). – P. 378–383 (англ. і рос. мовами);* Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 66–67; *Яременко В. “... Літератури дивна течія...”*. – Кн. 2. – К., 2011. – С. 335–337.

№ 47

1863 р., липня 24. Санкт-Петербург. –

**Відношення начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії
В. А. Долгорукова міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву
з підтримкою аргументів останнього на користь заборони
друкування українськомовних книжок “для обучения простонародья”**

Вследствие отношения за № 395, имею честь уведомить Ваше превосходительство, что по доводам, изложенным в сем отношении, которые я признаю заслуживающими полного внимания, я в предполагаемом печатании книг на малороссийском языке, предназначеных для обучения простонародья, не нахожу ни пользы, ни необходимости.

Генерал-адъютант князь *Долгоруков*

Резолюція: Иметь в виду по получении отзыва господина министра Ахматова. 25 июля.

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 18. Оригінал.

¹ за і проти (лат.).

№ 48

**1863 р., липня 28. Санкт-Петербург. –
Із щоденника П. О. Валуєва про зустріч з М. І. Костомаровим
і про свою категоричну позицію дотримуватися положень
розпорядження від 18 липня 1863 р. про обмеження
друкування “популярних изданий на хохольском наречии”**

[...] 28 июля. Утром у обедни. Потом были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе. [...]

Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. – Т. 1: 1861–1864 гг. – М., 1961. – С. 239.

№ 49

**1863 р., серпня 15. Київ. –
Повідомлення київського, подільського
і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові
Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову
про поширення членами “малоросійської партії” серед вихованців
Київської духовної академії віршів українською мовою
та її зв’язок з таємним товариством “Земля і Воля”^а**

Совер[шенно] конфиденциально

М[илостивый] г[осударь] князь Василий Андреевич!

От одного из воспитанников Киевской духовной академии доставлены мне прилагаемые у сего обращающиеся между воспитанниками академии стихи на малороссийском языке, в которых выражается сочувствие Украины к Польше.

Указание это я считаю весьма важным, так как в распространении между воспитанниками духовной академии подобных сочинений вижу новую проделку крайней малороссийской партии, которая стремится к сепаратизму разными путями, как я писал уже В[ашему] п[ревосходительст]ву в отзыве от 17 марта сего года за № 949¹, и, между прочим, обособлением языка и изданием на этом языке Евангелия. Кажется, что эта партия не отказывается для достижения своих целей и от мысли о федеративном союзе с Польшей, на существование каковой мысли указывает и настоящий случай, и отысканные в многих местах управляемого мною края воззвания, в разное время Вам сообщенные, и в особенности известное Вашему с[иятельст]ву дело в Переяславском уезде, которое, сколько я знаю, показало, что некоторые молодые люди из малороссийской партии подговаривали крестьян вооружаться за поляков. Аресты в Чернигове землемера Андрущенко и члена врачебной управы Носа и найденные у них бу-

¹ Див. док. № 37.

маги обнаруживают связь также малороссийской партии с тайным обществом “Земля и воля”. Полагаю, что лица эти могли быть в связи и с киевскою малороссийскою партией, в которой есть много и поляков.

По этим соображениям я не мог не обратить особого внимания на распространение возмутительных стихов между воспитанниками Киевской духовной академии, тем более, что влияние крайней малороссийской партии на воспитанников Духовной академии может сопровождаться особенно вредными последствиями, так как воспитанники академии предназначаются большею частью в священники и, следовательно, будут в близких отношениях с сельским населением, и потому еще, что теперь, как кажется, малороссийская партия приобретает значительное развитие. Так, недавно в Чернигове дана была на сцене тамошнего театра известная опера Котляревского “Наталка-Полтавка” и вся публика, бывшая в театре, одета была в национальные малороссийские костюмы.

О обращении между воспитанниками духовной академии революционных стихов я преосвященному митрополиту не сообщал не потому, чтобы имел малейшее сомнение в том, что это подверглось бы строгому с его стороны порицанию, но по известной сплоченности духовного начальства защищать при всяком случае свое ведомство.

Не могу допустить также мысли, чтобы обращение между студентами академии упомянутых стихов было известно ректору академии. Он мне известен как вполне преданный правительству и строгий исполнитель своих обязанностей, но, кажется, по этому самому он не пользуется любовью воспитанников и, следовательно, не может иметь нравственного влияния на их направление.

Считаю долгом о всем выше изложенном сообщить на благоусмотрение В[ашего] с[иятельств]ва, покор[нейше] прося, во-первых, уведомить меня, признаете ли Вы удобным сообщить стихи и предположение мое о их происхождении преосвященному митрополиту и, во-вторых, как все здешние полицейские чиновники и употребляемые мною агенты более или менее известны, то не изволите ли признать возможным прислать сюда ловкого и верного агента, который мог бы, сблизившись с лицами, составляющими главных деятелей малороссийской партии, проследить пути, которыми она распространяет свою пропаганду и связи этой партии здесь и в Малороссии, а также отношения ее к обществу “Земля и воля”. С своей стороны я буду следить за действиями здесь малороссийской партии, сколько позволят мои средства.

Покор[нейше] прошу принять ув[ерения] в п[очтении] и пр[еданности].

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 637, арк. 4–5. Чернетка. Опубл.: Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. – Т. 2. – К., 1964. – С. 196–197.

№ 50

1863 р., серпня 29. Чернігів. –
Донесення чернігівського цивільного губернатора С. П. Голіцина
міністрові народної освіти О. В. Головніну про причетність
вчителя Чернігівської гімназії Л. І. Глібова до справи С. Д. Носа
та І. О. Андрущенка

Конфіденційно

В прошлом июле месяце арестованы здесь по моему распоряжению бывший оператор Нос и землемерный помощник Андрущенко. Эти лица, как явно оказавшиеся проводниками противоправительственной пропаганды, препровождены мною в III-е отделение собственной его императорского величества канцелярии вместе с произведенным о них по моему распоряжению дознанием и найденною у них корреспонденциею. В этой последней чрезвычайно много писем, адресованных господам Носу и Андрущенко учителем здешней гимназии Л. И. Глебовым. В письмах этих видно полное сочувствие тем тенденциям, проводниками коих обнаружены Нос и Андрущенко, и, кроме того, из перехваченного письма Андрущенко к Глебову явно оказывается, что сей последний в самых интимных отношениях не только с арестованными мною двумя лицами, но и с другими, затеявшими проводить антиправительственные мысли под личиною распространения малороссийской грамотности.

Господин Глебов редактировал здесь “Черниговский листок”. По моему представлению, право этой редакции отнято у него господином министром внутренних дел. Но по другому, сделанному мною о нем представлению, а именно по предмету удаления этого учителя из здешней гимназии, не имею я никаких сведений.

Господин Глебов, на мой взгляд, человек самый пустой, но оставлять его преподавателем при молодых людях, недостаточно еще развитых, чтобы постигнуть нелепость его мыслей и софизм его мнений, по моему мнению, невозможно. Если я обо всем этом не доводил до сих пор до сведения Вашего высокопревосходительства, то это единственно потому, что все дело, в коем замешан Глебов, представлено мною в III-е отделение собственной его императорского величества канцелярии. Ныне же, принимая во внимание, что классы начались и что господином директором училищ, несмотря на мои словесные внушения и замечания, учитель Глебов допущен к преподаванию, поставлен я в необходимость доложить Вашему высокопревосходительству, что дальнейшее оставление Глебова не только в звании учителя здешней гимназии, но и в Черниговской губернии, считаю я положительно вредным. К этому должно прибавить, что господин Глебов – учитель весьма плохой, едва-едва годящийся в уездное училище, и что поэтому выбытие его отсюда вовсе не будет чувствительно для гимназии. Безнаказанность же его имеет самое дурное влияние, так как она представляется как бы отрицанием мер, принимаемых губернским начальством.

В разрешение настоящего моего донесения испрашиваю предписания Вашего высокопревосходительства.

Подписал: гражданский губернатор князь *Голицын*

Верно: делопроизводитель [підпис]

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1863), спр. 17, арк. 12–13. Засвідчена копія. Опубл.: *Франко О. О., Шандра В. С.* Байкар, видавець, педагог (До 150-річчя від дня народження Л. І. Глібова) // *Архіви України*. – 1977. – № 2 (142). – С. 56–62.

№ 51

1863 р., не раніше вересня¹. Київ. –

Витяги із львівського літературно-політичного часопису “Мета” про ставлення урядових та ліберальних кіл Росії до української мови та культури, підготовлені в канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора

Предисловие

(стр. 3) “Везде у нас чувствуется потребность такого издания, которое было бы выражением русской (т. е. малороссийской) народной идеи, пробуждало бы народное самопознание, содействовало бы самостоятельному поднятию народа из его упадка и скорейшему развитию его духовной жизни и вещественного благосостояния на единственно-возможных условиях на основании своего народного бытия...”

(стр. 5) “Земляки! Интеллигенция без народа – “голова без плечей”, т. е. ничто; народ без интеллигенции – вечный сирота без руководства и опеки. Оба они остались бы вечно чуждыми друг другу, если бы между ними не было народной связи. Нам необходимо слиться с народом, а для этого нет другого способа, как чтобы интеллигенция сделалась, сколько возможно, народною, чтобы в чем следует и можно уподобила себя народу. Иначе народ не примет от нас просвещения, потому что не поймет его, делается индифферентным, парализирующим все наши стремления, не ступит и шагом за нами по дороге к лучшему.

Поэтому задачею “Меты” будет – взяться за систематический труд для отыскания в народных элементах всего, что только может способствовать образованному слою русского народа к усвоению себе истинной идеи народности и к практическому ее развитию, не спутанному оковами чужеземных воззрений.

Самостоятельная народная литература и народно-политическое устройство – это поле, на котором общими трудами совершаются в народах великие дела. Что у других приносит хорошие результаты, то и у нас принесет, потому что мы, руссины, – второй по очереди народ в великой славянской семье.

Создание самостоятельной народной русской (малороссийской) литературы на основании одинакового развития народного языка в письме и слове и

¹ *Датується за часом виходу часопису.*

оберегании ее от смешения с какой-нибудь другой славянской словесностью, т. е. оберегание родной речи от централизации языка – это первая наша задача.

(стр. 6) “Защита идеи о народном единстве и народной самостоятельности всего южнорусского народа и возвращение его прав природных и политических посредством возбуждения его народно-политической деятельности на законном пути, т. е. с соблюдением двояких династических и государственных интересов, – это другая задача”.

Статья “Положение Руси ввиду польско-московской борьбы”

(стр. 66) “Также покрываются плесенью в московских архивах те договоры, по которым вольная Гетманская Украина, выбившаяся из-под гнета ляхов добровольно и безусловно перешла в состав Московского царства, а украинская автономия есть теперь *tabula rasa*¹ в той норме правления, под которою стонет наш народ.

Значительная часть истории русского народа выяснена уже в новейшее время трудами таких верных своей народности и высоко в народе уважаемых знаменитостей как, например, наш Костомаров. Незадолго никто из образованных руссинов не будет в состоянии отговориться незнанием родной истории. Узнает ее и вся Словянщина, и тогда русский народ смелее заговорит о своем деле, потому что будет иметь право на симпатии славянских народов, по крайней мере, такое, каким теперь пользуются с избытком поляки. Тем временем деятельность русского народа заключается в более скромных границах”.

(стр. 67) “Пользоваться всеми удобными случаями, какие представляет теперешнее политическое положение в цели дальнейшего народного-политического развития, неутомимо трудиться над просвещением целой народной массы, чтобы опять восстановить от самого народного корня ту силу, которая потерялась через отступничество высшего слоя, – есть самая первая и главная задача тех людей, которые являются представителями народа и его деятельности...”.

(стр. 71) “Все равно, будет ли московская теория о несуществовании народного (малороссийского) права иметь за собою весь московский народ или только некоторую часть прогрессивного слоя, т. е. либералов из г. Москвы, которых органом есть Аксаков и его журнал “День”^a, несмотря на то москали, как народ, не могут иметь такого природного права на Русь какое имеют, например, на Архангельскую или какую-либо другую губернию, где живет народ московский. Эти либералы из Москвы суть именно московские централизаторы, которые хоть в других случаях составляют оппозицию московскому абсолютному правительству, однако держатся за руки с этим правительством когда дело идет о проведении принципа омоскаления Руси...”

Однако же, к чести московского народа нужно признать, что не весь его передовой слой походит на этих либералов из Москвы. Либералы из Петербурга, которых московские называют “западниками”, и которые известны больше под именем “Молодой России”, из среды которой вышли Искандер и Бакунин,

¹ Чиста дошка (лат.).

не сочувствуют нимало централизаторским стремлениям либералов московских, так странно согласных с тенденциями московского правительства. Идя по следам помянутых двух знаменитостей, слишком хорошо думающих о природной силе московского народа, чтобы видеть для него надобность в гегемонии над Малороссией (как это делают ляхи), “Молодая Россия” никогда не унижится настолько, чтобы одобрять несправедливые тенденции теперешнего московского правительства или их поддерживать, как это делают московские либералы во вред русской народности, которую московское правительство не только гнетет всеми способами, но и совсем не признает...”.

(стр. 72) “Никто из москалей не оспаривал доселе ученой статьи нашего Костомарова, в которой он доказывает существование двух русских народностей, т. е. русской и московской. Костомарова мы почитаем как защитника народного. Таким же считают его и все просвещенные русины...”.

(стр. 81) “Московское абсолютное правительство своими действиями против русской народности доведет дело (не дай Бог) до того, до чего довела Польша: до борьбы народной одному и другому на погибель. Пусть москалям не кажется, что русская народность слишком ослабла, чтобы когда-нибудь могла достигнуть значения в политическом мире...”.

(стр. 83) “Ляхи и москали дерутся без ведома руссинов, которых обе стороны не признают. Чем бы не кончилась теперешняя борьба, не приготовленными нас не застанет. Но покаместь мы не видим надобности участвовать в революционных планах ни польских, ни европейских, или забавляться идеалом какой-то новой политической системы. Покаместь мы, руссины, видим перед собою великую задачу образования народа и предаемся этому труду в той степени, в какой это возможно при теперешней системе правления в тех государствах, которым судьба нас подчинила, но помним всегда и то, что наша судьба впереди нас, и что мы тогда только до нее достигнем, когда займем свое место в семье славянской”.

Корреспонденция из Киева

(стр. 84) “Ляхи и москали, которые всегда грызутся между собою, помирились и действуют заодно, как только дело коснулось Украины. Дорогие соседи наши по правую и по левую сторону, как две собаки ворчат друг на друга за то, кто из них съест Украину и только тогда умолкают, когда наша бедная земля застонет и сама за себя подасть голос; тогда они разом кидаются на нее и зажимают ей рот. Шляхтич – болотом вельможной и гордой лжи, чиновник – доносом и угрозою опалы”.

(стр. 85) “Поговорим про другую сторону, которую Вы, может быть, не хорошо знаете и которая насела на нас как Божье проклятие – про Москву, а еще больше про наших жандармов-литераторов и жандармов-профессоров. С того времени как только стала проявляться у нас цель самостоятельного развития украинской речи и украинской народности, все наши патентованные и чиновные люди сочли своей обязанностью накинуться на эту цель как на беззаконие... Так и наши профессора-чиновники, увидев первые признаки украинской народности, сделали как развращенные лакеи: вместо того чтобы спросить своего барина, что делать с этой новой и для всех неожиданной работой,

они бросились сами распоряжаться и согласились, что нужно или поместить украинцев в общерусскую семью, как провинциализм ее, или засадить их в крепость, чтобы некоторые люди не смели выставлять дела, за которое не дают ни крестов, ни чинов, ни мест...”.

(стр. 89) “Несмотря на все эти козни, хотя иногда нам бывает тяжело и трудно, однако работа по народному делу идет вперед. Теперь составляются элементарные книжки и словарь нашего языка”.

Письмо из Харькова

(стр. 90) “Члены громады собрали денег на издание наших книг 800 руб. и послали Костомарову в Петербург. Теперь перевалило за 3 т. руб. Уже посланы для печатания некоторые учебники, но что-то не слышно, верно рассматриваются...”.

“Современная летопись”

(стр. 95) “... Можем уверить всех, что школьные учебники, которые издаются теперь в Украине, могут служить гораздо лучшим основанием для выработки русского ученого слога, чем те книжки по которым принуждена учиться наша молодежь в Галиции. Главный деятель по изданию этих книг – инаш высокопочитаемый историк и патриот Николай Костомаров – авторитет не только для Украины, но и для всей России и при том имеющий европейскую известность. Сообщаем его заявление в каком положении дело по изданию означенных книг: “С декабря 1862 г. по апрель 1863 г. собрано на издание учебников на южнорусском языке 3356 руб. 75 коп. Напечатан первый выпуск рассказов из “Священной истории” отца Опатовича. Доставленно для напечатания: 1) “Священная история” Гурчаловича, т. 1; 2) “Жития святых Ольги, Бориса и Глеба, Владимира и Михаила Черниговского”; 3) “Арифметика” Конисского. Коховский трудится над составлением естественной истории (зоологии). Костомаров окончил перевод “Евангелия” и готовится представить его в цензуру. Кулиш обещал свою помощь в этом деле. Это заявление Костомарова мы заимствовали из “Черниговского листка”. Редактор этой газеты есть Леонид Глебов, украинский писатель, который, сколько нам известно, хотел издавать свой листок на русском языке, но не получил на это разрешения правительства. Теперь этот листок издается наполовину по-русски и по-московски. Лучше это, чем ничего, а то ни киевляне, ни харьковцы, несмотря на все желание, не могут дождаться издания журнала на русском языке, потому что недопускают этого наушники правительства, которое не хочет в отношении к русинам отступить от системы централизации.

В подстрочном примечании к известию о переводе Костомаровым Евангелия сказано: “Не знаем, что сделалось с переводом Морачевского, о котором извещали в “Слове” и о котором Петербургская академия наук отозвалась, что “он будет составлять эпоху в развитии малорусской словесности”. Вероятно почтенный труд господина Морачевского завяз в цензуре Святейшего Синода...”.

ЦДІАК України, ф. 442 оп. 813, спр. 637, арк. 6–10. Чернетка.

1863 р., листопада 16. Київ. –

**Доповідна записка пристава Плоської дільниці м. Києва
Стафієвського київському, подільському і волинському
генерал-губернаторові М. М. Анненкову про діяльність
українських громад у Полтаві, Харкові та Києві**

Совершенно секретно

В исполнение личного приказа Вашего высокопревосходительства 3 настоящего ноября я отправлялся из Киева в губернии Полтавскую и Харьковскую и по личному убеждению дознал, что направление умов, мнений и вообще желаний по преимуществу малороссийской нации в целом в наилучшем состоянии. Преданность монарху и правительству его императорского величества непоколебима. Ненависть к польскому элементу во всех слоях народности развита в высшей мере. Но не менее того из слухов, разговоров и соображений многих доступно убеждение, что в городах Киеве, Полтаве и Харькове существуют тайные общества неблагонамеренных, кои не принадлежат исключительно малороссийской нации, но только как бы обхолачены наружно и прикрыты названием громад, но в сущности суть не что иное, как последователи Искандера и, как можно предполагать, возрождение партии изменника Михайлова.

В Полтаве гнездо неблагонамеренных, руководимое госпожей Милорадович и ее приближенными, слишком сжато и не уходит из глаз правительства, но не менее того по общей молве там обращают на себя внимание: губернский предводитель дворянства Кованько, единственно потому, что приезжая в свое имение, постоянно переряжается в малороссийские национальные костюмы; агент и комиссар Кулиша Трунов, который по наружному взгляду обставлен превосходно умением привлекать публику, он управляет книжным магазином Кулиша; и учитель истории Пильчиков, который в настоящее время, как говорят, старается держать себя в стороне.

В Харькове, как носятся слухи, “Громада” эта в высшем развитии. Там, говорят, все принадлежащие к обществу “Громад” выполняют по особому обряду присягу в каком-то подвале, где стоит стол, покрытый зеленым сукном, и там же по выполнении присяги берется будто бы с посвященного в члены общества по особой форме подписка. Во главе “Громады”, как можно заключить из слухов, обращают на себя внимание учитель истории Стоянов, профессор Франковский^а и заметную роль будто бы играет, к тяжкому прискорбию моему, родственник мой, бывший или же и ныне еще находящийся в университете по медицинскому факультету, Кремянский^б.

В Киеве, по слухам, отвергать существования “Громады” невозможно. Она имеет сношения, как говорит молва, с Петербургом, Харьковом и Полтавой. С политической целью по интересам “Громад” была здесь в этом году госпожа Милорадович. Все лица, посещавшие ее, наводят на себя подозрение. Но как носятся слухи, особенное внимание на себя обращает бывший учитель исто-

рии при Киевском кадетском корпусе Антонович^В, а также набрасывают на себя тень подозрения профессора Селин и Паевский^Г. Из разговоров заметно, что посвященную в это общество молодежь можно узнавать по национальному малороссийскому костюму, в особенности по сивой шапке с бантиком и по красной опояске под сюртуком или поверх козакина.

Месяца два тому назад в самой Полтаве и в некоторых уездах была, а в Харькове и ныне еще, как говорят, продолжается та самая подписка, которая открыта и в Киеве, на издание церковных и гражданских книг на малороссийском языке. Все книги на малороссийском языке, как предполагают, будут или уже и печатаются в С.-Петербурге в собственной типографии Кулеша.

Почтительнейше докладывая о вышеизложенном Вашему высокопревосходительству, имею честь изяснить, что для убеждения точности и несомненной верности вышеизложенного требуется много времени, имея же в виду личное приказание Вашего высокопревосходительства торопиться возвратом в Киев, я ограничился только сведениями, основанными на молве и приятельских разговорах.

При этом почтительнейше имею честь представить, полученные мною от Вашего высокопревосходительства конверты на имя начальников губерний Полтавской и Харьковской и показание, данное Вашему высокопревосходительству фельдшером Звонниковым.

Частный пристав *Стафиевский*

Резолюція: Нужно. Завер[ить] лично объяс[...] записки фельдшера Звоникова и передать ст[аршему] полицмейстеру. Ноябрь 16.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 637, арк. 12–13. Оригінал. Опубл. частково: *Мияковский В.* “Киевская громада” (Из истории украинского общественного движения 60-х гг.) // *Летопись революции.* – 1924. – № 4. – С. 145; Син України. Володимир Боніфатійович Антонович. У 3 тт. – К., 1997. – Т. 2. – С. 56.

№ 53

1863 р., листопада 23. Київ. –

Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про українофільське спрямування львівського літературно-політичного часопису “Мета” та його зв’язок з діяльністю громад

Конфіденційно

М[илостивый] г[осударь] князь Василий Андреевич!

С сентября месяца сего года в Лемберге начал издаваться на малороссийском языке журнал “Мета”. Цель этого журнала, объявленная в предисловии, – способствовать самостоятельному развитию южнорусского языка и южнорусской народности (к которой причисляются и галицийские русины), но, судя по

первому номеру, он не чужд стремления к сепаратизму и сочувствия идеям партии, известной под именем “Молодой России”.

Не зная, известен ли уже этот журнал Вашему высокопревосходительству, я счел долгом обратить на него Ваше внимание, как на орган наших крайних украинофилов и для объяснения направления этого журнала препроводить к Вам несколько выписок из него с русским переводом.

Считаю при этом не лишним повторить здесь мысль, высказанную мною в отзывах Вашему высокопревосходительству от 17 марта¹ и 15 августа² сего года, что деятельность малороссийской партии заслуживает серьезного внимания правительства, ибо в стремлении этой партии обособить южно-русское наречие и образовать из него самостоятельный язык, главным образом посредством перевода на наречие Евангелия и издания на нем учебников, нельзя не видеть тайной цели добиваться в будущем автономии Малороссии.

На это указывают как основание в Лемберге малороссийского журнала, так и открытия, которые сделаны в сем году в Переяславском уезде и в Чернигове.

Усматривая из журнала “Мета”, какое значение придается малороссийскою партией предпринятому Костомаровым изданию книг и Евангелия на южнорусском наречии, я признал необходимым собрать сведения, продолжается ли на этот предмет подписка? Вследствие этого дознано, как изволите усмотреть из прилагаемого розыскания, что в Киеве подписка делается преимущественно между молодежью и, как показал вольнослушатель университета Сербинов, при сборе денег отбиралась подписка, что жертвователи желают читать Евангелие на малороссийском наречии. Лицо же, которое я посылал частно узнать, как идет подписка в Полтавской и Харьковской губерниях, по сношениях тамошних украинофилов с жителями вверенного мне края доставило мне сведения, за полную достоверность которых, впрочем, нельзя поручиться, что в Полтаве руководят крайнею малороссийскою партией госпожа Милорадович, агент и комиссар Кулиша Трунов и учитель истории Пильчиков; что в Харькове все принадлежащие к так называемой Громаде выполняют по особому обряду присягу, причем берется от присягнувших особая подписка, и что во главе этой Громады стоят учитель истории Стоянов, профессор Франковский и студент медицинского факультета Кремянский.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 637, арк. 14. Чернетка.

¹ Див. док. № 37.

² Див. док. № 49.

№ 54

1863 р., грудня 16. Санкт-Петербург. –
Повідомлення начальника Третього відділення власної
й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському
і волинському генерал-губернаторові М. М. Анненкову
про заборону Олександром II розповсюдження львівського
літературно-політичного часопису “Мета”

Конфіденційно

Милостивый государь Николай Николаевич!

По всеподданейшему моему вследствие письма господина Вашего высокопревосходительства от 23 ноября¹ доклада о вредном направлении издаваемой в г. Лемберге на малороссийском языке газеты “Мета”, государь император высочайше повелеть соизволил: воспретить газету эту в империи.

Сделав к исполнению сего надлежащее распоряжение, я считаю долгом уведомить о том Ваше высокопревосходительство.

Примите, милостивый государь, уверение в истинном моем почтении и совершенной преданности.

Князь *Василий Долгоруков*

Резолюція: Объявить об этом выс[очайшем] пов[елении] господам нач[альникам] губ[ерний] с тем, чтобы экземпляры этого периодич[еского] издания, где окажутся, были отобраны и представлены мне. Дек[абря] 17.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 813, спр. 637, арк. 15. Оригінал. Опубл.: Общественно-политическое движение на Украине в 1856–1862 гг. – Т. 2. – К., 1964. – С. 246.

№ 55

1864 р., березня 4. Київ. –
Донесення полковника штабу військ Київського
військового округу Баженьського до Канцелярії київського,
подільського і волинського генерал-губернатора про виявлення
в містечку Оринин Подільської губернії книжки під назвою
“Маленький збірник для грамотного сільського люду”
та про заходи щодо вилучення цієї книги

Секретно

Командир Севського пехотного полка представил по команде, найденную 9 минувшего февраля рядовым 9-й линейной роты вверенного ему полка Филиппом Корнеевым в м. Орынине, лежащем на границе Подольской губернии, книжечку возмутительного содержания под заглавием “Маленький сборник для грамотного сельского люду”, печатанную польским и славянским шрифтом во Львове в 1863 г.

¹ Див. док. № 53.

По поручению командующего войсками, препровождая упомянутую книжечку в секретное отделение, имею честь присовокупить, что его высокопревосходительство изволил приказать исполнить по канцелярии:

1) Книжечку, от имени генерал-адъютанта Анненкова, отправить к генерал-адъютанту князю Долгорукову, о чем уведомить и министра внутренних дел.

2) Сообщить епархиальным архиереям с просьбою, обратить внимание духовенства на появление подобных книжек между прихожанами и в сельских школах, и если у кого таковые окажутся, тотчас отбирать их и передавать начальникам полиций для дознания, каким путем и от кого эти книги приобретены, и для донесения о том начальству.

3) Сообщить начальникам губерний для зависящего от них распоряжения к недопущению употребления этих книжек между населением, и если бы они у кого оказались, также отбирать и доносить о том начальству.

Дежурный штаб-офицер, полковник *Баженский*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 814, спр. 111, арк. 1, 4. Оригінал.

№ 56

1864 р., серпня 31. Санкт-Петербург. –

**Супровідний лист виконуючого обов'язки начальника
Третього відділення власної й. і. в. канцелярії М. В. Мезенцова
до київського, подільського і волинського генерал-губернатора
М. М. Анненкова із анонімною запискою про розповсюдження
головою з'їзду мирових посередників Володимирського повіту
О. Д. Ушинським серед учнів церковнопарафіяльної школи книжок
українських письменників. Текст записки**

Секретно

Полученную в 3-м отделении собственной его императорского величества канцелярии записку о действиях председателя Владимирского (Волынской губернии) мирового съезда Ушинского считаю долгом сообщить на усмотрение Вашего высокопревосходительства.

За отсутствием главного начальника
флигель-адъютант, полковник *Мезенцов*

Резолюция: Нужно. Копию с приложения препроводить к Вам в губ[ернию], прося сделать об обоих обстоятельствах, здесь описываемых, самое тщательное дознание и о последствиях оного донести до моего сведения, сообщив в то же время, в каком положении крестьянское дело во Влад[имир]-Вол[ынском] уезде, сколько уже грамот обращено в выкупные акты, как исправно крестьяне сего уезда вносят выкупные платежи, покорны ли, исполнительны ли требованиям начальства.

Председатель Владимирского мирового съезда Ушинский, будучи в Микулинском волостном правлении, посещал тамошнюю церковно-приходскую

школу, будто-бы по поручению приходского священника с. Микулич Коровицкого, и заметив, что мальчики читают Псалтырь и Часослов, начал тут же, открыто, при мальчиках, упрекать священника Коровицкого в том, что они обучаются славянскому языку “непонятному”. Хотя священник доказывал пользу обучения мальчиков первоначально и по славянским книгам, но Ушинский, махнув рукою, сказал: “Вам приказано так учить, что ж делать? То-то и беда с тем, [что] приказали”. После, через несколько дней, Ушинский прислал для школы 15 малороссийских книжек и 4 объявления для раздачи желающим выписывать подобные. Книжки сии сочинения Шевченка, Основяненка, Вовчка, Забоиня¹ и других.

Сверх сего, протоиерей г. Владимира совместно с прочими командированными лицами, освидетельствовал оконченную починкою церковь в с. Зимне, и, найдя все произведенным согласно сметному назначению, с должною прочностью, заключил о том акт. Между тем, по заключении сего акта вздумалось освидетельствовать церковь еще Ушинскому, который потом объявил местному приходскому священнику, что он нашел по исправлению церкви упущения и недостатки и потому не замедлит отозваться о сем редактору “Московских ведомостей”.

Таким образом господин Ушинский: 1) вмешивается в дела, к его обязанности не относящиеся, действуя будто по поручению священника Коровицкого, коего он никогда не получал; 2) вопреки распоряжению правительства требует обучения поселянских детей только русскому и преимущественно малороссийскому языку и 3) неизвестно с какою целью распространяет между поселянами сочинения Шевченка и подобных ему украинофилов. Это последнее обстоятельство может сделать много вреда для края.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 814, спр. 553, арк. 1–2. Оригінал.

№ 57

**1864 р., грудня 24. Санкт-Петербург. –
Відношення обер-прокурора Синоду О. П. Ахматова міністрові
внутрішніх справ П. О. Валусьву зі схваленням урядових ініціатив
щодо заборони друкування українською мовою книжок релігійного
змісту, підручників та видань для початкового читання**

Милостивый государь Петр Александрович!

В отношении от 18 июля минувшего года за № 396, сообщая мне о последовавших в Министерстве внутренних дел распоряжениях по вопросу об издании на малорусском наречии духовных, учебных и вообще для первоначального чтения назначаемых книг и в то же время уведомляя меня о том, что упомянутые распоряжения уже удостоены высочайшего одобрения его императорского величества, Ваше превосходительство выразили желание узнать мое мнение о пользе и необходимости дозволения к печатанию книг означенного содержания на малорусском наречии.

¹ Так у тексті; ймовірно йдеться про В. М. Забілу.

Хотя этот вопрос, имеющий для нашего отечества большую важность, в правительственном смысле уже решен определенно изъявленной высочайшею волею, и потому дальнейшие рассуждения о нем могли бы представиться, по крайней мере на эту минуту, лишены практической цели, но, уступая словесно повторенному мне Вами желанию, я с полною готовностью имею честь сообщить Вам мои доводы против причудливой литературной затеи, по обстоятельствам удостоиваемой чести быть предметом правительственного обсуждения.

Можно верить тому, что в числе лиц, усиливающих создать особую малорусскую литературу и ввести в народные школы Южного края преподавание на малорусском наречии, есть и такие, которые совершенно чужды какой бы то ни было политической цели и руководятся единственно чувством излишне разгоряченного местного патриотизма, преувеличивающего в их глазах ценность и средства их родного наречия. Но вполне несомненно и то, что в том же предприятии принимают живое участие такие малорусские патриоты, которые не ограничиваются мыслию создать свою особую литературу, но простирают виды и на политическую отдельность Малой России от нашего общего отечества. Как бы ни были жалки и несбыточны эти мечты, но оставлять их без внимания было бы крайнею неосмотрительностью, особенно в нынешних обстоятельствах, когда, как известно, предводители польского дела и всемирного восстания так недавно стремились, а может быть, еще и стремятся со своей стороны всеми силами возбудить в наших южных и юго-западных соотечественниках память о днях казацкой воли и ненависть к их государственному союзу с прочими частями русского народа.

Таким образом, дело о литературной самодеятельности малорусского наречия тесно связывается с польским вопросом и явно ему благоприятствует, порождая выгодную для поляков мысль о мнимой племенной разности северных и южных областей России и чрез то разъединяя их в стремлениях и чувствах. Вашему превосходительству известно, что в Царстве Польском была захвачена напечатанная на малорусском наречии книга под заглавием: “Науки церковные на все праздники в роце для жителей сельских”, излагающая учение Римской церкви и предназначавшаяся, как видно из заглавия, для всеобщего употребления в малорусском простонародьи. Значение этого факта и других, ему подобных, очевидно; и если поляки употребляют малорусское наречие для своих целей, то задача русского правительства по отношению к нему совершенно ясна: она состоит только в том, чтобы изобрести наиболее верные и приличные средства для противодействия тому, что враги наши измышляют нам во вред.

Но, прекращая речь о намерениях прямых врагов России, необходимым считаю прибавить, что даже и те малорусские патриоты, в действиях которых я соглашаюсь видеть одно увлечение, чистое от всякой преступной политической примеси, действуют, хотя и не сознательно, заодно с врагами России и не могут быть оправданы на строгом суде. Они положительно виновны в недостатке тех живых и чутких чувств заботливой любви к нашему общему отечеству, которые должны были бы сообщить им в настоящих обстоятельст-

№ 7811
29 Декабря 1864г.

94
М

Секретно.

**ВѢДОМСТВО
ПРАВОСЛАВНАГО
ИСПОВѢДАНІЯ.**

Милостивой Государь,

**КАНЦЕЛЯРІЯ
ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА
СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.**

Петръ Александровичъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 1.

№ 7811
29 Декабря 1864 г.

№ 7811.

*Въ отношеніи отъ 18 Іюля
минушаго года за № 596 сообщенія
Министерства Внутреннихъ
Дѣлъ распоряженіяхъ по вопросу
объ изданіи на Малорусскомъ
нарѣчій духовныхъ, учебныхъ и
вообще для персоннальнаго чтенія
назначаемыхъ книгъ и въ то же
время уведомляя меня о томъ,
что упомянутыя распоряженія уже
удостоены Высочайшаго одобренія
Его Императорскаго Величества,
Ваше Превосходительство вырази-
ли желаніе узнать мое мнѣніе
о пользѣ и необходимости
дозволенія къ печатанію книгъ
означеннаго содержанія на
Малорусскомъ нарѣчій.*

*Его Прев. ⁴ П. А.
Валуеву.*

Відношення обер-прокурора Синоду О. П. Ахматова міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву. 24 грудня 1864 р. Док. № 57.

вах особую осторожность и прозорливость и обличить пред ними опасные стороны их деятельности. В тревожные минуты народной жизни всякий человек, а в особенности общественный деятель, обязан углубляться в свои намерения и, не удовлетворяясь их кажущейся невинностью, строго проверять их общим судом. И потому самый невинный в политическом отношении малорусский патриот в настоящем деле все-таки не свободен от весьма тяжких обвинений. Ни один из них не может сказать в свое извинение, чтобы ему было неизвестно горячее сочувствие поляков к их делу: ибо это сочувствие было слишком громко оглашено. И потому их прямая обязанность была – хотя бы из того только, чтобы не очутиться как-либо в союзе с поляками, – немедленно оставить свое предприятие, если бы оно и вызывалось какой-либо существенной народной нуждой.

А между тем оказывается, что оно есть произведение чистой прихоти и пристрастия. Внимательное рассмотрение дела приводит к положительному убеждению в следующих истинах:

что общий русский язык, на котором доселе обучались и обучаются малорусские дети, доступен им в той же степени, как и детям великорусским;

что малорусского книжного языка, за права которого восстали местные патриоты, еще нет и что его следует еще создать;

что, даже предположив возможным его быстрое создание, нельзя еще иметь уверенности в том, чтобы этот новосозданный язык был для малорусских детей понятнее общего русского языка; что можно ожидать даже совершенно противоположного: ибо в этом новом языке по необходимости появилось бы множество спорных и условных речений и оборотов, никому, кроме их изобретателей, не понятных;

что малорусское наречие в различных полосах Южного и Юго-Западного края имеет весьма важные диалектические отмены, при существовании которых предполагаемый новый язык, если бы оказался годным для одной полосы, мог бы явиться негодным для другой;

что малорусский народ весьма охотно, даже с любовью, учится по книгам русским и церковнославянским и в помысле не имеет искать для себя какого-либо еще особого языка, что, следовательно, намерения местных патриотов возникли вовсе не из потребностей народа, а устремлены на то, чтобы породить и искусственно развить в нем еще незнакомые ему желания, из удовлетворения которых и для него самого, и для всей России ничего, кроме вреда, произойти не может. Есть даже признаки, что народ смотрит враждебно на непрошенные заботы о нем местных патриотов и обижается на замену образованного русского языка малорусским наречием. “Недавно, – говорит профессор Киевского университета Гогоцкий, – в одной сельской школе помещик, чтобы испытать желание учеников и их родителей, начал давать иногда в своей школе малорусские книги вместо русских. Что же вышло? Из восемнадцати учеников шестнадцать перестали ходить в школу”;

что, осуждая малорусский народ на обучение по книгам, писанным на малорусском наречии, мы лишили бы его весьма существенных умственных и нравственных выгод, заградив ему путь к весьма богатой, сравнительно го-

воря, русской литературе и заключив его в тесный круг скудной литературы малорусской, произведения которой легко пересчитать по пальцам. Так поступить, конечно, следовало бы, если бы у нас на уме был против Малороссии заговор, имеющий целью удержать ее навсегда в невежестве;

что образованный русский язык, возделанный общими усилиями и трудами великоруссов и малоруссов, есть общее достояние всех русских областей нашего отечества и что отлучать от него малорусских детей значило бы весьма чувствительно оскорбить память тех замечательных малорусских деятелей нашей литературы, которым наш общий язык многим обязан и которые, трудясь над его обработкой, думали, что труды их не пропадут и для их родины, и никогда не помышляли делить и разлучать то, что по природе своей должно сливаться в одно неразрывное целое.

Из всего, досель изложенного, Ваше превосходительство изволите усмотреть, что мой взгляд на то дело, подобно Вашему, совершенно не сходен с воззрением господина министра народного просвещения, которому – как это видно из отношения его к Вам от 20 июля 1863 г. № 7329¹, – попытки к обособлению малорусского наречия представляются заслуживающими всякого уважения и по мнению которого Министерство народного просвещения обязано даже их поощрять и им содействовать.

Доводы, приводимые господином министром народного просвещения в пользу его мнения, я не могу признать убедительными. Он находит, что основанием для запрещения или дозволения той или другой книги должно служить только ее содержание, а не язык или наречие, на котором она писана.

Вообще это правда; но обстоятельства могут иногда побудить к исключению из того общего правила. На правительстве лежит ответственность за спокойствие и целостность отечества, и потому оно положительно обязано против всякого явления, – какого бы рода оно ни было, – угрожающего нарушением спокойствия и целостности, принимать все необходимые меры. Если же будет известно, что какой-либо язык или наречие (как в настоящем случае малорусское) из простого средства для выражения мысли обращают в орудие политических целей и делают условным знаком вредного направления, то правительству остается взвесить: есть ли, кроме цензурного запрещения, какие-либо другие верные, достаточные и при том более удобные средства для отвращения зла, и тогда только, если их нет, прибегнуть к запрещению, которое при всех его неудобствах, если вызвано действительною необходимостью, будет, во всяком случае, рациональнее и нравственнее поощрения и содействия.

Впрочем, я с своей стороны охотно склоняюсь к тому убеждению, что как для самого дела, так и для правительства было бы несравненно лучше, если бы украинофильские попытки возможно было уничтожить силою общественного мнения, без прямого участия власти: такая победа была бы полнее, торжественнее и прочнее. Остается знать: возможно ли? Соображая при том все немаловажные и многочисленные неудобства, сопряженные с запрещением, и полагаясь на здравомыслие – отрезвляющей частью литературы – обще-

¹ Див. док. № 45.

ства, да и самого малорусского народа, я был бы почти готов остановиться на мысли предоставить этому делу свободу, если бы мне не было известно, что существует мысль о необходимости его поощрять и ему содействовать. Эта мысль, едва ли до некоторой степени не осуществленная, по моему мнению, более всего побуждает думать о запрещении, ибо правительственное покровительство может упрочить украинофильские тенденции и развить их до таких размеров, при которых одно общественное противодействие окажется уже недостаточно сильным.

Правительственная инициатива у нас еще могущественнее, сильнее и действительнее, чем думают некоторые. Неблагоденные попытки отдельных личностей ничтожны. Но они ничтожны лишь в том случае, когда люди, иначе понимающие, будут им противодействовать. Настоящая опасность явится тогда, когда этим личностям удастся вызвать какие-нибудь правительственные меры, способствующие их целям (поощряющие и содействующие), и тем получить возможность проводить те цели путем административным, уже не встречая противодействия.

Сказанное господином министром народного просвещения о наблюдениях, сделанных им за 15 лет в Финляндии, достойно внимания; можно пожалеть лишь о том, что оно не имеет никакого приложения к предмету настоящего рассуждения. В Финляндии, судя по словам статс-секретаря Головнина, ставились преграды неотъемлемым правам народности, в настоящем же случае изыскиваются средства против вредной прихоти непрошенных рачителей народного блага, прихоти, отвергаемой самим народом и грозящей в будущем общему спокойствию: одно от другого можно отличить без большого напряжения мысли.

В заключение считаю нужным сказать свое мнение и о малорусском переводе Нового Завета.

Генерал-адъютант Анненков признает обнаружение этого перевода положительно вредным, и хотя господин министр народного просвещения только из уважения к киевскому генерал-губернатору не находит для такого отзыва другого объяснения, кроме непонятной канцелярской ошибки, но, мне кажется, что очень не трудно было бы объяснить его и иначе. Генерал-адъютант Анненков мог опасаться, что появление малорусского перевода Нового Завета придаст особую силу и авторитет украинофильскому движению. Все другие издания на малорусском наречии могут быть делом частных лиц, и если бы правительство решилось дать им полную свободу, то тем выразило бы только свою терпимость и свойственную силе уверенность победить зло, не прибегая к тяжким мерам, но отнюдь еще не показало бы своего к ним сочувствия. Издание же Св. Писания в пределах России на каком бы то ни было языке принадлежит исключительно Святейшему Синоду; следовательно, обнаружение малорусского текста Нового Завета делается возможным лишь в том случае, если Святейший Синод примет его на себя. Но, решившись на то, Святейший Синод оказал бы замыслам малорусских патриотов необыкновенное поощрение и содействие, которое он для себя как для высшей духовной власти признает совершенно неприличным.

По поводу сего перевода статс-секретарь Головнин счел нужным напомнить духовному ведомству о его священной обязанности распространять Новый Завет между всеми разноплеменными жителями империи на всех языках и наречиях и затем присовокупляет, что истинным праздником нашей церкви был тот день, когда мы могли бы сказать, что в каждом доме, избе, хате и юрте находится экземпляр Евангелия на языке, понятном обитателям.

Святейший Синод постоянно занят мыслию дать всем народам, заселяющим Россию, Св. Писание на их родном языке, и если ему предстоят еще на этом поприще великие и долголетние труды, тем не менее он может с утешением взглянуть и на то, что им доселе уже сделано и делается¹. Особенную же радость внушает ему убеждение, что для каждой великорусской избы и малорусской хаты он может предложить Новый Завет на языке, совершенно понятном для их обитателей. В сознании исполненного долга он может совершенно спокойно не дозволить издания Нового Завета на малорусском наречии, которое послужило бы не для удовлетворения действительной духовной потребности народа.

Примите, Ваше превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Ахматов

РДА, ф. 775, оп. 1, спр. 188, арк. 19–26. Оригінал. Опубл.: Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 71–75; *Яременко В.* “... Літератури дивна течія...”. – Кн. 2. – К., 2011. – С. 342–347.

№ 58

1869 р., червня 25. Київ. –

**Повідомлення київського губернатора М. К. Катаказі
київському, подільському і волинському генерал-губернаторові
О. М. Дондукову-Корсакову про дозвіл режисеру драматичної
трупі м. Умані Базареву на постановку українських п'єс
за умови обов'язкової наявності російських п'єс у її репертуарі**

Сего числа из г. Умани получена мною телеграмма от режиссера драматической труппы Базарева, который просит разрешения моего играть малороссийские пьесы, дозволенные цензурой.

Не встречая препятствий к удовлетворению просьбы Базарева и сообщая о сем на усмотрение Вашего сиятельства, имею честь присовокупить, что в декабре 1867 г. бывший начальник края при разрешении просьбы по сему же пред-

¹ Иностранцы отдают нам в том отношении полную справедливость. Вот что недавно было сказано о сем в одном американском журнале: “В России Священное Писание издается в различных видах и по разным ценам, но все издания весьма приличны и дешевы; за 12 центов можно купить красивый экземпляр Нового Завета, который и печатью, и качеством бумаги далеко превосходит все, что доселе было издаваемо Британскими и Американскими библейскими обществами “The Church Journal”, New York, June 22, 1864. [прим. док.]

мету потребовал, чтобы для каждого представления не были исключительно играемы малороссийские пьесы, но в каждом из них были и русские.

Губернатор *Катакази*

И[справляющий] д[олжность] правителя канцелярии [підпис]

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 819, спр. 205, арк. 1. Оригінал.

№ 59

1875 р., не пізніше січня 25¹. –

**Записка, подана міністром народної освіти Д. А. Толстим^а
попечителю Кіївського навчального округу П. О. Антоновичу,
про піднесення українофільського руху у зв'язку з діяльністю
Південно-Західного відділу Російського географічного товариства**

В период времени, предшествовавший мятежу 1863 г., в пределах Юго-Западного края образовалась партия, известная под названием украинофилов, в основание которой вошли некоторые неприязненные правительству элементы, подготовленные гораздо прежде, а именно в половине 40-х годов, когда сочинения Шевченки и других малороссийских писателей, в рукописях, жадно перечитывались и затверживались на память приверженцами малороссийской старины и местной молодежью.

Украинофилы в пределах империи подразделялись на две партии: польскую и русскую. Первая из них, собственно украинская, вдохновенная стихотворениями Богдана Залесского, Гоцинского, Падуры и других польских поэтов, воспевавших Украину – мечтала о республике южно-русских провинций под гегемонией Польской Речи Посполитой, на первое время с ксендзами базилианами во главе учебных заведений, ими созданных; вторая же партия мечтала о свободной Малороссии в виде республики с гетманом во главе, вместо президента, в союзе с Россией и свободной Галицией, наподобие Северо-Американских штатов. Здесь следует еще заметить, что в конце пятидесятых годов русские украинофилы так далеко зашли в своей пропагаторской деятельности, что обзавелись даже своим журналом – “Основа”, издававшемся в Петербурге под редакцией Белозерского, и при деятельном участии Кулиша, Костомарова где, равно как и здесь, в Киеве, была ими устроена “Громада”, члены которой завершили свою эфемерную политическую деятельность шумными манифестациями во время похорон Тараса Шевченки при перевезении его тела через Киев в Каневский уезд. Достоинно еще внимания то обстоятельство, что поляки перед мятежом 1863 г., братаясь и дружа с украинофилами, как врагами “Москвы” в тоже время отводили их затеями глаза правительству от своих собственных козней. Искреннего сочувствия между поляками и украинофилами уже потому не могло быть, что последние были “хлопоманами”, т. е. врагами панщины или барщины. Впрочем, и поляки и украинофилы играли в “темную”, желая употребить друг друга орудием своей ненависти к московскому правительству.

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 1).

Мятеж 1863 г. и участие, принятое в его подавлении со стороны местного сельского населения, разочаровал окончательно поляков и расстроил их планы. Русские племена всех оттенков братски соединились для сокрушения общего врага и партия украинофилов как неимевшая никакой почвы, совершенно стухивала. Общественное внимание устремилось на грандиозные работы, предпринятые нашим правительством для преобразования старых государственных порядков.

Между тем, в сопредельной с Юго-Западным краем Австрийской Галиции украинофильская партия продолжала действовать. Органами ее были газеты “Вечерница” и “Мета”. Но сначала они не имели успеха, только после битвы при Садовой^б, и славянского съезда в Москве^в, потерявшие свой кредит украинофильские идеи вновь стали оживляться для противодействия сочувствию славян к России, выразившемуся на этнографической выставке, кроме того, позднейшим поводом к этому явлению были выборы депутатов в Рейхсрат, на основании дарованной Галиции автономии. При чем, на сеймах во Львове представители общины Св. Юрия домогались о предоставлении галицким русинам права посылать в Рейхсрат своих депутатов независимо от депутатов со стороны галицких поляков.

Польская интрига, опасаясь, чтобы обособление галицких русинов не решилось сближением их с малороссами, а затем с великороссами, как то и должно последовать на основании общих законов тяготения, придумала для сближения галицких русинов с поляками, новую политическую унию, и избрала для того орудием старую украинофильскую мантию, которой так ловко прикрывались польские патриоты на правом берегу Днепра. Затемнить истину, сбить с толку галицких русинов и неокрепшее у них общественное мнение, дать отпор вредным действиям их органа (антипольского журнала “Слово”, появившегося в Галиции в 1861 г. старанием членов общины Св. Юрия) и, наконец, довести галицких русинов до полного слияния с поляками, такова была задача, которую польские патриоты поставили в основание своей дальнейшей политики с русинами, и с этой целью, в 1872 г. стали издавать для своих земляков журнал “Правда”.

Журнал “Слово” вполне антипольский, издавался сначала под редакцией известного Дедицкого, искреннего друга России и русских; а теперь издается во Львове под редакцией некоего Площанского, человека совершенно неизвестного в ученых сферах и литературном мире. В августе сего года он приехал в Киев по случаю бывшего здесь археологического съезда, и в беседах своих с киевскими учеными, далеко не оправдал того понятия, какое господствует в России о редакторах заграничных периодических изданий, так что даже возникло подозрение: не есть ли Площанский подставной редактор “Слова”, за которым скрывается другая личность, не желающая держать явно знамя партии враждебной галицким полякам. Задача “Слова” или его политическая программа есть союз, соглашение и даже слияние с русскими Всероссийской империи, хотя последняя идея высказывается этим журналом не вполне определенно и ясно, т. е. в такой форме, какой необходимо придерживаться при настоящем политическом положении русинов в Габсбургской империи. Защищая постоянно интересы славян вообще и русских в особенности, “Слово” не только

не позволяет себе раздражать маджяров и в особенности австро-венгерское правительство резкими выходками, но иногда даже подлаживается под их политические вкусы. Впрочем, защищая русинов, составляющих главную массу сельского населения Галиции, эта газета по своему характеру не может считаться ни демократической, ни социалистической, ни коммунистической, а скорее консервативной, она печатается кириллицей на местном русском наречии довольно небрежно и со значительными орфографическими погрешностями; существование “Слова” далеко не обеспечивается подпиской, и если издание еще не прекратилось, то потому только, что его редакция получает значительные субсидии от славянских благотворительных комитетов, существующих в России и кроме сношений с этими комитетами и представителями русской прессы, других сношений с Россией и русскими не имеет никаких.

По отзывам сербских газет “Слово” проводит идею славянской федерации, но без точного определения знамени, вокруг которого должно группироваться славянам; поэтому вопрос о том, желают ли галицкие русины группироваться под сенью императорской России, Габсбургского дома, или же они мечтают об учреждении самостоятельного славянского государства – составляет вопрос пока довольно темный.

Другой галицко-русский журнал “Правда” чисто украинофильского направления, проводит идею сепаратизма, приняв в основание своей теории, первоначальную мысль Богдана Хмельницкого о составлении независимого русского государства. Не касаясь заветной мечты о слиянии русинов с поляками, без чего возрождение Польши невысказано, “Правда” прилагает все усилия, чтобы установить между двумя народами полное согласие, и много заботится о просвещении русинов, о их благосостоянии и сохранении ненарушимости их прав. Издается этот журнал на местном русском наречии тоже кириллицей, но с предварением, что как только степень народного просвещения поднимется до более значительного уровня, кириллица будет заменена латинскими письменами. Эта программа доставила редакции “Правды” некоторую субсидию со стороны галицийского сейма (1000 гульденов), который, как известно, ассигновал 4 мил[лиона] гульденов на устройство во Львове народного русского театра в видах образования русинов в польском духе. Впрочем, утверждают, что гораздо значительнейшую субсидию редакция “Правды” получает от украинофилов обеих берегов Днепра, в числе которых называют молодого графа Владислава Браницкого (проживающего в м. Ставищах Киевской губернии) и многих других польских вельмож сторонников идей Богдана Залесского, Падуры и проч., которые почему то с недавнего времени, стали сознавать гласно происхождение своего генеалогического дерева от русского корня. “Правда” издается весьма тщательно, опрятно, на русском наречии, но с польскими оборотами. Номинальный редактор этого журнала есть некто Огоновский, брат известного в Галиции профессора того же имени, действительный же редактор это Шушкевич. Кроме сего над редакцию “Правды” простирается опека двух известнейших в Галиции и Польше литераторов, а именно: униатского священника Качалы и б[ывшего] помещика Волынской губернии, проживавшего в последнее время в Житомире Крашевского, из которых первый снискал себе известность некоторыми политическими брошюрами и близкими отношения-

ми с семейством князей Чарторийских и других влиятельных польских вельмож, а второй своими повестями и романами, в которых изображается преимущественно домашний быт польского дворянства в пределах России. Оба они вдохновляют редакцию “Правды” и руководствуют ее в выборе статей для сего журнала.

В конце 1872 г. в Киеве возник отдел Русского географического общества, названного Юго-Западным. Инициатива этого учреждения, равно как и сущность переписки по сему предмету главной администрации края с министерством мне неизвестны; открытие же действий отдела состоялось в конце января или же в первых числах февраля 1873 г. в присутствии главного начальника края, который весьма сочувственным словом приветствовал новое учреждение и затем представил избранных им вице-президента и членов на утверждение правительства. При этом следует заметить, что главным действующим лицом, по приглашению которого составилась список членов отдела и даже, как говорят, главный виновник возникновения самого отдела был Павел Платонович Чубинский, член разных ученых и технических обществ, который в 1860 г. был сослан под надзор полиции в г. Архангельск за свои буйные речи, обращенные к собравшимся на ярмарку в м. Борисполе Переяславского уезда Полтавской губернии крестьянам, за что, как слышно, и был наказан своими слушателями розгами на площади. Последнее обстоятельство, еще не изгладившееся из памяти киевских старожилов, взирающих на господина Чубинского не совсем недоверчиво, заставило его избрать себе сотрудниками в деле приглашение членов для возникающего отдела, господина Антоновича, профессора Университета Св. Владимира, таким образом Чубинский подкрепил свой кредит кредитом всеми уважаемого профессора своего сотрудника и этим способом ему удалось собрать подписи об учреждении отдела от нескольких пользующихся прочною известностью в городе лиц, а затем, когда они подписались, то под прикрытием их имен в число членов отдела, при настойчивости, с которой Чубинский стремился к достижению своих целей, вошло немало темных личностей¹, известных своим украинофильским направлением, поэтому люди благонамеренные, составляющие меньшинство в общем составе членов сего учреждения и вступившие в оный по приглашению Антоновича перестали посещать его заседания. Таким образом, с открытием отдела рассеянные украинофилы получили центр и опору, около которых сгруппировались и стали действовать смелее, так что в течении с небольшим года успех их стал бросаться в глаза.

Вслед за учреждением отдела украинофильское направление стало уже проявляться в осязательной форме, а именно: а) открытием нового книжного магазина под фирмой “Левченко и Ильницький”, переполненного книжечками и брошюрами на малороссийском наречии; б) переводами сочинений Гоголя и других писателей на то же наречие, с искажением его против народного говора, указывающим на притязание переводчиков составить из него какой-то особый, самостоятельный язык, не имеющий ничего общего с великорусским

¹ *На полях олівцем написано:* Какие же это личности?

языком; с) приспособлением одной из киевских типографий “кулишовки”¹ громадным запасом знаков препинания, потребных для искажения русских слов, входящих в состав малорусских сочинений и наконец, d) появлением на сцене русского театра в Киеве известной повести Гоголя “Ночь накануне Рождества Христова” в переводе на малорусское наречие, до крайности обезображенное переводчиком разными полонизмами и не встречающимися в народном говоре словами, – но все эти проявления украинофильской интриги не обращали на себя внимания людей серьезных и благомыслящих и считались ими безвредным ребячеством взрослых детей.

Однодневная перепись киевского населения, произведенная 2 марта 1874 г. под исключительным надзором и руководством членов отдела, не обошлась тоже без проявлений украинофильской тенденциозности в том именно, что лица, которым была поручена проверка подворных ведомостей о жителях г. Киева, прибегали к разным изворотам для того, чтобы увеличить цифру малороссийского элемента на счет цифры других русских племен. Те же самые проявления были замечены во время Археологического съезда и задача украинофилов сосредоточить преимущественно внимание прибывших в Киев гостей, на памятниках старины и других предметах бытовой жизни малорусского племени, увенчалась полным успехом, который выразился в горячих возражениях против реферата О. Ф. Миллера о сродстве малорусских дум с великорусскими былинами. Доставленный в Киев из глубины украинских степей старец-бандурист Остап Вересай, последний экземпляр славных некогда бандуристов, своими поэтическими песнями и типическим обликом, в свою очередь немало способствовал возбуждению симпатий к отжившей свой век Гетьманщине.

Все эти проявления украинофильской интриги вызвали энергический протест со стороны редактора газеты “Киевлянин”² бывшего профессора здешнего университета действительного статского советника Шульгина, который целым рядом статей обличал и порицал тенденциозное направление сторонников украинофильской партии, и в самых резких выражениях доказывал несостоятельность поставленных ими в основание своей политики положений, подводя эту политику под категорию ребяческих затей. Получив в отделе Географического общества завязь, имея свою книжную торговлю, украинофилы пожелали иметь и свою собственную газету в крае, но как это им не удалось, то они забрали в свои руки существовавшую прежде, а именно: “Киевский телеграф”, перешедший в последнее время в собственность госпожи Гогоцкой, жены профессора, которая, прикрываясь именем мужа, ищет всеми средствами роли общественной деятельницы. Под купленной фирмой безграмотного, даже в Киеве не живущего Снежко-Блоцкого, как редактора, “Киевский телеграф” издается собственно ярыми украинофилами² из среды университетской молодежи, которые обрели в нем то, чего добивались – свой литературный орган. Означенная газета с одной стороны, а с другой стороны львовская газета “Правда”, о которой было сказано выше, в качестве органов украинофильской партии, подкрепляемые “С.-Петербургскими ведомостями”¹, дружно париро-

¹ Правописание по методу Кулиша [прим. док.].

² На полях олівцем написано: Кто же они?

вали удары Шульгина, но как на стороне последнего стало большинство, т. е. все благонамеренные и рассудительные люди и некоторые из столичных газет (“Голос”), то за ним по-видимому и осталось поле сражения.

Говорится “по-видимому” потому, что с того времени внешние проявления украинофильской интриги более не замечаются; но если принять во внимание, что громадная масса брошюрок и книжечек на малороссийском наречии раскупается ежедневно едва ли не с целью распространения их в народе, при содействии учителей сельских школ, то подобного рода пропаганда, симптомы существования которой начинают обнаруживаться путем формальных дознаний, может вызвать значительные затруднения к достижению тех целей, которые составляют задачу правительства, поставленную в основание ныне учреждаемых сельских школ.

Последнее открытое проявление украинофильской интриги составляет перевод на малорусское наречие известной повести Гоголя “Тарас Бульба”, в которой переводчик Лободовский¹, слова: Россия, русский человек, русский царь, заменил повсеместно словами: Украина, украинец, украинский царь и проч. Такое искажение текста известного русского писателя и патриота возмутило поголовно всех благомыслящих людей и чувство негодования выражалось каждым читателем перевода “Бульбы”, хотя в первое время искажение было замечено только весьма немногими. Обстоятельство это до крайности встревожило местного цензора, который не подозревая Лободовского способным к такому неблагоприятному поступку разрешил печатание перевода знакомого ему сочинения, впрочем, вслед за открытием этого печального факта, книга была задержана, и особенно компрометирующая ее страница с искаженным текстом по ее уничтожении была заменена другой.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1875), спр. 17, арк. 2–10. Копія. Опубл.: Міяковський В. В. Записка 1874 р. про український рух // Архівна справа. – Харків, 1927. – Кн. 2–3. – С. 24–29; Міяковський В. Недруковане й забуте: Громадські рухи дев’ятнадцятого сторіччя. Новітня українська література. – Нью-Йорк, 1984. – С. 348–354.

№ 60

1875 р., квітня 16. Київ. –

Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. М. Дондукова-Корсакова міністрові внутрішніх справ О. Є. Тимашеву про недоцільність публікації у газеті “Киевлянин” статті голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича про його вихід з Південно-Західного відділу Російського географічного товариства

Милостивый государь Александр Егорович!

Киевский отдельный цензор, представляя в Главное управление по делам печати статью господина Юзефовича, дал ее предварительно мне для прочтения.

¹ Учитель сельской школы в с. Городище Черкасского уезда, удаленный ныне от своей должности [прим. док.].

В этой статье господин Юзефович обвиняет Юго-Западный отдел Русского географического общества в украинофильстве, для разъяснения причины выхода своего из числа членов общества.

По поводу этой статьи я считаю долгом выразить Вашему высокопревосходительству, что, по мнению моему, напечатание ее вовсе нежелательно. Мне известно все, что делается в отделе общества; он, по мнению моему, не служит центром украинофильских стремлений; если в числе членов отдела находятся люди, сочувственно относящиеся к украинофильству, то из этого еще [не] следует, чтобы самый отдел был центром подобных стремлений.

В отделе до сих пор председательствовал господин Борисов, председатель здешней Контрольной палаты, человек вполне благонадежный, осторожный и совершенно чуждый украинофильства, он, конечно, не допустил бы никакого дурного направления деятельности общества и во всяком случае довел бы до моего сведения о том, что казалось бы ему вредным.

Статья господина Юзефовича, по мнению моему, есть ничего более как отголосок полемики двух враждующих между собою местных газет “Киевлянина” и “Киевского телеграфа”. Напечатание ее вызовет возражения и опровержения, полемика двух газет возгорится с новою силою, а вред этой полемики заключается в том, что она дает нелепостям украинофильства гораздо большее значение, нежели оно имеет.

Украинофильство, само по себе, настолько безсодержательно и ничтожно, что предоставленное самому себе, оно никоим образом не возбудило бы к себе сочувствия. Но поддержано полемикой газет, торжественным тоном статей, подобных статье господина Юзефовича, оно обращает на себя внимание публики и молодые люди, не понимающие хорошо дела, придают ему особенную важность, когда видят, что люди, считающиеся серьезными, подобно Юзефовичу трактуют украинофильство как нечто важное и опасное, имеющее государственное и политическое значение.

Смотря с этой точки на украинофильство, я всеми зависящими от меня средствами отклоняю толки об нем и особенно газетную полемику, и в этих видах покорнейше просил бы Ваше высокопревосходительство не разрешить напечатания статьи господина Юзефовича.

Я бы не был против напечатания статьи господина Юзефовича, если бы она заключала в себе насмешку над украинофильством, но торжественный тон статьи делает ее положительно более вредной, нежели полезной^a.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 825, спр. 41, арк. 3–4. Відпуск.

1875 р., квітня 21. Київ. –

**Повідомлення київського окремого цензора з іноземної цензури
Г. О. Пузиревського Головному управлінню у справах друку
про причини відмови друкування в газеті “Киевлянин”
статті голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича
щодо його виходу з Південно-Західного відділу Російського
географічного товариства**

Секретно

Редакция газеты “Киевлянин” доставила ко мне на предворительный просмотр для помещения в означенной газете статью председателя Киевской археологической¹ комиссии тайного советника Юзефовича, в которой изложены причины отказа его от звания члена Юго-Западного отдела Императорского географического общества.

Статья эта направлена собственно против киевских украинофилов и их сепаратистских тенденций, но в то же время она весьма резко относится к Ю[го]-З[ападному] отделу Императорского географического общества. Автор называет его “центром известного своею исключительностью местного направления” и “украинофильскою сборнею” и утверждает, будто бы “с открытием Отдела украинофильство подняло голову, выступило вперед как сила, как организованная партия, образовало свою книгарню, основало, под редакцией членов Отдела, свой орган (“Киевский телеграф”), который, по мнению господина Юзефовича, “есть ни что иное, как склад украинофильских проповедей и доктрин, и стало предъявлять свои права и недвусмысленные требования на национальный сепаратизм”.

Как на одно из главных проявлений украинофильской пропаганды автор указывает на частные издания (на малорусском наречии) “пускаемые в народ по ценам ему доступным, хотя убыточным для издателей, в устроенной и содержимой членами отдела книгарне” (стр. 1, 4, 5 и 6).

По резкости тона, которым написана эта статья, и серьезности обвинений, высказываемых в ней против ученого правительственного учреждения, руководителем и покровителем которого состоит главный начальник края, я счел невозможным допустить ее к напечатанию в “Киевлянине”, ввиду того неудовольствия и смущения, которое она могла бы произвести в разных частях здешнего общества. Но так как господин Юзефович настоятельно требует, чтобы статья его была пропущена, то я, руководствуясь 71 ст. Уст[ава] цензурн[ого], имею честь представить ее на окончательное рассмотрение Главного управления по делам печати.

При этом, однако, имею честь присовокупить, что хотя я вполне сознаю необходимость противодействовать всякими разумными мерами некоторым предосудительного свойства украинофильским тенденциям, но вместе с

¹ археографической

тем считаю появление в печати таких статей, как настоящая, или как статья “Современное украинофильство”^а в № 2 “Русского вестника”, положительно вредным. В них украинофильство изображается как доктрина и разъясняется его значение для тех из малороссов, которые или вовсе не подозревали существования такой доктрины, или не успели еще составить себе о ней ясного представления. Кроме того, подобного рода статьи неминуемо вызывают горячие ответы и объяснения со стороны тех, кого они затрагивают. Возникает полемика по украинофильскому вопросу, сильно возбуждающая раздражительных и сосредоточенных малороссов, как это недавно и случилось по поводу статьи Н. Лысенко^б в № 90 “Голоса”, в ответ на статью “Современное украинофильство”. В читальнях и по домам кружками собиралась молодежь читать и слушать статью Лысенко, обменивались мыслями, в которых, разумеется, высказывалось неудовольствие против “Русск[ого] вестн[ика]” и против русских. При частом повторении таких сходок скорее всего, как мне кажется, может образоваться партия недовольных там, где ее пока еще нет, и послужить началом прискорбной племенной розни между родными детьми одного и того же отечества.

Независимо всего вышеизложенного долгом считаю по поводу заключающихся в статье господина Юзефовича указаний относительно предосудительного направления газеты “Киевский телег[раф]” и распространения в народе книг на малорусском наречьи почтительнейше доложить Главному управлению, что в “Киевс[ком] телег[рафе]” появляются по временам ответы и объяснения, вызываемые псевдопатриотическими выходками и инсинуациями “Киевлянина”, но этого нельзя назвать украинофильскими проповедями или доктринами. В газете, кроме местных известий, большей частью помещаются статьи серьезного содержания по различным вопросам, чуждые всякой тенденциозности, обширные корреспонденции из разных местностей Юго-Западного и Новороссийского края и из-за границы, а также обзоры столичных журналов. Все требования цензуры выполняются редакцией газеты беспрекословно.

Сведения о числе вышедших в мое управление киевс[кой] цензурой здесь и в других местах сочинений на малорусском наречии, о их содержании и спросе на них заключаются в отчетах моих по внутренней цензуре за 1872, 1873 и 1874 гг. При одобрении к печати сочинений на этом наречии, я постоянно руководствуюсь указаниями, изложенными в секретном отношении господина министр[а] внутрен[них] дел к минис[тру] народ[ного] просв[ещения] от 8 июля 1863 г. за № 394 (Сбор[ник] расп[оряджений] по д[елам] п[ечати] с 1863 г. 1865 г., стр. 9–11). Исключение сделано было только для двух книжек предназначенных для народного употребления:

а) “Унія і Петро Могила”, изданной с благонамеренной целью содействовать современному движению униатов в пользу воссоединения с православной церковью и допущенной мною в печать на основании удостоверения одного из членов Киевс[кой] духовн[ой] цензуры о пользе распространения подобной книжки между униатами, и б) “Як тепер одбуватиметься воєнна служба” – с целью прекратить появившиеся в народе превратные толки о главнейших основаниях и требованиях всеобщей воинской повинности.

Можно, конечно, пожалеть о том, что книжки эти появились не на русском языке, а на малорусском наречии, но несправедливо было бы заподозрить составителей и распространителей подобных книжек в сепаратистских тенденциях или недостатке патриотизма.

ЦДІАК України, ф. 293, оп. 1, спр. 828, арк. 54–55. Відпуск.

№ 62

**1875 р., серпня 28. Санкт-Петербург. –
Повідомлення начальника Третього відділення власної
й. і. в. канцелярії О. Л. Потапова міністрів внутрішніх справ
О. Є. Тимашеву про скликання за наказом Олександра II
Особливої наради для розгляду питання щодо видання
підручників та молитовників українською мовою**

Государь император ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малороссийском языке высочайше повелеть соизволил: учредить под председательством господина министра внутренних дел совещание из министра народного просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III-го отделения собственной е. и. в. канцелярии и председателя Киевской археологической¹ комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса.

О таком высочайшем повелении, сообщенном вместе с сим управляющему Министерством народного просвещения, исправляющему должность обер-прокурора Святейшего Синода и председателю Киевской археологической комиссии, имею честь уведомить и Ваше сиятельство для необходимых распоряжений^a.

Генерал-адъютант *Потапов*

РДІА, ф. 1282, оп. 1, спр. 352, арк. 1. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-22, оп. 1, спр. 21, арк. 1. Опубл. частково: *Миллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 173.

¹ археографической

1875 р., не пізніше жовтня 17¹. –

**Записка голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича
“Про шкоду літературної діяльності українофілів та заходи
щодо її відвернення”, призначена для членів Особливої наради,
скликаної Олександром II^а**

Одна из важнейших задач цензуры – охранять государство от посягательств на целостность его и существующий строй, какие могут являться в области печатного слова. Говорю не о посягательствах прямых, путем подпольной прессы, противу которых цензура бессильна, и охранение от которых лежит на обязанности других ведомств; говорю о посягательствах косвенных, в виде разных учений, которые, по наружности, не заключают в себе ничего политического и, по-видимому, вращаются единственно в сфере интересов чисто научных и художественных.

К числу таких косвенных посягательств на государственную целостность России нельзя не отнести и литературной деятельности так называемых украинофилов, центром своим имеющей в настоящее время Киев.

Послушать киевских украинофилов (насколько высказались они в органах печати, издающихся в России), так задались они целями не только самыми невинными, но и похвальными – распространением просвещения между малорусским простонародьем, а чтобы оно было для него доступнее, издают книги для народного чтения на понятном вполне малороссам их украинском наречии. Вместе с тем, это простонародное наречие заявляют они желание возвести на степень литературного языка, как посредством переводов на оное произведений иностранных литератор, так и своеобразным на оном творчеством.

Последнее, то есть писательство на украинском наречии, имеет место издавна: писали на этом наречии и Котляревский, и Артемовский-Гулак, и Квитка, и Гребенка, и другие. И никто не заподозривал этих писателей в сепаратистских стремлениях. Не заподозривали даже и Шевченка, несмотря на то, что в произведениях его проглядывает сильное нерасположение к москалям, т.е. великороссам. Москали не только не относились враждебно к этому творчеству на украинском наречии, но наслаждались им ото всей души, потому что в произведениях малорусских писателей на их местном наречии не видели никакой затаенной, враждебной единству России мысли, какой и действительно в них не было.

Отчего же не так относятся ныне к литературной деятельности киевских украинофилов все те, в ком живо русское чувство? Оттого что в произведениях этих украинофилов не только слышится смутно, но и явно высказывается мысль об особлении Малороссии от остальной России, обособлении литературном, но за которым естественно и необходимо должно последовать и обособление политическое, ибо ничто не объединяет людей в политическом от-

¹ *Датується за датою резолюції.*

ношении так сильно, как единство языка и литературы, и ничто, наоборот, не разъединяет их в такой степени, как различие языка и письменности. Допустить создание особой простонародной литературы на украинском наречии значило бы поэтому содействовать отчуждению Украины от остальной России.

В доказательство законности и невинности своих стремлений киевские украинофилы указывают на однородную деятельность некоторых лиц во Франции, стремящихся возродить провансальскую литературу и создать бретонскую, деятельность которых не возбуждала и не возбуждает преследований со стороны существующего и бывших во Франции правительств. Но Франция в этом случае не может служить для нас примером, как потому, что язык бретонский совершенно отличен от французского (малорусский является лишь наречием великорусского), провансальский же имел некогда богатую литературу (какой никогда не существовало на малорусском), так и потому, что население Бретани и южных департаментов, где сохраняется в простонародии провансальский язык, далеко не составляет такого значительного процента в общем населении Франции, каким являются малороссы в общем итоге русского народа. Можно с полною безопасностью для целостности России смотреть на возникновение литературы, например, у латышей, численность которых простирается всего до миллиона с небольшим душ; но допустить обособление путем возведения украинского наречия на степень литературного языка 13-ти миллионов малоруссов было бы величайшей политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, какое совершается по соседству с нами у германского племени.

Опасною представляется деятельность киевских украинофилов и потому еще, что совпадает она с таковою же деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-ти миллионном южнорусском народе, как о чем-то отдельном от остальных ветвей русского ствола, чем-то таком, чему предстоят в будущем особые судьбы. Такой взгляд, раньше или позже, кинет галицийских украинофилов, а за ними и наших, в объятия поляков, основательно видящих в сепаратистских стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их собственной “польской sprawy”. Несомненное тому доказательство – то, что украинофильское общество “Просвита”⁶, задавшееся в Галиции изданием простонародных книжек на местном наречии, получает субсидии от Галицкого сейма, в котором преобладают и господствуют поляки. Великороссия в исторической борьбе своей с Польшею получила перевес над последней, вследствие того главнейшее, что от Польши отошла к ней Малороссия; если последняя отшатнется опять от нас к полякам, настоящее величие русского государства будет поставлено на карту.

Есть и еще вредная сторона в обращенной на простонародие литературной деятельности украинофилов. В книжках, изданных ими для народа с дозволения цензуры, не замечается присутствия демократическо-социальных тенденций, объяввших ныне молодежь; но это не значит, чтобы украинофилы были чужды этим разрушительным тенденциям. Известно, что некоторыми из них представлены в киевскую цензуру рукописи, которые не были дозволены к печати цензором именно потому, что в них обнаруживалась вражда к высшим

и богатым, стремление поселить к ним злобу и презрение. Что же касается до галицийских украинофилов, то один из них открыто проповедывал, что народ надо воспитывать по системе позитивизма, а так как проповедь эта явилась в органе галицийских украинофилов журнале “Правда”, то следует думать, что сторонники такого образа мыслей есть и в редакции этого издания.

Исходною точкою украинофильской деятельности служит утверждение, будто бы язык, которым говорит украинское простонародие, до того отличается от языка, которым говорят великороссы, что малороссы этого последнего почти совсем не понимают. Неосновательность этого утверждения ясна для каждого великоросса, который хотя раз в жизни толковал с малороссом. Насколько легко мы, великороссы, понимаем хохлацкую речь, настоль же и они нашу. Нет поэтому никакой надобности писать для малороссов ученые, учебные и другие книги на их наречии. Допустив это для малороссов, следовало бы затем допустить то же самое и для белоруссов. При такой близости общерусского с малорусским украинофилы стараются придать последнему несходство с первым хотя по наружности. Для этого постоянно в изданиях своих употребляют они букву “і” там, где мы пишем “и”, и наоборот, изгнали из своей азбуки, с тою же целью, букву “ъ” в конце слов. Это может казаться мелочью, но имеет важное значение в глазах всякого, кто знает, куда ведут подобные изменения в азбуке. Попытки такого рода весьма напоминают увещания поляков изгнать букву “Ѣ” из русской азбуки как лишнюю и ввести в нее “ј” (иоту). Прежние малорусские писатели, как Котляревский и другие, находили возможным писать на украинском наречии, нисколько не отступая от общепринятого русского правописания.

Вследствие всего вышеизложенного, полагалось бы нужным для пресечения вреда от украинофильской деятельности принять следующие меры:

1. Не допускать ввоза в пределы империи книг для народного чтения, издаваемых галицийскими украинофилами на малорусском наречии.

2. Воспретить в империи печатание на том же наречи таких же книг, как оригинальных, так и переводных, а равно и всякого рода учебников.

Примечание. Мера эта была бы не более как подтверждением высочайшего повеления от 8 июля 1863 г.¹, коим разрешено было позволять к печати на малороссийском языке только такие произведения, которые принадлежат к области изящной литературы, пропуском же книг на том языке как духовного содержания, так учебных, и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться.

3. Воспретить издание переводов на малороссийский с русского (украинофилы в подтверждение мысли своей, что русский и малорусский – два разные языка, издали уже в своем, малорусском, переложении некоторые произведения Гоголя, Лермонтова и Крылова).

4. Оригинальные произведения на малорусском наречии, не для простонародия и не для детского возраста назначаемые, дозволить издавать не иначе

¹ *Йдеться про розпорядження міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва від 18 липня 1863 р. (док. № 43).*

как с соблюдением русской орфографии, без всяких от нее ненужных отступлений, как издавали произведения свои Котляревский, Артемовский и другие малороссы прежнего времени.

Примечание. Пример подобного распоряжения находим в циркуляре министра внутренних дел от 13 сентября 1865 г., коим воспрещалось печатать и литографировать какие бы то ни было издания на литовском и жмудском наречиях латино-польскими буквами.

5. никоим образом не допускать преподавания каких бы то ни было предметов на малорусском языке в первоначальных училищах, к чему стремятся и чего надеются достигнуть украинофилы.

Означенные воспрещения не могут произвести ни малейшего неудовольствия в малорусском простонародии, которому совершенно чужды желания и стремления украинофилов. Поропщет да и замолчит лишь небольшая кучка этих последних, как роптала она, когда запрещено было издание “Основы”. Но если этой все разрастающейся кучке людей дозволено будет продолжать ее сепаратистскую деятельность, то мало-помалу могут и в тех массах, к которым она обращается, народиться мысли и поползновения, с которыми не будет уже возможности справиться цензурными мерами.

Резолюція: Представить мне по возвращении шефа жандармов, подготовив к тому времени все материалы для обсуждения настоящего дела. 17 окт[ября] 1875 г.

РДА, ф. 1282, оп. 1, спр. 352, арк. 23–32. Копія. Мікрофотокопія: ЦДАК України, ф. КМФ-22, оп. 1, спр. 21, арк. 23–32.

№ 64

1875 р., середина жовтня^а. Київ. – Записка голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича “Про так званий українофільський рух”, підготовлена для Особливої ради

Ни племенной партикуляризм, ни тем еще менее политический сепаратизм никогда не имели и не имеют никаких корней в нашей жизни; современное же украинофильство есть ни что иное, как средство к произведению внутренней смуты для чисто революционных целей.

Между русскими племенами никогда не было национальной розни. Вера, язык, исторические начала и идеалы – все у них общее. Для их этнографического обособления нельзя даже найти географической черты: их этнографические цвета сливаются, как радужные, в неразделимые между собою полосы. Они прошли сквозь все исторические перепитии, сквозь удельное раздробление, сквозь литовские раздвоения, сквозь польский захват, не переставая сознавать свое народное единство и тяготеть друг к другу. Воссоединение Хмельницким Киевской Руси с Московскою было удовлетворением чисто народной потребности. Оно было решено не представителями власти, а самим народом, – единомудушным возгласом народной массы на Переяславской Раде: “Волим под

царя восточного, православного”, – и даже вопреки затаенному влечению казацкой старшины и высшего духовенства, которым было привольнее оставаться под безначальной Польшей. Измена потом Выговского разбилась о народную волю. Борьба затем Дорошенко была ничем иным, как вооруженным требованием подданства русскому царю для заднепровской Руси, возвращенной Польше по Андрусовскому договору. Понятие о восточном царе, как о своем, до того было у малороссиян народным, что в легенде о Полтавской битве царь Петр отразился в народной фантазии в образе чисто малорусского, запорожского типа.

Киев, со своей общерусской святыней, Москва с общерусским царем, служили такими звеньями нашего народного единства, которых не могла разорвать никакая внешняя сила.

Со времени воссоединения Малороссии с Русским государством не было с ее стороны ни одного признака обособления, а, напротив того, тысячи фактов свидетельствуют о ее постоянном стремлении к полному слиянию в общенародное единство. Скажу даже более: чувство преданности царям, при одинаковой силе, едва ли не живее отзывается в сердце малороссиян, чем у остального русского народа, так как оно у них свежее, подобно тому, как у людей, возвращенных в свою семью после долгой разлуки. Наглядным свидетельством такого чувства служит простой, но красноречивый факт, исключительно принадлежащий Малороссии. В ней, и именно у простого народа, вошло в обычай сооружать вызолоченные государственные орлы, с царским на груди вензелем, и ставить их в церквах между святыми хоругвями. Эти орлы встречаются во множестве церквей, по всей Малороссии с вензелями Елизаветы, Екатерины II, Павла, Александра I, Николая и, наконец, Александра-Освободителя, – везде сооружены непосредственно простым народом.

Такое религиозное отношение к верховной власти свидетельствует также, что малорусский народ, несмотря на все исторические испытания, не изменил коренным русским началам. Никогда не изменял он и отношениям к общерусскому отечеству: для его спасения в 12 году малороссийское дворянство несло добровольно громадные жертвы, наравне с дворянством великорусским, а по падении Москвы вся Малороссия обливалась слезами вместе с остальной Россией. Я сам живо помню, как тогда, еще ребенком, я горько плакал, сам не знаю чего, видя слезы отца и рыдания матери. Казаки всегда с восторгом ополчались на царскую службу и сами матери благословляли сыновей садиться на коня, чтоб идти проливать кровь за веру и царя. Это не фраза, а так точно было на глазах современников, при двукратном ополчении казаков в царствование Николая Павловича.

Малорусскому народу царский принцип, этот жизненный узел всея Руси, так же свят и дорог, как народу великорусскому. Оба они одинаково даже бунтуют не иначе, как во имя царя. Измена им равно недоступна. Имя изменника Мазепы до сих пор остается самым обидным бранным словом для малоросса.

Так всегда понимала малорусский народ и наша верховная власть. Она не только никогда не оказывала ему недоверия, но всегда относилась к нему совершенно безразлично. Любимыми сподвижниками Петра были два иерар-

ха из малороссиян. В прошедшем столетии все ректоры наших семинарий и огромное большинство епископов по всей России были из учеников Киевской духовной академии. Из них же образовались и первые наши научные силы. Почти все духовные писатели XVIII в. были малороссияны и наш литературный язык образовался совокупными трудами как великорусских, так и малорусских писателей и ученых. В державинской плеяде Богданович и Капнист были по обработке языка едва ли не лучшими подготовителями Карамзина. Единственным в свое время воспитательным гражданским заведением России, Московским университетским благородным пансионом управлял более 30 лет малоросс Прокопович-Антонский, воспитавший несколько поколений отцов и их сыновей из лучшего русского дворянства. Он под своим крылом отчески соблюдал талант Жуковского, не говоря уже о множестве замечательных людей, которыми Россия обязана этому не оцененному еще по достоинству педагогу. А со времени императрицы Елизаветы мы видим непрерывно, во все последующие царствования, малороссиян на ближайших к трону местах.

Ясно, что при такой однородности у русских племен не могло быть места ни для какой их исключительности. Малороссы никогда не ставили родины выше отечества, а ежели любовь к ней выражалась у некоторых образованных людей сочувствием к своему племенному элементу, – к его обычаям, напевам, поэтическому творчеству, историческим преданиям и тому подобным местным чертам, то это было таким же естественным чувством, как любовь к своему родному очагу. Некоторые любители родины забавлялись даже изображением племенных нравов и типов на местном наречии, но и то не иначе, как в шуточном смысле, и первым из таких литературных опытов явился не эпос, а карикатура на малороссиян, в пародии “Энеиды” Котляревского. Когда же пришли на мысль эпические черты малорусского племени, то Гоголь стал изображать их на языке общелитературном. Об особой малорусской литературе никогда не было и помысла. В недавнее еще время, по свидетельству историка Киева, малоросса же Закревского, вся малороссийская литература, приведенная им в вес, оказалась ровною 18-ти фунтам с золотником. Вот в каком состоянии находилось украинофильство, в смысле народном, еще несколько лет назад! Самое это слово не существовало.

Политическая идея малорусской исключительности есть измышление австрийско-польской интриги, а у нас она пущена в ход поляками в начале 40-х годов. Это случилось на моих глазах. Мною был послан на средства, данные тогдашним киевским губернатором Фундуклеем, собиравшим исторические сведения о крае, недоучившийся в университете, но заявивший себя литературным дарованием Кулеш, для описания исторических местностей губернии и для собрания народных дум и преданий о борьбе с Польшей вообще и, в особенности, Хмельницкого, тогда еще достаточно не разработанной по письменным источникам. В этой экспедиции Кулеш (переименовавшийся потом в украинофильского Куліша) попал в Черкасском уезде в руки известного польского литератора Михаила Грабовского, который впоследствии, при маркизе Велепольском, был министром просвещения в Варшаве. Отправившись туда почитателем Хмельницкого до обожания, Кулеш вернулся назад ругателем его

до ненависти. Оказалось, что умный и ловкий поляк, найдя в Кулеше удобное орудие, в несколько недель перевернул на свой лад все его прежние взгляды и понятия: уверил его в самостоятельном значении и громадном историческом призвании малорусского племени, как особого народа, и убедил в том, что Хмельницкий не освободил этот народ, а окончательно погубил его, закабалив чужому московскому игу, гораздо более вредному, чем было иго польское. По своей легкой природе, способной ко всяким увлечениям, и по свойству своего ума, очень поверхностного, но заносчивого, при том с характером, более склонным к дурным, чем хорошим движениям, Кулеш отдался всецело внушениям Грбовского, воспламеняясь враждою к Москве, и возненавидел Хмельницкого, которого до сих пор в своих писаниях продолжает ставить на одну доску с Пугачевым, как делал это и наставлял его Грабовский. Но бредни Кулеша не могли найти тогда восприимчивой почвы, а потому, как чисто личные и молодые, казались более смешными, чем серьезными.

Почти одновременно с Кулешом явился поэт Шевченко, замечательный самородок-художник, вышедший из крепостного крестьянства, а потому озлобленный против крепостного права и сделавшийся певцом казацкой воли. Но он стоял сам по себе, особняком от украинофильской затеи, хотя и служил ей подспорьем, как возбуждательное средство. Кулеш с приобретенными сторонниками пользовался им, а после смерти они подняли его на пьедестал народного кумира, окружили его гроб всевозможными манифестациями, торжественно перевезли из Петербурга в Киев и похоронили около Канева над Днепром, на видной возвышенности. Но несмотря на все это, простой народ остался совершенно равнодушен к его могиле и чуть ли не забыл уже о ней.

Первый приступ политического украинофильства к формальной пропаганде начался в 1861 г. журналом “Основа”, предпринятым в Петербурге Белозерским в сообщничестве с Кулешом. Этот Белозерский стал тогда едва ли не главным двигателем украинофильской интриги, первой задачей которой было тогда проведение в преподавании народных школ малорусского наречия. С умом ограниченным, но чрезвычайно хитрым и вкрадчивым, с характером устойчивым и способным к притворству, Белозерский умел составить себе и служебное положение и роль вождя в петербургском украинофильском кружке. Однако ж, журнальная его попытка не удалась. Сочувствие к “Основе” оказалось в Малороссии так слабо, что, просуществовав менее двух лет, она должна была прекратиться по недостатку подписчиков, главный контингент которых сосредоточивался в Петербурге.

Но деятели “Основы”, рядом с своею пропагандой, задались еще особою мыслью: подорвать у малороссиян сочувствие к Русскому государству унижением и опозорением его истории. Для этой цели нашлось у них под рукою хорошее орудие – историк Костомаров, человек с несомненным талантом, но слабодушнейший и бесхарактерный, чрезвычайно восприимчивый и страстно увлекающийся, которого можно направлять и вести куда угодно. Белозерский взял его в свою опеку и подчинил, как дитя, своему руководству. Я имел случай лично удостовериться в силе подчиненности Костомарова влиянию Белозерского. В один из приездов моих в Петербург сам Белозерский рассказал

мне следующий случай: найдя в московских архивах несколько исторических документов из царствования Алексея Михайловича, свидетельствовавших о благодушных отношениях царя к Малой России, Костомаров задумал написать исследование в похвалу московской политики. Узнав об этом намерении, Белозерский накинулся на него, поссорился с ним, перестал бывать у него, о чем сам заявил мне. При свидании же с Костомаровым я нашел, что тактика Белозерского уже подействовала: он не только отказался от своей хорошей мысли, но повернул на прежний враждебный путь еще с большим ожесточением.

Костомаров, одаренный, кроме таланта, добрым сердцем и всеми свойствами честного человека, по своей бесхарактерности во всю жизнь не знал определенного направления, всегда завися от внешнего влияния. Он начал с того, что был ярким панславистом, основателем общества во имя Кирилла и Мефодия для соединения всех славян под русскую державу. Потом, поступив под руководство Белозерского и Кулеша, он отдался всецело польско-украинофильскому направлению: пустил в “Основе” в ход “Две русские народности” и изобрел русский исторический федерализм, чтоб показать исконное отсутствие в русской жизни народного и государственного единства. Накануне польского восстания он дал Спасовичу увезти себя в Литву, где вместе с ним братался с поляками, а потом писал против Польши. Возбуждаясь все более и более своими внушителями, он, наконец, со злостью цепной собаки стал бросаться на все, что есть святого и чтимого в русской истории, грызя с остервенением ее лучшие личности, подтасовывая и утаивая для искажения событий исторические памятники, как доказал это блистательно московский ученый Забелин в своем ответе ему по поводу Минина и Пожарского. Плоды такой деятельности Костомарова составили целую историческую литературу, образовавшую особую школу и, конечно, надолго отравившую у нашей сбитой с толку молодежи отечественное чувство. В прошлом году Костомаров завершил свое литературное здание историческою, разумеется по одному названию, хроникою под заглавием “Кудеяр”, напечатанною в “Вестнике Европы”⁶, этой учено-литературной лаборатории всяческого лжелиберализма. “Кудеяр”⁸ есть последнее выражение взбаламученного ненавистью к Русскому государству воображения, хуже чего не придумывал еще ни один из заклятых врагов России, даже польских. Цель ясна: представить русское самодержавие в ненавистном виде — и нельзя не удивляться изобретательности тех казней и мучительств, хотя бы и при Грозном, до каких дошла вдохновенная враждою фантазия автора, а также той недобросовестности, с какою он не пощадил даже добродетельной царицы Анастасии, изобразив ее самою гадкою, злою и сварливою женщиной, вопреки всем историческим свидетельствам. Хотя Кудеяр крови московской, даже царской, о чем он и заявил, зарезав равнодушно младенца, прижитого насильственно его женою в крымской неволе, но все-таки, помазавшись казачеством, он стал доступен человеческим чувствам, признав лучшими людьми в Московском государстве изменников и разбойников! А чтобы яснее высказаться за себя лично, автор вывел на сцену как бы своего предка, Костомарова, московского человека, опричника поневоле, который спасает Кудеяра из тем-

ницы, бежит вместе с ним, отрекается навсегда от проклятой Московской земли и обещает дать зарок своим детям, внукам, правнукам не возвращаться в Московщину. Эта нравственная мерзость внушила негодование даже одному украинофилу, поклоннику и ученику автора, который высказал ему открыто, под своим именем, довольно резкое порицание в “Одесском вестнике”, назвав всю эту кровавую живопись “гадостью”, хотя впрочем и восхваляя его за украинофильскую тенденциозность.

Но вся костомаровская литература написана увлекательно, пользуется при том ученым авторитетом и потому пожирается с жадностью нашею умственно растрепанною молодежью. Вся эта литература имеет не только свободный ход в книжной торговле и в журналистике, но и занимает почетное место во всех наших училищах и общедоступных библиотеках.

Что касается собственно украинофильства, то несмотря на все попытки расшевелить его, оно до последнего времени оставалось на степени ходячей болтовни, которая, как можно было ожидать, сама собою истощится и замолкнет. В своем нынешнем значении оно явилось для всех неожиданно.

Я думаю, что украинофильская затея, в смысле политической партии действия, родилась не в Киеве, а в Петербурге. Киев доставил ей только поприще. По крайней мере первым шагом к образованию такой партии послужила этнографическая экспедиция, снаряженная в здешний край Географическим обществом и порученная, при содействии Костомарова, одному из величайших шарлатанов и самых неугомонных агитаторов – Чубинскому. Выбор этот тем странен, что предварительно решения о нем Географическое общество обращалось ко мне, как к своему члену, через профессора Кояловича с просьбой сообщить ему сведения о личности Чубинского, как уроженца здешнего края. Имев случай хорошо узнать этого проходимца с самого приезда его сюда, я сообщил Географическому обществу, что Чубинский, кандидат Петербургского университета, прибыл сюда отъявленным нигилистом и упражнялся здесь в нигилистической проповеди по сельским базарам и ярмаркам. Некоторое время его проповедничество сходило ему с рук, так как крестьяне не понимали смысла его разглагольствий, а полиция, как известно, в эти дела без особого приказа не остерегается вмешиваться. Но когда Чубинский, ободренный безнаказанностью, стал высказываться яснее, то в м. Борисполе Полтавской губернии, в 30 верстах от Киева, на волостной сходке был, по мирскому приговору, высечен так больно, что пролежал несколько времени в постели. По доведении об этом происшествии до сведения губернского начальства и по сделании о нем подробного дознания Чубинский, вместо удовлетворения, был сослан в Архангельск. Это сообщение Географическому обществу я дополнил мнением, что подобному человеку нельзя верить такой работы, как этнографическое описание здешнего края, так как я совершенно убежден, что он постарается скрыть все, что свидетельствует о тождестве наших племен, и выдвинет напоказ все внешние признаки их кажущейся розни.

Несмотря на такой мой отзыв, выбор Чубинского состоялся, и неразрешенным остался только вопрос: для чего Географическое общество меня о нем спрашивало?

Прибыв в Киев, он явился ко мне с заявлением о своем поручении и с оправданием по поводу сурового, как он выразился, моего о нем отзыва, уверяя, что он уже не тот, чем был прежде, что ссылка имела для него самое благотворное значение, поставив его лицом к лицу с великим русским племенем, которого он прежде не знал и перед которым теперь благоговеет. Сказав ему, что это мы увидим на деле, я имел, однако ж, слабость допустить возможность его исправления.

Поручение, сделанное ему от такого учреждения, как Географическое общество, естественно придало ему в глазах молодежи и вообще провинциального люда особенный авторитет, так что, разъезжая по краю с правительственным уполномочиением, ему нетрудно было на вербовать целый легион угодников и обращенных в свою веру сотрудников. Все эти люди с усердием неопитов доставляли ему со всех сторон всякий этнографический хлам, набираемый, конечно, по данной программе, с предвзятыми целями. Вождь же экспедиции, без проверки, без всякой критики, без всякой даже системы сшивая этот хлам на живую нитку, отправлял его в Географическое общество, которое, опять-таки благодаря патронату Костомарова, издало его на свой счет в нескольких томах, присудив автору, сверх того, почетную золотую медаль!

Таким образом украинофильские дрожжи были Чубинским приготовлены. Надо было только собрать их в один сосуд, чтоб приготовить на них нужный продукт. Этим сосудом и явился в Киеве отдел Географического общества. Здесь приходится мне сделать очень нелестное для меня сознание в том, что своим осуществлением этот отдел обязан, прежде всего, моему легкомысленному промаху. Считая его полезным делом и не поняв его настоящего смысла, я дался в обман, подписался во главе его учредителей, привлек к тому же нескольких уважаемых лиц, а наша фирма ввела в заблуждение и местное начальство, и высшее правительство.

Отдел пошел быстро в своем преднамеренном развитии: составил, помимо нас, свое громадное преобладающее большинство, в первый же год обзавелся специальной книжной лавкой, устроил издательскую деятельность, основал свой орган “Киевский телеграф” с собственной типографией и пустил в ход, по копеечным ценам, свои тенденциозные издания, в том числе искаженную переделку на малорусское наречие гоголевского “Тараса Бульбы”, где все слова: “Россия”, “Русская земля”, “русский” устранены до единого и заменены словами “Украина”, “украинская земля”, “украинец”, а в конце концов пророчески провозглашен даже свой будущий украинский царь!

Такие обильные плоды показывают, что почва была заранее приготовлена петербургским этнографом.

Очень кстати для настоящих учредителей отдела нашелся в Киевском университете доцент Драгоманов, издавна известный здесь своим демагогическим направлением, дерзким характером и способностью к бумажному словоизвержению, без всякого серьезного научного фонда, а потому беззастенчиво относящийся к науке, как ко всякому другому средству. Он сам величает себя членом европейской демократии и, вступив в Географический отдел, стал

главным выразителем в печати стремлений украинофильского демократизма, подвизаясь как у нас, в “Вестнике Европы”, так особенно за границей, где вошел в непосредственные личные сношения с галицкою антирусскою партией под названием общество “Просвиты” (“Просвещения”) и выступил борзописцем в ее органе “Правда” под именем “Украинца”.

Этому-то борзописцу мы и обязаны выяснением, не оставляющим никаких сомнений, того значения, какое заключает в себе настоящее украинофильское у нас движение.

Как это значение, так и деятельность Географического отдела я изложил уже подробно в статье, предназначавшейся мною для печати и известной правительству, а потому я не буду здесь повторять частности, в ней указанные. Скажу только, что мысль, выраженная мною в этой статье, что нынешнее украинофильство служит лишь покрывалом, подбитою чистейшим социализмом, или, вернее сказать, чистейшею демагогией, так как у нас положительный смысл может иметь только одна демагогия, – что эта мысль вполне теперь оправдалась: в Киев прибыл в прошлом году через австрийскую границу целый тюк брошюр здешнего произведения, напечатанных в Вене на малорусском наречии, под заглавием “Паровая машина”. В этой брошюре рабочий, изувеченный помещичьею паровою машиной, ходит по селам, рассказывая народу пророческий сон о том, как крестьяне завоевали себе всю землю и благоденствуют в своей коммуне без правительства, без податей, без всякой над собою власти, кроме избираемых из своей среды старшин. “Паровая машина” написана гораздо хитрее “Хитрой механики”¹: в ней нет возвания к претящей народу кровавой расправе. Завоевав себе землю, крестьяне выпроваживают помещиков, чиновников, жидов живьем за границу по железным дорогам, тоже ставшим собственностью коммуны.

Тюк этот прибыл в киевскую цензуру вслед за возвращением Драгоманова из Галиции. Здесь же ходил слух, что он, Драгоманов, на нашей таможене очень хлопотал о выдаче ему, как профессору университета, привезенного с собою тюка с книгами. Любопытно бы навести справки и узнать, не тот ли самый был **это** тюк?

Что касается до здешнего Географического отдела, то он, не смущаясь катастрофой, постигшею Драгоманова, продолжает вместе с ним, как с своим членом, идти по раз избранному пути. В его заседании 3 октября выбраны в члены хорошо здесь известные демагоги: медик Нос и некто Конисский, оба бывшие уже в ссылке, первый в Архангельске за распространение в Чернигове брошюр “Земля и воля”, а второй, кажется, в Вологде за революционную агитацию в Полтаве. Прошлогоднюю годовичную деятельность Отдел увенчал избранием в члены прибывшего из Петербурга, из школы Спасовича, адвоката Молчанова, уж конечно не украинофила, а просто современного демагога. Этот господин под фирмою “Великорусса” предназначался в редакторы “Киевского телеграфа” и, вступив уже под рукою в заведывание им, успел перепечатать в нем, в №№ 137, 138 и 139, статью из лондонской газеты “Вперед” и опубликовать в № 141 демократический манифест к его корреспондентам. Но быв

по своей адвокатуре заподозрен в похищении из арестантских дел нескольких паспортов, он счел благоразумным бежать за границу, захватив на дорогу из редакции “Телеграфа”, как говорят, довольно крупную сумму.

Старания демагогов оживить предание и старые буйные инстинкты в здешнем народе как будто начинают уже вызывать с его стороны отклики. Не я один здесь думаю, что разбойничьи шайки, вооруженные и в масках, появляющиеся в крае, суть не что иное, как начатки зарождающейся в совращаемых умах гайдамачины. Дай Бог, чтоб мы ошибались.

Хотя политические заразы не могут иметь у нас такого разрушительного значения, как на Западе, но были, однако ж, и у нас примеры заражения, которые угрожали судьбам России бедствием, о каком страшно и подумать. Поэтому энергические меры для пресечения зла необходимы; но меры не частные, пресекающие отдельные явления, а общие, и не паллиативные, а радикальные, искореняющие самые причины, которые дают злу возможность разрастаться.

Тайный советник *М. Юзефович*

РДА, ф. 1282, оп. 1, спр. 352, арк. 34–42. Оригинал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-22, оп. 1, спр. 21, арк. 3–22. Опубл.: *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 372–381.

№ 65

1876 р., квітня 3. Житомир. –

Донесення начальника Волинського губерньського жандармського управління Третьюму відділенню власної й. і. в. канцелярії про розслідування діяльності М. Ф. Лободовського щодо розповсюдження серед селян книжок українською мовою

В начале этого года в Новоград-Волынском уезде, в селах, входящих в состав Райковской волости, замечено было появление в среде простолюдинов и преимущественно у учеников сельских школ книг и брошюр на малороссийском языке, сочинения Шевченко, Савицкого, Горбунова и Комарова.

Хотя книги эти разрешены цензурой и по содержанию своему не имеют антиправительственного характера, но усилившееся распространение их в последнее время в среде простонародия вышеупомянутой местности, видимо, незаинтересованного ими и не проявляющего ни малейшей склонности к чтению, дало повод предполагать, что книги эти распространяются кем-либо с предвзятою целью.

Руководясь этим соображением и принимая во внимание, что распространение малорусской народности несогласно с целями правительства, я, при отсутствии юридических данных для привлечения к ответственности распространителей, в порядке, указанном законом 19 мая 1871 г.^a, произвел негласное дознание по этому предмету, по которому оказалось следующее.

В Райковском волостном правлении, по рекомендации председателя Новоград-Волынского съезда мировых судей и посредников господина

Косача, занимал должность волостного писаря сын священника Харьковской губернии Михаил Лободовский, который раздавал безвозмездно крестьянам и преимущественно учителям и ученикам сельских школ старшего возраста малороссийские книги в большом количестве. При раздаче книг Лободовский убеждал, чтобы их читали всем, но не показывали бы инспекторам народных училищ, так как они подобных книг не позволяют читать.

Распространяемые книги и брошюры Лободовский получал от председателя Косача, что выяснено фактически. Волостной старшина заявил, что он получил от Косача тюк с книгами для передачи Лободовскому лично, что им и было исполнено, и даже он присутствовал при вскрытии Лободовским доставленного им тюка, в котором оказалось значительное количество книг.

При определении личности Лободовского выяснено, что он находится под особым покровительством бывшего профессора Киевского университета Драгоманова, известного украинофила, и Косача, председателя съезда мировых судей и посредников Новоград-Волынского уезда, женатого на родной сестре Драгоманова. По слухам, Лободовский служил в Харьковском учебном округе сельским учителем, откуда был удален за распространение в народе малороссийских книг, о чем было известно Косачу, но он, несмотря на это, предоставил ему должность волостного писаря. Отношения Косача и его жены к Лободовскому, несмотря на разность их общественного положения и образования, были довольно близкие и дружеские.

Госпожа Косач, будучи истой украинофилкой, не стесняясь, заявляла гласно о необходимости внушать крестьянам, что Малороссия существовала, что народ этот всегда должен оставаться тем, чем он был. Кроме того, госпожа Косач по своим идеям не чужда вообще социально-демократических тенденций, так что еще до настоящего случая мною было учреждено за нею негласное наблюдение. Замечено было, что она сближалась с простонародием: бывала запросто у волостных писарей, старшин, старост и зажиточных крестьян. Вела с ними беседы, принимала живейшее участие в их обыденной жизни и интересах, разделяя даже их удовольствия, пела с ними народные песни, танцевала и проч.

Сам Косач, человек сдержанный, не высказывает вполне своих идей и политических тенденций настолько, как его жена, но несомненно, что его убеждения вполне солидарны с убеждениями жены. Он позволяет себе только говорить гласно, что сочувственно относится к стремлениям малороссийской партии.

По доведении обо всем обнаруженном по настоящему делу до сведения местного губернатора его превосходительство, признавая и с своей стороны распространение малороссийских книг в народе вредным, распорядился, чтобы розданные Лободовским книги были отобраны, что уже исполнено. Всего отобрано 154 экземпляра, список которым представляется.

О поведении председателя съездов мировых судей и посредников Косача с подробным изложением обстоятельств дела, губернатор донес на благоусмотрение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, но резолюции его сиятельства по этому предмету еще не последовало.

Писарь Лободовский, узнав, что деяния его обнаружены, неизвестно куда скрылся, к разысканию которого приняты меры.

Донося о всем вышеизложенном Вашему высокопревосходительству, имею честь почтительнейше доложить, что я, не ограничиваясь добытыми сведениями по настоящему делу распространения малорусской пропаганды, продолжаю негласное дознание в предположении, не получила ли она своего применения через посредство единомышленников профессора Драгоманова и его последователей и в других местностях Волынской губернии, а также с целью обнаружения лиц, занимающихся этой пропагандой.

РДА, ф. 1282, оп. 1, спр. 352, арк. 59–62. Копія. Мікрофотокопія: ЦДАК України, ф. КМФ-22, оп. 1, спр. 21, арк. 59–62. Опубл.: *Яворський М.* Емський акт 1876 року // Прапор марксизму. – 1928. – № 1. – С. 93–95.

№ 66

1876 р., травня 18. Санкт-Петербург. – Журнал Особливої наради, скликаної Олександром ІІ, із пропозиціями щодо заборони української мови у сфері художньої, просвітницької та публіцистичної літератури з метою припинення “распространения в народе посредством печати мысли о самостоятельности малорусского языка и народности”

В виду обнаруженной в последнее время на юге России деятельности особого рода пропагандистов, зараженных так называемым украинофильством, а также распространения в народе переводов, учебников и молитвенников на малороссийском наречии, вашему имп[ераторскому] величеству благоугодно было высочайше повелеть: учредить для всестороннего обсуждения этого вопроса, под председательством мин[истра] вн[утренних] дел, совещание из мин[истра] нар[одного] просв[ещения], об[ер]-прок[урора] Св. Синода, главного нач[альника] 3 отд[еления] собств[енной] вашего величества канцелярии и председат[еля] Киевской археологич[еской]¹ комиссии тайн[ого] сов[етника] Юзефовича.

Во исполнение такого высочайшего повеления совещание сочло необходимым прежде всего подробно рассмотреть все имеющиеся данные и сведения, могущие уяснить вполне настоящее положение вопроса, обратившего на себя выс[очайшее] внимание вашего величества.

В этих видах, совещающиеся лица выслушали подробное сообщение т[айного] с[оветника] Юзефовича касательно постепенного, но вместе с тем деятельного и систематического стремления украинофилов к проведению в народные массы Южной России идеи о самобытной малорус[ской] национальности.

Это в высшей степени вредное стремление, по мнению т[айного] с[оветника] Юзефовича, получило развитие лишь в недавнее время и не имеет за собою никаких твердых исторических оснований. Между русскими племенами никогда не было национальной розни. Вера, язык и исторические начала у них были всегда одни и те же. Киев с общерусской святыней, Москва с общерусским

¹ археографической

царем служили такими звеньями нашего народного единства, которых не могла разорвать никакая внешняя сила. Со времени воссоединения Малороссии с русским государством не было с ее стороны, за исключением вероломной попытки Мазепы, ни одного признака обособления. Напротив, множество фактов свидетельствует о ее постоянном стремлении к полному слиянию с великой Россией. Малорус[скому] племени царский принцип, этот жизненный узел всей Руси, также свят и дорог, как и великоруссам. Дворянство и народ малоросс[ийских] губерний доказали на деле свою неизменную верность царю и отечеству в тяжелую годину отечественной войны и при двукратном ополчении казаков в минувшее царствование. Ясно, что при такой однородности воззрений и чувств малороссы никогда не могли ставить родины выше отечества. Поэтому ни политическая идея малорусской исключительности, ни стремление в возрождению национальной малороссийской литературы, никогда в действительности не существовавшей, не суть явления, находящее для себя оправдание в историческом ходе жизненного развития народа, но, по мнению т[айного] с[оветника] Юзефовича, представляют собой тенденции небольшого кружка людей, видящих в осуществлении своих преступных целей лишь средство к развитию внутренней смуты единственно только для революционных целей.

Политическая идея малорусской исключительности, как полагает т[айный] с[оветник] Юзефович, есть измышление австрийско-польской интриги, пущенной у нас в ход поляками в начале 40-х годов. В этом убеждении удостоверяет его история одного из самых ярких пропагандистов украинофильства Кулеша, едва ли не первым положившего основание к дальнейшему развитию и распространению вредного и бессмысленного учения об обособлении Малороссии. Кулеш, быв прежде поклонником до обожания Богдана Хмельницкого, подпал под влияние известного польского литератора Михаила Грабовского, который уверил его в самостоятельном значении и громадном историческом призвании малорус[ского] племени, как особого народа, убедив его и в том, что Хмельницкий не освободил народ, но напротив окончательно погубил, закабалив чуждому московскому игу, гораздо более тяжкому, чем было иго польское.

Почти одновременно с Кулешом явился поэт Шевченко, которого сторонники Кулеша, по смерти поэта, старались всеми силами поднять на пьедестал народного кумира, для чего с особыми манифестациями и торжественностью перевезли его гроб из Петербурга в Киев и похоронили около Канева над Днепром. Но, несмотря на все это, народ остался совершенно равнодушным к могиле Шевченка и едва ли не забыл уже о ней. В 1861 г. начал издаваться в Петербурге Белозерским, в сообщничестве с Кулешом, журнал “Основа”. Появление этого журнала было первым формальным проявлением украинской пропаганды. Одной из главнейших задач основателей нового журнала тогда было введение преподавания учебных предметов в народных школах на малорус[ском] наречии. Но и эта попытка не имела успеха. В Малороссии оказалось мало сочувствия к “Основе”, что она, просуществовав меньше двух лет, должна была прекратиться по недостатку подписчиков.

Таким образом, украинофильская пропаганда до последнего времени, помимо пустой болтовни недоучившейся молодежи и нескольких безумных и неудавшихся попыток взволновать народ, не имела успеха. В своем же нынешнем значении она явилась неожиданно, под прикрытием целей благовидных и при том имеющих исключительно научный характер.

Учрежденный в Киеве отдел имп[ераторского] Русск[ого] геогр[афического] общ[ества] дал у себя приют той партии неблагонамеренных и вредных лиц, которые в настоящее время отличаются особой деятельностью на поприще распространения в среде народа идеи о самостоятельной народности малоруссов. В короткое время Отдел завел свою книжную лавку, организовав свою издательскую деятельность, основал свой орган “Киевский телеграф” с собственной типографией и пустил в ход по самым низким ценам свои тенденциозные издания, в том числе искаженную переделку на малорусское наречие гоголевского “Тараса Бульбы”, где все слова: “Россия”, “русская земля”, “русский” – устранены и заменены словами: “Украина”, “украинская земля”, “украинец”, а в конце концов пророчески провозглашен даже будущий “украинский царь”.

Одним из главнейших деятелей Отдела на поприще распространения в народе ложной и зловредной мысли о самостоятельности малорусской народности, языка и литературы являются: Чубинский и бывший доцент Киевского университета Драгоманов.

Изложив известную ему крайне вредную деятельность Чубинского и Драгоманова, о которых имеются также самые подробные и обстоятельные сведения как в Министерстве вн[утренних] дел, так и в 3 отделении собств[енной] вашего величества канцелярии, т[айный] с[оветник] Юзефович в особенности обратил внимание совещания на крайне демократическое и противоправительственное направление Драгоманова – одного из учредителей Отдела, который неустанно проводит свои вредные принципы не только в отечественной литературе, но и за границу, где вошел в непосредственные, личные сношения с галицкой антирусской партией, сгруппировавшейся в общество “Просвиты” (Просвещения). Статьи Драгоманова в газете “Правда”¹ не оставляют не малейшего сомнения на счет того значения, которое заключает в себе настоящее украинофильство, значение это, по убеждению т[айного] с[оветника] Юзефовича, вполне ясно: но оно есть ничто иное как попытка, которой маскируется чистейший социализм, или вернее чистейшая демагогия.

Что касается Киевского географического отдела, то он, не смущаясь тем, что Драгоманов за обнаруженное им украинофильское направление, был по предложению министра народного просвещения уволен в конце 1875 г. от должности доцента историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве, продолжает следовать по однажды усвоенному направлению, избирая в члены Отдела таких лиц, каковы медик Нос и Конисский. Личности эти за неблагонадежность и распространение брошюр “Земля и

¹ Издается в Галиции и отличается украиноф[ильским] и крайне враждебным всему русскому направлению [прим. док.].

Воля” были, по распоряжению правительства, высланы в отдаленные губернии, где и стояли до помилования под строгим полицейским надзором. Сверх сего, членом Отдела избран в минувшем году прибывший из Петербурга адвокат Молчанов, личность в высшей степени неблагонадежная и зараженная самым крайним социализмом. Молчанов предназначался Отделом в редакторы “Киевск[ого] телегр[афа]” и, вступив уже под рукою в заведывание редакциею, успел перепечатать в этой газете статью из лондонской газеты “Вперед”^a (в №№ 137, 138 и 137 – 1875 г.). В настоящее время Молчанов находится за границею, куда он бежал вследствие возбужденного против него обвинения в похищении из арестантских дел нескольких паспортов. В заключение т[айный] с[оветник] Юзефович выразил убеждение, что хотя политические заразы не могут иметь у нас такого разрушительного значения, как на Западе, но, во-первых, они губят массы нашей молодежи, а во-вторых, были у нас и примеры заражения, которые угрожали России страшными бедствиями, и что поэтому принятие энергических мер для пресечения зла безусловно необходимо.

Засим совещание обратилось к рассмотрению сведений, имеющихся по обсуждаемому делу в Главном управлении по делам печати. Из этих сведений усматривается, между прочим, что цензурное ведомство давно уже обратило внимание на появление в печати значительного числа книг, издаваемых на малорус[ском] наречии, не заключающих в себе по-видимому ничего политического и вращающихся единственно в сфере интересов чисто научных и художественных. Но следя с особенным вниманием за направлением всех расплодившихся во множестве изданий для народа на малорус[ском] наречии, нельзя было не прийти к положительному заключению в том, что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и целость России. Центр этой преступной деятельности находится в настоящее время в Киеве.

Киевские украинофилы (насколько высказываются они в органах печати, издающихся в России) преследуют будто бы цели не только невинные, но даже похвальные – распространение просвещения в среде малорус[ского] народа, и только для того, чтобы оно было для него доступнее, издают книги для народного чтения на понятном малороссам украинском наречии. Но при этом украинофилы настойчиво пытаются возвести простонародное наречие Южной России на степень литературного языка, как посредством переводов на оное произведений русской и иностранных литератур, так и изданием оригинальных сочинений. Стремление киевских украинофилов породить литературную рознь и, так сказать, обособиться от великорусской литературы, представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чем то совершенно отдельном от великорусского племени. Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка,

оказываемая галицкому украинофильскому обществу “Просвита” сеймом, в котором преобладает и господствует польское влияние.

В книгах, изданных нашими украинофилами для народа с дозволения цензуры, не замечается явного демократического направления, но это вовсе не доказывает, чтобы украинофилы были чужды разрушительных начал социализма. В Киевскую цензуру неоднократно представлялись рукописи, которые не были пропущены к печати именно потому, что в них обнаруживалась вражда к высшим и богатым слоям общества и стремления поселить к ним злобу и презрение.

Что же касается галицийских украинофилов, то один из них открыто проповедывал, что народ необходимо воспитывать по системе позитивизма, а так как проповедь эта явилась в газете “Правда”, органе галицийских украинофилов, то есть полное основание предполагать, что редакция этого издания вполне солидарна с такими воззрениями.

Из сведений, имеющихся в 3 отделении собственной вашего величества канцелярии и Министерстве вн[утренних] дел, особого внимания заслуживает обнаруженное в самое недавнее время в Новоград-Волынском уезде Волынской губ. среди населения Райковской волости, и преимущественно у учеников сельских школ, появление книг и брошюр на малорусском наречии, сочинений Шевченка, Савицкого, Горбунова и Комарова. Хотя книги эти разрешены к печатанию цензурой и по содержанию своему не имеют антиправительственного характера, но усилившееся распространение их в последнее время в среде крестьян одной местности уезда дало повод предполагать, что книги эти распространяются кем-то с предвзятой целью. Произведенным вследствие сего негласным дознанием вполне выяснено, что брошюры и книги раздавались крестьянам, и преимущественно учителям и ученикам сельских школ, безвозмездно волостным писарем Михайлом Лободовским (тем самым, который переделал гоголевского “Тараса Бульбу”), получившим книги и брошюры от председателя местного съезда мировых судей и посредников Косача. При определении личности Лободовского выяснилось также, что он состоит под особым покровительством Драгоманова и Косача, женатого на родной сестре Драгоманова, столь же истой украинофилке, как и ее брат. Писарь Лободовский, узнав, что деяния его обнаружены, неизвестно куда скрылся, а за Косачем и его женою продолжается негласное наблюдение. Со стороны же министра внутр[енних] дел затребованы от волынского губернатора подробные сведения о Косаче, его направлении и служебной деятельности.

По отношению же к изложенным выше, сообщенным т[айным] с[оветником] Юзефовичем, сведениям о неблагонадежных в политическом отношении личностях, состоящих членами Киевского отделения геогр[афического] общ[ества], каковы: Чубинский, Драгоманов, Нос и Конисский, генерал-адъютант Потапов сообщил совещанию, что имп[ераторское] Русск[ое] геогр[афическое] общ[ество] нередко ходатайствует о помиловании, а затем и пользуется учеными трудами лиц, известных своей неблагонадежностью, указав при этом, в виде примера, на дворян Волынской и Люблинской губерний: Чекановского и Ксенжепольского, подвергшихся осуждению в каторжные ра-

боты за участие в польском мятеже 1863 г., и бывшего сотника Сибирского казачьего войска Потанина, находившегося на крепостных работах за участие в заговоре, имевшем целью отделение Сибири от русской монархии.

Из подробного рассмотрения и обсуждения всего вышеизложенного и тщательного сопоставления фактов о деятельности украинофилов, совещание не могло не усмотреть, что исходной точкой нынешних украинофильских стремлений служит ложное и совершенно превратное убеждение в том, что наречие, которым говорит украинское племя, до того отлично от наречия великоруссов, что малоруссы понимать его не в состоянии. Предвзятая ложность подобного убеждения очевидна, точно также, как очевидна и та конечная цель, к которой направлены усилия украинофилов, пытающихся ныне обособить малоруссов медленным, но до известной степени верным путем обособления малорусс[кой] речи и литературы. Нельзя при этом не заметить, что литературные произведения на украинском наречии не представляют собой явления небывалого; напротив: многое писалось и прежде на этом наречии, как напр., сочинения Котляревского, Артемовского-Гулака, Квитки, Гребенки и некоторых других, но никто никогда не заподозревал этих писателей в сепаратистских стремлениях потому именно, что они были совершенно чужды этим стремлениям, а произведения их не имеют ничего общего с направлением нынешней литературы и издательской деятельности украинофилов. В писаниях современных деятелей украинофильства не только сквозит смутно, но и высказывается явно мысль об обособлении Малороссии от остальной России, обособлении пока еще только литературном, но за которым естественно и даже необходимо должно последовать к стремление к обособлению политическому, ибо ничто не объединяет людей в политическом отношении так сильно, как единство языка и литературы, и наоборот, ничто не разъединяет их в такой степени, как различие языка и письменности. Допустить создание особой простонародной литературы на украинском наречии, значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможности осуществить в будущем, хотя может быть и весьма отдаленном, отчуждение Украины от России. Относясь снисходительно к развивающемуся ныне поползновению обособить украинское наречие путем возведения его на степень языка литературного, правительство не имело бы никакого основания не допустить такого же обособления и для наречия белоруссов, составляющих столь же значительное племя, как и малоруссы. Украина, Малороссия и Западная Россия, населенная белорусами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру, составляют одно неразрывное и единое с Россией великое политическое тело, а потому поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам небольшой горсти неблагонамеренных личностей, сеющих рознь и смуту среди украинского племени, было бы величайшей политической неосторожностью. Поэтому совещание признало единогласно, что нынешнее движение украинофилов представляется явлением опасным и не могущим быть долее терпимым. Усматривая засим, что главнейшим средством для достижения предвзятой украинофильской цели служит распространение в народе книг и брошюр на малороссийском наречии и что в этом отношении наши киевские украинофилы являются солидарны со

своими единомышленниками в Галиции, с которыми, как можно полагать по некоторым признакам и указаниям, они находятся в сношениях, совещание, вполне сознавая важность и значение этой стороны рассматриваемого дела, признало необходимым по возможности противодействовать проявляющемуся в галицийской печати украинофильскому направлению, служащему как бы точкою опоры или базисом нашим киевским украинофилам. Единственно верным к достижению вышеуказанной цели средством представляется поддержание нашим правительством какого-либо печатного органа издающегося в Галиции, по направлению своему не имеющего ничего общего с враждебными для интересов России тенденциями заграничных польских газет и издающейся в Галиции газетою “Правда”. По общему всех совещавшихся лиц убеждению, надлежало бы в этих видах оказать поддержку галицко-русской газете “Слово”, уже издавна отличающейся открытым поборничеством за все русское и постоянно старающейся опровергать все неблагонамеренные сведения и вымыслы некоторых заграничных периодических изданий о России. Газета “Слово” доказала свою искреннюю преданность истинно русским интересам всего нагляднее в минувшем году во время обнаружившегося в среде униатского населения Царства Польского движения к воссоединению с православной церковью. Достаточно указать, что, несмотря на постоянные преследования и притеснения со стороны поляков и высшего униатского духовенства во Львове, редактор газеты “Слово” решился напечатать точный текст соборного постановления Холмской духовной консистории, перепечатывал из “Правит[ельственного] вестника”⁶ все сведения о ходе униатского дела и без всяких сокращений поместил описание всемиловитвейшего приема, оказанного вашим имп[ераторским] велич[еством] 25 марта 1875 г. депутатам от униатского духовенства и мирян бывшей Холмской епархии. Такое направление газеты “Слово” вызвало, как уже сказано, со стороны высшего галицийского духовенства меры, клонящиеся к подрыву материальных средств редакции, так как львовский митрополит Сембартович циркулярно запретил галицким священникам под опасением лишения места, подписываться на эту газету.

В виду сего полагалось бы предоставить шефу жандармов войти в ближайшие соображения касательно оказания редакции газеты “Слово” негласного денежного пособия и окончательные предположения свои по сему предмету повергнуть на выс[очайшее] вашего величества благовоззрение.

Относительно выясненного, вполне неблагонамеренного направления Киевского отдела импер[аторского] Русск[ого] геогр[афического] общества совещание нашло нужным предоставить министру внутр[енних] дел войти по принадлежности в надлежащие сношения в тех видах, чтобы отдел этот был лишен возможности, прикрываясь благовидными целями, служить центром украинофильского направления, а относительно дознаной вредной и не могущей быть долее терпимой деятельности Чубинского и Драгоманова, представить вашему импер[аторскому] величеству особый всеподданнейший доклад.

Обращаясь к мерам, которые могли бы в близком будущем несомненно положить предел распространению в народе книг и брошюр на малорусском

наречии, совещание пришло к заключению, что единственно верным для сего средством представляется запрещение, во-первых, ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границею на малорусском наречии, и 2, печатание в империи на том же наречии всяких оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических документов и памятников, и 3, сценических представлений и печатание к нотам текстов, а равно и чтения публичных лекций на малороссийском наречии.

Все означенные выше в общих чертах предположения могут, по мнению совещания, непосредственно остановить пропаганду украинофилов, преградив избранный ими путь к распространению в народе посредством печати мысли о самостоятельности малорусского языка и народности. При этом совещание приняло также во внимание, что изъясненное во 2 пункте предположение было бы в сущности ничем иным, как расширением высочайшего повеления от 3 июля 1863 г., коим разрешено было допускать к печати на малорусском наречии только произведения, принадлежащие к области изящной литературы, а с пропуском книг духовного содержания, учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения, повелено было приостановиться.

Наряду с сими соображениями совещание не могло не остановиться и на том весьма важном заключении, что основные и незыблимые убеждения в общности и нераздельности всех племен и народностей, населяющих русское государство, внедряются в молодое поколение прочнее всего в школе, а потому нашло полезным обратить особое внимание министра народ[ного] просв[ещения] на необходимость самого тщательного подбора преподавателей в учебных заведениях округов Харьковского, Киевского и Одесского, причем со стороны совещавшихся лиц было выражено желание, чтобы оканчивающие курс в учебных заведениях которой-либо из губерний, входящих в состав вышепоименованных округов, были по мере возможности назначаемы преподавателями в другие губернии того же округа.

Министр нар[одного] просвещения, вполне соглашаясь с вышеприведенными соображениями, заявил, что с его стороны не было оказываемо ни малейшего снисхождения таким лицам учебного ведомства, вредное влияние коих на молодежь было вполне доказано, и что самым лучшим и наглядным доказательством тому может служить как отрешение от должности доцента Киевского университета Драгоманова, так и еще в самое недавнее время Черторийского, учителя Полтавской гимназии, сведения о коем сообщены ему были министром вн[утренних] дел.

Наконец, совещание признало полезным остановиться на имевшихся в виду его сведениях о крайне вредном направлении издающейся в Киеве газеты “Киевский телеграф”, которая, как упомянуто было выше, позволяет себе помещать на своих столбцах статьи, совершенно несоответствующие видам правительства, а имеющие несомненный оттенок украинофильских стремлений. Газета “Киевский телеграф” издается госпожой Гогоцкой, политическая неблагонадежность которой более чем сомнительна, а редактором состоит некто Снежко-Блоцкий. В действительности же Снежко-Блоцкий редактор толь-

ко номинальный, так как он слеп на оба глаза и лично заниматься газетой не в состоянии. Редакцией управляет госпожа Гогоцкая с кружком сотрудников столь же мало благонадежных, как и она сама. В виду сего совещание полагало бы возможным и вполне соответственным совершенно воспретить дальнейшее издание газеты “Киевский телеграф”. Совокупность всех изложенных выше предположений, клонящихся к тому, чтобы остановить и пресечь в корне дальнейшее развитие вредной украинофильской пропаганды, должна, по мнению совещания, принести прямую и скорую пользу, а потому, на основании всего вышеизложенного, полагалось бы: 1) не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по д[елам] п[ечати], каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии; 2) печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности; но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по д[елам] п[ечати]; 3) воспретить также различные сценические представления и чтения на малорусском наречии, а равно и печатание на таковом текстов к музыкальным нотам; 4) прекратить дальнейшее издание газеты “Киевский телеграф”; 5) усилить со стороны местного учебного начальства наблюдение за преподавателями начальных училищ и изъять из библиотек низших и средних учебных заведений в малоросс[ийских] губерниях книги и брошюры, издание коих воспрещается ст. 1 и 2 настоящих правил; 6) предоставить министру нар[одного] просв[ещения] предложить попечителям учебных округов Харьковского, Киевского и Одесского, доставить в вверенное ему министерство поименные списки преподавателям с отметками о благонадежности их по отношению к украинофильским тенденциям и отмеченных неблагонадежными переводить из малороссийских в другие губернии, заменив перемещенных уроженцам великороссийских губерний; 7) предоставить министру внутренних дел войти с кем следует в сношения касательно деятельности и направления Киевс[кого] отдела имп[ераторского] Русск[ого] географ[ического] общества, а касательно членов оного, Чубинского и Драгоманова, представить особый всеподданнейший доклад; 8) предоставить шефу жандармов испросить особое высочайшее повеление относительно оказания поддержки издающейся в Галиции газеты “Слово”.

О таковых предположениях своих совещание всеподданнейшим долгом считает повергнуть на высочайше вашего величества благовоззрение.

Подписали: генерал-адъютант *Тимашев*
гр. *Дм. Толстой*
ген[ерал]-адъют[ант] *Потанов*
тайн[ый] сов[етник] *Михаил Юзефович*

На подлинном собственной е. и. в. рукой начертано: “исполнить, но с тем, чтобы Отдел географического общества в Киеве *в нынешнем его составе был закрыт*¹ и чтобы открытие его вновь не могло состояться иначе, как с моего разрешения, по представлению мин[истра] вн[утренних] дел. Эмс, 18 (30) мая 1876 г.”

До історії указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Кн. 5. – С. 136–150.

№ 67

1876 р., травня 18. Санкт-Петербург. – Висновки Особливої наради щодо запровадження міністерствами внутрішніх справ та народної освіти, а також Третім відділенням власної й. і. в. канцелярії низки заходів з метою припинення “небезпечної для держави діяльності українофілів”

В видах пересечения опасной в государственном отношении деятельности украинофилов, полагалось бы соответственным принять впредь до усмотрения, следующие меры:

а) По Министерству внутренних дел

1. Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границу на малорусском наречии.

2. Воспретить в империи печатание на том же наречии каких бы то ни было оригинальных произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орфографии (т. е. не печатались так называемой “кулишовкою”).

П р и м е ч а н и е I. Мера эта была бы не более, как расширением высочайшего повеления от 3 июля² 1863 г., коим разрешено было допускать к печати на малорусском наречии только произведения, принадлежащие к области изящной литературы, пропуски же книг на том же наречии, как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения, повелено было приостановить.

П р и м е ч а н и е II. Сохраняя силу означенного выше высочайшего повеления, можно было бы разрешить к печатанию на малорусском наречии, кроме исторических памятников, произведений изящной словесности, но с тем, чтобы соблюдалась в них общерусская орфография, и чтобы разрешение давалось не иначе, как по рассмотрению рукописей Главным управлением по делам печати.

3. Воспретить равномерно всякие на том же наречии сценические представления, тексты к нотам и публичные чтения (как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций).

¹ *Курсив у публікації.*

² *Йдеться про розпорядження міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва від 18 липня 1863 р. (док. № 43).*

4. Поддержать издающуюся в Галиции, в направлении враждебном украинофильскому, газету “Слово”, назначив ей хотя бы небольшую, но постоянную субсидию¹, без которой она не может продолжать существование и должна будет прекратиться, (украинофильский орган в Галиции, газета “Правда”, враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии от поляков).

5. Запретить газету “Киевский телеграф”², на том основании, что номинальный редактор Снежко-Блоцкий слеп на оба глаза и не может принимать никакого участия в редакции, которой заведуют постоянно и произвольно лица, приглашаемые к тому издательницею Гогоцкою из кружка людей, принадлежащих к самому неблагонамеренному направлению.

б) По Министерству народного просвещения

6. Усилить надзор со стороны местного учебного начальства, чтобы не допускать в первоначальных училищах преподавания каких бы то ни было предметов на малорусском наречии³.

7. Очистить библиотеки всех низших и средних училищ в малороссийских губерниях от книг и книжек, воспрещаемых 2-м параграфом настоящего проекта.

8. Обратит серьезное внимание на личный состав преподавателей в учебных округах Харьковском, Киевском и Одесском, потребовав от попечителей сих округов именно списка преподавателей с отметкою о благонадежности каждого по отношению к украинофильским тенденциям и отмеченных неблагонадежными или сомнительными перевести в великорусские губернии, заменив уроженцам этих последних.

9. На будущее время выбор лиц на преподавательские места в означенных округах возложить, по отношению к благонадежности сих лиц, на строгую ответственность представляющих о их назначении, с тем, чтобы ответственность, о которой говорится существовала не только на бумаге, но и на деле.

Примечание I. Существуют два высочайших повеления покойного государя Николая Павловича, не отмененные верховной властью, а потом сохраняющие и в настоящее время силу закона, которыми возлагалось на строжайшую ответственность попечителей округов и вообще учебного начальства, не терпеть в учебных заведениях лиц с неблагонадежным образом мыслей, не только между преподавателями, но и между учащимися. Полезно было бы напомнить о них.

Примечание II. Признавалось бы полезным принять за общее правило, чтобы в учебные заведения округов: Харьковского, Киевского и Одесского назначать преподавателей преимущественно великоруссов, а малоруссов распределить по учебным заведениям С.-Петербургского, Казанского и Оренбургского округов.

10. Закрыть на неопределенный срок Киевский отдел императорского географического общества (подобно тому, как в 1860-х годах закрыт в этом

¹ З боку дописано: “1000 р. из сумм III жанд., в текст заключения не вводить, а только иметь в соображении” [прим. публ.].

² З боку дописано: “в соображении вредное влияние газеты” [прим. публ.].

³ З боку дописано: “это не существенно” [прим. публ.].

последнем политико-экономический комитет, возникший в среде статистического отделения), и допустить затем открытие его вновь, с предоставлением местному генерал-губернатору права ходатайствовать о его открытии, но с устранением навсегда тех лиц, которые сколько-нибудь сомнительны в своем чисто-русском направлении¹.

в) По III отделению собственной его императорского
величества канцелярии

11. Немедленно выслать из края Драгоманова и Чубинского, как неисправимых и положительно опасных в крае агитаторов².

Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 381–383; *Яворський М.* Емський акт 1876 року // Прапор марксизму. – 1927. – № 1. – С. 120–122.

№ 68

1876 р., травня 18 (30). Емс. – Указ Александра II про заборону ввезення до Росії українськомовних видань, друкування книжок та текстів до нот українською мовою, постановки українських п'єс, а також про закриття газети “Киевский телеграф”

Государь император в 18 (30) день мин[увшего] мая высочайше повелеть соизволил:

1) Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Гл[авного] упр[авления] по д[елам] п[ечати], каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2) Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности, но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главн[ом] управл[ении] по д[елам] п[ечати].

3) Воспретить также различные сценические представления и чтения на малорусском наречии, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам.

¹ З боку дописано: “предоставить М[инистерству] в[нутренних] д[ел] войти в надлеж[ащее] сношения с кем следует относительно изыскания мер к дал[ьнейшему] направлению этого дела” [прим. публ.].

² З боку додано: “выслать из края с воспрещением въезда в южн[ые] губ[ернии] и столицы, под секретное наблюдение” [прим. публ.].

4) Прекратить дальнейшее издание газеты “Киевский телеграф”.

О таковой высочайшей воле предлагаю Гл[авному] упр[авлению] по д[елам] п[ечати] к надлежащему исполнению.

За м[инистра] в[нутренних] д[ел] тов[арищ] мин[истра] ст[атс]-секр[етарь] кн. *Лобанов-Ростовский*

До історії указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Кн. 5. – С. 150–151; *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 90–91.

№ 69

1876 р., червня 15. Санкт-Петербург. – Циркуляр Міністерства народної освіти помічникові попечителя Київського навчального округу І. П. Новікову про посилення контролю за викладачами Харківського, Київського та Одеського навчальних округів, заміну неблагонадійних викладачів “вихідцями з великоросійських губерній”, а також про вилучення українськомовних видань із бібліотек початкових та середніх шкіл

Совершенно секретно

Государь император, ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания учебников и молитвенников на малороссийском языке, высочайше повелеть соизволил: учредить под председательством господина министра внутренних дел особое совещание из лиц, указанных его императорским величеством.

Журнал означенного совещания по делу об украинофильской пропаганде¹ удостоен высочайшего прочтения, и его величество в 18 (30) день минувшего мая, высочайше соизволил повелеть исполнить состоявшиеся в совещании по сему делу предложения.

В п. 5-м означенных предположений изображено: усилить со стороны местного учебного начальства наблюдение за преподавателями начальных училищ и изъять из библиотек низших и средних учебных заведений в малороссийских губерниях книги и брошюры, издание коих воспрещается ст. 1 и 2 настоящих правил*.

¹ Див. док. № 66.

* 1. Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2. Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности; но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати [прим. док.].

№ 65

22 июля
Совершенно секретно.

**МИНИСТЕРСТВО
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ**

ДЕПАРТАМЕНТЪ

По дописи
накальнича училища.

15 июня 1876 г.

№ 85.

Господину Управляющему Киев-
скому учебному Округу.

Государь Императоръ, въ виду
правильной украинской школы грамоты и
тщательности и въ особенности переводовъ
и печатаніе учебниковъ и шеститомни-
ковъ на малороссийскомъ языкѣ, Высочайше
повелѣть соизволилъ: учредить
подъ предводительствомъ Г. Министра
Внутреннихъ Дѣлъ особое совѣщаніе изъ
лицъ, указанныхъ Его Императорскимъ
Величествомъ.

Журналь означеннаго совѣщанія по
дѣлу объ украинской школѣ грамоты
предоставъ Высочайшаго протекціи
и Его Величества, въ 1^ю день мѣсяца
мае, Высочайше соизволилъ по-
велѣть исполнить соответствующее въ соот-
ветствіи по самой дѣлу предположеніе.

Въ н. 5^{мъ} означенныхъ предположеній
изображено: Чинить со стороны мѣст-
наго учебнаго начальства на наблюденіе
за преподавателями начальнаго учи-
лища и мѣшать имъ выписывать книжки
и среднѣе учебныя заведенія въ мало-
російскіе губерніи книги и брошю-
ры, изданія коихъ воспрещается отъ 1 и 2
настоящихъ правилъ (х)

*) Не допускать въ оныя въ Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управ-
ленія по дописи, печати, каковы бы то ни было книги и брошюры, издаваемыя за гра-
ницею на малороссийскомъ нарѣчьи.
2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же на-
рѣчьи воспрещается, за исключеніемъ лишь: а, историческіе документова и монументальнаго и
б, произведеній ислѣзной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческіе
памятниковъ, безусловно удостоверивалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ же
ислѣзной словесности не было допущено никакихъ отступленій отъ общепринятаго
русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній ислѣзной
словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ
Управленіи по дописи печати.

Циркуляр Министерства народноі освіти помічнику попечителя Київського
навчального округу І. П. Новікову. 15 червня 1876 р. Док. № 69.

В п. 6-м предоставить министру народного просвещения предложить попечителям учебных округов Харьковского, Киевского и Одесского доставить во вверенное ему министерство поименные списки преподавателям, с отметками о благонадежности их по отношению к украинофильским тенденциям, и отмеченных неблагонадежными переводить из малороссийских в другие губернии, заменив перемещенных уроженцами великороссийских губерний.

О таковой высочайшей воле имею честь сообщить Вашему превосходительству для надлежащего руководства, покорнейше прося, во исполнение п. 6 сего высочайшего повеления, доставить Министерству народного просвещения означенные в сем пункте именные списки преподавателей учебных заведений Киевского учебного округа с надлежащими отметками против каждого.

Управляющий министерством, товарищ министра
князь *Ширинский-Шихматов*

Управляющий департаментом, вице-директор *Дьяков*

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 1. Оригінал. Опубл.: *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 211–212.

№ 70

1876 р., червня 23. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку начальникам губерній з викладом положень Емського указу

Конфіденційально
Циркулярно

Государь император в 18 (30) день минувшего мая высочайше повелеть соизволил¹:

1) Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2) Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности; но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати.

3) Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам.

¹ Див. док. № 68.

№ 31.

7 1/2
Конфиденціально.
Циркулярно.

М. В. Д.

Господину Начальнику
губерній.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ПО ДѢЛАМЪ
ПЕЧАТИ.

23 Іюля 1876 г.
№ 3570.

*Сведѣнія по
дѣлу, касающемуся
и казначейству
Министерства
и
10 Іюль*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 19го день минувшаго Мая, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчій.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчій воспретить, за исключеніемъ лишь, а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности; но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ; въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчій, а равно и печатаніе на такомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

О такомъ Высочайшемъ повелѣніи имѣю честь уведомить Васъ, Милостивый Государь, для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ, объясняя, что на основаніи п. 3 сего Высочайшаго повелѣнія не должны быть допускаемы къ исполненію никакія пьесы и чтенія на малороссійскомъ нарѣчій, дозволенные до сего времени драматическою цензурою.

Подписалъ: *Министръ Внутреннихъ Дѣлъ,*
Генералъ-Адъютантъ *Тимашевъ.*

Скрѣпилъ: *И. д. Правителя Дѣлъ В. Адикусскій.*

Вѣрно: *За Помощника Правителя Дѣлъ В. Тимофеевъ*

Министерство, Подлинникъ и казначейству Министрства

Циркуляр Головного управленія у справахъ друку начальникамъ губерній.
23 червня 1876 р. Док. № 70.

О таком высочайшем повелении имею честь уведомить Вас, милостивый государь, для сведения и руководства в подлежащих случаях, объясняя, что на основании п. 3 сего высочайшего повеления не должны быть допускаемы к исполнению никакие пьесы и чтения на малороссийском наречии, дозволенные до сего времени драматическою цензурою.

Подписал: министр внутренних дел, генерал-адъютант *Тимашев*^а
Скрепил: и[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

Верно: за помощника правителя дел *В. Тимофеев*

Резолюція: Сообщить полиции, таможне и наблюдающему за типографиями и литографиями и вообще кому следует. 10 июля [підпис].

Помітка: Таможне, полиции и наблюдающему чиновнику.

ЦДІАК України, ф. 356, оп. 1, спр. 120, арк. 1 зв. Друк. прим.

№ 71

1876 р., серпня 13. Санкт-Петербург. –

Повідомлення виконуючого обов'язки начальника Головного управління у справах друку В. Григор'єва Петербурзькому цензурному комітетові про заборону друкування спогадів скульптора М. Й. Микешина про Т. Г. Шевченка

Редактор-издатель журнала “Пчела”^а академик Микешин, обратился в Главное управление по делам печати с прошением о дозволении ему восстановить места, исключенные цензором в статьях “Воспоминания о Тарасе Григорьевиче Шевченке” М. Микешина и “К рисункам Т. Г. Шевченко”.

Совет Главного управления по делам печати, рассмотрев означенные статьи и сделанные в них исключения, находил, что ввиду высочайшего повеления от 18 (30) минувшего мая, объявленного Главному управлению по делам печати за министра внутренних дел товарищем его, статс-секретерем князем Лобановым-Ростовским 1 июня сего года за № 1240, представляется неудобным в настоящее время допущение к печати каких бы то ни было статей о Шевченке и тому подобных деятелях, и потому полагал: воспретить обе вышеуказанные статьи к печати, о чем объявить просителю и дать знать С.-Петербургскому цензурному комитету.

О таком заключении Совета, утвержденном господином управляющим Министерством внутренних дел, предлагаю С.-Петербургскому цензурному комитету к сведению и надлежащему руководству, с приложением корректурных листов вышеозначенных статей^б.

Исправляющий должность начальника
Главного управления по делам печати *В. Григорьев*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

РДІА, ф. 777, оп. 2 (1874), спр. 72, арк. 75–76. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, КМФ-22, оп. 1, спр. 33, арк. 75–76.

№ 72

1876 р., вересня 1. Біла Церква. –
Донесення директора Білоцерківського реального
училища Д. І. Самуся попечителеві Київського навчального округу
П. О. Антоновичу про вилучення з бібліотеки училища книжок
українською мовою. Список вилучених книг

В исполнение секретного предписания господина управляющего округом от 24 августа 1876 г. за № 175¹ при сем имею честь препроводить в канцелярию господина попечителя округа, при прилагаемом при сем списке, книги на малороссийском наречии, исключенные на основании вышесказанного предписания из каталогов фундаментальной и ученической библиотек вверенного мне училища, о получении которых покорнейше прошу канцелярию господина попечителя округа меня уведомить.

Директор реального училища *Д. Самусь*

Список книг на малороссийском наречии, исключенных из библиотек Белоцерковского реального училища на основании секретного предписания господина управляющего Киевским учебным округом от 24 августа 1846 г. за № 175 и отосланных в канцелярию господина попечителя того же округа

№ по порядку	№№ по каталогу	Название сочинений	Число томов
		По ученической библиотеке	
1	39	“Кобзарь” Т. Шевченка. Спб., 1860	2 экз.
2	40	“Малороссийская повесть” Основьяненка	1 часть
3	87	“Сочинения” Котляревского. Спб., 1862	1 экз.
4	88	Рассказы Марка Вовчка. Спб., 1861	1 экз.
		По фундаментальной библиотеке	
5	299	Журнал “Основа” за 1862 г.	10 кн.

Директор училища *Д. Самусь*

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 37, 38. Оригінали.

¹ Див. цю саму справу, арк. 28.

№ 73

1876 р., листопада 10. Миколаїв. –

**Повідомлення миколаївського військового губернатора
М. А. Аркаса міській поліції про заборону Головним управлінням
у справах друку виконання українських пісень
у громадських місцях**

Вследствие рапорта городской полиции от 22-го сентября сего года за № 48¹, я просил Главное управление по делам печати сообщить мне, следует ли воспретить, на основании высочайшего повеления, последовавшего 18 (30) мая сего года, пение малороссийских песен в публичных концертах, гостиницах и трактирах.

Ныне Главное управление по делам печати, от 29 минувшего октября за № 5621², уведомило меня, что могут быть разрешаемы к исполнению на сцене на малороссийском наречии лишь драматические пьесы, дозволенные к представлению в прежнее время и внесенные в список безусловно дозволенных; пение же песен не должно быть допускаемо.

О чем городской полиции даю знать для надлежащего исполнения.

Верно: старший помощник

[И. Назаренко]

ЦДІАК України, ф. 356, оп. 1, спр. 120, арк. 6. Засвідчена копія.

№ 74

1876 р., грудня 3. Київ. –

**Відношення київського губернатора М. П. Гессе
київському, подільському і волинському генерал-губернаторові
О. М. Дондукову-Корсакову з проханням запровадити у Києві посаду
особливого інспектора для нагляду за книготоргівлею і друком**

На основании высочайше утвержденного мнения Государственного Совета 6 апреля 1865 г. для надзора за книжною торговою, типографиями, литографиями и заведениями, производящими и продающими принадлежности тиснения, учреждены в обеих столицах и в г. Варшаве особые инспекторы, а в губерниях надзор этот возложен на чиновников особых поручений по назначению губернаторов.

Установление особой инспекции для надзора за книжной торговлей и заведениями тиснения в столицах и Варшаве вызывалось в то время необходимостью учреждения такого института вследствие значительного там развития книжного дела, в остальных же провинциальных городах, в большинстве которых книжное дело мало было развито и заведений тиснения даже вовсе не существовало, представлялось возможным и удобным надзор за оным присоединить к обязанностям вышеуказанных органов администрации.

¹ Див. цю саму справу, арк. 3.

² Там само, арк. 5.

Между тем в настоящее время г. Киев в ряду провинциальных городов занимает в этом отношении совершенно иное положение, особенно в последние годы. Книжное дело в нем гораздо больше развито, чем в других городах, так, например, по сведениям об издании книг в важнейших городах оказывается, что в промежутках времени от сентября месяца 1872 г. до сентября 1875 г., т. е. в течении 3-х лет, в Киеве издано 311 названий книг, тогда как в течении того же периода в Одессе издано 179, Варшаве 157, в Казани – 51 названий. Естественно, что с развитием книжного дела увеличилось число книжных магазинов и лавок, библиотек и типографических заведений. По официальным сведениям существует теперь в Киеве 22 книжных магазина и лавки, библиотек 8, типографских заведений 13, из заведений производящих принадлежности тиснения имеется словолитня. Нельзя при этом не заметить, что в Киеве периодически отзываются украинофильские тенденции, со стремлением создать и эмансипировать малорусскую литературу. По собранным сведениям чиновником, наблюдающим за книжною торговлею, книги на малороссийском наречии составляли в 1872–1873 гг. 4,17% общего числа киевских изданий, 1873–1874 гг. этот процент при увеличении абсолютного числа малороссийских изданий в 8 раз оказался возросшим до 23,08% общего числа. Книги на малороссийском наречии обнимают 4358 печатных страниц и изданы в 65 600 экземплярах.

Хотя и последовало высочайшее повеление о воспрещении ввоза в пределы империи книг и брошюр, издаваемых за границу на малороссийском наречии, печатания и издания внутри империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии, тем не менее, изданные доселе сочинения остались в обращении. А потому, при таком положении книжного дела, назначение в Киеве хотя бы одного на первых порах особого инспектора, с присвоенным сей должности содержанием, для надзора здесь за книжною торговлею и заведениями тиснения, составляет настоятельную необходимость, тем более, что в распоряжении моем осталось только два штатных чиновника особых поручений, которым по многочисленности и нередко экстренности занятий в уездах не представляется возможным поручить специальный надзор за книжным делом в Киеве, а приходится возлагать надзор этот на одного из двух сверхштатных чиновников особых поручений, но последние, не получая никакого содержания, не представляют по самому служебному своему положению достаточных в таком деле ручательств, и кроме того должности эти часто остаются незачтенными, вследствие затруднения и даже невозможности отыскать лиц, желающих служить без содержания.

Представляя вышеизложенные соображения на благоусмотрение Вашего сиятельства, имею честь покорнейше просить ходатайства Вашего, если признаете возможным, об учреждении в г. Киеве должности особого инспектора для надзора за книжною торговлею и заведениями тиснения, с присвоением сей должности всех служебных прав по образцу столичных инспекторов и о последующем почтить меня уведомлением.

Губернатор *Гессе*
Правитель канцелярии [*ніднис*]

1876 р., грудня 22. Санкт-Петербург. –
Доповідна записка цензора І. М. Степурського Петербурзькому
цензурному комітетові про розгляд російськомовного перекладу
брошури М. П. Драгоманова “Про українських козаків,
татар та турків” з висновком комітету про заборону її друкування

В мае месяце текущего года в Киеве издана была на малорусском наречии небольшая 10-ти копеечная брошюра, заключающая в себе сочинение М. Драгоманова. В настоящее время брошюра эта переведена на русский язык и под заглавием “О малороссийских казаках, о татарах и турках” представлена в Комитет для разрешения к напечатанию¹.

Как видно из самого заглавия брошюры, господин Драгоманов особенно занимается в ней тем периодом истории малороссийского народа, когда он появляется в политической и социальной форме казачества. Об удальстве и храбрости казаков, о великих заслугах их в защите христианства от мусульман, униатов и католиков и вообще о геройских подвигах запорожцев автор отзывается с особенным сочувствием и похвалою. Трактую же историю Украины, автор проходит молчанием первые века, когда Малороссия находилась в органической связи с остальною Россией, и воссоединение Малой России с Москвою является вследствие того какою-то историческою случайностью. Автор не только не выражает особого сочувствия этому событию, не только не объясняет его как естественный возврат к первобытному государственному единству, но вслед за тем указывает на произвол поставленных Москвою властей и воевод, не обращавших никакого внимания на казацкие порядки.

Говоря о восточной России, он везде называет ее Москвою, Московским царством, даже говоря о временах Иоанна III и IV, когда русские великие князья и цари приняли титул государей всея России^a. Из московских исторических событий автор указывает на союз Иоанна III с Менгли-Гиреем и на совместное разорение ими Украины; на лишение Пскова и Новгорода их самоуправления; на зверства Иоанна IV; на то, что московский воевода Ромодановский и гетман Самойлович при Феодоре не хотели защищать Украины, что в 1681 г. при Софии Москва заключила с турками, а в 1685 г. и с поляками мир, вследствие которого значительная часть Малороссии была предана опустошению, что Петр после Полтавской битвы, увлекаясь планом завоевания Балтийского побережья, пренебрег советом Семена Палия освободить правобережную часть Украины, что в 1762 г. Екатерина уничтожила гетманское звание и казацких начальников превратила в простых помещиков, а в 1775 г. была уничтожена Сечь и остатки запорожского войска переведены на Кубань.

Брошюра Драгоманова по языку и дешевизне (10 коп.) явно назначена для простонародья, перевод ее имеет то же назначение. И цензура, руководствуясь предписанием Главного упр[авления] по д[елам] печати, объявленным

¹ Рукопис брошури див. у цій самій справі, арк. 35–58.

Комитету в прошлом году, обязана отнестись к ней с особенною строгостью. На этом основании цензура не м[оже]т ограничиваться в подобных, предназначаемых для народа, изданиях исключением лишь предосудительных мест, а вправе требовать, чтобы издания эти отличались благонамеренным направлением, вполне соответствующим видам правительства. А так как рассматриваемая брошюра Драгоманова “О малорос[сийских] казаках, о татарах и турках” не удовлетворяет последнему требованию, то цензор полагает вовсе не дозволять ее к печати, о чем и имею честь доложить Комитету.

Цензор *Степурский*

Помітка: Определено: перевод, согласно мнению цензора, по политической тенденциозности к напечатанию не дозволять.

РДА, ф. 777, оп. 3, спр. 61 ч.1, арк. 33–34. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, КМФ-13, оп. 1, спр. 27, арк. 33–34.

№ 76

1877 р., січня 26. Санкт-Петербург. – Доповідь цензора І. М. Степурського Петербурзькому цензурному комітетові про заборону друку українського літературного альманаху “Батьківщина” з поезіями Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова, О. Я. Кониського й прозою В. С. Мови (В. Лиманського) та Д. Л. Мордовця

При отношении Главного управления по делам печати за № 5046 препровождена в Комитет для цензурного рассмотрения рукопись на малороссийском языке под заглавием “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”¹.

По рассмотрении этой рукописи, заключающей в себе сочинения разных авторов, оказывается следующее:

На первой же странице литературного альманаха, в стихотворении “Думка” Шевченко рисует картину невыносимо тяжелого положения своей семьи, изнемогавшей под гнетом крепостного права. Одно лишь воспоминание об этом повергает поэта в ужас и он, в озлоблении против установившегося на земле порядка, доходит даже до богохульства, говоря, что “на земле нет ничего святого и что люди будто бы прокляли самого Бога”. Нужно полагать, что таковое содержание “Думки” было единственною причиною, почему настоящее стихотворение Шевченка не вошло в полное собрание сочинений этого поэта, изданное в 1867 г. Кожанчиковым без предварительной цензуры.

Не менее мрачные картины из крепостного быта, производящие на читателя крайне тяжелое впечатление, рисуются в статье Мордовцева “Старци”. В этом рассказе помещики выставляются вообще бесчеловечными истязате-

¹ *Рукопис альманаху див. у цій самій справі, арк. 90–107.*

лями своих крестьян за подушное, жестокосердыми грабителями скудного крестьянского имущества, изнуряющими крестьян непосильною, тяжкою панщиною и высылающими на оброк тех из них, которые оказываются уже вовсе неспособными ни к каким работам, каковы, напр., слепцы; крестьяне же выставляются повсеместно загнанными, забитыми, изнуренными, разоренными, нищенствующими и безропотно несущими тяжелый свой крест. По словам рассказчика, “одних только немцев (на Руси) милосердый Бог взыскал своею милостию: у них и хлеб родится, и скотинка, и всего достаточно, – а это от того, что у них другие порядки: нет ни панщины, ни рекрутчины, а земли вдоволь” (стр. 10).

В стихотворении “Зори” (стр. 2) Иеремия Галка (псевдоним Н. И. Костомарова), любуясь светлыми звездами на небе, оплакивает свою горькую, подневольную долю.

В стихотворении “Il beato” мать молится о том, чтобы всемогущий отвратил от ее ребенка злую судьбу его отца, который за любовь к своему брату погиб от рук палача (стр. 2–3).

В стихотворении Конисского “В больнице душевнонедужных” рассказывается весьма грустная история одной несчастной, попавшей в дом умалишенных после того, как помещик, с которым она неожиданно прижила ребенка, согнал ее, больную, со двора. Ребенок умер, а больная с горя очутилась в сумасшедшем доме, где она и поет “котика”, думая, что присыпает свое дитя (стр. 4).

В стихотворении “Швачка” выставлено тяжелое положение несчастной швеи, бесконечно работающей из-за куска хлеба (стр. 21).

В статье “Три деревыны” В. Лыманьского говорится о высокой сосне, которая гордо панует и летом и зимою; другие же, растущие вместе с сосной, деревья – тополь и береза – ждут не дождутся веселой весны, чтобы одеться в листья и шумом своим забить и заглушить гордый шум сосны... Но весна эта еще далеко – и зеленая сосна продолжает гордо пановать, а грустная тополь дремлет и береза стонет да рвется... (стр. 3–4). Стихотворение это имеет, очевидно, политическую тенденцию, которую проникнуто и другое стихотворение того же автора “Пид стрихою убогою”, где оплакивается несчастная судьба Украины (стр. 14).

Остальные статейки рукописи не заключают в себе ничего противного цензурным правилам, за исключением некоторых отдельных мест.

Из этого краткого очерка статей рукописи “Батьковщина” ясно видно, что большая часть оных имеют характер тенденциозный: некоторые из них рисуют мрачные картины из крепостного быта и вообще тяжелое положение трудящейся меньшей братии, а другие – оплакивают несчастную судьбу Малороссии. Картины из крепостного быта хотя относятся к прошедшему времени, но они при мастерской художественной форме изложения не могут не оставить в читателе глубокого впечатления и, следовательно, невольно должны поддерживать и даже возбуждать в нем раздражение и нерасположение к дворянскому сословию. Принимая же во внимание, с другой стороны, что “Украинский альманах”, в отпечатанном виде составит небольшую брошюру – не более двух

печатных листов, и по цене делается изданием общедоступным, цензор полагает, что рукопись “Батьковщина” по ее политической и социальной тенденциозности не подлежит разрешению к напечатанию, о чем имеет честь доложить Комитету.

Цензор *Степурский*

Висновок: К[омите]т, вполне соглашаясь с мнением цензора, определил: донести об изложенном Главному упр[авлению] по д[елам] п[ечати].

РДА, ф. 777, оп. 3, спр. 61 ч. 1, арк. 74–76. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-13, оп. 1, спр. 27, арк. 74–76.

№ 77

1877 р., лютого 18. Київ. –

**Доповідна записка попечителя Київського навчального округу
П. О. Антоновича міністрові народної освіти Д. А. Толстову
про неблагонадійність Павла та Іродіона Житецьких,
А. Д. Юркевича, В. П. Науменка, Н. С. Тумасова,
Т. Біленького, М. Белінського й Є. Дьяконенка,
запідозрених в українофільстві керівництвом гімназій
та Глухівського вчительського інституту¹**

Совершенно секретно

По содержанию предложения господина управляющего Министерством народного просвещения от 15 июня 1876 г. за № 85² управлявший в мое отсутствие Киевским учебным округом помощник попечителя генерал-майор Новиков потребовал от ближайших начальников учебных заведений в округе представления именных списков всех преподавателей с отметками против каждого о благонадежности по отношению к украинофильским тенденциям.

Списки эти доставлены и я имею честь представить их в подлинниках на благоусмотрение Вашего с[иятель]ства при особой описи.

Ближайшим начальникам учебных заведений сделаны указания на неблагонадежность или выражено сомнение в благонадежности следующих преподавателей: а) директором Киевской 2-й гимназии в отношении четырех лиц: учителя русского языка Житецкого, учителя греческого языка Юркевича, учителя истории Тумасова и учителя приготовительного класса Науменко; б) директором Каменец-Подольской гимназии в отношении двух лиц: учителя русского языка и словесности Беленького и учителя русского и латинского языков Белинского и в) директором Глуховского учительского института также в отношении двух лиц: учителя русского языка Житецкого и учителя истории и географии Дьяконенка.

Директор Киевской 2-й гимназии в донесении от 17 октября прошлого года за № 4 (в подлиннике представляемом) излагает следующие основания к

¹ Див. також док. № 79.

² Див. док. № 69.

заклучению об украинофильских тенденциях четырех преподавателей вверенной ему гимназии:

1) Житецкий находился в самых дружественных отношениях с Драгомановым и некоторое время жил с ним на одном дворе. Все сведения, какие доводилось директору слышать о Житецком, говорят о нем как о рьяном приверженце украинофильства. В частных беседах Житецкого с товарищами, проникнутых ирониею и насмешкою, слышится человек, настроенный враждебно к существующему общественному строю, а его литературные труды показывают, куда клонятся его симпатии. К этому однако же директор гимназии прибавляет, что в служебной деятельности учителя Житецкого нельзя указать ни на одно действие, как несомненное доказательство принадлежности его к украинофильской партии.

2) Юркевич давно известен, как любитель малороссийских песен, языка и обычаев. Но эта естественная и законная привязанность к местным особенностям, встречаемая нередко во многих уроженцах южнорусского края, по словам директора 2-й Киевской гимназии, к сожалению, в последнее время получила в Юркевиче особый оттенок, сближающий и его с украинофильством, т. е. направлением уже политического характера, прикрываемого привязанностью к южнорусскому народу.

3) В учителе Тумасове, по словам директора гимназии, нет собственно симпатии к малороссиянам, а заметно только в сильной степени желание прослыть человеком ультра-либеральным, что и сблизило его с людьми украинофильской партии, принадлежность к которой он часто заявляет на словах и внешним образом – ношением вышитых сорочек, – так что однажды он даже явился на урок в таком костюме (то есть вышитая сорочка, как объяснялось, видна была из-под жилета).

4) О том, что учитель приготовительного класса Науменко не чужд в известной степени украинофильству директор 2-й Киевской гимназии заключает только из того, что Науменко близок к упомянутым выше трем учителям и питает совершенно непонятную и безпричинную вражду к учителю русской словесности Воскресенскому, не раз открыто высказывавшемуся против украинофильства.

Ко всему высказанному директором Киевской 2-й гимназии, считаю нужным прибавить, что относительно подозрений на счет украинофильства учителя Житецкого я уже имел случай представить мое мнение в прежних моих доносениях по этому предмету. Житецкий вскоре по вступлении моем в управление Киевским учебным округом в числе других преподавателей был удален из Каменец-Подольской гимназии. Но поводом к тому было не украинофильство, в котором, впрочем, Житецкий навлек на себя подозрение еще бывши студентом Университета Св. Владимира, а интриги, разъедавшие всю гимназическую коллегия, и порожденные ссорами между директором и инспектором гимназии. При личных объяснениях по этому поводу с преподавателями я нашел в Житецком человека умного, даровитого и способного принести пользу не только учебному заведению, но и науке. Поэтому я перевел его во 2-ю Киевскую гимназию, где из него выработался, можно сказать, образцовый преподаватель русского языка.

Не считаю нужным повторять, в чем удостоверяет и директор гимназии, что в служебной деятельности учителя Житецкого нельзя указать ни на одно действие, которое бы доказывало принадлежность его к украинофильской партии. Да если в молодости и являлись у него подобные мечты, то они должны были исчезнуть, во-первых, под давлением нужды, заставлявшей его брать много уроков в посторонних учебных заведениях, чтобы увеличить свои средства к существованию с большим семейством; а, во-вторых, под влиянием занятий учеными работами, которым он отдавал все свободное время, готовясь к экзамену на степень магистра и разрабатывая материалы для диссертации. В прошлом году он издал описание Пересопницкой рукописи XVI в.^а с приложением текста Евангелия от Луки, выдержек из других евангелистов и 4-х страниц снимков, что, вероятно, и дало повод директору гимназии в отзыве о Житецком сказать, что его “литературные труды показывают, куда клонятся его симпатии”.

В конце прошлого года Житецкий перешел на службу в Военное министерство по учебному ведомству.

Учитель Юркевич уже 17 лет состоит на службе, которую он начал и продолжает во 2-й Киевской гимназии. Действительно он давно известен, как любитель малороссийских песен и языка, но никогда никем не было высказано и малейшего сомнения относительно благонадежности его по отношению к украинофильству. Сомнение это является теперь, в первый раз, на основании замечаемого в последнее время директором гимназии в любви учителя Юркевича к малороссийским песням, языку и обычаям особого оттенка, сближающего его с украинофильством. В чем выразился этот оттенок – директор ясно не указал ни в донесении своем, ни в личной беседе со мною по этому поводу.

Учитель Юркевич по своей опытности, знанию предмета, усердию к выполнению своих обязанностей и по результатам учебной его деятельности принадлежит к числу лучших преподавателей греческого языка. В нравственном отношении он был до сих пор безупречен.

Аттестация директора об учителе истории Тумасове может только служить доказательством неустановившегося и весьма смутного представления об украинофильстве. Тумасов, по словам директора, не питает симпатии к малороссиянам, но сильно желает прослыть ультра-либералом и это желание сблизило его с людьми украинофильской партии. Между тем, по крайней мере по моим понятиям, между украинофильством в самом худшем смысле и ультра-либерализмом нет ничего общего, и последнее я считаю горшим первого: украинофильство, в смысле сепаратических тенденций, не имеет под собой почвы, со дня на день теряет в местной среде всякое значение и может быть предметом только пустой бесплодной фантазии; а ультра-либерализм и особенно в учителе гимназии не может оставаться без вредного влияния на учащуюся молодежь.

По счастью, учитель Тумасов, 13 лет состоящий на службе в одной и той же гимназии, никогда не имел репутации такого вредного либерала. Он принадлежит к числу немногих преподавателей продолжающих и на службе заниматься научными работами по своему предмету. Года четыре назад Тумасов держал магистерский экзамен, защитил с успехом диссертацию: “Историко-юридический быт русского крестьянства”, получил ученую степень магистра и

остался на службе в гимназии. По приглашению Киевской духовной академии Тумасов уже несколько лет занимает кафедру истории в академии.

Что касается учителя preparatory класса Науменка, то проводимые директором на его счет указания так шатки, что едва ли могут служить достаточным основанием к подозрению его в украинофильских тенденциях. Науменко три года назад окончил университетский курс со степенью кандидата историко-филологического факультета и определен на службу во 2-ю Киевскую гимназию учителем preparatory класса, а за выбытием учителя Житецкого и по желанию кандидата для замещения его, часть уроков Житецкого в гимназических классах отдана Науменко.

Директор Каменец-Подольской гимназии, в списке преподавателей излагает следующие указания:

1-е: учитель русского языка и словесности Трофим Беленький говорит с малороссийским акцентом; из частной его жизни видно, что в душе сочувствует украинофильским тенденциям, но на службе осторожен; для борьбы с особенностями местного говора учащихся полезнее было бы заменить его уроженцем великорусских губерний.

2-е: учитель русского и латинского языков Николай Белинский способен подчиняться влиянию учителя Беленького, но без него может быть признан вполне благонадежным по отношению к украинофильским тенденциям.

Из замечаний директора Каменец-Подольской гимназии по отношению к учителю Беленькому несомненно одно, что для борьбы с особенностями местного говора учащихся полезно было бы заменить его уроженцем великорусских губерний, но это замечание можно считать общим для всех гимназий, по крайней мере в отношении преподавателей русского языка и русской словесности. Об этом не раз уже было высказано мое мнение, при чем указывались и меры к достижению по возможности этой цели. Ходатайства мои на этот счет не имели успеха, а напротив, отнято от средних учебных заведений Юго-Западного края и то средство, которое им было высочайше даровано до введения в действие устава гимназий и прогимназий⁶ 18[...]¹ г., и которое оставлено и существует донныне в других ведомствах, а именно: прибавка известных процентов к жалованью для привлечения на службу в Юго-Западный край лиц русского происхождения из великороссийских губерний. Я пытался ходатайствовать о сохранении этого преимущества по крайней мере для преподавателей русского языка и словесности, но и в том не имел успеха.

Что касается других указаний, из которых выведено заключение о сочувствии учителя Беленького украинофильству, то они представляются весьма слабыми. Говор с малороссийским акцентом – не есть принадлежность украинофильства, а составляет последствие того, что Беленький, как и большинство преподавателей учебных заведений Киевского округа, родились, росли, воспитывались и учились в малороссийской среде, и в ней же пришлось им начинать служебно-учебную свою деятельность. Во второй половине прошлого января я посетил Каменец-Подольскую гимназию и присутствуя на уроках Беленького

¹ Дату не дописано.

и Белинского, нашел в них молодых людей не без способностей, но вообще не установившихся и с внешней стороны обнаруживающих еще некоторые нежелательные проявления, следы недавнего студенчества. Но я не заметил в них и капли каких-либо украинофильских тенденций. В личной беседе со мною директор Каменец-Подольской гимназии не мог указать мне ни одного факта из частной жизни Беленького, который бы подтверждал сочувствие его украинофильству, кроме того, что Беленький как музыкант любит малороссийские мотивы и песни. В заключение разговора со мною директор охарактеризовал учителя Беленького, выразившись, что “в нем нет русской жилки”.

Не ограничиваясь уяснениями, какие можно было получить от гимназического начальства относительно украинофильского направления учителя Беленького, я счел нужным узнать на этот счет и мнение начальника Подольской губернии. Губернатор Муханов отозвался об учителе Беленьком с весьма хорошей стороны. Он знает его лично, как одного из немногих учителей посещающих общество, в котором Беленький хорошо принимается, потому что играет на фортепьяно и поет, и вообще обладает некоторого рода светскостью. В музыке и пении Беленького действительно преобладают малорусские элементы, что по мнению начальника губернии и дало повод гимназическому начальству заподозрить его в украинофильских тенденциях, но такое подозрение губернатор Муханов считает положительно неосновательным. К этим сведениям об учителе Беленьком остается прибавить, что он на службе с 1 февраля 1875 г., женат и при слабом организме вообще обнаруживает несомненные признаки значительного развития в нем чахотки.

В чем именно замечается способность учителя Белинского подчиняться влиянию учителя Беленького, — этого также директор Каменец-Подольской гимназии не мог мне уяснить. Оба эти учителя были товарищами по университету, одновременно окончили курс по историко-филологическому факультету и поступили на службу в одну и ту же гимназию. Весьма естественно, что при коллегиальных совещаниях в педагогическом совете или в хозяйственном комитете, оба они бывают солидарны в своих мнениях, быть может не всегда согласных с мнением большинства или начальствующих лиц, весьма возможно также и то, что в подобных случаях Белинский подчиняется влиянию Беленького, но все это не имеет ничего общего с украинофильскими тенденциями.

Директор учительского института в Глухове в списке преподавателей института сделал отметку об учителях русского языка Иродионе Житецком и истории и географии Евграфе Дьяконенко, что они как молодые люди, только что вышедшие из университета (в 1875 г.) и получившие научное, но не педагогическое образование, оба уроженцы Полтавской губернии, по образу мыслей и убеждениям еще не могут назваться хорошими воспитателями нового поколения учителей в общерусском духе и направлении, и еще менее проводниками и насадителями истинно русского направления в новом заведении [...] ¹.

Две недели назад, последнего числа января и первого февраля я был в Глухове, и в числе других учебных заведений осмотрел и Глуховский учитель-

¹ *Пропущено текст про оплату праці викладачів.*

ский институт. Учителя Житецкого я, к сожалению, не мог видеть, по болезни он не явился на уроки. А между тем преимущественно ему я имел в виду сделать приличное внушение по поводу дошедшего до меня сведения, что при посещении института начальником Черниговской губернии, Житецкий держал себя неуважительно, прохаживаясь по залу в то время, когда начальники губернии осматривали в той же комнате разные принадлежности, пожертвованные для институтской церкви почетным попечителем института С. А. Терещенком.

Еще доходил до меня слух, будто бы двое из воспитанников института, отлучась самовольно из Глухова, были замечены в одном из селений среди крестьян в беседе с ними. По ближайшим дознаниям обстоятельство это не подтвердилось. Слух же объясняется тем, что за воспитанников института могли быть приняты лица, являвшиеся в Глухов с целью поступления в институт и, не выдержавши экзамена, возвращавшиеся в места своего жительства.

Хотя из приведенных выше замечаний господ директоров на счет некоторых преподавателей не все прямо соответствует сделанному им запросу, тем не менее они указывают на то, что преподаватели эти по тем или другим причинам, вообще вызывают недоверие ближайшего начальства к их образу мыслей и направлению, хотя и не высказывающемуся прямо в их служебной деятельности, а потому я предложил господам директорам продолжать иметь должное наблюдение за всеми названными выше преподавателями и при уклонении их деятельности от должного направления не только по отношению к украинофильству, но и во всех других отношениях, немедленно мне доносить с подробным изложением всех обстоятельств, дающих повод сомневаться в полной их благонадежности.

В заключение долгом считаю сказать, что я не нахожу достаточных поводов удалять из 2-й Киевской гимназии учителя греческого языка Юркевича, учителя истории Тумасова и учителя приготовительного класса Науменка, но признаю желательным перевод в гимназии или прогимназии великороссийских губерний учителей: Каменец-Подольской гимназии Беленького и Белинского и в особенности наставников Глуховского института Иродиона Житецкого (брата бывшего учителя 2-й Киевской гимназии) и Евграфа Дьяконенка, с назначением на места их опытных преподавателей из лиц чисто русского происхождения и получивших высшее образование в Петербургском или Московском университет[ах]. При переводе названных четверых учителей из Каменец-Подольской гимназии и Глуховского учительского института без назначения вместо их других преподавателей сообразно специальности каждого начальство Киевского учебного округа будет поставлено в безвыходное положение по совершенному неимению в виду лиц для замещения вакансий, а между тем с начала будущего учебного года предстоит открыть и снабдить учителями реальное училище в Ромнах и прогимназию в Житомире.

ЦДАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 68–73. Чернетка. Опубл.: Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 214–220 (у перекладі українською мовою).

1877 р., березня 4. Глухів. –

**Донесення директора Глухівського вчительського інституту
О. В. Білявського попечителю Київського навчального
округу П. О. Антоновичу про виявлення у студентів записів
українських народних пісень і колядок**

Конфіденційно

Вследствие предложения Вашего превосходительства от 18 января сего 1877 г. за № 12 имею честь донести, что:

1) При обходе института 10 февраля сего года в 11 часов вечера я увидел, что воспитанник 2-го курса Картель разбирает кипу бумаг. При осмотре оказалось, что это были малорусские песни, колядки, рассказы и пр. Просмотрев содержание оных, я не нашел в них ничего предосудительного и обратился к воспитаннику с вопросом: “Где и когда он собирал эти песни?” Он отвечал: “В Черниговской губернии, во время каникул и не один, а поручал записывать и своим знакомым”.

– Для чего ж вы собираете эти песни?

– Я собирал по поручению господина преподавателя Житецкого, который задавал на каникулы такую работу.

Я сделал воспитаннику несколько замечаний, что каникулярное время он мог бы употребить с большею пользою, занимаясь чтением сочинений по русской литературе, что он в институте готовится быть учителем, а не собирателем малорусских песен.

2) 20 февраля, после обедни, проходя по рекреационной комнате, я заметил, что воспитанник 2-го класса Бобровников читает книгу сочинений Писарева. Так как в институтской библиотеке нет сочинений Писарева, я спросил, где он взял книгу. Оказалось, что книга принадлежит господину Житецкому. Так заявил воспитанник Бобровников, и на корешке переплета стояла буква “Ж”.

В классе на уроке педагогики, к случаю, я заметил, что Бобровников читает Писарева совершенно напрасно. Писарев писал для людей знавших и изучивших Пушкина, увлекавшихся им, для крайних идеалистов. А мы еще не прочитали-то хорошенько Пушкина, а беремся за Писарева, который толкует, что все сочинения Пушкина не стоят пары старых сапогов. Если уж Пушкина не читать, кого ж еще рекомендовать для чтения?^a

На замечание мое господину Житецкому относительно собирания песен и колядок, он объявил, хотя и не без смущения, что давал такую работу, имея в виду знакомить воспитанников с народною литературою (изустною). Я заметил ему, что Картелю не придется обучать колядкам и малорусскому языку, что я не вижу связи между собиранием колядок и будущим учительским призванием наших воспитанников, что мы тянем в разные стороны и только сбиваем воспитанников с толку.

На замечание мое относительно книги сочинений Писарева, виденной мною у Бобровникова, господин Житецкий сказал, что он сам благоговеет пред

Пушкиным, что книгу он давал учителю (какому, не сказал), и что он впредь не будет давать никому своих книг.

О чтении Писарева и переписке малорусских песен я сообщил классному наставнику 2-го класса господину Олиферову, прося его наблюдать, что читают и пишут воспитанники.

Директор института *А. Белявский*

Помітка: К докладу со справкой.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 78–79. Оригінал.

№ 79

**1877 р., квітня 30. Санкт-Петербург. –
Розпорядження міністра народної освіти Д. А. Толстого
попечителю Київського навчального округу П. О. Антоновичу
про переведення викладачів навчальних закладів округу,
запідозрених в українофільстві, до різних навчальних закладів
великоросійських губерній**

Секретно

Милостивый государь Платон Александрович!

Вследствие донесения Вашего превосходительства от 18 февраля сего года за № 9¹ покорнейше прошу Вас, милостивый государь, предложить учителям Каменец-Подольской гимназии Беленькому и Белинскому и преподавателю Глуховского учительского института Дьяконенко – не пожелают ли они переместиться на службу: первый – в Пермское реальное училище по русскому языку и словесности, второй – в Уральскую войсковую гимназию по русскому и латинскому языкам, и третий – в Уфимскую гимназию по истории и географии.

Если же означенные учителя почему-либо не найдут возможным принять предлагаемые им места, то предложить им, чтобы они безотлагательно сами приискали себе другое место в гимназиях или реальных училищах великороссийских губерний, так как дальнейшее пребывание их в Южной России я нахожу невозможным.

О последующем не оставьте довести до моего сведения.

Что же касается преподавателя Глуховского учительского института Иродиона Житецкого, то по отношению его Вы получите особое предложение.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Граф Дмитрий Толстой

Резолюція: Исполнить.

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 80–81. Оригінал.

¹ Див. док. № 77.

№ 80

1877 р., червня 2. Київ. –

Донесення київського губернатора М. П. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. М. Дондукову-Корсакову про вилучення з обігу книжки “Легенда про запорожців”, яку безкоштовно роздавав у Києво-Печерській лаврі відставний офіцер М. Бранке

Совершенно секретно

В последнее время в Киево-Печерской лавре неизвестная личность раздает безвозмездно богомольцам книгу под заглавием “Легенда о запорожцах”, которая дозволена к печатанию киевскою цензурою 9 июля 1876 г.

По произведенному полициею негласному расследованию обнаружено, что раздавал означенную книгу отставной офицер Николай Бранке, который проживает в здании юнкерского училища у брата своего капитана Бранке, состоящего в том училище ротным командиром.

Книга эта по содержанию своему напоминает о прежних правах Малороссии и в некоторых местах в очень печальном виде представляет настоящее положение ее.

Признавая издание это вредным, в особенности для здешнего края, я имею честь просить Ваше сиятельство, не изволите ли признать возможным войти с господином министром внутренних дел в сношение об изъятии оного из обращения в Киевской губернии и разрешить мне автора книги, распространяющего ее безвозмездно по всей вероятности не без цели, обязать подпискою не распространять своего сочинения впредь до получения на то разрешения министерства.

Экземпляр книжки при сем представляется.

Губернатор *Гессе*

Правитель канцелярии [*підпис*]

Резолюція: Сообщить министру, а секретно командующему войсками просить войти в сношение с начальств[ом] юнкерск[ого] училища о [предупреждении] Бранке не распространять книги.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 827, спр. 55, арк. 1. Оригінал.

№ 81

1877 р., серпня 25. Київ. –

Розпорядження помічника попечителя Київського навчального округу І. П. Новикова директорові Колегії Павла Галагана про звільнення викладача П. Г. Житецького, запідозреного у співчутті “українофільським тенденціям”

Секретно

Учитель 2-й Киевской гимназии Житецкий, по подозрению в сочувствии украинофильским тенденциям, принужден был оставить учебную службу по

Министерству народного просвещения и перейти на службу в военное ведомство.

Осведомясь, что господин Житецкий состоит преподавателем в Коллегии Павла Галагана, и не признавая по вышеподанному возможным оставить его в этом звании во вверенном Вам заведении, долгом считаю покорнейше просить Вас, милостивый государь, немедленно принять меры к замене господина Житецкого другим преподавателем.

Управляющий округом, помощник попечителя
Управляющий канцеляриею

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 261 (1876), спр. 30, арк. 118. Відпуск.

№ 82

1878 р., червня 3. Київ. –

Протокол допиту М. П. Старицького у Київському губернському жандармському управлінні про коло його знайомих та виявлені під час обшуку листи і рукопис щодо ставлення російської ліберальної громадськості до національних рухів

1878 г., июня 3 дня. В камере киевского губернского прокурора Отдельного корпуса жандармов майор Якутович в присутствии товарища прокурора Нордштейна спрашивал дворянина Михаила Старицкого (протокол в сем деле № 2 июня)¹, который показал:

“На вопрос, предложенный мне относительно того, с кем я знаком и кто именно бывал и бывает у меня в доме, отвечаю: до принятия мною на себя печения сухарей для армии я имел один круг знакомых, с тех же пор как я принялся и всецело отдался сахарному делу, я почти оставил старых своих знакомых и сошелся с людьми, которые так или иначе полезны мне в моем предприятии. Сколько я помню, до ноября прошлого года, т. е. до взятия мною на себя сахарного дела, я часто принимал в своем доме следующих лиц: Гешвеид, семейство которого я знаю хорошо, сам Гешвеид – гражданский инженер; Рубинштейн – директор промышленного банка; Марковский – адвокат, семейный; Житецкий – преподаватель в Коллегии Галагана, семейный, дети его малолетние; Белоусов – учитель одной из гимназий, холостой; Антонович – преподаватель, сколько я помню, реального училища; Антонович – профессор Университета Св. Владимира, дети его бывали у нас, так как они почти ровесники моим детям; Аршиневский – отставной полковник, родственник наш; Лопачевский – инспектор ремесленного училища, он часто бывал у меня во второй период, так как его родной брат состоял на моем заводе на службе, который с начала минувшего мая служил у меня в имении; Беренштам – преподаватель Военной гимназии, его и мои дети хорошо сошлись между собою; Кониский – помещик Полтавской губернии^а, с ним я был особенно близок,

¹ Так у текстi; йдеться про протокол обшуку в помешканні М. П. Старицького за № 23 від 2 червня 1878 р. (див. цю саму справу, арк. 189–190).

слышал я, что он был куда-то выслан, но когда это было и за что – не знаю: Левицкий – чиновник; Булах – почтенный старик, мое семейство хорошо сошлось с его дочерью Надеждой, живет она при родителях; Цветковский – учитель Военной гимназии, холостой; Косач – председатель съезда мировых посредников в Волынской губернии, виделся я с ним очень редко.

Из молодых людей укажу Винниченко – тогда был студентом, а в настоящее время, получив звание врача, уехал куда-то на службу. Кудря – тоже в настоящее время медик, в Киеве его нет. Ильницкий – содержатель общественной библиотеки в Киеве. Кобылянский – теперь тоже на службе медиком. Волькенштейн – бывший студент, в настоящее время тоже служит доктором. Я слышал, что он прошлую зиму был привлекаем к какому-то политическому делу и жил до решения суда, кажется, в Петербурге. Солуха – учитель музыки, молодой человек.

Из последнего периода, т. е. с ноября, укажу на: технолог Александров-Сотрапецкий – служит у меня на заводе техником, холостой; Цветков – служил на моем заводе, но я отказал ему за недобросовестность; Соколов – молодой человек, служит на моем заводе конторщиком; Мельниковских два брата и до настоящего времени состоят на службе при моем заводе, оба молодые люди, холостые.

В заключение добавляю к прежде данному мною показанию, что кроме девицы Ольги Липской в моей квартире жила родственница моей жены, жена доктора Андрея Лысенко – Елена, урожденная Вуич. Ее посещал часто брат ее, студент Михаил Вуич. Я не могу поручиться, что не пропустил кого-нибудь из тех, с кем был знаком, но в настоящую минуту более не помню.

По поводу отобранных у меня 2 сего июня при обыске двух писем госпожи Бабаниной (отобраны при обыске и значатся при этом дознании под № 2)¹, поясняю: письмо это жена моя получила года три назад. Оно и ее, и меня удивило, помню, своею неожиданностью и оригинальностью. Жена моя и я были очень мало знакомы с госпожой Бабаниной, что видно из самого письма, в котором госпожа Бабанина не знает даже, как позывается жена моя по отчеству.

Сколько припоминаю, я объяснял его тогда желанием сблизиться хотя с одной семьей и окружающей ее скукой. Зная нас за украинофилов, так называемых, т. е. за людей, любящих народ и народную речь, она, видимо, хотела признаться и в своем либерализме. Что разумела она под именем “кружок”, не знаю, но на вопрос господина товарища проку[ро]ра по этому поводу отвечаю, что организованного кружка никакого у меня не было, а был кружок, да существует и ныне, людей мне близких, большею частью товарищей по университету, связанных и литературными интересами, и личной дружбой. Госпожа Бабанина после этих писем у нас не бывала.

Относительно предъявленной мне рукописи, взятой при обыске у меня, под № 3-м², поясняю, что получил ее в Петербурге, куда я ездил хлопотать по сухарному делу, от моего случайного знакомого господина Кучина. Он ее

¹ Див. цю саму справу, арк. 189.

² Там само.

передал мне в заключение спора, в котором я доказывал, что великороссы нивелируют вообще все национальности и гнетут малорусскую, а Кучин утверждал, что образованные великороссы стоят за развитие национальностей и в подтверждение этого взгляда вручил мне рукопись. Стоял он тогда в какой-то гостинице недалеко от Невского проспекта в первых числах апреля настоящего года”.

Михаил Старицкий

Майор Якутович

Присутствовал товарищ прокурора *С. Нордштейн*

ЦДІАК України ф. 274, оп. 1, спр. 166, арк. 191–192. Оригінал.

№ 83

1879 р., листопад¹. Київ. –

**Із свідчення чиновника Тифліської контрольної палати
В. Г. Велєдницького, наданого начальнику Київського губернського
жандармського управління В. Д. Новицькому,
про діяльність громадівців у Києві**

Первое мое знакомство с русским социализмом

а) Украинофилы-националисты

Прежде всего считаю нужным пояснить, что в бытность мою в университете (1863–1866 гг.) я ознакомился там со всеми социалистическими системами, начиная с Платона и кончая Прудоном и Овеном, так как изложение их входило в курсы философии права (читал Ренненкампф) и политической экономии (Бунге). Научно-критическое изложение этих предметов в университете, а сверх того и ознакомление с такими книгами как: “Entwurf der Philosophie des Rechts mit besonderer Rücksicht auf die soziale Frage”^а Линца, “Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften”^б знаменитого Роберта фон Моля (о социализме, впрочем, 15–20 листов); также переведенные на русский язык “Энциклопедия права”^в – Аренса, его же на французском – “Philosophie du droit”^г; особенно проф[ессора] Щеглова “Обзор политико-экономических учений” в одном из московских журналов, – дали мне возможность отнестись вполне сознательно к социализму вообще и в частности не наброситься как на некое новое откровение – на проповедь русского пропагандиста.

Начну, держась строго хронологического порядка насколько позволит память.

В 1873 г., познакомясь на одном вечере в доме, точнее в квартире секретаря Киев[ской] военной гимназии В. Ф. Животовского с супругами Ковалевскими – Николаем Васильевичем и Марьей Павловною, я по приглашению Ковалевского в скором времени переехал к нему, наняв у него комна-

¹ Число не зазначено.

ту в большой квартире, занимаемой им по Жилинской улице в д. Судакевича. Тут я столкнулся с главами украинофильской партии. Тенденции их мне также были известны по литературным статьям, не возбуждали ни малейшего во мне даже любопытства, казались смешными, поэтому Ковалевский в своей попытке сделать меня украинофилом потерпел полнейшую неудачу. На выручку явились преферанс и штос, обыгрывая в которые он, некоторым образом, находил утешение в своей неудаче. Как собрания украинофилов бывали в соседней комнате за моими дверями, то я имел случай познакомиться с предметами собраний и организацией украинофильской партии. Драгоманов, Зибер, Волков (Федор Кондрат[ьев]), Старицкий, Чубинский (Павел), Беренштам Вильям и др., которых не упомяну, были главами, – составляли ядро партии. Целью партии было – распространение и утверждение в Малороссии понятий об особенностях, самостоятельности Украины, которая по характеру и способности ее населения стоит гораздо выше Москвы (Великороссии), которая т. е. Москва некогда путем обмана присоединила к себе Украину и до ныне держит ее в “московской неволе”. Отсюда ненависть к монархии вообще и противопоставление ей республики, свободных союзов общин, якобы в древнее время бывших в Малороссии, и распространение ненависти, в частности, к русскому правительству, к царизму, угнетающие свободную Украину. Такие понятия распространялись в молодежи, а она старалась такие понятия проводить в народе, исключительно по селам. Так шла пропаганда украинофильства. Как Москва – представительница традиций, православия, преданности царю-батюшке, уважения к семейному очагу, – поэтому издавна украинофилы симпатизировали всем противоположным учениям, как в фокусе сосредоточивавшихся в нигилизме, в том старом нигилизме 60-х годов, коего представителями в литературе были Чернышевский, Писарев, Добролюбов, нигилизме, так сказать не перешедшем еще на политическую почву. Таким образом, украинофилы проводили свои мысли явно в печати и тайно, посредством соответственных собеседований с народом, с которым являлись, надевая национальный костюм. Когда, впоследствии, я заметил Ф. К. Волкову о бессодержательности украинофильства и об отсутствии у украинофилов политических целей, то он возразил, что мое мнение несправедливое и что у них есть ясно сознанная цель – сепаратизм. Раздавая по деревням книжки популярно-научного содержания на малороссийском языке (“метелики”)¹, устраивая школы, они стремились показать, выставить пред народом, что он только от них одних и может ждать всяких благ. Они следовали в этом случае примеру своих предшественников – поляков, которые в 60-х годах научали юношество разным наукам, но только наукам политизованным. Короче сказать, целью украинофилов была та же революция, но только при посредстве слова и пера.

Сообразно таким целям партии существовала организация ее. Во главе управления делами стоял совет – Громада (Зибер, Драгоманов, Волков, Старицкий, Житецкий (учитель 2-й гимназии), Цветковский, Чубинский (Павел), Беренштам Вильям, Михалевич (доктор), Антонович (кажется), Лоначевский-Пе-

¹ “Дещо про свит Божій”, “Про хвороби” [прим. док.].

труняка, Левицкий и другие. Насколько помнится, Ф. К. Волков бывал на собраниях их по субботам секретарем-докладчиком. Он вел переписку с городами России и с границей (Галиция, Буковина) по делам партии, также отчетность по продаже и распространению изданий и проч. Молодежь – студенты, гимназисты, учителя народ[ных] училищ – примыкали к той или другой группе, образовали коши. Так, помню, были коши: Черноморский, Полтавский, Харьковский, Миргородский и др. Каждый кош по большей части поселялся в одном доме или поблизости, имел свою библиотеку и, разъезжаясь по провинции на вакации, разносил далеко проповедь отщепенства, вражды к правительству. В кошах участвовали и женщины (на собраниях). В известных случаях все коши собирались (напр., ежегодные поминки Шевченки).

Средствами партии служили деньги собираемые с молодежи, с помещиков; были даже определенные взносы (периодические). Казначей – Вильям Беренштам.

Таким образом украинофильская партия, составляя одно организованное целое, была тайным противоправительственным обществом задолго до социализма в Малороссии.

Все указанные лица, или почти все, были наставниками юношества и потому влияние их было более пагубным и тем безпрепятственнее могло распространяться, что они, как люди вполне развитые, умели кому нужно отводить глаза, маскировать свои действия. Связи у них были очень обширны. Адепты украинофильства были в Петербурге и в Одессе, в Казани и в Варшаве. В Казани пр[офессор] Щапов, сосланный впоследствии в Сибирь, проводил с кафедры тенденции тождественные с украинофильскими, тоже ратовал за расчленение России путем возбуждения в населении стремлений к особности, к партикуляризму. В литературе русской украинофилы, враждебно относясь к московской партии, стояли в лагере западников и потому, естественно, следуя развитию, ходу идей политических на западе, должны были столкнуться с социализмом и в силу одной стародавней вражды к русской монархии (Шевченко) примкнуть к его программам. Так и случилось.

В 1874 году (в эпоху переписи в Киеве) сколько помнится, однажды я зашел к Ковалевскому за оставшимися у него моими вещами на новую его квартиру (Малая Васильковская, дом Ваховского) в верхнем этаже и застал там его жену Марью Павловну и ее сестру Барышеву. Последняя – стриженная, в очках – тип нигилистки времен Чернышевского. Я застал разговор на том, что Марья Павловна в нервном возбуждении с резкостью упрекала мужа за лень, неподвижность в такое горячее время пробуждения мысли “когда почти все украинофилы примкнули к задачам социалистической партии подписав известный акт слияния”. При чем добавила в таком смысле, что вот Михалевич подписал и теперь тоже работает. Действительно, украинофилы работали [...]¹.

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 177, арк. 94–96. Оригінал.

¹ Далі пропущено текст, в якому йдеться про зв'язки українофілів з загальноросійським народницьким рухом.

№ 84

1880 р., березня 14. Київ. –

**Донесення кийвського губернатора М. П. Гессе кийвському,
подільському і волинському генерал-губернаторові М. І. Черткову
про результати таємного нагляду сквирського повітового справника
за просвітницькою діяльністю Т. Р. Рильського**

Секретно

За бывшим студентом Киевского университета Св. Владимира Фаддеем Рильским учрежден в 1861 г., по высочайшему повелению, строгий секретный надзор по подозрению его в числе других лиц в распространении в народе вредных понятий и мыслей и, кроме того, в сближении его с местными крестьянами. Так как затем сказанный Рильский в числе других лиц подписался под статьею “Отзыв из Киева”, помещенною в 46 номере “Русского Вестника” за 1862 г., то за образом жизни его, действиями и сношениями учреждено, по распоряжению бывшего генерал-губернатора генерал-адъютанта Анненкова 2-го, изложенному в предложении от 23 февраля 1863 г. за № 630, особое негласное наблюдение.

Ныне сквирский уездный исправник донес мне, что Фаддей Рильский, поселившись с 28 мая 1870 г. в имении отца своего, помещика м. Романовки Сквирского уезда, старается всеми мерами сблизиться с местными крестьянами, почему говорит с ними не иначе как только по-малороссийски, бывал у них на крестинах и свадьбах, поет с ними малороссийские песни не только в домах, но и на улицах; при встречах снимает шапку и целуется, а при желании кого-либо из крестьян оказать ему уважение высказывает свое неудовольствие и требует, чтобы его звали по имени.

Наконец 8 минувшего февраля женился на дочери крестьянина Мелании Чернухе и весь свадебный обряд, бывающий у крестьян, выполнил в точности.

Кроме того в своем доме отвел помещение для церковно-приходского училища, где обучением детей занимается священнический сын Федор Бутовский, а все необходимые учебные пособия и книги Рильский покупает на свои средства и можно предполагать, что он внушает детям дурные идеи.

При чем сквирский исправник, признавая Рильского как рьяного хлопомана крайне неблагонадежным в политическом отношении, в особенности в настоящее время, ходатайствует вместе с тем о производстве у Рильского строгого обыска.

Сообщив об этом начальнику Киевского губернского жандармского управления на распоряжение, я поставляю долгом об изложенном довести до сведения Вашего высокопревосходительства.

Губернатор *Гессе*

И[справляющий] д[олжность] правителя канцелярии *Лаврентьев*

**Записка вчителя Колегії Павла Галагана П. Г. Житецького
начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії
О. Р. Дрентельну з викладом сутності його переконань
у зв'язку з примушенням до відставки через
обвинувачення в українофільстві**

Оканчивается учебный год – шестнадцатый год моей службы, и я должен по распоряжению высшего начальства подавать в отставку.

Чем вызвано это распоряжение? В чем меня обвиняют?

На эти вопросы я до сих пор не получил ясного и определенного ответа. Я должен был искать ответа в самом себе, в собственной моей совести. Я должен был сопоставить и сблизить свое прошедшее с настоящим, чтобы спокойно встретить будущее.

Считаю нужным прежде всего заявить, что давно уже вышел я из тех лет, когда под влиянием увлечений молодости часто делаются неверные шаги в жизни, вызываемые теоретическими заблуждениями. Мне теперь 42 года. У меня есть полувзрослые дети. Я сам нахожусь в том положении, которое обязывает меня предостерегать от ошибок собственных детей моих. Я должен говорить с ними, как человек с установившимися понятиями и убеждениями.

Что же? Неужели во мне самом они не установились, если пред судом высшей власти я оказываюсь человеком, негодным для полезной общественной деятельности? Или, может быть, в течение шестнадцатилетней моей службы они постепенно изменялись к худшему? Или же, наконец, в самом начале ее я уже не соответствовал благонамеренным задачам школы и был терпим в ней только лишь по недосмотру разных лиц, которых я постоянно обманывал?

Нет, по совести говорю, что, сколько помню себя, я всегда был один и тот же. В основных чертах мировоззрение мое не изменилось с самого того времени, как я начал жить сознательною жизнью. В Киеве я давний человек: живу в нем почти безвыездно 23 года, и могу сослаться на всех, кто сколько-нибудь меня знает, что никогда не скрывал я своих убеждений, что всегда старался я быть последовательным и верным себе среди разнообразных течений общественной жизни.

Вопрос таким образом сводится к самой сущности моих убеждений.

Я принадлежу к поколению людей шестидесятых годов. Как раз в эти годы учился я в Киевском университете. Пробуждение умственных сил во мне и в товарищах моих совпадало с оживленным движением в самом обществе. Мы сложились умственно и нравственно под впечатлением крестьянской реформы, которая служила для нас точкой опоры во всех помышлениях наших о благе народа. Мы понимали это благо точно так же, как понимало его само правительство, и с своей стороны желали помочь ему в таком деле, которое нужда-

¹ Датується за поміткою на документі.

лось в частных усилиях и в непосредственном знакомстве с народной жизнью. Это было дело просвещения народных масс, тем более необходимое в Юго-Западном крае, что, рядом с освобождением крестьян, шло движение с польской стороны, которое выразилось в известном восстании 1862 г.¹ Народное самосознание нам казалось наиболее прочною силою для борьбы с польской пропагандой, но понятно, что в этом направлении мы могли идти только лишь с помощью народного языка, как ближайшего и вполне понятного народу выразителя его потребностей не только практических, но и поэтических. Народная речь стала для нас предметом изучения, и не только она одна, но и вся народная жизнь во всех ее проявлениях. Этнография была воспитательной стихией нашей и вместе почвой, на которой мы надеялись принести пользу своей Родине. Все мы были убеждены, что эта удельная польза не стоит в противоречии с общими интересами Отечества. От времени до времени появлялись попытки предлагать на народном языке элементарные сведения, и в этом мы не видели ничего преступного, ничего враждебного общерусским интересам. Еще в 1862 г. я высказался об этом в одной статье следующим образом: “Если мы желаем развития всех сил, вложенных природою в одно великое русское племя, желаем, чтобы ни одна из них не была запугана и сломана, чтобы задачи, указанные этому племени историей, разрешались свободно, естественно и целостно, не противореча себе, мы не можем насиловать действительность, не можем брать на себя ответственность пред целой русской землей, кипящей разнообразными и богатыми силами, – ответственность за общие цели ее, которые до тех пор будут мечтательным идеалом, пока мы будем упорно отрицать своеобразное стремление к их достижению” (“Основа”, 1862 г., март).

Таков в общих чертах тот мирный круг идей, в котором остаются мои сверстники и до настоящего времени. Он определяется в общежитии и в литературе словом “украинофильство”.

Много нужно было бы писать о том, каким образом украинофилы – люди мирного прогресса, согретого чувством родинюлюбия, – зачислены в один разряд с нарушителями общественного спокойствия, с которыми они ничего общего не имеют, но это значило бы писать историю украинофильства – труд, который отвлек бы меня очень далеко. Поневоле я должен ограничиться немногими фактами и соображениями.

Известно, что до самого польского восстания правительство относилось к украинофильству с полным доверием. Украинофилы имели свой печатный орган, издавали этнографические материалы, писали книги для народного чтения. В первый раз брошена была на украинофильство тень политической неблагонадежности поляками. В просветительном украинофильском движении они справедливо видели враждебную им силу, подрывавшую в самом корне их притязания на Юго-Западный край. После неудачного восстания поляки заняли положение, которое располагало их сваливать беду, как говорится, с больной головы на здоровую, чтобы таким образом сколько-нибудь облегчить тяжесть собственного падения. Путем печати и общественных связей они раздували

¹ Так у тексті.

идею украинофильства, приписывая ему сепаративные тенденции, которые будто бы тем опаснее для правительства, что находятся в состоянии брожения, не раскрывшейся вполне язвы, тогда как язва польского сепаратизма, говорили они, вполне созрела; она очевидна для всякого невооруженного глаза, и потому легко может быть излечима...

К сожалению, внушения эти оказали свое действие, и при генерал-губернаторе Анненкове украинофилы подвергнулись гонению... Я живо помню это время. Собственно говоря, тяжело было не самое гонение, а те особенные условия, которые ставили украинофилов в невозможность рассеять подозрения, выдвинутые с верным расчетом на время, лица и события – как обыкновенно бывает в подобных случаях, вслед за официальными мерами выступили толки обывателей, руководимые местной прессой. Я не хочу делать упреков местным публицистам, которых убеждения часто укладывались в тесную рамку личного расчета, руководимого уменьем во всяком данном случае уловить требования минуты... Я готов согласиться даже, что в нареканиях на украинофильство, которые с того злополучного времени часто раздавались в местных газетах, была известная доля искренности, источником которой были простые недоразумения, но при этом справедливость требует сказать, что не всегда дело стояло на почве спокойного обсуждения, что вследствие особенных условий провинциальной жизни оно часто становилось вопросом личного самолюбия и мелких страстей. То, что в прежнее время было предметом теоретических споров, переведено было на языке местной политики, а провинциальное самолюбие старалось дать ей значение государственного вопроса. Явилась легкая возможность от лица науки возвещать в газетах истины, подсказанные суетностью или же практической дальновидностью. Сила же дела заключалась в том, что после подавления польского восстания просветительная программа украинофильства оказалась нецелесообразной... Еще раз при генерал-губернаторе Безаке люди украинофильского настроения сослужили службу правительству в качестве деятелей по крестьянскому делу, и затем украинофильство осталось, так сказать, за штатом. В нем больше не было настоящей нужды и оно не должно было издавать никаких признаков жизни.

А между тем оно жило, вопреки приговору местной газеты “Киевлянин” и многих влиятельных ее сотрудников, – жило оно не в форме сепаративных утопий, которые не могли интересовать даже недорослей украинофильства, а в форме мирного труда на почве науки и искусства. Не чуждалось оно также распространения в народе путем цензурной печати полезных сведений. Идея, раз вызванная к жизни правительством, могла быть выставлена пред ним в дурном свете, но далеко было еще до серьезных основательных опасений за ее дальнейшую судьбу. Казалось, что время рассеет недоразумения, и честный труд, одушевленный любовью к родине, рано или поздно будет оценен по достоинству. Я сам имел случай убедиться в этом на опыте: один из моих трудов о малорусском наречии удостоен был от Академии наук Уваровской премии. В этом труде я старался поставить на научную почву вопрос о малорусском наречии – тот интимный вопрос, который всегда служил яблоком раздора в спорах о малорусском сепаратизме. Может быть, я разрешил свою задачу не совсем

удачно в научном смысле, но могу подтвердить ссылками на многие страницы своего труда, что в методе исследования я был чужд всяких увлечений, особенно сепаративных, что руководствовался я только лишь неизбежностью логических выводов – тою научною совестью, за потерю которой без церемонии выводят из храма наук, и уж ни в каком случае не награждают и не поощряют. Да и можно ли в самом деле серьезно говорить об этом фантоме сепаратизма, когда самая идея украинофильская находится в органической связи с общим ходом русского просвещения, с успехами русской литературы, которая есть плод совместной деятельности великороссиян и малороссиян, и потому дорога для последних так же, как и для первых? Я всегда был убежден в том, что, отрываясь от общерусской почвы, малороссияне теряют под собою собственную, и это убеждение по мере сил и возможности заявлял печатным образом.

Но заявления такого рода оказались неубедительны для людей, которые в обвинениях украинофильства зашли слишком далеко и не находили в себе мужества пожертвовать своим самолюбием для истины. В условиях времени они находили очень много благоприятных случаев без особенных усилий держаться на высоте благонамеренного негодования, а в провинциальном типе украинофильства, которое никогда не имело столичного штемпеля, они видели признаки партикуляризма и с торжеством на них указывали, как на зловещие черты государственного раскола... Так-то, благодаря силе и влиянию некоторых киевских публицистов в последние годы украинофильская теория окончательно дискредитирована была в глазах правительства. Справедливость требует сказать, что печальная развязка ускорена была отчасти самими украинофилами, неумеренностью тона в газетной полемике, которая доходила на столбцах двух местных газет до ожесточенного боя между двумя поколениями отцов и детей.

Между тем события шли своим чередом. Под шум военных действий за свободу славян забыты были местные счеты. Окончилась война, и мы увидели небывалое на Руси движение социальной агитации, которая привела к потрясающим событиям. С немым ужасом встречали мы известия об этих событиях. Несколько лет тому назад никто бы из нас не поверил тому, в чем пришлось убедиться с горькою очевидностью. Мне лично эти годы представляются сказочной эпохой, которая застигла нас совершенно врасплох. С культурными средствами прогресса люди шестидесятых годов очутились между двух огней. Я не буду развивать установившегося в нашей прессе мнения о безвыходном положении людей, которые не успели создать себе прочного положения ближайших органов власти, с другой стороны органически не могли вступить в какие бы то ни было соглашения с социально-революционными деятелями, последние разочаровались в своих надеждах на старшее поколение, и потому не церемонятся в обращении с добрым именем его. Положение поистине трагическое.

Что же случилось с украинофилами?

Они явились и в данном случае козлом отпущения. Мне приходилось не раз слышать мнение, по-видимому, вышедшее из влиятельной среды, что

украинофилы – *horribile dictu!*¹ – породили социализм. Но кому же не ясно, что социально-революционное движение есть явление более общее, чем украинофильство, что социально-революционная струя нашла себе известное течение не только в малорусском, но и в великорусском, и в польском обществе и всюду произвела известные отложения.

Нет, в преданиях украинофильства ничего нет похожего на социально-революционные стремления, которые не могут примириться с украинофильством так же, как и с другими культурными явлениями русской жизни, находящимися в связи с либеральными реформами нынешнего царствования. Можно ли найти что-нибудь общее между наукой и отрицанием ее, между просвещением народа и обманом его (Чигиринское дело)^a. Между воспитательными задачами школы и вербовкой детей в социально-революционные деятели? Неужели украинофильство дошло до забвения собственной своей природы? Я знаю, что на этот вопрос есть возможность отвечать ссылкой на книги, написанные за границей и судя по выдержкам из этих книг в судебных процессах по политическим преступлениям, можно думать, что они представляют развитие социально-революционных теорий, которые пользуются сочувствием в среде людей известного рода. Если так, то для меня очевидно, что в книгах этих ничего нет украинофильского. Что они порождены не украинофильским вдохновением и потому никогда не будут иметь кредита в среде людей украинофильского настроения. Справедливо ли в таком случае взваливать на украинофилов вину за те мнения, которые принадлежат людям, давно стоящим вне всяких впечатлений русской действительности и утратившим живое понимание ее истинных интересов. Всякому свое, – нам же, людям труда, право, не до того, чтобы гоняться за призраками фантазии, отказываясь от нормальных потребностей жизни. Как ни тяжело раскрывать подробности своей личной жизни, но я должен сделать это, чтобы указать объективные данные в защиту себя. Я имею около 40 уроков в неделю. Немало времени требуют от меня и филологические работы мои, из коих некоторые напечатаны, другие приготавливаются к печати. Наконец, я должен уделить сколько-нибудь времени и для семьи, для детей моих, из которых три мальчика учатся уже в гимназии.

Пусть же люди, склонные к подозрению, скажут мне, есть ли какая-нибудь возможность в моей трудовой обстановке предаваться увлечениям острого свойства? Пусть они разъяснят мне психологические условия раздвоения между наукою, требующей мирного течения дел, и азартною игрой в революцию. Я уже не говорю о семье, которая имеет во мне единственную рабочую силу. Неужели в самом деле, я – уродливое исключение из рода отцов? Неужели я способен толкать собственных детей моих в пропасть? Ведь я знаю, что на скамье подсудимых в политических процессах сидели шестнадцатилетние мальчики, а старшему сыну моему уже пятнадцать лет...

Я сказал почти все, что хотел сказать. Может быть, в моих словах есть та доля смелости, от которой я воздержался бы среди обычного течения дел. Но теперь – нет у меня ни времени, ни нравственной возможности взвешивать

¹ *страшно сказать!* (лат.).

каждое слово. Пусть будет так, как есть. Лучше я сойду с служебного поприща с излишним, но искренним словом, чем без всякого слова или с недосказанным словом. Если же слово мое неубедительно, то пусть скажет обо мне вся моя прошлая жизнь, пусть скажут непосредственные свидетели моей общественной деятельности и вообще люди, пользующиеся известным положением в обществе. Я разумею ближайшее свое начальство, учредителя коллегии тайного советника Г. П. Галагана, бывшего киевского генерал-губернатора князя А. М. Дундукова-Корсакова, детей которого я учил. Пусть скажут, наконец, родители тех детей, которые учились у меня, приносил ли я им вред своим влиянием. Я готов без ропота подчиниться самому суровому приговору высшего начальства, лишь бы он был составлен не на основании односторонних и темных слухов, а на основании показаний и свидетельств более спокойных и разнообразных.

Помітка: Записка эта подана была в 1880 г. Житецким А. Р. Дрентельну, занимавшему тогда пост главного начальника 3-го отделения.

ЦДАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 207, арк. 391–399. Копія.

№ 86

1881 р., не раніше січня 12¹. Київ. –

Відношення кийівського, подільського і волинського генерал-губернатора М. І. Черткова 2-го міністрові внутрішніх справ М. Т. Лорис-Мелікову щодо доцільності скасування встановлених Емським указом обмежень української мови

12 января 1881 г. канд[идат] Унив[верситета] Св. Влад[имира], артист Лейпц[игской] консерватории Николай Лысенко в поданном мне прошении объяснил, что будучи по профессии музыкантом, он в видах музыкально-научной обработки народной музыки, посвятил себя преимущественно собранию и изучению малор[оссийских] народных песен, употребив на это занятие много времени, труда и издержек. Приготовив к изданию три выпуска сборника песен с мотивами и фортепианным к ним аккомпаниментом, Лысенко напечатал их в Лейпциге, и первые два выпуска были допущены к свободному обращению в России, но когда в 1878 г. был доставлен из-за границы 4-й выпуск, то киев[ский] цензор не признал возможным допустить его в продажу вследствие содержания помещенных в нем песен, а в силу остававшегося до того неизвестным просителю распоряжения, воспреещающего печатать ноты с малороссийским текстом, при том сборник напечатан хотя и обыкновенным русским алфавитом, но с некоторыми отступлениями от общепринятого правописания. Не придавая этой стороне своего издания какого-либо особенного значения и утверждая, что недопущение изданного им сборника в продажу повлекло значительные для него материальные потери, Лысенко просит снять с его труда незаслуженный запрет.

¹ Датується за змістом документу, відправленого Чертковим 2-м до міністра внутрішніх справ, а також записки О. М. Дондукова-Корсакова.

Рассмотрев представленный при означенном прошении Лысенко сборник малорос[сийских] песен, я не нашел в нем ничего предосудительного, но выпуск этого издания в свет не мог быть разрешен за силою выс[очайшего] повеления, объявленного бывшим министром вн[утренних] дел в конфиденциальном отзыве от 23 июня 1876 г. за № 3570¹, которым установлены общие ограничения относительно малор[оссийских] литерат[урных] произведений, в том числе воспрещение печатать на малор[оссийском] нар[ечии] тексты к музык[альным] нотам.

Не встречая со своей стороны препятствий к разрешению выпуска в продажу сборника песен Лысенко, я, пользуясь настоящим случаем, признаю уместным войти вообще в оценку целесообразности распор[яжения] 1876 г., положившего запрет на все роды произведений на малор[оссийском] нар[ечии], кроме произведений изящной словесности.

К сожалению, мне неизвестны те мотивы, которые послужили поводом к принятию такой строгой меры, установленной без ведома и заключения местной администрации края; поэтому я лишен возможности всесторонне высказаться по затронутому вопросу с точки зрения тех доводов, какие послужили основанием для приведенного распоряжения; но вникая в смысл выс[очайшего] повеления, последовавшего в августе 1875 г. об учреждении в Петербурге особого совещания по малорос[сийскому] вопросу, озабочивавшему в то время правительство, можно с вероятностью предположить, что, при установлении ограничений на малорос[ские] литературные произведения, преследовалась главная, если не единственная цель – пресечь украинофильскую деятельность в смысле политического сепаратизма. Не отвергая проявившихся в Киеве признаков подобной деятельности со стороны некоторых лиц местной интеллигенции, группировавшихся в отдельном кружке, получившем название украинофильского, я должен сказать, что эта ничтожная сама по себе по числу своих сторонников и умственным силам фракция национальных патриотов не имела и не могла иметь никакого существенного значения в смысле заражения идеями сепаратизма массы малор[оссийского] населения в Ю[го]-З[ападном] крае, по отсутствию здесь почвы, на которой могли бы прививаться подобные тенденции. Ссылаясь на трехлетний опыт управления Ю[го]-З[ападным] краем, я с уверенностью могу утверждать, что в среде здешнего малор. населения, чуждого каких би то ни было политических идей и беззаветно преданного своему государю, проповедники сепаратизма, если бы таковые нашлись, встретили бы то же самое, что и проповедники полонизма, пытавшиеся привлечь народ на свою сторону во время последнего польского движения.

В виду этого установленные по отношению к малор[оссийскому] наречию и музыке ограничения, имеющие вид недоверия к народу, который ни своим прошлым, ни настоящим не подал к тому никакого повода, не оправдываются, по мнению моему, действительною необходимостью и служат только к нежелательному раздражению в среде не только уроженцев и поклонников местной

¹ Див. док. № 70.

народности, но и вообще людей, несочувствующих принципу бесосновательных стеснений, особенно при запрещении исполнения на малор[оссийском] наречии сценических представлений и музыки. Усилению неудовольств и нареканий по этому поводу способствует и то еще обстоятельство, что закон 1876 г. обнародован не был, почему применение его признается произволом местных властей.

На основании предложенных соображений, признавая с своей стороны отмену установленных законом 1876 г. ограничений по отношению к малор[оссийскому] наречию и музыке не только возможным, но даже желательным в интересах утверждения в обществе доверия к правительству, я имею честь представить об этом на усмотрение вашего сиятельства, присовокупляя, что по моему мнению литературные и музыкальные произведения на малор[оссийском] наречии следовало бы поставить в одинаковые цензурные условия с произведениями на обще-русском языке.

У сего прилагается представленный мне сборник песен Лысенко.

Ген[ерал]-адъют[ант] *Чертков 2-й*

Резолюція: Заслуживает особого внимания и подлежит безотлагательному докладу по соображению с мерою 1876 г. и порядками, в кот[орых] она б[ыла] принята.

[*Науменко В.*] Найближчі відгуки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – Т. 2: червень. – К., 1907. – С. 250–253; *Савченко Ф.* Заборона українства 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 173–174; *Миллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 206–207.

№ 87

1881 р., січня 31. Харків. –

“Записка о малорусском языке”, подана тимчасовим харківським генерал-губернатором О. М. Дондуковим-Корсаковым до Міністерства внутрішніх справ, про необхідність послабити чинність Емського указу

В числе вопросов, обсуждаемых ныне печатью и частью естественно возникших из требований жизни, частью искусственно возбужденных прессою с различными целями, обращает на себя особенное внимание вопрос о признании прав малорусского наречия в губерниях, населенных малорусскою народностью.

Почти десятилетнее управление мое Юго-Западным краем, пребывание в Киеве, составлявшем в то время центр развивавшегося с начала 60-х годов малорусского литературно-национального движения, наконец возникновение того же вопроса, совпавшее со временем служения моего в Харькове и при подчинении мне Полтавской и Черниговской губерний, чутко прислушивающихся к нему в лице части своей интеллигенции (особенно Черниговской губ.), все это дает мне право и даже налагает на меня, как на каждого русско-

го, обязанность высказать свое мнение о деле высочайшей государственной важности, неправильная постановка которого способна вызвать неисчислимые осложнения в будущем, в отношении как внутренней, так и внешней политики.

Следя за мнениями, высказанными по этому предмету, нельзя не заметить как различие целей и побуждений, лежащих в основе выражаемых желаний и требований, так и неполного тождества стремлений, в той разумеется, неокончательной форме, в которой они до сих пор успели выразиться.

Если авторы одних статей, предыдущая деятельность которых заставляет предполагать в них полную сознательность и знакомство с предметом, очевидно, не решаются досказывать многого, что ясно обнаружилось бы при откровенном изложении и изобличило бы их в стремлениях, несимпатичных даже для большинства их единоплеменников, то другие, бессознательно вторящие первым, являются отголоском того особого сантиментально-доктринерского либерализма, который составляет характеристическую черту русской столичной прессы, так отличающую ее даже от самой либеральной печати других стран.

Если первые из этих авторов несомненно знают, чего хотят и куда идут, то вторые, боясь обвинений в измене отвлеченной доктрине равноправности, готовы требовать применения ее безотносительно к условиям времени и места и нередко вопреки традиционной, исторической идее своего государства. Они готовы далее навязать ее там, где течение жизни предъявляет требование это в ином, высшем значении, а не в смысле возвращения к прошедшему, низшему и не вызываемому ни живостью, ни силою завещанных историей идей, ни нуждами прогрессирующей культуры.

Люди, сознательно стремящиеся к созданию равноправности для малорусского языка, принадлежат к числу тех деятелей начала 60-х годов и их последователей и преемников, которые под именем “украинофилов” сделались известны всем, следившим за возникшим тогда национальным малорусским движением, нашедшим свое выражение в журнале “Основа”. Некоторые из них, как Белозерский и Кулиш, почти сошли со сцены; другие, как Костомаров, отвлечены были своим призванием в иную сторону. Но деятельность их, как в прекратившейся “Основе”, так и в разработке исторического, лингвистического и грамматического материала, не прошла бесследно и дала начало новому движению, избравшему своим центром Киев и нашедшему, в силу особых политических условий, сильный отголосок в Галиции и Буковине, особенно с тех пор, как высочайшее повеление 18 мая 1876 г.¹ крайне ограничило употребление малорусского языка в литературе, и отчасти и вне ее, в самой России.

Предложенное Кулишом звуковое (фонетическое) правописание, введившее совершенный переворот в дотоле употреблявшемся малорусскими писателями грамматическом правописании, увеличило отличие малорусского языка от русского, хотя было холодно принято грамотной массой. Но это не остановило последователей Кулиша, введивших постепенно еще большие изменения и трудившихся над созданием новых слов для выработки особого, самостоятельного, по их мнению, литературного языка. Происшедшая при этом борьба мнений и взглядов крайне невыгодно отразилась на письменном языке, произ-

¹ Див. док. № 68.

вела хаос правил, положений, неудобопонимаемых слов и, затруднив чтение книг для массы, безучастной к грамматическим спорам и на практике, может быть, лишь мешала той цели, которой, по-видимому, должна была служить реформа Кулиша.

Господа Антонович, Драгоманов, Чубинский, Старицкий, Лисенко и Ильяшенко¹, первые трое в сфере исторических, археологических и статистических исследований, Лисенко в области народной музыки, а последний, как издатель и книгопродавец в Киеве, являются главными теоретическими и практическими деятелями в этом направлении. К числу последних следует отнести высланного из Черниговской губернии Петрункевича, Карпинского, Савича, Линдфорса, Русова и других.

Направление деятельности этих лиц нашло себе полное выражение в открытом в 1872 г. в Киеве отделе императорского Русского географического общества. Быстро наполнив свои ряды людьми яркого украинофильского оттенка, оно как в трудах своих, так и в практической деятельности своих членов, столь явно обнаружило свои цели, что вынудило правительство закрыть его, после всего лишь 4-летнего существования.

Из предыдущего можно уже отчасти заключить о цели вызванного движения, как она понимается его главными деятелями: усиление в народе сглаживающееся уже, под влиянием совместной исторической жизни, обучения массы и чисто русского образования высших слоев, сознание своей племенной и исторической обособленности, со всеми дальнейшими, как культурными, так и политическими последствиями.

Конечная цель эта едва ли может подлежать сомнению: из нее не делают тайны перед людьми даже и не сочувственного образа мыслей, если только они принадлежат по происхождению к малорусской народности; цель эта нашла себе выражение в стремлении искусственно создать пропасть между литературными языками и в тенденциозном характере трудов Киевского географического общества; она проявлялась даже в таких фактах, как прямой подкуп во время переписи населения в Киеве, с целью увеличения числа лиц, заявлявших о своем малорусском происхождении и незнакомстве с русским языком; наконец, она наложила особый отпечаток даже на характер социалистической пропаганды в крестьянской массе, которой напоминали, что когда-то вся земля принадлежала казакам, и паны лишили их земли со времени подчинения русским царям и слияния с Россией.

По связи с рассматриваемыми событиями я считаю нужным обратить здесь внимание на то национальное движение, которое лет около 20 тому назад с большою силою проявилось среди малорусского племени в Галиции, Буковине и Угорской Руси.

В начале, под влиянием притеснений поляков и мадьяр, движение это было дружественно России, в литературном и даже политическом единении, с которой лучшие патриоты видели спасение своего племени. Такие люди, как Добрянский в Угорской Руси, Головацкий, Дзедицкий и Площанский в

¹ *Идетсья про Л. Ільницького.*

Восточной Галиции (последние двое – редакторы издающейся во Львове сочувственной России газеты “Слово”), пользовались полным авторитетом и самая газета их представляла попытку литературного сближения малорусского и великорусского языков.

Но вскоре, частью под влиянием лиц, предпринявших агитацию в Киеве, и особенно Драгоманова и Антоновича, посещавших Львов, частью при заведомом тайном поощрении со стороны австрийского правительства, приобрела перевес партия, сходная по своим национально-автономическим стремлениям с киевскими украинофилами.

Усиление этой партии в Галиции стало особенно чувствительно в последние годы, под влиянием положения, созданного для малорусского языка в России высочайшим повелением 18 мая 1876 г. С того времени Львов, Черновице и даже Вена стали местом издания и складами малорус[ских] книг для России. Австрийское правительство, всегда предусмотрительное в вопросах о соперничестве национальностей у себя дома и у соседей, начало выдавать субсидии издателям, что оно делало еще и ранее, переводя для той же цели значительные суммы в Киев. Почти во всех новейших изданиях, как киевских, так и галицийских стало употребляться усовершенствованное правописание Кулиша, которое, впрочем, как уже сказано выше, не вылилось еще в окончательную общепринятую форму.

При всем том нельзя сказать, чтобы действительность украинофильской партии в России увенчалась до сих пор значительным успехом. Масса грамотного и тем более неграмотного населения не успела еще воспринять новые стремления этой партии. Круг прозелитов ее ограничивается средним и мелким дворянством, людьми так называемых свободных профессий, и из лиц, стоящих ближе к крестьянству, захватывает частью поповичей и волостных писарей. Агитация, имея своим центром Киев, распространилась на левом берегу Днепра в Черниговской губернии. И главным образом на уезды Черниговский, Борзенский, Нежинский, Сосницкий и Городнянский; уезды Остерский и Козелецкий, первый как почти не имеющий дворянства, а второй по причине преобладания крупной собственности, а также и вся Полтавская губерния, менее затронуты движением.

Незначительный доньше успех агитации объясняется как ее искусственностью, не находящую себе оправдания в действительных требованиях и запросах массы, все интересы которой побуждают ее к изучению языка государственного, дающего понимание писанного закона, так и тем коротким промежутком времени, в течении которого агитация действует. С другой стороны, самое орудие агитации, новый придуманный язык и его новые незнакомые слова и правописание, пока еще не встретили надлежащего понимания в массе.

Желания партии, выражаемые открыто в печати, петициях и заявлениях земств, восходят пока лишь до требования ввести преподавание на малорусском языке в начальной школе. Другие пожелания, касающиеся дозволения

издавать в России труды и сочинения всякого рода на малорусском языке¹, допущения местного наречия в церковном поучении, а также снятие запрета с сценических представлений и исполнения музыкальных пьес, являются второстепенными в глазах самих авторов заявлений.

Приступая к рассмотрению этих требований с точки зрения интересов объединенной России, нельзя, однако, не отдать справедливости той предусмотрительности и осторожности, с которой выставляются эти требования враждебной единству России партией.

Действительно, под безобидными, по-видимому, предложениями, прикрываясь чисто педагогическими и дидактическими требованиями, выдвигается важный вопрос о полной замене государственного языка местным наречием, пока лишь в начальной школе. Нет никакого сомнения, что логика вещей, как и педагогическая логика, потребует с временем такой же замены и в высших учебных заведениях, причем, с одной стороны, нет никакой основательной причины, которая могла бы заставить партию остановиться на каком-либо пределе, а с другой, было бы трудно противопоставить ей веские доводы, если раз сделан будет шаг к уступкам в этом отношении. Несовершенство языка, недостаток слов для выражения отвлеченных понятий или научных терминов, уже и ныне не составляют, в глазах партии, препятствий к изданию ученых и историко-философских трудов. Горячее стремление к созданию новых слов для восполнения литературного языка особенно охватило писателей Галиции и хотя слова эти еще чужды грамотной массе, но со введением преподавания на малороссийском языке и по малорусским учебникам в начальной школе, они мало-помалу войдут в обиход читающего люда, который постепенно привыкнет и к новому правописанию. Таким образом, со временем, полное обособление литературное, и тогда будет предъявлено поддержанное уже всем грамотным людом требование о введении и малорусского наречия – языком преподавания в гимназиях и выше.

Едва ли можно возражать против того, выраженного в общем виде положения, что успехи первоначального обучения затруднятся преподаванием на совершенно непонятном для учащихся языке. Но в данном случае положение это далеко не является в своей безусловной форме. Не говоря о том, что знакомство с русским языком сделало в Малороссии большие успехи среди взрослого крестьянского населения, особенно с оживлением сношений и улучшением сообщений с Великороссией, проведением железных дорог и главное – с введением сокращенных сроков военной службы, некоторое понимание русского языка даже детьми, за исключением самых глухих местностей, есть факт, который едва ли решится отрицать кто-либо из малороссов. Несомненно, что при начале обучения может встретиться необходимость в объяснении учителем того или другого слова, употребляя для этих объяснений малорусский язык, но также несомненен и тот, подтверждаемый множеством беспристрастных свиде-

¹ Высочайшее повеление 18 мая 1876 г. допускает лишь издание исторических памятников с соблюдением правописания подлинников и сочинений изящной словесности с русским правописанием [*прим. док.*].

телей факт, что при начале уже второго года обучения в таких объяснениях не представляется вовсе надобности.

Таким образом, повод, выставляемый поборниками введения малороссийского языка в преподавание и замены им русского, является далеко не имеющим того значения и той уважительности, какая могла бы принадлежать ему при более резком различии между языками, различии, которого они стремятся достигнуть и которое, при осуществлении этого стремления, в свою очередь может сделаться уже основанием к рассматриваемому требованию. Педагогические неудобства были бы вполне устранены одним лишь разрешением учителям давать в течении первого года обучения необходимые объяснения непонятных слов на местном языке; такое разрешение способно вполне удовлетворить людей, не руководимых предвзятою мыслью и при выполнении этого условия не существовало бы уже никаких заслуживающих внимания оснований для предъявления дальнейших требований.

Обращаясь к прочим пожеланиям, выражаемым партией украинофилов, приходится рассмотреть те ограничения в употреблении местного наречия, которые заключаются в упомянутом высочайшем повелении 18 мая 1876 г., так как снятием и отменой их удовлетворяются эти желания.

Нельзя не сказать, что заключающееся в этом акте запрещение сценических представлений и исполнений национальных пьес, не только не достигло какой бы то ни было цели, но и вызвало решительное неодобрение и неудовольствие даже всех искренних приверженцев единения с Россией. Оно прямо способствовало усилению авторитета украинофильской партии, дав ей возможность указывать на стеснения даже таких невинных проявлений народного духа и творчества.

Такое же действие произвело и запрещение издавать в России сочинения по всем отраслям знаний, кроме памятников истории и произведений изящной словесности. Как уже объяснено выше, оно повело лишь к тому, что центрами издательской деятельности, при поддержке австрийского правительства, сделались Львов, Черновице и Вена, и так как издаваемые там книги допускаются к обращению в России, то самое запрещение явилось лишь бесцельным стеснением. Вместе с тем оно также вызвало вредное для правительства раздражение, хотя и в значительно меньшем круге лиц, интересующихся научными исследованиями. С другой стороны, обе эти меры значительно повлияли на ослабление дружественной России партии среди русинов Австрии, что, несомненно, может быть выгодно для австрийского правительства, в случае каких-либо политических осложнений, и столь же неблагоприятно для общего традиционного направления внешней политики России.

Предшествующие соображения приводят к установлению надлежащей точки зрения на настоящий вопрос, отвечающей как существующему в данное время положению дел, так и политическим видам России. Соображения эти дают также руководную нить к определению относительной важности или опасности заявляемых ныне в печати требований.

Ограничение и стеснения, не вызываемые и не предписываемые заботами о сохранении культурного и политического единства России и способные внести

лишь неудовольствие и раздражение даже в умы людей, искренно преданных идее полного слияния, должны быть или вовсе и формально отменены, или же применяемы с значительными, постоянно усиливающимися послаблениями. Сюда относятся запрещение сценических представлений, исполнения музыкальных пьес, печатание текстов пьес, печатание текстов песен к нотам и проч.

Следующим шагом должна быть отмена ограничения в издании книг и сочинений, независимо от их содержания, в пределах России, ибо запрещение это, как объяснено выше, оказалось недостающим цели, и по своим последствиям вредным как для внутренних, так сказать, домашних отношений, так и в интересах нынешней политики. Здесь могла бы быть сделана оговорка в пользу сохранения правила о недопущении издания книг, написанных по правилам нового правописания, особенно, если эти книги предназначаются для детского возраста; но в этом случае нужно быть уже строго последовательным и не допускать привоза в Россию всех таких книг, изданных за границую.

Сохранение такого ограничения имеет в виду воспрепятствовать усвоению массой новых, произвольно придуманных, отличных от русских, форм языка, и тем осудить на долгое бесплодие, начавшееся в этом направлении вредное для сближения языков движение.

Остается рассмотреть требование о допущении малорусского языка в церковном поучении и проповеди, и связываемом с ним вопросе об успехах в религиозном развитии масс. Не подлежит сомнению, что самый стиль и схоластическое чуждое жизни содержание проповедей составляют главное препятствие к их пониманию и усвоению преподаваемых наставлений, и что условия эти почти одинаковы для великоросса и малоросса, независимо от языка проповеди. Изменение этих условий, к сожалению, вероятно долго еще заставить себя ждать. До тех же пор разрешение проповеди на малорусском языке, как показал опыт с поручениями священника Гречулевича, не окажет чувствительного влияния на успехи духовного просвещения массы.

Предыдущими мерами должны ограничиться все уступки, которые без вреда для России и для самого малорусского народа могут быть сделаны ныне и когда бы то ни было. Замена малороссийским языком языка русского в преподавании, хотя бы даже в начальных школах, замена русских учебников написанными на малороссийском языке, не только не вызывается ни запросом и нуждами самого народа, ни действительными требованиями педагогики¹, но логически приводя в будущем к введению малороссийского языка все в высших и высших учебных заведениях и к замене им языка государственного в законодательстве, суде² и администрации, угрожает неисчислимыми осложнениями и опасными изменениями в государственном строе единой России.

¹ Разрешение учителям начальных школ давать объяснения на малорусском языке в течение первого года обучения, как было объяснено выше, совершенно удовлетворит всем разумным требованиям; несомненно, что существующее в этом отношении запрещение иногда обходится на практике и теперь [*прим. док.*].

² Требование это уже было высказываемо в одной корреспонденции из Белгорода, помещенной в № 22 газеты "Южный край"^a за настоящий год [*прим. док.*].

В этом отношении, мнение должно быть составлено раз навсегда, бесповоротно, и никакие доводы и посторонние соображения не должны поколебать такого решения.

Інститут рукопису НБУ ім. В. І. Вернадського, І, 8004, арк. 1–8. Копія. Опубл.: *І Ф. Сухий пень* // Літературно-науковий вістник. – Львів, 1905. – Кн. 2. – С. 89–97; [*Науменко В.*] Найближчі відгукки указа 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – Т. 2: червень. – К., 1907. – С. 253–263.

№ 88

1881 р., лютого 4. Санкт-Петербург. –

Повідомлення сенатора О. О. Половцова товаришеві міністра внутрішніх справ М. С. Каханову про ставлення різних груп української інтелігенції до питання запровадження української мови в шкільному навчанні

В Черниговском земстве, в петербургских журналах и, наконец, здесь на месте поднимается агитация о малороссийском языке. Считаю нужным по поводу этому сказать два слова, которые исходят лишь из желания, чтобы этому усложненному страстями вопросу не было дано поспешного разрешения.

В настоящий момент украинофильский вопрос ставится поборниками его так, что преподавание на малороссийском наречии составляет единственное средство распространение грамоты. Такой тезис не более как софизм. Малороссийское наречие необходимо народному учителю для того, чтобы объяснять начинающему учиться деревенскому мальчику те первоначальные понятия, которые ему необходимы на первых шагах, но из этого никак не следует, чтобы школа должна была создавать людей, игнорирующих наш великий русский язык (а не великорусское наречие). Если ходатайство Черниговского земства будет разрешаться, то весьма желательно было бы сказать, что их требование, чтобы учитель с начинающими учениками объяснялся на малороссийском наречии, вполне справедливо, что оно не требует никакого закона и будет удовлетворено путем административной переписки. В действительности иначе и быть не может, а если являлись усердные, тупоумные ревнители, то, без сомнения, пора их миновала.

Само собою разумеется, что этим требованием земства не исчерпывается программа людей, именуемых украинофилами. Одни из совершенно честных и чистых побуждений, принадлежа к лучшим русским людям, привержены не только ко всему своему отечеству, но и в особенности к тому краю, где родились и провели жизнь. Их тешит малороссийская песня, полная мелодии, им любя народная сказка и поговорка, им весело смотреть и на родной пейзаж и на родной костюм. Другие, восхищаясь особенностями народного исторического быта (прошлое всегда привлекательнее настоящего), мечтают о народной литературе, забывая, что художественное произведение требует твердой механической и технической подготовки, которая для малорусского наречия не существует, да которую и создавать-то при существовании русского язы-

ка не представляется необходимым. Третьи присовокупляют к литературным мечтаниям мечтания политические. Им хотелось бы самим играть важную на земном шаре роль в лице Украины. Эта группа людей по большей части имеет самый неопределенный образ мыслей и самые смутные понятия обо всем, не исключая и представлений об их собственном политическом значении. Они были бы совершенно невинны и безрезультатны, если бы за ними не стояла четвертая, весьма немногочисленная кучка, видящая дальше других, и, к сожалению, видящая во всем этом средство вредить России. Последняя кучка так немногочисленна, что, за исключением Драгоманова, она не решается высказывать свои взгляды. Драгоманов высказывает их открыто, он явно враждебен и потому менее опасен, но есть его единомышленники, которые мечтали бы доказать, что великорусское и малорусское наречие равноправны; доказав это, изгнать отсюда русский язык, а затем в отдаленном будущем подчинить неразвитое, нелитературное, некультурное племя малороссов другим выше стоящим славянским национальностям, в ряду коих первым не сможет не явиться польская. Последняя в Галиции перемена фронта в литературных партиях служит подтверждением этих слов. Что же из всего этого следует? 1) Что покамест никаких мер, а тем более решительных и бесспорных принимать не следует; 2) что частные разрешения должны быть даваемы во множестве на отдельные концерты, издания и т. п., словом, на всю игрушечную часть; 3) что предел этих разрешений должен принадлежать весьма чутким и умным администраторам, так как после минувших строгостей, к сожалению огульных, мелкие вспышки неизбежны; 4) что серьезная сторона требует тщательного и многостороннего обсуждения.

Миллер А. И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 214–215.

№ 89

**1881 р., лютого 24. Санкт-Петербург. –
Розпорядження Головного управління у справах друку
київському окремому цензорові з іноземної цензури
про заборону друкувати статті до дня вшанування пам'яті
Т. Г. Шевченка, а також навчати в народних школах
українською мовою та виголошувати нею церковні проповіді**

Конфиденційно

В последнее время в некоторых органах периодической печати с настойчивостью проводится мысль о совершенной отмене высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.¹, при чем заявляется также о необходимости разрешить в малороссийских губерниях церковную проповедь и первоначальное преподавание в народных школах на малорусском наречии. К этому в настоящее время

¹ Див. док. № 68.

присоединяется и довольно сильная агитация в пользу чествования памяти малороссийского поэта Шевченко.

Ввиду того, что в настоящей агитации в значительной мере заинтересована партия так называемых украинофилов, и что газета “Заря”^a, общее направление которой признается несомненно вредным, так как она далеко выходит из пределов дозволенного и терпимого в подцензурной печати, принимает в ней весьма деятельное участие, предлагаю Вашему превосходительству совершенно не допускать к печати статей, пропагандирующих мысль о чествовании поэта Шевченко и говорящих о необходимости введения малорусского наречия в церковной проповеди, школе, и вообще относиться с особою внимательностью к статьям о малорусском наречии.

Начальник Главного управления по делам печати,
сенатор *Абаза*

Правитель дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 292. Оригінал. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на вуста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 21 (у перекладі українською мовою).

№ 90

1881 р., лютого 26. Київ. –

Телеграма київського губернатора М. П. Гессе Департаменту поліції про дозвіл відслужити панахиду з нагоди 20-х роковин смерті Т. Г. Шевченка

25 февраля никакого празднования памяти Шевченко не было. Профессоры университета Антонович, Мищенко, инженер Якубовский, дворянин Старицкий просили разрешения отслужить панахиду [в] понедельник, на что я, по предварительному совещанию [с] сенатором Половцевым, ввиду того, что запрещение может вызвать проявления неуместного характера, разрешил. Лица эти ручаются, что никаких демонстраций и речей не будет.

Подписал губернатор *Гессе*

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 204, арк. 295. Відпуск.

№ 91

1881 р., березня 29. Санкт-Петербург. –

Повідомлення товариша міністра внутрішніх справ П. О. Черевіна київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну про надходження з-за кордону на адресу Київського університету видань революційного змісту російською та українською мовами. Список видань

Конфіденційно

На основании примеч[ания] I ст. 1273 Уст[ава] тамож[енного] Св[ода] зак[онов], т. VI, по прод[олжению] 1876 г., высшим ученым и учебным заведениям предоставляется право выписывать из-за границы книги и ученого со-

держания периодические издания без цензурного рассмотрения, но с тем, что заведения эти обязаны каждый раз предуведомлять подлежащие учреждения иностранной цензуры, какие книги, сколько числом, когда и каким путем ими выписаны. О необходимости соблюдения этого последнего условия и вообще о разъяснении прав ученых и учебных заведений на получение заграничных изданий без цензуры, происходила обширная переписка между министерствами внутренних дел и народного просвещения, не приведшая, однако, ни к какому результату.

Тем не менее Главным управлением по делам печати было предписано учреждениям по иностранной цензуре доставлять в это управление списки тем заграничным запрещенным и неизвестным цензуре изданиям на русском языке, которые будут оказываться в укладках, присылаемых из-за границы на имя высших ученых и учебных заведений.

Во исполнение этого распоряжения киевский отдельный цензор по иностранной цензуре ныне донес Главному управлению по делам печати, что через киевскую цензуру прошли под бандеролью из-за границы на имя Университета Св. Владимира сочинения на русском языке и малороссийском наречии, поименованные в прилагаемом при сем списке, которые препровождены им к господину попечителю Киевского учебного округа.

Ввиду исключительно революционного характера означенных сочинений, адресованных на имя Киевского университета, препровождая список таковым, я нахожу необходимым сообщить о вышеизложенном Вашему высокопревосходительству.

Товарищ министра внутренних дел,
свиты его величества генерал-майор *Черевин*

Резолюція: Спросить попечителя, для кого выписываются эти издания.

Список сочинениям, поступившим под бандеролью
из-за границы на имя Университета Св. Владимира в Киеве

1. Терроризм и свобода, муравьи и корова; ответ на ответ "Голоса". Драгоманов. Женева, 1880 г.
2. Было бы болото, а черти будут. Его же. Женева, 1880 г.
3. Громада. Українська збірка, № 4. Женева, 1879 г. и № 1, 1881 г.
4. Ташкентцы, обратившиеся внутрь. Женева, 1880 г.
5. Турки внутренние и внешние. Письмо к издателю "Нового Времени". М. Драгоманова. Женева, 1876 г.
6. Террори[сти]ческая борьба. Николая Морозова. Лондон, 1880.
7. Социалисты-украинцы в Австрии. С. Подолинского. Женева.
8. Пан-народольбець. Женева, 1879 г.
9. Ремесла ж хвабрики на Україні. С. Подолинского. Женева, 1880 г.
10. Друковані лист Михаїла Павлика до льудей. Женева, 1880 г.
11. Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю с предисловием М. Драгоманова. Женева, 1880 г.
12. Николай Петрович Зубку-Кодреану. Посвящается честной бессарабской молодежи. Женева, 1879 г.

13. Хиба ревуть воли, як јасла повні. Роман з народнього житотья¹.
П. Мирного та І. Білика. Женева, 1880 г.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 831, спр. 87, арк. 1–3. Оригінал, копія.

№ 92

1881 р., квітня 3. Київ. –

**Повідомлення київського, подільського і волинського
генерал-губернатора О. Р. Дрентельна Головному управлінню
у справах друку про заборону друкувати портрети
українських письменників і діячів та малюнки
історичних пам'ятних місць з віршованими підписами.**

Тексти віршів

Вследствие отзыва от 8 декабря 1880 г. за № 4775 имею честь уведомить Главное управление по делам печати, что со своей стороны я признаю, по меньшей мере несвоевременным допустить печатание представленных дворянином Пискуновым проектов картин портретной галереи украинских писателей и исторических деятелей, равно как и стихотворений на малороссийском наречии, предназначенных для подписи под сказанными картинами, ибо предосудительная тенденциозность упомянутого издания представляется вне всякого сомнения^а.

Вышеозначенные проекты картин и стихотворения при сем возвращаются.

Генерал-адъютант
За управляющего канцеляриею

Подпись под картиною

Мова ридна, слово ридне^б
Хто вас забуває
Той у грудях не серденько
А льшь камень має.

Як ту мову можь забуты
Котрою учила
Нас всих говорити,
Ненька наша мыла?!

Як ту мову можь забуты
Таж звуками тымы
Мы до Бога мольбы слалы
Ще дитьмы малымы.

¹ життья

У тый мови мы спивалы
При гри розмовляли
У тый мови нам минуше еж¹
Нашу розказалы

Ой тому п[лекайте диты]²
Риднисеньку мову
И учиться говориты
Своим ридным словом

Мова ридна, слово ридне
Хто вас забувае
Той у грудях не серденько
А льшь камень мае!

Подпись под картиною

Хто тебе, родину, ридный сневажае^В,
Хай той на чужини серця не мае,
Та щоб до кого в горю притультыся,
Та щоб було с ким горем подилытыся!

Хто свою виру, хто край свий покине,
Хай там без роду на чужини згине,
Сгасне его око, душа почорние,
Замре его голос, сердце зотлие!

Вин вид бога доли не знатыме,
Тильки вид бога кары вин ждатыме!
Де вин стане, де вин гляне –
Й черний ворон литать стане!

Хтось ворону его вкаже,
Заздалыгидь уже скаже:
– Отто ваша
Буде паша!

Як его злыя кары каратымуть,
Батьки малым дитям казатымуть,
С христом воны казатымуть стыха:
– Оттак, диты, не дай боже лыха!
Оттак, диты,
Не робите!

¹ *минушість*

² *Слово не дописане.*

Зрадним¹ од людей ласки не знатыме,
Сам вин од себе в пуци тикатыме...
Его ридне слово в писни не гритьме,
Ему писня в серци углем горитьме...

Надпись под видом Субботова

Стоить в сели Субботови^Г
На гори високий
Домовина Украины,
Широка, глыбока.
Отто церква Богданова
Оттам вин молився,
Щоб москаль добром и лыхом
З козаком дилывся.

Подпись под монументом Богдана Хмельницкого

Слава не вмре^Г
Не поляже, а розкаже,
Що діялось в свити,
Чья правда, чья кривда
І чьи мы диты.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 593, спр. 59, арк. 7–9. Чернетка, копія.

№ 93

1881 р., квітня 6. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкувати твір М. Ф. Комарова, присвячений життю і творчості Т. Г. Шевченка

Вследствие представления за № 33, уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малорусском наречии под заглавием “Про жыття та пісні кобзаря Т. Г. Шевченко. Київ. Сочинение Михаила Комарова” должна быть запрещена к напечатанию, так как эта рукопись, написанная с отступлениями от установленных правил русского правописания, не лишена тенденциозности и при том, судя по ее изложению и объему, который едва ли превышает 1 1/2 печатных листа, предназначается для чтения простому народу.

Начальник Главного управления по делам печати,
сенатор *Абаза*

Правитель дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 1. Оригінал.

¹ Зрадник

1881 р., вересня 22. Санкт-Петербург. –
Висновок ради Головного управління у справах друку на подання
київського цензора з дозволом на перевидання творів
Т. Г. Шевченка, М. В. Гоголя та І. С. Нечуя-Левицького, що раніше
друкувалися у Києві, за умови дотримання російського правопису

Совет Главного управления по делам печати слушал:

Заключение члена Совета Лазаревского по представлению киевского отдельного цензора по иностранной цензуре о дозволении напечатать новым изданием пять брошюр на малороссийском наречии.

В мае 1876 г. государь император высочайше повелеть соизволил:

1. Не допускать ввоза в пределы империи без особого на то разрешения Главного управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границей на малорусском наречии.

2. Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить за исключением лишь: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности; но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати.

3) Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам.

Во исполнение п. 2 изложенного высочайшего повеления киевский цензор представил в Главное управление ходатайство книгопродавца Ильницького о дозволении ему напечатать новым изданием следующие пять пять брошюр, изданных в Киеве прежде, чем состоялось изложенное высочайшее повеление: 1) “Перебендя. Дума Тараса Шевченко”, 2) “Катерина або несчастне дівоче кохання. Поема Т. Шевченко”, 3) “Сорочинський ярмарок із вечерів на хуторі біля Деканьки. М. Гоголя”, 4) “Не можна бабі Парасці вдержатись на селі” І. Левицького и 5) “Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти”. Член Совета Лазаревский, по рассмотрении брошюр, не нашел в них ничего такого, что могло обратить на себя внимание цензуры, за исключением двух мест в поэме Шевченки “Катерина”, именно на странице третьей, где говорится:

“Кохайтесь, чорнобриві,
Та не з москалями
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами”.

И затем, на стр. 17 и 18, где Шевченко, очевидно, намекает на свою административную ссылку, к этому тайный советник Лазаревский присовокупил, что первые две пьесы перепечатаны из собрания сочинений Шевченки, изда-

вавшихся в разное время. Третья есть перевод известного рассказа Н. В. Гоголя “Сорочинская ярмарка”, четвертая и пятая брошюры составляют как бы одно целое, – это рассказы двух однодеревенских баб Параски и Палашки, из которых одна другую считает причиною всех своих бед житейских, и вот Параске нельзя “вдержатись та сели” и она подумывает уходить на Кубань, а Параска поговаривает о том, что приходится “скоропостижно вмерти”. Рассказы эти написаны в юмористическом тоне.

Совет, рассмотрев брошюры, единогласно постановил дозволить перепечатать оные, не делая никаких исключений и в поэме “Катерина”, так как указанные в поэме места прежде дозволялись цензурою и для читающей публики стали слишком общественными, но под тем неперемненным условием, чтобы при новом издании брошюр не было допущено согласно высочайшему повелению никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

Председательствующий кн. *Вяземский*
Члены Совета *Лазаревский*
Фадеев
Адикаевский
Юзефович
За правителя дел *С. Назаревский*

Помітка: Доложено господину министру 28 сентября, его с[и]ятельств[о]во согласился с Советом.

РДА, ф. 776, оп. 2, спр. 21, арк. 269–271. Оригінал.

№ 95

**1881 р., жовтня 3. Санкт-Петербург. –
Всепідданіша доповідь міністра внутрішніх справ М. П. Ігнатьєва
“Об употреблении малорусского наречия” з пропозиціями таємно
впровадити вироблені Особливою нарадою 1881 р. зміни до Емського
указу 1876 р., а саме: дозволити друкування українських словників
за умови дотримання російського правопису, встановити посилений
контроль адміністрації за постановкою українськомовних вистав,
повністю заборонити український театр і театральні трупи**

В 1876 г. с высочайшего соизволения были установлены ограничительные правила в отношении употребления малорусского наречия не только в малороссийских губерниях, но и во всей империи.

Правила эти по ведомству Министерства внутренних дел заключают в себе три следующих постановления:

1) Не допускать ввоза в пределы империи без особого на то разрешения Главного управления по делам печати каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2) Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических

ВСЕПОДАДНЬЙШИЙ

ДОКЛАДЪ

МИНИСТРА

ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

Объ употребленіи малорусскаго наречія

Въ 1876 году, съ Высочайшаго соизволенія, были утѣновлены охранительныя правила въ отношеніи употребленія малорусскаго наречія не только въ малороссійскихъ губерніяхъ, но и во всей Царств.

Царств. Владимир.

Страницы
Двадцать

въ 2-мъ отдѣлѣ
8-мъ томѣ 1877

Журналъ

Правила эти, по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, заключаются въ себя три сдѣланія постановленія:

1) Не допускать ввоза въ пределы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какихъ-бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ иностранною на ма-

№ 604.

По Главнаму Управленію по дѣламъ печати.

Всепіданиша доповідь міністра внутрішніх справ М. П. Ігнат'єва "Об употреблении малорусского наречия". 3 жовтня 1881 р. Док. № 95.

документов и памятников и б) произведений изящной словесности; но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников; в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания, и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрению рукописей в Главном управлении по делам печати.

3) Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таком текстов к музыкальным нотам.

Пятилетнее применение этих правил обнаружило некоторые их неудобства, вызвавшие представления по этому предмету бывших генерал-губернаторов харьковского и киевского, генерал-адъютантов князя Дондукова-Корсакова¹ и Черткова 2-го², и заявления со стороны многих губернаторов и частных лиц.

Ввиду этого Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть подвергнуть означенные правила пересмотру в Особом совещании при участии статс-секретарей Сольского и Островского, тайного советника Победоносцева и исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати гофмейстера князя Вяземского.

Обсудив во всех подробностях как действующие правила об употреблении малорусского наречия, так и все имевшиеся по этому предмету сведения в их совокупности, совещание признало необходимым оставить эти правила в силе и на будущее время, сделав в них для устранения обнаружившихся на практике неудобств лишь некоторые изменения и дополнения, не касающиеся однако начал, положенных в основание этих правил. А именно совещание признало необходимым:

1) Пункт второй правил дополнить пояснением, что к числу изданий, которые дозволяется печатать на малорусском наречии, прибавляются словари, под условием печатания их с соблюдением общерусского правописания или правописания, употреблявшегося в Малороссии не позже XVIII в.

2) Пункт третий разъяснить в том смысле, что драматические пьесы, сцены и куплеты на малорусском наречии, дозволенные к представлению в прежнее время драматическою цензурою и могущие вновь быть дозволенными Главным управлением по делам печати, могут быть исполняемы на сцене, с особаго однако каждый раз разрешения генерал-губернаторов, а в местностях, не подчиненных генерал-губернаторам – с разрешения губернаторов, и что разрешение печатания на малорусском наречии текстов к музыкальным нотам, при условии общепринятого русского правописания, предоставляется Главному управлению по делам печати, и

3) совершенно воспретить устройство специально малорусского театра и формирование трупп для исполнения пьес и сцен исключительно на малорусском наречии.

¹ Див. док. № 87.

² Див. док. № 86.

На приведение в исполнение изложенных предложений совещания долго поставляю испрашивать разрешение Вашего императорского величества, всеподданнейше докладывая, что правила об употреблении малороссийского наречия, установленные в 1876 г. не были опубликованы, а потому и проектированные разъяснения не предполагается объявлять во всеобщее сведение.

Генерал-адъютант граф *Н. Игнатьев*

Помітка: Высочайшее соизволение последовало в [...] ¹ 8 октября 1881 г. *Игнатьев*

РДА, ф. 776, оп. 1, спр. 17, арк. 70–73. Оригінал.

№ 96

1881 р., жовтня 16. Санкт-Петербург. – Циркуляр міністра внутрішніх справ М. П. Ігнатьєва київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну з доповненнями положень Емського указу

Конфиденційно
Циркулярно

В 1876 г. с высочайшего соизволения были установлены ограничительные правила в отношении употребления малорусского наречия. Правила эти, сообщенные господам начальникам губерний циркуляром от 23 июня 1876 г. за № 3570², заключают в себе три следующие постановления:

1. Не допускать ввоза в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2. Печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии воспретить, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников; и б) произведений изящной словесности, но с тем, чтобы при печатании исторических памятников безусловно удерживалось правописание подлинников, в произведениях же изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания и чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе как по рассмотрению рукописей в Главном управлении по делам печати.

3. Воспретить также различные сценические представления и чтения на малороссийском наречии, а равно и печатание на таковом же текстов к музыкальным нотам.

Ныне государь император высочайше повелеть соизволил:

1. Пункт второй правил дополнить пояснением, что к числу изданий, которые дозволяется печатать на малорусском наречии, прибавляются словари, под условием печатания их с соблюдением общерусского правописания, или правописания, употреблявшегося в Малороссии не позже XVIII века.

¹ Слово не прочитано.

² Док. № 70.

№ 240
по под. журн.

Получено 24го Октября 1881

Конфиденциально.
Циркулярно.

293

М. В. Д.

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
ПО ДѢЛАМЪ
ПЕЧАТИ.

16 Октября 1881 г.
№ 4.016.

Господину Начальнику
губерніи.

Въ 1876 году, съ Высочайшаго соизволенія, были установлены ограничительныя правила въ отношеніи употребленія малорусскаго нарѣчія. Правила эти, сообщенныя Гг. Начальникамъ губерній циркуляромъ отъ 23 Іюня 1876 г., за № 3.570, заключаютъ въ себѣ три слѣдующія постановленія:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи, безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчіи.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниконъ, и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниконъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ обще-принятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3. Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Нынѣ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Пунктъ второй правилъ дополнить поясненіемъ, что къ числу изданій, которыя дозволяется печатать на малорусскомъ нарѣчіи, прибавляются словари, подъ условіемъ печатанія ихъ съ соблюденіемъ общерусскаго правописанія, или правописанія, употреблявшагося въ Малороссіи не позже XVIII вѣка.

2. Пунктъ третій разъяснить въ томъ смыслѣ, что драматическія пьесы, сцены и куплеты на малорусскомъ нарѣчіи, дозволенныя къ представленію въ прежнее время драматическою цензурою, а равно и тѣ, которыя вновь будутъ дозволены Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, могутъ быть исполняемы на сценѣ, съ особаго однако каждаго разъ разрѣшенія Генералъ-Губернаторовъ, а въ мѣстныхъ не подчиненныхъ

*Вопросу Высочайшему Указанію Царя
по имперіи циркуляромъ отъ 23 Іюня
и редакціи
М. П. Правленія Двѣ В. Д.*

Циркуляр министра внутрішнихъ справ М. П. Игнатьева кievському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну.
16 жовтня 1881 р. Док. № 96.

2. Пункт третий разъяснить в том смысле, что драматические пьесы, сцены и куплеты на малорусском наречии, дозволенные к представлению в прежнее время драматическою цензурою, а равно и те, которые вновь будут дозволены Главным управлением по делам печати, могут быть исполняемы на сцене, с особого однако каждый раз разрешения генерал-губернаторов, а в местностях, не подчиненных генерал-губернаторам, – с разрешения губернаторов, и что разрешение печатания на малорусском наречии текстов к музыкальным нотам, при условии общепринятого русского правописания, предоставляется Главному управлению по делам печати.

и 3. Совершенно воспретить устройство специально малорусского театра и формирование трупп для исполнения пьес и сцен исключительно на малорусском наречии.

О таком высочайшем повелении имею честь уведомить Вас, милостивый государь, для сведения и руководства в подлежащих случаях.

Подписал: министр внутренних дел, генерал-адъютант граф *Игнатъев*

Скрепил: и[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

Верно: за помощника правителя дел [підпис]

Примітка: Господину киевскому отдельному цензору по иностранной цензуре для сведения и руководства. И[справляющий] д[олжность] правителя дел [*В. Адикаевский*]

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 293. Засвідчена копія. Друк. прим. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на уста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 21 (у перекладі українською мовою).

№ 97

1881 р., листопада 8. Санкт-Петербург. –

Повідомлення виконуючого обов'язки начальника

**Головного управління у справах друку П. П. Вяземського
київському, подільському і волинському генерал-губернаторові**

О. Р. Дрентельну про дозвіл на видання третього випуску

“Збірника українських пісень” М. В. Лисенка

Милостивий государь Александр Романович!

Бывший киевский, подольский и волынский генерал-губернатор генерал-адъютант Чертков 2-й в отношении от 12 января сего года за № 188¹, сообщил на усмотрение бывшего министра внутренних дел генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова ходатайство кандидата Университета Св. Владимира Николая Лисенко о дозволении к обращению в России третьего выпуска “Збірника українських пісень”, запрещенного Главным управлением по делам печати в силу высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.² При этом генерал-адъютант Чертков 2-й заявил, что в этом сборнике он не находит с своей стороны ничего предосудительного.

Ввиду воследования в октябре сего года Высочайшего повеления об установлении дополнительных правил в отношении употребления малорус-

¹ Див. док. № 86.

² Див. док. № 68.

ского наречия, сообщенных господам начальникам губерний в циркуляре от 16 октября за № 4016¹, а также, принимая во внимание, что употребленное в означенном сборнике правописание ни в каком случае не подходит к орфографии, известной под названием “кулишовка”^а, и включает лишь самые незначительные отступления от общепринятого русского правописания, Главное управление по делам печати признало возможным дозволить третий выпуск сборника украинских песен Лисенко к обращению в России, тем более, что первые два выпуска этого сборника, ввезенные из-за границы до воследования высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г., находятся в обращении^б.

Об этом имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство с возвращением экземпляра означенного сборника, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Кн. П. Вяземский

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 832, спр. 383, арк. 1–2. Оригінал.

№ 98

1881 р., листопада 24. Чернігів. –

Відношення виконуючого обов’язки чернігівського губернатора князя С. В. Шаховського тимчасовому харківському генерал-губернаторові Д. І. Святополку-Мирському про дозвіл на постановку п’єс Т. Г. Шевченка та І. П. Котляревського на сцені Чернігівського театру

На основании высочайшего повеления, изложенного в циркуляре господина министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати от 16 октября сего года за № 4016¹ имею честь покорнейше просить разрешения Вашего сиятельства на исполнения любителями драматического искусства на сцене Черниговского театра, в пользу местного детского приюта следующих малороссийских пьес, дозволенных к представлению в прежнее время: “Назар Стодоля”, комедия^а Т. Г. Шевченко, и “Москаль-чаривник”, водевиль Котляревского.

За тем так как от тех же любителей драматического искусства, желающих дать еще несколько спектаклей с благотворительною целью в пользу черниговских Благотворительного общества, Общества пособия воспитанницам женской гимназии и детского приюта, а также и от распорядительницы местной труппы актеров госпожи Вронской поступили ко мне ходатайства о разрешении исполнять на сцене Черниговского театра малороссийские пьесы, помещенные в списках драматическим сочинениям, дозволенным цензурою к представлению на сцене, я имею честь представить об этом на благоусмотрение Вашего сиятельства и покорнейше просить не изволите ли Вы признать

¹ Див. док. № 96.

возможным разрешить мне давать дозволения на представления означенных пьес, не испрашивая каждый раз отдельного разрешения.

И[справляющий] д[олжность] губернатора кн. *Шаховской*
ЦДІАК України, ф. 442, оп. 534, спр. 418, арк. 4. Оригінал.

№ 99

**1881 р., листопада 26. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону передруку творів І. С. Нечуя-Левицького
“Запорожці” та Т. Г. Шевченка “Гайдамаки”**

На представление за № 820 уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемые при сем две брошюры на малорусском наречии под заглавиями: “Запорожцы. Казка И. Левицкого” и “Гайдамаки. Т. Г. Шевченко”, ввиду их тенденциозного направления представляются неудобными к перепечатанию.

И[справляющий] д[олжность] начальника Главного управления
по делам печати кн. *П. Вяземский*

И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 7. Оригінал.

№ 100

**1881 р., листопада 13. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про дозвіл на видання трагедії Вільяма Шекспіра “Гамлет,
принц данський” у перекладі П. О. Куліша**

На представление за № 752 уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Гамлет принц Данский. Трагедія в V діях В. Шекспира”, может быть дозволена к напечатанию с заменою на стр. 184 и 268 слов “король” и “королевское” собственными именами короля. Но так как в этой рукописи удержано своеобразное малорусское правописание, то в ней предварительно дозволения цензуры согласно п. 2 высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.¹ должны быть сделаны соответствующие исправления.

И[справляющий] д[олжность] начальника
Главного управления по делам печати кн. *П. Вяземский*

И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 18. Оригінал.

¹ Див. док. № 68.

№ 101

1881 р., листопада 30. Чернігів. –

Відношення виконуючого обов'язки чернігівського губернатора князя С. В. Шаховського тимчасовому харківському генерал-губернаторові Д. І. Святополку-Мирському про дозвіл аматорам на постановку вистав “Наталка Полтавка” І. П. Котляревського та “Сватання на Гончарівці” Г. Ф. Квітки-Основ'яненка

Действительный статский советник Николай Иванович Неплюев заявил мне о предположении устроить несколько любительских спектаклей в доме, принадлежащем дворянству Черниговской губернии в пользу Общества вспомоществования нуждающимся воспитанницам Черниговской женской гимназии, а потому ходатайствует о разрешении любителям поставить на сцене в числе прочих пьес две малороссийские оперетки – “Наталку Полтавку” и “Сватанье на Гончаровке”.

Представляя изложенное ходатайство, на основании 2 пункта высочайшего повеления, изложенного в циркуляре господина министра внутренних дел по Главному управлению по делам печати от 16 октября сего года за № 4016¹, имею честь покорнейше просить разрешения Вашего сиятельства на исполнение любителями драматического искусства означенных двух малороссийских пьес.

И[справляющий] д[олжность] губернатора кн. *Шаховской*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 534, спр. 418, арк. 6. Оригінал.

№ 102

1881 р., грудня 21. Санкт-Петербург. –

Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензорові з іноземної цензури про дозвіл на видання брошури Л. І. Глібова “Байки” за умови дотримання російського правопису

На представление за № 933, уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем брошюра на малороссийском наречии, под заглавием “Байки. Леонида Глибова”, может быть дозволена к напечатанию новым изданием, но с тем однако же непременно условием, чтобы при перепечатывании на основании п. 2 высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.² не было допущено никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

И[справляющий] д[олжность] начальника

Главного управления по делам печати кн. *П. Вяземский*

И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 22. Оригінал.

¹ Див. док. № 96.

² Див. док. № 68.

№ 103

1882 р., серпня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування окремих текстів із рукопису “Рада. Українська збірка”

Вследствие представления за № 309, имею честь уведомить Ваше высоко-родие для соответствующего распоряжения, что в прилагаемой при сем рукописи на малороссийском наречии, под заглавием: “Рада. Українська збірка”, не могут быть дозволены к напечатанию следующие места:

1) на стр. 188, в статье, озаглавленной “Скажи, мисяченьку!” представляются неудобными:

а) где автор, говоря о Иеремии Галке (под этим псевдонимом были изданы малорусские сочинения Костомарова), что он, слава Богу, еще жив, прибавляет: “а тильки так же ж, як оце и я, помандрував с ридного края пился того, як его у Києви московскою кашею трохи нагодовано та ще дешо...”;

б) на стр. 194 и 195, начиная от слов: “О, Де-Пуле! О, Пихно!” и кончая словами: “Та Бог из ними!...”;

в) на стр. 199 представляется неудобным следующее обращение автора к Тарасу Шевченке: “Спи батьку; бо як прокинешся, то почувеш, як на тебе й на твою ридну мову собаки гавкають...”;

г) на стр. 200, начиная с 13 строки, и 201 – первые 4 строки, где автор дозволяет себе издевательство, имеющее характер кощунства над существующим у русских обычаем снимать часть скорлупы с яиц, назначенных к освящению в праздник Св. Пасхи, говоря, что москали, подобно Фоме Неверному, желают убедиться собственными глазами в том, как благодать Божья проникает в средину яйца; и, наконец,

д) на стр. 203, где автор ставит неуместный вопрос: “наступит ли время, когда и мы (т. е. украинцы) подобно парфянам, мидянам, римлянам и т. д., будем совершать богослужение на нашем родном наречии (т. е. малорусском?)”.

2) Стихотворения: “Без світу” (стр. 143), “Памяти Т. Г. Шевченки” (стр. 146) и “Веснянки” (стр. 162, 163, 164, 165, 166 и 167).

Вся остальная часть рукописи может быть разрешена к печати, но с тем однако же непременно условием, чтобы при печатании, на основании п. 2 высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г., не было допущено никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

За начальника Главного управления по делам печати *Варадинов*

И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 10–11. Оригінал.

№ 104

**1882 р., грудня 24. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування збірки творів Т. Г. Шевченка із серії
“Читання для народу”, підготовленої М. Ф. Сумцовим**

На представление за № 1390 имею честь уведомить Ваше высочородие для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском языке под заглавием: “Чтение для народа. Выпуск 2-й. Т. Г. Шевченко. Сост[авил] и изд[ал] Н. Ф. Сумцов” представляется неудобною к народному чтению, а потому должна быть запрещена к напечатанию.

За начальника Главного управления
по делам печати *Н. Варадинов*
Исполняющий должность правителя дел *В. Адикаевский*

Резолюція: Господину доценту Сумцову с уведомлением о содержании предлож[ения].

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 8. Оригінал.

№ 105

**1882 р., грудня 29. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл
на видання рукописів “Додаток до рукописів “Ворскло”
та “Покажчик нової української літератури (1798–1883)”
М. Ф. Комарова за умови дотримання російського правопису**

На представление за № 1677, имею честь уведомить Ваше высочородие для соответствующего распоряжения, что возвращаемые при сем две рукописи на малороссийском языке под заглавиями: “Добавление к рукописи “Ворскло” и “Покажчик нової української літератури (1798–1883 р.)”¹. Зібрав М. Комаров” могут быть дозволены к напечатанию. Но так как в этих рукописях удержано своеобразное малороссийское правописание, то предварительно разрешения этих рукописей к печати, на основании п. 2 высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.² должны быть сделаны соответствующие исправления.

За начальника Главного управления по делам печати *Н. Варадинов*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 43. Оригінал.

¹ Так у тексті.

² Див. док. № 68.

№ 106

**1883 р., лютого 18. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензору з іноземної цензури
про заборону ввезення в Росію видання М. П. Драгоманова
“Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст.”**

Возвращая при сем экземпляр книги под заглавием “Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст. з увагами М. Драгоманова. Частина перша. Розділ перший. Geneve 1883”, Главное управление по делам печати уведомляет Ваше высочородие, впоследствии представления за № 96, для соответствующего распоряжения, что означенная книга должна быть запрещена ко ввозу в Россию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 166, арк. 4. Оригінал.

№ 107

**1883 р., грудня 9. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензорів з іноземної цензури
про заборону друкування творів Вільяма Шекспіра
в перекладі П. О. Куліша**

Возвращая при сем три рукописи на малороссийском языке (перевод П. А. Кулиша произведений Шекспира), Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство впоследствии представления за № 1828 для соответствующего распоряжения, что означенные рукописи должны быть запрещены к напечатанию. Что же касается до указания на то обстоятельство, что в минувшем году был дозволен к напечатанию малороссийский же перевод “Гамлета”¹, то таковое дозволение выдано было по недоразумению¹.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 22. Оригінал.

¹ Див. док. № 100.

1883 р., грудня 12. Київ. –

**Протокол допиту професора В. Б. Антоновича у Київському
губернському жандармському управлінні про його знайомство
і стосунки з Ф. К. Вовком та іншими особами**

1883 г. декабря 12 дня в г. Киеве помощник начальника Киевского губернского жандармского управления капитан Малицкий в присутствии товарища прокурора Киевского окружного суда господина Телюгина спрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, которые показали:

Зовут меня Владимир Бонифатьевич Антонович, 50 лет, вероисповедания православного, статский советник, ординарный профессор университета Св. Владимира. Под судом и следствием не был. Проживаю по Жилианской улице, дом № 20. С Федором Кондратьевичем Волковым знаком и состою в родстве, в переписке с ним со времени его удаления за границу я не состоял. Статью под заглавием, если точно припоминаю, “История последней Сечи Запорожской”^a, присланную в редакцию “Киевской старины”, я читал в рукописи и поправлял по просьбе редактора, который мне статью передавал для этой цели. Относительно денежного расчета за гонорар статьи, я не принимал никакого участия, так как мое участие в журнале состоит лишь в литературном сотрудничестве, но в хозяйственных делах редакции я не принимал никакого участия и избегал всякого вмешательства. Жена Волкова, моя племянница, обращалась ко мне с просьбою хлопотать в редакции о выдаче ее мужу отписок названной выше статьи, но я не принял на себя этой порученности и предложил ей самой переговорить с редактором. Полномочий от Волкова относительно его литературных трудов и расчетов по гонорару с какой бы то ни было редакцией я никогда не получал. Вышеназванная статья была прислана прямо в редакцию, подписана была “Кондратович”, и я только по почерку догадался, что она принадлежит Волкову. Кроме названной статьи в “Киевской старине” других статей Волков не помещал. Вообще счета с редакцией известны мне только со слов редактора, который сообщал мне, что Кондратовичу гонорар им уплачен. Ни в августе, ни в сентябре месяце текущего года никто не заходил ко мне с каким бы то ни было поручением от Волкова, при том в августе я находился в отпуску, из которого возвратился только 1-го сентября.

Личность, изображенная на предъявленной мне фотографической карточке, называемая отставным подпоручиком Лукою Дьяковым, мне неизвестна. Фамилия Малеваного мне известна потому, что несколько лет назад человек, носящий эту фамилию, проживавший в Одессе, заходил ко мне, насколько могу припомнить, переговорить о рукописном сборнике песен, принадлежавших его родственнику Неговскому. Сходства предъявленной мне карточки с Малеваным за давностью времени и неясностью воспоминания констатировать не могу. Малеваный ни в августе, ни в сентябре, ни в другое время в текущем году ко мне не заходил. По слухам он был выслан из Одессы

в числе других лиц, отправленных на жительство в восточные губернии и где ныне находится мне не известно, никаких отношений у меня с ним не было.

Статский советник *Владимир Антонович*

Капитан *Малицкий*

Товарищ прокур[ора] *Телюгин*

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 230, арк. 251. Оригінал.

№ 109

**1883 р., грудня 23. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування драматичного твору
Велецького “Мотря Кочубеївна” та необхідність виправлення
рукопису “Слова до музики “Вечорниці” згідно
з правилами російського правопису**

На представление за № 1805 уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что из возвращаемых при сем двух рукописей на малороссийском языке, под заглавиями: “Мотря Кочубеївна, драма Велецкого” и “Слова до музики “Вечорниці”^а. Первая должна быть запрещена, вторая же может быть дозволена к напечатанию, но с тем, однако же, непременным условием, чтобы при печатании на основании п. 2 высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.¹ не было допущено никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 23. Оригінал.

№ 110

**1883 р., грудня 28. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування твору “Як Богдан Хмельницький
визволив Україну з неволі польської”**

На представление за № 1942 уведомляю Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском языке под заглавием “Як Богдан Хмельницький визволив Україну з неволі польської” должна быть запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 24. Оригінал.

¹ Див. док. № 68.

№ 111

1884 р., березня 1. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування рукопису “Павзаній”
і дозвіл на видання “Доповнення” до збірки віршів
П. О. Куліша “Дзвін”

Возвращая при сем две рукописи на малороссийском наречии под заглавием: “Павзаній”^а перевод Ц. Н. и “Дополнение” к сборнику стихотворений П. Кулиша “Дзвин”, Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство, впоследствии представления за № 367, для соответствующего распоряжения, что первая из этих рукописей должна быть запрещена к напечатанию; вторая же может быть дозволена. Но так как по Вашему предположению появление дозволяемого сборника в обращении, в виду того, что в этом сборнике осуждается возбуждение либеральными проповедниками низших сословий против высших, несомненно вызовет горячую полемику в местной печати, то, во избежание этого, Вам необходимо при рассмотрении отзывов об этом произведении, предназначенных к помещению в местных органах печати, наиболее склонных к отстаиванию демократических идей, какова, например, газета “Заря”, сдерживать всю страстность и тенденциозность подобных особенно резких, и вовсе не допускать их к печати.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк 28. Оригінал.

№ 112

1884 р., березня 3. Київ. –
Листування Київського губернського жандармського управління
з київським цензором про заборону розповсюдження твору
Панаса Мирного та Івана Білика “Хіба ревуть воли, як ясла повні”,
надрукованого в Женеві

Препровождая при сем книгу на малороссийском языке, озаглавленную “Хиба ревуть воли, іак іасла повні?”, женеvского издания П. Мирного т[а] І. Білика имею честь просить Вас, милостивый государь, с возвращением книги мне сообщить, принадлежит ли таковая к числу запрещенных, изъятых из обращения в продаже и обращении, и заключает ли она преступное содержание.

Начальник управления, полковник *Новицкий*

На запрос Вашего высокородия от 3-го марта сего года за № 673, относительно изданной в Женеве книги на малороссийском наречии “Хиба ревуть

воли, як ясла повни” сочин[ение] П. Мирного и І. Билика, имею честь сообщить, что книга эта по распоряжению Главного управления по д[елам] печати, состоявшемуся в 1881 г., запрещена к обращению в публике.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 157, арк. 9 і зв. Оригінали.

№ 113

**1884 р., квітня 5. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов’язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування рукопису В. Чайченка
“Од снігу до снігу. Дитячі оповідання та пісні” та про дозвіл
на видання твору К. Гамалії “Земля і люди в Росії. Кавказ”
за умови дотримання російського правопису**

Возвращая при сем две рукописи на малороссийском языке под заглавиями: “Од снугу до снугу. Дитячи сповідання и писни”, соч[инил] В. Чайченко, и “Земля і люде в Росії. Кавказ”, К. Гамалея, Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство, впоследствии представления за № 595, для соответствующих распоряжений, что первая из этих рукописей должна быть запрещена к напечатанию.

Что же касается второй рукописи, то на этот раз она может быть дозволена к напечатанию с соблюдением общепринятого правописания. Но при этом надлежит предупредить издателя, что дальнейший выпуск подобных брошюр не может быть допускаем.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 31. Оригінал.

№ 114

**1884 р., квітня 16. Одеса. –
Висновок виконуючого обов’язки одеського окремого цензора
з внутрішньої цензури С. Решевського, поданий на розгляд
до Головного управління у справах друку, з рекомендацією
вилучити зі збірки українських пісень В. С. Александрова
вірші Т. Г. Шевченка як такі, що мають “вредно действовать
на нравственность и мужество народа, укореняя
в нем предубеждение против воинской повинности”**

На рассмотрение одесской цензуры поступила рукопись на малороссийском языке под заглавием “Народний пісенник з найкращих українських пісень”, составленный В. Александровым.

Рукопись эта есть сборник народных и оригинальных песен и стихотворений на малороссийском языке, между которыми попадаются, впрочем, и переводные, как напр. № 10 (стихотворение Лонгфелло “Evening bells”) и № 49 (стихотворение Лермонтова “Выхожу один я на дорогу”) и некоторые другие.

За исключением стихотворений за №№ 14, 15, 18 и 28, все остальные представляют самые невинные, характерные малороссийские песни, заключающие в себе, по обыкновению, или сетования на беспредметную, но непременно горькую и несчастную долю, или описание взаимных чувств “дівчини” и “козаченька” и т. п. Все эти песни и стихотворения вполне удовлетворяют цензурным требованиям и потому могут быть дозволены к напечатанию. Что же касается до стихотворений за №№ 14, 15, 18 и 28, то я полагал бы полезным их запретить, так как первые три (из которых №№ 15 и 18 сочинения) Т. Г. Шевченки) заключают в себе скорбные воспоминания о каких-то прошлых свободе, силе, славе и значении Украины и их сопоставления с настоящим ее положением, которое рисуется в самых безотрадных красках; стихотворение же за № 28 должно вредно действовать на нравственность и мужество народа, укореняя в нем предубеждение против воинской повинности, отбытие которой представляется самым тяжелым наказанием.

Настоящее свое заключение вместе с рукописью “Народний пісенник” на основании распоряжений Главного управления по делам печати от 9 июня 1878 г. за № 3143 и от 16 октября 1881 г. за № 4016¹ имею честь представить на благоусмотрение Главного управления.

Председательствующий
и [справляющий] д[олжность] отдельного цензора *С. Решеvский*

РДА, ф. 776, оп. 20, спр. 218, арк. 64-65. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, КМФ-8, оп. 1, спр. 14, арк. 64-65.

№ 115
1884 р., травня 21. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування повісті
І. С. Нечуя-Левицького “Кайдашева сім’я”

На представление за № 536 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском языке под заглавием “Кайдашева сім’я”, повесть Ивана Левицкого, должна быть запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 35. Оригінал.

¹ Див. док. № 96.

№ 116

1884 р., травня 21. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування перекладу українською мовою збірки
оповідань Г. І. Успенського “Не пити горілки” та повісті
М. В. Гоголя “Страшна помста”, а також про дозвіл
на видання поеми Олени Пчілки “Рада. Козачка Олена”
за умови дотримання російського правопису

На представление за № 640 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что из числа возвращаемых при сем трех рукописей на малороссийском языке под заглавиями: “Не пыты горилки. Оповидання Глиба Успенського”, “Страшна помста. Переклад з Гоголя” и “Рада. Козачка Олена. Поема О. Пчилки”, первые две должны быть запрещены к печати, а последняя может быть дозволена, но с тем, однако же, непременною условием, чтобы при печатании на основании п. 2 высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.¹ не было допущено никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 36. Оригінал.

№ 117

1884 р., червня 6. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про вилучення з підготовленого до видання
альманаху “Рада” статті П. О. Куліша, повісті Александровича,
віршів М. П. Старицького та Антоненка

На представление за № 723 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что в возвращаемом при сем сборнике статей на малороссийском наречии, предназначенных для сборника “Рада”, должны быть исключены некоторые статьи по следующим соображениям:

1) Статья Кулиша “Воскресенне Рутського та Кунцевича в Галычыни” (стр. 127–144), написанная по поводу обнародования папою Львом XIII акта, коим, всецело подчинив влиянию иезуитов “новинціат (чи то семинарія) чыну Св. Васылія в Добрыни”^а, святой отец выражает надежду, что под руководством иезуитов русские монахи базилиане, по возможности, уподобятся святому

¹ Див. док. № 68.

Исафатови Кунцевичеви и святопамятному униатскому митрополиту Рутському. Помимо того, что статья эта не относится по содержанию своему к беллетристическим сочинениям, только и дозволяемым к напечатанию на малороссийском наречии, она страстным изложением своим способна породить между поляками и русскими нежелательный, особенно в настоящее время, антагонизм, ибо автор выставляет действия поляков в крайне непривлекательном виде, описывая тот страшный гнет, какому они подвергают галичан.

2) “Иван Сирко” (стр. 157–190). Историческая повесть Александровича, передающая событие того смутного времени, когда после гетманства Хмельницкого появились искатели приключений, стремившиеся к осуществлению цели создать из Малороссии независимое от России государство. Из числа таких искателей приключений был и Иван Сирко, родом с Харьковщины, из Мерехвы. Автор, восхваляя подвиги неустрашимого Сирко, добивавшегося самостоятельности Украины, не скрывает своих враждебных отношений к России, ставя ей в укор, что по Андрусовскому миру она “забыла силу и волю Украины. Усяк, кто мав розум”, – говорит автор, – “бачыв, що Москва зрадила (продала) Украину и насміялась над своею присягою Хмельницкому, что Богдан, приставшы до Москвы, не выратував (не спас), а загубил свою отчизну” (стр. 167). Еще с большею резкостью высказывается нерасположение автора к России, когда он восторгается стремлением Дорошенки к освобождению Украины от москалей, стремлением к воле и самостоятельности. Словом, вся повесть проникнута неприязнью к России.

3) Стихотворение Старицкого “На роковыны” (стр. 191 и 192) исполнено мрачного отчаяния за нравственный гнет, испытываемый Украиной. Автор высказывает жалобу на то, что редуют “сіячи народни” (народные сеятели), из которых одни нашли смерть в “труни нечасовой” (безвременной могиле), а другие “запродали свою святую виру напасникам окраденного люду” (народ). Однако ж, говорит автор, между ними нашлись и такие, которые не утрашили от предстоявшей борьбы, всюду возносили свет без “ляку” (боязни), но они “роскыдани по нетрях (дебрях) несходимых” или томятся в тяжком одиночестве на чужбине. Они боятся только за родных братьев, они скорбят о родной земле.

4) “На спомын Т. Г. Шевченко”. Стихотворение Старицкого (стр. 192 на обор., 193), в котором высказывается надежда, что настанет время, когда спадут цепи вековой зимы, когда заговорят даже немые, все вместе запоют новый искренний псалом и в “спильном (общем) труде одужают (оздоровеют) руки...”, что пророков своих, стяжавших терновый венец за народные слезы кровавые, отыщет народ меж немых могил и воздаст своим мученикам “страданикам” славу.

5) “На проводы”. Стихотворение Старицкого (стр. 193–194), в котором высказывается слишком прозрачный намек на то, что надежда не осуществилась, и что до сих пор еще торжествует лютый, ненавистный враг, что и доселе ночь, нет просвета, опускаются руки, молчат одурелые дети издавна забитого раба.

6) “Тяжко, важко по свиту блукаты”. Стихотворение его же (стр. 194), проникнутое скорбью за брата, бедующего на “власній землі” и которому в его рабской слепоте помочь невозможно, так как сам себя чувствуешь слабым.

7) “Ныва”. Стихотворение его же (стр. 194 и 195), под которою автор, по всей вероятности разумеет Украину, забитую горем и политую кровью, которая укоряет своих детей за то, что они мирно спали в то время, когда чужие руки истязали ее и засевали репяхом. “Когда то, говорит “Ныва”, я хорошо родила, на мне выростала сила на страх и горе врагам, а теперь я дичаю, не видя тому конца, так как меня никто не орет”. “Правда, “Ныва”, – отвечают дети, – за слезами мы не орали, теперь же примемся за работу, и если не мы, то может, внуки дождутся этой жатвы...”.

8) “Весна” (стр. 195–196). Стихотворение его же, в котором изображена мрачная картина босых и голых бедняков, старых и малых, которые с наступлением весны бредут из сел в города для заработков на пропитание. Выставляя равнодушие панства к бедственному положению этих труженников, автор замечает, что последним оно не надбавит цены за их раны и мозоли.

9) “На роковыны Т. Г. Шевченко”. Стихотворение его же (стр. 196–197), в котором говорится, что незабвенный Кобзарь воспринял терновый венец за любовь к родине и что за нее он умер на чужой стороне. Автор, называя Шевченко заступником рабов, замечает, что настанет час, когда, несмотря на господствующую еще ночь и отсутствие света, темный люд и впотьмах проберется на ту гору, где покоится прах мученика.

и 10) Стихотворение Антоненки “На украинськи думки”, в котором высказывается надежда на возможность воскресенья прежнего казачества (стр. 3–4 малой тетрадки прилож[ение] к сборнику “Рада”).

Затем остальные статьи сборника “Рада” могут быть дозволены к напечатанию с тем, однако же, непременною условием, чтобы при печатании не было допущено никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 37–40. Оригінал.

№ 118

**1884 р., липня 21. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензорів з іноземної цензури про дозвіл
на друкування рукопису роману Панаса Мирного “Повія”
з окремими купюрами та за умови дотримання
російського правопису**

На представление за № 830 Главное управление по делам печати уведомляет Вас, милостивый государь, для соответствующего распоряжения, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском языке под заглавием “Повия”, роман из народного быта П. Мирного, может быть дозволена к напечатанию с исключением в ней следующих мест: 1) на стр. 42 – оскорбительных отзывов о духовенстве; 2) на стр. 57 – бранного выражения, оскорбляющего чувства при-

личия: “трястя тобі в пуп”; и 3) на стр. 82 – высказываемого панам упрека, что они завладели самими лучшими угодьями, а крестьянам отдали худые наделы.

Независимо от сего, дозволение должно быть дано под условием соблюдения в тексте правил правописания русского языка согласно требованию высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.¹

И[справляющий] д[олжность] начальника
Главного управления по делам печати *Ф. Еленев*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 63. Оригінал.

№ 119

1884 р., листопада 23. Київ. –

Повідомлення київського окремого цензора з іноземної та внутрішньої цензури В. Л. Рафальського Київському губернському жандармському управлінню про політичне спрямування заборонених до поширення в Росії брошур, виданих за кордоном М. П. Драгомановим

На запрос Киевского губ[ернского] жандармского управления от 31 октября сего года за № 50² относительно направления препровожденных ко мне трех брошюр: “Про хліборобство”, изданной в Лейпциге в 1877 г., “Про те, як наша земля стала не наша”, издан[ной] там же и в том же году, и “Про богатство и бідність”, издан[ной] в 1876 г. без обозначения места издания, имею честь сообщить, что все эти брошюры, изданные эмигрантом Драгомановым, о чем он сам впоследствии заявляет в одном из номеров своего журнала “Громада”, принадлежат к числу произведений революционно-социалистического характера и имеют целью пропаганду этого учения между простым народом в малороссийских губерниях. Написаны они языком простым и в форме (большею частью диалогической), вполне доступной для понимания даже людей необразованных и мало развитых. К обращению в России они не дозволены.

Брошюры эти при сем прилагаются.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 157, арк. 11 зв., 38. Відпуск.

¹ Див. док. № 68.

² Див. цю саму справу, арк. 11.

#110.

№ 1 АНВ. 85

~~1~~ ~~2~~ 3

Его Высочайшему Превосходительству,
Господину Губернатору Юго-Западного края,

Прекрестный крестик

Дворянина Николая Степановича Лисенка

Прошение.

Учтя, намеревая дать в текущем году
концерт свой, обстоятельный в числе других
музыкальных программ и Коробки камерной,
я ильте к сему покорнейше прошу Ваше Высочайшее
превосходительство снисхождением рассмотреть
просьбу о дозволении мне производить саован
концерт в доме Михаила Николаевича Воды, г. Каменка.
Киев. 24 Января, 1885 г.

Николай Степанович Лисенко

Проханья М. В. Лисенка до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. Р. Дрентельна. 24 січня 1885 р. Док. № 119.

№ 120

1884 р., грудня 19. Київ. –

Повідомлення київського окремого цензора з іноземної цензури Київському губернському жандармському управлінню про заборону поширення в Росії брошури М. П. Драгоманова “До чого довоювались”

На запрос Киевского жандармского управления от 14-го сего декабря за № 63 относительно направления присланной мне на рассмотрение брошюрки, изданной в Женеве М. Драгомановым под заглавием “До чего довоювались” имею честь уведомить, что брошюра эта не дозволена к обращению в России, ввиду ее крайне враждебного отношения к русскому правительству и полного осуждения его деятельности в последнюю Восточную войну^а. Автор кроме того проповедует необходимым низвержения “самодержавия”, установления конституционного образа правления, социально-экономических реформ и даже “открытое сопротивление деспотизму и открытым на него нападениям” (стр. 22). Все надежды он возлагает на армию, которая “одна может помочь более скорому падению деспотизма” и облегчить исход возникшего уже, по его мнению, “кризиса” в “интересах свободы народов” (стр. 26).

Вследствие всего этого брошюрка “До чего мы довоювались” должна быть причислена к весьма опасным революционным произведениям.

И[справляющий] д[олжность] отдельного цензора
по иностранной цензуре, действительный статский советник
Письмоводитель [підпис]

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 157, арк. 13, 36. Відпуск.

№ 121

1885 р., січня 24. Київ. –

Прохання М. В. Лисенка до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. Р. Дрентельна про дозвіл на проведення репетицій хору у Залі мінеральних вод

Имея намерение дать в текущем сезоне концерт свой, обставленный в числе других номеров программы и хоровыми номерами, я имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство сделать зависящее распоряжение о дозволении мне производить спевки хору в Зале минеральных вод господина Качалы.

Дворянин Николай Лисенко

Резолюція: Препятствий нет.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 834, спр. 29, арк. 3. Оригінал.

№ 122

**1885 р., не пізніше січня 28¹. Київ. –
Записка М. В. Лисенка київському, подільському
і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну
про включення до програми його концерту українських пісень
та уривків з опери “Тарас Бульба”**

В числе номеров концерта, который я желаю дать, кроме хоровых вещей Рубинштейна, Бетговена, Гайдна и друг[их] авторов, предполагаю исполнить русские хоры Мусоргского и малорусские народные: Quodlibet² из народных песен, квинтет из оп[еры] Тараса Бульбы с хором и некоторые другие лирические хоры, разрешенные Глав[ным] упр[авлением] по д[елам] печати. В случае надобности я могу по требованию доставить разрешение Гл[авного] упр[авления] по д[елам] печ[ати] на малорусские номера.

Н. Лисенко

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 834, спр. 29, арк. 4. Оригінал.

№ 123

**1885 р., лютого 11. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензорові з іноземної цензури
про заборону друкування українською мовою творів
М. Л. Кропивницького “Доки сонце зійде – роса очі виїсть”,
“По ревізії”, “Глитай, або ж павук”**

На представление от 31 декабря 1884 г. за № 2359 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство для соответствующего распоряжения, что из возвращаемых при сем сочинений на малороссийском языке М. Кропивницкого драма “Доки сонце зійде – роса очі виїсть”, этюд “По ревізії” и помещенная в книге “Збирник творив. Том I” драма “Глитай, або ж павук” должны быть запрещены к напечатанию. Остальные же сочинения могут быть дозволены, но под условием соблюдения правил правописания, принятых в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 147, арк. 49. Оригінал.

¹ Датується за змістом листування.

² Всяка всячина (лат.).

№ 124

1885 р., травня 6. Херсон. –

Повідомлення херсонського губернатора О. С. Ерделі військовому губернаторові м. Миколаєва про встановлення нагляду за М. К. Садовським (Тобілевичем) та виставами його трупи

Секретно

Господин одесский генерал-губернатор, усматривая из производящегося Корпуса жандармов капитаном Дремлюгою дознания о преступном сообществе в г. Елисаветграде, что к делу этому в известной степени прикосновенен проживающий там дворянин Николай Тобилевич (по театру Садовский), родной брат бывшего секретаря Елисаветградского городского полицейского управления Ивана Тобилевича, отданного за политическую неблагонадежность под надзор полиции и удаленного из местностей, находящихся в положении усиленной охраны. И имея в виду, что названному Тобилевичу (Садовскому) еще до обнаружения этого обстоятельства, было разрешено ставить в Елисаветграде в течение минувшего апреля смешанные русско-малороссийские спектакли, просит распоряжения моего, чтобы местной полицейской властью было обращено особое внимание на сущность и характер даваемых в Елисаветграде пьес, а также разрешаемых к исполнению куплетов и чтобы вообще за деятельностью и сношениями Тобилевича (Садовского) было установлено негласное наблюдение.

Усматривая из полученного ныне донесения елисаветградского полицеймейстера, что названный Тобилевич (Садовский) в настоящее время находится в г. Николаеве, имею честь уведомить об этом Ваше превосходительство на зависящее распоряжение, покорнейше прося о последующем довести до сведения его высокопревосходительства.

Губернатор *А. Эрдели*

Управляющий канцелярией *Левитский*

Резолюція: Исп[равляющему] д[олжность] полицеймейстера: к исполнению и доложить мне, действительно ли Тобилевич здесь и участвовал в театральных представлениях малоросс[ийской] труппы.

ЦДІАК України, ф. 356, оп. 1, спр. 229, арк. 1. Оригінал.

№ 125

1885 р., липня 13. Санкт-Петербург. –

Повідомлення начальника Головного управління у справах друку київському окремому цензорові з іноземної цензури про дозвіл на перевидання творів Г. Ф. Квітки-Основ'яненка за умови дотримання російського правопису

Вследствие представления за № 1100 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемые при сем

сочинения Квитки-Основьяненко – 10 книг и 2 рукописи на малороссийском наречии могут быть дозволены к печати, но с тем, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

И[справляющий] д[олжность] начальника
Главного управления по делам печати *Ф. Еленев*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 78. Оригінал.

№ 126

**1885 р., листопада 18. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензорів з іноземної цензури
про дозвіл на перевидання творів І. П. Котляревського
за умови дотримання російського правопису**

Вследствие представления за № 1897 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем книга, заключающая в себе сочинения И. П. Котляревского на малороссийском наречии, под заглавием “Виргилиева Енеида”, “Наталка Полтавка” и “Москаль-чаровник”, может быть дозволена к перепечатанию, но с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 148, арк. 81. Оригінал.

№ 127

**1885 р., грудня 21. Санкт-Петербург. –
Розпорядження Головного управління у справах друку
київському окремому цензорів з іноземної цензури
про категоричну заборону друкування українських творів,
написаних “кулішівкою”**

Вследствие возбужденного Вашим превосходительством вопроса о том, как поступать в тех случаях, когда типографии, вопреки требованию цензуры, будут печатать произведения на малорусском наречии так называемой “кулишевкой”, имею честь Вас уведомить, что в таких случаях, кроме невыдачи выпускного билета, надлежит приостанавливать выпуск в свет издания чрез местного губернатора, которому подчинен инспекторский надзор за типографиями и т. п. заведениями и который имеет право поручить чиновнику, наблюдающему за типографиями, опечатать экземпляры издания в предупреждение выпуска их в свет без разрешения цензуры.

№ 171

25 ЛЕН 85.

294

М. В. Д.

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ**
по дѣламъ
ПЕЧАТИ.

Господиному Киевскому
Отдѣльному Цензору по
иностраннымъ цензурѣ.

» 21. Декабря 1885 года
№ 4670

Вслѣдствіе возбужденна-
го Вашими Превосходитель-
ствомъ вопроса о томъ,
какъ поступать въ такихъ
случаяхъ, когда типогра-
фий, вопреки требованію
цензуры, будутъ печатать
произведенія на иностран-
скомъ языкѣ такъ на-
зываемой русскаго языка, имѣю
честь Васъ уведомить,
что въ такихъ случаяхъ,
кроме не выдачи копій на
го вшета, надлежитъ
проставивать во-
пускъ въ печать издаванія
черезъ местного Губерна

Розпорядження Головного управління у справах друку київському
окремому цензоріві з іноземної цензури. 21 грудня 1885 р. Док. № 127.

Но при этом нельзя не заметить, что условных цензурных разрешений, т. е. таких, в которых постановляется известное условие о печатании произведения с соблюдением правил русского правописания не установлено, а потому представлялось бы более правильным и целесообразным рукописи, написанные “кулишевкой”, совершенно не допускать к печати впредь до исправления их издателями соответственно требованию высочайшего повеления, объявленного в циркуляре от 16 октября 1881 г. за № 4016¹.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 294–295. Оригінал. Опубл.: *Гіськова Л.* Кайдани на вуста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 21 (у перекладі українською мовою).

№ 128

**1886 р., січня 5. Санкт-Петербург. –
Повідомлення начальника Головного управління
у справах друку Є. М. Феоктистова київському окремому цензоріві
з іноземної цензури про заборону друкування рукопису В. Євгенєва
“Спиви і розмови і щире кохання” з нагадуванням про те,
що місцевим цензурним установам заборонено надавати дозвіл
на друкування творів, написаних українською мовою**

Вследствие представления за № 2192 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Спивы и розмовы и щире коханье, соч[инение] В. Евгеньева” не должна быть допущена к напечатанию и что вообще такие сочинения, которые, подобно настоящему, представляются, по Вашему мнению, вовсе неудобными к печати, могут быть запрещаемы Вами без сношения с Главным управлением, так как по силе высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.² местными цензурными учреждениями не могут быть разрешаемы к печати собственною властью произведения на малороссийском наречии без предварительного рассмотрения их в Главном управлении. Запрещение же этого рода произведений, не удовлетворяющих цензурным требованиям, на общем основании вполне зависит от господ цензоров.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 1. Оригінал.

¹ Див. док. № 96.

² Див. док. № 68.

№ 129

1886 р., січня 7. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл
на друкування за російським правописом вірша Я. І. Щоголіва
“Хортиця”, а також збірки віршів Олени Пчілки “Думки-мережанки”,
за виключенням перекладів творів
Вільяма Шекспіра і М. Ю. Лермонтова

Вследствие представления за № 2210 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемые при сем произведения на малорусском наречии: 1) сборник стихотворений Олены Пчилки (псевдоним Ольги Косач) под заглавием “Думки-мережанки” и 2) стихотворение Щоголева “Хортица” могут быть разрешены к напечатанию, но с исключением из сборника Олены Пчилки следующих переводных пьес: “Монолог Джульетты” (стр. 51–53), “З Лермонтова” (стр. 55), “Урывки из “Мцыри” (стр. 56–64) и “Псалмы Давида” (стр. 65–68) и с тем, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые для русского языка.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 185, арк. 1. Оригінал.

№ 130

1886 р., січня 8. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов’язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про дозвіл на друкування твору
І. І. Манжури “Лиха година”; про безумовну заборону
рукописів невстановлених авторів “Де взялася горілка”,
“Оповідання про війну князя Ігоря Святославовича
з невірними половцями”, а також вірша О. Я. Кониського
“Молитва” з нотами М. В. Лисенка

Вследствие представления за № 2236 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из возвращаемых при сем сочинений на малорусском наречии рукописи “Де взялась горілка” и “Оповідання про війну князя Ігоря Святославовича з невірними половцями” и брошюра “Молитва. О. Я. Кониського. Музыка Миколи Лисенка” должны быть безусловно запрещены к печати. Рукопись же “Лыха година” может быть дозволена к напечатанию, но с тем, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые для русского языка.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 2. Оригінал.

№ 131

1886 р., січня 23. Київ. –

Листування київського губернатора Л. П. Томари з київським окремим цензором з внутрішньої цензури В. Л. Рафальським про необхідність знищення 12 тисяч примірників творів, надрукованих “кулішівкою” у друкарні М. Т. Корчака-Новицького

По поводу возникшего дела о найденных состоящим при мне старшим сверхштатным чиновником для особых поручений Кучинским в типографии Корчак-Новицкого в г. Киеве в количестве 12 000 экземпляров сочинений, напечатанных недозволенным малороссийским правописанием вопреки высочайшему повелению 18 мая 1876 г., а именно: 1) “Не було змалку, не буде й до останку”; 2) “Наш дід, и піп” и “Сырїтський жаль”; 3) “Хатне лыхо” и 4) “Жыдовській попыхач”, я входил по сему предмету в сношение с Главным управлением по делам печати, испрашивая указаний, как поступить с означенными отпечатанными брошюрами. Вследствие чего Главное управление отношением от 13 сего января за № 224 уведомило меня, что применительно к ст[атьям] Уст[ава] ценз[урного], Св[ода] зак[онов] т. XIV и 1 ч[асти] ст. 1027 Улож[ения] о наказ[аниях], арестованные в типографии Корчак-Новицкого брошюры на малорусском наречии в показанном выше количестве не могут быть выпущены в обращение как напечатанные с нарушением установленных цензурных правил и потому подлежащие перепечатанию без возбуждения судебного преследования.

Сообщая об этом Вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, не отказать уведомить меня: не находите ли Вы, что вышеозначенные брошюры по применению к § 1027 Улож[ения] о наказ[аниях], по которому листы, в коих находятся запрещенные места, уничтожаются при свидетеле от цензуры, – подлежат тем же порядком уничтожению.

Губернатор *Томара*
Правитель канцелярии [*підпис*]

На запрос Вашего превосходительства от 23 января сего года за № 222 имею честь доложить, что по получении означенного запроса я вновь рассмотрел четыре означенные в сем запросе брошюры на малорусском наречии, напечатанные в типографии Корчак-Новицкого, предполагая, что отступления от общепринятого русского правописания не особенно велики и допущены только на некоторых страницах, так что достаточно было бы перепечатать только эти страницы. Но это новое рассмотрение убедило меня окончательно, что на всех положительно страницах допущены эти отступления, что книги эти напечатаны особым правописанием, так называемой “кулишовкою”, представляющей значительные отступления от общерусского правописания, отступления, не оправдываемые никакими ни фонетическими, ни лексическими особенностями малорусского наречия и которым в настоящее время не следует сам избратель этого правописания господин Кулиш. А главное, – правописание не

может [быть] допущено в употребление на основании известного высочайшего повеления. Ввиду этого на основании ст. 1027 все эти брошюры, по моему мнению, должны быть непременно уничтожены, причем издатели могут вновь напечатать их, но соблюдая вышеупомянутое высочайшее повеление относительно правописания.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 187, арк. 7–8. Оригінал, відпуск.

№ 132

**1886 р., лютого 13. Санкт-Петербург. –
Висновок Головного управління у справах друку
про вилучення драми “Бурлаки”
із “Збірника драматичних творів” І. К. Карпенка-Карого**

Вследствие представления за № 1434 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из числа пьес, заключающихся в возвращаемой при сем рукописи на малорусском наречии под заглавием “Збирник драматичних творів Івана Карпенко”, драма “Бурлаки” должна быть безусловно запрещена к печати, так как эта пьеса производит чрезвычайно тяжелое впечатление по изображению в ней безотрадного положения сельского люда и, вместе с тем, как бы указывает на несостоятельность нынешних мероприятий к поднятию уровня развития народа в нравственном и умственном отношении, и к искоренению злоупотреблений. Остальные же четыре пьесы означенного сборника могут быть разрешены к напечатанию, но с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые для русского языка.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феофтистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 5. Оригінал.

№ 133

**1886 р., лютого 15. Одеса. –
Повідомлення начальника Жандармського управління
м. Одеси О. М. Катанського прокуророві Одеської судової палати
В. Арістову про арешт болгарського підданого С. Гулапчева
за спробу нелегального ввезення з-за кордону заборонених
в Росії видань женеvської друкарні “Громади”**

Секретно

15 февраля в 3 часа пополудни, на пришедшем из Константинополя в Одесский карантинный порт русском пароходе “Азов” при досмотре вещей студента Киевского университета болгарского подданного Спиро Гулапчева, предъявившего заграничный паспорт, выданный ему в г. Софии от 20 января

сего года за № 34865, между прочим обнаружено в кожаном чемодане двойное дно, заложённое досками и обклеенное бумажною материею, внутри которого оказались следующие революционные издания: 1) 4 экземпляра под заглавием “Марія – мати Ісуса”, каждый на 66 страницах; 2) 4 экземпляра “Марія, поема Шевченко”, издание Женева 1885 г. М. Драгоманова, каждый на 47 страницах; 3) 4 экземпляра “Вольный Союз – Вільна Спілка”, издание Женева, типография “Громады”, 1884 г., на 110 страницах; 4) 4 экземпляра “Політични пісні українського народу 18 и 19 столетій” Драгоманова, Женева, 1883 г., на 136 страницах; 5) 2 экземпляра “Нови українські пісні про громадські справи 1764–1880 гг.” Драгоманова, Женева 1881 г., на 132 листах; 6) один экземпляр “Le tygannicide”^а, Женева 1881 г., Драгоманова; 7) “Литература Украины”, Женева 1878 г., Драгоманова, на 42 страницах; 8) 3 экземпляра “Историческая Польша и великорусская демократия”, издание Драгоманова, Женева 1882 г., на 511 стран.; 9) 4 экземпляра “Письмо Н. И. Костомарова к издателю “Колокола”^б, издание “Громады”, Женева 1885 г., на 13 страницах и 10) 10 номеров журнала “Вольное слово”^в, издание редактора Драгоманова, из коих пять номеров за №№ 52, 53, 54, 55 и 56 – на 16 страницах; два №№ 57 и 58 на 18 страницах; № 59 – на 20 страницах; № 60 – на 16 страницах и №№ 61 и 62 в одном экземпляре на 22 страницах.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, имею честь присовокупить, что обвиняемый Гулапчев обыскан, арестован и заключен под стражу в Одесский тюремный замок. Возбужденное же при вверенном мне управлении о Гулапчеве дознание, будет производиться в порядке закона 19 мая 1871 г.^г

Об изложенном имею честь донести Вашему высокопревосходительству.

Полковник [підпис]

ЦДІАК України, ф. 419, оп. 1, спр. 1323, арк. 1–2. Оригінал.

№ 134

1886 р., березня 28. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про безумовну заборону друкування драми Панаса Мирного “Лимерівна”

Вследствие представления за № 605, Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем рукопись на малорусском наречии под заглавием “Лимеривна. Драма в 5-ти сценах и 6-ти постановках Панаса Мирного” должна быть безусловно запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 7. Оригінал.

№ 135

**1886 р., квітня 29. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування творів
М. Ю. Лермонтова в перекладі О. Замашного та збірки І. Сірика
“Українські пісні”, а також про дозвіл на видання творів
І. П. Котляревського за умови дотримання російського правопису**

Вследствие представления за № 794, Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из возвращаемых при сем сочинений на малорусском наречии: рукописи “Демон Лермонтова і другіе переклади и вирши, соч[инения] О. Е. Замашного” и “Украински писни” Ивана Сирика не должны быть допускаемы к напечатанию, книга же Котляревского “Вергилиева Енеида”, “Наталка Полтавка” и “Москаль-чаривнык”, может быть разрешена к перепечатанию, но с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 8. Оригінал.

№ 136

**1886 р., травня 10. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування повісті
І. С. Нечуя-Левицького “Микола Джеря” та дозвіл
на видання повісті “Баба Параска і баба Палажка”
за умови дотримання російського правопису**

Вследствие представления за № 884 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из возвращаемых при сем двух повестей Левицкого на малороссийском наречии: 1) “Микола Джеря” и 2) “Баба Параска та Палажка”, первая не должна быть допущена к напечатанию; вторая же может быть разрешена к печати, но с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 10. Оригінал.

№ 137

**1886 р., травня 12. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про дозвіл на друкування драми
П. О. Куліша “Петро Сагайдачний” із купюрами
та за умови дотримання російського правопису**

Вследствие представления за № 721, Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем драма П. А. Кулиша на малорусском наречии под заглавием “Петро Сагайдашний” может быть дозволена к напечатанию, но с исключением из нее мест, отмеченных красным карандашом на стр. 65, 77, 79, 128 и 148, и с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 185, арк. 10. Оригінал.

№ 138

**1886 р., травня 16. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування казки
І. С. Нечуя-Левицького “Запорожці” та дозвіл на видання
повісті “Кайдашева сім'я” з купюрами та за умови дотримання
російського правопису**

Вследствие представления за № 915 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из возвращаемых при сем повестей И. Левицкого на малороссийском наречии под заглавиями “Запорожци” и “Кайдашева сім'я”, первая не может быть допущена к напечатанию, вторая же может быть разрешена к печати, но с исключением найденных Вами неудобных мест и с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 12. Оригінал.

№ 139

**1886 р., травня 24. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування віршів
селянина К. Шелудька “Смерть царя-мученика”
та “Як Україна притулилась до Московського царства”**

Вследствие представления за № 919 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемые при сем две рукописи стихотворений на малороссийском наречии, соч[инения] крестьянина К. Шелудько, под заглавиями: “Смерть царя-мучыныка” и “Як Украина притулилась до Московского царства” не могут быть допущены к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

Помітка: 29 мая. Господину Шелудько (в Богодухов) [сообщить], что стихотворения его не могут быть допущены к напечатанию.

ЦДДАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 11. Оригінал.

№ 140

**1886 р., листопада 9. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку київському
окремому цензору з іноземної цензури про заборону друкування
рукопису Т. Горобця “Дві приказки”, а також про дозвіл
на видання збірки М. В. Лисенка за виключенням семи пісень
та за умови дотримання російського правопису**

Вследствие представлений за №№ 1801 и 1990 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что из возвращаемых при сем сочинений на малорусском наречии рукопись “Дви приказки. Тиберія Горобця”, заключающая в себе рассказы “Добре робы, добре й буде” и “Гора з горою не зійдеться, а чоловік з чоловіком завжди”, должна быть безусловно запрещена к напечатанию; сборник же песен композитора Лисенко может быть разрешен к печати, но с исключением из него следующих песен, отмеченных красным карандашом: о борьбе славного казака Нечая с ляхами (стр. 3 и 4); песни, обращенной к гетману Хорьку (стр. 5); песни про атамана Гонту и Зализняка (стр. 6 и 7); “Ох, и горе мени” (стр. 7); “Зажурилась Украина” (стр. 7); народной песни Галицкой и Угорской Руси про пана Добуша (стр. 7 и 8) и в песне “Ой, у поли два яворы” четырех строк (стр. 7). И с тем условием, чтобы при печатании были соблюдены правила правописания, принятые в русском языке.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

ЦДДАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 16–17. Оригінал.

№ 141

**1886 р., грудня 24. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування рукопису Б. Д. Грінченка “Оповідання”**

Вследствие представления за № 2200 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемое при сем сочинение на малороссийском наречии В. Чайченка под заглавием “Оповідання” должно быть безусловно запрещено к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 21. Оригінал.

№ 142

**1886 р., грудня 24. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону друкування повісті**

І. С. Нечуя-Левицького “Старосвітські батюшки та матушки”

Вследствие представления за № 2410, Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Повісти Івана Левицького. Т. III. Старосвицьки батюшки та матушки” должна быть безусловно запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 22. Оригінал.

№ 143

**1887 р., січня 20. Київ. –
Щотижнева записка київського губернатора Л. П. Томари
міністрові внутрішніх справ Д. А. Толстому про запобіжні
поліцейські заходи в Києві напередодні панахиди в Софійському
соборі по О. Ф. Кістяківському та П. П. Чубинському**

Конфіденційно

В местных газетах были помещены два объявления о том, что в воскресенье, 18 сего января, в 12 часов дня, по случаю второй годовщины Александра Федоровича Кистяковского и третьей годовщины Павла Платоновича Чубинского имеют быть отслужены панихиды в Софийском соборе.

Ввиду возбужденного подозрения в тенденциозности означенных объявлений, так как Кистяковский при жизни отличался хохломанским направлением и имел много приверженцев, а Чубинский известен был как политический деятель, и имея в виду, что действительный день годовщины смерти Кистяковского 13-го, а Чубинского 16 января, полицией было установлено наблюдение и приняты некоторые предупредительные меры к устранению могущих возникнуть тенденциозных проявлений, как возле собора, так и на кладбище; а также предпринято расследование о таком совпадении совместного назначения в один и тот же день и час панихиды по двум одновременно умершим лицам и притом не в приходской церкви, а в кафедральном соборе. При чем выяснено, что покойный Чубинский приходился вдове Кистяковской близким родственником (двоюродным братом) и что она в день годовщины мужа, 13 января, отпевала панихиду на могиле мужа, на Байковом кладбище, но так как дети ее и ее родственницы Чубинской, находясь в учебных заведениях, не могли присутствовать в это время на кладбище, как в день учебный, то она, Кистяковская, вместе с вдовою Чубинскою порешили отслужить по своим мужьям панихиду совместно в Софийском соборе в день воскресный, дабы дети их могли присутствовать вместе с другими родственниками и знакомыми при служении панихиды, для чего и избрали 18 января.

При служении означенной панихиды по Кистяковском и Чубинском никаких речей и вообще ничего тенденциозного произнесимо не было, равно как и на кладбище никто не собирался. Кроме Кистяковской и Чубинской с детьми в соборе во время панихиды присутствовало не более 12 лиц.

Верно: губернатор *Л. Томара*

ЦДАК України, ф. 442, оп. 837, спр. 27, арк. 1–2. Засвідчена копія.

№ 144

1887 р., березня 30. Санкт-Петербург. – Роз'яснення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про праці М. П. Драгоманова “Нові українські пісні про громадські справи” та “Про те, як наша земля стала не наша” як такі, що належать до заборонених в Росії видань

Вследствие представления за № 294 имею честь уведомить Ваше превосходительство, что из числа трех брошюр, о которых Вы сообщаете как о не значащихся в каталоге изданий, запрещенных к обращению в Россию, две: именно “Нові українські пісні про громадські справи (1764–1880)” М. Драгоманова и Липский¹ “Про те, як наша земля стала не наша”^а значатся в каталоге под №№ 269 и 493.

Означенный каталог был составлен в 1884 г. как по сведениям, имевшимся в цензуре, так и по данным, сообщенным Департаментом полиции. Книги

¹ Так у тексті.

преступного содержания, особенно на русском языке и на малорусском наречии, а равно книги такого ж содержания печатавшиеся в России тайно, на рассмотрение цензуры не поступали и не поступают. Поэтому внесение точного названия их в каталог может последовать лишь в том случае, когда они конфискуются и таким путем делаются известными правительству. Массы преступных изданий, постоянно выходящих в свет за границей, в каталоге не значатся, а из тех, которые значатся, во многих местах могут встретиться неточности. Так, например, автор брошюры под № 493 назван “Липьску” вместо Липский и т. п. Поэтому при проверке задерживаемых изданий недостаточно руководствоваться одним каталогом и внимательно рассматривать все не значащиеся в каталоге издания, подобно тому как это сделано Вами при рассмотрении изданий, арестованных Киевским жандармским управлением. Если у Вашего превосходительства имеются еще какие-либо сведения о заграничных изданиях, подлежащих внесению в каталог запрещенных, то благоволите сообщить мне о них, так как Главное управление по делам печати предполагает в непродолжительном времени приступить к перепечатке каталога 1884 г.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 296–297. Оригінал.

№ 145

**1887 р., червня 2. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов’язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону поширення в Росії нотних
зошитів М. В. Лисенка “Збірник українських пісень”
та “Музика до “Кобзаря” Т. Г. Шевченка”**

Вследствие представления за № 272 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемые при сем три нотных тетради композитора М. Лисенко с текстом на малороссийском наречии, под заглавиями “Збірник українських пісень”, выпуски второй и третьей” и “Музика до “Кобзаря” Т. Шевченка” на слова “І богата я, і вродлива я”, не должны быть допускаемы к обращению в России.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 34. Оригінал.

№ 146

1887 р., червня 4. Київ. –

Повідомлення київського губернатора Л. П. Томари Департаменту поліції про українофільське спрямування діяльності членів студентського хору М. В. Лисенка, а також про існування польського і єврейського гуртків серед студентів Київського університету

Совершенно секретно

Вследствие отношения от 22 февраля за № 429 по предмету выяснения факта существования среди студентов высших учебных заведений кружков под названием “Землячества” и их вреда в политическом отношении, сделав распоряжение о постоянном наблюдении со стороны полиции за студенческими кружками и установлении лиц неблагонадежных, стоящих во главе организации наиболее вредных кружков, имею честь сообщить Департаменту о добытых до настоящего времени сведениях по этому вопросу: кружков землячеств в том виде, в каком они охарактеризованы в означенном отношении Департамента с ежемесячными взносами членов для взаимной помощи, до сего времени ни между студентами университета, ни Духовной академии не наблюдалось. Из жизни же университетских студентов замечено, что они, поступая в университет, возвращаются первое время исключительно в среде своих старых товарищей по гимназии и знакомых земляков, но затем, знакомясь с новыми товарищами, близкие отношения к старым нередко изменяются, проявляясь, впрочем, в случае критического материального положения старого товарища или земляка в посильном пособии в виде приюта в свою квартиру, наделения одеждой или подыскиванием уроков, но делается это не ради обязанности, возложенной тем или другим организованным кружком, но в силу естественного стремления оказать помощь школьному товарищу или земляку, прежние взаимные отношения которых устраняют всякую щепетильность как в отношении предложения, так и в отношении принятия посильной помощи.

Тем не менее, по близости взаимных отношений студентов университета можно подразделить на три главные группы: 1-я) польская (Кулко); 2-я) українофільська или хохломанская и 3-я) єврейська. Солидарність більше всего развита в польской группе, которая, как говорят, устраивала в прежнее время вечеринки с платою за всех – для нужд своих бедных товарищей. Студенты-поляки не обращаются в случае нужды к русским.

Українофільська група состоит большею частью из малороссов – почитателей казачества, Шевченко и проч. Представителем этого направления в Киеве состоит малороссийский композитор Николай Викентьевич¹ Лысенко, к которому часто собираются для спевков (Лысенко содержит малорусский хор) студенты и курсистки. Из числа постоянных посетителей Лысенко известны студенты: Бирюков, Семенов, Игнатович, Демущий, Корольков и Поночевный. Последнему воспрещено уже пребывание в г. Киеве по распоря-

¹ Витальевич

жению господина генерал-губернатора 4 мая. О вредном направлении кружка, группирующегося около Лысенко и состоящего почти исключительно из лиц, участвующих в хоре, изобличительных фактов не установлено, хотя начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор Новицкий составил себе убеждение в неблагонадежном направлении этого кружка. Недавно произведенный по его распоряжению обыск у некоторых лиц этого кружка не дал результатов, а было только найдено у них много малорусских книг. В группу украинофилов, по-видимому, входят студенты – уроженцы Кубанской области, которых в университете человек 10, по крайней мере один из них, Семенцов, участвуя в хоре Лысенко, занимался покупкой малорусских книг и по заказам своих кубанских знакомых в значительном количестве отправлял их на Кубань.

Студенты-евреи, составляя особую группу, вспомошествуют своим бедным товарищам, добывая деньги всякими путями, и были случаи устройства ими вечеринок с платою за вход. Но, делая такую характеристику группировки студенческого элемента, я должен повторить, что за этими группами не только не наблюдалось какой-либо определенной организации и программы действий, но что в состав их, по отсутствию близкого знакомства и полной солидарности между многими студентами, особенно разных факультетов и курсов, далеко не входят все лица одной национальности и направления.

Между же студентами духовной академии никакой группировки по месту происхождения не замечается; они живут преимущественно, так сказать, казарменно, и не возбуждают никаких подозрений в организации каких-либо вредных в политическом отношении кружков.

Подлинное подписал: губернатор *Томара*
Скрепил: за правителя канцелярии *Савлущинский*

С подлинным верно: за правителя канцелярии
киевского губернатора *Савлущинский*

Сверял: за помощника правителя *И. А. Салтыков*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 837, спр. 146, арк. 2–5. Засвідчена копія.

№ 147

**1887 р., серпня 27. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про безумовну заборону друкування твору
Г. М. Бораковського “Маруся Чурай” українською мовою**

Вследствие представления за № 1139 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Маруся Чурай”, соч[инение] Бораковского, должна быть безусловно запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведующий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 37. Оригінал.

№ 148

**1887 р., вересня 16. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування творів І. Спілки
“Сербська війна” та А. П. Яковленка “Ніч на Івана Купала”**

Вследствие представления за № 1694 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемые при сем две рукописи на малороссийском наречии, под заглавиями “Сербська війна. Напысав И. Спилка” и “Ныч на Ивана Купайля. Комедія в одной діи. Соч[инил] А. П. Яковленко”, должны быть безусловно запрещены к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *С. Назаревский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 39. Оригінал.

№ 149

**1887 р., вересня 30. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону поширення в Росії
усіх виданих за кордоном книжок серій “Бібліотека музикальна”
та “Наукова бібліотека”**

Вследствие представления за № 1758 Главное управление по делам печати, возвращая при сем вышедшие за границей издания на малороссийском наречии “Библіотека музикальна”, выпуски XI и X и “Наукова бібліотека. Книжка 1. Нарис истории философии”^а, имеем честь уведомить Ваше превосходительство, что все вообще выпуски означенных изданий (“Библіотека музикальна” и “Наукова бібліотека”) не должны быть допускаемы к обращению в России.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *С. Назаревский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 41. Оригінал.

№ 150

**1887 р., жовтня 19. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов'язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону друкування рукопису
твору І. Спілки “В Америці”**

Вследствие представления за № 1887 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии под заглавием “В Америке. Написав И. Спилка”, должна быть безусловно запрещена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
И[справляющий] д[олжность] правителя дел *С. Назаревский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 184, арк. 44. Оригінал.

№ 151

**1889 р., не пізніше вересня 1¹. Київ. –
Записка начальника Київського губернського
жандармського управління В. Д. Новицького, надіслана київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву,
про українофільський рух 70–80-х рр. ХІХ ст.
як політичну течію в суспільстві**

В период времени, предшествовавший польскому мятежу 1863 г., в пределах Юго-Западного края образовалась партия, известная под названием “украинофилов” из элементов, подготовленных еще в половине сороковых годов, когда сочинения Шевченко и других малороссийских писателей жадно перечитывались, затверживались на память приверженцами малороссийской старины. Укреплению этой партии много способствовала появившаяся в 50-х годах довольно обширная малороссийская литература с даровитыми представителями и обособленные литературные кружки Кулиша в С.-Петербурге и Гацука² в Москве.

Украинофилы подразделялись на две партии: польскую (украинскую) и русскую. Первая, вдохновленная стихотворениями польских поэтов, воспевавших Украину, мечтала о республике южно-русских провинций под гегемониею Польской Речи Посполитой; вторая же мечтала о свободной Малороссии в виде республики с гетманом во главе вместо президента, в союзе с Россиею и свободною Галициею наподобие Северо-Американских Штатов.

Партия русских украинофилов или “украинофилов-националистов” до 1874 г., хотя была чужда понятий о социализме, имела цель – распространение и утверждение в Малороссии понятий об особенностях, самостоятельно-

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 1–7).

² Гацука

сти Украины, которая ни по характеру, ни развитию ничего будто бы общего с русскою землею не имеет, однако же успела даже проявить украинофильские интриги далеко не в русских интересах, а именно: 1) шумными манифестациями во время похорон Шевченко, при перевезении его тела чрез Киев в Каневский уезд; 2) дружбою с поляками как врагами “Москвы” перед мятежом 1863 г., причем украинофилы и поляки даже братались между собою, употребляя друг друга орудием ненависти к “московскому правительству”; 3) в противодействии сочувствию славян к России; 4) в распространении в народе книг и брошюр на малорусском наречии, переводов сочинений Гоголя и других русских писателей на то же наречие с искажением его против народного говора, указывающем на притязание переводчиков составить из него какой-то особый самостоятельный язык, не имеющий ничего общего с великорусским языком; 5) в приготовлении одной из киевских типографий к “кулишевке” с громадным запасом знаков препинания, потребных для искажения русских слов, входящих в состав малорусских сочинений; 6) в появлении на сцене русского театра в Киеве известной повести Гоголя “Ночь накануне Рождества Христова” в переводе на малорусское наречие, до крайности обезображенное переводчиком разными полонизмами и не встречающимися в народном говоре словами; 7) в изворотах, употребленных при переписи киевского населения с целью увеличения цифры малороссийского элемента на счет цифр других русских племен; 8) в проявлениях украинофилов во время Археологического съезда, заключавшихся в сосредоточении преимущественного внимания на памятниках старины и других предметах бытовой жизни малорусского племени, и в возражениях против реферата писателя Миллера о сходстве малорусских дум с великорусскими былинами, и 9) в переводе на малорусское наречие повести Гоголя “Тарас Бульба”, в которой переводчик слова “Россия”, “русский человек”, “русский царь” заменил повсеместно словами: “Украина”, “украинец”, “украинский царь” и пр.; такое искажение текста известного русского писателя и патриота сильно в свое время возмутило всех благомыслящих людей и вызвало даже чувство негодования.

Все эти проявления украинофильской интриги вызвали в то время энергичный протест со стороны бывшего редактора газеты “Киевлянин” профессора Шульгина, который целым рядом резких статей обличал и порицал тенденциозное направление сторонников украинофильской партии и доказывал несостоятельность поставленных ими в основание своей политики положений.

Завязь и укрепление украинофилы имели в Юго-Западном отделе Русского географического общества и газет “Киевский телеграф”, существовавших в Киеве, где они и закрыты были распоряжением правительства ввиду проявлявшегося в них открыто явно вредного направления русским интересам в крае.

Результаты действий польского мятежа 1863 г. и участие, принятое в его подавлении со стороны местного населения, в том числе и малорусского, окончательно подорвало польскую (украинскую) партию украинофилов и расстроило ее планы, в основе лежащие.

В период усиленной преступной социально-революционной пропаганды в народе, а именно в 1874 г., украинофильская партия уже прониклась социаль-

ными учениями и утратила свою обособленность; распространение в народе брошюр и книг на малорусском языке производилось чрез учителей сельских школ и чрез молодежь, шедшую в народ, которая блуждала для устной и книжной пропаганды в среде народа, сталкивалась с молодежью социально-революционной партии, также шедшею в народ для пропаганды с брошюрами и изданиями на русском языке революционного и тенденциозного содержания. Киевское сообщество украинофилов-социалистов представлялось более сильным и распространенным и заключало в себе членов солидного по возрасту и уму свойства из Старой громады, под влиянием которых организован был киевский революционный кружок под названием “молодежи”, который подразделялся на “Коши”, “Курени” и “Цветники”, являвшихся исполнителями предначертаний совета Старой громады, заключавшихся в активной деятельности чрез непосредственное соприкосновение с народом. В киевское сообщество “украинофилов” входили люди зрелого возраста, представители науки, профессора, учителя гимназий, которые имели полную возможность действовать на учащуюся молодежь в известном направлении. Сверх того, это сообщество в материальном отношении сильно поддерживалось денежными средствами богатых землевладельцев-украинцев, жертвовавших на нужды украинофильской партии средства, которые шли для революционных целей. С 1874 г. украинофильская партия принесла следующие плоды своей деятельности России: 1) инициатива устройства женеvской типографии и выпуска революционного журнала “Громада” – принадлежит всецело этой партии, которая поддерживала существование женеvской типографии и оказывала пособия революционным деятелям; 2) партия вела переписку по делам с представителями революционных сообществ в разных местах России и с политическими эмигрантами за границу; 3) партия имела в Киеве коммунистическую квартиру (“foyer radical”)¹, которая была питомником нигилизма, где для молодежи читался курс нигилистической естественной истории по Фогту, Бюхнеру, Фейербаху и др. сочинениям, и курс социалистической политической экономии по Марксу; членами этой же партии был сочинен устав “желтой интернационалки”; 4) партией эмигранту Драгоманову ассигновывалось ежегодно 1 ½ тысячи рублей, а в 1877 г. ему единовременно было оказано пособие на революционную типографию 3 тыс. рублей; государственному преступнику, бежавшему из Сибири за границу Владимиру Дебагорий-Мокриевичу до его ареста дано было 1 ½ тысячи рублей на приготовление крестьян Чигиринского уезда к бунту; деньги эти, впрочем, Мокриевичем были растрчены на свои нужды.

В период времени с 1 июля 1878 г. по 1 января 1885 г. при Киевском жандармском управлении по дознаниям было привлечено обвиняемыми в социально-революционной пропаганде 449 человек, из коих 163 человека были преданы военному суду, а об остальных дела закончены были в административном порядке. Такая почтенная цифра преследованных революционных деятелей не мало унесла с собою деятелей и из украинофильской партии, из коей немало также изъято было лиц чрез административную высылку из Киева, что

¹ Досл.: радикальне фойе (франц.).

значительно умалило деятельность партии в активном смысле, но однако же не отрешило стремлений и задач партии, члены которой признают и в настоящее время одним из лучших средств для ее целей и видов распространение в Украине книг и брошюр тенденциозного революционного содержания на малороссийском языке. Вот почему настоящее положение дел вызывает серьезное внимание правительства на малороссийскую литературу и в особенности в Киеве, представляющем агитационный центр украинофильства, где идет постоянная борьба русских интересов с стремлениями украинофилов и поляков.

Небезызвестно, что в последнее время крайние украинофилы возмечтали в союзе с поляками создать особую “Южнорусскую федерацию” с отделением совершенным от “москалей”, от России. Такие идеи проводятся преимущественно Драгомановым и его компаниею в “Громаде”, издаваемой в Женеве, причем доказывается, что малорусское племя, составляя от “Карпат до Урала и Каспийского моря” почти компактную массу в 26 миллионов, отличаясь по языку, нравам и обычаям от великороссиян и имея свою особую славную великими деяниями и подвигами историю, имеет все данные, чтобы со временем образовать особое и самостоятельное политическое целое. Нечто подобное даже за исключением, впрочем, конечных выводов высказывалось в статьях административно ссыльного Родиона Житецкого, помещенных года два тому назад в журнале “Киевской старины”. Эти мечты разделяются и так называемую партией “народников” или “младоруссинскою партией” в Галиции. Поляки, конечно, относятся весьма сочувственно к этим мечтаниям и как известно поддерживают этих украинофилов-“народников”, думая в союзе с ними достигнуть общей цели – отделения от России. Органами “народников” служит газета “Дило”, общество “Просвита”, “Сичь”^a, весьма распространенные в Юго-Западном крае. Эти союзники ведут весьма энергичную борьбу с другою партией в Галиции “староруссинскою”, представителями которой служат Наумович, Добрянский и др., но число приверженцев этой партии с каждым годом уменьшается, но зато она сильна сочувствием простого народа.

Но все прошедшие чрез школу руководимую “народниками” и поляками, делаются последователями “младоруссинской” партии и относятся враждебно к России. Газеты, журналы, книги, издаваемые этими “народниками”, дышат полною ненавистью к “москалю”, угнетающему у себя дома малороссийский народ, уничтожающему его язык, не дающему развиваться его творчеству, старающемуся даже заглушить самые воспоминания о его прошлом, огромных подвигах украинского казачества. Это прошлое идеализируется, представляется в самых светлых образах, самых ярких красках. Большое участие в этой работе, возбуждении вражды к России и ее правительству, принимают многие из малорусских писателей, живущих в России, но печатающих в большинстве случаев под разными псевдонимами свои произведения в Галиции, Женеве, Лейпциге, Львове и др. городах за границу. Из таких лиц небызвестны: 1) учитель русской словесности Кишиневской гимназии Иван Левицкий; 2) административно ссыльный Родион Житецкий, пользующийся покровительством редакции “Киевской старины”, издающейся в Киеве с субсидированною от правительства поддержкою и дававшей место в журнале для помещения

статьям эмигранта Федора Волкова под именем Конторовича, заведомого редакции этого журнала политического эмигранта.

Этот Волков, друг Драгоманова, с давних времен принадлежал к украинофильской партии в Киеве, он занимал до бегства за границу видное место в революционной деятельности, участвовал в собрании совета (громады) в качестве секретаря и докладчика, вел сношения с революционными деятелями в России и эмигрантами, вел отчетность по продаже и распространению книг и брошюр революционного содержания, непосредственное участие принимал в устройстве женевской типографии, для чего ездил за границу и отвозил Драгоманову собранные им от украинофилов деньги; 3) проживающий в Киеве отставной чиновник Александр Конисский, преимущественно помещающий свои статьи в журнале “Просвита”^б, издающегося в Львове; 4) братья Рудченко помещают свои статьи под псевдонимом “Мирного” и “Біліка”; 5) Мария Михайловна Косач, жена судебного пристава при Новоград-Волынском мировом съезде^в, помещающая статьи и издающая отдельные брошюры под псевдонимом “Пчилка”, Ольга Петровна Косач, родная сестра эмигранта Драгоманова, жена луцкого уездного предводителя дворянства и 6) наконец Мордовцев, печатающий свои издания в столичных изданиях. Одни из этих писателей, имеющих несомненно крайние цели, ратуют за обособление и отчуждение “украинцев” от всего русского, рисуют в своих произведениях неприглядный быт украинцев под владычеством “москалей”, другие, как, например, Старицкий, Кропивницкий путем театральных представлений в Харькове, Одессе и других городах, стараются поддержать и раздуть всякими средствами и способами антагонизм между двумя русскими племенами.

Вышеизложенное в отношении проявленных и проявляемых действий со стороны кружка украинофилов, хотя не представляет угрожающей какой-либо опасности русскому государству, но несомненно заслуживает внимания правительства.

В изданиях на малорусском наречии, выходящих за границу, слышится и проглядывает тенденция, враждебная целости русского государства; в них авторы стараются путем воспоминаний и идеализации прошлого привить интеллигенции и особенно молодому поколению, а при его посредстве и народу, утопии о возможности обособленного политического существования малорусского племени.

Галицийские издания, немногие, ищут сближения с Россией.

По сознанию самих украинофилов известное малорусское правописание имеет ввиду путем такого обособления указать на необходимость обособленного политического значения.

Произведения весьма немногих малорусских писателей обличают ложь прошлого украинского казачества, указывают на темные его стороны, изображают польские интриги, фальш, происки Рима, заигрывания руководителей польской “справы” с украинофилами и указывают до какого цинизма и кощунства доходили иезуиты, ничем не брезгавшие, когда дело касалось о торжестве в этом искони русском крае католицизма.

Театральные представления труппою малороссийских актеров, разъезжающих по России в известные только местности, служат только пунктами

сборищ, грубых овацій, кои проявляют и проводят только антагонизм между великороссиянами и малороссиянами, но отнюдь не насыщают зрителей творчеством несуществующей малороссийской литературы, которую силятся во что бы то ни стало создать и вселить в зрителей воспоминания о прошлых, забытых подвигах украинского казачества, имевшего будто бы историческую, политическую самобытность и обособленность.

В изданных в 1884 г. в подпольной типографии уставах “Украинской библиотеки” и “Украинской кассы” украинофильскою партией устанавливается существование в г. Киеве украинофильского кружка, преследующего безусловно преступные цели, осуществляемые чрез организацию кружков среди молодежи, и учащейся в особенности, что совпадает с программой действий народовольческой партии: кассовый украинский устав имеет целью в основании “оказывать материальную помощь всем пострадавшим в районе Украины за деятельность, направленную к политическому, экономическому, социальному и национальному освобождению и развитию народа; национальность пострадавшего, способы его борьбы с правительством, а также принадлежность его к той или другой из существующих в России групп оппозиционных не принимается в расчет при назначении субсидий; лицам, прошлое которых не связано с Украиной, как местом их деятельности или даже не имеющим никакого отношения к Украине, но случайно преследуемым и арестованным в районе Украины, также выдается субсидия”. Библиотечный украинский устав имеет целью путем поднятия умственного и нравственного уровня развития читателей в провинции способствовать распространению и укреплению идеи освобождения украинского народа от “политического и национального гнета русского правительства”.

Изложенные в настоящей записке данные освещают действия украинофильской партии и ее членов, вовсе не с той невинной и снисходительной точки зрения, с которой смотрит общественное русское мнение на украинофилов вообще, придавая действиям их более характер интриг, нежели политического значения.

Генерал-майор *Новицкий*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 839, спр. 79, арк. 8–14. Оригінал.

№ 152

1889 р., листопада 17. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування збірника віршів “Квітка” з творами Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша, Б. Д. Грінченка, С. І. Воробкевича, К. О. Білиловського

Цензор Фрейман, рассмотрев рукопись на малороссийском наречии “Квитка – збірник виршив” (“Цветок – сборник стихотворений”), доставленную на цензурное рассмотрение канцеляриею Главного управления по делам печати 25 сентября за № 4222, доложил Комитету, что собранные здесь стихотворения принадлежат по преимуществу тенденциозным писателям.

Характер большей части стихотворений отличается глубокою грустью и изображениями безотрадного положения “ридного края”, т. е. Украины, так

что преобладающими мотивами поэзии являются недоля Украины и протест на новые в ней порядки, как, например, следующие стихотворения:

1. “До праці” – Чайченко. Здесь автор восклицает, что они рождены для борьбы, почему не следует падать духом и действовать:

“Мы для борьбы живемо!
Смиливо ж, браття, до праці ставайте,
Час наступає – ходим!”

2. “С чужыны” – Билыловского (стр. 7–8), в котором автор выражает сентования об Украине, и где бы он не был, сердце его будет стремиться к ней; никогда не забыть ему высокой могилы около Днепра (могилы Шевченко):

“Высока могила; вона озыра
Свій ридний, коханий, занедбаний край”,

т. е. эта высокая могила глядит на свой родной, любимый, но угнетенный край.

3. “Рідна хата” – Кулиша (стр.¹). Здесь выражается скорбь о новых порядках на Украине:

“Ой чи в нас же в ридний хати
Нічого згадаты
Нічим тугу (тоску) разигнаты
Вгору дух пидняты...”

4. “Шевченкова могила” – В. Ч. (стр. 49–50). В этом стихотворении высказывается мысль, что горе Украины было принято близко к сердцу и поэтом Шевченко:

“Виддав вин (он, Шевченко) своей Украины
И душу, и сердце свои;
Своими писнями-слызамаы
Вин выпивав горе ии”.

5. “Рідна мова” (“Родная речь”) – Воробкевича (стр. 50–51). Автор настаивает на изучении “родной мовы”, так как кто забывает ее, тот враг своей родины:

“Мова ридна, слово ридне!
Хто вас забуває –
Ой не сердце той у грудях
Тильки каминь має”.

В других стихотворениях господствует поэзия степной казацкой жизни и славного прошлого Украины, когда умели с достоинством и энергией отстаивать ее независимость и свободу; таковы стихотворения: “Козацький похід” – Шевченко, “Дума” (стр. 24) и “Тарасова ніч” (стр. 37–42) – его же, “Смерть отаманова” Чайченко (стр. 42–47).

Приведенными указаниями достаточно характеризуется тенденциозное, украинофильское направление рассматриваемого сборника, почему Комитет, согласно мнению цензора, признает появление такого сборника совершенно нежелательным и рукопись его подлежащую запрещению.

¹ Не зазначено.

Донося о таком мнении своем на благоусмотрение Главного управления по делам печати, Комитет имеет честь представить и самую рукопись.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]
И[сполняющий] о[бязанности] секретаря *Н. Пантелеев*

Резолюція: Запретить.

РДА, ф. 776, оп. 20, спр. 220, арк. 447–448. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 16, арк. 447–448.

№ 153

1889 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам і окремим цензорам з внутрішньої цензури з нагадуванням про категоричну заборону розглядати українські літературні твори, написані “кулішівкою”

Циркулярно

На основании 2 пункта высочайшего повеления 18 (30) мая 1876 г.¹ в произведениях изящной словесности на малороссийском наречии не должно быть допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания.

Между тем, нередко выходят в свет с разрешения цензуры малороссийские книги, в которых употребляется своеобразное правописание, большею частью так называемая “кулишевка”, что происходит от того, что поставляемое цензурою при дозволении к печати малороссийских сочинений условие о соблюдении при печатании их правил русского правописания не всегда исполняется авторами или издателями, а цензоры, выдавая билеты на выпуск в свет таковых сочинений, не обращают должного внимания на нарушение означенного условия.

Вследствие сего Главное управление по делам печати предлагает цензурным комитетам и господам отдельным цензорам по внутренней цензуре на будущее время не принимать для цензурного рассмотрения рукописей и книг на малороссийском наречии с какими бы то ни было отступлениями от правил русского правописания, а возвращать такие рукописи и книги издателям для соответственного исправления согласно требованию вышеприведенного высочайшего повеления.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Скрепил: заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*
Верно: за помощника правителя дел *Петров*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 304. Засвідчена копія. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на вуста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 22 (у перекладі українською мовою).

¹ Див. док. № 68.

Циркулярно. 304

81

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
—
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
по
ДѢЛАНЪ ПЕЧАТИ.

24 Декабря 1889 г.
№ 6140.

Цензурнымъ Комитетамъ
и Т.г. Отдельнымъ Цензорамъ
по внутренней цензурѣ.

На основаніи 2 пункта Высочайшаго повеленія ¹⁸/₃₀ мая 1876 г., съ произведенія въ изданной свѣдѣности на малороссійскомъ нарѣчій не должно быть допущаемо никакихъ отступленій отъ обще-принятаго русскаго правописанія.

Между тѣмъ нередко выходитъ въ свѣтъ, съ разрѣшенія цензуры, малороссійскія книги, въ которыхъ употребляется своеобразное правописаніе, болѣе частью такъ называемая „кулишеска“, что происходитъ отъ того, что поступающее цензурѣ при дозволеніи къ печати малороссійскихъ сочиненій условіе, о соблюденіи при печатаніи ихъ правилъ русскаго правописанія, не всегда исполняется авторами или издателями, а Цензоры, выдавая билеты на выпускъ въ свѣтъ такихъ сочиненій, не обращаютъ

Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам
і окремим цензорам з внутрішньої цензури.
24 грудня 1889 р. Док. № 153.

№ 154

1890 р., січня 31. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону поширення в Росії виданої за кордоном брошури з твором Т. Г. Шевченка “Перебендя”

Гл[авное] упр[авление] по д[елам] печ[ати], передав на рассмотрение Ц[ензурного] к[омите]та брошюру на малорусском наречии, напечатанную за границею под заглавием “Перебендя” Т. Шевченка, предлагает дать заключение: может ли она быть допущена к обращению в России.

В настоящей брошюре сказанное стихотворение с украинофильской тенденцией занимает всего 5 страниц, а остальные 63 страницы посвящены так называемому “Переднему слову” (“Предисловию”), в котором автор подвергает исследованию вопрос о том, какое значение имеет для российской науки украинская литература вообще и поэт Шевченко в особенности^а.

Помимо того, что употребленное в брошюре этой правописание отстает от высочайше ут[вержденных] 18 мая 1876 г., правил, она не может быть допущена к обращению и потому, что значительно большая часть не может быть отнесена по своему содержанию к области изящной литературы.

Ввиду вышеизложенного, вопрос относительно допущения названной брошюры к обращению в России должен быть решен в отрицательном смысле.

Цензор *Фрейман*

РДА, ф. 777, оп. 4, спр. 156, арк. 40. Чернетка. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 33, арк. 40.

№ 155

1890 р., квітня 27. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету та рішення Головного управління у справах друку про заборону друкування рукопису Г. Є. Сурмаченка “Збірник творів” як такого, що вирізняється “весьма яркой украинофильской тенденциозностью”

Цензор Алфераки, рассмотрев доставленную между прочими канцеляриею Главного управления по делам печати 10 марта за № 114 рукопись на малороссийском наречии “Збирник творив” Г. Е. Сурмаченко, доложил Комитету, что этот довольно объемистый сборник состоит из 113 различных мелких стихотворений, одной поэмы “Русалка” и двух драм: “Війте, вийте витри тихенькіе” и “Серцю не прикажеш”.

Мелкие стихотворения в большинстве проникнутые самым мрачным, безотрадным настроением, мировую скорбью. Темою для них преимущественно служат: презрительное, холодное и безучастное отношение богатых к бедным, панов к простому народу; горькая судьба бездомного бедняка, умирающего от голода под забором; пессимистическое отношение к жизни, которой даются

названия: “бесмысленной оперы, комедии” и т. п. Для примера можно указать на следующие, более выдающиеся стихотворения: на стр. 16–17 “Не видно свиту сонечка”, в котором весь мир уподобляется декорации, изображающей гроб, а жизнь называется “самого ада безумною шуткою” и т. д.; на стр. 24–25 жизнь называется “пустынею, великою карою”; на стр. 26 говорится: “гаснет в сердце горячая вера, спадает раскрашенная маска и из-под нее показывается лицо бедного фигляра-мира”; на стр. 32 смерть уподобляется “сну без мысли, но зато и без напрасных надежд”; на стр. 58 помещено стихотворение:

“Темный мисяць в ночи плава,
Удень темне сонце,
Темно в небѣ високому,
Темно в свити широкому,
Темна душа, темны думы
И скрызь (везде) темно, темно...”;

на стр. 59–63 мрачно-шутливое стихотворение “Прыказки до гопака”, кончается возгласом “Свет божий замученный, где у тебя лицо!” и т. д. и т. д.

Вперемежку с указанными выше и другими подобного же направления стихотворениями помещены стихотворения, проникнутые горячей любовью к Украине, тоской по родному краю и сетованиями о его горькой участи, сиротской доле, с выражением надежды на лучшее будущее и воспоминаниями о славном прошлом. Особенно выдающимися в этом отношении являются на стр. 15 “У купах густих соловейко”, на стр. 37 “Просты мини, что я минаю”, на стр. 38 “Тополя” (в котором под тополем разумеется Малороссия, при чем тополь окружен чужими, холодными соснами – Россия); на стр. 53–55 “Думка”:

“Будут хмары з краем ридним
Розмовляты...
Мое серце України
Та покажуть;
Мою тугу (скорбь), мои думы
Перескажуть...”;

на стр. 70 “Ой не пугач у диброви”, на стр. 74 “Заграй, кобзо моя мило”; на стр. 79 “Думка”; на стр. 81 “Дума”: “душа болит и сердце плачет – и ночь и день все перед глазами далекая (родная) земля!” и т. д.

Кроме того, на стр. 50, 51, 52, 67 помещены, в переводе на малорусское наречие, стихотворения Лермонтова “Сосна”, “Утес” и др., что в малорусских сборниках не допускается.

Обе драмы, незначительные по своему содержанию, а также и поэма “Русалка”, тоже не чужды украинофильской тенденциозности. Сюжеты драм заимствованы из времен Богдана Хмельницкого, самостоятельности Малороссии и Запорожской Сечи, что дает автору повод напоминать о минувшей славе казачества, геройских подвигах предков и т. д. В поэме “Русалка” для этой цели автор даже пользуется описанием природы: “те же звезды и теперь в небе светят, а то все в могиле; тогда ветер словно пел, совсем иначе синел Днепр; а теперь ветер словно жалобно плачет и печален широкий Днепр” и т. д.

Из изложенного видно, что весь сборник Сурмаченко проникнут сплошь самым мрачным и безотрадным пессимизмом и чувством общего недовольства и отличается весьма яркой украинофильской тенденциозностью, – а такое содержание и направление не соответствует тем требованиям, которые должны быть предъявляемы к произведениям на малороссийском наречии.

Посему Комитет, согласно мнению цензора, полагает, что “Сборник творив” Сурмаченко подлежит запрещению в целости, и такое мнение имеет честь представить на усмотрение Главного управления по делам печати, с приложением рукописи.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [нідпис]

И[сполняющий] о[бязанности] секретаря *Н. Пантелеев*

Резолюція: Запретить весь сборник.

РДІА, ф. 776, оп. 20, спр. 221, арк. 45–47. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 17, арк. 45–47.

№ 156

**1890 р., серпня 10. Санкт-Петербург. –
Розпорядження Головного управління у справах друку
виконуючому обов’язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про заборону перевидання збірки
українських пісень С. Д. Карпенка “Васильківський соловей
Київської України” через недотримання правил
російського правопису, а також про дозвіл на друкування
“Збірника творів М. С. Жернова” з купюрами**

При представлении за № 1313 Вашим превосходительством доставлены на усмотрение Главного управления по делам печати сочинения на малороссийском наречии: 1) сборник малорусских песен Ст. Карпенка под заглавием “Васильковский соловей Киевской Украины”, напечатанный в 1864 г. и предполагаемый ныне к перепечатанию и 2) “Сбирнык творив М. С. Жернова”.

Относительно сборника С. Карпенка Ваше превосходительство сообщили, что хотя он и отличается орфографией несогласною с правилами правописания русского языка, тем не менее к нему, как к сочинению прежде напечатанному и предназначенному теперь лишь к перепечатанию, по мнению Вашему, не относится циркуляр Главного управления от 24 декабря 1889 г. за № 6140¹ о непринятии к цензурному просмотру сочинений с отступлениями от правописания русского языка.

Вследствие сего Главное управление по делам печати считает нужным объяснить, что на основании 62 ст. Уст[ава] ценз[урного], изд. 1886 г., книги,

¹ Див. док. № 153.

вновь издаваемые, представляются в цензуру и одобряются к новому изданию таким же порядком, как и рукописи. В этом отношении закон не допускает никакого различия между рукописями и печатными изданиями. На сем основании и в циркуляре Главного управления за № 6140 прямо указано, что не только рукописи, но и отпечатанные книги на малороссийском наречии, если в тех или других замечаются какие-либо отступления от общепринятых правил русского правописания, не должны быть принимаемы к цензурному рассмотрению.

Ввиду вышеизложенного Главное управление по делам печати, возвращая при сем экземпляр книги “Васильковский соловей Киевской Украины”, предлагает Вашему превосходительству возвратить его издателю для предварительного исправления текста по правилам правописания русского языка.

Что же касается прилагаемой при сем рукописи “Сбирник творив М. С. Жернова”, то эта рукопись может быть допущена к напечатанию с соблюдением правил русского правописания и под условием исключения из нее четырех стихотворений: 1) “Хвала Богу за спасение царя”, стр. 1–5¹, 2) “Харьков”, 3) “Казак Савва” и 4) “Наливайко”.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 298–299. Оригінал. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на вуста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 22 (у перекладі українською мовою).

№ 157

1891 р., червня 8. Київ. –

**Рапорт начальника Київського губернського
жандарського управління В. Д. Новицького київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатьєву
про розпорядження Департамента поліції вислати І. Я. Франка
за кордон в разі його прибуття до Росії**

Секретно

В письме на имя господина управляющего канцеляриєю от 13 февраля 1890 г. за № 213 мною были сообщены для доклада Вашему сиятельству во всей подробности сведения, характеризующие направление и деятельность австрийского подданного Ивана Франко.

Получив сведение о проезде в пределы России из-за границы через м. Радзивилово названного Франко с женою Ольгою и тремя малолетними детьми, который известен Департаменту полиции из неоднократных моих сообщений за личность крайне враждебную России по своим убеждениям и действиям и который, женившись на русской подданой, имеющей родствен-

¹ *Номери сторінок дописано над рядком червоним чорнилом.*

ные связи и знакомства в г. Киеве, завязал большие знакомства собственно в г. Киеве, где он почерпает немалые денежные средства от членов местного украинского противоправительственного кружка и эти средства идут отчасти в собственность Франко и на издание им же за границей враждебных России газет, брошюр и книг на малороссийском и галицийском языках, кои ввозятся контрабандным путем в Россию и распространяются, и таким образом, на средства России, собираемые Франком преимущественно в Киеве, издаются за границей газеты враждебного направления для России, да еще и направляются на те же средства в Россию же, – я выразил господину директору Департамента полиции свое мнение в сообщении 1-го числа сего июня месяца за № 783, в том, чтобы пресечь Франко возможность почерпать средства из Киева для враждебных действий и целей из-за границы, необходимо ему, Франко, безусловно воспретить по меньшей мере пребывание в пределах киевского генерал-губернаторства на основании Положения об охране.

На это сообщение господин директор Департамента полиции телеграммою 7-го числа текущего июня месяца дал мне знать, что Вашему сиятельству сообщено о высылке Франко за границу.

Донося об этом Вашему сиятельству, имею честь доложить для сведения, что жена Франко по имени Ольга Федоровна, дочь титулярного советника, рожденная Хоружинская, родная сестра жены учителя истории Коллегии Павла Галагана статского советника Елисея Киприанова Трегубова. При проезде через радзивиловский пограничный пункт Франко заявил, что он едет в г. Ковель. Жена Франко имеет родственников, земельную или другую какую-либо собственность в Сумском уезде Харьковской губернии. В настоящий момент Франко пока на жительстве в г. Киеве не обнаруживается.

Начальник управления генерал-майор *Новицкий*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 841, спр. 201, арк. 4–5. Оригінал.

№ 158

1891 р., липня 19. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку київському окремому цензорві з іноземної цензури з нагадуванням про заборону надсилати на розгляд українськомовні рукописи і твори, написані з найменшим відхиленням від російського правопису

Циркулярным распоряжением Главного управления по делам печати от 24 декабря 1889 г. за № 6140¹ предложено по цензурному ведомству не принимать для просмотра рукописей и книг на малороссийском наречии с какими бы то ни было отступлениями от правил русского правописания, а возвращать такие рукописи и книги издателям для соответственного исправления.

Между тем, при донесении за № 1223 Вами представлена в Главное управление по делам печати книга на малороссийском наречии под заглави-

¹ Див. док. № 153.

ем “Пісьні, думкі і шумкі руського народа” в малороссийском тексте которой, отпечатанном с отступлениями от русского правописания, не сделано надлежащих исправлений как это требуется означенным циркулярным распоряжением.

Вследствие сего, возвращая при сем книгу “Пісьні, думкі і шумкі руського народа” с приложенным к ней отдельным листком под тем же заглавием для передачи ее для исправления книгопродавцу Корейво Главное управление по делам печати предлагает Вашему высокоородию на будущее время неуклонно соблюдать требование циркуляра от 24 декабря 1889 г. за № 6140, и поступающие к Вам рукописи и книги на малороссийском наречии с какими бы то ни было отступлениями от правил русского правописания, возвращать просителям для надлежащего исправления, а не представлять их в таком виде в Главное управление по делам печати.

И[справляющий] д[олжность] начальника
Главного управления по делам печати *Ф. Еленев*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 300–301. Оригінал.

№ 159

**1891 р., вересня 9. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури
про заборону перевидання поеми Т. Г. Шевченка “Катерина”**

Вследствие представления за № 1518 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше высокородие, что возвращаемая при сем брошюра Т. Шевченко на малороссийском наречии под заглавием “Катерина”¹ не должна быть допущена к перепечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 226, арк. 11. Оригінал.

№ 160

**1891 р., жовтня 13. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету про необхідність
“останавливать всякое проявление мысли о самобытности Украины”
та заборону друкування в часописі “Киевская старина”
статті про українського сатирика П. Кореницького**

Рассмотрев, согласно предложению Главного управления по делам печати от 9 октября за № 4649, статью “Несколько слов об украинском писателе

¹ Див. цю саму справу, арк. 12–16.

КАТЕРЫНА

Дозволено Цензурою С.П.Б. 30 Октября, 1886 г.

Лит. Д. П. М. Б. Луганка, 18.

Титульна сторінка видання поеми Т. Г. Шевченка "Катерина" (СПб., 1887),
забороненої до перевидання у 1891 р.
ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 226, арк. 12.

Порфирие Кореничком”¹, предназначеную для журнала “Киевская старина”, С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь донести следующее.

Порфирий Кореницкий, как видно из этой статьи об его ничтожной сатирической деятельности, был другом той малой партии, которая была представительницею украинских симпатий и стремлений 40-х годов (стр. 100). От его поэзии остался в подпольной литературе памфлет на духовенство Куряжского монастыря, запрещенный в свое время, “Куряж”. Другая поэма, хвалимая автором статьи о Кореницком, “Вечерницы”, отличается тем удалым пластическим описанием, которое обыкновенно в глазах нравственных читателей равняется площадному порнографическому языку. Жизнь горького пьяницы, хотя и одаренного возможностью достигнуть поэтической известности, была достойна сожаления, но не прославления. Без всякого сомнения, напоминание о сатирическом таланте Кореницкого вызвано желанием напомнить о движении к самостоятельности украинцев 40-х годов и о бедности украинской письменности. Поэтому и Кореницкий является героем малороссийской сатирической письменности.

Хотя эстетические произведения на малороссийском языке пропускаются цензурою, но этот отрывок имеет тенденциозное значение и напоминает украинцу те счастливые для него времена, когда и мысль, и самые действия проявляли преступное влечение к самобытности.

Считая необходимым останавливать всякое проявление мысли о самобытности Украины, принимая при этом во внимание ничтожное значение Кореницкого как писателя, причем направление и содержание поименованных его произведений было возмутительно-обличительное и неблагопристойное, С.-Петербургский цензурный комитет полагает, на основании вышеизложенного, что рассмотренная статья не может быть дозволена цензурою к напечатанию.

Донося о таком мнении своем на благоусмотрение Главного управления по делам печати согласно предписанию от 9 октября за № 4649, С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить и корректуру статьи.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]

И[сполняющий] о[бязанности] секретаря *Н. Пантелеев*

Резолюція: Статью запретить.

РДА, ф. 776, оп. 12, спр. 50, арк. 101–102. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 20, арк. 101–102.

¹ Гранки цієї статті за підписом “Панько” див.: ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 226, арк. 16 зв. – 18 зв.

№ 161

1892 р., січня 10. Санкт-Петербург. –

**Розпорядження Головного управління у справах друку
київському окремому цензоріві з іноземної цензури про безумовну
заборону перекладів українською мовою російськомовних творів,
розгляд усіх українських творів “с особливою строгістю и вниманием”
з метою зменшення кількості українських видань**

Конфіденційально

В декабре минувшего года предварительною цензурою разрешена к печати и к исполнению на сцене пьеса на малорусском наречии под заглавием “Никандр Бесчасный; драма в 4-х діях, соч. М. Садовского” (сюжет заимствован). Пьеса эта представляет из себя не одно только заимствование сюжета, как сказано в ее заголовке, а буквальный перевод, с небольшими лишь сокращениями, известной драмы А. Писемского “Горькая судьбина”, при чем самый перевод ее настолько небрежен и неточен, что может быть назван скорее пародией на художественное произведение Писемского, чем копией с этого произведения, способной дать сколько-нибудь верное понятие об оригинале.

Кроме того, из поступающих в Главное управление по делам печати сведений усматривается, что в центрах с малорусским населением авторы и издатели произведений печати на малорусском наречии значительно усилили свою деятельность, и, наряду с лубочными переводами и переделками русских авторов, поставляют на книжный рынок массу оригинальных своих произведений, причем и эти последние в огромном большинстве случаев не отличаются никакими литературными достоинствами.

Вследствие сего и принимая во внимание основной смысл высочайших повелений 1876 и 1881 г., установивших ограничительные правила в отношении употребления малорусского наречия, сообщенные к руководству в циркулярах от 23 июня 1876 г. за № 3570¹ и от 16 октября 1881 г. за № 4016², Главное управление по делам печати предлагает Вашему высокоородию, независимо от безусловного запрещения переводов с русского на малорусский язык, прямо противоречащих п. 2 высочайше утвержденных ограничительных правил 1876 г., с особой строгостью и вниманием рассматривать все оригинальные малорусские произведения, подвергая исключениям и запрещая при этом не только все противоречащее общим цензурным правилам, но при малейшем к тому поводе по возможности сокращая число таких бездарных произведений в целях чисто государственных.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 302–303. Оригінал. Опубл.: *Гісцова Л.* Кайдани на вуста народу // Україна. – 1990. – № 46. – С. 22 (у перекладі українською мовою).

¹ Див. док. № 70.

² Див. док. № 96.

15 Января 1892 г. Конфиденциально.
Циркулярно.

278

**МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДѢЛЪ.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ПО
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.**

Господину Киевскому От-
дѣльному Цензору по ино-
странный цензурѣ.

№ 173
10 Января 1892 г.

Въ Декабрѣ минушаго года
предварительное цензурою
разрѣшена къ печати и
къ исполненію на сценѣ
пѣсса на маорусскомъ на-
рѣчій, подъ заглавіемъ: „Ни-
кануръ
у 4го дня
(списокъ
Пѣсса з
изъ себя
спосван
сказані
а буква
небави
ніаши,
А. Писем
причем
настав
чень, чт

Розпорядження Головного
управління у справах друку
київському окремому
цензорві з іноземної
цензури.
10 січня 1892 р.
Док. № 161.

МИНИСТЕРСТВО

названъ скорѣе пародіей на худо-
жественное произведение Писем-
скаго, чѣмъ копіей съ этого произ-
ведения, способной дать сколько-
нибудь вѣрное понятіе объ ори-
гиналь.

Кромѣ того, изъ поступающихъ
въ Главное Управление по дѣламъ пе-
чати съводныхъ усматривается, что
въ центрахъ съ маорусскимъ насе-
леніемъ, авторы и издатели про-
изведеній печати на маорусскомъ
нарѣчій значительно усилени
свою дѣятельность, и на ряду съ
художными переводами и пере-
дѣлками русскихъ авторовъ
поставляютъ на книжный
рынокъ массу оригинальныхъ
своихъ произведеній, при чемъ
и эти послѣдніа, въ огромнай
большинствѣ случаевъ, не отпи-
каются никакими литератур-
ными достоинствами.

Вслѣдствіе сего и принимая
во вниманіе основную смысль

№ 162

1892 р., червня 10 (22)¹. Чернівці. –

Пам'ятна записка російського консула у Чернівцях С. Горяїнова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатьєву про наявність двох течій у громадсько-політичному житті Буковини

По последней народной переписи, произведенной в 1890 г., в Герцогстве Буковина насчитывается 646 607 жителей обоего пола, из коих 268 371 принадлежат к малорусскому племени и 208 217 к румынскому. Из малороссов 242 559 человек и почти все румыны исповедуют православную веру, таким образом, число православных достигло 450 776 чел. К католичеству и униии принадлежат 25 812 малороссов. За последние десять лет увеличилось польское население в крае; поляков было в 1880 г. – 18 251 чел., а в 1890 – 23 604 чел. С усилением польского элемента усилилась католическая и униатская пропаганда, стремящаяся действовать преимущественно на православное малорусское население, лишенное независимого сословия, из среды которого могло бы образоваться его защитники и представители, так как бывшие русские дворянские роды, находясь под владычеством молдавских господарей, оумынились, большинство же лиц, достигших благосостояния на государственной службе или иным путем, отрелось из личной выгоды от своей малорусской национальности и порвало связь с народом, который во многих местностях области отчужден даже от своих духовных пастырей, ввиду того, что значительный процент священников принадлежит к румынской национальности (из 115 приходов в местностях с чисто русским населением только 79 имеют священников русского происхождения). Такое невыгодное положение русского народа усугубляется еще тем, что в его среде произошел раскол. Как известно, между лицами русского происхождения, более или менее образованными, заметны два течения. Первого держится так называемая старая русская партия, которая желает культурного развития местного русского населения с сохранением нравственной связи с целым русским народом как в прочих австрийских областях Галиции и Венгрии, так и в России. Представителем другого течения является партия украинцев или крайнофилов, обособляющая малорусское наречие и племя отдельно от русского языка и народа и требующая культурного развития местного русского населения вне всякой связи с целым русским народом, но в единении с галицкими и нашими крайнофилами. Старая партия находится в загоне за сочувствие к России, ее орган печати “Галицкая Русь” издается в Львове. В Черновцах к ней принадлежит студенческое общество “Буковина”.

Партии украинцев явно покровительствует австрийское правительство. Она напрягает все усилия, чтоб порвать связь малорусского народа с Россией, для чего ею проповедуется введение фонетического правописания, служащее переходною ступенью к замене кириллицы латинскою азбукою. Ее главари –

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 53).

выходцы из Галиции и в большинстве униаты (профессор здешнего университета Смаль-Стоцкий, председатель здешнего уголовного суда Винницкий, благочинный буковинских униатских церквей Целестин Костецкий, редактор газеты “Буковина” Сильвестр Дашкевич, – стремятся поколебать в малорусском простом народе приверженность его к православию и тем разъединить его с единой Россией. Этим стремлениям сочувствует австрийское правительство, которое поддерживает украинцев, как против представителей старой партии, так и против румын, твердо держащихся православия и не поддающихся иезуитской пропаганде. К украинской партии принадлежат несколько кружков, существующих в Черновцах: литературный – “Русская беседа”, политический – “Рада русская”, учительская – “Русская школа”, “Народный дом”, “Русское музыкальное общество”, мещанская читальня и студенческое общество “Союз”. Органом ее служат газета “Буковина”, издаваемая с 1885 г. в Черновцах под редакцию Сильвестра Дашкевича, сына православного священника, перешедшего в унию. По сведениям почтового ведомства газета имела в 1891 г. лишь 82 подписчика. При таком малом количестве подписчиков и ввиду неимения средств у самого редактора Дашкевича является предположение, что газета имеет поддержку извне, и по некоторым сведениям она пользуется средствами, доставляемыми ее редакции из России. Вне австрийских пределов она преследует заветную мысль украинофилов об объединении двадцатимиллионного малорусского племени (дужей духом великой украинской нации) и о восстановлении Малороссии, как самостоятельного государства. Связь газеты “Буковина” с нашей Украиной бесспорна. Она, между прочим, доказывается корреспонденциями, напечатанными в №№ 5, 12, и 22 за 1892 г. и озаглавленными “Из Украины”, в которых, между прочим, оплакивается безотрадное положение малороссов под гнетом Москвы, выражается жалоба на отсутствие в Украине органов печати для народа на малорусском языке и предлагается пересылка в Россию изданий, напечатанных в Галиции, а также большее распространение в пределах Украины львовской газеты “Батьковщина” и черновицкой – “Буковина”.

ЦДАК України, ф. 442, оп. 842, спр. 79а, арк. 54–58. Відпуск.

№ 163

1892 р., липня 15. Київ. –

Прохання О. Я. Кониського до київського окремого цензора про дозвіл на друкування брошури С. Д. Носа “Про холеру” українською мовою

Первого июля я имел честь представить Вашему превосходительству брошюру на малорусском языке “Про холеру”, напечатанную в 1875 г. в Киеве, прося разрешения на вторичное издание. Так как такового разрешения не последовало, то я решаюсь просить Ваше превосходительство не откажите представить Главному управлению по делам печати не соблаговолит оно в виде исключения дать просимое мною разрешение на напечатание означенной бро-

шюры. При этом позволяю себе высказать откровенно те побуждения, которые руководят меня в этом деле.

Отечество наше, как известно, постигло большое бедствие, к которому ни один русский гражданин относится равнодушно не может. В годину такого бедствия каж[дый] верноподданный русского монарха обязан выступить с сильною помощью на борьбу против народного бедствия. Холерная эпидемия грозит появиться и в Юго-Западном крае, массу населения коего составляют малороссы, для которых печатное слово на родном языке несравненно понятнее и вразумительнее, чем на языке общерусском литературном. Последние две холерные эпидемии и эпидемию дифтерита я пережил в деревне Полтавской губернии и в это время много раз убеждался в том, что полезнейшие наставления народу о предохранительных мерах против болезней не достигают цели единственно потому, что язык их почти вовсе непонятен народу.

Вот почему я и остановился на мысли наставление изложенное в брошюре “Про холеру” напечатать в нескольких тысячах экземплярах и распространить среди деревенского населения бесплатно. Совесть моя не была бы покойна, если бы я не попытался до конца осуществить свою мысль и тем исполнить свой нравственный долг пред правительством и пред народом.

Я знаю, что, придерживаясь буквального смысла высочайшего повеления 18 мая 1876 г.¹, брошюра “Про холеру” может быть не дозволена к печати, но я убежден, что в настоящую бедственную годину может быть допущено исключение, подобно тому, как совершенно аналогичное исключение было уже допущено во время эпидемии дифтерита, и такое исключение вполне оправдывается полезностью и необходимостью.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 226, арк. 56. Копія.

№ 164

1892 р., жовтня 20. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку кийівському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатьєву про заборону ввезення до Росії газети “Буковина”

Секретно

Вследствие отношения за № 60 по поручению господина министра внутренних дел, имею честь уведомить Ваше сиятельство, что о воспрещении ввоза в пределы России издающейся в Черновцах газеты “Буковина” вместе с сим сделано соответственное распоряжение.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 842, спр. 79а, арк. 59. Оригінал.

¹ Див. док. № 68.

№ 165

1892 р., листопада 17. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензорів з іноземної цензури про заборону друкування рукопису “Три думи народні” українською мовою

Вследствие представления за № 2272 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше высочородие, что возвращаемая при сем рукопись на малороссийском наречии: “Три думи народни: 1) Про Марусю Богуславку; 2) Про трех братив и 3) Про козака Голоту” не должна быть дозволена к напечатанию.

Начальник Главного управления по делам печати *Е. Феоктистов*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 226, арк. 62. Оригінал.

№ 166

1893 р., січня 5, 7¹. Київ. – Подання київського окремого цензора до Головного управління у справах друку про виключення з розглянутих рукописів українських авторів творів і окремих місць соціально-критичного та українофільського змісту

Представляя на усмотрение Гл[авного] упр[авления] по д[елам] п[ечати] четыре прилагаемых при сем рукописи на малорусском наречии, имею честь доложить, что

1. Сочинение П. Задёры под заглавием “Господин староста”, предназначенное, по-видимому, для распространения среди простого народа, представляется мне неудобным к печати как ввиду нескольких, отмеченных мною (на стр. 5 и 6), неуместных в печати выражений, так вследствие стремления автора к осмеянию сельских властей.

2. Сочинение под заглавием “Кажы жинци правду та не всю, напысала М. Воловачивна” не заключает в себе, по моему мнению, ничего предосудительного, кроме отмеченных мною неуместных в печати выражений на стр. 14, 20, 21, 24 и 33.

3. Сочинение под заглавием “Казка про таемни слова, напысала М. Воловачивна” не заключает в себе, по моему мнению, ничего предосудительного, кроме отмеченных мною неуместных в печати выражений на стр. 12, 13, 22, 45, 54 и 61.

4. Сочинение под заглавием “Казкы, прыказкы та таке инше, склав Ив. Мара” не заключает в себе, по моему мнению, ничего предосудительного, кроме стихотворения “Попова ворожба” (стр. 11–12), могущего среди сельского населения колебать уважение к православному духовенству.

¹ Початок документа датовано 05.01.1898 р. (арк. 3), закінчення – 07.01.1898 р. (арк. 4).

5. Стихотворения Ив. Манджуры под заглавием “Над Днипром: думы та спивы” я затрудняюсь признать подлежащими разрешению к печати, как написанные большею частью в крайне пессимистическом тоне и не чуждые украинофильской тенденции, обнаруживающейся в сопоставлении современного печального положения Приднепровья с славным прошлым Запорожья и Сечи (напр., в стихотворениях “Сон” – стр. 7, “Степова дума” – стр. 26 и “[Вес]нянка”, стр. 27–28); сомнительный характер имеют также стихотворения “Риздвяна зирка” (стр. 2–4), в котором искажаются евангельские слова и факты и применяются к кобзарю и “Сториж” (стр. 43–45), в котором в весьма мрачном виде изображается положение крестьян и отношение их к помещикам.

6. Сочинение Ив. Манджуры под заглавием “Тремсын-Богатырь”, хотя не заключает в себе, по моему мнению, ничего противоцензурного, но едва ли может быть удобным к напечатанию как воспевающее в форме сказки геройские подвиги богатырей Украины.

7. Сборник стихотворений Кондратченко под заглавием “Що було на серци”, хотя обнаруживает ограниченность умственного кругозора автора и незнакомство его с более или менее изящными формами выражения, но не заключает в себе, по моему мнению, ничего предосудительного, кроме отмеченных мною мест на стр. 8 и 29 и всего стихотворения на стр. 19–21, в котором сопоставляется прежнее состояние Украины с современным.

8. Сочинение под заглавием “Ледащо, казочка Старицкои О’Коннор” не содержит в себе, по моему мнению, ничего предосудительного, кроме отмеченного мною места на стр. 6–7, в котором заключается воспоминание о славном прошлом козачества.

9. Стихотворения под заглавием “14 малорусских песен, аранжированных для фортепиано Гр. Ходоровским”, не заключают в себе, по моему мнению, ничего предосудительного.

Помітка на арк. 2: Этот листок составляет окончание того доклада, который в прошлый вторник был оставлен мною в канцелярии [нідпис]. 7.1.93. Прошу, пожалуйста, навести справку, кому именно была возвращена рукопись малорусского словаря Тимченко.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 268, арк. 3, 2, 4. Чернетка.

№ 167

1893 р., серпня 18. Київ. –

**Повідомлення київського окремого цензора
з іноземної цензури слідчому київському військового округу
по Дубенській дільниці про заборону ввезення до Росії
львівської газети “Діло” та виданих за кордоном творів Т. Г. Шевченка**

Вследствие отношения Ваше¹ от 10 сего августа за № 581 имею честь сообщить, что издававшаяся во Львове газета “Червоная Русь” допущена к об-

¹ Так у тексті.

ращению в России; издаваемая же там же газета “Діло” запрещена ко ввозу в пределы России по распоряжению господина министра внутрен[них] дел 10 января 1886 г.

Что касается сочинений Т. Шевченка, то те из них, которые были изда ны в России с дозволения цензуры, должны быть признаны допущенными к обращению; из заграничных же изданий сочинений его до сих пор ни одно не было дозволено к обращению в России. В частности, стихотворение “До Основьяненка” должно быть признано дозволенным к обращению в том виде, в каком оно печаталось в России (т. е. с некоторыми сокращениями), как, напр., в с.-петерб[ургском] издании 1884 г. В означенном издании (на стр. 72) помещена также и строфа:

Наша дума, наша писня
не вмре, не загине...
От де, люды, наша слава,
Слава Украины!

Если Вашему высокоблагородию желательно иметь по сему предмету более точные указания, то соблаговолите прислать самые сочинения, относительно которым Вам угодно иметь заключение цензуры.

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 272, арк. 12. Відпуск.

№ 168

1893 р., вересня 25. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам і окремих цензорам з іноземної цензури про заборону ввезення до Росії часопису “Народ”, редагованого І. Я. Франком та М. І. Павликом

Циркулярно

Циркуляром Главного управления по делам печати от 27 февраля сего года за № 1161¹ сообщено было о запрещении к ввозу журнала “Народ”, издававшегося во Львове под редакцией Ивана Франка. Ныне в одно из цензурных учреждений поступило несколько номеров периодического издания, выходящего в г. Коломее под тем же заглавием “Народ – орган русско-української радикальної партії” под редакцією Михаила Павлика.

Имея в виду, что это последнее издание есть ничто иное, как продолжение того же журнала, который издавался с 1890 г. во Львове под тем же названием и с тем же направлением, на что указывает и то обстоятельство, что на заголовке обозначено “4-й год” издания, Главное управление по делам печати признало необходимым воспретить доступ издающегося ныне в г. Коломее журнала “Народ” под редакцией М. Павлика.

¹ Див. цю саму справу, арк. 3.

Об этом Главное управление по делам печати сообщает цензурным комитетам и господам отдельным цензорам по иностранной цензуре для зависящего распоряжения.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*

Скрепил: заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

Верно: за помощника правителя дел *Ив. Шигаевич*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 287, арк. 13. Засвідчена копія.

№ 169

1893 р., листопада 19. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про виключення із збірки віршів Д. І. Грушки “На гулянках” творів українофільського і соціально-критичного змісту, а також українських перекладів російськомовних творів

Канцелярия Главного упр[авления] по д[елам] п[ечати] 11 октября за № 4698 препроводила по принадлежности в С.-П[етербургский] ценз[урный] к[омитет] прошение проживающего в г. Бердянске Дмитрия Ивановича Грушки о дозволении к печати рукописи его стихотворений на малороссийском наречии: “На гулянках. Вирши и перекладки на украинской мови”.

Цензор Воршев доложил Комитету, что из 32 стихотворений этого собрания обращают внимание цензуры следующие, которые можно разделить на три категории:

а) проникнутые украинофильскою тенденциею: 1) “Плач Украины” (стр. 1–4), 2) “До батьки Тараса” (стр. 59), 3) “До дида Днипра” (стр. 60–61) и 4) “Стрилець” – з Розенгейма (стр. 94–95);

б) выражающие идею давления сильным слабым: 1) “Ныма нигде правды” (стр. 26–28), 2) “Заповит” (стр. 50–51), 3) “Багач и старец” (стр. 62), 4) “Куряче кохання” (стр. 68–75), 5) “Десять заповидив моих, а одинадцята сеидова” (стр. 75–76) и 6) “Ворогы – писня-потурання Берези” (стр. 92–93) и

в) переведенные с русского языка: 1) “Русалка” по Розенгеймовому – (стр. 15–17), 2) “Важка дорога” – з Розенгейма (стр. 20), 3) “Дума” – з Розенгейма (стр. 21–22), 4) “Родына” – з Розенгейма (стр. 23–25), 5) “Лан” – з Розенгейма (стр. 49) и 6) “Послидня година гетмана Мазепы” (стр. 88–91).

Все перечисленные стихотворения, по мнению цензора, подлежат запрещению – первых двух категорий по вредной тенденциозности, а последней категории, хотя и не вредные по содержанию, но как представляющие переводы с русского языка.

Кроме того, по мнению цензора, подлежат исключению два места: на стр. 81 – что мировые судьи берут взятки с богатых, когда последние судятся с бедными, и научают свидетелей показывать ложно, и на стр. 84 выражение “вражий москаль”, употребленное как ругательное.

Комитет вполне соглашается с мнением цензора, как относительно запрещения тенденциозных стихотворений, так и относительно переводных, вви-

ду распоряжения Главного управления по делам печати от 8 января 1892 г. за № 96.

Остальные стихотворения собрания “На гулянках”, ввиду их цензурности и соблюдения требуемых правил правописания, возможны к дозволению, но из заглавия рукописи надлежит исключить слова “и переклады”, т[а]к к[а]к переводы подвергаются запрещению.

Об изложенном С.-П[етер]б[ургский] ценз[урный] к[омите]т имеет честь представить на разрешение Главного управления по д[елам] п[ечати], с приложением рукописи.

Председательствующий, член Сов[ета]
Глав[ного] упр[авления] по д[елам] п[ечати] [підпис]

За секретаря [підпис]

РДА, ф. 777, оп. 4, спр. 4, арк. 314. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 32, арк. 314.

№ 170

1894 р., січня 11. Київ. –

**Донесення київського губернатора Л. П. Томари київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові
О. П. Ігнат'єву про клопотання театральної трупи В. О. Грицяя
щодо постановки у Бердичеві вистав за п'єсами українських авторів**

По поводу присланной при отзыве господина управляющего канцелярией Вашего сиятельства от 24 минувшего декабря за № 18971 телеграммы некоей Сеймской из Елисаветграда¹, ходатайствующей о разрешении труппы из 20 великороссов и 20 малороссов играть в Бердичеве, были затребованы сведения об означенной труппе, о личности ее антрепренера, материальных средствах и о том, какие спектакли она предполагает играть в Бердичеве. Ныне елисаветградский полицмейстер донес, что означенная труппа, в состав которой входит и Сеймская, состоит под управлением Грицяя, играет в Елисаветграде с 26 минувшего декабря, в течении 1893 г. давала будто-бы спектакли в г. Киеве и Житомире; средств никаких не имеет и существует сборами со спектаклей; за время жительства в Елисаветграде лица, составляющие труппу, ни в чем предосудительном замечены не были. В Бердичеве труппа эта предполагает играть следующие малороссийские пьесы: 1) “Наталка-Полтавка”, 2) “Ой, не ходы Грыцю, та на вечерныци”, 3) “Круты, та не перекручай”, 4) “Тарас Бульба пид Дубном”, 5) “Сорочинский ярмарок”, 6) “Черноморци”, 7) “За Неман иду”, 8) “За двома зайцями”, 9) “Краще свое латане, ніж чуже хватане”, 10) “Дай серцю волю, заведе в неволю”, 11) “Невольник”, 12) “Сватаня на Гончаривци”, 13) “За друга (Вась и Ганя)”, 14) “Запорожец за Дунаем”, 15) “Гаркуша”, 16) “Несчасне коханя”, 17) “Галя Русина”, 18) “Катерина”, 19) “Видьма”,

¹ Див. цю саму справу, арк. 8.

20) “Пошылысь у дурни”, 21) “Глытай або ж павук”, 22) “Риздвяна нич”, 23) “Цыгане на Подоли”, 24) “Пылып Музыка”, 25) “Выхованець”, 26) “Назар Стодоля”, 27) “Весели Полтавци”, 28) “Не так сталося як ждалось”, 29) “Свитова рич”, 30) “Нич пид Ивана Купала”, 31) “Юрко Довбыш”, 32) “Цыганка Аза”, 33) “Кум мирошнык”, 34) “По ревизии”, 35) “Як ковбаса та чарка, то мынеця и сварка”, 36) “Бувальщина, або на чужый коровай очей не зрывавай”, 37) “Гришныця”, 38) “Сватання на вечерныцях”, 39) “Оказия з Мыкытою”, 40) “Москаль-чаривнык”, 41) “Зайдыголова” и 42) “Дви симби”.

Доводя о вышеизложенном до сведения Вашего сиятельства с представлением присланной телеграммы Сеймской с ответным бланком, имею честь присовокупить, что труппа Грицай в прошлом году в г. Киеве представлений не давала и я, со своей стороны, полагал бы ходатайство этой труппы о разрешении играть в Бердичеве отклонить.

Губернатор *Л. Томара*
Правитель канцелярии [*підпис*]

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 6, 15. Оригінал.

№ 171

1894 р., січня 17. Москва. –

Прохання М. П. Старицького, уповноваженого Товариства акторів М. К. Садовського і М. К. Заньковецької, до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва дозволити театральній трупі М. К. Садовського на постановку у Києві вистав за п'єсами українських авторів

Пользуясь благосклонным вниманием Вашего сиятельства и милостивым разрешением в истекшем году семнадцати малорусских спектаклей, доверители мои сняли театр у Н. Н. Соловцова на время от 20 апреля по 20 мая сего года и льстят себя надеждою, что Ваше сиятельство и в нынешнем году не лишите их своей милости и увеличите число спектаклей ввиду больших издержек передвижения из Москвы труппы. А по сему имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство разрешить господину Садовскому давать в г. Киеве на вышеозначенное время русско-малорусские спектакли, одобренных театральною цензурою к представлению пьес с соблюдением известных правил, при чем верители мои сочтут священною обязанностию дать благотворительный спектакль в пользу назначенной Вашим сиятельством цели.

Дворянин *М. П. Старицкий*
Адрес: г. Москва, по Никитской улице, театр “Парадиз”.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 3. Оригінал.

827.

УПРАВЛЮЮЩІЙ КАНЦЕЛЯРІЮ
18. ЯНВ. 89
НІВ. ПОД. ВОЛ.
ГЕН. Губернатора

КАНЦЕЛЯРІЯ
ГЕН. Губернатора
18. ЯНВ. 89

3.

Его Святѣйшества.

Ваше Преосвященство
Господину Генералъ-Губернатору и Намѣстнику
Ново-Западнаго Края.

20
Упомянуемаго товариществу
артистовъ Радюкова и Замковей-
скаго, потомственикии Дворянина Ми-
хаила Петровича Старицкаго,

Прошение.

Получивъ благоволеніемъ Вашима
Святѣйшества и милостивымъ разрѣшеніемъ въ исто-
шедшій году самовольцати малорусскія спектакли, а
впритомъ свои сцены театра у Н. П. Соловцова на время
от 20го Января по 20го Мая сего года и имѣетъ себя
надеждою, что Ваше Святѣйство и въ наступающій
годъ не лишите насъ своей милости и увеличите свои
спектакли, въ виду большаго издержекъ переувѣщанія изъ
маленькихъ труппъ, а поемучи имѣю честь покорнѣйше
просить Ваше Святѣйство, разрѣшитъ г. Солов-
цову, давать въ г. Кіевѣ на вышеозначенное время рус-
ско-малорусскіе спектакли одобреннаго театральнаго
указу до преступленія тѣмъ, въ случаѣ неисп.
вѣстныхъ правилъ, при сего впритомъ свои сцены
свѣдѣнаго абзакантити дана благотворительскій
спектакли въ пользу назначенной Вашима Святѣй-
стваго урши. 1894 года. Января 17 дня.

Дворянина М. П. Старицкаго

Адресъ: г. Москва, по Никитской улицѣ, те-
атръ „Парадизъ“.

Прохання М. П. Старицького до київського, подільського і волинського
генерал-губернатора О. П. Ігнатєва. 17 січня 1894 р. Док. № 171.

№ 172

1894 р., березня 24. Київ. –

Прохання артиста І. О. Науменка до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на постановку у Бердичеві, Умані, Черкасах та Білій Церкві вистав за п'єсами українських і російських авторів

Имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство разрешить мне в течение летнего сезона настоящего года в городах Бердичеве, Умани, Черкасах и Белой Церкви постановку спектаклей: вместе с пьесами русского репертуара – авторов Островского, Чехова, Мансфельда, Гарина, Самойлова и Федорова, пьесы малорусского репертуара – авторов Котляревского, Квитки-Основьяненко, Шевченка, Старицкого, Кропивницкого, Стороженка, Мырного, Манько и Ванченка, безусловно дозволенные к постановке на сцене Главным управлением по делам печати. Если же Ваше сиятельство найдете почему-либо неудобным постановку малорусских пьес в упомянутых городах, то покорнейше прошу не отказать постановку таковых в г. Киеве в театре Купеческого собрания, уведомив меня о резолюции Вашего сиятельства на настоящее мое прошение по месту моего временного жительства: г. Киев, Большая Владимирская, д. Глибова, номера “Новый свет”.

Артист *И. Науменко*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 53. Оригінал.

№ 173

1894 р., травня 2. Житомир. –

Донесення волинського губернатора С. П. Суходольського київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про виставу “Сватання на Гончарівці”, що відбулася у військовому зібранні 12-го Донського козачого полку в м. Радзивилові без належного оформлення дозволу

Кременецкий уездный исправник рапортом от 23 марта сего года за № 36 донес мне, что во время минувшего Великого поста, а именно 12 того же марта в военном собрании квартирующего в м. Радзивилове Кременецкого уезда Донского казачьего № 12 полка без надлежащего разрешения состоялся спектакль, на котором были представлены малорусская оперетка “Сватання на Гончаривци” и водевиль на малороссийском же языке “По ревизіи”.

Так как устройство вообще публичных спектаклей по 135 ст. т. XIV Уст[ава] о пред[упреждении] и прес[ечении] прест[уплений] (изд. 1890 г.) может иметь место лишь с разрешения полиции, а спектакли на малорусском наречии могут быть даваемы на сцене согласно с циркуляром Главного управления по делам печати от 16 октября 1881 г. за № 4016¹ только с особого каждый

¹ Див. док. № 96.

Малороссы!!

2

18 Радзивиллов 24.

ПРОГРАММА:

Во Военномъ Собраниі 12го Мазачь Палка

Во Воскресеніе 12го Марта Представлено будетъ:

СВАТАННЯ НА ГОНЧАРИВЦІ

Малорусская оперетка въ 3-хъ дѣйств. съ танцами соч. Квтки-Основьяненко

дѣйствующія лица:

Прокимъ Шкурать	_____	г. Корбутъ-Мовсін
Одарка его жинка	_____	г. ма Козиль.
Чльбана его дочка	_____	г. ма Шереметева
Павло Кандзюба	_____	г. Никитинъ
Стецько его сынъ	_____	г. Свѣтловъ.
Алексіи ковалъ	_____	г. Соколовъ
Осипъ Скоропѣкъ солдатъ	_____	г. Кирилленко.
Сватъ	_____	г. Дорошенко.

Во заключеніе

По ревизіи

Ревизіи въ Грнц. соч. М. А. Кропивницкаго.

дѣйствующія лица:

Василь Мьронько староста	_____	г. Свѣтловъ.
Служко, марш	_____	г. Соколовъ.
Приська, московна	_____	г. ма Любови
Рындючка стара баба	_____	г. ма Козиль
Тарасько іи свидокъ	_____	г. Корбутъ-М
Оторошиъ, провѣлості	_____	г. Кириллен

Начало въ 8 ч. вечера

Цѣны мѣстамъ: 1го ряда - 2 р. 2го - 1 р. 4го - 1/2 р.

4-й рядъ - 1/2 р. 11го коз С. В. Урядъ.

Билетъ можно получить у **управляющій О. М. СВѢТЛОВЪ.**

Афіша вистави "Сватання на Гончарівці". 1894 р. До док. № 173.

раз разрешения Вашего сиятельства, то я входил в сношение по сему предмету с начальником 11-ой кавалерийской дивизии и за него временно командующей дивизиею генерал-майор Лесли отзывом от 22 минувшего апреля за № 884 уведомил меня, что упомянутый спектакль разрешен был лично начальником дивизии ввиду того, что посторонняя публика в Военное собрание не допускается и самый спектакль имел чисто семейный характер.

Об изложенном с представлением программы спектакля, из коей также видно, что за места взималась плата, считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства.

Губернатор [підпис]

За правителя канцелярии *Бешивич*

Резолюція: Сообщить ком[андующему] войска[ми] по усмотр[ению].

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 235, арк. 1. Оригінал.

№ 174

1894 р., травня 10. Київ. –

Прохання М. К. Садовського до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на продовження гастролей у Києві

Имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего сиятельства продлить в г. Киеве русско-малорусские спектакли до 20-го числа сего мая месяца 1894 г.^а, т. е. еще на семь сверх уже разрешенных уже Вашим сиятельством спектаклей.

Ответственный распорядитель товарищества *Н. Садовский*

Доверяю сие прошение подать потомственному дворянину Михаилу Петровичу Старицкому.

Н. Садовский

Резолюція: Разрешить и сообщить губернатору.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 27. Оригінал.

№ 175

1894 р., червня 10. Київ. –

Повідомлення київського губернатора Л. П. Томари київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про дозвіл на постановку 11-ти вистав за п'єсами українських авторів на сцені Таращанського громадського зібрання

Вследствие предложения от 29 мая за № 7450 возвращая при сем прошение председателя совета старшин Таращанского общественного собрания Николая Шацкого¹, ходатайствующего о разрешении постановки на сцене того собрания малорусских пьес: 1) “Наталка-Полтавка”, 2) “Весели Полтавци”,

¹ Див. цю саму справу, арк. 36.

6789.

УПРАВЛІННЯ КАНЦЕЛІРІЄЮ
10 МАЯ 94
КИЄВ ПОД. ПОВ. ВОЛ.
ГЕН. Губ. ГЛАВНОГО

24.

Его Сіятельству согласно Киевскому, Во-
лыньскому и Подольскому Генералъ-губернатору.

Отвѣтственно распорядителю товариществъ
Дружно-милорудскихъ артистовъ Николаю,
Керловича Садовскому.

Прошение

К
Радомир
Савин

Всего съестъ почитательнѣе просить
разрѣшенія Вашего Сіятельства пред-
дѣлать въ 2. Киевъ Русско-милорудские спектакли да 20 числа сего мая 1894 года,
т.е. еще на семь, сверхъ уже разрѣшенныхъ,
дней Вашимъ Сіятельствомъ, спектаклей.

Отвѣтственнымъ распоряжителемъ то-
вариществъ Н Садовский

Киев.
10 мая 1894.

10/9/94

Давая ое прошение подать почитат-
ельному дворянину Михаилу Петровичу
Старицкому. Н Садовский

Прохання М. К. Садовського до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва. 10 травня 1894 р. Док. № 174.

3) “Бувальщина”, 4) “По ревизии”, 5) “Кум мирошнык”, 6) “Москаль-чаривнык”, 7) “Як ковбаса и чарка, то менеця сварка”, 8) “Покийнык Опанас”, 9) “Сватаня на вечерныцях”, 10) “Попереду спитайся, тож и лайся” и 11) “Пошырылысь”¹ имею честь довести до сведения Вашего сиятельства, что, как оказалось по собранным сведениям, с постановкою означенных малорусских пьес предполагается устроить 11 спектаклей, сбор с которых поступает на усиление средств общественного собрания, но время для устройства сих спектаклей еще не определено, и что со своей стороны я не встречаю препятствий к удовлетворению означенного ходатайства.

Губернатор *Л. Томара*
Правитель канцелярии [*нідпис*]

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 35. Оригінал.

№ 176

1894 р., червня 30. Київ. –

Подання київського губернатора Л. П. Томари до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на постановку у Черкасах 10-ти аматорських вистав за п'єсами українських авторів

Черкасский уездный исправник представил мне прошение, проживающего в г. Черкассах отставного статского советника Марка Стрижевского, ходатайствующего о разрешении любителям сценического искусства устроить в Черкасском общественном собрании, в течение второй половины текущего года, не более десяти спектаклей, из коих четыре с благотворительною целью: один – в пользу Красного Креста, а три – в пользу местных учебных заведений, с постановкою на них, совместно с русскими, следующих малорусских пьес: 1) “Ой, не ходы Грыццо та на вечорныци”; 2) “Назар Стодоля”; 3) “Дай серцю волю, заведе у неволю”; 4) “По моднѣму” (водевиль); и 5) “Наталка-Полтавка”.

Не встречая с своей стороны препятствий к удовлетворению изложенного ходатайства Стрижевского, имею честь представить об этом на благоусмотрение Вашего сиятельства

Губернатор *Л. Томара*
Правитель канцелярии *Савлуцкий*

Резолюція: Разреш[ить].

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 172, арк. 46. Оригінал.

¹ “Пошились у дурні”.

1894 р., липня 14. Чернігів. –

**Прохання видавця І. Л. Шрага до київського окремого цензора
Б. М. Юзефовича з викладом юридично обґрунтованих підстав
для скасування заборони на видання двох збірок оповідань,
віршів і казок українських авторів**

Получив свідетельство Вашего превосходительства от 21 июня 1894 г. за № 553¹ о причинах запрещения к печати рукописей, мною представленных: 1) “Крынычка. Збирка з оповиданнів та з виршив. Зібрав В. Ч.” и 2) “Зернятко. Оповидання та казки П. З. Р-ой”, я все же настоятельно прошу дозволить их к напечатанию по следующим основаниям.

В свидетельстве сказано, что рукописи не допущены к печатанию на основании ст. 22 “Устава о цензуре и печати” изд. 1890. Статья эта воспрещает при рассмотрении книг обращать внимание на частные неисправности, на слова и отдельные выражения, если дух и направление книг, мысль их – не предосудительны и не противны правилам “Устава”. В дополнение к этой статье ст. 105 того же “Устава” прямо рекомендует цензуре обращать внимание на видимую цель и намерение автора и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону. Статьи 109, 110 и 111 развивают ту же мысль в применении к произведениям изящной словесности. Наконец, ст. 4 прямо, точно и определенно указывает, какой именно дух, какое именно направление не допускаются в разрешаемых к печатанию книгах. Эта основная статья указывает 4 случая, когда произведения словесности, наук и искусств подвергаются запрещению цензуры. Вряд ли представляется возможность усмотреть в вышеупомянутых двух рукописях что-либо, подходящее под пункты 1, 2 и 4 этой статьи, так как предметы, трактуемые в рукописях, не имеют никакого непосредственного отношения к предметам, обозначенным в вышеупомянутых пунктах. Остается логическая возможность подвести рукописи под п. 3 упомянутой статьи, воспрещающий оскорбление добрых нравов и благопристойности. Но запрещение их на основании этого пункта будет прямым нарушением его, так как статьи, составляющие обе недозволенные к печати книжки, не только не оскорбляют добрых нравов и благопристойности, а как раз наоборот: усиленно рекомендуют и то и другое.

В рукописи “Криничка” осмеивается заносчивость и восхваляется скромность (басни Гребинки: “Сонце та хмары”, “Зозуля та снігир”, “Ячминь”, “Верша та болото”, “Цап”; Зиньковского: “Драбына”, “Се лев, а не собака”; Боровиковского: “Крыла у витряка”), указывается необходимость доверия и уважения к старшим (Артемовский-Гулак: “Рыбка”), прославляются семейные добродетели (З. О. “Орлиця”, Федькович “Брат та сестра”, Кулиш “Бабуся”, Зиньковский “Спилка”, Метлинский “Дыгына-сыротына”), рекомендуется справедливость (Л. “Розумный судья”, Гулак-Артемовский “Пан

¹ Див. цю саму справу, арк. 71 зв.

та собака”), искренняя любовь к ближнему (Е. Б. “Марыня”, Боровиковский “Порада”, Конисский “Хто сирота?”), К. М. “Не забудь мене”, Гребинка “Горобці та вышня”, Мордовець “Дзвонарь”, Гребинка “Будяк та коноплыночка”), самопожертвование (М. Вовчек “Ведмидь”, Ш. “На чатах”), верность (Метлинский “Зраднык”), правдивость (Зиньковский “Брехня”), любовь к родине (Метлинский: “Вязонько”, “Рідна мова”, Билиловский “С чужыны”). Наконец, во всех остальных статьях даются картины природы или описываются обычные житейские события.

В рукописи “Зернятко” осуждается заносчивость (“Розумный пысар”), даются примеры нравственной жизни (“Божа ныва”), любви к ближнему и самопожертвования (“Чорноморци у неволи”, “Пугач”, “Сказка о перловом намысти”), указывается необходимость милосердия к животным (“Як чоловік конем був”).

Где же во всем этом можно предположить хоть какой-либо намек на оскорбление добрых нравов, благопристойности? Наоборот, прочитав обе рукописи, можно предположить, что составители их как бы специально задались целью дать книги, соответствующие требованиям п. 3-го ст. 4-й “Устава о цензуре и печати”, и потому запрещение их является прямым нарушением этого пункта.

Именно так, а не иначе, рассматривала такие произведения цензура до сих пор и это несомненно доказывается тем, что большинство статей этих сборников было уже в печати: 3/4 сборника “Крынычка” взяты из печатанных в России книг – стихи Шевченка из имевшего множество изданий “Кобзаря”, басни Гребинки из сборника его басен (три раза печатавшегося), стихи Метлинского из его “Думок и песен А. Могилы” (Харьков, 1839, еще раз они повторены в 1876 г. в альманахе “Чайка”), стихи Билиловского – из альманаха “Складка № 1” (Харьков, 1887), стихи Щоголева из его сборника “Ворскло” (Харьков, 1883), стихотворение Кулиша “Бабуся” из сборника “Досвитки” (Киев, 1876 и СПб., 1862), где оно составляет часть поэмы “Вельки проводы”, стихи Гулака-Артемовского из его “Кобзаря” (Киев, 1877; еще печатались они дважды в журналах “Основа” в 1861 г. и “Киевская старина” в 18¹); басни Боровиковского из его “Баек и прибаюток” (Киев, 1852); стих. “Рідна мова” из альманаха “Чайка” (Киев, 1876), рассказ М. Вовчка “Ведмидь” из его “Оповіданнив” (СПб., 1865), рассказ Мордовця “Дзвонарь” из его “Оповіданнив” (СПб., 1885; еще печатался он в “Основе” в 1861 г. и отдельно в 1861 г.), а две наибольшие по объему вещи сборника “Зернятко”: “Чорноморци у неволи” и “Пугач” были уже напечатаны: первая отдельно (Киев, 1889), а вторая в альманахе “Складка” № 2 (Харьков, 1893). Каким же образом пьесы, много раз печатавшиеся с дозволения цензуры, могут являться теперь столь предосудительными по своему духу и направлению, что должны подвергнуться безусловному запрещению? Да и в той небольшой части обоих сборников, которая впервые приготовлена к печати, что же является столь вредным, что к нему нельзя применить ст. 23 “Устава о цензуре и печати” изд. 1890, по которой цензор имеет право исключать противное цензурным правилам, а остальное позволять?

¹ Дату не дописано.

Безусловное воспрещение к печати представленных мною рукописей на основании ст. 22 “Устава” после всего вышесказанного является прямым противоречием ст. 105 того же “Устава”, рекомендующей цензуре обращать внимание на видимую цель и намерение автора и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, так как видимая цель и намерение составителей вышеупомянутых рукописей были – служить распространению добрых нравов и благопристойности, так как явный смысл их речи находится в полном соответствии с требованиями ст. 4-й “Устава о цензуре и печати” изд. 1890 г., иной же цели и иного скрытого смысла нет даже возможности и предположить, так как очевидно ясны здесь и цели, и намерения.

Ввиду этого имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство дозволить обе рукописи “Крынычка” и “Зернятко” к напечатанию. Если Вы не найдете этого возможным, то на основании ст. 58 “Устава о цензуре и печати” прошу рукописи и это мое объяснение представить на рассмотрение в Главное управление по делам печати.

О последующем имею честь покорнейше просить уведомить меня по месту жительства моего.

Кандидат юридических наук *Илья Шраг*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 268, арк. 230–231. Оригінал.

№ 178

1894 р., листопада 4. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування окремих виданням збірки українського пісенного фольклору Херсонської губернії “Песни казацкие, солдатские, чумацкие...” В. М. Ястребова та про дозвіл на її публікацію в часописі “Киевская старина” за умови дотримання російського правопису

Канцелярия Главного управления по делам печати 18 октября за № 6066 препроводила на цензурное заключение назначенные к помещению в журнале “Киевская старина” “Песни казацкие, солдатские, чумацкие, наемных рабочих, разбойничьи, любовные, семейные, насмешливые и шуточные”, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии В. Н. Ястребовым и представляющиеся для редакции журнала “материалами для этнографии Новороссийского края”.

Цензор Коссович доложил Комитету, что все песни на малороссийском наречии.

В первом отделе помещены три песни казацкие, воспоминания из старинных походов. Второй отдел носит заглавие солдатских. Их пять, решительно во всех их описывается тяжесть солдатской доли. Далее идут шесть чумацких песен, дышащих разгулом, а тема 2-й – издевательство над евреями. В следующем отделе, в двух песнях наемных рабочих, звучит резко негодование на

хозяев-нанимателей. Более обширные отделы носят заглавия любовных и семейных. Они не отличаются, как и все подобного рода малороссийские песни, особой целомудренностью. За сим идет отдел духовных, насмешливых и шуточных. В последнем отделе помещена на первом месте песня про станового и его ненасытную алчность: рассказывается, как однажды он завяз и тотчас же живо выскочил, стоило только пособлявшим ему крестьянам показать рубль по совету проходившего мимо еврея.

По содержанию своих песен этот малороссийский этнографический сборник вообще нельзя признать добропорядочным, а также что-то незаметно в нем проблесков оригинального творчества, народного духа. Все эти нехитрые, так сказать, подгородного склада песенки было бы несколько рискованно отнести к так называемой изящной литературе, одной лишь допускаемой правительством в печатаемых малороссийских произведениях. Но, принимая во внимание серьезное направление журнала “Киевская старина”, для которого собственно и предназначаются вышеозначенные этнографические материалы, цензор полагает возможным разрешить их к напечатанию исключительно в этом периодическом издании.

Комитет полагает, что большинство приведенных в этом собрании песен не могут выдержать критики относительно их древнего исторического существования. Многие из них дышат совсем не народным духом, а есть продукт позднейшего времени (песни о солдатской жизни, песня о становом), так что с цензурной стороны является некоторое сомнение относительно возможности появления их для всеобщего пользования.

Но так как они назначены к помещению в историческом и этнографическом журнале “Киевская старина”, то Комитет считает возможным дозволить к печати именно только при условии напечатания их в сем журнале, а отнюдь не отдельною брошюрою, и, разумеется, с применением к тексту правописания русского языка.

Представляя изложенное мнение на усмотрение Главного управления по делам печати, С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь доложить, что представленная на цензурный просмотр корректура песен по внешнему виду имеет характер отдельной брошюры: на ней имеется особый заглавный лист, с обозначением места и года издания и фирмы типографии, что обыкновенно не обозначается на статьях, входящих в состав номера какого-либо журнала.

Корректурa при сем прилагается.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [ніднис]

За секретаря [ніднис]

Помітка олівцем: Запрет[ить].

РДА, ф. 776, оп. 12, спр. 50, арк. 132–134. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 20, арк. 132–134.

№ 179

1894 р., листопада 23. Санкт-Петербург. –
Циркуляр Головного управління у справах друку київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатсьву
про заборону постановки на сценах приватних театрів
драми М. Л. Кропивницького “Глитай, або ж павук”

Циркулярно

Господин министр внутренних дел признал необходимым воспретить исполнение на сценах частных театров, как столичных, так и провинциальных, малороссийской драмы М. Л. Кр[опивни]цкого под заглавием “Глитай, або ж павук”.

О таковом распоряжении господина министра имею честь сообщить Вам, милостивый государь, для зависящего распоряжения.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*
Скрепил: заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*
Верно: за помощника правителя дел *В. Кондратьев*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 844, спр. 8, арк. 118. Засвідчена копія. Друк. прим.

№ 180

1895 р., вересня 15. –
Лист Б. Д. Грінченка до завідуючого Статистичним бюро
Полтавського губернського земства М. Г. Кулябки-Корецького
з обґрунтуванням потреби видання Полтавським земським
зібранням книг українською мовою в інтересах народної просвіти

*Милостивый государь Николай Григорьевич!*¹

Вместе с этим посылаю Вам написанную мною для полтавского губернского земства биографию Котляревского^а. Быть может, можно сказать, что великорусскому языку моей брошюры я придал несколько малорусских форм и оборотов. Я сделал это умышлено, имея в виду моих полтавских читателей. Равно избегал я и некоторых слов, имеющих при одинаковой форме, неодинаковое значение в обоих языках: я, напр., остерегался употреблять слова дурной или плохой, которые по-малорусски означают глупый и смиренный, и потому могут послужить камнем преткновения для читателя-малоросса.

Я очень просил бы, известить меня о заключении комиссии и губернской управы, как скоро моя рукопись будет ими рассмотрена.

Не могу ли я просить также двух вещей:

¹ Очевидно, Кулябко-Корецький Микола Григорович, що з 1880–1896 р. нелегально працював у Полтавському губ[ернському] земстві не вважаючи на часті пропозиції губернатора та ген[ерал]-губернатора голові упр[ави] усунути його з посади, як пробуваючого під доглядом поліції [прим. док.].

1) чтобы, если рукопись будет пригодною к напечатанию, гонорар за нее выслан был мне вслед за одобрением рукописи управою, а не после ее напечатания; 2) чтобы мне было выслано не менее 50 экз. книжки по ее отпечатанию. Если же рукопись будет отвергнута, то прошу мне ее возвратить.

Вместе с этим мне хочется еще раз возбудить вопрос об изданиях на малорусском языке.

В письме Вашем Вы говорите, что управа будет издавать только те книги, которые можно распространять в народе через земские склады, начальные школы и народн[ые] библиотеки. Под первое условие украинская книжка подходит: земские склады харьковский, черниговский, александрийский, ананьевский, как мне достоверно известно, распространяют украинскую книжку свободно. За то, правда, в народные школы и библиотеки она не проникает. Но действительно ли дело от этого находится в таком положении, как изображено в Вашем письме. Вы говорите, что украинск[ая] книжка “лежит на полках книжных магазинов или распространяется в более или менее ограниченном количестве экземпляров среди любителей малоросс[ийской] литературы из интеллигенции”.

Я не буду обращаться далеко назад и позволю себе привести несколько фактов только за последние 2–3 года.

В прошлом году издан в Киеве дешевый “Кобзарь” Шевченка в количестве 20 000 экз. Он расходуется так быстро, что уже поговаривают о втором таком же издании – и это после изданий того же “Кобзаря” в 1883, 1884 и 1889 гг., не говоря о прежде бывших. “Катерина” Шевченка издавалась много раз и по 10, и по 20 тысяч экз., а в настоящем году появилось два ее издания: одно чье-то в Одессе, а другое – мое. Я сам был свидетелем того, как, напр., харьковские лубочники, ведущие торговлю исключительно с народом, покупают ее тысячами. Потребность в этой книжке такова, что появились даже самовольные издания, и собственникам произведений Шевченка приходится, как то видно из газет, вести из-за этого судебные дела. Несколько изданий “Наймичка” Шевченка не помешали ей появиться в издании харьковском в количестве 50 000 экз., из которых тысяч 20 уже распродано, несмотря на то, что дело продажи ее поставлено до крайности плохо. Обратимся к иным авторам, и мы увидим, что книгопродавцы-лубочники, уверенные в сбыте, не боятся издавать украинские произведения Квитки, Кропивницкого, Котляревского и др. в десятках тысяч экземпляров. Известный московский лубочник Губанов, несмотря на то, что действует в Москве, требованиями публики принужден был заняться малорусск[их] книг¹.

Харьковский лубочник Михайлов издает 20 000 экз. “По ревізії” Кропивницкого рядом со многими другими. Дошло до того, что лубочные издатели, если не имеют права на издание малорусск[их] книжек, ставят на книжках, написанных по-великорусски, малорусские заглавия, чтобы привлечь публику

¹ До сих пор я знаю 11 книжек его изданий следующих авторов: Квитки (пять), Котляревского (2), Чайченко (три, два из них вторым изданием), П. З. Р-ої^б (одна). Каждую книжку губ. издает самое меньшее в 6000 экз. Издания будут им продолжены [прим. док.].

(напр., “Добре робы, добре й буде”, “Наймичка”, “Москаль-чарівник”, “Пан Щипавка, або ж Раки” и т. д., я знаю более десятка подобных книг)¹.

Я не буду утомлять Вашего внимания приведением ряда внушительных цифр, указанием количества экземпляров, издаваемых всякими фирмами малорусск[их] книг. Я только прошу Вас: неужели же это интеллигенция, нет только любители мал[орусской] литературы, – раскупают эти десятки тысяч укр[аинских] книг. Достаточно вспомнить цифры, чтобы уже получить отрицательный ответ на этот вопрос; а один взгляд на то, кому продают лубочники свои издания, убедит нас сейчас же в том, что пункт, к которому стремится – это сельская малорусская хата.

И так, то Ваше положение, что украинская книга не может иметь достаточного распространения, падает при первом соприкосновении с фактами.

Но, скажете Вы, важно, чтобы книга шла в школу и библиотеку народную. Конечно, важно. Но если ее не пускают.

Неужели полтавское земство предполагает, что все его издания на великорусском языке будут допущены в школу и народную библиотеку. Все, что мы видели и видим, дает нам несомненную уверенность в том, что этого не будет. Что же, неужели так и отказаться от издания книги, не получив предварительного одобрения ее от ученого комитета М[инистерства] н[ародного] п[росвещения]. Это значило бы умышленно сузить свою деятельность, умышленно отнять у себя возможность провести в народные массы книжку хорошую, хоть и неодобренную учебным комитетом. Ведь если будем ограничиваться только книжками, рекомендованными этим комитетом, то, за немногими исключениями, придется кормить народ очень несвежей духовной пищей. Очевидно, что кто не пожелает связывать себе перед работой руки, тот, издавая книги для народа, будет игнорировать вопрос о допущении этих книг в школы и, напр., библиотеки, и потому что это, хотя и весьма желательное, допущение обставлено такими условиями, рядом с существованием которых, в громадном большинстве случаев, невозможно проведение в народную массу свежей струи возбуждения умственной самостоятельности и критической мысли. Поэтому интересы самого дела просвещения народного требуют, чтобы лица, служащие этому делу, не оставляя добиваться возможности иметь свое влияние и в школе, и в народной библиотеке, обратили теперь свое внимание на те способы распространения книжки, которыми пользуются все издатели народных книг, действующие в широких размерах. Поверьте, что народ неизмеримо больше читает книг, добытых не через школу и народную библиотеку, а помимо их, – в этом я, как много лет бывший народным учителем, убеждался на каждом шагу, да это доказывают и те громадные (для нас, конечно) цифры экземпляров лубочных и нелубочных народных изданий, которые (издания), не будучи одобрены учебным комитетом, все же поглощаются народными массами.

¹ В одном Чернигове издано мною или под моим наблюдением 66 тысяч экз. укр[аинских] книг (за этот год и конец прошлого) и распродажа их даст возможность печатать все нове и нове издания. Теперь печатаются третьим изданием “Байки” Л. Глібова в количестве 10 000 экз. [прим. док.].

Не следует ли, из всего этого, что препятствий к широкому распространению украинской книги в народных массах нет, а потому нет и препятствий для издания их полтавскою управою, раз она вообще признает необходимость издания украинских книг. А если бы даже и были такие препятствия, то не лежит ли на земстве Полтавской губернии, земстве родины Котляревского и Гребинки, нравственного обязательства употребить все в данном случае возможные усилия, чтобы устранить эти препятствия. Ведь раньше или позже они должны быть устроены и будут устранены, – почему же мы медлим это сделать. Не будем ли мы отвечать перед историей за слишком малые усилия в деле устранения препятствий к правильному просвещению украинского народа. Указываемое Вами постановление полтавского губернского земского собрания, враждебное украинской книжке, не только крайне непоследовательно (так как полтавское земство одною рукою ставит памятники Котляревскому, а другою выбрасывает его сочинения из народной библиотеки), но и прямо такого рода, что его скорее следует замалчивать, чем на него опираться.

Если губернская управа согласится с этими доводами, то я просил бы сообщить мне. Не найдет ли она возможным принять для своих изданий книжку о каменноугольных шахтах, написанную по-украински в беллетристической форме. В такой форме и книжка может быть пропущена цензурою, запрещающею все украинское, кроме оригинальной беллетристики из народной жизни. Тема эта подходит к программе полтавского земства, и я, прожив несколько лет среди донецких шахт, по личным наблюдениям знаю предмет, о котором хочу написать.

Обращаюсь к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой сообщить губернской управе это мое письмо и почтить меня уведомлением о решении ее. Примите уверение в моем глубоком уважении.

Б. Гринченко

Граховецкий Д. З видавничої діяльності Б. Грінченка та Полтавського губерньського земства в 1890 р. // За сто літ. – Кн. 5. – К., 1930. – С. 254–256.

№ 181

1895 р., грудня 18. Москва. –

**Висновок Московського духовно-цензурного комітету,
надісланий до кийівського окремого цензора з іноземної цензури
Б. М. Юзефовича, про заборону друкувати псалми,
перекладені П. П. Гулаком-Артемівським**

При отношении Вашем от 17 ноября 1895 г. за № 1122¹ на рассмотрение Московского духовно-цензурного комитета поступила корректура со статьею под заглавием “Памяти П. П. Гулак-Артемовского”.

В четырех стихотворениях, написанных по-малороссийски, господин Гулак-Артемовский перелагает в стихотворную речь содержание псалмов 90, 132, 138 и 139. В данном переложении не только совершенно теряется священный, возвышенный характер псалмов, но этими последними стихотворениями

¹ Див. цю саму справу, арк. 223.

усвояется часто даже и содержание иное, чем какое псалмы имеют в Библии. Например, псалом 90 начинается так:

“Хто в Божій помочи надБю положив,
Той в небѣ з Господом, – не на землѣ прожив,
Той скаже: Господы! Ты – в смутку мій рятуюнок
В недолѣ и в бѣдѣ – заслоне и прытулок”

и т. д. в этом роде.

Особенно неприятно действует на читателя замена общелитературного церковнославянского языка вульгаризмами малороссийского наречия. Напр., слова псалма 139: “изостриши язык свой яко змиин; яд аспидов под устнами их” (ст. 3) передаются в таком стихотворном переложении:

“Язык их – патока, а думка не така
Отрута лютая, ще гириш од мышака!”

Указом Святейшего Синода от 31 августа 1850 г. за № 9274 вменяется духовно-цензурным комитетам в обязанность обращать внимание, чтобы при описаниях стихами священных предметов соблюдался степенный и приличный образ изложения. Стихотворное же переложение малороссийским наречием псалмов 90, 132, 138 и 139 не удовлетворяет этому требованию, а потому на основании указанного определения Святейшего Синода и не допускается к напечатанию. Корректурa при сем возвращается.

Член комитета священник *А. Гиляровский*
Секретарь *А. Десницкий*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 273, арк. 231. Оригінал.

№ 182

**1896 р., липня 11. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
виконуючому обов’язки київського окремого цензора
з іноземної цензури про дозвіл на видання
“Російсько-українського словника” Є. К. Тимченка
за умови заміни у назві слова “український” на “малоросійський”**

Вследствие представления за № 331, возвращая при сем рукопись под заглавием “Русско-украинский словарь. Том 1: А – О”, Главное управление по делам печати уведомляет Ваше высочородие, что означенная рукопись может быть дозволена к напечатанию под условием замены в заглавии слова “украинский” словом “малороссийский”.

Временно исполняющий обязанности начальника
Главного управления по делам печати *М. Соловьев*
Заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

ЦДІАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 268, арк. 267. Оригінал.

№ 183

1896 р., липня 23. Київ. –

Доповідна записка режисера “руско-малорусского товарищества артистов” М. Л. Кропивницького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатьєву з проханням дозволити спектаклі в приміщенні Київського купецького зібрання

Имею честь почтительнейше просить Ваше сиятельство разрешить мне с моим товариществом ставить русско-малорусские спектакли в театре Киевского купеческого собрания с 15 августа по 1 сентября и в г. Умани с 1 сентября по 15 ч[исло] того же месяца.

О разрешении покорнейше прошу известить меня через господина киевского полицмейстера.

Режиссер русско-малорусского товарищества артистов
Марко Лукич Кропивницький

Резолюція: Разрешить.

Помітка: Т[ак] к[ак] Кропивницькому разрешена уже постановка 30 русско-малорусских спектаклей в летнем театре Киевского купеческого собрания, то казалось бы возможным дозволити ему продолжать означенные спектакли с 15 августа по 1 сентября с. г., а равно разрешить постановку оных в г. Умани с 1 по 15 сентября, о чем и сообщить киевскому губернатору для соответствующего распоряжения.

Управ[ляющий] канц[елярией] [*нідпис*]
Делопро[изводитель] [*нідпис*]

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 846, спр. 3, арк. 50. Оригінал.

№ 184

1898 р., квітня 15. Одеса. –

Доповідь виконуючого обов'язки окремого цензора з внутрішньої цензури в м. Одесі Головному управлінню у справах друку про заборону друкування українськомовного оповідання М. Загірньої “Абрагам Лінкольн”¹

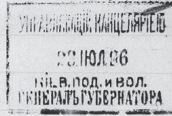
Рассматриваемая рукопись содержит в себе биографию Абрагама Линкольна, великого борца за освобождение от рабства негров-невольников в Северо-Американских Соединенных Штатах. Сообщив краткие сведения об открытии Колумбом американского континента, об эмиграции в новооткрытый материк европейцев, об основании там последними колоний, об отделении колоний от Англии и об основании Северо-Американских Соединенных

¹ Див. також док № 196.

2202

III

23 июля 96

Его Сіятельству
Господину Киевскому, Волинскому и
Каменецко-Подольскому Генералъ-Гу-
бернатору.

Режиссера Русско-Малорус-
скаго товарищества артистовъ,
дворянина сирѣчь Туркина Кро-
пивницкаго.

Докладная Записка.

Искренне почтительнѣйше про-
ситъ Ваше Сіятельство разрѣшить
мнѣ съ своимъ товариществомъ ставить
русско-малорусскіе спектакли въ театръ
Кіевскаго купеческаго Собранія со 15 ав-
густа по 1^е Сентября и въ г. Умань
со 1^е Сентября по 15^е ч. того же мѣся-
ца; о разрѣшеніи повтореніе прошу ис-
вести мнѣ чрезъ г. Кіевскаго Пом-
щіймейстера. Режиссера Русско-Ма-
лорусскаго товарищества артистовъ,
дворянина сирѣчь Туркина Кропивницкаго.

Кіевъ
23 Іюля 1896.

Рашкинъ

Мнѣ Кропивницкому разрѣшена уже поста-
влена въ русско-малорусскіе спектакли въ ам-
плу театра Кіевскаго купеческаго Собранія, по
какимъ бы возможнымъ добрымъ съ усло-
віямъ организованы спектакли со 15 августа по
1 Сентября с.г., а равно разрѣшеніе постановку
оперъ въ г. Умань со 1^е по 15^е Сентября; о чемъ
и сообщенъ Кіевскому Губ-ру для соответственна-
го разрѣшенія.

Людв. Кош.

Въ лицахъ С. П. Кош.

Доповідна записка режисера М. Л. Кропивницького київському,
подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнатьєву.
23 липня 1896 р. Док. № 183.

Штатов, и передав затем сведения относительно государственного устройства Соединенных Штатов, автор переходит к описанию жизни Авраама Линкольна.

В 1, 2 и 3 главах рассказываются события из детской жизни Авраама, о страстной любви его к чтению, о том с какими препятствиями должен был бороться Линкольн, чтобы удовлетворить свою жажду к знанию; в 4 и 5 главах автор сообщает о первых шагах самостоятельной жизни Линкольна, об его энергии, предприимчивости, трудолюбии и любви к путешествию; в 7 главе рассказывается о встрече Линкольна с неграми-невольниками и о том впечатлении, которое вынес Линкольн от этой встречи.

Затем автор подробно передает о том, как возникло невольничество в Америке, описывает ужасное положение невольников у плантаторов, жестокое обращение с неграми-рабами, их непосильный труд, варварский способ поимки беглых невольников и т. д. В конце главы автор сообщает о том, каким образом были распределены невольники в различных штатах, о стремлении северных штатов, освободивших своих невольников от рабства вскоре после отделения американских колоний от Англии, уничтожить невольничество и в других штатах, последствием чего явилось враждебное отношение южных рабовладельческих штатов к северным, повлекшее за собою впоследствии войну между ними.

Дальнейшие главы посвящены описанию деятельности Линкольна в качестве землемера, адвоката; затем рассказывается об избрании его депутатом в конгресс от штата Иллинойс и о горячей защите его негров-невольников, о той громадной популярности, которой пользовался Линкольн среди американцев, и которая заставила последних выбрать его президентом. Главы 13–16 посвящены описанию событий войны за освобождение невольников между северными и южными штатами. В главе 16 автор передает обстоятельства, сопровождавшие смерть Линкольна, убитого во время представления в театре актером Бутом, который явился орудием в руках плантаторов, мстивших Линкольну за освобождение им невольников.

Принимая во внимание: а) что согласно точному смыслу высочайше утвержденных в 1876 г. ограничительных правил в отношении употребления малорусского наречия, на означенном наречии могут быть печатаемы и издаваемы лишь исторические документы, с сохранением правописания подлинников, и произведения изящной словесности, в) что рукопись “Абрагам Линкольн. Оповидання. Напысала М. Загирня” содержит в себе популярно изложенные сведения по истории борьбы за освобождение невольников в Северо-Американских Соединенных Штатах, описание жизни Линкольна в связи с деятельностью последнего сперва в качестве депутата, а затем главы государства, я полагаю бы названную рукопись к печатанию не позволять.

И[справляющий] д[олжность] отдельного цензора [нідпис]

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 105–106. Оригінал.

№ 185

1898 р., квітня 21. Київ. –

**Лист редактора журналу “Киевская старина”
В. П. Науменка до М. Ф. Сумцова про повернення
київським цензором його статті, присвяченої М. П. Драгоманову,
для доопрацювання і подальшого подання на розгляд
до Головного управління у справах друку**

Многоуважаемый Николай Федорович!

Вы угадали, что статья Ваша о Драгоманове встретила цензурные затруднения; она была уже набрана вся, но цензор сказал, что на свой страх не может взять ее только из-за имени Драгоманова. Я вытребовал теперь рукопись из типографии и согласно Вашему желанию высылаю Вам ее обратно, хотя думал было посылать ее в Главное управление, так как и цензор советовал мне сделать это, уверяя, что он с своей стороны не поставит никаких преград. Если Вы пожелаете, то будьте добры, дополнивши свою рукопись, чем Вы хотели, пришлите ее мне, а я немедленно отправлю в Петербург.

С истинным почтением остаюсь всегда уважающий Вас *В. Науменко*

ЦДІАК України, ф. 2052, оп. 1, спр. 846, арк. 1. Оригінал.

№ 186

1898 р., травня 13. Санкт-Петербург. –

**Висновок Петербурзького цензурного комітету,
надісланий на розгляд Головного управління у справах друку,
про дозвіл на видання рукопису Є. Х. Чикаленка
“Розмова про сільське господарство”^а**

Канцелярия Главного управления по делам печати 22 апреля за № 2766¹ доставила на заключение рукопись на малороссийском наречии “Розмова про сельське хозяйство. II книжка. Кони, скотына, вивци та свыни – Чикаленко”.

Цензор граф Головин доложил, что произведение это посвящено беседе автора с соседом на Киевской сельско-хозяйственной выставке о скотоводстве, включает в себе описание пород скота, советы по рациональному уходу за ним, лечению его болезней и правильной случке.

В содержании рукописи не заключается чего-либо противного цензурным правилам, но она не может быть отнесена к тем произведениям на малороссийском наречии, которые могут быть дозволены к печати на основании правил высочайше утвержденных 18 (30) мая 1876 г.²

Комитет, признавая что рукопись не удовлетворяет условиям правил 18 (30) мая 1876 г. полагал бы однако справедливым ввиду безвредности со-

¹ Див. цю саму справу, арк. 110.

² Див. док. № 68.

держания и пользы, которую такая брошюра может принести в крестьянском быту, допустить рукопись в виде исключения к печати, тем более, что автор на заглавном листе рукописи заявляет, что первая книжка “Розмовы про сельське хозяйство” одобрена Ученым комитетом Министерства земледелия и допущена в народные библиотеки Министерством народного просвещения.

Изложенное мнение С.-Петербургский цензурный комитет с приложением рукописи имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Председатель [нідпис]
За секретаря, цензор [нідпис]

Резолюція: Разрешается согласно заключению СПб ценз[урного] комитета. 14.V.98. М. Соловьев

РДІА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 145. Оригінал.

№ 187

1898 р., травня 15. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету, надісланий на розгляд Головного управління у справах друку, про дозвіл на видання пісні “Вечір тихий” за умови дотримання російського правопису

Из С.-Петербургского музыкального магазина Леопаса представлена рукопись песни на малороссийском наречии “Вечир тыхый”, служащей текстом к музыкальному сочинению Ножиной, которая и есть автор самой песни.

В песне воспеваётся тихий украинский вечер, навевающий на автора думы о милой ему Украине, в которой она желала бы быть и погребенной.

С.-Петербургский цензурный комитет не усматривая в рукописи этой вредной тенденции, полагал бы, согласно мнению цензирующего губернского секретаря Тучапского, возможным дозволить песню эту к печати с обязательством применения к тексту правил правописания русского языка, на что, согласно правилам высочайше утвержденным 18 (30) мая 1876 г.¹ имеет честь испрашивать разрешения Главного управления по делам печати.

Председатель [нідпис]
За секретаря, цензор [нідпис]

Резолюція: Согласно заключению Комитета разрешается печатать. 16.V.98. М. Соловьев

РДІА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 147. Оригінал.

¹ Див. док. № 68.

№ 188

1898 р., травня 18. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету
про заборону друкування українськомовного рукопису
Я. В. Жарка “Байки”, з яким не погодилося Головне управління
у справах друку, оскільки байки “не можуть бути віднесені
до спеціальної дитячої літератури”

Канцелярія Головного управління по делам печати 4 мая за № 3098¹ проводила на цензурное заключение рукопись на малороссийском наречии “Байки” Я. Жарко, представленную в киевскую цензуру.

Цензор граф Головин доложил Комитету, что рукопись эта есть сборник басен, из которых многие представляют пересказ басен Крылова, напр., “Волк и журавль”, “Лисица и виноград”, “Ворона и лисица”.

В баснях не заключается ничего противоцензурного, и лишь на 14 странице представляется неудобным одно место, где консистория ставится в параллель с болотом.

Хотя басни и не представляют цензурных затруднений, кроме указанного на 14 странице места, но тем не менее рукопись “Байки”, по мнению Комитета, не подлежит дозволению, так как басни служат обычным чтением для детей, а книги для детей на малороссийском наречии, на основании предписания от 2 декабря 1895 г. за № 7143, воспрещаются к напечатанию.

Об изложенном С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати, с представлением Жарко и рукописи “Байки”.

Председатель [підпис]
За секретаря, цензор [підпис]

Резолюція: Хотя басни по справедливому замечанию СПб ценз[урного] комитета составляют обычное чтение детей, тем не менее они ни в каком случае не м[огут] б[ыть] отнесены к специально детской литературе, составляя вид иппокрической² и сатирической литературы, вследствие чего применение к рассмотрению рукописи предписания Гл[авного] управления от 2 декабря 1895 г. не может иметь места. По сим соображениям можно разрешить к напечатанию с исключением, указанным на стр. 14^a. М. Соловьев

РДІА, Ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 188. Оригінал.

¹ Див. цю саму справу, арк. 133.

² апокрифічної.

№ 189

**1898 р., травня 26. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету,
надісланий на розгляд Головного управління у справах друку,
про дозвіл друкувати рукопис М. Ганька
“Як дбаєш, так і маєш” за умови дотримання російського правопису**

В С.-Петербургский цензурный комитет представлена рукопись на мало-российском наречии “Як дбаєш, так і маєш” – оповідання Михайло Ганько”.

О содержании этого произведения цензирующий господин Вержбицкий доложил Комитету следующее:

Дочь богатого хозяина против воли отца вышла замуж за бедного земледельца. Три года суровый отец не хотел простить свою дочь и прогонял ее с глаз. На четвертый – смягчилось сердце его и поехал он к дочери, чтобы отвести ей ржи и пшеницы, так как всходы по весне не обещали урожая и люди уже голодали. К своему удивлению он узнал, что его зять с пяти десятин собирал зерна столько, что прокармливал семью и даже мог продавать значительную часть. В беседе с ним старик почерпнул подробные сведения о правильном ведении земледелия, скотоводства, плодоводства и даже о вредных для хлебов насекомых. Понял он, что его зять человек хороший и дельный, и простил свою дочь.

Хотя рассказ этот в большей своей части содержит наставления к рациональному ведению сельского хозяйства, с целью популяризации которых он и написан. Однако имея в виду способ изложения, позволяющего отнести рассказ к произведениям изящной словесности и полную безвредность содержания, С.-Петербургский цензурный комитет, согласно мнению цензующего, полагал бы возможным дозволить рукопись эту к напечатанию с условием применения к тексту правил правописания русского языка, на что и имеет честь испрашивать разрешения Главного управления по делам печати.

Рукопись при сем представляется.

Председатель [підпис]
За секретаря, цензор [підпис]

Резолюція: Согласно заключению Комитета печатать разрешается. 27.V.98.
М. Соловьев

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 168. Оригінал.

№ 190

1898 р., червня 6. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету,
надісланий на розгляд Головного управління
у справах друку, про заборону розповсюдження в Росії
виданої у Львові книги О. Я. Кониського
“Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя”,
написаної “в українофильском духе”

4 мая за № 3099¹ канцелярия Главного управления по делам печати пре- проводила на цензурное заключение заграничную книгу на малороссийском наречии “Тарас Шевченко-Грушівський. Хроника його життя. Написав Олександр Кониський (Збірник фільольогічної секції наукового товариства імени Шевченка. Т. I). Юбилейне видання товариства. У Львові. 1898” (8°, 252 стр.).

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь донести Главному управлению по делам печати, что биография Шевченки, заключающаяся в этой книге, написана в украинофильском духе. Автор то и дело вздыхает о славном прошлом неньки-Украины и не только рисует мрачными красками положение ее в эпоху царствования императора Николая I, но недоволен и нынешним состоянием Украины, укоряя ее жителей в том, что они стыдятся называться украинцами, говоря, что среди интеллигенции даже во времена Шевченки было меньше духовного крепостничества, чем теперь (напр., стр. 216). Крепостничество рисуется весьма густыми красками; произвол помещиков, возмутительные сцены сечения Шевченко в юности описаны очень рельефно. Но особенно страстно относится автор к аресту Шевченка и его товарищей по Кирилло-Мефодиевскому братству. Он с ненавистью укоряет распоряжения тогдашнего русского правительства, выставляет Шевченко мучеником и дополняет сведения об этой истории, появившиеся уже в печати, новыми подробностями, как, напр., обхождение полиции с Костомаровым, знаки булавы, выжженные на теле братчиков и т. п.

В виду такого содержания этой книги, С.-Петербургский цензурный комитет, согласно мнению цензора графа Головина, полагает, что она не может быть допущена к обращению в России, о чем представляя Главному управлению по делам печати имеет честь возвратить экземпляр книги.

Председатель [нідпис]

Управляющий делопроизводством, цензор [нідпис]

Резолюція: Согласно заключению Комитета книгу запретить. 7.VI.98. М. Соловьев

РДЦА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 182. Оригінал.

¹ Див. цю саму справу, арк. 138.

№ 191

1898 р., червня 9. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету
про дозвіл на друкування музичного твору М. В. Лисенка
на слова А. Міцкевича “Моя Милованка” російською,
польською і українською мовами з резолюцією
Головного управління у справах друку: “...разрешается
печатание польского текста и русского перевода”

16 мая за № 3477¹ канцелярия Главного управления по делам печати пре- проводила на цензурное заключение музыкальное сочинение “Моя Мило- ванка” – мазурка – слова Адама Мицкевича, музыка М. Лисенко.

Текст к этой мазурке в данном оригинале изложен на русском, малорос- сийском и польском языках.

Цензор Воршев, рассматривавший произведение это, доложил, что в тек- сте нет ничего противоцензурного или тенденциозного, по чему препятствий к дозволению не усматривается.

Но, по мнению цензора, необходимо требовать от издателя непременного напечатания русского текста, как значится и в рукописи. Если же издатель при напечатании пожелал бы исключить почему-либо русский текст, то цензор по- лагает неудобным по местным обстоятельствам дозволять такое издание, ибо помещение только малороссийского и польского текстов без русского делало бы издание тенденциозным, в виду предполагаемого юбилейного праздника в память Мицкевича.

Петербургский цензурный комитет вполне разделяет это мнение цензора и полагает обязательным печатание текста на всех трех языках и такое мнение свое имеет честь представить на усмотрение Главного управления по делам печати, с приложением рукописи сочинения.

Председатель [нідпис]

Заведывающий делопроизводством, цензор [нідпис]

Резолюція: Согласно с заключением разрешается печатание польского текста и русского перевода. 9.VI.98. М. Соловьев

РДА, Ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 188. Оригінал.

¹ Див. цю саму справу, арк. 148.

1898 р., липня 18. Київ. –

**Відношення київського, подільського і волинського
генерал-губернатора М. І. Драгомирова міністрові
внутрішніх справ І. Л. Горемикіну з проханням дозволити редакції
журналу “Киевская старина” публікувати етнографічні матеріали
українською мовою за погодженням з місцевою цензурою¹**

Издаваемый в течении 16 лет в г. Киеве на русском языке исторический журнал “Киевская старина” посвящен научной разработке вопросов местной истории, археологии, литературы и этнографии. Выполняя свою программу, журнал не может не затрагивать тех материалов, которые неизбежно должны выражаться в форме местной малорусской речи, как-то: оригинальные произведения народной словесности, старинные литературные памятники, этнографические материалы и очерки, местные предания и т. п.

Ныне до сведения моего дошло, что названный журнал при опубликовании таких материалов, предусмотренных его программой, испытывает ряд серьезных затруднений вследствие того, что местная цензура не может разрешать печатание статей и материалов с малорусскими текстами без предварительного представления таковых в Главное управление по делам печати, даже в тех случаях, когда содержание сих статей и материалов не возбуждает никаких сомнений с точки зрения цензурного устава. Хотя со стороны Главного управления по делам печати обыкновенно не встречается препятствий к печатанию представляемых ему таким образом статей, но необходимость представления и рассмотрения таковых в названном центральном учреждении создает для журнала многочисленные затруднения, вызываемые неизбежным промедлением в опубликовании материалов, от чего срочные книжки журнала или опаздывают, или выходят в свет в неполном виде, а недостающие статьи нередко должны быть заменяемы материалами второстепенными и случайными, что не может не отразиться неблагоприятно на литературной стороне издания. Для скромного провинциального издания, не располагающего поддержкой казенных учреждений или обязательною подпискою, подобные условия неизбежно оказываются крайне тягостными и продолжение издания из года в год все более и более затруднительным.

Местная цензура располагает вполне достаточными средствами для оценки статей названного журнала согласно требованиям цензурного устава и специальных распоряжений относительно обязательного правописания.

Журнал “Киевская старина” по своей программе и ее выполнению в течение 16 лет не требовал бы усиленного надзора, осуществляемого путем представления указанных выше статей в Главное управление по делам печати. Между тем указанные затруднения в редактировании местного исторического журнала, преследующего исключительно научные цели, не вызываются необ-

¹ Див. також док. № 194.

ходимостью и на практике ведут к ущербу для полезного дела развития местных исторических и этнографических исследований.

Ввиду этого я почитаю долгом своим обратиться к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою не отказать в разрешении названному журналу печатать все входящие в его программу материалы с дозволения местной цензуры, которая будет руководствоваться общими цензурными постановлениями и особыми по сему предмету распоряжениями Главного управления по делам печати, чем значительно будут облегчены условия издания помянутого исторического журнала.

О распоряжениях Вашего высокопревосходительства по сему делу покорнейше прошу почтить меня уведомлением, для принятия с моей стороны надлежащих мер к правильному их исполнению.

Генерал-губернатор генерал-адъютант *Драгомиров*
Управляющий канцелярией [підпис]

РДА, ф. 776, оп. 12, спр. 50, арк. 249–250. Оригінал. Мікрофотокопія ЦДІАК України: ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 20, арк. 249–250.

№ 193

1898 р., липня 21. Санкт-Петербург. – Висновок Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування українськомовних рукописів, якщо в них надаватимуться практичні поради щодо сільськогосподарської діяльності, запобігання хворобам тощо

На рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета поступили рукописи на малороссийском наречии под заглавием: 1) “Размова про сельске хозяйство. II кныжка. Кони, скотына, вывци та свыни” и 2) “Про херсонськи заробитки – колы й як их шукаты и що коштуе туды достаться по залізний дорози або пароходом”^а.

В первой из этих рукописей автор в ряде бесед по скотоводству описывает всевозможные породы скота, дает советы по рациональному уходу за ним, лечению его болезней и правильной случке. Вторая рукопись имеет целью ознакомить крестьян, отправляющихся на заработки в Херсонскую губернию, с условиями, при которых им легче можно было бы приискать работу.

На основании высочайших повелений 18 мая 1876 г.¹ и 8 октября 1881 г. на малороссийском наречии разрешено печатать лишь: 1) исторические документы, 2) словари и 3) произведения изящной словесности, под условием применения к этим произведениям общерусского правописания и с тем, чтобы разрешение на печатание их давалось Главным управлением по делам печати.

В виду того, что к произведениям последней категории могут быть отнесены не одни только сочинения строго беллетристического характера, Главное управление по делам печати признавало в некоторых случаях возможным раз-

¹ Див. док № 68.

решать к печати небольшие популярные брошюры на малорусском наречии, когда польза от распространения подобных изданий среди народа была вполне очевидна или удостоверялась со стороны подлежащих ведомств. Так, в течение 1896 г. Главным управлением были разрешены три малороссийские брошюры, в которых приведены были полезные для крестьян разъяснения о заразных болезнях и борьбе с ними; в 1897 – одна брошюра по сельскому хозяйству и в текущем 1898 г. две брошюры: одна – об уменьшении пьянства со времени введения винной монополии, другая – о борьбе с вредными насекомыми.

Принимая во внимание, что, согласно отзыву Департамента земледелия, распространение среди сельского населения первого из названных произведений признано желательным и целесообразным, что второе, по мнению цензуры, весьма полезно для народа, а также в виду того, что обе рукописи написаны с соблюдением правил общерусского правописания, Главное управление печати полагало бы справедливым, в виде исключения, разрешить упомянутые малороссийские рукописи, как произведения, преследующие благую цель и безусловно полезные для народа.

О вышеизложенном имею честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства.

Временно исполняющий обязанности начальника
Главного управления по делам печати *М. Соловьев*

Резолюция: Согласен. 31 июля.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 264–265. Оригінал.

№ 194

1898 р., липня 31. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов'язки київського окремого цензора з іноземної цензури про надання йому права самостійно дозволяти публікацію статей у “Киевской старине”

Главное управление по делам печати уведомляет Ваше высочордие, что господин министр внутренних дел предоставил Вам право разрешать к печати в журнале “Киевская старина” статьи на малороссийском наречии собственной властью, без соотношения с Главным управлением.

Временно исполняющий обязанности начальника
Главного управления по делам печати *М. Соловьев*

Заведующий делопроизводством,
член Совета *В. Адикаевский*

ЦДАК України, ф. 294, оп. 1, спр. 4а, арк. 305. Оригінал.

305

М. В. Д. ~~С. В. Д.~~ ~~С. В. Д.~~
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
 по
ДЕЛАМЪ ПЕЧАТИ. *зурив.*
 31 июля 1898 г.
 № 5324

*Господину У. г. Киевскаго Отдѣла
 наго Цензора по иностранной цен-
 зурѣ.*

Упрк. П. М. Т. М.

Главное Управление по деламъ пе-
 чати уведомляетъ Вамъ Высоко-
 родіе, что Г. Министръ Внутрен-
 нихъ Дѣлъ представилъ Вамъ
 право разрѣшать къ печати
 въ журналѣ «Кіевская Старина»
 статьи на маиоросійскомъ
 нарѣчій содѣлветною властью,
 безъ споменія съ Главнымъ
 Управленіемъ.

Временно исполняющій обязан-
 ности Начальника Главнаго
 Управленія по деламъ печати *М. Соколовъ*

Завѣдывающій типопроиз-
 водствомъ, Членъ Совѣта *М. Соколовъ*

Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов'язки
 київського окремого цензора з іноземної цензури.
 31 липня 1898 р. Док. № 194.

№ 195

1898 р., не пізніше жовтня 19¹. Чернігів. – Відозва комітету “Молодої України”^а до студентської молоді, в якій формулюються завдання руху

Ми, українська молодіж, стремлячи до політичної самоуправи, в якій досягають ся ідеали волі, рівности, братерства, домагаємо ся :

1. Рівности всіх перед законом по знесеню всяких привілеій станових і кастових.

2. Свободи совісти і рівности всіх віроісповідань. Просьвіти на рідній мові, заведеня обовязкової безплатної науки.

3. Політичної, конституційної свободи з автономією політичною; вольности слова, друку і зборів.

А обовязком студентства уважаємо:

1. Научне уґрунтоване вище наведених змагань. 2. Знакомлене критичне з соціально научними теоріями в Росії і Европі, з їхньою історією, а також з практичною діяльністю партій, що проводять згадані теорії з життя. 3. Докладне студіюване соціально-економічного стану українського руху, прикладаючи до поліпшення його постуляти соціальних поступових партій иньших країв на скілько вони відповідають вимогам обставин нашого народа. 4. Знаємство з науками українського народознання. 5. Знакомство з культурними здобутками українського руху в сфері як науки, так і красного письменства, а також студіюване історії того ж руху українського. 6. Ширене в стосунках громадських і приватних повисших принципів в цілях пропаганди української ідеї. 7. Вживане у житю особливо в стосунках з народом (разом з иньшим) головної прикмети національности – мови. 8. Ширене книжки у всіх верстах задля просьвіти. 9. Запроваджене по можности у народі соціально-економічних змагань ріжних поступових партій після певного переконання у тім, що вони одповідають соціальним і економічним обставинам краю і вимогам культурним.

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 536, арк. 34. Друк. прим.

№ 196

1898 р., листопада 18. Чернігів. – Клопотання видавця І. Л. Шрага до Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування українськомовного рукопису М. Загірньої “Абрагам Лінкольн. Оповідання”²

Господин одесский отдельный цензор по внутренней цензуре отношением от 3 июля 1898 г. за № 933, полученным мною 30 октября сего года, известил меня, что поданная мною рукопись “Абрагам Линкольн. Оповиданя. Напысала

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 27).

² Див. також док. № 184.

ЗМ

Ми, українська молодіж, стремлячи до політичної самоуправи, в якій досягають ся ідеї волі, рівности, братерства, домагаємо ся:

1. Рівности всіх перед законом по знесеню всяких привілеій станових і кастових.
2. Свободи совісти і рівности всіх віроісповідань. Просвіти на рідній мові, заведення обовязкової безплатної науки.
3. Політичної, конституційної свободи з автономією політичною; вольности слова, друку і зборів.

А обовязком студентства уважаємо:

1. Научне уґрунтоване вище наведених магань. 2. Знакомлене критичне з соціально научними теоріями в Росії і Европі, з їхньою історією, а також з практичною діяльністю партій, що проводять згадані теорії з життя.

Докладне студіюване соціально економічного стану українського руху, прикладаючи до поіпнення його постуляти соціальних поступо-

М. Загирня” запрещена к напечатанию, при чем, в противность ст. 58 Устава о цензуре и печати, не указал оснований этого запрещения. Вышеозначенный рассказ из жизни Линкольна излагает всем известные и много раз с дозволения цензуры опубликованные факты биографии гуманного человека, сведения о жизни которого, представляющей образец честности, трудолюбия, человечности и самоотверженного служения отечеству, желательно сделать возможно шире известными, чтобы они могли служить поучением каждому. Изложены эти факты в форме простой, приличной и скромной. Таким образом, рассказ ни по содержанию, ни по изложению не дает поводов к запрещению также точно, как не давали поводов к запрещению много раз издававшиеся для интеллигенции и народа биографии Линкольна на русском языке. Изложением этого предмета по-малороссийски автор делает его более понятным малороссу-простолудину, полагая, что народное просвещение на всяком языке может встречать лишь сочувствие, и что лишь то слово может иметь вполне просветительную силу, которое вполне понятно, как о том говорит и апостол “Аще неблагоразумно слово дадите языком, – како разумеется глаголемое? Будете бо на воздух глаголюще” (1 Кор. 14,9).

В виду изложенного имею честь обратиться в Главное управление по делам печати с покорнейшей просьбой о разрешении к печати представленного мною в цензуру рассказа из жизни Линкольна и о последующем почтить меня уведомлением.

Кандидат прав *Илья Штраг*

Резолюція: Сообщить просителю об основаниях недозволения. 22.XI.98. М. С. РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 356. Оригінал.

№ 197

1898 р., листопада 24. Київ. –

Прохання О. Я. Кониського до міністра внутрішніх справ І. Л. Горемикіна про дозвіл на друкування збірки оповідань “Квітки з чужого поля” у перекладі українською мовою

В августе месяце текущего года к одесскому отдельному цензору по внутренней цензуре была представлена рукопись моя под заглавием “Квитки з чужого поля”, представляющая собою сборник рассказов, переведенных мною на малороссийский язык. По существующему порядку рукопись поступила от цензора в Главное управление по делам печати, которое, согласно мнению одесского цензора, воспретило печатание этого сборника, возвратив рукопись цензору при предписании от 18 сентября текущего 1898 г. за № 6248¹ для удержания при делах канцелярии.

Хотя мотивы воспрещения мне неизвестны, но соображая содержание сборника с существующими законоположениями и распоряжениями высшей

¹ Див. цю саму справу, арк. 296.

власти, я не могу не придти к заключению, что сделанное запрещение печатать “Квитки з чужого поля” не оправдывается ни содержанием сборника, ни законом, ни распоряжениями высшей правительственной власти, а потому, и руководствуясь 58 ст. Цензурного устава, осмеливаюсь утверждать, Ваше высокопревосходительство, настоящею покорнейшею просьбою об отмене наложенного цензурой на мой сборник воспрещения и о дозволении печатать оный.

К заключению о неправильности цензурного воспрещения приводят меня следующие основания:

Все без исключения рассказы, вошедшие в мой сборник, были, – а некоторые из них и не один раз – напечатаны в наших периодических изданиях и отдельно с дозволения цензуры. Из этого очевидно, что ни один их тех рассказов содержанием своим не представляет ничего такого, что вызывало бы воспрещение печатания. Остается, таким образом, единственная внешняя причина – язык перевода.

Относительно последнего не содержится в общем Уставе от цензуре никаких законоположений, воспрещающих печатание каких-либо сочинений на малороссийском языке, а существует на этот предмет особое ограничительное высочайшее повеление, последовавшее 18 мая 1876 г.¹, но именно в силу этого повеления сборник “Квитки з чужого поля” и не подлежит воспрещению. Во 2 § помянутого высочайшего повеления сказано: “печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов на том же (малорусском) языке воспретить, за исключением лишь: а) исторических памятников и документов и в) произведений изящной словесности”. Из приведенного текста вывод ясен: переводы произведений изящной словесности на малороссийский язык не воспрещаются; разумеется – если самое содержание их таково, что не заключает в себе ничего противного закону.

Такого именно прямого и ясного понимания 2 § высочайшего повеления 18 мая 1876 г. держалось прежде и цензурное ведомство и разрешало печатать переводы на малороссийский язык произведений изящной словесности. Так, например, в 1882 г. разрешен перевод трагедии Шекспира “Гамлет”, в 1883 г. одесскою же цензурою разрешено печатать перевод трагедии Софокла “Антигона”, в 1885 г. в сборнике “Ныва” разрешен перевод “Одиссеи” Гомера, а в 1886 г. в сборнике “Складка” перевод “Иллиады” Гомера и “Колокола” Шиллера и т. д.

Но почему произошло ныне противоположное понимание означенного параграфа высочайшего повеления – неизвестно; во всяком же случае наложенное на мой сборник воспрещение составляет новое стеснение слова, не оправдываемое законными основаниями, – и при том такое ограничение, которое лишает переводчиков известного заработка, не принося в тоже время никому и никакой пользы, а напротив принося незаменимый вред – культурный – публике и материальный – переводчикам.

Смею присовокупить, что сборник “Квитки з чужого поля”, заключая в себе произведения высоконравственного содержания, не может оказывать на

¹ Див. док. № 68.

читателей иного влияния, кроме благотворного в смысле желаемом и правительством и образованною частью общества. Воспрещение же печатать такие произведения на каком бы то ни было языке не может не вызывать справедливых сетований на крайние цензурные стеснения слова.

В виду вышеизложенного, будучи глубоко убежден, что новое ограничение малороссийского слова не может составлять интереса высшей правительственной власти, я смею надеяться, что Ваше высокопревосходительство прикажете отменить наложенное на мой сборник воспрещение и дать разрешение на печатание его.

Дворянин Александр Яковлев Конисский

Гербовый сбор две марки по 80 коп. прилагается при сем.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 386–387. Оригінал.

№ 198

1899 р., березня 24. Санкт-Петербург. – Висновок Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування рукопису О. Степовика “Корисні звірятка. Кажан, іжак та зинське щеня (кріт)”

На рассмотрение С.-Петербургского цензурного комитета поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Корыстни звірятка. Кажан, іжак та зинське щеня (кріт), напысав О. Степовик”.

В означенном сочинении автор говорит о той пользе, какую приносят людям летучие мыши, ежи и кроты, истребляющие вредных насекомых, змей и червей. В заключение автор советует не истреблять этих полезных животных, а, напротив, всячески заботиться о них.

На основании высочайших повелений 18 мая 1876 г.¹ и 8 октября 1881 г. на малороссийском наречии разрешено печатать лишь: 1) исторические документы, 2) словари и 3) произведения изящной словесности, под условием применения к этим произведениям общерусского правописания и с тем, чтобы разрешение на печатание их давалось Главным управлением по делам печати.

В виду того, что к произведениям последней категории могут быть отнесены не одни только сочинения строго беллетристического характера, Главное управление по делам печати признавало в некоторых случаях возможным разрешать к печати небольшие популярные брошюры на малорусском наречии, когда польза от распространения подобных изданий среди народа была вполне очевидна или удостоверилась со стороны подлежащих ведомств.

Принимая во внимание, что, согласно отзыву Департамента земледелия, распространение подобных сочинений среди местного населения представляется весьма желательным как средство борьбы против суеверий и ложных представлений народа об этих животных, а также в виду того, что рукопись

¹ Див. док. № 68.

написана с соблюдением правил общерусского правописания, Главное управление по делам печати полагало бы справедливым в виде исключения разрешить упомянутую малороссийскую рукопись, как произведение, преследующее благую цель и безусловно полезное для народа.

О вышеизложенном имею честь представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства.

Временно исполняющий обязанности начальника
Главного управления по делам печати *М. Соловьев*

Резолюция: Согласен. 26.Ш.99. [*Підпис*]

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 284, арк. 427. Оригінал.

№ 199

1899 р., травня 23. Київ. –

**Повідомлення голови Київського відділення підготовчого комітету
з влаштування XI Археологічного з'їзду В. Б. Антоновича
попечителю Київського навчального округу про дискусію
щодо заборони використання української мови на з'їзді**

В ответ на запрос Вашего превосходительства от 19 мая 1899 г. за № 5273¹ Киевское отделение предварительного комитета по устройству XI Археологического съезда имеет честь сообщить нижеследующие, на основании протоколов заседаний отделения, сведения по вопросу о малорусском языке на съезде.

В заседании Киевского отделения предварительного комитета 14 февраля 1899 г. было заслушано отношение Львовского ученого общества имени Шевченка от 20 февраля нов[ого] ст[иля], в котором заключался ряд вопросов по поводу 29 § правил съезда и, в частности, о том, будет ли украинско-русский (малорусский) язык, на котором выходят издания означенного общества, допущен на заседаниях съезда, а равно и на страницах “Трудов” этого последнего. Выслушав это отношение, а равно и мнение профессора Т. Д. Флоринского, что украинско-русский или малорусский язык не относится к числу упоминаемых в 29 § утвержденных господином министром народного просвещения правил съезда “южных и западных славянских языков”, а представляет собою лишь одно из наречий русского языка, Киевское отделение постановило: так как решение возбужденных Львовским ученым обществом имени Шевченка вопросов превышает компетенцию местного отделения, то препроводить вышеозначенный запрос на усмотрение Московского предварительного комитета, о чем и известить Общество имени Шевченка во Львове.

Вследствие означенного решения Киевского отделения Императорское московское археологическое общество и Московский предварительный комитет XI Археологического съезда имели суждение по поводу запроса Львовского

¹ Див. цю саму справу, арк. 10.

общества имени Шевченка и постановили следующее: “Признавая, что украинско-русский (малорусский) язык немногим разнится от общерусского языка и близко сливается с языком украинских губерний империи, не выделять его как особый язык в группу других славянских языков и допустить чтение рефератов на этом языке в обыкновенных заседаниях съезда наравне с докладами на русском языке. Что же касается до печатания докладов, то таковые могут быть допущены лишь в чисто русской передаче на страницах “Трудов” съезда.

Вышеизложенное постановление Московского археологического общества, изложенное в отношении его от 25 марта за № 513, было доложено в заседании Киевского отделения 17 мая 1899 г.

По выслушании этого отношения в Киевском отделении предварительного комитета возникли прения, в которых принимали участие многие из присутствующих членов отделения, причем одни стояли за допущение малорусского языка наравне с польским и другими славянскими языками, а другие возражали против этого. Между прочим, проф. Флоринский, отстаивая свое мнение, изложенное им как в Москве при составлении правил, так и в заседании Отделения 14 февраля, доказывал, что допущение малорусского языка будет нарушением прямого смысла 29 § утвержденных господином министром народного просвещения правил съезда, а господин ректор университета проф. Ф. Я. Фортинский, присоединяясь к мнению проф. Флоринского, заявил, что он в качестве ректора университета, в здании которого имеют проходить заседания съезда, может допустить рефераты и речи на малорусском языке лишь в случае официального разрешения на то господина министра народного просвещения.

По окончании прений отделение постановило: обратиться к господину министру народного просвещения с представлением по вопросу о малорусском языке и просить его разъяснить, может ли быть допущен означенный язык в заседаниях съезда при чтении рефератов и речей галицкими учеными.

В заключение Киевское отделение предварительного комитета имеет честь присовокупить, что с вышеупомянутым представлением к господину министру народного просвещения имеет войти госпожа председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова.

Председатель отделения *В. Антонович*
Секретарь *М. Ясинский*

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 147, спр. 47, арк. 11, 13. Оригінал.

1899 р., жовтня 13. Київ. –

**Повідомлення начальника Київського губернського
жандармського управління директорові Департаменту
поліції С. Є. Зволянському про поширення учасниками
ХІ Археологічного з'їзду М. Й. Шухевичем і О. М. Колесою
“Програми української національної партії”**

Вашему пр[евосходительст]ву известны утопические, несбыточные, химерические планы, сеемые младорусскою галицийскою партией не только в Галицкой Руси, но и в пределах России среди малоруссов, между которыми и украинофилами партия эта имеет своих сторонников, главным образом в Киевской, Харьковской, Полтавской и Черниговской губерниях, стремящихся во чтобы то ни стало создать самостоятельную славянскую особь из малоруссов и выделиться из одного целого – русского народа. В этих видах прибегают к всевозможного рода приемам по литературе и изданиям книжным и в брошюрах, направляемых из Галиции в Россию, наполненных не только тенденциозными статьями, но и преступно политическими против России, частью на малорусском языке, искаженном полонизмом, частью на галицийско-украинском, малопонятном даже для малороссиян и наконец, за последнее время на “украинско-руськом” языке, каковым рассчитывалось даже допущение чтений рефератов на бывшем ХІ Археологическом съезде в г. Киеве, о чем в конце прошлого года во львовском “Ученом обществе имени Шевченко” возбуждался даже вопрос, который не получил желательного для инициаторов это[го] дела разрешения и малорусский, “украинско-руський” языки не были допущены в рефератах, занятиях бывше[го] Археологического съезда, как равно и в ученых собраниях съезда; придаваемое значение “украинско-руському” языку особо научное было отвергнуто, и всюду шел общерусский язык.

Прибывшие на Археологический съезд в г. Киев галичане, австрийские подданные, принадлежащие к младорусской галицийской партии, не могли не одарить, как учащуюся киевскую молодежь из малороссиян, так и членов местного украинофильского киевского кружка, новинкою своего издания, распространяемого в гектографированном виде и озаглавленного “Программа української національної партії” на “украинско-руськом” языке. Экземпляр этой программы, переведенной на русский язык при сем имею честь препроводить.

Секретные источники, весьма достоверные, указывают, что распространителями этой программы были приехавшие на Археологический съезд в г. Киев австрийские подданные:

1) Шухевич Николай, из г. Львова, 37 лет, униат, доктор-юрист, по папорту, явленному в Российском консульстве во Львове 7 сентября 1899 г. за № 9598, прибыл в г. Киев 10 сентября и проживал до 27 сентября по Мариинско-Благовещенской улице в д. № 93 в квартире учителя 4 Киев[кой] гимназии Николая Ивановича Козловского, 49 лет, православного, ст[атского] сов[етни]ка, который женат на сестре Шухевича – Модесте Осиповой, 40 лет.

2) Колеса Александр, 30 лет, католик, приват-доцент Львовского университета по русской литературе, прибыл в г. Киев из г. Львова 14 августа и проживал по национальному виду за № 22310, явленному 15 августа в г. Львове, в гостинице “Гладынюка”, а с 17 по 19 сентября в доме № 56 по Мариинско-Благовещенской улице, откуда приходится 19 сентября выехавшим в г. Москву. Колеса состоит членом Львовского общества имени Шевченко и украинофилов, он бывал и прежде в г. Киеве, года два тому назад; 17 сентября он выбыл из Киева в Москву, откуда, высказывал свое желание, располагал проехать в С.-Петербург.

Колеса находится в постоянных сношениях с местными киевскими украинофилами: профессором университета Влад. Антоновичем, учителем 2 Киевс[кой] гимназии Владимиром Науменко, помощником библиотекаря Университета Св. Владимира Евгением Константиновичем Тимченко. Служащим в пивоваренном заводе Михальчуком, учителем музыки Николаем Лысенко, и дворянином Михаилом Старицким и др. С этими же лицами находится в сношениях и Шухевич.

Отгектографированная для распространения “Программа” в копии при- сланная, по моему мнению, отгектографирована не за границею, а в г. Киеве, при пособничестве вышеназванного библиотекаря Тимченко и др. лиц из уча- щейся универ[истетской] молодежи.

ЦДІАК Україна, ф. 274, оп. 1, спр. 536, арк. 120–121. Відпуск.

№ 201

1900 р., січня 7. Санкт-Петербург. –

**Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону
друкувати окремою брошурою “Руководство обучению грамоте,
составленное для малорусских воскресных школ А. А. Потемной”,
опубліковане у часописі “Киевская старина”**

В С.-Петербургский цензурный комитет представлен коллежским советником Житецким отдельный оттиск из журнала “Киевская старина” под загла- вием “Руководство обучению грамоте, составленное для малорусских воскре- сных школ А. А. Потемной”^а.

Рассматривавший этот оттиск цензор граф Головин доложил Комитету, что предисловие к названному руководству, составленное Гавришем, написа- но на русском языке, а самое руководство – на малороссийском. Хотя оно и не заключает в себе чего-либо противоцензурного, но ввиду неоднократных указаний Главного управления по делам печати о недопущении на малорос- сийском наречии учебных книг, цензор не признает возможным дозволить это руководство к печати в виде отдельной брошюры.

С.-Петербургский цензурный комитет согласно с мнением докладчика, полагает, что “Руководство обучению грамоте, составленное для малорусских воскресных школ А. А. Потемной” ввиду предписания Главного управления по делам печати от 2 декабря 1895 г. за № 7143, не может быть дозволено к печати

в виде отдельной брошюры, о чем и имеет честь представить на усмотрение
Главного управления по делам печати.

Брошюра при сем прилагается.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [*підпис*]
За секретаря граф *Головин*

Резолюція: Согласен с мнением.

РДА, ф.776, оп. 21, спр. 408, арк. 1–2. Оригінал.

№ 202

**1900 р., лютого 24. Санкт-Петербург. –
Прохання редактора часопису “Киевская старина”
В. П. Науменка до Головного управління у справах друку
про дозвіл на друкування окремими збірниками
українськомовної белетристики, опублікованої на сторінках журналу**

Получив разрешение господина министра внутренних дел печатать в редактируемом мною журнале “Киевская старина” произведения беллетристического характера на малороссийском наречии с одобрения киевской местной цензуры, я в течении последнего года напечатал на страницах журнала несколько таких пьес. Для поднятия материальных средств издания, имеющего, благодаря своему специальному характеру, слабый круг распространения я желал бы в конце года выпускать для продажи отдельный сборник всех напечатанных в журнале малорусских пьес, при чем это последнее только в таком случае может быть прибыльно, если одновременно с напечатанием данной пьесы в журнале будут изготовляться и оттиски для сборника.

В виду изложенного честь имею покорнейше просить Главное управление по делам печати разрешить мне, с одобрения киевской цензуры, постепенно готовить к изданию в конце года сборник напечатанных в “Киевской старине” малорусских произведений, что даст возможность изданию получить доход в несколько сотен рублей.

Редактор журнала “Киевская старина” *Владимир Науменко*

Резолюція: Принять и оставить без удовлетворения.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 408, арк. 8. Оригінал.

1900 р., не пізніше липня 2¹. –

**Донесення таємного агента М. Железняка до начальника
Київського губернського жандармського управління В. Д. Новицького
про діяльність української інтелігенції Києва та інших міст України,
яка об'єднувалася навколо журналу “Киевская старина”**

Ваше превосходительство!

Считаю своею обязанностью доложить Вам нижеследующее.

В университетской библиотеке служит Е. К. Тимченко исключительно ради того, чтобы через посредство той библиотеки иметь возможность получать из-за границы (особенно из Галиции) всякого рода запрещенные сочинения на малорусском наречии, так как все книги на университет идут без цензуры, а потом через книжный магазин редакции журнала “Киевская старина” и своих украинофилов распространяет те сочинения. В том же книжном магазине в качестве управляющего служит Василий Степаненко, человек политически неблагонадежный; он был под полицейским надзором и, кажется, в данное время находится. Женат он на сестре Ивана Стешенко, известного ревнителя малорусских идей, года два-три тому назад высланного из Киева. Степаненко имеет с ним частые свидания и ведет переписку. Степаненко выписан откуда-то в магазин “Киевской старины” как человек, известный своим рвением по распространению малорусских идей и запрещенных книг.

Книжный магазин “Киевской старины” фактически принадлежит большому обществу рьяных малороссов, живущих не только в Киеве, но и далеко за пределами его (Одессе, Чернигове, Полтаве, Херсоне, Харькове и др. городах). Юридические хозяева того магазина – Гамалей и Науменко – лица подставные. Цель магазина – возможно большее распространение в народе книг на малорусском языке и в особенности запрещенных. Вот известные мне фамилии фактических хозяев и распорядителей магазина “Киевская старина”. В Киеве – Моисей Степанов Кононенко (служит в управлении Юго-Зап[адной] ж[елезной] дор[оги]), Александр Игнатьевич Лотоцкий (служит в контрольной палате), Федор Павлович Матушевский, Александр Иванович Бородай, Михаил Петрович Старицкий, его дочери и зятя, Николай Витальевич Лысенко, Евгений Тимченко (в данное время ведет расчеты по магазину), Николай Беляшевский (библиотекарь политехникума), Мерный² (кажется, чиновник контрольной палаты), Богданов (тоже какой-то чиновник), Андрей Кучинский (учитель какой-то гимназии), Беренштам (один из сотрудников “Киевск[ой] стар[ины]”), Трегубов (преподаватель, кажется, в кадетск[ом] корпусе), Ольга Петр. Косач, Александр Конисский, Тиховский (какой-то учитель – Назарьевская ул.) и много др. В Одессе – Михаил Комаров (нотариус), Боровик (Старопортофранковская ул.), Евгений Харлампиевич Чикаленко (Ямская ул.).

¹ Датується за штампелем на конверті.

² Мирный

В Чернигове – Илья Людвигович Шраг (присяжн[ый] поверенн[ый]), Михаил Коцюбинский, Борис Гринченко, Григорий Коваленко (земская управа). В Полтаве – Падалка (земство). В Харькове – Николай Иванов. Михновский (помощн[ик] присяжн[ого] поверенн[ого]), Игнатий Хоткевич (студент).

У этих же господ хранятся и запрещенные книги. У Тимченка они хранятся, кажется, в университетской библиотеке, но, вероятно, есть и на квартире. В Харькове общество студентов университета и ветеринарн[ого] института – рьяных малороссов, – издает дешевые книжки на малорусском языке, для возможно большего распространения в народе с надписью: “Выдано Вс. И. Гуртом”, что нужно читать так: “Выдалы вси гуртом”, т. е. “Издали все сообща”.

В Киеве есть большое общество, состоящее из сказанных выше фактических хозяев магазина “Киевск[ой] стар[ины]”, некоторых профессоров, учителей и др. лиц, именующих себя “Старою громадою” (в отличие от “молодой”, состоящей из студентов университета, духовной академии и другой молодежи). Общество это часто собирается в местах, определенных на каждое собрание особо, ведет суждения о возможно большем распространении малорусской речи и книг и вырабатывает всевозможные для того способы. Общество это имеет приличный капитал, на который содержит книжный магазин, издает журнал “Киевск[ая] стар[ина]”, издает книжки на малорусском языке и наводняет ими села. “Киевск[ую] старину” это общество вполне основательно считает своим журналом: он весь посвящен ихним интересам, в нем работают только свои люди, в нем печатаются некоторые статьи, драмы и т. п. на малорусском языке, хотя эти статьи с историческими документами Юго-Западн[ого] края ничего общего не имеют.

Одними из главных сподвижников “Киевск[ой] стар[ины]”, ратаями малорусского слова и агитаторами по распространению его в народе, являются студенты местных университета и духовной академии. Из них я могу указать на следующих: Сергей Ефремов (юрист), Василий Совачев (медик), Тарас Малеваный (медик), Александр Рогозинский (филолог; он же библиотекарь “Студенческой украинской громады”), Василий Доманицкий (служит в управлении Юго-Зап[адной] жел[езной] дор[оги]), Владимир Шемет (живет в Лубнах), Василий Базилевич (медик), Кожушко, Левицкий, братья Минченко и много других, которых я знаю только в лицо. Студенты эти и окончившие тоже часто собираются (по субботам), наподобие “Старой громады”, главная же их задача – развозить и рассылать по разным углам запрещенные книги и различные галицкие издания.

“Киевская старина” задалась целью наводнить все малорусские губернии малорусскими книгами и журналами, для чего всюду при земских книжных складах имеет свои отделения, принимает подписку на издающийся в Галиции журнал “Літературно-науковий вісник” и другие львовские издания. Считая это еще недостаточным, она насобираала книгонош, чтобы пустить их по парходам, плавающим по Днепру, и, кажется, уже пустила. Члены “Киевск[ой] стар[ины]” собирают всюду кружки, где проповедывают простому народу антиправительственные и антирелигиозные идеи. Немало заботятся они об открытии школ, в которых можно было бы проводить свои идеи. Одна из

таких школ в Киеве открыта Таисией Кононенко, женой Моисея Кононенко (Ивановская, 83), об открытии другой хлопотала жена Евг. К. Тимченко, но не знаю, открыла ли.

В магазине “Киевск[ой] стар[ины]” стараются говорить и всю переписку вести только по-малорусски; подходящий для этого там и штат прислуги.

Очевидно за этим магазином плохой надзор, потому что даже в каталоге его, напечатанном в апреле прошлого года, значится брошюра “Барвінський. Бесіда, виголошена в XIV роковини смерти Шевченка. Львів, 1875”, а эта брошюра у нас запрещена.

В сказанном обществе много есть всякого рода чиновников, а потому о каждом предстоящем обыске они знают заблаговременно и прячут нелегальные вещи в безопасные места. Такими местами обыкновенно бывают квартиры профессоров (у Вл. Б. Антоновича в каком-то сарае находится всегда склад запрещенных галицких изданий, доставляемых в Россию контрабандой) и университет (Тимченко), довольно часто квартиры украинофильствующих барынь (Мария Никол. Требинская, Молчановская, Варвара Ивановна Антонович и мн[огие] друг[ие]).

Наподобие Харьковского книгоиздательства “Вс. И. Гуртом” в Киеве есть то же, субсидированное “Старою громадою” и некоторыми денежными украинофилами; во главе этого книгоиздательства стоят: Александр Игн. Лотоцкий и несколько академиков, Сергей Ефремов, Василий Доманицкий, Федор Матушевский и многие другие. Издано ими уже около 15 брошюр и книг.

М. Железняк

Резолюція: Безусловная правда. Добавьте мне сведения о всех упомянутых лицах.

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 536, арк. 136–138. Оригінал. Опубл.: Палієнко М. Діяльність редакції “Киевской старины” в оцінці жандармського агента // Київська старовина. – 1997. – № 1/2. – С. 74–85; Палієнко М. “Киевская старина” у громадському та науковому житті України (кінець XIX – початок XX ст.). – К., 2005. – С. 166–169.

№ 204

1901 р., листопада 19. Полтава. –

Протокол допиту М. О. Русова в Полтавському губернському жандармському управлінні про його співпрацю з Науковим товариством імені Шевченка у Львові

1901 года ноября 19 дня в г. Полтаве, я, Отдельного корпуса жандармов подполковник Телегин, на основании ст. 1035 Уст[ава] угол[овного] судопр[оизводства] (Судебных уставов императора Александра Второго, изд. 1883 г.) в присутствии товарища прокурора Полтавского окружного суда господина Вигуры допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений от октября 20 дня показал:

Зовут меня Русов Михаил Александрович. Существует ли программа украинских социалистов, я не знаю, никогда об этой программе ничего не слыхал,

и самую программу не видел. В Лемберге в Галичине существует “Науковое товариство имени Т. Г. Шевченко”, образованное, кажется, в 80-х годах. Оно разделяется на несколько секций, из которых каждая занимается отдельной отраслью знаний (этнография, история, медицина, математика, право); эти секции издают свои “анналы” по образцу “анналов” Академии наук. Кроме того, существует издание общее под именем “Наукових записок” общества, а также журнал “Літературно-науковий вістник”, разрешенный и в Российской империи. В Петербурге же, насколько я знаю, существует “Общество пособия недостаточным воспитанникам высших учебных заведений имени Шевченко”, ничего общего как по задачам и по целям, так и по сфере деятельности с предыдущими не имеющее. В “Этнологичный збирник”^а издания “Наукового товариства” я посылал статьи по этнологии и этнографии Малороссии, касающиеся кустарей Полтавской губ., которые должны быть напечатаны в IV–V томах этого “Збирника”. Посылал я раза три в продолжение [18]99–[1]901 гг. после моей поездки за границу. Статья в рукописи “Тип українського народника в українській літературі” была мною послана в редакцию “Літературно-наукового вістника”, а черновик остался у меня дома. Статья эта переделана из статьи моей матери того же названия, которая предназначалась для русских газет и трактовала про те литературные темы, которые выводились малорусскими писателями. По поводу 100-летнего юбилея малорусской литературы в [18]98 г. было много напечатано в русских журналах и газетах – и эта статья имела касательство к этому юбилею. Предназначалась эта статья для галичан и для российских малороссов, очень мало знакомых с родною литературою.

Письмо, написанное на почтовой бумаге с печатным заголовком “Наукове товариство імені Шевченка у Львові, ул. Чернецького № 26”, относится к одной моей статье о “Естественно-историческом музее в г. Полтаве”, которую я обещал написать в “Літературно-науковий вістник”, когда был в Харькове в 1901 г. Это письмо, подписанное неизвестным мне Цигельским, который, как видно из письма, “заступник” т. е. временный секретарь редакции и в бытность мою во Львове он секретарем не был, письмо это напоминает об моем обещании и требует скорейшего исполнения заказа. Письмо же от 18 ноября н. с. [18]99 г. от секретаря редакции “Літ[ературно]-наук[ового] вістника” Гнатюка касается двух статей: 1) Об артелях Левитского, напечатанная в 1900 г. и 2) О типе малорусского народника в малорусской литературе, уже поименованную мною выше. Господин Гнатюк просит меня быть “співробітником”, т. е. сотрудником журнала и присылать статьи.

Михаил Александрович Русов

Подполковник Телегин

Присутствовал товарищ прокурора Вигура

ЦДІАК України, ф. 320, оп. 1, спр. 9 ч. II, арк. 68. Оригінал.

1902 р., січня 21. Санкт-Петербург. –
Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл
на друкування збірки творів Панаса Мирного
за умови дотримання російського правопису
(за виключенням із збірки повісті
“Товариші” й “Думи про Ігорево військо”)

В С.-Петербурзький цензурний комітет поступила рукопись на малоросійском наречіи под заглавиєм: “Панас Мырный. Книжка перша: оповидання, прыповисти та инша дрибница”.

Рассматривавший названную рукопись коллежский секретарь Тучапский доложил Комитету, что она заключает в себе ряд повестей и рассказов. Из них четыре – “Лыхый попутав”, “Пьяныця”, “Батькы” и “Морозенко”, уже были напечатаны раньше в разных сборниках, два – “Як ведеця, так и живеця” и “Казка про правду и кривду”, также были на рассмотрении Цензурного комитета и разрешены в других рукописях к печати, остальные четыре повести представлены вновь на цензурное рассмотрение.

Из всех этих рассказов обращают на себя внимание цензуры два произведения: “Товарыши” и “Дума про Ігорево військо”. В повести “Товарыши” (стр. 63) фигурирует юноша, внезапно арестованный и посаженный в тюрьму за свои политические убеждения. Подробно описывается его душевное состояние, нравственные и физические мучения, испытываемые в заключении, сумасшествие его и, наконец, самоубийство как результат потери рассудка. Ввиду столь тенденциозного содержания повести цензирующий не считает возможным разрешить ее к печати.

“Дума про Ігорево військо” есть перевод известного “Слова о полку Ігорево” и, как не оригинальное произведение, на основании предписания Главного управления по делам печати от 8 января 1892 г. за № 96, также не может быть дозволено к напечатанию.

Все же остальные произведения, помещенные в рукописи, вполне удовлетворяют цензурным требованиям, предъявляемым к малорусской литературе, а посему цензирующий считает возможным дозволить их к печати под условием лишь соблюдения общепринятого правописания.

С.-Петербурзький цензурний комітет має честь представити на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и с своей стороны не встречает препятствий к разрешению для напечатания препровождаемой при сем рукописи, под условием исправления ее правописания и за исключением указанных цензирующим двух произведений, первого – ввиду его тенденциозности, а второго – как не оригинального.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]

За секретаря гр. Головин

1902 р., березня 1. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування українською мовою рукопису А. Молодченка “Веселка”, оскільки за змістом книжка може бути захищена до навчальних посібників для дітей шкільного віку

В С.-Петербурзький цензурний комітет поступила рукопись на малоросійськом наречии под заглавиєм “Веселка”, вирши та оповидання. Заложив и упорядкував Андрій Молодченко”.

Рассматривавший названную рукопись и [справляющий] д[олжность] цензора Федоров доложил Комитету, что она по содержанию своему принадлежит к типу так называемых первых после азбуки книг. Разделена она на девять отделов:

1) “Наша хата та рид”. В этом отделе помещены рассказы, стихотворения и пословицы, в коих говорится о материнской любви, родном очаге, о горькой сиротской доле, дается приуроченное к детскому пониманию описание неизменных обитателей хаты: друга семьи кошки, сверчка, мыши и т. п.

2) “Двир та усяка прыручена тварь и птыця” – посвящен сельскому хозяйству: здесь дело идет о рачительном хозяине, его работе, трудах и т. п., помещено описание домашних животных: овцы, козы, коровы, коня, свиньи, собаки, гусей, голубей; приведены басни, пословицы, загадки, в которых говорится о тех животных, описание коих приведено в тексте.

3) “Город та сад”. В этом отделе помещены описания огорода, сада, птиц и насекомых, живущих в садах и огородах.

4) “Село вздовж и впоперек”, 5) “Гуртове жыття в сели” – посвящены описанию сельской жизни; в рассказах и стихотворениях повествуется о том, как строится село, какая там улица, рассказывается о ярмарке и приведено описание деревенских типов кузнеца, знахаря и т. д.

6) “Громадське порядкування в сели”. Здесь дело идет о сельском управлении, мирских сходах (приведены несколько сцен сходов), о церкви и церковном причте, церковных братствах, школе (приведено описание прежней школы), говорится о пользе грамотности и т. п.

7) Отдел посвящен описанию сельских работ: сеянию, сенокосу, уборке и молотье хлеба, а также описанию вредных и полезных земледельцу насекомых и птиц.

8) “У гаю” – включает рассказы, статьи и стихотворения, посвященные описанию леса, лесных пород, лесных животных, насекомых и т. д.

9) Посвящен воде и водяным животным и растениям.

Приведенное содержание рукописи, а равным образом и расположение материала, причем автор от простых, безискусственных рассказов постепенно переходит к более сложным описаниям, – дают, по мнению цензирующего, основание причислить настоящую рукопись к учебным пособиям, предназначенным для детей школьного возраста, а потому, на основании предписания Главного управления по делам печати от 2 декабря 1895 г. за № 7143,

и[справляющий] д[олжность] цензора полагал бы рукопись “Веселка” к напечатанию не позволять.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и с своей стороны признает препровождаемую при сем рукопись относящейся к детской литературе на малороссийском наречии и потому не находит возможным разрешить ее к напечатанию, за силою приведенного и[справляющим] д[олжность] цензора распоряжения Главного управления.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

Резолюція: Согласен.

РДІА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 46. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 21, арк. 46.

№ 207

1902 р., березня 11. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про вилучення з п'ятого тому Повного зібрання творів О. Я. Кониського трьох оповідань українофільського спрямування

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием: “Полное собрание сочинений Конисского. Том пятый”^а. Рассматривавший рукопись титулярный советник Гучапский доложил Комитету следующее:

Названная рукопись заключает в себе десять рассказов известного малорусского писателя Конисского: 1) “Доля одного пысьменника”, 2) “Пивнив празник”, 3) “Драма в тюрми”, 4) “Павло Бодько”, 5) “Суддья Гарбуз”, 6) “Навыпередкы”, 7) “Околодочный Мыхайло Ткаченко”, 8) “Доктор Мукосій”, 9) “Сичовык” и 10) “Пастух Кузьма Шыло”.

Из всех этих рассказов обращают на себя внимание цензуры следующие три: 1) “Павло Бодько”, 2) “Околодочный Мыхайло Ткаченко”, и 3) “Доктор Мукосій”. В них резко проглядывает украинофильская тенденция, нежелательная к распространению среди читателей-малороссов. Все эти три рассказа имеют между собою непосредственную связь с некоторым изменением лишь действующих лиц. Главные действующие лица в рассказах – доктор Перебендя и его слуга Опанас, оба – убежденные украинофилы. Перебендя передает свои впечатления от разных встреч с подобными же украинофилами. Первый, Павло Бодько, – был его пациент, которого он лечил от приключившейся с ним болезни после вечеринки в честь поэта Шевченко. Павло Бодько из “красных” и “либерал”, причем он не скрывает своих убеждений, не скрывает желания помочь родному краю – Украине, родному народу.

Но проходит несколько лет и этот либерал превращается в примерного чиновника особых поручений при губернаторе.

Второй тип, описанный доктором Перебендя в рассказе “Околодочный Михайло Ткаченко”, его школьный товарищ Михайло Ткаченко. Он тоже был когда-то либералом и, как он сам выражается, “за свой дурной язык был сослан туда, где Макар телят не гоняет”, потом долго голодал и наконец пошел в околодочные надзиратели. Этот околодочный посоветовал Перебенде “молчать”, а если он хочет “говорить”, то чтобы говорил в его присутствии, так как он не выдаст товарища.

В конце концов, разузнав хорошенько образ мыслей Перебенди и его слуги Опанаса, околодочный пригрозил им донести своему начальству, что они оба ненормальны и нуждаются в медицинском освидетельствовании.

Наконец в третьем рассказе “Доктор Мукосій” выведен товарищ Перебенди – доктор Мукосій, человек здоровый, умный, добившийся известности, хотя по происхождению и сын дьячка. Этот Мукосій в разговоре с товарищем советует ему бросить свое украинофильство и заняться делом, на что Перебендя заявляет ему, что он не может изменить своих убеждений, не может не любить своей Украины.

Все эти три рассказа умышленно разбросаны издателем в разных местах рукописи, чтобы ослабить присущую им тенденциозность, тем не менее она резко бросается в глаза, будучи выражена в массе фраз, намеков и недомолвок.

Ввиду этого цензирующий не считает возможным разрешить к печати эти три рассказа: 1) “Павло Бодько”, 2) “Околодочный Михайло Ткаченко” и 3) “Доктор Мукосій”, остальные же семь, как не заключающие в себе чего-либо противоречащего требованиям, предъявляемым к малорусской литературе, цензирующий полагает возможным разрешить к печати.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и со своей стороны полагает необходимым исключить из пятого тома “Полного собрания сочинений Конисского” указанные докладчиком три рассказа, неудобные по украинофильской тенденции их, а остальные, помещенные в этом томе семь рассказов, дозволить к напечатанию.

Рукопись при сем препровождается.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [нідпис]

Секретарь [нідпис]

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 60–61. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 21, арк. 60–61.

№ 208

1902 р., березня 28. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування книги Є. Х. Чикаленка “Сад” із серії “Розмова про сільське господарство”

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малоросийском наречии под заглавием “Розмова про сельське хазяйство. 5-та кнужка. Сад” Е. Чикаленко.

Рассматривавший названную рукопись цензор Андрияшев доложил Комитету, что она представляет собою популярный курс садоводства и, как сочинение не беллетристическое, не может быть, по мнению цензора, дозволено к печати за силою высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.¹

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что, хотя препровождаемая при сем рукопись и не относится к числу произведений на малороссийском наречии, разрешаемых к напечатанию на основании приведенного цензором высочайшего поселения, но подобного рода сельскохозяйственные брошюры Е. Чикаленко были уже неоднократно дозволяемы, в виду несомненной пользы, приносимой ими крестьянскому населению, не знающему иного наречия, кроме малороссийского. В виду сего Комитет полагает возможным разрешить к печати и вышеназванную рукопись.

Председательствующий, член совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 87. Оригінал. Машинопис.

№ 209

1902 р., травня 4. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування збірника віршів і пісень І. І. Федорченка “В чаду мрій” за винятком окремих віршів тенденційного змісту

Канцелярия Главного управления по делам печати от 27 февраля сего года за № 1845² по приказанию господина начальника этого управления препроводила в С.-Петербургский цензурный комитет для рассмороения в цензурном отношении рукопись на малороссийском наречии под заглавием “В чаду мрій. Вирши и писни. Ив. Федорченко”

Рассматривавший названную рукопись и[справляющий] д[олжность] цензора Вержбицкий доложил Комитету следующее:

Иван Федорченко представляет собою поэта с весьма определенным мирозерцанием. Он избирает мотивами для своих песен, во-первых, скорбь о прежней Украине и призыв к дружной работе на почве созидания самостоятельных устоев, во-вторых, несправедливость судьбы в распределении благ между панами и крестьянами и те мучения последних, которые они претерпевают из-за разных прихотей панов. Третьими мотивами, вполне безразличными в цензурном отношении, являются то скорбные, то радостные волнения влюбленного сердца.

¹ Див. док. № 68.

² Див. цю саму справу, арк. 43.

Что касается содержания отдельных произведений Федорченко, являющихся неудобными с цензурной точки зрения, то оно представляется следующим:

1. Стихотворение в XII главе под заглавием “До Роси” (2–18) написано в форме обращения автора к реке Рось, на берегах которой протекали все исторические судьбы малороссийского народа. “Ты помнишь ли, Рось, – говорит автор, – те отдаленные времена, когда на берегах твоих появились дикие орды, одни из которых именовали себя богами, а другие назывались именем черта? Мы прогнали и богов, и чертей. Но судьба послала новые бедствия. Длинной вереницей проходили через ряд веков полчища разных народов, громивших нашу страну. Против врага мы восставали все как один. Своей кровью мы залили и отбросили гуннов, аваров, печенегов, турок и половцев. Мы пережили татарское иго. У нас явились исполины, и мы, наконец, основали обширную державу, и вот в то время, когда Москва погибала в невежестве, мы спасали ее светом ученья. Вскоре опять настала борьба все за тебя, родина. Отовсюду к нам стремились ляхи, литовцы и другие народы. Всякий хотел быть у нас полным хозяином. Мы долго терпели, но, наконец, поднялись и полились потоки крови. Понял враг, что он дразнил не дитя, а исполина. Но чем же вре это кончилось? Уже два века спит народ, он стал ничтожен и, не считая таких людей как Мазепа, Тарас и Палий, все остальные – это ублюдки. Что же за сила нагнала эти страшные горы? Я знаю, однако буду молчать. Но ведь на всякую силу есть и перемога. Я боюсь, что мы уснули навеки, как пес на привязи в соломе. Если так нам суждено, то лучше ударьте громы, испепелите всех ничтожных, и тогда вырастет из огня новое племя, идеал которого – свобода, а не рабство. Друзья – братья, дети Украины, а всех вас зову к работе, я призываю к труду свободного созидания крепких устоев родного отечества”.

2. В соответствии с этим произведением находится и стихотворение под заглавием “До бою” (стр. 35), в котором автор бросает вызов судьбе и натуре, чтобы кинуться на страшный с ними бой и победить их силой духа.

3. Повесть в стихах под заглавием “Дви лыхи доли” (стр. 37–93) рисует картины времени крепостного права.

Тяжело живется крестьянам в настоящее время, начинает автор. Они обеднели, сидя на своих, дорогою ценою купленных, наделах, вместе с тем как личность крестьянина третируется почти наравне с собакой. “Чего лезет, зачем беспокоит?” – вот как встречают его в суде, а то могут дать и по шее. Неудивительно поэтому, что многие, особенно старые люди, с грустью вспоминают времена крепостного права. Чтобы показать, насколько напрасны такие сожаления, автор и рассказывает историю тяжелых мучений двоих крепостных: молодой девушки Ориси и ее жениха Якима. Некогда, говорит он, легко и свободно жилось на Украине. Но стало чертям скучно в аду, и вот они принялись за дело и наплодили целую кучу панов. Забрали паны в неволю крещеный народ, принудили его работать на себя, и с тех пор начались страдания крестьян, которые и теперь еще давят со всей силой. Однажды Орися и Яким сидели, обнявшись, ведя беседу о свадьбе, как вдруг поравнялся с ними пан, возвращавшийся с охоты. Взглянул он на Орисию и разгорелась в нем страсть.

Приказал он схватить Якима, наказать его и забрить в солдаты, а Ория взята была в горничные и стала наложницей пана. Долго горевала Ория, много страданий она испытала; видит пан, что не может она забыть своего Якима и успокоиться, да и стала она уже надоедать ему, и объявил он своим гайдукам, что Ория сошла с ума, и приказал посадить ее в погреб. Однако Ория успела поджечь дом, а сама обожженная, израненная и оборванная убежала в лес и там пролежала без сознания, пока не подобрал ее старый дед. Стала по-немногу оправляться Ория, как вдруг снова увидел ее пан. Схватили ее и повезли в город и здесь на кобыле ее секли батогами, пока она не умерла. Что касается Якима, то судьба его была не лучше Ориной. Били его по лицу кулаками, били нещадно киями, кормили хлебом из песка, тухлой кашей и борщами с червями. Унтера, офицеры издевались над солдатами, сколько хотели. В сильный мороз, когда замерзала в горле слюна, солдаты выстраивались для парада во фронт и все они были босиком и с голыми руками, а начальники в шинелях с бобрами да в теплых мундирах на вате командовали стоять смиренно, пока не приедут старшие. От такого учения солдаты падали и отправлялись в госпиталь, откуда была только одна дорога на кладбище. Тогда учили по такому правилу: “Девять солдат убей, если хочешь, хоть сразу, но только, чтобы хорошо знал муштровку десятый”. Много побоев перенес Яким, однако он уцелел и в войне с турками выказал храбрость, но лишился обеих ног. Тогда его “по третьему пункту” уволили в “чистую” и стал он нищим и убогим. Бессердечное отношение начальства к герою возмущает его односельчан, и они заявляют ему, что будут кормить его на общественные средства, и вместе с тем просят его учить грамоте детей. По этому поводу автор делает отступление и говорит: “целые поколения выростали в глубоком невежестве и для того только, чтобы паны могли воспользоваться высшим образованием и превратить народ в послушную машину. Даже те школы, в которых обучали отставные унтера, закрыты по приказанию высших начальников. Сделали они это распоряжение, – говорит автор, – и успокоились, как-будто совершили великое дело”.

“Когда же изменится судьба народа?”, – спрашивает автор. “Тогда наступит это, – отвечает он, – когда вся Русь запылает пожаром, когда лопнет терпение народа, когда захочет он воли и раю, и порвет те путы, которые наложили на него рясы и кафтаны... Эй, проснитесь, люди, смойте с глаз полуду, стряхните те пута, которыми скована ваша душа... Ведь с панами не будет раю... Ведь и теперь еще остается тщетным слово – свобода”.

4. В статье под заглавием “Скалки души” (94–99) заключаются отдельные небольшие стихотворения следующего содержания: “Моя родная Украина, сердце обливается кровью, когда я вспомню про тебя и твои невзгоды. Но не теряй надежды, пройдут года несчастья. Заживем и мы своим собственным домом, сядем за широкий стол и пригласим к нему еврея и ляха, но тем, которые любят проявлять власть, мы скажем: “Вон из-за стола. Наш труд здесь и наша родина, так нам и управлять. А вы убирайтесь вон, а не то дадим в шею”.

“Край широкий, край богатый. Наши деды поливали тебя своим потом и кровью и своею грудью отражали лихих воров. Что же им выпало на долю! Чуждые паны надругались над ними и отняли имущество, да еще запретили

петь про свою славу, далеко забросили кобзу и лиру и стали сажать в тюрьму за святые речи. Теперь над нами господствует чуждый народ, нас топчут в грязь, бранят хохлами, бьют в лицо, да еще требуют, чтобы мы целовали их подошвы и прославляли их, а не то молчали бы”.

“Вот на берегу Роси лежат развалины некогда роскошных палат. В них все один лишь тлен. А истлели они от поту, от слез кровавых, от тяжелых унижений, от нестерпимого горя, что испытал на себе бедный народ, когда возводил этот дворец”.

5. В стихотворении под заглавием “Голодранцева думка” (102–103, 104–106, 109) автор говорит: “Проходят дни. Бьешься как рыба об лед, без устали работаешь, печет тебя солнце, холодит мороз, под дождем ночуешь, ешь лишь черствый хлеб, оборван как нищий. И за что же такая нужда и мучения, голодное тело и истомленные руки? За что маленькие дети издыхают без хлеба, растут в невежестве? Кому все это надо? Неужели для того лишь, чтобы паны пожирали все наши припасы, истребляли бы в один день столько, что не работаешь в целый год. Неужели, о Боже, в том твоя правда, что нас обсела стая врагов, и не только окружила, но впиалась в наши груди, чтобы ценой нашей крови окупать свои пиршества”.

В стихотворении на стран. 111–112 автор выражает желание, чтобы его песня поразила огнем и уничтожила тех сынов Украины, которые забыли ее и ей изменили, чтобы таким образом обновилась родная нива и после этого поросла бы пышными цветами.

Сводя к немногим положениям содержание всех выше изложенных произведений, должно признать, что последние заключают в себе крайнюю украинофильскую тенденцию и вместе с тем проникнуты идеей возбуждения немощных классов против состоятельных. Почему признавая особенно вредным изложенные стихотворения Ив. Федорченко, и[справляющий] д[олжность] цензора полагал бы к печати их не допускать.

Что касается остальных стихотворений, то все они либо написаны на любовные мотивы, либо представляют вопли из глубины сердца, страдавшего от жестоких невзгод. Как не заключающие в содержании своем ничего несогласного с цензурными правилами, они, по мнению и[справляющего] д[олжность] цензора, могут быть допущены к печати, но под условием соблюдения правил общерусского правописания.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и со своей стороны признает необходимым запретить изложенные выше и[справляющим] д[олжность] цензора стихотворения, помещенные на страницах 2–18, 35, 37–93, 94–99, 102–103, 104–106, 109, 111–112 возвращаемой при сем рукописи, так как содержание их является крайне предосудительным с цензурной точки зрения. Проповедуя весьма резко украинофильские тенденции, они вместе с тем возбуждают ненависть крестьян к помещикам. Остальные стихотворения, как не заключающие в себе вредные тенденции, могут быть, по мнению Комитета, допущены к печати с тем условием, чтобы запрещенная часть ру-

кописи была удержана при делах цензора, на основании ст. 58 Устава о цензуре и печати^а.

Председательствующий, член совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

Резолюція: Исполнить согласно заключению Комитета.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 115–118. Оригінал. Машинопис.

№ 210

1902 р., травня 11. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування творів Є. П. Гребінки як додатку до журналу “Север”^а

В качестве приложений к журналу “Север” издаются сочинения Е. П. Гребенки.

Цензирующий названный журнал и[справляющий] д[олжность] цензора Федоров доложил С.-Петербургскому цензурному комитету, что в V-м томе собрания сочинений упомянутого писателя заключается, между прочим, отдел произведений на малороссийском наречии, в котором помещены: а) “Полтава” поэма А. С. Пушкина. Вольный перевод на малороссийский язык, б) “Малороссийские приказки” и в) “Мелкие стихотворения и рассказы”. Как стихотворения и рассказы, так и басни могут быть, по мнению и[справляющего] д[олжность] цензора, дозволены к напечатанию, при чем, хотя содержание некоторых из басен и заимствовано у Крылова, Хемницера и других баснописцев, но разработка их является совершенно самостоятельной. Ввиду сего они и не могут быть признаны переводами с русского языка на малороссийское наречие. Что же касается до поэмы “Полтава” то это произведение, составляя точный и полный перевод поэмы Пушкина под тем же заглавием, подлежит, согласно существующим правилам о печатании произведений на малороссийском наречии, запрещению.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он полагал бы возможным дозволить к напечатанию весь малороссийский отдел, заключающийся в препровождаемом при сем V-м томе сочинений Гребенки. Хотя поэма “Полтава” и является переводным произведением, не допускаемым по общим правилам на малороссийском наречии, но, не говоря уже о том, что перевод поэмы Пушкина был разрешен к печати, в данном случае он входит в полное собрание сочинений старинного писателя Гребенки. Собрание это, состоящее совместно из произведений на русском языке и на малороссийском наречии, предназначается для русской, а не специально малороссийской публики и будет печататься для подписчиков русского журнала “Север”.

Председательствующий, член совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

Резолюція: Разрешить.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 122. Оригінал. Машинопис.

№ 211

1902 р., вересня 3. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування українською мовою брошури М. Виноградової з географії та астрономії “Дещо про світ Божий”

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малоросийском наречии под заглавием: “Дещо про свит Божий. Напысала селянка (Марія Виноградова)”. Рассматривавший рукопись исправляющий должность цензора Вержбицкий доложил Комитету следующее:

Названная рукопись имеет предметом своего содержания изложение основных сведений из области физической географии и отчасти астрономии. Написанная в форме популярной, приуроченной к пониманию и строю жизни простого народа, она дает объяснение таких явлений, как движение земли, солнца, его затмение, кометы, звезды, туманные пятна и т. п. Принимая во внимание, что по характеру своего содержания она не может быть отнесена к числу произведений изящной словесности, и [справляющий] д[олжность] цензора полагал бы к печати ее не позволять за силою высочайших повелений 1876–1881 гг.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам [печати], что он и со своей стороны не признает возможным дозволить препровождаемую при сем рукопись, так как она не может быть отнесена к числу произведений на малоросийском наречии, разрешаемых к печати на основании приведенных цензирующим высочайших повелений.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]

Секретарь [підпис]

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 220. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 21, арк. 220.

№ 212

1902 р., вересня 21. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про виключення з рукопису “Літературного збірника”, присвяченого пам’яті О. Я. Кониського, його біографії, віршів І. Я. Франка та алегоричного малюнку

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малоросийском наречии, представляющая дополнение к дозволенному с некоторыми исключениями сборнику под заглавием “Литературный збирник. Т. 1. Посвята незабутній памяти Олександра Кониського”.

Рассматривавший рукопись цензор Андрияшев доложил Комитету, что в ней помещены: одна большая повесть “Пропаци”, 8 незначительных по объ-

ему рассказов различных авторов, сборник стихотворений И. Дорохольского, 3 стихотворения И. Франка, биография А. Я. Конисского, портрет его и аллегорическая картина, на фоне которой помещен будет, вероятно, этот портрет.

Темы для беллетристических произведений настоящего “Дополнения” к “Литературному збирныку” взяты из жизни малорусской интеллигенции и крестьянского населения и не заключают в себе ничего противоречащего цензурным требованиям.

Обращают на себя внимание: во 1-х, 3 стихотворения господина Франка (стр. 35–37), проникнутые украинофильскими тенденциями и ненавистью к высшим классам и призывающие народ к борьбе с ними; во 2-х, написанная в украинофильском духе биография Конисского (стр. 91–96), не подлежащая разрешению к напечатанию ввиду высочайшего повеления от 18 (30) мая 1876 г.¹ и, наконец, в 3-х, аллегорическая картина, изображающая сломанный дуб и летающих над ним ворон, которая должна представлять собою нынешнее положение Малороссии.

Ввиду изложенного цензор полагает возможным разрешить к напечатанию представленное дополнение к “Литературному збирныку” за исключением 3 стихотворений Франка, биографии Конисского и указанной выше аллегорической картины.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он и со своей стороны полагал бы возможными дозволить препровождаемую рукопись дополнения к “Литературному збирныку” с указанными цензорам исключениями и под условием соблюдения при печатании установленных для малороссийских изданий правил правописания.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [ніднус]

Секретар [ніднус]

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 247–248. Оригінал. Мікрофотокопія: ЦДІАК України, ф. КМФ-19, оп. 1, спр. 21, арк. 247–248.

№ 213

1902 р., вересня 30. Санкт-Петербург. –

Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування збірника пісень, казок, віршів і оповідань “Оселя”, урядкованого С. О. Єфремовим

В С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малороссийском наречии под заглавием “Оселя. Писни, казки, вирши, оповидання тощо. Зибрав и урядкував Сергей Ефремов”.

Рассматривавший названную рукопись и[справляющий] д[олжность] цензора Федоров доложил Комитету, что она представляет собою сборник не-

¹ Док. № 68.

больших рассказов, повестей, описаний и стихотворений, приуроченных к детскому пониманию. Все содержание рукописи разделяется на определенные отделы. Так, помещенные в первом отделе статьи говорят о семье, о счастливой семейной жизни, о значении матери для детей, о тяжелой доле сироты и т. д.; второй отдел посвящен школе и учению, третий – описанию сельской жизни, дальнейшие отделы заключают сведения о растениях, зверях, птицах, о воде, снеге и т. д. Изложенное содержание рукописи, а также и расположение и группировка материала с постепенным переходом от простых рассказов к более сложным статьям дают основания причислить эту рукопись к учебным пособиям, так называемым хрестоматиям. Посему и согласно предписанию Главного управления по делам печати от 2 декабря 1895 г. за № 7143 рукопись “Оселя”, по мнению цензирующего, подлежит запрещению.

С.-Петербургский цензурный комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати, что он со своей стороны не признает возможным дозволить к напечатанию предпроеждаемую при сем рукопись на основании приведенного и [справляющим] д[олжность] цензора распоряжения Главного управления, так как сборник “Оселя” предназначается для детского чтения.

Председательствующий, член Совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

Резолюція: Согласен.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 253. Оригінал. Машинопис.

№ 214

1902 р., грудня 23. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування казки І. Я. Франка “Без праці” з незначними купюрами

С.-Петербургский цензурный комитет поступила рукопись на малоросийском наречии под заглавием “Без праці”, казка, сочинение Ивана Франко.

Рассматривавший названную рукопись цензор граф Головин доложил Комитету, что содержание ее следующее:

Бедный парень Иван, работник очень ленивый и нерадивый, спасает волшебника, превращенного в насекомое и замуравленного в дупле. За это Иван получает волшебную силу исполнять свои желания и, главным образом, избавляться от трудной работы, когда ему вздумается. Он встречается с князем Долгоруким и поступает к нему в кучера. Дело делается помимо усилий Ивана, а его господин, очень довольный своим кучером, едет за границу, где живет его семья. Князь оказывается разоренным и желает выдать свою дочь за богатого человека. Между тем Иван влюбляется в нее и заслуживает, в свою очередь, ее благосклонность. Они бегут и ведут рассеянную жизнь, благодаря

появившемуся у Ивана огромному богатству. Но дочь князя изменяет ему и убегает от него с новым возлюбленным. Иван возвращается на родину и застает аукционную продажу княжеского имения. Возвращается и дочь князя, а также и прежний ее жених, который за баснословную сумму, набитую на аукционе Иваном, приобретает имение князя. Последний умирает, а Иван снова сходится с его дочерью, но она его опять покидает. Герой сказки разыскивает некогда спасенного им волшебника и возвращает ему талисман, позволявший все добывать без труда. Затем Иван просыпается, все бывшее в нем оказалось сном, он познает из него, что счастье только в прилежной работе.

Мораль этой сказки выражается в этом заключении ее. По своим подробностям она не может считаться пригодной для детского чтения, а предназначается, по-видимому, для народа. Хотя и вымышленное лицо, князь Долгорукий, а особенно его дочь обрисованы не особенно симпатичными чертами, а герой сказки Иван, несмотря на свою лень, ведет себя безукоризненно и великодушно по отношению к неблагодарной девушке. Таким образом, представитель простонародья тенденциозно противопоставляется, с выгодной стороны, представителю высшего дворянства. В виду сего цензор, руководствуясь предписанием Главного управления по делам печати от 8 мая 1895 г. за № 2799, не нашел возможным дозволить сказку “Без праці” к напечатанию.

С.-Петербургский цензурный комитет признал со своей стороны, что вышеизложенная сказка не представляется вредной для народного чтения, так как главной ее руководящей мыслью является стремление убедить читателей в том, что главным условием счастья человека должен быть труд. Противопоставляемые крестьянину Ивану князя Долгорукие являются лицами вымышленными, а действие сказки относится ко времени крепостного права, что значительно ослабляет ее тенденцию. В виду сего Комитет полагает, что сказка “Без праці” может быть разрешена к печати, за исключением отмеченных красным карандашом нескольких мест на 1-й и 2-й страницах рукописи. Эти страницы заключают в себе общие тенденциозные размышления автора о горькой участи трудящегося люда, эксплуатируемого богачами.

Об изложенном Комитет имеет честь представить на благоусмотрение Главного управления по делам печати.

Рукопись при сем прилагается.

Председательствующий, член совета
Главного управления по делам печати [підпис]
За секретаря граф Головин

Резолюція: Согласен с заключением Комитета.

РДА, ф. 776, оп. 21, спр. 551, арк. 320–321. Оригінал. Машинопис.

№ 215

1903 р., січня 15. Чернігів. –

**Відношення прокурора Чернігівського окружного суду
Зверєва прокуророві Київської судової палати С. О. Лопухіну
про необрання О. О. Муханова на посаду губерньського
предводителя дворянства через ліберальну позицію
при вирішенні у губерньському зібранні питання щодо
навчання дітей у народних школах українською мовою**

Секретно

Милостивый государь Сергей Алексеевич!

Во время минувших дворянских выборов в Чернигове имел место инцидент, который хотя и остановил на себе тогда внимание общества, по которому не было придано того чрезвычайного значения, которое этот инцидент получил впоследствии. Накануне дня выборов б[ывший] предводитель дворянства Муханов давал обед дворянству. На этот обед был приглашен губернатор. Неизвестно по каким именно причинам (натянутые до некоторой степени отношения с губернатором у него установились по традиции от кн. Долгорукова, жена которого родственница Муханова, при том же и здоровье Муханова ко времени выборов недостаточно поправилось)¹, Муханов не оказал губернатору на этом обеде обычного внимания. После тоста Муханова за “малороссийское” дворянство и др. от Муханова все ждали тоста за губернатора, но тоста не было. Присутствовавшие чувствовали себя неловко и, наконец, попросили сосницкого уездного предводителя дворянства графа Мусин-Пушкина, как старшего после Муханова, провозгласить тост, что граф Мусин-Пушкин и сделал. Губернатор ответил на это тостом за дворянство, подчеркнув “не за малороссийское, а за всероссийское”.

На следующий день предполагался обед дворянства губернатору. Но последний обеда не принял под предлогом усилившейся болезни жены. Дворянство постановило: оплатить произведенные уже приготовления к обеду, а оставшуюся неизрасходованною сумму передать в распоряжение губернатора на благотворительные дела. Губернатор принял эту сумму, но распределил ее между учреждениями, состоящими под попечительством губернского предводителя дворянства.

В губернские предводители дворянство выбрало Муханова; чтобы второй кандидат не был опасным для него конкурентом, выбрали таковым конотопского уездного предводителя дворянства Кулябку, 30 лет состоявшего уездным предводителем, человека болезненного. Как дворяне надеялись, что Кулябка идет вторым кандидатом только для формы, так как и сам Кулябка согласился на избрание только для того, чтобы быть вторым, неопасным для Муханова кандидатом для формы. Все ждали утверждения Муханова. Неожиданно для всех был утвержден Кулябка. Губернатор лично объявил Муханову об этом. В

¹ Дужки у тексті.

близких к губернатору сферах стали высказывать сожаления, что неутверждение Муханова припишут теперь губернатору и это создаст для последнего тяжелое положение. Как бы идя навстречу моему интересу к вопросу о причинах неутверждения Муханова, губернатор в беседе со мной наметил следующие три эпизода для характеристики Муханова.

Еще в 1900 г. в первом губернском земском собрании под председательством Муханова вопреки настоянию губернатора проведен был вопрос о ведении преподавания в народных школах Черниговской губернии на малороссийском языке. Вопрос этот давно сделался одним из самых острых местных вопросов. С 1895 г. он стал вноситься в перечни вопросов, назначавшихся к докладу в губернском земском собрании, но до 1900 г. каждый раз по настоянию губернатора не был допускаем губернскими предводителями (в 1895 г. – Лизогубом, в 1896 г. – графом Милорадовичем, в 1897 и 1898 гг. – князем Долгоруковым и в 1899 г. – Глебовым) к обсуждению. Когда вопрос этот поставлен был и в перечне 1900 г., губернатор по-прежнему настаивал на недопущении его к обсуждению, и Муханов обещал исполнить это. Однако, как сказано выше, обсуждение было допущено и вопрос был решен в смысле неблагоприятном для губернатора. Впоследствии Муханов оправдывал свои действия тем, что он допустил обсуждение вопроса ради успокоения страстей. Этот эпизод, по словам губернатора, был отмечен в министерстве как характеристика Муханова.

Второй эпизод дополнил эту характеристику. Профессор Эварницкий по приглашению правления Черниговской общественной библиотеки, председателем которого состоял тогда Муханов, приехал в Чернигов прочитать две публичных лекции. В первой лекции он восхвалял гетмана Дорошенка, который был против присоединения Малороссии к России, так как ни Турция, ни Польша по предсказанию Дорошенка не поглотили бы Малороссии, а Россия поглотит ее, что и исполнилось. Кроме того, в этой лекции было допущено несколько неуместных острот. Ввиду этого чтение второй лекции не было допущено губернатором. Тогда Муханов явился ревностным защитником Эварницкого перед губернатором, настаивая на том, чтобы вторая лекция была разрешена. Но губернатор, несмотря на уверения Муханова, что вторая лекция будет совершенно невинного свойства, не разрешил этой лекции.

Наконец, третий эпизод, сообщенный мне губернатором для характеристики Муханова, заключается в том, что после выборов он телеграфировал Стаховичу, что выбран на новое трехлетие и будет его, Стаховича, поддерживать.

Полковник Рудов дополняет эту характеристику следующим рассказом. Года два тому назад приват-доцент Лисевич по приглашению того же правления Черниговской библиотеки предпринял курс публичных лекций в Чернигове. После одной или нескольких лекций продолжение этого курса местной администрацией было запрещено. Тогда правление библиотеки, состоявшее под председательством Муханова, изготовило сочувственный адрес Лисевичу настолько неудобного содержания, что адрес этот не был послан по почте, а поручен был для передачи по принадлежности бывшему студенту Могилянскому, у которого случайно был потом обнаружен во время обы-

ска. Выяснено, что адрес этот за Муханова подписал, щадя его положение, Хижняков, состоящий на очень дурном счету у администрации, Муханов же прочел этот адрес в правлении библиотеки для одобрения и дальнейшего под- писания.

Само ли министерство остановилось на этой характеристике Муханова, или губернатор, представляя Муханова и Кулябку, соединил все имевшиеся сведения о Муханове в одну общую картину, сведений об этом у меня пока не имеется. Ходят неопределенные слухи в пользу последнего предположе- ния. Ход событий указывает, по-видимому, на правдоподобность этих слухов. Впоследствии быть может мне удастся добыть более положительные данные по этому предмету. Данными этими было бы выяснено, сами ли по себе све- дения о Муханове, имевшиеся в министерстве, настолько серьезны, что ми- нистерство по собственной инициативе сгруппировало их при высочайшем докладе о кандидатах, или эти сведения были освежены в особом представле- нии губернатора вследствие инцидента, имевшего место на обеде Муханова и трактуемого как бравирование властью в лице губернатора. Последний не- сомненно доволен неутверждением Муханова, для виду объясняя предпоч- тение Кулябки тем, что это человек более заслуженный. Насколько мне из- вестно, в руках администрации имелся в его пользу следующий факт. Когда в Конотопском земстве возбужден был вопрос о праздновании 42-й годовщины освобождения крестьян, то Кулябка высказался за отклонение этого вопроса и указал на то, что следует отпраздновать в 1904 г. 250-ю годовщину процвета- ния Малороссии под мощным крылом русского орла. Наряду с отрицательной характеристикой Муханова указание на этот факт могло дать перевес в пользу Кулябки.

Дворянство сильно обижено неутверждением Муханова. Слышатся заяв- ления, что на будущих выборах будет выбран тот же Муханов с таким вторым кандидатом, утверждение которого было бы невозможно.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении к Вам и искренней преданности

Н. Зверев

Резолюція: К сведению.

ЦДІАК України, ф. 317, оп. 1, спр. 2285, арк. 20–23. Оригінал.

№ 216

1903 р., вересня 4. Полтава. –

Донесення старшого фабричного інспектора Полтавської губернії К. Краузе київському окружному фабричному інспекторові про інцидент під час урочистостей з нагоди відкриття пам'ятника І. П. Котляревському в Полтаві після заборони полтавським міським головою В. П. Трегубовим виголошувати промови українською мовою

30 августа вся Полтава находилась в каком-то приподнятом настроении. Состоялось давно ожидавшееся открытие памятника украинского поэта

И. П. Котляревского, и каждый горожанин и приезжий гость, исходя из своей точки зрения, ждал возможно сильных ощущений, так или иначе связанных с памятью о Котляревском.

Подробности торжества открытия памятника помещены во всех газетах, особое внимание корреспондентов посвящено торжественному заседанию думы, состоявшемуся в здании театра (просветительное здание имени Гоголя). Но все эти сообщения не могли не обойти молчанием эпизода, прекратившего торжественное заседание думы задолго до его нормального окончания.

Доношу об этом случае, принявшем характер беспорядка ввиду того, что в нем принимали участие и интеллигентные рабочие.

30 августа к 8 час. вечера празднично настроенная публика наполняла весь театр. На сцене за П-образным столом, обращенным основанием к зрителям во главе с городским головою В. П. Трегубовым помещались представители города, земства, иногородние и иноземные гости и депутаты разных обществ и городов.

Согласно программы заседания городским головою была произнесена приветственная речь. Одним из членов городской управы прочитана была историческая записка и отчет городской управы по сооружению памятника; далее И. М. Стешенко произнес речь о литературно-художественном значении произведений И. П. Котляревского, а затем после перерыва началось чтение и поднесение адресов представителями разных городов и обществ Галицийской Украины.

При громких неумолкаемых рукоплесканиях первым на кафедру взошел галицийский член Австрийского рейхстага Романчук. Романчук говорил на малороссийском языке. Его краткая прочувствованная речь вызвала шумное выражение симпатий всех присутствующих. Романчука сменяли остальные депутаты из Галиции и Буковины, все они говорили на малороссийском языке и одинаково встречались и провожались дружными аплодисментами и отдельными возгласами.

После иностранных гостей на кафедру стали появляться говорившие на русском языке представители южнорусских городов, разных учреждений и обществ. Смотря по направлению ораторов речи их вызывали более или менее шумные одобрения.

Около 12 ночи на кафедру взошел представитель Черниговского музыкального общества и речь свою произнес на малороссийском языке. В продолжении этой речи театр оставили вице-губернатор, представители полиции и жандармского управления. Оратор же удостоился выдающейся овации. Депутат оставил кафедру. Секретарь думы, как и раньше, вызвал следующего депутата и на кафедру взошла представительница Черниговского общества любителей драматического искусства и речь свою начала на малороссийском языке. Не успела она произнести и нескольких слов, как городской голова обратился к ней с просьбою не говорить по-малороссийски. Замечания городского головы вызвали в партере и в особенности на галерке резкие фразы порицания, перешедшие в беспорядочный шум, когда городской голова в ответ на попытку со стороны депутатки продолжить свою речь заявил, что он не вправе разрешить

говорить по-малороссийски, а потому будет вынужден закрыть заседание, если его предложение не будет исполнено. При продолжавшемся беспорядке депутатка сошла с кафедры, а находившийся на сцене в числе депутатов присяжный поверенный Михновский из Харькова обратился к городскому голове в резком тоне со словами следующего содержания: “Данное депутату полномочие он должен исполнить в точности и врученный ему адрес прочесть без изменений. Адреса наши написаны по-малороссийски. Вы же не разрешаете нам их читать. Вручаю Вам поэтому пустую папку, а адрес оставляю у себя”. При этих словах депутат демонстративно вынул из папки адрес и пустую папку вручил городскому голове. Затем при продолжавшемся шуме Михновский взошел на кафедру и, об[ра]щаясь к городскому голове, просил занести слова депутата в протокол заседания и выдать ему копию протокола, так как депутат предполагает обжаловать запрещение городского головы говорить на малороссийском языке в Сенате.

Свое возражение Михновский закончил фразой: “нет закона, запрещающего говорить публично на малороссийском языке”.

После этого публика разошлась.

Подписал старший фабричный инспектор *К. Краузе*
С подлинным верно: старший фабричный инспектор
Полтавской губ. *К. Краузе*

ЦДІАК України, ф. 575, оп. 1, спр. 294, арк.129–130. Засвідчена копія.

№ 217

1903 р., грудня 22. Київ. –

**Донесення пристава Двірцевої діляниці м. Києва І. П. Рапоти
начальнику Київського охоронного відділення О. І. Спиридовичу
про виголошення на ювілейному вечорі М. В. Лисенка
привітання українською мовою**

Совершенно секретно

По случаю бывшего юбилейного торжества 35-летия композиторства Лысенко, устроенного Киевским литературно-артистическим обществом^а 20 числа сего декабря в зале Киевского купеческого собрания было прочитано много речей, приветствий и адресов и между прочим прочитано было служащим в Управлении Юго-Западных железных дорог Прокофием Федорченко собственного сочинения приветствие на малорусском языке, содержащее в себе двусмысленности как бы политического характера. По собрании сведений между членами правления Литературно-артистического общества оказалось, что действительно Федорченко, состоящим в числе членов клуба, было прочитано одно такое приветствие, которое накануне торжества просматривалось членами правления Тутковским, Мукаловым и др. с председателем Николаевым и было найдено не подлежащим оглашению и чтению на юбилейном торжестве, но секретарь правления Иван Матвеевич Стешенко, зная

это, доставил запрещенное правлением сочинение в Купеческое собрание и самовольно передал его для чтения Федорченко.

Сообщая о вышеизложенном Вашему высокоблагородию, считаю своим долгом добавить, что личность Стешенко в своей политической благонадежности не внушает мне доверия, как стало известно мне по слухам за последнее время, а потому следовало бы обратить на него внимание, тем более что он состоит на службе помощника секретаря Киевской городской управы и заведывает столом по благотворительности, где может легко проводить всякого рода идеи насчет оказания пособия лицам и обществам, таким же неблагонадежным, как и сам он. Об этом своему непосредственному начальству письменно донесения мною посылаемо не было, а только лично доложено господину полицеймейстеру с представлением текста прочитанного Федорченком приветствия для доклада господину губернатору. При этом прилагается справка о месте жительства Стешенко.

Пристав *Panoma*

ЦДІАК України, ф. 275, оп. 1, спр. 125, арк. 6, 9. Оригінал.

№ 218

1904 р., січня 7 (20). Прага. –

Прохання професора І. П. Пулюя “від імені мільйонів українського народу” до Головного управління у справах друку про дозвіл на поширення в Україні віденських видань українськомовного перекладу Старого і Нового Заповіту

Переклади свв. Письма дозволені в Російській імперії на більше як на 36 мовах. Вільно там навіть монголам, туркам і татарам читати і проповідати слово Боже на своїй мові, вільно й полякам і таким славянським народам, як серби, болгары та чехи, що жиючи розсіяні по всій імперії, становлять тільки малесенський процент російського населення, не вілько тільки – 25 мільйонів русько-українському народови, хоч він із московським ще й одновірний!

Минуло вже 21 років з того часу, як моє прошене, предложене 1881 р. шановному “Управленію по делам печати”, щоб дозволено на Україні русько-український переклад “Нового Завіта”, було признане “не подлежащим удовлетворению”.

Не дозволивши той переклад свв. Письма, зроблено велику кривду і робить ся вона ще й тепер, тому братньому народови, котрий перед 250 роками, визволивши себе і землю руську від гнету Польщі, по добрій і непримушеній волі злучив ся з московською державою, хоч вона, бачна тільки на свою користь та безпеку, обережно осторонь держалась і руському народови в його тяжкій годині до помочи не стала. З того часу русько-український нарід нічим не провинив ся перед царями і російською державою, та не тільки що не провинив ся, сини його клали голови свої за царів і проливали кров неповинну. Та хиба-ж мало прислужив ся руський нарід до потуги і слави Росії? За що ж така тяжка кара і кривда на нього, той царський декрет з 18 мая памятного року

1876, котрим спинено і затамовано всенародно просьвіту і культурне життя на землі руській тай задекретовано рабство духовне і тілесне?

Одна правда тай один тільки правосуд повинен бути для всіх народів Російської імперії, як для народу московського, для монголів і татарів, так для русинів-українців. Нехай же і на Україні присьвічує слово Боже вбогим людям по хатах їх та приносить їм усі благодаті неба і землі, а тим самим державі, в котрій доля судила їм жити. Нехай і там перейде темна і глуха ніч без туч і громів, нехай настане ясний день, освітлений та огрітий сонцем правди і любови до ближнього. Нехай не гине нарід український рабом в темряві духовій; має ж і він право до культурного життя!

Того бажає і мусить бажати моє серце і тому прекладаю шановному “Управленію по делам печати” сим разом уже цілий русько-український переклад сьв. Письма Старого і Нового Завіта, виданий британським і заграничним біблійним товариством^a у Відні і вповаючи, що у сучасних міродайних верховодів Росії буде розуміне і серце для благородного і великого діла, прошу дозволена, щоб можна було розширювати те видане на Україні.

Прекладаю се прошене в надії, що після двадцяти років у Росії обставини і люди змінились, та що тепер моє прошене, – не моє тільки, але й мільонів русько-українського народу, – не буде даремне.

Роблю ж се прошене одушевляючись думкою, що Україна в ХХ століттю дождеть ся знесеня царського декрету з 1876 р., та мавши запоручену повну свободу свого рідного слова, – котре одно тільки може підняти всенародно просьвіту на Україні, а тим воскресить духові сили до культурного життя, видвинути нарід з неволі духової і соціальної та забезпечити йому добробит, а державі трівкий спокій і потугу, – забуде всі кривди і мучеництва, через два з половиною століття заподіяні йому і його пророкам, благословитиме за добре діло царя, миротворця народів Російської імперії.

Се прошене роблю з власної волі, а не з ініціятиви Британського і заграничного біблійного товариства, та роблю його ще й в імени мільонів українського народу.

Проф. д[окто]р Пулюй

Кревецький І. “Не было, нет и быть не может!” // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1904. – Т. XXVII. – С. 4–6.

№ 219

1904 р., січня 28. –

**Постанова підполковника Корпусу жандармів Масалітінова
про притягнення до відповідальності мешканця с. Красилівка
Остерського повіту Г. І. Матвієнка за переховування
та розповсюдження заборонених творів Т. Г. Шевченка
та інших українських видань**

Я, Отдельного корпуса жандармов подполковник Масалитинов, рассмотрев настоящее дознание, нашел:

1) что по объяснению Кагарлыка запрещенное издание “Кобзарь”, читаное между прочими и им, Кагарлыком, находится у казака с. Красиловки Остерского уезда Григория Игнатъева Матвиенко, у которого также хранятся, вероятно, и другие запрещенные книги, принадлежащие Якову Суярко;

2) что показание это подтвердилось тем, что при обыске сего числа у Григория Матвиенко найдены запрещенные издания “Кобзарь” соч[инение] Шевченко, изданный за границей^a; “Памятка з народного віча”, издание “Громадського голосу” и рукописные стихотворения, начинающиеся словами “Світе ясний”, “Заснулы, мов свиня в калюжи” и “О люде, люде небораки”, выписанные из “Кобзаря”, по-видимому Матвиенкою, с целью распространения;

3) что вышеозначенные издания заключают в себе воззвания к бунту и явному неповиновению верховной власти, а также порицание существующего образа правления; и

4) что на основании вышеизложенного Григорий Матвиенко в достаточной степени изобличается в хранении и распространении вышеозначенных изданий, вследствие чего по соглашению с исп[олняющим] об[язанности] товарища прокурора Черниговского окружного суда Л. А. Алферовым постановил: вышеупомянутого Григория Матвиенко привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 2 и 4 чч. 251 и 252 ст. Улож[ения] о наказ[аниях] уголовных и исправительных].

Подполковник *Масалитинов*

Исп[олняющий] об[язанности] товарища прокурора
Алферов

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 471, арк. 63. Оригінал.

№ 220

**1904 р., березня 1. Санкт-Петербург. –
Повідомлення Головного управління у справах друку
харківському окремому цензоріві з внутрішньої цензури
про заборону розповсюдження в Росії “Записок Наукового
товариства імені Шевченка”, а також інших
українськомовних видань, надрукованих “кулішівкою”**

Вследствие представления от 21 сего февраля за № 129 Главное управление по делам печати уведомляет Ваше превосходительство, что печатающееся в Львове издание на малороссийском наречии под заглавием “Записки Наукового товариства імені Шевченка”, а также все произведения на малорусском наречии, печатаемые правописанием, известным под именем так называемой “кулишовки”, запрещены к обращению в империи на основании

Высочайшего повеления 18 мая 1876 г.¹ и циркуляра Главного управления по делам печати 24 декабря 1889 г. за № 6140².

Начальник Главного управления по делам печати, сенатор *Н. Зверев*
Правитель дел Главного управления
по делам печати, член Совета *В. Адикаевский*

Резолюція: К исполнению.

ЦДАК України, ф. 1680, оп. 1, спр. 92, арк. 16. Оригінал.

№ 221

1904 р., липня 13. –

Из огляду публікацій львівської газети “Діло” за 1885 р. про політику Російської імперії щодо української мови та літератури, підготовленого у Центральному комітеті з питань іноземної цензури

“Дело” (газета на русинском языке) Львов, 1885. Рочник VI [...]³.

Полученная комитетом пачка газет состоит из вышеуказанных 82-х №№ львовской газеты “Дило” за 1885 г.

Экземпляр этот разрозненный, многих №№ не достает, иные разорваны или оборваны, некоторые совсем обветшали. По-видимому, эти №№ уже подвергались почтовой цензуре, так как в 4 №№ имеются зачерненные места: в №№ 59–60 (прибавление), где говорится о Финляндии, в № 78 по поводу военных действий на границе Афганистана, в № 80 о предполагаемой поездке государя в Финляндию и в № 86 о занятии русской эскадрой о. Квельнарта в Желтом море.

Направление газеты таково: она борется против существующего режима в Галичине, против притеснений поляков, против католического духовенства, но вместе с тем предостерегает и от сближения с Россией, ратует за сохранение русинской национальности и религиозной обособленности, за развитие письменности и улучшение экономических условий края. Следя за жизнью малороссов в России, газета обращает особенное внимание на правительственные распоряжения, клонящиеся к ограничению малорусского языка и письменности, причем пользуется всяким случаем для нападков на цензуру и Главное управление по делам печати. Кроме того, встречаются сведения о действиях или намерениях покойного императора Александра III. О всех таких местах считаю не лишним представить на благоусмотрение комитета.

1. В целом ряде №№ в фельетонах помещена статья Уманца под заглавием “Дещо з истории украинского письменства XIX вику”, в которой критикуются действия русской цензуры и Главного управления по делам печати в отношении изданий на малорусском языке; при этом в № 17 указывается, что, хотя

¹ Див. док. № 68.

² Див. док. № 153.

³ Пропущено частину тексту з переліком номерів газети за 1885 р.

в начале царствования императора Александра II преследование малорусского языка и уменьшилось, но все-таки петербургская цензура была гораздо строже московской, куда Кулеш и посылал свои сочинения. В № 23 указывается, что в 70-х годах Катков вместе с “Киевлянином” под редакцией Пихно начали систематически травить украинцев обвинениями в сепаратизме. В № 25 рассказывается, как Главное управление по делам печати не позволяло печатать отдельным изданием поэму Шевченки “Гайдамаки”, помещенную в полном издании “Кобзаря”; то же было с “Запорожцем”¹ Левицкого; печатать же биографии Шевченки ни под каким видом не позволялось. В № 27 сообщается, что Главное управление, основываясь на распоряжении от 1876 г., позволяло печатать только произведения изящной словесности, а научные книжки и переводы с других языков запрещало, как напр., Шекспира, Толстого, даже “Илиаду” Гомера. В № 29 рассказывается, как в конце 1883 г. Главное управление начало преследовать “кулешевку”, но в чем она заключалась, сами цензора хорошенько не знали: одни заботились, чтобы лишь твердый знак “ъ” не выбрасывался, другие – чтобы вместо буквы “ы” везде употреблялось “и”, третьи не допускали “і”, кроме тех случаев, в которых оно употребляется в русском языке. Такое гонение на “кулешевку” объясняется тем, что в Главное управление в то время попал какой-то “катковец”.

В № 34–35 помещено окончание этой статьи; в нем говорится, что Главное управление по закону является второй инстанцией, рассматривающей жалобы на неправильные действия цензоров, а между тем в вопросе о допущении рукописей на украинском наречии, оно само оказывает противодействие распространению украинской литературы, вместо того, чтобы защищать свободу слова, теснимую цензорами. Некий цензор проговорился, что для писания оригинальных сочинений нужен талант, а таковых немного; переводить же – может каждый грамотный: если разрешить печатать на малорусском языке переводы, то книг таких появится великое множество. В этих именно словах и заключается весь смысл и вся цель русской политики – всячески стеснять и уничтожать украинскую письменность.

В № 39 по поводу предыдущего помещена статья “Звестного” под заглавием “Ще дещо до історіи українського письменства”, в которой, подтверждая заявление Уманца о притеснениях, чинимых русскою цензурой украинскому языку, автор сообщает, что Главное управление запретило перевод Мольеровского “*Le médecin malgré lui*”^a, так как в этой пьесе осмеивается будто-бы таинство брака. Между тем эта же пьеса еще 200 лет тому назад была переведена на русский язык Софией Алексеевной, сестрой Петра I, когда она с бояриным Морозовым устраивала первый театр в Москве. Но чего только не запрещают. Запрещены рассказы Сенкевича, имеющиеся в русском переводе, сказка Пушкина “О рыбаке и рыбке”, “Житие Св. Кирилла и Мефодия”. Даже Евангелие, отпечатанное в Вене, в России конфискуется, п[отому] ч[то] считается вредным.

¹ “Запорожцами”

2. В № 27 на стр. 1 во II столбце строки 28–26 св[ерху] сообщается, что русский посол в Константинополе Нелидов в письме к русскому консулу в Филиппополе написал, что царь Олександр III не одобряет устройство болгарских митингов, считая агитацию их вредною, и консулу приказывается не принимать болгарской депутации.

Там же на стр. 3 в III столбце строки 15–48 св[ерху] передается, что на Кавказе среди армян большое возбуждение по поводу посягательств русского правительства на их народные святыни: язык и церковь.

3. В № 34–35 на стр. 2 в III и IV столбцах помещено письмо из Петербурга о панихиде по случаю дня смерти Шевченки. При этом сообщается, что преследование и запрещение всего малорусского доходит до комизма: завтрак и обед по этому случаю были запрещены; концерт был дозволен, но нельзя было напечатать на афише, что это концерт малорусский, в память Шевченки, что сбор пойдет на школу его имени. Артистам императорских театров запрещено было участие в концерте. Въезд в Петербург Старицкому и Крапивницкому с их труппами тоже был запрещен. Все это меры против “хохломани”, которой тут без всяких оснований опасаются[...]¹.

7. Далее сообщается, что киевский цензор Рафальский просил Главное управление по делам печати запретить поэму Шевченки “Катерину”, так как в ней будто-бы возбуждается вражда к москалям, т. е. великоруссам. Главное управление послушалось цензора – между тем Шевченко говорит о москале-солдате, а не великоруссе. В видах обрусения малороссов отчего бы уж не запретить всего “Кобзаря”? Законы антропологии однако возьмут свое, несмотря ни на какие запрещения.

8. В № 98 на стр. 2 в I и II столбцах встречается статья, озаглавленная “Драконизм чи глупота?”. В ней автор возмущается тем, что когда из Львова в Варшаву приехал хор певческого общества “Лютня”, то варшавская цензура позволила ему в концерте петь на каких угодно языках, кроме малорусского.

9. В № 110 на стр. 3 в I столбце строки 7–14 св[ерху] сообщается, что недавно в России вышел строгий приказ, чтобы не праздновать 25-летнего юбилея освобождения крестьян; запрещено даже служить молебны в церквях. Очевидно, русское правительство имеет целью не давать простому люду чувствовать, что он свободен и может домогаться Божьих и людских прав [...]².

Подписал: *Васенцович-Макаревич*

С подлинным верно: заведывающий канцеляриею
младший цензор [*нідпис*]

ЦДІАК України, ф. 336, оп. 1, спр. 382, арк. 407–409. Засвідчена копія.

¹ Пропущено частину тексту, що не стосується теми.

² Пропущено останній пункт, де перераховуються номери газети з оголошеннями про організацію лотерей.

1904 р., грудня 12. Санкт-Петербург. –
Із указу імператора Миколи II Сенату “О предначертаниях
к усовершенствованию государственного порядка” про лібералізацію
законодавства про цензуру і друк із дорученням Комітету міністрів
у найкоротші терміни розробити конкретні заходи у цій сфері

По священным заветам венценосных предков наших непрестанно помышляя о благе вверенной нам Богом державы, Мы, при непрременном сохранении незыблемости основных законов империи, полагаем задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны, различая все действительно соответствующее интересам русского народа от нередко ошибочных и переходящими обстоятельствами навеянных стремлений. Когда же потребность той или иной перемены оказывается назревшей, то к совершению ее Мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызывало внесение в законодательство существенных нововведений. Не сомневаемся, что осуществление таких начинаний встречено будет сочувствием благомыслящей части наших подданных, которая истинное преуспеяние Родины видит в поддержании государственного спокойствия и непрерывном удовлетворении насущных нужд народных. [...].

Обозревая засим обширную область дальнейших народных потребностей, Мы, для упрочения правильного в Отечестве нашем хода государственной и общественной жизни, признаем неотложным:

[...]

8) устранить из ныне действующих о печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставив тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России.

Предуказывая на сих основаниях ряд предстоящих в ближайшем будущем крупных внутренних преобразований, часть которых, по прежде данным нами указаниям, подвергается уже предварительному исследованию, Мы с тем вместе, по разнообразию и важности сих преобразований, признаем за благо установить самый порядок для обсуждения способов наиболее быстрого и полного их осуществления. В ряду государственных наших учреждений задача теснейшего объединения отдельных частей управления принадлежит Комитету министров; вследствие сего повелеваем: Комитету министров по каждому из приведенных выше предметов войти в рассмотрение вопроса о наилучшем способе проведения в жизнь намерений наших и представить нам в кратчайший срок свои заключения о дальнейшем, в установленном порядке, направлении подлежащих мероприятий. О последующем ходе разработки означенных дел Комитет имеет нам докладывать.

К исполнению сего Правительствующий Сенат не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном собственной его императорского величества рукою написано “Николай”.

Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 24: 1904. – СПб., 1907. – Отд. 1. – № 25495. – С. 1196–1198.

№ 223

1904 р., грудня 20. Київ. –

**Донесення пристава Двірцевої дільниці м. Києва І. П. Рапоти
начальникові Київського охоронного відділення О. І. Спиридовичу
про зміст промов політичного характеру, виголошених під час
святкування 35-річного ювілею літературної діяльності
І. С. Нечуя-Левицького у Літературно-артистичному товаристві**

Секретно

19 сего декабря в 1 ч. дня в помещении Литературно-артистического общества праздновался юбилей – 35 лет литературной деятельности малорусского писателя Ивана Семеновича Левицкого. На юбилей собрались представители печати Южной России: г. Киева, Полтавы, Чернигова, Одессы, Харькова и Москвы, Варшавы, Петербурга и из Галиции.

Юбилей открыт речью председателя Литературно-артистического общества Рузского, затем были прочитаны адреса и приветствия и попутно некоторые из чествовавших произносили устные речи политического направления, в чем особенно выделялся редактор газеты “Киевские отклики”^а Лучицкий, высказавшийся в речи, что во время нахождения его в высшем учебном заведении в 1860-х годах шло политическое движение за свободу и ныне он во главе “Киевских откликов” продолжает эту борьбу. Речь закончилась словами: “Да здравствует политическая свобода и борьба”. Затем оставшийся неизвестным представитель от Товарищества украинской молодежи Университета Св. Владимира высказался в своей речи: “Товарищи бьются за свободу и долго будем биться. На глазах всех украинских киевлян не так давно от выстрелов оружия кровью молодежи была залита Днепровщина”. Представитель черниговской молодежи закончил речь словами: “Пора, и настало время снять тяжелые кандалы”. Было много и других речей, чествовавших юбиляра, политического характера.

Программа юбилея явно не соблюдалась, лица, чествовавшие юбиляра, начинали речи о литературных заслугах пред родиной Левицкого, а оканчивали обсуждением политической жизни русского народа. Фактически руководителем празднества был секретарь Литературно-артистического общества Стешенко.

Акт празднества закончился в 5 часов пополудни. Публика, бывшая в числе около 250 чел., тогда же разошлась.

После этого представители литературы, чествовавшие юбиляра, в числе 76 чел. вместе с юбиляром, председателем Рузским и секретарем Стешенко к 7 часам вечера собрались в гостинице “Континенталь” в отдельном зале, где был приготовлен обед. За обедом говорились речи, как и в помещении Литературно-художественного общества на польско-чешском и малорусском языках. Из среды их был избран председатель, молодежь начала петь “Дубинушку”, но избранный председатель, оставшийся не известным, приостановил пение, просил поговорить о деле и он предложил чествователям здесь же составить и послать телеграмму министру внутренних дел с заглавием: “От украинской интеллигенции”, в которой просить министра повергнуть государю императору просьбу о даровании прав и свобод украинской литературе и вторую телеграмму на имя председателя Комитета министров с просьбой ввести преподавание в школах Украины малорусский язык! Телеграммы были подписаны. После этого была сказана речь неизвестным: “Добиваться политической свободы”. Речь все поддержали аплодисментами с криками “браво”. Председатель этого собрания просил предоставить слово Волку, который в речи требовал введения конституции и требовал тут же составления об этом петиции за общими всех подписями. Вслед за сим было предоставлено слово секретарю Литературно-художественного общества Стешенко, который сказал требовать права свободы на правах Франции. И третий, оставшийся неизвестным, высказался за это требование, добавив: “Бороться открыто и не оружием, а словом печати, сплотившись воедино и для этого сегодня же образовать комиссию и ее петиции для коллективной подписи немедленно разослать во все города России, где она будет встречена сочувственно”. В комиссию избрано 5 человек, в число которых приглашены Ольга Петровна Косач, тот же Стешенко и другие три лица, оставшиеся неизвестными.

После всего этого чествователи юбиляра пели песни и вели между собою шумные дебаты, расслышать которые не представлялось возможным и в 12 час. ночи оставили гостиницу, а председатель Рузский, юбиляр и другие три литератора оставили гостиницу на 1/2 часа раньше.

Об этом сообщая Вашему высокоблагородию.

Пристав *Ранота*

ЦДІАК України, ф. 275, оп. 1, спр. 125, арк. 14–15. Оригінал.

№ 224

1905 р., січня 8. Хут. Затишок. –

Звернення актора М. Л. Кропивницького до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте про повернення прав українського народу користуватися рідною мовою в сфері освіти, науки, друку і сценічної діяльності

Высочайший указ 12 декабря 1904 г.¹ между прочим предоставил Комитету министров пересмотреть и ныне действующие постановления цензуры, ограничивающие права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа этих постановлений впредь были сохранены только те, которые вызываются необходимостью государства и явною пользою русского народа. Но малороссы не инородцы и не иноверцы, они всегда были частью одной и той же этнографической единицы – русского народа, отличаясь лишь характерными особенностями своего племени, богатыми основой духовного развития. Между тем к ним применено наитягчайшее ограничение, не тяготеющее в России ни над инородцами, ни над иноверцами и безусловно влияющее вредно на культурное развитие страны и глубоко оскорбляющее ее население – именно, искоренение родного языка. Все народы мира могут читать Св. Писание на родном языке, малороссам этого не дозволено. Все народы России имеют или могут иметь свои газеты и журналы, в Малороссии они запрещены. Во всех странах, где есть грамота, родной язык служит могучим средством образования, на громадном же пространстве Южной России он изгнан из школы и учитель, осмеливающийся иногда прибегать к нему с педагогической целью, подвергается остракизму.

С лишком 250 лет тому назад малорусский народ добровольно присоединился к братскому народу великорусскому, объединив с ним постепенно все государственные, общественные и экономические интересы; этот народ дал России таких деятелей как: Сковорода, Квитко, Шевченко, Потебня, Костомаров, Гоголь, Короленко, Драгомиров, Кондратенко, таких артистов как М. С. Щепкин и многих других. У малороссов имеется своя общепризнанная вековая литература. В иноверной Австрии 3-миллионное украинско-русское население пользуется своим родным языком в церкви, в науке, в школе и в суде; а в единоверной России 25-миллионное малорусское население лишено этих духовных прав. Естественно, что малороссы будут неустанно стремиться к таковому правовому порядку, который гарантировал бы им пользование самым близким и дорогим душе и уму достоянием – его родным языком.

Во имя тех 34 лет, которые я потратил на подмостках родной сцены, уподобляясь почти в продолжении всего времени пуганной вороне либо затравленному волку. Так, например, пять лет хлопотал я о дозволении приехать в Петербург с моей труппой, и когда, наконец, удалось мне добиться дозволения и даже играть в присутствии покойного государя Александра III и высочайших особ и удостоиться личной аудиенции его императорского величества, лестных

¹ Див. док. № 222.

отзывов и пожеланий успеха, то и после этого генерал-губернатор Киевского округа не разрешал мне играть в его округе в продолжение еще восьми лет. Во имя невозвратно изношенных сил и энергии, во имя справедливости почтительнейше прошу Ваше высокопревосходительство разрешить малорусскому языку наравне с общим литературным пользоваться в России всеми правами литературного и живого языка и снять с него запрещение, последовавшее по высочайшему повелению в 1876 г.¹, и допустить в Россию все галицко-русские издания на малорусском языке, в числе которых имеются Библия, Евангелие и исследования высокой научной важности.

И тогда миллионы малорусского народа, населяющего лучшие губернии Южной России, в области языка выйдут из положения, по народному выражению, матерью проплаканного детища; и я, выброшенный уже за борт сцены, вследствие приобретенной на ней пенсии в виде неизлечимой глухоты, воспряну духом и хоть на старости лет вправду буду сказать славянам: братья, и я выстрадал право на место в вашей великой семье.

Малорусский актер, дворянин *Марк Лукич Кропивницкий*

Жительствую Харьковской губернии Купянского уезда в х. Затышок.

ЛННБ ім. В. Стефаника, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.

№ 225

1905 р., січня 21. Санкт-Петербург. –

Из Особливого журналу Комітету міністрів про порядок виконання восьмого пункту указу Миколи II від 12 грудня 1904 р. щодо перегляду актів 1876 та 1881 рр. без заміни мови викладання у народних школах

5) Извлечение из высочайше утвержденного 21 января 1905 г. Особого журнала Комитета министров о порядке выполнения пункта восьмого именного высочайшаго указа от 12 декабря 1904 г.²

В заключение Комитет остановился на высочайших повелениях 18 (30) мая 1876 г.³ и 8 октября 1881 г., коими запрещены печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности. Постановления эти, в свое время неопубликованные и в Свод законов не вошедшие, имели в виду воспрепятствовать развитию украинофильского движения, направленного к литературному, а быть может засим даже и политическому обособлению Малороссии от остальной России. Указанное движение, бывшее всегда явлением наносным, ныне не представляет, по-видимому, сколько нибудь серьезной опасности; между тем применение изъясненного запрета, значительно затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений

¹ Див. док. № 68.

² Див. док. № 222.

³ Див. док. № 68.

путем издания на понятном для крестьян наречии книг, препятствует повышению нынешнего низкого культурного его уровня.

Такое соображение казалось бы должно побуждать высказаться за желательность отмены этой меры, стесняющей свободу печатания на малороссийском наречии различных книг. Но для разрешения сего вопроса в виду Комитета не имеется достаточных фактических сведений. Поэтому и в видах вящей осторожности, Комитет находил полезным для большего разъяснения практического значения упомянутого запрета и проистекающих из него неудобств предоставить министрам народного просвещения и внутренних дел, по принадлежности, запросить мнения по сему вопросу императорской Академии наук и императорских университетов, Киевского и Харьковского, а равно киевского, подольского и волынского генерал-губернатора и представить таковые, в непродолжительном времени, вместе со своим по оным заключением, на уважение Комитета.

Остановливаясь на этом выводе, Комитет, вследствие возникшего в среде его вопроса, считал необходимым оговорить, что настоящим положением отнюдь не имеется в виду сколько нибудь затрагивать вопрос о языке преподавания в народных школах малороссийских губерний.

По всем приведенным основаниям Комитет полагал:

[...] VI. Поручить министрам народного просвещения и внутренних дел – по предварительном сношении с киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, императорскими Академиями наук и Киевским и Харьковским университетами, – пересмотреть высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. об ограничении печатания книг на малорусском наречии и свои заключения по сему предмету, вместе с соображениями означенных лиц и учреждений, внести на рассмотрение Комитета министров.

ЛННБ ім. В. Стефаника, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія. Опубл. частково: Лотоцький О. Сторінки минулого. – Варшава, 1933. – Ч. 2. – С. 375–376.

№ 226

1905 р., січня 21. Одеса. –

Звернення групи української інтелігенції м. Одеса до голови Комітету міністрів С. Ю. Вігте про необхідність повного скасування таємних актів 1863, 1876 та 1881 рр. як незаконних і шкідливих для духовного розвитку українців

Во вступительной части высочайшего указа 12 декабря 1904 г.² о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка высказана уверенность в сочувствии к ним той части общества, “которая истинное преуспевание Родины видит в поддержании государственного спокойствия и непрерывном удовлетворении насущных нужд народных”. Признавая содействие наилучшим выражением сочувствия, мы, нижеподписавшиеся, члены

¹ Так у тексті.

² Див. док. № 222.

интеллигентной части малорусского общества, считаем своею гражданской обязанностью обратить внимание Комитета министров на одно из тех нарушений администрацией действующего в империи закона, которое подрывает силу основных законов, глубоко задевает святыне и лучшие национальные чувства малорусского народа, оскорбляет его достоинство, вредит преуспеянию Родины, нарушает спокойствие страны и уничтожает всякую возможность удовлетворения насущных нужд народных. Поэтому и во имя авторитета названного указа, один из пунктов которого повелевает “принять действительные меры к охранению полной силы закона”, дальнейшее существование этого нарушения должно быть прекращено немедленно.

Мы говорим об установившейся с 1863 г. практике административных мест и лиц по отношению к малорусскому языку, официально именуемому наречием, а научно называемому украинским языком, и к литературе на этом языке.

До 1863 г. малорусское слово находилось в таких же условиях юридического и фактического существования, как еврейское, великорусское, польское, немецкое и др. Не было оно в исключительном положении и относительно государственного русского языка. И вот, в то время общего подъема духа, мысли, самодеятельности и стремления к просвещению издавался большой ежемесячный журнал “Основа”, в котором печатались на малорусском языке, кроме беллетристики, статьи научного содержания; тогда издавались на том же языке духовные и научные сочинения, брошюры для народа, учебники, переводы, законы. С 1863 г., однако, положение малорусской литературы, юридически оставаясь тем же, так как прежние законы не были отменены, а новых законов не издавалось, вдруг, фактически совершенно изменилось. Что же случилось?

В июле 1863 г. администрация, по совершенно ненонятым и лишенным всяких оснований причинам, издала относительно малорусского слова запретительный циркуляр, содержание которого не находит себе оправдания ни в истории, ни в науке, ни в действительных фактах, ни в потребностях жизни, ни в государственных интересах. А между тем, благодаря этой чисто административной мере, с 1863 г. по 1872 г., хотя цензура была завалена малорусскими рукописями и в законе по отношению к малорусскому слову не изменилось и не прибавилось ни йоты, могла выйти на украинском языке, и то случайно, лишь одна книжка. В 1873 г. администрация в своей практике относительно малорусского слова вдруг смягчилась, но в 1876 г., опять без всяких оснований, издала новый тяжелый циркуляр, часть которого относительно словарей и театра в 1881 г. была отменена таким же циркуляром, и дело в таком виде тянется до сих пор, все завися лишь от усмотрения администрации, то более мягкого, то более сурового, но одинаково незаконного.

Результатом гонения на малорусское слово было то, что у нас в России переводные, научные и духовные произведения на малорусском языке появиться в печатном виде не могут, все ходатайства о разрешении издавать на малорусском языке газеты, журналы, брошюры, учебники и т. д. всегда постигала печальная участь запрещения; администрация, подтачивая и разрушая этим путем общественную и личную самодеятельность малорусской интеллиген-

УСТАВЪ
ОДЕССКАГО
Украинскаго Клуба

СТАТУТ
ОДЕСЬКОГО
Українського Клуба

ОДЕССА.
Типографія „Изящество“ Л. Цирковича, М.-Арнаутск. 88.
1910.

Титульна сторінка Статуту Одеського українського клубу (1910).
ЦДІАК України, ф. 268, оп. 2, спр. 120, арк. 6.

ции в деле просвещения, литературы, развития национальных духовных сил и родной культуры, убивает силу русского народного духа, слишком необходимую для процветания родины, сама для малорусского народа ничего положительного не сделала и в результате получилось, что малорусский народ, все больше и больше теряя под собою устои жизни, выработанные веками на почве национальной природы и истории, страшно отстал, одичал и поражает своей безграмотностью, деморализацией, некультурностью, упадком нравственности и ужасным невежеством, являющимися тормазом во всех решительно делах и начинаниях. А между тем об этом самом народе иностранные путешественники уже в XVII в. писали восторженные похвалы его доброте, культурности, грамотности, религиозности, нравственности и общественности (см., напр., “Путешеств[вие] Антиохийск[ого] Патриарха Макария”^а, Московск[ое] изд[ание] 1897 г., где говорится о малорусском народе как раз в год присоединения Малороссии к г. Москве). А между тем этот народ когда-то был источником просвещения для великороссов.

Что касается малорусских писателей, то вследствие особых условий, созданных циркулярами администрации, они вынуждены перенести свою литературную деятельность в Галицию, где развилась, окрепла и существует в настоящее время солидная малорусская литература, обратившая на себя внимание англичан, французов, немцев и других, издается около 20 малорусских газет, имеются журналы и научные издания, давшие возможность некоторым авторам удостоиться принятия в Российскую академию наук. Но все это для российского малоросса запретный плод, при чем запретный не за мысли даже, а просто за украинский язык. И к стыду нашему перед границей, в то время, как к нам из Галиции не смеет дойти ни одно произведение печати на украинском языке, издания на великорусском и русском государственном языках в Галиции печатаются свободно. Очевидно, администрация сама сознавала, что с такими мероприятиями, несомненно, вредящими достоинству России и симпатиям к ней, лучше не объявляться перед культурным миром, и потому не опубликовала своих циркуляров.

Без сомнения, такого рода циркуляры стоят в коренном противоречии не только с народными, но и с государственными интересами. Причинять человеку целый ряд страданий и лишений за то, что он родился малороссом, а не великороссом, не евреем, не поляком, не немцем или другим кем-либо; лишать малоросса за это даров своей духовной природы и возможности развития их; убивать его родное слово и национальный дух обезличением, уничтожать его культуру, разрушать его родную жизнь и не давать ничего, способного возместить, так как такое возмещение невозможно по самой природе вещей; создавать недовольных своим положением и заставлять искать убежища для удовлетворения высших потребностей души и развития народного духа в чужом государстве – разве такого рода распоряжения не стоят в полном противоречии с государственными интересами и разве для того малорусский народ добровольно совершил великий акт 1654 г. Вышло, что малорусский народ, все время стремившийся к братской жизни с великороссами, третируется администрацией как пасынок в государстве, долженствующий пребывать у своего брата в духовном рабстве.

Оставляя в стороне ту аргументацию против существования подобных распоряжений относительно языка, которая признана всем культурным миром за аксиому и стала элементарно бесспорной, так как эту аргументацию наша администрация не считает для себя обязательной, мы остановимся лишь на тех доводах, убедительность которых для администрации обязательна.

Пересмотрев весь цензурный устав, мы не нашли там ни одной статьи закона, которая изменяла бы в чем либо положение малорусского слова, существовавшее до 1863 г. Так как закон сохраняет свое действие, доколе не будет отменен силою нового закона (ст. 72 т. I), а нового закона в порядке ст. 54 и 57 Осн[овных] зак[онов] не издавалось, то нынешнее бесправное положение малорусского слова должно быть объяснено исключительно наличием секретных распоряжений администрации.

Без сомнения, новое юридическое положение малорусского слова после 1862 г. среди других языков в России могло быть создано только новым законом. Такого значения циркулярные распоряжения администрации иметь не могут по силе ст. 54 и 51 т. I, которая гласит, что “никакое место или правительство в государстве не может само собою установить нового закона ... без утверждения самодержавной власти”. Таким же порядком отменяется прежний закон (ст. 72, 73), при чем по силе ст. 57 Осн[овных] зак[онов] все законы обязательно публикуются. Между тем циркуляры относительно малорусского слова, вопреки вышеприведенным статьям, с 1863 г. стали действовать как новый закон.

Циркуляры эти прямо отменили для малороссов и силу ст. 45 т. I, по которой: “свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки”, ибо благодаря применению циркуляров 1863, 1876, 1881 гг. относительно малорусского слова, малороссы поставлены в империи в худшее положение, чем язычники: малороссам воспрещено иметь на родном языке даже Святое Евангелие. Ведь, это уже гонение на понятное народу и дорогое христианам Слово Божие.

Не подлежит никакому сомнению, что практика этих циркуляров в корне подрывает положение ст. 47 Осн[овных] зак[онов], в которой сказано, что “империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от самодержавной власти исходящих”, ибо оказывается в действительности, что малорусский народ в его естественно-родной духовной и культурной жизни управляется рядом секретных циркуляров административной власти, издаваемых ею по своему усмотрению и постоянно то изменяемых, то игнорируемых, то применяемых с жестокою суровостью – все в зависимости от усмотрения и расположения лиц. Очевидно, администрация этим самым уже нарушает ст. 47, трактующую о незыблемости, неприкосновенности и положительности законов. Практика подобных циркуляров отменяет действие и подрывает авторитет тех именно законов, в которых трактуется и о самодержавной власти. Из всего этого совершенно ясно становится вся незаконность и непоследовательность указанных циркулярных распоряжений администрации, а раз это так, то для чего же они существуют и применяются до

сих пор. Можно ли быть уверенным в неприкосновенности в империи законов вообще, если действием циркуляров нарушаются и отменяются даже основные законы, вследствие чего силою циркуляров многомиллионный малорусский народ ставится в положение преследуемого в своем русском государстве и вынужденного для удовлетворения одной из насущнейших потребностей, а именно потребностей национального духа, обращаться к услугам соседнего государства. А раз теряет малорусский народ, то теряет и Россия, ибо большая сумма зависит от величины слагаемых.

Но этого мало. По силе ст. 42 (40 и 41) т. I Свод[а] зак[онов], верховная власть в России, в лице императора, призвана быть защитником и хранителем догматов христианской веры, блюстителем правоправия и всякого церковного благочиния. Само собою разумеется, что администрация обязана действовать в духе этого закона (т. III ст. 180, прил. 5 Осн[овных] зак[онов]). В действительности же выходит, что циркулярами относительно малорусского слова администрация поставила свою деятельность в разрез с указанными законами.

О языках и всяких наречиях религиозное учение высказалось совершенно определенно, но как раз против содержания циркуляров. До какой степени последние не считались со святостью закона, видно из того, что закон предписывает быть защитником и хранителем учения христианской веры, а циркуляры своей практикой не признают этого учения, отрицают его.

В гл. II Деяний Св. Апостолов, где говорится о сошествии Св. Духа, сказано, что “исполнились все Духа Святого и начали говорить на иных языках”, так что “каждый слышал их говорящих его наречием” (ст. 4–6). Все слушающие изумились и спрашивали: “Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились” (ст. 8). Апостол Петр разъяснил, что это благодать Духа Святого (ст. 17–18).

После всего этого запрещение какого бы то ли было языка и даже наречия (“в котором родились”) не будет ли той хулой на Духа, за которую Христос назначил наибольшую кару (“тому не простится” – Св. Лука, гл. 12, ст. 10).

Апостол Павел, который сказал, что написанное им “это заповеди Господни” (Посл[ание] I к Корин[фянам], гл. 14, ст. 37), в своем послании требует от верующих христиан ревновать о “дарах духовных” и предписывает обращаться к людям на родном им языке, чтобы быть понятным и простолюдину (Посл[ание] к корин[фянам] гл. 14, ст. 2–16 и сл.). Апостол благодарит Бога за то, что он дал ему способность говорить с народом на знакомом для последнего языке (ст. 12–19). Нерадение же о дарах, данных человеку Богом, по притче о талантах, подлежит строгому наказанию (Мат[фея], гл. 25, ст. 13–30).

Итак, если языки и наречия, по учению христианской веры, – это дары Божии, о которых религия предписывает заботиться; если по ст. 45 Осн[овных] зак[онов] разрешается славить Бога каждому народу на своем языке; если верховная власть по ст. 40 и 42 Осн[овных] зак[онов] является охранительницей учения христианской веры; если по ст. 47 Осн[овных] зак[онов] народ должен в своей жизни управляться “на твердых основаниях положительных законов”, то каким же образом дальше может быть терпима шаткая и ни на чем, кроме усмотрения, не основанная практика секретных циркуляров администрации

относительно слова многомиллионного народа малорусского, существующая и до сих пор в полной силе, вопреки закону, вопреки религии, вопреки указу 12 декабря 1904 г. Только по недоразумению. Дальнейшее применение вышеуказанных циркуляров, когда, как доказано выше, не мог бы быть издан даже закон подобного рода, ибо в нем получилось бы коренное противоречие одних статей с другими, т. е. самоотрицание, должно быть прекращено. Приведенные против этих циркуляров доказательства взяты из того арсенала, не признавать силы и действительности которого администрация не должна и дальнейшее применение указанных циркуляров, после вышеизложенного, уже имело бы вид, будто администрация считает для себя необязательными ни основные законы, ни предписания религии.

Мы ходатайствуем о немногом: о том, чтобы все административные распоряжения, ставящие малорусское слово в исключительное положение среди других языков империи, были уничтожены, дабы вместо усмотрения действовал гуманный, определенный и твердый закон, и чтобы малорусское слово пользовалось в России теми правами на существование и развитие, какими пользуются еврейское, татарское, великорусское, польское, немецкое и всякое иное; чтобы малороссы в своем Русском государстве не чувствовали себя пасынками и не были бы вынуждены в поисках живой воды обращаться к услугам Австрии, как практикуется теперь, несмотря на все административные запреты. Ибо природу ничем нельзя победить и “не пусти ее в дверь – она ворвется в окно”. Факт развития украинского языка, на котором в настоящее время в Австрии профессора в двух университетах преподают науку, на котором издаются юридические, медицинские и другие научные работы, а равно выходят разные газеты, литературно-научные журналы, учебники, брошюры и другие всевозможные издания, доказал это с неопровержимой ясностью. А действительным государственным деятелям надо быть дальновидными, считаться с фактами и способствовать развитию духовных сил народностей, населяющих государство, ибо сумма всегда зависит от величины слагаемых и духовное убожество народов, населяющих государство, делает его убогим, бесславным и неспособным к прочному самостоятельному существованию. Препятствовать и разрушать легко, но такая отрицательная деятельность и ведет именно к разрушению государственного спокойствия и порядка.

Сергей Павлович Шелухин

Михаил Федорович Комаров

Редактор-издатель “Южных записок”^б К. Б.

Дмитрий Дмитриевич Сигаревич

Павел Александрович Зеленъ

Семен Петрович Ярошенко

Николай Андреев Лишин

Петр Титович Климович

Евгения Юрьевна Музыченко

Анна Прокофьевна Кучинская

Николай Иванович Белинский

Анна Карловна Сигаревич
Владимир Владимирович Морковин, сотрудник журнала “Южные записки”
Григорий Андреевич Коваленко-Коломацкий
Любовь Комарова
Елена Антоновна Борошенко
Любовь Николаевна Шелухина
Людмила Яковлевна Стефановская
д[октор] Иван Митрофанович Луценко
Леонид Анастасьев Смоленский
Анна Акимовна Гармансова
Елена Самойловна Смоленская
Мария Алексеевна Горлова
Иван Лукич Руденков
Леонтий Леонтиевич Михневич
Антон Самойлович Бориневич
Федор Григорьевич Шулько
Иван Михайлович Бондаренко
Сергей Петрович Пята
Андрей Никифорович Ковригу
Феодор Павлович Нестурх
Александр Феодорович Музыченков
лекарь Иван Львович Липа
Ольга Васильевна Мурзина
Александр Степанович Кордунян
Надежда Васильевна Муравская
Анна Штевельман
орд[инарный] проф[ессор] Новоросс[ийского] университета
И. А. Линниченко
Яков Васильевич Беловодский
Прасковья Николаевна Беловодская
А. Погибка
Константин Антонович Борошенко

ЛННБ ім. В. Стефаника, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.

1905 р., лютого 10. Санкт-Петербург. –
Звернення О. П. Косач, В. П. Науменка, І. Л. Шрага
та М. А. Дмитрієва до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте
про необхідність скасування заборон на книгодрукування
українською мовою

Назревшая потребность в изменении условий, среди которых действует русская печать, вызвала в последнее время знаменательные правительственные предначертания касательно этого вопроса. В числе важных пунктов, выдвинутых в этих предначертаниях, являются те, которые касаются пересмотра действующих теперь постановлений, ограничивающих в области печатного слова права отдельных народностей империи.

В настоящее время, когда выяснилось, что вопрос этот будет обсуждаться в Комитете министров по поводу же пересмотра законов 1876 и 1881 гг., запрошены министерства народного просвещения и внутренних дел, которые в свою очередь будут принимать в соображение отзывы киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, а также мнение императорской Академии наук и университетов, из которых указаны, как ближе стоящие к местному вопросу, университеты южнорусские, мы нижеподписавшиеся, как уроженцы Малороссии, близко заинтересованные решением вопроса о положении малорусской печати и малорусского слова, как представители малорусских писателей и почитателей этого слова, просим ваше высокопревосходительство выслушать и наши заявления по этому же вопросу, твердо веря, что мы найдем сочувствие и поддержку справедливым желанием, выражаемым нами в настоящей нашей докладной записке.

Если найдено, что в довольно стесненном положении, требующем отмены многих ограничительных мер, находится русская печать, то должно признать, что в особенно стесненном положении находится слово малорусское; его функциям, самой возможности его существования, поставлены тяжелые преграды как в умственном обиходе народа, так и в среде интеллигентной.

Между тем малорусский язык имеет все права на существование, на признание его правоспособности в культурной жизни населения; какое бы название ни присвоивалось за малорусским словом, – языка, или наречия, словом этим говорит многомиллионный народ, издавна запечатлевший свой национальный духовный склад в обширной эпической и лирической словесности, за которою как русская, так и западноевропейская критическая наука признала высокие достоинства.

Было время, когда малорусское слово имело полные права и в гражданской жизни края: при нахождении Украины еще под политической властью Польши, украинское слово не было преследуемо, не было изгоняемо ни из области тогдашней литературы, ни из школы, ни из суда, ни вообще из тогдашнего официального как духовного, так и гражданско-войскового уклада жизни украинского населения.

По-видимому, не было оснований ограничивать жизнедеятельность украинского слова и в дальнейшем периоде политической жизни народа; между тем, слово, называемое теперь малорусским, находится в настоящее время в резко противоположном состоянии: оно совершенно лишено всякого права гражданства в культурной жизни населения. Прежде всего оно запрещено в школе, в народной библиотеке, вообще в народной литературе, во всех ее многообразных сферах.

Вред, который от этого получился, должен бы остановить на себе внимание как педагога, так общественного деятеля, включительно до сферы, ведающей высшие государственные интересы и соображения.

Изгнание малорусского языка из школы мешает успешному усвоению школьной грамоты и общему развитию учащихся, особенно принадлежащих к массе сельского населения.

В сельских школах Малороссии совершенно не допускаются не только учебники на малорусском языке, но и какие бы то ни было объяснения по-малорусски со стороны учащихся. Издания всех вообще школьных книг на малорусском языке воспрещены. Между тем к значительному отличию языка русского от малорусского присоединяется еще и то обстоятельство, что составители учебников для народных школ, имея в виду по преимуществу массу школьников населения великорусского, особенно стараются приблизить язык учебника к говору великорусскому. В силу чего содержание учебника нашей народной школы делается особенно и мало понятным для школьника-малоросса, так как пестрит незнакомыми словами, выражениями и оборотами речи. Конечно, это обстоятельство очень затрудняет успехи школьного ученья, так как значительная часть времени и энергии школьников уходит прежде всего на заучивание чуждого по языку текста учебника. Между тем, именно учебники первоначальные должны быть особенно понятны и близки по языку для учащихся; значение родного языка, так называемого “Muttersprache”, достаточно доказано в трудах как европейских ученых – Грима, Дистервега, Песталоцци, так и русских, – Ушинского (статья в “Журнале Министерства народного просвещения” за январь 1863), Потебни и др. Все они говорят о тесной связи образов, мышления и слова и о вреде, который приносится ломкою родной речи при первоначальном обучении.

Если более способные наши ученики сельской школы и преодолевают трудность изучения малопонятного учебника, то все же необходимость выражать в школе свои мысли на непривычном языке затрудняет умственную работу школьника, что не может не отзываться вредно на его развитии.

Школьная грамота не дает у нас средств к дальнейшему развитию народа, так как не существует у нас и той естественной связи, которая должна быть между школой и внешкольным просвещением народа, ибо также точно воспрещены у нас книги на малорусском языке для народного чтения, – народных библиотек-читален, – не говоря уже о периодических дешевых изданиях для народа. В силу этого наш малорусский селянин по окончании школы совершенно не находит близкой ему народной литературы на родном языке, которая могла бы питать в наиболее легкой форме его любознательность и пытливость;

чение остается для него довольно тяжелым трудом, к которому его не тянет; вследствие этого та скудная грамотность, которая приобретается в сельской школе, не только не получает дальнейшего развития, но забывается и даже совершенно утрачивается. Выше приведенными причинами объясняется, между прочим, тот статистически проверенный факт, что наименьший рецидив безграмотности замечается среди новобранцев военного округа Московского, а наибольший – в Киевском округе. В большинстве случаев школа дает нашему крестьянину лишь тот уродливый язык, который, удалившись от малорусского, не может быть также назван и русским. Вред, получаемый от указанных причин, поддерживающих народное невежество, не дающих возможности бороться с ним наиболее естественными способами, очевиден сам собою, равно как и все последствия, отсюда выходящие, для народной и государственной жизни.

Экономический быт нашего народа также страдает от запрещения популярных изданий на народном языке, относящихся, между прочим, к сельскому хозяйству. В народном языке нашли свое выражение особенности местного сельскохозяйственного быта, на нем создалась обширная терминология сельскохозяйственных работ; местный язык и земледелец – неразделимы. Не меньшее применение имеет народная терминология и в многочисленных отраслях кустарного, вообще промышленного, труда, между тем и в этой области издания на малорусском языке также не могут иметь хода. Таким образом, современным заботам правительства относительно поднятия нашего сельского хозяйства и промыслов – запрещение относящихся к этим областям изданий на близком для народа малорусском языке является немалым противодействием.

Но не в одном только утилитарном отношении можно видеть проявление того вреда, который причиняется устранением народного языка из культурного обихода народа; должно считаться также и с народной психикой, которая играет хотя трудно осязаемую, но свою несомненную роль, а в этом отношении устранение народного языка с первых же ступеней культурной и гражданской жизни селянина несомненно вредно влияет и на духовно-нравственную сторону его жизни: видя, что, начиная, с первоначальной школы, его родной язык везде попирается и отвергается, как нечто недостойное, юноша-селянин сам приучается смотреть на него, как на нечто презренное, а вместе с тем относиться с презрением и ко всем говорящим этим языком – своим ближайшим родным и односельчанам.

Такое искажение нравственного облика сельского юношества, воспитание школой и жизнью целых поколений в каком то самопрезрении и рабском унижении, в презрении того, что для человека должно быть священным, – его родной язык и нравственное достоинство его близких, – конечно, может иметь лишь очень вредные последствия: от личностей невежественных, неразвитых, нравственно приниженных нельзя ждать полезных и хороших граждан. К этому надо прибавить, что при всей приниженности, слабости самосознания нашего народа, все же мысль о несправедливости изгнания его языка из школы и жизни может проникнуть, – и уже начинает проникать, хотя бы в сознание от-

дельных единиц из народа, а это конечно не может не внести известную горечь и недовольство в народную среду, – обстоятельство, которое нельзя оставлять без внимания.

Во всяком случае, несомненно то, что среди малорусской интеллигенции бесправное положение малорусского языка в школе и народной литературе живо чувствуется и вызывает как постоянное указание на прискорбность самого факта, так и многочисленные ходатайства о его устранении: не только отдельные лица входят с докладами по этому поводу в подлежащие места, но и возбуждают ходатайство по тому же вопросу целые учреждения.

Начиная с 1880 г. за допущение малорусского языка в школу высказались губернские земские собрания: Херсонское в 1880 г., Черниговское – дважды в 1881 и 1900 гг., Полтавское – в 1904 г.; уездные земские собрания: Черниговское, Елизаветградское и Борзенское; сельско-хозяйственные комитеты: Хотинский, Бердянский, Новомосковский, Хорольский, Лохвицкий, Воронежский, Полтавский; комиссии комитетов Черниговского и Конотопского (доклады их не были рассмотрены комитетами); этот же вопрос возбуждался в Ананьевском, Лубенском и др. комитетах, но также рассмотрен не был. Кроме названных земских собраний и комитетов, собственно за необходимость допущения книг на малорусском языке высказались еще Борзенский уездный комитет, экономический совет Черниговского губернского земства, съезд земских врачей и представителей земств Черниговской губернии в 1897 г. (с его мнением согласилось и Черниговское губернское земское собрание), агрономический съезд, бывший в Москве в 1901 г., Полтавский кустарный съезд 1901 г., Петербургский кустарный съезд 1902 г., Петербургский технический съезд 1903 г., Харьковское и Киевское общества грамотности; о том же неоднократно ходатайствовало Петербургское благотворительное общество издания дешевых и полезных книг для малорусского народа. Все эти ходатайства или оставались без ответа, или отклонялись. В самое последнее время Киевское общество грамотности, в подробно мотивированном ходатайстве, просило устранить препятствия, в силу которых книги на малорусском языке не допускаются в училищные, сельские и бесплатные библиотеки-читальни, а также препятствия, затрудняющие разрешение к печати научно-популярных книг на малорусском языке, и очень скоро получило ответ, что ходатайство это удовлетворено не будет. Несколько иной ответ, но также отрицательный, получило в 1903 г. Черниговское губернское земство на ходатайство, возбужденное еще в 1898 г. о включении в список разрешенных для народного чтения книг 50 книг на малорусском языке: согласно с заключением Министерства народного просвещения. Комитет министров по журналу 3 июня 1903 г. нашел необходимым повременить с разрешением ходатайства впредь до разрешения возбужденного Министерством народного просвещения общего вопроса о допущении в сельские библиотеки издания на местных наречиях.

В таком положении находится вопрос о правах малорусского языка в школе и народной литературе. Не в лучшем положении находится вопрос о малорусском языке в литературе круга интеллигентного. Разница лишь в том, что,

как сказано, интеллигенция может особенно живо чувствовать несправедливость положения и горечь, ею вызываемую.

По отношению к своему языку интеллигенция наша, – если мы бросим исторический взгляд на ее прошлое, – в сущности никогда не порывала связи с малорусским словом. Конечно, она в свое время пережила тот период, который переживает интеллигенция каждого народа, когда небольшая часть его, воспринявшая культуру извне, сохраняет и ревниво оберегает от массы народной тот книжный язык, на каком явилась к нему культура. У нас таким языком обособленного просвещенного круга был язык греко-славянский. Но при постепенном расширении интеллигентного круга все более и более значительным элементом входило в нашу старую письменность слово малорусское, включительно до того времени, когда, в XVI и XVII в., оно получило широкий доступ в сфере литературной и во всей культурной и гражданской жизни; в этот период малорусское слово вошло в школу, в юридический обиход, на нем говорились проповеди, делались переводы Священного Писания (именно с целью сделать его более доступным для народа), на этом же языке писались исторические хроники, научные сочинения, на нем же развилась целая драматическая и виршевая литература, – послужившая вместе с другими сочинениями малорусских ученых и писателей основой просвещения Северной Руси.

При дальнейшем историческом ходе событий органическая связь нашей интеллигенции со своим народным языком была подавлена воздействиями северно-русскими, но никогда не могла быть порвана окончательно. Под демократическим веянием западно-европейским произошло в конце XVIII и начале XIX столетия то знаменательное обращение снова к своему народному языку, которое вызвало как бы наново возникавшую литературу малорусскую, основателем которой считается полтавец Котляревский, давший свои произведения – стихотворную поэму и драматические пьесы – на народном малорусском языке.

Чем дальше, тем это обращение к родному языку делалось сознательнее. Что интереса и симпатии к нему не чужды были даже наивысшие сферы малорусского общества, доказывается такими фактами, как издание в начале XIX столетия одного из первых сборников малорусских дум и песен князем Цертелевым, представителем малорусского аристократического рода; сенатор Трощинский устраивает в своем полтавском имении спектакли на малорусском языке.

Вместе со сборниками старой народной словесности издавались и самостоятельные произведения новых малорусских авторов, среди которых, после Гулака-Артемевского и Квитки, появляется такой высокоталантливый автор, как Шевченко, который сочетал с таким совершенством в одно целое народный язык и литературную композицию. В 60-ые годы в малорусской литературе явилось большое оживление; появляется много новых авторов, между прочим, такие выдающиеся, как Кулиш, Марко Вовчок и др., издается даже малорусский журнал “Основа”; печатаются и книжки для народа, буквари и проповеди.

Но тут именно начался период стеснения малорусской литературы, закончившийся почти совершенным запрещением малорусского слова. Огра-

ничительные меры были окончательно установлены высочайшим указом 18 мая 1876 г.¹, действующим и в настоящее время; правда, в 80-х годах сделаны были некоторые незначительные смягчения установленных в нем правил, но в главных чертах он остается без изменения. В силу этого указа воспрещено печатание и издание в империи оригинальных произведений и переводов, за исключением лишь: а) исторических документов и памятников, и б) произведений изящной словесности, с тем, чтобы в этих последних не допускалось никаких отступлений от общепринятого русского правописания, и чтобы разрешение на печатание их было даваемо не иначе, как по рассмотрении рукописи в Главном управлении по делам печати; кроме того в видах преграждения доступа в Россию произведений малорусской литературы, издающихся за границей, главным образом в Галиции, воспрещен ввоз каких бы то ни было книг и брошюр, “издаваемых на малороссийском наречии”.

Таково было узаконение, поставившее преграду свободе малорусского слова, до крайней степени ограничившее пределы литературного пользования им. Так как узаконение это не было опубликовано и так как текст его был очень краток, то являлась к тому же возможность довольно произвольного и распространенного толкования его со стороны цензоров, ведавших малорусские произведения: запрещались не только книжки и брошюры для народа, научно-популярные и сельско-хозяйственные, запрещались также книжки для детского чтения, имевшие право быть причисленными к произведениям изящной словесности, дозволявшимся указом 1876 г. Таким образом запрещались нередко самые невинные рассказы, сказки и пр., если только они были написаны на малорусском языке и предназначались для детского чтения.

Такое же распространенное толкование указа [18]76 г. применялось и ко всем вообще переводам на малорусском языке, хотя бы то были бесспорно переводы произведений изящной словесности: иногда можно было видеть, что цензоры как бы сами не находили для себя в тексте указа [18]76 г. вполне ясных указаний для запрещения данного перевода и потому искали для этого иных оснований; – был случай, когда перевод “Марии Стюарт” Шиллера, представленный в цензуру Гринченком, был запрещен на основании ст. 113 Уст[ава] о ценз[уре] и печати, устанавливающей, что при цензуровании статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметов ведомства Министерства внутренних дел, цензоры обязаны руководствоваться особо изданными наставлениями. Был случай, когда перевод “Одиссеи” Нищинского, изданный во Львове, был представлен в русскую цензуру и возвращен неразрезанным, с уведомлением, что это сочинение не может быть допущено в Россию. Неразрезанный экземпляр “Одиссеи” хранится в одном из львовских музеев, для указания того, как цензируются книги в России.

К области запрещения переводов относятся также запрещения перевода на малорусский язык книг Священного Писания. В то время как в старой южнорусской письменности переводы эти были признаваемы делом достойным, полезным и совершенно не запрещались, новейшая история нашей литературы

¹ Див. док. № 68.

дает совершенно иные, печальные факты: в 60-х годах перевод Евангелия был представлен Морачевским в императорскую Академию наук; Академия признала, что Евангелие на народном наречии малороссиян много способствовало бы их нравственно-религиозному образованию и дала самый лучший отзыв о переводе. Евангелие допущено не было. В 1900 г. Академия наук вновь возбудила вопрос об издании Евангелия Морачевского, но встретила решительное несогласие со стороны Синода и петербургского митрополита. В последнее время Академия вновь сделала Св. Синоду подробно мотивированное представление по тому же предмету. Не лучшая судьба постигла Библию, изданную библейским обществом в Вене в 1903 г. в переводе Кулиша, Левицкого и Пулюя^а.

Один из переводчиков библий, профессор Пражского университета Пулюй, просил о том же Главное управление по делам печати; прошение его было передано в Св. Синод, который 10 июля 1904 г. признал ходатайство неподлежащим удовлетворению. Обращался Пулюй с такою же просьбою и в Академию наук, и все же в России, где имеется Евангелие на 70 языках и наречиях, малорусское население лишено права читать Священное Писание на своем родном языке, права, которым пользуются малороссы, живущие в пределах Австрийской империи.

Таким образом Священное Писание на малорусском языке явилось книгою запрещенною, и тот, у кого она будет найдена, понесет наказание, как за намерение скрыть от правительства недозволенную и вредную книгу (ст. 1022 Улож[ения] о нак[азаниях]).

К такому печальному положению дела относятся также следующие факты.

В силу запрещения ввоза в Россию каких-бы то ни было книг, в России оказывается фактически запрещенной всякая малорусская книга, изданная за границей, вне всякой зависимости от ее содержания; такое запрещение изымлет из обращения целый ряд изданий, имеющих высокий научный интерес, ибо под это запрещение подходят, напр., все издания Наукового товарищества имени Шевченка во Львове, в которых содержатся выдающиеся труды по разным отраслям наук, преимущественно по истории и археологии, обратившие на себя внимание как ученых учреждений – академий, так и отдельных ученых.

В силу также распространенного толкования указа [18]76 г., который совершенно не упоминает о печатании на малорусском языке периодических изданий, – были запрещаемы цензурой всякого рода газеты и журналы на малорусском языке. Следующие факты дают указания, что постоянно поступали ходатайства издателей и постоянно получался на них один и тот же отрицательный ответ: в 1883 г. малорусские писатели из Киева М. Старицкий и О. Пчилка, просили Главное управление по делам печати о разрешении издавать в Киеве на малорусском языке исключительно литературный журнал “Рада” и получили ответ, что ходатайство их “не подлежит удовлетворению”. В 1897 г. из Чернигова было возбуждено ходатайство о разрешении издания еженедельной газеты для народа “Порада”, затем просили о разрешении изданий: Коваленко – периодического органа “Украина”, Левицкий – “Проминь”, Яворский – “Рилля” (сельскохозяйствен[ый] журнал), Яблоновский –

“Степ”, Чикаленко и Левицкий – “Селянин”, Муркен – “Хлибороб” (сельскохозяйствен[ый]), Ефремов – “Вик”^б, Коваленко – “Характернык” (юмористический журнал), Федорченко – “Недиля”, Рябошапка – “Днипр”, Луценко – “Новины”, Семешко – “Тромадянын”; из Холма просили о разрешении издания журнала религиозно-нравственного содержания; несколько земских врачей предполагали издавать народную медицинскую газету на малорусском языке; предположен был целый ряд изданий, но безнадежность в деле получения разрешения останавливает многих от ходатайств о разрешении изданий, так как в самое последнее время, когда возродились надежды на наступление лучших условий для печати, такие ходатайства отклонялись категорически.

Все приведенные факты о запрещении малорусского слова во всех областях литературы как бы вели к тому, что малорусская литература должна была довести свое существование до минимума и что малорусский язык должен исчезнуть из культурного обихода.

Но органическая и раз сознанная потребность не могла умереть в малорусском обществе, она искала себе выхода и нашла его – к сожалению, за пределами нашей родины. Малорусская интеллигенция увидела прежде всего, что в соседней австрийской Галиции народный язык малорусский не безправен, – напротив, пользуется значительными правами гражданства; на нем издаются там книги, учебники, газеты, журналы, на нем говорят в Галицком сейме представители малорусского народа, он полноправен в судах, административных учреждениях, в церкви; на нем идет преподавание в народных школах, гимназиях, университете, где есть шесть малорусских кафедр; на этом языке печатаются ученые труды, издаваемые Обществом имени Шевченка.

Нет ничего удивительного, что, совершенно не находя в своем крае удовлетворения живой духовной потребности пользоваться своим родным словом, малорусские писатели обратились со своими произведениями туда, где им был доступ, где была возможность приложить силы для поддержания малорусской литературы.

Можно с уверенностью сказать, что наши писатели много способствовали укреплению в Галиции литературы на малорусском языке; почти все старшие писатели, произведения которых так бы и остались в большей своей полноте неизвестными в России, печатали свои сочинения в австрийской Галиции, в тамошних журналах: Руданский, Щеголев, Кулиш, Конисский, Нечуй, Старицкий, Мирный, Пчилка и многие другие; за ними последовали писатели новейшие, которые тоже не дождались возможности приложить свои силы и дарования на родине и которых на тот же путь духовного изгнания из пределов своего края толкали запретительные цензурные меры, запрещавшие по большей части даже не содержание сочинения, а язык, которым оно было написано – язык малорусский.

В таком неестественном положении находится дело малорусской литературы в настоящее время. Малороссы, любящие свое слово, с болью сознают всю уродливость этого положения и не перестают надеяться, что слову этому будет дана возможность свободно жить и развиваться среди того народа, которому оно принадлежит.

Указ 12 декабря 1904 г.¹ и вызванный им пересмотр законов о печати – оживил наши надежды. В особенности подает нам благие надежды мнение Комитета министров относительно необходимости пересмотра особых мер, применяемых к малорусским произведениям.

Мы, представители малорусских писателей и почитателей малорусского слова, просим, – на основании всего вышеизложенного, – устранения связанных с постановлениями 1876 и 1881 гг. крайне тяжелых мер ограничения малорусской литературы.

Просим иметь в виду, что мы ходатайствуем не о каких-либо привилегиях, а желаем лишь восстановления законных прав нашего родного языка. Мы просим только об уравнивании прав литературы малорусской с русскою, как относительно печатания всякого рода произведений оригинальных и переводных, так и периодических изданий, – на тех же правах и началах, какие будут установлены для изданий русских.

Полагаем, что такое утверждение малорусского слова в его законных правах принесет лишь общую пользу, как в смысле развития местного творчества, так и удовлетворения насущных нужд края. Что потребность в восстановлении прав малорусского языка велика, о том свидетельствуют многочисленные голоса отдельных лиц и учреждений в Малороссии, а также знаменательный факт, что и среди народа нашего начинают уже появляться, при посредстве сельскохозяйственных обществ и местных газет, голоса, выражающие надежду иметь доступную для народа малорусскую книгу и газету.

Все эти желания кажутся нам более чем справедливыми и заслуживающими внимания. Действительно, если в пределах государства Российского существуют литературы польская, литовская, грузинская и другие, имеется возможность печатать на народных языках как отдельные сочинения, так и повременные издания, то почему же должна быть лишена того же права литература малорусская. Мы приветствуем успех соседних иноязычных литератур, веря в то, что каждая из них внесет в общую сокровищницу человеческой мысли и творчества ценные вклады, и твердо надеемся, что малорусская литература, – которая уже и внесла свою долю в дело просвещения Руси, – тоже могла бы играть такую же роль, когда с пути ее будут сняты несправедливо поставленные преграды.

Остаемся в уверенности, что голос, взывающий во имя справедливости и многообразной пользы народной, будет услышан Вашим высокопревосходительством и что в высоком учреждении Комитета министров, призванном для устройства важного вопроса о печати, будет дано справедливому делу справедливое решение.

Жена действительного статского советника *Ольга Косач*
Редактор журнала “Киевская старина” статский советник *Владимир Науменко*
Присяжный поверенный *Илья Шраг*
Присяжный поверенный *Николай Дмитриев*

¹ Див. док. № 222.

Ольга Петровна Косач – Киев, Мариинско-Благовещенская, № 97
Владимир Павлович Науменко – Киев, Мариинско-Благовещенская, № 59
Илья Людвигович Шраг – Чернигов, Петерб[ургская] ул., свой дом
Николай Андреевич Дмитриев – Полтава Петровская площадь, свой дом
ЛННБ ім. В. Стефаника, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.

№ 228

1905 р., лютого 25. Санкт-Петербург. – Положення Комітету міністрів про скасування існуючих обмежень на видання Святого Письма українською мовою

Комитет министров полагал:

1) Отменить ограничительные меры, установленные для издания книг Священного Писания на малорусском языке, с тем однако, чтобы на каждое такое издание испрашивалось благословение Святейшего Синода, и

2) Настоящее заключение поднести на высочайшее е. и. в. благовоззрение отдельно от прочих предположений Комитета по исполнению пункта 6 именованного высочайшего указа 12 декабря 1904 г. (25495)^а.

Государь император в 25 день февраля 1905 г. положение сие высочайше утвердить соизволил.

Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 25: 1905. – СПб., 1908. – Отд. 1. – № 25880. – С. 141.

№ 229

1905 р., лютого¹. Харків. – Звернення громадян м. Харкова до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте з вимогою скасувати усі таємні заборони щодо української мови та ввезення українських видань з Галичини

В 7-м параграфі высочайшего указа 12 декабря 1904 г.² Комитету министров предложено “произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь были сохранены лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явной пользой русского народа”. Малороссы никогда не были ни инородцами, ни иноверцами. Они всегда были великой частью одной и той же великой этнографической единицы – русского народа, храня характерные особенности своего племени, как богатую основу духовного развития. Однако к ним применяется такое тяжкое ограничение, какого в пределах России не применяется ни к иноверцам, ни к инородцам, ограничение глубоко вредное для культурного развития

¹ Число не зазначено.

² Див. док. № 222.

страны и глубоко оскорбительное для ее населения – именно запрещение родного языка.

Все народы мира могут читать Св. Писание на родном языке.

В Малороссии оно запрещено.

Все народы России имеют или могут иметь свои газеты и журналы.

В Малороссии они запрещены.

Во всех странах, где есть грамота, родной язык служит могучим средством первоначального образования.

На громадном пространстве Южной России он изгнан из школы, и случайное его употребление с педагогическими целями считается уж преступлением и ведет к репрессиям.

И все это в приложении к народу, который 250 лет тому назад добровольно вошел в неразрывное братство с народом великорусским, давно уже объединил с ним все свои государственные, общественные и экономические интересы, который дал России Сковороду, Квитко, Гоголя, Шевченко, Короленко, Потебню, Костомарова, Драгомирова, Кондратенко и многих других выдающихся деятелей – и все это в то время, когда у малоруссов есть уже своя общепризнанная вековая литература, есть свои великие мастера художественного слова, когда в заграничной сравнительно малой части украинско-русского населения малорусский язык получил блестящее развитие и применение в церкви, науке и школе.

25 миллионов малорусского народа в единой родственной России лишены тех духовных прав, которыми тут же рядом, в чуждой нам иноверной Австрии, пользуются 3 миллиона этого народа, и естественно, что эти 25 миллионов, по мере культурного развития, всеми силами стремятся и будут стремиться к такому правовому порядку, который гарантировал бы им пользование самым ценным и дорогим достоянием каждого человека – его родным языком.

Во имя здравого смысла и простой человеческой справедливости, мы просим: 1) чтобы малорусский язык, наравне с общим литературным, пользовался и в России всеми правами литературного и живого языка;

2) чтобы с него сняты были тяжелые путы секретного распоряжения 1876 г., и

3) чтобы был открыт в Россию путь для всех галицко-русских изданий на малорусском языке, в числе которых есть много исследований высокой научной важности.

Тогда миллионы малорусского народа, населяющего лучшие губернии Южной России, в области языка выйдут из положения париев человеческого рода.

Следуют подписи

ЛННБ ім. В. Стефаніка, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.

1905 р., березня 28. Київ. –

**Особлива думка ординарного професора Київського університету
Ю. А. Кулаківського про недоцільність видання Святого Письма
українською мовою, оскільки “пропаганда
малорусского языка для Св. Писания есть вопрос текущей
политики настоящего и не имеет никаких корней в прошлом”**

В ответ на запрос Вашего превосходительства честь имею представить общее изложение того, в чем я не соглашался с выработанным советской комиссией заключением по вопросу об устранении существующих в настоящее время ограничений издания книг на малорусском языке.

Авторы записки, принятой советом, в числе заключений, резюмирующих их изложение, поместили под № 6 такой пункт: “Само собою разумеется, что во главе книг, удовлетворяющих высшим потребностям духа, должно быть поставлено Св. Писание на народном языке”. Я полагал, что этот пункт должен быть совершенно устранен из числа заключений, и основания моего мнения состояли в следующем. Прежде всего в самом содержании записки нет никаких аргументов, которые бы оправдывали сформулированное в столь категорической форме заключение, а потому оно является даже несколько неожиданным. Далее, вопрос о Св. Писании касается скорее Святейшего Синода и духовного ведомства вообще, нежели университета, представители которого вряд ли могут считать себя компетентными в суждении о том, действительно ли малорусское деревенское население нуждается в Евангелии на малорусском языке и в каком направлении отразится распространение Евангелия на малорусском языке при существовании штундистской пропаганды. Наконец, принимая в соображение, что для университета обязательна осведомленность с судьбами прошлого, нельзя не вспомнить, что в своей многовековой борьбе за народность и православие малорусский народ имел своим знаменем Св. Писание на славянском языке и за него, как за свою народную святыню, проливал он свою кровь. Пропаганда малорусского языка для Св. Писания есть вопрос текущей политики настоящего и не имеет никаких корней в прошлом. Можно быть различных мнений о том, удовлетворяет ли она существующему в народной массе запросу, или же является делом агитации сверху.

В виду этого мне бы казалось, что совету университета в официальном ответе на запрос правительства относительно печатания книг на малорусском языке следовало бы совершенно не касаться Св. Писания.

Ординарный профессор *Юлиан Кулаковский*
Верно: *делопроизводитель*

№ 231

1905 р., квітня 5¹. Харків. –

Записка з питання цензури українськомовної книжки, підготовлена за дорученням Комітету міністрів спеціальною комісією Харківського університету^а

Комитет министров, приступив в заседаниях 28 и 31 декабря 1904 г. к обсуждению способов исполнения предначертаний пункта 8 именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г. об устраниении из постановлений о печати излишних стеснений и о постановлении печати в точно определенные пределы², между прочим, остановился на высочайших повелениях 18 (30) мая 1876 г.³ и 8 октября 1881 г., коими запрещены печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности. Постановления эти в свое время не были опубликованы и не вошли в Свод Законов. В виду того, что применение изъясненного запрета, значительно затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений путем издания на понятном для крестьян наречии книг, препятствует повышению нынешнего низкого культурного его уровня, Комитет министров находит возможным высказаться за желательность отмены этой меры, как стесняющей свободу печатания на малороссийском наречии различных книг. Но для разрешения сего вопроса в распоряжении Комитета не имеется достаточных фактических сведений. Поэтому и в видах вящей осторожности, Комитет находит полезным для большого разъяснения практического значения упомянутого запрета и проистекающих из него неудобств предоставить господину министру народного просвещения запросить мнения по сему вопросу императорской Академии наук и императорских университетов Киевского и Харьковского и представить таковые, вместе со своим по оным заключением, на уважение Комитета. Остановившаяся на этом выводе, Комитет, вследствие возникшего в среде его вопроса, считает необходимым оговорить, что настоящим положением отнюдь не имеется в виду сколько-нибудь затрагивать вопрос о языке преподавания в народных школах малороссийских губерний.

В заседании совета императорского Харьковского университета 14 февраля с. г. по заслушании предложения попечителя Харьковского учебного округа была избрана комиссия для составления докладной записки по вопросу о цензуре книг на малорусском наречии.

В состав комиссии вошли профессеры – Д. И. Багалий, Т. И. Буткевич, А. К. Белоусов, А. Г. Зайкевич, Н. А. Максимейко, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Раевский, С. В. Соловьев, Н. Ф. Сумцов, М. Г. Халанский и М. П. Чубинский. Действия комиссии были открыты 18 февраля ректо-

¹ Дата схвалення “Записки” університетською радою.

² Див. док. № 222.

³ Див. док. № 68.

ром, предложившим членам комиссии избрать из своей среды председателя. Председателем избран единогласно Н. Ф. Сумцов; секретарями – Н. А. Максимейко и С. В. Соловьев. Комиссия имела пять заседаний, в которых была выработана нижеследующая записка, принятая единогласно советом университета в заседании 5 апреля сего 1905 года.

Малорусский язык в лингвистическом отношении представляет наречие русского языка⁶. По авторитетному мнению академика А. А. Шахматова, он начал выделяться медленно и постепенно около X в., и более или менее определился уже к XI веку. Количество говорящих на малорусском языке, по последним данным, доходит до 25–30 миллионов. В отношении диалектов малорусский язык распадается на два крупных наречия: южно-малорусское или украинско-галицкое и северно-малорусское, при чем каждое из названных наречий имеет свои говоры и подговоры. Литературно-обработанным является южно-малорусское наречие. В Галиции это наречие служит языком науки и преподавания в низшей, средней и высшей школе, с примесью местных народных элементов.

Развиваясь и дифференцируясь естественным образом, малорусский язык в настоящее время достиг такой степени отличия от русского литературного языка, что понимание малороссом изданных на нем книг является крайне затруднительным.

Начало малорусской литературы уходит в отдаленную древность. В лирике “Слова о полку Игореве” и “Слова о погибели земли русской” в преданиях древней летописи уже сквозит южно-русская духовная стихия. В XVI и XVII ст. она выступает отчетливо в переводах Священного Писания на малорусский язык и, особенно, в думах или исторических песнях. Характерными памятниками малорусского слова XVII ст. служат послания Иоанна Вышенского и “Слово о бездождии”⁷ неизвестного автора. В XVII ст. выдвигаются многие школьно-малорусские драмы, так называемые мистерии и интермедии. В языке слободско-украинского философа и поэта XVII в. Г. С. Сковороды ясно обнаруживается малорусская народная стихия. Отцом новой малорусской литературы считается И. П. Котляревский: он проложил в ней новые пути, выдвинул и реформировал драму и внес сильный демократический элемент. Местом деятельности и влияния Котляревского была преимущественно родная его Полтавщина. В 30 и 40-ые годы в украинском литературном движении живое участие принял Харьков, в котором усердными работниками в этом отношении были Артемовский-Гулак, Квитка, Метлинский, Костомаров, Корсун. В 60-е годы выдвигается Киевщина в лице Шевченка, и с этого времени малорусская литература получает общее признание в славянстве и в Западной Европе. Имя Шевченка идет рядом с именами величайших славянских поэтов. Секретные запрещения, тяготеющие над малорусской литературой свыше 40 лет, не могли помешать ее росту. Даровитые писатели идут один за другим – Кулиш, Мордовцев, Глебов, Щоголев, Левицкий, Мирный, Старицкий, Кропивницкий. В новейшее время стали выдвигаться Коцюбинский, Винниченко, Стефаньк, Карпенко-Карый, Леся Украинка, Чернявский, Крымский, Гринченко. Выдаю-

щийся в настоящее время галицко-русский ученый, писатель и критик Франко дает высокую оценку некоторым современным малорусским авторам. Так, он находит, что “по свежести и гармоничности таланта на первом месте следует поставить Мих. Коцюбинского, который отличается мягкостью колорита, законченностью композиции, пластичностью рисунка и нежным лиризмом”. Произведения Крымского отличаются “яркостью красок и глубоким лиризмом”. Самойленко – “один из лучших мастеров украинского слова”. Леся Украинка признана как “сильный талант”. Стефанык – “с большим мастерством вникает в душу галицко-русского крестьянина”. “Стихотворения Чернявского отличаются хорошим языком, искренностью чувства и богатством колорита”.

Таково было в общих чертах развитие малорусской литературы, обещавшей, при естественном и правильном течении, сделаться важным средством широкого и разностороннего преуспевания народного образования. Тем более вредными и пагубными оказались последующие запрещения, сковавшие малорусское слово на многие годы.

Совет императорского Харьковского университета по вопросу об устранении тех ограничений, которые с 1863 г. прилагаются к малорусскому языку и малорусской литературе, считает своим нравственным долгом категорически высказаться о безусловном, исторически вполне уже доказанном, их вреде, как для всей России, для ее умственного развития, так в особенности для Малороссии, во всех формах ее нравственной жизни.

Харьковский университет, может быть более, чем какой-либо другой из русских университетов, имеет основание высказаться в пользу полного признания малорусского языка, не только потому, что Харьковский университет в течение истекшего столетия работал преимущественно среди малорусского населения, но и потому, что он обязан малорусскому слову многими лучшими страницами своей истории. В значительной степени под прямым влиянием украинской народной поэзии и литературы был воспитан в Харьковском университете тот благородный идеализм, который в Метлинском, Костомарове, Потебне развил и направил главные их ученые интересы и оказал в высокой степени благотворное влияние на Срезневского на первых порах его ученой деятельности.

Любовь к мелодичной украинской речи в Харькове всегда тесно сплеталась с стремлением к народному образованию, к признанию в крестьянине человека, к выяснению лучших сторон народной души. Наиболее характерными выразителями такого настроения в Харькове были Квитка-Основьяненко и Метлинский. Квитка составил на малорусском языке священную историю, которую не пропустила цензура, стал издавать брошюры для народа – “Листы до любезных земляков”, учредил общественную библиотеку, создал местный институт благородных девиц, заботился о развитии театра и везде жертвовал свой труд, средства, знания. Метлинский, по словам его ученика Де-Пуле, был идеалист и литератор в лучшем смысле этого слова. Он был образцом простоты, труда, честности, редкого добродушия; эти благородные черты характера развиты были общением с народом, его любовью к малорусской поэзии и языку. Метлинский записывал народные песни, издавал их и писал в их духе стихи.

До 60-х годов русская и малорусская литературы находились в одинаково тяжелых цензурных условиях. В освободительные 60-ые годы русское слово получило большое облегчение, и тем более странно, что на слово малорусское в 1863 г. было наложено особое запрещение и в сущности единое слово русского народа поставлено было в два различные, почти противоположные, положения. В то время как малорусская литература в лице Шевченка была признана всем славянством и всей образованной Европой, Министерство внутренних дел в лице Валуева в 1863 г. выставило категорическое положение, что “малорусской литературы не было, нет и быть не может”. При этом совершенно было упущено из виду, что всякая литература, в частности литература малорусская, как продукт внутреннего духовного развития, представляет драгоценный капитал, и заключает в себе такие нравственные силы, подрывание которых приводит к деморализации, огрублению и невежеству.

Секретное предписание 1863 г.¹, запрещавшее переводы и просветительную литературу для народа, по иронии судьбы, вышло в то время, когда в славянофильской “Русской беседе”² хвалили малорусские проповеди Гречулевича, в столь же славянофильском “Дне” с одобрением отнеслись к переводу Евангелия на малороссийский язык, когда даже Катков принимал деньги, по объявлению Костомарова, на фонд для издания украинских книжек. Как искусственно было раздуто последующее гонение на малорусский язык, видно из того, что незадолго до злополучного закона 1863 г. Министерство народного просвещения ассигновало 500 руб. на издание малорусских учебников для народных школ.

С изданием закона о том, чтобы “приостановиться с пропуском книг на малороссийском языке духовного содержания, учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа”, 25 миллионному малорусскому народу был закрыт доступ к образованию, по пути наиболее для него удобном и близком. Дверь была захлопнута наглухо, и так крепко, что за 10 лет, с 1863 по 1872 г. в нее проскочила лишь одна малорусская книжка.

Министр внутренних дел, статс-секретарь Валуев в своем отношении к министру народного просвещения от 18 июля 1863 г., сообщал, что он “признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Св. Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском-же книг на малороссийском языке как духовного содержания так и учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народом приостановиться”². На отношение министра внутренних дел последовал ответ министра народного просвещения А. В. Головнина от 20 июля 1862 г. следующего содержания: “Ваше превосходительство, спрашивая мое мнение о пользе и необходимости дозво-

¹ Див. док. № 44.

² Див. док. № 43.

ления к печатанию книг на малороссийском наречии, предназначенных для обучения простонародья, изволите сообщать, что Киевский цензурный комитет указывает на необходимость принятия мер против систематического наплыва изданий на малороссийском наречии и что киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпускать в свет рассматриваемого ныне духовною цензурою перевода на малороссийский язык Нового Завета. Вследствие сего, имею честь уведомить, *что сущность сочинения, мысли, изложенные в оном, и вообще учение, которое оно распространяет, а отнюдь не язык или наречие*¹, на котором написано, составляют основание к запрещению или дозволению той или другой книги, и что старание литераторов обработать грамматически каждый язык и наречие и для сего писать на нем и печатать – весьма полезно в видах народного просвещения и заслуживает полного уважения. Посему Министерство народного просвещения обязано поощрять и содействовать подобному старанию. Затем, если старание это употребляется некоторыми лицами, как личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанные на малороссийском языке, употребляются, как орудие вредной антирелигиозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобные книги; но запрещать их *за мысли* в них изложенные, а не *за язык*, на котором писаны, и если таковых сочинений представляется в Киевский цензурный комитет значительное число, то комитет сей мог бы просить о временном усилении личного состава цензоров. Требование же комитета, чтобы приняты были меры против систематического наплыва изданий на малороссийском языке, я нахожу совершенно неосновательным. Что же касается до мнения киевского генерал-губернатора, что опасно и вредно выпустить в свет малороссийский перевод Нового Завета, рассматриваемый духовною цензурою, то из уважения к господину ген[ерал]-ад[ъютанту] Анненкову я объясняю себе подобный отзыв какую то неопытной канцелярской ошибкой. Духовное ведомство имеет священную обязанность распространять Новый Завет между всеми разноплеменными жителями империи на всех языках, и истинным праздником нашей церкви был бы тот день, когда мы смогли бы сказать, что в каждом доме, избе, хате и юрте находится экземпляр Евангелия на языке, понятном обитателям. Министерство народного просвещения, со своей стороны, всемерно старается о распространении в своих училищах и через них в народе книг духовного содержания, печатает их в числе десятков тысяч экземпляров, и в ряду этих книг Новый Завет на местном наречии должен бы занимать первое место. Посему малороссийский перевод Евангелия, исправленный духовною цензурою, составит одно из прекраснейших дел, которыми ознаменовано нынешнее царствование, и Министерство народного просвещения должно желать этому делу скорейшего и полного успеха”².

В 1873–1876 гг. промелькнуло какое то послабление; пропущен был перевод “Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями”¹, прошли повести

¹ Курсив подлинника [прим. док.]

² Див. док. № 45.

Федьковича с обширным предисловием Драгоманова, и тем более тяжелым оказался удар 1876 г. – знаменитое в своем роде секретное предписание о допущении на малорусском языке лишь произведений изящной словесности, и то каждый раз по рассмотрении рукописи в Главном управлении по делам печати, с приложением требований, чтобы не было допускаемо отступлений от общерусского правописания.

В России закон 1876 г. не мог вызвать возражений и осуждений, так как все пути для того здесь были закрыты. Но в Западной Европе этот закон вызвал негодование. “Neue freie Presse”^д в статье “Russische Nivellirungs-Politik” выразилась так: “Eine solche Ausrottungs -Politik im eigenen Lande ist ein immenser Hohn auf Bildung und Kultur”, т. е. такая политика истребления в собственной стране есть издевательство над образованием и культурой. Чешские “Narodni Listi”^е писали, что такого огульного запрета целой малорусской литературы не может одобрить ни один друг славянства и России. – “Obežník jenž celý proti všem spisům maloruským; opatření, jehož zajisté nebude anemůžе schalovati netoliko nižadny přátel Slovanstva vůbec, nýbrž nižadny politik rozumný, jenž má smašlení přátelské pro velikou říši ruskou”.

Закон 1876 г., изданный графом Толстым в период насаждения в России классической системы образования, был истолкован заграничными газетами, как часть “Verdummungssystem”, т. е. сознательно проводимой системы оглушения народа.

Под прямым давлением закона 1876 г. стала развиваться малорусская литературная эмиграция; малорусские писатели перенесли свой труд в галицкие издания. В Галиции заявили: “не забудем ни на минуту, что на нас лежит ответственность за долю и недолю нашего народа”. С этого времени начался большой рост заграничной малорусской литературы, с преобладанием протестующего настроения. В сознании, что “свет правды разольется через всякие преграды” галицко-русская литература росла быстро; в настоящее время она имеет около 40 журналов и газет на малорусском языке. Уже в 1867 г., отчасти в противовес закону 1863 г., в Галиции стала выходить “Правда”, а затем пошли другие многочисленные галицкие издания с сотрудниками в большинстве из живущих в России малорусских писателей. Уже самая необходимость писать в заграничных изданиях придала последующей украинской литературе протестующий характер, применяясь к которому галицкие писатели еще более усиливали общий тон обиды и раздражения.

К числу в высшей степени вредных для России последствий приложения полицейского начала к малорусскому языку, нужно еще отнести отделение и отчуждение этого языка от русского литературного. Малорусский язык, в той форме, как он стал развиваться в России (проза Квитки, поэзия Шевченка), стоит близко к русскому; как киевская, так в особенности харьковская обстановка была чрезвычайно благоприятна для братского единения двух языков. Изгнанная в Галицию украинская литература неизбежно усвоила себе такие элементы сравнительно далеких галицко- и угорско-русских наречий и подверглась таким немецким и польским влияниям, которые внесли много новых слов, новых понятий, новых литературных оборотов и приемов, чуждых рус-

ской литературной речи. Когда в близком будущем украинское литературное слово получит полное право гражданства, в чем, разумеется, не может быть никакого сомнения, то коренные украинцы с грустью будут вспоминать об изысканной простоте и чистоте языка Квитки и Шевченка, и долго еще сохранится память о тяжких судьбах прожитого сорокалетия.

Под гнетом закона 1876 г. в Малороссии все замолкло. По этому запрету до сих пор не могло выйти Евангелие на малорусском языке, не пропущены переводы Овидия, Данта, Шекспира, устранено множество научно-популярных статей.

В запретительной системе было чрезвычайно много резкой непоследовательности и противоречия, придавших всей системе характер полного личного произвола. Так, в сборнике народных сказок Рудченка 1869 г. была помещена сказка “Бедный волк”, сказка совершенно народная и вполне безобидная. В 1885 г. она была перепечатана в Харькове отдельной книжечкой, а в 1889 г. она уже не допущена была цензором в киевском сборнике “Казки та оповидання”. Сказка “Яйце райце” издается в 1869 г., переиздается в 1876 г., запрещается в 1888 г., снова разрешается в 1891 г. – простая детская народная сказка. Как это ни курьезно, но факт налицо – сказки, записанные из уст народа в течение многих веков вращающиеся в народе, неоднократно изданные в печати, вдруг, по усмотрению цензуры, попадают в число плодов неблагонадежных и запретных.

Прилагаемые к малорусскому языку фактические ограничения и запреты обнаруживают часто поразительное непонимание и произвол. Напр., в сборнике “Колоски” в выражениях “наша Украина” зачеркнуто слово “наша”, точно она страна иностранная. Иногда совершенно искусственно проводится различие между, в сущности тождественными, терминами малорусский, южнорусский и украинский, с отнесением слова украинский к неблагонадежным и произвольной заменой его словами малорусский, южнорусский. Вычеркиваются иногда названия Запорожье, Сечь, точно в истории никогда не было никаких Запорожских Сечей.

Единственная область украинской литературы, получившая некоторую возможность развития – это драма. Император Александр III, ознакомившись лично с малорусским театром, отнесся к нему сочувственно и покровительственно. В 1881 г. дано было разрешение на издание и постановку малорусских пьес; в короткое время число малорусских трупп увеличилось, и малорусский театр стал привлекать к себе внимание не только в Малороссии, где он вполне понятен, но и в Великороссии, в Сибири; но, вопреки желанию императора Александра III, цензура продолжала теснить малорусскую драму, преимущественно в той форме, что разрешаемы были худшие произведения и запрещаемы лучшие. Устранялись пьесы исторического содержания, пьесы на темы из жизни интеллигенции и т. д. Произвольными мерами цензура стремилась ограничить горизонт литературы пределами хат и хутора, но даже в этих узких пределах допускалось лишь изображение семейной жизни, преимущественно ссор и пьянства. В одних случаях задерживая, в других совсем не разрешая лучших пьес Карпенка-Карого, Конисского и Кропивницкого, и давая разре-

шение преимущественно пьесам нелепым и грубым, цензура понижала присущее малороссийской драме высокое нравственное воспитательное значение.

В приложении к малорусскому слову цензурные запрещения так часты, по причинам совершенно личных усмотрений, что самый факт цензурного разрешения малорусских книг давно уже получил характер простой случайности. В течение одного лишь 1904 г. запрещены цензурой такие скромные издания, как сборник басен для детей, сборник рассказов галицкого писателя Стефанька, незадолго перед тем вышедший в Львове в переводе Мочульского на польский язык, повесть Франко “До свита”. В 1903 г. цензура не пропустила статью Гринченка “Великий войовнык” (об Александре Македонском), статьи Катренка “Дытынячи згадки про всячину”, статью Комарова “Добра праця”, заключающую в себе жизнеописание первоучителей славянских святых Кирилла и Мефодия, брошюру Черняховского об оспопрививании, учебник Ефремова “Оселя, чытанка для дитей наймолодшого вику”, сборник Галайды “Святи писньи”. Книжка Мариупольца о физиологии человека “Як живе тило людское” четыре раза отвергнута цензурою. Такие скромные популярные рукописи, как “Наставление матерям” Мировця, “Про комах” Степовыка, “Про горы” Загирной, “Порадник жинкам” Авраменка, “Про вулканы” Бондаренка были не пропущены *из-за одного*¹ лишь языка. Малороссы лишены таким образом права знать, как нужно обращаться с беременными женщинами, новорожденными детьми, кто такие были святые Кирилл и Мефодий, как нужно предохранять себя от оспы...

Предложение сведений, вроде тех, которые находятся в недопущенных цензурою брошюрах, представляется желательным, более того – необходимым уже в силу запросов, идущих непосредственно от читателей из народной среды, как это ясно видно из тех многочисленных пожеланий, с которыми обращаются к издающемуся в г. Полтаве сельскохозяйственному журналу “Хуторянин” его подписчики и корреспонденты из крестьян. Так, один из этих читателей заявляет, что было бы весьма интересно, если бы хотя часть того материала, который дается журналом, была излагаема на языке вполне доступном местному населению. Насколько язык, понятный народу, играет важную роль в деле популяризации сведений по различным отраслям сельского хозяйства, видно, между прочим, из того успеха, который выпал на долю брошюр Чекаленка, получивших одобрение от ученого комитета Министерства земледелия и государственных имуществ. Брошюры эти были разосланы при газете “Хуторянин” и вызвали целый ряд самых благоприятных отзывов со стороны опрошенных редакцией 103 корреспондентов. Благодаря книгам Чекаленка, стало применяться крестьянами травосеяние, о котором ранее и помину не было; возник интерес к породам скота, заговорили об уходе за скотом и даже начали заниматься разведением винограда. Из этого частного примера вытекает, что одним из могучих орудий в деле поднятия экономического благосостояния крестьянства может служить популяризация необходимых сельскохозяйственных знаний на понятном и доступном населению языке.

¹ Тут і далі курсив у тексті.

Книжной терминологии для этого недостаточно. Например, под словом “луг” в Малороссии разумеют лишь низменный, заливной сенокос, под словом “пашня” понимается малороссиянином не пахатное поле или нива, а хлеб на корню или в зерне. “Пласт” – полоса земли, отрезываемая плугом при пахании, по малорусски “скиба”, “пар” – “толока”, “хоботь” – “полова”, “гумно” – “ток” и т. д., и это не только по отношению к земледелию, но и по отношению к скотоводству, сельскохозяйственной утвари, постройкам, терминологии явлений природы и проч. Значение языка как средства проведения в народные массы необходимых знаний играет в особенности важную роль в том случае, когда приходится говорить о технике производства уже установившегося и знакомого населению.

В то время, когда Россия вступила в тесное общение со всем миром, когда в экономической борьбе всякое государство напрягает все свои силы, чтобы лучше вооружить общество приобретениями цивилизации, едва ли удобно ставить препятствия для распространения научных знаний среди много миллионного народа, застывшего в давно обветшалых хозяйственных формах. Неудивительно, что при таких условиях беспристрастные наблюдатели констатируют факт слабого культурного роста малоросса сравнительно с другими народностями, живущими в России.

Современные условия как внешние, так и внутренние, ставят наше земледельческое население в исключительно невыгодное положение. Давняя, сильно обострившаяся в последнее время конкуренция хлебопроизводящих стран на всемирном рынке, невыгодные торговые договоры, а в особенности последний договор с Германией, крестьянское малоземелье и малая производительность – все вместе доводит труд земледельца-малоросса до крайнего обесценивания и истощения. А между тем на плечах земледельца лежит главная тяжесть государственного бюджета; он же питает нашу внутреннюю обрабатывающую промышленность, вывозит часть зерновых продуктов, нужных для его пропитания, за границу для уплаты по государственным займам и для поддержания торгового баланса, дает жизнь и движение всему нашему экономическому механизму. Велика его задача и в то же время тяжелы условия его жизни; необходима серьезная помощь в его хозяйственной деятельности, а прежде всего нужно ему просвещение. Малороссийское племя занимает более одной трети той обширной области, которая составляет земледельческий район России. Велико поэтому участие малороссийского хлебороба в экономических судьбах нашего отечества, велика нужда его в просвещении и нужно, чтобы оно явилось к нему в наиболее естественной и доступной его пониманию форме. Такой естественной формой является его родной язык.

Не подлежит сомнению, что от совершенного отсутствия представления о строении человека и о влиянии на него различных болезнетворных причин зависит огромная заболеваемость, смертность и вырождение, замечаемые в малорусской крестьянской среде. Пьянство, в особенности сифилис являются бичами, грозящими постепенно извратить некогда здоровую и сильную расу. В данном случае одной врачебной помощи недостаточно; необходимо дать темной массе хотя небольшие знания по анатомии, физиологии, патологии и

гигиене в кратких, но ясных и непременно научных чертах с надлежащими, где только возможно, иллюстрациями. Но последнее достижимо только в том случае, если эти необходимые знания будут предложены народу на языке ему понятном, т. е. малорусском.

Признавая вслед за Комитетом министров, что русский язык, как государственный, должен господствовать во всей России, комиссия не может умолчать о чрезвычайной важности допущения в низших школах местных языков и наречий как педагогического пособия. Нельзя ставить детей малороссов в исключительно неблагоприятное положение по сравнению с детьми великороссами, при одинаковых от них требованиях первоначальной школы. Если, как это все хорошо известно, на суде взрослые крестьяне малороссы часто очень плохо или превратно понимают речи председателя, прокурора и защитника, то что же сказать о восьмилетних детях, вступающих в чужую и мало для них понятную школьную обстановку. Если взять, например, самую распространенную учебную школьную книгу, применяемую в Малороссии так же обязательно, как и в Великороссии – “Наше родное” Баранова, именно первый год обучения в сельских народных школах с трехлетним курсом, то уже тут найдем ряд преткновений для малорусских детей, неизвестных великоруссам, найдем множество слов, или совсем не употребляемых в Малороссии, или здесь известных с другим совсем значением. Так, слова “луна”, “недиля”, у малороссов имеют особое значение, луна – эхо, недиля – воскресенье. Такие стихотворения, как пушкинское

Зима. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью, как-нибудь.
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая,
Ямщик сидит на облучке,
В тулупе, красном кушаке,

такие стихотворения украинскому ребенку совсем непонятны и требуют почти полного перевода. Более половины слов приведенного стихотворения малороссам совсем неизвестны; “дровни”, “бразды”, “пушистый”, “плетется”, “кибитка”, “облучек”, “тулуп”, “кушак” – все это для него странно и непонятно, так как он знает “кожух”, а не “тулуп”, “передок”, а не “облучек”, “пояс”, а не “кушак” и т. д. В учебнике, например, часто упоминается деревня, а в Малороссии знают только село, слободу, а под “деревней” разумеют склад лесных материалов, упоминаются часто “туча”, “волна”, “тень”, “цветок”, “мельница”, “молния”, “изба”, “рожь”, “лесная опушка”, “тропинка”, “срок”, “плоды”, и все это для украинских детей совершенно темно, так как все эти предметы носят у них другие названия: “хмара”, “хвыля”, “холодок”, “квитка”, “витряк”, “блискавка”, “хата”, “жито”, “взлисье”, “стежка”, “час”, “овоши” и т. д. и т. д. В итоге в детской голове накапливается множество невыясненных и перепутанных слов; понимание, а вместе с тем и обучение встречается с целым

рядом затруднений, и все служит одной из главных причин малой успешности народной школы среди малорусского населения. В Малороссии школа изстари пользовалась любовью народа, а как она была высоко поставлена, красноречивым свидетельством служит тот поразительный факт, что в 1732 г. нынешняя Харьковская губерния имела уже такое число школ, к какому она впоследствии еле могла подняться через сто пятьдесят лет в 1882 г., причем школы эти были созданы самим народом и содержимы на его собственные средства. Гибель народной школы в XVIII и начале XIX в. обусловлена была с одной стороны крайней регламентацией, а с другой полным устранением из преподавания родного языка.

Больнее и обиднее всего для малороссов запрещение перевода Евангелия. Малоруссы, добровольно объединившие все свои интересы с великорусским народом, не имеют права слушать и читать Евангелие на родном языке, в своей стране, где пользуются таким естественным правом все инородцы и иноверцы, в своем государстве, где в силу 45 ст. Осн[овных] зак[онов] разрешается всем народам, славить Бога всемогущего “разными языки”. Если даже допустить, что великорусский язык малороссам так понятен, как украинский, чего, однако, нет и в таком случае в приложении к Евангелию немыслимо и недопустимо какое-либо запрещение; что же сказать, при значительном различии языков, при существовании превосходного перевода Морачевского, одобренного Академией наук, и перевода Кулиша и Пулюя, обращающегося среди малорусского населения за границей? Это один из тех фактов насилия над мыслью, словом и совестью, который прежде всего не находит себе никаких оснований в коренных принципах православия. Православная церковь никогда не возражала против перевода Евангелия, вообще книг Св. Писания на какой либо из языков, доказательством чему, между прочим, может служить отправление благослужения преосвященным Николаем в Японии на японском языке и перевод на немецкий язык литургии протоиереем Мальцевым для жителей слободы Александровки в окрестностях Берлина. 23 года тому назад профессор Пулюй хлопотал о допущении его перевода Евангелия и получил отказ. В 1904 г. он обратился в Академию наук с просьбой настоять на разрешении. “В России, говорит Пулюй, слово Божье проповедуется на сорока языках, и даже монголы и татары имеют Евангелие на родных языках, и только единоверному украинскому народу оно запрещено. Согласно закону 1876 г. в России каждый, имеющий в своем доме Евангелие на малорусском языке, является преступником. Малорусского Евангелия не могут читать раненные солдаты, пролившие свою кровь за Россию, и они лишены последней, быть может, в их жизни отрады услышать слово Божье на понятном и родном языке. Это обида целой России, так как доля Украины составляет немалую часть доли всей России”.

На основании всего вышеизложенного, совет полагает, что в равной степени как для Малороссии, так и для всей России, для развития и подъема культуры населения в отношениях экономическом, умственном и нравственном, ради здоровой государственной и общественной логики, наконец, ради простого чувства справедливости необходимо:

1) Применять к малорусской литературе тот порядок, который будет применяться после ожидаемой цензурной реформы к произведениям русской литературы, не выделяя никоим образом малорусского населения, составляющего часть основного русского ядра, в разряд инородческий.

2) Предоставить полную свободу в деле перевода на малорусский язык Священного Писания, книг религиозно-нравственного содержания, вместе с тем и для церковной проповеди как в печати, так и в живом слове.

3) Признать полную законность народных чтений и бесед на малорусском языке по беллетристике и по всем отраслям научно-популярных знаний, а равным образом допускать в школьные библиотеки и народные читальни книги на малорусском языке наравне с русскими.

4) Уравнять всецело малорусскую драматическую литературу и украинскую сцену с общерусскими.

5) Допустить украинскую периодическую печать на одинаковых правах с общерусской.

6) Допускать в Россию галицко-русские периодические издания и книги к обращению наравне со всеми другими на общих основаниях.

Не касаясь вопроса о языке преподавания в первоначальной школе в малороссийских губерниях, так как этот вопрос совершенно изъят из обсуждения, совет во всяком случае находит необходимым, чтобы в начальных школах в местностях с малороссийским населением было введено обучение малороссийскому чтению и письму и чтобы представлено было право помещать в русских учебниках переводы и объяснения малопонятных для детей малороссов русских слов и выражений, равно как издавать на малорусском языке литературные хрестоматии и другие педагогические пособия.

ЛННБ ім. В. Стефаніка, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія. Опубл.: Записка по вопросу о цензуре книг на малорусском языке. – Харьков, 1905; Вісник Книжкової палати. – 1996. – № 3. – С. 3–5; № 4. – С. 3–6.

№ 232

1905 р., травня 8. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам про допущення до друку для народного читання лише “безумовно безвредних” книг українською мовою

Быстрое распространение грамотности среди сельского населения значительно увеличило в нем за последние годы и потребность в чтении. Между тем, из имеющихся в делах Главного управления по делам печати сведений усматривается, что издание народных книг и брошюр находится в руках главным образом лиц малообразованных, ведущих это дело на началах чисто коммерческих, а отчасти и лиц хотя вполне развитых, но преследующих цели не согласные с интересами и видами правительства. При таких условиях в народные массы весьма нередко проникают издания, которые, не представляя

№ 136

В. М. Соловьев

18

Циркулярно.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДѢЛЪ.

Цензурнымъ Комитетамъ и Гг. Отдѣль-
нымъ Цензорамъ по внутренней цензурѣ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

П О
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

8 Мая 1895 г.

№ 2799.

К. С. Сивид

Быстрое распространение грамотности среди сельскаго населенія значительно увеличло въ немъ за послѣдние годы и потребность въ чтеніи. Между тѣмъ изъ имѣющихся въ дѣлахъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати свѣдѣній усматривается, что изданіе народныхъ книгъ и брошюръ находится въ рукахъ главнымъ образомъ лицъ малообразованныхъ, ведущихъ это дѣло на началахъ чисто коммерческихъ, а отчасти и лицъ хотя вполнѣ развитыхъ, но преслѣдующихъ цѣли не согласныя съ интересами и видами нравительства. При такихъ условіяхъ въ народныя массы весьма нѣрѣдко проникаютъ изданія, которыя, не представляя собой достаточныхъ данныхъ къ тому, чтобы признать ихъ подлежащими запрещенію на основаніи общецензурныхъ правилъ, тѣмъ не менѣе въ массѣ малоразвитыхъ читателей далеко не могутъ представлять здоровой духовной пищи, правильно воспитывающей умъ и нравственность народа. Несоответствіе многихъ народныхъ изданій этому безусловно необходимому требованію, которое должно предъявляться къ народной книгѣ, вызываетъ необходимость особенно строгаго и внимательнаго отношенія къ этому дѣлу со стороны цензурныхъ учреждений.

Въ виду изложенныхъ соображеній, Главное Управленіе по дѣламъ печати предлагаетъ Цензурнымъ Комитетамъ и Гг. Отдѣльнымъ Цензорамъ по внутренней цензурѣ на будущее время при разсмотрѣніи народныхъ книгъ и брошюръ, какъ издаваемыхъ впервые, такъ равно и представляемыхъ для одобренія къ новому изданію, отнюдь не допускать къ печати такихъ произведеній, которыя по содержанію своему не могутъ быть признаны безусловно безвредными для народнаго чтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Главное Управленіе по дѣламъ печати считаетъ необходимымъ вѣннить Цензурнымъ Комитетамъ и Гг. Отдѣльнымъ Цензорамъ въ обязанность, въ видахъ большаго удобства контроля за народными изданіями, представлять съ наступившаго Мая въ это Управленіе по истеченіи каждаго мѣсяца особыя вѣдомости о разсмо-

Циркуляр Головнаго управління у справахъ друку цензурнимъ комитетам.
8 травня 1905 р. Док. № 232.

собой достаточных данных к тому, чтобы признать их подлежащими запрещению на основании общецензурных правил, тем не менее в массе малоразвитых читателей далеко не могут представлять здоровой духовной пищи, правильно воспитывающей ум и нравственность народа. Несоответствие многих народных изданий этому безусловно необходимому требованию, которое должно предъявляться к народной книге, вызывает необходимость особенно строгого и внимательного отношения к этому делу со стороны цензурных учреждений.

В виду изложенных соображений, Главное управление по делам печати предлагает цензурным комитетам и господам отдельным цензорам по внутренней цензуре на будущее время при рассмотрении народных книг и брошюр, как издаваемых впервые, так равно и представляемых для одобрения к новому изданию, отнюдь не допускать к печати таких произведений, которые по содержанию своему не могут быть признаны безусловно безвредными для народного чтения. Вместе с тем Главное управление по делам печати считает необходимым вменить цензурным комитетам и господам отдельным цензорам в обязанность, в видах большего удобства контроля за народными изданиями, представлять с наступившего мая в это управление по истечении каждого месяца особые ведомости о рассмотренных и дозволенных ими народных книгах и брошюрах. В ведомостях этих должны быть показываемы как название произведений, так равно и фамилия издателя, если же известно, – то и имя автора.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати *Е. Феокистов*

Скрепил: заведывающий делопроизводством, член Совета *В. Адикаевский*

Верно: за помощника правителя дел [підпис]

ЦДІАК України, ф. 1680, оп. 1, спр. 10, арк. 18. Засвідчена копія. Друк. прим.

№ 233

1905 р., раніше травня 24¹. Київ. – Доповідь Особливої комісії членів ради Київського університету про необхідність скасування усіх обмежень щодо української мови і літератури

“Ограничительные правила относительно употребления малороссийского наречия”, касающиеся ввоза в пределы России “каких бы то ни было книг и брошюр на малороссийском наречии”, “печатания и издания в империи оригинальных произведений и переводов на том же наречии”, “сценических представлений и чтений на таковом, а равно и печатания текста к музыкальным нотам”, изложенный в циркулярах Главного управления по делам печати от 18 (30) мая 1876 г.² и 8 октября 1881 г., были вызваны прежде всего опасениями сепаратических замыслов, враждебных к России и губительных для Малороссии,

¹ Датується за згадкою про даний документ у висновках міністра народної освіти, наданих Комітетові міністрів (див. док. № 236).

² Див. док. № 68.

как-то видно между прочим из отношения министра внутренних дел к министру народного просвещения от 8 июля 1863 г. за № 394¹.

Целью указанных распоряжений являлось, таким образом, ограждение и скрепление государственного единства путем прекращения литературного общения малороссов империи с заграничными единоплебниками их и посредством ограничения местного литературного движения в малороссийских губерниях.

В течение сорокалетия (с 1863 г.), в продолжение которого применялись эти ограничительные меры, они оказались несоответствующими своей цели.

Это объясняется ошибочными воззрениями, составившими исходный пункт рассматриваемых циркуляров.

Во 1-х, последние задавались подавлением известных тенденций не в строго определенных пределах и обозначениях, а во всей безграничной области мысли, чувства и слова малорусского племени. Другими словами: объектом восприятия служило не содержание книг, в котором заранее было невозможно предугадывать нежелательное направление, а самый язык, на котором имели быть написаны эти книги. Таким образом, нарушалось элементарное правило политической мудрости, по которому без строгой разборчивости не следует смешивать вопрос о языке с воззрениями политическими и религиозными. Никакими запретительными мерами нельзя искоренить литературное движение, исходящее из такого высшего и благороднейшего побуждения, как страстная любовь к родине, присущая малороссам во все века их истории, начиная с подавления их самобытности после обособления их от остальной Руси в силу тяжких исторических обстоятельств. Малорусский культ родного слова в своем первоисточнике есть не проявление духа оппозиции, а следствие векового предания и своего рода романтической привязанности к своей народности. Ссылаясь же на сепаратизм, почему, например, не воспретить польский язык в Польше, литовский в Литве, немецкий язык в Остзейских провинциях и т. д. Необходимо помнить, что сепаратистические движения, где они существуют, вытекают не из употребления местного языка, а скорее из запрещения его и из других более серьезных социальных условий и недочетов народной жизни.

Во 2-х, весьма характерно, что уже в 1881 г. была признана необходимость некоторого смягчения правил касательно “драматических пьес, сцен и куплетов на малороссийском наречии”, а также касательно “печатания на малороссийском наречии текстов к музыкальным нотам” и, наконец, относительно малорусских театров и трупп. Этим как бы уже признавалась до известной степени чрезмерность предшествовавшего распоряжения 1876 г. И действительно стеснение развития малорусской литературы, театра и отчасти вокально-музыкального репертуара являлось вопиющей несправедливостью, потому что оно задавалось подавлением сложившегося в течение целого ряда веков под влиянием природы и истории типа мышления, чувствований и художест-

¹ Див. док. № 43.

венного самовыражения многомиллионного племени, в огромной своей части добровольно воссоединившегося с остальной Русью для взаимного блага. Для малороссов язык предков – главное и почти единственное наследие, уцелевшее от всей их прошлой истории, полной глубочайшего трагизма и высоких усилий патриотизма.

Возражения против жизненности и правоспособности малорусской литературы не выдерживают критики. Толки о том, что попытка создать малорусскую литературу – лишь затея праздных людей, не имеющая никакой будущности, не заслуживают внимания. Если бы нашлись странные люди, которые стали бы писать на областном говоре, либо на искусственно созданном языке, то от их деяний никому не произошло бы вреда; они в должной мере потерпели бы наказание, неся непроизводительные затраты на печатание книг, которых никто не стал бы читать, и плачевные результаты такой деятельности прекратили бы ее лучше всяких запретительных мер. Утверждение, что малорусская литература не имеет будущности, потому что стала развиваться слишком поздно, основано не на фактическом материале, а на гаданиях и предположениях о будущем. Насколько можно судить по фактам настоящего и недавнего прошлого, гороскоп будущего представляется не столь безнадежным: за время своего недолгого существования малорусская литература обнаружила невероятные успехи, выросши и количественно и качественно. Около половины прошлого столетия один из противников малорусской литературы любил повторять острогу, что вся эта литература равняется по весу 6½ фунтам^а; в настоящее же время она заключает множество книг популярных, беллетристических и научных. Жизнь сама пробивала и пробивает бреши в суровом законе о малорусской печати: число популярно-научных изданий для народа растет: в С.-Петербурге имеется уже общество для распространения полезных книг имени Шевченко^б, выпускающее в свет значительное количество книг для народа, и Министерство земледелия широко допускает его издания в обращение; одновременно растет и заграничная малорусская литература, и недавно Академия наук дала место в своем издании по славистике трудам профессора Грушевского на малорусском языке^в, как на равноправном с остальными. Словом, малорусские писатели насчитываются сотнями. Будет ли этот рост продолжаться в будущем в той же прогрессии, или остановится, неизвестно – ответ на это может быть дан лишь со временем, но во всяком случае запретительные меры могут лишь усилить рост запрещенной литературы и при том, к крайнему прискорбию, приучить любителей этой литературы искать удовлетворения своей культурной потребности за границами своего отечества. Возникает вопрос: возможно ли узаконить то положение, какое создается самой жизнью, неизменно движущейся вперед. Возможно ли допустить малорусский язык в качестве наиболее доступного для народных популярных изданий. Как выше сказано, практика жизни решила этот вопрос уже ранее нас. Вопрос же о том, можно ли допустить малорусский язык, как орган научной мысли, нужна ли малорусская литература для интеллигенции, странно решать запретом, пока есть люди, желающие писать и читать книги на этом языке. Если, действительно, существование малорусской литературы окажется из-

лишним, то оно само собою прекратится: никто не станет писать и издавать книги, которые останутся без читателей и покупателей, если же малорусская интеллигенция нуждается в своей особой литературе, то никакое запрещение не в состоянии уничтожить этой нужды. Оно лишь вносит мотивы ненужного раздражения и ставит любителей литературы в несколько унижительное положение, подчиняя их культурные потребности усмотрению посторонней опеки. Следует предоставить автору писать на том языке, на котором он пожелает; нельзя накладывать пут на человека в области его священнейшего права, — права мыслить.

В третьих, ограничительные меры, ставящие малороссийский язык в исключительное положение по сравнению с другими второстепенными языками империи, не могут быть оправдываемы требованиями государственной пользы потому, что те вредные идеи, какие, по предположению составителей рассматриваемых циркуляров, могли бы находить выражение на малорусском “наречии”, почти с таким же удобством могли бы быть распространяемы в Южной Руси и путем общерусского литературного языка, достаточно понятного части народа, получившей образование в школах. Что же касается духовного насильственного нивелирования граждан русского государства, то нельзя думать, чтобы оно могло привести к благотворным результатам. Наоборот, поощрение интеллектуального и художественного развития малорусского племени посредством предоставления свободы развитию его литературного языка и словесности, разрешение обращения Св. Писания на малорусском языке могли бы послужить к пользе русского государства, содействуя подъему просвещения народной массы: лишь при помощи литературы на родном языке, являющемся обычным выражением мышления и душевных эмоций малороссов, сельский люд Южной Руси мог бы вполне приобщиться к общерусской духовной культуре и заинтересоваться ею, что составило бы основу дальнейшего самоусовершенствования его. Нечего здесь доказывать, что расширение народного образования является одной из самых насущных потребностей нашего отечества.

Те крайние увлечения своим родным, которые неизбежно были присущи некоторым интеллигентным малороссам вследствие высшего напряжения чувства любви к родине, подвергавшегося угнетению, быть может растворились бы в море общерусской гражданственности, как утопают во французской культуре усилия фелибров^Г, ревностных поборников возрождения местной литературы провансальского юга.

Стеснение же таких естественных стремлений породило и порождает справедливое недовольство и даже негодование множества интеллигентных лиц племени, подвергаемого такой нивелировке, и поселяет за границей весьма нелестное мнение о государстве, прибегающем к таким мерам.

И, в-четвертых, в самом деле нельзя не признать этих мер не соответствующими современному уровню понятий о задачах государства. В истории цензуры всех стран подобное принятому у нас отношению к малорусской литературной речи встречается довольно редко и при том в довольно старое время: в Австрии XVII в. при Фердинанде III и его приемниках немцы так относились к чешскому языку, англичане так преследовали ирландский язык при Кромвеле,

духовная польская цензура в XVII ст. истребила десятки тысяч русских летописей и книг потому только, что они были написаны по-русски и, по мнению духовных цензоров, были не нужны. Для установления правильного отношения к малорусской литературной речи надлежит сравнить ее положение у нас с правовым положением литератур на второстепенных языках и диалектах в остальных просвещенных государствах. При этом сравнении должно не касаться Североамериканских Соединенных Штатов, где переселенцы из разных стран Европы сохраняют родной язык в своей литературе, и можно оставить в стороне Англию, Бельгию и Швейцарию, где свобода языков соблюдается вполне. В Испании язык басков, “escuaro”¹, беспрепятственно употребляется в “fuogos’ax”¹. Относительно всех этих стран можно ограничиться замечанием, что полная свобода литературного употребления языков, занимающих там второстепенное место, нисколько не ослабляет этих государств в политическом отношении и не разрушает того, что составляет основу государственной крепости полной солидарности и единения в основных стремлениях. Там местный патриотизм прекрасно уживается с полной преданностью интересам всей великой родины. Напротив, в Ирландии английское давление, приведшее к утрате родного языка большинством ирландцев, не ослабило стремления к обособлению и независимости. В занимающем нас здесь вопросе особый интерес представляют примеры Франции и Германии, где государственная централизация напоминает нашу. Во Франции литература провансальского юга, родственная французской по языку, воскресла к новой жизни почти одновременно с малорусской, и у некоторых представителей ее замечается неприязненность ко всему носящему северно-французский отпечаток, но тем не менее она не подвергается ограничениям. То же можно сказать о литературе в Шлезвиге, присоединенном к Пруссии, а равно о нижне-немецкой литературе. Не подпадает стеснениям развитие местных литературных языков и в Австрии, в частности – в Восточной Галичине, населенной малороссами. Недоброжелательное отношение к русскому государству, проявляющееся в части галицкой прессы, быть может ослабело бы и не находило бы отклика у наших малороссов с устранением тех стеснений, которые обязаны своим происхождением рассматриваемым циркулярам.

Поддерживать далее эти стеснения значило было продолжать оскорбления, наносимые одному из самых священных и заслуживающих уважения чувств 25-миллионного племени, населяющего юг русского государства. Устранение же указанных ограничений нисколько не было бы покушением на подрыв первенствующего значения, подобающего общерусскому литературному языку, который навсегда останется живой и истинной эмблемой нашего национального единства.

На основании всего сказанного можно прийти к следующим выводам:

1) Вопросы о языках и литературах не следует смешивать без самой строгой разборчивости с вопросами политическими (на это давно уже было указано бывшим министром народного просвещения Головинным).

¹ Місцева назва мови басків, якою говорили іспанські низи.

2) С этической и исторической точки зрения стеснение малорусской литературы является несправедливым.

3) Ограничительные меры по отношению к ней не могут быть оправдываемы и требованиями государственной пользы и

4) не соответствуют современным занятиям о задачах государства.

5) Практика жизни обнаружила живучесть малорусской литературы и ее насущную необходимость.

6) Само собою разумеется, что во главе книг, удовлетворяющих высшим потребностям духа, должно быть поставлено Св. Писание на народном языке.

7) Просвещение и экономическое преуспеяние народа необходимо нуждаются в наиболее доступной его пониманию популярной литературе.

8) Равным образом научная и публицистическая литература на том же народном языке не может быть предметом воспрещения, поскольку она не нарушает общих законов о печати.

Подлинный подписали профессоры:

Н. Дашкевич

В. Перетц

Н. Цытович

Г. Павлуцкий

А. Лобода

М. Запольский-Довнар

П. Армашевский

Верно: делопроизводитель

ЛННБ ім. В. Стефаніка, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.

№ 234

**1905 р., раніше травня 24¹. Санкт-Петербург. –
Доповідь Комісії Петербурзької академії наук у справі про відміну
утисків українського друкованого слова, створеної за ініціативою
Комітету міністрів у зв'язку з виконанням указу Миколи II
від 12 грудня 1904 р., із висновком про необхідність збереження мови,
звичаїв, пісень, переказів українського народу**

Министр народного просвещения отношением от 30 января с. г. № 2076 сообщил августейшему Президенту академии нижеследующее:

Комитет министров, приступив в заседаниях 28 и 31 декабря 1904 г. к обсуждению способов исполнения предначертаний пункта 8-го именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г.², об устраниении из постановлений о печати излишних стеснений и о постановлении печати в точно определенные законом

¹ Датується за згадкою про даний документ у висновках міністра народної освіти, наданих Комітету міністрів (див. док. № 236).

² Див. док. № 222.

пределы, между прочим, остановился на высочайших повелениях 18 (30) мая 1876 г.¹ и 8 октября 1881 г., коими запрещены печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности. Постановления эти, в свое время не опубликованные и в Свод Законов не вошедшие, имели в виду воспрепятствовать развитию украинофильского движения, направленного к литературному, а быть может за сим даже и политическому обособлению Малороссии от остальной России. Указанное движение, бывшее всегда явлением наносным, ныне не представляет, по-видимому, сколько-нибудь серьезной опасности; между тем, применение изъясненного запрета, значительно затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений путем издания на понятном для крестьян наречии книг, препятствует повышению нынешнего низкого культурного его уровня.

Такое соображение, казалось бы, должно побуждать высказаться за желательность отмены этой меры, стесняющей свободу печатания на малороссийском наречии различных книг. Но для разрешения сего вопроса в виду Комитета не имеется достаточных фактических сведений. Поэтому и в видах вящей осторожности Комитет находит полезным, для большего разъяснения практического значения упомянутого запрета и проистекающих из него неудобств, предоставить министрам народного просвещения и внутренних дел, по принадлежности, запросить мнения по сему вопросу императорской Академии наук и императорских университетов Киевского² и Харьковского³, а равно киевского, подольского и волынского генерал-губернатора и представить таковые в непродолжительном времени, вместе со своим по оным заключениям, на уважение Комитета.

Останавливаясь на этом выводе, Комитет, вследствие возникшего в среде его вопроса, считает необходимым оговорить, что настоящим положением отнюдь не имеется ввиду сколько-нибудь затрагивать вопрос об языке преподавания в народных школах малороссийских губерний.

По всем приведенным основаниям, Комитет положил: поручить министрам народного просвещения и внутренних дел – по предварительном сношении с киевским, подольским и волыньским генерал-губернатором, императорскими Академиею наук и Киевским и Харьковским университетами – пересмотреть высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. об ограничении печатания книг на малорусском наречии и свои заключения по сему предмету, вместе с соображениями означенных лиц и учреждений, внести на рассмотрение Комитета министров.

Такое положение Комитета министров удостоилось в 21 день января высочайшего его императорского величества утверждения.

Доводя о сем до сведения, имею честь обратиться к Вашему императорскому высочеству с просьбою поручить Конференции Академии наук обсу-

¹ Див. док. № 68.

² Див. док. № 233.

³ Див. док. № 231.

дить означенный вопрос и соображения ее сообщить Министерству народного просвещения”.

Для рассмотрения этого вопроса была образована Комиссия, под председательством академика Ф. Е. Корша, из академиков: А. С. Фаминцина, В. В. Заленского, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилевского и С. Ф. Ольденбурга.

Императорская Академия наук, ознакомившись с докладом Комиссии, не может не признать, что цензурные стеснения малорусского печатного слова, начавшиеся при том только с 1863 г., не были вызваны какими бы то ни было угрожающими единству России стремлениями малорусского народа или его интеллигенции. Равным образом, ничто не указывает на существование таких стремлений и теперь. Правительственные распоряжения, поразившие свободное развитие малорусской литературы, во-первых, помешали до сих пор определиться взаимным отношениям великорусской и малорусской литератур, которые, как в этом убеждена Академия наук, не разойдутся ни в целях, ни в направлениях; во-вторых, вызвали неестественный рост малорусской литературы в Галиции, литературы, в значительной степени враждебной России. В настоящее время эти правительственные распоряжения служат источником сильного и вполне естественного недовольства образованных слоев малорусского населения России. Кроме того, они нарушают интересы сельского населения Малороссии: распространение книг духовно-нравственного, воспитательного, общеобразовательного содержания задерживается отчасти полным незнанием, отчасти недостаточным знакомством малорусов с великорусским книжным языком. Все это весьма невыгодно отражается на интересах всего русского народа.

Академия наук не может не заметить, что русское законодательство с того самого времени, как был составлен первый цензурный устав^а, держалось всегда того правила, что печатное слово может быть предметом преследования или какого бы то ни было воздействия только за внутренний смысл того, что им выражено: “цензура в суждениях своих принимает всегда за основание ясный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону” (Ценз[урный] уст[ав], ст. 105). Внешняя оболочка мысли, способ выражения ее, слова, буквы изъяты от цензорских и всяких иных усмотрений (ср. там же, ст. 106 и 111). Только сцепление несчастных случайностей могло поэтому подвести под запрет целый язык; только несчастная случайность могла побудить правительство к преследованию целой письменности и к принятию на себя заботы о малорусском правописании. Академия наук убеждена в том, что распоряжение 1863 г.¹ и высочайшие повеления 1876 и 1881 гг. не могут быть согласованы с основными началами русского законодательства. А между тем существование высочайших повелений 1876 и 1881 гг. не может не стать предметом величайших беспокойств законодателя, после выраженного им в именном высочайшем указе 12 декабря 1904 г. требования об охране полной силы закона. Предначертания законов 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября

¹ Див. док. № 44.

1881 г., вопреки точному разуму основных государственных законов, не были рассмотрены в Государственном Совете, а состоявшиеся высочайшие повеления, вопреки тем же законам, не были обнародованы Правительствующим Сенатом; подобное отступление от установленного законом порядка составления и обнародования законов устраняет в народе, на который распространяется действие законов 1876 и 1881 гг., уверенность, что они, при предварительном их обсуждении, привлекли к себе в полной мере внимание законодателя и составляют проявление действительной и непосредственной монаршей воли (ср. извл[ечение] из Журн[ала] Ком[итета] мин[истров] от 21 и 24 дек[абря] 1904 г. и 4 янв[аря] 1905 г.).

В силу всех этих соображений императорская Академия наук полагает, что необходимо ныне же отменить высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г., а также удостоившееся высочайшего одобрения распоряжение министра внутренних дел 1863 г., послужившее для тех повелений основанием.

Вместе с тем все вышеизложенное привело Академию наук к убеждению, что малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке.

Доклад Комиссии по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова

Комиссия по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова, под председательством академика Ф. Е. Корша, в составе академиков В. В. Заленского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, А. С. Фаминцина, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, всесторонне обсудив вопрос, предложенный Академии наук Комитетом министров, пришла к нижеследующим заключениям, изложенным в предлагаемой вниманию Общего собрания записке. Во время своих занятий Комиссия получила несколько ценных сообщений, которыми она, однако, успела воспользоваться лишь настолько, чтобы вставить в свою записку ссылки на них в соответствующих местах, но, находя в этих сообщениях много важного материала, признала полезным присоединить их к записке в виде приложений⁶.

Первые известные нам попытки употребления малорусской речи в письменности относятся к XVI в., в котором можно указать хотя бы на Пересопницкое Евангелие, написанное, впрочем, далеко не на чистом языке. Но в этом случае важна не столько чистота народной речи, сколько сознательное стремление переводчиков (так как на первый раз дело шло лишь о “перекладах”) к передаче текста Св. Писания и других книг духовного содержания в форме, доступной пониманию со стороны большинства. Если применение народного языка к литературным потребностям не совершилось более последовательно и широко не только в XVI, но и в XVII в., то старания переводчиков и писателей, обращавшихся не к одним ученым трудам, отчасти намеренно, отчасти мимовольно, парализовались наличностью общепринятого письменного языка, так называемого славяно-русского, хотя в то время уже подвергшегося в России

сильному влиянию языка местного в более или менее пестрой смеси элементов северных, южных и западных, разнообразящихся по происхождению памятников. Естественно, что эти народные стихии мало-помалу все более вторгались в этот книжный язык и, разлагая его различным образом, повели к обособлению книжного языка юга от такого же языка севера. Образчиками этого южного языка могут служить в XVII в. не только многочисленные произведения богословской литературы, особенно проповеди (казанья), но также и книги религиозно-полемические и даже богослужебные, принадлежащие перу преподавателей и бывших учеников Киево-Могилянского коллегиума. К элементам малорусским присоединялись на юге нередко и западно-русские, т. е. отчасти белорусские, отчасти северно-малорусские, из которых еще в XIV в. сложился канцелярский язык Литовского княжества, и также польские, входившие в письменность из переводов Св. Писания и других религиозных книг с языка польского и из судебных и других официальных документов Правобережной Украины. Из последнего источника довольно много польщины проникло и в чисто народную речь, которая, несмотря на упомянутые уже усилия некоторых популяризаторов, играла тогда значительно более подчиненную роль, чем на севере, потому что малорусская интеллигенция XVI и XVII вв. состояла, по большей части, из членов казачьей старшины, получавшей воспитание полупольское, а иногда и прямо польское и черпавшей отсюда аристократические понятия, резко отделявшие ее от простого казачества (ср. приложение № V)¹.

Описанный выше малорусский книжный язык во второй половине XVII в. был занесен и на север малорусскими учеными богословами, переселившимися в Москву, где их западничество нашло почву, до некоторой степени подготовленную близкими сношениями некоторых бояр с поляками в смутное время, и совершенно естественно, что, напр., Сильвестр Медведев, писал так же, как его учитель Симеон Полоцкий, из произведений которого он даже позволял себе самые бесцеремонные позаимствования. Но это влияние было лишь поверхностно и кратковременно; в некоторых слоях общества, особенно в тех, которые держались старины, оно встретило себе решительный отпор, как соблазн, основанный на “единоумии с папою и с римским костелом”, потому что многие из тогдашних московских людей плохо отличали несколько ополяченных малорусских грамотеев от поляков. По этой причине, ради охраны “правоверия” и единства “восточной православной церкви” при Петре Великом было запрещено Св. Синодом печатать церковные книги “несогласно с великороссийскими печатями”, “дабы не могло в таких книгах никакой в церкви восточной противности произойти”. Потому же в 1769 г. Св. Синод не только не разрешил печатание южно-русских букварей, но предписал отобрать уже находящееся на руках, так как буквари того времени рассматривались как церковные книги и печатались “благословением всего освященного собора”. От духовенства исходило и усиление великорусского элемента в преподавании Киевской духовной академии, настоятельно проводившееся ректором Самуилом Миславским и вполне удавшееся под влиянием уже довольно

¹ Тут і далі див. коментар до документа.

значительной в то время великорусской письменности, язык которой в конце XVIII в. совершенно вытеснил собою уже вымиравший славяно-русский. Вообще же малорусская письменность не подвергалась в XVIII в. никаким стеснениям, а малорусская народная песня пользовалась во второй его половине широкой распространенностью в Москве и в Петербурге, как видно, напр., из тогдашних песенников. Правда, из того времени мы не знаем никаких малорусских письменных памятников, кроме комических интермедий и виршей различного содержания – поздравительных, сатирических, любовных, – но причина этого заключается лишь в указанном выше взгляде на малорусский язык, как на речь простонародную, недостойную допущения в литературу и неспособную служить ей орудием, – обстоятельство, вследствие которого мы не находим просторечия и в великорусской письменности помимо комедии.

Первой серьезной попыткой употребления чисто малорусского языка для литературных целей, впрочем серьезной больше по объему, чем по содержанию, была “перелицеванная” “Энеида” И. П. Котляревского, изданная в 1798 г., за которой уже в XIX в. последовали его же комедии: “Наталка-Полтавка” и “Москаль-чарівник”. В этих комедиях обращает на себя внимание, между прочим, насмешливое отношение автора к тому малорусско-польско-великорусскому языку украинских канцелярий, на котором написаны в начале XVIII в. и некоторые произведения отнюдь неофициального характера, напр., исторические. Следует отметить также его глубокую симпатию к малорусской народности и к малорусскому языку, которым он воспользовался не только для этих произведений, более или менее комических, однако не лишенных и трогательных черт, но и для “Оды до князя Куракина”. Таким любовным отношением к малорусской народности в ее чистом неподдельном виде, какую она проявляется в “хлопе”, Котляревский резко отличается от прежних деятелей малорусской письменности и уж по этой причине должен быть признан первым украинским “народовцем” и отцом малорусской литературы, и не только беллетристической, а и научной, так как он оставил рукописные заметки о некоторых малорусских обычаях. Его пример обратил внимание земляков на особенности украинской народности, особенно в словесных ее произведениях, и вызвал много произведений в стихах и в прозе, написанных по-малорусски и проникнутых сочувствием к простому народу с его этнографическими особенностями. Первым трудом по собиранию украинского песенного материала был сборник князя Цертелева, вышедший в 1819 г. За ним последовали сборники Максимовича, Метлинского и длинный ряд других, не прерывающийся до наших дней. Из писателей этого направления можно назвать Квитку, превосходного рассказчика, соединившего в себе характеристические черты малорусского духа – юмор и чувствительность, Петра Артемовского-Гулака, автора остроумных стихотворений, Гребенку, писавшего повести и стихи, баснописца Глебова. У Квитки мы находим и попытку к беседе с простым народом на его языке о важных для него вопросах, нравственных, общественных и экономических, это – его “Листы до любезных земляков”, числом 4. Вообще Квитка был уже вполне сознательным народолюбцем или, как бы сказали о нем, если бы он жил позже, украинофилом (ср. приложение № III), не только любившим

свой народ, но и стремившимся к его просвещению без утраты отличающих его особенностей. О малорусском языке он пишет Максимовичу следующее: “Мы должны пристыдить и заставить умолкнуть людей, с чудным понятием гласно проповедующих, что не должно на том языке писать, на коем 10 миллионов говорят, который имеет свою силу, свои красоты, неудобноизъяснимые на другом, свои обороты, юмор, иронию и все как будто у порядочного языка”. Квитка был родом из Харькова, Артемовский-Гулак был профессором и потом ректором Харьковского университета, где к занятиям малорусским языком поощряли также Срезневский, в качестве профессора славянских наречий, Метлинский, бывший тогда адъюнктом, страстный любитель всего малорусского и собиратель малорусских песен, и Костомаров, занимавший там скромную должность субинспектора. В сороковых годах интерес к малорусской народности вместе с Метлинским и Костомаровым перешел из Харькова в Киев, где в 1846 г. образовалось Кирилло-Мефодиевское братство под председательством Костомарова с участием Билозерского, Николая Артемовского-Гулака, Навроцкого, к которым несколько позже присоединились Маркович (впоследствии муж известной писательницы Марка Вовчка) и др. Украинофильство этого общества носило характер демократическо-освободительный, выразившийся в борьбе с крепостным правом, и опиралось на панславистические основы, так как члены его мечтали о единении между славянскими племенами, среди которых они требовали самостоятельного положения и малорусам. Но правительство признало такие мечтания политически опасными и более или менее тяжко покарало его членов и даже кое-кого из близких их знакомых, напр., Кулиша и Шевченко. Что касается великорусских литераторов, то одни из них не обратили на своих малорусских собратьев никакого внимания, другие же не только встретили их приветливо, но и уделяли им место в своих изданиях. Так, статья Квитки против Максимовича о малорусском правописании, впрочем писанная по-великорусски, появилась в “Маяке”^в, а его малорусские повести: “Салдацькій патрет” и “Божі дити” помещены в “Утренней звезде” и в “Утренней заре”^г; несколько “Баек” Гребенки было напечатано в “Утренней звезде”, а его перевод “Полтавы” Пушкина – отчасти там же, отчасти в “Московском телеграфе”^г. Свой альманах малорусских произведений разных авторов Гребенка собирался выпускать частями при “Отечественных записках”^д Краевского, но встретил препятствие в Белинском, заведывавшем отделом литературной критики. Отношение цензуры к малорусской письменности было тоже, что и к великорусской. “Байки” Глебова нашли себе место даже в официальных “Черниговских ведомостях”. Итак малорусы, как народники и демократы, в начале XIX в. до 40-х годов его естественно встречали себе сочувствие только у тех из великорусских литераторов, которые были наиболее свободны от западническо-аристократического оттенка, свойственного значительной части великорусской литературы 20-х, 30-х и начала 40-х годов, т. е. у тех, которые слыли у своих противников, и отчасти справедливо, за глашатаев реакций. Этим объясняется презрительный и даже враждебный взгляд на них западников, выразившийся особенно резко в незаслуженном и крайне одностороннем отзыве Белинского по поводу сборника “Ластівка”, изданного

Гребенкою в 1841 г.: “Хороша литература, которая только и дышет, что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума”! И сам ученый издатель и комментатор Белинского, С. А. Венгеров, объясняет этот презрительный отзыв знаменитого критика его “безсознательно-пренебрежительным отношением к “мужицкому” и простонародному”, которое замечается у него и в других случаях. Этот аристократический налет, сказывавшийся в великорусской литературе вплоть до 50-х годов, не был, конечно, чужд и малорусской интеллигенции, считавшей в своих рядах много потомков казачьей старшины, но никогда не выражался на малорусском языке именно потому, что эти аристократы, истинные и самозванные, тянули к своим великорусским товарищам и вменяли себе в обязанность презрение к простонародной речи, которой некоторые из них кстати и не знали. Потому в деле демократизма малорусская литература лет на 50 обогнала великорусскую. Отсюда и сравнительная близость старших малорусских писателей к тем из великорусских литераторов, которые были на худом счету у московских и петербургских либералов. Но в действительности малорусская литература до половины 40-х годов отличалась от великорусской именно только своим глубоким, последовательным демократизмом, что вполне понятно, так как малорусская народность была тогда представляема почти только низшими сословиями; а в других своих стремлениях и в составе своих деятелей украинская письменность была также разнообразна, как великорусская. Работниками на ее ниве являлись люди самых различных направлений и состояний: Котляревский – офицер, решительный монархист и консерватор, Квитка – помещик, державшийся того же образа мыслей, Петр Артемовский-Гулак – профессор русской истории и также отнюдь не отличавшийся вольнодумством, Гречулевич (проповеди которого во втором издании были приветствованы “Русскою беседою”, органом московских славянофилов конца 50-х годов) – священник, искренне заботившийся о духовном просвещении своей паствы, которая говорила только по-малорусски, и т. д. Гроза, разразившаяся над Кирилло-Мефодиевским братством приблизительно таким же образом, как над кружком Петрашевского, показала великорусским либералам, что украинцы – не сплошь невежественные и косные мужики и любители этих мужиков со всею их темнотою, а правительство усмотрело в намерениях братства признак того, что вредные учения проникли и в эту, до тех пор, как оно думало, безразличную среду, и даже преувеличило значение этого открытия. Но на деле и Кирилло-Мефодиевское братство не было таким характеристическим явлением, по которому представлялось бы возможным определить отличительные черты тогдашнего крайнофильства: сущностью этого направления было просто литературное и народно-воспитательное движение южной ветви русского народа, сознавшей себя, как этнографическую величину, особую от ветви северной, имевшую свое самостоятельное прошлое и тем приобретающую право на развитие не только тех свойств, которыми она примыкает к русскому племени вообще, но и своих отличий от политически господствующей его части, точно так же, как эта господствующая часть развивает свои отличия от своих южных соплеменников, – движе-

ние, успевшее уже кое-что создать на пользу южно-русского народа, а следовательно и на пользу всего русского племени.

После сказанного понятно, сколько жизни и энергии должно было внести в деятельность поборников малорусской народности то пробуждение всего русского общества, которым отмечается вторая половина 50-х годов. Все то, о чем еще недавно едва смели мечтать передовые русские люди, казалось, готово было осуществиться. Начались толки о близком освобождении крестьян. Если ожидание этого великого правительственного акта возбуждало самые светлые и далеко идущие надежды среди великорусов, то каково же было настроение народа украинского, и в его деятелях, всецело преданных демократическим идеалам, и в крестьянской массе, еще помнившей свободу, которая была отнята у нее всего сто с небольшим лет тому назад? И вот к 60-м годам мы видим небывалое оживление в украинской литературе. Много книг разнообразного содержания на малорусском языке стало появляться не только на Украине, но и в Москве, в Саратове, особенно в Петербурге. Так, в 1857 г. явились первые повести Марка Вовчка⁶, изображающие печальное положение украинского простонародья, преимущественно крепостных, драматические произведения Ващенко-Захарченка, сборник Николая Гатцука “Вжинок рідного поля”, напечатанный в Москве, в типографии Каткова, выдуманною собирателем азбукою, которую он предложил и в своей позднейшей книжке (1863 г.) “Українська абетка”. Появившийся в том же 1857 г. по-великорусски исторический роман Кулиша “Чорна рада” (в “Русской беседе”) был напечатан и по-малорусски в 1859 г., когда вышел и “Малорусский литературный сборник” Д. Л. Мордовцева и др. С 1860 до 1863 гг. включительно издано несколько дешевых книжек для просвещения простого народа: буквари (“граматки”), как “Домашня наука” Шейковского, сведения о космографии и естественных науках, как “Дещо про світ Божий” и т. п., и сам Катков собирал деньги на такие издания. В 1861 и 1862 гг. издавался научно-литературный журнал “Основа” под редакцией Белозерского. В том же 1861 г. было официально поручено Кулишу перевести на малорусский язык “Положение о крестьянах”⁶. Можно было ожидать полного расцвета малорусской письменности во всех родах, выработки единого малорусского литературного языка, осмысленного первоначального обучения малорусского простого народа посредством родной его речи...

Правда, в это время на горизонте внутренней политики собирались все более и более грозные тучи, из которых можно было ожидать грома, но не в сторону Малороссии. А между тем эта гроза неожиданно-негаданно оборвалась отчасти и на нее. Для объяснения этого странного “похмелья во чужом пиру” следует возвратиться от 1863 г. на несколько лет назад. В то самое время, как Россия готовилась к освобождению крестьян, Польша мечтала об освобождении из-под русского ига, и польские помещики Правобережной Украины задумали воспользоваться этими ожиданиями для целей польского дела, убедив правительство, что освобождение крестьян пойдет удачно лишь тогда, когда они будут достаточно просвещены, и таким путем испросив разрешение на устройство деревенских школ при помещичьих домах. Образовалось в Киеве

тайное школьное общество для распространения польщизны в крестьянской среде. Киевские студенты из малорусов ответили на эти затеи в 1859 г. устройством воскресных и других частных низших школ, к которым вскоре присоединилось народное училище в Белой Церкви, открытое по почину о. Лебединцева, законоучителя тамошней гимназии, впоследствии протоиерея Софийского собора, поборника употребления малорусского языка в обучении простого народа и в проповеди и перевода Св. Писания на этот язык. В этих школах преподавание велось как по малорусским, так и по великорусским книжкам. Поляки пустили в ход обвинение учителей этих школ в возбуждении крестьянства к мятежу, обзывая их при этом хлопоманами, – кличкой, применявшейся впоследствии к крайнофилам и некоторыми великорусскими охранителями, хотя она была изобретена польскими помещиками для обозначений своих-же демократов. Попечитель Киевского учебного округа Н. И. Пирогов, подсмеивался над этими доносами, выводя из них лишь то, что, значит, школы идут хорошо, но администрация вдалась в обман, вследствие чего получались такие странные явления, как, напр., то, что Кулишева “ГраMATка”, свободно продававшаяся на левом берегу Днепра, была воспрещена на правом. Невероятно, но верно, что поляки в борьбе с украинскими воскресными школами нашли себе пособников среди высшего киевского духовенства. Совокупными усилиями этого странного союза был вытеснен из Киевского университета ревностный приверженец воскресных школ, популярный между русскими студентами профессор русской истории Павлов, состоявший по назначению Пирогова инспектором этих школ, но навлекший на себя неприязнь киевского, впоследствии с.-петербургского митрополита Исидора своим свободомыслием, которое позволило и полякам ославить его безбожником и космополитом. Как бы для того, чтобы усугубить противоестественность этого похода против малорусской народной школы, к числу врагов ее присоединилась и редакция еврейской газеты “Сион”^ж, пустившая впервые обвинение украинцев в “сепаратизме”. Это словечко было немедленно подхвачено Катковым и, к сожалению, Иваном Аксаковым. К этому времени, в 1862 г., подоспели петербургские пожары, которые Катков приписал в значительной мере воскресным школам. Вследствие такого извета эти школы были закрыты по всей России, и к 1863 г., когда вспыхнуло польское восстание, в Юго-Западной Руси народное образование оказалось почти всецело в польских руках. Правда, в 1862 г. еще держалась русская школа в Белой Церкви, и митрополит киевский Арсений предписал священникам своей митрополии завести приходские школы, но в то время, как и теперь, эти училища значились больше на бумаге, а где и были, едва влачили жалкое существование. Однако петербургские крайнофилы тем менее падали духом, что нашли энергического защитника украинского народного образования в лице министра народного просвещения Головнина, назначенного по рекомендации умного, просвещенного и либерального великого князя Константина Николаевича. Головнин решительно стоял за допущение малорусского языка в низшие школы и за распространение Евангелия в малорусском переводе, который и был пред тем представлен Морачевским правительству для разрешения. С целью приготовления народных учителей в Киеве была

открыта “Временная педагогическая школа”, в которой большинство преподавателей, и при том добровольных и бесплатных, состояло из студентов, учивших недавно в воскресных школах, но устройство сельских школ, мысль о которых была сочувственно встречена крестьянством, не могло состояться без содействия помещиков, а на него, конечно, нельзя было рассчитывать. Издание малорусских книг продолжалось по-прежнему, и некоторые из украинофилов добивались даже введения малорусского языка в украинские училища уже не как вспомогательного, а как главного, и в поддержку этим требованиям в “Журнале Министерства народного просвещения”³ была напечатана статья Лавровского о самостоятельности малорусского языка (“Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями”⁴). Однако старания Головнина все чаще разбивались о противодействие министра внутренних дел Валуева и Св. Синода с первоприсутствующим митрополитом Исидором во главе. В письме к Головнину от 18 июля 1863 г.¹ Валуев возражает против его заступничества за права малорусского языка тем, что будто бы такого языка и нет, а называют малороссийским тот же русский язык, лишь испорченный польским, и что замыслы малорусов не только совпадают с намерениями поляков, но и чуть-ли не вызваны польскою интригою. Если бы не были известны подлинные даты тогдашних событий, трудно было бы поверить, что это сказано через полгода после появления польских мятежных шаек. При сопоставлении доносов тех самых поляков, которые тогда уже вполне раскрыли свои карты, невольно вспоминаются знаменитые слова ксендза в комедии Бомарше: “Клевещите, клеветите: из этого всегда что-нибудь да останется”. Но весьма вероятно, что мысль о связи малорусского литературного движения с политическим польским внушена не деятелями будущего восстания, что было бы странно, а дело не обошлось без участия таких лиц, которые близко знали еще незадолго до того модные среди украинских поляков “балагульство” и “козакофильство”, состоявшие во внешнем подражании малорусским крестьянам и прежним казакам и отразившиеся в произведениях Мальчевского, Залесского, Чайковского (Садык-паши) и особенно – Тимка Падуры, но не поведшие ни к малейшему сближению между польскими помещиками и их малорусскими крепостными. Как бы то ни было, враги духовной самостоятельности малорусского племени, и чужие и свои, добились того, что на малорусскую письменность обрушился тяжкий удар. Любопытно, что непосредственной причиной его было не какое-либо неблагоприятное сочинение на малорусском языке, а упомянутый выше перевод Евангелия, тщательно, благоговейно и умело исполненный инспектором Нежинского лицея Филиппом Семеновичем Морачевским, смотревшим на свой труд, как на богоугодный подвиг. Когда этот перевод, горячо одобренный и рекомендованный Академией наук, поступил на благословение Св. Синода, оттуда он был послан для оценки и заключения епископу Калужскому Иакову Миткевичу, шефу жандармов князю Долгорукому и киевскому генерал-губернатору Анненкову. Из них первый сначала склонялся к одобрению труда Мо-

¹ Див. док. № 43.

рачевского, но потом, уступив посторонним влияниям, объявил его излишним при великорусском переводе, понятном будто бы всякому малорусу, второй отозвался умеренно и неопределенно, третий признал его “опасным и вредным” потому, что существование особой малорусской литературы, дозволение которого вытекает из дозволения Св. Писания на малорусском языке, повлечет за собою отторжение Малороссии от Российской державы (чем, сколько известно, повторил доводы своего предшественника, Васильчикова). Нечего и прибавлять, что Св. Синод не дал своего благословения на обнародование перевода Морачевского. Но дело не ограничилось этим отказом. Мысль, высказанная Анненковым, вошла уже в обиход некоторых правительственных сфер, и 20 июня 1863 г. состоялось распоряжение министра внутренних дел¹, удостоившееся высочайшего одобрения, о приостановке печатания книг религиозных и учебных на малорусском языке, так что применение этого языка, как и сказано прямо в этой бумаге, оказалось разрешенным лишь для изящной словесности. Тщетны были протесты Головнина, Валуев отвечал на них упомянутым выше письмом, а его распоряжение было вскоре подтверждено путем соглашения между ним и шефом жандармов (об этом узаконении относительно малорусской литературы и о последовавших за ним ср. приложения I и VIII).

Украинская литература, полная надежд на лучшее будущее, была разом пришиблена: ее деятелям, несмотря на разнообразие их призваний, оставалось довольствоваться писанием безвредных, но и бесполезных рассказиков и стихков, а если они хотели преподавать народу кое-какое поучение по части сельского хозяйства, вопросов нравственных или чего бы то ни было из круга знаний, доступных и нужных простолюдину, они были вынуждены, наперекор свойству предмета и направлению своих способностей, предлагать такое поучение в беллетристической форме, чему не мало примеров, смешных для непосвященных в эту тайну и глубоко прискорбных и досадных для знающего ее, нетрудно привести вплоть до настоящего времени.

Но стремление образованных украинцев к просвещению своей меньшей братии, любовь к своему языку, уже испытавшему свои силы на разных поприщах, наконец, и естественная реакция против незаслуженного гонения, почти отнявшая у них право на пользование родною речью, не только спасли их от уныния, но и заставили подумать о средствах к удовлетворению своей законной потребности в словесном общении с непросвещенными земляками. Это средство было под рукою: за австрийским рубежом, в Галиции, такие же малорусы, как наши, говорят, пишут и печатают на своем языке невозбранно. И вот, литературная работа украинцев переносится во Львов к великой пользе и гордости Австрии, но и к не меньшему, если не еще большему, вреду и унижению России. Со второй половины 60-х годов галицкая малорусская письменность начала расширяться и совершенствоваться в такой мере, о какой при своих местных силах она едва ли когда могла бы мечтать (ср. приложение IV). Нисколько не умаляя дарований и учености зарубежных малорусов, можно смело сказать, что, помимо значения всякого прилива новых сотруд-

¹ *Йдеться про розпорядження П. О. Валуєва від 18 липня 1863 р.; див. док. № 44.*

ников, присоединение к ним соплеменников из России имело для поднятия их литературы важность особенную, так как 1) даровитых людей между нашими малорусами должно быть больше, чем у австрийских, уже по той простой причине, что первые чуть не в десятеро многочисленнее последних (ср. приложение IX), 2) наши, отчасти по той же причине, гораздо богаче зарубежных. И все эти дарования и деньги, которые, будучи употреблены на месте, принесли бы России неисчислимую пользу, стали уходить за границу на создание такого умственного центра, на который почти всякий украинский писатель с тех пор всецело возлагает свои надежды, если в своем литературном творчестве выйдет из тесных рамок безразличной беллетристики. А между тем такой центр мог бы, – нет! должен был бы находиться в пределах Российской империи, в которой живет огромное, подавляющее большинство малорусов. Но и для этого большинства перенесение литературной деятельности в Галицию послужило далеко не полным вознаграждением за утрату права на родное слово в отечестве, так как сочинения, написанные в России и напечатанные во Львове, лишь редко доходили до тех, кому они были предназначены, и таким образом по большей части не достигали своей главной цели, а необходимейший источник духовного просвещения, Св. Писание, которым галицкие малорусы свободно пользуются в переводе на их родной язык, было доступно украинскому простонародью лишь в церковно-славянском или в великорусском переводе, что равняется тому, что оно вовсе не было ему доступно. Какая тяжкая ошибка с точки зрения политики, и внутренней и внешней! И как она очевидна, особенно после того, что уже случилось! И тем не менее эта роковая ошибка не только не была исправлена, но через 13 лет еще усугублена.

Распоряжение 1863 г., как и все подобные ему меры, вызванные недействительными потребностями государства, а кабинетными соображениями отдельных государственных людей, не всегда ясно отличающих явления жизни от их бумажного отражения, сначала исполнялось неукоснительно, но к 70-м годам, после того, как правительственный персонал отчасти изменился, недоверие к малорусам как бы ослабело. В 1872 г. было разрешено устройство южно-русского отдела Географического общества в Киеве. Это учреждение объединило и оживило деятельность украинских статистиков, этнографов и других ученых, занимавшихся исследованием своей родины, и совершенно естественно выдвинуло снова на очередь вопрос о народном обучении. В 1873 г. Костомаров вновь завел речь о популярно-научных книгах. Но снова явилось и недоброжелательство. М. Юзефович в 1863 г. издавший брошюру “La question Russo-polonaise jugée par un petit-russien”¹ в доказательство полной независимости малорусских интересов от польских, в 70-х годах уже тайный советник и председатель Киевской археографической комиссии, забил тревогу в “Московских ведомостях” и в “Киевлянине”. Его сообщения были приняты к сведению, и в 1876 г. в Петербурге собралась комиссия из министров внутренних дел и народного просвещения, обер-прокурора Св. Синода, шефа жандармов и Юзефовича. В этой комиссии было решено наложить следующие ограничения на малорусскую письменность: 1) ввоз малорусских каких-бы то ни было книг и брошюр из-за границы воспретить, 2) печатание и издание

малорусских произведений и переводов в империи воспретить, кроме: а) исторических документов и памятников и б) произведений изящной словесности, из которых первые предписано печатать с соблюдением правописания подлинников, а вторые – безо всяких отступлений от общепринятого русского (т. е. великорусского) правописания и только по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати, 3) малорусские сценические представления и чтения, а также слова при нотах воспретить. Эти постановления были представлены императору Александру II, лечившемуся в то время в Эмсе, и там удостоились высочайшего утверждения. Так состоялся закон 18 (30) мая 1876 г.¹ Но обнародован он не был, и те, которых он ближе всего касался, догадывались об его существовании мало-по-малу, не получая книг, выписываемых ими из Галиции, терпя отказы в пропуске своих произведений, написанных без *Ѣ* и *ы*, тщательно добиваясь разрешения малорусского спектакля или концерта или находя в рукописях своих сборников малорусских песен пощаженными только ноты. В Великой России многие узнали об этом законе впервые года через два или три по его утверждении из статьи в “Revue des deux mondes”ⁱ “La liberté en Russie”, куда сведения о нем проникли, может быть, из брошюры Драгоманова, представленной им парижскому съезду литераторов. Но явно ли, тайно ли, этим законом малорусская письменность в Австрии была еще более отрезана от русских интересов и окончательно сделана орудием протеста и враждебной русскому правительству пропаганды, а в России отдана на полный произвол цензуре или, вернее, личному усмотрению того или другого начальника Главного управления по делам печати или его помощников, и для того, чтобы напечатать “И шуме и гуде, дрібний дощик йде”, приходилось обращаться во Львов. И среди этих новых ограничений оказывается одна льгота сравнительно с распоряжением 1863 г.: разрешено издавать исторические памятники и документы. Какому благодетелю малорусская литература обязана этим частичным расширением прав? По всей вероятности, самому виновнику этого суда над украинской письменностью, председателю Киевской археологической комиссии, которому обнародование документов было, конечно, весьма желательно, но казалось неудобным, хотя и не совсем невозможным, в обход закона после того, как он сам явился в некотором роде законодателем.

С законом 1876 г., как и следовало ожидать, повторилось тоже, что было с законом 1863 г., только чуть ли не еще скорее, и на первый раз вследствие не каких-либо крайнофильских происков, а произвола или недоумения цензурного ведомства. 26 июля 1876 г. духовная цензура запретила представленное ей С.-Петербургским комитетом цензуры иностранной галицкое издание “Оповедане про жите св. мучеников Бориса и Глеба”, как написанное по-малорусски; но иностранная цензура обратила внимание Главного управления на то, что книжка напечатана церковными буквами, – и Главное управление разрешило ее. Судя по тому, что это распоряжение было повторено 1 апреля 1880 г., оно осталось тогда без исполнения, но во второй раз оно должно было возыметь надлежащее действие, будучи подкреплено соображением,

¹ Див. док. № 68.

что употребление церковного шрифта “в малороссийских изданиях представляется весьма желательным”, хотя, если бы, например, песенка вроде “Ой, Семене, Семене, Чом не ходиш до мене?” появилась отпечатанною буквами Св. Писания и богослужебных книг, такое противоречие формы с содержанием неизбежно вызвало бы репрессию со стороны той же цензуры, которая нашла бы в нем – и совершенно справедливо – нечто весьма похожее на кощунство. Об ослаблении бдительности Главного управления позволительно догадываться по тем случаям, в которых можно установить, по крайней мере, предварительную работу местных цензурных комитетов и цензоров над малорусскими рукописями, представленными для разрешения к печати. 9 июня 1878 г. Одесскому временному присутствию по внутренней цензуре было предписано представлять рукописи на малороссийском наречии не иначе, как с заключением о содержании их в чисто цензурном отношении, из чего, по-видимому, следует, что оценка сочинений по существу предоставлялась местной цензуре. Зато с формальной стороны Главное управление отнюдь не отказывалось от своего авторитета, как видно, напр., из запрещения поэмы В. Белого “Марко проклятый”¹ (1 апреля 1878 г.), уже просмотренной С.-Петербургским цензурным комитетом и отпечатанной в корректуре, за то, что автор пишет *i* вместо *и*. Верность закону 1876 г. проявилась и в запрете, наложенном 26 мая того же года на третий выпуск “Збирныка писень” Лисенка (с одобренным цензурой правописанием), но 25 мая следующего года была “дозволена к обращению в России” учебная книга “Руска читанка для высшей гимназии. Уложив Александер Барвиньский. У Львове. 1870” в трех частях, и состоялось это разрешение в ответ на запрос все той же иностранной цензуры, в те годы, очевидно, более свободомысленной, нежели внутренняя.

Либеральные веяния 1880 г. отразились и на малорусской литературе. 8 декабря этого года с высочайшего соизволения была внесена Костомаровым в Академию наук премия его имени за составление малорусского словаря. 12 января 1881 г. киевский (ныне варшавский) генерал-губернатор М. И. Чертков вошел к министру внутренних дел с длинной запиской, исходным пунктом которой послужила просьба Лисенка о допущении третьего выпуска его сборника малорусских песен, напечатанного в Лейпциге, к обращению в России, а дальнейшее содержание направлено на защиту малорусов от подозрений в сепаратизме и на доказательство возможности полного уравнивания малорусских литературных и музыкальных произведений в правах относительно цензуры с великорусскими¹. 13-го того же января временный харьковский генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков по поводу двух присланных ему малорусских книг также представил обширную, но довольно неопределенную записку о правах малорусского языка, впрочем отчасти в пользу малорусской письменности и, между прочим, сценических представлений, исполнения песен и печатания их с текстами². Следствием этих записок был доклад министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева императору Александру III и высочайшее повеление о

¹ Див. док. № 86.

² Йдеться про записку О. М. Дондукова-Корсакова від 31 січня 1881 р.; див. док. № 87.

пересмотре правил 1876 г. Состоялось особое совещание при участии тайного советника К. П. Победоносцева, статс-секретарей Островского и Сольского и исправляющего должность начальника Главного управления по делам печати, гофмейстера князя Вяземского. На этом совещании было решено правила 1876 г. сохранить, но дополнить следующими постановлениями: 1) разрешить печатание малорусских словарей под условием соблюдения правописания или общерусского или употреблявшегося не позже XVIII в.; 2) разрешение сценического представления малорусских пьес и публичного исполнения малорусских песен и куплетов, дозволенных цензурою, поставить в зависимость от усмотрения высших местных властей в каждом отдельном случае, а допущение печатания малорусских текстов при нотах, не иначе, как с соблюдением общерусского правописания, предоставить Главному управлению по делам печати; 3) воспретить устройство специально малорусского театра и формирование трупп для исполнения исключительно малорусских пьес¹. Эти постановления были высочайше утверждены 8 октября 1881 г., но не обнародованы, а лишь сообщены соответствующим органам управления “конфиденциально”. Данные, на которых построены эти постановления, очевидны: это – премия Костомарова за составление малорусского словаря, которую странно было бы отклонить, и с одной стороны ходатайства киевского и харьковского генерал-губернаторов за малорусскую сцену и песню, а с другой – страх перед возможностью возникновения особого малорусского театра, усиленный, конечно, старым призраком украинского сепаратизма, как можно заключить из дважды повторенного требования так называемого общерусского правописания.

Итак, высочайше предписанное рассмотрение закона 1876 г., который и сам далеко не был свободен от влияния случайности, было произведено не на основании всестороннего изучения вопроса, а при помощи лишь кое-какого нового материала, случайно попавшего под руку. Впрочем, называя данные закона 1881 г. случайными, мы должны оговориться. Случайны они только в смысле своей неполноты, но никак не происхождения: одновременное заступничество обоих высших представителей администрации на Украине за духовные интересы местного населения, хотя, может быть, и было вызвано непосредственно каким-нибудь запросом сверху, важно само по себе в качестве красноречивого свидетельства о давно назревших потребностях вверенного им края, – свидетельства, тем более ценного, что его нельзя заподозрить ни в преступной тенденциозности, ни в легкомысленной поспешности. М. И. Чертков, верность которого видам государства и административная опытность не могут быть подвержены ни малейшему сомнению, счел своим долгом вступить за права малорусской литературы в полном ее объеме; князь Дондуков-Корсаков не пошел в своей записке так далеко, потому что не был чужд ходячего в некоторых сферах недоверия к малорусам, однако был вынужден приблизительно к такому же отзыву вескими фактами, на некоторые из которых он и ссылается. Закон 1881 г. в силу свойства данных, из которых почерпнуто его содержание, внес в законодательство об Украине известного рода облегчения, но гораздо

¹ Див. док. № 67.

меньшие, чем может быть казалось его составителям. Употребление общерусского, т. е. на самом деле великорусского, правописания в малорусских текстах есть вообще затея неисполнимая, потому что правописание неизбежно подчиняется фонетике, а в работах лингвистических, как словарь, представляется делом прямо немыслимым, и потому попытку составления малорусского словаря под таким условием можно уподобить покушению с негодными средствами, в чем легко убедиться путем попытки обратной – составления великорусского словаря “кулишивкою”. Что до применения “правописания, употреблявшегося в Малороссии не позже XVIII века”, то, не говоря уже о произвольности такого обязательства, упомянутое здесь правописание есть величина совершенно мифическая, так как всякий писал в то время более или менее по-своему и, если бы мы вздумали подражать малорусам XVII и XVIII вв., у нас явились бы, напр., написания *пѣн*, *тѣлько*, *вѣн*, как писал Некрашевич, вместо *поп*, *только*, *вон* или *пін*, *тілько*, *він*. Разрешение малорусских спектаклей лишь с особого каждый раз дозволения местного высшего начальства равняется в действительности почти полному воспрещению правильно функционирующего театра, хотя бы и смешанного по языку даваемых пьес. Но и эта обязательная смешанность – если только она предполагалась для каждого спектакля, как была осуществлена на практике, – сама по себе должна была весьма стеснительно отозваться на объеме ставимых на сцену драматических произведений, т. е. на всем репертуаре. Запрет формирования чисто малорусских трупп или требовал двойного состава, непосильного частным театрам, или исключал возможность подготовки хороших актеров, так как трудно себе представить, чтобы могла образоваться путная сценическая школа при постоянных переходах от “Назара Стодоли” к “Татьяне Репниной”^ж или к “Королю Лиру” и от “Пошились у дурні” к “Горю от ума” или к “Врачу поневоле”. Однако закон 1881 г. оказался все-таки облегчением, благодаря тому, что сами те, кому пришлось наблюдать за его исполнением, сознавали или чувствовали несоответствие между его целями, сравнительно либеральными, и редакцией, парализующей эти цели. Собиратели материалов для словаря записывали слова фонетической азбукой тем смелее, что видели уже не один пример цензурного допущения книг, написанных таким образом, а театральные антрепренеры для того, чтобы выиграть время, нужное для представлений более или менее длинного малорусского драматического произведения, ограничивали часть великорусскую постановкой перед ним или после него водевильчика или сценки, которые и разыгрывались, пока съезжалась или разъезжалась публика, – разыгрывались формально и безучастно, при чем, напр., актер, изображавший прогоревшего франтика, говорил, что он только что “проковтнув” сотню устриц и т. п. В 1884 г. Главное управление по делам печати обратило внимание губернаторов на такой обход закона, но из этого замечания ничего не вышло. Понемногу стали проскальзывать в печать переводы с великорусского языка на малорусский, и в 1892 г. Главное управление напомнило цензорам незаконность этого явления, впрочем по тексту правил 1876 г. весьма спорную, и кстати старалось поощрить их бдительность относительно и оригинальных малорусских произведений, которые они должны

“с особою строгостью и вниманием рассматривать, подвергая исключениям и запрещая при этом не только все, противоречащее общим цензурным правилам, но при малейшем к тому поводе, по возможности, сокращая число таких бездарных произведений в целях чисто государственных” (предложение Гл[авного] упр[авления] по д[елам] п[ечати] С.-Петербургскому цензурному комитету от 8 января 1892 г. за № 96)¹. В 1894 г. подтверждено в самой резкой форме запрещение ввоза малорусских книг из-за границы. В 1895 г. воспрещены малорусские книги для детского чтения, что в сущности есть также повторение прежнего запрета, содержащегося в постановлениях 1863, 1876 и 1881 гг. Довольно было бы и этих неоднократных повторений того, что уже значится в прежних законах (впрочем не обнародованных), для доказательства полного противоречия этих законов условиям и потребностям действительной жизни.

Прежде чем перейти к тому заключению, которое должно быть естественным выводом из предыдущих наших рассуждений, остается рассмотреть те аргументы, к которым прибегали правительственные лица и учреждения, а также публицисты для того, чтобы оправдать законность стеснительных мер, ограничивших свободу малорусского печатного слова. Сделать это необходимо: многие аргументы таковы, что к ним возможно вернуться во всякое время и при всяких новых условиях, они именно основаны на соображениях общего характера, а не на тех действительных потребностях населения малорусского края, которые одни, как нам кажется, должны иметь решающее значение в рассматриваемом вопросе.

Аргументы эти переносят нас прежде всего в область культурной истории русской народности: этой историей, по мнению некоторых публицистов, должно определиться отношение малорусской литературы к литературе “общерусской” и малорусского языка к языку “общерусскому”. Остановимся сначала на вопросе о языке. Точно ли мы в праве говорить об языке “общерусском”? Не подлежит сомнению, что предки великорусов и малорусов говорили некогда на одном языке: этот язык, не дошедший до нас в письменных памятниках и восстанавливаемый предположительно, в науке принято называть языком “общерусским”. Но, конечно, не его имеют в виду при противопоставлении малорусского “общерусскому”. Еще в эпоху доисторическую “общерусский” язык представлял в отдельных частях своих резкие диалектические отличия, дающие основания допускать исконное деление русского племени на три группы: севернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Южнорусские памятники древней нашей письменности XI и XII вв., как впервые доказано нашим почтенным сочленом академиком А. И. Соболевским, представляют ряд типических особенностей малорусской речи: из них можно с уверенностью заключить о значительном удалении южнорусских (малорусских) говоров как от среднерусских, так и от севернорусских уже в период дотатарский. Этому удалению не могло помешать и то политическое объединение русских племен,

¹ Аналогічний примірник даного розпорядження від 10 січня 1892 р. за № 173 отримав Київський цензурний комітет; див. док. № 161.

которое видим в X и XI вв.: напротив, распадение русской земли на уделы, усиление нового политического центра в бассейне Оки и верхнего течения Волги, падение Киева во второй половине XII ст. – все это в значительной степени обособляет Юго-Западную Русь, а нашествие татар довершает это обособление. Позже, в пределах Литовско-русского государства, южнорусские племена находят условия для сближения с другими русскими племенами, а именно с той западной ветвью среднерусских племен, которая легла в основание белорусской народности. Восточная же ветвь среднерусов, объединенная Москвой с племенами севернорусскими, входит вместе с последними в состав великорусской народности. Только позднейшая колонизация XVII и XVIII вв. сближает великорусские и малорусские племена в бассейнах Сейма, Донца и Дона. Таким образом, исторические условия содействовали полному разобщению Юго-Западной России (Малороссии) и области, занятой великорусами: отсюда существенные отличия в языке обеих народностей – великорусской и малорусской. Историческая жизнь этих народностей не создала общего для них языка; она, напротив, усугубила те диалектические отличия, с которыми предки малорусов, с одной стороны, великорусов – с другой, выступают в начале нашей истории. И конечно, живой великорусский язык, на котором говорит народ в Москве, Рязани, Ярославле, Архангельске, Новгороде, не может быть назван “общерусским”, в противоположность малорусскому языку Полтавы, Киева или Львова.

Но не имеются ли основания признать общерусским наш литературный язык? Не образовался ли он совокупными усилиями всех русских народностей, не отразил ли он в себе особенности всех русских наречий? По неоднократно высказывавшемуся замечанию некоторых публицистов, малорусы играли видную роль в создании и в выработке нашего литературного языка. Для доказательства этого положения признается достаточным упомянуть о влиянии малорусских писателей и ученых деятелей XVII и XVIII вв. сначала на московскую образованность, а затем и на петровские реформы. Действительно, влияние это отразилось и на нашем литературном языке, но оно было преходящим: усилия великих писателей наших все более сближали книжный язык с народным, и ничто еще не остановило того направления, которое уже в конце XVIII и начале XIX века сделало наш литературный язык вполне великорусским, освободив его, между прочим, от наносного малорусского произношения, не чуждого, по указанию профессора Будде, языку Ломоносова и Сумарокова. Великорусский литературный язык, в основании своем представляющий пеструю смесь церковнославянских элементов (в области лексической и отчасти грамматической) с элементами живой речи великорусских племен, с давнего времени, можно сказать с XIV в., приобретал все более и более народную окраску. Его развитие именно в этом направлении было останавливаемо два раза – первый раз в XV в., когда ему пришлось выдержать борьбу с вновь нахлынувшими со славянского юга, благодаря сербским и болгарским ученым, инославянскими элементами; второй раз – в XVII в., когда его наводнили особенности малорусской книжной речи. Но великорусская стихия оба раза вышла победительницей, и нашу литературную речь, речь образованных

классов и письменности всех родов, должно признать вполне великорусскою. Оснований назвать теперь эту речь “общерусскою” мы не видим, ибо она не представляет из себя амальгамы, в которой бы, хотя и неравномерно, отразились особенности всех живых русских наречий.

Правда, наш великорусский литературный язык приобрел общерусское значение: в известной степени этому содействовало то обстоятельство, что силой вещей он стал языком государственным; но главным образом, это зависело от культурного роста великорусской народности, от развития ее литературы и школьной образованности. Реформы Петра Великого, сблизившие Россию с Западом, усилили просветительное значение великорусских центров, Москвы и Петербурга, и втянули в одну общую жизнь Великую и Малую Россию: последней нечего было противопоставить той светской образованности, которая, благодаря данному Петром Великим направлению, неудержимым потоком разлилась по лицу всей объединенной московскими государями русской земли. Этим определилось проникновение великорусского языка на юг, в малорусское Приднепровье. Книжная речь малорусская вырабатывалась в XVI и XVII вв. на основе двух письменных языков – церковнославянского и западно-русского, в свою очередь проникшегося польскими элементами; в значительно меньшей степени, чем книжная речь великорусская, она приблизилась к языку народа, и этим прежде всего объясняется постигшая ее во второй половине XVIII в. судьба: она забывается и без всякой борьбы уступает место великорусскому литературному языку.

Подъем культуры, образованности, о котором мы только что говорили, завершается таким образом естественным вытеснением книжного малорусского языка языком великорусским. Но этот же подъем вызывает к жизни факторы, в предшествующую эпоху почти не находившие себе исхода и законного выражения. Русский человек настолько охватывается светским просвещением что он не может уже довольствоваться тем, что давало его предкам церковное образование, оставлявшее без ответа большую часть потребностей мыслящего и чувствующего существа, – пользованием церковным и далеким от родного книжным языком. С появлением светской образованности, письменность, не переставая удовлетворять религиозным потребностям, деловым нуждам, открывает для русского человека возможность выражать и чувства и думы в новых, непривычных для его предков формах. И это прежде всего отражается на сближении книжной речи с разговорной, литературного языка с языком повседневных чувств и мыслей. Мы видели, как успешно, благодаря именно светской образованности, освободился великорусский литературный язык от наносных элементов, чуждого произношения, необычных слов. В Малой России, где книжный малорусский язык был уже забыт и оставлен, та же светская образованность должна была вызвать другое, хотя и сходное, явление: живой разговорный язык становится письменным языком. Мысли и чувства малоруса неудержимо рвутся на бумагу, и ему нет иного исхода, как выразить их обычным своим просторечием ибо чуждый ему великорусский литературный язык не может стать проводником родной его речи, не может и, по существу своему, не должен быть с нею сближен и сравнен. Реформы Петра

Великого вывели Россию на путь светской образованности: в результате, с одной стороны, книжный великорусский язык сравнился с разговорным языком великорусов, а с другой, разговорный язык малорусов стал языком новой малорусской письменности. Не допустить законность и естественность этого последнего результата – равносильно было бы признанию того, что светская образованность не коснулась малоруса; это было бы равносильно признанию того, что на севере – в Москве и Петербурге – светская образованность должна была сблизить язык разговорный и письменный, дав первому из них перевес, на юге же, в Киеве, та же светская образованность должна была только заменить старый письменный язык новым, еще более отличным от разговорного, еще более ему чуждым.

Публицисты, отрицавшие право существования малорусского книжного языка, охотно ссылались на Белоруссию: они запугивали русское правительство и русское общество перспективой требования свободы для белорусского печатного слова. Что скажет будущее, не знаем; но прошлое ясно свидетельствует, что белорусская интеллигенция ополячилась тогда, когда великорусы и малорусы еще свято блюли свои книжные языки. И у этой интеллигенции не было ни охоты, ни основания прибегать к народному языку, между тем как малорусы сделали это в силу крайней необходимости.

Законностью и естественностью возникновения малорусского письменного языка определяется законность и всего дальнейшего его развития. Источником его был, как мы видели, живой разговорный язык – живой разговорный язык украинской интеллигенции, взросшей в совершенно отличных условиях от интеллигенции великорусской. Она и в XVIII в. и позже, в XIX, продолжала воспринимать польскую культуру, которой не пришлось вытеснить ни Москве, ни Петербургу, и это несмотря на весьма упорное проникновение элементов культуры великорусской, поддержанной и общей верой и общими государственными интересами. Таким образом, в разговорном языке украинской интеллигенции, ставшем письменным языком с начала XIX в., появляются в качестве наносных элементов на народной малорусской основе, с одной стороны, польские, с другой – великорусские слова и обороты. И в будущем оба указанные письменные языка – польский и великорусский – должны служить источниками обогащения малорусской письменной речи. Обращение к этим источникам вполне законно: перевес будет принадлежать тому из обоих языков, который сумеет привязать к себе малорусскую литературу тесными, братскими узами. Влияние великорусского письменного языка на малорусский, казалось, было вполне обеспечено при тех условиях, при каких возникла новая письменность: по-малорусски начинают писать люди, отлично владевшие великорусским языком; малорусские книжки появляются в центрах великорусской образованности; литературные произведения малорусов печатаются в великорусских журналах и сборниках. Но отмеченные выше цензурные стеснения 1863 и 1876 гг., как мы видели, переносят литературную деятельность малорусов в зарубежную Русь: здесь она развивается под сильным влиянием польской и немецкой литературы и совершенно естественно пропитывается польскими элементами в области лексики и синтаксиса. Малорусскому языку

галицкой письменности ставятся в укор эти его польские элементы, эта чуждая украинскому слуху окраска, которой он подвергся во Львове. Но польские элементы не затемнили народной основы языка: они заняли только место тех великорусских элементов, вторжение коих было бы неизбежно при широком и свободном развитии малорусской письменности на Украине. Обогащение иноязычными элементами – это удел каждого литературного языка (западно-европейские элементы в нашей великорусской речи доказывают, что от влияния иноземщины не обеспечены даже весьма развитые письменные языки). Но совершенно неизбежным становится влияние соседних языков, когда языки эти принадлежат родственному племени: так польский литературный язык отразил на себе влияние чешского, а польские пуристы ведут бесплодную и утомительную борьбу с влиянием великорусским; так словенский язык проникся элементами сербско-хорватскими; так болгарский язык весь насквозь пропитан великорусской стихией. И так же точно нельзя было малорусскому языку уберечься ни от великорусского, ни от польского влияния. Умение воспользоваться иноязычными элементами, отсутствие боязни к ним, смелое отношение к новому лексическому материалу – весьма часто свидетельствуют о силе и крепости юного литературного языка, неудержимо стремящегося к все большему захвату в области выражения человеческих мыслей и чувств.

Развитие литературного языка идет, конечно, параллельно с развитием самой письменности. Многие великорусские публицисты ставили вопрос, нужна ли вообще малорусская письменность? Другие желали ограничить область распространения этой письменности некоторыми определенными рамками: естественным признавалось писание по-малорусски стихов и рассказов из народного быта; уместным казалось собирать народные песни и сказки; наконец, для малорусского языка отводилась, пожалуй, и вся область изящной словесности. Но переступить за эту область ему возбранялось, возбранялось публицистами, вслед за правительственными распоряжениями, в интересах именно великорусской письменности. Ответ на праздный, впрочем, вопрос, нужна ли вообще малорусская письменность, дала сама жизнь: мы видели широкое развитие этой письменности даже в период до шестидесятых годов, т. е. до того времени, как реформы Александра II возродили русский народ в новых формах быта, и убедились при этом, что деятелями этой литературы были люди разных слоев общества, разных воззрений и разного воспитания. Малорусская письменность возникновением своим удовлетворила, очевидно, назревшей потребности, и в создании ее всего менее принимала участие политическая интрига или нездоровая тенденция. Пусть отмеченные нами выше факты из начальной истории малорусской письменности ответят на возникающий у нас, ввиду настойчивых утверждений некоторых публицистов, вопрос: да можно ли в самом деле ограничить область употребления литературного языка теми или другими пределами? Котляревский, прибегший к родному языку для создания своеобразного эпического произведения, обратился к нему же в “Оде до князя Куракина”. Квитка-Основяненко, писавший рассказы из малорусского быта, решился заговорить по-малорусски и о предметах более серьезных в “Листах до любезних земляков”. Максимович записывает сначала малорусские песни,

а потом переводит на малорусский язык “Слово о полку Игореве”; а через два года после этого он издает перевод Псалмов; о. Гречулевич печатает на малороссийском языке свои проповеди, а также “Катехизические беседы на символ веры и молитву Господню”. Возможно ли остановить зародившуюся мысль, мысль, окрыленную к тому же родною речью? Что остановит ее на народных жаргах и виршах, что помешает ей воплотиться в новых формах поэзии, проникнуть в роман и рассуждение, перенестись в прошлое родного народа, позаботиться об его будущем, перейти, наконец, в область веры и сосредоточиться на переводе Священного Писания или составлении книг для духовно-нравственного чтения? Нет, творческая мысль не может быть остановлена искусственными преградами. Зато всякие искусственные преграды дадут ей всегда ложное тенденциозное направление: приведенные выше факты показали, как был загнан широкий и свободный поток малорусской творческой мысли в узкие рамки политической партии, образовавшейся в Галиции, но усиливающей свои ряды, оживляющей свою деятельность выходцами из нашей Украины, – партии могущественной и популярной именно потому, что одна она блюдет свободное развитие малорусской письменной речи. Стеснительные законы 1863 и 1876 гг. были введены, можно думать, в интересах великорусского литературного языка. Но не в такого рода мерах нуждается этот язык и его письменность для своего распространения и законного влияния на общественную жизнь. Названные законы изыли из области влияния великорусской литературы значительнейшую часть малорусской письменности, которая, вследствие запрещения ввоза книг, не могла быть даже предметом обсуждения великорусской печати. Эти законы разрушили ту братскую связь, которая завязывалась в разных сборниках и периодических изданиях между великорусской и малорусской письменностью. Они прекратили и братское между ними соревнование, разъединив их окончательно и устранив ту общую почву, на которой естественным образом определились бы взаимные отношения между обеими письменностями. Мы видели, наконец, что эти законы содействовали искусственному росту малорусской литературы в Галиции, ибо здесь, во Львове и Черновцах, ей пришлось ответить сразу всем многообразным требованиям жизни: малорусский язык стал языком просвещения и политики, науки и литературы. Правда, и здесь он встретился с великорусской письменностью, поддержанной старой галицкой партией, но вражда, сменившая прежнее братство в России, перенеслась и сюда, и язык – в начале, пожалуй, один только язык – стал источником непримиримой вражды между двумя половинами галицкой интеллигенции. Нравственный ущерб, нанесенный великорусской народности и ее письменности отколовшеюся или точнее отколотою от нее письменностью малорусскою, не вознаградится поддержкой, оказанной Россией некоторым периодическим изданиям Святоюрской партии¹.

Законы 1863 и 1876 гг. стали началом и источником тяжелых испытаний для великорусского литературного языка в Галиции, ибо выросшая бок о бок с ним малорусская письменность с каждым годом отнимала из-под ног его почву и это тем легче и успешнее, что эта народная литература поощрялась австрийским правительством, враждебно настроенным к старой галицкой пар-

тии. Перебросив малорусскую литературу в зарубежную Русь, мы прекратили братское соревнование ее в России с литературой великорусской; но вместе с тем мы скомпрометировали великорусские, а пожалуй и общерусские интересы в Галиции, ибо воздвигли против них искусственную коалицию местных малорусских и польских интересов. Великорусские интересы выдержали бы с успехом соревнование с малорусскими в России; но ничто не спасет их в Галиции, раз одна Галиция останется ареной этого соревнования, перешедшего в братоубийственную вражду.

Публицистами, враждебными самостоятельности малорусской письменности, выдвигается еще один аргумент, не лишенный практического значения. Отмечая различия в народном языке губерний, населенных малорусами, они спрашивают: где единство того языка, который создаст эту письменность? Не распадется ли эта письменность на ряд мелких провинциальных литератур, разрабатывающих местные жаргоны? В этих опасениях мы склонны видеть заботливость о процветании будущей малорусской письменности. Но она не нуждается в этих заботах, ей необходима прежде всего свобода: свободное развитие в лучшем случае выработает один общий для всех малорусов литературный язык, в худшем – малорусы, не сознав духовного своего единства, погубят свою письменность в бесплодных несогласиях и раздорах. Так же смотрим мы и на вопрос о малорусском правописании: если жизнь создаст единство малорусского языка и письменности, она же выработает единство и в письме.

Но если законы 1863 и 1876 гг. не отвечают интересам великорусской народности и великорусской письменности, быть может, зато они согласованы с интересами русского государства. Мы видели именно, что против малорусской письменности воздвигались в разные моменты, начиная при том с 1861 г., весьма тяжкие обвинения. Обвинения эти относились, правда, к “небольшому кружку людей”, окрещенных названием украинофилов сначала их упрекали в том, что они находятся в руках политических интриганов и служат покорным орудием заклятых врагов своей Украины, т. е. польских агитаторов; говорили, что деятельность украинофилов как нельзя лучше способствует целям польских фанатиков, поставивших вопрос о существовании русского народа и с удовольствием ожидающих разложения в собственных недрах этого народа; утверждали, что украинофильство идет “параллельно со всеми другими отрицательными направлениями, которые вдруг овладели нашей литературой, нашей молодежью, нашим прогрессивным чиновничеством и разными бродячими элементами нашего общества”. Главной виной украинофилов оказывался, однако, не предполагаемый союз их с этими отрицательными направлениями, а явное намерение их издавать книги “на новосочиненном малороссийском языке”, распространять малороссийскую грамотность, заводить малороссийские школы, утверждать учение о каких-то двух русских народностях и двух русских языках. За всем этим все яснее вырисовывался призрак сепаратизма, замысел разъединить единую и нераздельную русскую народность. Обвинение в таком замысле основывалось на неопределенных данных: правда, между представителями украинофильства допускалось существование таких деятелей, “которые совершенно чужды какой бы то ни было политической

цели и руководятся чувством патриотизма”, но вместе с ними, – так утверждали добровольные обвинители, – “в предприятии создать особую малорусскую литературу и ввести в народные школы южного края преподавание на малорусском наречии принимают живое участие такие малорусские патриоты, которые не ограничиваются мыслью создать свою особую литературу, но простирают виды и на политическую отдельность Малой России от общего отечества”. Пока дело шло о народности и языке, к бдительности призывалось само общество; но когда речь зашла о государственном единстве, было признано необходимым самое решительное вмешательство государственной власти. Отсюда призыв и к обществу и к правительству. Напуганное польским восстанием, хитрым сплетением политической интриги, раскинувшей свои сети не в одном только Юго-Западном крае, правительство вняло обращенному к нему призыву. Оно решило отнять у украинофилов самое орудие пропаганды – возможность распространения малорусской грамотности и издания малорусских книжек. Таков смысл цензурного распоряжения 1863 г., направленного против просветительной деятельности на малорусском языке: им запрещалось издание книжек духовно-нравственного содержания с одной стороны, светских учебников – с другой. Вместо того, чтобы обрушиться против малорусских сепаратистов, если бы таковые были, вместо того, чтобы направить удары на политическую агитацию, вредную для государственного единства, если бы эта агитация действительно обнаружилась, распоряжение 1863 г. поразило тех деятелей, которым были чужды какие бы то ни было политические цели и которые “руководились чувством патриотизма”; для сепаратистов и политических агитаторов создавалась зато благоприятная почва. “Гонения и преследования – писал Катков в 1863 г. по поводу украинофильства – могут из пустяков создать серьезное дело; гонения и преследования, как свидетельствует опыт всех веков, большей частью возбуждали жизнь и силу в том, что само по себе не имело ни жизни, ни силы. Мы стало быть не желаем, – продолжает Катков, – гонений и преследований вовсе не из уважения к фальшивому, не в угоду, не в пользу ему, а напротив в ущерб ему, чтоб не придать ему большего значения и силы”. Опасения московского публициста сбылись: уже в том же 1863 г. Каткову приходится отметить, “что в последнее время, благодаря усилиям наших украинофилов и настойчивым требованиям поляков, львовская газета “Слово” начала отдаляться” от общепринятого русского языка в сторону малорусского; в 1867 г. украинцы вместе с галицкими патриотами основывают львовский журнал “Правда”, в 1868 г. образовывается во Львове товарищество “Просвита”, в 1873 г. возникает во Львове на средства, доставленные из России, общество имени Шевченка. Все это свидетельствует о значении и силе украинофильского движения. И только после 1863 г. можно признать за ним и силу и значение.

За что же подверглась стеснениям и преследованиям малорусская письменность? За то ли, что среди лиц, принимавших участие в распространении и сочинении малорусских книжек, были такие, которые мечтали об отделении Украины от России? Дать положительный ответ на этот вопрос – это впасть в нелепость; дать такой ответ – это допустить возможность стеснений и гоне-

ний на нашу русскую литературу вообще, если среди деятелей ее окажутся неблагонамеренные люди, мечтающие о разрушении нашего государственного единства, подрывающие своими лжеучениями основы общественного строя. Отрицательное направление нашей политической печати вызывало репрессивные против нее меры, но меры эти, стесняя известные органы печати, не распространялись на всю литературу вообще, а печать противоположного направления даже поддерживалась и поощрялась всякими средствами. Недоверие к печати вызвало в 1872 г. дополнения к временным правилам 1865 г., но это недоверие не посягнуло на существование ни русской прессы, ни русской литературы. Признаем поэтому невероятным, чтобы неблагонадежность некоторых украинских писателей могла вызвать гонение на всю вообще малорусскую литературу, гонение, первыми жертвами которой оказываются Морачевский, благонамереннейший патриот и благочестивый переводчик Четвероевангелия, а вместе с Морачевскими священник Опатович, не увидевший выхода уже напечатанного им второго издания своих “Оповіданій з Святого Писання”, издания, уже дозволенного Святейшим Синодом. Очевидно, правительство, издавшее распоряжение 1863 г., руководилось иными, более вескими соображениями: “горячечная”, как ее определяют обвинители, деятельность украинофилов, деятельность, не представлявшаяся сама по себе преступною, могла – так думало, по-видимому, правительство – привести к нежелательным результатам, к духовному отделению Украины от Великой России, а духовная рознь могла бы повести и к политическому распадению. Вот вероятные мотивы решительной меры, положившей конец свободному развитию малорусской литературы. Мера эта всецело основывалась в таком случае на предположениях, ценность и убедительность которых весьма относительна. Почему малорусская грамотность должна была привести именно к разъединению, остается невыясненным. Литература является прежде всего отражением реальных стремлений того общества, которому она принадлежит, а малорусское общество того времени, как это ясно из самых трактатов против украинофильского направления, признанного плодом иноплеменной интриги, не стремилось к сепаратизму: оно жило одной общей жизнью со всем русским обществом вообще, в нем обнаруживались те же положительные и те же отрицательные стремления, которые разделяли общество и в великорусских центрах. Впрочем, последующее показало, что и позже, после образования и усиления галицкой народной партии, малорусы были чужды сепаратистских стремлений: если бы такие стремления были среди них, они нашли бы себе выражение и на великорусском языке, пользование которым не было возбранено малорусам. Великорусский язык мог бы так же успешно, как и малорусский, служить орудием пропаганды в пользу сепаратизма, если бы малорусы когда-нибудь серьезно задумались над мыслью об основании своего особого государства. Идея покорила бы себе форму: пропаганда по-великорусски пошла бы не менее успешно, чем пропаганда по-малорусски. Мера, направленная против языка, не поразила бы мысли, если бы таковая действительно зрела среди малороссов. Мы имеем полное основание противопоставить приведенному выше предположению другое: свободное развитие малорусской литературы

содействовало бы братскому единению Южной России со всей остальной. У малорусской литературы не было бы и не могло быть специальных, чуждых великорусской литературе интересов: обе литературы трудились бы над общими вопросами, выдвигаемыми общими государственными и общественными интересами. А благодаря этому Украина все более проникалась бы общерусскими идеями, общерусскими стремлениями. Мы верим в культурную силу нашей великорусской литературы: влияние обеспечено ей даже на Западе среди великих культурных наций Европы. Неужто же возможно допустить, чтобы не пошла с нею рядом, в дружном общении и в полном сознании единства интересов, юная малорусская литература? Предыдущие соображения не позволяют нам признать стеснительные меры 1863 г. результатом зрелого обсуждения и всесторонней оценки интересов русской народности, великорусского племени, русской литературы и государства: мы, к сожалению, должны назвать их плодом самого печального недоразумения.

Но это недоразумение принесло горькие плоды. Мы видели, как, непосредственно за распоряжением 1863 г., украинцы переносят свою деятельность в Галицию. Мы желаем процветания малорусской литературе, мы радуемся успехам ее, хотя бы во Львове или даже в Америке. Но с грустью убеждаемся в том, что она проникается все более и более враждебным отношением к России. Это объясняется отчасти оторванностью ее от русской почвы; малорусская заграничная литература – а с 1863 г. почти уже нельзя говорить о своей русской литературе на малорусском языке – рассматривает русские явления с точки зрения иноземной, не вдумываясь в них, не углубляясь в них так, как это возможно только русским людям, живущим на своей родине, а потому умеющим различать то, что так необходимо различать, умеющим также прощать и надеяться. Но, в значительной степени, враждебное к России настроение галицкой малорусской литературы зависело от тех самых репрессивных мер, которые ограничили область малорусского печатного слова: отнять у образованных людей право писать на родном языке – это посягнуть на то, что этим людям дорого также, как дорога самая жизнь, это посягнуть на самую жизнь народа, ибо в чем ином выразится она, как не в слове, носителе мысли, выразителе чувства, воплощении человеческого духа? Государство, не умеющее обеспечить одно из самых элементарных прав гражданина – право говорить печатно на родном языке, возбуждает в гражданине не уважение к себе. Не любовь, а безотчетный страх за существование. Этот страх порождает недовольство и революционные стремления. Этот страх обратил многих украинофилов в ревностных сынов России, “чуждых каких бы то ни было политических целей”, на путь открытого недовольства. Одно из наших высших правительственных учреждений пришло в 1876 г. к убеждению, “что вся литературная деятельность так называемых украинофилов должна быть отнесена к прикрытому только благовидными формами посягательству на государственное единство и целостность России”. Заключение это значительно ослабляется предположением, высказанным в том же 1876 г. не менее авторитетным учреждением о том, что в писаниях современных деятелей украинофильства не только сквозит смута, но и высказывается явно мысль об обособлении Малороссии от остальной

России, обособлении пока еще только литературном, но за которым естественно и даже необходимо *должно последовать* стремление к обособлению политическому; но все же нельзя не признать, что семидесятые годы были действительно ознаменованы враждебными выходками малорусов против тех осударственных порядков, при которых им приходилось терять право говорить печатно на родном языке. Чем же вызваны были эти выходки, как не репрессивной мерой 1863 г. отдававшей малорусскую письменность па полное усмотрение цензуры и местной администрации?

Мера эта была тем опаснее для государственного порядка, что она не была облечена в форму закона. Отсюда раздражение против кажущегося произвола местных властей, негодование на государственные порядки, не обеспечивающие элементарной законности. Отсюда также дружные усилия украинцев провести свои книги вопреки и наперекор придирчивой цензуре; так в 1873–1875 гг. им удалось напечатать до двадцати книг разного содержания.

Административное распоряжение, чтобы остаться действительным, не быть задавленным жизнью, к тому же не ведающему о нем и к нему не подготовленную (ибо только закон есть общеобязательная и общеизвестная юридическая норма), – такое распоряжение должно возобновляться от времени до времени и при том все в более и более суровых формах – и это последнее в зависимости от того, насколько бессильным оказывалось предшествовавшее ему распоряжение. Распоряжение 1863 г. пришлось возобновить в 1876 г., но в еще более категорической и жесткой форме: оставшийся необнародованным закон 18 (30) мая вооружает первым пунктом своим цензуру против ввоза “каких бы то ни было книг и брошюр, издаваемых за границей на малорусском наречии”. Такая мера объявила всю галицкую малорусскую литературу нелегальной; нелегальным объявлено и самое существование такой литературы – а это могло послужить только к вящему озлоблению тружеников малорусской письменности, вынужденных не по доброй воле перенести свою деятельность в зарубежную Русь. И в этой зарубежной Руси по-малорусски писались вовсе не одни политические статьи, направленные против России: здесь развивалась политическая литература, посвященная своим местным интересам, здесь разрабатывались наша древняя письменность и история, составлялись буквари и грамматики, хрестоматии и словари, издавалось Священное Писание, печатались, наконец, невиннейшие по содержанию стихи и песни. И на все это в России наложен был запрет только за то, что оно напечатано по-малорусски.

Второй пункт закона 18 (30) мая 1876 г. в сущности подтверждает распоряжение 1863 г., допуская печатание по-малорусски только произведений изящной словесности: оговорка, разрешающая печатание исторических документов и памятников, весьма характерна, если сопоставить ее с утверждением некоторых публицистов относительно того, что малорусский язык придуман лишь недавно, что он является одним из плодов польской интриги, стремящейся разъединить русскую семью и русскую народность. А между тем из пункта “а” статьи 2-й оказывается, что есть исторические документы и памятники, писанные по-малорусски. Да, составителям проекта закона 1876 г. было очевидно, что мнение авторитетных публицистов – и не одних публицистов –

о том, что кто-то когда-то придумал малороссийский язык, – не больше, как плод невежественного или злостного измышления: малороссийский язык имеет даже свою историю. Но вместе с тем текст 2-й статьи рассматриваемого закона обнаруживает новую и до тех пор неизвестную точку зрения: из него можно заключить, что, по мнению составителей проекта, сближению малорусского языка с великорусским препятствует придуманное крайнофилами правописание. Составители проекта предложили запретить новое правописание и потребовать, чтобы “в произведениях изящной словесности не было допускаемо никаких отступлений от общепринятого русского правописания”. Итак, перед нами образчик самого грубого смешения двух совершенно разных явлений: языка и письма. Никакая система правописания не в состоянии оказать какое-бы то ни было влияние на язык, который развивается по совершенно независимым от человеческой воли законам. Между тем навязывание языку несвойственного ему правописания самым невыгодным образом отзывается на книжной производительности; такое правописание задерживает выход книги и ложится поэтому на свободную мысль, свободное творчество более тяжелым гнетом, чем всякие цензурные стеснения. Мы далеки от мысли приписывать составителям проекта высочайшего повеления 1876 г. жестокое желание посредством узаконенного им правописания задержать развитие даже изящной словесности малорусской (ибо задержать “вредные направления” в относящихся сюда произведениях предположено правилом о том, “чтобы разрешение на печатание произведений изящной словесности давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей в Главном управлении по делам печати”); по этому самому мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредством правописания малорусский язык с русским. Странное заблуждение! Прежде всего, что разуметь под требованием придерживаться общепринятого русского правописания? Если понимать требование закона 1876 г. так, что, напр., малорусские слова: віра, дід, місто – должны явиться в великорусской оболочке: вѣра, дѣд, мѣсто, т. е. чтобы звук “і” изображался буквой “ѣ”, спрашивается, что помешает малорусу изображать через букву “ѣ” звук “і” и также, напр., в словах: лід или ніс? – и их он напишет лѣд, нѣс. Выиграет ли от этого дело сближения с великорусским языком, где эти слова звучат лёд, нёс? Если, вследствие навязанного ему правописания, малорус должен написать мыло с “ы”, а мило с “и”, где найдется тот корректор, тот ученый справщик, который в малорусском звуке “и” сумеет для каждого случая различить два разных звука, совпавших в одном едва ли еще не в эпоху дотатарскую? И об этом смешении “и” и “ы” громко будут свидетельствовать прежде всего те исторические малорусские документы, при печатании которых закон требует “безусловно” удерживать правописание подлинников, не подновляя его, очевидно, и в направлении к общепринятому русскому правописанию. Но если дело идет не об общепринятом правописании, а только об общепринятых в русском алфавите буквах, то почему запретным оказалось писать віра, ліс вм[есто] вира, лис, если “і” – русская буква (мір), и почему малорусский звук “и”, не смягчающий предшествующей согласной, предложено изображать через “ы”, а не “и”? Во всяком случае малорусское письмо с внешней стороны могло бы срав-

ниться с великорусским скорее всего, придерживаясь правописания малоруса Максимовича^М. Но кому же нужно такое внешнее сближение?

Третий пункт рассматриваемого закона воспрещает различные сценические представления и чтения на малорусском наречии. Из распоряжения 1863 г., равно также из 2-го пункта закона 18 (30) мая 1876 г. можно было бы вывести заключение, что правительство намеревалось указать малорусской литературе должные границы и этим содействовать размежеванию ее с литературой великорусской, т. е. что оно приняло на себя ту задачу, которую могло разрешить только свободное, беспрепятственное соревнование обеих русских литератур. Но 3-й пункт рассматриваемого закона доказывает уже прямо враждебное отношение даже к малорусской изящной словесности, ибо он преследует сценические представления произведений, относящихся к этой словесности. Больше того, допуская издание малорусских драм, комедий, трагедий и не разрешая их исполнения на сцене, правительство ограничивает также употребление живого языка, что еще явственнее выступает из воспрещения “чтений на малороссийском наречии”. Наконец, тот же 3-й пункт закона 1876 г. изгоняет малорусский язык из такой области литературы, в которой, казалось бы, ни в каком случае нельзя было его заменить языком великорусским: запрещение печатания текстов к музыкальным нотам на языке малорусском, изгоняет этот язык из романса и песни и равносильно запрещению петь по-малорусски. С 1876 г. на малорусском языке нельзя ни петь, ни говорить публично, печатание же произведений изящной словесности ставится под строжайшую цензуру.

Только горячая любовь к родной Украине помогла малорусскому образованному обществу перенести тяжкий и совершенно им незаслуженный удар.

В 1881 г., как мы видели, сделано несколько облегчений тяжелых условий, в которые было поставлено малорусское слово: дозволено печатание словарей и текстов к музыкальным нотам. Облегчения эти были, очевидно, сделаны только в интересах великорусского общества: лишить его возможности знакомиться с малорусским искусством на сцене и в музыкальном исполнении признано несправедливым; лишить русскую науку знакомства с богатейшим составом малорусской лексики признано нежелательным. К интересам малорусского народа мысль законодателя не обращалась, не обращалась она к ним до самых последних дней, когда высочайше утвержденное 21 января сего года положение Комитета министров поставило на очередь вопрос об отмене законов 1876 и 1881 гг.

Знакомство с историей цензурных стеснений малорусского печатного слова убеждает в том, что они вызваны неправильным соображением государственных польз и нужд, и различными случайностями и одностороннею оценкой общественных движений шестидесятых и семидесятых годов.

Рассмотрение аргументов, выдвинутых в публицистике против существования малорусской литературы, против ее самостоятельного и свободного развития и в пользу ее стеснения, привело к заключению, что аргументы эти основаны частью на одностороннем понимании истории малорусского народа и его языка, частью же на тенденциозном стремлении ограничить права малорусской народности в угоду неправильно понятым интересам великорусских и общерусских.

Изучение текста правительственных распоряжений 1863, 1876 и 1881 гг. выяснило нам тот ущерб для духовного развития малорусской народности и тот вред для русского государства, которые были неминуемым следствием их появления. Цензурная практика, основывавшаяся на указанных распоряжениях, доказала всю тщету усилий, направленных к подавлению того, что выдвинуто действительными, жизненными потребностями населения.

Итак, знакомство с прошлым поднятого в настоящее время вопроса побуждает нас высказаться за необходимость отмены высочайше одобренного распоряжения 1863 г. и высочайших повелений 1876 и 1881 гг.

Но отмена эта представляется еще более неотложною, еще более необходимою, как только мы, оставив прошлое, обратимся к настоящему, как только мы задумаемся над культурными потребностями малорусского населения Южной России. На эти именно потребности указал в своем журнале от 28 и 31 декабря 1904 г. Комитет министров: “продолжающееся применение наложенного запрета, – читаем мы в извлечениях из этого журнала, – значительно затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений путем издания книг на понятном для крестьян наречии, препятствует повышению нынешнего низкого культурного уровня крестьян малороссийских губерний”¹.

Комиссия имеет возможность подтвердить каждое слово означенного заявления Комитета министров целым рядом данных.

Во-первых, не подлежит сомнению, что нынешний низкий уровень культурного развития крестьян малорусских губерний должен стать предметом самых серьезных и неотложных забот России. Этот низкий уровень, доказанный наблюдениями многих беспристрастных исследователей, давно уже обратил на себя внимание земств и сельскохозяйственных комитетов малорусских губерний, и многие из них возбуждали перед правительством ходатайства о допущении популярных изданий на малорусском языке. Экономический совет Черниговского губернского земства в 1902 г. указал на необходимость распространения брошюр и других изданий по сельскому хозяйству на местных народных языках. То же самое высказал и Борзенский (Черниговской губернии) сельскохозяйственный комитет. На необходимость популяризации прикладных знаний на малорусском языке указали Полтавский и Новомосковский (Екатеринославской губернии) сельскохозяйственные комитеты. На важность популяризации сельскохозяйственных знаний указывал в своем докладе Ананьевскому сельскохозяйственному комитету известный автор брошюр по сельскому хозяйству на малорусском языке Чикаленко. Агрономический съезд в Москве в 1901 г. постановил ходатайствовать о разрешении издавать книги и сельско-хозяйственную газету на малорусском языке. Кустарный съезд в Полтаве в 1902 г. высказался за издание книг и руководств для кустарей на малорусском языке. Сельскохозяйственные общества Миргородского и Полтавского уездов возбудили ходатайства об издании сельскохозяйственных книг на малорусском языке и т. д. О необходимости отмены ограничений,

¹ *Порівн. з док. № 225.*

установленных для малорусского языка, как проводника в народ знаний вообще, возбуждались ходатайства земствами Херсонским губернским в 1880, Черниговским уездным в 1880, Полтавским губернским в 1904, сельскохозяйственными комитетами Хотинским (Бессарабской губернии), Бердянским (Таврической губернии), Хорольским и Лохвицким (Полтавской губернии) и мн. др. Комиссия, приводя все эти данные, рассеянные во многих печатных источниках, дает место в приложениях (см. № II) к настоящей записке полученному ею сообщению С. Ф. Русовой, где подведен итог целому ряду наблюдений в области внешкольного народного образования.

Во вторых, безусловно справедливо указание Комитета министров на то, что законы 1876 и 1881 гг. затрудняют распространение среди малорусского населения полезных сведений на понятном для крестьян наречии. Комиссия имела в своем распоряжении ряд достоверных данных, свидетельствующих о затруднительности для малоруса понимания великорусского книжного языка. Некоторые такие данные приведены и в упомянутых сообщениях. Особенно важно отметить, что малорусу с трудом дается понимание великорусских книг, посвященных изложению даже самых элементарных сведений, в виду именно различия обоих языков в обозначении предметов обиходного употребления: слова “лошадь”, “мерин”, “телега”, “одонье”, “омшеник”, “овин”, “рига”, “клеть”, “подволока”, “польня”, “глаз”, “лоб”, “затылок”, “туча”, “молния”, “радуга”, “колодезь”, “пруд”, “мельница”, “мельник”, “боров”, “кукушка”, “тряпка”, “изба”, “калитка”, “форточка”, “петух”, “наседка”, “нашест” и т. д. непонятны, или малопонятны, малорусу. Самым красноречивым образом свидетельствуют о том же затруднении, испытываемые даже образованными малорусами при знакомстве с нашей книжной речью; об этих затруднениях говорят многие наблюдатели, начиная с тридцатых и сороковых годов прошлого столетия. И не напрасно, конечно, малорусы так охотно прибегали и прибегают к “рідній мові” для выражения на письме своих мыслей и чувств.

Комиссия имеет основание утверждать, что распространение книг среди малорусского населения на родном для него языке пошло бы гораздо успешнее, чем на языке великорусском. И на это имеются многочисленные доказательства; об этом именно говорит факт успешного распространения в Малороссии книг, напечатанных в Галиции, при чем такое распространение не останавливается перед запретительными мерами, грозящими обывателям, у которых найдутся, например, сочинения Шевченка или Котляревского во львовских изданиях, самыми серьезными неприятностями до отсидки в тюрьме включительно. Малорусские грамотные крестьяне с жадностью набрасываются на все, что написано на родном их языке: при отсутствии легальной литературы на малорусском языке, нелегальная литература имеет тем большее распространение и тем сильнее действует на население. Вышеизложенное в достаточной мере иллюстрируется письмом бывшего исправника Ш., помещенным в № 9 “Гражданина”^н за 1905 год (см. приложение № X).

Комиссия имеет также основание думать, что отмена стеснений малорусского печатного слова окажет влияние не только на подъем знаний в народной среде, путем распространения среди малорусов научно-популярных изданий,

но и на общий подъем культурного облика народа. Нельзя не признать, что пренебрежительное отношение к родной речи влечет за собой отрицательное отношение и к семье, и к родной среде, а это не может не отразиться самым печальным образом на нравственном складе сельского населения Малороссии. (Ср. соображения проф. В. П. Науменка, в приложении № VI).

Нашему правительству не могут быть, конечно, чужды интересы и образованной части русского, а в частности малорусского, общества. Законы 1863, 1876 и 1881 гг. дают некоторое право на развитие одной только изящной словесности. Но изящная словесность является лишь одним из способов обнаружения духовной жизни образованного человека. Страна производит не одних литераторов: она выделяет и мыслителей, и ученых, и публицистов, и общественных деятелей. Отказывать этим людям в том, что разрешено труженикам в области изящной словесности, отказывать им писать и печатать по-малорусски несправедливо. К тому же, как мы видели, это и невозможно: малорусы печатают свои ученые труды, публицистические трактаты, свои мысли и исследования во Львове, Вене, Черновцах. Мы желали бы, чтобы малорусская литература во всем составе своем оставалась русскою. Мы находили бы полезным обратить силы и способности даровитых малорусов на пользу взростившего их края. Великорусскую народность, сильную не одною своею численностью, не пугает существование польской, немецкой, латышской, литовской, армянской, грузинской, еврейской, татарской литератур в пределах России. Зачем же пугаться русской? Поляки, немцы, армяне имеют к тому же свои особенные национальные интересы: они не смешались с русским народом, культурный и вероисповедные различия между ними и русским населением весьма значительны. Но малорусы всей совокупностью своей деятельности на пользу русского государства и русской общественности являются верными и испытанными сынами русского народа: они пишут вместе с нами в великорусских газетах и журналах, читают вместе с нами лекций, издают научные руководства, участвуют в общественных собраниях и говорят там вместе с нами по-великорусски. Изменят ли они своему русскому направлению, когда им позволят говорить и писать на родном русском наречии?

Стеснительные запрещения 1863, 1876 и 1881 гг. угнетающим образом ложатся на творческие способности образованных малорусов: пользоваться неродным, непривычным с детства, не воспринятым с молоком матери языком для воплощения творческой мысли и фантазий возможно лишь при особом лингвистическом даровании. Тяжелое состояние малорусского писателя рисует нам письмо господина Леонтовича, присланное им Д. Л. Мордовцеву, а господином Мордовцевым доставленное в Комиссию (печатается в приложении № VII).

Таким образом оказывается, что в ненормальных условиях духовной и умственной жизни живет в России народность, насчитывавшая в январе 1897 г. до 23 миллионов 700 тысяч душ (см. сообщение А. А. Русова в приложении № IX).

Комиссия с полным убеждением решается в заключение своего доклада повторить следующие слова Ю. Ф. Самарина, сказанные им в 1850 г.: "Пусть же украинский народ сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои пре-

дания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям”⁰.

Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – СПб., 1905. – С. 1–28. Оpubл. частково: *Лотоцький О.* Сторінки минулого. – Варшава, 1933. – Ч. 2. – С. 365–375.

№ 235

[1905 р., раніше травня 24]¹. Київ. – Записка професора В. Б. Антоновича у справі обмежень української мови, написана за дорученням історико-філологічного факультету Київського університету

Малорусская литература регулируется особенным постановлением, изданным в 1876 г. В силу этого постановления на малорусском языке могут быть разрешаемы цензурою только оригинальные беллетристические сочинения и исторические документы, и то не иначе, как с разрешения местного цензора, утвержденного Главным управлением по делам печати, т. е. должны проходить две степени цензурного контроля. Все другие сочинения, преимущественно же содержания религиозного, педагогического, книги для народного чтения, для детского возраста, сочинения ученого содержания, а также переводы беллетристических сочинений из других литератур безусловно были воспрещены.

Очевидно, объектом воспрещения служило не содержание книг, в котором невозможно было предугадывать нежелательного направления, а самый язык, на котором написаны были эти книги. В истории цензуры всех стран подобное отношение к языку встречается довольно редко. Нечто подобное мы встречаем разве в отношениях немцев к чешскому языку при Фердинанде II и его преемниках, в отношениях англичан к ирландскому языку при Кромвеле или в деяниях польской духовной цензуры в XVII ст., истребившей десятки тысяч экземпляров русских летописей и книг потому только, что они написаны были по-русски и, по мнению истреблявших их духовных цензоров, признаны были ненужными. Но в указанных случаях, помимо условий места и времени, цензурные меры объясняются, с одной стороны, религиозным фанатизмом и с другой – предшествовавшей упорною борьбою политической и литературною. Между тем как в данном случае ничего подобного не существовало, и малорусская литература, проявляя любовь к родине и своему народу, в малейшей мере не нарушала общегосударственных интересов и обязательного правового порядка. Мотивы запрещения 1876 г. нам вполне не известны, но насколько можно судить по отзывам поборников запрещения, мотивы эти сводятся к следующим положениям:

¹ Датується за змістом події.

1. Малорусский язык не существует, – это лишь говор общерусского языка и затея создать малорусскую литературу – попытка праздных людей, не имеющая никакой будущности. Есть ли малорусская речь – язык, наречие, говор или диалект, – не беремся судить, это вопрос спорный и назначение ранга, к которому следует отнести эту речь, охотно предоставляем филологам-специалистам по славяноведению. Но для нас несомненно то, что на этом говоре или наречии говорит много миллионов народа, что при изгнании семейной речи из церкви, школы и даже из книги, народ задерживается в своем развитии, быстро забывает приобретенное в школе, с трудом приобщается к культурной жизни и, в лучшем случае, теряет много времени на усвоение знаний, преподносимых ему в форме, неполно понятной и привычной. Опасение, что праздные люди могут создать литературу на несуществующем языке, ниже всякой критики. Если бы возможно было допустить существование странных людей, которые стали бы писать на несуществующем языке, то от деяний их никому не произошло бы вреда; они в должной мере были бы наказаны, неся непроизводительные затраты на напечатание книг, которых никто не стал бы читать, и плачевные результаты такой деятельности прекратили бы попытку лучше всяких запретительных мер.

2. Малорусская литература не нужна. Образованные малороссы могут пользоваться русскою литературою; для народа же может существовать областная литература на его семейном языке, отвечающая его несложным духовным потребностям. Но запрет 1876 г. именно упраздняет возможность существования такой подлитературы, не говоря уже о запрещении Священного писания в малорусском переводе, несмотря на представительство Академии наук и на издание этого перевода Лондонским библейским обществом, помалорусски нельзя издать ни Житей Святых, ни молитвенника, ни духовного поучения и т. п. Если в этом отношении является преграда для удовлетворения настоящей духовной потребности, то не менее стеснены и потребности житейские, более материального характера. Так, цензура стесняется пропускать книги для народного чтения, посвященные гигиене, сельской медицине, хлебопашеству, скотоводству и т. п. Нам известны факты запрета популярных книг, трактующих о дифтерите, холере и т. п. Один автор, написавший о новом, весьма полезном способе запашки (черный пар), успел добиться права напечатать свою книгу только благодаря покровительству Министерства земледелия, где он доказал, что со времени введения этого способа запашки в его уезде прекратились платежные недоимки крестьян. И то сочинению своему он должен был придать диалогическую форму, выдавая его таким образом как бы за беллетристику. Таким образом запрещение 1876 г. упраздняет даже возможность существования этой скромной областной литературы, которой пользу готовы признать противники малорусской литературы.

Насколько нужна малорусская литература для интеллигенции, об этом можно спорить, вести научную и литературную полемику, но странно решать дело запретом, пока есть люди, желающие писать и читать книги на данном языке. Вопрос этот может решить лишь самая жизнь. Если действительно существование малорусской литературы окажется излишним, то она сама собою

прекратится. Никто не станет писать и издавать книг, которые останутся без читателей и покупателей. Если же малорусская интеллигенция действительно нуждается в своей литературе, то никакое запрещение не в состоянии уничтожить этой нужды, оно лишь вносит мотивы ненужного раздражения и ставит обывателей в несколько унижительное положение, подвергая их культурные потребности предусмотрению посторонней опеки.

3. Малорусская литература не имеет будущности, потому что стала развиваться слишком поздно. Трудно судить, насколько верно это положение, так как оно основано не на фактическом материале, а на соображениях о будущем. Насколько можно судить по фактам настоящего и давнего прошлого, горизонт будущего представляется нам не столь безнадежным. За время недолгого своего существования малорусская литература сделала неимоверные успехи. Она выросла и количественно, и качественно, несмотря на запрет, пользуясь возможностью издавать книги в Галиции, выросла до значительных размеров.

Около половины прошлого столетия один из противников малорусской литературы любил повторять остроу, что вся эта литература равняется 6,5 фунтам. Между тем в настоящее время литература эта производит множество книг – популярных, беллетристических, научных. На малорусском языке издаются разнородные периодические издания, читаются лекции в университетах – Львовском и Черновицком, ведется преподавание в гимназиях, снабженных полным набором учебников, ведутся дебаты в Галицком сейме и в общественных собраниях и т. д. Число малорусских писателей насчитывает сотни имен, как в том можно убедиться по “Истории литературы” проф. Огоновского или по антологии “Вік”, изданной в Киеве. Будет ли этот рост продолжаться в будущем в той же прогрессии или остановится, – мы не знаем – на это ответ может дать лишь будущее, но во всяком случае запретительные меры могут лишь усилить рост запрещенной литературы и при том, к крайнему прискорбию, приучить любителей этой литературы искать удовлетворения своей культурной потребности за границами своего отечества.

4. Существование малорусской литературы ведет к политическому сепаратизму. Этот аргумент, имевший, как кажется, преобладающее влияние как главный мотив, вызвавший стеснительные цензурные меры, построен на странном смешении двух совершенно различных понятий: национальности и государства. Национальностью мы называем совокупность антропологических, этнографических и духовных признаков, которыми отличается одна группа человечества от другой. Признаки эти выработались самою природою под влиянием весьма сложных природных факторов: смешения рас, климата, занятий, пережитой исторической судьбы и т. д. Как все, созданное природою, признаки эти отличаются большою устойчивостью. При больших усилиях можно, конечно, истребить какой-нибудь внешний признак национальности, например, воспретить национальный костюм, национальную архитектуру или, в редких случаях, национальный язык. Но от такого истребления, требующего с одной стороны больших непроизводительных усилий и причиняющего другой стороне значительную долю страданий, национальность не исчезает. Так, после 600 лет давления англичанам удалось лишить большинство ирландцев их национального языка, но тем не менее ирландцы сознают себя отдельною

национальностью, и в парламенте, и на митингах ведут упорную борьбу с англичанами на английском же языке.

Совершенно другое значение имеет понятие о государстве. Государство возникает не вследствие сил природы. Оно – продукт человеческого ума, сложившийся по требованиям исторической жизни. Это союз, в который вступили люди одной или многих национальностей с целью обеспечить внешнюю безопасность и внутреннее благоустройство. Обозревая современные нам государства, мы можем заметить, что за немногими исключениями, по большей части весьма небольших государств, нигде границы государства не совпадают с границами национальности.

В этом отношении мы встречаем три разнородные явления:

а) на территории одной национальности возникло несколько государств (напр.: Пруссия, Бавария, Саксония, Вюртемберг и другие мелкие германские государства; Англия и Североамериканские штаты; Сербия и Черногория и др.);

б) в пределах государства нет отдельной, одноименной с ним национальности, а лишь группа различных национальностей, связанных между собою общо государственною властью (Австрия, Швейцария);

с) есть национальности, и это встречается чаще всего, не составляющие отдельного государства, но входящие в состав одного или нескольких государств, основанных другими национальностями. Эти безгосударственные национальности в огромном большинстве случаев не мечтают об образовании отдельных государств, но дорожат сохранением своего природного национального типа и вправе рассчитывать на то, что государство, в состав которого они входят, в пользу которого несут государственные повинности и с которым разделяют историческую судьбу и гражданский быт, даст им возможность сохранить свой тип и развивать его по пути культуры. Только весьма немногие национальности стремятся более или менее интенсивно к политической обособленности, и это бывает лишь в тех случаях, когда известная национальность, (напр. Венгрия) имеет историческую традицию о том, что она в недавнее относительно время стояла во главе известного государства и потеряла свое положение после упорной борьбы.

Применяя все сказанное к малорусской народности, мы должны признать, что народность эта совершенно лишена государственного инстинкта. Она не только не составляла отдельного государства, но добровольно отклонила образование такового, даже в тот момент, когда исторические обстоятельства давали на то возможность (в половине XVII ст.) Малороссия вошла в состав Русского государства добровольно, без завоевания и борьбы и вследствие этого принесла в новое государство лишь чувство любви и единения без тени всякого раздражения или озлобления.

Малорусская литература никогда не подымала даже намека о политическом сепаратизме и всегда считала этот мотив для себя чуждым. Таким образом, преследование малорусской литературы из-за опасения политического сепаратизма представляет лишь продукт недомыслия и смешения стремлений культурных с политическими. В иных же случаях является результатом некультурного и грубого инстинкта, в силу которого малоразвитые люди спо-

собны порицать все формы быта, непохожие на те, к которым они привыкли, и требовать вещи невозможной – отождествления природных этнографических и культурных особенностей по своему образцу.

Ввиду всех высказанных мотивов я полагаю, что исключительные стеснительные меры, сковывающие малорусскую печать, должны быть устранены и что печать эта должна быть уравнена в цензурном отношении с цензурными постановлениями, обязательными для русской печати. Полагаю, что в данном вопросе – это единственный исход, удовлетворяющий принципу справедливости и вполне отвечающий высокому достоинству государства.

Проф. Владимир Антонович

ЦДІАК України, ф. 832, оп. 1, спр. 67, арк. 1–6. Копія. Машинопис. Опубл.: Записки Українського наукового товариства в Києві. – К., 1908. – Кн. III. – С. 33–39; Антонович В. Б. Твори. – К., 1932. – С. 278–284; Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори / Упоряд. О. Тодійчук, В. Ульяновський. – К., 1995. – С. 153–158.

№ 236

**1905 р., травня 24. Санкт-Петербург. –
Висновки міністра народної освіти В. Г. Глазова, надані Комітетові
міністрів, про необхідність скасування заборонних актів
1876 та 1881 рр. стосовно українськомовної наукової,
популярної та публіцистичної літератури із збереженням обмежень
щодо української мови у сфері освіти, у судочинстві,
адміністрації та у духовному житті**

Комитет министров, приступив в заседаниях 28 и 31 декабря 1904 г. к обсуждению способов исполнения предначертаний п. 8 именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г.¹ об устранении из постановлений о печати излишних стеснений и о поставлении печати в точно определенные законом пределы, между прочим, остановился на высочайших повелениях 18 (30) мая 1876 г.² и 8 октября 1881 г., коими запрещены печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности. Постановления эти, в свое время неопубликованные и в Свод законов не вошедшие, имели в виду воспрепятствовать развитию украинофильского движения, направленного к литературному, а быть может засим даже и политическому обособлению Малороссии от остальной России. Указанное движение, бывшее всегда явлением наносным, ныне не представляет, по-видимому, сколько-нибудь серьезной опасности; между тем, применение изъясненного запрета, значительно затрудняя распространение среди малорусского населения полезных сведений путем издания на понятном для крестьян наречии книг, препятствует повышению нынешнего низкого культурного его уровня.

Такое соображение, казалось бы, должно побуждать высказаться за желательность отмены этой меры, стесняющей свободу печатания на малороссийском наречии различных книг. Но для разрешения сего вопроса в виду

¹ Див. док. № 222.

² Див. док. № 68.

Комитета не имеется достаточных фактических сведений. Поэтому и в видах вышней осторожности Комитет находит полезным, для большего разъяснения практического значения упомянутого запрета и проистекающих из него неудобств, предоставить министрам народного просвещения и внутренних дел, по принадлежности, запросить мнения по сему вопросу императорской Академии наук и императорских университетов Киевского и Харьковского, а равно киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, и представить таковые в непродолжительном времени, вместе со своим по оным заключением, на уважение Комитета.

Остановливаясь на этом выводе, Комитет, вследствие возникшего в среде его вопроса, считает необходимым оговорить, что настоящим положением отнюдь не имеется в виду сколько-нибудь затрагивать вопрос об языке преподавания в народных школах малороссийских губерний.

По всем приведенным основаниям, Комитет положил: поручить министрам народного просвещения и внутренних дел, по предварительном сношении с киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, императорскими Академией наук и Киевским и Харьковским университетами – пересмотреть высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. об ограничении печатания книг на малорусском наречии и свои заключения по сему предмету, вместе с соображениями означенных лиц и учреждений, внести на рассмотрение Комитета министров.

О таковом положении Комитета министров, удостоившемся в 21 день января сего года высочайшего его императорского величества утверждения, управляющий делами Комитета сообщил Министерству народного просвещения.

Вследствие сего министерством было сделано сношение с августейшим президентом императорской Академии наук и попечителями Киевского и Харьковского учебных округов с просьбою предложить означенный вопрос на обсуждение конференции Академии и университетов Харьковского и Св. Владимира.

Означенные учреждения по соображениям, подробно изложенным в прилагаемых при сем отзывах, пришли к следующим заключениям.

Академия наук признала, что цензурные стеснения малорусского печатного слова, начавшиеся при том только с 1863 г., не были вызваны какими бы то ни было угрожающими единству России стремлениями малорусского народа или его интеллигенции. Равным образом, ничто не указывает на существование таких стремлений и теперь. Правительственные распоряжения, поразившие свободное развитие малорусской литературы, во-первых, помешали до сих пор определиться взаимным отношениям великорусской и малорусской литератур, которые, как в этом убеждена Академия наук, не разойдутся ни в целях, ни в направлениях; во-вторых, вызвали неестественный рост малорусской литературы в Галиции, литературы, в значительной степени враждебной России. В настоящее время эти правительственные распоряжения служат источником сильного и вполне естественного недовольства образованных словес малорусского населения России.

Кроме того, они нарушают интересы сельского населения Малороссии: распространение книг духовно-нравственного, воспитательного, общеобразовательного содержания задерживается отчасти полным незнанием, отчасти недостаточным знакомством малорусов с великорусским книжным языком. Все это весьма невыгодно отражается на интересах всего русского народа.

Академия наук не может не заметить, что русское законодательство с того самого времени, как был составлен первый цензурный устав, держалось всегда того правила, что печатное слово может быть предметом преследования или какого бы то ни было воздействия только за внутренний смысл того, что им выражено: “цензура в суждениях своих принимает всегда за основание ясный смысл речи, не позволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону” (Ценз[урный] уст[ав], ст. 105). Внешняя оболочка мысли, способ выражения ее, слова, буквы изъяты от цензорских и всяких иных усмотрений (ср. там же, ст. 106 и 111). Только сцепление несчастных случайностей могло поэтому подвести под запрет целый язык; только несчастная случайность могла побудить правительство к преследованию целой письменности и к принятию на себя заботы о малорусском правописании. Академия наук убеждена в том, что распоряжение 1863 г.¹ и высочайшие повеления 1876 и 1881 гг. не могут быть согласованы с основными началами русского законодательства. А между тем существование высочайших повелений 1876 и 1881 гг. не может не стать предметом величайших беспокойств законодателя, после выраженного им в именном высочайшем указе 12 декабря 1904 г.² требования об охране полной силы закона. Предначертания законов 18 (30) мая 1876 г.³ и 8 октября 1881 г., вопреки точному разуму Основных государственных законов, не были рассмотрены в Государственном Совете, а состоявшиеся высочайшие повеления, вопреки тем же законам, не были обнародованы Правительствующим Сенатом; подобное отступление от установленного законом порядка составления и обнародования законов устраняет в народе, на который распространяется действие законов 1876 и 1881 гг., уверенность, что они, при предварительном их обсуждении, привлекли к себе в полной мере внимание законодателей и составляют проявление действительной и непосредственной монаршей воли (ср. извл[ечения] из журн[ала] Ком[итета] мин[истров] от 21 и 24 декабря 1904 г. и 4 января 1905 г.).

В силу всех этих соображений императорская Академия наук полагает, что необходимо ныне же отменять высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г., а также удостоившееся высочайшего одобрения распоряжение министра внутренних дел 1863 г., послужившее для тех повелений основанием.

Вместе с тем все вышеизложенное привело Академию наук к убеждению, что малорусское население должно иметь такое же право, как и великорусское, говорить публично и печатать на родном своем языке.

¹ Див. док. № 44.

² Див. док. № 222.

³ Див. док. № 68.

Затем, совет императорского Харьковского университета полагает, что в равной степени как для Малороссии, так и для всей России, для развития и подъема культуры населения в отношениях экономическом, умственном и нравственном, ради здоровой государственной и общественной логики, наконец, ради простого чувства справедливости, необходимо:

1) Применять к малорусской литературе тот порядок, который будет применяться после ожидаемой цензурной реформы к произведениям русской литературы, не выделяя никоим образом малорусского населения, составляющего часть основного русского ядра, в разряд инородческий.

2) Предоставить полную свободу в деле перевода на малорусский язык Священного Писания, книг религиозно-нравственного содержания, вместе с тем и для церковной проповеди как в печати, так и в живом слове.

3) Признать полную законность народных чтений и бесед на малорусском языке по беллетристике и по всем отраслям научно-популярных знаний, а равным образом допускать в школьные библиотеки и народные читальни книги на малорусском языке наравне с русскими.

4) Уравнять всецело малорусскую драматическую литературу и украинскую сцену с общерусскими.

5) Допустить украинскую периодическую печать на одинаковых правах с общерусской.

6) Допускать в Россию галицко-русские периодические издания и книги к обращению наравне со всеми другими на общих основаниях.

7) Не касаясь вопроса о языке преподавания в первоначальной школе в малороссийских губерниях, так как этот вопрос совершенно изъят из обсуждения, совет во всяком случае находит необходимым, чтобы в начальных школах в местностях с малороссийским населением было введено обучение малороссийскому чтению и письму и чтобы предоставлено было право помещать в русских учебниках переводы и объяснения малопонятных для детей малороссов русских слов и выражений, равно как издавать на малорусском языке литературные хрестоматии и другие педагогические пособия.

Наконец, совет императорского Университета Св. Владимира приходит к следующим выводам:

1) Вопросы о языках и литературах не следует смешивать без самой строгой разборчивости с вопросами политическими (на это давно уже было указано бывшим министром народного просвещения Головниным).

2) С этической и исторической точки зрения стеснение малорусской литературы является несправедливым.

3) Ограничительные меры по отношению к ней не могут быть оправдываемы и требованиями государственной пользы и

4) не соответствуют современным понятиям о задачах государства.

5) Практика жизни обнаружила живучесть малорусской литературы и ее насущную необходимость.

6) Само собою разумеется, что во главе книг, удовлетворяющих высшим потребностям духа, должно быть поставлено Св. Писание на народном языке.

7) Просвещение и экономическое преуспеяние народа необходимо нуждаются в наиболее доступной его пониманию популярной литературе.

8) Равным образом научная и публицистическая литература на том же народном языке не может быть предметом воспрещения, поскольку она не нарушает общих законов о печати.

Справка

I. При сем прилагаются: 1) отзыв императорской Академии наук¹, 2) отзыв императорского Харьковского университета², 3) отзыв, в копии, императорского Университета Св. Владимира³ и 4) особое мнение, в копии, профессора императорского Университета Св. Владимира Кулаковского⁴.

II. При сем прилагаются, в копиях, отношения Главного управления по делам печати от 23 июня 1876 г.⁵ и 16 октября 1881 г.⁶ за №№ 3570 и 4016, в коих изложены высочайшие повеления 1876 и 1881 годов.

Закон

Высочайше утвержденным 21 января 1905 г. положением Комитета министров об устранении из постановлений о печати излишних стеснений, между прочим, постановлено:

п. VI. Поручить министрам народного просвещения и внутренних дел, – по предварительном сношении с киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, императорскими Академией наук и Киевским и Харьковским университетами, – пересмотреть высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. об ограничении печатания книг на малорусском наречии и свои заключения по сему предмету, вместе с соображениями означенных лиц и учреждений, внести на рассмотрение Комитета министров⁷.

Соображения

Обращаясь к рассмотрению соображений, изложенных в отзывах императорской Академии наук и советов университетов Харьковского и Св. Владимира, имею честь сообщить следующее:

Украинофильство, явившееся главной причиной запретов, в его прошлом, и недостаточно квалифицированное в настоящем, требует особого внимания.

Взгляд Академии наук на украинофильство отличается двойственностью и неопределенностью: местами *допускается*⁸ враждебность украинофильства к русскому, выражается соболезнование к тяжелому положению противников украинофилов в Галиции, но и надежда на конечное торжество русской

¹ Див. док. № 234.

² Див. док. № 231.

³ Див. док. № 233.

⁴ Див. док. № 230.

⁵ Див. док. № 70.

⁶ Див. док. № 96.

⁷ Див. док. № 225.

⁸ Тут і далі курсив у тексті.

науки и образованности; в других же местах выражается сочувствие народничеству украинофилов и осуждаются явления противоположного характера. Приложенные к отзыву Академии наук мнения частных лиц выражают прямо симпатии к украинофильству.

Но ни в отзыве Академии наук, ни в таковых же университетах (которые вовсе не касаются этого вопроса) не рассмотрено другой стороны украинофильского вопроса, а именно, его значение в руках ненавистников России, находящихся в Галиции.

Здесь оно имеет явно политический характер с приправой социализма, мечтающее о создании Русской Украины от Карпат до Кавказа. Если не прямо, то косвенно, чрез посредство украинофильских обществ, оно поддерживается австрийским правительством и поляками. Пропаганда из Галиции и Буковины идет контрабандным путем в Россию; так, например, издающийся в Черновицах журнал “Гасло” (4 000 экземпляров) перевозится через границу целиком для распространения среди учащейся молодежи и крестьян. Существующее в самой Галиции противоположное, русское течение, несмотря на всю его опору в местном русском крестьянстве, в борьбе за церковь, народность и веру, постепенно уступает силе напора противников, страдая недостатком средств для ведения успешной борьбы.

Если допустить, что украинофильство в наших пределах не солидарно с галицким ни в качественном, ни в количественном отношении, то все-таки трудно признать правильность уклонения Академии наук от определения политической роли зарубежного украинофильства, а равно возможности его влияния на таковое же в России.

В своих взглядах на русский народ отзыв Академии наук прямого ответа не дает, ибо местами проглядывает убеждение в единстве русского народа и основ его образованности, а в других, более многочисленных, просвечивает взгляд на двойственность.

Взгляд этот не разделяется ни профессорами Харьковского университета, ни Киевского. Первые, признавая малорусское население “частью основного русского ядра”, не советуют никоим образом выделять это население в разряд инородческий; киевские профессора подчеркивают не только национальное единство, но и первенствующее значение общерусского литературного языка, который останется навсегда живой и истинной эмблемой этого единства. Почти таковой же взгляд на литературный язык высказывают и харьковские профессора, считая его не великорусским, а *русским*, который и должен господствовать во всей России.

Во взглядах на литературный язык члены Академии наук стоят особняком, ибо не считают его *общерусским*, а дают ему наименование “великорусского” в противоположность “*малорусскому*”.

По справедливому замечанию одного из наших ученых, прилагая это положение к Западной Европе, надо признать и там отсутствие общего литературного языка: *немецкий* есть верхне-саксонский, *английский* – миддльсекский, *французский* – ойлский, *испанский* – кастильский, *итальянский* – тосканский и т. д.; а если от наречий перейти к говорам, то вместо, например, малороссийского должен появиться: харьковский, полтавский, подольский и т. д.

Русский язык, в число наречий коего входит малороссийское, по свидетельству киевских профессоров, достаточно понятен той части народа, который получил образование в школе; в отзыве академиков и харьковских профессоров понимание русского языка ставится на более низкую степень, что, по справедливому замечанию одного из ученых, надо отнести к кратковременности школьного обучения и необходимости увеличить срок пребывания в школе до четырех лет.

В понятиях малорусского народа русский язык всегда почитался языком господским и государственным благодаря как помещикам, говорившим в большинстве на русском языке, так и церковной проповеди.

Известный галицкий патриот отец Наумович, прибыв в Малороссию, начал было говорить проповеди на малороссийском языке, но вскоре к своему немалому удивлению был вынужден от этого отказаться, ибо крестьяне считали себя как бы обиженными и просили его говорить на русском языке, им понятном.

Малороссийский язык, как язык народа, вполне удовлетворяет его несложные потребности; он превосходит в поэзии, воспевающей природу и общечеловеческие чувства, но он вовсе не пригоден, точнее говоря – беден для современного образованного общества. По мнению профессора Киевского университета *Флоринского*, малорусский язык “должен отказаться от притязаний служить органом высшей образованности”. Стремление, в особенности галицких малороссов, придать сему языку значение литературного, влечет к необходимости заимствований из других языков польского или немецкого, или же заставлять некоторых писателей изобретать слова, результатом чего является “искусственность” языка или такое разнообразие, при котором язык становится иногда неудобно-понятным. Явление это, т. е. заимствование, считается Академией наук естественным, тогда как у харьковских профессоров галицко-украинский язык вызывает грусть, особенно по сравнению с изящной простотой и чистотой языка Квитки и Шевченки.

Обособление малороссийского языка, быть может, в настоящее время и не является угрозой единству России, но однако примеры Испании и Португалии, Швеции и Норвегии, Голландии и Германии свидетельствуют, что язык может сделаться весьма существенной причиной политической розни. Академия наук указывает на возможность поднять умственный горизонт малороссийских крестьян новым литературным языком, но мы видим, что в Галиции этот подъем проявился на развалинах русской церкви, русской школы и русской народности с пользой только для ультрамонтанства, социал-демократии и атеизма. Не грозит ли и нам то же самое, хотя и в иной, быть может, форме.

Не лишнее при этом отметить, что крестьяне немецкие, французские и английские, насколько известно, развиваются путем школы и популярной литературы на языках общих – немецком, французском, английском, – а не на диалектах Швабии, Прованса, Уэльса.

Что касается п. 7 заключения харьковских профессоров относительно введения в начальных школах в местностях с малороссийским населением обучения малороссийскому чтению и письму, то, в видах полной доступности чтения на этом языке для детей, знакомых с русской грамотой, а равно ради

избежания каких-либо уклонений со стороны преподавательского персонала, нахожу таковое обучение в школах излишним, равно как и введение в учебники и педагогические пособия каких-либо переводов, объяснений и словарей с малороссийского наречия на русский язык.

Заключение

Вышеизложенное приводит к следующим заключениям:

1) Украинофильское движение современной Галиции нельзя считать настолько слабым, чтобы оно не могло стимулировать на таковое же и в наших пределах. Распространяемый оттуда язык, искусственно создающийся в формах, тенденциозно удаляющихся от общерусского языка, является врагом последнего, а так как возникновение и распространение его не вызывается какими-либо естественными стремлениями и потребностями южно-русского населения, то и распространение галицкой литературы в пределах России подлежит строгой цензуре.

2) Определить более или менее точно практическое значение существовавшего доселе запрета малороссийской литературы едва ли возможно. Проистекшее как бы отсюда, по мнению Академии наук, перенесение умственного малороссийского центра и роста малорусской литературы в Галицию, при ближайшем исследовании, оказывается явлением совершенно иного порядка, и искусственное развитие украинско-русского языка под немецко-польско-интернациональным воздействием, составляя явление планомерного порядка, лишь пользуется недовольством крупницы русских малороссов, недальновидно переносящих его за государственный рубеж.

3) Малорусской литературе, как областной *подлитературе*, составляющей часть общерусской, следует поставить известные границы, которые, по мнению Академии наук и киевских профессоров, – определяются самой жизнью, а в мнении харьковских профессоров, а отчасти и киевских приобретают некоторую определенность. Эту грань можно наметить уделением малорусской литературе области народной жизни в тех пределах, за которыми начинается ослабление и разъединение не только русской литературы и народности, но и вообще культурно-исторического единства России.

Поэтому *церковь, школа, суд и администрация* должны пользоваться соответственно лишь церковно-славянским и государственным языком; научная, популярная и изящная литература, а равно периодическая печать могут быть допущены на основании общецензурных правил.

А посему высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. следует отменить.

Об изложенном имею честь представить на благоусмотрение Комитета министров.

Подписал: министр народного просвещения, генерал-лейтенант *Глазов*

Скрепил: директор *А. Тихомиров*

ЛННБ ім. В. Стефаника, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія.; *Лотоцький О.* Сторінки минулого. – Варшава, 1933. – Ч. 2. – С. 380–381.

1905 р., травня 31. Санкт-Петербург. –
Проект Особливого журналу Комітету міністрів
із обґрунтуванням необхідності скасування обмежень
на друкування книг українською мовою

Во исполнение высочайше утвержденного 21 января 1905 г. положения Комитета министров о порядке исполнения пункта восьмого высочайшего указа 12 декабря 1904 г.¹ министры народного просвещения и внутренних дел внесли свои заключения, а также соображения императорских Академии наук и университетов Харьковского и Св. Владимира, равно как и киевского, подольского и волынского генерал-губернатора по вопросу о возможности отмены направленных к пресечению развития украинофильского движения и доньше не опубликованных высочайших повелений 18 (30) мая 1876 г.² и 8 октября 1881 г., коими запрещены: печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности, и ввоз в пределы империи малороссийских книг, изданных за границей.

Императорская Академия наук признает, что действующие по отношению к малорусскому печатному слову ограничения отражаются весьма неблагоприятно на интересах всего русского народа. С одной стороны они помешали определиться взаимным отношениям великорусской и малорусской литературы, которые, по убеждению Академии наук, не расходятся ни в целях, ни в направлениях, с другой – вызвали неестественный рост в Галиции малорусской литературы, в значительной степени враждебной России. Являясь доньше источником сильного недовольства образованных слоев малорусского населения, распоряжения эти особенно нарушают интересы сельского населения Малороссии, так как распространение книг духовно-нравственного, воспитательного и общеобразовательного содержания задерживается в иных случаях полным незнанием со стороны простого класса малороссов великорусского книжного языка, а в других – недостаточным их знакомством с этим языком.

Усматривая далее, что действующие по отношению к малорусскому печатному слову постановления не согласуются с основным правилом нашего цензурного законодательства, согласно которому предметом преследования или какого-либо воздействия может быть только внутренний смысл печатного произведения, а отнюдь не самый язык, на котором таковое излагается, императорская академия наук ходатайствует об отмене высочайших повелений 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. и о даровании малорусскому населению права, коим пользуется великорусское – говорить публично и печатать книги на своем родном языке.

Советы императорских университетов Харьковского и Св. Владимира, признавая стеснения малорусской литературы несправедливыми и несогласующимися с требованиями государственной пользы, высказывают, что для

¹ Див. док. № 225; 222.

² Див. док. № 68.

подъема и развития культуры населения в экономическом, умственном и нравственном отношениях необходимо отменить действующие ограничения и применять впредь к малороссийской литературе тот же порядок, которому подчиняется русская¹.

Представляя приведенные отзывы, министр народного просвещения приходит к заключению, что ввиду серьезности заграничного украинофильского, враждебного всему русскому, движения, необходимо твердо установить, что церковь, школа и суд должны и впредь пользоваться исключительно лишь государственным и, в подлежащих случаях, церковно-славянским языком; высочайшие же повеления 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. возможно отменить, подчинив малорусскую литературу и периодическую печать общим цензурным правилам; вместе с тем необходимо установить особо внимательный надзор за распространением в России привозимой из-за границы галицкой литературы².

Со своей стороны киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, исходя из соображений, что украинофильское движение есть явление наносное, и что большинство малорусского населения чуждо сепаратизма и беззаветно предано своему государю, между тем, как действующие ограничительные постановления, без серьезных к тому оснований, лишают местное коренное население возможности знакомиться с такими произведениями, которые, будучи написаны на понятном ему родном языке, заключали бы в себе полезные в житейском обиходе сведения, – находит не только возможным, но и прямо желательным отменить существующие в отношении малорусской литературы стеснения и поставить малорусские печатные произведения в такие же условия, в каких находятся произведения общей русской литературы.

Министр внутренних дел, указывая, что в настоящее время деятельность украинофилов переместилась в Галицию, где она имеет явно сепаратистический характер и стремится к образованию свободной и независимой Руси-Украины, от Кавказа до Карпат, и что в целях осуществления этой задачи ведется пропаганда, распространяемая путем различных изданий на малороссийском языке и в наших пределах, признает, в видах борьбы с этой пропагандой, необходимым сохранить особо бдительный надзор за произведениями малороссийской печати.

Сообразив вышеизложенное, Комитет, со своей стороны, высказал, что в представленных, всесторонне разработанных материалах с полной ясностью установлено, что во время издания высочайших повелений 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г., запретивших печатание книг на малорусском языке, украинофильство составляло лишь разновидность охватившего и русское общество того времени увлечения идеей народничества; к сепаратизму малорусское общество тогда не стремилось: оно жило одною общою жизнью со всем русским обществом вообще, в нем обнаруживались те же положительные и отрица-

¹ Див. док. №№ 231, 233.

² Див. док. № 236.

тельные стремления, которые разделили общество и в великорусских местностях. Запретительные по отношению к малорусской литературе меры вызвали нежелательное раздражение в местном населении, особенно в образованных кругах оного.

Между тем эти ограничительные постановления, как сие усматривается из многочисленных приведенных в материалах свидетельств земств, профессоров, чинов администрации и иных лиц, принесли скорее вред, чем пользу. Литература на малорусском языке, начавшая создаваться в России, развивалась в тесной связи и под непосредственным влиянием русской науки и просвещения. После воспрещения издания книг на малороссийском языке, литературная деятельность малороссов была перенесена за границу, преимущественно в Галицию.

Здесь малорусский литературный язык мало помалу начинает терять свою первоначальную чистоту и связь с великорусским и подчиняться влиянию чуждых ему элементов – языков немецкого, польского и т. п. В тоже время, развиваясь без прямого воздействия русской жизни, литература эта приобретает преимущественно антирусское направление и в ней действительно замечается стремление к сепаратизму.

С другой стороны неблагоприятные результаты таковых запрещений выяснились и в пределах России. Образованные классы малорусского общества, испытывая постоянное раздражение вследствие исключительного положения, в которое поставлена малорусская письменность, увеличивают ряды недовольных правительством и численность украинофилов.

Простой же народ, который в значительной своей части недостаточно понимает русский язык, лишен возможности знакомиться путем книг, изданных на понятном ему наречии, с полезными в его жизни и обиходе сведениями. Вследствие сего культурный уровень крестьянского населения Малороссии падает, а благосостояние его уменьшается.

Ощущая в тоже время потребность в печатном слове, малороссийский крестьянин с особою любовью и уважением встречает книги и брошюры, написанные на его родном языке, и изложенное в них принимает за истину без критики и рассуждений. Этой потребностью населения в книгах на природном языке воспользовались противоправительственные партии и стали распространять свои издания, вследствие чего местные крестьяне ныне на своем языке могут читать преимущественно революционные брошюры, – так как других книг, вследствие запрещения издания в России малорусских печатных произведений, они почти не имеют.

Признавая всю опасность таких явлений, Комитет находит, что устранить их невозможно при действующих ограничительных постановлениях, когда всякая изложенная на малороссийском языке книга, независимо от содержания ее, за редкими исключениями запрещается только потому, что она написана на этом языке. Необходимо предоставить малорусским крестьянам возможность получать содержащие полезные для них и интересующие их сведения в книгах, изложенных на понятном им наречии и изданных в России тем обще-

установленным путем, при котором административная власть, на основании цензурных правил, может воспрещать выход в свет представляющих какой-либо вред изданий. При этом, по мнению Комитета, едва ли возможно опасаться, что дарование малороссам возможности издавать книги на их природном языке отразится на усилении украинофильства. Если, как о том свидетельствует генерал-адъютант Клейгельс, малорусское население вообще чуждо идеи сепаратизма и беззаветно предано своему государю, то отмена действующих в отношении малорусской письменности ограничений, являющаяся мерой справедливой, которая предоставит ему то, чем пользуются все населяющие Россию народности, должна лишь увеличить верноподданнические чувства малороссов и вызвать к жизни литературу, которая будет парализовать действие издаваемых за границей и распространяемых нелегальным путем книг, нередко прямо революционного содержания.

Действующие законы о печати предоставляют министру внутренних дел достаточно сильные средства для борьбы с нежелательным направлением литературы, вследствие чего, пользуясь ими, всегда возможно воспрепятствовать распространению среди малорусского населения вредных, преимущественно приходящих из-за границы, идей украинофильства и сепаратизма. Необходимо лишь назначать для просмотра книг, изданных и напечатанных на малорусском языке, особых, знающих сей язык, цензоров или, что еще лучше, поручить эту обязанность коллегиальному органу, напр., особому цензурному комитету, установив путем соответственных инструкций сим лицам или учреждению правильное отношение их к произведениям малорусской письменности. При таком порядке возможно постоянно иметь внимательное наблюдение за брошюрами и газетами, которые, вследствие дешевизны своей, получают сравнительно широкое распространение и потому, в случае антиправительственного их направления, могут приносить особый вред.

В силу приведенных соображений Комитет, за изъявленным министром внутренних дел согласием, признает возможным отменить высочайшие повеления 18 (30) мая 1876 и 8 октября 1881 гг. и подчинить печатание и издание книг на малорусском языке действию общих постановлений о предварительной цензуре.

Допуская употребление в литературе и науке малорусского языка, Комитет считает долгом повторить то, принятое при первоначальном обсуждении вопроса, положение, что школьное преподавание, по-прежнему, должно быть производимо исключительно на русском языке и путем русских учебников.

В то же время необходимо посодействовать удовлетворению замечаемой среди населения малорусских губерний, особенно среди окончивших школы детей и отбывших воинскую повинность крестьян, потребности в русских книгах, дабы этим способом поддерживать знание русского языка у малороссов, с ним познакомившихся. На обстоятельство это уже обращено внимание комитета грамотности, предполагающего, по заявлению министра народного просвещения, расширить свою в указанном направлении деятельность. При увеличении же численности лиц, знающих русский язык и при облегчении им

возможности поддерживать и усиливать свои познания путем чтения книг на этом языке, проектируемая отмена высочайших повелений 1876 и 1881 гг. не может, по убеждению Комитета, оказать вредное, в смысле увеличения значения малорусского наречия за счет языка государственного, влияние на малорусское население, которое, по свидетельству лиц, хорошо знающих местные условия, не только не чуждается знания русского языка, а напротив относится к нему чрезвычайно дружелюбно.

По силе приведенных соображений Комитет полагает испросить монаршее вашего императорского величества соизволение на отмену высочайших повелений 18 (30) мая 1876 г. и 8 октября 1881 г. с подчинением печатания и издания книг на малорусском языке действию *общих постановлений о предварительной цензуре*¹.

ЛННБ ім. В. Стефаніка, Відділ рідкісної книги, інв. № 69438, б. н. Копія. Опубл.: Лотоцький О. Сторінки минулого. – Варшава, 1933. – Ч. 2. – С. 376–377.

№ 238

1905 р., жовтня 17. Петергоф. – Маніфест Миколи II “Об усовершенствовании государственного порядка” з проголошенням в Росії недоторканості особи, свободи слова, зборів і спілок^a

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная – его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые

¹ Курсив у тексті.

ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному порядку, и

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами направить все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день октября в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего одиннадцатое.

На подлинном собственною его императорского величества рукою подписано: Николай.

Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. — Т. 25: 1905. – СПб., 1908. – Отд. 1. – № 26803. – С. 754–755.

№ 239

1906 р., січня 25. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку губернаторам про заборону приватним театрам відступати від дозволених цензурою текстів п'єс

Циркулярно

Циркулярами Главного управления по делам печати от 12 января и 17 июня 1866 г. за №№ 73 и 1202, 15 октября 1868 г. за № 2541, 6 ноября 1872 г. за № 4799 и 21 марта 1884 г. за № 1361, между прочим, указывалось на необходимость наблюдения со стороны полиции за тем, чтобы исполняемые на сценах театров пьесы в точности соответствовали разрешенным драматическою цензурою текстам этих пьес.

Между тем, по имеющимся в Главном управлении по делам печати сведениям, антрепренеры и режиссеры частных театров ставят иногда на сценах пьесы, совершенно запрещенные драматическою цензурою (напр., в некоторых городах была поставлена запрещенная драматическою цензурою пьеса “Ткачи”), иногда не соблюдают сделанных цензурою исключений в тексте пьесы, или же дополняют пьесу такими новыми сценами и фразами, которые ни в каком случае не были бы допущены цензурою. Наконец, иногда путем режиссерских помарок, исключением отдельных выражений и целых фраз, пьесе умышленно придается тенденциозный характер, которого она в действительности не имеет.

Ввиду изложенного Главное управление по делам печати, по приказанию господина министра внутренних дел, просит Ваше превосходительство вменить в непрременную обязанность полицейским чинам вверенной Вам губернии неуклонно наблюдать за тем, чтобы драматические произведения испол-

нять на сценах в строгом соответствии с текстами цензурованных экземпляров этих пьес.

Подписал: начальник Главного управления по делам печати *Бельгард*

Скрепил: правитель дел Главного управления по делам печати,
член Совета *В. Адикаевский*

Верно: правитель канцелярии [*підпис*]

Сверял: помощник правителя канцелярии [*підпис*]

ЦДІАК України, ф. 320, оп. 1, спр. 1509, арк. 219. Засвідчена копія.

№ 240

1906 р., травня 15. Полтава. –

**Лист Л. М. Жебуньова від імені полтавської громади
українських демократів до М. Ф. Сумцова з проханням взяти участь
у складанні звернення до університетів про створення кафедр
української мови, літератури, історії та звичаєвого права**

Вельмишановний Микола Федорович!

З великим задоволенням і радістю прочитали ми (Полтавська громада українських демократів) Вашу статтю в “Строні” про автономію України^а і дуже дякуємо за Вашу піддержку наших домоганій! Ваше спочування сім домоганням дає нам сміливість обернутись до Вас з таким проханням: ми хочемо заслати до всіх університетів на Україні заяву про те, що треба урядить в університетах кафедри українських: літератури, мови, історії і звичаєвого права. Бажано нам викласти цю заяву з науковими аргументами (доказами), а позаяк ніхто з нас не має спеціально наукової компетенції в сіх науках, то й просимо Вас, високоповажний добродію, допомогти нам скласти заяву, або хоч підставити її, коли Вам нема часу цілком зложити. Будемо дуже вдячні Вам!

Сподіваючись на виконання нашого прохання в найближчим часі, прошу Вас прийняти вираз мого глибокого шанування до Вас і бажання усього найкращого. Разом з тим прошу Вас передати мій поклон Вашій жінці.

Щиро прихильний і поважаючий Вас *Л. Жебуньов*

Моя адреса: Полтава, Кузнецкая ул., № 25, Леониду Николаевичу Жебуневу.

Р. С. Засилаю Вам програм нашої партії і справоздання про останній з'їзд делегатів з інших городів. Позаяк ми подали заяву до уряду про легалізацію нашої партії, і літом або восени скличемо великій прилюдний з'їзд зо всій України (тепер обзваються¹ тільки областні з'їзди) то сподіваємось, що Ви дозволите нам і Вас запросити на цей з'їзд?

Парламентська українська група в Думі зростається з кожним днем, і тепер вже лічиться в ній більш 50 чоловік. Вона на сіх днях почне видавати “Українській вѣстник”^б, до которого просимо Вас писати.

ЦДІАК України, ф. 2052, оп. 1, спр. 423, арк. 1–2. Оригінал.

¹ Так у тексті.

№ 241

1906 р., липня 25. –

Лист М. Л. Кропивницького до М. Ф. Сумцова про 25-річчя заснування української театральної трупи та цензурні утиски щодо його творів

Високоповажний добродію Миколаю Хведоровичу!

Ні, мабуть до 50-річного артистичного юбілею я не добреду, бо пішов на сцену в 1871 р., мавши за плечима вже 30 років.

У цім році восени мине 25 років як заснував я після розгрому, котрий спобіг мене у 1876 р. у Катеринославі, – знов українську трупу з призову вічної пам'яті графа Лорис-Меликова (це було у 1881 р., в ноябрі). Заснував її з збірної дружини (балакали друзяки, хто як втяме, хто як втне!..) і з тії трупи і понині знаходиться на кону добродій М. Садовській, а де поділись останні, як: добродії Ашкаренко, бувший кременчуцький антрепренер і з гріхом пополам актор; Жаркова, Зелинська, Крамаренчиха, Крамаренко та інші тодішні співробітники, – давно вже не чую про них звісток.

Вже в 1882 р. прийшли до мене: добродії Заньковецька, Верина, Перверзева, Козловська, Затиркевичка, Саксаганський, Максимович, Грицай, Манько і їм же несть числа.

Сиджу тепер в хуторі і не знаю, чи думають сьвяткувать той початок заново українського театру з Кременчуку, чи може хтять переждати, ще рік, щоб заразом сьвяткувать юбілеї Заньковецької, Саксаганського, до речі й Садовського та інших?.. Чи може через сучасне лихоліття землякам тепер не до сьвят?

З декотрих прикмет вбачається мені, що багатьом вже не до мене, певно через те, що доки був на кону, доти... а може й через те, що не така тепер доба, сказати би-то переоцінна. Певно Ви надибували у “Шершневі”, в № 15 присьвячений мені вірш за те, що я взяв плату за подорож до Полтави на Тарасів роковинний концерт? Хоч я стратив більш 20 карб. на ту подорож, але виходить, що я не смів взяти і п'ятнадцяти карб. Найбільш “Театральний шершень” розгнівався, що я у марту місяцю, чоловік хворий і старий – поїхав першим классом і за це обізвав мене “поміщиком чистої води”. Він не зауважив навіть на те, що опріч весняної доби, тоді іхало сила буйного побідоносного війська з Дальнього Сходу і місьця в 2 та 3 классі брались з бою, а за сквозники мало не бились!..

Все таки спасибі Вам, велике спасибі, що згадали про мене.

Якийсь добродій Уманов-Каплуновський, з котрим я познаемивсь у С[анкт]-П[етер]бурзі яко з рецензентом, тиснув оповістку про мене у маю місяці сего року в “Историчнім вістнику”^а, посилаю Вам відбиток. Оповідка жидкувата, але й за те спасибі.

Похвалюсь Вам, що не сиджу, склавши руки, а написав вже дві твори на сучасний рух та обидві цензура забракувала. Одну почав друкувати “Рідний край”, але так нечепурно та з такими витинками та помілками, що я мусив вчора послати редакторові лайливого листа.

З найщиришим поважаннем зістаюсь *М. Кропивницький*

ЦДДАК України, ф. 2052, оп. 1, спр. 608, арк. 1–2. Оригінал.

608
135
А. Г. В.
1

Високоповажаний добродію
Степан Шевцову!

Ні,שובувати до 30 річної артистично-
го життя я не добреду, бо тільки на
сцену в 1877 р., мавши на той час вже
30 років.

У цім році в листи мене з Бродів
я заснував в, тільки розгорнувши, кот-
рий сповіст мене, у 1876 р., у Катери-
нославі, - знов українську турботу,
і присвоєну, вісній пам'яті, графа
Дорис-Меликова (це було у 1881 р.
в листопаді); заснував її з збірної дру-
жкми / багачами ^(дружби)
кто їх в мене! / і
і по нині знаходиться
в М. Садовській, а д

Лист М. Л. Кропивницького
до М. Ф. Сумцова.
25 липня 1906 р. Док. № 241.

про мене у Маро сільській сего року,
в Катеринополі Вісничку, пославши Вам
визбиток. Радіснийя друкувати,
але і за те спасибі.

Повідаю Вам, що не судило
сховати руки, а написав вже дві
твори на сукаський риф та обидва
загубив задухувалися. Одну почав
друкувати, "Рідний край", але так
неканурно та і такими Вісник-
ками та помітками, що в су-
сив вора писати редакторо-
ві найшубого шета.

З найшубішим пошануванням
зістає М. Кропивницький

19/25 06 р.
171

№ 242

1906 р., грудня 11. Київ. –

**Повідомлення київського губернатора О. П. Веретенникова
Головному управлінню у справах друку про дозвіл
М. С. Грушевському на друкування щомісячника
“Літературно-науковий вістник” у друкарні П. О. Барського в Києві**

Уведомляю Главное управление по делам печати, что мною вместе с сим выдано проживающему в г. Киеве магистру русской истории Михаилу Сергеевичу Грушевскому свидетельство за № 7581–7582 на издание в г. Киеве ежемесячного журнала на малорусском языке под названием “Литературно-науковий вістник” по следующей программе:

- 1) Беллетристика оригинальная и переводная.
- 2) Статьи критические и историко-литературные.
- 3) Обзоры и статьи по разным отраслям наук, по вопросам общественной и политической жизни.
- 4) Библиография.
- 5) Иллюстрации к тексту по мере надобности.

Подписная цена журнала на год 6 руб.; в рассрочку: к 1 января 2 руб., 1 марта, 1 июня и 1 сентября по 1 руб. 50 коп.

Обязанности ответственного редактора этого издания принял на себя в полном объеме Фотий Степанович Красицкий.

Печататься журнал будет в типографии П. Барского в г. Киеве.

При сем присовокупляю, что о выдаче означенного свидетельства мною, вместе с сим, поставлен в известность Киевский временный комитет по делам печати.

Губернатор генерал-майор [підпис]
Правитель канцелярии [підпис]

РДА, ф.776, оп. 16, спр. 479, арк. 1. Оригінал.

РІДНИЙ КРАЙ

18/13

Часопись політична, економічна, літературна і наукова.

ВИХОДИТЬ РАЗ НА ТИЖДЕНЬ У ПОЛТАВІ.

РІК ПЕРШИЙ.

Число 18.

6-го травня (маа) 1906 року.

Передплата приймається у Полтаві в конторі «Рідного Краю» на Протопоповській ул., будинок Оксоза № 41, біля поштово-телег. контори.
Передплата на рік 3 карбованці, на 1/2 року 1 карб. 80 коп., на місяць 35 коп., з пересилкою; окремі числа 8 коп. За кордон на рік 5 карб. Окремі числа за кордоном по 10 коп.; на вокзалах завізниць по 10 коп.
Річні передплатники можуть платити по 1 карбованцю за кожні 4 місяці вперед. За переміну адреса треба платити 20 коп.
Передплата приймається тільки о 1 числа кожного місяця.
За анонімовані в «Рідному Краю» після тексту треба платити за один рядок (стрічку) колапши 15 коп. Спереду тексту плата удвоє, за повідомлення анонімки вдруге і втретє—дешевше.

Листи і рукописи треба засилати по адресі: Полтава, Редакція «Рідного Краю» Протопоповська ул., будинок Оксоза, № 41, біля поштово-телеграфної контори.

Рукописи мають бути написані праворучем «Рідного Краю» і тільки з одного боку листа, заставляючи великі поля.

Як треба буде, редакція спорочуватиме і виправдатиме рукописи.

До кожної рукописі має бути приложена підпись автора і його адреса. Не прийняті до «Рідного Краю» праці вертаються авторам за їх кошт; а як не будуть взяті з редакції 2 місяці, то зляжуться.

ДО ЧИТАЧІВ. Досі наші люди вчилися в школах і в книжках правопису російської. Тепер треба заводити правопис наш, щоб усяке наше слово було написано так, як вимовляється. Знак є вимовляється як йе; замість и пишемо: і для м'якшого звука, и для твердішого (замість ы, якої зовсім не пишемо); знак і вимовляється як йі; знак ъ, як непотрібний, зовсім відкидаємо.

Передплата на 1906 рік.

Рідний Край

ЧАСОПИСЬ ПОЛІТИЧНА, ЕКОНОМІЧНА, ЛІТЕРАТУРНА І НАУКОВА
виходить в 1906 році раз на тиждень, в форматі тижневих журналів по 16—20 сторін.

У часописі заведені ось які відділи:

1. Що потрібно для нашого народу, особливо для селян хліборобів і всіх трудящих людей.
2. Що діється на Україні, також в Галичині й на Буковині.
3. Що діється в цілій Росії. Звістки з столиць.
4. Що діється по чужих землях, що єсть там доброго, що й нам би годилося.
5. Звістки й листи з городів і сел (про земства, товариства, про все що діється доброго і лихого).
6. Наукові статті і звістки (історія, література, медицина, ветеринарія, сільське хазяйство, промисли, і т. д.).
7. Оповідання, вірші, фелетони.
8. Дрібні звістки (про заробітки, торги, ціни і т. д.).
9. Вибіографія.—Запитання читателів і відповіді редакції про деякі діла: судові, хазяйські та інші.
10. Оповідки усякі.

Передплата на часопись на рік 3 карбованці, на місяць 35 коп. з пересилкою, окремі числа по 8 коп., додатки по 3 коп. без пересилки. За кордон на рік 5 карб. Окремі числа за кордоном по 10 коп.; на вокзалах завізниць теж по 10 коп.

Книгарям комісійних за передплату на рік 5%⁰. За продаж окремих чисел—25%⁰, за кордоном 30%⁰.

Листи і гроші засилати треба під адресом: Полтава, Протопоповська ул., д. Оксоза, № 41, (біля пошти) до редакції часопису «РІДНИЙ КРАЙ».

Просимо усіх прихильників і читателів наших, надсилати нам звістки про діяльність земств, городських дум, усяких товариств і організацій, звістки про постанови сільських і волостних сходів, селянських спілок і інші новини.

Редактори одічальні: } М. Дмитрієв.
 } Гр. Коваленко.

Видає Гр. Маркович.

Тим річним передплатникам, що підписалися на рік у розсрочку, нагадуємо, що вже пора засилати слідуочу частину передплати; просямо засилати, щоб не задержувалась висилка часописів.

Сповіщаємо наших передплатників і читателів, що на сторінках «Рідного Краю» в свій час будуть міститись всі важніші відомости про діяльність державної Думи.

Посли до державної Думи—В. М. Шемет, П. І. Чижевський, і І. Л. Цраг (посол од Чернигівської губ.) будуть писати нам листи про важніші події в державній Думі.

Перша сторінка полтавського часопису «Рідний край» (1906).

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 1033, арк. 13.

№ 243

1907 р., січня 2. Київ. –

Лист Б. Д. Грінченка до М. Ф. Сумцова із схваленням наміру останнього розпочати виклади в Харківському університеті українською мовою

Високоповажний добродію!

Дозвольте щиро подякувати Вам за Вашу статтю про мене в “Южном крае”, яку я оце прочитав. Ваше слово, як високо-авторитетного чоловіка науки, мені особливо цінне, а та щира прихильність, якою дише стаття Ваша, є мені дуже дорогою.

Та разом із сією подякою чисто особистого характеру, я мушу дякувати Вам ще й за іншу річ: за те, що Ви перший починаєте справу українських лекцій в університеті, кладучи тим підвалини будущому українському університетові. Ви знаєте, як велико шаную я Вашу наукову працю, та скажу щиро, що сей останній замір Ваш, здійснившись, буде таким вінцем Вашій роботі, який надасть їй в багато-багато разів ще більшої ваги в історії воскресення нашого народу з його духовної летаргії. Всі, хто дожидається сього воскресення, не терпляче ждуть осени і Ваших викладів.

Разом з сим посилаю Вам свою “Граматику” – відгук давніх учительських часів – і книжечку “Тяжким шляхом”. З нового року сподіваюся зовсім збутися публіцистики і вернутися знову до науки й красного письменства, до яких мене¹ тягне найбільше і від яких мене відбивали події двох останніх років. Тоді може пощастить мені справдити ті надії, згадкою про які кінчається Ваша стаття.

З великою й щирою шанобою *Б. Грінченко*

Чи відібрали Ви пакуночок книжок, які я послав Вам поперед сього (“Соняшний промінь” та інші)?

Адреса: Киев, Мариинско-Благовещенская, № 67, кв. 8.

ЦДІАК України, ф. 2052, оп. 1, спр. 341, арк. 1–2. Оригінал.

№ 244

1907 р., квітня 4. –

Анонімна стаття за підписом “Русский педагог”, надрукована в газеті “Закон и порядок”^а, з вимогою заборонити “Читанку” Т. Хуторного (Т. Г. Лубенця), а її автора звільнити з посади директора народних училищ Київської губернії

Директор народных училищ – украинофил

В № 61 от 14 марта 1907 г. издающейся в Киеве украиноманской газеты “Рада” помещена рецензия на “Книгу для Чтения” (Читанку), предназначенную для употребления в народных школах на случай, если в них будет

¹ Далі закреслено дуже.

341
469
1

Високоповажаний Дорродію!

Дозвольте щиро подякувати Вам за Вашу статтю про мене в „Южнонь Край“, яку я оце прочитав. Ваше слово, як високо-авторитетного головіка науки мені особливо цінне, а та щира прихильність якою дивне ставитесь до мене, мені дуже дорогою.

Ща разом із сією подякою чисто особистого характеру, я мушу дякувати Вам ще й за иншу річ: за те, що Ви

2
сми посилаю Ваш
тну" — відцур давніх
сих гасів — і кинтему
шляхом". З нового
якош зовсім збутися
шки і вернутися
ауки й красною писо-
менства, до яких мене дуже
тягне найбільше і від яких
мене відбивали події двох
останніх років. Могі мене
поцастить мені справдити
ті надії, надкою про які
кінчається Ваша стаття.

З великою й щирою шанобою
Б. Грінченка

1907, I, 2.
1 Київ.

Чи відібрали Ви науко-

Лист Б. Д. Грінченка
до М. Ф. Сумцова.
2 січня 1907 р. Док. № 243.

введен “украинский” жаргон в качестве языка преподавания. Не столь важно то, что украиноманы мечтают о завоевании народной школы для ими же вымышленного лжеукраинского язычия, сколько любопытно, что автором расхваливаемого учебника является правительственный директор народных училищ Киевской губернии Тимофей Григорьевич Лубенец, скрывшийся под псевдонимом Т. Хуторного, хорошо известным всякому соприкасающемуся в киевском педагогическом мире. Итак, высокий правительственный чиновник, ведающий важной отраслью государственного дела в целой губернии, содействует успеху такой политической затеи, которая грозит разделением на два враждебных друг другу лагеря до сих пор жившего в полном единении православного народа Великой и Малой России. Не думаем, чтобы украинофильская деятельность соответствовала положению, занимаемому господином Лубенцом в киевской учебной иерархии.

Вот эта рецензия в переводе на русский язык:

Библиография. Т. Хуторной. Читанка. Первая книжка после грамматики с рисунками. Издание 2-ое, Е. Череповского. 1907 г. 140 стр., цена 35 коп. Чрезвычайно популярная “Читанка” Т. Хуторного, вышедшая первым изданием в начале 80-х годов, долгое время была единственною книжкою, приспособленною для употребления в украинских школах. Много раз и просветительные общественные учреждения и отдельные лица обращались в высшие сферы и доказывали кому следовало, что ни одна из книжек, введенных теперь в школах на Украине не соответствует тем требованиям, которые ставит педагогика при обучении украинского дитяти. Однако же голоса опытных педагогов не доходили до бюрократических ушей.

Теперь, когда условия жизни в России немного изменились, “Читанка” выходит вторым изданием с некоторыми переменами и прибавлениями и фонетическим правописанием.

Метод, которого держался составитель книжки, свидетельствует, что у него бесспорно есть талант, и некоторый учительский опыт.

Господину Хуторному можно поставить на вид, что он не пользуется тем обширным материалом, какой дает опытному педагогу современная украинская литература. Но это уже не столь большая ошибка. Гораздо хуже то, что в книге для детского чтения очень много опечаток и не хорошо выдержано правописание. Иногда мы не знаем, кого обвинять: составителя или корректора. Ну, как, например, дитя прочитает такую фразу: “Мньє и удод закуьот” (отвечает солдат) – стр. 30. Таких промахов можно было бы привести довольно много.

В конце своей рецензии, автор ее выражает надежду, что “талантливый педагог” господин Хуторной, пользуясь своим учительским опытом, не остановится на одной книге для чтения, а даст новой украинской школе еще и другие школьные руководства”.

Мы же надеемся, что педагогическое начальство взглянет на дело иначе, и не допустит в государственной школе, по крайней мере, обучать полуграмотных деревенских мальчишек на исковерканном польском просто народном наречии, выдаваемом автором за украинский язык.

Русский педагог

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 229 (1907), спр. 83, арк. 66. Друк. прим.

№ 245

1907 р., листопада 13. Харків. –

Повідомлення Канцелярії харківського губернатора інспекторові у справах друку про дозвіл М. Д. Пильчикову видавати у Харкові щотижневик “Початок” українською мовою за редакцією М. І. Міхновського. Програма часопису

Канцелярия господина начальника губернии сообщает Вашему превосходительству, что статскому советнику Николаю Дмитриевичу Пильчикову разрешено под редакторством присяжного поверенного Николая Ивановича Михновского издавать в г. Харькове под ответственностью их обоих поврежденное издание, иногда с иллюстрациями, под названием “Початок” с выпуском не менее одного раза в неделю, на украинском наречии, с выходом один раз в две недели по программе прилагаемой при сем в копии, по цене в год без пересылки 1 р., с пересылкой 1 р. 35 к., на полгода – без пересылки 50 к., с пересылкой 70 коп., отдельный номер 5 коп., печататься издание будет в типографии Ковалева, Подольский пер., д. № 2.

Управляющий канцеляриею *Н. Фомин*
Помощник правителя канцелярии [*нідпис*]

Программа

Повременного издания под названием “Початок”:

- 1) Узаконения, распоряжения и действия правительства.
- 2) Статьи по вопросам общественной жизни, литературы, науки и искусства.
- 3) Беллетристика (проза, поэзия и т.п.).
- 4) Фельетон.
- 5) Обзор текущей жизни в России и за границей.
- 6) Из газет и журналов.
- 7) Корреспонденции.
- 8) Советы по медицине, сельскому хозяйству и проч.
- 9) Смесь.
- 10) Переписка редакции.
- 11) Библиография.
- 12) Объявления.

Помітка: На подлинном написано: “Утверждаю”. Ноября 12 дня 1907 г. Губернатор генерал-лейтенант *Пешков*. Верно: управляющий канцеляриею *Н. Фомин*

ЦДІАК України, ф. 1680, оп. 1, спр. 131, арк. 1–2. Оригінал, засвідчена копія.

№ 246

1907 р., листопада 19. Томськ. –
**Привітання М. Ф. Сумцову від студентської української громади
в м. Томську з нагоди читання ним у Харківському університеті
лекцій українською мовою**

Високошановний пане професоре!

З далекої півночі Сибірі, ми, студенти-українці Томського університету, технологічного та учительського інститутів, засилаємо Вам щире привітання і бажання Вам багато і багато літ життя задля дальшого розвою науки українською мовою.

Ваш виступ в Харківськ[им] унів[ерситеті] з лекціями рідною мовою підтримують нас, надають нам сили і бадьорости. Нехай же Ваші ці виклади пробуджують в слухачах любов до рідного краю й убогого люду і бажання жити власним життям та власною думкою на добробут рідної України!

За Рад[у] Студ[ентської] укр[аїнської] громади в Томську *Мик. Кудріцький*

ЦДІАК України, ф. 2052, оп. 1, спр. 615, арк. 1. Оригінал.

№ 247

1908 р., січня 16. Київ. –
**Виправдувальний вирок Київської судової палати на рішення
окружного суду у справі Б. М. Юзефовича, який на сторінках
власної газети “Закон и правда”^а звинуватив М. С. Грушевського
в професійній неспроможності посісти кафедру російської історії
Київського університету**

1908 г., января 16 дня, по указу его императорского величества Киевская судебная палата по уголовному департаменту, в публичном судебном заседании в следующем составе:

Председательствующий С. А. Нордштейн, члены палаты: П. А. Терновский, А. С. Шалимов при помощнике секретаря А. А. Павловском слушала дело о дворянине Борисе Михайловиче Юзефовиче, обв[иняемом] по 1040 ст. Улож[ения] о наказ[аниях].

Приговором Киевского окружного суда 9 октября 1907 г. дворянин Борис Михайлович Юзефович, 64 лет, признанный виновным в том, что в № 158 от 7 апреля 1907 г., редактируемой и издаваемой им в г. Киеве газеты “Закон и правда”, поместил в статье под заглавием “Письмо в редакцию”^б оскорбительный отзыв о профессоре Львовского университета по кафедре всеобщей истории Михаиле Сергеевиче Грушевском, заключающий в себе злословие и брань, указав, что Грушевский “с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников” и, назвав Грушевского ученым лгуном,

1

Високошановний п. Профессоре!

З далекіх нівогн Сібірі, ми, студенти Українці Томського Університету, Технологічного та Інженерного Інститутів, засилаємо Вам кудре привітання і бажаємо Вам много і много літ життя і радя дальшого розвою науки українською мовою.

Ваш висіуп в Харківській Унів. з лекціями рідною мовою підмурити нас, наддаює нам сил и надворостин. Нехай же Ваші ці виклади предбудують в слукарат мовов до рідного краю и удобого маду и бажаємо жити власним життям за власною думкою на добродує рідної України!

За Радю Студ. Укр. Громади в Томську

Мик. Кудрявский

Томськ. 19/11 07.

Привітання М. Ф. Сумцову від студентської української громади в Томську. 19 листопада 1907 р. Док. № 246.

на основании 1040, 149, 41, 2 и 3 степ[еней] 39, 134 и 135 ст. Улож[ения] о наказ[аниях], подвергнут денежному взысканию в размере десяти рублей и домашнему аресту на три дня, а также взысканию судебных по делу издержек.

Разрешая настоящее дело вследствие апелляционного отзыва осужденного дворянина Бориса Михайловича Юзефовича на приговор суда и приняв на вид все обстоятельства настоящего дела, установленные в первой судебной инстанции и бывшие предметом исследования в судебном заседании сего числа, Киевская судебная палата находит, что для применения 1040 ст. Улож[ения] о наказ[аниях] по точному ее разуму необходим оскорбительный о ком-либо в печати отзыв, заключающий в себе злословие или брань, не соединенный однако с указанием на какие-либо позорящие обстоятельства. Исходя из этих существенных условий оскорбления в печати, нельзя не признать совершенно неправильным состоявшийся обвинительный приговор окружного суда. Действительно, окружной суд, вменяя в вину дворянину Юзефовичу помещенный в статье “Письмо в редакцию” редактируемой и издаваемой им газеты “Закон и правда” оскорбительный отзыв о профессоре Львовского университета Грушевском, в котором Грушевский назван ученым лгуном и в котором говорится, что он с нахальной смелостью, не моргнув бровью, извращает прямой смысл памятников, в то же время отнюдь не вошел в обсуждение этого отзыва в соответствии с содержанием всего напечатанного. Между тем вся статья “Письмо в редакцию” составляет, несомненно, характеристику деятельности Грушевского, как ученого и историка и написана из опасения, что кафедра русской истории в Киевском университете может быть замещена названным Грушевским по проискам украиноманов с целью захвата важной для них университетской кафедры. И, делая оценку ученой деятельности профессора Грушевского, автор статьи утверждает, что “в нем нет самого главного достоинства ученого – любви к истине. Он – ученый лгун. С нахальной смелостью, не моргнув бровью, он извращает прямой смысл памятников, подтасовывает факты, присочиняет где нужно целые события, пользуясь для этого каким-нибудь глухим намеком в источниках, одним словом вгоняет историю в рамки своих предвзятых политических вождедений”. Далее приводится: “Однако же господин Грушевский стремится в Киев не для того только, чтобы довольствоваться ролью профессора и ученого. Ведь он по признанию подобострастно льстящих ему украиноманов – глава украинского народа, бесспорный президент будущей украинской республики. Следовательно, его положение обязывает его к политической агитации. И вот, усевшись на кафедре он и займется не наукой и преподаванием, а улавливанием молодежи в сети украиноманской политики – этой самой нелепой, братоубийственной, зверской политики, какую можно только себе представить”. Наконец, в заключение излагается: “Итак, что же приобретет Киевский университет в лице господина Грушевского в случае избрания его на кафедру русской истории? Злобного политикана, врага России и союзника иных ее врагов, профессора, разучившегося говорить по-русски, ученого, сделавшего из науки орудие украиноманской политической нелепицы”.

Из изложенного содержания статьи “Письмо в редакцию” вполне ясно, что наименование профессора Грушевского нахальным и ученым лгуном сто-

ит в данном случае в тесной и неразрывной связи с целым рядом оглашенных в той статье определенных позорящих его обстоятельств, затрагивающих нравственные качества личности Грушевского и выставляющих его как человека недобросовестного, лживого и стремящегося перейти из Львовского университета в Киевский для преступных целей пропаганды, а при таких фактических данных дела судимые действия дворянина Юзефовича решительно не заключают в себе злословия и брани, караемых по 1040 ст. Уложения о наказаниях.

Признавая по сим соображениям, что последовавший о дворянине Юзефовиче приговор первой судебной инстанции не соответствует закону, Судебная палата, руководствуясь 889 и 892 ст. Уст[ава] уг[оловного] суд[опроизводства], определяет: приговор Киевского окружного суда 9 октября 1907 г. отменить и дворянина Бориса Михайловича Юзефовича на основании 1 п. 771 ст. Уст[ава] уг[оловного] суд[опроизводства], признать оправданным по суду, приняв на счет казны судебные издержки и оставить при деле вещественное доказательство: газету “Закон и правда”.

*Нордштейн
П. Терновский*

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 1758, арк. 19–20. Оригінал.

№ 248

1908 р., квітня 3. Санкт-Петербург. – Супровідний лист секретаря Державної думи І. П. Созоновича до міністра народної освіти О. М. Шварца та проект Основних положень щодо запровадження навчання рідною мовою в початковій школі у місцевостях з українським населенням, внесений 37-ма депутатами. Текст проекту

На основании ст. 56 Учр[еждения] Гос[ударственной] думы^а препровожаю Вашему превосходительству печатный экземпляр законодательного предположения о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением, внесенного 29 минувшего марта за подписью 37 членов Государственной думы.

Секретарь Государственной думы *И. Созонович*
Временно заведующий канцелярией *Я. Глинка*

О языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением

(Заявление 37 членов Г[осударственной] д[умы])¹
(Внесено 29 марта [1908 г.]; стен[ографический] отч[ет], II)

Господину Председателю Государственной Думы

На основании статьи 55 Учреждения Государственной думы нижеподписавшиеся 37 членов Государственной думы честь имеют представить при сем

¹ Див. також док. № 251.

для внесения в Государственную думу проекта основных положений о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением.

1. В местностях с малорусским населением с наступлением 1908/9 учебного года в начальной школе вводится обучение на родном языке населения.

2. Русский язык, как язык государственный, составляет обязательный предмет обучения в этой школе.

3. В начальных школах малорусского района употребляются руководства, приспособленные к понятиям и условиям жизни и быта местного населения.

4. Все узаконения, не согласные с настоящими положениями, отменяются.

1) П. Базилевич, 2) В. Гузь, 3) С. Коваленко, 4) В. Солуха, 5) Н. Комарецкий, 6) А. Троицкий, 7) Соколов 3-й, 8) Пурпуров, 9) Г. Удовицкий, 10) А. Маров, 11) Рожков, 12) С. Лилягов, 13) Н. Тараненко, 14) М. Барыбин, 15) А. Кропотков, 16) А. Лунин, 17) И. Сторчак, 18) Никольский, 19) Н. Панкеев, 20) В. Харламов, 21) А. Булат, 22) С. Сидоренко, 23) А. Трегубов, 24) Свящ[енник] Н. Лебедев, 25) Н. Неелов, 26) Свящ[енник] С. Богданович, 27) П. Попов, 28) Бергман, 29) (не разобрано), 30) И. Леус, 31) Ф. Шевцов, 32) И. Лучицкий, 33) А. Колюбакин, 34) В. Маклаков, 35) О. Пергамент, 36) М. Аджемов, 37) В. Караулов.

**Объяснительная записка к предложению 37 членов
Государственной думы о пользовании малорусским языком
в начальных школах местностей с малорусским населением**

Среди других местностей нашего отечества обращает на себя внимание слабым развитием просвещения среди населения район малорусских губерний. По данным всеобщей переписи, средний процент грамотности среди всего населения России составляет 21,2%, причем в некоторых великорусских губерниях процент этот повышается до 36%, тогда как в малорусских губерниях он, наоборот, понижается до 9%. Если сравнить, затем, грамотность среди самих малороссов, то оказывается, что в первом случае, процент грамотности несравненно выше, чем во втором. Так, в губернии Волынской процент всего грамотного населения составляет 17,2%, а грамотных малороссов здесь пишется всего лишь 9,4%; в Киевской губернии соответствующие числа – 18,1% и 11,8%, в Подольской – 15,5% и 10,7%, в Херсонской – 25,9%, и 15,3%, в Екатеринославской 21,5% и 14,4% и т. д. Цифры эти тем более поразительны, что когда-то украинский народ удивлял иностранцев своей высокой культурностью. Так, архидиакон Павел Алеппский, проезжавший через Украину в 1652 г. вместе с патриархом Макарием Антиохийским, в следующих словах высказывает удивление по поводу замеченной им любви малорусского населения к образованию: “начиная с этого города (Рашкова – в нынешней Подолии), – пишет он, – и по всей земле казаков мы заметили возбуждающую наше удивление прекрасную черту: все они за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей, умеют читать... Кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами... Дети многочисленнее травы и все умеют читать, даже сироты” (“Путешествие Антиохийского патриарха Макария, в переводе проф. Муркоса”⁶). И в XVIII в., вся Малороссия также

была покрыта густой сетью народных школ. Из данных переписи 1732 г. видно, что в Слободской (восточной) Малороссии был такой же процент учеников по отношению ко всему населению, какой существовал в Харьковской губернии уже в 1882 г.; по переписям 1741–1748 гг. в семи полках Гетманщины на 1 094 населенных пункта (в том числе 792 села и 206 деревень) было 866 школ; по Румянцевской описи^В в Черниговском полку на 142 села было 143 школы. Таким образом, каждое село – хотя села эти были гораздо меньше нынешних – имело школу. Как бы ни было скромно обучение во всех этих школах XVII–XVIII вв., но не может не поражать нас то, что сознание пользы науки и склонность к ней лежали так глубоко в народной натуре, что без всякой организации, без всякого принудительного воздействия правительства школьное дело достигло таких результатов, как густая сеть школ и почти всеобщая грамотность. Народ, видимо, сочувствовал этим школам и поддерживал их существование, так как они были его самостоятельным созданием среди самых неблагоприятных условий. Но затем введенное здесь в XVIII в. крепостное право явилось непреодолимым препятствием для народного образования. Последнее не только не развивается, но даже, наоборот, приходит в явный упадок. В этом можно убедиться хотя бы из следующего краткого сопоставления данных Румянцевской описи с более поздними данными: на пространстве нынешних Черниговского, Городнянского и Сосницкого уездов в 1768 г. было 134 школы, причем одна школа приходилась на 746 душ населения, а в 1875 г. на этой территории числилось уже только 52 школы, из которых одна приходилась на 6 730 душ (“Основа”, V; “Киевская старина”, 1904, I; “Земский сборник Черниговской губ.”^Г, 1877 г.; 17).

Главной причиной столь поразительного упадка просвещения среди малорусского населения явилась оторванность здесь школы от народа. Образование народа не на том языке, на котором он думает, чувствует и говорит и на котором непосредственно выражается вся его духовная жизнь, не может быть прочно. Родной язык – это могущественнейший фактор народного просвещения, и этот фактор должен получить применение к малорусской школе, если действительно иметь в виду просветительные интересы народа. Сама жизнь стремилась разрешить вопрос в таком именно направлении. Еще с половины 50-х годов появляются малорусские буквари – Кулиша, Шевченко, Золотова, Шейковского, Гатцука, Яценко, Конисского и др., были составлены учебники и по другим предметам школьного обучения – Закону Божию, арифметике^Г. Фактически обучение на малорусском языке осуществлялось в воскресных и ежедневных школах, а также во временной педагогической школе в Киеве. Но затем вскоре, в начале же 60-х годов, по обстоятельствам, далеким от соображений педагогического свойства, все эти народно-просветительные начинания были внезапно запрещены, и с тех пор применение в малороссийской школе народного языка в качестве естественного орудия обучения стало невозможным. Мотивы, вызвавшие эти мероприятия в наше время, конечно уже не имеют значения, но тем не менее положение дела остается неизменным и теперь, когда правительство обнаруживает более терпимые взгляды по отношению к национальным требованиям школьного преподавания. Так, допуская

польский и литовский языки в число предметов преподавания народной школы в губерниях с коренным польским или литовским населением, ведомство Министерства народного просвещения не распространяет этой меры на местности с малорусским населением. Уже в самое последнее время Министерство народного просвещения издало правила, которыми допускается родной язык для преподавания в инородческих школах; а школа для населения, говорящего на малорусском языке, остается в прежнем положении. Вопрос о языке преподавания должно разрешать исключительно с точки зрения просветительных и вообще культурных интересов местного населения, а при этом условии преподавание на родном языке одинаково желательно и для малорусской школы. Все почти известные педагогические авторитеты, деятельность которых проходила на территории малорусских губерний, с замечательным единодушием высказывались за обучение в малорусской школе на местном народном языке. Член ученого комитета Министерства народного просвещения господин Вессель писал, что общее образование без опоры на местный элемент невозможно, и находил необходимым, чтобы была “составлена книга чтения и на малороссийском языке, которой, хотя бы несколько сносной, до сих пор у нас не существует, так что в Малороссии в приходских и уездных училищах не по чему и учить детей родному языку. А не обучать народ родному языку значить не позволять развиваться мысли народной, всем духовным силам народа, значить оставлять народ в постоянном младенчестве. Если же мы начнем обучать народ не его языку, то сделаем еще хуже; мы извратим самостоятельное умственное развитие народа, мы извратим всю духовную природу его” (“Учитель”^д, 1862 г.). То же самое высказывали и другие известные педагоги – барон Корф (в своем руководстве для земских гласных и народных учителей: “Русская начальная школа”^е), В. И. Водовозов, К. Д. Ушинский.

Общественные учреждения, так или иначе сталкивающиеся с вопросами народного образования, так же настойчиво выдвигали вопрос о преподавании в украинских школах на народном языке. В Черниговском земстве вопрос этот ставился несколько раз, начиная с 1870 г., причем последний раз соответствующее ходатайство возбуждено было в 1900 г. Такие же ходатайства возбуждались Херсонским и Полтавским губернскими земствами и некоторыми из уездных земств. О том же ходатайствовали Полтавская и Одесская городские думы. Сельскохозяйственные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности – хотинский, бердянский, ананьевский, лубенский, полтавский, лохвицкий, черниговский, конотопский, воронежский также находили необходимым введение в той или иной форме в народную школу украинского языка.

Мысль эта является достоянием не только интеллигентных слоев малорусского общества, но глубоко проникла и в сознание народной массы, живо ощущается самим народом; опросы крестьян не оставляют в этом случае места сомнению. Один из таких опросов был произведен еще в 60-х годах в Полтаве; недавно опубликован был подобный опрос, сделанный в 1905 г. в Золотоношском уезде Полтавской губ. Спрошенные – поголовно крестьяне, за исключением нескольких единиц, высказывались за необходимость школы и книги на родном малорусском языке.

Пренебрежение живым народным языком в школе создает неодолимые преграды правильному естественному развитию учащихся. Вместо того, чтобы всецело сосредоточивать свое внимание на трудном механизме чтения и письма, на усвоении содержания изучаемого, школьник главную долю своего внимания уделяет на изучение неизвестных слов. Все время, таким образом, умственные силы школьника разбиваются в двух направлениях – в сторону изучения непонятных слов и в сторону усвоения знаний. Такая сложная и трудная работа для рядового школьника непосильна, и в результате ни одна из двух указанных целей не может быть достигнута сколько-нибудь удовлетворительно.

Прежде всего не достигается изучение русского языка, к чему, однако, фактически направляется все обучение в украинских школах. Русский язык, изучаемый без помощи постоянного разговорного языка учащихся, и по окончании школы продолжает оставаться для бывшего школьника собранием более или менее непонятных слов. “Есть у нас, – говорят учителя Полтавской губ. – взрослые, окончившие, которые читают Пушкина, Лермонтова, Достоевского и несут о них такую околесню, что странно слушать (“Очерк состояния народного образования в Полтавской губ.”⁶)”. То же утверждают учителя Черниговской губ. (“Отношение народа к грамотности”^ж, Земск[ий] сб[орник] Черниговской губ., 1899 г.).

Затем обучение на неродном языке затрудняет и задерживает общее развитие учащихся. “Школа (с чужим языком преподавания) не пользуется языком учеников как главным образовательным средством, но, обучая их новому языку, тратит время на то, чтобы приготовить из сознания учеников род палимпсестов. Очевидно, что воспитанники такой школы, при равенстве прочих условий, будут во всех отношениях ниже тех, которым при поступлении в нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьные крохи к огромному дошкольному запасу мыслей” (проф. А. Потебня, “Язык и народность”³). У малорусского школьника прежний запас мысли развивается слабо. Новые слова, относящиеся к знакомым понятиям, представляют их в каком-то новом, неестественном виде и освещении и, в сущности, производят путаницу даже в том достоянии эмпирического опыта, с каким ребенок поступил в школу. Движение вперед совершается медленно, пассивно, апатично и не дает вполне устойчивых результатов. “Приобретение знаний на языке, мало понятном, ведет к чисто механическому их усвоению с малым участием ума, рассуждения, логики и без всякого участия воображения, фантазии, ассоциации идей. Отсюда, – говорит докладчик одного из южных сельскохозяйственных комитетов, – вытекают неизбежные печальные последствия, отсутствие любви к знаниям, слабое развитие грамотности, рецидивизм безграмотности”. Наибольший процент рецидивистов безграмотных замечается также в украинском районе военных округов Харьковском и Киевском (доклад Хотинского сельскохозяйственного комитета). Рецидивизм безграмотности явление среди малорусского населения слишком обычное и наблюдается уже спустя 3–4 года по выходе из школы. “По условиям нашей сельской жизни, грамотность, приобретаемая обыкновенно в возрасте от 8–12 лет, по выходе из школы иногда

забывается совершенно” (доклад школьной комиссии Черниговскому губернскому земскому собранию сессии 1880 г.). “При посещении школ в качестве члена училищного совета, – говорил председатель Черниговской земской управы господин Хижняков, – я встречал в селах примеры, что 3–4 года по окончании школы совсем забывали читать (Педагогические курсы для учителей Черниговской губ.)”.

Вредные последствия применения стеснений по отношению к украинскому слову к народно-просветительной области констатированы даже органами самого правительства. Так, Комитет министров, обсуждая в конце 1904 г. вопрос об отмене этих стеснений, высказал, что они “препятствуют повышению нынешнего низкого культурного его (украинского населения) уровня”. Великий русский педагог К. Д. Ушинский, говоря об отрицательных сторонах украинской школы, пренебрегающей родным языком учащихся, рисует такую поразительную яркую картину. “Мало успеха будет иметь та школа, – пишет он, – в которую дитя переходит из дому как из рая в ад, и из которой он бежит домой как из темного ада, в котором все темно, чуждо и непонятно, в светлый рай, где все ясно и понятно и близко сердцу; а почти такое впечатление должна производить школа на дитя малороссиянина, когда оно начинает посещать это странное место, в котором одном только в целом селе и говорят на непонятном языке. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусского слова, начинают в школе с первого же дня ломать на великорусский лад, и добро бы еще на чисто великорусский, а то на тот отвратительный жаргон, который вырабатывается у малообразованного малоросса при старании говорить по-великорусски. Такая школа с первого же дня и весьма неласково напечалит ребенка, что он не дома, и, без сомнения, покажется ему букою. Если такая школа не пустит корней в народную жизнь и не принесет для нее полезных плодов, то чему же здесь удивляться. Иначе и быть не может. Такая школа, во-первых, гораздо ниже народа; что же значит она с своею сотней плохо заученных слов пред той бесконечно-глубокой, живой и полной речью, которую выработал и выстрадал себе народ в продолжение тысячелетия; во-вторых, такая школа бессильна, потому что она не строит развития дитяти на единственно плодотворной душевной почве – на народной речи и на отразившемся в ней народном чувстве; в-третьих, наконец, такая школа бесполезна: ребенок не только входит в нее из сферы, совершенно ему чуждой, но и входит из нее в ту же чуждую ему сферу. Скоро он позабывает несколько десятков великорусских слов, которым выучился в школе, а вместе с тем позабывает и те понятия, которые были к ним привязаны. Народный язык и народная жизнь снова овладевают его душою и заливают и изглаживают всякое впечатление школы, как нечто совершенное им чуждое. Что же сделала школа. Хуже, чем ничего. Она на несколько лет задержала естественное развитие дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и может пригодиться к тому, чтобы на полурусском наречии написать какую-нибудь ябеду; душу же человека такая школа не развивает, а портит” (Собрание педагогических сочинений К. Д. Ушинского^{II}).

Задержка поступательного хода духовного развития украинского населения, как результат ненадлежащей постановки народного образования, самым неблагоприятным образом отражается на всех сторонах жизни народа, и в том числе на экономической. Нынешнее жалкое экономическое положение украинского населения, занимающего богатейшие области России и терпящего хроническую нужду на своей благословенной земле, не будучи в состоянии вследствие невежества и вытекающей отсюда инертности перейти от первобытных способов хозяйства к более рациональным, – в значительной мере имеет в своем основании те духовные пути, которыми связано развитие даровитого народа вследствие пренебрежения наиболее естественными и правильными путями этого развития. “Крестьянин-украинец читает гораздо меньше, чем великорусс и даже в большинстве случаев совсем отказывается от книг по сельскому хозяйству и медицине, совершенно их не понимая и, следовательно, лишается могучего средства для поднятия своей сельскохозяйственной культуры и для ограждения своего здоровья от бича болезней. Неудивительно, что книжки, издаваемые для народа, хотя и украинскими просветительными обществами, но на русском языке (Харьковское и Киевское), имеют сбыт главным образом не в украинских селах, а в отдаленных северных великорусских губерниях. Неудивительно, что при таких условиях беспристрастные наблюдатели констатируют факт слабого культурного роста малоросса, а в связи с этим стоит и низкое развитие его сельскохозяйственной и промышленной культуры” (доклады Лохвицкой комиссии).

Крайне вредные последствия пренебрежения местных элементов в украинской школе слишком очевидны. Принятие здесь малорусского языка, как наиболее удобного средства сообщения знаний, особенно на первых порах занятий со вновь поступившими в школу детьми, и даже как средства обучения русскому языку, безусловно, необходимо. Лишь в таком только случае будут устранены преграды для естественного духовного развития малорусских школьников и будет дана последним возможность стать в одинаковые педагогические условия и на одинаковый духовный уровень с их великорусскими собратьями. Равным образом, при этом лишь условия – при посредстве живого разговорного языка населения – может быть с успехом изучен и русский язык, составляющий, как язык государственный, обязательный предмет преподавания в начальной школе. Пережив столь значительные потрясения, внешняя и внутренняя Россия нуждается в возможно более полном использовании самодеятельных сил населения, так как только при этом условии может быть достигнуто лучшее будущее, когда условия политической жизни придут в нормальное состояние. Для развития этих сил – духовных и материальных – среди малорусского населения одним из существенных условий является допущение в школу народного языка, как могущественнейшего орудия школьного обучения, усвоения знаний и вообще культурного и экономического прогресса народной массы, а равно приспособление здесь школьных руководств к понятиям и условиям жизни и быта местного населения. Путь для такого именно решения данного вопроса уже открыт ведомством, проявившем в этом случае наибольшую чуткость к потребностям местной жизни и школы – Святейшим

Синодом, который, по ходатайству духовенства Подольской губернии, разрешил учителям церковных школ в местностях с малорусским и молдавским населением пользоваться в преподавании родным языком учащихся, а также предоставил подольскому епархиальному начальству ввести во второклассных школах епархии в Винницкой церковно-учительской школе преподавание малорусского языка. Вместе с тем Святейший Синод поставил на очередь и общий вопрос о приспособлении школьных учебников и руководств, применяемых в церковных школах Юго-Западного края, к потребностям местного населения и к бытовым его особенностям (Указ Св. Синода на имя Парфения еп[ископа] Подольского и Брацлавского от 12 октября 1907 г.). Когда, таким образом высший орган церковного управления – Святейший Синод – ввел употребление малорусского языка в школах малорусского района, когда им признано необходимым издать на малорусском языке слово Божие, в целях истинного содействия духовным интересам местного населения, то по тому же пути наиболее целесообразных способов просвещения народной массы следует пойти и ведомству народного просвещения.

Борьба за язык: Публикация документов / Ком.: Р. Вильпиус, И. Герасимов, А. Каплуковский // *Ab Imperio*. – 2005. – № 5. – С. 331–342.

№ 249

1908 р., квітня 3. Харків. –

Постанова харківського інспектора у справах друку про арешт у харківській друкарні Адольфа Дарре накладу видання “Заповіт” Т. Г. Шевченка з нотами Г. П. Гладкого

На основ[анії] ст. 3 отд. IV высочайшего указа 26 апр[еля] 1906 г.^а, прошу Ваше превосходительство наложить арест на прилагаемое при сем музыкальное произведение с текстом (листочка-картка) под заглавием “Заповіт” Шевченка^б, помещенное в типогр[афии] А. Дарре, по его свидетельству в количестве 1000 экземпляров.

О количестве экземпляров, на которые будет наложен арест, прошу уведомить меня.

ЦДДАК України, ф. 1680, оп. 1, спр. 150, арк. 1. Відпуск.

№ 250

**1908 р., не пізніше квітня 21¹. Київ. –
Резолюція Першої загальностудентської конференції
українців у м. Києві про розвиток української преси
та культурно-освітнього руху, надіслана начальником Київського
охоронного відділення М. М. Кулябком начальнику Чернігівського
губернського жандармського управління М. П. Рудову**

Первая общая студенческая конференция украинцев, выслушав доклады о деятельности украинского студенчества на местах, вынесла целый ряд практических резолюций, намечающих ход работы как среди украинского студенчества, так и среди студенчества вообще. Видя тяжелое положение украинской прессы, которую мало поддерживают украинские общества и союзы, и понимая, что благодаря прессе этой можно достигнуть наибольшего культурного развития народа, а малороссийского в особенности, конференция постановила изыскать как можно больше средств для поддержания прессы на должной высоте.

Признавая, что только национальная культура может дать народу всесторонне культурное развитие, а в этом направлении украинцами сделано очень мало, – конференция постановила организовать научные общества по всем отраслям наук.

Для того, чтобы достигнуть наиболее скорой демократизации народных масс, чтобы наука перестала быть какою-то привилегией высших классов населения, конференция постановила начать систематическую популяризацию наук и особенно прикладных знаний. Для этого решено прежде всего подготовить кадр[ы] учителей, чтобы они могли начать свою деятельность с низших народных школ.

Признавая, что только на общих конференциях можно точно выяснить все нужды малороссийского народа, конференция постановила возможно чаще созывать такие съезды, как постоянные, так и экстренные.

ЦДІАК України, ф. 1439, оп. 1, спр. 918, арк. 14. Копія.

№ 251

**1908 р., квітня 29. Санкт-Петербург. –
Супровідний лист і висновок міністра народної освіти О. М. Шварца
про відхилення законодавчої ініціативи 37-ми депутатів Державної
думи щодо запровадження навчання українською мовою
у початковій школі²**

Милостивый государь Николай Вячеславович!

В ответ на письмо Ваше от 28 апреля сего года за № 2126 позвольте препроводить Вам мои соображения по поводу заявления 37 членов Государственной

¹ Датується за супровідним листом (див. цю саму справу, арк. 13).

² Див. також док. № 248.

думы о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением.

Прошу принять уверение в отличном уважении и преданности.

А. Шварц

Составители объяснительной к заявлению записки исходят из того основного положения, что “малорусское население” (как говорится в ст. 1 проекта) или иначе “украинское население” (стр. 5а записки), есть особый “украинский народ” (стр. 1б записки), отличный от русского народа, и что язык этого народа, называемый в записке то малорусским (стр. 2б, 5б), то украинским языком (4б) или украинским словом (там же), есть особый язык, отличный от русского государственного языка (стр. 2 проекта). Между народами русским и “украинским” авторы записки находят такие глубокие различия в духовном складе и в условиях жизни и быта, что требуют установления особым законом, чтобы “в начальных школах малорусского района употреблялись руководства, приспособленные к понятиям и условиям жизни и быта местного населения”, очевидно, полагая, что элементарное педагогическое правило относительно приспособленности руководств к пониманию учащихся в школе недостаточно обеспечивает должное внимание со стороны педагогов составителей руководств к духовным и бытовым особенностям “украинского народа”.

“Украинский” или малорусский язык авторами записки представляется столь отличным от “русского”, что изучение последнего для малорусских детей признается равносильным изучению иностранного языка. На стр. 3б процесс обучения на русском языке описывается так: “Вместо того, чтобы всецело сосредоточивать свое внимание на трудном механизме чтения и письма, на усвоении содержания изучаемого, школьник главную долю своего внимания уделяет на изучение неизвестных слов. Все время, таким образом, умственные силы школьника разбиваются в двух направлениях – в сторону изучения непонятных слов и в сторону усвоения знаний”. Ниже, говоря о результатах изучения русского языка в “украинской” школе, авторы записки утверждают, что “русский язык, изучаемый без помощи постоянного разговорного языка учащихся, и по окончании школы продолжает оставаться для бывшего школьника собранием более или менее непонятных слов”. В другом месте записки (стр. 2б и 3а) “украинский” язык приравнивается к инородческим языкам Российской империи и поставляется в такое же отношение к русскому языку как языки польский и литовский. “Так, допуская польский и литовский языки в число предметов преподавания народной школы в губерниях с коренным польским или литовским населением, ведомство Министерства народного просвещения не распространяет этой меры на местности с малорусским населением. Уже в самое последнее время Министерство Народного Просвещения издало правила, которыми допускается родной язык для преподавания в инородческих школах; а школа для населения, говорящего на малорусском языке, остается в прежнем положении”.

Но с таким определением отношения “украинского народа” к русскому народу и “украинского” языка к русскому языку никоим образом нельзя со-

гласиться, так как этого не позволяют ни история, ни языковедение. История показывает, как единый даже в начале исторической эпохи русский народ, представлявший собой одно из славянских племен, разделен был силою событий на три части, вошедшие в различные политические группы и утратившие в силу этого на некоторое время внешнюю связь между собой, но никогда не терявшие внутренней связи, обусловленной общностью православной веры, церковного славянского языка и языка письменности. При изменившихся обстоятельствах все эти три части вновь соединились и политически, образовав вновь общерусское государство. Таким образом великороссы, малороссы и белорусы исторически представляют собой части одного и того же русского народа, но не являются особыми народами в том смысле, в каком таковыми могут быть признаваемы в известном отношении отдельные славянские племена, как русские, болгары, сербы, поляки, чехи и т. д. Еще менее оснований приравнивать малороссов к таким народностям, как литовцы, в их отношении к славянским народностям; литовцы, вместе с латышами, по отношению ко всем славянским народностям составляют такую же самостоятельную группу, как и, напр., народы германские, романские и разные другие, т. е. те народы, которые представляют собой отдельные ветви того общего родоначальника всех этих народов, который носит условное название индоевропейского.

Стремление известной части малорусской интеллигенции к признанию малороссов особым “украинским народом” и к включению малороссов в число инородцев по отношению к русскому народу, т. е. собственно к великорусской части этого народа, не имеют за собой никаких исторических оснований. Предвзятую мысль о коренном этнографическом различии между малороссами и великороссами некоторые лица пытались обосновать якобы научными данными и соображениями о том, что великороссы представляют собой группу финских и некоторых других не славянских племен, принявших русский язык, между тем как малороссы образуют собой чистое славянское русское племя. Но соображения такого рода, опирающиеся на некоторые действительные данные, указывающие на присутствие в русском народе обрусевших элементов из инородческих неславянских племен, представляют собой не что иное, как явно тенденциозное и преувеличенное толкование чисто научных данных. Смешение племен и народов – явление очень частое во всех периодах жизни человечества; из существующих народов очень немногие могут считаться, и то лишь до известной степени, народами чистыми, несмешанными; русский народ точно также не избег смешений с различными племенами нерусскими, причем эти смешения происходили не только в позднейшие времена, когда более или менее стали обнаруживаться различия в частях русского народа, но также и в древнейшее время, когда этот народ был единым по своему составу. Таким образом, оставаясь на почве объективных данных, можно утверждать лишь тот факт, что весь русский народ, во всех трех его частях – великороссах, белоруссах и малороссах, заключает в себе некоторое количество обрусевших инородческих элементов, но для определения того, сколько именно этих элементов и какие именно из них вошли в состав целого народа и отдельно в каждую из частей его, никаких бесспорных и объективных данных нет.

Итак, бесспорно можно утверждать лишь то, что, великороссы, белоруссы и малороссы представляют три части одного и того же народа, до известной степени обособившиеся друг от друга под влиянием известных исторических обстоятельств, но ныне пришедшие опять в непосредственное соприкосновение между собой и ведущие одну общую жизнь. Но насколько все эти три части русского народа являются обособленными? Прежде всего надо иметь в виду, что различия между тремя частями русского народа не могут быть сводимы к тем древнейшим различиям между разными русскими племенами, память о которых сохранила нам летопись: эти древнейшие русские племена при многочисленных перемещениях, которые они испытывали в своем передвижении с юго-запада на северо-восток и восток, смешивались между собой и образовали в известный период одну общую массу русского народа. В последующее время эти народные массы подверглись новой дифференциации, в результате которой явились три наиболее крупные части народа, образовавшие затем великороссов, белоруссов и малороссов. Таким образом различия между этими тремя частями русского народа не очень древнего происхождения и в силу этого уже не могли сделаться глубокими. Различия эти могли бы стать более резкими, когда все три части русского народа разъединились между собой политически и вошли в более тесные соприкосновения с другими народами, частью славянскими, частью неславянскими, когда великороссы подпали под власть татар, белоруссы и малороссы вошли в состав польского и литовского государства. Однако и эти внешние силы, которые могли бы резко обособить между собой три части русского народа, с одной стороны, действовали недостаточно продолжительное время, а с другой – эти разъединяющие силы встретили во всех трех частях народа сильное противодействие в сознании единства всего русского народа, которое уже укрепилось в них веками предшествующей истории и основывалось на единстве православной веры и языка церкви и письменности. Таким образом во всех трех частях сохранились все основные черты русского народа, в его отличии от соседних народов, в такой полноте, что последующее соединение этих частей в одно политическое целое не только не пробудило в них противодействующих стремлений, но, наоборот, вызвало к жизни ассимилирующие силы, стремление к сглаживанию тех неглубоких различий, которые образовались за короткий период внешнего разъединения частей народа. Экономические условия новейшего времени вызывают вновь перемещения народных масс и племенные смешения и таким образом идет новый процесс образования общей массы русского народа, в которой в самом недалеком будущем исчезнут различия между великороссами, белорусами и малороссами.

При таких данных истории русского народа говорить о каком-то особом “украинском народе”, об его обособленности от русского народа настолько резкой, что требуется даже составление особых руководств для “украинских” учащихся в начальной школе, можно только в ослеплении порывом бессознательной глубокой вражды к установившемуся складу русского государства.

История народа отражается на его языке. История русского народа также отразилась на истории русского языка. Первоначально единый русский язык,

составлявший собой одно из славянских наречий или языков, впоследствии распался на части, различные наречия, которые сводятся к трем главным группам: великорусская, белорусская и малорусская. Каждая из этих групп, нося общее соответствующее название по общим признакам сходства между отдельными ее составными частями, распадается на части – наречия и говоры. Таким образом, можно сказать, что общерусский язык распался на три главных наречия – великорусское, белорусское и малорусское, из коих каждое, в свою очередь, распадается на большее или меньшее количество наречий и говоров. Каждое из этих трех наречий можно называть и языками, но не следует при этом забывать, что название это будет относительным: великорусский, белорусский и малорусский называются отдельными языками, будучи рассматриваемы по отношению к звуковым и грамматическим различиям между ними и без отношения к их происхождению; но рассматриваемые в отношении звуковых и грамматических сходств и в отношении к происхождению их из одного общерусского языка, они будут называться отдельными наречиями этого последнего языка.

Отсюда ясно, что если можно говорить об особом малорусском или “украинском” языке, в его отличии от “русского”, т. е. собственно великорусского, то отнюдь не в том смысле, в каком мы говорили, напр., о языке польском, чешском, сербском и т. д. в их отличии от русского языка вообще: эти славянские языки по происхождению представляют собой также отдельные наречия общеславянского языка, но они обособились друг от друга еще в доисторическое время, между тем малорусский язык есть только наречие общерусского языка, которое явилось в историческую эпоху существования русского языка, наряду с двумя другими его наречиями – великорусским и белорусским. Понятно затем, что еще менее оснований малорусский язык в его отношении к великорусскому сопоставлять, напр., с литовским языком, который по отношению ко всем вообще славянским языкам занимает такое же положение как, напр., языки германские и все вообще языки, происшедшие из общего праязыка, называемого условно индоевропейским.

Итак, малорусский или “украинский” язык есть не что иное, как часть, как одно из наречий русского языка, на которые распался этот язык в связи с распадением русского народа на соответствующие части. Но насколько обособились эти части, эти наречия русского языка, насколько они стали несходными между собой? По мнению составителей записки, “украинский” язык и “русский”, т. е. собственно великорусский, настолько различны между собой, что для “украинца” великорусский язык является уже совершенно чужим и непонятным языком. Такое представление о различии между малорусским и великорусским языками настолько же преувеличено, как и представление тех же составителей о различии между малороссами и великороссами. В действительности дело обстоит так. Все три наречия русского языка имеют обширный общий лексический состав, унаследованный из общерусского языка, слова различные, явившиеся в них большей частью путем позднейших заимствований из других языков, славянских и неславянских, в эпоху раздельной жизни трех частей русского народа, составляют во всех них настолько незначитель-

ную часть, что никоим образом не могут составить серьезной помехи для взаимного понимания частей народа, говорящих этими языками. Грамматический строй всех этих русских наречий один и тот же, с незначительными и редкими различиями для каждого из них, так что эти различия никакого влияния на удобопонятность каждого из них не оказывают. Остается звуковой состав этих наречий. В этом отношении все русские наречия представляют наиболее заметные различия, как и вообще различия между наречиями всяких языков выражаются заметнее всего и прежде всего именно в звуковом составе их. По различиям в звуковом составе и каждое из трех главных наречий русского языка распадается на большое число новых наречий и говоров, причем в пределах далее одного и того же языка наречия и говоры нередко очень заметно отличаются друг от друга; например, в великорусском языке очень заметно отличаются наречия южно-великорусские и северно-великорусские, точно также есть крупные различия по звуковому составу и между некоторыми наречиями малорусского языка. Это факт общеизвестный.

Следовательно, нельзя придавать звуковым различиям между малорусским и великорусским языками такого значения, что эти различия делают эти языки совершенно особыми друг от друга и взаимно непонятными; усвоить диалектические отличия великорусского языка для малоросса почти так же легко, как и, например, для южного великоросса усвоить диалектические особенности северно-великорусского наречия. Таким образом и в этом отношении великорусский язык не может быть признан для малоросса чуждым и непонятным языком.

Ввиду этого теряют свое значение ссылки составителей записки на педагогические авторитеты, требующие обучения в школе на родном языке. По поводу этих ссылок на педагогические авторитеты нельзя не заметить, что, оценивая факты беспристрастно, надо признать, что не только для малороссов, но даже и для таких более далеких славянских народностей, как поляки, чехи, сербы, болгары и т. д. первоначальное обучение на русском языке не может составлять серьезных затруднений.

Затем нельзя не указать на то, что составители записки говорят о пренебрежении в школе “живым народным языком” (стр. 3е). Но всякому известно, что в школах языком преподавания у всех культурных народов является не живой народный язык, а тот искусственный язык, который называется литературным. Литературный язык есть общий для всего народа, язык, при помощи которого объединяются все многочисленные живые наречия языка и становится возможным участие в культурной работе для всех частей данного народа, какими бы различными наречиями эти части ни говорили. В основе литературного языка лежит, обыкновенно, какое-нибудь одно наречие данного языка; но, входя во всеобщее употребление, оно пополняется постепенно элементами из разных других наречий и таким образом получает значение общего языка данного народа. Это мы находим и у нас: современный русский литературный язык имеет в основе московское наречие великорусского языка, но пополненное значительным числом элементов церковно-славянского языка и затем постепенно пополняемое заимствованиями из других наречий как великорус-

ских, так и невеликорусских. Этот искусственный литературный язык таким образом получил значение общерусского языка, объединяющего все диалектические различия живых русских наречий. Этот язык и употребляется в нашей школе как язык, так сказать, нейтральный для всех частей русского народа. Усвоение этого языка для всех разновидностей русского народа, в том числе и для малороссов, является, понятно, еще менее затруднительным, чем усвоение какого-нибудь отдельного великорусского наречия.

Введение в школу “живых народных языков” было бы губительно для культуры данного народа. Поэтому все культурные народы заботятся о народном общем языке и не допускают в школы местных наречий; напр., на всем пространстве Германской империи господствует в школе один литературный немецкий язык и исключаются из школы все даже наиболее крупные немецкие наречия, которые в иных случаях гораздо больше отличаются от общенемецкого литературного языка, чем у нас малорусский язык от литературного русского.

В новейшее время украинофилы, правда, стремятся создать и такой общий литературный “украинский” язык, но этот язык, не имея под собой исторической почвы и являясь лишь механическим набором малорусских и иностранных слов, “удивительным малорусско-польско-немецко-латинским волапюком”, по меткому выражению профессора Флоринского, не имеет никаких зачатков жизненности, и для школы, во всяком случае, являлся бы более непонятным, чем литературный русский язык.

В результате нельзя не признать, что стремление обособить малорусскую школу путем введения в нее особого малорусского языка, в виде ли какого-нибудь живого народного наречия, или в виде того искусственного “волапюка”, о котором было сказано выше, есть не что иное, как проявление слепой и бессмысленной вражды к установившемуся уже единству русского государства и русского литературного языка. И нельзя назвать эту вражду иначе как бессмысленной, нельзя ничем оправдать ее: в то время как культурные народы, говорящие действительно различными и взаимно непонятными языками, делают попытки создать хотя бы искусственным путем общий язык для объединения своих сил в культурной работе, наши украинофилы пытаются разрушить уже установившееся историческое единство всех частей русского народа, предлагая устранение из народной школы общего русского языка и заменяя его местными наречиями в частях русского народа.

В заключение нельзя не остановиться отдельно на некоторых из тех доводов, которые составители записки приводят в пользу предлагаемого ими законопроекта.

Так, составители записки ставят в вину русскому языку преподавания в школах Малороссии малую грамотность местного населения.

Малое распространение грамотности в России среди всех населяющих ее народностей есть факт общеизвестный и доказывать его, как это делают авторы законопроекта, относительно губерний с малорусским населением, представляется излишним; Правительство, идя навстречу всеми признанной потребности в широком распространении начального образования, уже внесло

в Государственную Думу законопроект о введении всеобщего обучения, принятие которого обеспечит населению удовлетворение его насущной духовной нужды.

Во всяком случае, малое распространение грамотности в так называемых малорусских губерниях не может быть поставлено в связь с языком преподавания в начальных школах. Грамотности мало и недостаточно по всей России, и причин этого надо искать в политических и общественных условиях прошлого времени, а не в языке преподавания.

Ссылка авторов законопроекта на счастливое старое время, когда на Украине была чуть ли не повсеместная и поголовная грамотность, основывается на очень доверчивом отношении к сообщению чисто риторического характера. Архидиакон Павел Алеппский, известиям которого придается столь важное значение, говорит, ведь, не только, что в Малороссии, “все они (т. е. казаки), за исключением немногих... умеют читать”, но и что их “дети многочисленнее травы” и что в Московии в Коломне “гул колокольного звона, подобного грому, восходил до небес”, и что “в каждом приходе все присутствуют в своей церкви, мужчины, малые дети и женщины, при чем всякий приносит, по их обычаю, для церкви одну или несколько свечей, из коих к каждой приклеена копейка” и т. п. Совершенно иначе, чем приведенный первоисточник, говорит о второй половине XVII века исследователь истории Украины профессор М. Грушевский, один из столпов современного украинского сепаратизма. “Культурное оживление, литературное и просветительное движение, проявившееся в конце XVI и в начале XVII века, прошло бесследно. Оно не успело выйти из тесного круга чисто религиозных, полемических интересов... Даже народного языка не ввело оно в литературу... Школы уцелели в конце концов только сельские – где учил дьячок; несколько лучшие монастырские, так называемые базилианские, были сильно ополячены, как и сами базилиане вообще. И вообще всё, хотя немного образованное среди украинского общества, – даже не разорвавшее со своей национальностью, говорило и писало по-польски: это был “культурный язык” самого украинского населения”.

Таким образом, вряд ли исторические свидетельства говорят в пользу особой просвещенности населения былой Малороссии.

Что же касается обособленности малорусского языка от русского, то даже признаваемые украинофилами ученые смотрят на этот вопрос иначе, чем составители записки. Так, профессор Е. Огоновский выражается так о происхождении русского языка: “нынешний русский язык произошел из смеси московского наречия, русинского (т. е. малорусского) и церковно-славянского”.

А профессор Потебня, глубочайший исследователь русского языка на почве сравнительного славянского языкознания, пишет: “русский язык, в смысле совокупности русских наречий, есть отвлечение: но, возводя теперешние русские наречия к их древнейшим признакам, находим, что в основании этих наречий лежит один, конкретный нераздробленный язык, уже отличный от других славянских”.

По вопросу же об обособленности малорусской и великорусской народностей и возможности их слияния между собой профессор и академик

А. Соболевский высказывается следующим образом: “малоруссы держатся крепко за свой язык и свои бытовые особенности. Столетие близкого соседства малоруссов с великоруссами не превратило их в великоруссов; полной ассимиляции не последовало, но начало ей положено. Как ни много еще малорусского у астраханских, саратовских, ставропольских, сибирских малоруссов, но судьба их ясна: процесс ассимиляции не может остановиться и не может идти в их пользу. Даже там, где сплошная масса малоруссов соприкасается с великоруссами, – ассимиляция склоняется в пользу великоруссов. Так, в Воронежской губернии даже малоруссы патриоты указывают на такое направление ассимиляции”.

Говорить нечего, если бы русское правительство пошло на уступки представителям того направления, которое хочет отколоть от 100-миллионного русского народа его четвертую часть, дело ассимиляции прекратилось бы и, возможно, что создалась бы враждебная русскому государству племенная группа, которая стремилась бы к отделению от единого государственного тела.

Проповедь о том, что малоруссы – особая народность, значительно отличающаяся от русских, подобно тому как от них отличаются западные и южные славяне, пошла из Австрии. В интересах австрийского правительства было внушать эту мысль подвластному ему русскому населению Галиции. После подавления венгерского восстания 1848 г. граф Стадион прямо заявил представителям галицкого народа, что они ничего не дождутся от правительства, если будут выдавать себя за русских. Ему приписывают создание немецкого термина “Ruthenen” в приложении к малороссам Галиции. Другой представитель австрийского правительства – Агенор Голуховский энергично поддерживал мысль о необходимости ограничения “рутенской” речи и письма от великорусских – путем введения латинского алфавита. Немало усилий приложил генерал ордена Воскресения Семененко в проповеди культурного различия и обособленности малороссов Галиции и Южной России от великоруссов. Его мысли усердно пропагандировались перед третьим польским восстанием: доказывалось, что великоруссы не славянского происхождения, тогда как малоруссы, поляки и литовцы составляют одно целое. В словах, полных ненависти против русского народа и государства, ту же мысль повторял генерал Мерославский, вождь польских инсургентов. Для отдаления русских Галиции, Буковины и Угорской Руси от великоруссов придумано было малорусское фонетическое правописание. В периодической зарубежной печати стали сеять ненависть против России и русской культуры, проповедуя идею казацкой республиканской Украины. Дело, наконец, дошло в 1890 г. до провозглашения Романчуком, после сделки с поляками – Казимиром Бадени и кардиналом Сембратовичем, самостоятельности рутенского народа с особым национальным и политическим характером.

Под влиянием идей, возникших на австро-польской почве, и в России сошло течение, защищающее отдельность и “самостийность” малорусского племени. Представители российского крайнофильства в последние годы стали усиленно стремиться к введению преподавания на малорусском языке и в южных русских университетах, претендуя не только на отдельные кафедры,

но на полное превращение этих университетов в очаги малороссийской культуры. В настоящее время авторами записки предлагается то же самое относительно народной школы.

Но Малороссия не нуждается во введении преподавания на малороссийском наречии. Это новшество нужно исключительно украинцам-сепаратистам, а не малорусскому народу, который дорожит знанием общерусской грамоты и стремится к приобретению этого знания.

Попытки к разделению двух народностей и их общего литературного языка на самостоятельные части вызывали и в настоящее время вызывают резкий протест со стороны многих галицко-русских патриотов. Так, депутат рейхстага Дмитрий Марков считает это стремление ничем иным, как только глупостью и варварством.

На основании всего вышеизложенного, я полагаю, что внесенный 37 членами Государственной Думы законопроект о языке преподавания в начальных школах местностей с малорусским населением должен быть отвергнут.

А. Шварц

Борьба за язык: Публикация документов / Ком.: Р. Вильпиус, И. Герасимов, А. Каплуковский // Ab Imperio. – 2005. – № 5. – С. 343–356.

№ 252

1908 р. –

Із звіту про установчі збори Спілки сільських учителів Радомишльського повіту Київської губернії

Відчіт про установчі збори спілки сільських учителів
Радомисського повіту

На з'їзді усіх працюючих на ниві культурно-просвітнього життя серед широких мас українського суспільства були заслухані ось які доклади:

- 1) Про національну школу.
- 2) Про становище сільських учителів.
- 3) Про останні збори “Украинской области Всероссийского учительского союза”^а.

Після чого одноголосно було ухвалено таку резолюцію:

Становище сільських учителів невимовно важке через проїзвол попівсько-поліцейського уряду, що панує над шкільною справою. Цей проїзвол, з'являючись наслідком самодержавного російського ладу, загрожуючи власній безпеці сільських учителів, разом з тим перешкоджає справі національного культурно-політичного розвою українського селянства. Ми, учителі сільських шкіл, маючи на меті поліпшення шкільної справи, яка з'являється частиною великої справи визволення усього народу з-під ярма російського царату, 1) єднаємось на ґрунті боротьби з проїзволом шкільної та урядової адміністрації в професійну спілку сільських учителів Радомисського повіту; 2) маючи на увазі, що задля визволення українського народу потрібні відповідальні його

етнографічним рисам національній організації, ми, задля поспіху нашої справи, сповіщаємо про нашу організацію – Всеукраїнську спілку учителів, з проханням приєднати до неї нашу повітову Спілку.

Після того як було прийнято цю резолюцію, збори обговорили й прийняли ось які пункти статуту.

Статут спілки сільських учителів Радомисського повіту Частина А. Про мету С.С.У.[Р].п.

1) Спілка сільських учителів Радомисського пов. єднається на ґрунті боротьби з произволом шкільної попівсько-поліцейської адміністрації, який деморалізуючи впливає як на самих учителів, так і на усю шкільну справу.

2) Засобами задля боротьби С.С.У.Р.п. вважає:

а) широку самоосвіту задля учителів, яка б давала їм спроможність правдиво розуміти й задовольняти потреби української школи, яка конче не може обмежитись стінами шкільного будинку;

б) моральну товариську підмогу в боротьбі проти произволу всіх, хто зараз має фактичну владу над учителем, тобто: попа, станового, урядника, сільського та церковного старости, кожного громадського глителя і т. п.;

в) матеріальну заповогу, яка б давала кожному членові Спілки можливість смілівіше боротись, не боючись лишитися без засобів задля існування.

3) Задля здійснення усього сього С.С.У.Р.п. постановила:

а) закласти книгозбірню задля користування вчителів;

– скликати чергові й екстренні з'їзди або збори;

– закласти просвітний і заповоговий фонди.

б) обібрати адміністрацію задля ведення справ С.С.У.Р.п.

Частина Б. Про засоби боротьби

І. Книгозбірня

1) Книгозбірня складається з книжок наукових історичного, соціально-політичного та педагогічного змісту, а також з творів красного письменства, переважно українських авторів.

2) Книжки видаються членам Спілки дурно, строком й численністю в залежности від далечини того села, де живе читач, до книгозбірні¹.

Рада С.С.У.Р.п.

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 2321, арк. 1–4. Копія.

¹ Далі пропущено текст про структуру та діяльність організації.

№ 253

1909 р., березня 7. Сімферополь. –

Висновок виконуючого обов'язки прокурора Сімферопольського окружного суду, затверджений Одеською судовою палатою, про скасування арешту на число газети “Тавричанин”^а, де було вміщено статтю про діяльність галицької “Просвіти”, а також про відсутність підстав для кримінального переслідування редактора газети Д. В. Коломійцева

Таврический вице-губернатор, наблюдающий за периодической печатью, обратился к прокурору Симферопольского окружного суда с просьбой возбудить против редактора-издателя выходящей в г. Симферополе газеты “Тавричанин” крестьянина Даниила Васильева Коломийцева уголовное преследование по 129 ст. Уг[оловного] ул[ожения]^б за статью “Сороколетие галицкой “Просвита”, помещенную в № 146 этой газеты от 19 февраля 1909 г. Причем вице-губернатор сообщил, что на № 146 указанной газеты наложен им арест.

В статье “Сороколетие галицкой “Просвита” говорится, между прочим, что внимание галицкой “Просвита” первоначально было направлено на распространение грамотности среди народа, а с изменением форм политической жизни страны и общества целью ее явилось и поднятие экономического благосостояния. За сорок лет на ней (“Просвита”) “отбивалась дальнейшая эволюция ее основателей и приверженцев, она была и первым обществом, которое среди москвофильской мертвечины подняло знамя украинской национальной идеи”, она была очагом, “откуда появились первые лучи света и первые апостолы, которые обратились к народу с проповедью на его родном языке”. Несколько далее автор говорит, что “когда-нибудь и мы будем праздновать сороколетие прототипа галицкой “Просвита” – сороколетие киевской “Просвита”.

Не усматривая в этой статье признаков преступления, предусмотренного 129 ст. Уг[оловного] ул[ожения], я полагал бы: таврическому вице-губернатору в ходатайстве о возбуждении уголовного преследования против редактора-издателя выходящей в г. Симферополе газеты “Тавричанин” крестьянина Даниила Васильева Коломийцева по 129 ст. Уг[оловного] ул[ожения] за статью “Сороколетие галицкой “Просвита”, помещенную в № 146 этой газеты от 19 февраля 1909 г., отказать, отменив распоряжение об аресте упомянутого № газеты.

И[справляющий] д[олжность] прокурора суда [підпис]

Штемпель: Утвержден Одесской судебной палатой 23 марта 1909 г. Член палаты *Ващенко*.

ЦДІАК України, ф. 348, оп. 1, спр. 420, арк. 2. Оригінал.

№ 254

1909 р., жовтня 17. Київ. –

**Донесення начальника Київського охоронного відділення
М. М. Кулябка директорові Департаменту поліції Н. П. Зуєву
про розповсюдження редакцією журналу “Українська хата”
анкет серед засланців з метою вивчення національної
свідомості українців**

Секретно

Вследствие сообщения Департамента полиции от 24 сентября сего года за № 136445 по 3-му отделению¹, представляя при сем один экземпляр издающегося в г. Киеве журнала “Українська хата” № 7–8 1909 г., имею честь донести Вашему превосходительству, что редактором этого издания состоит Павел Александрович Бонацкий, проживающий в доме № 36, кв. 5 по Бульварно-Кудрявской улице, где помещается и редакция этого журнала; до настоящего времени названный Бонацкий по делам отделения не проходил.

Что же касается цели, преследуемой анкетным листком², препровожденным мне в копии при вышеозначенном сообщении Департамента полиции, рассылаемым редакцией журнала “Українська хата”, то по собранным негласным путем сведениям этим путем редакция предполагает выяснить прежде всего степень национального самосознания украинцев, а кроме того и те пути, по которым идет развитие нации, с определением, в какие именно годы и каким образом оно достигало наибольшего развития.

Ответы, ожидаемые получением от ссыльных, послужат, вероятно, отдельному литератору материалом для более или менее солидного труда по национальному вопросу, а в журнале предполагается лишь хроникерская заметка с примесью статистики.

Рассылка означенной анкеты ссыльным совершена по причинам, что 1) ссыльные дадут ответы на все заданные вопросы, не боясь последствий, и 2) ссыльные располагают более свободным временем, чем другие, сделавшие бы это на досуге, при стеснениях в полном ответе из страха, что письмо их может попасть в руки полиции.

Приложение: журнал “Українська хата”, № 7–8.

Ротмистр *Кулябка*

ЦДІАК України, ф. 275, оп. 1, спр. 1761, арк. 22. Оригінал.

¹ Див. цю саму справу, арк. 18.

² Анкету див. у цій самій справі, арк. 24–25.

1909 р., грудня 5. Харків. –

Лист М. І. Міхновського до М. Ф. Сумцова з проханням взяти участь у виданні збірника висловлювань провідних вчених та громадських діячів у зв'язку з відхиленням шкільною підкомісією Державної думи проекту запровадження навчання в школі українською мовою¹

Високоповажний пане професоре!

У Харкові виникла думка видати в мові російській збірничок думок видатніших учених та громадських діячів про заборону української мови по школах. Збірничок на зразок виданого депутатом до австрійського парламенту добродієм В. Яворським “Українська справа в європейським освітленню”.

Призвів нас до сього тяжкий стан проекта про шкільну мову українську в Думі державній, а саме: шкільна підкомісія більшостю шести проти 2, визнавши право поляків, татар і т. д. на рідну мову по школах, рішуче висловилося за те, що мова українська та білоруська – се та ж російська мова, а через те не треба української та білоруської школи. Хоч “Рада” в 272 числі й зве сю звістку неправдивою, але “Рада”, як дуже часто в українській справі, помиляється: маємо листи від заінтересованого члена Думи, що се дійсна правда. Депутат каже, що нема ніякої надії на заведення мови української по школах.

Отже, ми хочемо вплинути на Думу державну. Ми виробили план діяльності. Одним із способів впливу ми уважаємо видання збірничка, як вище згадано.

Отже, високоповажний пане добродію, просимо не відмовити подати нам Вашу шановну гадку в сій справі. Для наших цілей потрібно, щоб ся гадка була висловлена найстисліше: не більше, як 20 друкованих стрічок. Думаємо, отже, що не завдамо Вам багато клопоту з написанням Вашої думки, хоч в 5 стрічках, коли не можна довести до 20 стрічок. Се щось ніби інтерв'ю.

На нашу думку, сей збірничок матиме велику вагу для нашої справи, бо ми розішлемо його всім членам Думи та всім редакціям усіх періодичних виданнів.

У збірничку, крім думок видатніших вчених та діячів, міститимуться думки академії наук, університетів Київського та Харківського і т. д.

Тон збірника лагідний, не бойовий, але спокійний, об'єктивно-вчений. Зважаючи, що підкомісія вже висловилося, а Комісія шкільна (у Думі) висловиться зараз по новім році, ми наважилися видати збірничок до нового року. Через те, коли намір наш Вам сімпатичний і тішиться Вашим спочуттям, просимо надіслати Вашу гадку не пізнійше 15–20 сього місяця, бо друкувати маємо у Петербурзі, а се завдасть багато клопоту.

З глибоким поважанням *Микола Міхновський*

ЦДДАК України, ф. 2052, оп. 2, спр. 32, арк. 1. Оригінал. Машинопис.

¹ Див. док. № 248, 251.

1909 р., грудня 6–14 – 1910 р., лютого 19. –
Із щоденника Є. Х. Чикаленка про розгортання
політичної кампанії переслідування українського
національного руху та нищення усіх проявів “українського життя”^а

[...]

6 грудня [1909].

В Одесі закрили “Просвіту”, а у Варшаві “Український Клуб”, мотивуючи, що ці інституції вносять “раздвоение в единый русский народ”.

Черга тепер за Київом^б. Поліція цими днями взяла статут “Просвіти” і записала, хто голова та члени ради. Нащо це їй, коли в губерн[ському] Присутстві є ж статут, а про склад т[оварист]ва в поліцію подаються відомості після кожних виборів.

Кажуть, що націоналісти на чолі з цензором проф. Флоринським збирають матеріяли і хочать подати, а може вже й подали начальству “докладну” записку про те, що ці інституції сіють ідеї сепаратизму серед “русского” населення.

Нема нічого дивного, що записка ця може мати успіх. Після Київського з’їзду націоналістів закрито польське просвітне товариство “Освята”, закрито “Просвіту” в Одесі та клуб у Варшаві, можливо, що позакривають ці інституції і в Києві.

Само собою ніякого сепаратизму ці інституції не сіють, а що вони потроху розбужують національну свідомість, то це факт.

Тепер, за часів реакції та підйому російського націоналізму, ця роля українських інституції може здатися небезпешною урядові і він не завагається позакривати їх. Тоді єдиним проявом національного життя зостанеться преса, але й пресу легко знищити, або так приборкати, що вона сама зникне. І тепер багато людей боїться передплачувати українські газети, а коли начальство одверто стане до них вороже, то число передплатників ще зменшиться і преса наша щезне.

А може знов зявиться тайний циркуляр, як у 1876 році, яким заборонять українську літературу. Певне зостанеться тільки театр, але театр наш, можна сказати, і так вже втратив ту ролю, яку грав у ті часи, коли у нас не було преси та всяких інституцій. Через цензурні умови та через брак талановитих драматургів театр наш не грає тепер ніякої ролі в національному житті. Може по селах він ще має якесь значіння, а по великих містах – ніякого.

Напевне вдасться добитись, що опозиція підійме запитання в Думі з приводу знищення українських інституцій та преси, але напевне воно не пройде, а хоч би й пройшло, то уряд не зверне на його ніякої уваги, як і взагалі не звертає ніякої уваги на дорікання Думи.

7 грудня.

Сьогоднішні телеграми принесли звістку, що кадети підняли голос за дозвіл вживати в суді місцевої мови. Добродії Мілюков та Лучицький виступили оборонцями спеціально української мови, але праві підняли такий гам, навіть бійку, що довелося причинити засідання^в.

Напевне ця поправка не пройде. Такої долі треба сподіватись і для української мови в школі тим паче, що підкомісія вже признала українську мову за “наречіє” російської і відкинули її, хоч допустила вірменську, грузинську та татарську.

Хоч би вдалося провести в цій Думі закон про заснування катедр українознавства по університетах і то був би величезний успіх. Певне Державна Рада відкине і катедри українські, але, принаймні, була б велика моральна перемога, був би прецедент для будучих Дум.

Тяжко проламати кригу, а тоді плисти вже легше!

14 грудня.

“Українська хата” оголосила в оповістці на 1910 рік, що по особливій згоді з Олесем всі його вірші друкуватимуться тільки в “Українській хаті”.

З цього приводу у мене на журфіксі виникли веселі балачки, від яких Олесеві було трохи невесело.

До мене підійшов Олесє і, очевидно, щоб компенсувати “Раду”, сказав, що в 1910 році він буде конкурентом Пригарі і писатиме фельетони в “Раді”.

Я, сміючись, кажу:

– Ну, добре: “Українська хата” має монополію на ваші вірші, а “Рада” матиме на фельетони.

Тут хтось підійшов і завважив:

– А “Рідний край” на пєси, натякаючи на те, що “По дорозі в казку” запродане О. Пчілці.

А Ю. Сірий, почувши це, каже, що треба придбати у Олесє монополію для ЛНВістника на оповідання, а для “Сєла” на “ветеринарні поради”.

Олесеві стало якось ніяково і він, якось ніби винуючись, почав говорити, що йому ні за що було перевезти в Київ жінку, а “Українська хата” йому дала 100 рублів, от він і улаштується тепер з родиною.

Справді, гірка доля українського письменства, коли найкращий наш поет, наша краса, продає себе за якихсь нещасних сто рублів, це ж гірше, як за “чечевичну” юшку (з сочовиці).

20 грудня.

Виявилося, що записка про український рух справді написана, але ще невідомо ким і для кого, певне до міністра, бо звертається на “Ваше високопревосходительство”.

Починається вона доносом на польський рух, але мені принесли прочитати ту частину, що стосується до українського руху.

Невідомий автор (кажуть, що писав по загаду Кулябки урядовець особливих доручень Щоголев)^Г говорить у записці, що досі адміністрація дивилась крізь пальці на “українофільство”, вважаючи цей рух наївним і нешкідливим. Але з 1906 року цей рух вже стає настільки серйозним, що на нього треба звернути найбільшу увагу. Коли польський рух в Юго-Западнім краю не має ґрунту, то український загрожує розеднати “русский народ” і зробити Росії величезну шкоду.

“Главарі” (проводирі) українофільства добиваються спочатку народньої школи на “выдуманном украино-галицком жаргоне”, потім будуть вимагати середньої та вищої школи. За культурним “обособленням” піде політичний сепаратизм.

“Главарі” українофільства зєднались в товариства: Наукове¹, “Просвіта”, “Т-во для підмоги науці і літературі”² і ведуть свою сепаратистичну політику. Для ширшого кола заснували український клуб, куди музикою та танцями приваблюють публіку і тут її українізують; навіть для дітей роблять щось нахштатт “детского сада”, бажаючи змалку прищепити їм українофільство.

Всі оті інституції вкупі з пресою, кінець кінцем внесуть, на думку автора записки, “раздвоение в русское население”, загальмують розвиток народу і нароблять Росії більше лиха, ніж усякі крамоли та инородческі рухи.

Невідомо яку резолюцію покладе на цю записку міністр і взагалі яка буде її доля.

Поживем – побачим! [...]¹

19 лютого 1910.

І так записка “націоналістів” таки досягла мети.

Столипін видав циркуляр губернаторам², в якому говориться, що “среди инородческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узко-национально-политического самосознания и образование целого ряда обществ, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве исключительно национальных интересов”, а тому треба “впредь” не реєструвати инородческих, а в тому числі і українських товариств, а “приступитъ к тщательному ознакомлению с деятельностью существующих инородческих обществ и в подлежащих случаях возбуждать вопрос об их закрытии”.

Цей циркуляр буквально оглушив усіх. Вже коли “культурно-просветительная деятельность” вважається крамольною, то вже далі йти нікуди!

Навіть за часів Сіпягіна і Плеве така діяльність вважалася “громоотводом” від усякої революційної діяльності і нікому не ставилась у вину; тепер за часів конституції міркують інакше.

“Рада” відмовилась навіть обмірковувати цей циркуляр, настільки він крашномовний сам по собі. Та що ж рівноцінного скажеш, коли за всяку більшменш яскравішу статтю загрожує, як не судовий процес, то штраф, а через те ми й рішили надрукувати замість передової столипінський циркуляр з приміткою, що редакція відмовляється його обговорювати.

Російська преса майже вся так, чи сяк обізвалася з приводу цього циркуляру.

Прогресивна доводила його беззаконність, бо він, минаючи законодавчі інституції, обмежує закон про “общества и союзи”; права преса зустріла його

¹ Пропущено текст з описом приїзду до Києва В. І. Лучицького та інших подій місцевого життя.

² Док. № 257.

радісно, а крайня чорносотенна завважала, що він ще досить толерантно ставиться до инородців.

“Киевлянин”, устами землячка Савенка, визнав за циркуляром велику державну мудрість і своїм звичаєм почав писати донос на українські інституції. Він доводив, що український рух шкідливіший для Росії за всі инородчеські рухи, бо коли ті загрожують російській державі, то український рух намагається роз’єднати “единый русский народ”, а через те треба позакривати всі українські інституції, не виключаючи й клубу.

На ці статті “Рада” відповідала тільки гумористичними фельстонами С. Пригари, в яких висміювався похід чорносотенців проти українських інституцій.

Але все київське українське громадянство прийшло “в уныние”. На кожній вечірці в клубі збирається сила народу і кожний спішить до гурту почути, чи нема нічого нового з адміністративних сфер. Всякий думає знаходитися в клуб, бо, може, не сьогодні-завтра його закриють.

А чуток тих сила!

Розказують, що ген[ерал]-губернатор Трепов дуже ображений цим циркуляром, бо видано його без його відома й поради.

Кажуть, що записки націоналістів він не ухвалив, а повіз її Столипінові губернатор Гірс, щоб довести цим свою адміністративну дбайливість, здатність і освідомленість з тутешніми справами.

Досі щодо Києва, адміністрація держалася політики, яку завів покійний ген[ерал]-губернатор Драгомиров. Він доводив, що в Південно-Західнім краї не треба гнітити “коренного русского” населення, себто українського, щоб не підсилювати польський рух.

Такої тактики держався й Сухомлинов, а за ним і Трепов. Гірс же, будучи під впливом націоналістів і бажаючи зарекомендувати себе перед Столипіним, повіз записку і наче розкрив йому очі на те, що діється в Києві.

Тепер адміністрація, кажуть, збирає наради: як і до якого товариства “применить” циркуляр.

Взагалі завзялись на нас.

Особливо лютує проти українства головний цензор проф. Т. Флоринський, давній принципіальний наш ворог. Він не тільки допікає нам судовими процесами, а ще й підмовляє губернатора, через свого помішника Щоголева, що разом з тим служить і чиновником особливих доручень при губернаторі і той штрафує нас за всяку дрібницю.

Окрім того, Флоринський під’южує націоналістів, і, як найосвідченіший між ними, впливає на них, а вони охоче цькують українців, пишучи доноси і приватні, і на мторінках “Киевлянина”, напевне не без участі самого Флоринського.

Але окрім принципіальної ворожнечі проти українства, Флоринський зводить і особисті рахунки з українцями.

Недавно він балотувався в члени петербурзької Академії наук, але його провалили майже одногосно, “с треском”, як кажуть. Опозиція мотивувала свою агітацію проти нього тим, що не личить академікові виконувати поліцій-

ні функції; що хоч колись академік Никитенко і був цензором, але він тим служив на користь літературі, а Флоринський всячески її гнітить.

Приятелі Флоринського розказали йому, що агітація ця проти нього йде з Києва, особливо від Грушевського, який, начебто їздив спеціально для цього в Петербург.

Правда, Грушевський в розмовах з Шахматовим певне не милував Флоринського, але агітувати проти нього спеціально їздив до Петербургу проф. Перетц. Але Флоринський цього не знає, а всю вину складає на Грушевського і намагається помститись на ЛНВістнику, на “Селі” – конфіскує числа, притягає до суду, але так безпідставно, що прокуратура не находить “состава преступлення” і знімає конфіскату.

Це ще більше лютить Флоринського.

Нещодавно трапився в редакції “Ради” з Флоринським інцидент.

В № 28 петербурзької кадетської “Речи” видрукувано статтю д[окто]ра М. Левицького, в якій, між иншим сказано, що таким ученим, як Флоринський, хоч кіл на голові теши, а вони запевняють, що чужий язык зрозуміліший українському народові, ніж свій. Ми надрукували в “Раді” переклад цієї статті. Флоринський образився і прислав нам відповідь, в якій каже, що російський язык зрозуміліший для малороса, ніж видуманий український язык, і вимагав, щоб ми надрукували цю його відповідь, не міняючи языка. Ми відповіли, що охоче надрукуємо в перекладі на українську мову і що, коли його відповідь буде надрукована в “Речи”, то ми її по українському надрукуємо в “Раді”.

Флоринський, розлютований, написав, що він нас судом примусить надрукувати цю відповідь по російському.

Секретар цензурного комітету Опатовський переказував, що Флоринський звернувся з скаргою до прокурора Суд[ової] палати, але той довів йому, що з цього нічого не вийде, бо “Рада” не відмовлялась надрукувати відповідь, а тільки не схотіла друкувати на російській мові. Флоринський відповів, що він не хоче, щоб його відповідь друкувалась на якомусь видуманому жаргоні. На це прокурор відповів, що цензура дозволяє на цьому жаргоні друкувати навіть царські слова, то чому ж редакція повинна відповідь його, Флоринського, друкувати непременно на російській мові.

Тоді Флоринський відповідь Левицькому і свою переписку з редакцією “Ради” видрукував у “Киевлянині”.

Коли і “Речь”, на основі 139 ст. надрукувала відповідь Флоринського, ми передрукували її в перекладі на українську мову.

Здається інцидент скінчився, але напевне він нам дорого обійдеться, бо Флоринський буде мститись судовими процесами та штрафами.

Той же секретар цензурного комітету розказував, що тепер вони роблять статистику штрафів та судових процесів, якими “обуздывалась” київська преса, і на основі їх Флоринський складатиме записку для Головного “управління по делам печати” і тоді вже не помилує української преси.

Напевне в записку цю він вкляде весь свій хист, все своє завзяття, щоб довести начальству, що українська преса шкідливіша за все і що її неодмінно треба знищити.

Зважаючи на успіх записки про “українські інституції”, треба сподіватися, що й ця записка досягне мети і українську пресу так або інак приборкають або й зовсім знищать.

Від Столипіна можна всього сподіватися. Він навіть уже октябристів зрадив і видав губернаторам циркуляр, щоб на будучих земських виборах піддержувати націоналістів, а не октябристів.

Тепер очевидно, що Сіпягін та Плеве – “мальчишки” і “щенки” в порівнанні з Столипіним, це справжній російський Метерніх, як не Бірон...

Старий режим знайшов собі в особі Столипіна справжнього спасителя, хоч чорносотенці чомусь вважають його за конституціоналіста [...].

Чикаленко Євген. Щоденник (1907–1917). – Львів, 1931. – С. 105–108; 114–118.

№ 257

1910 р., січня 20. Санкт-Петербург. – Циркуляр міністра внутрішніх справ П. А. Столипіна губернаторам про заборону реєстрації “иностранческих обществ”, передусім українських й єврейських, що створюються з метою розвитку “национально-политического самосознания”, а також про перевірку діяльності вже існуючих іноетнічних культурно-просвітніх товариств

С изданием Высочайше утвержденных 4 марта 1906 г. временных правил об обществах и союзах^а, среди иностранческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узкого национально-политического самосознания и образование для этой цели целого ряда обществ, под самым разнообразным наименованием, имеющим целью объединение иностранческих элементов на почве их исключительно национальных интересов.

Преследуя вышеуказанные цели, такие общества, несомненно, ведут к усугублению начал национальной обособленности и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности, как то и разъяснил Правительствующий Сенат в целом ряде решений (указ от 18 июня 1908 г. № 9120 по делу украинского общества “Просвіта”, от 4 сентября 1909 г. за № 8397 по делу польского общества “Освятя” и др.).

Ввиду сего я признаю учреждение подобных обществ, на основании п. 1 ст. 6 Закона 4 марта 1906 г., недопустимым и считаю долгом указать Вашему превосходительству, что при обсуждении ходатайств о регистрации каких бы то ни было иностранческих обществ, в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей, местному по делам об обществах присутствию надлежит в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество вышеуказанных задач и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов, на точном основании приведенных указаний Правительствующего Сената.

Вместе с сим Вам надлежит в настоящее время тщательно ознакомиться с деятельностью уже существующих иностранческих обществ и в подлежащих случаях возбудить установленным порядком вопрос об их закрытии.

Речь. – СПб., 8 (21) февраля 1910 г. – № 38. – С. 2.

Українська народня ілюстрована газета

для селян і робітників.

Другий рік видання.

Виходить у Києві щотижня в четвер. (Раз на місяць виходить номер збільшений, такий як був № 1).

№ 4.

21 Січня (Января) 1910 р.

Передплата на рік 1910 на

СЕЛО

Передплата на рік 2 руб., на пів року 1 руб. 10 коп., на 3 місяці 60 коп. Передплату приймають: книгарня Літературно-Наукового Вістника Київ, Велика Володимирська 28; у Харкові, Українська книгарня, Риба 25, а також і інші книгарні на Україні. Для Галичини ціна на рік 7 корон; по сій ціні приймає предплату і від себе розсилає книгарня Наукового Тов. ім. Шевченка у Львові.

Хто передплатить на цілий рік, той дістане в додаток календар на 1910 рік. Повні брошювані примірники (екземпляри) „Села“ за рік 1909 продаються по 75 коп. з персялкою.

ПРИЙМАЄТЬСЯ ПЕРЕДПЛАТА НА 1910 РІК НА

Літературно-Науковий Вістник

український журнал літератури, науки й громадського життя, що виходить при участі визначніших письменників, учених і публіцистів України Російської і Австрійської, під загальним проводом проф. М. Грушевського.

Містить повісти, оповідання, драми, поезії, статі з української історії, літератури, суспільної економії й інших областей знання і служить вельми потрібним для всякого освіченого України органом всеукраїнського національного культурного життя. Кожда книжка журналу має 192—240 великих сторін.

Редація і головна контора: Київ, В. Володимирська 28.

Передплата на виданне київське р. 1910: на рік 8 руб.; для неможливих учнів, студентів, сільських учителів, низших служачих, робітників і селян 6 руб. За пів року 4 руб. 50 к.

Можна прислати на 1 число кожного місяця по 1 р., поки збереться повна передплата.

Комплетти журналу за попередні роки продають ся по 8 руб

Книгарня „Літер.-Науков. Вістника“, в Києві В. Володимир. 28 має на складі усякі українські книги, картини і нот.

Складає Яблотечки, п. чавни від 1 карб.

Українська книгарня в Харкові, Риба 25 має великий вибір книжок, карток, нот і картин.

При цьому числі тім хто передплатив „Село“ на рік посилається додатком вилучений календарь „Село“.

Що є в сім номері:

Торішній урожай М. Грушевського.—За тиждень.—З українського життя.—Товариство „Просвіта“ в Галичині М. Залізняка.—Київ М. Грушевського.—Павлик Тетяни Суми.—На далекому Сході М. Сріблянского.—З робітничого життя М. Григоровича.—З життя селянських товариств.—Помешканця для птиці К. О. Роля.—Дописи.—Сміховина.—Ціни на хліб.

Читаючи треба вимовляти м як ы риба=рыба і як и сіни=сины, ї=йі, їв=йив, е=іє мос=моіе, е=э тебе=тэба.

Торішній урожай.

З кінцем року звичайно чоловік обмірковує собі попередній рік,—що він йому приніс, добре чи ладно втрату чи заробіток. Так і з цілим краєм або державою: по газетах обмірковують і обраховують, що приніс минулий рік, та як з того можна міркувати—чи добре йде наше життя, чи ні. Обмірковують прибутки і втрати минулого року та роздумують над теперішнім господарством нашим—яке воно.

Сумні гадки виходять з тих обміркувань. Коли під осінь стало ясно, що урожай минулого року вийшов добрий, всі з того тишилися і сподівалися всякої благодати. Але тепер, як оглянутися назад, виходить, що при таких порядках як тепер не помагає й урожай.

Правда, що й урожай не був такий дуже великий, як сподівалися з початку. Рівняючи з попереднім роком уродило в 1909 році всякого збо-

Перша сторінка українського ілюстрованого тижневика для селян і робітників „Село“ (1910).

ЦДІАК України, ф. 275, оп. 1, спр. 1986, арк. 108.

№ 258

1910 р., березня 9¹. Київ. –

Донесення начальника Київського охоронного відділення М. М. Кулябка директорові Департаменту поліції Н. П. Зусьву з агентурними відомостями про співробітників редакції газети “Село”

Секретно

Вследствие предложения Департамента полиции от 29 января сего года за № 105379², представляя при этом Вашему превосходительству два экземпляра еженедельной украинской газеты “Село” и приложение к названной газете – “Народный календарь “Село” на 1910 г., доношу, что редактором-издателем этой газеты состоит дочь генерала от инфантерии Анна Платоновна Ямпольская, 47 лет, проживающая в г. Киеве в доме № 76 по Дмитриевской улице, а постоянным сотрудником этого издания состоит профессор Киевского университета Михаил Сергеевич Грушевский, проживающий в доме № 9 по Паньковской улице; делами редакции, помещающейся в доме № 28 по Владимирской улице, заведывает Павел Филиппович Лавров, проживающий также в доме № 9 по Паньковской улице.

Выяснить остальных сотрудников газеты негласным путем не представляется возможным, так как таковые большей частью проживают вне г. Киева и присылают свои статьи для помещения в газету по почте, подписываясь псевдонимами.

Представляемые экземпляры газеты “Село” № 4 и приложенный к нему “Народный календарь “Село” был арестован временным комитетом по делам печати, но издание последующих номеров этого журнала продолж[ается и в насто]ящее³ время.

Из названных выше лиц отделени[ю известен п]рофессор Михаил Грушевский, как украинец-национал[ист, изд]ающий в г. Киеве “Литературно-научный вістник” и вместе [с] тем украинский писатель-историк, пользующийся популярностью среди украинского народа как в г. Киеве, так и за границей в Галиции, издавая украинские книги.

Названный Грушевский в № 118 местной украинской газеты “Рада” выступал со статьей, в которой дает следующие характеризующие его советы: “Русскую книгу, если она тебя интересует, займи для прочтения, а украинскую купи. Купи, хотя-бы на самом деле ты не имел надежды прочитать ее, купи и положи на стол как доказательство своей искренней приверженности к культурной украинской жизни. Если тебе купить ее не за что, постарайся, чтобы ее купил другой, кто состоятельнее тебя. Украинская книжка нужна не только для того, чтобы из нее извлечь пользу, но просто для того, чтобы она

¹ Датується за розпорядженням Департаменту поліції від 17 березня 1910 р. № 107967 (ця сама справа, арк. 113), у якому повідомляється про отримання даного донесення.

² Див. цю саму справу, арк. 105.

³ Тут і далі текст пошкоджено.

существовала, чтобы сидела как заноза, как доказательство живой культуры украинской жизни”^а.

Затем Анна Ямпольская известна отделению как проходившая в 1902 г. по наблюдению филеров летучего отряда Департамента полиции под кличкой “Бульварная”, имевшая также связи с лицами, сомнительными в политической благонадежности.

Что же касается Лаврова, то таковой до настоящего времени по делам отделения не проходил.

Вместе с сим докладываю, что киевскому губернатору о направлении журнала “Село” было мною доложено.

Ротмистр *Кулябко*

ЦДІАК України, ф. 275, оп. 1, спр. 1986, арк. 112. Оригінал.

№ 259

1910 р., травня 3. Київ. –

Розпорядження Київського тимчасового комітету у справах друку^а київському поліцейському про накладення арешту на брошуру українською мовою “Ще не вмерла Україна” і її конфіскацію¹

Слушали: доклад и[справляющего] д[олжность] председателя Киев[ского] врем[енного] Комит[ета] по дел[ам] печати А. А. Никольск[ого] о брошюре под заглав[ием] “Ще не вмерла Україна. Ц. 15 к. Українське видавництво “Ранок”, типограф[ія] акціонерного общ[ества] П. Барский в Києве”; при чем выяснилось, что настоящее произведение печати является известным революционным украинским гимном. В начале автор говорит, что, несмотря на все старания врагов, еще не умерла Украина (в смысле самостоятельного государства) и что еще украинцам проглянет счастье, враги же (лишившие самостоятельности Украину) погибнут, и украинцы сами будут управлять своей родной страной. Нарисовав идеал будущего счастливого времени (восстановления самостоятельности Украины) автор переходит к призывам бороться за это благое дело всеми силами души и тела (“душу й тіло ми положим за свою свободу”), причем свобода и воля (от подчиненности Украины русскому правительству) ему представляется не в образе отдаленных мечтаний, а в виде близкой возможной действительности, почему он и призывает всех украинцев взяться за дело и теперь же восстать (против русского правительства) чтобы добыть себе волю (которой будто бы “украинцы” лишены), ободряя малодушных славной смертью их предков, умевших умирать за свободу своей родины.

Таким образом, в этом произведении печати автор призывает малороссов к учинению бунтовщического деяния против русского правительства и возбуждает у малороссов вражду против великороссов и русского правительства.

Принимая во внимание, что означенные преступления предусмотрены п. 1 и 6 ст. 129 Угол[овного] улож[ения], Киев[ский] вр[еменный] ком[итет] по дел[ам] печ[ати] постановил: наложить арест на означенное произведение

¹ Див. також док. № 266.

печати и просить прокурора суд[ебной] палаты об утверждении этого ареста с привлечением к уголовной ответственности лиц, виновных в издании этого гимна по пп. 1 и 6 ст. 129 Угол[овного] улож[ения] 1903 г.

ЦДІАК України, ф. 295, оп. 1, спр. 187, арк. 38–39. Чернетка.

№ 260

1910 р., жовтня 10. Київ. –

Відозва студентів Київського політехнічного інституту із закликом до інтелігенції об'єднуватися задля здобуття соціальної справедливості і національної освіти

Товариші!

З недобрим передчуттям вступаєм ми в біжучий рік. Утиски і репресії над українським рухом ніколи, власне, не припинялись; але останніми часами вони все збільшуються й збільшуються, набувають особливої сили. На наші інституції просвітні сиплються заборони за заборонами, на наші часописи все частіше падають штрафи і конфіскації. І мимоволі встають перед нами сумні привиди 70-х, 80-х років. Доводиться ждати найтяжчих утисків над усіма проявами нашого життя. Бо як тоді, так і тепер панує реакція, – а реакція в нашій державі ніколи меж не знає. Ми бачимо, як широко роз'яснюються “свободи”, як циркуляр топче закон, а “крамольним інородцям” доводиться зазнавати тяготу централістичного кулака, цього великого принципу російського урядування.

Між тим в народі і під гнітом правительственних репресій іде своє життя. Народ освідомлюється. Стає можливим заснування кооперативних товариств та інших економічних закладів. Народові так необхідна тепер робота інтелігентних сил, котра б підняла його економічно і розвинула національно. Потрібна молода інтелігенція, котра помогла б боротися проти денационалізуючих заходів правительства, допомогла б йому здобути свою національну школу, котра б піднесла його добробут економічний.

Товариші! Ми повинні бути такими робітниками. Що ж ми? Чи прислухаємось ми до голосу народу, чи готові стати в допомозі йому? Ні, роз'єднані і дезорганізовані, зневірені й розбиті, ми одійшли од потреб живого життя. Охоплені академізмом, ми забули, що наше місце між народом, що нашої праці він вимагає!

Але, щоб бути приготованими до такої відповідальної місії, нам самим треба самоосвіти, організованости, єднання. Офіційна школа, засліплена однобокою політичною тенденцією, нездатна допомогти нам в нашій пориванні до реальної практичної роботи.

І коли неможлива така самоосвіта в університеті – в тісних товариських гуртках здобуваймо її!

Коли не дають організуватись легально – єднаймося в нелегальну Українську Громаду.

Не забуваймо про свою повинність перед народом!

Несім йому світло науки і знання!

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 4, спр. 368 т. II, арк. 4. Копія.

1910 р., листопада 10. Санкт-Петербург. –
**Виступ І. В. Лучицького в Державній думі про право українців
навчати дітей рідною мовою з аргументованою критикою
статті 19 законопроекту про шкільну освіту**

Господа. Ст[атья] 19 законопроекта, которую мы рассматриваем, является несомненно самой коренной, самой важной, от постановки которой в существе дела, главным образом, должно зависеть исполнение или выполнение той цели, которую комиссия по народному образованию поставила себе, выработывая этот законопроект. Дело в том, что ст. 19 говорит о том, как преподавать. Она дает именно указания на тот метод, с помощью которого могут быть приобретены те знания, благодаря которым население, считающееся, с точки зрения самой комиссии по народному образованию недостигшим того необходимого культурного уровня, который мог бы помочь этому населению приблизиться к уровню западно-европейскому, может все же достичь этого приближения. Поэтому естественно, что на эту статью должно обратить самое серьезное, самое полное внимание. Что же мы видим в действительности? В действительности мы видим, что эта статья, которая, повторяю опять, является основой всего решения вопроса, поставлена такоим образом, что она представляет собою не более, как повторение того же самого старого опыта, который производился много лет раньше. Сама комиссия, устанавливая параграф, в то же самое время ни одним словом не касается оного, что дело опыта – выполнение того же самого принципа, того же самого метода, которым руководилась школа в более раннее время; вместо этого она устанавливает три пункта и говорит, что русский язык необходим каждому гражданину потому, что он является языком управления и т. д., что каждый русский гражданин сталкивается с ним. Но ведь с педагогической точки зрения здесь является чрезвычайно важный вопрос. Что же это собственно значит? Значит ли это, что мы все должны знать русский язык, или же это значит, что мы должны обучаться ему таким образом, при котором могли бы получить знания, но не как языку, который обязателен с самого начала. Затем мотивируется это довольно странным образом; мотивируется тем, что язык заключает в себе красоты. Говорится при этом, что с политической точки зрения можно об этом спорить. Я даже не понимаю, что значит, с политической точки зрения, спорить о красоте или некрасоте языка? Ведь каждый язык является несомненно таковым: с точки зрения немцев является красивым немецкий язык, потому что на этом языке писали Гетте и Шиллер, с точки зрения русских – русский язык, также потому, что на нем писали Пушкин, Толстой, Гоголь и Тургенев. С какой же точки зрения найдется язык, который является некрасивым для того, кто знает этот язык? Дело вот в чем заключается. По этому поводу я должен сказать, что тот из деятелей Холмщины, который более всего работал в пользу выделения Холмщины из Польши, как мне очень хорошо известно, сам утверждал, что не желает, чтобы население говорило с ним на другом языке, кроме малорусского; он находил,

что это прекрасный, звучный, восхитительный язык, и просил, чтобы лица, присланные в качестве чиновников из канцелярии киевского генерал-губернатора, говорили на малорусском языке. Красота языка – это понятие относительное. Вопрос заключается в другом – именно в том, что если действительно оставить ст. 19 так, как она была поставлена, то достигается ли тот результат, которого вы желаете, и с другой стороны, если вы поставите вопрос о красоте языка, какой же язык будет признан красивым? Это странно особенно потому, что упускается из вида педагогическая точка зрения, которая несомненно разделяется и комиссией, потому что об этом не раз упоминается по поводу предыдущих статей. Это принцип старый, выработанный еще в начале XIX в. и не только систематически проведенный в Германии и других странах, но принятый и нами. В педагогических сочинениях уже много раз повторялось, что нужно идти от простого к сложному, от известного к неизвестному и от родного кому, что является либо чужим, либо близким, но различным. Но этот принцип, я повторяю опять, в проекте не выдержан, не лежит в основании статей, представляющих основу всего законопроекта.

Я напомним вам, господа, событие, которое имело место 24 года тому назад: в 1886 г. в марте месяце был внесен целой группой депутатов австрийского рейхстага, по инициативе бар[она] Шаршмидта, законопроект, совершенно подобный тому, который в настоящее время вы рассматриваете. Этот законопроект был направлен, главным образом, к тому, чтобы сделать немецкий язык, язык Шиллера и Гетте, тоже красивый язык, предметом всеобщего обучения. Было установлено целым рядом параграфов, что в школах образование должно быть производимо на немецком языке. При этом этот язык объявлен был государственным языком, обязательным для всего населения и без знания которого никуда не могли быть допускаемы. Затем шла целая градация языков, установлен был язык, который пользовался привилегией, затем первый разряд *Landsprache*, *Bezirkssprache* и, наконец, *Muttersprache*¹. Это чрезвычайно любопытное явление, потому что схоже с теми тенденциями, которые обнаруживаются в поправках, внесенных союзом 17 октября^a. Это старая теория, которая лежит и в основе австрийского проекта и которая, хотя неясно выраженная, подразумевается в законопроекте, нами рассматриваемом. Эта идея заключается в том, что без единства языка мы не в состоянии достигнуть каких бы то ни было результатов, мы не в состоянии создать действительного единства. Это старая теория, которая гласила прежде, – это было в XVI веке – что никакое государство не может существовать, что оно развалится, если не будет одинаковой религии для всех. Из-за этого пролиты потоки крови, из-за этого одна страна являлась в то время одной из самых богатых стран, приведена была в полное разорение. И на самом протяжении XVI века существовала теория, что для целей объединения необходима единая религия; на почве религии изгонялись все, кто не желал принадлежать и не принадлежал к господствующей церкви, и, наконец, постепенно мало-помалу, создана была невозможность удерживаться на этом принципе и создавать на этой почве государство.

¹ Відповідно, державна мова, регіональна мова, рідна мова (нім.).

Затем этот старый принцип был сменен новым. В XVII веке стали на иной путь. Филипп V Испанский по отношению к Каталонии потребовал полного изменения существующего порядка и настаивал самым энергичным образом на необходимости полного уничтожения каталонского языка; он воспрещал его в школе, воспрещал его литературу и систематически привел дело к тому, что всюду говорили на испанском языке, в стране, где разнообразие языков было чрезвычайно большое. Наконец этот принцип был доведен до апогея своего развития, и этот апогей развития он нашел в постановлении Конвента^б, который гласил о необходимости единого языка и находил необходимым изменение всех остальных. Этому принципу следовали в течение долгого времени, и какие оказались результаты? Ведь, в сущности говоря, никакого серьезного результата не получилось, – объединить Каталонию с Испанией оказалось также мало возможным, как заставить каталонцев говорить на испанском языке, как обучаться сначала на испанском языке; цель не была достигнута, и вы знаете результат, который в настоящее время существует в Испании, знаете то положение, которое занимают каталонцы, являющиеся самыми непримиримыми врагами того самого испанского кастильского народа, который так желал объединить их с собой; там, где оказывалось стремление к тому, чтобы сколько-нибудь придушить язык местный и создать общий язык, там сами обстоятельства дела заставили изменить эту политику. Мы знаем, что эта политика была изменена относительно Уэльса: английское правительство уже в 60-х годах отступило от своей прежней политики национального языка во что бы то ни стало и предоставило правило и возможность обучения на местном языке, как исходный пункт для развития и это совершенно понятно, потому что, чем дальше мы идем, тем яснее оказывается, что совершенно так же, как было фальшиво воззрение, что государство не может существовать без религии, так же несомненно оказывается фальшивой и теория, что не может быть единства и нераздельности без единства языка. И Швейцария и другие страны показывают совершенно ясно, до какой степени является возможным и совершенно достижимым объединение на почве разнообразных языков, на почве обучения на местном языке. И вот если мы посмотрим на дело с этой точки зрения, то мы увидим, что эта точка зрения именно и проходит сквозь законопроект о народном образовании; и поэтому естественно, что чисто педагогическая сторона дела остается совершенно, так сказать, на заднем плане. Это видно наиболее ясно из того перечня, который мы читаем в поправке и отчасти в самом законопроекте относительно тех народностей, которым по отступлению дозволяется обучаться и на местном языке. Это именно только часть их, только те граждане первого разряда, которые получают это право, тогда как другие его не получают. Затем самая постановка устроена так, что, в сущности, известная часть населения может обучаться на местном языке только в том случае, если она образует большинство в данной местности; там, где она составляет меньшинство, там, где она меньше определенной цифры, там она почти лишена возможности сколько-нибудь правильно получать образование на собственном языке. И это является, повторяю опять, совершенно противоречащим тому основному педагогическому принципу, о котором я уже говорил. Этот прин-

цип, посторяю опять: идти от простого к сложному, от известного к неизвестному и обучение, правильное развитие основывать на почве одного языка. Этот принцип совершенно понятен для немцев; существует целая литература, в которой уже доказано, и доказано ясно совершенно определенное в этом отношении положение; и положение это не касается только языков; для них вопрос о языке, есть ли это язык или наречие, не является вопросом первостепенной важности. Германские педагоги поняли совершенно ясно, что в вопросе первоначального образования, – чтобы дать правильное развитие уму, – требуется прежде всего, чтобы обучение начиналось на том наречии, на котором говорит та или другая часть населения. Они увидели, что обучение литературному немецкому языку, которое прежде являлось и теперь является обязательным, не дает тех результатов, которых можно было ожидать. Мы видим, напр., что на основании тех донесений и данных, которые сообщают рекрутские присутствия в Германии, там, где обучение происходит на литературном языке и с него начинается, значительное количество лиц, которые являются для отбывания воинской повинности, оказывается совершенно забывшим этот литературный язык, возвратившимся к своему старому местному языку и очень плохо подготовленными для того, чтобы ознакомиться с сочинениями, написанными на литературном языке. Отсюда и то практическое применение, о котором я уже здесь имел случай говорить и которое делается в Норвегии, где создан специальный институт для учителей, которые обучаются наречиям и переходу звуков фонетически из одного наречия в другое. Это обучение обязательно для всех, кто занимается с учениками данной местности, на основании того местного языка, на котором они говорят. Только при применении этого принципа возможно правильное ведение школьного дела и неповторение тех ошибок, которые ранее были сделаны и которые отмечены целым рядом земских собраний, доклады которых относительно состояния в тех или иных местностях дела народного образования читались на съездах учителей. И вот я говорю: если мы посмотрим на дело с этой точки зрения, то увидим, что самое деление соответствует австрийскому делению на *Muttersprache* и *Bezirkssprache*, т. е. предоставление только одним языкам права пользоваться этим правом, а другим языкам и наречиям – отказ в этом предоставлении; мы увидим, что есть основания для серьезного педагогического “нет” в этом отношении, и что это есть гораздо более дело политических соображений, чем чисто педагогических целей и мотивов, которые должны лежать в основании всякого законопроекта, направленного именно к тому, чтобы создать, наконец, дело народного образования в России, чтобы поставить его на такую почву, при которой оно могло бы мало-помалу дать возможность русскому населению или громадному большинству русского населения конкурировать в деле народного образования с населением Западной Европы. И вот, если мы обратимся к этому списку, мы увидим, что в этом списке нет очень многого. Я не буду спорить в настоящую минуту, я не буду говорить, так ли это или нет, будет ли это язык или наречие, это совершенно все равно; я буду говорить только о том, что здесь имеется слишком много пропущенных вещей, имеется пропуск русского, а с другой стороны пропуск украинского языка. Об этом можно, повторяю, спо-

рять, можно говорить, что это наречие, – для меня это безразлично. Германская педагогика считает необходимым начинать с наречий именно потому, что эти наречия являются до известной степени и в лексическом, и в синтаксическом, и в других отношениях несходными с литературным языком; германские педагоги требуют, чтобы первоначальное образование начиналось с этих наречий и чтобы литературный язык являлся предметом очень важным, систематическим и в то же время совершенно отдельным предметом преподавания, т. е. они требуют именно того, что в сущности и нужно требовать в данный момент. Ведь дело в том, что, когда нам говорят, что русский народ состоит из более чем 100 000 000 людей, забывают, что он состоит из трех ветвей, что между этими ветвями, в силу исторических условий, создались такие известного рода течения, с которыми бороться в настоящее время совершенно невозможно. Не надо забывать, что, начиная с XIII в. по XVII в. вся южная часть не входила в состав русского государства, что то же самое было по отношению к Белоруссии, что язык этот находился под другим влиянием и, следовательно, формировался тем или иным способом совершенно так же, как формировался португальский, стоящий тут же рядом с испанским языком; они становились мало-по-малу различными, создавались особые формы языка, особые формы мышления, связанные с этим языком, которые делали довольно сильное и довольно значительное различие между ними. Я не буду утомлять вас в этом отношении целым рядом филологических и других соображений, а только позволю себе сказать очень немного относительно украинского языка, для того чтобы характеризовать его отношение к русскому. Вы начинаете в школе с первого алфавита¹, взявши ребенка, который говорил в семье только по-малорусски, который не имеет никакой возможности говорить по-русски и даже понимать; вы его берете для воспитания и обучения в школе, вы начинаете с ним немедленно занятия русским языком. Первое, что требуется – это есть дело наглядного обучения. Что же вы можете сделать с этим наглядным обучением? Для того, чтобы выучить азбуке, с помощью разного рода рисунков, вы показываете картинку и говорите: вот буква “т” – топор; но слово топор для него неизвестно, он знает “секиру” – между ними большая разница. Слово “деньги” – это будет буква “д”; на малорусском языке – это будет не деньги, а “гроши”. Вы даете ему например “лягушку”, а это не лягушка, а “жаба”. Имеется целый ряд таких слов, которые совершенно не схожи. И это факты, которые я беру из заметок, сделанных сельскими учителями. Вы берете, например, простую строчку: “Красная рожа выглянула из кошелька”; а вы знаете как малоросс переведет эту фразу? Это перевод, который делался в школе, а не тот перевод, который засвидетельствован ревизорами этой школы. Он переведет, что кто-то вытащил из кошелька, потому что красный червонный значит красивый, рожа – это мальва, а не рожа в смысле физиономии. Рожа по-малорусски – мальва. Затем кошелек есть не что иное, как “гомонец”, калитка, потому что калитка и гомонец есть однородные по смыслу слова. Я не буду повторять того количества слов, которые существуют, эти слова чрезвычайно

¹ *З першого кроку (застар.).*

сложны. Напр., слово “пил” русское соответствует малорусскому слову “пил”, которое означает доски, на которых спят. Затем слово “эхо” имеет совсем не тот смысл, который оно имеет в русском языке. У малороссов существует “эх”, как восклицание, а “эхо” в смысле русском есть “луна”, и т.д.; имеется целый ряд других слов. И вот, представьте себе картину, которая получится: вы начнете читать по-русски и заставите детей вести чрезвычайно трудную умственную работу. Конечно, для взрослых это легче, потому что они получили некоторую практику, но ребенку, которого вы только что оторвали от семьи, вы даете очень сложную работу. Прежде всего, когда вы начинаете обучать, когда у вас есть слово, это слово означает звук; этот звук дает чрезвычайно ясное представление о предмете. Для мальчика, который знает русский язык и который будет учиться в русской школе, каждое слово, которое он прочтет, будет ясно; но для малоросса, также и для белоросса, и для инородца тем более, это будет значить следующее: надо, во-первых, мало-по-малу вдолбить, что по-малорусски “секира” значит по-русски топор. Это процесс очень трудный и для ребенка чрезвычайно тяжелый. Если бы можно было бы этого способа избежать, было бы хорошо, но это возможно только при таких условиях, с которыми вряд ли кто-нибудь согласится: надо поставить бонну или учителя в каждую семью, которые сидели бы в семье; тогда можно было бы чего-нибудь достигнуть, но дело в том, что такого рода работа несомненно невозможна, и для того, чтобы довести мальчика до понимания, надо, чтобы он хорошо знал свой язык, чтобы он был развит умственно на своем языке; и тогда путем сравнения с русским языком, изучение которого должно быть обязательно, он получит более сильное умственное развитие и будет лучше владеть русским языком, чем теперь. Теперь вот что получается: затруднение в смысле изучения слов, усвоение и накопление массы слов новых, этот новый словесный материал, который с каждым стихотворением, с каждой арифметической задачей все более и более наполняет голову ученика, естественно требует большого навыка и большого времени для того, чтобы понятие, выражаемое русским словом, сменилось и вошло в сознание малорусским словом. Это естественно требует гораздо большего времени, и это есть та разница, которая создается между положением мальчиков малорусского и белорусского, когда они учатся по-русски, и положением великорусского мальчика. Для великорусского мальчика этих затруднений не существует, для него они немыслимы, потому что каждое слово, которое он читает, он говорит в своей семье. Малорусский же мальчик заучивает целую массу слов новых и должен их усвоить. В своей семье он говорит по старому и русского языка не слышит. Таким образом, создается целая масса таких затруднений, которые усложнят работу и, следовательно, делают более затруднительными для этого мальчика усвоение тех познаний, которые он должен получить в школе, – более затруднительным, может быть, в десять раз по сравнению с усвоением знаний великорусского мальчика. Но этого мало. Дело в том, что мало-по-малу получается смешение понятий, мысль становится совершенно неясной, и вследствие этого получается жаргон, тот невозможный жаргон, на котором говорят, на котором пишут те, которые в малорусской и белорусской школе учатся по-русски; этот жаргон слишком

хорошо известен, для того, чтобы о нем говорить. Те, которые читали протоколы, записанные в волостных и сельских управлениях, знают отлично, что это за язык; знают его и из разговоров. Вы, таким образом, создадите три последствия: во-первых, замедляете умственное развитие мальчиков, обучая сразу по-русски, во-вторых, не даете им возможности выработать ясный и отчетливый язык, а следовательно, и ясные и отчетливые представления, и в-третьих, доводите до того, что они не в состоянии читать сколько-нибудь сознательно по-русски, т. е. вы останавливаете развитие. Более того: начиная образование по-русски, вы ставите те преграды, которые ставились до сих пор относительно малорусского языка, — изгоняете учителей за то, что в школе пропойт малорусскую песню, изгоняете за то, что они дадут малорусскую книгу; вы не даете читать Шевченко на малороссийском языке и допускаете лишь чтение его на русском языке. Все это создает отсутствие знания собственного языка, отсутствие того основного материала, без которого познание других языков, в частности русского, невозможно. Вы ставите детей в такое положение, при котором затруднительно достигнуть поставленной вами задачи, того, чтобы он имел сознательное представление о том, чему учится, чтобы у него была ясная мысль, чтобы он мог ясными словами высказывать все, чему его учили; все это вы отнимаете и тем затрудняете его умственное развитие. Вы отдаляете окончание школы. Знаете ли вы, какого рода доклады делаются? В докладах говорится, что дело образования стоит плохо, что знания очень плохие, что выходящие из школы забывают то количество слов, которому они научились в школе. Те лица, которые потом берутся читать русскую книгу, читают без понимания; масса лиц совершенно прекращает какое бы то ни было чтение; следовательно, вы не достигаете этим способом того знания русского языка, которого желаете достигнуть, а между тем, у вас есть исторический опыт. Дело в том, что та самая страна, та часть России, которую вы лишаете права обучения на родном, собственном ее языке, в течение трех столетий обучалась на собственном языке; она имела целый ряд учебных заведений, вся была покрыта школами. Это говорило о страсти к чтению, о любви к знаниям и к занятиям. Об этом говорил и Павел Алепский, который путешествовал в 1652 г. и говорил и известный Теплов, который по поводу проекта основания в Батурине университета удостоверил, что в Малороссии имеется контингент лиц, который может получить университетское образование в большем числе и количестве, чем тот, который может дать Россия для этого университета. Об этом говорил и Шефонский. А это доказывает, с какой любовью в Малороссии шли — даже голодные люди — в школы, чтобы учиться; из известной Румянцевской описи видно, что не было села, где не было бы школы. И вот в конце XIX столетия произошло полное изменение: вводится новая школьная система — преподается по-русски. Результат очевиден. Вы имеете в Нежине школу по новому образцу. В отчете о ней говорится, что учеников нет, что учеников надо искать при помощи полиции. В школу не хотят ходить, в ту школу, которую 10–20 лет тому назад ходили с удовольствием. Подобный же результат оказывается и теперь. Доклады земских управ говорят, до какой степени школа мало действует, мало имеет влияния. Это говорят не одни земства, это удостоверяет и

Министерство народного просвещения, которое в 1904 г. в своем обращении к Академии наук прямо заявило, что культурный уровень Малороссии ниже, чем в Великороссии, и что главная причина этого в отсутствии литературы на украинском языке, в отсутствии печатных малороссийских книг и малом распространении их. Требования в этом отношении были многочисленны и многообразны, а удовлетворения им не было. Если теперь удовлетворения этого вы им не дадите и если в этом отношении не станете на чисто педагогическую точку зрения, чуждую политике, противоположную ей, вы не достигнете той цели, которую желаете достигнуть. (*Шум справа; звонок председательствующего*). Аргументируя мою мысль, я говорил об украинском языке, как о наречии. Но я вполне присоединяюсь к мнению более компетентному, чем мнение тех, которые шумят справа, к мнению Академии наук, которая признала украинский язык самостоятельным языком и признала факт существования малорусской литературы. Комиссия и некоторые ее члены говорят, что они желали бы дать право на первоначальное преподавание на родном языке тем языкам, у которых имеется в наличности литература. Я должен сказать, что малоруссы не только могут просить, но имеют безусловное право на признание их школы – школы, которая должна воспитывать малоруссов на их языке, при изучении русского языка, как особого предмета, потому что только этим способом вы достигнете цели законопроекта. Я знаю, что здесь будут говорить о сепаратизме и т. д. Я могу вас поздравить с сепаратизмом. Это обвинение, которое было сделано школам, основанным до Пирогова, который организовал более правильно это дело, создав педагогическую учительскую семинарию с малорусским языком, который понимал все это дело – было до Пирогова разрушено теми, против которых вы так сильно протестуете, против которых так много говорите, для которых вы имели желание создать специальный закон о земстве в Юго-Западном крае. Борясь с поляками, вы как раз делаете то самое, что делали в 1857 г., когда, видя начало движения, направленного против школы на польском языке, движения, которое они вызывали со стороны украинского населения, они писали целый ряд доносов, пока не достигли той цели, которую они хотели достигнуть. Поздравляю вас с единством этой политики. Вот на этом основании, считая, что право на школу есть право, безусловно принадлежащее украинскому народу, оправдывается всей ее историей, я буду вотировать против статьи, вводящей антипедагогические начала в школьный законопроект и буду вотировать за поправку, внесенную трудовой группой. Затем я настаиваю на принятии поправки, которую поддерживает фракция народной свободы. (*Рукоплескания слева*).

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия четвертая. – Часть 1. – СПб., 1910. – Заседание 16. – С. 1100–1111.

1910 р., листопада 15. Житомир. –

**Лист учительки Л. В. Костанді до С. Левін в Одесу,
перлюстрований поліцією, про діяльність бібліотечної комісії місцевої
“Просвіти” з розповсюдження серед селян книжок українською мовою**

Записалась я в здешню “Просвіту”, пока еще не выбрана в члены, но уже вошла негласно в библиотечную комиссию. Мой ближайший начальник по агрономическому отделу, в канцелярии которого я работаю, очень симпатичная личность, как человек и как идейный работник¹, с инициативой и энергией, и вот благодаря ему я вошла в курс здешней украинской жизни, такой же млявой, как и везде. О многом мечтаем, но что сделаем – неведомо. Цель библиотечной комиссии – рассылать по деревням летучие библиотечки, конечно, на украинском языке; книжки популярные, по разным отраслям. Такая библиотечка, в 60–100 книжек, посылается надежному лицу, которое следит за чтением и сообщает сведения о том, на какие книги больший спрос, в каком возрасте что больше читают и т. д., словом, маленький отчет со статистическими данными, которые служат нам для руководства. После прочтения такая библиотечка должна быть возвращена и путешествует дальше. Мы, члены, читаем эти книжки и даем о каждой книге маленький отзыв, т. к. некоторые книжки не могут быть пригодны для деревни, хотя написаны и популярно. Для материальной стороны устраиваются вечеринки литературно-музыкальные, читаются рефераты, стихи и т. д. Беда только в том, что мало, почти нет, убежденных и желающих работать, – такая же развинченность как и везде. “Просвіта” многим напоминает наш (царство ему небесное) литературный кружок. Так, напр., если узнают о деятельности библиотечной комиссии (рассылка книг), то придут в немалый ужас от такой страшной деятельности. Это буржуазия, для которой “Просвіта” скорее клуб. Конечно, прояви она больше энергии, ее захлопнут. Если библиотечной комиссии предложения провалятся на общем собрании, то наверное будет разрыв меньшинства с большинством, и первое, выйдя из “Просвіти”, будет работать за свой страх и риск, не связывая себя ничем.

Каждое утро до 10 час. занимаюсь по истории в 3-м и 4-м классах одной частной гимназии. Я могла бы больше, продуктивнее работать, если бы имела старшие классы, но когда думаю о своей паразитной одесской жизни, то настоящая, конечно, лучше. Но как много можно и должно еще сделать, как все-таки мала моя работа в сравнении с тем, что хочу я.

Привет С. Б., – где она, каков ее адрес? Где Шапиро? Как жизнь на курсах, что творится, каково новое поколение?

Адрес мой: Гоголевская, д. 59, кв. Корчинского, мне.

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1346, арк. 45. Копія.

¹ Губернським жандармським управлінням встановлено, що йдеться про агронома, службовця губернської земської управи М. О. Савченка-Бельського (див. цю саму справу, арк. 50–52).

1910 р., листопада 18. Київ. –

**Огляд педагогічного журналу “Світло”, складений судовим слідчим
3-ї дільниці м. Києва, з викладом змісту статті С. Ф. Русової
“Приватна діяльність”, зокрема про критику циркуляру
П. А. Столипіна щодо заборони українських товариств і спілок**

1910 года ноября 18 дня. Судебный следователь 3 участка г. Киева, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил осмотр книги журнала “Світло”, препровожденной прокурором Киевского окружного суда от 5 сего ноября за № 430¹. По осмотру оказалось:

“Світло”, український педагогічний журнал. Для семі і школи. Книжка друга. Октябрь 1910. Редактор-видавець М. Старицька. Ціна 40 коп. Друкарня 1-ї Київської друкарської спілки, Трьохсвят[ительська], 5”.

На страницах 3–6 этой книги журнала “Світло” напечатана на малорусском наречии статья за подписью С. Р.: “Приватна діяльність”. Статья эта на 5–6 страницах содержит следующее:

“Українці так само скористувалися вільними часами, коли з’явилася хоч яка-небудь спроможність закладати спілки, товариства, гуртки. По всій Україні в 1906 р. поодкривалися просвітні товариства, – “Просвіти”, клуби, видавництва. Але адміністрація почала стежити за цими організаціями і дійшла до того, що за останній рік закрила дві дуже працюючі “Просвіти” – Одеську й Київську. Але становище освіти на Україні стоїть так кепсько, що вимагає безумовно запомоги національно освіченого громадянства; це обов’язкова праця кожного свідомого українця, і хоч які б важкі були сучасні обставини на Україні, такої роботи неможливо залишати. Треба тільки добре обрахувати спроможність праці і обставини життя, а також те, що є на часі можливого.

Циркуляр, що видано в лютому² 1910 р.², висловлюється проти всяких українських товариств і спілок, під яким би прапором вони не виникали, він хоче усюди бачити “усугубление начал национального обособления и розни”. Але поза гуртками, поза усякими спілками стоїть українська народня маса, многомільйоний люд з своїми потребами, жаданнями, з яких складається народне життя, воно не може так легко звернути з свого історичного шляху через заборону тієї або іншої “Просвіти”. Там, в глибині цього життя, живе невміруще змагання до світла, до справжньої науки, а не тієї формальної схоластики, яку подає йому чужомовна школа. Відповідаючи на щире бажання освіти нашого люду, треба дбати про те, щоб у нас було якое влаштовано свої українські школи. Від офіційних інституцій тепер не можна сподіватися чогось свіжого, поступового, що хоч трохи задовольняло б вимоги національного життя. План доброї школи можуть найкраще виробити спеціальні товариства, окремі особи, певними педагогічними заходами, маючи перед собою ясний ідеал розвитку усіх сил духовних в дитині і її гуманне, поступове виховання.

¹ Див. цю саму справу, арк. 2.

² Див. док. № 257.

Офіційна школа дбає тільки про те, щоб проходити офіційну програму, не звертає уваги на гуманне виховання людини, при якому б розвивалися усі сили душі й тіла задля нормального життя. Таку школу мусять виробити люди, що вже здивувались до всіх хиб офіційної школи, знають потреби життя і певні основи психологічного розвитку. Вони мусять виробити таку школу по селах і по містах. Невеличкі сем'йові гуртки, складаючи свої невеличкі кошти, можуть зберігти своїх дітей від денационалізації, від покалічення їхньої душі. По наших селах завжди існувала приватна школа – наймали мандрованих дяків, збиралось по кілька дітей в одну хату, гуртом годували вчителя й купували знадіб'я шкільні. Тепер замість напівписьменних дяків можна наймати вчителів, свідомих своєї праці, що зуміють викладати дітям на їх рідній мові початки наук, зуміють виховувати учнів згідно з вимогами педагогіки”.

Судебный следователь [підпис]

Понятыє: [підписи]

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 2265, арк. 10–11. Оригінал.

№ 264

1910 р., листопада 20. Київ. –

**Донесення начальника Київського охоронного відділення
М. М. Кулябка Департаменту поліції про видання Державним банком
брошури українською мовою “Забезпечення прибутків
і капіталів державними щадничими касами”**

Лично

Совершенно секретно

В местных газетах появилась краткая заметка, что отделением по делам мелкого хозяйства при Государственном банке издана брошюра под названием “Забезпечення прибутків і капиталов державними щадничими касами”. Брошюра эта, будто бы, назначена для широкого распространения среди населения Юго-Западного края с целью популяризации идей мелкого кредита.

Выпуск означенной брошюры на украинском языке был радостно встречен украинофилами и их сторонниками. Имеются сведения, что, попутно с распространением этой брошюры, украинофилы будут развивать мысль, что правительство, выпуская брошюру на украинском языке, видимо, создало свои прежние ошибки и намерено идти по новому пути. Вместе с сим предложено агитировать в широких украинских массах за пожелания, чтобы правительство впредь шло именно в этом направлении.

Отмечая вышеизложенное, имею честь доложить, что, по местным условиям, выпуск брошюры на украинском языке не отвечает даже в настоящее время требованиям украинского населения в массах. Последнее не только в литературе, призванной служить интересам правительства, но и в совершенно независимой, не защищающей намерений правительства, не признает существования украинского языка, как самостоятельного, а считает его лишь местным

Забезпечення прибутків і капіталів державними щадничими (сберегательними) касами.

На що ми мусим страхувати своє життя?

Початі у державних щадничих касах року 1906 нові опираці для страхування життя служать тієї ж потреби вгадливих людей, як і збереження (ощада). Перед простим набыраннєм ощад, страхування життя мае ту користь, що воно дає спосіб невеликими вкладками забезпечити *визначений капітал* або на випадок своєї смерті, або для завбачной у *якому відомому зрісту* потреби, наприклад, на виправу дочці, на стипендію сину, покi він буде освічуватися, на життя у старісті и так инше.

Хто відповідає по страховим умовам (контрактам) щадничих кас?

По усім страховим умовам щадничих кас *держава* прийма на себе повну відповідальність перед закористованими особами.

Перша сторінка брошури “Забезпечення прибутків і капіталів державними щадничими касами”, виданої Державним банком у Санкт-Петербурзі [1909].

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 860, спр. 237, арк. 5.

наречием. Украинцы-неинтеллигенты усиленно стремятся знать “паньский”, т. е. русский язык. Об этом высказывался даже ярый защитник и сторонник украинофилов, член Государственной думы Лучицкий¹, во время обсуждения в Думе вопроса о преподавании в школах на местном языке^а.

Таким образом, когда само украинское население более склонно к признанию, что малороссийский язык есть только особое наречие русского языка, выпуск официальным правительственным органом брошюр на украинском языке дает тем самым в руки сепаратистски настроенной украинофильской интеллигенции сильное средство для нежелательной агитации украинофильских идей.

О вышеизложенном имею честь донести Вашему превосходительству.

Подлинное подписал и с подлинным верно: подполковник *Кулябко*

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 860, спр. 237, арк. 2. Засвідчена копія.

№ 265

1910 р., листопада 22. Київ. –

**Донесення начальника Київського охоронного відділення
М. М. Кулябка київському, подільському і волинському
генерал-губернаторові Ф. Ф. Трепову з пропозицією
заборонити комітетові українських громадських організацій
на чолі з М. В. Лисенком підготовку відзначення 50-х роковин
від дня смерті Т. Г. Шевченка**

Лично

Совершенно секретно

26 февраля 1911 г. в г. Киеве в память 50-летия со дня кончины поэта Т. Г. Шевченка состоится закладка памятника ему. Событие это, само по себе, особого значения не имело бы, если бы почитатели Шевченко не придавали ему политической окраски. Величина, как поэт, Шевченко самая умеренная. Но в данном случае он важен его почитателям не как талант, а как зацепка, при помощи которой можно осуществить свои замыслы по созданию “национальных святынь”. Для этого предполагается устроить чествование возможно торжественно, пригласив на него, по возможности, больше лиц, занимающих официальное положение и людей общества, чтобы сделать из них бутафорию, на которую будут указывать после присутствующему в качестве зрителей народу и говорить: “Раз правительство, городские и иные органы принимали участие в торжествах и молчаливо выражали сочувствие “угнетенному народу”, то значит они тем самым признают за этим народом право на борьбу за свою независимость”. Это, если празднество удастся, будет украинофилами проведено с железной последовательностью. Для того, чтобы празднество удалось и было сорганизовано возможно лучше, подготовительные работы начались уже два месяца тому назад. В газетах левого толка поднята агитация за участие

¹ Див. док. № 261.

в торжествах возможно широких слоев населения и наивозможно большего числа корпораций и разных ученых обществ. Между прочим заранее высказала свое согласие на участие в этих торжествах Академия наук по отделу русского языка и словесности, которая до сих пор столь усердно распространяла под своей фирмой записку об украинском языке, составленную педагогом и вождем украинофилов М. Грушевским и направленную безусловно во вред государству. Академия решила устроить в Петербурге торжественное публичное чествование и прислать в Киев, на место торжеств, свою делегацию. Кроме Академии из Петербурга явятся студенческие организации украинофилов, носящие названия громад.

Из Москвы, Саратова и др. университетских городов, где имеются украинские студенческие громады, предполагаются подобные же послышки делегаций. Киевское городское самоуправление решено привлечь к празднованию в полном составе.

Затем следует на очереди зарубежная Украина. Из Австрии предполагается приезд “січевников”^а и обществ “Босяне” в национальных костюмах и с национальными флагами. Думают также ехать и студенческие организации.

Находящиеся в Юго-Западном крае украинские учреждения в полных составах примут все участие.

Делается все это с целью возможно большей популяризации мазепинских идей, – отторжения Малороссии, как самостоятельного государства, – от России. Для этой цели стараются использовать и привлечь кого только можно. При условии удачи этих торжеств, они будут грандиозны и дадут богатый чисто агитационный материал. Будут указывать народу: “Смотрите, вы не хотите признать за правду то, что мы вам говорим, когда это признает даже правительство и другие общественные организации”. Такими аргументами в целях агитации можно пользоваться с успехом.

Для практического осуществления шевченковских празднеств предпринимаются следующие меры: “Организован уже Центральный комитет по исполнению торжеств юбилея Т. Г. Шевченко”. Эта организация, приютившаяся при Украинском клубе^б, уже с месяц как начала рассылать своим членам повестки, убедительно в них предлагая посещать исправно заседания комитета, так как только при этом условии можно ожидать, что торжества пройдут с подобающей честью. Председателем этого комитета является М. Лысенко.

Принимая во внимание, что как председатель Лысенко, так и входящие в комитет члены являются ярыми украинофилами, нельзя вновь не повторить высказанного в начале положения, “что эти празднества готовятся с исключительной целью устройства огромной противогосударственной манифестации, при участии городских самоуправлений и иных общественных организаций, которые умело привлекает комитет на предстоящие празднества”.

При существующем обострении национального вопроса в Юго-Западном крае вообще, а в г. Киеве в особенности, подобная манифестация только разожжет национальные страсти и внесет ненужные трения в общественную жизнь, которая с таким трудом настраивается к мирной, культурной работе. А ожидать это, если празднества состоятся, необходимо. Ибо ведь и низы населе-

ния, и общество состоит не только сплошь из украинофилов, а наоборот, и не будет [с] молчанием смотреть на эту вакханалию отбросов малороссийского народа. Эта часть вправе будет реагировать, встав на защиту развращаемого народа.

Вследствие всего вышесказанного представляется наиболее рациональным парализовать деятельность ныне действующего украинофильского комитета по организации шевченковских торжеств, не дав возможности ему организовать противогосударственную манифестацию, с участием общественных и городских организаций. Если же это удастся, то украинофилы несомненно используют празднества как агитационный материал, доказывая массам и обществу, что раз правительство не осмелилось запретить торжеств, значит оно признает права за украинофилами на их требования.

Таким образом может быть поколеблена вера в правительство как у общества, так и у народных масс.

О вышеизложенном имею честь донести Вашему высокопревосходительству.

Подполковник Кулябко

Резолюція: МВД. Просить указаний П. А. Столыпина. Ф. Трепов

ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 2, арк. 1–2. Оригінал. Машинопис.

№ 266

1910 р., листопада 26. Київ. –

Вирок Київської судової палати про двотижневе ув'язнення селянина О. К. Коваленка у справі замовлення друкарні П. О. Барського у Києві перевидання вірша П. П. Чубинського “Ще не вмерла Україна”¹

1910 г. ноября 26 дня, по указу е. и. в. Киевская судебная палата по уголовному департаменту в закрытом судебном заседании, в следующем составе: старший председатель сенатор А. А. Мейснер, члены палаты: Э. Н. Петерс, Б. С. Мандровский, при товарище прокурора палаты К. М. Бонч-Богдановском и помощнике секретаря Е. Д. Шувалове, слушала дело о крестьянине Алексее Кузьмине Коваленко, обвин[яемом] по 2 ч. 132 ст. Угол[овного] улож[ения]^а.

Подсудимый, крестьянин хутора Власова Наголинской волости Бирюченского уезда Воронежской губернии Алексей Кузьмин Коваленко, 30 лет, подлежит суду Киевской судебной палаты по обвинению в преступном деянии, предусмотренном 2 п. 132 ст. Угол[овного] улож[ения], при чем обстоятельства дела, как видно из обвинительного акта, представляются в следующем виде.

В мае 1910 г. крестьянин Алексей Коваленко заказал в типографии Барского в г. Киеве для отпечатания в количестве 100 экземпляров принесенную им нотную тетрадь, заключающую в себе стихотворение Чубинского на малороссийском наречии под заглавием “Еще не умерла Украина”; эта те-

¹ Див. також док. № 259.

традь была отпечатана в количестве 30 экземпляров, но вследствие наложенного Временным комитетом по делам печати в г. Киеве ареста, утвержденного определением Киевской судебной палаты, означенное произведение печати не получило распространения.

Содержание упомянутого стихотворения следующее: “Еще не умерла Украина, и слава, и свобода; еще нам, братья-молодцы, счастье улыбнется. Погибнут наши враги, как роса на солнце; будем господствовать, братья, мы в своей стране. Жизнь мы положили за свою свободу и покажем, братья, что мы казацкого рода. Братья милые, возьмемся же за дело. Пора встать, пора свободу добывать. Вспомним тяжелое время, лихое время и тех, что умели умирать за нашу Украину; вспомним славную смерть рыцарского казачества, чтобы нам не потерять без пользы своих храбрецов”.

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого в размножении с целью распространения упомянутой нотной тетради Алексей Коваленко, не признавая себя виновным, объяснил, что так как в 1907 г. Киевским комитетом по делам печати была разрешена к выпуску в свет изданная им нотная тетрадь, заключающая упомянутое стихотворение Чубинского, то он считал себя вправе повторить это издание, для чего заказал отпечатать ее в количестве 100 экземпляров в типографии Барского.

На судебном следствии подсудимый, не признав себя виновным, отрицал размножение им заведомо преступного стихотворения “Ще не вмерла Украина”, объяснив, что он сделал заказ отпечатать только 30 экземпляров инкриминируемой ему брошюры, т. е. такого количества, которое необходимо было для отсылки во Временный комитет по делам печати, и кроме того сослался на беспрепятственное отпечатание им в той же типографии того же издания в количестве 500 экземпляров, получившего затем распространение и не подвергавшегося конфискации, вследствие чего он не считал повторное печатание этого издания преступным.

Из оглашенных на суде трех протоколов осмотра усматривается: а) что заказ Коваленка в мае 1910 г. по книге заказов типографии Барского значится в таком виде: “Оттис[ков] для цензуры нот “Ще не вмерла Украина” в количестве 40 экземпляров, ценою 2 рубля”; б) что представленная свидетелем Михайловым нотная тетрадь по своему содержанию совершенно тождественна с такою же тетрадью, отпечатанье коей инкриминируется подсудимому; и в) что из расписки Временного комитета по делам печати за № 773 видно, что узаконенное¹ число брошюры “Ще не вмерла Украина”, отпечатанной² в количестве 450 экземпляров, принято 22 февраля; и г) что по сообщению Комитета на имя судебного следователя выпуск в свет означенной брошюры последовал под расписку 22 февраля 1907 г. и инкриминированию не подвергался. Показанием свидетеля Павла Михайлова удостоверяется справедливость объяснений подсудимого Коваленка, а с другой стороны устанавливается факт неполучения распространения отпечатанной по его заказу в 1910 г. брошюры, все наличные экземпляры которой были арестованы полицией.

¹ Слово правлено.

² Написано над рядком.

Рассмотрев изложенный материал, установленный на судебном следствии, в связи с доводами защитника подсудимого, отрицавшего состав преступления, предусмотренного 2 п. 132 ст. Угол[овного] улож[ения], Судебная палата приняла во внимание, что для наличности этого преступного деяния требуются следующие три условия: 1) размножение, т. е. воспроизведение в печати во множественном числе экземпляров сочинения, по содержанию своему принадлежащему к разряду тех сочинений, распространение которых преследуется по ст. 128 или 129 Угол[овного] улож[ения]⁶; 2) цель – распространение такого заведомо преступного сочинения; и 3) то условие, чтобы самое распространение сочинения еще не последовало.

Обращаясь к обсуждению содержания стихотворения, написанного П. П. Чубинским и воспроизведенного подсудимым в виде слов для музыки, судебная палата нашла, что по точному своему смыслу слова стихотворения “Ще не вмерла Україна” призывают к бунтовщическим деяниям, что особенно ясно из предпоследней строфы стихотворения: “пора вставать, пора свободу добывать”. Предложенное защитником толкование об отсутствии в этих словах призыва к борьбе с правительством и мнение его о том, что стихотворение П. П. Чубинского должно быть толкуемо в связи с историческими условиями той эпохи, когда оно было написано, Судебная палата отвергает на том основании, что в разбираемом стихотворении Малороссия (Украина) призывается к добыванию свободы и приглашается господствовать (пановать) в своей стране, т. е. приглашается к такому образу действий, который нельзя назвать иначе, как революционным или бунтовщическим изменением существующего в государстве Российском образа правления. Следовательно, стихотворение это по содержанию своему подходит под 1 п. 129 ст. Угол[овного] улож[ения]⁸.

Переходя ко второму условию – цели распространения означенного издания, содержание которого было хорошо известно подсудимому, как составителю нотной тетради, судебная палата признала это условие вполне доказанным и возражение, приведенное Коваленком, что он желал первоначально напечатать столько экземпляров, сколько необходимо было отослать в Комитет по делам печати, не заслуживающим уважения, так как, с одной стороны, записью в книге типографии Барского точно установлено, что по его, Коваленко, заказу было напечатано сорок экземпляров нотной тетради точно такого же содержания, как и тетрадь, отпечатанная по его же заказу в большем количестве экземпляров в 1907 г., и так как, с другой стороны, цель распространить означенную тетрадь на случай, если бы она не подверглась конфискации, сама собою очевидна. Непризнание же подсудимым преступности такого воспроизведения, вновь ранее отпечатанного по его заказу издания может служить не к оправданию его в инкриминируемом ему размножении, а лишь к смягчению виновности его и соответствующему понижению уголовной кары, которая при наличности третьего условия – нераспространения инкриминируемой брошюры после представления ее в 1910 г. во Временный комитет по делам печати, должна быть определена для Коваленка на основании 2 п. 132 ст. Угол[овного] улож[ения].

Признавая Коваленка виновным и усматривая в представленных им в свое оправдание доказательствах, а в том числе и в представленной его защитником нотной тетради изд[ания] Л. Идзиковского под названием “Ще не вмерла Україна” наличие обстоятельств, особо смягчающих его вину, Судебная палата сочла справедливым определить для Коваленка наказание, установленное 2 п. 132 и 19 ст. Угол[овного] улож[ения]^Г – в низшей оною мере, и подвергнуть его заключению в крепости сроком на две недели. На случай неимения или недостатка общих камер в крепостях, назначенное для Коваленки заключение должно быть заменено, в силу закона 22 ноября 1906 г., содержанием в особо устроенных для сего при местах заключения помещениях или в тюрьме на тот же двухнедельный срок.

Из числа вещественных доказательств арестованные по настоящему делу нотные тетради издания Коваленка, а равно и представленную сего числа и приобщенную к делу нотную тетрадь Л. Идзиковского надлежит, ввиду их преступного содержания и в силу 36 ст. Угол[овного] улож[ения]^Г истребить, а расписку Временного комитета за № 773 оставить при деле.

По всем изложенным соображениям и руководствуясь в отношении судебных издержек 976–999 ст. Уст[ав] угол[овного] суд[опроизводства]^Д, Судебная палата определяет: на основании 2 п. 132 и 19 ст. Угол[овного] улож[ения] крестьянина хутора Власова Бирюченского уезда Алексея Кузьмина Коваленко, 30 лет, выдержать в крепости в течение двух недель, с заменой сего наказания по закону 22 ноября 1906 г. Конфискованную брошюру, а равно представленную защитником нотную тетрадь истребить, в силу 36 ст. Угол[овного] улож[ения], а расписку Временного комитета по делам печати оставить при деле.

Мейснер

Петерс

Мандровский

Пом[ощник] секретаря *Е. Шувалов*

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 2127, арк. 23–24. Оригінал. Машинопис.

№ 267

1911 р., січня 13. Санкт-Петербург. –

**Постанова Синоду за донесенням харківського архієпископа
Арсенія про заходи щодо вилучення з бібліотек, шкіл і читалень,
а також із продажу петербурзьких видань “Кобзарь” Т. Г. Шевченка^а**

По указу е.и.в. Святейший Правительствующий Синод слушали: донесение преосвященного харьковского, от 22 декабря 1910 г., за № 742, с ходатайством о принятии мер к изъятию из народного обращения изданной В. И. Яковенко и Обществом пособия учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга книги Шевченко “Кобзарь”, как вредной по ее антирелигиозному и безнравственному направлению.

Означенное донесение при сем прилагается¹ [...]².

Приказали: Преосвященный харьковский доносит Святейшему Синоду, что в Харьковской губернской земской управе, а также и в публичной продаже по г. Харькову в настоящее время находятся в свободном обращении книги под заглавием “Кобзарь”, собрание произведений Шевченко на малороссийском языке, издания Общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга и издания В. И. Яковенко, причем некоторые стихотворения, помещенные в этих книгах, по своему содержанию являются совершенно антирелигиозными и направленными к подрыву религиозного чувства в среде народной, каковы, например, поэма “Мария”, в которой в описании священных событий Благовещения Пресвятыя Богородицы и Рождества Христова допущены циничные выражения, унижающие достоинство Богоматери, ее непорочность и извращающие истинный смысл христианского понимания означенных событий; стихотворения “Цари” и “Саул” (стр. 380 и 587), в которых допущено кощунственное глумление над царственным пророком Давидом и царем Саулом и проч.; другие же стихотворения, как например, “Молитва” (стр. 587), “Сон” (стр. 551), “Юродивый” (стр. 546), проникнуты злобно-революционным духом как против христианской веры, так и по отношению к царской власти. Признавая, по изложенным основаниям, означенную книгу “Кобзарь” Шевченко крайне вредной для народного обращения, он, преосвященный, вошел в сношение по сему поводу с харьковским губернатором, прося его принять меры к изъятию этой книги из склада Харьковской губернской земской управы, из библиотек, школ и читален, где таковая имеется, и к воспрещению публичной продажи ее в книжных магазинах по г. Харькову и по Харьковской губернии. Донося о вышеизложенном и принимая во внимание, что означенные книги Шевченко “Кобзарь” предназначены для обращения в пределах всей империи, преосвященный Арсений ходатайствует о принятии зависящих мер к изъятию помянутых книг из повсеместного народного обращения.

Выслушав изложенное и принимая во внимание, что господином синодальным обер-прокурором уже сделано сношение с министром внутренних дел по поводу такового же ходатайства преосвященного Арсения, Святейший Синод определяет: настоящее донесение принять к сведению. О чем преосвященного Харьковского уведомить указом, с прописанием справки, а в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода передать выписку из сего определения.

Подлинное определение, подписанное отцами членами Св[ятейшего] Синода, к исполнению пропущено 15 февраля 1911 г.

Протоколист [підпис]

ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 9, арк. 3–4. Засвідчена копія.

¹ Див. цю саму справу, арк. 1.

² Пропущено частину тексту, зміст якого повторюється нижче.

№ 268

1911 р., березня 5. Житомир. – Допис В. Дейнеки до редакції газети “Рада”, перлюстрований поліцією, про діяльність місцевої “Просвіти”, утиски з боку церковної та державної адміністрації, нападки чорносотенної преси

З приводу 50 роковин смерти Т. Г. Шевченка житомирська “Просвіта” 27 марта влаштувала в Михайловськи церкві панихиду. Людей було повна церква, багато було городовых и сыщикив. Ниякои промовы пан отець не сказав; прохали отпрать панихиду настоятеля отця Бурчака-Абрамовича, але чомус вин не служив. Мисцеве духовенство налякане арх[ієпископом] Антонієм, якій дуже вороже стосується до українців, учням теж заборонено було бути на цій панахиди.

Завтра, 6 березня, в двох мистах¹ м. Житомира маюť видбутися безплатни народни читанки життепису і творив Шевченка при участи хору “Просвіты”, а саме в будынкovi городскои думы и на предмисти Молеванци в будынку вильного пожарного товариства. По незалезаніям² обставинам програму цих читанок довелось дуже скоротити і навіть при цих умовах нелегко було здобути дозвіль...

Сумне становище житомирської “Просвіти”. Ходят чутки про майбутне закриття її і її мабутни прикроїтні³ для “Просвіти” і її членів.

Мисцева (местное) чорносотенна “Жизнь Волыни”^a веде допиро систематичну компанію проти “Просвіты” і українства. Дывуються начальству, як воно могло допустыты развинути “Просвіти” и житомирским “мазепенцям”.

Особливо не подобається “Жизни Волыни” нашо пустили “Просвіту” в будынок громадскои бібліотеки. Обурняється⁴, що в місцевых урядовых институціях багато українців, які між собою розмовляють українською мовою і т. інш., а нарешти протнущь начальству принять против “Просвіты” рішительные міри, т. е. закриття ее. И ничего при сучасних умовах нема ныможливого, що ці вопли будут услышаны, сумно...

Житомирська “Просвіта” ще и доси готується до Шевченківского концерту. Бида в тим, що місцеві регинти залежать від арх[ієпископа] Антонія и страшенно його бояться, а через те справа з хорами іде мляво [...] ⁵, які недбало видносяться до цієї справи. Коли нарешти видбудеться прилюдно Шевченківске свято, – невидомо.

Але все ж таки треба зазначити и приемне з’явище: прихильне відношенє місцевої людности рижних її кол навіть до “Просвіты”, за винятком чорносотенцев, яких це, здається, більш усього обурює.

В. Дейнека

Пидпису прохаю не друковати.

¹ місцях

² незалежним

³ прикроїті

⁴ Обурюється

⁵ Пропуск у тексті.

спр. 1911 р.
М. Гр.
42.

ЗАСІВ

Українська тижнева народня ілюстрована газета.

ПЕРШИЙ РІК ВИДАННЯ.

Адреса: Київ, Велика Володимирська № 28. Редакція газети „Засів“.

№ 5

П'ятниця 1 апріля 1911 р.

№ 5

Що є в сім номері: По світу.—Українське жите.—З закордонної України, В. Лікаренка.—Крайна хліборобства, Ю. Азовського.—Державні прибутки Росії, П. Киянина.—О, просторе синє небо, О. Черниша.—Пригадав, Миколи Амаренка.—Як збільшувати врожаї на селянських землях, Агронома Ф. Зайкина.—Про книги.—Дописи.—Нові книги.—Ціни на хліб.—Оголошення.

Читаючи, треба вимовляти и як ы рыба—рыба, і як и сини—сини, ї—йї, їв—йив, є—йе моє—моє, е—э, тебе—тэбэ.

Приймається передплата на 1911 рік
на нову українську народню ілюстровану газету

„ЗАСІВ“

що виходить з марта місяця сього року.

Хто випише газету Засів за цілий сей рік, той дістане всі числа Села, що вийшли в сьому році, Календарь-нижню на 1911 рік і інші додатки.

Ціна до кінця року з „Селом“ і додатками 2 руб. 50 к., на пів-року 1 руб. 30 к., на 3 міс. 75 к.

Адреса: Київ, В.-Володимирська № 28. Редакція газети Засів.

Засів газета поступова, подає статі й новини про сучасне жите на Україні, в Росії і за кордоном, в української і всесвітньої історії і письменства, артистичної творчости, з наук природних, лікарських, з сільського господарства, кооперації, техніки, гігієни і медицини, також вірші, оповідання, ілюстрації при статях і особні. Містить дописи з сіл і міст, звертаючи особливу увагу на рух освітний і економічний на селі; дає відповіді на запитання передплатників, а також поради спеціалістів: господарські, юридичні й лікарські в справах, економічних і просвітних.

Ті передплатники, що внесли за рік плату на Село, будуть одержувать Засів без доплати.

Передплату приймають: Книгарня Літературно-Наукового Вістника, Київ, В.-Володимирська 28.—Харьків, Українська Книгарня, Рибна 25.

Редактор-Видавець: В. Товстонас.

Просимо ширити нашу газету між знайомими!

Перша сторінка українського ілюстрованого народного тижневика „Засів” (1911).

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 861, спр. 10, арк. 42.

[P. S.] Могу надислати номери “Жизни Волини”, в яких лають “Просвиту”, якщо це цікаво редакції.

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1346, арк. 37. Копія. Машинопис.

№ 269

1911 р., травня 10. Житомир. –

Допис Я. Савченка до редакції газети “Рада”, перлюстрований поліцією, про культурно-освітню діяльність місцевої “Просвіти”

8 травня в помешканії “Просвіти” відбулась літературно-вокальна вечірка. Літературна частина складалась з декламації, переважно з Шевченка, потім з Старицького, Кониського та Черкасенка. Загалом вся вечірка пройшла дуже гладко з вильким художнім и матеріальним постихом¹. Глядачів було повнисинок. Кожного виконавця щиро выталь гучными оплесками. Особливо вызначылись Д. О. Жукивна да Д. І. Каминский. Перша невымовно гарно, з почуттям проспівала “Надик, вернься” (слова О. Пчилки, музыка Серговско-го). Каминский же з захопльем та з запалом продекламовав вирши Шевченка “Ляхам”. Решта виконовців теж була, так мовыты, на своєму мисти и додавала ансамблю. Видко було, що упорядковали цики¹ вечірки. Звычайно “просвита-не” дуже добре готувались и ставились до неї цильком серйозно.

Прихильно зазначити и то, коли просвитањский хор наприкинці вечірки заспівав “Заповит”, глядачі як один побожно встали.

Чистий прибуток від вечірки призначено на збільшення кныжок просвитањской кныгозбирни.

Дуже хотілось бы, щоб просвитањне не обмежувались килькома вечірками на рик, а пеклувались бы про те, щоб якомога частише вони отбувались, при-наймніи разив зо-два зо-три на мисяць.

Українськи кныгозбирни в Житомири. Мало в якому городи на Вкраїни можна достаты так легко українску кныжку, як тут в Житомири, легко в розу-миньни дурно.

З ціоґо боку справа поставлена досить широко. Так, у Д. Савинского при кныгарни єсть власна кныгозбирня, де за маленьку плату (20 копіек на мисяць) завше можна користоватись українськими кныжками. И дійсно читачи розбирають их нарозхват. Але, на жаль, справа в цій кныгозбирни поставлена недбало да недотепно, бо кныжок обмаль, а до того все це стара література [...] ² з кожним днем звильнуються на новини. Радилы б Д. Савинскому звернуть увагу на вимоґаньня читачив, пильниш стежить за сучасними виданнями, збільшовать ними свою кныгозбирню и взагали жвавише взятись за цю справу.

Крим зґаданной при народний бесплатний читальни єсть виддил українских кныжок, котри упорядковано заходами деяких просвитањ на чолы з

¹ Так у тексті.

² Пропуск у тексті.

Д. М. В цьому видділи зібрано чимало книжок видатних українських письменників. Переплачуються “Рада” та “Літ[ературно]-наук[овий] вистн[ик]”. Щоб поширити цю справу, Д. М. в травні улаштує дві вичирки, чистий прибуток з яких піде на збільшення засобів видділу та на придбання маленьких книгозбирень для селян. Зазначу, що цей видділ¹ особливу вагу, бо книжки даються зовсім безплатно і хоч вони с кожним днем збільшуються, але задовольнити потреби читачив нема ниякої змоги, бо дуже великий попит на вкраїнські книжки.

Єсть ще книгозбирня в “Просвіти”. Тут сыла кныжок, часописив не тильки за цей рік, а й за минувший, оце всім цим користуються тилько просвітяне, бо не мають свого бібліотекаря, який бы завше сидив, видавав кныжки, взагали стежив за цією книгозбирнею. Найжальнищ, що в “Просвіти” є багато коштовних старовинних ричей, часописи, от як “Киевская старина”, але все це якось неохайно роскидано, не впорядковано. Кажный з членив без жадного виду бере ці кныжки та часописи і частенько буває, що вони лишаються в ніого повик. Треба б було членам звернуть увагу на таку недбалість і колы вони не в змози маты власного бібліотекаря, то хоч бы призначылы якусь там комісію, котра б наглядала за кныгозбирнею і давала їи кращий лад.

Я. Савченко

[P. S.] До редакції: Дуже прошу надруковаты цього допыса. Я. С.

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1346, арк. 73. Копія. Машинопис.

№ 270

1911 р., жовтня 30. Житомир. – Повідомлення начальника Волинського губерньського жандармського управління В. Е. Гофмана волинському губернаторові О. П. Кутайсову про українофільський рух у Волинській губернії та необхідність закриття товариства “Просвіта” у Житомирі

Совершенно секретно

Я невольно задерживался ответом на запрос Ваш от 8-го января сего года за № 132², так как обоснованных, детально разработанных сведений об украинском обществе в Житомире дать не мог.

Несомненно, помещенная в газете “Жизнь Волыни” от 18 декабря за № 322 ст[атья] “Украинофильское движение” вполне правильно освещает общее направление этого движения. Украинофилы на Волыни имеют тесные, почти неразрывные связи с австрийскими мазеповцами, которые поддерживаются правительством Австрии не только в видах самообороны от руссофикации Галиции, но и в активных целях.

¹ Далі пропуск у тексті.

² Див. цю саму справу, арк. 118.

Волынь – вероятный первоначальный театр войны Австрии с Россией. Ввиду этого Австрия изыскивает пути к разложению русской народности и православия. Одним к средству этому является поддержка украинофилов и их дутой мечты “Самостийной Украйны вид гир Карпатских до гир Уральских”. Проводниками этой задачи австрийского правительства у нас на Волыни являются, между прочим, верные сыны австрийских вожделений – русские подданные волынские поляки. Это обстоятельство и отмечено в приведенной статье “Жизнь Волыни”. Положение легко доказать фактом, для чего стоит взять любой пример, где от поляка зависит подбор служащих в подведомственном ему учреждении. Ставший во главе отдела выборной губернской земской управы поляк Иван Иванович Добровольский (для примера взят самый, казалось, умеренный) изгнал всех русских служащих и оставил у себя только поляков и украинофилов. По моим сведениям Добровольский сформировал следующий состав дорожного отдела Губернской земской управы:

Парков, делопроизводитель – русский (знающего дело нельзя было уволить).

Токарев, делопроизводитель – русский, давно служит (подлежит увольнению с уплатою за год жалованья).

Петровский – поляк.

Петровская – тоже.

Денебский – тоже.

Абраменко, чертежник – украинец.

Мазур – поляк (поляк служит 3 месяца, а уволены русские, долго служившие).

Мисюревич, счетовод – “просвитянец”.

Лозинский – поляк.

В этом общении поляков с украинофилами уже нельзя усмотреть “хлопомании”, которой заражено было польское общество в первой половине XIX в.

Судя по данным, как я выше сказал, связь здесь чисто политическая. Поляки руководители и учителя украинофилов в деле растления края.

Введение в губернии выборного земства значительно усилило средства украинофилов. Если до сих пор губернская земская управа привлекала к себе притон украинофилов и статистический комитет управы был главным штабом их, то ныне, когда состав управы находится вне контроля администрации, а деятельность земства вышла из рамок и захватила все фибры экономической жизни народа, положение во многом ухудшилось. Украинофилы отныне имеют свободный доступ к народу и несомненно их ряды будут пополняться самой демократической частью этого народа. Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что до сих губернская земская управа не представила списка своих служащих, желая, очевидно, избежать контроля правительственной власти.

Украинское движение в Житомире идет под фирмой украинского сообщества “Просвита”. Цель организации сообщества – дать всем украинцам, не исключая, конечно, и членов социалистических украинских партий, возможно[сть] собраться легально, а затем объединить как оппозиционный,

так и прогрессивный национальный элемент. Объединение украинцев, поддержание и развитие национального духа и сепаратизма – тайная задача основателей этого сообщества. Борьба с руссофикацией – это минимум стремлений украинцев. Они говорят, что для того, чтобы народ мог бороться за свои права, он должен представлять нацию, а украинская национальность, как таковая, почти стусевалась и растворилась в огромной массе русского народа; отсюда стремление украинцев создать компактную массу и воскресить украинский язык (наречие) и по возможности обособить его от русского языка. Язык – это главный признак нации.

Таким образом задачи “Просвиты”:

1) Объединить всех малороссов, 2) дать им обеспеченное место для собраний легальных и нелегальных и 3) править, развивать и популяризировать малороссийский язык, как главный признак украинской народности.

Однако справедливость заставляет сказать, что далеко не все члены “Просвиты” преследуют задачи резкого сепаратизма. По моим наблюдениям члены “Просвиты” резко делятся на две группы: большую лояльную сентиментальных любителей малорусской “мовы” и обычаев, и меньшую по числу украинцев с преступными тенденциями от “самостийности Украины” до социал-демократизма.

Последняя группа крайних украинцев гнездится в губернской земской управе. Состав этой группы почти поголовно известен, но к сожалению детали организации не освещены в должной степени, их скрывают стены земской управы.

Эта группа под покровом лояльного сообщества “Просвиты” стремится распропагандировать народ чрез своих агентов: учителей народных училищ, фельдшеров, агрономов и т. д.; старается влиять на юношество, главным образом нестойких в политическом отношении семинаристов. Группой этой рассылаются на земский счет мелкие издания на малороссийском языке частью тенденциозного характера для распространения в народе. Все это документально установлено. Покров легальной “Просвиты” окрыляет эту преступную группу и создает для нее аудиторию. В этой аудитории спокойно присутствует масса чиновников, которые однако не протестуют против руссофобии и частью явно преступного направления крайних. Всякое выступление противогосударственное считается келейным делом украинцев. Нарушение устава в заседании “Просвиты” усматривается, например из отчета в газете “Волянь”^а от 26 января прошлого года, из которого очевидно, что, опираясь на массу, “вновь прибывшие члены” начали вершить дела по-своему. Конечно, левая “Волянь” осмеивает протесты против нарушения правил устава.

Принимая во внимание, что украинское сообщество “Просвита” преследует цель объединения инородческого элемента на почве исключительно национальных интересов, нельзя не усмотреть, что деятельность ее вполне подходит под определение деятельности национальных сообществ, которое указано, по моим сведениям, в циркуляре господина председателя Совета министров на имя господ губернаторов. Там говорится, что “с изданием высочайше утвержденных временных правил об обществах и союзах среди инородческих

элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение к культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узконационально-политического самосознания и образование целого ряда обществ под самыми разнообразными наименованиями, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве исключительно национальных интересов. Преследуя узкие цели, такие общества, несомненно, ведут к усугублению начал национального обособления и розни, и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности, как это разъяснено Сенатом в целом ряде решений”. Ввиду этого председатель Совета министров признает учреждение подобных обществ, на основании п. 1 ст. 6 Закона 4 марта 1906 г., недопустимым и считает долгом указать, что при обсуждении ходатайств о регистрации каких бы то ни было инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей, местному по делам об обществах и союзах присутствию надлежит в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество указанных выше задач, и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов на точном основании последних указов Правительствующего сената.

Таким образом, на точном основании этого циркуляра житомирская “Просвита” подлежит закрытию. Если Ваше превосходительство признаете необходимым закрыть в Житомире “Просвиту”, то я имею честь просить заблаговременно меня о том уведомить для того, чтобы я мог ликвидировать крайнюю группу членов ее. Результат этих обысков может быть даст материал, компрометирующий “Просвиту” как легальное сообщество.

Полковник *Гофман*

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1346, арк. 155–156. Оригінал. Машинопис.

№ 271

1912 р., січня 3. Херсон. –

Донесення начальника Херсонського губернського жандармського управління М. Т. Заушкевича Департаменту поліції про історичні традиції та стан суспільно-політичного життя краю в умовах загального поширення “українсько-мазепинського руху”

Секретно

Департамент полиции 8 минувшего декабря за № 110927, сообщая о распространяющемся по всей Малороссии украинско-мазепинском движении в угрожающих размерах, предложил мне представить подробные об этом движении сведения.

Департамент не запрашивает меня о вредной противуправительственной в этом направлении деятельности того или иного лица или кружка, мне ставится вопрос шире – о движении, вопрос идейный. Вот почему в изложении насто-

ящего донесения мною, по необходимости, допущены рассуждения общего характера.

Прежде всего оговариваюсь, что все изложенное ниже относится только к Херсонской губ.

Знаю я Херсонскую губернию более 10 лет; служил в приволжских губерниях, в Бессарабии, в Киеве. В течении долгих лет много пришлось видеть, пережить и наблюдать. Естественно было интересоваться бытом местного населения, его прошлым, и я этим интересовался.

История времен давно минувших, седой старины свидетельствует, что степи Южной России простором, свободой и первобытным состоянием природы влекли к себе переселенцев. Люд обездоленный, гонимый, не мирившийся по тем или другим причинам с условиями на своей родине, преступный в степях этих находил приют, приложение для своего труда, подвигов и разгула. Так создалось Запорожье, колыбелью и гнездом которого была нынешняя Херсонская губ. Запорожье давало приют не одним малороссам; туда бежали молдоване, болгары, литва и великоруссы. История разных эпох свидетельствует, что стремление и политика Запорожья, заветы и политика Украины не всегда были тождественными. В XVII и XVIII ст. новороссийские степи служили местом для колонизации соседних славянских народностей. В царствовании императрицы Екатерины II и державных ее преемников правительство в целях развития культуры в Новороссийском крае вызывало из-за границы немцев, которым отводились на льготных условиях земли; русская аристократия и крупные помещики на пожалованные и приобретенные в этом крае земли переселяли крепостных из центральных губерний: Смоленской, Калужской, Нижегородской, даже Пермской и других губерний. При беглом взгляде на карту Херсонской губернии бросаются в глаза названия, свидетельствующие о разноплеменности населения, так: Бандурка, Баштанка, Гетманцы, Гайдамацкое, Кошары, Сагайдаковка – поселения малорусские; Малаешты, Будиешты, Дойбаны, Диордиешты, Магала, Токмазея – молдованские; Нагартав, Ефингарь, Сейдеменуха, Израйлевка – еврейские; Бергдорф, Вильгельмсталь, Гофнунгсталь, Зеебах, Карлсруэ, Кронау, Нейбан, Рейнфельд, Страсбург, Шейнау – немецкие; Авдотьевка, Благодатное, Грибово, Костромка, Ровное, Широкое – великорусские. Население Херсонской губернии – конгломерат разных народностей, хотя и с значительным сравнительно процентом коренных малороссов.

Заслуживает внимания, что местные малороссы, сохранив внешность – костюм и обычаи родины, говорят особым наречием и с трудом понимают хохлов Полтавской и Черниговской губ.

“Спілка”, “Просвіта”, украинско-мазепинское учение – разновидности сепаратистских учений, имеющих конечною целью восстановление независимости Малороссии, по выражению украинофилов – “самостийности Украины”. Печатного органа этого направления газеты “Прикарпатская Русь”^а в Херсонской губ. в продаже нет, достать трудно и я почти ни у кого ее здесь не видел; другая же более дешевая газета “Хуторянин”^б выписывается в весьма незначительном числе экземпляров. За последние годы при многочислен-

ных обысках по делам политического характера украинской литературы почти обнаружено не было и весьма редко попадались такие издания в единичных экземплярах.

Одно время в Одессе образовался кружок “Просвіта”, во главе которого состояли убежденные крайнофилы: профессор Мельниченко, присяжный поверенный Богомолец и врач Луценко; просуществовал кружок этот недолго и был, насколько мне известно, закрыт. Характерно, что в составе этого крайнофильского кружка члены в большинстве оказались евреи. “Жид”, по убеждению хохла, всосанному с молоком матери, христомпродавец, – существо, достойное презрения. Естественно, возникает вопрос, что здесь связывает малороссов с евреями. Смею думать, не общность политических убеждений, ибо евреям совершенно безразлично будущее Украины. Протестанты (в том числе и революционеры, а в данном случае крайнофилы) всегда и везде опираются на недовольные массы; евреи – народ своим положением в России недовольный по натуре истеричный, увлекающийся социальными доктринами. В данном случае имеет место правило древних римлян: “*viribus unitis*”¹, а связующим звеном служит для тех и других неприязненное, враждебное отношение к исконному укладу русской народной жизни, к основам русской государственности.

При многочисленных поездках моих по губернии я видел часто в еврейских домах портрет Монтефиоре – известного еврейского благотворителя; в селениях, зараженных штундой – портреты Бисмарка, Мольтке, изредка Лассалья; в красном углу каждой хаты великорусса и хохла портреты государя императора, августейшей семьи, отца Иоанна Кронштадтского, а за последнее время и гр. Л. Толстого, и весьма редко, как исключение, у местных хохлов я встречал портреты Шевченко, Кропивницкого и др. украинских батек. Странствующие малороссийские труппы делают почти повсеместно полные сборы и народ охотно посещает их спектакли. Казалось бы, на первый взгляд – это лучшее доказательство успеха украинского движения. В действительности нет ничего подобного, народ стремится на малороссийские представления не по политическим убеждениям, а потому, что актер со сцены говорит понятным, близким, родным народу языком, чем и устанавливается живая связь актеров с публикой; такое же явление, как мне достоверно известно, наблюдалось лет 15 тому назад в приволжских уездных городах, когда на сцене ставились произведения Островского.

Не так давно здесь чествовался юбилей памяти Т. Г. Шевченко; в Херсоне, между прочим, по инициативе общества “Вестник знания”^В (донесение мое Департаменту от 14 декабря за № 15611); полагаю, не в целях содействия успеху крайнофильской пропаганды, а использован как удобный случай для демонстративного проведения в жизнь социальных идей. Шевченковские дни прошли здесь повсеместно вяло, безцветно и бесследно канули в вечность; с уверенностью можно сказать, что при некотором содействии администрации с

¹ *спільними зусиллями (лат.).*

таким же успехом при желании можно отпраздновать юбилей памяти какого-нибудь Франклина.

Серьезный, вдумчивый наблюдатель, делая оценку явлениям современной жизни, придет несомненно к заключению, что местное население вступает в эпоху мирного преуспеяния и гигантскими шагами идет по пути мирного культурного развития. Местное население интересуется всякими новыми для него сведениями и сообщениями, но живо воспринимает и, так сказать, с захватывающим интересом оно относится к области знаний прикладных, практических наук, усвоение коих способствует поднятию материального его благосостояния; живо интересуется всякими известиями, имеющими отношение к разрешению аграрного вопроса. До политического самосознания население не доросло и социальными учениями, как таковыми, оно не интересуется, за исключением, конечно, элемента сознательных рабочих фабричных и промышленных центров. Повторяю, что я говорю это только в отношении населения Херсонской губ.

По соображениям изложенного, я прихожу к полному убеждению, что в Херсонской губернии нет подготовленной почвы для восприятия и сколько-нибудь успешной пропаганды украинофильских учений; это не мое только личное, полковника Заушкевича, мнение; я беседовал по этому вопросу с местными старожилами, хорошо знающими край, с земскими деятелями, с представителями судебной и административной власти и оно многими разделяется. Вот почему я об этом долгом считаю представить вниманию Департамента.

Заканчивая настоящее донесение, присовокупляю, что мною вместе с сим ныне же приняты все меры к выяснению в будущем украинофильских кружков и таковые по достаточном выяснении будут безотлагательно ликвидированы с немедленным о том донесением Департаменту. В настоящее же время деятельность таких кружков здесь не проявляется.

Району сообщено сего же числа за № 16.

Подписал и верно: полковник *Заушкевич*

ЦДІАК України, ф. 268, оп. 2, спр. 120, арк. 7–9. Засвідчена копія. Машинопис.

№ 272

1912 р., січня 10. Київ. –

**Донесення начальника Київського губерньського
жандармського управління О. Ф. Шределя**

**Департаменту поліції про діяльність українських товариств
та політичних партій у 1903–1911 рр.**

Секретно

Из дел вверенного мне управления видно, что украинское революционное движение начало охватывать сельские местности Киевской губернии в 1903 г. и достигло высшего напряжения в 1907–1908 гг. под руководством Украинского социал-демократического рабочего союза (“Спілка”), когда был

ликвидирован в г. Киеве Главный комитет “Спілки” с его типографией, состоявший из студентов высших учебных заведений Киева с преобладанием еврейской молодежи.

Затем, до весны 1911 г. в Киевской губернии никаких украинских партийных организаций не возникало и революционной литературы на малорусском наречии не распространялось.

Предшественниками “Спілки” по революционной работе в деревне в 1903–1905 гг. явились Революционная украинская партия и Украинская социалистическая партия, распространявшие между простым народом свои гектографированные воззвания на малорусском наречии с призывом к общей борьбе с установившимся режимом, при чем в 1904 г. Центральный комитет Украинской социалистической партии внушал малороссам не проливать своей крови “за российский уклад”. Вся подпольная украинская литература местного происхождения отличалась в то время от прочей только своим наречием и представляла собой “переклад” с партийных русских изданий.

В начале 1911 г. в Киеве была ликвидирована группа лиц, принадлежащих к Киевской студенческой украинской громаде, распространявшая гектографированные воззвания с призывом украинской учащейся молодежи объединиться в кружки с тем, чтобы приступить к национальной работе и борьбе за национальные права, “которые одновременно с тем станут и социальными”, в дальнейшем же деятельность этой Украинской громады сводилась к внушению мысли о необходимости добиться введения в школах украинского наречия, подводя таковое под понятие самостоятельного исторического языка, и затем уже перейти к чисто социальной работе по программе Украинской революционной партии, основательницы ныне существующего движения.

В 1903 г. на пограничном пункте в Волочиске был задержан бывший студент Киевского университета, дезертир Владимир Винниченко, сотрудник “Літературного-наукового вістника”, с большим транспортом печатной нелегальной литературы львовского и черновицкого издания на малорусском наречии и искусственном галицийско-руссинском языке и с тех пор идейное общение местных “украинцев” с зарубежными не прекращается; эта связь обнаружилась также в начале 1911 г., когда в Киеве были захвачены австрийские делегаты русских национальных социалистов (в Прикарпатской Руси и России) с несколькими экземплярами программы этой партии с пометкой “Львов-Киев-Москва 1 (14) январь 1911 г.” (дело Кирилла Вальницкого). Эта программа, побуждая к достижению полного и действительного народовластия, конечным выражением которого является демократическая республика, предусматривает образование автономных национальных групп и союзов с национальным языком и органами самоуправления, но с общей верховной законодательной властью в лице Государственной думы.

Таким образом, по имеющемуся в управлении материалу нельзя заключить чтобы революционное движение в Малороссии можно было отождествлять с понятием о “мазепинстве”, ставшим в последнее время боевым вопросом в повременной печати.

Возможно допустить, что выработанная в Львове программа Русских национальных социалистов найдет приверженцев среди местных “украинцев”, как отвечающая их национальным вождениям, но вместе с тем эта программа, не отличаясь от программ вообще левых крайних партий, отнюдь не имеет ввиду вызвать стремление к окончательному отторжению Украины от Российского государства для включения ее в состав земель Австрийской короны.

По мнению украинской революционной интеллигенции, проповедь “самостийности” в “мазепинском” смысле, являясь домогательством буржуазного характера, обречена на прозябание, так как все противоправительственно настроенные кружки Украины усвоили программы социалистических партий.

Ни агентурным путем, ни негласными сведениями не добыто фактических указаний на рост или существование в Киевской губернии “мазепинского движения”, как об этом пишет известный националист А. И. Савенко в газетах “Новое время”^а и “Киевлянин”. По его личным сведениям, однако не подтвержденным какими либо фактами, “мазепинство насаждается в Киеве будто бы профессорами историко-филологического факультета Университета Св. Владимира, в Киевском украинском клубе и тремя существующими в Киеве “украинскими книгарнями”.

В управлении имеются негласные сведения о том, что одним из наиболее активных деятелей по водворении из-за границы в Россию украинской литературы является проживающий на ст. Радзивилов Волынской губернии железнодорожный врач Модест Левицкий, через его же посредство заграничные украинцы сносятся с украинцами внутренних губерний; его ближайшими сотрудниками являются врач земской больницы в Радзивилове Шепченко, и проживающий там же, неизвестный по фамилии почтово-телеграфный чиновник. Левицкий лично ведет непосредственные сношения с центром общества “Просвіта” во Львове, а также с отделением его в Бродах, где председателем общества “Просвіта” состоит судья Кушнер.

Затем мною приняты меры к постоянному и всестороннему освещению могущей возникнуть в сельских местностях губернии специально “украинской” пропаганды в смысле предполагаемого “мазепинского движения”.

О последующем донесу Департаменту полиции дополнительно.

Подлинную подписал полковник *Шредель*
Верно: подполковник [підпис]

ЦДІАК України, ф. 276, оп. 1, спр. 414, арк. 13–14. Засвідчена копія. Машинопис.

1912 р., січня 19. Харків. –
Донесення начальника Харківського губернського
жандармського управління О. Н. Риковського директорові
Департаменту поліції С. П. Белецькому про пожвавлення
культурно-освітньої діяльності української інтелігенції у Харкові¹

Секретно

Вследствие предложения Департамента полиции (по особому отделу) от 8 декабря 1911 г. за № 110925 доношу Вашему превосходительству, что с конца минувшего года в Харькове среди местной украинофильской интеллигенции проявляется заметное оживление, выразившееся главным образом в издании (с 1 сего января) украинского органа “Сніп” (издатель – присяжный поверенный Николай Иванович Михновский и редактор – помощник присяжного поверенного Михаил Антонович Беленький). Судя по вышедшим номерам этого журнала, направление его узко националистическое, проникнутое стремлением к культурному обособлению населения Украины.

Присяжный поверенный Михновский в 1907 г. по агентурным сведениям принадлежал к Украинской социал-демократической рабочей партии, при ликвидации местной группы которой, в ночь на 18 января того же года был подвергнут обыску, существенных результатов не давшему (были обнаружены два экземпляра брошюры “Чого нам треба домогаться”). Ввиду чего он был оставлен на свободе и к дознанию или переписке по охране не привлекался.

О редакторе – помощнике присяжного поверенного Беленьком неблагоприятных сведений не имеется. 28 февраля 1909 г. он, вышеупомянутый Михновский и местная украинофилка и поэтесса Христина Алексеевна Алчевская, обращались к господину харьковскому губернатору с прошением об утверждении устава Харьковского малороссийского общественного собрания. Но ходатайство это не было удовлетворено.

В этой же среде зародилась идея об организации культурно-просветительного украинского общества в целях изучения и популяризации украинских литературы и искусства. Инициативу в этом деле взяла на себя группа лиц, возбудивших уже ходатайство о регистрации Украинского имени Григория Квитко-Основьяненко литературно-художественного и этнографического общества (сведения относительно этого общества и его инициаторов будут представлены дополнительно).

Организацией, объединяющей местную украинскую интеллигенцию, является “украинская комиссия”, заведывающая “украинским отделом” при Харьковской общественной библиотеке. Число членов комиссии доходит до 60 человек, среди которых видная роль принадлежит тем же Михновскому (председатель комиссии) и Беленькому (один из помощников председателя).

¹ Див. також док. № 280.

Существующая в Харькове под фирмой “Українська книгарня” частная украинская книготорговля также в последнее время заметно расширила свои операции и попутно занялась распространением украинских кустарных изделий.

Местные украинофилы главным образом явились также учредителями 3-го Харьковского общества взаимного кредита (сведения о нем изложены в донесении моем от 16 января 1911 г. за № 281).

В Харьковском университете существуют легализованные (с 15 ноября 1907 г.) Громада студентов-украинцев и Студенческий кружок по изучению быта украинского народа (сведения об этих организациях и их уставы представлены мною 7 марта 1910 г. за № 1232). В остальных высших учебных заведениях имеются украинские кружки, примыкающие к университетской Громаде.

Деятельность Громады и кружков освещается агентурой, направленной также и к общему освещению украинского движения, которое проявляется в Харькове пока лишь в перечисленных выше формах.

Сведения относительно украинского движения по Харьковской и Екатеринославской губерниям (остальные губернии, входящие в подведомственный мне район, к числу малороссийских не относятся) будут представлены мною дополнительно.

Ввиду того обстоятельства, что в данное время центром украинского движения является Киев, копия настоящего донесения вместе с сим за № 239 препровождается для сведения начальнику Киевского охранного отделения с просьбой направить агентуру к освещению возможных сношений украинских кругов Киева с Харьковом и о всех полученных в этом направлении указаниях извещать немедленно меня. С своей стороны все поступающие ко мне сведения по украинскому движению будут сообщаться для сведения и соображений при розыске подполковнику Леонтьеву.

Приложение: №№ 1, 2 и 3 журнала “Сніп”¹.

Подписал: генерал-майор *Рыковский*
Верно: ротмистр [підпис]

ЦДІАК України, ф. 276, оп. 1, спр. 414, арк. 22–23. Засвідчена копія. Машинопис.

¹ *Примірники часописів див. у цій самій справі, арк. 24–26.*

1912 р., квітня 24. Житомир. –

**Донесення начальника Волинського губернського
жандармського управління В. Е. Гофмана губернаторові
М. О. Мельникову про результати обшуків у членів житомирського
товариства “Просвіта”, огляд його діяльності та необхідність
закриття відповідно до циркуляру від 20 січня 1910 р.**

Секретно

22 февраля этого года я произвел 32 обыска у лиц, заподозренных в крайнем украинофильстве.

Материал обыска, как по массе, так и главным образом в виду значительного рукописного материала (большинство обысканных имеют претензию быть украинскими писателями), задерживает окончание переписки.

Однако, рассмотренный материал дает полное основание к выводу заключения о вредном противогосударственном направлении легально разрешенного украинского сообщества “Просвита”. Установлено, что украинофильство не имеет корней в местном населении. Это движение наносное, раздуваемое левыми интеллигентами и тянущейся за ними полуинтеллигенцией. Успех украинофильства пока на Волини очень условный, но вред его несомненный, так как определилась вполне их цель – возбудить крестьянство к политической обособленности и к враждебному отношению к русской государственности.

Из числа обысканных в Житомире украинофилов [...] ¹ чел. несомненно принадлежат к Украинской социал-демократической рабочей партии. Однако, из всех их привлекутся по материалу обыска только один или два к дознанию, в порядке 1035 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] за хранение с целью распространения преступных изданий. У [...] лиц была обнаружена преступная социал-демократическая литература, у некоторых в значительном числе, но в единичных экземплярах.

В библиотеке “Просвита” обнаружены малорусские издания тенденциозного направления и один экземпляр “Туга за солнцем”, явно преступного содержания.

Затем, имевшиеся сведения о том, что Библиотечная комиссия “Просвита” организует тайные библиотечки тенденциозного, частью преступного социал-демократического направления в крестьянских поселениях вполне подтвердились. Из письма на малорусском наречии, обнаруженного у Клима Полищука, от Всеволода Масюкевича, председателя библиотечной комиссии “Просвита”, определенно устанавливается, что “члены библиотеки общества “Просвита”... признали возможным снабдить книгами для организации приватной библиотеки в Краснополе, хотя книг более 100 выслать нельзя до Рождества по многим причинам”. Далее Масюкевич пишет: “На Рождество я буду в Чуднове и Краснополе и разузнаю, можно ли будет устроить там библиотечки...

¹ Тут і далі кількість не зазначено, залишено місце.

“Просвита” книги может давать в пользование на 9 месяцев или на год, а потом книги должны быть возвращены или переданы туда, куда укажет “Просвита”. Хорошо было бы, чтобы кто-нибудь выхлопотал в Краснополе у губернатора право на библиотеку-читальню – тогда “Просвита” воспользовалась¹ бы далеко шире, а пока что эта библиотечка, как Вы понимаете, дело очень ненадежное: придет урядник и заберет все книги, не спрашивая о праве”. Однако Всеволод Масюкевич раньше, чем выслать книги, хотел выяснить политическое направление того, “в чьи руки попадут книги”. Из допроса Полищука оказывается, что он сотрудничает иногда в изданиях “Почаевского листка” на малорусском наречии. Такое участие в правой газете, хотя бы и на малорусском наречии, считается Масюкевичем и “Просвитой” недопустимым, что в свою очередь характеризует политическую окраску “товарищества Просвиты”.

Обыски в Михалковцах Острожского уезда в ссудо-сберегательном товариществе и у счетовода Петра Семенова обнаружили письма на малорусском наречии с датой 1911 и 1912 гг. за подписью “Рышковский”, из коих усматривается, что отставной мировой судья Маркович и его доверенный Семенов – оба левые украинофилы, распространяют украинские сочинения среди крестьян и сельских школ. Автор писем Петр Павлов Рышковский 1-й очень рьяный распространитель, как видно из писем, этих книжек, между прочим упоминал усиленно о “Просвите” и о том, что, узнав об обысках у украинофилов, он пересмотрел свой материал, “кое-что неприятное сжег, а что очень дорого и жалко было сжигать, отдал на хранение с книгами, которые имеют какую-либо политическую окраску, своему доброму знакомому, у которого обыска ни в коем случае не может быть”. Таким образом и этими обысками выясняется тайное распространение украинофилами их изданий среди крестьянского населения и школ и преступное политическое направление этих деятелей.

Отчасти и политичность, и сепаративность “Просвиты” характеризует посланная, как известно, от имени “Просвиты” телеграмма на малорусском наречии по поводу смерти графа Льва Толстого, причем в телеграмме оттеняется значение Толстого, как мыслителя.

Обнаруженная популярная среди украинофилов литература определенно устанавливает тенденцию и направление украинофильства. Как указано, изъята у очень многих эсдековская литература, почти у всех сочинения Грушевского на историко-политические темы, и наконец вся литература малорусская пестрит именем Шевченко, оцениваемого главным образом за проявленные им выпады против “москалей”. Как известно, сепаратизм полуобразованного Шевченко вырос под влиянием Кирилло-Мефодиевского братства и особенно резко проявлялся под хмелем, когда он не щадил даже божественного (поэма:²).

Идеи Грушевского всеми украинофилами исповедываются открыто, так как писатель этот признан нашей Академией наук и издается в Петербурге так

¹ Так у тексти.

² Назву не зазначено, залишено місце.

называемым “благотворительным обществом издания общепользных и дешевых книг”.

Грушевский в исторических сочинениях своих старается доказать существование особого народа украинского, от которого имя “Русь” и “Россия” похищено “москалями”, а следовательно Украина имеет все права на самостоятельную государственность; народ этот “приблизительно 34 миллиона” расселен частью в России, частью в Австро-Венгрии; из всей массы в России живет около 85% всех украинцев; вся эта масса присоединилась добровольно, на отношениях, которые “имели характер личной унии Украины с Московией”; централистический гнет Московии заставил украинский народ, “в особенности наиболее развитые политические его верхи – казацкая страшина” – жить мечтой об отделении от Московии. Уже “Хмельницкий носился с мыслью о разрыве с Москвой... Выговский соглашался возвратиться под верховодство Польши... договор Дорошенко 1669 г. с Турцией... Мазепы и Орлика с Карлом XII в 1700 и 1710 гг... это характерные моменты в стремлении Украины в обеспечении своей автономии” (конечно, не автономии, а точнее и прямее – к самостийности). (Грушевский. Освобождение России и украинский вопрос, изд[ание] 1907 г., стр. 13–17).

В потугах по возможности обособиться от всего русского, украинцы последней формации придерживаются так называемого кулешевского правописания, заимствованного из Галиции. Отчасти потому, что это правописание не было допущено, отчасти из чисто технических затруднений, украинские и в том числе и волынские украинофилы печатались во Львове в “Видавничей спилке” (Издательском союзе). Львов почитается украинофилами, как просветительный центр, – там украинский университет, там пан Грушевский. Отсюда тесная связь наших украинофилов с галицийскими. В то время как путем подтасовки исторического и статистического материала Грушевский и его приверженцы стараются навязать малороссийскому народу сепаративные стремления, они же для этого народа издают популярные брошюры, в которых изображается не только грубый гнет “москалей” над несчастной Украиной, но и восхваляются порядки и право этого народа в соседней Австро-Венгрии. Широкий конституализм дал возможность в Австрии развиваться общественному самосознанию украинцев, сплоченности и организованности их. Автор этих брошюр Василий Доманицкий (русский украинофил) (“Про Галичину”, изд[ание] “Просвита” в Киеве 1909 г.; “Про Буковину”, издание там же, тогда же) особенно подчеркивает значение и идею крестьянских “соколиных” обществ. Тенденция этих панигирик “соколам” вполне станет ясной, если иметь в виду то политическое значение “соколов”, которое приписывается этим обществам всеми польскими партиями от национальных до крайне революционных, как будущего повстанческого войска. Чтобы смягчить очень резкий вопрос о религиозном гнете православных в Галиции, русский украинофил Доманицкий трактует об унии с очень наивным добродушием: “Правду сказать, разница между православием и унией небольшая, так как в униатской церкви служат так же, как и у нас, на церковнославянском языке, только выговаривают не по-московски, а по-украински... Разница между униатами и пра-

вославными разве в том, что униатские попы бреют бороды, ходят не в широких рясах, а в длинной узкой черной одежде...” (“Про Галичину”, л. 31).

Но помимо этой тенденциозно-политической литературы, украинофилы во множестве распространяют в крестьянской среде явно преступную социалистическую. Так, например, обнаружены брошюры: “Правда щодо виборів”, “Про народоправство”, “Царский манифест 17 октября 1905 г.”, “Початки науки про право конституції”, “Який буває державний лад”, “Якой нам треба школы”, “Земельная справа в Новій Зеландії” и т.д. Все это издания разных “Просвит”, вредное направление которых было отмечено в других губерниях ранее и только, кажется, на Волини “Просвита” осталась существовать как легальное товарищество.

Объединяя как оппозиционный, так и прогрессивный украинский элемент, житомирская “Просвита” на легальной почве поддерживает развитие сепаратизма, национальной обособленности и розни, дает обеспеченное место для легальных и нелегальных (пример – Библиотечная комиссия, от которой все отрываются) собраний.

Такого рода направление “Просвиты”, помимо отдельных выступлений ее членов, вполне подходит под определение деятельности национальных сообществ, которое указано, по моим сведениям, в циркуляре господина председателя Совета министров на господ губернаторов. Там говорится, что “с изданием высочайше утвержденных временных правил об обществах и союзах среди инородческих элементов, населяющих Россию, стало наблюдаться особое движение культурно-просветительному развитию отдельных народностей на почве пробуждения узко-национально-политического самосознания и образование целого ряда обществ под самыми разнообразными наименованиями, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве исключительно национальных интересов. Преследуя узкие цели, такие общества, несомненно, ведут к усугублению начал национального обособления и розни и потому должны быть признаны угрожающими общественному спокойствию и безопасности, как это разъяснено Сенатом в целом ряде решений. В виду этого председатель Совета министров признает “учреждение подобных обществ, на основании п. 1 ст. 6 Закона 4 марта 1906 г.^a, недопустимым и считает долгом указать, что при обсуждении ходатайств о регистрации каких бы то ни было инородческих обществ, в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей, местному по делам об обществах и союзах присутствию надлежит в каждом отдельном случае подробно останавливаться на вопросе о том, не преследует ли такое общество указанных выше задач, и в утвердительном случае неукоснительно отказывать в регистрации их уставов на точном основании последних указов правительствующего Сената”¹.

Таким образом, на точном основании этого циркуляра, житомирская “Просвита” подлежит закрытию.

Полковник *Гофман*

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1461, арк. 67–70. Відпуск. Машинопис.

¹ Див. док. № 257.

1912 р., травня 16. Київ. –

**Обвинувальний акт Київської судової палати про притягнення
до судової відповідальності редактора журналу
“Українська хата” П. О. Богацького за публікацію рецензії
на брошуру О. Т. Назарука “Що таке нарід або нація”**

Проживающий в Галиции некий Осип Назарук составил и прислал на пропуск в Киевский временный комитет по делам печати брошюру на мало-русском языке под заглавием “Що таке народ або нація”. Рассмотрев эту брошюру, Центральный комитет иностранной цензуры в январе месяце 1911 г. воспретил ввоз и обращение ее в России. Спустя некоторое время после этого, а именно 10 сентября того же года, в библиографическом отделе книги, издающегося в Киеве под редакцией Павла Богацкого журнала “Українська хата” за июль и август месяцы была помещена статья Богдана Заклинского под заглавием: “Осип Назарук. Що таке народ або нація”, представляющая из себя критический очерк названной выше брошюры Назарука (л. д. 3 и 38).

Осмотром книги заказов типографии “Акционерного общества Петр Барский” за 1911 г. установлено, что книга журнала “Украинская хата” за июль и август 1911 г. была отпечатана по заказу Богацкого в количестве 800 экземпляров (л. д. 14). Из сообщения же начальника Киевской почтовой конторы видно, что 10 сентября она была сдана на почту и отправлена по назначению в количестве 213 экземпляров для иногородних подписчиков и 22-х – для городских (л. д. 12 об).

Из протокола осмотра статьи Заклинского о брошюре Назарука “Що таке народ або нація” усматривается, что автор ее, приводя содержание этой брошюры, находит, что в таковой изложены начала к стремлению поставить украинский прогрессивный национализм на твердую почву, каковое стремление должно быть очередной задачей для современных работников на народной ниве. Далее, доказывая, что украинский народ как народ подневольный должен быть продолжателем борьбы за освобождение, автор между прочим говорит: “Подневольный народ, если в нем сохранилось желание существовать, сохранились свои национальные особенности, должен быть предусмотрительным, должен обратить внимание на национальный вопрос и гарантировать себе национальное существование, дабы враждебные силы с их орудиями, которыми они располагают, не в состоянии были сдвинуть с места мысль народную, покоящуюся на трезвых национальных основах. Под наш народ со всех сторон подкапываются соседи-приятели. С помощью чужой школы, церкви, даже соотвественно подогнанной науки и прессы, воинской повинности, фабрик и т. д. на нас учинен настоящий поход. И только благодаря нашему упрямству и врожденному нежеланию подражать этим соседям мы остаемся самобытным, не говорю, народом, а только стойкой этнографической массой. Однако уже настал крайний срок опомниться и не расточать в дальнейшем наши силы – большей части интеллигенции в России – на пользу общерусской идеи, ме-

Українська хата

Січень

Жнів—1912

Обкладинка і перша сторінка українського літературно-громадського щомісячника “Українська хата” (1912).

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 4, спр. 245, арк. 3, 4.

Українська хата

ЛІТЕРАТУРНО-ГРОМАДСЬКИЙ
УКРАЇНСЬКИЙ МІСЛЧНИК

Київ — річник IV — 1912

Том IV.

ПОГРОЗИ.

О, вішая душа моя,
О, серце повне тривоги,
О, як ти бьешся край порога,
Край переходу в небутті.
Хв. Тютчев.

I.

Не лоскоче, не лоскоче
Болю серця морок ночі,
Морок тихий, морок чорний, морок-сон,
Більш од мук переможні
Сни-погрози, сні трівожні
І смертельний таємничий їх закон.
Повний жаху й здивування,
Чую я пророкування
Тайних духів невідомих, тайних сил...
Бачу, чую розходився,
Чорний вихор закрутився;
Віє, віє морок чорний, — смертний пил!.

II.

Не покличу, не покличу
Я в хвилину таємничу
Вас;
Вас найближчих, що розбили
Серце повне палу й сили,
Вас, що пал той погасили,
Вас, що кров мою точили
Раз-у-раз.
Серце, серце не захоч
Вас пустити в морок ночі, —
Більше віри вам не йме;
Тільки в муках переходу
Серце має нагороду —
І помре саме.

Гр. Чупринка.

щанства и рабочих в Галиции – на пользу Польши, интеллигенции – на пользу Венгрии, а населения буковинских пограничных сил – на пользу Румынии. Последнее время кое-что уже делается в этом направлении. Существует уже влиятельная пресса, родная школа, народ организован в политическом и экономическом отношениях; однако существует все это далеко не во всех провинциях и не в одинаковой степени, проводится непланомерно, так как условия существования нашего народа в трех государствах не одинаковы” (л. д. 9 и 22).

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого в распространении приведенной статьи Павел Богацкий, не признавая себя виновным, объяснил, что он считал себя вправе поместить критический обзор Заклинского брошюры Назарука “Що таке народ або нація”, так как критика эта по своему содержанию не заключает в себе суждений, направленных к возбуждению вражды между малороссами и великороссами, а лишь трактует об отношениях первых к соседям в пределах Австрийской империи (л. д. 17 об.).

На основании изложенного подпоручик в запасе Павел Александрович Богацкий, 28 лет, обвиняется в том, что 10 сентября 1911 г. в г. Киеве распространил путем рассылки по почте иногородним и городским подписчикам 235 экземпляров книги за июль и август месяцы редактируемого им журнала “Украинска хата”, в которой помещена статья под заглавием “Осип Назарук. Що таке народ або нація”, заведомо для него возбуждающая вражду между малороссами и великороссами, так как последние трактуются в ней в смысле враждебной силы, направленной к уничтожению национального самосознания и самобытности малороссийской народности.

Преступление это предусмотрено 6 п. 1 ч. 129 ст. Угол[овного] улож[ения], вследствие чего и на основании 1 п. 1032 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства]^а названный Богацкий подлежит суду Киевской судебной палаты.

Товарищ прокурора судебной палаты гр. *Пащенко-Розвадовский*

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 2385, арк. 2–3. Оригінал. Машинопис.

№ 276

1912 р., травня 24. Житомир. –

**Донесення начальника Волинського губернського
жандармського управління В. Е. Гофмана Департаменту поліції
про закриття товариства “Просвіта” в Житомирі
і виїзд його членів за межі губернії**

Секретно

На запрос Департамента полиции от 2 мая 1911 г. за № 102415 имею честь донести, что 24 минувшего апреля я сделал представление господину волинскому губернатору о вредном направлении житомирского малорусского товарищества “Просвита”. Представление мое было обосновано на данных осмотра материала, обнаруженного обысками, произведенными у 32 лиц, заподозренных в крайнем “украинофильстве”.

[...]¹ апреля Волынское губернское по делам об обществах и союзах присутствие^а, усмотрев вредное направление “Просвиты”, единогласно постановило закрыть это общество.

Савченко-Бельский уже с 23 июля 1911 г. выехал из Житомира и ныне проживает по сведениям в г. Харькове. У Лидии Констанди ничего преступного обнаружено не было, а потому она оставлена на свободе. Последовательное привлечение обысканных украинофилов в качестве обвиняемых к формальному дознанию (Селецкий Иван Иосифович и Маркович Дмитрий Васильевич) и к переписке (арестованы Семенов и Рышковский) в порядке Положения о государственной охране сильно встревожили украинофилов (документ из Д[епартамента] п[олиции] № 401) и пришлый, наиболее порочный элемент почти весь бежал из Волынской губернии. Остались заведывающий мелким кредитом губернской земской управы Ренинг Рудольф Францевич, секретарь Дубенской уездной земской управы Кучерявенко Аркадий Георгиевич и Констанди.

Последняя, а в особенности ее сожитель Всеволод Масюкевич, из местного духовного звания, представляются вредным элементом, которых желательно удалить от общественной деятельности, что я надеюсь достичь.

Полковник

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 1, спр. 1461, арк. 124. Відпуск. Машинопис.

¹ Число не зазначено.

1912 р., травня 24. Кам'янець-Подільський. –
Повідомлення начальника Подільського губернського
жандармського управління Л. Г. Соколова губернському правлінню
про заборону виголошення у товаристві “Просвіта” реферату
“Про культурний розвиток народів”

Секретно

Возвращая при сем подлинный реферат под заглавием “Про культурный розвиток народів” вместе с переводом его на русский язык, уведомляю губернское правление, что, ознакомившись с содержанием его, я прихожу к полному убеждению о крайней нежелательности допустить в настоящий критический момент публичное чтение такового в каменецком обществе “Просвита”.

Автор названного реферата^а приводит ряд исторических примеров неожиданного возникновения национальных народных движений. “В начале XIX века, – говорит он, – стали самоопределяться большие нации, а затем, особенно во 2-ой половине этого века, взволновались такие народы, про самостоятельность которых многие уже забыли. Но чем же это объяснить? Ведь не может же умный человек серьезно принять уверения деятелей высшей марки, что все это движение – результат происков кучки агитаторов. Сотни тысяч шли на смерть за национальную идею, сотни тысяч не только боролись за нее, но и страдали, терпели преследования и притеснения. Эта идея вызывала такую потребность самопожертвования, такой высокий подъем национального духа, каких не могут вызвать ни пропаганды, ни газетные статьи”. Далее автор говорит, что “по всему фронту национальной борьбы в первую голову идет борьба за просвещение, за школу – низшую, среднюю и высшую, за школу национальную. Но разве не все равно, на каком языке будут добываться знания, лишь бы эти знания были полезны и давали хорошее оружие в руки. А вот и не все равно. Высшему слою общества, людям состоятельным может быть это и не важно, они имеют возможность долго учиться в школах и изучать чужие языки, но простому народу необходима национальная школа. Рабочий народ не имеет времени на изучение чужих языков и ему необходимо в наиболее короткий срок добыть возможно больше знаний, а это можно достигнуть только в своей школе и на своем языке”.

“Мы видим, – говорит автор, – что главная суть национальных движений последнего времени главным образом лежит в борьбе за национальную школу. Эта борьба есть не политиканство, не тактический прием, а это необходимость, которая вытекает из всех условий жизни. Это-то и есть борьба за существование”... “Враги национального движения говорят, что национальный вопрос не мир, а меч несет людям, что он вооружает одни народы против других и усиливает национальную вражду. Может быть это и правда, но только не вся. Борьба возникает всегда только там, где существует угнетение. Теперь, когда в Западной Европе и у нас отовсюду слышатся жалобы на безразличное отношение людей к общественным делам, на страшный абсентеизм при выбо-

рах в Государственную думу, национальные чувства являются тем фактором, который пробуждает у людей интерес к жизни. Не приходится также бояться и того, что национальное движение может дойти до своих крайних границ и перейти в национальный шовинизм. Это есть движение народное, искренне демократическое и навсегда останется здоровым течением; когда же не будет национальных притеснений, не будет и нежелательных эксцессов национальной борьбы, какие теперь подчас встречаются, и все тогда войдет в спокойное русло...”.

Из приведенных выше выписок из реферата ясно видно, что проводится в нем главная идея – добиться от правительства не преследовать распространения в русском народе вредных учений “Спилки”, культивируемых в обществе “Просвита”.

Верно, подпись полковника Соколова

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 1, спр. 1535, арк. 41–42. Копія.

№ 278

1912 р., вересня 8. Санкт-Петербург. – Циркуляр Департамента поліції губернаторам, градоначальникам, начальникам губернських жандармських управлінь і охоронних відділень про недопущення збирання благодійних пожертвувань на користь Національного українського фонду шляхом продажу марок без попереднього дозволу місцевих властей

Секретно
Циркулярно

По имеющимся в Департаменте полиции сведениям в некоторых местностях империи различные частные учреждения продолжают собирать публично пожертвования на разного рода цели без надлежащего на то разрешения губернских властей, так например, лица, принадлежащие к украинцам-мазепинцам, в последнее время установили особый сбор денег в пользу национального украинского фонда путем продажи марок с девизом “В школі наша будучність”, наклеиваемых обыкновенно вместе с почтовыми марками на письма, посылаемые знакомым.

Между тем циркуляром Департамента полиции от 11 ноября 1911 г. за № 62843 было уже разъяснено, что по смыслу действующих узаконений (ст. 340 Общ[его] учр[еждения] губ[ернского]^a, ст. 48 Уст[ава о] наказ[аниях], ст. 1, 267, 285 и 286 Уст[ав] пред[упреждения и пресечения] прест[уплений]^b), публичный сбор благотворительных приношений, т. е. сбор в публичных местах или среди неизвестного сборщику круга лиц, – за исключением тех случаев, когда испрашивается право на сбор всероссийский, повсеместный среди определенного круга лиц (корпораций, сословий и т. п.), или, наконец, имеющий общегосударственное значение, может быть допускаем в пределах губерний лишь с надлежащего разрешения губернатора, причем разрешение это

является необходимым даже в тех случаях, когда сбор производится хотя и зарегистрированным обществом, но не между одними его членами.

Вследствие сего Департамент полиции находит нужным вновь подтвердить, что подобного рода сборы ни в коем случае не должны быть допускаемы и лицам, производящим их, должно быть разъяснено, что, в случае продолжения ими такого рода сборов, они будут привлекаемы к ответственности по ст. 29 Уст[ава] о наказ[аниях]. Что же касается марок, подобных указанным выше, в особенности если на них имеются различного рода надписи, свидетельствующие о цели их распространения, то при самом печатании их они подлежат полицейской цензуре в порядке ст. 41 Уст[ава о] ценз[уре].

Об изложенном Департамент полиции сообщает для сведения и зависящих распоряжений.

Подписал: и[справляющий] д[олжность] директора *С. Белецкий*
Скрепил: делопроизводитель *Волков*

ЦДАК України, ф. 320, оп. 1, спр. 1509, арк. 423. Відпуск. Машинопис.

№ 279

1912 р., жовтня 29. Харків. –

**Повідомлення харківського інспектора у справах друку
прокуророві Харківського окружного суду про арешт
журналу “Сніп” та притягнення до суду його редактора
М. А. Біленького та автора статті “Мандровані дяки”
про закриття українських народних шкіл Гетьманщини Г. Бабенка**

В № 43 виходящего в Харькове журнала “Сніп” от 28 октября 1912 г. в статье Гр. Бабенко под заглавием “Мандровані дяки” излагается роль и положение в 18 столетии так называемых “дьяков”, просвещавших украинский народ, и состояние народных школ, достигавших в это время в Левобережной только Украине более 1000 и существовавших исключительно на средства народа, без всякого пособия от правительства. Это подкрепляется и ходатайством перед гетманом Разумовским об открытии Батуринского университета и заявлением, что недостатка в студентах не может быть, потому что малороссийский народ тяготеет к наукам. Но этому стремлению к просвещению нанесен был правительством удар, сначала запретом дьякам бродить по деревням, а потом – закрытием народных украинских школ и открытием официальных российских, хотя только “для видимости”, потому что десяток официальных школ не мог заменить тысячи украинских.

Предпослав это, автор заканчивает статью так: “Скорбь охватывает душу, когда вспомнишь, что с последним, может быть кое-где и пьяным, дьяком-балавром надолго померк луч просвещения украинского народа”.

«Настоящая великороссийская школа с ее трезвым Министерством народного просвещения только портит детскую душу малороссийского школьника, неся ему вместо хлеба просвещения тяжелый камень “обозрения”».

Сніп

24
УКРАЇНЬСЬКА ЧАСОПИСЬ для ІНТЕЛІГЕНЦІЇ.

Виходить що-тижня у неділю в ранці у Харькові.

УМОВИ ПЕРЕДПЛАТИ: на рік 3 руб., на пів-року 1 руб. 75 коп., на 3 місяці 1 руб., окреме число—5 коп. Річні передплатники одержать безплатний додаток. Адреса Редакції: КОНТОРСЬКА, 21.

В справах редакції можна бачити від 3 до 5 годин ввечора по понеділках, середах та п'ятницях.

Автори рукописів повинні подавати своє прізвище й адресу. Редакція може скорочувати і змінити статті; більші статті, до друку не ухвалені, переходять в редакцію 3 місяці й висилаються авторам їх коштом, а дрібні змітки й доліски сразу знищуються. Рукописи, на яких не зазначено умови друку, вважаються безплатними. З ПРИВОДУ надісланих до газети ВІРШІВ редакція не листується.

УМОВИ ДРУКУВАННЯ ОГЛОШЕНЬ:

За рядок петиту поперед тексту, або за його місце платиться по 30 к. і по умови. За рядок петиту після тексту: за перший раз 20 к. і по умови, за другий—10 к. Хто шукає заробітку, платить за оповістку в 3 рядки 10 к. за раз, при умови друкування не менше 3-х разів.

Чо І.

І (14) Січня.

1912 рік.

ЗМІСТ: 3 Новим Роком. Пердодвица. Українське Евангеліе. Музичне життя України. Нема й десяток! Характеристика Українців. Новини. Директор Гуморист. У невідомому; Королівстві. 3 Станіславської Гумористичної Щастя Демонда. Оголошення.

ХАРЬВІВ.
Українська група **Т. КОЛЕСНИЧЕНКА.**
(ТЕАТР ГРІККЕ).
ЩОДЕННІ ВИСТАВИ. — РЕПЕРТУАР:

- 1-го Січня, ранком—НАТАЛКА ПОЛТАВКА і ШЕЛЬМЕНКО ДЕНЩИК; у вечері—1) ВОСКРЕСІННЯ; 2) ЦАРИЦІНИ ЧЕРЕВИЧКИ.
2-го. 1) ЗА ДВОМА ЗАЙЦЯМИ; 2) КОНЦЕРТ.
3-го. 1) ЦИГАНКА АЗА; 2) ПЕРЕКАПУСТИЛИ.
4-го. «ГЕЙША» (на укр. мові); 2) ПО РЕВИЗИ.
6-го, ранком—ГАРКУША; у вечері—ГАНДЗЯ.

3 Новим Роком!

З Новим Роком здоровимо тебе, народе український. І споконвіку любе тобі побажання приносимо: нехай на твоїх ланах, наче шире золотого, шениця й усяка пашинця красується, а по твоїх хатах щаслива доля хай усміхається. Нехай як мак процвітає твоє жіноцтво, а міцні леви-пишається твоє чоловіцтво.

З Новим Роком Тебе здоровимо тай хочемо Тобі в дарунок принести наш „Сніп“. Не легко набрати на цілий сніп щирого збіжжя. Важкі наші живня й тяжко зібрати колосся. Гей, заросла наша нива терном та шеншиною та бодяччям. Скрізь по ній кукіль та шкідливий бур'ян розплодився. Лише де-не-де колосок пшеничний буває. Дбало збиратимем ми оті колоски, з нашої любови перевесло зробимо й цілий сніп золотого колосся нав'яжемо. Коли ж у Снопі й кукіль трапляється, не здивуйте: жнемо, що батьки посяjali. Правда, тільки на сніп спромогаємося, але з снопів складаються копи, а з кіп—скирти!

З Новим Роком здоровимо й се подзоровління засилаємо усяди й скрізь, де тільки українське слово лунає, де віраїнське серце б'ється: по Европі, Азії та Америці. З Новим Роком і з бадьорою надією на крашу будучину. Не нидіти, але бодьоритись! Не нарікати, але працювати. Не вмирати, але жити!

І січня 1912 р. Харьків.

Стародавній звичай каже, що нова часопись повинна оголосити свою програму й тим оправдати свою появу й своє істновання. Але чи треба се робити нам? Хіба не досить вже того, що на цілу слобідську Україну нема ні одної часописи української, щоб неминуча потреба в такій часописі була очевидною.

І коли ми повинні щось говорити, то не се, через що ми видаємо нашу часопись, але тільки се, через що досі ми не видавали й так пізно заходились є такі права, що вони рівнозначні з обов'язками. Отже придбане нами право мати свою пресу накладало на нас обов'язки видавати часописі і на слобідській Україні. Досі цього не зроблено і велика країна, щільно залюднена українцями, була без власної преси. А тим часом кожен день, згублений ніби, виростає коліс по значіння цілої епохи, нами змарнованої, бо незабаром надійде величезна конкуренція народів нашої держави, конкуренція інтелектуальна, моральна й економічна, а тоді лихо буде відсталим...

Отже приступаємо до справи величезної ваги, до діла справді величезного: до здійснення права вільного слова. В кого се право було раз-у-раз, той не розуміє, яке воно безмежно коштовне, бо хто щоденно п'є свіжу воду й дихає чистим повітрям, не памить той, яке се добро! Український нарід має засмаглії вуста.... Нация охляла без вільного рідного слова....

Приступаємо до душевним трепетом та благоговінням до користування сією найкращою спадщиною, що лишили нам прапращіди, а мало не згубили діди та батьки. Тонкими незримими нитками зв'язуємо, з'єднуємо й злучаємо наші душі з душами далеких предків наших, бо вимовляємо ті слова, які вони утворили й вистраждали в своїм поході до культури, а в кулі з тими словами приймаємо й їх спосіб уявлення та концепції. І цей таємний псіхічний зв'язок зміцняємо нашою часописсю.

Країну отсю—колишнє Дике Поле—оселили й культивували предки наші. З шаблю в одній руці, з чепігсю в другій—зміцнили вони своє опанованне сією землею. І їх енергією повстав Харьків. Як змінились способи боротьби, то й предки наші змінили шаблю на перо, а тоді Харьків зробився осередком розумового життя й українського літературного руху. На цілу російську Україну був тоді один універзітет у Харькові, а ректором універзітета був Гулак-Арте-

Перша сторінка українського часопису для інтелігенції „Сніп“ (1912).
ЦДІАК України, ф. 276, оп. 1, спр. 414, арк. 24.

Имея в виду, что в заключении автора имеются заведомо ложные сведения о деятельности правительства в лице своего Министерства народного просвещения, что такое заключение в связи с предпосылкою о блестящем некогда, до закрытия народных школ положении народного образования в Украине, возбуждает в украинском народе вражду к правительству, – я, наложив поему на этот номер журнала арест, имею честь просить Ваше высокородие возбудить против редактора журнала “Сніп” помощника присяжного поверенного Михаила Антоновича Беленького и автора статьи Гр. Бабенко уголовное преследование по п. 3 ст. 1034⁴ Улож[ения] о наказ[ании]^a, присовокупляя, что инкриминируемый номер журнала получил распространение.

Об определении суда прошу меня уведомить.

Два экземпляра № 43 журнала и перевод на русский язык статьи при сем прилагаются¹.

Инспектор по делам печати

ЦДІАК України, ф. 1680, оп. 1, спр. 295, арк. 2. Відпук. Машинопис.

№ 280

1912 р., листопада 3. Харків. –

**Донесення начальника Харківського губерньського
жандармського управління О. Н. Риковського директоріві
Департаменту поліції С. П. Белецькому про діяльність
українських культурно-освітніх товариств у Харкові
та на території Облaсті Війська Донського**

Совершенно секретно

В дополнение донесения от 19 января сего года за № 238² представляю Вашему превосходительству нижеследующие данные относительно украинского движения в г. Харькове и губерниях Юго-Восточного района.

Город Харьков. В марте сего года губернским по делам об обществах присутствием утвержден устав Украинского литературно-художественного и этнографического общества имени Гр[игория] Квитки-Основьяненко; 4 марта состоялось первое собрание (учредительное), а вслед за тем, 6 марта, состоялось заседание членов совета для избрания правления, причем избранными оказались: председателем – дворянин Константин Михайлович Бич-Лубенский, товарищем председателя – гражданский инженер Сергей Прокофьевич Тимошенко, секретарем – дочь купца Евгения Николаевна Рыкова (прослушавшая курс юридического факультета Харьковского университета) и казначеем Сергей Прокофьевич Дремцов (§ 3 сводки агентурных сведений по г. Харькову по украинскому движению за март сего года, представленной в Департаменте полиции 20 апреля сего года за № 2002).

¹ Див. у цій самій справі, арк. 8–11.

² Див. док. № 273.

Новое общество встретило самое сочувственное к себе отношение со стороны местной левой прессы (газеты “Южный край” и “Утро”^а).

Минувшим летом среди членов Общества возник план организации в Харькове постоянного украинского театра. За осуществление этого плана вначале горячо взялось правление Общества, пригласив для руководства художественной стороны дела известную украинскую артистку М. К. Заньковецкую, которая в августе сего года изъявила свое согласие стать во главе Харьковского украинского образцового театра; для заведывания театром был тогда же избран художественно-театральный совет, в состав коего вошли: упомянутые выше К. М. Бич-Лубенский и С. П. Дремцов и Гамаженко Александр Васильевич, инженер-технолог.

Театр предполагалось организовать на паях, и М. К. Заньковецкая, как сообщалось в местной прессе, посетила Петербург, где успела привлечь к делу организации украинского театра некоторых состоятельных украинцев, пожелавших стать пайщиками театра.

Таким образом, план устройства в Харькове украинского театра был близок уже к осуществлению, но в последнее время среди членов Украинского общества возникли по этому вопросу резкие разногласия (из-за материальной стороны дела), в результате коих вопрос о театре ликвидирован в отрицательном смысле.

Летом же среди местных украинцев возникло намерение соорудить в Харькове памятник поэту Т. Г. Шевченко; проект памятника был составлен местным скульптором Николаем Николаевичем Сабо, украинцем, явившимся также одним из инициаторов постановки памятника, но пока вопрос этот находится еще в области предположений.

Таковы были проявления украинского движения в области чисто культурной; переходя к политической стороне того же движения надо отметить роль издающегося с 1 января сего года в Харькове журнала “Сніп” (донесение от 19 января сего года за № 238), объединившего около себя наиболее оппозиционные украинские элементы.

Передовые статьи журнала “Сніп” проникнуты нескрываемой враждой к современному государственному строю России.

Журнал “Сніп”, а также украинские органы “Рада” (издается в г. Киеве) и “Діло” (издается в Галиции) несомненно способствуют подъему среди населения малороссийских губерний национального самосознания и возникновению сепаратизма и враждебного отношения ко всему русскому.

Украинофильство, возникнув вначале в интеллигентных слоях, теперь заметно демократизировалось и захватывает все более и более широкие полуинтеллигентные массы (конторщики, приказчики, учителя низших школ), в свою очередь являющиеся проводниками его в крестьянской среде, которая последние десятилетия под влиянием всеобщей воинской повинности, школы и других факторов быстро утрачивала свои национальные особенности и местами совершенно обрусела.

Украинское движение, возникшее как известно культурное течение, неминуемо в конце концов принимает политическую окраску и становится в оппозицию к существующему строю.

Наглядным доказательством изложенного может служить факт самостоятельного выступления украинцев при выборах в 4-ю Государственную думу, как в Харькове (донесения от 11 и 15 сентября сего года за №№ 4854 и 4922), так, по-видимому, и повсеместно на Юге России; выставяемая украинцами платформа заключает в себе ряд требований, клонящихся в конечном результате к полному культурному и экономическому отторжению от России украинских губерний и политической их автономии.

Весьма знаменательным фактом является то, что в украинских органах последнее время высказываются симпатии по отношению к Австрии, причем проводится взгляд, что Галиция является как бы украинским Пьемонтом (донесение мое от 23 октября сего года за № 5743).

Из числа губерний Юго-Восточного района украинское движение проявляется в заметной форме только в Области Войска Донского, где в Новочеркасске существует легализованная с 10 апреля 1907 г. украинская организация “Просвіта” (два экземпляра устава “Просвіты” при сем представляются), задачей которой является – “способствовать развитию украинской (малорусской) культуры и, главным образом, просвещению украинского народа, проживающего в пределах Области Войска Донского, на его родном языке” (выдержка из “Устава”); под влиянием “Просвіты” среди студентов-украинцев Донского политехнического института в конце минувшего года зародилась мысль об организации Студенческой громады, которая пока еще не сформировалась и советом института не легализована.

Агентурой Донского областного жандармского управления освещается деятельность как “Просвіты”, так равно и формирующейся Студенческой громады.

Борьба с украинским движением является крайне затруднительной, так как по внешности оно носит чисто культурный характер и таковым в действительности и является на первых стадиях своего возникновения; сепаративные же тенденции проявляются позже и обычно бывают замаскированы.

Сведения, касающиеся г. Харькова сообщены господину харьковскому губернатору.

Копия настоящего донесения препровождается (согласно заведенного порядка) за № 6022 начальнику Киевского охранного отделения.

Приложение: 2 экземпляра Устава общества украинцев “Просвіта”.

Подлинное подписал: генерал-майор *Рыковский*

Верно: ротмистр [i>нідпис]

ЦДАК України, ф. 276, оп. 1, спр. 414, арк. 35–37. Засвідчена копія. Машинопис.

1912 р., не раніше листопада 8¹. –

Довідка Міністерства внутрішніх справ про методи дезорганізації діяльності спільного комітету київських і полтавських гласних для спорудження пам'ятника Т. Г. Шевченку в м. Києві та збирання коштів для цього

Вопрос об увековечивании памяти Шевченко в 1914 г., по случаю столетия его рождения, постановкою памятника в Киеве, как видно из дел Департаментов полиции и общих дел, имеет важное политическое значение, в особенности в настоящее время, когда вожди украинофилов стремятся всячески распространять идеи сепаратизма среди малороссов и создать мазепинское движение (см. прилагаемую газетную вырезку²).

Из рассмотрения переписки по настоящему делу видно, что вопрос об открытии повсеместной в России подписки на сооружение в Киеве памятника Шевченко был возбужден впервые в 1901 г. Союзом взаимопомощи русских писателей при Литературном обществе и тогда к этому вопросу Министерство внутренних дел (по Департаменту общих дел) отнеслось отрицательно. Однако пропаганда идеи о сооружении памятника, очевидно, продолжалась, так как уже во второй половине 1904 г. очередные Золотоношское и Прилукское земские собрания возбудили перед министерством ходатайство о разрешении повсеместной подписки для сооружения в Киеве памятника Шевченко. Министерство внутренних дел (по Департаменту общих дел), не находя оснований к удовлетворению этих ходатайств “в полном объеме”, в 1905 г. признало возможным, согласно ст. 3 Пол[ожения о] зем[ских] учр[еждений]^a разрешить означенным земствам открыть для указанной цели сбор пожертвований лишь в пределах их уездов. Вслед за сим, ходатайство о повсеместной подписке было возбуждено Полтавским губернским земством очередной сессии 1905 г.

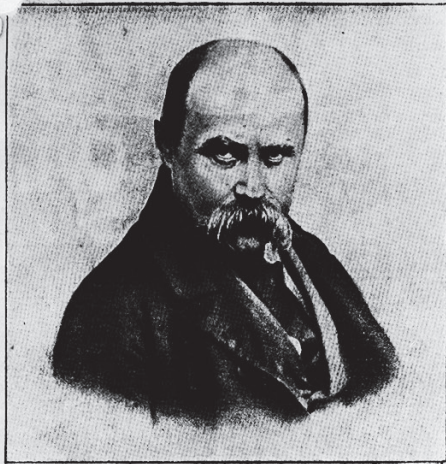
Данное министерством двум земствам разрешение, между прочим, побудило Комитет министров (положение 7 апреля 1906 г.) не согласиться с предположенным министерством отклонением приведенного ходатайства губернского земства, вследствие чего представление по сему предмету было возвращено господину министру “для дальнейших с его стороны распоряжений”.

Распоряжения министерства ограничились сообщением в апреле 1906 г. полтавскому губернатору, что губернскому земству разрешено открыть повсеместную, в пределах империи, подписку на сооружение в Киеве памятника Шевченко.

Киевская городская дума в 1905 г. со своей стороны, уполномочив городского голову исходатайствовать разрешение на открытие для той же цели повсеместной подписки, постановила войти в сношение с земствами Полтавским

¹ Датовано за датою виходу газети, про яку йдеться у документі.

² Див. у цій самій справі, арк. 42.

ТУТ ПРИЙМАЮТЬСЯ ЖЕРТВИ
— НА —
ПАМ'ЯТНИК Т. Г. ШЕВЧЕНКОВИ
В КИЇВІ.

За жертви видаються квитки.

Єсть квитки в 3 коп., 5, 10, 15, 20, 50 коп.,
1 р. і інші сумми, які складаються з зазначених.

Звертається до.....

Оголошення про складання пожертв на спорудження пам'ятника
Т. Г. Шевченку в Києві (1912).

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 662, спр. 501, арк. 1.

III

**Объединенный комитет по сооружению памятника Т. Г. Шевченко,
за неприсуждением на предыдущих конкурсах первой премii**

ОБЪЯВЛЯЕТ

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРСЪ

**На составление эскиза памятника Тарасу Григорьевичу Шевченко, пред-
назначенного къ сооружению въ г. Кіевѣ.**

На конкурсъ могутъ быть представлены скульптурныя модели.

Размѣръ моделей назначается $\frac{1}{10}$ натуральной величины.

Размѣръ фигуры желателенъ до двойного человеческого роста.

Поza и костюмъ поэта предоставляется фантази художника.

Стоимость всего памятника предполагается отъ 100 до 150 тысячъ рублей.

Материаль—бронза и камень.

Къ моделямъ должны быть приложены пояснительныя записки, съ показаніемъ идеи, выраженной памятникомъ и подробной стоимости пьедестала, фигуры и другихъ частей, со включеніемъ вознагражденія художнику за приготовленіе моделей въ натуральную величину всѣхъ скульптурныхъ частей памятника и за составленіе подробной смѣты и детального проекта.

Эскизы должны быть доставлены въ зданіе Кіевской Городской Управы **не позже 3-хъ часовъ по полудни 20 Декабря стараго стиля 1912 года. На эскизѣ долженъ быть девизъ, а въ запечатанномъ конвертѣ, подъ тѣмъ же девизомъ, долженъ быть адресъ имя, отчество и фамилія художника—автора эскиза.**

Премія назначается одна въ 3000 рублей.

Фамиліи участниковъ жюри могутъ быть сообщены Комитетомъ интересующимся.

Изъ представленныхъ моделей удостоенный преміи поступаетъ въ собственность Комитета, а непремированныя, съ нераспечатанными конвертами, возвращаются лицамъ предъявившимъ квитанціи о ихъ принятіи, причѣмъ Комитетъ можетъ, по соглашенію съ авторами, приобрести и не премированные проекты.

Модели, не взятыя обратно въ теченіи одного мѣсяца со дня засѣданія жюри поступаютъ въ собственность Комитета.

Конкурсъ считается, несостоявшимся, если представленные проекты рѣшеніемъ жюри не будутъ признаны удовлетворяющими преміи при наличности половины членовъ. большинствомъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, а при меньшемъ составѣ—большинствомъ $\frac{3}{4}$ голосовъ.

Мѣсто постановки памятника намѣчено на площади, въ центрѣ ея.

Предѣдатель Комитета,
Кіевскій Городской Голова **И. Дьяковъ.**

Секретарь Комитета,
Гласный Кіевской Городской Думы **И. Щитковскій.**

(См. на оборотѣ).

Оголошення про Третій міжнародний конкурс на ескіз пам'ятника
Т. Г. Шевченку в Києві (1912).

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 662, спр. 501, арк. 30.

губернским и Золотоношским уездным для объединения деятельности Комитета по сооружению памятника, а затем 27 сентября и 17 октября того же 1905 г. образовала этот комитет под председательством головы в составе избранных ею 10 городских гласных.

Ввиду такого положения дела очередное Полтавское губернское земское собрание 1907 г. поручило управе войти в соглашение с Киевским комитетом по вопросам о выборе места для памятника и об объединении мероприятий различных учреждений, участвующих в увековечении памяти Шевченко. Соглашение с объединенным киевским комитетом, при участии в нем председателя Полтавской губернской управы состоялось 6 октября 1907 г. После этого очередное губернское земское собрание 1908 г. избрало в состав комитета 10 губернских гласных, в качестве своих представителей.

Сбор пожертвований на памятник был открыт губернской земской управой в апреле 1908 г. и к 10 августа 1911 г. достиг 37700 р. процентными бумагами и 1517 руб. наличными. Деньги эти составляют Фонд имени Шевченко и губернская управа предполагает передать их киевскому комитету по решению Киевской городской думой вопроса об отводе места для памятника и по начатии работ по его сооружению.

Золотоношским же земством собрано на памятник 5508 руб., которые хранятся местной управой частью в государственной сберегательной кассе, частью же – в земской кассе мелкого кредита.

Сведения, касающиеся участия земства в этом деле заимствованы из подлинной переписки и представления полтавского губернатора 6 сентября с. г. за № 3297. Имеет ли в своем распоряжении Прилукское земство деньги, собранные им на памятник, а равно собирала ли деньги Киевская городская дума от своего имени – в деле не имеется сведений.

Усматривая из изложенных обстоятельств, что дело о сооружении памятника в Киеве в сущности возникло по почину чуждых г. Киеву учреждений, без предварительных даже сношений с городским управлением и притом без ведома местной администрации, и признавая выраженный некоторыми лицами протест против постановления памятника Шевченко в Киеве не лишенным, до некоторой степени, значения, – киевский генерал-губернатор письмом 19 июля 1911 г. № 7984 просит господина министра сделать распоряжение о приостановлении деятельности Соединенного киевского комитета по сооружению памятника, впредь до исходатайствования городским управлением разрешения в установленном порядке на сооружение им проектируемого памятника.

Предварительно обсуждения возбужденного киевским генерал-губернатором вопроса по существу, нельзя не отметить, что положение настоящего дела осложнилось исключительно потому, что разрешение министерства Золотоношскому и Прилукскому земству производить сбор пожертвований на памятник Шевченко в Киеве последовало при отсутствии сведений о том, согласна ли Киевская городская дума на постановку этого памятника, какая сумма необходима для осуществления идеи о памятнике, в течении какого срока предполагается собрать нужные деньги, на кого будет возложено заведывание делом сооружения памятника и т. д.

Все эти сведения при разрешении повсеместного сбора пожертвований на увековечение памяти лиц, ознаменовавшихся на поприще общественной деятельности, литературы, искусства и т. п., имеют существенное значение, так как едва ли, с государственной точки зрения, можно допустить постановку в городах лицам этой категории таких памятников, которые по величию своему, зависящему от суммы сбора и времени, в течение которого сбор производится, могут затмить в тех же городах памятники особ царствующего дома.

Возвращение Комитетом министров представления об отклонении ходатайства земства господину министру для дальнейших с его стороны распоряжений, несомненно должно было вызвать предложение губернскому земству представить министерству на утверждение проект положения о сборе повсеместно денег, с указанием в течении какого времени, в каком порядке и через каких лиц и учреждений сбор может производиться, предельной суммы, необходимой для сооружения памятника, кем должен быть образован и в каком составе Комитет по сооружению памятника и др.

При отсутствии такого утвержденного правительством положения, административная власть фактически лишена возможности осуществлять надзор за поступлениями собираемых денег по назначению и пресекать обычные при подобных сборах злоупотребления.

Переходя к обсуждению существа вопроса необходимо отметить, что разрешение на открытие повсеместно подписки по сбору денег было дано только Полтавскому губернскому земству, вследствие чего все распоряжения по сему предмету могли исходить только от губернского земства, а следовательно последнему должна была принадлежать инициатива учреждения Комитета по сооружению памятника. Определение же состава Комитета с участием в нем представителей земств и других губерний, городских общественных управлений и других учреждений для объединения мероприятий по увековечению памятника Шевченко зависело исключительно от правительственной власти, так как по закону земские учреждения ограничены в праве образовывать какие-либо организации для объединения деятельности земств и учреждений, в территориальном отношении им неподведомственных, или присоединяться к другим организациям, подобным образованному Киевской городской думой Объединенному комитету. Изложенные соображения, касающиеся прав земств, применимы и к городским общественным управлениям.

Киевская городская дума могла открыть подписку для сбора пожертвований на памятник только по уполномочию Полтавского губернского земства, а не самостоятельно, так как думе правительством не было дано разрешения на производство этого сбора, и все собранные деньги должны были препровождаться по принадлежности в Полтавскую губернскую земскую управу. Одновременно с разрешением трем земствам сбора на памятник, министерство, хотя и не встретило препятствий к постановке его в Киеве, однако, из этого еще не вытекает для городской думы права учреждения комитета для сооружения памятника. Таким образом, с точки зрения закона Киевская городская дума не имеет права принимать какое-либо участие в данном деле, кроме сбора пожертвований, и то только если она получила полномочие от земства.

В виду сего, постановление Киевской городской думы об образовании Комитета по сооружению памятника, как состоявшееся по предмету, не подлежащему его¹ ведению (так как в данном случае образование ею этого комитета представляется преждевременным), за силой ст. 193 Общ[их] учр[еждений] губ[ернских] не подлежало, как противное закону и потому недействительное ни исполнению, ни дальнейшему производству.

При таком положении существование и деятельность Объединенного киевского комитета представляются также незаконными, и следовательно в данном случае может возникать лишь вопрос о полном его упразднении, а не о временном приостановлении его деятельности, как полагает киевский генерал-губернатор, так как комитет в отношении нынешнего состава может и не соответствовать тем условиям, на которых министерством будет разрешено образование его по ходатайству Киевской городской думы, помимо же сего и цель, преследуемая приостановлением действия комитета, едва ли будет достигнута.

По всем этим соображениям киевскому генерал-губернатору следовало бы сообщить, что ему надлежит ныне же распорядиться представлением Правительствующему Сенату об отмене постановления Киевской городской думы об образовании Комитета по сооружению памятника, с указанием, что министерством будет оказано содействие к скорейшему разрешению Сенатом дела.

С отменой же означенного постановления Думы все постановления Полтавского губернского земства об участии его представителей в Киевском комитете сами собою падают, а потому, казалось бы, и эти постановления не вызывают особых распоряжений.

За сим по настоящему делу возникают вопросы: 1) не следует ли полтавскому губернатору обревизовать действия губернской управы по производству повсеместного сбора денег на памятник в целях выяснения, были ли управой приняты меры к обеспечению действительного поступления денег по назначению от мест и лиц, которым были даны полномочия на производство сбора; 2) не представляется ли своевременным Департаменту общих дел войти в обсуждение вопроса о прекращении действия данного министерством Полтавскому губернскому и Золотоношскому и Прилукскому уездным земствам разрешения на сбор денег.

ЦДДАК України, ф. 442, оп. 662, спр. 501, арк. 43–45. Копія. Машинопис.

¹ ee

1913 р., грудень. Кам'янець-Подільський. –
Агентурна записка про український рух у Подільській губернії,
підготовлена для губерньського жандармського управління

Совершенно секретно

Украинское или мазепинское движение в общем в исследуемой местности протекает весьма слабо, во всяком случае слабее, нежели в соседней Киевской и затем Полтавской губернии.

Объясняется это двумя причинами: во-первых, историческое прошлое населения Подольской губернии несколько разнится от прошлого названных их соседей; население Полтавской и Киевской губерний составляют потомки тех свободолюбивых воинственных казаков, которые некогда там жили и которые вели борьбу не на живот, а на смерть за свою самостоятельность; эта складка исторической жизни не могла не отразиться и на потомках, среди коих пропаганда мазепинства находит сравнительно благоприятную почву. Население же Подольской и смежной с ней Волынской губерний почти не освобождалось от польского владычества, привыкло к рабскому ярму, освоилось с панщиной и сознание своей самостоятельности постепенно в нем атрофировалось.

Когда историческое колесо повернулось и Подолия вошла в пределы единого Русского государства, население ее по-прежнему осталось покорным тому, кто всегда считался по праву ее владычицей – России^а. Никаких особых свободолюбивых стремлений в сердцах этого населения не замечалось.

Мало того, для огромного количества современных подолян вопрос об их историческом прошлом и национальном самосознании, по-видимому, не существует, так как в большинстве случаев они даже не разбираются, кто они, русские, малороссы или кто-нибудь иной. Называют они себя просто “мужиками”. Таким образом эта бледность национального самосознания является первой причиной слабого развития, в данной местности украинского движения.

Другим обстоятельством, служащим причиной того же явления, следует считать отсутствие в Подолии таких крупных просветительных центров, как г. Киев, где концентрируются довольно сильные и жизнеспособные украинские кружки и организации. Последние находятся в несомненной связи со своими галицкими собратьями и как истые утописты мечтают об образовании своего самостоятельного государства “Украины”, отдельно от России. Одним из носителей этой скрытой идеи сепаратизма служит общество “Просвита”, которое разбросало свои отделы по всей Малороссии, а отдельные члены ее живут в разных местах и Подольской губернии. Общество это легальное, поэтому члены его преследованию не подлежат. О принадлежности их к обществу “Просвита” не всегда легко заключить, так как этому мешает довольно значительное количество так называемых пассивных украинцев, т. е. людей, ни к какому обществу не принадлежащих, но питающих склонность к украинской старине, к малорусским песне, театру, одежде, языку и проч. Так как внешние проявления этой симпатии вполне тождественны с внешними проявлениями

деятельности активных членов украинских кружков, то смешать их очень легко и отметить последних очень трудно.

Главный контингент, где украинское движение наиболее прививается, — это так называемая полуинтеллигенция или же “третий земский элемент”, как то: фельдшера, волостные писаря, их помощники, сельские учителя, экономические служащие и проч. Существуют, конечно, украинские ячейки и в более высокой среде, как то среди докторов, священников, чиновников и проч.

Несомненно, существует некоторое сознательное украинское течение и в глубине народных масс, но оно сравнительно чрезвычайно редко; к нему относятся наиболее культурные члены крестьянского общества, часто принесшие украинофильскую заразу из больших центров, куда они случайно попали. Среди таких лиц встречаются довольно талантливые люди, не чуждые литературной деятельности.

В Брацлавском уезде есть богатое село Чуков, сыгравшее видную роль в минувшем освободительном движении. У крестьян этого села можно встретить в хатах портреты Шевченка, Квитки-Основьяненка, Котляревского и других украинских писателей, а также книжки на украинском языке. Украинофильство там насажено б[ывшим] заведующим учительской школой (школа для подготовки сельских учителей) Калистом Лукашевичем. Главным и ревностным его помощником в этом деле был местный молодой крестьянин Павел Околита, пользующийся среди своих односельцев огромным влиянием, благодаря чему он был избираем выборщиком во все 4 Государственные думы. Богато одаренный, недюжинного ума, Околита является убежденным украинцем и несмотря на то, что он русский язык знает, так как знаком с русскими классиками, в разговоре с официальными лицами старается говорить на малорусском наречии. Там же живет поэт-крестьянин Забияченко, печатающий свои стихи на малорусском наречии в периодических изданиях. (Поэзия его носит глубоко нравственный характер и читается очень легко).

В настоящее время в некоторых глухих селах и местечках местные любители, среди коих бывают и крестьяне, устраивают любительские спектакли на малорусском наречии. То же наблюдается и в городах, где этим обыкновенно занимается мелкое чиновничество. Спектакли эти чередуются иногда с концертами украинской музыки и пользуются среди местного населения большой популярностью. Публика, а в том числе и крестьяне, посещают эти зрелища очень охотно. Вполне возможно допустить, что развлечения эти сами по себе невинного характера и, быть может, по своим несложным фабулам и близости к местной жизни более понятны крестьянам, [неже]ли¹ что-либо другое.

Замечено, что гастролы малорусских трупп даже в таких крупных городах, как Каменец-Подольск и Винница, пользуются заметным сочувствием публики. И в то время, когда русские спектакли сборов не делают, малороссы делают недурные дела.

Возможно, что среди населения больших городов есть немало пассивных украинцев, стремящихся поддержать свое родное, но вполне также допусти-

¹ Текст пошкоджено.

мо, что качество игры артистов в несложных малорусских пьесах, красивая песня и непременно танцы увлекают публику совершенно индифферентную к украинской национальности. Гастроли же корифеев украинской сцены, вроде Саксаганского, вызывают в переполненном театре значительный подъем настроения, а бенефис его проходит среди бури оваций и чтений адресов, речей и банкетов на малорусском языке.

Объяснить окончательно причину этого явления весьма трудно, не рискуя впасть в ошибку. Несомненно в этих случаях мобилизируются все наличные украинцы, которых поддерживают пассивные; все это наряду с захватывающей игрой артиста увлекает всю массу публики на путь восторженных приветствий и оваций. Следует отметить, что польское и еврейское население посещает такие зрелища охотно.

Время от времени в исследуемой местности попадаются прокламации на украинском языке Украинской социал-демократической рабочей партии – “Спилка”, но прокламации эти трактуют вопросы общеполитического характера по программе, доступной разве сравнительно культурной среде фабричных рабочих, почему успеха особого не имеют.

Литература, обслуживающая местное крестьянское население, довольно убогая, причем особой разницы между русской и малорусской крестьяне не делают, хотя все же предпочитают малорусскую, как более доступную и по духу и по наречию. Наибольшим успехом пользуются у них сборники украинских песен.

Никаких реальных указаний на воздействие австрийского правительства на националистическое движение украинцев в Подолии для образования самостоятельного государства путем поддержки Австрии в войне с Россией не наблюдалось.

Если и велась какая-либо пропаганда путем рассылки прокламаций, то в данном случае националистический вопрос был отодвинут на задний план, а крестьянскому населению были обещаны льготы в податном отношении и награда за присоединение к Австрии в виде надела землей. Как на пример такого явления можно указать на попытку пропаганды крестьян[ина] Балтского уезда Тимофея Савчука не являться на мобилизацию до нарезки новой земли.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что огромная масса местного населения в смысле украинофильского движения вполне благополучна; если же существуют симптомы этого движения в отдельных местностях, то они настолько незначительны, что особой пока тревоги вызывать не могут.

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 1, спр. 1535, арк. 56–58. Копія. Машинопис.

№ 283

1914 р., січня 16. Москва. –

Повідомлення начальника відділення з охорони громадської безпеки і порядку в м. Москві виконуючому обов'язки начальника Подільського губернського жандармського управління про українофільську агітацію священиками Балтського повіту Подільської губернії

Совершенно секретно

Мною получены негласным путем сведения, что в районе Балтского уезда Подольской губернии рядом священников ведется агитация в украинофильском (мазепинском) духе и распространяется агитационного характера литература.

В частности, священник с. Слободзеи Шаравский¹, будучи законоучителем местной школы, ведет занятия с детьми на малороссийском языке, развивает в них дух сепаратизма и снабжает их из имеющейся у него библиотеки нелегальной, на малороссийском языке, литературы – соответственного содержания брошюрами. Помимо этого во время богослужения он пропускает молитвословия за государя императора и царствующий дом, а летом минувшего года служил панихиду по малороссийским гетманам.

Священник с. Тимкова Гриневич, бывший член Государственной думы первого созыва, ближайший друг и единомышленник Шаравского, действует согласно с ним, агитируя в том же духе в своем районе.

Неизвестный по фамилии священник, проживающий в с. Писаревке и состоящий духовным следователем совместно с благочинным Демьяновичем покрывает их преступную деятельность, представляя епископу заведомо ложные сведения о деятельности Шаравского и Гриневича.

Сообщая об изложенном, прошу о последующем уведомить для оценки лица, давшего эти сведения.

Подполковник [нідпис]

Резолюція: Справку доложить [нідпис]

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 2, спр. 122, арк. 2. Оригінал. Машинопис.

¹ У док. № 295 також Шаровский

№ 284

1914 р., січня 24. Київ. –

Циркуляр попечителя Київського навчального округу О. М. Деревицького начальникам середніх навчальних закладів і директорам народних училищ про заборону учням брати участь у заходах з відзначення ювілею Т. Г. Шевченка

Как усматривается из газетных сообщений, различные городские и земские управления, вырабатывая план предстоящего 25 февраля сего года празднования столетней годовщины рождения малорусского поэта Т. Г. Шевченко, предполагают привлечь к этому празднованию в той или иной форме также и народную школу. Так, например, имеется в виду в день юбилея организовать в городских и земских училищах раздачу учащимся избранных произведений чествуемого поэта (так наз. “Малый Кобзарь”), его портретов и жизнеописаний, устраивать публичные акты с соответствующими речами и чтениями, в театрах давать торжественные представления с приглашением на эти представления, между прочим, и учащихся и т. п. При наличности таких предположений и принимая во внимание, что областное наречие русского языка, на котором писал Шевченко, не служит ни орудием, ни предметом преподавания в русской школе, а его жизнь, личность и творчество не содержат в себе материала, который бы отвечал ее задачам и мог бы быть с пользой введен в курс школьного изучения, я не нахожу никаких оснований для разрешения учащимся принимать участие в юбилейном чествовании памяти названного поэта. Поэтому покорнейше прошу Вас, милостивый государь, не допускать как распространения тенденциозной украинской юбилейной литературы среди учащихся, так и вообще каких либо отступлений от обычного хода будничной учебной работы в день Шевченковского юбилея во вверенном Вам учебном заведении (вверенной Вам дирекции народных училищ).

Подл[инное] подп[исал] попечитель округа *А. Деревицкий*
Скр[епил] правитель канцелярии *В. Иванов*
Верно: за столоначальника [підпис]

ЦДІАК України, ф. 707, оп. 256, спр. 265а, арк. 15. Засвідчена копія.

№ 285

1914 р., не пізніше лютого 25¹. Санкт-Петербург. – Звернення О. Г. Лотоцького до цензурних органів щодо дозволу на повне видання творів Т. Г. Шевченка без купюр

В конце 1905 г. ввиду изменившихся цензурных условий действительный т[айный] сов[етник], сенатор, статс-секретарь А. Н. Маркович обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении к печати

¹ Дату встановлено за змістом документа.

тех из запретных произведений Шевченка, кои за давностью времени, к какому относится их содержание, сохранили лишь историко-литературное значение и уже не могут считаться вредоносными.

Цензурное ведомство по рассмотрению представленного сенатором Марковичем экземпляра сочинений Шевченка заграничного издания нашло возможным дозволить к печати все необращавшиеся до того в России произведения Шевченка без всяких исключений, по-видимому признав этого автора во всей полноте принадлежащим отдаленному прошлому и ни в какой мере не опасным для умов современного населения нашего отечества.

И действительно вышедшие в свет на основании цензурного разрешения издания “Кобзаря” Шевченка с 1907 по 1911 г. свободно обращались на книжном рынке, и цензурное ведомство во все это время не встречало поводов изменить свое отношение к автору “Кобзаря” и тем его произведениям, которые впервые получили доступ к русскому читателю.

Только в 1911 г., незадолго до наступления 50-летия со дня смерти Шевченка цензурное ведомство изменило свою точку зрения и возбудило дело об изъятии из “Кобзаря” целого ряда мест и полных пьес, имеющих, по мнению ведомства, характер нарушений уголовного уложения. Дело это, разрешенное С[анкт-]П[етер]б[ургской] судебной палатой согласно предложению цензурного ведомства, в настоящее время перед Сенатом.

Судебной палатой отмечено [...] ¹ произведений Шевченка заключающих признаки преступлений против статей 731, 742 и 1283 [...] и потому подлежащих исключению из конфискованных изданий “Кобзаря” и недопустимых к печати на будущее время.

Не отрицая того, что некоторые из отмеченных палатой произведений действительно местами имеют характер резко отрицательной оценки отдельных верховных руководителей русской внутренней политики, – как Петр I, Екатерина II и Николай I, – представитель интересов издателей находит, что в данном случае судебною палатою недостаточно были оценены те смягчающие условия, которые побуждают применять к творчеству Шевченка более широкие мерки.

Основным мотивом этого творчества была глубокая, страстная ненависть к крепостному праву, в освещении которого Шевченку рисовался весь административный и общественный строй его времени. Вся силу своего чувства он влил в те произведения, которые касались этой язвы дореформенной России. Отсюда та нездержанность и резкость, которую Шевченко вносил в характеристики носителей власти, деятельность которых, по его мнению, санкционировала дефекты государственного устройства.

Та же исходная точка несомненно руководила творчеством Шевченка и в тех произведениях, в которых высказываются враждебные отношения к русской государственности вообще. Исторический ход развития крепостного права на родине Шевченка – Украине – внушил ему идею протеста против порабощения Украины, а личные переживания, трагизм положения выкупленного

¹ Тут і далі у тексті пропуски.

раба, не имеющего сил и средств для освобождения своих близких, – усилили страстность этого протеста до высшей степени.

Но мы знаем, что негодование против крепостного права и поддерживающей его власти вдохновляла не одного Шевченка. Радищев и Новиков были его предшественниками, Герцен – его современником. Произведения этих авторов также в свое время считались противными государственному строю, их имена для тогдашнего правительства звучали революционным призывом, и тем не менее в настоящее время русское общество имеет возможность свободно читать эту “крамольную” литературу и оценивать ее исключительно как исторический материал, как произведения крупных русских людей большого таланта и высокого духа. Вредного влияния перечисленных авторов никто более не опасается, так как 19 февраля 1861 г. исчез самый объект их ненависти и протестов – крепостное право.

Эту точку зрения, казалось бы, следует прилагать и к произведениям Шевченка рассматривая их только в качестве историко-литературного материала. Нельзя упускать из виду, что со дня смерти Шевченко минуло более 50 лет, а со дня рождения – почти 100 лет. В перспективе далекого прошлого многие резкости Шевченка, его крики отчаяния и проклятия по адресу предполагаемых виновников строя, в котором он видел воплощение высшей несправедливости, – представляются уже в поблекших красках, не оставляя и толики того впечатления, которое, вероятно, творчество Шевченко производило на современников. А между тем полное изъятие этих мест из текста сочинений Шевченка лишает русское общество ценного материала для характеристики одного из крупнейших и талантливейших русских самородков. Этим по всей вероятности и следует объяснить почему сенатор Маркович счел возможным просить о разрешении полного собрания сочинений Шевченка, а высшее учреждение цензурного ведомства сочло своевременным такое разрешение дать.

По этим соображениям представитель интересов издателя “Кобзаря” Шевченка ходатайствует о сохранении в тексте инкриминированных произведений Шевченка всех тех мест, которые заключают осуждение исторических деятелей отдаленного прошлого или имеет характер неопределенно-общего порицания современного Шевченку строя, устранив лишь в согласии со ст. 1076 и 128 Уст[ава] угол[овного] судопр[оизводства] резкости личного характера с заменой их точками, как это делается обыкновенно по отношению к выдающимся авторам, каждым словом которых общество имеет основания дорожить.

Те из произведений Шевченко, которые осуждены палатою за нарушение статей 73 и 74 Уст[ава] угол[овного] судопр[оизводства] при более снисходительном отношении могли бы быть также сохранены в своих нейтральных частях с ограничением изъятий лишь узкими рамками отдельных слов и выражений, не отвечающих требуемому законом уважению к религиозным темам и предметам.

1) В этом смысле особенного внимания заслуживает поэма “Мария” – одна из лучших поэм Шевченка, которая между тем навлекла на себя крайне суровое осуждение судебной палаты, постановившей целиком изъять это про-

изведение из “Кобзаря”. В мировой литературе не много найдется поэтических творений, проникнутых столь искренним и глубоким религиозным чувством с таким благоговением трактующие евангельскую тему как “Мария” Шевченко. Шевченко был глубоко религиозный человек и если настроение политического протеста приводило его в отдельных случаях к разным выходкам и против официальной церковности, то в “Марии” он этим не провинился. Чистым, святым и прозрачным рисуется в этой поэме образ девы Марии, молитвенным настроением дышет каждое слово автора, и лишь предубежденный взор мог бы найти в “Марии” оскорбительное отношение к религиозному сюжету. Действительно трактовка этого сюжета носит разночитательный характер. Но разве мы не ушли уже далеко от тех времен, когда “Жизнь Иисуса” Ренана была запретною книгою? В наше время она даже не вызывает к себе интереса и безуспешно предлагается прохожим за дешевую цену уличными продавцами. Между тем у Ренана тот же сюжет разработан гораздо вульгарнее и грубее.

Во всяком случае при самой строгой оценке поэмы Шевченка, вполне достаточно было бы во избежание соблазна изъять полторы строчки в конце 2-й главы: “І гость за нею, і в ярочку догнав Марію”. Все остальное в “Марії” может лишь усилить и углубить религиозное чувство в читателе¹.

ЦДІАК України, ф. 1225, оп. 1, спр. 75, арк. 1–7. Чернетка.

№ 286

1914 р., не пізніше лютого 25². Київ. – Відозва Загальнокоаліційної ради вищих навчальних закладів Києва із закликом до проведення політичного страйку в день 100-річного ювілею Т. Г. Шевченка

“Вставайте – кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю волю окропіте!”
“Боритесь – поборите!”

Товарищи!

Приближается день столетия со дня рождения великого поэта-революционера Тараса Шевченка. И это не простой юбилейный день памяти великого поэта. Это – день более глубокого юбилея, – юбилея огненного социально-демократического и национального протеста, который бросил мужик, гений украинского народа. День Шевченка – 25 фев[раля] – день праздника революционно-классового и национального самосознания народов, запертых [в] бюрократически-централизованной, полицейско-руссификаторской России.

¹ У цій самій справі О. Г. Лотоцький подав перелік 21 вірша Тараса Шевченка і висловив пропозиції щодо друкування вилучених з них судовою палатою місць. Додав також кошторис видання “Кобзаря”.

² Датується за змістом документа.

«Вставай же — кандаи порвіте,
«Бражю злою кровью водою кривоіте!»
«Борітеся — повори!»

Товарищи!

Присближається день ювілея сього рожденія великого поета-революціонера ТАРАСА ШЕВЧЕНКА. И это не простой юбилейный день памяти великого поэта — это день более глубокого юбилея — юбилея огненного социально-демократического и национального протеста, который бросил мужик, гений Украинского народа. День Шевченка — 25 фев. — день праздника революционно-классового и национального самознания народов, запреты бюрократически-централизованной, полицейско-русификационной России. Бэками угнетенная украинская трудящаяся масса крестьянства сказала свое революционное слово устами Шевченка. И слово это загорелось огнем, промчалось по Украине и вышло далеко за пределы ее, было востребовано, мертво и не родившись, сильными духом, крепкими силами, мощными боевыми протестом. Мы были свидетелями массового пробуждения демократии, активного ее выступления, непродолжительной победы. И теперь снова стоим в полосе господства беснующего разгула реакционных сил. Тяжелая рука господствующей, придавила свободную, даже чисто культурную самостоятельность демократии, безудержный бюрократический централизм придушил не государственную народности России. Но и наши силы растут, лозунги популяризируются и параллельно с этим демократия организовывается и готовится к революционному выступлению. Товарищи! Мы призываем вас к политической забастовке 25 февраля в знак протеста. Пусть Шевченковский день станет днем революционного протеста против политики всеобщего душиительства и изгибающих форм современного бюрократического режима.

Долой национальный гнет и да здравствует автономия каждой национальности!
Да здравствует вторая Российская революция!
Да здравствует социализм!

Обще-Колл. Совету Исш. Чл. Зав.
г. Киев. Февраль. 1914г.
Выпущено 5.000 экз.

Відозва Загальнокоаліційної ради вищих навчальних закладів м. Києва. 1914 р. Док. № 286.

Веками угнетенная украинская трудящ[аяся] масса крестьянства сказала свое революционное слово устами Шевченка. И слово это загорелось огнем, промчалось по Украине и вышло далеко за пределы ее, будя всех “живых, мертвых и неродившихся”, сильных духом, крепких силами, мощных боевым протестом. Мы были свидетелями массового пробуждения демократии, активного ее выступления, непродолжительной победы. И теперь снова стоим в полосе господства бешеного разгула реакционных сил. Тяжелая рука господствующих придавила свободную, даже чисто культурную самодеятельность демократии, безудержный бюрократический централизм придушил негосударственные народности России. Но и наши силы растут, лозунги популяризируются и параллельно с этим демократия организовывается и готовится к революционному выступлению.

Товарищи! Мы призываем вас к политической забастовке 25 февраля в знак протеста!

Пусть Шевченковский день станет днем революционного протеста против политики всеобщего душительства и изгнывающих форм современного бюрократического режима.

Долой национальный гнет и да здравствует автономия каждой национальности!

Да здравствует вторая российская революция!

Да здравствует социализм!

Обще-коал[иционный] совет высш[их] уч[ебных] зав[едений]

ЦДІАК України, ф. 274, оп. 1, спр. 3275 ч. 1, арк. 125. Гектограф. прим.

№ 287

1914 р., лютого 28. Київ. –

**Донесення начальника Київського губернського
жандармського управління О. Ф. Шределя директорові
Департаменту поліції С. П. Белецькому про проведення
студентами вищих навчальних закладів Києва демонстрації
на честь 100-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка**

Секретно

Доношу Вашему превосходительству, что 24 февраля сего года, накануне 100-летия дня рождения Шевченко, во всех высших учебных заведениях г. Киева были разбросаны на трех языках: русском, малороссийском и польском, прокламации Коалиционного совета высших учебных заведений с призывом к забастовке на 25 февраля.

В этот день в Университете Св. Владимира большинство лекций не состоялось за отсутствием слушателей, а те лекции, которые состоялись, прошли при ограниченном числе слушателей. Инцидентов в университете никаких не происходило.

В Политехническом институте к 11 часам начавшиеся кое-где лекции и практические занятия прекратились, и к 12 часам в институте никого из студентов не осталось.

На Политехнических курсах Перминова обычные лекции и занятия были отменены.

На Высших женских курсах большинство лекций не состоялось за отсутствием слушательниц.

В Коммерческом институте с утра стало замечаться необычное стечение студентов, которых было зарегистрировано 1800 с лишним человек. Чтение лекций в аудиториях происходило до 11 часов при незначительном числе слушателей, но затем они прекратились, и в коридоре и на лестнице института собралась толпа студентов в 200 с лишним человек, которая стала петь “Вечная память” и разбрасывать прокламации. По просьбе администрации института в здание был введен наряд полиции, при появлении которого студенты разбежались по аудиториям, но часть их была переписана и отпущена.

В то же время чинами полиции было получено сведение, что у Владимирского собора, расположенного против института, учащимися высших учебных заведений устраивается уличная демонстрация, ввиду чего наряд полиции, за исключением двух околоточных надзирателей и 7 городских, был выведен на площадь.

Воспользовавшись этим случаем, студенты вновь появились толпой на лестницах и коридоре, где и запели “Вечную память”, двинувшись к выходу здания института. Вмешавшиеся в толпу студентов студенты-академисты были избиты демонстрантами.

В это же время, около 12 часов дня, во Владимирском соборе и на площади около него стали группироваться студенты и курсистки высших учебных заведений, которые нарядом полиции были удалены как из собора, где они в отсутствие духовенства начали петь “Вечную память”, так и с площади. Появившиеся в то же время из института с пением “Вечная память” студенты были окружены нарядом полиции и часть из них, в числе 20 человек, была арестована, а другие, бросившись на здание института, разломали в коридоре контрольную будку с входными билетами, которые разобрали, а затем стали поодиночке выходить на Соборную площадь. Здесь со стороны учащихся высших учебных заведений было несколько попыток сгруппироваться, но каждый раз они были рассеиваемы нарядом полиции.

В Софиевский кафедральный собор с 10-ти часов утра начала собираться молодежь высших учебных заведений, которая после богослужения обратилась к духовенству собора с просьбой отслужить панихиду по Шевченко, но получила отказ и разошлась.

В начале 1-го часа дня вся учащаяся молодежь, находившаяся у Владимирского собора, разными улицами стала стекаться к городскому театру, где, смешавшись с толпой, запрудила все тротуары, двинулась по Владимирской улице к Софиевскому собору. У памятника Св. Ирины демонстранты были остановлены полицейскими нарядами. В разных частях движущейся толпы возникало пение “Вечная память”, но каждый раз группы эти были рассеиваемы наряда-

ми полиции, при чем замеченные в пении арестовывались. Двинувшаяся от памятника Св. Ирины толпа группировалась около Золотоворотского сквера, на углу Прорезной и Владимирской улиц, но и здесь была рассеиваема нарядом полиции и казаков.

В таких демонстративных выступлениях учащейся молодежи, выражавшихся в пении “Вечная память”, прошло до 3-х часов дня, при чем эти выступления с Владимирской улицы были перенесены на Прорезную, Пушкинскую, Фундуклеевскую, а затем – на Крещатик.

Около 3-х часов дня на Крещатике с Прорезной ул. появились члены общества “Двуглавый орел” во главе со студентом Голубевым, которые с пением “Спаси, Господи, люди твоя...” и народного гимна дошли до памятника Столыпина, и здесь Голубевым был поднят над толпою национальный флаг, но полиция, находившаяся в этом месте, отобрала от него флаг, а манифестантов отгеснила за здание Городской думы, откуда они по Софийской улице отправились к памятнику Богдана Хмельницкого, где Голубев произнес речь, а затем двинулся по Владимирской улице к городскому театру.

По пути манифестанты, взяв в одном из писчебумажных магазинов портрет государя императора, вынесли его на улицу, где пропели несколько раз “Народный гимн”^а. Дальнейшее шествие манифестантов было остановлено полицией, направившей их обратно по Владимирской улице.

26 февраля с утра в Киевском политехническом институте и других высших учебных заведениях были разбросаны гектографированные листки с призывом явиться к 11 часам дня на Б[ольшую] Васильковскую улицу к новому костелу для устройства демонстрации.

К назначенному времени и появилась учащаяся молодежь на Большой Васильковской улице у костела в большом количестве, где они послали к настоятелю костела делегатов с просьбою отслужить панихиду, но в этом им было отказано.

Прибывший наряд полиции и казаки отгеснили всю собравшуюся молодежь к Троицкому народному дому, а оттуда толпа молча дошла до Мариинско-Благовещенской улицы, где, быстро сгруппировываясь, стали петь “Вечная память”, но были рассеяны казаками. На Мариинско-Благовещенской улице демонстранты опять пробовали несколько раз сгруппировываться и петь, но попытки эти быстро подавлялись казаками и чинами полиции, после чего в этом районе порядок не нарушался в течении всего дня, а вся учащаяся молодежь, а за нею и толпы народа прошли разными улицами на Фундуклеевскую к городскому театру, но выступлений не было.

К этому же времени прибыл сюда студент Голубев с небольшим количеством своих сторонников, членов общества “Двуглавый орел”, которые стали петь “Спаси, Господи, люди твоя...” и “Народный гимн”. На это пение со стороны демонстративно настроенной молодежи последовал свист и пение “Вечная память”. Между манифестантами и демонстрантами произошла драка. Подоспевшим нарядом полиции толпа была рассеяна, но демонстранты вновь сгруппировались на углу Фундуклеевской и Владимирской улиц в

количестве до 1000 человек и снова запели “Вечную память”, но опять были рассеяны нарядом казаков и полиции.

Наступившее после этого затишье через некоторое время было вновь нарушено появлением на Владимирской улице студента Голубева, который с группой своих сторонников с национальным флагом в руках стал петь “Народный гимн” и молитвы, а на противоположной стороне улицы стали быстро собираться демонстранты, певшие “Вечная память”, которые и были рассеиваемы казаками и полицией.

Появившийся после этого на Пушкинской улице Голубев со своими сторонниками вступил опять в драку с демонстрантами, которыми у него был вырван из рук флаг и изорван.

К 4-м часам дня, после удаления Голубева, всякие выступления на улице прекратились и порядок не нарушался.

27 февраля в городе прошло все спокойно и выступлений со стороны демонстрантов никаких не было.

Полковник *Шредель*

С подлинным верно: капитан [підпис]

ЦДІАК України, ф. КМФ-8, оп. 2, спр. 1, арк. 35–37. Засвідчена копія. Машинопис.

№ 288

1914 р., березня 17. Полтава. –

Донесення начальника Полтавського губернського
жандармського управління В. Е. Зейдліца губернаторові

О. К. Багговуту про проведення вечора пам'яті

Т. Г. Шевченка у Полтаві

Лично
Секретно

Доношу Вашему превосходительству на благоусмотрение, что вчера, 16-го сего марта в зрительном зале просветительных зданий имени Гоголя во время чествования юбилея Шевченко при исполнении хором и солистом Цесевичем, переложенного на музыку стихотворения Шевченко “Заповіт”, все зрители, за исключением немногих лиц, дважды вставали и слушали исполнение стоя. Среди лиц встававших особенно выделялись: городской голова Заньковский и все гласные думы, присутствовавшие в театре, а также состоящий на государственной службе старший врач 9-й пехотной дивизии, статский советник Шпейер. Исполнители пропели “Заповіт” тоже стоя, при чем заметно было, как хористы подталкивали друг друга, понуждая сидящих встать. Среди других исполнителей выделялся состоящий на государственной службе чиновник Полтавского отделения Государственного банка Орел (фамилия по сцене Степняк), который позволил себе выйти на сцену в красном кафтане покроя запорожских казаков и, отвесивши глубокий поклон бюсту Шевченко, прочел из произведений Шевченко три стихотворения с особенной интонацией

и пафосом, причем особенно воодушевлялся и заметно старался передать это одушевление зрителям в тех местах, где говорилось или об утерянной свободе или необходимости свободы.

Среди лиц, видевших происходившее и могущих засвидетельствовать вышеизложенное, были полтавский полиц[иймейстер] подп[олковник] Иванов, командированный мною адъютант жандармского управления и присланный комендантом г. Полтавы для наблюдения за поведением воинских чинов обер-офицер.

Подлин[ное] подписал и с подлин[ным] верно: полковник *Зейдлиц*

ЦДІАК України, ф. 320, оп. 1, спр. 1312, арк. 33. Засвідчена копія. Машинопис.

№ 289

1914 р., не пізніше березня 24¹. Кам'янець-Подільський. – Звіт про діяльність товариства “Просвіта” в Подільській губернії за 1913 р.²

“Коротке справоздання” про діяльність Подільського українського товариства “Просвіта” в 1913 р.

Т[оварист]во: 1) утримувало безплатні бібліотеки-читальні, 2) внаряжало літературно-муз[ично]-вокальні вечорниці, 3) розпродувало при Кам'янецькій бібліотеці українські книжки, картки і т. п. Бібліотек-читалень при т[оварист]-ві – 5: в Кам'янці, в Іваньківцях Дунаєвських Ушицького повіту, в с. Щурівцях Брацлавського повіту, в м. Печері Брацлавського повіту та в с. Куничему Брацлавського повіту. Минулого року, як і раніш, до т[оварист]ва вдавалися люди з кількох сел, прохаючи заснувати в них бібліотеки-читальні “Просвіта”, але рада т[оварист]ва не вдавалась за дозволом до адміністрації, зважаючи на попередні заборони.

В Кам'янецькій бібліотеці-читальні на 1 січня 1914 р. було книжок по назвах 1460 на сумму 944 р. 68 к. За 1913 р., поступило в бібліотеку 103 книжок та нот на 103 р. 90 к. Виключено з бібліотеки 1 кн[ижку] на 14 р. 68 к. Брالی книжки з бібліотеки для читання дома 137 особ і прочитали разом 2014 кн[ижок], тобто пересічно кожен прочитав 14 1/2. Найбільше один прочитав 86, найменше 1. Зменчення числа прочитаних книжок (проти попередніх років) можна пояснити тим, 1) що багато абонентів за передні роки перечитали вже більшість бібліотечних книжок, 2) деякі з абонентів попередніх років складають собі власні бібліотечки, купуючи книжки; 3) несприятливі загальні умови існування “Просвіти”. По селах справа з бібліот[еками]-читальнями стоїть майже скрізь не добре: бракує енергійних людей, які безкористо дбали

¹ Датується за відомостями про затвердження 24 березня зазначеного справоздання.

² Текст звіту міститься у протоколі огляду речей, видлучених під час обшуку у приміщенні товариства “Просвіта” місцевим жандармським управлінням (див. у цій самій справі, арк. 2–7).

про діло, та матерьяльних засобів, потрібних на найом та утримання окремого помешкання б[ібліотеки]-чит[альні] і т. п., а саме головне, місцеві люди бояться близько стати до просвітських б[ібліотек]-чит[альень] з причин загальнополітичних.

В Кам'янецьку читальню 1913 р. виписувалися “Рада”, “Рідний край”, “Молода Україна”, “Світло”, “Світова зірниця”, “Маяк”, “Л[ітературно]-н[ауковий] вістник”, “Укр[аїнська] хата”, “Дніпрові хвилі”, “Записки наукового т[овариства]” в Києві та Львові, “Ілюстрована Україна”, “Муравейник-Комашня”, “Наша кооперація”, “Киевская мысль”^а, “Подольские известия”^б, “Экономический листок”^в, “Украинская жизнь”^г. В сільські бібліотеки-читальні виписувалися: “Рада”, “Світова зірниця”, “Рідний край”, “Світло” та “Дніпрові хвилі”.

Літературно-музично-вокальних вечорниць впоряджено за рік – 13. Програма їх звичайно складалася з: а) рефератив або читання творів красногоського письменства, б) сольних та хорових співів, в) деклямацій, г) музики та д) в останні часи – маленьких вистав. Реферати прочитано на такі теми: 1) українські колядки й щедрівки, 2) про Франкового “Лиса-Микиту”, 3) про Т. Г. Шевченка, 4) по 5) про Л. Українку, 6) про І. Франка, 7) про І. Котляревського, 8) історичні народні пісні до повстання Хмельницького. З красногоського письменства прочитано: 1) “Лист” – Коцюбинського, 2) “Кленові листки” і 3) “Май” Стефаника, 4) “Лис-Микита” частини, 5) “Як згода дім будувала” І. Франка, 6) “Чайка” – Ремеза, “Сильний” – Тереня. Пісні співалися переважно Лисенка, Стеценка, Сениці, Концевича та інших, а з музики виконувалися переважно твори Присовського. Хоч вони й не високої вартости, але, на жаль, українська зовсім занедбана, зовсім не має ніяких друкованих річей, хоч би, напр., для струнних тріо, кварт[етів] і т. и., не кажучи вже про оркестрові річі. Весняного сезону на вечорницях виступав часто гарний чоловічий хор. Восени ж сил для співу, як хорового так і сольного, забракло, а тому прийшлося взятись за організацію маленьких вистав. Виставлено було: 1) “Коза-дереза” (дитяча оперка) Лисенка, 2) “На перші гулі” – Васильченка, 3) “Драма без горілки” Самійленка.

Ціна за вхід на вечорниці весь час була по 30 к. Зважаючи на те, 1) що [в] залі т[овариства] без особливої тісноти може вміститися лиш до 150 ч[оловік], 2) що всякі трати збільшилися через загальну дорожнечу життя, – в раді т[овариства] не раз здійснювалося питання про збільшення плати, але ухвалено плати не збільшувати, щоб розвагою в “Просвіті” мали можливість користуватись і люди невеликого достатку. Чистого зиску вечорниці дали за рік 410 р. 15 к.; пересічно по 31 р. 50 к. Найбільше загального збору з одних вечорниць було 87 р. 99 к.; найменше 16 р. 51 к. Найбільші трати на одні вечерниці 40 р. 80 к., найменші – 9 р. 20 к. Найбільший чистий зиск з одних вечорниць був 53 р. 88 к., найменший – 9 р. 20 к. Маючи на меті й надалі впорядковувати вистави, т[овариство] пристосувало трохи для цього свою сцену. Панове Дяченко та Користинській безплатно намалювали необхідні нові декорації (задню спину – село, хату, дерева і т. и.).

Бажаючи збільшити кошти, т[овариство] впорядило на бульварі гуляння, на якому видано два приза: 1) картина “Запорожці” Рєпина за найбільше число

Ілюстрація до повісті М. М. Коцюбинського “Тіні забутих предків”. Олівець.
ЦДІАК України, ф. 1235, оп. 1, спр. 562, арк. 7.

розгаданих укр[аїнських] загадок, 2) “Малюнки Шевченка” за найбільше число поданих на гуляння народніх укр[аїнських] приказок та приповідок. Дощеве літо не дало змоги т[оварист]ву впорядити більше гульннів, а це все дуже кепсько відбилось на матеріяльнім стані т[оварист]ва. В початку року завіду-ючий Изурівецькою бібліот[екою]-чит[альнею] одмовився від завідування, але рада т[оварист]ва просила його не зрїкаться й надалі завідувати б[ібліотекою]-ч[итальнею]. Поки що він остаточно не зрїкся, але як саме стоїть справа, не відомо. В Печерській б[ібліотеці]-чит[альні] діється зовсім недобре. Тільки було почали готовиться до уладнування літературних вечерок, як, несподивано, пристав прислав, щоб йому подати дозвіл пана губернатора на завідування бібліотекою. Завідувача дозвіл одіслала та й досі його назад не одержала, а бувшому перед цим завідувачому довелось листуватися з своїм начальством. З приватних джерел поширились чутки, буцім-то б[ібліотеку]-чит[альню] обвинувачують в розповсюдженню штунди, а завідувача пише, що б[ібліотека]-чит[альня] склала навіть свій аматорській хор, який співав у церкві службу Богу. До цих прикростей аматорський гурток при бібл[іотеці]-чит[альні] успів в породити минулого року вистави: 1) “Розумний та дурень”, “Катерина-мужичка” та “Ой, не ходи, Грицю”. В Іваньковецькій б[ібліотеці]-чит[альні] життя сунулось теж занадто поволі через вище згадані причини. Все ж таки, як пише завідуючий, хлопці охоче читають книжки й часописи. Книжки ходять з хати в хату. Є хлопці, що добре вже читають по-українському, а раніш завіду-ючий жалівся, що не вміють читати. З Куничанської б[ібліотеки]-чит[альні] ніяких відомостей не маємо.

Опріч того, т[оварист]во давало на запити поради: 1) сільским інтелігентам та селянам, як треба засновувати бібліотеки-читальні на селі при кооперативних та инчих товариствах; 2) давало поради сільским авторам в справах видання книжок. Дехто з них пропонував до видання “Просвіті” свої твори, але т[овариство] за браком коштів та й з инчих причин не брало їх. Відгукуючись на видатніші події в українським громадським житті, т[оварист]во: 1) вітало телеграмами Дієвську “Просвіту” з откриттям, академіка Ф. Корша з 70-літн[ім] ювілеєм життя його та проф. Д. Яворницького з 35-л[ітнім] ювілеєм його літературної та наукової діяльності, 2) висловило співчутте з приводу смерти Л. Українки та М. Коцюбинського, на труну якого покладено вінок від т[оварист]ва.

На 1-е січня 1914 р. т[оварист]во має свого майна на 818 р. 68 к. В 1913 р. житомирська “Просвіта”, ліквідуючи свої справи, подарувала т[оварист]ву великий портрет Т. Шевченка, мальований олійними фарбами, в дубовій рамі; член т[овариств]а М. С. Завойко подарував велике погруддя Т. Шевченка роботи Гаврилка і високу дубову підставку до того, розмальовану М. Дяченком, а один з народніх учителів подарував стародавні цимбали. Членів т[оварист]ва на 1 січня 1914 р. числилось 151. В 1913 р. по заяві вибув 1, прибуло 23. Членські вкладки виплатило 55.

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 2, спр. 202, арк. 6–7. Копія. Машинопис.

1914 р., квітня 29. Київ. –

**Лист учня Києво-Печерської гімназії Анатолія Самородова,
перлюстрований поліцією, до Петра Давидовича у м. Сокаль
про настрої київської національно свідомої учнівської молоді***Мій любий, єдиний друже!*

Вельми втішив мене твій лист од 3/IV–14 н. ст. Дуже добре, що наша Україна має хоч одну свою частину, свідомо налаштовану. Коли навіть уся російська Україна змосковиться під впливанням вищої російської культури, дак після того як трапиться такій переверт у міжнародніх відносинах, що наша, східня Україна, ввійде в склад аби-якої держави, напр., Англії, разом із Галичиною та Буковиною, тоді можуть останні, коли матимут добру цивілізацію, вплинути на східню, помосковлену Україну, і вона повернеться до своєї дідівської мови; і це не буде надто важко, позаяк що російські вкраїнці, втративши мову, ніколи не втратять своїх численних національних особливостей та крім того наш народ має таку (зовсім неприємну, на мою гадку,) відмінність, що його дуже легко впливати – мовою та звичаями иншого народа, що має високу культуру. Напр., один мій знайомий, котрый жив 7 років у Канаді та в Сполучених Державах, де живе чимало українців, прикмітив там вельми цікавий, з свого погляду, факт: американські вкраїнці частью зовсім забувають свою рідну мову, частью мішають її дуже смішно та чудно з мовою держави, себто англійською; вони мають там свої часописи, напр. “Канадійській фармер”^а, “Кан. рушн.”¹ та инші, написані нечистою, мішаною мовою, серединою між українською та англійською, котрою дуже люблять розмовляти; можна почути, наприкл., таку фразу: “Він пішов на стріту”, замість того, щоб балакати “В[ін] п[ішов] на вулицю” (по англ. вулиця – the street). Таким чином, зовсім не важко зробити, щоб українці балакали такою мовою, якою тільки забажаєте: досить тільки, щоби оця мова була б державною та цивілізованою (те ж саме робиця в Галичині, де українці полонізуються, у Буковині, де вони румунізуються, та на Угорщині, де вони мадяризуються: ці три мови цивілізованійші за мову українську). Таким чином, вся увага українців мусить, безперечно, повернутись на Галичину и Буковину; туди мусять колонізуватись українці київські та полтавські, мова котрих найбільш українська, щоби вплинути на мову галичан, яка вельми й вельми спольщена; тут має бути витворена під їх впливання добра й справжня українська мова, тут має бути зароджена гарна українська гуманна культура; тут находитиметься те світло, від котрого запалиться всі соборна Україна. Ось тому кладу я найбільші надії ці області, ось тому бажаю мандрувати туди, коли зроблюся дорослим, щоби принести там свою посильну допомогу рідній мові та цивілізації. І по тій же причині мусимо ми українці, уникати всяких міжнародних конфліктів і добре відно-

¹ “Кан[адійський] ру[син]”^б

ситись до Австрії та Росії, щоб вони з одного боку, не ставали на перешкоді розвитку нашої культури, з другого боку, щоб вони між собою не воювали, через те, що може трапитися, що Росія відбере до себе Галичину та Буковину (чого вона, здається, дуже хоче). Одначе, і помимо буду[ч]них міжнародних конфліктів можна зробити так, що рідна мова не загине в російських українців. Те, що я тобі писав про русифікацію українців, хоч і правда, та не зовсім. Твоя правда, селяне забули свою мову виключно біля городів та фабрик (та й те не зовсім: раз у раз трапляється мені чути мішану мову навіть поміж інтелігентами українцями, особливо по ринках; навіть гімназисти вживають коли-не-коли укр[аїнських] слів, напр., скажений, сказитись, байстрюк, цікавий). Що ж до сел, віддалених від міста та фабрики, то там цілком заховалась укр[аїнська] мова. Мій добрий товарише Сергій Гаврик, що не цурається нашої мови, хоч і несвідомий, оповідає мені, що на Полтавщині, у Роменському повіті, де его батьки мають економію, селяне не розуміють зовсім російської мови, навіть трапляється, що ученики шкіл народніх сидять до 8-ми років у школі не розуміють-бо “паньської” мови. Ось на цій основі маємо рацію домагатися української школи на Україні, одначе нас занадто небагато, щоб мати аби-яку вагу в державі (не маємо навіть власних послів у Думі державній), ось тому добре було б зробити союз між всіма недержавними націями Росії: між українцями, поляками, кавказцями, жидами, литовцями, литвинами (білорусами), татарами та инш. Коли всі оці поїднані народи поневолені *viribus unitis*¹ впливатимуть через Держ[авну] думу на правительство, дак тоді лехко буде добитись рідної школи і для українців. Здається, в[исоко]п[оважний] п[ан] Грушевський чинить деякі ступені у цім напрямкові: Бог йому на допомогу. Далі треба добре дбати над виробленням нашої культури, щоби повпливати на нероб і на інтелігенцію. Взагалі мені здається, що не все ще згинуло, и можна працювати. Ти вмієш писати веселі, жартовливі оповідання й на злобу дня, твій талан вельми користен задля нашої справи: народ бо наш найбільше любить читати оці гумористичні книжки; ти, напевне, матимеш величезний успіх; тобі слід роботати у часописі “Жало”, котре читається нашими селянами дуже залюбки. Я же гадаю бути перекладчиком гарних творів белетристики та науки з всяких чужоземних мов; а перекладів из чужоземных литератур у нас вельми небагато; наші часи народ любить читати романи з чужоземного життя, найбільш інтелігенція; а і інтелігенцію треба притягти на нашу сторону, вона бо тепер дуже і дуже впливає на народні маси. Далі надіюсь бути добрим малером та принести користь рідному містечку. От таким чином принесемо користь рідній Україні, працюючи вкупі, чи правда так, любий мій Петруньчик?

Я тебе щиро полюбив, по-дружому. Як би хотілось мені тепер поїхати у Галичину і побачити тебе, дак не можна іще. Ах, коли б ти знав, як тяжко мені жити на світі Божім. Батьки вимагають, щоби я мав такі самі думки, як і вони мають, щоб я був чорносотенцем, щоб ненавидів би “мазепинців” і жидів. Але як же можу іти протів свого сумління, протів своєї совісти? Я не можу і не хочу лицемірити. Як мене лають за мою “зраду”, за “мазепинство”. А я не зношу

¹ *Спільними зусиллями (лат.).*

лайливих та брезливих слів. Часто сумую та плачу. Я дуже нервовий – часто бувають сварки та непорозуміння. Характери наші цілком протилежні; хиба ж можна, щоб діти й батьки мали однакові характери? Здається, ні. Пізніше напишу вже більше про свою посилку, бо нема місця. Моя пані-матко вже переконалася, що ти не жид, їй ти навіть сподобався. А батько все лається та сердиться. Тому листуй тепер не мою адресу, а на адресу О. Святненка “для Самородова”, а коли буду жить у Криму, дак напишу тоді мою адресу. Пысанок ще не одержав; д[обродій] Яблонський каже, що одержав велику скриньку, в которі було тільки 2 яйця, що йому послав його кореспондент, твоїх же 10-ти там не було, і листівка твоя була дуже поскручена. Здаеця, писанки хтось украв або взяв на австро-рос[ійській] границі. Великий жаль. Я так довго їх чекав... і от на тобі, згинули. Дуже радій, що галицьке село починає вже розмовляти на справжній українській мові. Нехай галицькі селя[н]е емігрують не в Америку, а в рос[ійську] Україну: вони можуть повпливати на місцевих українців. Напиши як ти відносишся до своїх батьків? И читай багато те, що трапиця; я люблю читати; дуже цікавлюся філософією, мені сподобається Л. Толстой, Шопенгауер, Епікур і Христос. Соціалісти мені сподобаються, але їх ідеї не завжди виповнені. Дуже цікавлюсь історією культури, мистецтва та письмен[ництва]. Про студентів у Києві не знаю, бо не маю серед них знайомих. Я мав не держати іспитів, бо доктор мені заборонив, але директор сказав, що и попечитель уч[бового] округа може не освободити і наказати держати їх у августі, а мені то зовсім не бажатим. Пізніше напишу про цікаві події мого життя.

Бувай здоровим та щасливим, Петро.

Толя

Р. S. Памятай, Петро, що наші листи читаються моїми батьками. Неприємна цензура. Було б вельми пожадання, коли ваші сокольські гімназисти листуватимуця з нашими київськими. Але про це не пиши до мене, а до Святенка не хочу давати батькам повід, що на мене впливають інші. Розумієш? Як сподобається тобі Святенко? Йому треба повчитись укр[аїнської] грамоти. Я з ним часто балакаю по вкр[аїнськи]. Петро, мене зовуть не Тонею, а Толею, бо я не Антін, а Анатолій. *Твій Толя.*

Опріч того писатиму оригінальні статі по деяких народніх наукових часописах. Хочу як-небудь повпливати, щоб не цурались українського.

ЦДІАК України ф. 274, оп. 5, спр. 28, арк. 255–256. Копія. Машинопис.

№ 291

1914 р., травня 19. Київ. –

Обвинувальний акт Київської судової палати у справі видавця й редактора журналу “Маяк” З. М. Шевченка за публікацію статті “Рідна мова”

9 января 1914 г. в г. Киеве вышел первый номер издаваемого на малорусском наречии журнала “Маяк” под редакцией его издателя крестьянина

Захария Шевченко. Среди помещенных в журнале статей и заметок оказалась статья под заглавием “Родная речь”, возбуждающая по своему содержанию в малороссах чувство вражды к другим частям населения русского народа. Так, в статье этой указывается читателю, что будто-бы во всех государствах весь народ обыкновенно говорит на одном языке и только “у нас, на Украине, говорят различно: простонародье – одним языком, украинским, или, как выражаются, простым, т. е. низким, а господа иным языком – русским или польским, якобы господским”. Такое явление, по мнению автора, объясняется тем, что “Украина долго была под чужим владычеством, сперва поляков, а потом Московского российского государства. За это время всего каких-нибудь сто лет, во время Гетманщины, Украина, да и то не вся, сохраняла свою самостоятельность, не подлежала чужому влиянию. Таким образом наш народ и привык находиться под чужим господством и жил хоть на родной, но не на своей земле, как сказал великий украинский поэт Тарас Шевченко. На наше несчастье нам суждено было подпасть под владычество не чуждого для нас народа, как это случилось с болгарями или сербами под властью турок, или чехами под властью немцев: господствовали и господствуют над нами родственники наши – славяне; но для нас господство это вышло тяжелее иноземного, иноверного; ибо чужие народы (турки, немцы) видели в подвластных им народах (болгарах, чехах) чужих: другой язык, другая вера, обычаи – все иное. А на Украину Польша и Россия всегда смотрели как на свой собственный народ и всеми силами старались и стараются уверить весь мир, что Украины нет, а что это Польша или Россия. Так поступали поляки по всей Украине, когда она была под их властью, так они поступают и в Галиции... и стараются изгнать из употребления наш язык в школах, судах, на железных дорогах, на почте – везде. Точно также поступает и Русское государство... С тех пор, как Богдан Хмельницкий, спасая Украину от польского глумления, отдал ее под защиту России, уже 250 лет российское государственное правительство не признает украинского языка, не допускает его в школах, судах, управлениях, не разрешает совершать богослужение на украинском языке, а всюду заставляет учить, говорить и писать по-русски. Но несмотря на это, наш язык не исчез со света, не пропал..., так как никакими стараниями невозможно вырвать язык у тридцати миллионов народа. Такие бедствия пришлось испытать Украине не от чужих иноверных народов, а от своих, якобы “братьев-славян” (л. д. 7 и 32).

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого в распространении сочинения, возбуждающего вражду между частями населения русского народа, Захарий Шевченко, не признавая себя виновным, объяснил, что номер издаваемого им журнала “Маяк”, в котором была помещена статья “Рідна мова”, был отпечатан в количестве 2000 экземпляров; часть номеров журнала была отправлена подписчикам по почте, а оставшиеся экземпляры были проданы в Киеве и других городах; кем написана статья “Рідна мова”, он назвать не желает и объяснения по существу дела даст на суде (л. д. 29).

На основании изложенного крестьянин с. Млеева, Млеевской волости, Черкасского уезда, Киевской губернии, Захарий Николаев Шевченко, 34 лет, обвиняется в том, что, состоя редактором издаваемого им же на малорусском наречии журнала “Маяк”, поместил в вышедшем 9 января 1914 г. в г. Киеве

первом номере этого журнала и путем рассылки его подписчикам и розничной продажи распространил статью под заглавием “Родная речь” (“Рідна мова”), заведомо для него возбуждающую вражду в малороссах к другим частям населения русского народа [...]¹, т. е. в преступлении, предусмотренном б п. 1 ч. 129 ст. Угол[овного] улож[ения].

Вследствие этого и на основании 1 п. 1032 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] названный Захарий Шевченко подлежит суду Киевской судебной палаты.

Товарищ прокурора судебной палаты *Володкович*

ЦДІАК України, ф. 318, оп. 1, спр. 2563а, арк. 2–3. Оригінал. Машинопис.

№ 292

**1914 р., травня 27. Кам’янець-Подільський. –
Анонімний лист за підписом “Русский чиновник”
до виконуючого обов’язки начальника Подільського губернського
жандармського управління Переверзева із застереженнями
щодо організації українського музею у Кам’янці-Подільському**

Милостивый государь!

Случайно, идя на Новом Плана за двумя какими-то господами, один из них, как потом оказалось по наведенным мною справкам, был Георгий Семенович Александрович, другой – ученик технического училища, я услышал их разговор. Из этого разговора я узнал, что в Каменце губернское земство организует музей и он, Александрович, приглашен земством для устройства кустарного отдела. Музей этот уже им устроен где-то на Новом Плана. Далее я узнал, что этот музей имеет быть “украинским”, как назвал его сам Александрович. На вопрос своего спутника, что же такое “украинский” музей, Александрович объяснил, что Подольская губ. – часть “Украины”, народ здесь “украинцы”, культура “украинская”, все это вовсе не имеет сходства с теперешней русской культурой и в будущем разовьется самостоятельная Украина. Цель музея заключается в том, чтобы собирать и поддерживать эту культуру.

Сообщаю об этом Вам, милостивый государь, для соображения, не является ли такое распространение превратных понятий среди учащейся молодежи об устройстве учреждения, порученного человеку или с вредным образом мыслей или, может быть, невменяемому, угрожающим государственному порядку.

По всем понятным Вам причинам не сообщаю ни своего общественного положения, ни адреса, но проверив, Вы убедитесь, что мазепинство проникает даже в учреждения, ничего с ним общего не имеющие.

С почтением, “русский чиновник”

Резолюція: Для проверки агентурой.

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 2, спр. 122, арк. 61. Оригінал.

¹ Пропущено виклад основних положень статті, що повторюють попередній текст.

№ 293

1914 р., червня 19. Житомир. –

**Донесення помічника начальника Волинського губернського
жандармського управління в Новоград-Волинському, Острозькому
та Ізяславському повітах начальника управління О. В. Мезенцеву
про відзначення селянами с. Гулівці Острозького повіту
100-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка**

Совершенно секретно

Доношу, что по собранным справкам 25 февраля сего года в с. Гулевцах Ляховецкой волости Острожского уезда местным крестьянином Григорием Лукьяновым Загребельным вместе с односельчанами крестьянами Владиславом Редванским, Василием Лазаруком, Яковом Шаланом, Петром Пукачем, Василием Семей, Григорием Мелаником, Петром Дьячуком, Иосифом Шолатой, Михаилом Копачевским, Евтихием Полищуком, Андреем Ученым, Тарасом Шухристом, Антоном Мельником, Филиппом Сорокой, Максимом Сорокой, Михаилом Мазуренко, Василием Шаланом, Иваном Лазаруком на площади против усадьбы местного священника были посажены несколько деревьев в форме буквы “Т”, что означает первоначальную букву “Тарас”.

После посадки деревьев все собрались в дом Григория Загребельного, где был устроен вечер и было прочитано Загребельным несколько произведений Шевченко.

По негласным сведениям, под одним из посаженных деревьев зарыта бутылка со списком крестьян, присутствовавших при посадке этих деревьев.

По тем же сведениям посадка этих деревьев произошла по инициативе сына Григория Загребельного – Андрея Загребельного, частного землемера, в квартире которого в октябре 1906 г. острожской полицией был произведен обыск, каковым обнаружены разные нелегальные издания. При чем он, Загребельный, до выяснения обстоятельств дела по постановлению острожского уездного исправника был заключен под стражу в Острожскую тюрьму. Препровожденная 2 октября 1906 г. за № 2075 названным исправником начальнику Волинского губернского жандармского управления по этому делу переписка была прекращена и Андрей Загребельный из-под стражи освобожден. В настоящее время Андрей Загребельный по неизвестным целям часто выезжает в г. Киев.

Все остальные поименованные крестьяне ни в чем предосудительном в политическом отношении замечены не были, под следствием и судом не состояли и не состоят.

Ротмистр [нідпис]

ЦДІАК України, ф. 1335, оп. 3, спр.124, арк. 147. Оригінал. Машинопис.

1914 р., липня 24. Київ. –
Відношення київського, подільського і волинського
генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова міністрові внутрішніх справ
М. О. Маклакову про недоцільність підтримки клопотання київської
громадськості про дозвіл на спорудження пам'ятника Т. Г. Шевченку

Конфіденційально

М[илостивый] г[осударь] Николай Алексеевич!

В дополнении к отношению моему от 24 сего июля за № 12082¹ по вопросу о сооружении в г. Киеве памятника Шевченко, считаю своей обязанностью сообщить Вашему высокопревосходительству, что, по моему мнению, сооружение в г. Киеве – матери русских городов и колыбели русской народности и православия – памятника малорусскому поэту Тарасу Шевченко, который в своих произведениях неуклонно проводил противоправительственные и оскорбительные для православной церкви взгляды, представлялось бы несоответственным и нежелательным. Помимо того, нужно сказать, что в г. Киеве среди местного населения насчитывается довольно большая группа крайних украинофилов, которые, в увлечении идеей воссоздания самостоятельной и независимой Украины, ведут и соответственную деятельность, имеют здесь свой орган печати, свои книжные склады и пр.

И эта же партия, через посредство своих членов, входящих в состав городских и земских гласных, главным образом и домогается постановки в г. Киеве памятника Тарасу Шевченко. Бывшее 26 февраля с. г. в Киеве празднество столетия со дня рождения Тараса Шевченко, которое, судя по тогдашнему настроению, могло, если бы не были приняты меры, вылиться в неудобную в политическом отношении форму, показало как в сущности велико увлечение этих украинофилов, воспитанных на идеях Тараса Шевченко.

Не утруждая Ваше высокопревосходительство изложением всех перипетий дела сооружения означенного памятника в г. Киеве, подробно изложенных в письме моем на имя предместника Вашего от 19 июля 1911 г. за № 7984 я, во всяком случае не могу не заметить, что все дело об увековечении памяти Шевченко постановкой ему памятника в г. Киеве в сущности возникло по почину чуждых г. Киеву учреждений и проведено без согласия городского самоуправления^а и органов административной власти.

Исходя из вышеизложенного, я не нахожу возможным поддерживать упомянутое ходатайство Киевского городского общественного управления.

Пользуясь случаем прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в глубоком почтении и преданности.

ЦДІАК України, ф. 442, оп. 662, спр. 501, арк. 92–93. Чернетка.

¹ Див. цю саму справу, арк. 91.

1914 р., липня 24. Балта. –

**Донесення помічника начальника Подільського губернського
жандармського управління в Балтському повіті Кравцова
виконуючому обов'язки начальника управління Переверзєву
про українофільську діяльність священника с. Слободзеї Шаровського¹**

Совер[шенно] секретно

Негласным расследованием выяснено: крестьянин с. Плоты Кирилл Парфениев Бордюжа², 35 лет, православный, рассказал, что в феврале месяце сего года он был в Почаевском монастыре, где узнал о существовании С[оюза] р[усского] н[арода]^a и обратился за разъяснением, что это за союз, к настоятелю монастыря архимандриту Виталию, который разъяснил ему и распорядился выдать ему литературу, относящуюся к названному союзу. По возвращении домой Бордюжа зашел с той литературой к местному священнику о[тцу] Бержицкому. Последний предложил оставить ему все книжки и листки для прочтения, на что он, Бордюжа, согласился и оставил. Через несколько дней священник позвал его и возвратил все книжки и листки, а устав союза оставил у себя и чрез несколько дней возвратил и устав. Никаких книг и листов на малороссийском языке никто не распространял. Великим постом к нему, Бордюже, приходил крестьянин с. Слободзеи Иван Корчинский с целью записаться в С[оюз] р[усского] н[арода] и высказывал неудовольствие против своего священника.

Спрошенные крестьяне с. Слободзеи: 1) Лаврентий Никитов Бурлака, 60 лет, православный, малограмотен, рассказал, что священник Шаровский во время богослужения молитвы за государя императора не читает и когда поминает царскую семью, то ничего нельзя понять. Евангелие читает и проповедь говорит на малороссийском языке, с людьми обращается дерзко, называя их скотами. Относительно распространения священником литературы на украинском языке, он ничего не знает.

2) Иван Дементиев Маринчук, 56 лет, православный, неграмотный, рассказал, что св[ященник] Шаровский несколько лет тому назад молитвы за государя императора не читал, а в настоящее время читает, проповедь в церкви говорит на малороссийском языке, с людьми обращается дерзко, относительно распространения книг на малороссийском языке и сбора денег на памятник Шевченко, он ничего не знает.

3) Василий Трофимов Гончарук, 28 лет, православный, грамотный, рассказал, что он до поступления в 1907 г. на военную службу состоял певчим в церковном хоре, в церковь ходил часто. Тогда св[ященник] Шаровский молитвы за государя императора не читал, а в настоящее время читает, ему передавали, что св[ященник] раздавал на елке ученикам книжки на малороссийском

¹ Див. також док. № 283.

² Далі також Бердюжа

языке и Евангелие на украинском языке, одно из тех Евангелий он читал, ему давал Семен Цуркан, и что состоящий пономарем Василий Урсул в январе месяце 1913 г. собрал деньги на памятник Шевченко, и он, Гончарук, пожертвовал 10 коп.

4) Спрошенный Семен Цуркан, 15 лет, православный, предъявил представляемое на малороссийском языке Евангелие, рассказал, что в прошлом 1913 г. он учился в местной церковно-приходской школе. Во время урока Закона Божия св[ященник] Шаровский предложил желающим ученикам купить Евангелие на малороссийском украинском языке по 10 коп., он и многие ученики купили, но кто именно он не помнит, лишь помнит одного Кирилла Войта, который сидел с ним рядом, который тоже купил и что тогда св[ященник] предлагал жертвовать деньги на памятник Шевченко, кто сколько может, он и все ученики жертвовали по 2–3 коп.

5) Кирилл Войт, за отсутствием не спрошен, представляемое Евангелие дал его дядя.

6) Никита Фомов Корчинский, 60 лет, православный, отец заявителя Василия Корчинского, рассказал, что с прибытием в с. Слободзю около 10 лет тому назад св[ященник] Шаровского, последний начал заводить свои порядки, проповедь говорил и Евангелие читал на малороссийском-украинском языке, молитвы за государя императора не читал, с людьми обращается дерзко. В 1905 г., когда были забастовки, в разговоре высказывал, что таким большим государством, как Россия, один человек с такой дальней стороны, как Петербург, управлять не может; Малороссии следовало бы отделиться от России и стать самостоятельной, независимой и высказывал на малороссийском языке: “Все должно быть наше родное, святе”. В декабре месяце 1913 г. св[ященник] распространял листки на украинском языке под заглавием “До нашего громадянства”, каковой листок был у его зятя Петра Чепурного. Св[ященник] выписывает газету на малороссийском языке “Рада”.

7) Петр Павлов Чепурной, 32 лет, православный, состоит конторщиком на ст. Слободка, рассказал, что в ноябре месяце 1913 г. 12-летний мальчик его Василий возвратился из училища и принес листок под заглавием “До нашего громадянства” – объявление от редакции газеты “Рада”, и заявил, что листок этот дал ему св[ященник] Шаровский, сказал: “Передай папи”. Листок этот забрал у него брат жены его Иван Корчинский.

8) Иван Никитов Корчинский, 19 лет, православный, воспитанник Винницкой учительской семинарии, рассказал, что он на праздник Рождества Христова гостил у конторщика ст. Слободка Петра Чепурного, где завели разговор о священниках, из которого он узнал, что у Чепурного имеется листок, данный св[ященником] Шаровским. Заинтересовавшись этим листком, попросил Чепурного показать ему, он, Чепурной, показал, листок этот был под заглавием “До нашего громадянства” на украинском языке. Он забрал его с собой в Винницу, хотел передать начальству, но один из его товарищей забрал у него и не возвратил. Он слышал, что св[ященник] Шаровский политический преступник, его деяния преступны, потому что молитвы за государя императора он не читает, проповедь говорит на украинском гетмановском языке. Ему передавал

Василий Гончарук, что по распоряжению св[ященника] Шаровского, Василий Урсул собирал деньги на памятник Шевченко.

9) Василий Иванов Урсул, 28 лет, православный, состоит пономарем в местной церкви около 3-х лет, рассказал, что несколько лет тому назад св[ященник] Шаровский молитвы за государя императора не читал, а в настоящее время читает, в церкви служит на русском и церковно-славянском языке; денег на памятник Шевченко он не собирал и никто ему этого не поручал, а собирал деньги по соглашению некоторых крестьян и св[ященника] на библиотеку; он и др[угие] собрали 90 руб., каковые деньги хранятся в сберегательной кассе на ст. Слободка, св[ященник] раздавал ученикам книжки на малороссийском языке, но какого они были содержания, он не знает, так как их не читал, св[ященник] выписывает газету на малороссийском языке “Рада”.

10) Михаил Антонов Решитка, 40 лет, православный, рассказал, со св[ященником] Шаровским состою в ссоре около 3-х лет, в церковь не хожу, раньше я ходил; он, св[ященник], служил в церкви на русском и славянском языке, молитву за государя императора читал, с людьми обращался дерзко, когда они этого заслуживали. Великим постом с. г. ко мне приходил Василий Корчинский и просил помочь ему, т. е. показать на св[ященника], что он молитв за государя не читает и что если многие так покажут, то его переведут, а может быть и выгонят совсем; относительно распространения книжек и листов на малороссийском языке и пожертвований на памятник Шевченко, он ничего не слышал.

11) Филипп Игнатиев Корнышин, 56 лет, православный, неграмотный, рассказал, что он недоволен на св[ященника] Шаровского за то, что он выдал тайно документы его дочери на вступление в брак и она вышла замуж помимо его воли, что же касается церковной службы и читает ли св[ященник] молитву за государя императора или же не читает, он не знает и утвердительно сказать не может.

12) Григорий Иванов Кобылянский, 25 лет, православный, запасный нижний чин, рассказал, что до поступления на военную службу он состоял певчим в церковном хоре, тогда св[ященник] Шаровский молитвы за государя императора не читал и в настоящее время тоже не читает, проповедь говорит на украинском языке, с людьми обращается дерзко, на елке в сем году раздавал детям книги на украинском языке, из коих он 2 отобрал у своих сестер Марии и Ольги и одну у Софии Николайчук, которые передал Василию Корчинскому; ему передавал Василий Гончарук, что Василий Урсул по распоряжению св[ященника] Шаровского собирал деньги на памятник Шевченко.

13) Спрошенные ученицы Мария Кобылянская, 14 лет, рассказала, что она и др. ученицы были на елке, где учитель и батюшка раздавали им гостинцы и книги на малороссийском языке, она и др. ученицы говорили стихи на малороссийском языке, каковые стихи по приказанию учителя они учили раньше. Ольга Кобылянская, 11 лет, Софья Николайчук, 13 лет, Пелагея и Анна Станьковские и др. подтвердили показание Марии Кобылянской. В с. Тимкове св[ященник] Антоний Гриневич, 50 лет, член 1-й Государственной Думы со св[ященник] Шаровским состоят в дружеских отношениях. С. Писаревки св[ященник] Подруцкий, духовный следователь в с. Лабушной св[ященник]

о[тец] Демьянович, благочинный. Последних Корчинский обвиняет в укрывательстве преступной деятельности св[ященника] Шаровского, других неблагоприятных сведений о них не получено. Крестьяне всех сел относятся к своим священникам хорошо, за исключением выше упомянутых кр[естьян] с. Слободзеи, которые питают злобу к св[ященнику] Шаровскому, никто из упомянутых священников под судом и следствием не состоял и в политической неблагонадежности замечены не были.

По собранным сведениям Василий Корчинский мстит св[ященнику] Шаровскому за то, что по ходатайству последнего переведен из с. Слободзеи псаломщик Максимович, который был долгое время псаломщиком в названном селе и с Корчинским был в дружеских отношениях, бывал часто в его доме, учил его детей и намерен был жениться на одной из дочерей Корчинского, с которой ведет переписку и в настоящее время. По ходатайству Максимовича, Василий Корчинский около 8 лет тому назад был определен в архиерейский хор в г. Каменец-Под[ольском], где он как способный был регентом названного хора и везде имел доступ. Когда между св[ященником] Шаровским и псаломщиком Максимовичем возникли ссоры, то об этом духовными властями было произведено следствие и представлено преосвященному в г. Каменец. Следствие это Корчинский каким-то образом прочел и сообщил Максимовичу, о чем узнал св[ященник] Шаровский и довел до сведения преосвященного, за что Корчинский был уволен, а Максимович переведен в Гайсинский уезд, последний определил Корчинского в Московскую консерваторию, где он состоит около 3 лет и с Максимовичем ведет переписку и старается во чтобы то ни стало выжить св[ященника] Шаровского и дать возможность Максимовичу вернуться обратно в с. Слободзею. Корчинский писал св[ященнику] угрожающие письма и советовал немедленно оставить Слободзею, иначе будет плохо.

Заявитель Василий Корчинский за отсутствием не спрошен.

Приложение: Брошюра “Христя; Лесь” Бориса Гринчука.

Брошюра “Приятели” Петра Розгрер.

Брошюра “Причинна” Тараса Шевченко.

Брошюра “Свят вечер” Ольги Ефименковой.

Брошюра “Скрута” Миколы Телишова.

Брошюра “Евангелие от Марка”.

Брошюра “Евангелие от Матфея”.

Писанные от руки на клочках бумаги “Вареники”, “Зозуля”, “Пивень”, “Човен” и “Соломяный дид”.

Помощник начальника Подольского губернского
жандармского управления в Балтском уезде подполковник *Кравцов*

ЦДІАК України, ф. 301, оп. 2, спр. 122, арк. 19–22. Оригінал. Машинопис.

1914 р., не пізніше серпня 8¹. Київ. –
Відозва студентів Київського політехнічного
інституту із закликом єднатися в гуртки,
навчатися рідної мови, історії та готуватися
“до національної роботи”

Товариші!

Яксь гірка іронія почувається в процесі нашого історичного життя. Героїчна минувшість, постійне завзяте змагання за волю, інтенсивна невпинна боротьба релігійна, соціальна й політична. Запорожжя, козацтво, гайдамаччина і врешті – повна пригніченість, неволя, повна національно-політична безправність. Сила ворожа подолала героїв, зв'язала і стала знищувати все, що витворив могутній дух народу: припинила вільний розвиток літератури, замість рідної освіти накинула вчення чужою незрозумілою мовою. А інтеллігентні круги нації зрадили народ, відцурались од нього, з легким серцем кинули його в темряві та занепаді, найняли до послуг пануючій нації. Але не вся інтеллігенція зрадила. Кращі її сини, що почували свій обов'язок сплатити довг народові, не зреклись його, не вважаючи на те, що на їх сипались репресії за репресіями, що заборонялось українське слово, що нахабно заявлялось, ніби “українського народа нет, не было и быть не может”. Кінець XVIII в. був початком народження нової української літератури. В 40-х роках XIX в. постав на Україні рух громадсько-політичний. Національна свідомість ніколи не вмірала і в 40-ві роки вилілась в певні форми. В бажанні здобути правди і волі для свого народу злилися нащадок стародавньої старшини і пригнічений селянин. В Кирило-Методієвському братстві поруч Куліша, Костомарова, Білозерського працював і недавній кріпак, велетень нашого відродження, Т. Г. Шевченко. Рух останніх часів витворив народню сільську інтеллігенцію і тепер – в результаті важкої невпинної роботи, діло національного відродження стоїть на певному шляху. Ми маємо тепер свої газети, журнали, просвітні інституції, а за кордоном, в Галичині, на Буковині наші брати вже здобули право вчитися українською мовою у нижчих, вищих і середніх школах.

Товариші! Велике діло відродження народу вимагає якнайбільших сил. Ми кличемо [встав]ати до праці. Добре пам'ятаючи слова Н. К. Михайловського: “мы вечные должники народа”, ми можемо віддати йому цей довг тільки стоячи на національному шляху, несучи йому світло просвіти його рідною мовою і змагаючись за його національні права, які разом з тим стають і соціальними. Лозунгом нашої діяльності повинна бути: Україна.

Тому закликаємо вас, молодших товаришів своїх, до спільної роботи. Єднайтесь в гуртки, навчайтесь рідної мови, історії, готуйтеся до національної роботи. Хай не з пустими руками явитесь ви в університет, де поруч з нами

¹ Датується за східною поміткою.

станете до більш активної праці. Чимало з нас прийшло до університету зовсім не приготовані навіть рідної мови гаразд не знаючи. Важко було нам відчувати свою [...]!¹ Хай же не спітка нас така доля, тому не гайте дорогого часу, вчіться і вчіть других, гуртуйтеся і приєднуйте до гуртків менш свідомих товаришів своїх, пам'ятайте, що й нашій справі дорога кожна жива душа.

Ми чекаємо Вас!

ЦДІАК Україна, ф. 274, оп. 4, спр. 368, арк. 6. Копія.

¹ *Пропуск у тексті.*

ДОДАТКИ

Р. ШТЕРРА

Штерра

ЗАБОРОНА УКРАЇНСЬКОГО СЛОВА В РОСІЇ

Реферат петербурської академії наук в справі
знесення заборони українського слова,
з додатком "Історичної записки"
К. А. Военского і вступним словом
проф. М. Грушевського

СКРЕНТОН, ПА.

ВИДАВНИЦТВО ПРОСВІТНОЇ КОМІСІЇ
РУСЬКОГО НАРОДНОГО СОЮЗА

1916.

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO

FROM
THE LIBRARY
OF
THE LATE
PAVLO SHTEPPA

Як звісно, комітет міністрів з кінцем 1904 р., застановившись над заборонами української мови в Росії, поручив міністрам освіти і внутрішніх справ, засягнувши гадки в сій справі київського генерал-губернатора, академії наук і університетів київського і харківського, застановити ся над сими заборонами і свої гадки в сій справі, разом із гадками запитаних інституцій, подати під розвагу комітетови міністрів. Всі запитані інституції висловили ся за знесенням заборон українського слова. Оpubлікований академією наук меморіал, предложений нею в сій справі міністрам, знайомить нас ближше зі становищем, яке зайняла в сій справі найвища наукова інституція Росії, з її поглядами й мотивами. Меморіал вийшов “на правах рукопису”, то значить зістаєть ся виданнем дуже рідким, мало приступним. Тому ми вважаємо потрібним познайомити з ним нашу публіку.*)

Запитана міністрами, академія вибрала комісію, до котрої увійшли Т. Корш як голова, А. Фамінцин, В. Заленскій, Ф. Фортунатов, А. Шахматов, А. Лапо-Данілевскій, С. Ольденбург як члени (самі Велкороси, з вїмком ак. Заленского). Головним референтом був ак. Шахматов, звістний спеціалїст від історії язика й староруського письменства; він головно, а також ак. Корш потрудили ся над меморіалом, предложеним комісією академії і потім предложеним академією комітету міністрів. До участі в своїй роботі комісія запросила також декого з петербурських Українців, що й предложили свої записки по ріжним питанням українського слова й української національної справи в Росії, і академія видруковала їх між але-

*) Императорская Академія Наукъ. Обь отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатного слова, Спб., 1905, ст. III+96 (Напечатано по распоряженю Имп. Академіи Наукъ, Мартъ 1905).

ґагами до свого меморіалу. Вислід, до которого приходять академія на підставі рефератів своїх членів і згромаженого ними матеріалу і предкладає міністрам, такий: “Імператорська Академія Наук, ознайомивши ся з рефератом комісії, не може не признати, що цензурні огранччення малоруського друкованого слова, які й почали ся доперва від 1863 р., не були викликані якимись небезпечними для одности Росії змаганнями малоруського народа чи його інтелігенції. Рівнож і тепер ніщо не вказує на істноване таких змагань. Правительственні розпорядження, що підтяли свободний розвій малоруської літератури, по перше — не дали досі визначити ся обопільним відношенням великоруської й малоруської літератури, котрі — в тім переконана Академія Наук — не розминуть ся ані в своїх цілях ані в напрямі; по друге, викликали неприродний зріст малоруської літератури в Галичині — літератури, в значній мірі ворожої Росії. Тепер сі правительственні розпорядження служать джерелом сильного і зовсім природного незадоволення освічених верств малоруської людности Росії. Окрім того вони шкодять інтересам сільської людности Малоросії: розповсюдження книжок релігійно-морального, педагогічного, загально-інструктивного змісту затримуєть ся або повним незнанням, або недокладним знанням великоруської книжної мови серед Малоросіян. Все отсе дуже негативно відбиваєть ся на інтересах всього руського народу”.

Академія підносить, що переслідуванне книги не за зміст, а за форму (мову) противить ся російському законодавству; що тільки “збіг нещасливих обставин” міг піддати гадку заборони цілого язика і открийовання української правописи; в кінці, що сама форма тайних адміністраційних розпоряджень, а не законів, для заборон української мови вказує на те, що вони не були відповідно передумані в законодавчих інстанціях. Академія тому “думає, що неминуче потрібно тепер же звести розпорядження 1876 і 1881 р.” “Заразом усе вище сказане привело Академію Наук до переконання, що малоруська люд-

ність повинна мати таке ж право як і великоруська, говорити публічно і друкувати на своїй рідній мові”.

Ся опінія академії дає резюме реферату академічної комісії, який подаємо низше в цілости, як дуже інтересний, не тільки з публіцистично-політичного становища документ, а й цінний з наукового погляду твір. (Особливо галицькі москвофіли могли б з нього дуже багато навчитися!). Як побачать наші читачі, реферат сей стоїть на ґрунті окремішности українського народу, його мови й письменства, його історичної традиції й права на свободний культурний розвій. Нема й сліду теорій про якийсь провінціалний характер українського языка чи народности супроти великоруської; реферат виразно трактує як рівнозначні одиниці нарід “великорусскій” і “малорусскій”, “языкъ малорусскій” і “языкъ великорусскій” — нема мови про народність і язык “общерусскій”, що так недавно ще пишався на сторонах писань навіть учених із значними іменами. Академіки з цілою рішучістю доводять те, що доводили оборонці українського слова, що “общерусскій” язык не існує і не існував ніколи на памяти історії, що т. зв. “общерусскій літературний языкъ” — язык великоруський; що польська інтрига, котрою толковано початки українського національного руху — міт, непорозумінне, сотворене в значній мірі самою-ж “польською інтригою”, і т. п. Можна пожалувати, що такого становища, таких поглядів на нашу національну справу петербурська академія не зазначила скорше, коли наші голоси в обороні національних прав і національного розвитку, серед безустанних лайок, глузу й інсинуацій стрічалися з таким завзятим мовчанем авторитетів російської науки, з невеликими ввімкамп. Тоді такий голос академії міг би мати невелике значінне; тепер, коли національні відносини рішаються не науковою диспутою, а иншими чинниками, він такого ефекту мати не буде — але без значіння він не зістанесть ся..

Я не буду входити тут у деталі сього реферату — ні чисто наукового, ні більше публіцистичного характеру, що вимагали

би певного доповнення, спростовання або застереження. Маю ціль чисто інформаційну. Не спиняючи ся більше на академічним рефераті, який подаєть ся в цілости, спиню ся коротенько на долучених додатках (також не входячи в їх критику), що займають більше як дві третини академічного видання.

З них один — урядову записку К. Воєнського, урядника з “Главного управління по дѣламъ печати” про заборони українського слова подаємо в цілости. Крім неї цензурній практиці присвячений більший реферат П. Стебницького (с. 29—45). Коротко згадавши про становище російського правительства до українського слова від часів Петра, автор ближше слідить історію переслідування українського слова від р. 1863. Цікавою ілюстрацією являєть ся статистична дата, що з 230 рукописів, предложених цензурі київським видавничим гуртом у 1895—1904 р., тільки 80 вийшли з цензури о стільки можливо, що їх іше можна було надрукувати! Ол. Лотоцький дає короткий огляд українського літературного руху XIX в., в Росії й Австрії. Ол. Русов вьясняє значінне українофільства та доводить його нешкідливість із політичного становища; більше меньше такий зміст має також реферат П. Саладилова. С. Русова вьясняє велику шкідливість заборони української книжки для народньої освітн: вказує на те, що російські підручники, популярні книжки й шкільна наука не приступні українським дітям і селянам, і заборона українського слова має результатом далеко більший процент неписьменних і рецидивістів неписьменности (що забувають всякі результати шкільної науки) на Україні в порівнянню з великоросійськими губерніями (там % неписьменних у ліпших губерніях спадає низше 20%, в українських не йде низше 50%). Туж саму сторону питання освітлює в коротенькій записці В. Науменко. Залучений лист В. Леонтовича до Д. Мордовця вказує на неможливе, нелюдське положенне українського інтелігента, коли його силоміць змушують до писання по великоруськи. “Коли я хочу сказати щось варте того, аби його предложити читачеві, я не

можу цього зробити инакше як українською мовою” — пише сей, по його власним словам в повні на російській культурі вихований український інтелігент. “Мнѣ омерзительно было бы сводить свою роль какъ писателя на роль болтуна зарабатывающаго деньги мертвеннымъ пустословіемъ, и вотъ по чему я не могу писать по русски. По русски у меня все выходитъ мертвенно, блѣдно, несодержательно, даже неграмотно”.

В кінці подано обчисленне української народности Ол. Русова (числить на 31—2 мільони) і передруковано з час. “Гражданинъ” ч. 9 звісний лист “бывшого исправника, изъ дворян” Е. Ш. про розповсюдження на Україні революційних українських видань і потребу дозволу українського слова, щоб дати можливість освіти народу на легальній основі.

Такий зміст сеї цікавої й важної з кожного погляду лублікації.

М. Грушевський.

РЕФЕРАТ

Комісії у справі знесення заборони українського друкованого слова

Комісія в справі зміни утиску українського друкованого слова під предсідательством академіка Ф. Е. Корша, зложена з академіків В. В. Заленского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, А. С. Фамінцина, Ф. Ф. Фортунатова і О. О. Шахматова, розглянувши всесторонно питане, предложене комітетом міністрів Академії Наук, прийшла до висновків, предложаних отут увазі Загального Збору. В часі своїх засідань Комісія дістала кілька цінних заміток, якими вона одначе вспіла лиш на стільки покористувати ся, що вставила в свій реферат відсилачі до них у відповідних місцях; находячи-ж у тих замітках багато важного матеріялу, вона вважала корисним предложити їх як додатки до реферату.

Перші відомі нам проби вживаня української мови в письменстві відносять ся до XVI ст., в яким можна вказати хоч би на Пересопницьке Євангеліє, написане зрештою далеко не на чистій мові. Та в сїм випадку важна не стільки чистота народньої мови, скільки сьвідомий нахил перекладачів (бо зразу розходило ся лише про переклади) до передачі тексту сьв. Письма і инших книг духовного змісту в формі, доступній розумію більшости. Коли пристосоване народньої мови до літературних потреб не переводило ся консеквентнійше і ширше не лиш у XVI, але і в XVII ст., то стараня перекладачів і письменників, що звертали ся не до самих наукових праць, по части умисно, по части несьвідомо були паралізовані істнованем загально прийнятої письменної мови, так званої славяно-руської, яка в той час підлягала вже в Росії впливови місцевої

мови з більшою або меншою примішкою північних, полудневих і західних елементів, ріжнородних відповідно до походження пам'ятників. Зовсім природно, що ті народні елементи втискалися мало-помалу що раз сильнійше в ту книжну мову і змінюючи її ріжними способами довели до відрубности книжної мови Полудня від книжної мови Півночі. Взірцями тої полудневої мови можуть послужити в XVII ст. не лише численні твори богословської літератури, особливо проповіді, але також релігійно-полемічні і навіть богослужебні книги, що виходили з під пера учителів і бувших учеників “Київо-Могилянської Колегії”. До українських елементів прилучувалися на Полудні не рідко і західно-руські, т. є. по части білоруські, по части північно-українські, з яких іще в XIV ст. витворився канцелярійний язик Литовського Князівства, а також польські, що втискалися в літературу з перекладів св. Письма і інших релігійних книг із польської мови та з судових і інших офіційних документів правобережної України. З останнього жерела втиснулося доволі багато польщини і в чисто народню мову, яка не вважаючи на згадані вже змаганя деяких популяризаторів, грала тоді далеко підряднійшу ролю як на Півночі тому, що українська інтелігенція XVI і XVII ст. складалася переважно з членів козацької старшини, яка виховувалася на половину по польськи, а деколи й цілком по польськи, та черпала звідти аристократичні погляди, що різко відділяли її від простого козацтва.

Описана вище українська книжна мова була занесена в другій половині XVII ст. і на Північ українськими вченими богословами, що перейшли в Москву, де їх “западництво” нашло ґрунт, підготовлений до певної міри близькими зносинами деяких бояр із Поляками в часі внутрішніх завірюх (Смутное время) і зовсім природно, що пр. Сильвестер Медведєв писав так само, як його учитель Симеон Полоцький, із якого творів позволяв він собі навіть на дуже безцеремонні позички. Та сей вплив був лише поверховний і короткий; в пев-

них верствах суспільства, особливо в тих, що тримали ся старини, він стрітив ся з рішучим відпором, як згіршене, основане на “единоуміи съ папою и съ римскимъ костеломъ” тому, що багато тодішніх московських людей кепсько відрізняли кількох ополячених українських грамотіїв від Поляків. З тої причини задля охорони “правовѣрія” і єдності “Восточной Православной Церкви” за Петра Великого заборонив св. Синод друкувати церковні книги “не согласно съ великороссійскими печатями”, “дабы не могло въ такихъ книгахъ никакой въ Церкви Восточной противности произойти”. З тої самої причини св. Синод не тільки не дозволив 1769 р. друкувати полуднево-руські букварі, але приказав навіть відібрати ті, що були в руках, тому, що букварі уходили в тих часах за церковні книги і друкували ся “благословеніємъ всего священнаго собора”. Через духовенство йшло також зміцнене великоруського елементу в викладах Київської Духовної Академії, переведжене рішучо ректором Самійлом Миславським, що і вдало ся вповні під впливом доволі значної вже на той час великоруської літератури, якої мова виперла з кінцем XVIII ст. цілковито вимираючу вже славяноруську мову. В загалі-ж українська література не підпала в XVIII ст. ніяким обмеженням, а українська народня пісня користувала ся в другій його половині широким розповсюдженням у Москві й у Петербурзі, як видно приміром із тодішніх співанників. Правда, з того часу ми не знаємо ніяких українських літературних пам'яток, крім комічних інтермедій і вірш різного змісту, поздоровних, сатиричних і любовних, але причина того лежить тільки в зазначенім вище погляді на українську мову, як на простонародню, негідну допущення до літератури і нездібну служити їй знярядом — обставина, наслідком якої ми не находимо простої мови і в великоруській літературі поза комедією.

Першою серйозною пробою ужити чисто-українську мову для літературних цілей, зрештою серйозною радше об'ємом, ніж змістом, була “перелицьована” Енеїда І. П. Котляревського.

видана 1798 р., за якою пішли вже в XIX ст. його-ж комедії “Наталка Полтавка” та “Москаль Чарівник”. У тих комедіях звертає на себе увагу між иншим пасмішливе відношене автора до тої українсько-польсько-великоруської мови українських канцелярій, на якій написані в початку XVIII ст. і деякі твори зовсім не офіційального характеру, прим. історичні. Належить зазначити також його глибоку симпатію до української народности і української мови, якою він користувався не тільки в тих творах, але і в “Оді до князя Куракіна”. Таким симпатичним відношенем до української народности в її чистім, не підробленім виді, якою вона проявляєть ся в “хлопі”, Котляревський відрізняєть ся різко від попередніх діячів української літератури і вже з тої причини належить признати його першим українським “народовцем” та батьком української літератури і то не лише белетристичної, але й наукової тому, що він полишив рукописні “Замітки” про деякі українські звичаї. Його приклад звернув увагу земляків на окремішність української народности, особливо в словесних її творах, і викликав багато творів віршем і прозою, написаних по українськи та перенятих співчутєм до простого народа з його етнографічними окремішностями. Першою працею що до збирання українського пісенного матеріялу був збірник князя Цертелєва, що вийшов 1819 р. За ним слідували збірники Максимовича, Метлинського і довгий ряд інших, що не перериваєть ся до наших днів. Із письменників того напрямку можна назвати Квітку, знаменитого оповідача, що злучив у собі характеристичні риси українського духа — гумор і чулість; Петра Артемовського-Гулака, автора бистроумних віршів; Гребінку, що писав повісті і вірші; байкаря Глібова. У Квітку ми подибуємо пробу розмови з простим народом на його мові про важні для нього питання, моральні, суспільні й економічні: се—його “Листи до любезних земляків”, числом 4. В загалі Квітка був уже в повні свідомим народолюбцем або, як би сказали про нього, коли б він жив пізнійше, українофілом що не тільки лю-

бив свій нарід, але й стремів до його просьвіти без затрати відрубних його окремішностей. Про українську мову він пише Максимовичеві ось як: “Ми повинні застидати і примусити до мовчанки людей з чудними поглядами. які проповідують голосно, що не можна писати тою мовою, якою говорять 10 мільонів, яка має свою силу, свою красу, що не може бути віддана на иншій мові, свої звороти, гумор, іронію і все, як у годящій мові”.

Квітка був родом із Харкова, Артемовський-Гулак був професором і потім ректором харківського університета, де до занять українською мовою заохочували також Срезневський в характері професора славянських мов, Метлинський, що був тоді адюнктом, пристрасний любитель усього українського і збирач українських пісень, і Костомарів, що займав там скромну посаду підінспектора. В сорокових роках інтерес до української народности перейшов разом із Метлинським та Костомаровим із Харкова до Києва, де в 1846 року повстало Кирило-Методієвське братство під председательством Костомарова з уділом Білозерського, Миколи Артемовського-Гулака, Навроцького, до яких прилучили ся трохи пізнійшо Маркович (пізнійше муж знаної письменниці Марка Вовчка) і ин. Українофільство того товариства носило демократично-освободний характер виражений в боротьбі з кріпацтвом. і опирало ся на панславістичних основах, бо його члени мріяли про єдність між славянськими племенами, серед яких вони домагали ся самостійного становища для Українців. Та правительство признало такі мрії політично небезпечними і покарало більше або менше тяжко його членів, а навіть декого з їх близьких знайомих, прим. Куліша і Шевченка. Що тикаєть ся великоруських письменників, то одні з них не звернули ніякої уваги на своїх українських братів. инші знов не тільки віднесли ся до них прихильно, але й давали їм місце в своїх виданнях. Так статя Квітки проти Максимовича про українську правопись, зрештою писана по великоруськи, появилася в “Маякѣ”, а

Його українські оповідання: “Салдацький патрет” і “Божі діти” надруковані в “Утренней Звѣздѣ”, а його переклад “Полтави” Пушкіна — по часті також там, а по часті в “Московскомъ Телеграфѣ”. Свій альманах українських творів різних авторів збирався Гребінка випускати частинами при “Отечественныхъ Запискахъ” Краєвського, але найшов перешкоду в Белінськім, що завідував відділом літературної критики. Відношене цензури до української літератури було таке саме, як і до великоруської. “Байки” Глібова найшли собі місце навіть в офіційальних “Черниговскихъ Вѣдомостяхъ”. Так отже Українці, як народовці і демократи, находили собі в початку XIX ст. до 40-вих років співчуте природно лиш у тих великоруських письменників, що були найвільніші від західно-аристократичного відтінка, властивого значній частині великоруської літератури 20-их. 30-их і початку 40-их років, т. є у тих, що уходили в очі своїх противників, і по часті справедливо, за вістунів реакції. Тим поясняється згідливий і навіть ворожий погляд на них “западників”, що проявився особливо різко в незаслуженій і крайне сторонничій рецензії Белінського з нагоди збірника “Ластівка”, виданого Гребінкою в 1841 р.: “Хороша литература, которая только и дышетъ, что простоватостью крестьянскаго языка и дубоватостью крестьянскаго ума”! Навіть учений видавець і коментатор Белінського, С. А. Венгеров, поясняє сей згідливий відзив знаменитого критика його “безсознательно-пренебрежительнымъ отношеніемъ къ мужицкому и простонародному”, яке видно в нього і в інших випадках. Сей аристократична закраска, помітна в великоруській літературі аж до 50-их років, не була очевидно чужа й українській інтелігенції, що числила в своїх рядах багато потомків козацької старшини, але не виявляла ся на українській мові власне тому, що ті аристократи, правдиві і самозванці, тягнули до своїх великоруських товаришів і вважали обовязковою погорду до простонародньої мови, якої, сказавши до річи, деякі з них і не знали. Через те в справі демократизму україн-

ська література перегнала великоруську на 50 літ. Звідси й відповідна близькість старших українських письменників до тих великоруських, що тішилися негарною репутацією у московських і петербурзьких лібералів. Але в дійсності українська література до половини 40-их років відзначала ся від великоруської власне лише своїм глибоким, консеквентним демократизмом, що в повні зрозуміле, бо українську народність представляли тоді тільки нижші верстви; а в вищих своїх стремліннях і в складі своїх діячів українська література була так само різнородна, як великоруська. Робітниками на її ниві являли ся люди найрізнородніших напрямів і станів: Котляревський — офіцер, рішучий монархіст і консерватист, Квітка — дідич, також таких самих поглядів, Петро Артемовський-Гулак — професор російської історії і також ні грохи не вільнодумець, Гречулевич (якого проповіді у другім виданю були привитані “Русскою Бесѣдою”, органом московських славянофілів кінця 50-их років) — священник, що широко заходив ся над духовною просвітою своїх вірних, які говорили тільки по українськи, і т. д. Буря, що скоїла ся над Кирило-Методієвським брацтвом приблизне таким самим способом, як над кружком Петрашевского, показала великоруським лібералам, що Українці—то не самі нетямучі і закаменілі мужики та любителі тих мужиків із усею їх темнотою, а правительство добавило в намірах брацтва признак того, що шкідливі течії проникли і в ту, доси — як воно думало — індіферентну верству, і навіть переборщило значіне того відкриття. Та в дійсності і Кирило-Методієвське брацтво не було такою характеристичною появою, з якої можна би було означити відрубні риси тодішнього українофільства: головною прикметою того напрямку був просто літературний і народньо-виховуючий рух полудневої галузи руського народу, яка признала себе етнографічною величиною, окремою від північної галузи, що мала свою самостійну минувшину і через те набула права на розвиток не тільки тих прикмет, якими вона зближається до руського племенн

в загалі, але і своїх окремішностей від політично пануючої його частини, зовсім так само, як та пануюча частина розвиває свої окремішности від своїх полудневих співплемінників, — рух, що вспів уже дещо витворити в користь полуднево-руського народу, значить, в користь цілого руського племення.

Після всього сказаного буде зрозуміло, скільки життя й енергії повинно було внести в діяльність заступників української народности те пробуджене цілої російської суспільности, яким визначають ся друга половина 50-их років. Все те, про що ще недавно ледви сміли мріяти передові російські мужі, здавало ся, готово було сповнитися. Почали ся розмови про близьке визволене селян. Коли вичікуване того великого правительственного акту розбуджувало найсвітліїші і далеко йдучі надії серед Великорусів, то який же був настрій українського народу, і в його діячах, цілковито відданих демократичним ідеалам, і в селянській масі, що памятала ще свободу відібрану в неї всього сто літ із чимось тому назад? І ось перед початком 60-их років ми бачимо небувале оживлене в українській літературі. Почало появляти ся багато книг ріжнородного змісту на українській мові не тільки на Україні, але і в Москві, в Саратові, особливо-ж у Петербурзі. Так у 1857 р. появили ся перші оповідання Марка Вовчка, що представляли сумне полєжене українського простонароддя, головню кріпаків: драматичні твори Ващенко-Захарченка; збірник Миколи Гатцука “Вячнок рідного поля”, друкований у Москві, в друкарні Каткова. видуманою впорядчком азбукою, якої він тримав ся і в своїй півнійшій книжці (1863 р.) “Українська абетка”. Надрукований у тім самім 1857 р. по великоруськи історичний роман Куліша “Чорна Рада” (в “Русской Бесѣдѣ”) вийшов і по українськи в 1859 р., коли вийшов і “Малорусский литературный сборникъ” Д. Л. Мордовця і ин. Між 1860 і 1863 р. включно видано кілька дешевих книжочок для просвіти простого народу: букварі (“граматки”), як “Домашня наука” Шейшовського, відомости з космографії і природних наук, як

“Дещо про сьвіт Божий” і т. п., і сам Катков збирав гроші на такі видання. В 1861—1862 виходив науково-літературний журнал “Основа” під редакцією Білозерського. В тім самім 1861 р. поручено було офіційально Кулішеви перекласти на українську мову “Положеніє о крестьянахъ”. Можна було надіяти ся повного розцвіту української літературної мови, оправданої початкової науки українського простого народа при помочи його рідної мови...

Правда, під той час на горізонті внутрішньої політики збирали ся чим раз частійше грізні хмари, з яких можна було надіяти ся грому, але не в сторону України. А тимчасом та буря неждано негадано обірвала ся по части і на ній. Для виясненя сього дивного “похмелья во чужомъ пиру” належить вернути ся від 1863 р. вілька літ назад. В ту саму пору, як Росія приготовляла ся до визволеня селян, Польша мріяла про визволене з під російського ярма, і польські дідичі правобережної України задумали покористувати ся тими надіями для ціли польської справи. переконавши правительство, що визволене селян поведеть ся лиш тоді, коли вони будуть доволі просьвічені, і випросивши таким способом дозвіл на закладане сільських шкіл при дідичівських дворах. В Кіїві повстало майже шкільне товариство для розширеня польщини в селянській верстві. Київські студенти Українці відповіли на ті вигади в 1859 р. закладанем недільних і інших приватних шкіл, до яких швидко прилучила ся народня школа в Білій Церкві, відкрита за почином о. Лебединцева. катехита тамошньої гімназії, опісля протоєрея Софійського собору, оборонця уживаня української мови при научуваню простого народа і в проповіді і перекладу сьв. Письма на сю мову. В тих школах учено і на українських і на великоруських вѣнжках. Поляки обвинуватили тоді учителів тих шкіл у підюджуваню селянства до революції, прозиваючи їх при тім хлопоманами, — прозвіщем, прикладаним опісля до українофілів і деякими великоруськими “охранителями”, хоч воно було винайдене польськими дідича-

ми для означення своїх власних демократів. Попечитель київського наукового округу, М. І. Пирогов підсміював ся над тими доносами, висновуючи з них лиш те, що школи, значить, розвивають ся гарно; та адміністрація дала себе піддурити, наслідком чого були такі дивезні явища, як приміром, що Кулішева “ГраMATка”, свобідно продавана на лівім березі Дніпра, була заборонена на правім. Неправдоподібне, але правдиве, що Поляки в боротьбі з українськими недільними школами найшли собі сторонників серед висшого київського духовенства. Спільними силами того чудного союзу був усунений з київського університета щирий прихильник недільних шкіл, популярний між студентами професор російської історії Павлов, що був по назначеню Пирогова інспектором тих шкіл, але накликав на себе неприязнь київського, опісля петербурського митрополита Іздора своїм вільнодумством, яке дозволило й Полякам окричати його безбожником та космополітом. Немов на те. аби зміцнити неприродність того походу проти української школи, до числа її ворогів приступила і редакція жидівської газети “Сіон”. яка й перша обвпнувала Українців у “сепаратизмі”. Те слівце було заразсінько підхоплене Катковим і, на жаль, Іваном Аксаковим. На ту пору, в 1862 р., випали петербурські пожежі, які Катков приписав у значній мірі недільним школам. Наслідком такого доносу замкнено ті школи в цілій Росії, і до 1863 р., коли вибухло польське повстанє, в полуднево-західній Русі опинила ся народня просьвіта майже цілковито в польських руках. Правда, в 1862 р. ще тримала ся руська школа в Білій Церкві, і київський митрополит Арсеній приказав сьвященникам своєї митрополії заводити приходські школи, але в ту пору, як і тепер, ті школи значили ся більше на папері, а де й були, ледви животіли нужденно. Одначе петербурські українофіли тим менше падали духом, що найшли енергічного оборонця української народньої просьвіти в особі міністра нар. просьвіти Головіна, назначеного по рекомендації розумного, освіченого і ліберального велико-

го князя Константина Николаєвича. Головін рішучо став за допущенем української мови до низших шкіл і за ширенем свангелія в українськїм перекладї. яке й було перед тим предложене Морачевським правительству для дозволу. Для підготовки народнїх учителїв була отворена в Київі “Временная педагогическая школа”, в якій більшість доцентів, і при тїм добровільних та безплатних, складала ся зі студентів, що вчили недавно в недїльних школах; та уряджене сїльських шкіл, думку про які селянство приймало прихильно, не могло збути ся без співучасті дїдичів, а на неї очевидно не можна було числити. Видаванє українських книжок ішло по давньому і дехто з українофілів почав добивати ся навіть заведеня української мови в українські школи не як помічної, але як головної, і для піддержуваня сих домагань була надрукована в “Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія” статя Лавровського про самостійність української мови (“Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями”). Одначе заходи Головіна чим раз частїйше розбивали ся о супротивленє міністра внутрїшніх справ Валуєва, і сьв. Синода з митрополїтом Ізидором на чолї. В письмі до Головіна з 18 липня 1863 р. Валуєв виступає проти його заступництва за права української мови вказуючи, що буцїм то такої мови й нема, а називають українською великоруську мову, лише попсовану польською, та що наміри Українцїв не тільки сходять ся з намірами Поляків, але ледви чи й не визвані польською інтригою. Коли не були би знані дїйсні дати тодїшніх подїй, трудно було би повірити, що се сказано в пів року після появи польських повстанчих ватаг. При порівнаню доносів тих самих Поляків, які тоді вже в повні розкрили свої карти, мимовільно нагадують ся знамениті слова ксьондза в комедїї Бомарше: “Брешїть, брешїть; із того все хоч дещо лишить ся.” Та дуже правдоподїбно, що думка про злуку українського лїтературного руху з політичним польським піддана не дїячами будучого повстаня, що було

би й дивне, але що справа не обійшла ся без участі таких осіб, що знали близько ще недавно перед тим модне серед українських Поляків “балагульство” і “козакофільство”, що полягало на зверхнім наслідуваню українських селян та давніх козаків, а що відбило ся в творах Мальчевского, Залеского, Чайковського (Садикнаші) і особливо—Тимка Падури, які не довели одначе до найменшого зближення між польськими дідичами і їх українськими кріпаками. Як би там не було, а вороги духової самостійности українського племена, і чужі й свої, добили ся того, що українській літературі задано тяжкий удар. Цікаво, що безпосередню його причиною не був ніякий протидержавний твір на українській мові, але згаданий висше переклад євангелія, старанно, побожно і вміло доконаний інспектором ніжинського ліцея, Пилипом Семеновичом Морачевським, який дивив ся на свою працю як на богоугодний подвиг. Коли той переклад, горячо одобрений і поручений Академією Наук, передано під благословенє св. Синода, він був звідти висланий для оцінки і відзива калужському єпископови Якову Миткевичови, шефови жандармів князеви Долгорукому і київському генерал-губернаторови Анненкову. Перший з них із разу схиляв ся до одобреня праці Морачевського, але опісля піддавши ся постороннім впливам, оголосив його непотрібним побіч великоруського перекладу, зрозумілого буцім то кождому Українцеві; другий висловив ся умірковано і неозначено; третій признав переклад “опаснымъ и вреднымъ” тому, що істнує окремої української літератури, якої дозвіл впливає з дозволу надрукованя сьв. Письма на українській мові, потягне за собою відірване України від російської держави (чим, скільки відомо, повторив докази свого попередника, Васильчикова). Нема що й додавати, що сьв. Синод не дав свого благословеня на оголошенє перекладу Морачевського. Але справа не обмежила ся тою відмовою. Думка, висловлена Анненковим, увійшла в ужитє деяких правительственных сфер і 20 червня 1863 р. вийшло розпорядженє міністра внутрішних справ, удостоєне

дарського одобрення. про здержане друкування релігійних книг і учебників на українській мові, так що ужите тої мови, як і сказано виразно в розпорядженю, полишило ся дозволенным тільки для красної словесности. Даремні були протести Головіна: Валуєв відповів на них згаданим висше письмом, а його розпоряджене було швидко потверджене дорогою порозуміння між ним і шефом жандармів.

Українська література, повна надій на красшу будучність. була від разу здавлена: її діячам, не вважаючи на ріжнородність їх талантів, полишало ся задовольати ся писанем нешкідливих, але й безхосенних оповіданьчок і віршів, а коли вони хотіли подати народови якоесь поучене з царини сільського господарства, моральних питань або чого будь із круга віромостий, доступних і потрібних простолюдинови, то були змушені наперекір властивости предмета і напрямови своїх здібностей предклатати таке поучене в белетристичній формі, з чого не мало примірів, сьмішних для непосвяченого в ту тайну і глибоко сумних та прикрих для того, хто її знає, не трудно навести аж до останніх часів.

Стремління осьвічених Українців до просьвіти своїх меньших братів, любов до рідної мови, що вже випробувала свої сили на ріжних полях, у кінці й природна реакція проти незаслуженого переслідування, яке майже відібрало їм право користувати ся рідною бесідою, не лише спасли їх від утрати надії, але приневолили їх подумати про способи заспокоєня своєї законної потреби словесних зносин із непросьвіченими земляками. Той спосіб був під рукою: за австрійською границею, в Галичині, такі самі Українці, як наші, говорять, пишуть і друкують на своїй мові без перепов. Наслідком того літературна праця Українців переносить ся до Львова, на великий хосен і гордість Австрії, але й на не меньшу, коли не більшу шкоду і понижене Росії. Від другої половини 60-их років галицька українська література почала збільшати ся і досконалити ся з такою силою, про яку при своїх місцевих обставинах вона

ледви коли могла би й мріти. Не вменшаючи талантів і учености заграничних Українців, можна сказати сьміло, що без уваги на значіне всякого приливу нових співробітників, прилучення до них земляків із Росії мало для піднесення їх літератури особливу вагу тому, що 1) талановитих людей між нашими Українцями повинно бути далеко більше, ніж між австрійськими, хоч би з тої простої причини, що перші майже в десятикратній численнійшій від останніх; 2) наші, по часті з тої самої причини, заможнійші від заграничних. І всі ті таланти й гроші, які ужиті на місці принесли би Росії необчислену користь, почали йти за границю на витворення такого духового центра, на який майже кожний український письменник від тепер покладає всі свої надії, коли вийде в своїй літературній творчості з тісних рамок блідої барвної белетристики. А тим часом такий центр міг би, — ні, повинен би бути в границях російської держави, в якій живе величезна, подавляюча більшість Українців. Але й для тої більшости перенесення літературної діяльності в Галичину стало далеко не повною нагородою за утрату права на рідну мову в вітчизні, бо твори написані в Росії і надруковані у Львові доходили рідко до тих, для кого були призначені і таким чином переважно не осягали своєї мети, а найважніше жерело духовної просвіти, сьв. Письмо, яким галицькі Українці користують ся свобідно в перекладі на свою рідну мову, було доступне українському простонародю лише в церковно-славянським або в велико-руським перекладі, то значить, що воно зовсім не було доступне. Яка тяжка помилка з точки погляду політики і внутрішньої і заграничної! І яка вона намацальна, особливо після того, що вже стало ся! А проте та нещасна помилка не лиш не була усунена, але по 13 літах іще побільшена.

Розпоряджене 1863 р., як і всі подібні йому заходи, викликані не дійсними потребами держави, але кабінетними міркуваннями поодиноких державних мужів, які не все ясно відрізняють явища життя від їх паперової відбитки, сповняло ся зразу негайно, але під 70-і роки, після того як правитель-

ственный персонал по части змінив ся, недовіре до Українців немов ослабло. В 1872 р. позволено завязати полуднево-руський відділ Географічного Товариства в Київі. Ся інституція з'єднала і оживила діяльність українських статистиків, етнографів і інших учених, що займали ся дослідями своєї вітчизни, і цілком природно поставила знов на чергу питане про народню просвіту. В 1873 р. Костомаров підніс на ново справу популярно-наукових книжок. Та зараз же віджила і незичливість. М. Юзефович, що видав 1863 р. брошуру: "La question Russo-polonaise jugée par un petit-russien" на доказ повної незалежности українських інтересів від польських, в 70-их роках уже тайний радник і предсідатель Київської Археографічної Комісії, вдарив на алярм у "Московскихъ Вѣдомостяхъ" і в "Кіевлянинѣ". Його погляди були прийняті до відомости, і в 1876 р. у Петербурзі зібрала ся комісія з міністрів внутрішніх справ і народньої просвіти, оберпрокурора сьв. Синода, шефа жандармів і Юзефовича. В тій комісії постановлено наложити на українську літературу такі обмеження: 1) ввіз українських книжок і брошур із заграниці, які вони не були би, заборонити 2) друковане і видаване українських творів і перекладів у державі заборонити, крім: а) історичних документів і памяток і б) творів красної літератури, з яких перші приказано друкувати заховуючи правопись оригіналів, а другі — без усяких ріжниць від загально прийнятої російської (т. є. великоруської) правописи і тільки по розгляді рукописів у головній управі для справ друку; 3) українські спецічні представлення і відчити, а також слова при нотах заборонити. Сі постанови предложено цареві Олександрови II, що лічив ся тоді в Емс, і там вони були затвержені. Так повстав закон 1830 мая 1876 р. Та опублікований він не був і ті, кого він найбільше дотикав, догадували ся дуже помалу про його істноване, не дістаючи книжок, замовлюваних у Галичині, дістаючи відмови що до пропущеня своїх творів, написаних без ъ і њ, налармо добиваючи ся дозволу на українське представ-

лене або концерт або знаходячи в рукописах своїх збірників українських пісень помилюваними тільки ноти. В Велико-Росії багато довідало ся про сей закон у перше аж по двох або трьох роках після його затвердження зі статі в *Revue des deux mondes*: “*La liberte en Russie*”, до якої дістала ся відомість про нього мабуть із брошури Драгоманова, предложені ним париському конгресови літератів. Та чи явно, чи тайно, українська література в Австрії була тим законом іще сильнійше відрізана від російських інтересів і в кінці зроблена оружем протесту і пропаганди, ворожої російському правительству, а в Росії віддана на цілковиту самоволю цензури або, ліпше сказати, на особистий погляд сього або того начальника голесної управи для справ друку або його помічників і на те, аби видрукувати: “І шумить і гудить, дрібний дощик іде”, доводило ся звертаги ся до Львова. І серед тих нових обмежень являєть ся одна полекша в порівнаню з розпорядженем 1863 р.: дозволено видавати історичні памятки і документи. Якому добродієви має завдячувати українська література се часткове розширене прав? Мабуть самому авторови того присуду над українською літературою, председателеви Київської Археографічної Комісії, якому публіковане документів було очевидно дуже пожадане, але видавало ся невітгідним, хоч не зовсім неможливим, в обхід закона після того, як він сам став певного рода законодавцем.

З законом 1876 р., як і можна було надїяти ся, повторило ся те саме, що було з законом 1863р. , лиш ледви чи не швидше, таї на перший раз не наслідком яких українофільських підступів, але самоволї чи незнання цензурного заряду. 26-го липня 1876 р. заборонила духовна цензура галицьку брошурку “Оповѣдане про жите св. мучениковъ Бориса и Глѣба”, предложену їй петербурьським комітетом заграничної цензури, як написану по українськи; але загранична цензура звернула увагу головної управи на те, що книжочка надрукована церковними буквами — і головна управа дозволила її. Судячи по тім, що се розпоряджене повторено 1. цвітня 1880 р., воно

тоді не було виконане, але за другим разом повинно було вповнити с., скріплеке ше поглядом, що уживанє церковного письма “въ малоросійскихъ избраніяхъ представляется весьма желательнымъ”. хоча коли приміром появила би ся пісня в роді “Ой Семене. Семене, чом не ходиш до мене?” надрукована буквами сьв. Письма і богослужебних книг, така суперечність форми зі змістом викликала би певно репресію з боку тої самої цензури, яка добачила би в ньому — і зовсім справедливо — щось дуже похуже на богохульство. Про ослаблене чуйности головної управи можна догадувати ся з тих випадків, у яких можна ствердити по крайній мірі попередню роботу місцевих цензурних комітетів і цензорів над українськими рукописами, предложеними для дозволу до друку. 9 червня 1878 р. одеському тимчасовому відділові внутрішньої цензури приказано предкладати не пнакше українські рукописи. як із виводом про їх зміст із чисто цензурного боку, з чого очевидно впливає, що оцінка творів у дійсности була полишена місцевій цензурі. За те з формального боку головна управа зовсім не виражала ся свого авторитета, як се видно, приміром, із заборони поеми В. Білого “Марко Проклятий” (1 півтіня 1878 р.), уже перегляненої петербурьским цензурним комітетом і відбитої в коректі. за те, що автор*) писав і зам. и. Певність закона з 1876 р. видна і в забороні, наложеній 26-го мая того самого року на третій випуск “Збирныка писень” Лисенка (з правописею одобреною цензурою), хоч 25 мая 1877 р. був дозволений “къ обращенію въ Россіи” учебник “Руска читанка для высшой гимназій. Уложивъ Александеръ Барвиньскій. У Львовѣ. 1870” в трьох частях, і видано той дозвіл у відповідь на запит знов тої самої заграничної цензури, яка в ті часи була очевидно ліберальнійша від внутрішньої.

*) Тут зайшла помилка що до імен авторів. В. Білий не автор “Марка Проклятого”, але видавець. Автором був О. Стороженко. В. Г.

Ліберальні подуви 1880 р. відбили ся і на українській літературі. Дня 8-го грудня того року з високого дозволу вніс Костомаров в Академію Наук премію свого імени за уложене українського словаря. Дня 12 січня 1881 р. представив кївський (ошісля варшавський) генерал-губернатор М. І. Чертков міністрови внутрішніх справ довгий меморіал, до якого послужила вихідною точкою просьба Лисенка — допустити третій випуск його збірника українських пісень надрукованого в Лиську до продажі в Росії, а дальший зміст звернення на оборону Українців від підозрівь сепаратизму і на доказ можливости повної рівноправности літературних і музикальних творів що до цензури з великоруськими. Дня 13-го січня 1881 р. тодішній харківський генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков представив також по причині двох присланих йому українських книг просторий, але доволі безбарвний меморіал про права української мови*), зрештою по часті в корість української літератури, сценічних представлень, концертів і друкування нот із текстами. Наслідком тих меморіалів був рапорт міністра внутрішніх справ графа Н. П. Ігнатєва царю Олександру III. і високий приказ на перегляд правил із 1876 р. Відбула ся окрема нарада при участі тайного радника К. П. Побідносцева, державних секретарів Островского і Сольского і начальника головної управи для справ друку, гофмайстра князя Вяземского. На тій нараді порішено задержати правила 1876 р., але доповнити їх такими постановами: 1) дозволити друк українських словарів під умовою задержання правопису або “общерусскої”, або уживаної не пізнійше XVIII ст.; 2) дозвіл сценічного представлення українських пес і публичного відспівання українських пісень і куплетів, дозволених цензурою, поставити в залежність від погляду висших місцевих властей у кождім окремім випадку, а допущене друку українських текстів при нотах не інакше, як із захованем “общерусскої” пра-

*) Пор. ЛНВ., 1905. кн. II, ст. 89—97.

вописи полишити головній управі для справ друку; 3) заборонити утворене спеціально українського театру і формоване труп для виставлювання виключно українських пес. Ті постанови були затверджені царем 8 жовтня 1881 р., але не опубліковані, лише подані відповідним органам адміністрації “конфіденційально”. Дані, на яких оперті ті постанови, очевидні: се — премія Костомарова за уложене українського словаря, яку дивно було би не приймати, з одного боку заступництво київського і харківського генерал-губернатора за українську сцену і пісню, а з другого — страх перед можливістю повстання окремого українського театру, збільшений очевидно старим фантомом українського сепаратизму, як можна догадувати ся з два рази повтореного домагання так званої “общерусскої” правописи.

Так отже поручений царем розгляд закона з 1876 р., далеко не вільного від впливу випадковости, був виповнений не на основі всестороннього перестудіювання питання, але при помочи деякого нового матеріалу, що також навинув ся випадково під руку. Зрештою називаючи дані закона 1881 р. випадковими ми повинні пояснити се. Припадкові вони тільки в значіню своєї неповноти, але не генези: рівночасне заступництво обох висших представителів адміністрації на Україні за духові інтереси місцевої людности, хоч може й викликане безпосередно якимось запитом із гори, важне саме по собі як вимовне свідощтво давно назрілих потреб повіреною їм краю. — тим ціннійше свідощтво, що його не можна підозрівати за ніяку злочинну тенденційність, ані легкодушну поспішність. М. І. Чертков, якого вірність інтересам держави і адміністраційний досвід не можуть підлягати найменшому сумнівови, уважав своїм обовязком заступити ся за права української літератури в повнім її обемі; князь Дондуков-Корсаков не пішов у своїм меморіялі так далеко тому, що не був чужий розповсюдненого в деяких сферах недовіря до Українців, та все був приневоле-

ний приблизно до такого самого відзиву важними фактами і на деякі з них він покликаєть ся навіть.

Закон 1881 р. силою властивости даних, із яких зачерпнено його зміст, вніс у законодавство України певного роду полекші, хоч далеко менші, ніж може здавало ся його авторам. Уживанє “общеруської”, т. є в самій річи великоруської правописи в українських текстах—се взагалі неможлива вигадка тому, що правопись невідмінно підпорядковуєть ся фонетичі а в лінгвістичних працях, як словар, представляєть ся просто немислимою річю і через те пробу уложеня українського словаря під тавими умовами можна зрівняти з замахом негідними способами, про що легко переконати ся дорогою відвортної пробї — уложеня великоруського словаря кулішівкою. Що до уживаня “правописанія, употреблявшася въ Малороссіи не позже XVIII вѣка”, то не говорячи вже про самовільство такого обовязку, згадана тут правопись — величина зовсім мітична тому, що в ту пору писав кождей більше або меньше по своему, і коли би ми захотіли наслідувати Українців XVII і XVIII ст., у нас появили би ся, приміром, форми пѣпъ, тѣлько, вѣнъ, як писав Некрашевич, зам. попъ, только, вонъ або піп, тільки, він. Вистава українських спектаклів лише за кождоразовим окремим дозволом місцевого висшого начальства рівняєть ся в дійсности майже цілковитій забороні правильного фунгованя театру, хоч би й мішаного що до мови виставлюваних пєс. Але й те обовязкове мішанє — коли його пропоновано для кожного представлення, як виконувано у практиці — само по собі мусіло відбити ся дуже пригнітливо на обємі представляваних на сцені драматичних творів, т. є. на цілім репертуарі. Заборона формованя чисто українських труп або бимагала подвійного персоналу, не під силу приватним театрам, або виключала можливість підхованя добрих акторів, бо трудно уявити собі, аби могла витворити ся путня сценічна школа при постійних переходах від “Назара Стодолі” до “Татьяны Рѣпшиной” або до “Короля Ліра” і від “Пошились у дурні” до “Горя отъ ума”

або “Врача поневоля”. Одначе закон 1881 р. показав ся все таки полекшою завдяки тому, що самі ті, хто мав гляіти за його виконанем, розуміли або відчували невідповідність між його цілями, зглядно ліберальними, і редакцією, що паралізувала ті цілі. Збірці матеріалів до словаря записували слова фонетичною правописю тим сьмілійше, що бачили вже не один приклад цензурного пропуску книг, написаних так, а театральні підприємці на те, аби витрати час, потрібний для представлення більше або меньше довгого українського драматичного твору, обмежували великоруську частину до вистави перед або по ньому водевільчика або сценки, які грано поки роз’їжала ся публіка, — грано формально і без чутя, при чім приміром актор, що представляв збанкротованого панка, говорив, що він тільки що “проковгнув” сотку устриць і т. п. В 1884 р. головна управа в справах друку звернула увагу губернаторів на такий обхід закона, але з того нічого не вийшло. Помалу почали проскакувати до друку переклади з великоруської мови на українську і в 1892 р. головна управа пригадала цензорам незаконність такої появи, зрештою дуже спірної відповідно до тексту правил із 1876 р., і старала ся збільшити їх чуйність і в напрямі оригінальних українських творів, які вони повинні “съ особою строгостью и вниманіемъ разсматривать, подвергая пскюченіямъ и запрещая при этомъ не только все, противорѣчащее общимъ цензурнымъ правиламъ, но при малѣйшемъ къ тому поводѣ, по возможности, сокращая число такихъ бездарныхъ произведеній въ цѣляхъ чисто государственныхъ” (Предложеніе Гл. Упр. по д. п. С.-Петербургскому Цензурному Комитету з 8 січня, 1892 р., ч. 96). В 1884 р. затверджено в незвичайно різкій формі заборону привозу українських книжок із заграниччя. В 1895 р. заборонено українські книжки для дітей, що в дійсности є також повторенем попередньої заборони, уміщеної в постановах 1863, 1876 і 1881 рр. Доволі було би й тих неодноразових повторень того, що зазначено в попередніх законах (зрештою не опублікованих) для доказу шляковитої

суперечности цих законів із умовами і потребами реального життя.

Поки перейдемо до висновка (який повинен бути природним впливом із попередніх наших міркувань), полишаєть ся розглянути ті аргументи, до яких звертали ся урядові особи й інституції, а також публіцисти на те, аби оправдати законність обмежень, що обкрюювали свободу українського друкованого слова. Зробити се конечно треба; багато з тих аргументів такі, що до них можна вертати у всякий час і при всяких нових умовах: вони власне основані на поглядах загального характеру, а не на тих дійсних потребах людности української землі, які одиноко, як нам здаєть ся, повинні мати рішаче значіне в роздивлюванні питаню.

Ті аргументи переносять нас поперед усього в царину культурної історії руської народности: сею історією, по думці деяких публіцистів, належить означувати відносини української літератури до “общеруської” літератури і української мови до “общеруської” мови. Затримаймо ся вперед на питаню про мову. Чи маємо ми дійсно право говорити про “общеруську” мову? Не підлягає сумнівови, що предки Великоросів і Малоросів говорили колись одною мовою: ту мову, що не дійшла до нас у письмених памятках, відтворювану гіпотетично, прийнято в науці називати “общеруською” мовою. Але очевидно не її мають на увазі ті, що протиставлять українську мову “общеруській”. Ще в доісторичну епоху представляла “общеруська” мова в окремих паростях різкі діалектичні відрубности, які дають підставу припускати споконвічний поділ руського племені на три групи: північно-руську, середно-руську і полуднево-руську. Полуднево-руські памятки давньої нашої літератури XI і XII століть, як у перше доказав наш поважний співчлен академік А. І. Соболевский, представляють ряд типічних окремішностей української мови: із них можна на певне переконатися про значне віддалене полуднево-руських (малоруських) говорів як від середно-руських, так і від північно-

руських уже в дотатарській періоді. Тому віддаленню не могло перешкодити й те політичне з'єднене руських племен, яке бачимо в X і XI століттях; навпаки, розпад руської землі на уділи, зміцнене нового політичного центра в допливі Оки і верхнього допливу Волги, упадок Київів у другій половині XIII століття — все се від'окремлює значно полуднево-західну Русь, а напад Татар довершує те відокремлене. Пізнійше, в границях литовсько-руської держави, полуднево-руські племена знаходять умови для зближення з іншими руськими племенами, а власне з тою західною галузю середно-руських племен, яка стала основою білоруської народности. Східна-ж галузь середнорусів, з'єднана Москвою з північно-руськими племенами, входить разом із ними в склад великоруської народности. Аж пізнійша колонізація XVII і XVIII століть зближує великоруські і малоруські племена в допливах Сейма, Донця і Дону. Таким чином історичні окремішности в мові обох народностей — великоруської і малоруської. Історичне житє тих народностей не витворило для них спільної мови; навпаки, воно зміцнило ті діалектичні окремішности, з якими предки Малоросів із одного, Великоросів із другого боку — виступають у початках нашої історії. І очевидно, жива великоруська мова, якою говорить нарід у Москві, Рязані, Ярославі, Архангельську, Новгороді, не може бути названа “общеруською” в супротивність українській мові Полтави, Київів або Львова.

Та чи нема підстави признати “общеруською” нашу літературну мову? Чи не витворювала ся вона спільними зусиллями всіх руських народностей, чи не відбила в собі окремішностей усіх руських говорів? По вповіданім нераз висловам деяких публіцистів Українці грали видну ролю в твореню і в обробленю нашої літературної мови. Для доказу сеї думки признаєть ся достаточним наводити вплив українських письменників і учених діячів XVII і XVIII ст. зразу на московську освіту, а опісля і на Петрові реформи. Справді, вплив сей відбив ся і на нашій літературній мові, але він був переминаю-

чий: зусилля великих наших письменників зближали що раз більше книжну мову з народнього і ніщо ще не здержало сеї течії, яка зробила вже в кінці XVIII і початку XIX століття нашу літературну мову в повні великоруською, увільнивши її між иншим від напливового українського наголосу, не чужого, по вказівкам професора Будде, язикови Ломоносова і Сумарокова. Великоруська літературна мова, що представляє в своїй основі перісту мішанину церковнославянських елементів (у лексичній і по часті граматичній часті) із елементами живої мови великоруських племен, від давних часів, можна сказати, від XIV ст. набирала що раз більше народньої закраски. Її розвиток власне в тім напрямі був здержуваний два рази — перший раз у XV столітті, коли їй прийшло ся витримати боротьбу з иншославянськими елементами, що завдяки сербським і болгарським ученим нашли зі славянського полудня; другий раз — у XVII столітті, коли її наводнили окремішности української книжної мови. Та великоруський елемент вийшов оба рази переможцем і тому нашу літературну мову, мову осьвічених кляс і літератури всіх родів, належить признати зновні великоруською. Ми не бачимо ніяких основ звати сю мову “общеруською”, бо вона не представляє амальгами, в якій відбили ся б, хоч і нерівномірно, окремішности всіх живих руських говорів.

Правда, наша великоруська мова здобула загально-руське значіне: в значній часті вплинула на се та обставина, що силою річий вона стала державною мовою; та се залежало головно від культурного росту великоруської народности, від розвитку її літератури і шкільної осьвіти. Реформи Петра Великого, що зблизили Росію з Заходом, зміцнили просьвітне значіне великоруських центрів, Москви і Петербурга, і втягнули в одно спільне жите Велику і Малу Русь: остання не мала що протиставити тій сьвітській просьвіті, яка завдяки напрямови, даному Петром, розлила ся нестримним потоком по всій землі, з'єдиненій московськими царями. Наслідком того проникла великоруська мова на полудне, в українську Придніпрянщину.

Книжна українська мова виробляла ся в XVI і XVII століттях на основі двох літературних мов — церковнославянської і західно-руської, що своєю дорогою пересякла польськими елементами; вона приблизилася в значно меншій мірі ніж великоруська літературна мова, до мови народа і тим передовсім пояснюється доля, яка постигла її у другій половині XVIII століття: вона забувається і без усякої боротьби уступає місця великоруській літературній мові.

Зріст культури і освіти, про який ми що лиш згадали, завершується таким чином натуральним витисненем книжної української мови великоруською мовою. Та той зріст прикликає до життя чинники, що в попередню епоху майже не знаходили собі виходу і законного вираження. Великорос захоплюється на стільки світською просвітою, що не може вже задовольняти ся тим, що давало його предкам церковну освіту, яка полишила без відповіді переважну частину потреб вдумливої і чутливої істоти — користуванем церковною книжною мовою, далекою від рідної. З появою світської просвіти, література, не перестаючи задовольняти релігійних потреб, матеріальних інтересів, відкриває для Великороса можливість виражати і почування і думки в нових, непривиклих для його предків формах. І се відбивається передовсім на зближеню книжної мови з розговорною, літературної мови з мовою щоденних почувань і думок. Ми бачимо, як швидко увільнилася великоруська літературна мова, завдяки власне світській просвіті, від налетілих елементів, чужого наголосу, незвичайних слів. В Україні, де книжна українська мова була вже забута і закинена, та сама світська просвіта мусіла визвати пншу, хоч і подібну появу: жива розговорна мова стає літературною мовою. Думки і почування Українця рвуть ся нестримно на папір, для нього нема пншого виходу, як виразити їх звичайним своїм говором, бо чужа йому великоруська літературна мова не може стати провідником рідної мови, не може і по своїй суті не повинна бути з нею зближувана і зрівнювана. Реформи Петра Великого

вивели Росію на дорогу світської просвіти: в результаті з одного боку книжна великоруська мова зрівняла ся з розговірною мовою Великоросів, а з другого розговірною мова Українців стала мовою нової української літератури. Не допустити законності і природності такого результату значило би признати, що світська просвіта не ткнула Українця; воно значило би, що на півночі в Москві і Петербурзі, світська просвіта повинна була зблизити розговірну мову з літературною, давши першій із них перевагу, а на полудні, в Києві, та сама світська просвіта мала тільки замінити стару літературну мову новою, ще відміннішою від розговірної, ще більше чужою.

Публіцисти, що відмовляли права на існування українській літературній мові, покликували ся радо на Білорусь: вони застрашували російське правительство і російську суспільність перспективою домагання свободи для білоруського друкованого слова. Що скаже будучність, не знаємо; але минавши на свідчить ясно, що білоруська інтелігенція ополячила ся тоді, коли Велико- і Малороси заховували ще свято свої книжні мови. І в тої інтелігенції не було ні охоти, ні підстави звертати ся до народньої мови, коли тимчасом Українці зробили се наслідком крайньої потреби.

Законністю і природністю повстання української літературної мови поясняеть ся законність і цілого дальшого її розвитку. Жерелом її була, як ми бачили, жива розговірною мова—жива розговірною мова української інтелігенції, що виросла серед цілком відмінних умов від великоруської інтелігенції. Вона і в XVIII ст. і пізнійше, в XIX, переймала польську культуру, якої не довело ся виперти ні Москві, ні Петербургові. і то не вважаючи на дуже сильну запозичку елементів великоруської культури, піддержуваної і спільною вірою і спільними державними інтересами. Таким чином у розговірній мові української інтелігенції, що стала літературною з початком XIX століття, появляють ся в формі напливових елементів на народній українській основі з одного боку польські, з другого великоруські

слова і обороти. І в будучині обі названі літературні мови — польська і великоруська — повинні служити жерелом збагачення української літературної мови. Зворот до тих жерел в повній законній: перевага буде належати до тої з обох мов, котра з'уміє привязати до себе українську літературу тісними, братніми вузлами. Здавало ся, що вплив великоруської літературної мови на українську був цілковито забезпечений при тих умовах, при яких повставала нова література: по українськи починають писати люди, що знаменито володіли великоруською мовою; українські книжки появляють ся в центрах великоруської просвіти; літературні твори Українців друкують ся в великоруських журналах і збірниках. Та зазначені висше цензурні утиски 1863 і 1876 року, як ми бачили, переносять літературну діяльність Українців у заграничну Русь: тут вона розвиваєть ся під сильним впливом польської і німецької літератури і зовсім природно переймаєть ся польськими елементами в царнії лексики і синтакси. Українській мові галицької літератури роблять докори за ті її польські елементи, за ту чужу українському духу закрутку. якій вона підпала у Львові. Та польські елементи не затемнили народньої основи мови: вони заняли тільки місце тих великоруських елементів, яких витиснене було би конечно при широкім і свобіднім розвитку української літератури на Україні. Збагачення чужомовними елементами — се доля кожної літературної мови (західно-європейські елементи в нашій великоруській мові доважують, що від впливу чужоземщини не забезпечені навіть дуже розвинті літературні мови). Та цілком неминучим стає вплив сусідніх мов, коли ті мови належать до споріднених племен: так польська літературна мова відбила на собі вплив чеської, а польські пуристи ведуть безхосенну і втомну боротьбу з великоруським впливом; так словінська мова перейшла сербо-хорватськими елементами; так болгарська мова наскрізь прошпикована великоруськими елементами. Так само й українській мові неможливо було устерегти ся ні від великоруського, ні від польського

впливу. Умілість покористувати ся чужомовними елементами, брак страху перед ними, сьміле відношенє до нового лексичного матеріялу — дуже часто сьвідчить про силу і крепкість молодой літературної мови, що нездержно стремить до що раз більшого обєму в царинї висловлюваня людських думок і почувань.

Розвиток літературної мови йде очевидно рівнобіжно з розвитком самої літератури. Багато великоруських публіцистів клало питанє, чи потрібна загалом українська література. Інші бажали обмежити обсяг розширення тої літератури певними означеними рамками: признавано природним писати по українськи вірші та оповіданя з народнього житя; вважано відповідним збирати народні пісні, казки; в кінці призначувано для української мови навіть цілу царину красной літератури. Але переходити поза ту царину заборонювано їй, заборонювали публіцисти у слід за правительственними розпорядженнями, в інтересах власне великоруської літератури. Відповідь на пусте зрештою питанє, чи потрібна загалом українська література, дало само житє: ви бачили широкий розвиток тої літератури навіть у періоді до шістьдесятих років, т. є. до того часу, коли реформи Олександра II віродили великоруський народ у нових формах побуту, і переконали ся при тім, що діячами тої літератури були люди ріжних суспільних верств, ріжних поглядів і ріжного вихованя. Українська література задоволяла очевидно своїм повстанєм назрілі потреби і в повстаню її не мала зовсім участи ані політична інтрига, ані нездорова тенденція. Нехайже-ж зазначені нами висше факти з початкової історії української літератури відповідять на питанє, що повстає в нас наслідком постійних тверджень деяких публіцистів: чи можна в самій річи обмежити обсяг уживаня літературної мови сими або тими границями? Котляревський, що взяв ся за рідну мову для витвореня особливого епічного твору, звернув ся до неї і в “Оді до князя Куракина”. Квітка-Основяненко, що писав оповіданя з українського побуту, здецидував ся заговорити по

українськи і про серйозніші справи в “Листах до любезних земляків”. Максимович записує зразу українські пісні, а опісля переводить на українську мову Слово о полку Ігоря, а два роки опісля видає переклад Псалмів. О. Гручuleвич друкє в українській мові свої проповіді, а також “Катехетичні бесіди на символ віри” і Отче наш. Чи ж можна задержати зароджену думку, думку, оживлену понадто рідною мовою? Що затримає її на народніх жартах і віршах, що перешкодить їй втілитися в нових формах поезії, проникнути в роман і розвідку, перенести ся в минувшину рідного народа, постарати ся про його будуччину, перейти в кінці в царину віри і з’осередкувати ся на перекладі сьв. Письма або уложеню книжок для духовно-морального читання? Ні, творча думка не може бути спинена штучними перешкодами. За те всякі штучні перешкоди дадуть їй усе фальшивий, тенденційний напрям: наведені висше факти показали, як загнано широкий і свобідний потік української творчої думки в вузькі рамки політичної партії, утвореної в Галичині, що зміцнювала свої ряди, оживляла свою діяльність емігрантами з нашої України — партії могутньої і популярної власне тому, що вона стереже свобідного розвитку української літературної мови. Обмежуючі закони 1863 і 1876 р. були введені, можна припускати, в інтересах великоруської літературної мови. Та не тих заходів вимагає та мова й її література для свого розширення і законного впливу на суспільне жите. Названі закони виймили з під впливу великоруської літератури значну часть української літератури, яка наслідком заборони ввозу книг не могла навіть бути предметом оговореня в великоруській пресі. Ті закони порвали ту братню звязь, яка завязувала ся в ріжних збірниках і періодичних виданнях між великоруською і українською літературою. Вони перервали між ними і братнє супірництво, розділивши їх остаточно і усунувши той спільний ґрунт, на яким природним способом означили би ся ззаїмні відносини між обома літературами. Ми бачили в кінці, що ті закони причинили ся до штучного зросту української лі-

тератури в Галичині, бо там, у Львові й Чернівцях, їй прийшлося відповідати відразу на всі різнородні вимоги життя: українська мова стала мовою просвіти і політики, науки і літератури. Правда, і там стрітила ся вона з великоруською літературою, піддержуваною старою галицькою партією, але ворожнеча, що заступила місце попереднього братаня в Росії, перенесла ся й сюди, і мова — зразу одна лише мова — стала жерелом непримиримої ворожнечі між двома половинами галицької інтелігенції. Моральної страти, нанесеної великоруській народности й її літературі відпалюю, або радше відколеною від неї українською літературою, не нагородить піддержка, оказувана Росією деяким періодичним виданням сьвятоюрської партії.

Закони 1863 і 1876 року стали початком і жерелом тяжких проб для великоруської літературної мови в Галичині, бо вросла поруч із нею українська література уривала з кожним роком із під її ніг ґрунт і то тим лекше й успішнійше, що ту народню літературу підтримувало австрійське правительство, настроєне ворожо супроти старої галицької партії. Перекинувши українську літературу в заграничну Русь, ми перервали братнє супірництво її в Росії з великоруською літературою; та разом із тим ми скомпромітували великоруські, а навіть і “общеруські” інтереси в Галичині, бо викликали проти них штучну коаліцію місцевих українських і польських інтересів. Великоруські інтереси витримали би успішно супірництво з українськими в Росії; та в Галичині не спасе їх ніщо, коли сама Галичина стане ареною того супірництва, що перейшло в братовбийчу ворожнечу.

Публіцисти, ворожі самостійности української літератури, підносять іще один аргумент, не позбавлений практичного значіння. Зазначаючи окремішности в народній мові губерній, заселених Українцями, вони запитують: Де єдність тої мови, що витворить ту літературу? Чи не рознаде ся та література на ряд дрібних провінціальних літератур на місцевих жарго-

нах? В тих побоюваннях ми готові добачувати журу про розцвiг будучої української лiтератури. Та вона не потребує таких пiклувань, їй потрібна передовсiм свобода: свободний розвиток у лiпшiм разi виробить одну спiльну лiтературну мову для всiх Українцiв, у гiршiм — Українцi, не зрозумiвши своєї духової єдності, запропащать свою лiтературу в безплідних незгодах і розладах. Так само ми глядимо і на питанє про українську правопись: коли жите витворить єдність української мови й лiтератури, то воно витворить єдність і в письмі.

Коли-ж закони 1863 і 1876 р. не відповідають інтересам великоруської народности і великоруської лiтератури, то може вони корисні для інтересів російської держави? Ми бачили власне, що проти української лiтератури підношено в рiжні хвилі, починаючи при тiм від 1861 року, дуже тяжкі обвинуваченя. Правда, ті обвинуваченя відносили ся до “невеличкого кружка людий”, охрещених назвою українофiлiв: зразу докоряли їм, що вони находять ся в руках політичних інтригантiв і служать покiрним оружєм заклятих ворогiв своєї України, т. є. польських агiтаторiв; говорили, що діяльність українофiлiв помагає як не мож лiпше намірам польських фанатикiв, що поставили питанє про істнованє “руського” народа і очікують із задоволенєм розкладу у власнiм нутрi того народа; доказували, що українофiльство йде “паралельно со всiми другими отрицательными направленнями, которые вдруг овладiли нашею лiтературою, нашею молодежью, нашимъ прогрессивнымъ чиновничествомъ и разными бродячими елементами нашего общества”. Головною вимогою українофiлiв був одначе не здогадний їх союз із тими умними напрямками, але явний намір їх виврати книги “на новосочиненномъ малороссійскомъ языкѣ”, ширити українську грамотність, заводити українські школи, викоріювати науку про якісь двi руські народности і двi руські мови. За всiм тим усе яснiйше зарисовував ся привид сепартизму, замiр роз’єдинити єдину і неподiльну руську народність. Обвинуваченя в таких намірах засновували ся на

неозначених даних: правда, між представителями українофільства допускано існуванє таких діячів, “которые совершенно чужды какой бы то ни было политической дѣли и руководятся чувством патріотизма”, але разом із ними, — так твердили добровільні обвинуватці — “въ підприємтіи создать особую малорусскую литературу и ввести въ народныя школы южнаго края преподаваніе на малорусскомъ нарѣчїи принимаютъ живое участіе такіе малорусскіе патріоты, которые не ограничиваются мыслью создать свою особую литературу, но простирають виды и на политическую отдѣльность Малой Россїи отъ общаго отечества”. Поки розходило ся про народність і мову, ззивано до чуйности тільки саму суспільність; як же-ж зайшла справа про державну єдність, тоді признано конечною річю як найбільш рішуче вмішанє державної власти. Звідти відклики і до суспільности і до правительства. Наляканє польським повстанєм, хитрим сплетенєм політичної інтриги, що розкинула свої сїти не лиш у самім полуднево-західнім краю, правительство послухало відклику, зверненого до нього. Воно постановило відобрати українофілам саме оруже пропаганди — можливість ширеня української грамотности і видаваня українських книжок. Такий сенс цензурного розпорядженя 1863 року, зверненого проти освітної діяльности на українській мові: ним заборонювано видаванє книжок духовно-морального змісту з одного, сьвітських учебників—із другого боку. Замість повстати проти українських сепаратистів, коли б такі знайшли ся, замість звернути удари на політичну агітацію, шкідну для державної єдности, коли б та агітація дійсно показала ся, розпорядженє 1863 р. ударило на тих діячів, яким були чужі всякі політичні щїли і які “руководились чувством патріотизма”; для сепаратистів і політичних агітаторів витворював ся за те податний ґрунт. “Гоненія и преслѣдованія — писав Катков 1863 року з приводу українофільства—могутъ изъ пустяковъ создать серьезное дѣло; гоненія и преслѣдованія, какъ свидѣтельствуєть опытъ всѣхъ вѣковъ, большею частію возбужда-

ли жизнь и силу въ томъ, что само по себѣ не имѣло ни жизни, ни силы. Мы, стало-быть, не желаемъ — продовжає Катков — гоненій и преслѣдованій, вовсе не изъ уваженія къ фальшивому, не въ угоду, не въ пользу ему, а напротивъ въ ушербъ ему, чтобъ не придать ему большаго значенія и силы". Побоюваня московського публіциста справдили ся: вже того самого 1863 р. Каткову доводять ся зазначити, "что въ послѣднее время, благодаря успіямъ нашихъ украинофиловъ и настойчивымъ требованіямъ поляковъ, львовская газета "Слово" начала отдаляться отъ общепринятаго русскаго языка въ сторону малорусскаго"; в 1867 р. Українці разом із галицькими патріотами заснують львівський журнал "Правда", в 1868 р. повстає у Львові товариство "Просвіта", в 1873 р. повстає у Львові за гроші доставлені з Росії "Товариство імени Шевченка". Все те свідчить про значінє й силу українофільського руху. І лише по 1863 році можна признати за ним і силу і значінє.

За щож підпадала під обмеженя і переслѣдуваня українська література? Чи за те, що поміж людьми, які брали участь у ширеню і твореню українських книжок, були такі, що мріяли про відділенє України від Росії? Дати позитивну відповідь на се питанє було би дурницею; дати таку відповідь значило би допустити можливість обмежень і переслѣдувань на нашу великоруську літературу в загалі, коли серед її діячів знайдуть ся зломисні люди, що мріяли би про розбитє вашої державної єдності, що підривали би своїми фальшивими науками основи суспільного ладу. Усміні напрями вашої політичної преси викликали репресивні заходи проти неї, але заходи ті, надавляючи деякі органи преси, не розширювали ся на цілу літературу в загалі, а преса противного напрямку навіть була піддержувана і запомагана всякими способами. Недовіре до преси викликало в 1872 р. доповненя "къ временнымъ правиламъ" 1865 р., але те недовіре не посягало ні на істнованє великоруської преси, ні літератури. Вважаємо проте неправдоподібним, аби зломисність деяких українських письменників могла

викликувати переслідуванє в загалї цілої української літератури, переслідуванє, якого першими жертвами упадуть Морачевський, льояльний патріот і побожний перекладач Четверозвангелія, а разом із Морачевським і сьвященник Опатович, що не побачив виходу надрукованого вже ним другого виданя “Оповідань із сьвятого писання”, виданя, вже дозволеного сьв. Синодом. Очевидно правительство, що видало розпорядженє 1863 року, руководило ся иншими, важнїйшими мотивами: “горячечная” діяльність українофілів, як її називають обвинуватці. діяльність, що сама по собі не була незаконною, могла — так думало очевидно правительство — довести до небажаних результатів, до духового відділення України від Великої Росії, а духове відокремленє могло би довести і до політичного розпаду. Ось правдоподібні мотиви рішучого вступу, що зробив кінець свободному розвитку української літератури. Сей виступ оснував ся в такім разі цілковито на припущенях, яких вартість і переконуюча сила дуже зглядна. Чому українська грамотність мала вести власне до роз’єднуваня, сього не вияснено. Література буває передовсім відбитком реальних стремлїнь тої суспільности, до якої вона належить, а українська суспільність тих часів, як се видно з самих трактатів проти українофільського напрямку, признаного плодом чужоплемінної інтриги, не стреміла до сепаратизму; вона жила одним спільним житєм із цілою руською суспільністю взагалї, в нїй являли ся ті самі додатні і ті самі уємні стремлїня, які ділили суспільність і в великоруських центрах. Зрештою дальші події показали, що й пізнїйше, по заснованю і зміцненю галицької народньої партії, Українці були далекі від сепаратистичних стремлїнь: коли такі стремлїня були би серед них, вони знайшли би собі вислів і на великоруській мові, користуванє якою не було Українцям заборонене. Великоруська мова могла так само успішно, як і українська, служити оружем пропаганди в користь сепаратизму, кели Українці занялись би колибудь серіозно думкою про заснованє окремої держави. Ідея поко-

рила би собі форму: пропаганда по великоруськи пішла би не менше успішно, як пропаганда по українськи. Виступ проти мови не здавив би думки, коли б вона дійсно назріла серед Українців. Ми маємо повну основу протиставити наведеному висше припущеню инше: свободний розвиток української літератури впливав би на братнє єднанє Полудневої Росії з усею иншою. В українській літературі не було і не могло бути ніяких спеціальних інтересів, чужих великоруській літературі: обі літератури працювали би над спільними питаннями, що впливають із спільних державних і суспільних інтересів. А завдяки тому Україна переймала би ся що раз більше загально-руськими ідеями, загально-руськими стремліннями. Ми віримо в культурну силу нашої великоруської літератури: її вплив забезпечений навіть на заході серед великих культурних націй Європи. Невжеж можна припустити, щоб із нею не пішла рядом у дружнім гурті і в повній свідомості єдності інтересів молода українська література? Повисші мотиви не дозволяють нам признати обмеженя 1863 р. результатом дозрілого обсудженя і всесторонньої оцінки інтересів великоруської народности, племені, літератури і держави: ми, на жаль, мусимо назвати їх плодом сумного непорозуміня.

Та те непорозумінє принесло гіркі плоди. Ми бачили, як безпосередно по розпорядженю 1863 р. Українці переносять свою діяльність до Галичини. Ми бажаємо процвітання українській літературі, ми тішимо ся її успіхами, хоч би у Львові або навіть в Америкі. Та з жалем перекочуємо ся, що вона переймає ся що раз сильнійше ворожим відношенєм до Росії. Воно поясняєть ся по части відорваністю її від російського ґрунту; українська загранична література—а від 1863 р. майже вже не можна говорити про свою російську літературу на українській мові — роздивлює російські події з чужоземної точки погляду, не вдумуючись у них, не вглубляючись у них так, як се можна тільки російським горожанам, що живють у своїй вітчизні і вміють через те розрізняти, що треба конче роз-

різняти, що вміють також прощати і надіяти ся. Та в значній частині ворожий настрій до Росії галицької української літератури залежав від тих самих репресивних заходів, які обмежили царину українського друкованого слова: відібрати освіченим людям право писати рідною мовою, значить посягнути на те, що тим людям так само дороге, як дороге саме життя; посягнути на саме життя народа, бо в чім іншому воно виявляє ся, як не в слові, посильнику думки, виявнику чуття, втіленню чоловічого духа? Держава, що не вміє забезпечити одного з найелементарніших прав горожанина — права говорити друком у рідній мові, розбуджує в горожанині не повагу до себе, не любов, але безпритомний страх за існування. Сей страх зроджує незадоволене і революційні стремління. Сей страх обернув багатьох українофілів із щирих синів Росії, “чуждыхъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей”, на дорогу явного незадоволення. Одна з наших висших урядових інституцій прийшла в 1876 р. до переконання, “что вся литературная дѣятельность такъ называемыхъ украинофиловъ должна быть отнесена къ прикритому только благовиднымъ формами посягательству на государственное единство и цѣлость Россіи.” Сей висновок ослабляє ся значно здогадом, висловленим також 1876 року не менше авторитетною інституцією про те, що “въ писаніяхъ современныхъ дѣятелей украинофильства не только сквозитъ смута, но и высказывается явно мысль объ обособленіи Малороссіи отъ остальной Россіи, обособленіи пока еще только литературномъ, но за которымъ естественно и даже необходимо должно послѣдовать стремленіе къ обособленію политическому”; але все-ж не можна не признати, що сімдесяті роки дійсно прославили ся виступом Українців проти тих державних порядків, при яких їм доводило ся тратити право говорити друком у рідній мові. Чим же були викликані ті напади, як не репресивними заходами 1863 року, що віддали українську літературу на цілковиту самоволю цензури і місцевої адміністрації?

Заходи ті були тим небезпечніші для державного ладу,

що вони не були убрані в форму закона. Звідси роздратоване проти будім то самоволї місцевих властей, наріканє на державні порядки, що не забезпечують елементарної законности. Звідси також дружні зусилля Українців провести свої книжки навпаки і на перекир придирливій цензурі. І так у 1873—1875 роках їм удало ся задрукувати до двадцяти книжок ріжного змісту.

Адміністраційне розпорядженє, аби полішити ся дійсним, не бути при двленим через жите, яке надто не знає про нього і не підготовлене до нього (бо лише закон є загально-обовязковою і загально відомою юридичною нормою) — таке розпорядженє треба поновляти від часу до часу і при тім у що раз острійших формах — відповідно до того, на скільки показало ся безскільним попереднє розпорядженє. Розпорядженє 1863 р. прийшло ся поновити в 1876 р., лиш у ще категоричнійшій і твердшій формі: не оголошений закон 18'30 мая узброє першою своєю точкою цензуру проти ввозу “какпхъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчїи”. Такий поступок признав усю галицьку українську літературу нелегальною: признано нелегальним навіть саме істнованє такої літератури — а се могло послужити тільки до більшого озлобленя робітників української літератури, приневолених недобровільно перенести свою діяльність у заграничну Русь. І в тій заграничній Русі писали ся по українськи не тільки політичні статї, зверненї проти Росїї: там розвивала ся політична література, присвячена своїм місцевим інтересам, там оброблювано нашу давню літературу й історїю, укладано букварі і граматикки, хрестоматїї і словарі, видавано сьвяте Письмо, друковано в кінці невинні що до змісту вірші і пісні. І на все те в Росїї наложено заборону лише тому, що воно друковане по українськи.

Друга точка закона 18'30 мая 1876 р. в сути річи затверджує розпорядженє 1863 р., дозволяючи друкувати по українськи тільки твори красної літератури: застереженє, яке по-

зволяє друкувати історичні документи і пам'ятки, дуже характерне, коли порівняти його з твердженнями деяких публіцистів про те, що укр. мова видумана лише недавно, що вона є одним із пледів польської інтриги, яка стремить до роз'єднання руської сім'ї і руської народности. А тимчасом із точки а) другого параграфу видно, що є історичні документи і пам'ятки, писані по українськи. Так, укладачам проекту закона 1876 р. було очевидне, що думка авторитетних публіцистів — і не самих публіцистів — про те, що хтось колись там видумав українську мову — не що инше, як плід неуцтва або злобної видумки: українська мова має навіть свою історію. Та разом із тим текст другого параграфу сього закона виявляє нову і до того часу невідому точку погляду: із нього можна догадувати ся, що — по думці укладачів проекту — зближеню української мови з великоруською стоїть на перешкодї видумана українофілами правопись і зажадати, аби “въ произведеніяхъ изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія”. Через те перед нами взірець найординарнійшого змішаня двох цілковито відмінних появ: мови і письма. Ніяка система правописи не може витиснути ніякого впливу на мову, що розвиваєть ся на цілковито незалежних від людської волї законах. Тимчасом накидуване мові неприродної їй правописи відбиваєть ся незвичайно фатально на книжковім оборотї; така правопись спинює вихід книжки і придавлює через те далеко сильнійше свобідну думку, свобідну творчість, ніж усякі цензурні обмеження. Ми далекі від думки приписувати укладачам закона 1876 р. жорстоке бажане при помочи узаконеної ним правописи стримати розвиток навіть красної літератури української (бо стримувати “вредныя направленія” в дотичних творах приписано правилом про те, “чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотреніи рукописей въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати”); через те ми приневолені думати, що ними руководила думка зблизити при по-

мочи правопис українську мову з великоруською. Дивний погляд! Передовсім — що розуміти під жаданем держати ся “общепрпятаго русскаго правописанія?” Коли розуміти жадане закона 1876 р. так, що прим. українські слова: віра, дід, місто — мають явити ся в великоруській одежі: вѣра, дѣдъ, мѣсто, т. є. аби звук і передавано буквою ѣ, питаємо, хто заборонить Українцєви передати буквою ѣ звук і також приміром у словах: лід або ніс? — і він напише їх лѣдъ, нѣсъ. Чи виграє на тім справа зближення з великоруською мовою, де ті слова звучать ледъ, несъ? Коли наслідком накиненої правописи Українець має писати мыло з ы, а мило з и, де знайдець ся коректор, той ученій справлювач, що потрафить в українськїм звуці и розріжнити для кожного випадку два ріжні звуки, зліті в одно ледви чи ще не в дотатарську епоху? І про те змішанє и та ы будуть грїмко свідчити передовсім ті історичні українські документи, при яких друку закон вимагає “безусловно” задержувати правопись ориґіналів, не підправляючи її і в напрямі загально-принятої великоруської правописи. А коли розходить ся не про загально прийату правопись, але лише про загально прийаті букви в великоруській азбуці, то чому заборонено писати віра. ліс зам. впра, лисъ, коли і — великоруська буква (міръ), і чому український звук и, що не мьгчить попередього співзвука, приказано віддати через ы, а не и. У всякїм випадку українське письмо могло би зрівняти ся з великоруським зі зверхнього боку найшвидше, коли би задержано правопись Українця, Максимовича. Але кому потрібне таке зверхнє зближенє?

Третя точка роздївлюваного закона заборонює ріжні спєнічні представленя і відчити на українській мові. З розпорядженя 1863 р., надто з другої точки закона 18|30 мая 1876 р. можна було догадувати ся, що правительство мало намір вказати українській літературі приписані границі і через те вплинути на її розмежованє з великоруською літературою, т. є. що воно взяло на себе задачу, яку могло сповнити тільки свобіднє,

неспинюване супірництво обох руських літератур. Але третя точка цього закона доказує вже просто вороже відношенє навіть до української красної літератури, бо переслідує сценічні представлення творів, що дотикають тої літератури. Ще більше, дозволяючи видаване українських драм, комедій, трагедій і забороняючи вивести їх на сцені, правительство обмежує також уживанє живої мови, що видно ще яснійше з заборони “чтеній на малоросійскомъ нарѣчїи”. В кінці та сама третя точка закона 1876 р. проганяє українську мову з такої царини, в якій, здаєть ся, в ніякім випадку не можна заступити її великоруською мовою: заборона друкованя текстів до музичних нот на українській мові проганяє ту мову з романса і пісні і рівняєть ся забороні співати по українськи. Від 1876 р. в українській мові не можна ні співати, ні говорити публично, а друкованє творів красної літератури поставлене під остру цензуру.

Лише горяча любов до рідної України помогла українській осьвіченій суспільности перенести тяжкий і зовсім незаслужений удар.

В 1881, як ми бачили, зроблено кілька полекштутих тяжких умовах, в які було поставлене українське слово: дозволено друк словарів і текстів до музичних нот. Полекші ті зроблено очевидно тільки в інтересах великоруської суспільности: позбавити її можливости знайомити ся з українською штукаю на сцені і в музичнім виконаню — признано несправедливим; позбавити великоруську науку знайомости з богатим складом української лексики — признано небажаним. До інтересів українського народа не звертала ся думка законодавця, не звертала ся до них до самих остатніх днів, коли затверджена царем 21 січня с. р. постанова комітету міністрів поставила на чергу питанє про відміну законів 1876 і 1881 р.

Знайомість із історією цензурних утисків українського друкованого слова переконує про те, що вони викликані не правильним поглядом на державні користи і потреби, але ріж-

ними випадками і односторонньою оцінкою суспільних рухів шістьдесятих і сімдесятих років.

Розглянене аргументів, піднесених у публіцистиці проти існування української літератури, проти її самостійного і свободного розвитку, а за її обмеженнями, привело до висновка, що ті аргументи оперті раз на одностороннім розуміню історії українського народа і його мови, друге на тенденційнім стремлінняю обмежити права української народности в хосен неправильно зрозумілих велико- і загально-руських інтересів.

Перестудіоване тексту правительствених розпоряджень 1863, 1876 і 1881 року вияснило нам ту шкоду для духового розвитку української народности і ту шкоду для російської держави, які були неминучим наслідком їх появи. Цензурна практика, оперта на тих розпорядженнях, доказала всю даремність зусиль, звернених на здавленє того, що видвигнене дійсними, житєвими потребами людности.

І так знайомість із минувшиною питання, порушеного тепер, приневолює нас висловити ся за потребою відміни одобреного царем розпорядження 1863 р. і приказів 1876 і 1881 років.

Ся відміна представить ся нам іще більше невідкладною, ще більше конечною, коли полишимо минувшину і звернемо ся до теперішности, коли тільки подумаємо над культурними потребами українського населеня Полудневої Росії. На ті власне потреби вказав у своїм журналі з 28 і 31 грудня 1904 р. комітет міністрів; “продолжающееся примѣненіе наложеннаго запрета — читаемо в витягах із того журнала — значительно загрудня распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчій, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго уровня крестьянъ малороссійскихъ губерній”.

Комісія має можливість потвердити кожде слово наведеної заяви комітету міністрів цілим рядом даних.

По перше—не підлягає сумнівови, що нинішній низький

рівень культурного розвитку селян українських губерній повинен стати предметом найповажніших і невідкладних турбот Росії. Той низький рівень, доказаний поміченнями багатьох безпристрасних дослідників, звернув уже давно на себе увагу земств і сільсько-господарських комітетів українських губерній і багато їх входило перед правительством з просьбами допустити популярні видання на українській мові. Економічна рада чернігівського губернського земства доказала в 1902 р. konieczність розширення брошур і інших видань із царини сільського господарства на місцевих народніх мовах. Те саме висловив і борзненський (чернігівської губернії) сільсько-господарський комітет. На konieczність популяризації практичних відомостей на українській мові вказував полтавський і новомосковський (катеринославської губернії) сільсько-господарський комітет. На вагу популяризації сільсько-господарських відомостей вказував у своїм рефераті ананіївському сільсько-господарському комітетови відомий автор брошур із сільського господарства на українській мові Чикаленко. Агрономічний з'їзд у Москві 1901 р. постановив просити дозволу видавати книжки і сільсько-господарську газету на українській мові. Кустарний з'їзд у Полтаві 1902 р. висловив ся за видаванем книжок і підручників для кустарів в українській мові. Сільсько-господарські товариства миргородського і полтавського повіту просили також дозволу видавати сільсько-господарські книжки в українській мові і т. д. Про konieczність відміни обмежень, установлених для української мови, як провіднички в народ у загалі знання, підносили просьби земства: херсонське губернське в 1880 р., чернігівське повітове в 1880 р., полтавське губернське в 1904 р. і сільсько-господарські комітети: хотинський (бесарабської губернії), бердянський (таврицької губернії), хорольський і лохвицький (полтавської губернії) і багато інших. Комісія приводячи всі ті дані, розсіяні по різних друкованих жерелах, поміщує в додатках до отсього меморіалу

отриману замітку С. Ф. Русової, де зсумовано цілий ряд помічень у царгні позашкільної народньої освіти.

По друге, зовсім справедливий відклик комітету міністрів до того, що закони 1876 і 1881 р. утрудняють ширене корпусних відомостей між українською людністю на зрозумілій селянам мові. Комісія мала під рукою цілий ряд віродостойних даних, які свідчать про трудність розуміння великоруської книжної мови Українцем. Деякі такі дані наведені і в згадуваних додатках. Належить особливо зазначити, що Українцєви трудно розуміти великоруські книги, присвячені викладови навіть найелементарнійших відомостей по причині ріжниць обох мов в означуваню предметів для буденного ужитку; слова: лошадь, меринь, телѣга, одонье, омшеникь, овинь, рига, клѣтъ, подволока, польня, глазь, лобь. затылокь, туча, молнія, радуга, колодезь, прудь, мельница, мельникь, боровь, кукушка, тряпка, пзба, калитка, форточка, пѣтухь. насѣдка, нашесть і ин. незрозумілі або мало зрозумілі Українцєви. Найвиповнійшим прикладом того бувають трудности, зазнавані навіть освіченими Українцями при знайомости з нашою книжною мовою; про ті трудности говорить багато дослідників, починаючи від трицятих і сорокових років минулого столітя. І не даром, очевидно, Українці звертали ся так радо і звертають ся до рідної мови для висловлення на письмі своїх думок і почувань.

Комісія має підставу думати, що ширене книжок між українською людністю на рідній для неї мові пішло би далеко швидше, як на великоруській. І на те є дуже численні докази; про те говорить сам факт успішного ширеня на Україні книжок, друкованих у Галичині, при чім таке ширене не задержуєть ся перед заборонами, що грозять горожанам, у яких знайдуть ся приміром твори Шевченка або Котляревського у львівських виданях, дуже поважними неприємностями аж до відсиджуваня в тюрмі. Українські письменні селяни накладають ся ласо на все написане їх рідною мовою: за браком легальної літератури на українській мові, нелегальна ширить ся тим сильнійше і тим

більше впливає на людність. Сей факт ілюстрований доволі в писемі бывшего справника III, поміщенім у 9 ч. "Гражданина" за 1905 р.

Комісія має також підставу думати, що відміна заборони друкованого українського слова вплине не лише на зріст знання в народніх верствах при помочи розширення серед Українців науково-популярних видань, але й на загальне піднесенє культурного вигляду народа. Не можна не признати, що зневажливе відношенє до рідної мови потягає за собою негативне відношенє і до сім'ї і до родини, а се не може не відбивати ся і то як найшкідливіше на моральнім складі сільської людности України.

Нашому правительству не можуть бути очевидно чужі інтереси осьвіченої частини роспійської, а тим самим і української суспільности. Закони 1863, 1876 і 1881 р. дають деяке право на розвиток самої тільки красної літератури. Але красна література є тільки одним із способів виявленя духового життя осьвіченого чоловіка. Край продукує не самих літератів: він видає і мислителів і учених і публіцистів і суспільних діячів. Заборонювати тим людям те, що дозволенє працівникам у царині красної літератури, заборонювати їм писати і друкувати по українськи — несправедливо. По надто се ще, як ми бачили, й неможливе: Українці друкують свої наукові праці, публіцистичні трактати, свої думки і розсліди у Львові, Відні, Чернівцях. Ми бажали би, аби українська література в цілім своїм складі лишила ся російською. Ми вважали би корисним звернути сили й здібности талановитих Українців у корпєть країни, що їх виховала. Великоруську народність, сильну не лише самою численністю, не лякає істнованє польської, німецької, латвійської, вірменської, грузинської, жидівської, татарської літератури у границях Росії. Чого-ж лякати ся української? Поляки, Німці, Вірмени мають крім того свої осібні національні інтереси: вони не змішали ся з великоруським народом, культурні і віроісповідні ріжницї між ними і великоруською

людністю дуже значні. Але Українці цілою сукупністю своєї діяльності в користь роспійської держави і російського суспільства являють ся вірними і випробуваними синами руського народа: вони пишуть разом із нами у великоруських газетах і журналах, читають разом із нами лекції, видають наукові підручники, беруть участь у громадських зібраннях і говорять також разом із нами по великоруськи. Чи-ж вони перемілять свій руський напрям, коли їм дозволять говорити й писати на рідній українській мові.

Обмежуючі заборони 1863, 1876 і 1881 р. пригнітають творчі здібности освічених Українців: користувати ся нерідною, незвиклою з дитинства, не виссаною з матірнім молоком мовою для втілення творчої думки і фантазії можна лише при особливім лінгвістичнім таланті. Тяжкий стан українського письменника малює нам письмо д. Леонтовича, прислане ним Д. І. Мордовцеву і передане д. Мордовцевом комісії.

Показуєть ся отже, що в таких ненормальних умовах духового і розумового життя живе в Росії народність, що числила в січні 1897 р. до 23 мільонів 700 тисяч душ!

Через те комісія рішаєть ся з повним переконанєм на закінченє свого реферата повторити отсі слова Ю. Ф. Самаріна, wypowiedжені ним 1850 р.: “Пусть же украинскій народъ сохраняет свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ великорусскимъ племенемъ развиваєть онъ на поприщѣ науки и искусства. для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремлений; пусть учреждения, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ”.

Переклав В. Гнатюк.

ІСТОРИЧНА ЗАПИСКА К. А. ВОЄНСЬКОГО

Предложена начальникови Головної управи
в справах друку д. 12 падолиста 1900 р. в справі
обмежень українського письменства.

Провідним принципом для цензурного уряду при роздивлюванню друкованих творів на малоруським наріччю служить найв. наказ із 18 мая 1876 р. з пізнішими доповненнями.

В серпні 1875 р. з огляду на завважене оживлене діяльності тзв. українофілів була покликана за найв. наказом спеціальна Рада над сим питанням під проводом міністра внутр. справ генерал-адютанта Тимашева, в якої склад входили: міністер нар. просвіти, обер-прокурор св. Синода граф Д. А. Толстой, головний начальник III відділу власної Його Імп. Вел. канцелярії ген.-адют. Потапов і голова київської Археографічної комісії, тайний радник Юзефович.

При обмірковуванню питання Рада опирала ся головно на комунікатах тайного радника Юзефовича і по части на відомостях зібраних Головною управою в справах друку і III відділом власної Й. І. В. канцелярії.

На думку тайного радника Юзефовича ідея малоруської самостійности являла ся видумкою австрійсько-польської інтриги і не мала ґрунту в історії та в душі малор. народу. Препаганда українофілів до остатнього часу не мала успіхів; важне значінє вона здобула аж від заснованя в Києві відділу Імп. Р. Географічного товариства, в якого склад вийшли особи крайне “неблагонаміренні”, а сучасне українофільство маскує собою ідеї соціалізму і тому вимагає енергічних заходів для запобіженя лихови.

Із відомостей Головної управи в справах друку Рада добачила, що цензурний уряд у літературній діяльності українофілів бачить змаганє — відокремити ся від великоруської літератури, а за тим тайний замах на державну єдність Росії.

Третій відділ власної Й. І. В. канцелярії звернув увагу на розширюване серед сільської людности книг і брошур на малоруським нарічю, хоч і дозволених до друку цензурою і в своєму змісті вільних від антиправительственного характеру, але роздаваних із наперед повзятою метою.

На підставі тих уваг Рада признала, що українофільський рух походить із “превратного” переконання про різку різницю між малоруським і великоруським наріччями і має кінцевою метою зразу літературне, а далі й політичне відокремленє Малоросії від решти Росії, а се явище небезпечне. Супроти сього Рада постановила: 1) завести обмежуючі постанови що до Київського відділу І. Р. Геогр. Товариства; 2) уставити догляд над учителями і бібліотеками всіх шкіл малоросійських губерній; 3) запомагати русофільську галицьку газету “Слово”, і нарешті для зупиненя розширюваня книг і брошур на малоруським нарічю випрацювала ось які правила:

1. Не допускати дозову в границі імперії без окремого на се дозволу Головної управи для справ друку ніяких книг і брошур видаваних за границею на малоруським нарічю.

2. Друковане і видаване в імперії оригінальних творів і перекладів на тім нарічю заборонити з виємком лише а) історичних документів і памяток і б) творів красної словесности, з тою одначе умовою, аби при друкованю історичних памяток безумовно захсвував ся правомисс оригіналь, а в творах красної словесности щоб не допускати ніяких відступок від загально прийнятого правопису і щоб дозвіл на друк творів красної словесности давав ся не пнакше, як по перегляді рукопису в Головній управі для справ друку.

3. Заборонити також різні сценічні вистави і відчпти на малоруським нарічю, а також і друковане на ньому текстів до музикальних нот.

Постанови Ради були затвержені царем д. 18 мая 1876 р., при чім надто цар наказав замкнути кївський відділ І. Р. Геогр. товариства в його тодішньому складі.

В р. 1831 вище згадані правила були піддані переглядові з причини поданих міністрови внутрішніх справ відзвітів: київського, подільського і волинського генерал-губернатора генерал-ад'юганта Черткова і тимчасового харківського генерал-губернатор князя Дондукова-Корсакова. Перший підніс, ще остра постанова 1877 р., принята без відома і згоди місцевої адміністрації, не оправдуєть ся дійсною потребою і викликає лише небажане роздрознене серед південно-руської інтелігенції. Признаючи пожаданим скасоване обмежень 1876 р. задля зміцнення довіря до правительства, генерал-ад'югонт Чертков радив поставити літературні твори на малоруськім нарічю в однакові цензурні умови з творами на обще-руськім язиці. Князь Дондуков-Корсаков думав, що правила 1876 р. не лише не осягнули ціли, але викликали незадоволене навіть у ширих прихильників єднаня з Росією і для того домагають ся значного злагодження: на його думку треба зняти заборону спенічних вистав і музикальних творів на малоруськім нарічю; виданє творів на малор. нарічю треба допускати залежно від їх змісту; учителям початкових шкіл у малоруських губерніях треба позволити давати поясненя протягом першого року науки по малоруськи. Лише повна заміна роспійської мови малоруською хоч би лише в початковій школі могла би вважати ся небажаною для державної єдности.

Після всепідданнішого реферата міністра внутрішніх справ графа М. П. Ігнат'єва царь наказав обміркувати питанє про правила 1876 р. в окремії Раді при участі тайного радника Побідоносцева, державних секретарів Островского і Сольского і начальника Головної управи для справ друку, гофмайстра князя Вяземского. Рада признала потрібним задержати правила 1876 р. в силі і на далі, поробивши в них лиш ось які поповненя, що не змінюють п'янципів положених в основу правил:

1) Пункт 2 правил доповнити поясненєм, що до числа видань, які позволяєть ся друкувати на малор. нарічю, додають

ся словарі, під умовою, щоб вони друкувалися з захованем загально-російського правопису, або правопису уживаного в Малоросії не пізніше XVIII в.

2) Пункт 3 в'яснити в тім напрямі, що драматичні штуки, спени і куплети на малор. нарічю, дозволені до вистав давнійше драматичною цензурою і які можуть на ново бути дозволені Головною управою для справ друку, можуть бути виставлювані на сцені, але за окремим в усякім разі дозволом генерал-губернатора, а в місцях не підвладних генерал-губернаторам за дозволом губернаторів, і що дозвіл на друкування на малор. нарічю текстів до музикальних нот, під умовою загально прийнятого російського правопису, полишаєть ся Головнім управі для справ друку — і

3) Зовсім заборонити уряджене спеціально-малоруського театру та формоване груп для виставлюваня штук і сцен виключно на малор. нарічю.

Постанови сеї Ради затвердив цар д. 8 жовтня 1881 р., при чім ся постанова, так само як і первісні правила з 1876 р., не були опубліковані.

В р. 1884 по рефераті Міністрови внутрішніх справ графу Д. А. Толстому Головна управа для справ друку циркулярно упімнула начальників губерній, аби доконче слідили, щоб у репертуар малоруських груп входили російські штуки, і в загалі пильнували за українофілами, що зварядом своєї пропаганди вибрали спену.

В р. 1892 (д. 2. січня до ч. 96) С. Петербурському цензурному комітетови предложено незалежно від безумовної заборони перекладів із російського на малоруський язык, що просто супротивляло ся пунктови 2 височайше затверджених правил 1876 р., особливо остро переглядати всі оригінальні малоруські штуки, забороняючи при тім не лише все суперечне з цензурними правилами, але при найменшій до сього приводі вменшуючи число таких творів у цілях чисто державних.

В р. 1895 Головна управа для справ друку предложила не допускати до друку книжок і збірок на малор. нарічю, призначених для дитячого читаня, хоча-б по сути свого змісту вони й являли ся “благонаміреними” (Пропозиція С. Пб—ського ценз. комітету з д. 2. грудня 1895 до ч. 7143).

Поруч із вище наведеними обмежуючими розпорядженнями Головна управа для справ друку признавала іноді можливим дозволяти до друку, в виді вїємків, невеличкі популярні брошури на малор. нарічю, коли користь від розповсюдження подібних видань серед народа була зовсім очевидна і потверджувала ся відповідними властями.

Виложеним тут вичерпуєть ся матеріал, що послужив основою для практикованих доси обмежуючих постанов що до малоруської літератури. Годї не зазначити, що в мотивах, якими кермували ся ініціатори закона 1876 р., малоруський літературний рух набрав зовсім односторонного забарвленя. При оцінці того руху зовсім полишено на боці культурно-історичну точку погляду, а одиничним політичним мріям (в орії. увлеченіямъ) деяких представників тзв. українофільства надано дуже широке узагальненє. Так напрям одного з основателів київського відділу Імп. Р. Геогр. товариства, Драгоманова, дав тайному радникови Юзефовичу підставу до висновка, що всі загалом українофіли, се небезпечні політичні агітатори з ярко сепаратистичними тенденціями. Особливо характерне те, що при рішеню питаня, якому надавано таке важне державне значінє, зовсім не взято на увагу поглядів місцевої адміністрації (в особах київського і харківського генерал-губернаторів), і така остра міра, як правила 1876 р., була уставлена майже виключно під вражінем свідощв одної особи — тайного радника Юзефовича, який поклав клеймо злочинности на поконвічні і в своїй сути нешкідливі прояви любови до рідного краю, якими все визначали ся Малоруси. Ся заборона, що в р. 1876 впала на малоруське слово зо страху перед небезпечними ідеями, яким воно може служити виразом у деяких фантазерів

(мечтателів), була рівнозначна забороні вживати сїрники зо страху перед пожежею, що може виникнути з них.

Малоруський літературний рух, якого коріне лежить у побутовій, історичній минувшині Малоросії, відповідає двом органічним змаганням малоруської інтелігенції: потребі живописувати обружаюче жите найріднішими йому фарбами, і бажаню дати народній масі просвіту в найдоступнійшій для неї формі. Політичний характер у малоруськім літературнім руху являєть ся елементом випадковим, напливовим, і сепаратизм ледви чи властивий історії й духови малоруської народности. На думку ген. адют. Черткова проповідники сепаратизму хоч би й знайшли ся, зустрілиби серед місцевої людности такий сам опір, який у 1863 році даний був проповідникам польщини. Соціалізм і демагогічні змагання, в яких обвинувачував українці тайний радник Юзефович, лиш через непорозумінє могли бути звязані з питанєм про язык і провопис. При нормальних умовах розвою малоруське письменство спокійно заняло би своє місце як помічна побічна словесність при загально-росийській і так само мало загрожувало би державній єдности Росії, як мало загрожує єдности Франції провансальська література або німецький Plattdeutsch єдности сучасної Німеччини і як нарешті не грозить самій Росії існуванє літератур польської, грузинської, вірменської, латишської і т. п.

Тимчасом правила 1876 р., лиш по троха злагождені постановами 1881 р., ставлять малоруське письменство — ту відміну загально-росийської літератури — в впемкове і важке положенє чогось чужого, засудженого, антиурядового. Ненормальність так поставленого питаня почуває сама цензурна власть, яка в своїм псводженю з подаваними на її роздвленє малоруськими рукописами протягом минулих 25 літ нерідко виявляла значну хиткість, то допускаючи до друку заборонені законом 1876 р. популярно-наукові брошури з огляду на їх безсумнівнє корисний зміст, а значить, зовсім незалежно від ідеї шкідливости малоруського нарічя в творах не-беллетри-

стичних, — то з другого боку заборонюючи такі твори красної літератури, як дитячі казки, в яких буцім то добачувано особливу небезпеку українофільської пропаганди. Таку саму хиткість бачимо в відносинах цензури і до перекладів на малор. наріче, які залежно від різних толковань закона 1876 р. з разу без перешкоди дозволяли ся*), а в останніх часах безумовно забороняють ся.

Природним наслідком такого положеня було з одного боку зазначене місцевою висшою адміністрацією вже по пятилітнім дійстві правил 1876 р. незадоволенє і роздразненє навіть у найбільше благонамірених кругах малоруської інтелігенції, а значить, власне той роздор між обома народностями і те обопільне, чисто штучне відчуженє, для яких уникнення були й вироблені самі правила. З другого боку заборона кинена на літературну творчість малоруських письменників у Росії породила недовіре і навіть вороже відношенє до Росії в значній части австрійських Малорусів, на яких погляд правила 1876 р. дусять саму суцню потребу чоловіка — свободу користувати ся рідним словом. Нарешті дійство обмежуючих правил викликало ще більшу інтензивність у розвою малоруської літератури в Галичині, де вплив сусідніх народностей — польської, німецької, мадярської — зазначив ся богатим внесенєм чужоземних елементів у галицьку літературу, справді відокремлюючій її від обще-роспійської.

З огляду на все виложене висше було-б дуже пожадано змінити нарешті уставлену правилами 1876 р. точку погляду на малор. літературу і поставити малоруські твори що до їх цензурного дозволу в однакові умови з творами обще-роспійської літератури.

Переклав *Ів. Франко.*

*) В роках 1881—1882 надруковано ряд перекладів Александрова і Старницького, з Лермонтєва, Крилова, Шекспіра, Байрона, Міцкевича, Гайне, Сирокомлі і ин.

РУСЬКИЙ НАРОДНИЙ СОЮЗ

Се правдива українська народна робітнича організація в Америці.

Заснована вона доперва з кінцем 1910 року, а вже числить тисячі членів по всіх закутинах широкої американської землі.

Руський Народний Союз поставив собі цілю згуртовати всіх Українців в Америці без огляду на їх переконання релігійні та політичні та нести їм поміч моральну і матеріяльну.

Вступайте до Р. Н. Союзу і ви сей час. Єслиж нема відділу Руського Народного Союзу у вашій місцевости, постарайте ся самі такий відділ у себе заложити.

Лише пять членів потреба щоби з'організувати відділ.

Пишіть на таку адресу:

RUTHENIAN NATIONAL UNION

524-530 Olive Street, Scranton, Pa.

ПЕРЕДМОВА
до перевидання праці Федора Савченка
“Заборона українства 1876 р.”
у “Harvard Series in Ukrainian Studies” (1970)*

У 1856–1862 рр. ціла низка російських установ і громадських діячів із великим ентузіазмом зустріли українські видавничі заходи, які були спрямовані на підвищення рівня освіченості селянства та на дослідження української історії. Серед прихильників, зокрема, були: багато російських журналів (“Современник”, “Вестник Европы”, “Русская беседа”), впливові російські газети (“Московские ведомости”, “Санкт-Петербургские ведомости”, “Киевский телеграф”), відомі освітяни (зокрема М. Корф, К. Ушинський, В. Водовозов), а також громадські діячі різних політичних переконань (у тому числі М. Бакунін, М. Добролюбов, О. Герцен, М. Катков, які ще й активно допомагали у пошуках коштів для фінансування виходу у світ українських видань), як і російський уряд, що виділив 500 рублів на друк українськомовних книжок для шкіл. У 1861 р. П. Куліш навіть отримав офіційне замовлення перекласти Маніфест та Положення про скасування кріпосного права на українську мову.

Однак уже наприкінці 1862 р. й на початку наступного року українська справа зазнала три серйозні поразки. Так, у вересні 1862 р. після чотирнадцяти місяців діяльності перестав виходити журнал “Основа”¹. До певної міри це пояснювалося фінансовими труднощами, а серед інших причин були: брак компетентності редакторів і видавців часопису, недостатнє число передплатників, зростаючий тиск з боку російської цензури і поліцейських чиновників. Чергова поразка сталася на початку 1863 р., коли російська влада закрила всі недільні школи, організовані українськими силами, начебто задля того, щоб запобігти можливому впливу польських повстанців, але насправді метою цього заходу було запобігти зростаючому усвідомленню українцями своєї національної ідентичності. Останній і найбільш руйнівний удар припав на 20 червня 1863 р. (за старим стилем)², коли за згодою Олександра II міністр внутрішніх справ Росії Петро Валуєв направив до цензурного відомства таємне розпорядження про заборону надання дозволів на друкування українською мовою книжок релігійного змісту та шкільної літератури, аж до часу, коли загальну справу не буде вирішено спільними зу-

* Див.: *Dmytryshyn Basil. Introduction // Fedir Savchenko. The Suppression of the Ukrainian Activities in 1876. Reprint of the Kyiv 1930 Edition with Editor’s Preface: Fedir Savchenko and His Work by Omeljan Pritsak and with an Introduction by Basil Dmytryshyn. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1970. – P. XV–XXIX. – (Harvard Series in Ukrainian Studies. – Vol. XIV). – Прим. упоряд.*

¹ Див.: *Пытин А. Н. История русской этнографии: Этнография малорусская. – СПб., 1891. – Т. III, раздел 7; Бернштейн М. В. Журнал “Основа” і український літературний процес кінця 50-х і початку 60-х років XIX ст. – К., 1959.*

² Усі дати у статті подано за старим стилем.

силлями Міністерства внутрішніх справ, Міністерства освіти, шефа жандармів та Найсвятішого Синоду. На художню літературу зазначені обмеження не поширювалися³.

Дуже важко з'ясувати, хто чи що насправді вплинуло на рішення Валуєва вдатися до такого драконівського заходу. У своєму конфіденційному листі до міністра освіти графа Олександра Головніна, який не був прихильником такого рішення, Валуєв навів п'ять пояснень для виправдання своїх дій⁴. По-перше, він стверджував, що даний захід був найефективнішим способом запобігти намаганням української інтелігенції об'єднатися зі селянством для реалізації якоїсь політичної цілі. По-друге, він переконував, що було б недоцільним вчити українських селян мовою, корисність та існування якої є дуже сумнівними, адже “діалект, яким розмовляють прості люди” в Україні, є “не більше ніж російська мова, спотворена впливом на неї Польщі”. По-третє, Валуєв стверджував, що українські селяни розуміють російську мову краще, ніж українську, і з цієї причини їм немає жодної потреби опанувати ще одну мову. Як четверте виправдання міністр наводив тезу про те, що за всіма заходами, спрямованими на визнання української мови, фактично стоїть бажання відокремити Україну від Росії. І, насамкінець, Валуєв доводив, що публікація будь-яких українськомовних матеріалів як світського, так і релігійного змісту буде шкодити “російським інтересам”.

Що саме мав на увазі Валуєв, коли писав про “російські інтереси”, не є зрозуміло. Якщо йшлося про жорстку підтримку політичного, соціального, економічного та культурного статус-кво у Російській імперії, тоді український рух насправді міг би становити загрозу для безпеки держави, так само, як і усі інші пропозиції реформаторів, спрямовані на покращання невідрадного становища більшості підданих імперії, чи то російського, чи іншого походження. Але якщо трактувати “російські інтереси” менш догматично (як годилося б державному діячеві або високопосадовій особі) і в контексті загального добробуту – у найширшому розумінні цього слова – усіх громадян, тоді виявляється, що Валуєв дійсно перебільшив деякі факти, які стосувалися українського руху, деякі з них перекрутив, а решту просто (можливо, навмисно) не зрозумів.

Докладніший аналіз наявних доказів свідчить про те, що, незважаючи на аргументи Валуєва, дискримінаційне розпорядження про заборону української мови було наслідком істерії, яка охопила російські офіційні кола та чималу частину освіченого суспільства в 1861–1863 рр. Вона була спричинена певними подіями в Росії, передусім: зростанням невдоволення селян умовами скасування кріпосного права; активізацією руху протесту серед студентства; нелегальними публікаціями та спалахом революційної пропаганди (“Великорус”, “Молодая Россия”) із закликами до повалення існуючого ладу в Росії; повстаннями у Польщі та Литві проти російського правління; вимогами польських повстанців щодо повернення Росією всіх територій, захоплених під час трьох поділів Польщі наприкінці вісімнадцятого століття (включаючи більшість теренів України); намаганнями поляків проникнути до російських радикальних угруповань, з метою заручитися їхньою підтримкою, та спробами Польщі підняти українське селянство на боротьбу проти російської влади; а також польськими закликами до російських офіцерів та жовнірів повстати проти царя. Окрім того, паніку спровокували певні зовнішні фактори, зокрема палка підтримка польських повстанців за кордоном (головним чином, у Великій Британії, Італії та Франції) та побоювання того, що Польща стане приводом до нової загальноєвропейської війни (на кшталт Кримської).

³ Див.: *Кревецкий Иван*. Не было, нет и быть не может! // Літературно-науковий вісник. – Т. XXVI, ч. 3. – С. 138–139.

⁴ Див.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859–1865. – СПб., 1904. – С. 302–304.

“Польська проблема” була тісно пов’язана з діяльністю т. зв. *хлопоманського руху*, який виник наприкінці 1850-х – на початку 1860-х років. Хлопомани (дослівно прихильники селянства) були переважно молодими представниками польської шляхти, вихідцями зі спольщених українських шляхетських родів, які, перейнявшись засадами Кирило-Мефодіївського товариства, відмовилися від свого польського походження заради “української справи”, яку вони ототожнювали з “народною справою”. Вони не визнавали польських історичних претензій щодо українських територій та проголошували діяльність польських повстанців в Україні безглуздою. Через свої радикальні погляди хлопомани викликали підозру як у поляків, так і в росіян. Патріотично налаштовані поляки вважали хлопоманів зрадниками “польської справи” та, щоб помститися їм, доносили інформацію про їхню діяльність російській владі. У свою чергу, російська влада ставилася до хлопоманів із підозрою та вважала їх революціонерами, розглядаючи їхні дії як “езуїтську конспірацію та інтриганство”⁵.

У вищих офіційних колах існувала тенденція перебільшувати розмах хлопоманського руху та його реальний вплив. Таке викривлення базувалося на певних обвинуваченнях, описаних у двох таємних доповідних записках. Одну із записок підготував генерал-майор граф Сіверс, який на початку 1862 р. як представник міністерства оборони офіційно відвідав військові об’єкти та населені пункти України задля отримання інформації про настрої селян після скасування кріпацтва. Другий секретний документ, датований 29 червня 1862 р. та поданий міністром оборони графом Дмитрієм Мілютіним Олександром II та шефу жандармів, був складений на основі записки Сіверса. Його мета – звернути увагу на “небезпечний” українсько-хлопоманський рух. Сіверс та Мілютін стверджували, що небезпека хлопоманів полягала в тому, що ці студенти вдягають українські національні костюми, співають українських пісень, спілкуються з селянами (закликаючи їх не підкорятись умовам визволення з кріпацтва та не служити в царській армії, вважаючи військову службу аморальною та незаконною) і прагнуть створення незалежної української держави⁶.

Оскільки доповідні записки Сіверса та Мілютіна певною мірою стосувалися державної безпеки, Олександр II, сприйнявши їх цілком серйозно, доручив представникам київської та полтавської поліції провести ґрунтовне розслідування справи. У звіті київської поліції від 4 серпня 1862 р. було підтверджено одну із заяв Сіверса, а саме той факт, що деякі українські студенти справді вдягають національні костюми, співають українських пісень, працюють поряд із селянами, розповідають їм, у т. ч. в сільських шинках, про українську історію, козацькі війни, соціальні заворушення та волю, яку мали їхні предки. Водночас у звіті зазначалося, що в діяльності хлопоманів не криється ніякої конспірації, та робився висновок: треба відкинути всякі чутки у Санкт-Петербурзі про прагнення хлопоманів щодо незалежної України, оскільки “незалежної України ніколи не було і, відтак, не може бути”.

Звіт полтавської поліції від 14 серпня 1862 р. містив аналогічний висновок. Однак щоб заспокоїти царя та деяких стурбованих військових офіцерів поліцейське розслідування хлопоманської справи завершилося арештом низки українських студентів. За наказом царя було створено спеціальну слідчу комісію на чолі з князем Олександром Голіциним. По завершенню слідства кількох студентів було вислано до Сибіру, всупе-

⁵ Там само. – С. 296–299; *Пытин А. Н.* Указ. соч. – С. 273–282.

⁶ Див.: *Савченко Федір.* Заборона українства в 1876 р. – Харків; Київ, 1930. – С. 183–185, 350–351.

реч офіційному визнанню факту, що під час ведення слідства не було зібрано достатньої кількості доказів. Зазначене офіційне визнання було інтерпретоване Ф. Савченком (саме він першим оприлюднив записку Сіверса) як доказ про фальсифікацію всієї цієї справи поліцією, яка намагалася приховати власну недбалість, з одного боку, а з іншого – заспокоїти стурбоване військове керівництво⁷. Важко сказати, наскільки вдалою була така спроба через те, що й дотепер ніхто ретельно не досліджував документів військового відомства з даного питання.

Між тим, складається враження, що головною і безпосередньою причиною дискримінаційного заходу від 20 червня 1863 р. щодо української мови було не стільки польське повстання, хлопоманство чи воєнні міркування, скільки – криза, спричинена питанням, чи буде друкуватися в Росії перший український переклад Біблії, зроблений інспектором Ніжинського ліцею Ф. Морачевським. Здійснений переклад був виявково корисним, оскільки Морачевський достеменно володів українською мовою та майстерно використовував її для точного і влучного відтворення всіх тлумачень. Він виконав своє завдання не як “український сепаратист”, а як відданий і глибоко релігійний громадянин Росії, свідомий того, що його переклад духовно збагатить українців. Оскільки це був перший вдалий переклад Біблії українською мовою, журнал “Основа” сприяв його публікації й навіть зібрав для цього певні кошти⁸. Питання про публікацію українського перекладу взагалі не повинно було б так загострюватися, оскільки під егідою Російського біблійного товариства Біблію вже було перекладено більш як 50-ма мовами, від німецької і французької до калмицької, турецької і чуваської.

У березні 1862 р. Морачевський подав свій переклад до Департаменту російської мови і літератури імператорської Петербурзької академії наук. Як завжди, Департамент доручив спеціальному комітету оцінити переклад. Висновок комітету, за словами О. Никитенка, був таким: “перекладач блискуче виконав складне завдання”. Ухвалу комітету було офіційно оголошено на засіданні Загальної ради Академії 1 червня 1862 р. та на Загальних зборах Академії 29 грудня 1862 р.⁹ В обох випадках до Президента Академії наук було адресовано прохання використати свій вплив на Найсвятіший Синод з метою отримання дозволу на публікацію перекладу Морачевського.

У свою чергу, переклад Морачевського було передано на подальше рецензування з Академії до Найсвятішого Синоду. Підставою для залучення останнього до цієї справи була ст. 31 “Устава о цензуре и печати”, яка передбачала попереднє схвалення Комітетом у справах цензури Синоду всіх книжок релігійного змісту для їхньої публікації в Росії. Комітети Синоду, що зазвичай склалися з 3–4-х осіб, розміщувались у Санкт-Петербурзі, Москві, Казані та Києві. Згідно зі ст. 250 зазначеного “Устава”, вони мали повноваження виносити судження про книги щодо їхнього змісту, значення, правильності ідей, чіткості викладення та їхньої відповідності до вчень Церкви. Кожен комітет мав право приймати рішення щодо якості та корисності даної праці. Ті, що на думку членів комітету, суперечили православному християнському вченню або становили загрозу для існуючої структури чи миру в межах Російської православної церкви і російської держави, повертали до Найсвятішого Синоду для “надійного зберігання” (ст. 263).

⁷ Там само. – С. 188–190.

⁸ Див.: Энциклопедический словарь. – 1891. – Т. VI. – С. 692.

⁹ Императорская Академия наук. Отчеты Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности за 1852–1865 годы. – СПб., 1866. – С. 373–374; також: Bulletin de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. – St. Petersburg, 1863. – Vol. 5. – P. 362.

Першим читачем та поціновувачем перекладу Морачевського від Синоду став калузький єпископ Яков Міткевич, який одразу ж дав йому схвальну оцінку. Однак згодом, під впливом Санкт-Петербурзького митрополита Ісидора єпископ Міткевич проголосив переклад непотрібним і повернув рукопис до Синоду. Другим читачем був начальник жандармів князь В. Долгоруков, висновок якого виявився ухильним. Третім читачем для Синоду був М. Анненков, колишній київський, волинський і подільський генерал-губернатор. У своєму звіті до Найсвятішого Синоду від 17 березня 1863 р. Анненков рішуче висловився проти публікації перекладу Морачевського. Його заперечення ґрунтувалися на п'ятьох пунктах: українською мовою неможливо передати абстрактні поняття чи промисел Божий; українці не потребують перекладу; український переклад було зроблено не з релігійних, а з політичних міркувань; дозвіл на публікацію перекладу надасть українській мові статус самостійної, а значить дасть українцям підстави для подальшої боротьби за політичну автономію, і такий розвиток подій, у свою чергу, буде являти загрозу для безпеки держави¹⁰. 27 березня 1863 р. Олександр II підтримав аргументи Анненкова; такої ж думки були й князь Долгоруков та обер-прокурор Найсвятішого Синоду генерал О. Ахматов. Згідно з прийнятим рішенням, 20 червня 1863 р. Валуєв наказав цензурному відомству не давати дозволу на публікацію будь-яких книжок релігійного змісту та шкільної літератури українською мовою. Виняток становила художня література. 3 липня 1863 р. Найсвятіший Синод поінформував свої комітети у справах цензури щодо заборони публікації будь-яких україномовних книжок релігійного змісту¹¹.

Водночас із цими таємними розпорядженнями певні російські періодичні видання ультрапатріотичного спрямування – “Московские ведомости”, “Русский вестник”, “Русское слово”, “День”, “Сион”, “Труды Киевской духовной академии” і, насамперед, “Вестник Юго-Западной России” – розпочали войовничу антиукраїнську кампанію. З метою об'єднання антиукраїнської опозиції “Русский вестник” висунув ідею, що український рух – це насправді “польська інтрига”. Незабаром ця думка знайшла чимало прихильників у Росії, оскільки польське повстання 1863 р. дало поштовх до активізації серед росіян антипольських настроїв, і багато хто був готовий повірити у будь-які байки про цю “польську інтригу”, якими маловірогідними вони б не були. Проти ідеї “польської інтриги” рішуче виступив Михайло Драгоманов (1841–1895), а незабаром й інші знані вчені¹².

Дискримінаційні заходи 20 червня 1863 р. та наступ на все українське, що їх супроводжував, а також арешт цілої низки видатних українських діячів, неабияк вплинуло на громадську думку і на весь подальший розвиток української культури. Українців позбавили основного та елементарного права – писати й друкуватись рідною мовою. І цей поважний удар було завдано лише через два роки після звільнення мільйонів

¹⁰ Императорская Академия наук. Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – СПб., 1910. – С. 17; *Савченко Ф.* Вказ. пр. – С. 191–192; *Slavik Jan.* Ruska vláda a ukrajinske hnutí před světovou válkou // *Slovanský Přehled.* – Т. XXII. – 1930. – С. 29–30. Дослідження Славіка ґрунтуються на документах, що зберігалися у Російському закордонному історичному архіві у Празі.

¹¹ Там само; *Кревецький І.* Вказ. пр. – С. 138–139; та *Фабрикант Ник.* [псевд.]. Краткий очерк русских цензурных законов к украинской литературе // *Русская мысль.* – Год XXVI. – 1905. – № 3. – С. 132–134.

¹² *Драгоманов М.* Политические сочинения. – М., 1908. – Т. I. – С. 66; також: Об отмене стеснений. – С. 31–32.

українців з кріпацтва. Ці заходи паралізували українофільську просвітницьку діяльність, – російська влада позакривала всі українські школи (без огляду на їхню нагальну необхідність серед населення з високим рівнем неписьменності) та заборонила публікацію будь-яких книжок для народу, включно з літературою про сільське господарство та гігієну. Було навіть зупинено друге видання біблійних оповідей, яке уже було ухвалене Синодом. І, зрештою, заходи 20 червня 1863 р. посяли недовіру між українцями та росіянами, і замість того, щоб навертати багатьох молодих українців до конструктивної громадської діяльності, – підштовхували їх до деструктивної революційної боротьби проти царя.

Між тим, навіть за цих умов дехто з українців відмовлялися приєднуватися до революційних груп і продовжували діяльність у межах чинного закону. Прикладом цього може слугувати робота етнографічної експедиції у Київській, Подільській та Волинській губерніях в 1869–1871 рр. Фінансування експедиції забезпечило імператорське Російське географічне товариство; за пропозицією М. Костомарова, її очолював молодий український етнограф П. Чубинський (1839–1884). Йому активно допомагали українські студенти, представники громад української інтелігенції з різних міст. Зусиллями членів експедиції було вперше здійснено фундаментальну кодифікацію важливого етнографічного матеріалу (“Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русском крае”, в семи томах). Праця побачила світ у 1872–1878 рр.¹³

Не менш важлива сфера діяльності українців була пов’язана з роботою Київського відділу Імператорського географічного товариства, формально заснованого у 1873 р. Цей відділ мав за мету збирання та публікацію етнографічних і статистичних матеріалів щодо губерній з українським населенням. Офіційно відкриття київського осередку ініціював київський, подільський і волинський генерал-губернатор князь О. Дондуков-Корсаков. Однак з моменту його заснування саме українці стали головними прихильниками та діячами відділу. У 1873 р. вони відкрили бібліотеку та музей для зберігання матеріалів, зібраних під час їхніх експедицій. Було також організовано серію публічних лекцій на різноманітні теми з життя українців (від економіки до музики) та встановлено контакти з українцями, що мешкали на теренах Австро-Угорщини. У березні 1874 р. українці – члени відділу провели одноденний перепис населення Києва та його околиць для визначення домінуючої мови спілкування; того ж року 10 членів відділу виступили з доповідями з української тематики на Третньому археологічному з’їзді в Києві. І, нарешті, наприкінці 1874 та на початку 1875 рр. члени відділу здобули редакційний контроль над газетою “Киевский телеграф”, заручилися обіцянками низки професорів університету щодо написання ними статей для цього часопису і започаткували ґрунтовну програму з метою посилення його розповсюдження в губерніях з українським населенням та публікації новин про події на всіх теренах, де мешкали слов’яни¹⁴.

У зазначений період активізувалися й українці Галичини, і цьому не стали на заваді навіть численні перешкоди та дискримінація з боку поляків, які працювали у місцевій адміністрації. Утиски по відношенню до українського населення посилились після 1867 р., коли галицькі поляки здобули адміністративну автономію від австрійського уряду. Проте українцям вдалося заснувати в цей період журнал “Правда”, на шпальтах

¹³ Савченко Ф. Вказ. пр. – С.10–13.

¹⁴ Докладний звіт про діяльність Київського відділу Російського географічного товариства див.: Там само. – С. 13–64.

якого вже невдовзі почали вміщувати свої дописи українські письменники з теренів Російської імперії. Аналогічну функцію виконували такі видання, як “Мета”, “Нива” та “Русалка”. З метою піднесення освіченості населення та національної свідомості серед українського селянства Галичини у 1868 р. українці-галичани заснували у Львові товариство “Просвіта”, а у 1873 р. з ініціативи та за фінансової підтримки українців з Наддніпрянщини було започатковано Наукове товариство імені Шевченка, щось на кшталт літературного клубу із функціями, подібними до “Просвіти”. Ці товариства, малозначущі на початку своєї діяльності, згодом призвели до появи нової української течії з чіткою антиросійською орієнтацією. Саме такий розвиток подій став для російських ультрапатріотів “незаперечним доказом” того, що український рух насправді є “австрійським” або “польським” породженням, або “австро-польською інтригою”, – і цей аргумент побутував аж до початку 20-го століття¹⁵.

Під кінець 1874 р. російські органи влади у Санкт-Петербурзі почали отримувати сигнали про існування “підривної” діяльності у Київському відділі Російського географічного товариства. Одне таке попередження надійшло від М. Рігельмана, голови Київського слов’янського благодійного товариства, відомого дописувача до “Киевлянина”, газети з неприхованим антиукраїнським наставленням. У записці до голови Третього відділення, який, у свою чергу, передав її міністру освіти графу Дмитрію Толстому, Рігельман повідомляв про низку антиросійських “інтриг” у Києві. Він звинуватив українців у поширенні серед інших слов’ян антиросійських настроїв через свій щомісячник “Правда”, що виходив у Галичині. Йшлося також про активну діяльність, спрямовану на здобуття політичної незалежності України, а також про спроби примиритися з поляками та про перетворення Київського Російського географічного товариства на суто українську організацію, а “Киевского телеграфа” – на українську газету як літературного форуму для українських студентів Київського університету. Наслідком цього наклепу став, зокрема, наказ Толстого керівникові Київського навчального округу вжити негайних заходів, щоб не наймати українців на учительські посади у державних школах і тим самим запобігти поширенню антиросійських ідей¹⁶.

Справжнього сполоху про загрозу для Росії з боку українського руху здійняв М. Юзефович (1802–1889), який до певного часу був навіть прихильником українофільського руху, брав участь у створенні Київського відділу Російського географічного товариства та був його найбільш активним членом аж до своєї відставки у березні 1875 р. У травні 1875 р. Юзефович надіслав до Санкт-Петербургу дві доповідних записки з критикою діяльності українців у Києві. Одну з них отримав начальник Третього відділення, другу – міністр внутрішніх справ О. Є. Тимашев. Записки дещо відрізняються за змістом та обсягом, але мають спільну мету: *представити український рух як явище революційного характеру, що загрожує інтересам Росії*. Юзефович повторив всі ті самі звинувачення, які раніше подав Рігельман, а саме: Київський відділ Російського географічного товариства лише є місцем для зібрання українофілів; “Киевский телеграф” поширює ідеї українського сепаратизму; українці, зокрема галичани, прагнуть встановлення тісного союзу з поляками проти Росії.

Крім вищенаведених, Юзефович висунув кілька нових звинувачень. Він попереджав своє керівництво про критичне ставлення українофілів до земельної реформи (це особливо стосувалося замалих земельних наділів, отриманих селянами після скасу-

¹⁵ Див.: Об отмене стеснений. – С. 18–19.

¹⁶ Див.: Савченко Ф. Вказ. пр. – С. 64–69.

вання кріпацтва), про їхні намагання повернути на свій бік селянську молодь та про намагання використати будь-який захід влади (навіть такий, як будівництво залізниці в напрямку кордону з Австрією) з метою поширення українських ідей. У своїх записках Юзефович нападає на всіх відомих представників українського руху – від Куліша та Шевченка до Костомарова і Драгоманова – і звертається до влади з пересторогою. Оскільки на його думку, передреволюційна ситуація, яка склалася в Росії у 1870-х роках була наслідком української пропаганди, влада мусить вжити негайних заходів проти українського руху¹⁷.

На початку вересня 1875 р. за наказом Олександра II було створено спеціальну комісію (Особливу нараду) з представників уряду для вироблення ефективних методів боротьби з українофільством. Її очолив міністр внутрішніх справ; до складу комісії увійшли також міністр освіти, начальник Третього відділення, прокуратор Найсвятішого Синоду та вищезгаданий М. Юзефович. Комісія дійшла висновку, що український рух являє загрозу для російських інтересів та рекомендувала Міністерству внутрішніх справ: 1) накласти заборону на ввезення всіх книжок українською мовою, що не мають спеціального дозволу за підписом начальника Головного управління у справах друку; 2) припинити публікацію в Росії всіх рукописів та перекладів українською мовою, за винятком історичних, і то лише якщо вони дотримуються правил російської орфографії та мають дозвіл від управління у справах друку; 3) заборонити всі сценічні постановки та виконання пісень українською мовою, як і всі публічні виступи українців, оскільки вони підсилюватимуть український рух; 4) заборонити вихід “Київського телеграфа”, оскільки члени його редакційної колегії являли собою загрозу для політичної стабільності Росії; 5) надати фінансову допомогу (1000 рублів щорічно) галицькій антиукраїнській газеті “Слово”, бо без такої підтримки вона припинить існування.

Комісія рекомендувала Міністерству освіти: 1) надати інструкції керівництву всіх шкіл щодо заборони викладання будь-якого предмета в початковій школі українською мовою; 2) вилучити з бібліотек початкових і середніх шкіл, що діють на українських теренах, всі книжки та буклети українською мовою чи українських авторів; 3) провести ретельну перевірку викладацького складу в Київському, Харківському, Одеському учбових округах і перевести всіх, які приховують українофільські переконання, до російських навчальних округів; 4) надалі проводити якомога ретельніший підбір учителів в українських навчальних округах; 5) виганяти студентів і вчителів, які викликають підозру; 6) ввести правило, за яким усі вчителі Харківського, Одеського та Київського навчальних округів мають бути росіянами (українців можна приймати на працю у Санкт-Петербурзькому, Казанському та Оренбурзькому навчальних округах); 7) закрити на невизначений термін Київське відділу Імператорського російського географічного товариства та надати дозвіл на його відкриття у майбутньому лише за умови, що усім колишнім членам товариства буде заборонена участь в його діяльності. Насамкінець, Комісія рекомендувала Третьому відділенню вислати Драгоманова та Чубинського за межі України як “невиправних і безперечно небезпечних агітаторів”. 18 травня 1876 р. Олександр II ухвалив усі зазначені рекомендації під час перебування в німецькому містечку Емс, де він проходив курс лікування, і, відтак, вони набули чинності¹⁸.

¹⁷ Там само. – С. 368–381.

¹⁸ Там само. – С. 381–383; *Кревецький І.* Вказ. пр. – С. 142; *Фабрикант Ник.* Указ. соч. – С. 135. П. Чубинський оселився у Санкт-Петербурзі, де він і помер у 1884 р. М. Драгоманова, якого раніше звільнили з Київського університету, вислали спочатку до Галичини, згодом –

У такого дискримінаційного заходу була єдина мета: посилити заборони, накладені 20 червня 1863 р., і тим самим паралізувати подальший розвиток українського руху. І таку мету було досягнуто. Але на тому справа не зупинилася. Ці акції ще більше розширили прогалину, яка існувала між українцями і росіянами, і призвели до того, що українська література стала знаряддям протесту проти російської влади. Останньому також посприяла російська цензура, сваволя якої не знала ніяких меж. Так, наприклад, 25 травня 1876 р. було зупинено публікацію третього видання збірки українських пісень композитора М. В. Лисенка (1842–1912), хоча тексти пісень були написані відповідно до офіційно затвердженої орфографії. В іншому випадку цензура надала Лисенкові дозвіл на публікацію лише партитури, заборонивши як лібретто, так і саму назву опери – “Чорноморці”. 26 липня 1876 р. цензор релігійних видань у Санкт-Петербурзі відмовився надати дозвіл на публікацію брошури “Оповідание про житие св. мучеников Бориса и Глеба” лише на тій підставі, що її вже було опубліковано в Галичині. Він змінив своє рішення тільки після того, як інший цензор, який відповідав за книжки, надруковані за кордоном, звернув його увагу на те, що згадане видання написано церковнослов’янською мовою. Українофобія настільки заволоділа умами російських цензорів, що вони почали забороняти навіть публікацію українських перекладів творів Гомера, Данте, Шекспіра, Шиллера та інших класиків (деякі з них згодом побачили світ у Галичині), а також освітньої та науково-популярної літератури українською мовою. Очевидно, що після 1876 р. така манія звела кількість українськомовних видань у Росії нанівець¹⁹.

Українці по-різному реагували на таке безглузде переслідування своєї мови та літератури. Дехто приєднався до лав російського революційного руху, що набирив сили. Інші, як зазначалось у звіті агента Третього відділення від 4 вересня 1876 р., почали відверто підтримувати українські традиції, вбираючись в український національний одяг, співаючи українських пісень та висловлюючи захоплення і пошану до українців, яких переслідувала російська влада. Були й такі, що, скориставшись дозволом збирати та друкувати джерельні матеріали з української минувшини, започаткували публікацію російськомовних фахових видань²⁰. У 1877 р. почав виходити “Сборник Харьковского историко-филологического общества”, що незабаром перетворився на одне з найважливіших видань з української історії. Другий часопис – щомісячник “Киевская старина”, заснований у 1882 р., став провідним українським історико-етнографічним та літературним часописом, і залишався таким до часу свого закриття у 1907 р.

Організована урядом українофобія тривала до аж початку грудня 1880 р., коли Олександр II ухвалив заснування Премії імені Костомарова, якою Академія наук мала нагородити укладача словника української мови. Не зовсім ясно, що саме спонукало

до Швейцарії та зрештою – до Болгарії, де він і помер у 1895 р. Перебуваючи за кордоном, Драгоманов сповістив західним оглядачам про гноблення української мови в Росії, внаслідок чого у “Revue des deux Mondes” (XIX, février 1877, pp. 710–718) було надруковано статтю Анатоля Леруа-Больйо “Свобода в Росії”. Автор піддав критиці ставлення російської влади до національних меншин. Докладно про ставлення до Драгоманова див.: *Rudnytsky Ivan L. Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S. – Vol. II, no. 1(3). – Spring, 1952.* Останні дослідження з оцінки діяльності Драгоманова радянськими вченими див.: *Сокуренько В. Г. Демократические учения о государстве и праве на Украине во второй половине XIX века. – Львов, 1966. – С. 18–143.*

¹⁹ Об отмене стеснений. – С. 20–21.

²⁰ *Савченко Ф.* Вказ. пр. – С. 225–226.

Олександра II змінити своє наставлення до українського руху. Існують припущення, що на нього, наприклад, могла вплинути низка звернень впливових високопосадовців, які були небайдужими до української справи. В одному із таких звернень, від 12 січня 1881 р., поданому на ім'я міністра внутрішніх справ, київський, волинський і подільський генерал-губернатор М. Чертков закликав, щоб міністерство почало дотримуватися однакових норм цензури щодо українських і російських літературних і музичних творів, і щоб воно дозволило розповсюдження в Росії, зокрема, збірки пісень Лисенка, що вийшла у Лейпцигу. 13 січня 1881 р. харківський генерал-губернатор князь Дондуков-Корсаков подав до Міністерства внутрішніх справ доповідну записку на підтримку української літератури, постановки театральних вистав українською мовою та виконання українських пісень. І, нарешті, майже водночас сенатор Олександр Половцев після інспекції Київської та Чернігівської губерній у зверненні до органів влади виступив на захист української літератури²¹.

Результатом таких звернень стало подання міністром внутрішніх справ графом М. Ігнат'євим доповідної записки на ім'я нового царя, Олександра III, стосовно переоцінки доцільності антиукраїнських дискримінаційних заходів. За наказом царя було створено спеціальну комісію, до складу якої ввійшли К. Победоносцев, два державних секретарі та начальник Головного управління у справах друку. Комісія загалом рекомендувала підтримати чинність заборонних заходів 1876 р., але водночас запропонувала таке: 1) дозволити публікацію українських словників за умови, що вони дотримуватимуться або сучасних норм російської орфографії, або правил, які були чинними до кінця 18-го століття; 2) схвалені цензурою українські театральні постановки мають представити на перегляд місцевим посадовцям; 3) надати виключне право Головному управлінню у справах друку в Санкт-Петербурзі на видачу дозволу на публікацію українських текстів для музичних творів за умови, що ці твори відповідають офіційно затвердженим правилам російської орфографії; 4) суворо заборонити створення окремих українських театрів і театральних груп²². 8 жовтня 1881 року Олександр III ухвалив вищенаведені “поправки”, і вони набули чинності, проте, всупереч існуючій юридичній процедурі, жодне із попередніх чи нових обмежень ніколи не було розглянуте Державною радою, ані оприлюднене Сенатом, ані внесене до “Свода законів”. Проте, в царській Росії подібне відхилення від звичайної юридичної процедури ухвалення адміністративних указів як законодавчих актів у сфері, що стосувалася “секретних питань” та державної безпеки не було ані винятковим, ані застосованим виключно щодо українців, а скоріше, становило норму.

Формально указ від 8 жовтня 1881 р. являв собою модифікацію указу 1876 р., але з дуже незначними змінами. Новий нормативний документ не торкнувся старих обмежень, але містив абсурдну вимогу: використовувати російську орфографію в українських текстах. Як і раніше, впровадження в життя обмежень використання української мови залишалося в руках цензорів, які, як правило, діяли вкрай свавільно. Водночас дехто з них співчував українцям, оскільки бачив протиріччя між змістом та формою законів, що унеможливлювало їхнє втілення. Саме завдяки таким цензорам іноді вдавалося (у т. ч. за допомогою хабарів або особистих зв'язків) знаходити лазівки, щоб обійти закон. Одна така лазівка, яку закрили лише у 1892 р., давала змогу письменникам і видавцям робити українські переклади російських літературних творів. Інша лазівка, яка проіснувала аж до 1894 р., дозволяла імпорт українських книжок з-за кор-

²¹ Об отмене стеснений. – С. 21.

²² Там само. – С. 21–22; також: *Фабрикант Ник*. Указ. соч. – С. 138.

дону. На жаль, жодна з них не могла задовольнити усі нагальні потреби, внаслідок чого на кінець 19-го століття українське населення було здебільшого неписьменним, – обставина, що шкодила не тільки “українській справі”, а й інтересам самої Російської імперії.

Українська мова у Росії дочекалася кращої долі лише на початку 20-го століття. За збігом обставин, те саме питання, що у 1863 р. призвело появу перших обмежень Валуєва, тепер спричинило прорив. На початку 1900-х рр. український переклад Біблії, підготовлений до друку П. Кулішем, І. Левицьким і І. Пулюєм, був опублікований у Відні під егідою Британського біблійного товариства. 1990 р. ж року кілька членів імператорської Петербурзької академії наук висловили побажання видрукувати в Росії український переклад Біблії, зроблений Морачевським (1862), але їхнім зусиллям завадив Найсвятіший Синод. Ситуація змінилася на краще нарешті у 1904 р. 20 січня Пулюй надіслав примірник Біблії, у перекладі якої він брав участь, до Управління у справах друку в Санкт-Петербурзі з проханням дати дозвіл на імпорт видання до Росії. Другий примірник він вислав Президентові Академії наук великому князю Константину з проханням вирішити справу про імпорт з відповідними відомствами. У той же час вдова П. Куліша звернулася з листом до імператриці, благаючи про її підтримку у вирішенні цієї справи²³.

Відповідно до загальноприйнятої практики Управління у справах друку направило матеріали Пулюя до Найсвятішого Синоду, члени якого вже 10 липня 1904 р. формально виступили проти ввезення щойно опублікованого українського перекладу Біблії. Президент Академії мав іншу думку, і тому ще 8 травня 1904 р. він розпочав листування з даного питання з міністром внутрішніх справ В. Плеве, а після вбивства останнього – з його наступником князем П. Святополком-Мирським. Внаслідок цього втручання, а також за умов посилення революційних заворушень, 12 грудня 1904 р. Микола II доручив Раді міністрів переглянути всю структуру цензурного апарату, включаючи таємні норми, що вживалися виключно для вирішення українського питання. Рада міністрів розглядала цю справу впродовж двох сесій – 28 та 31 грудня 1904 р. Як саме проходило обговорення, достеменно невідомо, але після царської ухвали Рада міністрів зобов’язала міністра внутрішніх справ та міністра народної освіти генерала М. Глазова звернутися до президента імператорської Петербурзької академії наук та ректорів Київського і Харківського університетів з проханням висловити свою думку з даного питання²⁴.

Невдовзі у трьох вищезгаданих закладах було створено комітети, до складу яких увійшли відомі вчені, мета діяльності яких полягала у вирішенні цього запутаного питання. Незважаючи на те, що комітети засідали окремо та розглядали різні аспекти цієї справи, усі вони дійшли майже однакових висновків: по-перше, вони засудили всі дискримінаційні заходи проти української мови і висунули обвинувачення проти відповідальних високопосадовців (Валуєва, Анненкова, Сіверса, Юзефовича та ін.) не тільки за серйозні помилки, а й за завдану Росії непоправну шкоду. Були висловлені також різкі звинувачення на адресу Каткова за роздмухання істерії під час та після Польського повстання 1863 р. По-друге, на думку членів комісії, уряд мав негайно скасувати всі дискримінаційні заходи проти української мови, дозволити публікацію українського перекладу Біблії, зробленого Морачевським, та ввезення українських книжок із-за

²³ Повну інформацію щодо контактів І. Пулюя див.: Літературно-науковий вістник. – Т. XXVII, ч. III. – С. 4–6; 175–176.

²⁴ Об отмене стеснений. – С. 5–8.

кордону, а також запровадити викладання українською мовою у початкових і середніх школах у районах з переважно українським населенням.

За винятком одного формального заперечення з боку професора Київського університету Юліана Кулаковського стосовно видання українського перекладу Біблії (який вважав, що таке рішення мав приймати Найсвятіший Синод), висновки трьох комітетів були ухвалені всіма членами. Утім, на превеликий жаль, міністр народної освіти В. Глазов більше зважав на єдине заперечення яке прозвучало, а також на доволі ворожі “патріотичні” думки прибічників осіб, ніж на висновки поважних учених. У своєму звіті Раді міністрів він вказав на доцільність надання дозволу на використання української мови у науковій, популярній, художній літературі та періодичних виданнях, але водночас запропонував продовжувати вживати церковнослов'янську мову в церквах, а російську – у школах, судах та органах управління²⁵.

Революція 1905 р. не дала запровадити ці рекомендації в життя. Жовтневий маніфест обіцяв ухвалення конституції та утворення Державної думи; а народу гарантувалося “непорушне дотримання громадянських свобод на принципах справжньої особистої недоторканості, свободи совісті, мови, зборів та об'єднань”, а також свободу преси. Українці, відчувши слабкість влади та незважаючи на існування старих норм, почали друкувати книжки, періодичні видання та газети українською мовою. Наприкінці 1905 р. фактично налічувалося вже близько тридцяти видань українською мовою; а на початку 1906 р. 63 українці стали членами Першої Думи. Ці події сповістили про початок нової доби для українців у Російській імперії, хоч лише після падіння монархії в 1917 р. почався короткий період культурної та політичної незалежності.

Жорстоке переслідування української мови і свідомо дискримінація мови – ключові теми праці Федора Савченка – були трагічною помилкою. Відповідальність за неї несли, передусім, місцеві чиновники, які, налякані змінами в соціально-політичному кліматі в країні, почали надсилати до Санкт-Петербурга похливі звіти про “конспірацію” та “інтриги”, а також, певною мірою, – керівники центральних органів влади, що приймали ці фальшиві звіти “за чисту монету” та діяли відповідно. Дослідження Савченка, що ґрунтується на джерельних матеріалах, виявляє низку помилкових понять учасників подій та чітко вказує, на кому лежить відповідальність за дискримінаційні заходи проти українців. Попереду – ще чимало роботи, аби представити історію цього питання у всій її повноті. Наступним кроком має бути ретельне вивчення архівів Найсвятішого Синоду, Третього відділення, військового відомства та особистих документів головних учасників згаданих подій. Беручи до уваги, що це завдання можливо здійснити лише в Радянському Союзі, де знаходяться документи, саме радянські вчені мають визначитися: самими займатися дослідженням цих джерел або створити сприятливі умови для іноземних учених, які могли б виконати це завдання.

*Василь Дмитришин,
Портлендський державний університет (1970)*

²⁵ *Slavik Jan. Op. cit. – S. 218–219.*

ДОВІДКОВИЙ АПАРАТ

Коментарі

№ 1

^a Появі цього розпорядження передувало вивчення С. Уваровим вилучених у членів Кирило-Мефодіївського братства програмних документів, а також художніх творів Т. Шевченка, П. Куліша і М. Костомарова (див.: Кирило-Мефодіївське товариство. У 3-х тт. – Т. 1. – К., 1990. – С. 43).

№ 2

^a “Закон Божий” (“Книга буття українського народу”), програмний твір Слов’янського товариства св. Кирила і Мефодія або Кирило-Мефодіївського братства. Автором твору вважається М. Костомаров, у якого виявлено рукопис українською мовою (див.: Кирило-Мефодіївське товариство. У 3-х тт. – Т. 1. – К., 1990. – С. 250–258).

^б “Поднестрянка” (“Поднестранка”) – так М. Костомаров у свідченнях у III відділенні назвав твір, з якого він нібито для ознайомлення переписав текст “Закону Божого”. Насправді тексту “Поднестрянки” не було виявлено.

^в Російськомовна “Повість об украинском народе” П. Куліша побачила світ у Петербурзі 1846 р., спочатку у періодичному часописі для дітей старшого віку “Звездочка”, що видавався письменницею О. Ішимовою, згодом – окремим виданням (Повість об украинском народе, написал для детей старшого возраста П. Кулеш. – СПб., 1846. – 112 с.). Книжка містить популярний нарис історії України для початкового ознайомлення.

^г “Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад” – російськомовний історичний роман П. Куліша у 3-х частинах, виданий у Києві 1843 р.

№ 3

^a Статут Кирило-Мефодіївського братства, написаний рукою В. Білозерського, був виявлений у М. Гулака. Складався з “Головних ідей” та “Головних правил” товариства. Пояснення до Статуту підготував також В. Білозерський.

^б Йдеться про твір А. Міцкевича “Księgi Narodu Polskiego i Pielgrzymstwa Polskiego” (Paryż, 1832), що став зразком для твору М. Костомарова “Закон Божий”.

^в Припис шефа жандармів О. Орлова від 9 червня 1847 р. опубл.: Кирило-Мефодіївське товариство. У 3-х тт. – Т. 1. – К., 1990. – С. 79–81. Щодо повідомлення начальника П’ятого округу Корпусу жандармів О. Шнеля, то воно дослівно, за винятком двох останніх абзаців, повторює текст припису шефа жандармів.

№ 5

^a Директор канцелярії обер-прокурора Святішого Синоду К. Сербинович звернувся до Київського комітету з цензури духовних книг, оскільки в його відомстві не знайшлося жод-

ного чиновника, який би знав українську мову (ЦДІАК України, ф. 711, оп. 3, спр. 4213, арк. 1–2).

^б Йдеться про збірку проповідей: Собрание слов, бесед и речей на разные дни и случаи, говоренные Киевской академии ректором архимандритом Иннокентием. – Т. 1–2. – К., 1836–1837.

^в Вульгата (Vulgata versio) – латинський переклад Святого Письма.

№ 6

^а “Черниговские губернские ведомости” – офіційна урядова газета, виходила у 1838–1918 рр. Складалася з двох частин: офіційної, де друкувалися розпорядження, постанови і повідомлення центральних і місцевих властей, та неофіційної, у якій вміщувалися повідомлення про місцеві новини, статті з фольклору, етнографії, лінгвістики, археології, історії, географії, економіки краю тощо. Серед дописувачів – О. Лазаревський, П. Єфименко, О. Маркович, О. Шишацький-Ілліч, Л. Глібов, М. Коцюбинський та ін.

№ 7

^а Йдеться про брошуру Антонія Петрушевича “Кілька слів на захист руської національності” (Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości. – Lwów, 1848), в якій спростовувалися заяви польських опонентів щодо неможливості навчання українською мовою у школах, а також аргументувалася наявність українськомовної літератури за княжої доби.

№ 12

^а “Загальне положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності” було другим законом після Маніфесту від 19 лютого 1861 р. з цілої серії законодавчих актів селянської реформи. Там у загальних рисах визначалися особисті і майнові права та обов’язки вчорашніх кріпаків. Йшлося також про заснування сільських і волосних органів селянського самоврядування та визначалися повинності селян на час їх перебування тимчасовозобов’язаними.

Щодо перекладу П. Куліша див. коментар до док № 234.

№ 14

^а “Черниговский листок” – щотижнева (з перервами) газета, видавалася у Чернігові в 1861–1863 рр. Л. Глібовим. Вийшло 61 число та чотири додатки. Обстоювала якнайширше утвердження ринкових відносин в усіх галузях господарства, підтримувала земства як демократичні установи, здатні оновити громадське життя. Багато уваги приділялося популяризації української мови, історії, етнографії, фольклору. Видання припинене розпорядженням міністра внутрішніх справ: редакторів інкримінувалася участь у чернігівському антиурядовому таємному гуртку С. Носа та І. Андрушенка.

№ 16

^а М. Чалий опублікував текст “надмогильного слова” протоієрея Мацкевича, в якому, зокрема, зазначалося: “Было время, когда об Украине нашей думали как о стране, недоступной для возвышенных чувств и мыслей; но Шевченко доказал, что сия забытая для народного просвещения страна имеет такое же сердце, такую же душу, доступную для всего высокого и прекрасного” (*Чалий М. К. Жизнь и произведения Тараса Шевченка.* – К., 1882. – С. 197–198).

№ 17

^а Йдеться про видання “Букварь Южнорусский 1861 року” Т. Шевченка (СПб., 1861; УК, 1, 209).

№ 22

^а Йдеться про видання, укладене П. Кулішем і видрукуване в його друкарні: Українські пісні з голосами. – Пб., 1861 (УК, 1, 208).

№ 24

^а Петербурзький комітет грамотності було створено 1861 р. при Вольному економічному товаристві для поширення елементарної грамотності серед селян, котрі довгий час були позбавлені можливості здобувати освіту в школах. Ініціював його створення російський громадський діяч С. Лашкарьов.

^б “Современная летопись” – щотижнева газета, видавалася в Москві у 1861–1862 рр. як додаток до журналу “Русский вестник”; у 1863–1871 рр. – додаток до “Московских ведомостей”; видавець і редактор – М. Н. Катков.

^в “Русский вестник” – російський літературний і суспільно-політичний журнал, виходив у Москві у 1856–1887 рр.

№ 25

^а Катеринославське у селянських справах присутствіє (1861–1889) було місцевою установою Міністерства внутрішніх справ. Створювалася, як й інші губернські установи, згідно з положенням від 19 лютого 1861 р. про губернські і повітові у селянських справах присутствія для облаштування земельних відносин внаслідок ліквідації кріпацтва. У складі губернатора (голови), губернського предводителя дворянства, управляючого палатою державних маєтностей і чотирьох місцевих дворян розглядало скарги на постанови мирових посередників і повітових мирових з'їздів, схвалювало добровільні угоди між поміщиками і селянами та інше.

№ 26

^а Тимчасові поліцейські суди створювалися на основі положення Комітету міністрів від 5 серпня 1861 р. Згідно з правилами їхньої діяльності, заборонялося брати участь у будь-яких виступах чи несхвальних діях проти чинного порядку, зокрема співати гімни, пісні, одягатися і з'являтися в публічних місцях з “умовними отличительными знаками”. Впроваджувалися покарання: арешт від трьох днів до двох тижнів, штрафування від 10 до 200 руб. У разі повторення порушень покарання збільшувалися (ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 36: 1861. – СПб., 1863. – Отд. 2. – № 37327).

№ 27

^а Йдеться про селянські виступи 1855 р., що отримали назву “Київська козаччина”; для їхнього придушення влада застосувала регулярні війська.

^б Йдеться про відносини Катерини II з останнім польським королем Станіславом II Августом Понятовським (1732–1798), який був обраний за підтримки російської імператриці. Під час його правління відбулися поділи Речі Посполитої.

^в Під м. Дашевим відбулася одна з битв Листопадового польського повстання 1830 р. Загін польської шляхти під командуванням 80-річного генерала Бенедикта Колиско зазнав поразки.

^г Йдеться про Східну (Кримську) війну 1853–1856 рр.

№ 32

^а Йдеться про статтю, опубліковану під назвою “Отзыв из Киева” в “Современной летописи” “Русского вестника” (№ 46 за 1862 р.) за підписом 21-ї особи – підкреслено аполітичну заяву хлопоманів, у якій вони відкидали революційні засоби боротьби, вважаючи основною своєю діяльністю народну освіту, а також спростовували закиди у сепаратизмі. Публікації статті передувало збирання відомостей про тих, хто її підписав; серед них – В. Антонович (див.: *Житецький І.* Київська громада за 60-тих років // Україна. – 1928. – Кн. 1. – С. 91–105).

№ 34

^a Йдеться про Київську громаду, час формування якої, названий у цьому документі, співпадає з часом, вказаним у спогадах І. Житецького (Україна. – 1928. – Кн. 1. – С. 124–125).

^б Див. коментар до док. № 32.

№ 38

^a Крім генерал-губернатора І. Кулжинський звертався до видавця львівського журналу “Мета”, звинувачуючи його в незнанні української мови (див. один з його листів: “Вестник Юго-Западной и Западной России” – К., 1864. – Т. 2 (ноябрь). – С. 33–45).

^б “Книжный вестник” – критико-бібліографічний журнал, виходив у Санкт-Петербурзі в 1860–1867 рр.

^в “Одесский вестник” – газета, виходила в 1827, 1828–1893 рр. й перебувала в безпосередньому підпорядкуванні новоросійського і бессарабського генерал-губернатора.

^г 1864 р. у Києві почала виходити газета під іншою назвою – “Киевлянин”, – редактором якої став професор Київського університету В. Шульгін.

^г “Сын отечества” – російський громадсько-політичний журнал, виходив у Санкт-Петербурзі в 1812–1852 рр.; у 1856–1861 рр. став ще й науковим та літературним виданням; з 1862 р. під цією назвою вже виходила газета ліберального спрямування.

^д Проект положення про народні училища 1863 р. виявився більш ліберальним, ніж схвалене Державною радою 1864 р. положення від 19 липня 1864 р. У його 4-ій статті вже було сказано, що викладання у народних училищах здійснюється російською мовою, тоді як у проекті цього законодавчого акту йшлося про місцеві мови та говірки, якими слід розпочинати навчання з тим, щоб потім перейти на російську мову (ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 39: 1864. – СПб., 1874. – Отд. 1. – № 41068).

^е “Киевский телеграф” – перша недержавна газета, виходила у Києві у 1859–1876 рр. Співробітниками газети стали діячі Київської старої громади: М. Драгоманов, М. Зібер, Х. Вовк, М. Лисенко, П. Чубинський, П. Житецький, В. Антонович та ін. Значну увагу приділяла питанням розвитку українського національного руху, економічним, політичним та культурним проблемам. Вийшов 71 номер. Згідно з Емським актом 1876 р. газету було закрито.

^е Йдеться про переклад Євангелія українською мовою, здійснений П. Морачевським (1806–1879), інспектором Ніжинського ліцею кн. Безбородька. Крім Євангелія він переклав українською “Діяння апостолів”, “Апокаліпсис”, “Псалтир”, написав курс “Священної історії для початкових шкіл”. Його переклади були визнані Російською академією наук найкращими у порівнянні з аналогічними перекладами іншими слов’янськими мовами. Проте жоден з них не був виданий за життя автора. Вперше його переклад Святого Письма – “Четвероєвангеліє” – було рекомендовано до друку Академією наук і видано 1906 р. у Московській синодальній друкарні накладом 5 тис. прим.

^ж Йдеться про популярну брошуру І. Кулжинського антиукраїнського спрямування, видану не пізніше 1863 р.

№ 39

^a Вірш “Ще не вмерла України...” написаний П. Чубинським у Києві 1862 р. В основу тексту покладено мотиви з мазурки “Єще Польска не згінела” (згодом – польського гімну) та пісні сербських повстанців, де були слова “Серце біє і кров ліє за нашу свободу”. Вперше опублікований без прізвища автора у львівському часописі “Мета” (1863. – № 4. – С. 271–272), згодом неодноразово перевидавався, зокрема, у збірках: Ф. Колесси “Наша дума: Українсько-руські народні пісні” (Львів, 1902; УК, 1, 2359); “Пам’ятка з відкриття

товариства “Січ” в Вашкiцях на Буковині 4 жовтня 1903 р.” (Коломия, 1903; УК,1, 2533); “Царі, пани а люде” (Женева, 1903; УК,1, 2571).

На теренах Російської імперії вперше опублікований у Києві 1908 р. у збірці “Українська муза: Поетична антологія од початку до наших днів” за редакцією та з передмовою О. Коваленка (стб. 389–390); у передмові названий гімном. 1910 р. у Києві видавництвом “Ранок” вперше видрукуваний окремою брошурою, на яку одразу за розпорядженням Київського тимчасового комітету у справах друку від 3 травня 1910 р. було накладено арешт. У розпорядженні вірш названо “відомим революційним українським гімном”, що “закликає малоросів до вчинення бунтівного діяння проти російського уряду і збуджує у малоросів ворожнечу проти великоросів і російського уряду”.

Пісня “Ще не вмерла Україна” на музику М. Вербицького зі словами першого куплету та приспіву вірша П. Чубинського стала основою Національного Гімну України.

№ 40

^а “Московские ведомости” – газета, видавалась у 1756–1917 рр. при Московському університеті. За час редагування М. Катковим (1863–1887) набула реакційного характеру і стала впливовою в бюрократичних верхах.

^б М. Катков намагався показати, що українофіли відстоювали не свої власні інтереси, а діяли під впливом польських повстанців. Захоплений ідеями М. Карамзіна, він заперечував існування українців, натомість стверджував, що існує лише єдиний “русский народ”; вважав, що Україна не має своєї історії, оскільки вона ніколи не була державою.

^в Йдеться про популярний посібник з християнської доктрини, здебільшого написаний у формі відповідей на запитання; вперше з’явився за часів Реформації. У даному випадку М. Катков мав на увазі “Польський катихізіс” (1863), у якому викладалися настанови полякам із захисту своїх інтересів в Російській імперії. Більшість істориків вважають текст “Польського катихізісу” фальшивкою.

^г Валленрод Конрад фон (між 1330 і 1340–1393), великий магістр Тевтонського ордену у 1391–1393 рр. Проводив політику, спрямовану на підтримку князя Вітовта в його боротьбі з своїм двоюрідним братом, королем польським і великим князем литовським Ягайлом. Перекази зробили з нього литвина, який вступив в Орден з метою помститися за розорення своєї батьківщини. Його образ, виписаний Адамом Міцкевичем у поемі “Конрад Валленрод” (1828), послужив творенню ідеї валленродизму, що передбачає вкорінення у ворожі лави з метою їхнього розвалу і знищення задля досягнення патріотичної мети.

^д М. Катков та його послідовники, нападаючи на українофілів, зверхньо твердили, що іншого майбутнього в українців немає і не може бути, окрім самодержавства та імперії.

№ 41

^а Автора польської брошури, про яку згадує голова Київського цензурного комітету, встановити не вдалося.

№ 44

^а Документ, яким міністр внутрішніх справ П. Валуєв 18 липня 1863 р., заборонив друкувати українською мовою книжки релігійного змісту, як і підручники та різні видання для народного читання, у науковій та публіцистичній літературі здобув назву “Валуєвського циркуляру”. Він неодноразово друкувався, про нього написані окремі розвідки, проте більшість дослідників не цікавила його діловодна й текстологічна складова. Як це не парадоксально, але досі залишаються актуальними, як мінімум, три питання: яким є діловодний різновид цього документа (і, відповідно, його “статус”); який саме текст слід вважати “циркуляром”; як датувати цей акт.

Почнемо з останнього. У діловодному листуванні місцевих державних установ з приводу виконання Валуєвського акту фігурують три дати: *3 липня, 8 липня, 18 липня* 1863 р. Дата *3 липня*, скоріше за все, з'явилася у діловодстві помилково. Дата *8 липня* 1863 р. подається у відомчому цензурному виданні 1865 р., в якому опубліковано таємне відношення міністра внутрішніх справ до міністра народної освіти за № 394 (див. док. № 43) з посиланням на справу Центрального управління по цензурному відомству за № 188 (Сборник распоряжений по делам печати с 1863 г. по 1 сентября 1865 г. – СПб., 1865. – С. 9–11). Тут звернення П. Валуєва починається словами “*Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы...*”, а закінчується фразою “*...его величеству благоугодно было удостоить оное монаршего благоволения*”. Діловодний номер зазначеної справи є діючим; сьогодні ця одиниця зберігання під заголовком “О цензуровании книг, изданных для народа на малороссийском наречии” має у РДАА сигнатуру: ф. 775, оп. 1, spr. 188.

Ще одну дату розпорядження П. Валуєва – *20 червня* 1863 р. – було помилково запроваджено до публічного обігу у Доповіді Комісії Петербурзької академії наук у справі про відміну утисків українського друкованого слова 1905 р. (див. док. № 234, с. 378). Згодом цим датуванням послуговувалися деякі дослідники (зокрема, Василь Дмитришин; див. с. 611–622).

Вперше (після відомчої публікації 1865 р. для “службового користування”, послуговуючися сучасною термінологією) розпорядження П. Валуєва з датою *8 липня* 1863 р. було оприлюднено у львівському часописі “Правда” у 1894 р. (редактор – О. Барвінський). Редакційна стаття без підпису мала промовисту назву: “Трийцят літ духової неволі на Україні” (“Правда”. – 1894. – Т. 21, вип. 63. – С. 281–290). Першим як дослідник текст цього документа опублікував російський історик М. Лемке у монографії “Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов” (СПб., 1904. – С. 302–304). Того самого року розпорядження (за текстом згаданої публікації у “Правді”) було оприлюднено у Львові І. Кревецьким (*Кревецкий I. “Не было, нет и быть не может” // Литературно-научный вестник. – Т. XXVI. – Львів, 1904. – С. 138–139*). М. Лемке помітив помилку у датуванні і зазначив: документ слід датувати не *8-м*, а *18-м* числом липня. Крім того, він зауважив кілька різничитань та пропусків, виявлених при звірці публікації у “Сборнике...” із текстом документа у зазначеній архівній справі. Так, у публікації М. Лемке замість “*монаршего благоволения*” подано “*монаршего одобрения*”. До того ж, документ містив продовження: “*Сообщая вашему превосходительству...*”, яке закінчувалося припискою П. Валуєва: “*Нелишим считаю присовокупить, что Киевский цензурный комитет...*”. Автор пояснював, що цю кінцівку він запозичив із документів архіву відомства освіти. Показово, що і у діловодному листуванні, і в дослідженні М. Лемке документ фігурує як “розпорядження”, а не “циркуляр”.

Ф. Савченко назвав документ, про який йдеться, “Валуєвським наказом” із датою *8 червня* 1863 р. (Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. – Харків, Київ, 1830. – С. 190).

О. Міллер у монографії “Украинский вопрос” опублікував першу частину документа, що його подав М. Лемке, і назвав його *циркуляром* міністра внутрішніх справ П. Валуєва Київському, Московському і Петербурзькому цензурним комітетам від *18 липня* 1863 р. (Миллер А. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в. – СПб., 2000. – С. 240–241).

Насправді 18 липня 1863 р. з канцелярії П. Валуєва за його підписом вийшов блок таємних документів з “української тематики”, що складався з трьох відношень із тотожними текстами (до міністра народної освіти за № 394, до шефа жандармів за № 395 та до обер-прокурора Святішого Синоду за № 396), а також восьми розпоряджень (до цензурних комітетів – Київського (№ 397), Московського (№ 398), Віленського (№ 399), Ризького (№ 400), Одеського (№ 401), Петербурзького (№ 402); до окремих цензорів у Дерпті та Казані, відповідно, за №№ 403 і 404). Отже, кожен із восьми цензурних органів отримав “свій” текст із власним вихідним номером; сім із них були ідентичними, а “київський” (док. № 44) відрізнявся від інших наявністю посилання у преамбулі на подання голови Київського цензурного комітету О. Новицького від 27 червня 1863 р. до міністра внутрішніх справ (див. док. № 41), що, власне, зініціювало Валуєвський акт. На усіх документах

відсутня стандартна для тогочасного діловодства ознака циркуляру – помітка у правому верхньому куті “Циркулярно”, там лише проставлений гриф “Секретно”. Отже, 18 липня 1863 р. до цензурних комітетів було надіслано не циркуляри, а розпорядження. Інакше кажучи, як такого “Валуєвського циркуляру” не існувало, а було розпорядження міністра внутрішніх справ П. Валуєва заборонити видання книг українською мовою. Цей епізод не зайве підкреслює, що в Російській імперії цього періоду не існувало чіткого розмежування між законом і адміністративним розпорядженням. Можливо, саме це й намагалися з гіркою іронією зауважити дослідники, коли писали, що українська мова могла бути заборонена звичайним міністерським розпорядженням.

№ 46

^а “Голос” – політична і літературна газета, виходила в Петербурзі в 1863–1883 рр.

^б Йдеться про передову статтю “Московских ведомостей” від 21 червня 1863 р., яка починається словами “Интрига, везде интрига, коварная иезуитская интрига, иезуитская и по своему происхождению, и по своему характеру” (док. № 40). Цією статтею М. Катков звертав увагу громадськості на появу українофільських тенденцій, які він вважав шкідливим явищем, оскільки не може бути двох “русских” народностей і т. і. Хоча ім'я М. Костомарова у статті й не називалося, однак його можна було впізнати за характеристикою: “профессор, составивший себе литературную известность”, що ним відкрито передплату для збирання коштів на видання малоросійських книжок.

№ 49

^а “Земля и Воля” – таємне революційне товариство, виникло 1861 р. Ставило за мету підготувати селянську революцію в Росії. Мало власні програмні документи.

№ 51

^а “День” – московська газета, яку у 1861–1865 рр. редагував І. Аксаков.

№ 52

^а Насправді В. Франковський не обіймав посади професора медичного факультету Харківського університету. У виданні “Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования” його згадано як лікаря, котрий в 1840–1841 академічному році отримав посаду ординатора терапевтичної та акушерської клінік. Згодом зайнявся приватною практикою, переважно серед бідноти. Отримав звання почесного громадянина Харкова за багаторічну благодійну діяльність. (Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под. ред. проф. И. П. Скворцова и Д. И. Багалия. – Харьков, 1905–1906. – Ч. 1. – С. 31).

^б Йдеться про Якова Семеновича Кремянського, який навчався на медичному факультеті. 1868–1884 рр. він уже читав лекції в університеті з приватної патології і терапії, а також про нервові і душевні хвороби. Практикував у Харківській губернській земській лікарні. 1870 р. став професором медицини. Наведені дані про Я. Кремянського ставлять під сумнів достовірність інформації Стафієвського (Медицинский факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / Под. ред. проф. И. П. Скворцова и Д. И. Багалия. – Харьков, 1905–1906. – Ч. 1. – С. 66).

^в Йдеться про В. Антоновича, який відразу після закінчення у 1860 р. історично-філологічного факультету Київського університету зі ступенем кандидата викладав загальну історію у Володимирському кадетському корпусі впродовж 1862–1865 рр.

^г Свідчення дільничного пристава щодо О. Селіна і О. Пасєвського не є достовірними, О. Селін не брав участі в українському русі. Його діяльність пов'язувалась з відкриттям недільних шкіл у Києві. Щодо О. Пасєвського, то він був професором ліцею кн. Безбородька у Ніжині і також не мав відношення до діяльності Старої громади.

№ 59

^а На думку знаного літературознавця й історика-архівіста В. Міяковського, автором записки був М. Юзефович (*Міяковський В. В.* Записка 1874 р. про український рух // Архівна справа. – Харків, 1927. – Кн. 2–3. – С. 24–29; *Міяковський В.* Недруковане й забуте: Громадські рухи дев'ятнадцятого сторіччя. Новітня українська література / Ред. М. Антонович. – Нью-Йорк, 1984. – С. 348–354).

^б Битва під Садовою (нім. – Кенігретц, чеськ. – Градець-Кралове; нині місто в Чехії) 3 липня 1866 р. – найбільша баталія австро-пруської війни; в результаті Австрія була розбита і усунута від загальнонімецьких справ, що прискорило об'єднання Німеччини під гегемонією Пруссії.

^в Слов'янський з'їзд у Москві відбувся 1867 р., його учасників приймали не лише міністри, а й Олександр II. Це був другий з'їзд; на знак протесту поляки в ньому участі не брали. На з'їзді не відбулося того об'єднання, що до нього прагнули слов'янофіли; їхньому авторитаризму представники слов'янського світу протиставили народовладдя.

^г “Киевлянини” – громадсько-політична проурядова газета, виходила у Києві у 1864–1919 рр. Фінансувалася адміністрацією Південно-Західного краю.

^г “Санкт-Петербургские ведомости” – літературна і політична газета. До 1728 р. називалися “Ведомости”, у 1728–1914 рр. – “Санкт-Петербургские ведомости”. У 1863–1874 рр. редактором був літератор і вчений В. Корш.

№ 60

^а Проти публікації статті М. Юзефовича найперше виступив начальник краю О. Дондуков-Корсаков, який опікувався Південно-Західним відділом Російського географічного товариства, використовуючи його діяльність для легалізації українського руху.

№ 61

^а Прийнято вважати, що автором публікації “Современное украинофильство” був М. Рігельман, що сховався за криптонімом “Z”. У статті розбиралася праця М. Драгоманова “Література російська, великоруська, українська і галицька”; посилаючись на неї, М. Рігельман звинуватив українофілів у сепаратистських планах.

^б Микола Лисенко (як і Михайло Драгоманов) також відгукнувся критично на статтю “Современное украинофильство”; він вважав, що преса не повинна ганьбити імена М. Костомарова, В. Антоновича, П. Чубинського, називаючи їх зрадниками вітчизни.

№ 62

^а Як переконливо довів О. Міллер, нарада створювалась для того, аби підготувати ідеологічне обґрунтування для репресій, котрі вилились у підготовку Емського указу (*Міллер А. И.* “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб., 2000. – С. 177–178).

№ 63

^а Особлива нарада була скликана Олександром II після донесення начальника Третього відділення генерал-ад'ютанта О. Потапова про зростання українофільського руху, виявом якого стала поява україномовних підручників, молитовників та перекладів з іноземних мов, а найголовніше – популярних книжок для читання найширшої людності. 27 серпня 1875 р. імператор увів до її складу міністрів внутрішніх справ і народної освіти, обер-прокурора Святішого Синоду, начальника Третього відділення і голову Київської археографічної комісії. Керівником наради призначено міністра внутрішніх справ О. Тимашева. Нарада доручила з'ясувати питання експертам, які підготували дві записки, одну – Головне управління у справах друку, іншу – М. Юзефович.

У першій записці ситуація, що складалася у мовному питанні, розглянута в широкому контексті через порівняння з подібними явищами в Європі, зокрема у Франції. Вказувалось

на шкідливість мовного сепаратизму для Російської імперії, зважаючи на російсько-польське протистояння, у якому позиція 13-ти мільйонного населення українських губерній набувала стратегічного значення.

У записці М. Юзефовича формувалася концепція триєдиної нації, що спиралася на історичні традиції. Попередні російсько-українські зв'язки розглядалися однобоко через призму спільної історії, одних і тих самих святинь та спільного монарха. Там же в негативному світлі характеризувалась діяльність Київського відділу Російського географічного товариства. До розгляду була залучена й інша інформація, зібрана по лінії Третього відділення. У квітні 1876 р. Нарада розпочала обговорення записок, хоча, як потім з'ясувалося, вона зупинилася на позиціях Валуєвського розпорядження, наголошуючи, що запровадження української мови призведе в майбутньому до відокремлення України від Росії.

Проект рішення з 11 пунктів підготував М. Юзефович, його і схвалила Нарада 24 квітня 1876 р. (за винятком четвертого, у якому йшлося про заборону публічних читань та укладання нотних текстів українською мовою). Остаточна редакція пункту щодо тотального переселення місцевих викладачів до великоросійських губерній (що, зрозуміло, виконати було неможливо) передбачала виселення з постійного місця проживання і педагогічної діяльності лише неблагонадійних педагогів. Журнал Наради підписав Олександр II у Емсі, куди він прибув на час завершення її засідань. Його резолюція надавала документу значення законодавчого акту. Саме цього й бракувало Валуєвському розпорядженню 1863 р.

^б “Просвіта” як громадська організація культурно-просвітницького спрямування виникла 1868 р. у Львові і проіснувала до 1939 р.

№ 64

^а Про готовність цієї записки на середину жовтня 1875 р. стверджує О. Міллер. За відправну дату він бере дані з записки про обрання 3 жовтня 1875 р. С. Носа і О. Кониського членами Південно-Західного відділу Російського географічного товариства (*Миллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).* – СПб., 2000. – С. 174).

^б “Вестник Европы” – російський літературно-політичний журнал, виходив у Петербурзі в 1866–1918 рр.; переважно друкував матеріали з історії і політики.

^в “Кудеяр” – історична хроніка-повість М. Костомарова в трьох книгах. Видрукувана у “Вестнике Европы” (1875. – Кн. 4. – С. 461–548; Кн. 5 – С. 5–77; Кн. 6 – С. 465–541).

^г Йдеться про нелегальну брошуру “Хитрая механика. Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки”, видану в Женеві 1874 під псевдонімом “Андрій Іванов”. Справжнє ім'я автора – В. Варзар, згодом – основоположник промислової статистики в Росії. В агітаційній брошурі розкрито сутність російської податкової системи.

№ 65

^а Йдеться про схвалені Олександром II правила щодо порядку дій чинів Корпусу жандармів щодо розслідування злочинів (ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 46: 1876. – СПб., 1874. – Отд. 1. – № 49615).

№ 66

^а “Вперед!” – газета, видавалася в 1875–1876 рр. у Лондоні одним із провідних представників народництва – П. Лавровим. Вийшло 48 номерів.

^б “Правительственный вестник” – російська щоденна газета, орган Міністерства внутрішніх справ, виходила у Петербурзі у 1869–1917 рр. Друкувала урядові розпорядження і повідомлення, звіти про засідання Ради міністрів і Державної ради, внутрішні і зовнішні новини, статті і рецензії на книжки, оголошення.

№ 70

^a Начальник Головного управління у справах друку, створеного 1865 р. при Міністерстві внутрішніх справ, призначався за поданням міністра імператором. З огляду на важливість цього циркуляру його підписав міністр внутрішніх справ.

№ 71

^a “Пчела” – журнал, видавався у Петербурзі у 1876–1878 рр. (редактор – М. Микешин); друкував карикатури художника, його ілюстрації до творів М. Гоголя і Т. Шевченка.

^b Спогади М. Микешина про Т. Шевченка вперше були надруковані у празькому виданні “Кобзаря” в 1876 р.; також опубліковані у журналі “Пчела” (№ 16 за 1876 р.). Неодноразово передруковувалися, зокрема українською мовою – у книжці “Спогади про Тараса Шевченка” (К., 1982), російською – у виданні “Воспоминания о Тарасе Шевченко” (К., 1988).

№ 75

^a Цензор І. Степурський повторив імперську тезу про те, що термін “Русь” у царській титулатурі і поняття “Росія” є тотожними.

№ 77

^a Йдеться про Пересопницьке Євангеліє – перший з відомих перекладів Святого Письма на староукраїнську мову середини XVI ст. Пам’ятка створена на Волині за меценатства кн. Анастасії Юрїївни Заславської-Гольшанської та кн. Чорторийських – Івана Федоровича і Євдокії. Над рукописом працював чернець Григорій та два писці: один з них – Михайло Василієвич з Сянока, ім’я іншого невідоме. Робота розпочата 15 серпня 1556 р. в Дворецькому монастирі кн. Заславських при церкві Святої Трійці, завершена 29 серпня 1561 р. у Пересопницькому монастирі при церкві Різдва Богородиці. Пам’ятка є перлиною українського книжкового мистецтва XVI ст., оздоблена високохудожніми мініатюрами, заставками, ініціалами й іншими прикрасами. Від 1948 р. зберігається в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського.

Першу повну академічну публікацію (метаграфований текст, дослідження, словопоказчик) було підготовлено НБУВ ім. В. І. Вернадського, Інститутом української мови та Українським мовно-інформаційним фондом НАН України 2001 р. за підтримки Фонду Катедр Українознавства (США). Факсимільне видання здійснено Українською Православною Церквою Московського патріархату та видавничим домом “АДЕФ-Україна” 2008 р. Чергове перевидання пам’ятки тих самих видавців під назвою “Пересопницьке Євангеліє: Витоки і сьогодні” (2010) поєднує факсиміле, метаграфований текст та його переклад сучасною українською мовою.

Словопоказчик до тексту та бібліографію праць про Пересопницьке Євангеліє уклала І. Чепіга (1933–2007), яка присвятила дослідженню пам’ятки понад два десятиліття самовідданої праці (див.: *Чепіга І. П.* Бібліографія праць про Пересопницьке Євангеліє // Пересопницьке Євангеліє. 1556–1661. Дослідження. Транслітеровані текст. Словопоказчик. – К., 2001. – С. 105–111; 411–697).

^b Йдеться про Статут гімназій і прогімназій Міністерства народної освіти від 19 листопада 1864 р. Для збільшення числа чиновників російського походження в Правобережній Україні верховна влада впроваджувала різні пільги, з яких найбільшими користувалися чиновники Міністерства внутрішніх справ. З 1864 р. їхнє жалування підвищилося на 50 %.

№ 78

^a Йдеться про статті Д. Писарева “Пушкин и Белинский” і “Лирика Пушкина” (обидві написані 1865 р.), у яких критик відкидав значення творчості О. Пушкіна для своїх сучасників, вважаючи її пройденим етапом.

№ 82

^a Йдеться про О. Кониського, якого звинуватили у поширенні “малоросійської пропаганди” і 1863 р. заслали до Вологди.

№ 83

^a Видання не вдалося ідентифікувати. Ймовірно, правильна назва: “Entwurf der Philosophie des Rechts mit besonderer Rücksicht auf die soziale Frage” (“Нарис філософії права з особливим акцентом на соціальному питанні”).

^b Йдеться про анотований каталог літератури з державного права німецького правника Роберта фон Моля: *Mohl, Robert von. Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften.* – В. 1–3. – Erlangen: F. Enke, 1855–1858.

^b Йдеться про переклад російською мовою віденського видання 1855–1857 рр. праці Генріха Аренса “Juristische Encyclopädie”: *Аренс Г. Юридическая энциклопедия, или Органическое изложение науки о праве и государстве, на основании принципов этической философии права.* – Москва, 1862–1863.

^Г Йдеться про працю Генріха Аренса: *Ahrens, Heinrich. Cours de droit naturel ou de philosophie du droit.* – Paris, 1838.

№ 85

^a Йдеться про справу народників – Я. Стефановича, Л. Дейча та І. Бохановського. Аби скористатися монархічними настроями селян, вони 1877 р. виготовили фальшиві грамоти від імені Олександра II із закликом виступати проти панів, не сплачувати податків та домагатися розподілу землі. Селянський рух охопив 40 сіл з осередком у с. Шабельники Чигиринського пов. Київської губ.

№ 87

^a “Южный край” – щоденна російська проурядова газета, виходила у 1880–1918 рр. у Харкові. 1912 р. Харківським губернським жандармським управлінням визначена як “ліва преса”.

№ 89

^a “Заря” – щоденна політична і літературна російськомовна газета, видавалась у Києві у 1880–1886 рр. Видавці-редактори – П. Андрєєвський, Л. Купернік.

№ 92

^a Ф. Піскунов підготував до видання галерею портретів українських письменників, діячів і зображень пам’ятних історичних місць. Спершу він звернувся за дозволом до Київського окремого цензора з внутрішньої цензури, той, відповідно, – до Головного управління в справах друку. Своєю чергою останнє відомство перепитало київського, волинського і подільського генерал-губернатора. О. Дрентельн звів своє рішення з думкою губернатора. Внаслідок цього листування спершу було заборонено друкувати портрет М. Драгоманова, потім перелік заборонених зображень поповнився портретами М. Старицького, О. Косач, В. Антоновича, М. Лисенка. Врешті-решт генерал-губернатор заборонив це видання (ЦДІАК України, ф. 442, оп. 593, спр. 59, арк. 1, 5).

^b Вірш С. Воробкевича “Мово рідна, слово рідне” (1869) ще за життя автора став хрестоматійним і був покладений на музику Михайлом-Орестом Гайворонським.

^b Цитата з вірша А. Метлинського “Зрадник”.

^Г Перші вісім рядків взято з вірша Т. Шевченка “Стоїть в селі Суботові”.

^Г Чотири рядки взято із вірша Т. Шевченка “До Основ’яненка”; щоправда, один рядок записано невірно. Слід: “Слава не поляже” (*Шевченко Т. Зібрання творів: У 6-ти тт. – Т. 1. – К., 2003, – С. 119–121*).

№ 97

^a “Кулішівка” – український фонетичний правопис, що його запроваджував наприкінці 1850-х років П. Куліш. За цим правописом вживалися літери – і, и, е, є, г. Над поліпшенням “кулішівки” працювали П. Житецький і К. Михальчук.

^б Два попередні випуски “Збірника українських пісень” були видрукувані, перший у Києві 1868 р., другий – у Києві і Лейпцигу 1869 р. Усього М. Лисенко надрукував сім випусків (1868–1911).

№ 98

^а Насправді “Назар Стодоля” – не комедія, а драма.

№ 107

^а 1882 р. у перекладі М. Старицького побачила світ трагедія Вільяма Шекспіра “Гамлет. Принц Данський” (К., 1882). Щодо згаданих, але не названих у документі трьох рукописів перекладів П. Куліша, то ними могли бути: “Отелло”, “Троїл та Кресида”, “Комедія помилок”, “Гамлет. Принц Данський”, “Коріолан”, “Макбет”, “Приборкана гоструха”, “Юлій Цезар”, “Антоній і Клеопатра”, “Багацько галасу з нічев’я”, “Ромео і Джульєта”, “Король Лір”. Драматичні твори Вільяма Шекспіра, крім М. Старицького та П. Куліша, перекладали українською також Павлин Свенціцький, Осип-Юрій Федькович, І. Франко, Панас Мирний (див. детальніше: *Мороз М.* Шекспір в Україні: Бібліографічний покажчик // Шекспір В. Твори в шести томах. – Т. 6. – К., 1986. – С. 803–832).

№ 108

^а Див.: *Кондратович Ф.* Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. – 1893. – № 1. – С. 27–66; № 2. – С. 269–300; № 4. – С. 728–773.

№ 109

^а Ймовірно, йдеться про літературний твір Г. Савчинського (1804–1888), громадського діяча, греко-католицького священника, письменника.

№ 111

^а “Павзаній” – рукопис, в якому йшлося про Павсанія (Павзанія) – давньогрецького письменника, мандрівника і географа, автора праці “Опис Еллади”.

№ 117

^а Йдеться про передачу 1882 р. Папою Римським Левом XIII, який прихильно ставився до Української Греко-Католицької Церкви, монастирів Чину св. Василя у підпорядкування зсуїтів, що сприяло зміцненню ордену Отців василіян. За назвою монастиря в Добромилі реформа набула назви Добромильської. На думку Папи, реформа сприяла б успіху, якого було досягнуто за уніатського митрополита Йосифа (Веляміна) Рутського та Йосафата (Кунцевича). Реформа себе виправдала: василіяни знову широко розвинули місійну, душпастирську, а також видавничу і наукову діяльність.

№ 120

^а Йдеться про Російсько-турецьку війну 1877–1878 рр.

№ 133

^а Йдеться про брошуру М. Драгоманова “Тираноббивства в Росії та дії Західної Європи”: *Drahomanov M.* Le tyranicide en Russie et l’action de l’Europe occidentale. – Genève, 1883.

^б “Колокол” – російська громадсько-політична газета, видавалася О. Герценом та М. Огарьовим у Лондоні, згодом у Женеві у 1857–1867 рр.

^в Йдеться про газету “Вольное слово”, яку видавав М. Драгоманов в Женеві протягом 1881–1883 рр.

^г Див. коментар до док. № 65.

№ 149

^а “Наукова бібліотека” – один із видавничих проєктів І. Франка. Першим випуском цієї серії став “Нарис історії філософії” Ф. Шульце у перекладі І. Франка, що побачив світ у Львові в травні 1887 р.

№ 151

^a “Січ” – культурно-просвітні організації українських студентів, що діяли з другої половини XIX ст. на західноукраїнських землях.

^б Йдеться про “Письмо з Просвіти” – популярний друкований орган товариства “Просвіта”.

^в Дружина Г. Косача (1843 – після 1907) – дядька Лесі Українки, судового пристава у Новограді-Волинському.

№ 154

^a Йдеться про видання І. Франка, який цією книжкою у лютому 1889 р. започаткував серію “Літературно-наукова бібліотека”.

№ 174

^a М. Садовський заснував перший український стаціонарний театр 1906 р. Театр розпочав свої вистави спершу в Полтаві, а вже наступного року – в Києві. До того часу функціонував як пересувний. За дозволом на постановку спектаклів кожного разу необхідно було звертатися до генерал-губернатора.

№ 180

^a Очевидно, йдеться про російськомовний варіант біографічного нарису Б. Грінченка “Іван Котляревський, український письменник: Життєписне оповідання”, виданого у Львові 1891 р. (УК, I, 1209).

^б Йдеться про збірку “Зернятко: Оповідання та казки. П[ерероблено] З. Р[осійськ]-ої” (Чернігів, 1896).

№ 186

^a “Розмови про сільське господарство”, що виходили з-під пера Є. Чикаленка, видавалися п’ятьма випусками. За популярний виклад основ сільськогосподарської діяльності вони користувалися значним попитом та витримували півмільйонні накладки.

№ 193

^a Автор цієї брошури – Т. Рильський, який подав корисні поради для малоземельних селян із північних і центральних районів України включно з найзручнішими маршрутами руху і вартістю проїзду до місць заробітків.

№ 195

^a “Молода Україна” – напівлегальна українська організація в Австро-Угорській імперії (1896–1903); підтримувала товариські зв’язки з українськими студентами з університетів Харкова, Києва, Одеси, Санкт-Петербурга.

№ 201

^a Рукопис цього своєрідного букваря В. Гнилосиров отримав у подарунок від викладача Харківського університету О. Потєбні ще 1865 р. 1898 р. він передав його до “Киевской старины”, яка й видрукувала буквар із вказаною назвою у вигляді додатку до журналу.

№ 204

^a Етнографічна комісія Наукового товариства імені Т. Шевченка видавала “Етнографічні збірники” (перший том вийшов у 1902 р.)

№ 207

^a П’ять із семи дозволених цензурою у 1902 р. творів О. Кониського, згаданих у цьому документі, увійшли до четвертого тому його зібрання, видрукуваного в Одесі під назвою “Твори О. Я. Кониського-Перебенді” (див.: УК, I, 2489). Попередні томи зібрання творів вийшли друком в Одесі (1899, т. 1–2) та Ялті (1900, т. 3) (див.: УК, I, 1886, 1887, 2022).

№ 209

^a Книжка віршів і пісень І. Федорченка “В чаду мрій” була видрукувана у Києві 1902 р. у друкарні “С. С. Шевченко и К” (УК, 1, 2394).

№ 210

^a “Север” – щотижневий літературно-художній журнал ліберального спрямування, виходив у Петербурзі у 1888–1914 рр. Видавці і редактори: П. Гнедич, В. Соловйов та ін. З 1892 р. журнал видавав безкоштовний додаток “Библиотека “Севера”.

№ 217

^a Київське літературно-артистичне товариство діяло упродовж 1895–1905 рр. Об’єднуючи артистів, художників, літераторів та вчених, воно займалося організацією творчого спілкування, вшануванням пам’ятних дат та взаємодопомогою. Його очолював В. Ніколаєв, дійсними членами стали М. Мурашко, В. Іконников, Є. Тарле, М. Бердяєв, О. Купрін, М. Соловцов, М. Лисенко, всього – 1609 осіб.

№ 218

^a Британське біблійне товариство стало першою християнською позаконфесійною організацією, створеною 1804 р. для перекладу Біблії і окремих книг Старого і Нового Заповіту національними мовами.

№ 219

^a Ймовірно, йдеться про львівське видання Товариства “Просвіта”: “Кобзар Тараса Шевченка: Вибір поезій для народу. – Львів, 1894. – Ч. 1; Львів, 1895. – Ч. 2 (див.: УК, 1, 1447, 1539).

№ 221

^a Йдеться про п’єсу Жана-Батіста Мольєра “Лікар з примусу” (*Le médecin malgré lui*, 1666).

№ 223

^a “Киевские отклики” – газета, видавалася російською мовою у Києві в 1898–1906 рр. Редактори – І. Лучицький і М. Василенко, серед співробітників – С. Петлюра, С. Єфремов, Б. Кістяківський, М. Могилянський та ін. Редакція багато уваги приділяла українській тематиці. З 1906 р. замість “Киевских откликов” почали виходити “Киевские отголоски”, а згодом – “Киевские вести” (до 1910 р.).

№ 226

^a Подорожні записи Павла Алеппського (Халебського) “Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном...” було видруковано в п’яти випусках “Чтений в Обществе истории и древностей российских” (1896, № 4; 1897, № 3; 1898, № 4; 1900, № 2).

^b “Южные записки” – тижневик ліберального напрямку, видавався в Одесі (1903–1905). Редактори: М. Славинський і Ф. Матушевський.

№ 227

^a П. Куліш почав перекладати Біблію українською мовою у 1860-х рр. Згодом до нього приєднався І. Нечуй-Левицький. 1869 р. вони залучили до перекладу І. Пулюя. Перші видання текстів з’явилися у Відні 1871 р. (“Святе письмо: Євангеліє по Св. Луці” та “Святе письмо: Євангеліє по Св. Маркові”; УК, 1, 400, 401). 1901 р. у Відні побачив світ повний переклад Нового Заповіту, виданий накладом друкарні А. Гольцгаузена (“Святе письмо Нового Завіту. Мовою русько-українською перекладали вкупі П. Куліш и И. Пулюй”; УК, 1, 2209). 1903 р. у тій самій друкарні Британське і закордонне біблійне товариство видає “Святе письмо Старого Заповіту. Переклад П. Куліша, І. Левицького і д-ра І. Пулюя” (РУК, 5, 10154).

^б Йдеться про тритомну фундаментальну антологію української літератури ХІХ ст. під назвою “Вік” (Київ, т. 1–3, 1899–1902; перший том, присвячений поезії, вийшов двома виданнями), підготовлену у зв’язку з відзначенням 1898 р. сторіччя першого видання “Енеїди” І. Котляревського. Таку саму назву мало українське видавництво, засноване в Києві 1895 р. пожертвою О. Кониського за участю О. Лотоцького, С. Єфремова, В. Дурдуківського, В. Доманицького, Ф. Матушевського (див.: *Єфремов С. В тісних рамцях. Українська книжка в 1718–1916 рр.* – К., 1926. – С. 7). Спершу видавництво не мало назви, його діяльність була обмеженою. Наприкінці століття воно почало отримувати допомогу від очолюваного В. Антоновичем та О. Кониським об’єднання українських ліберально-демократичних діячів Київської старої громади та громад інших міст. Упродовж 1900–1918 рр. “Вік” видав 331 книгу загальним накладом 1,7 млн. примірників. Серед них – серії “Українська бібліотека”, “Сільська бібліотека”, зібрання творів українських письменників, популярні брошури. Жодне тогочасне видавниче підприємство Наддніпрянщини не змогло зрівнятися з “Віком” за розмаїттям і обсягом книжкової продукції.

№ 228

^а У 6-му пункті указу від 12 грудня 1904 р. йшлося про відміну обмежень інославних і іновірних віросповідань (ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 24: 1904. – СПб., 1907. – Отд. 1. – № 25495).

№ 231

^а “Записка” була видрукувана в Харкові друкарнею і літографією “М. Зільберберг і Сини”. Дозвіл на друк надав ректор університету М. Куплеваський 16 березня 1905 р.

^б Думку про те, що українська мова бере свої початки з праслов’янської доби, розвивав Ю. Шевельов (Юрій Шерех) (див. його праці: “Передісторія слов’янської мови: історична фонологія загальнослов’янської мови” (1965), “Історична фонологія української мови” (1979) та ін.).

^в “Слово о бездождии” Аноніма, або “Слово во время бездождія і глада...” вперше опубліковано за рукописом М. Білозерським (Южнорусские летописи. – Т. 1. – Киев, 1856. – С. 141–156). Місцезнаходження рукопису невідоме.

^г “Русская беседа” – журнал, друкувався в Москві у 1856–1860 рр., мав слов’янофільське спрямування. 1857 р. надрукував російською мовою історичний роман П. Куліша “Чорна рада”.

^г Українськомовний переклад “Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями” було видрукувано між 1873 і 1876 рр. Вихідні дані не встановлено.

^д “Neue Freie Presse” (“Нова вільна преса”) – популярний австрійський часопис ліберального спрямування, видавався у Відні у 1864–1939 рр. Серед дописувачів – відомі європейські літератори: Стефан Цвейг, Теодор Герцль, Артур Шніцлер, Карл-Еміль Француз та ін. Лондонським кореспондентом газети час від часу виступав Карл Маркс, хоча більшість його дописів було відхилено редакцією.

^е “Národní listy” (“Національна газета”) – чеський ліберальний часопис, видавався у 1861–1941 рр. У витоків газети стояли видатні діячі національного руху – Франтішек Палацький, Франтішек-Ладислав Рігер, Ян Евангеліста Пуркіне та ін.

№ 233

^а У записці В. Антоновича (див. док. № 235) також повторюється вислів про “6,5 фунтів”, але не вказано його авторство. Мабуть, воно належить В. Шульгину або М. Юзефовичу, які першими розгорнули в “Киевлянині” полеміку щодо права на існування української мови.

^б“Благодійне товариство видання загальнокорисних і дешевих книг”, створене в Петербурзі 1898 р., розпочало діяльність у 1899 р. Його головою спочатку був Д. Мордовець, а в 1905–1908 рр. – О. Русов. У 1900–1910 рр. кількість членів-засновників сягала понад 1000 осіб (більшість із них походили з України). Його видання у Києві поширювалися через книгарні: “Киевская старина” і “Украинская книгарня”. До 1 січня 1916 р. Товариство видало 850 000 примірників книг і брошур, значна частина яких поширювалася безкоштовно.

^вПрацю М. Грушевського “Звичайна схема “русскої” історії і справа раціонального укладу історії східного слов’янства” опубліковано українською мовою у першому випуску збірника “Статті по славяноведенію” за редакцією В. Ламанського (Статті по славяноведенію – Вып. 1. – СПб., 1904. – С. 298–304).

^г Назва літературного руху за відродження провансальської літератури південної Франції.

^г Загальна назва прав і привілеїв, якими користувалися народи Піренейського півострова, так зване “форальне” законодавство Іспанії.

№ 234

^а Перший цензурний статут був схвалений Олександром I 9 червня 1804 р. Складався з 47 статей, що регламентували діяльність органів цензури.

^б У цьому виданні опубліковано 10 доповнень, посилання на які у тексті документа подано в круглих дужках: “I. Очерк развития действующего цензурного режима в отношении малорусской письменности” П. Стебницького (с. 29–45); “II. О необходимости малорусских книг для поднятия умственного развития малорусского народа” С. Русовой (с. 46–52); “III. Украинфильство” О. Русова (с. 53–59); “IV. Краткий обзор украинского литературного движения в России и за границей” О. Лотоцького (с. 60–72); “V. Сообщение П. М. Саладилова” (с. 73–79); “VI. Сообщение В. П. Науменко” (с. 80–82); “VII. Письмо В. Леонтовича к Д. Л. Мордовцеву” (с. 83–85); “VIII. Историческая записка К. А. Военского по вопросу об оградительных распоряжениях, касающихся малорусской письменности” від 12 листопада 1900 р. (с. 86–90); “IX. О числе малороссов” О. Русова (с. 91–93); “X. Газета “Гражданин” за 1905 год, № 9” Е. Ш. (с. 94–96).

^в “Маяк” – двотижневий журнал, виходив у 1840–1845 рр. у Санкт-Петербурзі. У ньому друкувалися твори Г. Квітки-Основ’яненка, вірші П. Гулака-Артемівського, статті з української етнографії.

^г “Утренняя заря” – щорічний літературний альманах, видавався у Петербурзі у 1839–1844 рр.

^г “Московский телеграф” – журнал, видавався у 1825–1834 рр. Надрукував фрагменти перекладу Є. Гребінки поеми О. Пушкіна “Полтава”.

^д “Отечественные записки” – російський літературний журнал, виходив у Петербурзі 1818–1884 рр. з перервами. Надрукував повість Є. Гребінки “Записки студента”, але підготовлену ним збірку “Ластівка” українською мовою відхилив.

^е Йдеться про першу збірку творів Марка Вовчка “Народні оповідання (Повістки)”, видану у Петербурзі 1857 р. (РУК, 1, 842). Містила одинадцять написаних у Немирові оповідань, у тому числі – “Сестра”, “Козачка”, “Чумак”, “Одарка”, “Сон”, “Панська воля”, “Викуп”.

^е Ідея підготовки перекладу Маніфесту 19 лютого 1861 р. та Положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності, належить П. Кулішу. Він надавав цьому важливого громадського значення, адже переклад зробив би ці документи максимально зрозумілими і доступними українському селянинові (див. док. № 12). 15 березня 1861 р. П. Куліш отримав височайший дозвіл на підготовку офіційного перекладу, енергійно заходився працювати і вже наступно-

го дня запросив В. Білозерського, В. Марковича, М. Костомарова та ін. прослухати перший аркуш перекладу для обговорення питань юридичної термінології.

У квітні було набрано чотири аркуші російськомовного тексту з паралельним перекладом українською мовою. Переклад контролювався державним секретарем В. Бутковим (по суті – цензором перекладу). Невдовзі останній зробив серйозні зауваження щодо неприпустимості вживання перекладачем застарілих термінів, що вийшли з ужитку. Зокрема, категорично пропонувалося русифікувати український текст, замінивши поняття “державець”, “підданий”, “скарб”, “громада”, “рада” на “помещик”, “крестьянин”, “казна”, “общество”, “съезд” тощо. П. Куліш відчайдушно намагався відстояти свій переклад, посилаючися в листах до В. Буткова зокрема й на те, що державні чини зазвичай не є посвячені “у тайни українського слова” і в народознавство. Отримавши коректурні аркуші, покреслені чиновниками канцелярії Державної ради, П. Куліш 10 травня 1861 р. письмово відмовився продовжувати розпочату роботу, з гідністю пояснивши, що прийняти запропоновані поправки означає для нього дискредитувати себе в очах публіки.

Так ще один український проект великої суспільної ваги залишився нереалізованим. Підготовлений з практичною метою 1861 р., переклад був опублікований лише 1905 р. як історична пам’ятка. Публікацію здійснено за коректурними аркушами, що зберігалися у Г. Вашкевича, у лютневій книзі “Киевской старины” (кн. 2: февраль. – С. 324–345; окремий відбиток: *Вашкевич Г. С.* Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах. – К., 1905. – 55 с.) (УК, 1, 2754).

Ж “Сион” – щотижнева єврейська газета, виходила в Одесі у 1860–1862 рр.

³ “Журнал Министерства народного просвещения” – щомісячний часопис, виходив Петербурзі з 1834 р. Крім відомчих матеріалів уміщував також наукові статті переважно з історії й історії літератури. Редактори: О. Никитенко, К. Ушинський, Ю. Рехневський та ін.

^и Див. окреме видання: *Лавровский П. А.* Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями. – СПб., 1859.

^і Йдеться про брошуру М. Юзефовича французькою мовою: *Jouzéfovitch M.* La question russo-polonaise jugée par un Petit-Russien. – Leipzig, 1863.

^ї “Revue des deux Mondes” – популярний французький двотижневий журнал ліберального спрямування, видавався у Парижі в 1829–1944 рр.

^й Насправді В. Білий був видавцем; повість-поему написав О. Стороженко.

^к “Татьяна Репнина” – п’еса А. Чехова, написана 1889 р.

^л Йдеться про громадську течію в Галичині. До неї належало переважно духовенство, котре лояльно ставилося до австрійської держави і мало протипольське спрямування. Одне з його видань – газета “Слово” – фінансувалося російським урядом.

^м М. Максимович 1827 р. запропонував власну систему українського правопису – “максимовичівку”, яка базувалася на етимологічних засадах. Вона не знайшла застосування у Східній Україні, проте була позитивно сприйнята в Галичині та на Закарпатті.

^н “Гражданин” – політично-літературний часопис (журнал-газета). Видавався у Петербурзі у 1872–1914 рр.; тижневик (у 1882 р., а також з 1885 р. виходив двічі на тиждень; у 1878–1881 не виходив). Засновник і редактор-видавець – кн. В. Мещерський, редактори – Г. Градовський, Ф. Достоевський, В. Пуцикович. Видавався за субсидій уряду.

^о Цитується фрагмент з щоденника Ю. Самаріна 1850 р., записаний під час його перебування в Києві; використаний автором у відгуку на видання П. Куліша “Повесть об украинском народе. Написал для детей старшего возраста Кулеш” (СПб., 1846). Показово, що у доповіді Комісії опущено кінцівку цитати: “... Но в то же время пусть он помнит, что историческая

роль его – в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского”. Окрім того, наведений початок цитати (“Пусть же украинский народ...”) в оригіналі звучить більш патетично: “Пусть же народ украинский...” (див.: Из дневника, веденного Ю. Самариним в Киеве в 1850 году (По поводу книги П. Кулиша) // Русский архив. – 1877. – Кн. 6. – С. 232; Повесть об украинском народе. Написал для детей старшего возраста Кулеш. С.-Петербург. 1846 года // Сочинения Ю. Ф. Самарина. – Т. 1: Статьи разного содержания и по польскому вопросу. – М., 1877. – С. 298).

№ 238

^aТекст цього маніфесту, що став законодавчим актом, був напрацьований С. Вітте. Микола II під тиском виступів найширших верств суспільства йшов на поступки і позбувався самодержавної влади, поділяючи її у законодавчому відношенні з Державною думою. Остання набула парламентських повноважень. Маніфест проголошував і надавав вчорашнім підданним громадянські права і свободи: совісті, слова, зібрань і формування спілок. Ці зміни були внесені до Основних державних законів, що фактично стали першою російською конституцією.

№ 240

^a“Страна” – газета, яку в 1906–1907 рр. видавав у Петербурзі проф. М. Ковалевський. У ній (№ 65 за 1906 р.) була опублікована стаття М. Сумцова “Автономия Украины”.

^b“Украинский вестник” – петербурзький журнал, виходив у 1906 р. у Петербурзі за редакцією М. Славинського (видавчиня – Н. Лотоцька). Співробітники часопису прагнули зберегти інтелектуально-національні традиції харківського часопису “Украинский вестник” (1816–1819). Вийшло 14 чисел.

№ 241

^a“Исторический вестник” – популярний російський щомісячний історико-літературний журнал, друкувався в Петербурзі у 1880–1917 рр. Мав консервативно-монархічний характер, особливо у 1914–1917 рр.

№ 244

^a“Закон и порядок” – газета, яку видавав і редагував у Києві Б. Юзефович (син М. Юзефовича, який спровокував Емський указ) в 1905–1908 рр.

№ 247

^a“Закон и правда” – щоденна суспільно-політична і літературна (“загальнодоступна народна”) газета, видавалася у Києві у 1906–1907 рр. Б. Юзефовичем. Орган Київської монархічної партії. Вийшло 214 чисел.

^b“Письмо в редакцию” – стаття Б. Юзефовича, надрукована в його ж газеті “Закон и правда” у жовтні 1907 р. з випадом проти М. Грушевського. Останній мав намір посісти кафедру російської історії в Університеті св. Володимира, що звільнилася після смерті П. Голубовського. Образливі звинувачення Юзефовича були визнані брехливими і відкинуті Київським окружним судом, проте підтримані Київською судовою палатою у січні 1908 р. Матеріали полеміки довкола Михайла Грушевського і кафедри Університету св. Володимира були видані окремою брошурою: “К вопросу о кандидатуре на кафедру русской истории в Университете св. Владимира профессора Львовского университета Михаила Грушевского” (К., 1908).

№ 248

^aУ 56-й статті схваленого імператором закону від 6 серпня 1905 р. про заснування Державної думи йшлося, що відміна законів, як і їхнє впровадження, здійснюються через погодження з міністрами (ПСЗ. – Собр. 3-е собр. –Т. 25: 1905. – СПб., 1908. – Отд. 1. – № 26661).

^б Йдеться про видання: Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского проф. Г. А. Муркоса. Изд. П. П. Сойкина. – СПб., 1898.

^в Рум'янцевський опис (Генеральний опис Лівобережної України) – перепис населення і господарства Гетьманщини, який за дорученням російського уряду провів у 1765–1769 рр. генерал-губернатор Малоросії П. Рум'янцеv.

^г “Земский сборник Черниговской губернии” – друкований орган Чернігівського губернського земства, виходив у 1869–1915 рр. У 1870–1912 рр. друкувався як щомісячник та окремими випусками. Намір заснувати друкований орган з'явився у земців 1867 р., але дозвіл одержали лише через два роки на видання щомісячника. Друкував офіційні документи, земську хроніку, статистичні матеріали, красназвчї розвідки, а також праці з різних галузей знань, зокрема дослідження з ґрунтознавства, сільського господарства, кооперації, торгівлі, медицини, ветеринарії, ентомології. Серед авторів – М. Василенко, А. Верзилов, Б. Грінченко та М. Грінченко, П. Добровольський, П. Дорошенко, А. Дядиченко, Г. Коваленко, І. Коновал, О. Русов та С. Русова, В. Хижняков, О. Шликевич. Секретарями редакції працювали М. Вербицький, І. Шраг, В. Самійленко, М. Коцюбинський, І. Коновал (Воронківський).

^г Йдеться про перші українські підручники для початкової школи на Наддніпрянщині, що видавалися у Києві, Полтаві, Петербурзі, Москві: “ГраMATка” П. Куліша (СПб., 1857; 1861; УК, 1, 120; РУК, 1, 1173), “Букварь Южнорусский 1861 року” Т. Шевченка (СПб., 1861; УК, 1, 209), “Азбука по методе Золотова для Южно-русского края” (Полтава, 1861; УК, 1, 175), “Домашня наука” К. Шейковського (К., 1861; УК, 1, 211; посібник для вчителів початкової школи), “Українська абетка” М. Гагцука (М., 1861; УК, 1, 179), “ГраMATка за для українського люду”, Л. Яценка (М., 1862; УК, 1, 258), “ГраMATка або перша читанка за для початку вчення” О. Кониського (К., 1882; УК, 1, 782; РУК, 2, 3630, рік видання – 1883), “Читанка: перша книжка після граMATки: з 60 малюнками” Т. Лубенця (К., 1883; УК, 1, 783), “Арихметика або шотниця за для українських шкіл” О. Кониського (СПб., 1863; УК, 1, 267) та ін.

^д “Учитель” – один з перших педагогічних журналів. Виходив у Санкт-Петербурзі у 1861–1870 рр.

^е Йдеться про посібник “Русская начальная школа: Руководство для земских гласных и учителей сельских школ”, виданий М. Корфом у Петербурзі 1870 р.

^е Йдеться про видання “Очерк состояния народного образования в Полтавской губернии” (Полтава, 1907).

^ж Йдеться про статтю О. Русова “Отношение народа к грамотности и книге” (Земский сборник Черниговской губернии. – 1897. – № 1. – С. 7–28).

^з Йдеться про статтю О. Потебні “Язык и народность” – (Вестник Европы. – 1895. – Кн. 9. – С. 5–35).

^и Йдеться про видання неопублікованих праць К. Ушинського, підготовлене О. Острогорським (Собрание неизданных сочинений К. Ушинского. – СПб., 1908).

№ 249

^а Йдеться про іменний указ Сенату від 26 квітня 1906 р. щодо тимчасових правил для періодичного друку. У 3-й статті четвертого відділення сказано, що місцевий комітет або інспектор у справах друку може арештувати весь наклад видання в разі виявлення в ньому злочинного змісту (ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 26: 1906. – СПб., 1908. – Отд. 1. – № 27815).

^б Музику до “Заповіту” на замовлення громади Львова у 1868 р. написав М. Лисенко та одночасно – М. Вербицький. 1870 р. з'явилася нова, оригінальна мелодія “Заповіту” пол-

тавського вчителя музики Г. Гладкого, твір якого сподобався Лисенку. Останній зробив у ньому лише кілька незначних поправок. Саме цей варіант пісні увійшов у широкий вжиток і став культовим в українській духовній культурі.

№ 252

^a Всеросійська учительська спілка виникла як професійна організація 1905 р. з метою реорганізації, демократизації і децентралізації народної освіти. Вона підтримувала також боротьбу за політичні свободи, демократизацію державного ладу. 1907 р. спілка висунула вимоги запровадження доступної, безкоштовної й обов'язкової початкової освіти та викладання національними мовами у всіх типах шкіл. Очолювали спілку відомі російські педагоги В. Вахтьоров, В. Водовозов та ін. Нараховувала бл. 16 тис. членів. Припинила діяльність 1908 р.; поновила – 1917 р.

№ 253

^a “Тавричанин” – щоденна суспільно-політична й літературна газета, виходила у Сімферополі у 1905–1914 рр.

^b Йдеться про “Уголовное уложение” 1903 р., яке стало останньою кодифікацією карно-правового законодавства в імперській Росії. До нього 1904 р. було додано статті про державні злочини і 1906 р. – про злочини проти релігії. У ст. 129 йшлося про відповідальність за політичні злочини, серед яких були названі привселюдне висловлювання неповаги до верховної влади, засудження її правління, співчуття бунтівникам тощо (див. також прим. до док. № 275).

№ 256

^a Публікації “Щоденника” Є. Чикаленка за 1907–1917 (Львів, 1931) та 1918–1919 рр. (Київ, 2003), а також його “Спогадів (1861–1907)” (Нью-Йорк, 1955; Київ, 2004) засвідчили, що автор з документальною точністю фіксує події, відтворює час і методи боротьби російських патріотів-націоналістів проти українства уже після оголошення Маніфесту 17 жовтня 1905 р. Опір українства також був широким, охопив різні сфери суспільства та культурно-освітньої діяльності, зокрема, пресу, літературу, публіцистику, школу.

^b Київське товариство “Просвіта” діяло на території Київської губернії у 1906–1910, 1917–1920 рр. Серед його засновників – Б. Грінченко, В. Дурдуківський, М. Лисенко, Ф. Магушевський, М. Старицька та ін. У складі товариства діяли комісії – видавнича, бібліотечна, артистична, шкільно-лекційна, музейна.

^b Українське питання було актуальним у роботі III Думи, яка працювала з 1 листопада 1907 по червень 1912 рр. Привертає увагу “Проект 37-ми” про запровадження з 1908–1909 рр. у початкових школах української мови, але думська комісія виключила українців з числа етносів, яким була дозволена національна школа. На захист української школи аргументовано виступили І. Лучицький, П. Мілюков, М. Сендерко (*Садовский В. Украинский вопрос в Третьей Думе // Украинская жизнь. – 1912. – № 5. – С. 23*).

^г Йдеться про С. Щоголева, який в 1912 р. в Києві видрукував книгу “Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма”. Автор намагався довести, що українська мова є штучною, відтак урядові заходи щодо її заборони були вірними і законними, але виконувалися непослідовно, що призвело до зростання українського сепаратизму. Автор зазначає, що “слабости украинской “культуры” в России не отрицает и украинская партия”. На його думку, адміністративні перепони для української пропаганди мають каральний, а не попереджувальний характер, тому майже не досягають мети.

^г Українське наукове товариство (УНТ) засноване в 1907 р. М. Грушевським. Мало секції: історичну, філологічну, природничо-технічну, медичну і статистичну. Товариство видавало “Записки Українського Наукового Товариства” (1908–1918, редактори: М. Грушевський,

В. Перетц, М. Василенко); “Збірники” з працями секцій, тримісячний журнал “Україна” (1914–1917). У Москві 1915 і 1916 рр. вийшло два томи праць УНТ під назвою “Український науковий збірник”. 1921 р. УНТ увійшло до складу Української академії наук (див.: *Онопрієнко В., Рєснт О. П., Щербань Т. О.* Українське наукове товариство: 1907–1921 роки. – К., 1998).

^д “Товариство для підмоги українській літературі, науці і штуці”, головою якого був В. Леонтович, існувало на пожертви меценатів, які залишалися анонімними. Одним із таких спонсорів, крім Є. Чикаленка, був В. Смиренко. Кошти йшли найперше на видання українських газет, які часто закривалися (“Рада”, “Нова Рада” та ін.).

№ 257

^а Йдеться про правовий акт, згідно з яким запроваджувалися громадські організації – товариства, – підтверджувався їхній некомерційний характер, визначалися сфери їхньої діяльності, встановлювався порядок створення та документаційного забезпечення їх функціонування (ПСЗ. – Собр. 3-е. –Т. 26: 1906. – СПб., 1909. – Отд. 1. – № 27479).

№ 258

^а Йдеться про статтю Михайла Грушевського “В оборону книги”, опубліковану в газеті “Рада” (22 травня (4 червня) 1908 р., № 118).

№ 259

^а Тимчасовий комітет у справах друку було створено у Києві 12 травня 1906 р. на виконання імператорських указів про зміни і доповнення до правил про періодичні видання. Його головою був київський окремий цензор з іноземної цензури А. Сидоров, членами – в. о. інспектора в справах друку у м. Києві, статський радник А. Булгаков, інспектор друкарень і книжкової торгівлі у м. Києві статський радник А. Нікольський, відставний статський радник П. Смірнов, секретар М. Опатовський та помічник секретаря І. Іщенко.

№ 261

^а “Союз 17 октября” (“октябристи”) – праволіберальна політична партія (1905–1917), виступала за конституційну монархію з двопалатним парламентом, обраним на основі всезагального виборчого права у рамках Маніфесту 17 жовтня 1905 р.

^б Конвент (Національний конвент) – законодавчий орган у Франції часів Великої французької революції. Функціонував у 1792–1795 рр. Фактично мав необмежені повноваження.

№ 263

^а Циркуляр було видано 20 січня, а опубліковано у лютому 1910 р.

№ 264

^а Начальник Київського охоронного відділення М. Кулябко знайшов привід звернутися до Департаменту поліції щодо заборони брошури українською мовою “Забезпечення прибутків і капіталів...”: депутат від Києва у III-й Думі професор І. Лучицький під час обговорення питання про викладання в школах на місцевих мовах нібито висловився: “Українцы-неинтеллигенты усиленно стремятся знать “панский”, т. е. русский язык”.

№ 265

^а Йдеться про членів спортивно-пожежного і руханкового товариства “Січ”, яке набуло значного поширення в Галичині.

^б “Український клуб” – літературно-художня організація, об’єднувала видатних діячів української культури. Її установчі збори відбулися 27 квітня 1908 р. Очолив клуб М. Лисенко. Кожної п’ятниці відбувалися літературні, а по суботах і неділях – музично-хорові вечори.

Серед киян набули популярності також концерти, літературні ранки для дітей. Щороку клуб відвідувало від 2,5 до 13,5 тис. осіб. 1912 р. клуб було закрито за звинуваченням його членів у пропаганді заборонених видань.

№ 266

^а Згідно зі ст. 132 “Уголовного уложения” від 22 березня 1903 р. поширення антидержавних текстів кваліфікувалося як державний злочин. Зокрема, тиражування, зберігання, перевезення з-за кордону творів, навіть без їхнього поширення, каралося ув’язненням терміном до трьох років (Уголовное уложение // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1994. – Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – С. 309–310).

^б 128-ю статтею констатовалося, що винний у неповазі до верховної влади, у засудженні законів, способу правління, порядку успадкування престолу шляхом публічного виголошення промов або написанням творів карається виселенням на поселення (Уголовное уложение // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1994. – Т. 9. – С. 307–308).

^в У пункті першому ст. 129 йшлося про те, що публічні промови та видання забороненої літератури, якщо вони здійснюються для бунту, є злочином (Уголовное уложение // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1994. – Т. 9. – С. 308).

^г 19-та стаття визначала термін ув’язнення до фортець: від 2 тижнів до 6 років (Уголовное уложение // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1994. – Т. 9. – С. 278).

^г Ст. 36 вимагала, аби заборонені предмети відбиралися у винного і надалі знищувалися або передавалися на державні потреби (Уголовное уложение // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1994. – Т. 9. – С. 283).

^д Ст. 976–999 “Устава уголовного судопроизводства” визначали, які судові витрати має сплачувати підсудний, а які – здійснюватися державним коштом (Устав Уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. – М., 1991. – Т. 8: Судебная реформа. – С. 214–216).

№ 267

^а Йдеться про петербурзькі видання “Кобзаря”: 1907 р. (видане Товариством ім. Т. Г. Шевченка для допомоги нужденним виходцям з Південної Росії, що навчаються у вищих навчальних закладах Санкт-Петербурга, й Благодійним товариством загальнокорисних і дешевих книг; перевидане без змін у 1908 р.; УК, 1, 3470, 3785, 3786), а також 1910 р. (видане В. Яковенком; УК, 1, 4314).

№ 268

^а “Жизнь Волини” – монархічна і чорносотенна газета, друкувалась у Житомирі; орган волинського губернського відділення “Союза русского народа”.

№ 270

^а “Волянь” – політична, літературна і громадська газета, виходила в Житомирі у 1879–1916 рр.; з 1908 р. – щоденно.

№ 271

^а “Прикарпатская Русь” – щоденна політична, громадська та літературна газета русофільського напрямку. Видавалася у 1909–1914 рр. у Львові російською мовою за негласної фінансової підтримки російського уряду.

^б “Хуторянин” – журнал з питань сільського господарства, промисловості, кооперації і торгівлі. Виходив у Полтаві у 1896–1917 рр. як орган Полтавського сільськогосподарського товариства.

^в “Вестник знания” – щомісячний науково-популярний журнал, виходив в Петербурзі у 1903–1918 рр. Редактор-видавець – В. Бітнер. Містив розділи: природничі, історико-географічні науки, народна освіта, філософія, література, мистецтво.

№ 272

^а “Новое время” – російська газета, видавалась у Петербурзі в 1868–1917 рр.

№ 274

^а Йдеться про схвалені імператором 4 березня 1906 р. Тимчасові правила про товариства і спілки серед “инородческих элементов, населяющих Россию” (ПСЗ. – Собр. 3-е. –Т. 26: 1906. – СПб., 1909. – Отд. 1. – № 27479).

№ 275

^а Основною рисою карного законодавства 1903 р., на відміну від попереднього кодексу (1845), була спроба захистити державу від “злочинної діяльності”. Остання поділялась на кілька категорій. До першої відносилися злочини, вчинені проти дежави, до другої – ті, що порушували основи громадського життя, вчинені проти віри і церкви, а також сім’ї. До третьої входили злочини, що порушували права приватних осіб, як особисті так і майнові. Ст. 129 і 132 передбачали покарання за злочини, що кваліфікувалися як політичні. Зокрема ув’язненням каралися за участь у масових протестах, спрямованих проти верховної влади, за осудження способу державного управління, співчуття бунтівникам; засланням каралися ті, хто виступав на мітингах, автори творів, що підбурювали до непокори, а також ті, хто їх зберігав.

№ 276

^а Губернські у справах товариств присутствія – місцеві адміністративні установи, створені на виконання Тимчасових правил про товариства і спілки 1906 р. На них покладалося завдання реєструвати програмні документи і статuti товариств і спілок, контролювати їхню діяльність у межах губерній і міст. У їхньому складі були представники дворянських зібрань та земств. Перебували у віданні Міністерства внутрішніх справ і, відповідно, губернатора. Рішення присутствія про заборону створення товариств можна було оскаржувати у Першому департаменті Сенату. Губернатор у разі незгоди з рішенням присутствія мав право припинити його виконання і подати справу міністру внутрішніх справ. Присутствія припинили діяльність 1917 р.

№ 277

^а Прізвище автора, який підготував реферат, у листуванні Подільського губернського жандармського управління і Подільського губернського правління не названо.

№ 278

^а “Общее учреждение губернское” – важливий законодавчий акт 1892 р., за яким організувалося місцеве управління в Російській імперії. За змістом він продовжував “Учреждения для управления губерний Всероссийской империи” 1775 р., що їх уклала Катерина II. На відміну від “Особых учреждений”, що визначали систему влади на окраїнах імперії (Царство Польське, Кавказький край, Закаспійська область, Туркестанський край та ін.); згідно з “Общими учреждениями губернскими” здійснювалося управління в 49-ти губерніях європейської частини Росії.

^б “Устав предупреждения и пресечения преступлений” було укладено 1842 р.; він неодноразово редагувався і доповнювався, зокрема в 1857, 1876, 1890, 1912–1914 рр. Однак за структурою він не дуже змінився і був чинним до 1916 р.

№ 279

^a Згідно зі ст. 1034⁴ “Уложения о наказаниях уголовных и исправительных” винний у поширенні через періодичну пресу неправдивої інформації про діяльність уряду, посадової особи або збройних сил, що формує у населення негативне ставлення до влади, карається ув’язненням від двох до восьми місяців; арештом до трьох місяців або грошовим стягненням до 300 руб. (Свод законов Российской империи. – СПб., 1885. – Т. 15).

№ 280

^a “Утро” – газета, видавалась у Харкові в 1912 р.; Харківське губернське жандармське управління охарактеризувало часопис як “ліву пресу”.

№ 281

^a Йдеться про “Положение о губернских и уездных земских собраниях” 1890 р., третій пункт якого обмежував самоврядність земств. Їм заборонялося відмінити або замінити постанови земських зібрань. Які з них відповідають державним чи місцевим інтересам, – це має право з’ясувати Комітет міністрів (ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 109: 1890. – СПб., 1893. – Отд. 1. – № 6927).

№ 282

^a Поділля приєднане до Російської імперії внаслідок поділів Речі Посполитої. Подільську губернію утворено 1797 р.

№ 287

^a “Народний гімн” (“Боже, царя храни!”) – державний гімн Російської імперії з 1833 по 1917 рр. Музика О. Львова, слова В. Жуковського за участі О. Пушкіна. Замінив попередній гімн “Молитва русских”.

№ 289

^a “Киевская мысль” – київська щоденна літературно-політична газета ліберального напрямку, видавалася в 1906–1918 рр. Найбільша за накладом провінційна газета Російської імперії.

^б “Подольские известия” – щоденна політична, економічна і літературно-громадська газета, видавалася в Кам’янці-Подільському в 1911–1915 рр.

^в “Экономический листок” – періодичне видання губернської земської управи, виходило в 1911–1913 рр. у Кам’янці-Подільському.

^г “Украинская жизнь” – російськомовний щомісячний науково-літературний і громадсько-політичний журнал, виходив у Москві у 1912–1917 рр. Редагував його С. Петлюра разом з О. Саліковським. Серез авторів – М. Грушевський, Д. Донцов, С. Русова, С. Єфремов, М. Горький.

№ 290

^a “Канадський фермер” – перший часопис українською мовою в Канаді для українських поселенців, що його заснував у 1903 р. Франк Олівер, який тоді був міністром внутрішніх справ у ліберальному уряді на чолі з Вільфредом Лор’є. Видання фінансувала Ліберальна партія. Першим редактором часопису був учитель І. Негрич.

^б “Канадський русин” – тижневик, видавався у Канаді в 1911–1914 рр. Першим редактором був Микола Сироїдів.

№ 294

^a Ф. Трепов на догоду своєму начальнику надав невірну інформацію, що нібито Київська дума не була ініціатором встановлення в м. Києві пам’ятника Т. Шевченкові. Архівні до-

кументи, зокрема протокол засідань Київської міської думи (Держархів Київської області, ф. 163, оп. 8, спр. 11, арк. 932; журнал № 16, п. 41) засвідчують, що на засіданнях 27–29 вересня та 3–7 жовтня 1905 р. було обрано Комісію із встановлення пам'ятника Т. Шевченку у складі п'яти гласних: Ф. Бурчака, Н. Страдомського, І. Голубятнікова, В. Братнікова, О. Левицького. Ф. Трепов перекичує факти на догоду ще й чорносотенцям; у Києві вони розгорнули справжню війну проти встановлення пам'ятника поетові, який уособлював український національний рух.

№ 295

^a“Союз русского народа” – правомонархічна православно-консервативна організація, діяла в Російській імперії в 1905–1917 рр. Ініціатива її створення належала лікарю О. Дубровіну, художнику А. Майкову й ігумену Арсенію. 1905 р. його відділення були засновані в Ярославлі, Москві, Новгороді, Одесі. Відбулося кілька з'їздів “русских людей”, третій з яких пройшов у Києві у жовтні 1906 р.

**Покажчик українськомовних рукописних
та друкованих творів, що розглядалися
цензурними органами***

	184, 196
“Абрагам Лінкольн” – оповідання М. Загірньої (М. Грінченко), заборо- нене до видання 1898 р. Видане у Львові товариством “Просвіта” 1901 р. (УК, 1, 2093)	
“Азбука по методе Золотова для Южно-русского края” – буквар, виданий у Полтаві 1861 р. (УК, 1, 175)	24
“Антигона” – трагедія Софокла. У перекладі українською мовою П. Ніщинського видана в Одесі 1883 р. (УК, 1, 794)	197
“Арифметика, або щотниця: Для українських шкіл” – підручник для недільних шкіл О. Кониського. Виданий у Петербурзі 1863 р. (УК, 1, 267)	51
“Баба Параска та баба Палажка” – сатиричне оповідання І. Нечуя- Левицького. Видано у Києві 1887 р. (УК, 1, 1000)	136
“Бабуся” – вірш П. Куліша, частина поеми “Великі проводи”. Виданий у збірці “Досвітки: думи і поеми” у Петербурзі 1862 р. (УК, 1, 232) та Києві 1876 р. (УК, 1, 566); також у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Бабуся с того світу. Оповідання про померши душі” – фольклорно- фантастичний твір П. Куліша, складався з 11 оповідань. Видано у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 191)	22
“Багач і старець” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на украинской мови” Д. Грушки	169
“Байки і прибаютки” – збірка творів Л. Боровиковського. Видана у Києві 1852 р. (УК, 1, 88)	177
“Байки” Я. Жарка – збірка, видана у Петербурзі 1899 р. (УК, 1, 1856)	188
“Байки” Л. Глібова – збірка, вперше видана у Києві 1863 р.; містила 36 творів; майже весь наклад було знищено. Друге видання побачило світ у Чернігові 1872 р., третє – у Києві 1882 р. (УК, 1, 262, 719; РУК, 2, 2188)	180, 234
“Батьки” – оповідання Панаса Мирного, опубліковане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповісти та інша дрібниця” (УК, 1, 2516)	205

* Посилання подано на номери документів.

“Батьківщина” – “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовца”. Видання підготовлене О. Кониським, заборонене до друку 1877 р.	76
“Батьковщина” – часопис, виходив у Львові (1879–1896) за редакцією Ю. Романчука, спочатку як двотижневик, згодом – щотижневик. Користувався популярністю серед селян Галичини. 1888 р. редактором часопису став М. Павлик	162
“Без праці” – казка І. Франка, дозволена до друку петербурзькою цензурою 1902 р. Видана у Києві 1904 р. (УК, 1, 2723)	214
“Без світу” – вірш, виключений 1882 р. цензурою із збірки “Рада, український альманах” (К., 1883; УК, 1, 791)	103
“Беседы катехизические на символ веры и молитву Господню” – збірка проповідей протоієрея Кам’янець-Подільської єпархії В. Гречулевича (назва на обкладинці); назва на титулі: “Беседы катехизические, при объяснении молитвы Господней, на малороссийском языке”. Видана у Петербурзі 1855 р. (на обкладинці рік видання: 1856) (УК, 1, 105, 111). 2-е видання видрукувано у Петербурзі 1857 р. (УК, 1, 117)	234
“Бесіда Володимира Барвінського, виголошена на музикально-декламаторським вечері у Львові в XIV роковини смерті Тараса Шевченка” – брошура, видрукувана у Львові 1875 р. (УК, 1, 513)	203
“Бібліотека музикальна” – перше в Україні музичне серійне видання. Виходило у Львові 1885–1892 рр.	149
“Біблія” <i>див.</i> “Святе письмо Нового Завіту”	
“Бідний вовк” – казка Панаса Мирного із збірника “Народные южно-русские сказки”, виданого І. Рудченком у Києві 1869 р.; друге видання – 1870 р. (УК, 1, 354, 369; РУК, 1, 1946); заборонена до друку 1889 р.	231
“Благословіть бабі Палажці скоропостижно вмерти” – оповідання І. Нечуя-Левицького. Видане у Києві 1875 р. (УК, 1, 533)	94
“Божа нива” – твір, заборонений до друку у збірці “Зернятко...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1566)	177
“Божі діти” – оповідання Г. Квітки-Основ’яненка, видрукуване 1833 р. у харківському альманасі “Утренняя звезда: Собрание статей в стихах и прозе” (УК, 1, 15)	234
“Брат та сестра” – вірш Ю. Федьковича, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Брехня” – твір Т. Зіньківського, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Бувальщина, або на чужий коровай очей не поривай” – п’єса А. Вельсовського, видана у Києві 1888 р. (УК, 1, 1030). Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена у Таращі 1894 р.	170, 175
“Будяк та коноплючка” – байка Є. Гребінки із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177

- “Букварь Южнорусский 1861 року” – посібник Т. Шевченка для навчання грамоти українською мовою у недільних школах. Виданий десятитисячним накладом у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 209) 17, 24, 248
- “Буковина” – україномовна газета, видавалася у Чернівцях у 1885–1915 рр. та 1918 р. Засновник – літературне товариство “Руська бесіда”. Проголосила програму: “Чужого ми не бажаємо, тільки своє боронити хочемо!” і залишалася вірною їй до останніх номерів. Першим редактором став письменник, громадський і освітній діяч Ю. Федькович. Довкола газети згуртувалися кращі письменники Буковини: брати Воробкевичі – Сидір (Данило Млака) і Григорій (Наум Шрам), О. Попович, Є. Ярошинська, пізніше – О. Маковей, О. Кобилянська, В. Стефаник, Марко Черемшина та ін. 162, 164
- “Бурлаки” – драма І. Карпенка-Карого, виключена цензурою із “Збірника драматичних творів І. Карпенка-Карого” (Херсон, 1886; УК, 1, 927) 132
- “Быт подолян” – етнографічний нарис К. Шейковського. Виданий у Києві двома випусками 1859–1860 рр. (УК, 1, 139, 174) 22
- “В Америці” – рукопис І. Спільки, заборонений до видання 1887 р. 150
- “В больнице душевнонедужных” – вірш О. Кониського із збірника “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”, забороненого до друку 1877 р. 76
- “В осені літо” – оповідання Ганни Барвінок, надруковане в альманасі “Хата” П. Кулішем у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 166) 22
- “В чаду мрій. Вірші і пісні” – збірка творів І. Федорченка, видана у Києві 1902 р. (УК, 1, 2394) 209
- “Важка дорога” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на украинської мови” Д. Грушки 169
- “Вареники” – байка Л. Глібова (1892–1893), 1914 р. поширювалася в рукописному списку в с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ. 295
- “Васильківський соловей Київської України” – збірка українських пісень С. Карпенка, видрукувана у Петербурзі 1864 р. (РУК, 1500); заборонена до перевидання 1890 р. 156
- “Ведмідь” – казка Марка Вовчка. Видана у Петербурзі 1865 р. (УК, 1, 300); також у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582) 177
- “Великий войовник” *див.* “Олександр Македонський, великий войовник”
- “Великі проводи” – поема П. Куліша. Видана у збірці “Досвітки: думи і поеми” у Петербурзі 1862 р. (УК, 1, 232) та Києві 1876 р. (УК, 1, 566) 177
- “Вергілієва Енеїда” *див.* “Енеїда”

“Верша та болото” – байка Є. Гребінки із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Веселі Полтавці” – п’єса К. Мирославського-Винникова, видана в Одесі 1893 р. (УК, 1, 1335). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена у Таращі 1894 р.	170, 175
“Веселка” – збірка віршів та оповідань, вийшла друком у Львові у 1887 р. (УК, 1, 968; РУК, 3, 4332). Підготовлена київською студентською громадою (під псевдонімом А. Молодченка) за редакцією І. Франко. 1902 р. петербурзькою цензурою заборонена до перевидання	206
“Весна” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“[Вес]нянка” – вірш із збірки творів І. Манжури “Над Дніпром: думи та співи”, забороненої до друку 1893 р.	166
“Веснянки” – вірш, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1883; УК, 1, 791)	103
“Ветка” <i>див.</i> “Вітка”	
“Вечорниці” – бурлескно-травестійна поема П. Кореницького, написана у 1830-х роках. Надрукована у збірнику “Сніп, український новорочник” у Харкові 1841 (УК, 1, 48)	160
“Вечорниці” – часопис народницького напрямку, виходив 1862–1863 рр. під редакцією Ф. Заревича, В. Шашкевича та ін.	59
“Вжинок рідного поля” <i>див.</i> “Ужинок рідного поля”	
“Вихованець” – п’єса М. Янчука. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Відьма” – п’єса К. Ванченка. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Війте, війте вітри тихенькіє” – драма зі збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Вік (1798–1898)” – антологія української літератури в трьох томах, упорядкована В. Доманицьким і С. Єфремовим. Видана у Києві 1900 р. (Т. 1); 1902 р. (Т.1, 2-е вид.; т. 2, 3) (УК, 1, 1977, 2268–2270)	227
“Вітка” – збірка віршів М. Костомарова. Видана у Харкові 1840 р. під псевдонімом Ієремії Галки (УК, 1, 38)	2, 3, 4
“Вольний союз – Вільна спілка”, праця М. Драгоманова. Видана в Женеві у друкарні “Громади” 1884 р.	133
“Вороги – пісня-потурання Березі” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на українській мови” Д. Грушки	169
“Ворскло: лірна поезія” – збірник віршів Я. Щоголіва. Виданий у Харкові 1883 р. (УК, 1, 813)	105, 177
“Воскресение Рутського та Кунцевича в Галичині” – стаття П. Куліша, виключена цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117

“Вихожу один я на дорогу” – вірш М. Лермонтова (1841) у перекладі українською мовою із збірки “Народний пісенник з найкращих українських пісень” (УК, 1, 999)	114
“В’язонько” – твір А. Метлинського із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Гайдамаки” – історико-героїчна поема Т. Шевченка (1839–1841, УК, 1, 38); вперше надрукована окремим виданням у Петербурзі 1841 р.	22, 99, 221
“Галицькая Русь” – щоденна газета москвофільського спрямування, друкувалася у Львові 1891–1893 рр. за фінансової підтримки російського уряду	162
“Гая Русина” – п’єса А. Сулова. Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Гамлет, принц Данський” – трагедія Вільяма Шекспіра у перекладі П. Куліша. Видана у Києві 1882 р. (УК, 1, 755). 1883 р. разом з двома іншими перекладами П. Куліша була заборонена до перевидання	100, 107
“Гаркуша” – опера М. Лисенка на лібрето М. Старицького. Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Гасло” – щомісячник, орган Революційної української партії. Видавався у Чернівцях у 1902–1903 рр. Вийшло 17 чисел	236
“Глитай, або ж павук” – драма М. Кропивницького. Видана у Києві 1882 р. (УК, 1, 730). Заборонена до перевидання 1885 р.; заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р.	123, 170, 179
“Голодранцева думка” – вірш І. Федорченка, виключений цензурою із збірки “В чаду мрій” (УК, 1, 2394)	209
“Гора з горою не зійдеться, а чоловік з чоловіком завсігда” – оповідання Т. Горобця із збірки “Дві приказки”, забороненої до друку 1886 р.	140
“Горобці та вишня” – байка Є. Гребінки із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Господин староста” – твір П. Задери, заборонений до друку 1893 р.	166
“ГраMATка” Б. Грінченка – повна назва: “Українська граMATка до науки читання й писання”. Видана у Києві 1907 р. (УК, 1, 3268). Складалася з чотирьох частин: азбуки, читанки, прописів та звернення до вчителів. Перевидувалася в 1917 і 1918 рр. (УК, 2, 6307, 7218)	243
“ГраMATка” І. Деркача <i>див.</i> “Українська граMATка”	
“ГраMATка” П. Куліша – перший буквар українською мовою, виданий у Петербурзі 1857 і 1861 рр. (УК, 1, 120; 192)	19, 21, 22, 23, 24, 28, 36, 234
“ГраMATка або перша читанка за для початку вченья” – буквар О. Кониського. Виданий у Києві 1882 р. (УК, 782; РУК, 2, 3630; зазначено інший рік видання – 1883)	248
“ГраMATка задля українського люду” – буквар Л. Ященка. Виданий у Москві 1862 р. (УК, 1, 258)	248

- “Григорій Квітка” – повна назва: “Григорій Квітка (Основ’яненко) і його повісті: Слово на новий вихід Квітчиних повістей”, брошура П. Куліша. Видана у його власній друкарні у Петербурзі 1858 р. (УК, 1, 131; РУК, 1, 910) 22
- “Грішниця” – п’єса, заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “Громада” – “Громада: Українська збірка”, перший український громадсько-політичний збірник. З 1878 по 1882 рр. виходив у Женеві за редакцією М. Драгоманова, М. Павлика, С. Подолинського (на кошти останнього). У його виданні та розповсюдженні брали участь А. Ляхоцький (Кузьма), Ф. Вовк, М. Зібер, М. Ковалевський, О. Черепакін, І. Франко (УК, 1, 618–620, 647, 722) 91
- “Громадський голос” – українська громадсько-політична газета, виходила як місячник, двотижневик, тижневик, двічі на тиждень у Львові 1895–1902, 1904–1914, 1916, 1922–1939 рр.; орган Української радикальної партії (УРП) 219
- “Громадянин” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Семешко 227
- “Дай серцю волю, заведе в неволю” – п’єса М. Кропивницького. Видана у Києві 1882 р. (УК, 1, 730). Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена в Черкасах 1894 р. 170, 176
- “Дві лихі долі” – вірш І. Федорченка, виключений цензурою із збірки “В чаду мрій” (УК, 1, 2394) 209
- “Дві приказки” – рукопис двох оповідань Т. Горобця “Добре роби, добре й буде” та “Тора з горою не зійдеться, а чоловік з чоловіком завсігда”. Заборонений до друку 1886 р. 140
- “Дві сім’ї” (“Де зерно, там і полова”) – драма М. Кропивницького, написана 1888 р. Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р. Видана у Харкові 1895 р. (УК, 1, 1497) 170
- “Де взялася горілка” – рукопис, заборонений до друку 1886 р. 130
- “Десять заповідів моїх, а одинадцята Сеїдова” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на української мови” Д. Грушки 169
- “Дещо з історії українського письменства ХІХ в. Замітки і спомини М. Уманця” – праця М. Комарова, видрукувана в газеті “Діло” (1885. – № 15–17, 21–25, 27, 29, 34, 35) 221
- “Дещо про світ Божий” – підручник з фізичної географії українською мовою. Вийшов у Києві 1863 р. заходами Київської старої громади (УК, 1, 263) 39, 207, 234
- “Дещо про світ Божий” – брошура М. Виноградової з географії та астрономії. Заборонена до друку 1902 р. 211
- “Дзвін. Староруські думи й співи” – збірка П. Куліша. Видана в Женеві 1893 р. (РУК, 3, 5991) 111

“Дзвонар” – оповідання Д. Мордовцева. Видане у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 202). Заборонене до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	22, 177
“Дитина-сиротина” – вірш А. Метлинського із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Дитинячі згадки про всяку всячину” – стаття О. Катренка, заборонена цензурою 1903 р.	231
“Дід Мина і баба Миниха” – оповідання М. Номиса (М. Симонова). Видане у Петербурзі в друкарні П. Куліша 1860 р. (УК, 1, 159)	22
“Діло” – газета, виходила у Львові у 1880–1939 р., з 1888 р. – щоденно; 1893 р. її поширення заборонено в Росії	151, 167, 221, 280
“Дніпр” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Рябошапка	237
“Дніпрові хвилі” – ілюстрований тижневик, виходив у Катеринославі в 1910–1913 рр. з ініціативи М. Богуславського за редакцією Д. Дорошенка (пізніше – В. Біднова, Ю. Павловського); відповідальний редактор К. Котов	289
“До батьки Тараса” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мові” Д. Грушки	169
“До бою” – вірш І. Федорченка, виключений цензурою із збірки “В чаду мрій” (УК, 1, 2394)	209
“До діда Дніпра” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мові” Д. Грушки	169
“До нашого громадянства” – відозва-оголошення від редакції газети “Рада”	295
“До Основ’яненка” – вірш Т. Шевченка (1839). Виданий у “Кобзарі” (Петербург, 1840; УК, 1, 42)	167
“До праці” – один із перших (1881) віршів Б. Грінченка (Чайченка). Заборонений до друку у збірці “Квітка” 1889 р.	152
“До Росії” – вірш І. Федорченка, виключений цензурою із збірки “В чаду мрій” (УК, 1, 2394)	209
“До світла” – повість І. Франка. Видана у Львові 1890 р. (УК, 1194) та Києві 1903 р. (УК, 1, 2567)	231
“Добавление к рукописи “Ворскло” – рукопис Я. Щоголіва. Дозволений до друку 1882 р. Збірка “Ворскло: лірна поезія” видана у Харкові 1883 р. (УК, 1, 813)	105, 177
“Добра праця” – стаття М. Комарова про Кирила та Мефодія, заборонена до видання в 1903 р.	231
“Добре роби, добре й буде” – повість Г. Квітки-Основ’яненка (1836). Видана у Москві 1837 р.; у Петербурзі 1858 і 1861 рр. (УК, 1, 26, 130, 182). 1886 р. заборонена до друку у збірці Т. Горобця “Дві приказки”	22, 180
“Доки сонце зійде – роса очі виїсть” – драма М. Кропивницького (1882), заборонена до друку 1885 р. Видана у Києві 1903 р. (УК, 1, 2496)	123

“Доктор Мукосій” – оповідання О. Кониського, заборонене до друку у п’ятому томі Повного зібрання його творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”) 1902 р.	207
“Доля одного письменника” – оповідання О. Кониського. Опубліковане у четвертому томі “Творів О. Я. Кониського-Перебенді” (Одеса, 1903; УК, 1, 2489)	207
“Домашня наука” – посібник для вчителів початкової школи К. Шейковського. Виданий у Києві 1861 р. (УК, 1, 211)	234, 248
“Дополнение” до збірника віршів П. Куліша “Дзвін” – видання, дозволене до друку 1884 р.; не ідентифіковане	111
“Досвітки: Думи і поеми П. Куліша” – збірка, видана у Петербурзі 1862 р., у Києві – 1876 р. (УК, 1, 232, 566)	111
“Драбина” – байка Т. Зіньківського із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Драконізм чи глупота?” – стаття у львівській газеті “Діло” № 98 за 1885 р.	221
“Драма без горілки” – гумореска В. Самійленка. Видана Б. Грінченком у Чернігові 1900 р. у збірці “Хвиля за хвилиною: Вірші й проза” (УК, 1, 2064)	289
“Драма в тюрмі” – оповідання О. Кониського. Видане у четвертому томі “Творів О. Я. Кониського-Перебенді”) (Одеса, 1903; УК, 1, 2489)	207
Драматичні твори Ващенко-Захарченка <i>див.</i> “Театр А. Е. Ващенко-Захарченка”	
“Друкований лист Михайла Павлика до людей” – брошура М. Павлика. Видана в Женеві 1880 р. (РУК, 2, 3246)	91
“Дума” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Дума” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мови” Д. Грушки	169
“Дума про Ігореве військо” – назва перекладу Панаса Мирного, виключеного 1902 р. із збірки “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (К., 1903; УК, 1, 2516). Видано у Києві 1914 р. (УК, 1, 5416)	205
“Думка” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Думка” (“Будуть хмари з красм рідним...”) – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Думка” (“Якби ви знали, паничі”) – вірш Т. Шевченка (1850). Вперше надрукована у празькому виданні “Кобзаря” (1876). Заборонений до друку 1877 р. у збірнику “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”	76
“Думки і пісні А. Могили” – повна назва: “Думки і пісні та ще дещо Амвросія Могили”, збірка віршів А. Метлинського. Видана	177

- у Харкові 1839 р. (УК, 1, 35); перевидана Ф. Піскуновим в альманасі “Чайка” у Києві 1876 р. (УК, 1, 585); К. Студинським – у Львові 1897 р. (УК, 1, 1679). 1894 р. заборонена до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)
- “Думки-мережанки” – перша збірка поезій Олени Пчілки. Видана у Києві 1886 р. (УК, 1, 943) 129
- “Енеїда” (“Вергілієва Енеїда”) – поема І. Котляревського, повністю видрукувана у Харкові 1842 р. (УК, 1, 49), відтоді неодноразово перевидавалася. Дозволена до перевидання 1885 р.; видана у Житомирі 1886 р. (УК, 1, 933) 64, 126, 135, 234
- “Етнографічний збірник” – одне з періодичних видань Наукового товариства ім. Шевченка, започатковане 1895 р. До 1901 р. вийшло друком 10 томів (див. УК, 1, 1476, 1558, 1653, 1745, 1746, 1854, 1855, 1994, 1995, 2106) 204
- “Євангеліє” *див.* “Святе письмо”
- “Жало” – український сатирично-гумористичний ілюстрований часопис. Виходив у Львові як тижневик і двотижневик у 1913–1914 рр. 290
- “Жидовський попіхач” – оповідання Ганни Барвінок, надруковане “кулішівкою” і вилучене з друкарні М. Корчак-Новицького у Києві 1886 р. (порівн.: УК, 1, 2258) 131
- “Житие св. Кирилла и Мефодия” – переклад пам’ятки українською мовою, заборонений до друку в 1904 р. 221
- “Жития святых Ольги, Бориса и Глеба, Владимира и Михаила Черниговского” – видання, підготовлене 1863 р. до друку у Петербурзі на кошти, зібрані М. Костомаровим 51
- “З Лермонтова” – перекладний твір, виключений цензурою із збірки поезій Олени Пчілки “Думки-мережанки” (К., 1886; УК, 1, 943) 129
- “За двома зайцями” – комедія М. Старицького (1884). Видана у Москві 1890 р. (УК, 1, 1191). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “За друга (Вась і Ганя)” – п’єса, заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “За Неман іду” – оперета С. Писаревського, заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “Забезпечення прибутків і капіталів державними щадничими касами” – брошура, видрукувана господарським відділенням Державного банку в Санкт-Петербурзі 1910 р. 264
- “Зажурилась Україна” – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р. 140
- “Зайдиголова” – п’єса М. Кропивницького, заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. Видана у Харкові 1894 р. (УК, 1, 1497) 170

- “Закон Божий” (“Книга буття українського народу”)—програма Кирило-Мефодіївського братства. Автором вважається М. Костомаров, у якого вилучено українськомовний рукопис 2, 3
- “Записки Наукового товариства імені Шевченка” – наукове періодичне видання НТШ, що друкувалося у Львові у 1892–1937 рр. 220, 289
- “Записки Українського наукового товариства в Києві” – неперіодичне видання Українського наукового товариства в Києві (1908–1918). Вийшло 18 книг, останню було майже повністю знищено. Друкувалися матеріали історичної, філологічної, а на початках і природничої секції. Містять наукові праці І. Франка, В. Перетца, М. Сумцова, С. Маслова, О. Шахматова, Б. Грінченка, М. Возняка та багатьох інших. Окремі томи присвячені пам’яті К. Михальчука, Т. Шевченка. Через цензурні умови з 1914 р. друкувалися в Москві 289
- “Заповіт” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мови” Д. Грушки 169
- “Заповіт” (“Як умру, то поховайте...”) – вірш Т. Шевченка (1845); у середині 1840-х років нелегально поширювався у рукописних списках. Вперше опублікований під назвою “Думка” у збірці “Новые стихотворения Пушкина и Шевченки” (Лейпциг, 1859); повний текст вперше вміщений у львівському журналі “Мега” (1863, № 4) під назвою “Завіщання”; передруковано у 1-му томі видання: “Поезії Тараса Шевченка” (Львів, 1867; УК, 1, 328); за текстом автографа рукописної збірки “Три літа” вірш вперше надруковано у “Кобзарі” за ред. В. Доманицького (СПб., 1907; УК, 1, 3470). З кінця 1860-х рр. покладений на музику (композитори М. Лисенко, М. Вербицький, Г. Гладкий), неодноразово гармонізувався для різного складу хорів (К. Стеценко, О. Кошиць, Л. Ревуцький та ін.); варіант пісні Г. Гладкого став народним гімном 269, 288
- “Заповіт” (“Як умру, то поховайте...”), тут – вірш Т. Шевченка з нотним текстом Г. Гладкого. За наказом інспектора у справах друку наклад (1000 прим.) арештований в харківській друкарні Адольфа Дарре у квітні 1908 р. 249
- “Запорожець за Дунаєм” – опера С. Гулака-Артемовського, перший твір цього жанру на лібрето українською мовою. Її прем’єра відбулась у Петербурзі 14 квітня 1863 р. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “Запорожці” – казка І. Нечуя-Левицького. Видана у Львові 1873 р. (РУК, 2, 2319); у Києві 1874 р. (УК, 1, 488). Заборонена до друку 1886 р. 99, 138, 221
- “Заснули, мов свиня в калюжі...” – під таким заголовком поширювався вірш Т. Шевченка “Ликері”; вилучений у с. Красиївка Остерського пов. Чернігівської губ. 1903 р. 219
- “Збірник драматичних творів І. Карпенка-Карого” – збірка, видана у Херсоні 1886 р. (УК, 1, 927) 132
- “Збірник творів” – збірка Г. Сурмаченка (Г. Козлова), заборонена до друку 1890 р. Включала 113 віршів (у тому числі переклади двох віршів М. Лермонтова), поему “Русалка”, дві драми: “Війте, війте, вітри тихенькіє” и “Серцю не прикажеш” 155

- “Збірник творів Матвія Семеновича Жернова” – збірка віршів, 1890 р. дозволена цензурою, за виключенням чотирьох творів; видрукувана у Харкові 1900 р. (УК, 1 1996) 156
- “Збірник українських пісень” М. Лисенка – повна назва: “Збірник українських пісень. Зібрав й у ноги завив М. Лисенко”; серія публікацій народних пісень М. Лисенка у семи випусках. Друкувалися у Лейпцигу у 1868–1911 рр., окремі випуски перевидавалися у Києві (РУК, 1858, 2309–2311, 2424, 2701, 3808, 3990, 4201, 4202, 4425, 5232, 5233 та ін.) 86, 97, 140, 145, 234
- “Збірник українських пісень”, тут – збірка М. Лисенка, дозволена цензурою 1886 р., за виключенням кількох творів; видана у Києві 1886 р. Містить інші варіанти текстів, виключених цензурою, зокрема, пісень про Нечая, Довбуша, Хорька; див.: Українські нотні видання у фонді Харківської державної наукової бібліотеки ім. В.Г. Короленка (1864–1923): Каталог / Уклад.: В. М. Созонова, Н. В. Лубенська. – Харків, 2012. – № 446. – С. 113–114) 140
- “Земельная справа в Новій Зеландії” – брошура М. Грінченка. Видана у Києві 1906 р. (УК, 1, 3002) 274
- “Земля і люде в Росії. Кавказ” – твір К. Гамалії. Виданий у Києві 1884 р. (УК, 1, 820) 113
- “Зернятко. Оповідання та казки: П[ерероблено] З. Р[осійськ]-ой” – збірка Б. Грінченка. Заборонена до друку київським цензором Б. Юзефовичем 1894 р. Видана у Чернігові 1896 р. (УК, 1, 1566) 177
- “Зозуля і Півень” – байка Л. Глібова (1853), 1914 р. поширювалася в рукописному списку в с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ. 295
- “Зозуля та снігир” – байка Є. Гребінки із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582) 177
- “Зорі” – вірш М. Костомарова. Заборонений до друку 1877 р. у збірнику “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”. Опублікований в Петербурзі 1890 р. (УК, 1, 1165) 76
- “Зоря” – двотижневий часопис, виходив у Львові у 1880–1897 рр. 1885 р. перейшов у власність Наукового товариства ім. Шевченка. Редактори – О. Партицький, О. Калитовський, Г. Цеглинський, О. Борковський, В. Лукич-Левицький. Друкувалися літературно-критичні статті, історичні, статистично-економічні матеріали, листування, спомини та ін. 81, 111
- “Зрадник” – вірш А. Метлинського, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “І багата я, і вродлива я” – твір композитора В. Заремби з вокального циклу “Музика до Кобзаря”; заборонений до друку 1887 р. 145
- “І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнє посланіє” – поетичне послання Т. Шевченка (1845). Вперше надруковане у збірці “Новые стихотворения Пушкина и Шевченки” (Лейпциг, 1859). Без купюр вперше видано: *Шевченко Т. Кобзарь.* – СПб., 1907. – С. 260–267 3

“І шумить і гуде, дрібний дощик іде” – українська народна пісня	234
“Іван Котляревський, український письменник: Життєписне оповідання” – брошура Б. Грінченка. Видана у Львові 1891 р. (УК, 1, 1209)	180
“Іван Сірко” – історична повість Александровича, виключена цензурою із альманаху “Рада” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“Іліада” – найдавніша зі збережених пам’яток грецької літератури, авторство приписується Гомеру. Вперше українською мовою опубліковано у перекладі С. Руданського (1862–1863). Окремі частини друкувались у журналі “Правда”, повний переклад опубліковано у Львові 1903 р. (УК, 1, 2547, 2548). Українською мовою “Іліаду” перекладали також О. Навроцький, П. Нішинський (Львів, 1902; УК, 1, 2282, 2283), І. Франко, В. Самійленко (альманах “Складка”, Харків, 1887; УК, 1, 1018)	197, 221
“Ілюстрована Україна” – літературно-науковий журнал, виходив у Львові у 1913–1914 рр. двічі на місяць (усього вийшло 34 випуски). Редактор – І. Крип’якевич. Друкувалася хроніка святкових та урочистих подій, статті про діяльність українських установ, громадських діячів та ін. Висвітлювалися політичні новини з Галицького крайового сейму. Публікувалися матеріали з Наддніпрянської України. Число 5/6 за 1914 р. цілком присвячене відзначенню 100-річчя від дня народження Т. Шевченка	289
“Історія літератури” – повна назва: “История литературы русской”, незавершена праця О. Огоновського. Публікувалась в “Зорі” в 1887–1894 рр. Окремо вийшла у шести книгах у Львові у 1887–1894 рр. (УК, 1, 1009, 1107, 1107, 1235, 1349, 1426)	235
“Кажі жінці правду, та не всю” – твір М. Вольвачівни. Виданий у Харкові 1894 р. (УК, 1, 1378)	166
“Казак Савва” – вірш М. Жернова, виключений цензурою 1890 р. з його “Збірника творів...”	156
“Казка про дівку-семилітку” – твір М. Костомарова. Виданий в друкарні П. Куліша в Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 153)	22
“Казка про перлове намисто” – твір із збірки “Зернятко...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1566)	177
“Казка про правду та кривду” – оповідання Панаса Мирного, опубліковане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (УК, 1, 2516)	205
“Казка про рибалку та рибку” – казка О. Пушкіна; переклад українською мовою заборонявся цензурою. У перекладі А. Кашенка побачила світ у Полтаві 1907 р. (УК, 1, 3403)	221
“Казка про таємні слова” – твір М. Вольвачівни. Виданий у Харкові 1894 р. (УК, 1, 1378)	166
“Казки, приказки та таке інше” – твори Ів. Мари (І. Манжури), дозволені до друку з купюрами 1893 р.	166
“Казки та оповідання” – збірка, укладена Б. Грінченком; видана у Києві 1890 р. (УК, 1, 1155)	231

- “Кайдашева сім’я” – повість І. Нечуя-Левицького. Видана у Києві 1887 р. (УК, 1, 1003) 115, 138
- “Катерина (Мужичка)” – драма на 4 дії К. Ванченка (К. Писанецького). Видана у Москві 1896 р. (УК, 1, 1547) 289
- “Катерина”, “Катерина або нещастне дівоче кохання” – поема Т. Шевченка, вперше надрукована у “Кобзарі” 1840 р. (УК, 1, 42). Неодноразово видавалась тисячними накладами, зокрема, в Одесі (1894) та Чернігові (1895) (РУК, 3, 6456; УК, 1, 1538). Водночас поема й заборонялася до друку. Так, у 1891 р. петербурзьке видання 1887 р. (РУК, 3, 4559) було заборонене до перевидання. За мотивами поеми ставилися п’єси, одна з яких була заборонена до постановки трупі В. Грицяя в Бердичеві 1894 р. 22, 94, 159, 170, 180, 221
- “Катехизические беседы на символ веры и молитву Господню” *див.* “Беседы катехизические на символ веры и молитву Господню”
- “Квітка. Збірник віршів” – збірка творів Т. Шевченка, П. Куліша, Б. Грінченка, С. Воробкевича, К. Білиловського. Рукопис заборонений до друку 1889 р. 152
- “Квітки з чужого поля” – рукопис збірника оповідань, що їх переклав українською мовою О. Кониський, заборонений до друку 1898 р. 197
- “Киевская старина” – щомісячний історико-етнографічний та літературний часопис. Видавався у Києві (російською й українською мовами) у 1882–1906 рр. 1907 р. змінив назву на “Україна” й відтоді друкувався переважно українською мовою 108, 151, 160, 177, 178, 185, 192, 194, 201–203, 248, 269
- “Кленові листки” – новела В. Стефаніка, вперше опублікована у “Літературно-науковому віснику” за 1900 р. 289
- “Книга для чтения (Читанка)” – повна назва: “Читанка. Перша книжка після граматики: 3 60 малюнками”, підручник Т. Хуторного (Т. Лубенця). Виданий у Києві 1883 р. (УК, 1, 783), перевиданий у 1907 р. (РУК, 6, 12207) 244
- “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” – збірка творів Панаса Мирного. Видана у Києві 1903 р. (УК, 1, 2516) 205
- “Кобзарь П. П. Артемовського-Гулака” – збірка творів. Видана у Києві 1877 р. (УК, 1, 594) 177
- “Кобзар” – збірка поетичних творів Т. Шевченка. Уперше видана 1840 р. у Санкт-Петербурзі за сприяння Є. Гребінки (УК, 1, 42). До збірки увійшло вісім творів: “Катерина”, “Перебендя”, “Тополя”, “Думка” (“Нащо мені чорні брови”), “До Основ’яненка”, “Іван Підкова”, “Тарасова ніч” та “Думи мої, думи мої, лихо мені з вами”. Наступні видання (до 1914 р.): 1844, 1860, 1861, 1867, 1876 (празьке видання, вмішувало більшість позацензурних творів), 1878, 1883, 1884, 1886, 1889, 1894, 1895, 1899, 1907, 1908, 1910, 1911, 1913, 1914 рр. (УК, 1, 56, 169, 587, 588, 641, 810, 811, 857, 959, 1128, 1445, 1446, 1539, 1963, 1964, 3470, 3785–3788, 4314, 4615, 5177, 5474 та ін.) 2–4, 72, 145, 177, 180, 219, 221, 267, 284–286
- “Коза-дереза” – дитяча оперетка М. Лисенка, написана 1888 р. 289

“Козацький похід” – ймовірно, поема Т. Шевченка “Гамалія”. Вперше видана окремою брошурою у Петербурзі 1844 р. (РУК, 1, 292)	152
“Козачка Олена” – поема Олени Пчілки, видрукувана у збірці “Рада. Український альманах” (див.: УК, 1, 791, 841)	116
“Колокол” – повна назва: “Пісня про колокол”, твір Фрідріха Шиллера (1799). Переклад українською мовою вміщено в альманасі “Складка” (Харків, 1887; УК, 1, 1018)	197
“Колоски: збірник казок та оповіданнів” – збірка, упорядкована Б. Грінченком. Видана в Одесі 1891 р. (УК, 1, 1223) та Чернігові 1898 р. (УК, 1, 1763)	231
“Корисні звірятка: Кажан, їжак та зинське щеня (кріт)” – твір О. Комарова (О. Степовика). Виданий у Петербурзі 1899 р. (УК, 1, 1882)	198
“Краще своє латане, ніж чуже хватане” – п’єса, заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р	170
“Крила у вітряка” – байка Л. Боровиковського, заборонена до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Криничка. Збірка з оповідань та з віршів. Зібрав В. Ч.” – збірка, упорядкована Б. Грінченком. Заборонена до друку 1894 р. Видано у Чернігові 1896 р. (УК, 1, 1582)	177
“Крути та не перекручай” – п’єса М. Старицького за комедією Панаса Мирного “Перемудрив”. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. Видана в Одесі 1906 р. (УК, 1, 1435)	170
“Кум мірошник, або сатана у бочці” – водевіль Д. Дмитренка. Виданий у Києві 1884 р. (УК, 1, 824, 825). Заборонений трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволений у Таращі 1894 р.	170, 175
“Куряж” – памфлет П. Кореницького на духовенство Курязького Преображенського монастиря поблизу Харкова	160
“Куряче кохання” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на українській мови” Д. Грушки	169
“Лан” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на українській мови” Д. Грушки	169
“Ластівка” – збірка творів різних авторів, укладена Є. Гребінкою. Видана у Петербурзі 1841 р. (УК, 1, 46)	234
“Легенда про запорожців” – видання не ідентифіковане; дозволене до друку київською цензурою 1876 р.; безкоштовно поширювалося серед богомольців Києво-Печерської Лаври. Можливо, йдеться про працю М. Драгоманова “Про українських козаків, татар та турків”, видану у Києві 1876 р.; див.: УК, 1, 561	80
“Ледачо” – казка Старицької-О’Коннор. Дозволена до друку 1893 р. з купюрами на двох сторінках рукопису про “славне минуле козацтва”	166

- “Лимерівна” – драма Панаса Мирного, заборонена до друку 1886 р. Видана у Львові 1892 р. (УК, 1, 1279) та Києві 1907 р. (УК, 1, 3372) 134
- “Лис Микита” – казка І. Франка. Видана у Львові 1902 р. (УК, 1, 2404) 289
- “Лист” – новела М. Коцюбинського. Видана у Львові 1913 р. (УК, 1, 5070) 289
- “Листи до любезних земляків” – цикл публіцистичних статей Г. Квітки-Основ’яненка. Виданий у Харкові 1839 р. (РУК, 1, 205) 231, 234
- “Листи з хутора” – брошура П. Куліша. Видана у його власній друкарні у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 192) 22
- “Лиха година: Великоденне оповідання” – твір І. Манжури. Виданий у Катеринославі 1886 р. (УК, 1, 937) 130
- “Лихий попутав” – оповідання Панаса Мирного, опубліковане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (УК, 1, 2516). Вперше видрукуване у львівському журналі “Правда” (1872). 205
- “Лихо не без добра” – оповідання Ганни Барвінок. Видане у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 142) 22
- “Література України” – праця М. Драгоманова. Повна назва: “Українська література, поскрибована російським урядом” (Женева, 1878), В її основі – промова, виголошена у травні 1878 р. на Всесвітньому літературному конгресі в Парижі французькою мовою; промову перекладено німецькою, італійською, іспанською та сербською мовами. Українською вперше видрукувано у часописі “Друг”, згодом – окремою брошурою. Містить короткий виклад історії українського народу та його літератури, що переслідується деспотичним урядом (РУК, 2, 2958) 134
- “Літературно-науковий вістник” – загальноукраїнський літературний і науковий часопис, заснований М. Грушевським, І. Франком, О. Борковським і О. Маковесем. Видання Наукового товариства імені Шевченка. Виходило у Львові (1898–1906), Києві (1907–1914; 1917–1919); знову у Львові (1922–1932) за редакцією І. Франка, М. Грушевського, Д. Донцова 242, 258
- “Літературний збірник. Т. 1. Посвята незабутній пам’яті Олександра Кониського” – збірка під назвою “Літературний збірник, зложений на спомин О. Кониського (1836–1900)” видана у Києві 1903 р. (УК, 1, 2507) 212
- “Ляхам” *див.* “Полякам”
- “Май” – новела В. Стефаніка. Видана у Львові 1901 р. (УК, 1, 2218) 289
- “Маленький сборник для грамотного сельского люду” – повна назва: “Маленький сборник повестей и песней для грамотного сельского люду”. Збірка видана у Львові 1863 р. (РУК, 1, 1401) 55
- “Малий Кобзар” – видання, що готувалося з нагоди столітнього ювілею Т. Шевченка. Видано у Києві 1911 р. (УК, 1, 4618)

- “Малороссийские повести” – повна назва: “Малороссийския повести, рассказываемыя Грыцьком Основьяненком: [У 2-х кн.]”. Видано у Москві 1834 і 1837 рр.; перевидано у Києві 1841 р. (УК, 1, 17, 26, 44) 72
- “Малороссийские приказки” – твори Є. Гребінки, вперше видані у Петербурзі 1862 р. у п’ятому томі його творів (УК, 1, 221), перевидані у Києві 1903 р. у другому томі “Сочинений” (УК, 1, 2449) 210
- “Малорусский литературный сборник” – український літературний альманах, виданий 1859 р. у Саратові Д. Мордовцем за участю М. Костомарова. Містив твори обох письменників, першу публікацію чотирьох українських народних казок (“Ох”, “Коза-дереза”, “Казка про Івасика і про відьму”, “Казка про королеву Катерину”), понад 200 народних історичних, суспільно-побутових, сімейних, інтимно-ліричних і обрядових пісень, записаних М. Костомаровим на Волині; перший переклад творів М. Гоголя українською мовою (“Вечір проти Івана Купала”). У передмові до поеми “Козаки й море” Д. Мордовець закликав вивчати українську мову, її історію і граматичну будову, запроваджувати навчання у школі рідною мовою (УК, 1, 134) 234
- “Мандровані дяки” – стаття Г. Бабенка, вміщена у харківському часописі “Сніп” (1912) 279
- “Мариня” – твір за підписом “Е. Б.” із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582) 177
- “Марія” – поема Т. Шевченка (1859); вперше надрукована у празькому виданні “Кобзаря” (1876), у Росії – у петербурзькому виданні “Кобзаря” (1907) (УК, 1, 586, 3470) 133, 267, 285
- “Марія Стюарт” – трагедія Фрідріха Шиллера (1801). Переклад українською мовою Б. Грінченка заборонений цензурою; видрукований у Львові 1896 р. (УК, 1, 1622) 231
- “Марко Проклятий” – повна назва “Марко проклятый: Поема на малороссийском языке из преданий и поверий Запорожской старины” – твір О. Стороженка, виданий в Одесі 1879 р. (УК, 1, 662); перевиданий у Петербурзі 1894 р. (УК, 1, 1437) 234
- “Маруся Чурай” – драма Г. Бораковського, заборонена до друку 1887 р. 147
- “Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губ.” – збірка В. Ястребова, опублікована у третьому випуску “Летописи Историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете” в Одесі у 1894 р. 178
- “Маяк” – тижневик, видавався у Києві у 1913–1914 рр., редактор – З. Шевченко 235, 289, 291
- “Мелкие стихотворения и рассказы” – Є. Гребінки, вперше видані у Петербурзі 1862 р. у п’ятому томі його творів (УК, 1, 221), перевидані у Києві 1903 р. у другому томі “Сочинений” (УК, 1, 2449) 210
- “Мета” – літературно-політичний журнал народовців. Видавався у Львові 1863–1865 рр. за редакцією К. Климковича 51, 53, 54, 59

- “Микола Джеря” – повість І. Нечуя-Левицького. Вперше видана у Львові 1878 р. (РУК, 1, 3004). 1886 р. заборонена до друку в Росії. Видана у Петербурзі 1899 р. (УК, 1, 1911) 136
- “Михайло Чарнишенко, або Малоросія 80 лет тому назад” – роман П. Куліша. Виданий у Києві 1843 р. (РУК, 1, 273) 2
- “Молитва” – вірш Т. Шевченка (1860); вперше надрукований у празькому виданні “Кобзаря” (1876), у Росії – у петербурзькому виданні “Кобзаря” (1907) (УК, 1, 586, 3470) 265
- “Молитва” – повна назва: “Молитва за Україну”, вірш О. Кониського, покладений на музику М. Лисенком; духовний гімн України 130
- “Молода Україна” – перший дитячий журнал на Наддніпрянській Україні, виходив у 1908–1912 та 1914 рр. як щомісячний додаток до часопису “Рідний край” (1905–1916). Видавець – Олена Пчілка. Первісний наклад – 1000 прим. Постійні рубрики – “Світознання”, “Загадки”, “Сміховинки”, “Задачі, ребуси, шаради” та ін. Серед ілюстраторів часопису – О. Сластіон, Т. Сирокомський, Ф. Литвиненко 289
- “Монолог Джульєтти” – перекладний твір, виключений цензурою із збірки поезій Олени Пчілки “Думки-мережанки” (К., 1886; УК, 1, 943) 129
- “Морозенко” – оповідання Панаса Мирного, опубліковане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (УК, 1, 2516) 205
- “Москаль-чарівник” – водевіль І. Котляревського. Виданий у Москві 1841 р. (УК, 1, 45). Заборонений трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволений у Таращі 1894 р. 170, 175, 234
- “Мотря Кочубеївна” – драматичний твір Велецького, заборонений до друку 1883 р. 109
- “Моя Милованка” – вірш Адама Міцкевича (1881); романс М. Лисенка “Милованка” написаний 1898 р. з нагоди 100-річчя від дня народження поета 191
- “Музика до Кобзаря Т. Шевченка” – вокальний цикл композитора В. Заремби, заборонений до видання 1887 р. Включав бл. 30 вокальних творів 145
- “Муравейник-Комашня” – друкований орган кредитних кооперативів, виходив у 1913–1917 рр. Вміщував професійні роз’яснення щодо кооперативної діяльності, інформаційні звіти та нариси про видатних кооперативних діячів. Видавався на кооперативні кошти, був двомовним журналом; з 1917 р. виходив лише українською мовою 289
- “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мови” – рукопис збірки віршів і перекладів Д. Грушки; містив 32 вірші, 16 з яких заборонено до друку 1893 р. Збірку не ідентифіковано 169
- “На перші гулі” – п’єса С. Васильченка. Видана у Києві 1911 р. (УК, 1, 4358) 289
- “На проводи” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841) 117

“На роковини” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“На роковини Т. Г. Шевченка” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“На спомин Т. Г. Шевченка” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“На українські думки” – вірш Антоненка, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“На чатах” – твір М. Вороного, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Навивпередки” – оповідання О. Кониського. Видане в Одесі 1903 р. (УК, 1, 2489)	207
“Над Дніпром: думи та співи” – збірка творів І. Манжури. Заборонена до друку 1893 р.	166
“Надик, вернись” – вірш Олени Пчілки покладений на музику композитором А. Серговським	269
“Назар Стодоля” – драма Т. Шевченка (1843). Видана у Петербурзі 1867 р. (УК, 1, 327). Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена у Черкасах 1894 р.	170, 175
“Наймичка” – поема Т. Шевченка (1845). Вперше видана без підпису автора у Петербурзі 1857 р. у збірці П. Куліша “Записки о Южной Руси” (УК, 1, 118)	10, 22, 180
“Наливайко” – вірш М. Жернова, виключений цензурою 1890 р. з його “Збірника творів...”	156
“Нарис історії філософії” – праця Фріца Шульце у перекладі українською мовою І. Франка. Видана у Львові 1887 р. як перша книга в серії “Наукова бібліотека” (УК, 1, 1024)	149
“Народ” – двотижневий журнал соціалістичного напрямку; виходив у Львові та Коломиї 1890–1895 рр. за редакцією І. Франка та М. Павлика	168
“Народний календар “Село” на 1910 р.” – додаток до однойменної газети	258
“Народний пісенник з найкращих українських пісень” – повна назва: “Народний пісенник з найкращих українських пісень, які тепер найчастіш співаються. (З нотами)”, збірка, підготовлена до друку В. Александровим; дозволена до друку (з вилученням віршів Т. Шевченка та ін. авторів) 1884 р. (висновок цензора датований 16 квітня). Перекомпонований варіант пісенника видрукувано у Харкові 1887 р. (УК, 1, 999). Очевидно, він пройшов ще одну цензурну перевірку: на звороті титулу книжки зазначено: “Дозволено цензурою 20 квітня 1885 р.”	114
“Наставление матерям” – рукопис В. Мировця (В. Дурдуківського), заборонений до видання	231

“Нагалка-Полтавка” – п’єса І. Котляревського. Видана у Харкові 1839 р. (УК, 1, 35). Заборонена до постановки на сцені Таращанського громадського зібрання 1894 р.	170, 234
“Науки церковные на все праздникі в роце для жителей сельских” – українськомовна брошура, видрукувана не пізніше 1864 р.	57
“Наш дід і піп” – оповідання Ганни Барвінок. Надруковане у збірці “Оповідання з народних уст” (К., 1902; УК, 1, 2258)	131
“Наша кооперація” – двотижневик, виходив у Києві в 1913–1914 рр.	289
“Не було змалку, не буде й до останку” – оповідання Ганни Барвінок. Надруковане у збірці “Оповідання з народних уст” (К., 1902; УК, 1, 2258)	131
“Не забудь мене” – твір К. Малицької із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Не можна бабі Парасці вдержатися на селі” – оповідання І. Нечуя-Левицького. Видане у Києві 1874 р. (УК, 1, 489)	94
“Не пити горілки” – рукопис українського перекладу оповідання Г. Успенського; заборонений до друку 1884 р.	116
“Не так сталось, як ждалось” – п’єса за повістю П. Кузьменка “Не так ждалось, да так склалось” (СПб., 1862; УК, 1, 230). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Невольник” – п’єса М. Кропивницького. Видана у Києві 1882 р. (УК, 1, 730). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Неділя” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Федорченко	227
“Несколько слов об украинском писателе Порфирии Кореницком” – коректура статті, забороненої до друку в “Киевской старине” 1891 р.	160
“Нешасне кохання” – п’єса за поемою М. Кононенка. Поема видана у Києві 1883 р. (УК, 1, 778). П’єса заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Нива” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841)	117
“Нива” – повна назва: “Нива: український літературний збірник 1885 року”, виданий в Одесі 1885 р. (УК, 1, 1890)	197
“Никандр Безщасний” – драма в 4-х діях М. Садовського; скорочений переклад драми О. Писемського “Горькая судьбина”. Дозволена до друку 1891 р.	161
“Нима нігде правди” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на українській мови” Д. Грушки	169
“Ніч на Івана Купайла. Комедія на одну дію” – рукопис А. Яковленка, заборонений до друку 1887 р.	148

- “Ніч під Івана Купала” – п’єса М. Старицького за твором О. Шабельської. Видана у Москві 1894 р. (УК, 1, 1435). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “Нова українська азбука” – рукопис букваря, написаного польською абеткою. Заборонений до друку 1859 р. 18
- “Новий заповіт” *див.* “Святе письмо Нового Завіту”, “Святе письмо Старого Завіту”
- “Новини” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Луценко 227
- “Нові українські пісні про громадські справи (1764–1880)” – твір М. Драгоманова. Виданий у Женеві 1881 р. (УК, 1, 696) 134, 143
- “Ночь накануне Рождества Христова” *див.* “Різдвяна ніч
- “О люди! Люди-небораки!” – вірш Т. Шевченка (1860). Вперше надрукований з купюрами в журналі “Основа” (1861); включений до петербурзького видання “Кобзаря” (1867); повністю вперше опубліковано у празькому виданні “Кобзаря” (1876). Рукописний список вірша 1903 р. вилучений у селян с. Красилівка Остерського пов. Чернігівської губ. 219
- “О малороссийских казаках, татарах и турках” *див.* “Про українських козаків, татар та турків”
- “О рыбаке и рыбке” *див.* “Казка про рибалку та рибку”
- “Од снігу до снігу. Дитячі оповідання та пісні” – рукопис читанки Б. Грінченка (В. Чайченко), заборонений до друку 1884 р. 113
- “Ода до князя Куракина” *див.* “Пісня на Новий 1805 год пану нашому і батьку князю Олексію Борисовичу Куракіну”
- “Одіссея” – поема Гомера, шосту пісню якої переклав українською мовою П. Ніщинський. Опублікована в одеському літературному збірнику “Нива” 1885 р. Окремим виданням вийшла у Львові 1889 р. (обкл.: 1890) (УК, 1, 890, 1078) 197
- “Ой, не ходи Грицю, та на вечорниці” – драма М. Старицького. Видана у Москві 1890 р. (УК, 1, 1191). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена в Черкасах 1894 р. 170, 176, 289
- “Ой, у полі два явори” – пісня, 1886 р. дозволена до друку у збірці М. Лисенка (з купюрами) 140
- “Оказія з Микитою” – комедія А. Ващенко-Захарченка. Видана у Києві в 1857 р. (УК, 1, 116). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. 170
- “Околодочний Михайло Ткаченко” – оповідання О. Кониського, виключене цензурою із п’ятого тому Повного зібрання його творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”) 1902 р. 207
- “Олександр Македонський, великий войовник” (“Великий войовник”) – оповідання М. Грінченко. Заборонене до видання 1903 р.; видане у Києві 1906 р. (УК, 1, 3003) 231

“Оповедане про жите св. мучеників Бориса і Гліба” – українськомовне “галицьке видання”, надруковане церковнослов’янськими літерами не пізніше 1876 р.	234
“Оповідання” – збірка Б. Грінченка. Заборонена до друку 1886 р.	141
“Оповідання” – збірка Д. Мордовця. Видана у Петербурзі 1885 р. (УК, 1, 885)	177
“Оповідання з Святого Писання” – брошура С. Опатовича. Видана у Петербурзі 1863 р. (УК, 1, 269)	51, 234
“Оповідання Марка Вовчка” – збірка творів, видана у Петербурзі 1865 р. (УК, 1, 300)	177
“Оповідання про війну князя Ігоря Святославовича з невірними половцями” – рукопис, заборонений до друку 1886 р.	130
“Орися” – оповідання П. Куліша. Вперше видане в Петербурзі 1857 р. (УК, 1, 118). Неодноразово перевидавалось.	22
“Орлиця” – вірш Олесі Зірки, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Оселя. Пісні, казки, вірші, оповідання” – рукопис збірки, упорядкованої С. Сфремовим. Заборонений до друку 1902 р.	213, 231
“Осип Назарук. Що таке народ або нація” – рецензія Б. Заклинського, опублікована у часописі “Українська хата” у 1911 р. (липень-серпень)	275
“Основа” – перший український суспільно-політичний і науково-літературний щомісячний часопис в Росії. Виходив щомісячно у Петербурзі протягом 1861–1862 рр.; друкувався українською та російською мовами. Серед видавців – В. Білозерський, П. Куліш, М. Костомаров, О. Кістяківський та ін.	31, 59, 64, 66, 72, 85, 87, 177, 226, 227, 234, 248
“От тобі і скарб” – повість Г. Квітки-Основ’яненка. Видана у Москві 1840 р. (УК, 1, 26)	22
“Ох, и горе мени” – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р.	140
“Павзаній” – рукопис твору українською мовою, поданий на розгляд цензури під криптонімом Ц. Н.	111
“Павло Бодько” – оповідання О. Кониського, виключене цензурою із п’ятого тому Повного зібрання його творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”) 1902 р.	207
“Пам’яти П. П. Гулака-Артемовського” – збірка статей, віршів та перекладів. Заборонена до друку 1894 р.	181
“Пам’яти Т. Г. Шевченка” – вірш, виключений цензурою із збірки “Рада. Українська збірка” (К., 1883; УК, 1, 791)	103
“Пам’ятка з народного віча” – видання часопису “Громадський голос”; поширювалося в с. Красилівка Остерського пов. Чернігівської губ. в 1903 р.	219
“Пан-народолюбець” – повість В. Коховського. Видана анонімно в Женеві 1878 р. (УК, 1, 623)	227

“Пан та собака” – байка П. Гулака-Артемівського із збірки “Кри- ничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Пан Щипавка, або Раки” – один із популярних українських творів, назви яких, зокрема у 1890-х рр. використовували лубочники для заголовків на своїх виданнях російським правописом	180
“Панас Мирний. Книжка перша: оповідання, приповідки та інша дрібниця” <i>див.</i> “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця”	
“Парова машина” – брошура С. Подолинського, в якій автор виклав у популярній формі власну теорію додаткової вартості на протигагу теорії К. Маркса. Видана у Відні 1875 р. (РУК, 2, 2602)	64
“Пастух Кузьма Шило” – оповідання О. Кониського. Видане в Одесі 1903 р. у четвертому томі “Творів О. Я. Кониського-Перебенді” (УК, 1, 2489)	207
“Перебендя” – брошура українською мовою видрукувана за кордоном з однойменним віршем Т. Шевченка та “Переднім словом” про значення української літератури для російської культури. Заборонена до поширення в Росії 1890 р.	154
“Перебендя. Дума Тараса Шевченка” – вірш Т. Шевченка (1839). Виданий у Петербурзі 1840 р. (УК, 1, 42)	94
“Песни казачкие, солдатские, чумацкие, наемных рабочих, разбойни- чьи, любовные, семейные, насмешливые и шуточные” <i>див.</i> “Ма- териалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Ели- саветградском и Александрийском уездах Херсонской губ.”	
“Петро Сагайдачний” – повна назва: “Гетьман Петро Сагайдачний”, драма П. Куліша. Видана у Харкові 1900 р. (УК, 1, 2029)	137
“Пилип Музика” – п’єса М. Янчука. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Писання І. П. Котляревського з його портретом і картинкою його будиночка в Полтаві” – збірка творів І. Котляревського, видана коштом П. Куліша у Петербурзі 1862 р. (УК, 1, 229)	72
“Письмо з “Просвіти” – популярний друкований орган товариства “Просвіта”. Видавався у Львові з 1877 р. як літературно-науковий місячник за редакцією О. Партицького та А. Вахнянина; з 1893 р. – двотижневик під назвою “Читальня” (1893–1894), “Читальня- Письмо з Просвіти” (1894–1896) за редакцією К. Паньківського; з 1907 р. – знову під назвою “Письмо з “Просвіти”, з 1923 р. – “Народна просвіта”	151
“Півень” <i>див.</i> “Зозуля і Півень”	
“Півнів празник” – оповідання О. Кониського. Видане в Одесі 1903 р. у четвертому томі “Творів О. Я. Кониського-Перебенді” (УК, 1, 2489)	207
“Півпівника” – казка П. Куліша. Видана у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 198)	22
“Під стріхою убогою” – вірш В. Мови (В. Лиманського) із збірника “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”, забороненого до друку 1877 р. Опублікований в альманасі “Луна” (К., 1881; УК, 1, 703)	76

“Пісня на Новий 1805 год пану нашому і батьку князю Олексію Борисовичу Куракіну” – ода І. Котляревського (1804), вперше опублікована Я. Головацьким у львівському часописі “Пчола” 1849 р.	234
[Пісня про боротьбу козака Нечая з ляхами] – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р.	140
[Пісня про гетьмана Хорька] – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р.	140
[Пісня про Гонту і Залізняка] – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р.	140
[Пісня про Довбуша] – пісня, виключена цензурою із збірки М. Лисенка 1886 р.	140
“Пісьні, думки і шумкі руського народа” – повна назва: “Пісьні, думки і шумкі руського народа на Подолі, Україні і в Малороссій / Списані і переложені під музику Ант[тоном] Коціпінським”, збірка, вперше видана у Кам’янці 1862 р. (УК, 1, 240–242) 1891 р. рукопис повернуто цензурою книговидавцю для виправлення тексту за російським правописом	158
“Плач України” – вірш, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на української мови” Д. Грушки	169
“По дорозі в казку” – драматичний етюд О. Олесея. Виданий у Києві 1910 р. (УК, 1, 4230)	256
“По модньому” – водевіль М. Старицького. Виданий у Москві 1890 р. (УК, 1, 1191)	176
“По ревізії” – етюд М. Кропивницького. Заборонений до друку 1885 р. Виданий у Харкові 1894 р. Заборонений трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволений в Радзивиліві і Таращі 1894 р. (УК, 1, 1418)	123, 170, 173, 175, 180
“Повести Федьковича” <i>див.</i> “Повісті Осипа Федьковича. З переднім словом про галицько-руське письменство М. П. Драгоманова”	
“Повісті Івана Левицького. Т. 3: Старосвітські батюшки та матушки” – рукопис І. Нечая-Левицького, заборонений до друку 1886 р. Видрукований у Києві 1900 р., під назвою: “Повісті й оповідання” (т. 2). Том 3-й побачив світ у Києві 1901 р.; містив твори: “Нахаба”, “Навіжена” (УК, 1, 2043, 2193)	142
“Повісті Осипа Федьковича. З переднім словом про галицько-руське письменство М. П. Драгоманова” – збірка, видана у Києві 1876 р. (УК, 1, 584)	231
“Повістки (народні оповідання) Марка Вовчка: С малороссійско-русько-польским словарем” – збірка творів, видана у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 177); друге видання видруковане у Петербурзі 1857 р. (РУК, 1, 842)	72
“Повія” – роман Панаса Мирного (1876–1901). Перші дві частини твору опубліковані на сторінках альманаху “Рада” у 1883–1884 рр. (УК, 1, 791, 841)	118

- “Показчик нової української літератури (1798–1883 р.)” – бібліографічний показчик, укладений М. Комаровим. Виданий у Києві 1883 р. (УК, 1, 759, 791) 105
- “Покійник Опанас” – водевіль актора мандрівних театрів А. Янковського (1865). Дозволений до постановки на сцені Таращанського громадського зібрання 1894 р. 175
- “Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст. З увагами М. Драгоманова. Частина перша. Розділ другий” – збірка, видана у Женеві 1883 р. (УК, 1, 772) 106, 133
- “Полное собрание сочинений Конисского. Том пятый” – рукопис, поданий на розгляд цензури у 1902 р., містив десять творів О. Кониського, з яких три оповідання заборонено до друку, решта – дозволено. П’ять з них увійшли до четвертого тому зібрання творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”), виданого в Одесі 1903 р. (УК, 1, 2489) 207
- “Положение о крестьянах” – українськомовний переклад Манифесту 19 лютого 1861 р. та “Положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності”, здійснений П. Кулішем. Підготовлений 1861 р.; опублікований лише 1905 р. у лютневій книзі “Киевской старины” (кн. 2: февраль. – С. 324–345; окремих відбиток: *Вашкевич Г. С.* Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах. – К., 1905. – 55 с.) (УК, 1, 2754) 234
- “Полтава” – поема О. Пушкіна у перекладі українською мовою Є. Гребінки 1836 р. Перше повне видання “Полтави” з присвятою О. Пушкіну вийшло у Петербурзі 1836 (УК, 1, 25); згодом поема перевидавалася. Увійшла до другого тому “Сочинений” Є. Гребінки, виданого у Києві 1903 р. (УК, 1, 2449) 210
- “Полякам” – вірш Т. Шевченка (1847–1848); вперше надрукований латинкою в газ. “Dziennik Literacki” (1861), увійшов до двотомного видання “Поезії Тараса Шевченка (Львів, 1867; РУК 1, 1816–1817). Списки вірша поширювалися під назвами: “Ляхам”, “Бр. Залеському”, “Богдану Залеському” 269
- “Попереду спитайся, тож і лайся” – правильна назва: “Поперед спитайся, тоді й лайся”, водевіль К. Арабажина. Виданий у Києві 1885 р. (УК, 1, 859) 175
- “Попова ворожба” – вірш І. Манжури, вилучений з його збірки “Казки, приказки та таке інше” та заборонений до друку 1893 р. 166
- “Порада” – байка Л. Боровиковського, заборонена до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Порада” – щоденна газета, заборонена до видання в Чернігові 1897 р. 227
- “Порадник жінкам” – українськомовний рукопис Авраменка, заборонений до друку 1903 р. 231
- “Послание к мертвым и живым” *див.* “І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнє посланіє”

- “Послідня година гетмана Мазепи” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на українській мови” Д. Грушки 169
- “Почаївський листок” – щотижневий церковно-релігійний часопис, виходив у Почаєві з 1887 р. Поступово видання набуло чорносо-тенного характеру 274
- “Початки науки про права конституційні” – брошура К. Квітки. Видана у Петербурзі 1906 р. (УК, 1, 3064) 274
- “Початок” – харківський тижневик; у листопаді 1907 р. М. Пильчиков та М. Міхновський отримали дозвіл на його видання та редагування. Проект не був реалізований через смерть М. Пильчикова у травні 1908 р. 245
- “Пошились у дурні” – п’єса М. Кропивницького. Видана у Харкові 1885 р. у “Збірнику творів М. Кропивницького: З нотами до куплетів” (УК, 1, 881). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена у Таращі 1894 р. 170, 175, 234
- “Правда” – літературно-науковий журнал, виходив у Львові періодично: 1867–1870, 1872–1880, 1881–1887, 1888–1898 рр. Створений за ініціативою П. Куліша, ініціатором відновлення був О. Кониський, за якого часопис став органом правового крила народовців. У 1880-х рр. поділяв позиції “новоєрівства”, що зумовило його поступовий занепад. До співпраці були залучені І. Франко, М. Драгоманов, І. Нечуй-Левицький. Але журнал зберегти не вдалось. Однією з причин було те, що редакція відмовилась від головних принципів, заявлених на початку його видання 59, 64, 66, 67, 117, 231, 234
- “Правда щодо виборів” – повна назва: “Правда що до виборів / За В. Водозовим написав К. Квітка”, брошура, видана у Петербурзі 1906 р. (УК, 1, 3064–3066) 274
- “Приватна діяльність” – стаття С. Русової, надрукована в журналі “Світло” (1910. – Кн. 2: жовтень) 263
- “Притчи Господа нашого Иисуса Христа на украинский мови розказани” – рукопис, заборонений до друку 1863 р. 41
- “Причинна” – романтична балада Т. Шевченка (1837). Видана у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 169)
- “Приятелі” – оповідання П. Розеггера. Переклад з німецької, виданий у Києві 1908 р. (УК, 1, 3707) 295
- “Про багатство і бідність” – брошура С. Подолинського. Видана у [Женеві] 1876 р. (УК, 1, 577) 119
- “Про Буковину” – повна назва: “Про Буковину та життя буковинських українців”, брошура В. Доманицького. Видана “Просвітою” у Києві 1910 р. (УК, 1, 4109) 274
- “Про вулкани” – україномовний рукопис І. Бондаренка, заборонений до друку 231
- “Про Галичину” – повна назва: “Про Галичину та життя галицьких українців”, брошура В. Доманицького. Видана “Просвітою” у Києві 1909 р. (УК, 1, 3873) 274

“Про гори” – рукопис М. Загірньої, заборонений до друку	231
“Про життя та пісні кобзаря Т. Г. Шевченка” – рукопис М. Комарова, заборонений до друку 1881 р.	93
“Про козака Голоту” <i>див.</i> “Три думи народні...”	
“Про комах” – повна назва: “Оповідання про комах О. Степовика: Яка од їх користь або шкода в господарстві: (З 45 малюнками)”, брошура, видана у Києві 1882 р. (УК, 1, 727)	231
“Про культурний розвиток народів” – реферат, заборонений до читання у Кам’янецькому товаристві “Просвіта” 1912 р.	
“Про Марусю Богуславку” <i>див.</i> “Три думи народні...”	
“Про народоправство [Стародавнього Риму та Стародавньої Греції]” – брошура А. Снарєнка. Видана у Петербурзі 1907 р. (УК, 1, 3424)	274
“Про те, як наша земля стала не наша” – брошура С. Подолинського. Видана в Лейпцигу 1877 р. (УК, 1, 603)	119, 144
“Про трьох братів” <i>див.</i> “Три думи народні...”	
“Про українських козаків, татар та турків” – праця М. Драгоманова. Видана у Києві в друкарні В. Давиденка 1876 р. (УК, 1, 561), російськомовний переклад якої заборонений до друку у грудні 1876 р.	75
“Про хвороби” – повна назва: “Про хвороби та як їм запобігти”, брошура С. Носа, видана у Києві 1874 р. (УК, 1, 491)	83
“Про херсонські заробітки – колы й як их шукаты и що коштує туды достаться по залізний дорози або пароходом” – брошура, видана у Києві 1899 р. (УК, 1, 1921)	193
“Про хліборобство” – брошура С. Подолинського. Видана в Лейпцигу 1877 р. (УК, 1, 603, 604)	119
“Про холеру” – українськомовна брошура С. Носа. Видана у Києві 1875 р. (УК, 1, 538)	163
“Промінь” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – І. Нечуй-Левицький	227
“Пропаші” – повість І. Нечуя-Левицького, видана у Львові 1889 р. (УК, 1, 1104). 1902 р. виключена цензурою з “Літературного збірника, зложеного на спомин О. Кониського (1836–1900)” (К., 1903; УК, 1, 2507)	212
“Проповіді малоруською мовою протоієрея і кавалера Василя Гречулевича” – брошура, що вмішували 59 текстів. Вперше видана 1849 р. У 1857 р. перевидана з доповненнями та виправленнями (УК, 1, 75; 117)	22, 87, 231, 234
“Просвіта” <i>див.</i> “Письмо з “Просвіти”	
“Прости міні, что я минаю” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Прыказки до гопака” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155

- “Псалми Давида” – поезії, заборонені до друку у збірці Олени Пчілки “Думки-мережанки” (УК, 1, 943) 129
- “Псалмы, переложенные на украинское наречие” – праця М. Максимовича. Видана в Москві 1859 р. (УК, 1, 137) 234
- “Псалми Давидови, переложив по-нашому Тарас Шевченко” – брошура, видана П. Кулішем у його власній друкарні у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 171) 21
- “Пугач” – оповідання М. Грінченко. Видане в альманасі “Складка” у Харкові, 1893 р. (УК, 1, 1359). Заборонене до друку у збірці “Зернятко...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1566) 177
- “П’яниця” – оповідання Панаса Мирного. Видане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (СПб., 1903; УК, 1, 2516) 205
- “Рада” – українськомовна громадсько-політична, економічна і літературна газета ліберального напрямку, виходила щоденно в Києві з 15 вересня 1906 р. по 2 серпня 1914 р. 227, 244, 255, 256, 268, 269, 280, 289, 295
- “Рада. Козачка Олена” *див.* “Козачка Олена”
- “Рада. Українська збірка” – “Рада, український альманах на ... рік”. Укладений і виданий М. Старицьким у Києві у двох частинах у 1883–1884 рр. (УК, 1, 791, 841) 103, 117
- “Рассказы Марка Вовчка” *див.* “Повістки (народні оповідання) Марка Вовчка: С малороссийско-русско-польским словарем”
- “Ремесла і фабрики на Україні” – “Ремесла і хвабрики на Україні”, брошура С. Подолинського. Видана у Женеві 1880 р. (УК, 1, 682) 91
- “Рибка” – байка П. Гулака-Артемовського, написана 1827 р. Видана у Харкові 1833 р. (УК, 1, 15); увійшла до збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Рідна мова” – вірш С. Воробкевича (1869). Заборонений до друку у збірці “Квітка” 1889 р. 152
- “Рідна мова” – вірш А. Метлинського із альманаху “Чайка” (Київ, 1876; УК, 1, 585); заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Рідна мова” – стаття у першому числі київського журналу “Маяк” за 1914 р. 291
- “Рідна хата” – вірш П. Куліша, вступ до поеми “Настуся” (1861). Виданий у Петербурзі у збірці “Досвітки: думи і поеми П. Куліша” 1862 р. (УК, 1, 232); другим виданням збірка видрукувана у Києві 1876 р. (УК, 1, 566). Заборонений до друку у збірці “Квітка” 1889 р. 152
- “Рідний край” – громадський і літературно-науковий часопис, тижневик (згодом – двотижневик); виходив у Полтаві (1905–1907), Києві (1908–1914), Галячі (1915–1916). Засновники – адвокат М. Дмитрів, письменники Панас Мирний і Г. Коваленко; видавці – Г. Маркевич, Олена Пчілка 241, 256, 289
- “Різдвяна зірка” – вірш із збірки творів І. Манжури “Над Дніпром: думи та співи”, забороненої до друку 1893 р. 166

- “Різдвяна ніч” – повна назва: “Різдвяна ніч: (Тема з Гоголя): Оперета в чотирьох діях” (Текст і вірші М. Старицького; музика М. Лисенка). Видана у Києві 1874 р. (УК, 1, 504). Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р. 59, 170
- “Рілля” – сільськогосподарський часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець В. Яворський 227
- “Родина” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на украинської мови” Д. Грушки 169
- “Розмова про сільське господарство. Кн. 2: Худоба: Коні, скотина, свині та вівці” – брошура Є. Чикаленка. Видана в Одесі 1899 р. (УК, 1, 1962) 186, 193
- “Розмова про сільське господарство. Кн. 5: Сад” – брошура Є. Чикаленка. Видана у Петербурзі 1903 р. (УК, 1, 2576) 208
- “Розумний і дурень” – п’єса І. Карпенка-Карого. Видана в Херсоні 1886 р. (УК, 1, 927) 289
- “Розумний писар” – твір із збірки “Зернятко...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1566) 177
- “Розумний суддя” – твір під криптонімом “Л.”, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Руководство обучению грамоте, составленное для малорусских воскресных школ А. А. Потебней” – український буквар, опублікований у журналі “Киевская старина” (1899. – Кн. 8: август. – С. 1–12. Приложение). 1900 р. заборонений цензурою до друку окремим виданням 201
- “Русалка” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вірши и перекладки на украинської мови” Д. Грушки 169
- “Русалка” – поема із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р. 155
- “Руска читанка для висшої гімназії” – підручник О. Барвінського. Виданий у Львові 1870 р. (УК, 1, 371). 1877 р. його дозволено поширювати в Росії 234
- “Русско-украинский словарь. Том 1: А–О” – рукопис Є. Тимченка, дозволений до друку в разі заміни в назві “украинский” на “малороссийский” 1896 р. Перший випуск словника (літери А–Б, обсяг – 19 с.) видрукуваний у Києві 1892 р. (УК, 1, 1293) 182
- “С чужини” – вірш К. Білиловського, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Салдацький патрет” – гумористичне оповідання Г. Квітки-Основ’яненка. Видане у збірці “Утренняя звезда” (Харків, 1833; УК, 1, 15) 234
- “Саул” – вірш Т. Шевченка (1860). Вперше надрукований у празькому виданні “Кобзаря” (1876), у Росії – у петербурзькому виданні “Кобзаря” (1907) (УК, 1, 586, 3470) 265

- “Сбирнык творив М. С. Жернова” *див.* “Збірник творів Матвія Семеновича Жернова”
- “Сватання на вечерниці” – п’єса С. Паливоди-Карпенка. Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена у Таращі 1894 р. 170, 175
- “Сватання на Гончарівці” – п’єса Г. Квітки-Основ’яненка. Видана у Петербурзі 1862 р. (УК, 1, 225). Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволена в Радзивиліві 1894 р. 170, 173
- “Світло” – педагогічно-освітнянський місячник, виходив у Києві в 1910–1914 рр. у видавництві “Український учитель”. Вийшло 36 чисел. Редактор – Г. Шерстюк, з 1911 р. – В. Прокопович 263, 289
- “Світе ясний” – вірш Т. Шевченка (1860). Рукописний список, вилучений у с. Красилівка Остерського пов. Чернігівської губ. 1903 р. 219
- “Світова зірниця” – газета для селян, виходила у Могилеві-Подільському (1906–1907), с. Пеньківка (1908–1911), Києві (1912–1913 і 1917) та у Кам’яниці-Подільському (1920). Видавець і редактор – Й. Волошиновський. Багато уваги приділяла сільськогосподарським і кооперативним справам, популяризувала фольклор, друкувала твори Т. Шевченка, С. Руданського, Л. Глібова, Б. Грінченка, О. Кониського, П. Грабовського, В. Стефаніка, І. Франка, Панаса Мирного, П. Карманського, Є. Кротенка та ін. 289
- “Світова річ” – комедія Олени Пчілки. Заборонена трупі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р. Видана у Києві 1908 р. (УК, 1, 3699) 170
- “Свят вечер” – збірка оповідань О. Єфименкової (Єфименко). Видана у Харкові 1888 р. (УК, 1, 1040); перевидана у Києві 1910 р. 295
- “Святе письмо Нового Завіту”, “Святе письмо Старого Завіту” – віденські видання Біблії українською мовою. “Святе письмо Нового Завіту” у перекладі П. Куліша та І. Пулюя видане у Відні 1901 р. (УК, 1, 2209); “Святе письмо Старого Завіту” у перекладі П. Куліша, І. Нечуя-Левицького та І. Пулюя – 1903 р. (РУК, 1, 10154). Перше видання видрукуване накладом друкарні А. Гольцгаузена, друге – коштом Британського і закордонного біблійного товариства (у тій самій друкарні) 218, 227, 231
- “Святі пісні” – збірка Г. Хоткевича. Заборонена цензурою 1903 р. 231
- “Священная история” Гурчаловича, т. 1 – рукопис, переданий до друку 1863 р. Видання не ідентифіковане 52
- “Священная история” *див.* “Оповідання з Святого Писання”
- “Се лев, а не собака” – байка Т. Зіньківського із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Село” – двотижневик для селян та робітників, виходив з вересня 1909 р. по лютий 1911 р.; припинив вихід через брак коштів та судові справи. Перший редактор і видавець – М. Грушевський, згодом – Г. Ямпольська та І. Малич 258
- “Селянин” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавці – С. Чикаленко і І. Нечуй-Левицький 227

“Сербська війна” – оповідання І. Спілки, заборонене до друку 1887 р.	148
“Серцю не прикажеш” – драма зі збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.	155
“Сильний” (?) – твір, автор – Терень (1914); не ідентифіковано	289
“Сирітський жаль” – оповідання Ганни Барвінок. Видане у Києві 1902 р. (УК, 1, 2258)	131
“Січовик” – оповідання О. Кониського, виключене цензурою із п’ятого тому Повного зібрання його творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”) 1902 р.	207
“Скажи, місяченьку” – ліричне оповідання Д. Мордовця, видане у збірці “Рада. Український альманах” (К., 1883; УК, 1, 791)	103
“Сказка о перловом намысти” <i>див.</i> “Казка про перлове намисто”	
“Скалка душі” – вірш І. Федорченка, виключений цензурою із збірки “В чаду мрій” (К., 1902; УК, 1, 2394)	209
“Складка” – літературний альманах, вийшло чотири книжки (1887, 1893, 1896 рр. – у Харкові, 1897 р. – у Петербурзі). Видавець і редактор двох перших – В. Александров, наступних – К. Білиловський. Друкувалися твори обох редакторів, В. Самійленка (драма “Маруся Чурайвна”), Б. Грінченка, Я. Щоголіва, П. Грабовського, І. Франка, М. Вороного, В. Щурага; оповідання Ганни Барвінок, Л. Старицької, Лесі Українки, Д. Мордовця, І. Нечуя-Левицького, А. Кримського; спогади К. Білиловського, фантастична комедія “Вій” (за М. Гоголем) М. Кропивницького, переклади, етнографічні записи (УК, 1, 1018, 1359, 1605, 1702)	177, 197
“Скрута” – оповідання М. Телешова (переклад з рос.). Видані у Києві 1908 р. (УК, 1, 3747)	295
“Слово о полку Ігоревім” – “Песнь о полку Игореве, переведенное на украинское наречие Михайлом Максимовичем”. Видано у Києві 1857 р. (УК, 1, 122)	234
“Слово” – галицький громадсько-політичний та літературний часопис, виходив у Львові у 1861–1887 рр. Від 1876 р. набув виразно москвофільського спрямування; отримував щорічні субсидії від російського уряду. Редактори – Б. Дідицький, В. Площанський	40, 59, 66, 67, 87, 234
“Смерть отаманова” – вірш Б. Грінченка (Б. Чайченка). Виданий у Львові 1891 р. (УК, 1, 1208)	152
“Смерть царя-мученика” – рукописний вірш селянина К. Шелудька, заборонений до друку 1886 р.	139
“Сніп” – часопис, видавався у Харкові в 1912–1913 рр.; засновник М. Міхновський, редактор – М. Біленький	273, 279, 280
“Соломяний дід” – байка Л. Глібова (1853), 1914 р. поширювалася в рукописному списку в с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	295
“Сон” – вірш із збірки творів І. Манжури “Над Дніпром: думи та співи”, забороненої до друку 1893 р.	166

- “Сон” – комедія Т. Шевченка (1844). Вперше видана окремою брошурую у Львові 1865 р. (РУК, 1, 1663); згодом друкувалася у празькому виданні “Кобзаря” (1876), у Росії – у петербурзьких виданнях “Кобзаря” (1907; 1908; 1910) (УК, 1, 3470, 3785, 3786, 4314) 3, 267
- “Сонце та хмари” – байка Є. Гребінки із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582) 177
- “Сонячний промінь” – повість Б. Грінченка. Видана у Києві 1892 р. (УК, 1, 1261) 243
- “Сорочинський ярмарок: Із “Вечорів на хуторі біля Диканьки” М. Гоголя” – повість у перекладі М. Старицького. Видавалася у Києві у 1874, 1882 рр. (УК, 1, 469, 720). Заборонена до вистави трупі В. Грицяя в Бердичеві 1894 р. 94, 170
- “Сосна” (“На севере диком стоит одиноко...”) – вірш М. Лермонтова (1841) у перекладі українською мовою із збірки Г. Сурмаченка “Збірник творів”, забороненої до друку 1890 р. 155
- “Сочинения” Котляревського *див.* “Писання И. П. Котляревського з його портретом і картинкою його будиночка в Полтаві”
- “Співи і розмови і щире кохання. Соч. В. Евгеньєва” – рукопис, заборонений до друку 1886 р. 128
- “Спілка” – твір Т. Зіньківського із збірки “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582) 177
- “Старий заповіт” *див.* “Святе письмо Нового Завіту”, “Святе письмо Старого Завіту”
- “Старосвітські батюшки та матушки” – повість І. Нечуя-Левицького. Видана у Києві 1900 р. (УК, 1, 2043) 142
- “Старци” – оповідання Д. Мордовця із збірника “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовца”, забороненого до друку 1877 р. Опубліковане у Києві 1903 р. (УК, 1, 2521) 76
- “Степ” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Яблоновський 227
- “Степова дума” – вірш із збірки творів І. Манжури “Над Дніпром: думи та співи”, забороненої до друку 1893 р. 166
- “Сториж” – вірш із збірки творів І. Манжури “Над Дніпром: думи та співи”, забороненої до друку 1893 р. 166
- “Страшна помста. Переклад з Гоголя” – український переклад повісті М. Гоголя. Заборонений до друку 1884 р. 116
- “Стрілець” – вірш М. Розенгейма у перекладі українською мовою, виключений 1893 р. цензурою із збірки “На гулянках. Вирши и перекладки на украинської мови” Д. Грушки 169
- “Суддя Гарбуз” – оповідання О. Кониського, дозволене до друку у п’ятому томі Повного зібрання його творів (“Твори О. Я. Кониського-Перебенді”) 1902 р. 207

“Тарас Бульба” – драма М. Старицького. Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р. Опублікована у Москві 1910 р. у 3-му томі “Драматичних творів” М. Старицького (УК, 1, 4257)	170
“Тарас Бульба” – опера М. Лисенка (1880–1890) за сюжетом однойменної повісті М. Гоголя, лібретто М. Старицького	122
“Тарас Бульба” – повна назва: “Тарас Бульба. Виклад Гоголів; переклад М. Лободи [М. Ф. Лободовський]”, повість М. Гоголя, видана у Києві 1874 р. (УК, 1, 470)	59, 64, 66, 150, 151
“Тарас Бульба під Дубном” – драма К. Ванченка. Опублікована у збірці “Малоросійський театр” (М., 1896; УК, 1, 1547). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя” – перша фундаментальна біографія Т. Шевченка, підготовлена О. Кониським. Видана у двох томах у Львові 1898 і 1901 рр. (УК, 1, 1764, 2142). Заборонена до поширення в Росії	190
“Тарасова ніч” – поема Т. Шевченка (1838), видана П. Кулішем у його власній друкарні у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 172)	22, 152
“Театр А. Е. Ващенко-Захарченка” – збірка драматичних творів. Видана у Києві 1857 р. (вип. 1) (УК, 1, 116)	21
“Тип українського народника в українській літературі” – рукопис статті М. Русова, надісланої до Львова для публікації в “Літературно-науковому віснику” 1901 р.	204
“Ткачі” – драматична поема Герхарта Гауптмана у перекладі з німецької М. Павлика. Видана у Львові 1898 р. (УК, 1, 1729). Заборонена до друку в Росії 1906 р.	239
“Товариші” – повість Панаса Мирного, виключена 1902 р. із збірки “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (К., 1903; УК, 1, 2516)	205
“Тополя” – балада Т. Шевченка (1839), видана П. Кулішем у його власній друкарні у Петербурзі 1860 р. (УК, 1, 173)	22
“Тополя” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р.; за висновком цензора, під тополею розуміється “Малоросія, оточена чужими, холодними соснами, [це] – Росія”	155
“Тремсин-Богатир” – казка І. Манжури (1885–1886), заборонена до друку 1893 р.	166
“Три деревини” – вірш В. Мови (В. Лиманського) із збірника “Батьковщина. Украинский литературный альманах. Издание О. Переходовця”, забороненого до друку 1877 р.	76
“Три думи народні: 1) Про Марусю Богуславку; 2) Про трьох братів і 3) Про козака Голоту” – рукопис, заборонений до друку 1892 р.	165
“Три душі” – назва частини містерії Т. Шевченка “Великий льох” (1845), що у 1847 р. поширювалася у рукописних списках	3
“Туга за сонцем” – поетична збірка Х. Алчевської. Видана у Москві 1907 р. (УК, 1, 3229)	274

- “Тяжким шляхом” – повна назва: “Тяжким шляхом: Про українську пресу”, стаття Б. Грінченка, видана окремою брошурою у Києві 1906 р. (УК, 1, 2998) 243
- “Тяжко, важко по світу блукати” – вірш М. Старицького, виключений цензурою із збірки “Рада. Український альманах” (К., 1884; УК, 1, 841) 117
- “У купах густих соловейко” – вірш із збірки Г. Сурмаченка (Г. Козлова), забороненої до друку 1890 р. 155
- “Ужинок рідного поля” – збірка українських пісень, дум, приказок, прислів’їв, підготовлена М. Гатцуком. Містила також огляд розвитку української мови та літератури. Видана у Москві 1857 р. (УК, 1, 124) 234
- “Украинские песни” – Українські пісні з голосами / [Уклад. П. О. Куліш; Передм. Панька Казюки. [П. О. Куліш]; Муз. оброб. А. Маркевича]. – Пб.: Видав Д. Каменецький. [Друк. П. А. Куліша], 1861 (УК, 1, 208) 22
- “Україна” – повна назва “Україна: Од початку Вкраїни до батька Хмельницького”, віршована історична хроніка П. Куліша, видрукувана у Києві в університетській друкарні 1843 р. (УК, 1, 52)
- “Україна” – часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Коваленко 227
- “Українська абетка” – один із перших українських букварів, виданий М. Гатцуком у Москві в університетській друкарні 1861 р. (УК, 1, 179) 8, 234
- “Українська граматка” – один із перших українських букварів, виданий І. Деркачем в Москві у друкарні М. Каткова 1861 р. (УК, 1, 181) 24
- “Українська справа в європейським освітленню: Збірка статей європейських учених і політиків про русько-українське питання” – збірка, підготовлена і видана В. Яворським у Відні 1905 р. (УК, 1, 2927) 255
- “Українська хата” – літературно-критичний і громадсько-публіцистичний місячник національно-демократичного напрямку, виходив у Києві з березня 1909 р. до вересня 1914 р. за редакцією П. Богацького і М. Шаповала 254, 256, 275, 289
- “Українські пісні” – збірка І. Сірика, заборонена до друку 1886 р. 135
- “Унія і Петро Могила” – повна назва: “Унія і Петро Могила, київський митрополит”, історико-популярна брошура І. Нечуя-Левицького. Видана у Києві 1875 р. (УК, 1, 536) 61
- “Уривки з поеми “Мцирі” – переклад поеми М. Лермонтова, виключений цензурою із збірки поезій Олени Пчілки “Думки-мережанки” (К., 1886; УК, 1, 943) 129
- “Утес” (“Ночевала тучка золотая...”) – вірш М. Лермонтова (1841). 1890 р. заборонений до друку у збірці Г. Сурмаченка (Г. Козлова) 155
- “Утренняя звезда” – альманах, виданий у Харкові 1833 р.; у ньому надрукувані перші твори Г. Квітки-Основ’яненка (УК, 1, 15) 234

“Характерник” – гумористичний часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Коваленко	227
“Харьков” – вірш М. Жернова, виключений цензурою 1890 р. з його “Збірника творів...”	156
“Хатне лихо” – оповідання Ганни Барвінок, надруковане “кулішівкою” і вилучене з друкарні М. Корчак-Новицького у Києві 1886 р.	131
“Хвала Богу за спасение царя” – вірш М. Жернова, виключений цензурою 1890 р. з його “Збірника творів...”	156
“Хіба ревуть воли, як ясла повні? Роман з народного життя” – твір Панаса Мирного й Івана Білика. Виданий М. Драгомановим у Женеві 1880 р. (УК, 1, 676)	91, 112
“Хлібороб” – сільськогосподарський часопис, заборонений до видання 1897 р. Видавець – Муркен	227
“Хмельницина” – історичне оповідання П. Куліша. Видане у Петербурзі 1861 р. (УК, 1, 199)	22
“Хортиця” – вірш Я. Щоголіва із збірки “Слобожанщина: лірна поезія”, виданої у Харкові 1898 р. (УК, 1, 1815)	129
“Христя; Лесь” – брошура Б. Гринчука (Б. Грінченка). Видана у Києві 1913 р. (УК, 1, 4980)	295
“Хто сирота?” – твір О. Кониського, заборонений до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582)	177
“Цап” – байка Є. Гребінки, заборонена до друку у збірці “Криничка...” (Чернігів, 1896, УК, 1, 1582)	177
“Царі” – поема Т. Шевченка (1848), вперше опублікована у празькому виданні “Кобзаря” (1876), у Росії друкувалася у петербурзьких виданнях “Кобзаря” (1907; 1908; 1910) (УК, 1, 586, 3470, 3785, 3786, 4314)	265
“Царський маніфест 17 октября 1905 г.” – брошура “Царський маніфест 17-го октября 1905 року”. Видана у Петербурзі 1906 р. українською та російською мовами (УК, 1, 3214)	274
“Цигани на Подолі” – п’єса К. Ванченка, заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Циганка Аза” – п’єса М. Старицького. Видана у Москві 1894 р. (УК, 1, 1435). Заборонена трупі В. Гриця до постановки у Бердичеві 1894 р.	170
“Чайка” – повна назва: “Чайка: український (або юго-руський) альбом пісень, дум, казок, баек, віршей і то-що”, альманах, виданий у Києві 1876 р. (УК, 1, 585)	177
“Чайка” – твір, автор – Ремез (1914); не ідентифіковано	289
“Чари” – оповідання Марка Вовчка. Видано у Петербурзі 1856 р. (УК, 1, 146)	22
“Червоная Русь” – громадсько-політична москвофільська газета, друкувалася у Львові в 1888–1891 рр. З 1891 р. змінила назву	167

- на “Галицкую Русь”. Головні редактори: О. Марков та І. Пелех. Виходила російською та українською мовами
- “Читанка” – повна назва: “Читанка: Перша книжка після граматики: 244
3 60 малюнками” (див.: “Книга для читання (Читанка)”)
- “Човен” – вірш (?), 1914 р. поширювався в рукописному списку в 295
с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.
- “Чого нам треба домогатися” – брошура, вилучена під час обшуку
18 січня 1912 р. у М. Міхновського
- “Чорна рада: Хроніка 1663 р.” – історичний роман П. Куліша. Виданий 234
у Петербурзі 1857 р. (УК, 1, 121)
- “Чорноморці” – оперета М. Старицького. Видана у Києві 1877 р. 170
(УК, 1, 607). Заборонена групі В. Грицяя до постановки у Бердичеві
1894 р.
- “Чорноморці у неволі” – оповідання М. Грінченко. Видане у Києві 177
1889 р. (УК, 1, 1079). Заборонене до друку у збірці “Зернятко...”
(Чернігів, 1896; УК, 1, 1566)
- “Чтение для народа. Выпуск 2-ий. Т. Шевченко” – рукописна збірка 104
українською мовою, укладена М. Сумцовим. Заборонена до друку
1882 р.
- “14 малорусских песен, аранжованих для фортепиано Гр. Ходоров- 166
ским” – збірка українського пісенного фольклору, дозволена
до друку 1893 р.; не ідентифікована (порівн.: Українські нотні
видання у фонді Харківської державної наукової бібліотеки
ім. В. Г. Короленка (1864–1923): Каталог / Уклад.: В. М. Созонова,
Н. В. Лубенська. – Харків, 2012. – 287 с.
- “Швачка” – вірш із збірника “Батьковщина. Украинский литературный 76
альманах. Издание О. Переходовця”, забороненого до друку 1877 р.
- “Шевченкова могила” – вірш Б. Грінченка (В. Ч.). Виданий у збірці 152
творів “Смерть отаманова та інші вірші Бориса Грінченка” у Києві
1913 р. (УК, 1, 4976)
- “Шершень” – український гумористично-сатиричний журнал, вихо- 241
див у Києві з 6 січня по 14 липня 1906 р. як тижневик, видано
26 чисел. Видавець і редактор – В. Лозинський. З журналом
співробітничали М. Коцюбинський, А. Кримський, І. Липа, О. Ма-
ковой, І. Нечуй-Левицький, Л. Старицька-Черняхівська, В. Сте-
фаник, С. Тимченко, Г. Хоткевич. Автори ілюстрацій і політичних
карикатур – І. Бурячок, Ф. Красицький, П. Наумов, О. Сластін
та ін.
- “Ще дещо до історії українського письменства” – стаття за підписом 221
“Звестного” (ймовірно, Остапа Терлецького) вміщена у газеті
“Діло”, № 39 за 1885 р.
- “Ще не вмерла Україна” – брошура з текстом вірша П. Чубинського, 259, 266
видрукувана у Києві 1910 р. українським видавництвом “Ранок”

- у друкарні акціонерного товариства “П. Барський”; наклад заарештований за розпорядженням Київського тимчасового комітету у справах друку від 3 травня 1910 р.
- “Ще не вмерла України” – вірш П. Чубинського (1862). Вперше видрукований у львівському часописі “Мета” (1863) 39, 266
- “Що було на серці” – збірка творів М. Кондратченка. Видана у Києві 1905 р. (УК, 1, 2835) 166
- “Що таке нарід або нація” – праця О. Назарука. Видана у Львові 1911 р. (РУК, 7, 15370) 275
- “Юрко Довбиш” – п’єса М. Старицького, заборонена групі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р. Видана у Москві 1910 р. (УК, 1, 4257) 170
- “Юродивий” – вірш Т. Шевченка (1857). Вперше видрукований О. Кониським у “Записках НТШ” у Львові 1901 р. (т. 39, кн. 1; РУК, 5, 8987), згодом у збірці “Поезії Тараса Шевченка” (Львів, 1902; РУК, 9762); у Росії – у петербурзьких виданнях “Кобзаря” (1907; 1908; 1910) (УК, 1, 3470, 3785, 3786, 4314) 267
- “Яйце-райце” – народна казка, видана 1869 р., перевидана 1876 р.; згодом заборонена до друку (1888) та знову дозволена цензурою (1891). Видана у Києві 1892 р. (УК, 1, 1300) 231
- “Як Богдан Хмельницький визволив Україну від поляків” – повна назва: “Оповідання про Богдана Хмельницького. Як він визволив Україну від неволі польської: 3 портретами і малюнками”, твір М. Комарова. Виданий у Петербурзі 1901 р. (УК, 1, 2138) 110
- “Як ведеться, так і живеться” – оповідання Панаса Мирного. Опубліковане у збірці “Книжка перша творів: оповідання, приповідки та інша дрібниця” (УК, 1, 2516) 205
- Як дбаш, так і масш. Оповідання Михайла Ганька” – твір, виданий у Полтаві 1898 р.; перевиданий у Петербурзі 1904 р. (УК, 1, 1728; 2606) 189
- “Як живе тіло людське” – популярна брошура А. Стрижевського (Маріупольця); чотири рази заборонялася до видання 231
- “Як ковбаса та чарка, то минеться й сварка” – водевіль М. Старицького. Виданий у Києві 1881 р. (УК, 1, 703). Заборонений групі В. Грицяя до постановки у Бердичеві 1894 р., але дозволений у Таращі 1894 р. 170, 175
- “Як тепер одбуватиметься воєнна служба” – брошура М. Троїцького. Видана у Києві 1874 р. (УК, 1, 506) 61
- “Як згода дім будувала” – сатиричне оповідання І. Франка, вперше опубліковане 1890 р. в газеті “Народ”. Видане у збірці “Місія; Чума; Казки і сатири” у Львові 1906 р. (УК, 1, 3207) 289
- “Як Україна притулилася до Московського царства” – рукописний вірш селянина К. Шелудька, заборонений до друку 1886 р. 139

- “Як чоловік конем був” – твір, заборонений до друку у збірці “Зернятко...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1566) 177
- “Який буває державний лад” – брошура Б. Грінченка. Видана у Києві 1906 р. (УК, 1, 3005) 274
- “Якої нам треба школи” – брошура Б. Грінченка. Видана у Києві 1906 р. (УК, 1, 3001), включена до “Календаря Просвіти” (Рік перший. – Київ, 1907; УК, 1, 3058). Перевидавалася у Києві 1907, 1912 рр. (УК, 1, 3269, 4709)
- “Ячмінь” – байка Є. Гребінки, заборонена до друку у збірці “Кри-
ничка...” (Чернігів, 1896; УК, 1, 1582) 177
- “Il beato” (“Благословенний”) – вірш із збірника “Батьковщина. Укра-
инский литературный альманах. Издание О. Переходовца”, забо-
роненого до друку 1877 р. 76
- “Le médecin malgré lui” (“Лікар мимоволі”) – переклад комедії Жана
Батіста Мольєра, заборонений до друку Головним управлінням у
справах друку (за повідомленням газети “Діло” за 1885 р.) 221, 234
- “Evening bells” (“Вечірні дзвони”) – міфічний вірш Генрі Лонгфелло. 114
Як зазначено у висновку одеського цензора від 16 квітня 1884 р.,
цей вірш американського поета у перекладі українською мовою
представлено під № 10 у рукописній збірці “Народний пісенник з
найкращих українських пісень...”. Остаточний варіант пісенника,
видрукуваний у Харкові 1887 р. (УК, 1, 999), вийшов без зазначення
прізвищ авторів; під № 78 у ньому вміщено пісню “Вечірній дзвін,
вечірній дзвін, багато дум наводить він...” – найбільш близький до
російського оригіналу авторства І. Козлова переклад українською
мовою, здійснений Я. Щоголівим; уперше опублікований у збірці
“Ворскло” (К., 1883). Щодо Генрі Лонгфелло, то у його творчому
доробку немає вірша з назвою “Evening bells” (див. повне зібрання
творів поета: *Longfellow, Henry Wadsworth. The Complete Poetical
Works of Longfellow.* – Boston: Houghton Mifflin Company, 1893
[електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.bartleby.com/356/>)

Анотований покажчик імен*

Абаза М. С. (1837–1901) – державний діяч, сенатор, начальник Головного управління у справах друку в 1880–1881 рр.	182, 186
Абашев Д. М. (1829–1880) – доктор агрономії; 1851 р. закінчив природничий факультет Петербурзького університету, з 1858 р. працював на кафедрі хімії в Київському, потім в Новоросійському (з 1865 р.) і Харківському (з 1868 р.) університетах	23
Абраменко – кресляр шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Авраменко – автор рукопису “Порадник жінкам”, забороненого 1903 р.	356, 674
Авсесенко В. Г. (1842–1913) – критик, публіцист, чиновник з особливих доручень Міністерства народної освіти в 1874–1904 рр.; з 1864 р. – співробітник, згодом – співредактор газети “Киевлянин”	XVII
Аджемов М. С. (1878–1950) – російський політичний діяч, член конституційно-демократичної партії, депутат II, III і IV Державних дум	431
Адикаєвський В. – в. о. керуючого справами Міністерства внутрішніх справ в 1876, 1881 рр., завідуючий діловодством Головного управління у справах друку, член Ради цього управління	144, 182, 186, 188, 193, 195– 199, 202–206, 208, 209, 212, 214, 216, 217, 219–224, 226, 228, 237, 242, 244, 247, 251, 252, 255, 268, 272, 284, 321, 362, 418
Аксаков І. С. (1823–1886) – російський публіцист, поет, громадський діяч, один з лідерів слов’янофільського руху	90, 376, 567, 631,
Александр Македонський (Александр Великий, 356 до н. е. – 323 до н. е.) – полководець, адміністратор і політик; засновник могутньої імперії	356
Александров В. С. (1825–1894) – український письменник, музикант, фольклорист, краєзнавець, лікар, доктор медицини з 1859 р.	204, 609, 668, 680

* Курсивом подано прізвища сучасних дослідників, співробітників академічних, університетських, архівних, бібліотечних установ і закладів.

Александрович – автор повісті, виключеної цензурою із збірника “Рада”	206, 207, 662
Александрович Г. С. – один з організаторів красназничого музею в Кам’янці-Подільському	539
<i>Алексич Оля</i>	LX
Алеппський Павло (Халебський, ?–1669?) – сирієць, архідиякон, автор записок про подорож на схід Європи, здійснену ним разом із батьком, антиохійським патріархом Макарієм (1653–1656). Його записки містять цінний матеріал про звичаї та культуру населення України. Арабські тексти Павла Алеппського видані 1831 р. у перекладі англійською, 1896–1900 рр. російською, 1976 р. українською мовами	431, 445, 638
Александров-Сотрапецький – технолог	161
Алферов Л. А. – в. о. товариша прокурора Чернігівського окружного суду	320
Алчевська Х. О., (1882–1931) – українська поетеса, перекладачка, педагог	493, 682
Анастасія Романова (1530/1532–1560) – цариця, перша дружина Івана Грозного	122
Андрєєвський П. А. (1849–1890) – літератор, редактор газети “Заря” в 1880–1886 рр.; присяжний повірений у Києві	635
Андріяшев О. М. (1863–1939) – український історик, випускник Київського університету, учень В. Антоновича; цензор Петербурзького цензурного комітету з 1900 р.	XVII, 304, 309
Андрущенко І. О. (1840–1866) – землемір, співпрацював з “Основою”, поширював українські видання. Член “Землі і Волі”, засуджений 1864 р., помер у Петропавлівській фортеці	86, 88, 626, 628,
Анненков М. М. (Анненков 2-й, 1799–1865) – військовий і державний діяч, київський, подільський і волинський генерал-губернатор у 1862–1865 рр.	XXIII, 56, 57, 60, 61, 81, 86, 93, 94, 96, 97, 103, 165, 168, 353, 377, 378, 569, 615, 621
Антоненко – автор вірша “На українські думки”	206, 208, 668
Антоній (Амфітеатров Я. Г.; 1815–1879) – єпископ, у 1835–1839 рр. навчався в Київській духовній академії, архімандрит, ректор Київської духовної семінарії і академії у 1846–1858 рр.	14
Антоній (Гриневич А. Ю.; 1875–?) – єпископ. Навчався в Кам’янець-Подільській семінарії і Київській духовній академії, настоятель собору у Балті; депутат I Державної думи; читав проповіді українською мовою, поширював українську літературу; автор нарисів з історії українського церковного життя	544
Антоній (Храповицький О. П.; 1863–1936) – з 1902 р. єпископ Волинський і Житомирський, з 1912 р. член Синоду, з 1914 р. архієпископ Харківський та Охтирський, з 1918 р. митрополит Київський і Галицький; 1919 р. емігрував до Сербії та очолив Російську православну церкву в еміграції	481

Антонович – дяк с. Холоневичі Луцького пов. Волинської губ.	28, 29
Антонович – учитель Київського реального училища	32, 160
Антонович В. Б. (1834–1908) – український історик, професор історико-філологічного факультету Київського університету, громадський діяч, лідер Київської старої громади	VII, XVII, XXVIII, L, LV, 57, 65, 94, 108, 160, 163, 175, 176, 182, 200–202, 291, 292, 294, 298, 400, 404, 627, 631, 632, 635, 639
Антонович (Міхель) В. І. (?–1902) – дружина В. Антоновича	298
Антонович П. О. (1812–1883) – державний діяч, попечитель Київського навчального округу в 1866–1880 рр.	105, 145, 151, 157, 158
Арабажин К. І. (1866–1929) – український і російський літературознавець, журналіст, письменник	674
Арвідссон Адольф (1791–1858) – фінський шведськомовний літератор, журналіст та історик, один із провідників фінського національного руху; викладач Абоського університету в Турку (Фінляндія)	IX
Аренс Генріх (1808–1874) – німецький історик держави і права	162, 635
Арістов В. – прокурор Одеської судової палати в 1886 р.	219
Аркас М. А. (1816–1881) – російський адмірал, головний командир Чорноморського флоту і портів, військовий губернатор Миколаєва і Севастополя, батько М. Аркаса	146
Армашевський П. Я. (1851–1919) – український геолог-петрограф, професор Київського університету, у 1905–1909 рр. декан фізико-математичного факультету, доктор мінералогії та геогнозії (1903). Член Ради українських геологічних компаній, Київського товариства дослідників природи та Французького мінералогічного товариства	367
Армфельт Густав Моріц (1757–1814) – шведський державний і військовий діяч, з 1811 р. – російський підданий, генерал-губернатор Фінляндії, перший державний секретар Великого князівства Фінляндського	IX
Арсеній (Алексєєв С. Ф., 1845–1913) – ігумен Російської Православної Церкви, місіонер, один із засновників “Союза русского народа”	649
Арсеній (Брянцев О. Д.; 1839–1914) – архієпископ Харківський і Охтирський з 1903 р.	479, 480
Арсеній (Москвін Ф. П.; 1795–1876) – митрополит Київський і Галицький в 1860–1876 рр.	376, 567
Артемовський Г. П., Артемовський-Гулак Г. П. <i>див.</i> Гулак-Артемовський П. П.	
Аршинецький – відставний полковник, родич сім’ї М. Старицького	160

Афанасьєв-Чужбинський О. С. (1817–1875) – український і російський історик, мовознавець, етнограф, письменник, автор “Словаря малорусского наречия” (1855)	ЛП
Ахматов О. П. – державний діяч; 1860 р. харківський військовий губернатор. Обер-прокурор Синоду з березня 1862 по червень 1865 рр.	XXIV, 83, 85, 98, 100, 104, 615
Ашкарєнко Г. А. (1856–1922) – український актор, антрепренер, драматург. 1880 р. заснував професійну драматичну трупу в Кременчуці (одну з перших в Україні). Спершу тримав трупу з російським репертуаром, згодом, із зростанням інтересу до українських спектаклів, почав ставити українські п’єси. У його трупі грали М. Садовський і М. Кропивницький. На свої і запозичені сюжети написав п’єси “Конотопська відьма” (1889), “Царицині черевички, або криваві поминки” і “Рідна мати гірше мачухи” (1891), “Оказії з сотником Яремою” (1896), “Маруся” (1897), а також драму з піснями, хорами і танцями “Кого судити?”	419
Бабаніна – кореспондентка родини М. Старицького	161
Бабенко Г. – автор історичної праці “Мандровані дяки”	505, 507, 666
Бабченко І. – священник	XLVII
Багалій Д. І. (1857–1932) – український історик, філософ та громадський діяч. Закінчив Київський університет, учень школи В. Антоновича, 1883 р. став доцентом кафедри російської історії Харківського університету, а 1887 р. – екстраординарним професором цієї кафедри, у 1906–1910 рр. ректор; впродовж 1906, 1910–1914 рр. Петербурзька академія наук обирала його членом Державної ради. У 1914–1917 рр. – голова Харківської міської думи. З 1918 р. – член комітету для заснування Української академії наук, з 1919 р. – академік УАН	349
Багговут О. К. (1861–?) – дійсний статський радник у званні камергера, полтавський губернатор у 1913–1915 рр.	529
Бадені Казимир-Фелікс (1846–1909) – австрійський державний діяч, намісник Галичини в 1888–1895 рр., міністр-президент Австро-Угорщини в 1895–1897 рр. 1890 р. проголосив політику так званої “Нової Ери”, покликаної нормалізувати відносини між поляками і українцями Галичини, внаслідок чого українці отримали кілька місць в Австрійському парламенті; було відкрито також три українські гімназії, кафедру у Львівському університеті, почала виходити українська газета “Народна часопис”	446
Базарєв – режисер драматичної трупи	104
Базилевич В. – студент медичного факультету Київського університету, поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина”	297
Базилевич П. О. (1867–?) – депутат III Державної думи	431
Байковський О. Г. – поміщик	53
Байрон Джордж (1788–1824) – англійський поет-романтик	609
Бакунін М. О. (1814–1876) – російський політичний діяч, ідеолог і практик анархізму	90, 611

Баранов А. Г. – автор підручника “Наше родное: Русский и церковно-славянский букварь и сборник статей для упражнения в русском и церковно-славянском чтении, с образцами для письма и материалом для самостоятельных письменных упражнений: первый год обучения в сельских народных школах с трехлетним курсом” (СПб.: Изд. Д. Д. Полуобояринова, 1901. – 95 с.)	358
Баранович Лазар (світське ім'я – Лука; бл. 1620–1693) – український письменник, церковний і політичний діяч	XLI
Барвінський В. Г. (1850–1883) – громадський діяч, історик, літературний критик	298
Барвінський О. Г. (1847–1926) – громадський діяч, історик, педагог. У 1892–1907 рр. очолював Наукове товариство імені Шевченка. Його “Руську читанку для висшої гімназії” (Львів, 1870) було дозволено цензурою поширювати в Росії. У Львові друкувалися його “Ілюстрована історія Руси” (1880–1884), “Історія України-Руси” (1904), “Спомини з мого життя” (1912, 1913) та ін.	381, 574, 630, 678
Барибін М. В. (1864–?) – депутат III Державної думи	431
Баришева – сестра дружини М. Ковалевського	164
Барський П. О. (Григорович-Барський П. О.; 1822–1907) – власник друкарні і найбільшого магазину канцелярського приладдя у Києві	421, 460, 476–478, 499
Безак О. П. (1801–1868) – державний діяч, київський, волинський і подільський генерал-губернатор у 1865–1868 рр.	168
Белецький С. П. (1873–1918) – державний діяч, директор Департаменту поліції в 1912–1914 рр.	493, 505, 507, 526
Белінський М. – вчитель російської та латинської мов Кам'янець-Подільської гімназії	151, 154–156, 158
Белінський М. І. – член Одеської громади	335
Бельгард О. В. (1861–1942) – начальник Головного управління у справах друку в 1905–1912 рр. (Спогади: <i>Бельгард А. В.</i> Воспоминания. – М., 2009)	418
Бергман Г. А. (1850–?) – депутат III і IV Державних дум	431
Бердяев М. О. (1874–1948) – російський релігійний філософ, один із основоположників екзистенціалізму в Росії	638
Беренштам В. Л. (1839–1904) – український громадський діяч, педагог, учений-археолог, активний співробітник газети “Киевский телеграф”, журналу “Киевская старина”, член Київської старої громади, вчителював у Київському кадетському корпусі	160, 163, 164, 296
Бержицький – священник с. Плоти Балтського пов. Подільської губ.	542
Бетховен Людвіг ван (1770–1827) – німецький композитор, диригент, піаніст	212
Бешивич – в. о. правителя канцелярії волинського губернатора	261
Белінський В. Г. (1811–1848) – російський літературний критик і публіцист	183, 373, 374, 563, 640

Бич-Лубенський К. М. – юрист, голова літературно-художнього і етнографічного товариства імені Г. Квітки-Основ'яненка в Харкові	507, 508
Бистржановський – ревізор торгівлі спиртними напоями	25
Бібіков Д. Г. (1792–1870) – державний діяч, київський військовий, подільський і волинський генерал-губернатор (1837–1852)	10, 12
Біднов В. О. (1874–1935) – український громадський і культурний діяч, історик української церкви	657
Біленький М. А. – помічник присяжного повіреного, редактор харківського часопису “Сніп”	493, 507, 680
Біленький Т. – вчитель російської мови Кам’янець-Подільської гімназії	151, 154–156, 158
Білецький-Носенко П. П. (1774–1856) – український письменник, педагог, лексикограф, автор граматики та першого великого словника української мови (“Словарь малороссийского или юго-восточнорусского языка...”, 1838–1843)	ЛП
Білий В. І. – одеський видавець творів О. Стороженка	641
Білик І. <i>див.</i> Рудченко І. Я	
Білиловський К. О. (1859–1934) – український поет, перекладач, видавець, медик. Друкувався в галицьких журналах “Світ”, “Зоря”, в антологіях “Вік”, “Українська муза”. Перебував у дружніх взаєминах з В. Самійленком, І. Франком, М. Микешиним та ін. Перекладав українською мовою твори Гете, Шиллера, німецькою Т. Шевченка. Деякі його поезії набули популярності як пісні (“В чарах кохання”, “Вечірня пісня” та ін.)	235, 236, 265, 663, 678, 680
Біловодська П. М. – член Одеської громади	336
Біловодський Я. В. – член Одеської громади	336
Білозерський В. М. (1825–1899) – український громадсько-політичний діяч, журналіст. Вищу освіту здобув у Київському університеті (1843–1846). Разом з М. Костомаровим і М. Гулаком був організатором Кирило-Мефодіївського братства, брав участь в укладанні його Статуту; 1847 р. заарештований і засланий в Петрозаводськ Олонецької губ. під нагляд поліції. Редактор українського щомісячного журналу “Основа”. Підтримував зв’язки з Галичиною, співпрацював у газетах “Мега” і “Правда”	7–11, 105, 121, 122, 129, 174, 375, 562, 566, 625, 639, 641, 671
Білоусов – вчитель київської гімназії	160
Білоусов А. К. – професор медичного факультету Харківського університету	349
Білявський О. В. – перший директор Глухівського вчительського інституту	157, 158
Біляшівський М. Ф. (1867–1926) – археолог, академік ВУАН, етнограф, мистецтвознавець. Закінчив юридичний факультет Київського університету, директор Київського музею старожитностей і мистецтв (1902–1923). Редактор “Археологической летописи Южной России” (1903–1904). Депутат І Державної думи від Київської губернії	296

Бірон Ернст Йоганн (1690–1772) – регент Російської імперії і герцог Курляндії і Семигалії	457
Бірюков – студент Київського університету, член українського хору М. Лисенка	227
Бісмарк Отто фон (1815–1898) – німецький державний і політичний діяч. Прем'єр-міністр Пруссії (1862–1890), бундесканцлер Північнонімецького союзу (1867–1871), перший рейхсканцлер Німецької імперії (1871–1890). З 1865 р. граф, з 1871 р. – князь фон Бісмарк, з 1890 р. – герцог Лауенбургу. За дипломатію реальної політики та жорстке урядування отримав прізвисько “залізний канцлер”	489
Бітнер В. В. (1865–1921) – російський журналіст, популяризатор наукових знань	647
Бобровніков М. С. – студент Глухівського вчительського інституту	157
Богацький П. О. (1883–1962) – підпоручик у відставці, письменник, постійний і незмінний редактор журналу “Українська хата”	499, 501, 683
Богданов – громадівець, чиновник Контрольної палати в Києві	296
Богданович І. Ф. (1734–1803) – поет, автор віршованої повісті “Душенька”	120
Богданович С. Н. (1858–?) – депутат III Державної думи, священик	431
Богомолець В. М. (1878–1936) – надвірний радник, підполковник, юрист, присяжний повірений, член “Просвіти” в Одесі, військовий діяч УНР	489
Богуславський М. О. (1850-ті – 1933) – український меценат і громадський діяч	657
Бодянский О. М. (1808–1877) – філолог-славіст, історик, фольклорист, перекладач, видавець, письменник; член-кореспондент Петербурзької академії наук з 1854 р.	XVI, XIX
Бодько П. – літературний герой	302
Болевський – економ на цукровому заводі купців Яхненка і Смиренка	25
Бомарше П'єр Огюстен (1732–1799) – французький драматург, автор комедій “Севільський цирульник” та “Весілля”	377, 568
Бонацький П. О. (1883–1962) – редактор журналу “Українська хата”	450
Бондаренко – сільський староста с. Росошки Уманського пов. Київської губ.	39
Бондаренко І. – автор забороненого рукопису “Про вулкани”	356, 675
Бондаренко І. М. – член Одеської громади	336
Бонч-Богдановський К. М. – товариш прокурора Київської судової палати в 1910 р.	476
Бораківський Г. М. (1846–1890) – лікар, закінчив Харківський університет, автор історичної драми “Маруся Чурай – українська піснетворка”	228, 666

Бордюжа К. П. – селянин с. Плоти Балтського пов. Подільської губ.	542
Бориневич А. С. – член Одеської громади	336
Борисов В. В. – заступник голови Південно-Західного відділу Російського географічного товариства, голова Київської контрольної палати	111
Борковський О. М. (1841–1921) – український громадський діяч, педагог, публіцист, перекладач	661, 665
Боровиков В. Г. (Боровик В. Г.; 1864 – після 1938, репресований) – український громадський діяч, письменник, перекладач; один із засновників “Братства тарасівців” (1891); в Одесі керував українською книгарнею “Діло”	296
Боровиковський Л. І. (1806–1889) – український поет, етнограф і філолог	264, 265, 651, 664, 674
Бородай О. І. – громадівець, етнограф, музикознавець	296
Борошенко К. А. – член Одеської громади	336
Борошенко О. А. – член Одеської громади	336
Бортник В. – селянський хлопець	29
<i>Боряк Г. В.</i>	LX
Бохановський І. В. (1848–1917) – український революційний діяч, член “Чигиринської змови”	635
Бохенська С. І. (криптонім: С. Б.; 1867–1944) – українська письменниця, фольклорист, педагог, громадська діячка	265, 666
Бочковський – учитель Радомишльського повітового дворянського училища	27
Браницький В. О. – граф	107
Бранке – капітан, ротний командир юнкерського училища в Києві	159
Бранке М. – відставний офіцер, брат капітана Бранке	159
Братніков В. – київський міський діяч	649
Брауншвейг Р. І. (1822–1864) – державний діяч, подільський цивільний губернатор (1860–1864)	XXI
Будде С. Ф. (1859–1931) – мовознавець, діалектолог, закінчив історико-філологічний факультет Новоросійського університету; професор Казанського університету, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1916)	385, 581
Булат А. А. (1872–1941) – депутат III Державної думи	431
Булах – знайомий родини М. Старицького	161
Булах Н. – знайома родини М. Старицького	161
“Бульварна” <i>див.</i> Ямпольська Г. П.	
Булгаков А. – член Тимчасового комітету у справах друку у Києві	645
Бунге М. Х. (1823–1895) – державний діяч, економіст, академік, ректор Київського університету (1859–1862, 1871–1875, 1878–1880), міністр фінансів з 1881 по грудень 1886 рр., голова Комітету міністрів (1887–1895)	162

Бурлака Л. М. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	542
Бурхард К. – в. о. секретаря Київського цензурного комітету	73
Бурчак Ф. – київський міський діяч	649
Бурчак-Абрамович – настоятель Михайлівської церкви у Житомирі	481
Бурячок І. М. (1877–1936) – український художник театру, живописець, графік	685
Бут Джон – американський актор, який застрелив Авраама Лінкольна	275
Буткевич Т. І. (1854–1925) – протоієрей, богослов, публіцист, професор Харківського університету, член Державної ради, учасник правомонархічного руху	349
Бутков В. П. (1813–1881) – державний діяч, дійсний статський радник, секретар Державної ради в 1853–1865 рр. Учасник підготовки селянської (1861) і судової (1864) реформ	19, 55, 641
Бутовський Ф. – учитель церковнопарафіяльної школи в маєтку Т. Рильського в Романівці Сквирського пов. Київської губ.	165
Бюхнер Людвіг (1824–1899) – німецький філософ	232
В. Ч. див. Грінченко Б. Д.	
Валленрод Конрад фон (між 1330 і 1340–1393) – великий магістр Тевтонського ордену в 1391–1393 рр.	68, 629
Валуєв П. О. (1815–1890) – державний діяч, міністр внутрішніх справ (1861–1868)	XI, XVII, XXIV, XLVIII, LIII, LIV, 52, 53, 72, 73, 75–77, 79–83, 85, 86, 98, 100, 117, 137, 352, 377, 378, 568, 570, 611, 612, 621, 629, 630, 631
Вальницький К. (1889–1933?), провідник лівої москвофільської молоді в Галичині. У 1920-х рр. редактор газети “Воля народа”, яка виходила у Львові (спершу російською, далі за дорученням Комінтерну – українською мовою). В 1930 р. утік до СРСР; засланий до концтабору, де й помер	491
Ванченко К. І. (Писанецький К. І.; 1863–1928) – український актор, драматург. Виступав у театрах Старицького, Деркача, Левицького. Автор п’єс “Мурло”, “Недолюдки”, “Тарас Бульба під Дубном”, “Цигани на Подолі”	259, 654, 663, 682, 684
Варадінов М. В. (1817–1886) – чиновник з особливих доручень в Міністерстві внутрішніх справ, член Головного управління у справах друку (1865–1883)	197, 198
Варзар В. Є. (Андрій Іванов; 1851–1940) – російський економіст, основоположник промислової статистики в Росії; автор нелегальної брошури “Хитрая механика. Правдивый рассказ, откуда и куда идут мужицкие денежки” (Женева, 1874)	633

Васенцович-Макаревич М. О. (1860–?) – цензор Петербурзького комітету з питань іноземної цензури	323
Василенко М. П. (1866–1935) – український історик, громадський і політичний діяч; академік УАН (1920), президент ВУАН (1921–1922)	638, 643, 645
Василієвич М. – писець з Сянока, один із переписувачів Пересопницького Євангелія	634
Василій (329–379) – святий, архієпископ Кесарії Каппадокійської, один з Отців Східної Церкви; його ім'я носить Орден Василян – один з основних монаших орденів Української греко-католицької церкви	636
Васильченко С. В. (1878–1932) – український письменник і педагог	532, 667
Васильчиков І. І. (1802–1862) – державний діяч, генерал-ад'ютант, київський, подільський і волинський генерал-губернатор (1852–1862)	XI, 15, 18, 19, 23–25, 28, 30, 38, 39, 51, 54, 58, 378, 569
Вахнянин А. К. (1841–1908) – український громадсько-політичний діяч, композитор, педагог, журналіст	672
Ваховський – київський домовласник	164
Вахтьоров В. П. (1853–1924) – російський педагог, вчений	644
Вашкевич Г. С. (?–1923) – український громадський діяч, меценат	641
Ващенко – член Одеської судової палати	449
Ващенко-Захарченко А. Є. (1815–?) – драматург, антрепренер, організував власний театр	29, 375, 565, 658, 670
Велєдницький В. Г. – випускник Київського університету, чиновник Тифліської контрольної контори; інформував жандармів про діяльність київських громадівців	162
Велецький – автор драматичного твору “Мотря Кочубеївна”	202, 667
Великанов О. С. (1818–1886) – археолог, засновник зразкової бібліотеки в Одесі	28
Вельєгорський М. М. <i>див.</i> Вілігорський М. М.	
Вельсовський А. І. – український письменник, автор численних водевілів	652
Венгеров С. А. (1855–1920) – російський літературний критик, історик літератури, редактор	374, 563
Вербицький М. М. (1815–1870) – український композитор, священник, громадський діяч; автор гімну “Ще не вмерла Україна”	629, 643
Вербицький М. С. (1873–?) – в. о. цензора Петербурзького цензурного комітету. Складав переліки відомостей заборонених до публікації з військової і військово-морської справи	660
Вересай О. М. (1803–1890) – кобзар, виконавець народних дум, історичних, побутових, жартівливих та сатиричних пісень	109
Веретенников О. П. (1860 – після 1917) – державний діяч, київський губернатор (1906)	421

Верзилов А. К. (1867–1931), український історик-краєзнавець, архі- віст, педагог	643
Вессель М. Х. (1834–1906) – педагог і публіцист; член ученого комітету і ради Міністерства народної освіти; редактор журналу “Учитель”; працював над демократизацією навчання і системи освіти. Автор ідеї запровадити до навчання предмет “вітчизнознавства”, аби знайомити дітей з географією, природою, історією краю, де вони народилися	443
Велспольський Александер (1803–1877) – маркіз, польський державний діяч. Обіймав керівні посади в адміністрації Королівства Польського (1861–1863). Брав участь у підготовці реформ (1861– 1862). Оголошений ним у січні 1863 р. рекрутський набір, що мав на меті ліквідувати кадри повстанської організації, прискорив початок Січневого повстання 1863 р.	120
Веріна О. – актриса трупи М. Кропивницького з 1882 р.	419
Виговський Іван (?–1664), гетьман Війська Запорозького (1657–1659)	119, 497
Вигура – товариш прокурора Полтавського окружного суду (1900)	298, 299
Винниченко – студент-медик	161
Винниченко В. К. (1880–1951) – український прозаїк, драматург, художник, політичний і державний діяч	350, 491
Виноградова М., авторка рукопису українською мовою під назвою “Дещо про світ Божий. Написала селянка (Марія Виноградова)”	309, 656
Вишенський Іван (між 1545–1550 – після 1620) – український письменник-полеміст. Відомо 16 його творів. У 1590-х роках були написані найвизначніші з них, що були спрямовані проти Берестейської унії	350
Вишневський П. – студент Київського університету, учасник перепоховання праху Т. Шевченка у Каневі	24
Вілігорський (Вельсгорський) М. М. (1840–?) – учень 2-ї київської гімназії, учасник перепоховання праху Т. Шевченка у Каневі	24, 38
Вінницький – голова кримінального суду в Чернівцях	250
Віталій (Максименко В. І.; 1873–1960) – архімандрит, настоятель Почаївської лаври (1903–1917); архімандрит Російської православної зарубіжної церкви	542
Вітовт (бл. 1348–1430) – великий князь литовський з 1392 р.	629
Вітте С. Ю. (1849–1915) – граф, державний діяч, міністр фінансів (1892–1903), голова Комітету міністрів (1903–1905), голова Ради міністрів (1905–1906)	XXXIII, 327, 329, 337, 346, 642
Владислав II Ягайло (Ягайло; 1351–1434) – король польський і великий князь литовський	629
<i>Вовк О. Б.</i>	LX
Вовк (Волк, Волков, Кондратович, Конторович) Ф. К. (1847–1918) – український антрополог, етнограф, археолог, громадський діяч, член Київської старої громади, професор Петербурзького універ- ситету, член Історичного й Антропологічного товариства в Парижі	163, 164, 200, 234, 326, 656

Вовк Х. І. (Волкова, уроджена Васневська; 1855–?) – діячка українського національного руху, дружина Ф. Вовка, племінниця В. Антоновича	200, 628
Водовозов В. І. (1825–1886) – російський педагог, літератор	433, 611, 644
Воєнський К. А. (1860–1928) – російський генерал; історик	XXIX, 551, 556, 603, 640
Возняк М. С. (1881–1954) – український літературознавець, фольклорист, дійсний член ВУАН (1929)	660
Войт К. – учень церковно-парафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	543
Волков – діловод Департаменту поліції	505
Володкович М. О. – товариш прокурора Київської судової палати	539
Волошиновський Й. А. (1814?–1891), український письменник і видавець	679
Вольвачівна (Воловачівна) М. С. (1841 – бл. 1910) – українська письменниця, авторка творів “Казка про темні слова” та “Кажі жінці правду, та не всю”	252, 662
Волькенштейн – лікар	161
Воробкевич Г. І. (Наум Шрам; 1838–1884) – український поет, просвітитель; брат С. Воробкевича	653
Воробкевич С. І. (Данило Млака; 1836–1903) – український письменник і композитор	235, 236, 635, 653, 663, 677,
Вороний М. К. (Ш.; 1871–1938) – український письменник, перекладач, поет, режисер, актор, громадсько-політичний діяч, театрознавець; один із засновників Української Центральної Ради	265, 601, 668, 680
Воронківський Іван <i>див.</i> Коновал І. О.	
Воропонов Ф. Ф. (1839–1919) – російський публіцист; активний сподвижник селянської реформи	XVII
Воршев П. І. (1843–1914) – цензор Петербурзького цензурного комітету з 1879 р. 1901 р. відряджений до Одеси на посаду окремого цензора з внутрішньої цензури, 1904 р. – до Харкова на таку саму посаду	255, 281
Воскресенський К. М. (1841–1892) – учитель російської словесності 2-ї київської гімназії, інспектор студентів Київського університету (1879–1880)	152
Вронська – розпорядниця чернігівської трупи акторів	194
Вуїч М. – брат дружини А. В. Лисенка	161
<i>Вульпіус Рікарда</i>	XX, XXXIII, XLVIII, LIII
В’яземський П. П. (1820–1888) – державний діяч, князь, гофмейстер, в. о. начальника Головного управління у справах друку; учасник Особливої наради (1881)	XX, XXXI, 188, 190, 194–196, 382, 575, 605

Гаврик С. – товариш одного з учнів Кисво-Печерської гімназії, який “не цурається нашої мови”	536
Гаврилко М. О. (1882–1920) – український громадський діяч і скульптор; серед творів – погруддя М. Шашкевича (1910), Т. Шевченка (1911, 1920), Ю. Федьковича (1914)	534
Гавриш – автор передмови до українського букваря “Руководство обучению грамоте, составленное для малорусских воскресных школ А. А. Потебней” (1899)	294
Гайворонський Михайло Орест (1892–1949) – український композитор, капельмейстер армії УНР	635
Гайдн Йозеф (1732–1809) – австрійський композитор	212
Гайне Крістіан (1797–1856) – німецький поет і журналіст	609
Галайда Гнат <i>див.</i> Хоткевич Г. М.	
<i>Галас Б. К.</i>	L
Галка Ієремія <i>див.</i> Костомаров М. І.	
Галушинський – секретар канцелярії київського губернатора	24
Галятовський (чернече ім'я – Йоаникій; бл. 1620–1688) – український письменник-полеміст, агіограф, проповідник, педагог, архімандрит, церковний та громадсько-політичний діяч	XLI
Гамаженко О. В. – інженер-технолог, вибраний до художньо-театральної ради проєктованого Харківського українського зразкового театру на чолі із М. Заньковецькою	508
Гамалія К. М. – член Київської старої громади, видавець журналу “Киевская старина”, юридичний власник книгарні “Киевская старина”, автор видання “Земля і люди в Росії” (К., 1883)	204, 296, 661
Ганна Барвінок (Білозерська-Куліш О. М.; 1828–1911) – українська письменниця. Автор оповідань із селянського життя: “П'яниця”, “Хатне лихо”, “Молодича боротьба”, “Русалка” та ін. Продавши садибу в с. Мотронівка Борзнянського пов. на Чернігівщині, видрукувала найповніше видання творів П. Куліша	31, 653, 659, 665, 669, 680, 684
Ганько М. – автор оповідання “Як дбаєш, так і маєш”	279
Гарін-Михайловський М. Г. (Гарін Н.; 1852–1906) – російський письменник, інженер	259
Гармансова А. А. – член Одеської громади	336
Гатцук М. О. (Куций М.; ?–?) – український фольклорист, мовознавець, упорядник збірки фольклорних матеріалів “Ужинок рідного поля”; автор одного з перших букварів “Українська абетка”; брат О. Гатцука	375, 432, 565, 643, 683
Гатцук О. О. (1832–1891) – археолог, публіцист, письменник, член-засновник Московського археологічного товариства. Співробітничав з журналом “Основа”, доводив право існування української мови; приятелював з П. Кулішем. У Москві видавав газету під власним іменем “Газета А. Гатцука”; брат М. Гатцука	XVII, XIX, 230
Гауптман Герхарт (1862–1946) – німецький драматург, лауреат Нобелівської премії 1912 р., автор драматичної поеми “Ткачі”	682

Гебель Йоган-Петер (1760–1826) – німецький поет і прозаїк, який писав по-аллеманському. Темою його віршів і оповідань був побут селян верхньорейнської області. Автор творів: “Аллеманські вірші”, “Катехізис”, “Пісні і загадки”	67
Гердер Йоган (1744–1803) – німецький письменник і мислитель, один з визначних представників німецького Просвітництва	XXXVII
Герострат – житель Ефеса, що спалив храм Артеміди 356 р. до н. е.	59
Герцен О. І. (Іскандер; 1812–1870) – російський письменник, публіцист, літературний критик, філософ, революціонер-демократ	90, 93, 522, 611, 636
Герцль Теодор (1860–1904) – австро-угорський письменник, журналіст, основоположник ідеології політичного сіонізму	639
Гессе М. П. – дійсний статський радник, київський губернатор в 1871–1881 рр.	146, 147, 159, 165, 182
Гессе П. І. (1801–1880) – дійсний статський радник, з 1841 р. – чернігівський, в 1855–1864 рр. – київський губернатор	XIX, 24, 26, 35, 38, 52–54
Гец Файфель (1853–1931) – російсько-єврейський письменник, викладач єврейської історії	XVI
Гешвеїд – цивільний інженер у Києві	160
Гіляровський А. – член Московського цензурно-духовного комітету в 1894 р.	272
Гільфердінг О. Ф. (1831–1872) – російський слов’янознавець, фольклорист; член-кореспондент Петербурзької академії наук з 1856 р.	XIX
Гірс О. Ф. (1871–1958) – київський губернатор у 1909–1912 рр.	XXXVI, 455
Гладкий Г. П. (1849–1894) – український хормейстер, педагог, композитор; учитель хорового співу і керівник хору в Полтавській духовній семінарії; автор музики до творів Т. Шевченка, зокрема “Заповіту”	437, 644, 660
Глазов В. Г. (1848–1920) – державний діяч, генерал-лейтенант, начальник Академії Генерального штабу (1901–1904), міністр народної освіти (1904–1905)	404, 411, 621, 622
Глебов – предводитель Чернігівського губернського дворянського зібрання в 1899 р.	314
<i>Глизь І. І.</i>	LX
Глібов – власник прибуткового будинку в Києві	259
Глібов Л. І. (1827–1893) – український письменник і громадський діяч, байкар і видавець	XXIV, 22, 23, 88, 92, 196, 270, 350, 372, 373, 561, 563, 626, 651, 653, 661, 679, 680
Глінка Я. – тимчасово завідуючий канцелярією Державної думи	430
Гловацький <i>див.</i> Головацький Я. Ф.	

- Гнатюк В. М. (1871–1926) – фольклорист і етнограф, мовознавець, член-кореспондент Петербурзької академії наук, академік ВУАН (1924) LIV, 299, 602
- Гнилоширов В. С. (1836–1900) – громадський діяч, педагог, етнограф, письменник; оберігав Шевченкову могилу, заснував перший народний музей у Каневі. Автор спогадів і розвідок про Т. Шевченка XVII, 27, 637
- Гнедич П. П. (1855–1925) – російський письменник, драматург, історик мистецтва і театральний діяч 638
- Говорський К. А. (1811–1871) – російський археолог, історик, журналіст і видавець XVI
- Гоголь М. В. (1809–1852) – російський та український прозаїк, драматург, поет, критик XXVI, 108–110, 117, 120, 183, 187, 188, 206, 231, 316, 327?, 347, 462, 529, 634, 666, 680, 681, 682
- Гогоцька Є. І. – дочка київського міського голови І. Ходунова, дружина професора філософії Київського університету С. Гогоцького, відома в Києві “лібералка”. У 1860-ті рр. брала участь у створенні недільних шкіл. 1865 р. відкрила початкову жіночу школу з ремісничим ухилом, яка пізніше перетворилася на ремісничу училище; у 1875–1876 рр. видавала газету “Киевский телеграф”; одна з засновниць Вищих жіночих курсів 109, 135, 136, 138
- Гогоцький С. С. (1813–1889) – філософ, професор Київського університету в 1851–1886 р. 101
- Голіцин С. П. – державний діяч, чернігівський цивільний губернатор (1861–1870) 74, 78, 88, 89, 613
- Головацький Я. Ф. (Гловацький; 1814–1888) – український лінгвіст, етнограф, фольклорист, поет, священик і педагог; співзасновник об’єднання “Руська трійця”, співавтор збірки творів “Русалка Дністрова” 175, 673
- Головін І. В. (1856–1916) – граф, цензор Петербурзького цензурного комітету з 1893 р., секретар Ради Головного управління у справах друку в 1901 р. 276, 278, 280, 294, 295, 300, 302, 304, 308, 311, 312
- Головнин О. В. (1821–1886) – державний діяч; на посаді міністра народної освіти в 1862–1866 рр. провів реформу освіти, зокрема вищої, із впровадженням університетського самоврядування, приват-доцентури, університетського суду над студентами; середньої освіти – із заснуванням великої кількості гімназій і прогімназій та наданням їм всестанового статусу. На основі Положення про народні школи 1864 р. в організацію шкіл для народу активно включилися земства. 1863 р. вивів цензуру з відомства Міністерства освіти, передавши її Міністерству внутрішніх справ XXIV, XLVIII, 54, 55, 58, 73, 76, 77, 81–83, 88, 103, 104, 352, 366, 376–378, 407, 567, 568, 570, 612

Голубєв – студент, який належав до організації “Двуглавый орел”. Керував маніфестантами-чорносотенцями, що протистояли демонстрації студентів Києва з нагоди столітнього ювілею Т. Шевченка 1914 р.	528, 529
Голубовський П. В. (1857–1907) – український історик; належав до київської школи істориків В. Антоновича	642
Голубятніков І. – київський міський діяч	649
Голуховський Агенор (1812–1875) – намісник Галичини з перервами в 1849–1877 рр.	446
Гольдфарб – книгопродавець у Дубно	28
Гольцгаузен Адольф – власник друкарні у Відні	638, 679
Гомер (8–7 ст. до н.е.) – давньогрецький поет, автор “Іліади” та “Одіссеї”	289, 322, 619, 662, 670
Гонта Іван (1705–1768) – сотник, один з проводирів Коліївщини	46, 223, 673
Гончарук В. Т. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	542–544
Горбунов О. Ф. (?–1867) – автор книжки оповідань “Сцены из народного быта” (1867)	126, 132
Горемікін І. Л. (1839–1917) – державний діяч, товариш міністра юстиції, сенатор з 1894 р., міністр внутрішніх справ у 1895–1899 рр., голова Ради міністрів у 1906, 1914–1916 рр.	282, 288
Горлова М. О. – член Одеської громади	336
Горобець Т. <i>див.</i> Чарнецький С. М.	
Гороновський – протоієрей Троїцького собору у Радомишлі	26–28
Горяїнов С. – російський консул в Чернівцях	249
Гофман В. Е. – начальник Волинського губернського жандармського управління	484, 487, 495, 498, 502
Гоцинський Северин (1801–1876) – польський громадський діяч, революціонер, письменник, поет-романтик. Відомий як автор патріотичних віршів, повістей “Канівський замок” і “Король замчиська”; один з чільних учасників месіанського об’єднання Анджея Тов’янського	105
Грабовський Міхал (1804–1863) – польський історик, письменник і критик; представник української школи в польській літературі; автор історичних повістей “Коліївщина і степи” (1838), “Пан канівський староста” (1856), розвідок з історії України, зокрема: “Огляд могил, валів і городищ Київської губернії” (1848), “Про причини взаємного озлоблення поляків і малоросіян в XVII столітті”	XXVI, 120, 121, 129
Грабовський П. А. (1864–1902) – український поет, публіцист, перекладач	679, 680
Граве – полковник Корпусу жандармів в Одесі	11
Градовський Г. К. – російський журналіст і видавець	641

- Гребінка Є. П. (1812–1848) – український письменник, поет, перекладач, видавець XVI, XXIV, XLIV, 115, 133, 264, 265, 271, 308, 372–374, 561, 563, 640, 652, 654, 655, 661, 664, 666, 674, 681, 684, 687
- Гречулевич В. Я. (1791–1870) – православний священник (протоієрей), просвітител, теолог, педагог; настоятель Чудо-Михайлівського храму у с. Ганнопіль на Поділлі. Приділяв значну увагу освіті й богослужінню українською мовою. Написав і видав збірку “Проповіді малоруською мовою протоієрея і кавалера Василя Гречулевича” (СПб., 1849); за сприяння П. Куліша збірку було двічі перевидано (у 1857 і 1860 рр.) XLVII, 31, 179, 352, 374, 389, 564, 586, 652
- Григор’єв В. – в. о. начальника Головного управління у справах друку 144
- Григорій – калузький єпископ 62
- Григорій – чернець, архімандрит Пересопницького Пречистенського монастиря, працював над створенням Пересопницького Євангелія 634
- Григорович-Барський П. О. *див.* Барський П. О.
- Гринчук Б. *див.* Грінченко Б. Д.
- Грицай В. *див.* Колтановський В. О.
- Гриценко П. Ю.* II, LX
- Грінченко Б. Д. (В. Ч., Гринчук Б., Чайченко В.; 1863–1810) – український письменник, громадський діяч, педагог, видавець. Редактор низки українських періодичних видань. Один із засновників УРП. Автор фундаментальних етнографічних, мовознавчих, літературознавчих та педагогічних праць, історичних нарисів, перших підручників з української мови й літератури, зокрема “Рідного слова”; укладач чотиритомного тлумачного “Словаря української мови”; один з організаторів і керівників товариства “Просвіта” 204, 224, 235, 236, 268, 269, 271, 297, 342, 350, 356, 423, 424, 545, 637, 643, 644, 655, 657, 658, 660, 661, 662, 663, 664, 666, 670, 671, 679, 680, 681, 683, 684, 685, 687
- Грінченко М. М. (Загірня М. М., Чайченко М., П. З. Р-ой; 1863–1928) – українська письменниця, перекладачка, педагог. Дружина і помічниця Б. Грінченка. У 1910–1918 рр. керувала видавництвом імені Бориса Грінченка; член-редактор комісії Словника української живої мови (1919). Подарувала ВУАН бібліотеку Б. Грінченка, до якої склала двотомний каталог 264, 269, 273, 275, 286, 288, 356, 637, 643, 651, 661, 670, 676, 677, 685
- Грох Мирослав* XXXV
- Грушевський М. С. (1866–1934) – історик, політичний і державний діяч, організатор української науки; голова Наукового товариства імені Шевченка у Львові (1897–1913), академік ВУАН (1925), дійсний член АН СРСР; голова Української Центральної Ради (1917–1918) XXVIII, 364, 421, 427, 429, 430, 445, 456, 459, 475, 496, 497, 536, 557, 640, 642, 644, 645, 648, 665, 679

Грушецький – благочинний	25
Грушка Д. І. – автор рукопису “На гулянках. Вірші і переклади на українській мові”	255, 651, 653, 654, 656, 657, 658, 660, 664, 667, 669, 673, 675, 678, 681
Губанов – московський видавець лубочних видань	269
Гуглинський В. – священник	XLVII
Гузь В. Д. (1873–?) – депутат III Державної думи	431
Гулак М. І. (1821–1899) – один з організаторів Кирило-Мефодіївського братства; закінчив Дерптський університет із званням кандидат права; після звільнення з Шліссельбурзької фортеці (1847–1850) і вислання під нагляд поліції у Перм, працював вчителем російської мови, географії, математики і геометрії у Рішельєвському ліцеї в Одесі (1859–1861) та інших навчальних закладах у Керчі, Ставрополі, Кутаїсі, Тифлісі	7–9, 11, 373, 625
Гулак-Артемівський П. П. (Артемівський П. П., Артемівський-Гулак П. П.; 1790–1865) – письменник і вчений, професор, ректор Харківського університету, поет, перекладач	115, 118, 133, 264, 265, 271, 341, 350, 372–374, 561, 562, 564, 640, 660, 672, 677
Гулак-Артемівський С. С. (1813–1873) – український композитор, співак, драматичний артист, драматург, автор першої української опери “Запрожець за Дунаєм” (1862), поставленої у Марїнському театрі (1863); племінник П. Гулака-Артемівського	660
Гулапчев С. – болгарський підданий, студент Київського університету	219, 220
Гуменюк Т. – селянський хлопець	29
Гумплович Людвіг (1838–1909) – австрійський і польський соціолог, економіст, правник	XVIII
Гурович М. С. (?–1889) – педагог і громадський діяч, учений євреїв при новоросійському і бессарабському генерал-губернаторові	XVII
Гурчалович – автор рукопису “Священна історія”	92, 679
Ґалаган Г. П. (1819–1888) – український громадський діяч, українофіл, меценат, землевласник на Полтавщині і Чернігівщині, представник відомого старшинсько-дворянського роду Ґалаганів	XVII, 171
Ґалаган П. Г. (1853–1869) – останній представник роду Ґалаганів, помер передчасно. На його честь батько Г. Ґалаган у 1871 р. заснував у Києві закритий навчальний заклад для юнаків – Колегію Павла Ґалаґана	159, 160, 166, 243
Ґете Йоган Вольфганг фон (1749–1832) – німецький поет, прозаїк, драматург, мислитель і натураліст; засновник сучасної німецької літератури	462, 463

Грімм (Брати Грімм; Якоб і Вільгельм Грімми) – німецькі вчені-мовознавці, представники Гейдельберзької школи; одні з найвідоміших казкарів Європи	338
Д. М. – діяч “Просвіти” в Житомирі, який влаштовував вечірки для збору коштів на безоплатну видачу українських книжок в 1911 р.	483, 484
Давид – другий цар Ізраїлю, царював 40 років (бл. 1005–965 до н. е.)	480
Давиденко В. – власник друкарні у Києві	676
Давидович П. – учень з Сокаля, адресат київського гімназиста	535–537
Данило Млака – <i>див.</i> Воробкевич С. І.	
Данте Аліг’єрі (1265–1321) – італійський поет доби Відродження; першим почав писати літературні твори народною італійською мовою	355, 619
Дарре Адольф – власник друкарні у Харкові	437, 660
Дашкевич М. П. (1852–1908) – історик та історик літератури, член-кореспондент (1902), ординарний академік (1907) Петербурзької академії наук	367
Дашкевич С. (?–1894) – буковинський громадський діяч, редактор газети “Буковина” у 1888–1894 рр.	250
Дверницький – начальник Луцької повітової поліції	28, 29, 51, 52
Дебагорій-Мокрієвич В. К. (1848–1926) – революціонер-народник, один з учасників організації виступу селян в Чигиринському пов. Київської губ. 1877 р.	232
Дейнека В. – дописувач газети “Рада” з Житомира	481
Дейч Л. Г. (1855–1941) – діяч російського і міжнародного соціалістичного руху, один із засновників меншовизму	635
Демущий П. Д. (1860–1927) – студент медичного факультету Київського університету, хорист гурту під керівництвом М. Лисенка, хоровий диригент, член етнографічної комісії ВУАН	227
<i>Демченко А. А.</i>	LX
<i>Демченко Л. Я.</i>	LX
Дем’янович – благочинний у Балтському пов. Подільської губ., підтримував українофільську діяльність священиків Шаровського і Гриневича	519, 545
Денебський – службовець шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Де-Пуле М. Ф. (1822–1885) – російський літературний критик, публіцист і педагог	351
Деревницький О. М. (1859–1943) – історик, філолог, кримиознавець; приват-доцент (з 1887 р.), екстраординарний професор (з 1892 р.) Харківського університету; попечитель Київського навчального округу	520

Деркач (Деркачов) І. П. (1834–1916) – педагог, вчителював у гімназіях Одеського навчального округу. 1861 р. уклав і видав у Москві “Українську граматку”	XXII, 35, 655, 683
Десницький А. – секретар Московського духовно-цензурного комітету	272
Дзбановський – благочинний	39
Дзедицький <i>див.</i> Дідицький Б. А.	
Дідицький (Дзедицький) Б. А. (1827–1908) – український письменник та журналіст; належав до москвофільського напрямку, видавець часопису “Слово” та альманаху “Зоря Галицька”	175, 680
Дістервег Адольф (1790–1866) – німецький педагог-демократ, один із послідовників Йогана Генріха Песталоцці	338
Дмитренко Д. – автор українських водевілів	664
<i>Дмитришин Василь</i>	LIV, LX, 622, 630
Дмитрієв М. А. (1867–1908) – український публіцист, громадсько-культурний діяч, адвокат	337, 345, 346, 677
Добровольський І. І. – завідуючий шляховим відділом губернської земської управи в Житомирі	485
Добровольський П. М. (1871–1910) – український історик, краєзнавець; управитель Чернігівської губернської архівної комісії	643
Добролюбов М. О. (1835–1861) – російський літературний критик	163, 611
Добрянський А. І. (1817–1901) – український політичний і громадський діяч, історик, публіцист; москвофіл; визнаний лідер карпаторуського і галицькоруського рухів, прихильник культурного, мовного і етнічного єднання австрійських русинів з російським народом	175, 233
Довбуш Олекса (1700–1745) – провідник руху карпатських опришків 1730–40-х рр.; у фольклорі і мистецтві оспіваний як народний герой	223, 661, 673
Довнар-Запольський (Запольський-Довнар) М. В. (1867–1934) – білоруський та український історик, етнограф, фольклорист, економіст, основоположник білоруської національної історіографії; створив у Києві наукову школу; серед його учнів – Д. Дорошенко, О. Оглоблін, Н. Полонська-Василенко та ін.	367
<i>Долбілов М. Д.</i>	XI
Долгоруков, князь – літературний герой	311, 312
Долгоруков В. А. (1803–1868) – князь, генерал-ад’ютант, начальник Третього відділення власної й. і. в. канцелярії	19, 56–58, 60, 78, 83, 85, 86, 94, 96, 97, 377, 569, 615
Долгоруков М. Д. – князь, предводитель Чернігівського губернського дворянського зібрання в 1896–1899 рр.	313, 314

Доманицький В. М. (1877–1910) – український історик, літературознавець, громадський діяч, учень В. Антоновича. 1895–1900 рр. службовець Управління Південно-Західної залізниці, поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина”, протягом багатьох років був секретарем цього журналу. Автор багатьох творів з історії України та літературознавства, за його редакцією видано три видання “Кобзаря” і два – “Історії України-Русі” М. Аркаса	297, 298, 497, 639, 654, 656, 660, 675
Дондуков-Корсаков О. М. (1820–1893) – державний і військовий діяч, київський, подільський і волинський генерал-губернатор (1869–1878)	XXX, 104, 110, 146, 159, 171, 173, 190, 381, 382, 575, 576, 605, 616, 620, 632
Донцов Д. І. (1883–1973) – український літературний критик, публіцист, філософ, політичний діяч; засновник теорії інтегрального націоналізму	648, 665
Дорожинський – управляючий на цукровому заводі купців Яхненка і Смирєнка	25
Дорохольський І. – поет, збірка віршів якого була представлена в рукопису-доповненні до “Літературного збірника”, присвяченого пам’яті О. Кониського в 1902 р.	310
Дорошенко Д. І. (1882–1951) – політичний діяч, історик, публіцист, літературознавець, бібліограф; засновник “Просвіти” на Катеринослащині	657
Дорошенко Петро (1627–1698) – державний діяч, гетьман Війська Запорозького (1665–1676)	119, 207, 314, 497
Дорошенко П. Я. (1858–1919) – український громадсько-політичний і земський діяч; співробітник Чернігівської губернської архівної комісії	643
Достоевський Ф. М. (1821–1881) – російський письменник	434, 641
Драгоманов М. П. (1840–1895) – український вчений і громадський діяч, історик, філософ, етнограф, публіцист, член Київської старої громади, видавець української політичної літератури; в еміграції з 1876 р.	XVII, XIX, 124, 125, 127, 128, 130, 132, 135, 136, 139, 148, 149, 152, 163, 175, 176, 181, 183, 199, 209, 211, 220, 225, 232–234, 276, 354, 380, 573, 607, 615, 618, 619, 628, 632, 635, 636, 654, 664, 665, 670, 675, 675, 684

Драгомиров М. І. (1830–1905) – військовий і державний діяч, генерал-ад’ютант, київський, подільський і волинський генерал-губернатор (1898–1903); українофіл	282, 283, 327, 347, 455
Дремлюга – капітан Корпусу жандармів	213
Дремцов С. П. – касир літературно-художнього і етнографічного Товариства імені Г. Квітки-Основ’яненка в Харкові	507, 508
Дрентельн О. Р. (1820–1888) – державний діяч, командуючий Київським військовим округом у 1872–1877 рр., начальник Третього відділення власної й. і. в. канцелярії у 1878–1880 рр., київський, подільський і волинський генерал-губернатор і тимчасовий полтавський і чернігівський (з 1881 р.)	166, 171, 182, 184, 191–193, 210–212, 635
Друцький-Соколинський М. В. – житомирський військовий губернатор і волинський цивільний губернатор в 1856–1864 рр.	53
Дубровін О. І. (1855–1921) – російський політик, один із російських правих лідерів	649
<i>Дубровіна Л. А.</i>	LX
Дурдуківський В. Ф. (Мировець В.; 1874 – після 1946) – український літературний критик, педагог, громадський діяч. Член Центральної Ради й уряду УНР, один із засновників видавництва “Вік”; писав на педагогічні теми, друкувався в часописах: “Громадська думка” і “Рада”, журналу “Киевская старина”, “Літературно-науковий вісник”, “Нова громада”, “Книгар”	356, 639, 644, 668
Дядиченко А. Н – чернігівський земський діяч	643
Дяченко М. – член кам’янець-подільської “Просвіти”, для якої малював декорації до вистав	532, 534
Дьяков – керуючий департаментом Міністерства народної освіти	142
Дьяков Л. – відставний поручик	200
Дьяконенко Є. – учитель історії та географії Глухівського вчительського інституту, службовець Управління Південно-Західної залізниці	151, 155, 156, 158
Дьячук П. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Е. Ш. – криптонім колишнього справника, автора листа, вміщеного у часописі “Гражданин”	398, 557, 640
Еварницький <i>див.</i> Яворницький Д. І.	
Епікур (341–270 до н. е.) – давньогрецький філософ-матеріаліст	537
Ерделі О. С. – херсонський губернатор	213
Є. Б. <i>див.</i> Бохенська Є. І.	
Євгеньєв В. – автор рукопису “Співи і розмови, і щире кохання”	216

Євстаф'єв М. П. (1814–1883) – український лексикограф, автор рукописного словника “Слова малороссийского наречия, употребляемые в Полтавской губернии” (1846–1849)	ЛІІ
Скельчик С. О.	XXІІІ
Єленєв Ф. П. (1827–1902) – російський історик, член Головного управління в справах друку в 1868–1896 рр.	209, 214, 244
Єлизавета Петрівна (1709–1762) – російська імператриця з 1741 р.	119, 120
Єфименко О. Я. (Єфименкова О.; 1848–1918) – російський та український історик, етнограф; 1910 р. стала першою жінкою, що одержала ступінь почесного доктора історії (Харківський університет); авторка популярної “Истории украинского народа” (СПб., 1905)	545, 679
Єфименко П. С. (1835–1908) – український етнограф, історик, статистик, учасник революційного руху	626
Єфименкова О. <i>див.</i> Єфименко О. Я.	
Єфремов С. О. (1876–1939) – український громадсько-політичний і державний діяч, літературний критик, історик літератури, академік УАН (1919), віце-президент ВУАН (з 1922 р.), дійсний член Наукового товариства імені Шевченка	297, 298, 310, 344, 356, 638, 639, 648, 654, 671
Жарко Я. В. (1861–1933) – український громадсько-політичний діяч, письменник, актор	278, 651
Жаркова Н. – актриса трупи М. Кропивницького з 1882 р.	419
Жебуньов Л. М. (1851–1919) – український громадський діяч, учасник революційного руху, народник, член Полтавської громади; співпрацював з громадами Харкова і Києва; засновник УДРП в Полтаві, співробітник газет “Рада”, “Рідний край”, “Украинская жизнь”, щомісячного журналу “Літературно-науковий вісник”; член товариства “Просвіта”	418
Железняк М. – таємний агент Київського губернського жандармського управління	296, 298
Жернов М. С. – поет, автор “Збірника творів” (1900), з якого цензурою вилучено вірші “Козак Савва”, “Наливайко” та ін.	241, 242, 662, 668, 684
Животовський В. Ф. – секретар Київської військової гімназії	162
Житецький П. Г. (1836–1911) – український громадський діяч, мовознавець, лексикограф, педагог, доктор російської словесності (1908). Член-кореспондент Петербурзької академії наук (1898), дійсний член Історичного товариства Нестора-літописця (1879), Наукового товариства імені Шевченка у Львові (1903); упродовж 1864–1868 рр. працював учителем російської мови у Кам'янець-Подільській чоловічій гімназії, у 1874–1893 рр. – у Колегії Павла Галагана	XXІ, XXXІІ, 151–154, 157, 159, 160, 163, 166, 171, 294, 628, 635
Житецький І. О. (1851–1913) – український громадський діяч, публіцист, етнограф, учитель російської мови Глухівського та Київського вчительських інститутів, перебував на засланні у В'ятці (1879) та Архангельській губ. (1882)	151, 152, 154–156, 158, 233, 628

Житинський Л. – студент Київського університету	51, 52
Жук (Жуківна) Д. О. – співачка, яка брала участь в літературно-вокальній вечірці “Просвіти” у Житомирі	483
Жуковський В. А. (1783–1852) – російський поет, перекладач, критик	120, 648
Забелін І. Є. (1820–1908) – російський археолог, історик, почесний член Петербурзької академії наук (1907); дотримувався слов’яно-фільських поглядів	122
Забіла В. М. (1808–1869) – український поет-романтик	98
Забіяченко – поет-селянин із с. Чукова Брацлавського пов. Подільської губ.	517
Завадський – канцелярист Радомишльського духовного правління	27
Завойко М. С. – син контр-адмірала С. Завойка, губернатора Камчатки, член ліквідованого житомирського товариства “Просвіта”; подарував Кам’янець-Подільській організації “Просвіта” погруддя Т. Шевченка роботи М. Гаврилка	534
Загірня М. <i>див.</i> Грінченко М. М.	
Загорський – начальник Радомишльської повітової поліції	26, 27
Загребельний А. Г. – приватний землемір, син Г. Загребельного	540
Загребельний Г. Л. – селянин, організатор відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Задера П. – автор рукопису “Господин староста”	252, 655
Зайкевич А. Г. (1842–1931) – агроном, професор Харківського університету, фізіолог рослин, перший методолог вітчизняної агрономії в Україні, засновник сільськогосподарської дослідної справи; за період з 1881 по 1902 рр. заснував 37 дослідних полів	349
Заклинський Б. Р. (1886–1946) – учитель народних шкіл у Галичині й Закарпатті, автор підручників наукових праць з педагогіки, рецензій в журналі “Українська хата”	499, 501, 671
Закревський М. В. (1805–1871) – український історик, етнограф, письменник	120
Заленський В. В. (1847–1918) – зоолог, член-кореспондент з біології (1893) і академік фізико-математичного відділення (1897) Петербурзької академії наук	370, 553, 558
Залеський Богдан (1802–1886) – поет-романтик, представник української школи в польській літературі	105, 107, 377, 569
Залізняк Максим (початок 40-х рр. XVIII ст. – ?) – козацький отаман, керівник гайдамацького повстання – Коліївщини – в 1768–1769 рр.	223, 673
Замашний О. – перекладач творів М. Лермонтова українською мовою	221

Заньковецька М. К. (1854–1934) – актриса трупи М. Кропивницького з 1882 р., перша народна артистка України. Працювала в найпопулярніших і професійніших українських трупах М. Старицького, М. Садовського, П. Саксаганського, І. Карпенка-Карого. Маючи чудовий голос виконувала у спектаклях українські народні пісні. Домагалася відкриття в Ніжині стаціонарного державного театру; у 1918 р. організувала народний театр “Українська трупа під орудою М.К. Заньковецької”	257, 419, 508
Заньковський С. С. (1859–?) – міський голова Полтавської думи в 1913–1917 рр.	529
Запольський-Довнар М. <i>див.</i> Довнар-Запольський М. В.	
Заревич Ф. І. (1835–1879) – український письменник, журналіст	654
Заремба В. І. (1833–1902) – український композитор, піаніст, педагог	661, 667
Заславська-Гольшанська Анастасія Юріївна (?–1561) – княгиня, представниця “руської контрреформації”	634
Заславські – волинський княжий рід	634
Затиркевичка <i>див.</i> Затиркевич-Карпінська Г. П.	
Затиркевич-Карпінська Г. П. (Затиркевичка; 1855–1921) – українська актриса характерних ролей в трупах М. Кропивницького з 1882 р., М. Садовського, М. Старицького	419
Заушкевич М. Т. – полковник, начальник Херсонського губернського жандармського управління	487, 490
Звестний <i>див.</i> Терлецький О. С.	
Зверев М. А. (1850–1917) – державний діяч, вчений-юрист, громадський діяч, сенатор, начальник Головного управління в справах друку в 1901–1904 рр.	321
Зверев – прокурор Чернігівського окружного суду в 1903 р.	315
Зволянський С. Є. – директор Департаменту поліції (1897–1902)	293
Звонніков – фельдшер	94
Зелень П. О. – член Одеської громади	335
Зелинська – актриса трупи М. Кропивницького	419
Зейдліц В. Е. – начальник Полтавського губернського жандармського управління	529
Зібер М. І. (1844–1888) – економіст і соціолог, філософ, перший популяризатор економічного вчення К. Маркса в Росії; член Київської старої громади	163, 628, 656
Зіньківський Т. А. (1861–1891) – український письменник, критик, публіцист	264, 265, 652, 658, 679, 681
Зозуля І. (Спілка І.) – автор оповідання “Сербська війна”, забороненого до друку 1887 р.	229, 230, 653, 680
Золотов В. А. (1804–1882) – педагог; випускник Рішельєвського ліцею в Одесі. Служив у Міністерстві народної освіти; автор звукової методики навчання грамоти	35, 432

Зубрицький Д. І. (1777–1862) – український історик, етнограф, архівіст; член-кореспондент Археографічної комісії при Петербурзькій академії наук (1842), член-кореспондент Петербурзької академії наук (1855)	XVI
Зуєв Н. П. (1857–1918) – державний діяч, директор Департаменту поліції (1909–1912)	450, 459
Іван – літературний герой	311, 312
Іван Кронштадтський (Сергієв І. І.; (1829–1908) – святий Російської Православної Церкви, священник, подвижник, чудотворець; член “Союза русского народа”	489
Іван III Васильович (1440–1505) – великий князь московський (з 1462 р.), започаткував утворення абсолютистської монархії	148
Іван IV Грозний (1530–1584) – великий князь московський і всієї Русі (з 1533 р.); перший цар Московської держави (з 1547 р.)	148
Іванов – підполковник, полтавський поліцмейстер	530
Іванов В. – правитель канцелярії попечителя Київського навчального округу	520
Іванов М. – член Харківської громади	297
Ігнатювич – студент Київського університету, артист трупи українського хору М. Лисенка	227
Ігнат'єв М. П. (1832–1908) – державний діяч, міністр внутрішніх справ у 1881–1882 рр.	189, 191–193, 381
Ігнат'єв О. П. (1842–1906) – державний діяч, київський, подільський та волинський генерал-губернатор в 1889–1897 рр.	230, 242, 249, 251, 256–263, 268, 273, 274, 575, 605
Ідзиковський Л. В. (1827–1865) – український видавець, 1828 р. заснував у Києві нотну фірму. Після його смерті фірму очолила дружина Герсилья Гнатівна, з 1897 р. син Владислав. Тут було видано майже усі твори М. Лисенка, К. Стеценка, О. Кошиця, а також видрукувано нотний зошит з гімном “Ще не вмерла Україна”	479
Ізидор <i>див.</i> Ісидор	
Іконников В. С. (1841–1923) – український історик, джерелознавець; академік Петербурзької академії наук (1914) та ВУАН (1921)	XXVIII, 638
Іловайський Д. І. (1832–1929) – російський історик	XXVIII
Ільницький Л. В. (1844–?) – член Київської старої громади і київського відділу Російського географічного товариства, власник книгарні, бібліотеки і друкарні, у якій друкувались у 1870-х роках видання громади	108, 161, 187
Інокентій (Борисов І. О.; 1800–1857) – архімандрит, ректор Київської духовної академії, харківський архієпископ з 1842 р.	14
Інфимовський М. – священник	XLVII

Ісидор (Ізидор, Нікольський Я. С.; 1799–1892) – митрополит Київський і Галицький (1858–1860), згодом – Петербурзький	376, 377, 567, 568, 614
Іскандер <i>див.</i> Герцен О. І.	
Іщенко І. – помічник секретаря Тимчасового комітету у справах друку у Києві	645
Йосафат (Кунцевич Йосафат; 1580–1623) – уніатський священник українського походження, з 1618 р. архієпископ Полоцький; автор низки полемічних творів; належить до святих католицької церкви	207, 636
Йосиф Велямин Рутський (Рутський Іван Велямин; 1574–1637) – митрополит; єпископ Української Греко-Католицької Церкви; з 1613 р. митрополит Київський, Галицький і всієї Русі	636
К. Б. – криптонім редактора-видавця журналу “Южные записки” (?)	335
К. М. <i>див.</i> Малицька К. І.	
Кагарлик – селянин, який читав заборонене закордонне видання “Кобзаря” Т. Г. Шевченка	320
Казюка Панько <i>див.</i> Куліш П. О.	
Кайданов І. К. (1782–1843) – російський педагог, автор популярних підручників з історії	XXII
Калитовський О. (1855–1924) – український педагог, освітній діяч; редактор часопису “Зоря” (1886–1887); автор першого в Україні шкільного підручника з географії	661
Каменецький Д. С. (1830–1881) – український фольклорист і етнограф	30
Камінський Д. І. – співак, брав участь в літературно-вокальній вечірці “Просвіти” в Житомирі	483
Капніст В. В. (1758–1823) – український політичний діяч, поет, драматург; у квітні 1791 р. у Берліні вів переговори з канцлером Пруссії Е.-Ф. Герцбергом про можливість надання допомоги українському визвольному рухові у випадку відкритого збройного виступу проти самодержавства	120
Карамзін М. М. (1766–1826) – російський письменник, публіцист та історик, автор “Истории государства Российского”, в якій запропонував концепцію єдиного “русского народа”; 1804 р. одержав статус придворного історіографа	XXII, 120, 629
Караулов В. А. (1854–1910) – народоволець; член III Державної думи	431
Карл XII Густав (1682–1718) – шведський король в 1697–1718 рр., представник Пфальцької династії; від початку Великої Північної війни (1700–1721) і до кінця життя прагнув зберегти й посилити позиції Швеції на європейській арені	497
Карманський П. С. (1878–1956) – український поет, перекладач	679
Карпенко С. Д. (Паливода; 1814–після 1886) – український письменник, актор і композитор; видав кілька збірок, складених із переважно	241, 653

власних пісень (“Барвінок України”, “Васильківський соловей”, “Жайворонок київських полів”). Його пісня “На захід сонце вже хилилось” стала народною. Був знайомий з Т. Шевченком, поклав на музику його вірш “Думка” (“Тяжко-важко в світі жити”), переробив на оперу поему “Катерина”	
Карпенко-Карий І. К. (Тобілевич І. К.; 1845–1907) – український письменник, драматург, актор; брат М. Садовського та П. Саксаганського	213, 219, 350, 355, 653, 678
Карпинський О. П. (1869–1929) – український громадсько-політичний діяч, правник; губернський суддя в Чернігові	175
Картель – студент Глухівського вчительського інституту	157
Катаказі М. К. – київський губернатор у 1868–1871 рр.	104, 105
Катанський І. – в. о. правителя канцелярії міністра внутрішніх справ	53
Катанський О. М. – начальник жандармського управління Одеси	219
Катерина II (1729–1796) – російська імператриця в 1762–1796 рр.	119, 148, 488, 521, 627, 647
Катков М. Н. (1818–1887) – російський публіцист, літературний критик, видавець-редактор газети “Московские ведомости”	XXII–XXV, 66, 322, 352, 375, 376, 391, 565, 566, 567, 589, 590, 611, 621, 627, 629, 631, 683
Катренко О. М. (1859–?) – український письменник. Навчався в Харківській гімназії, належав до товариства тарасівців (з 1897 р.); автор оповідання “Дитинячі згадки про всячину”	356, 657
Каханов М. С. (1833–1900) – державний діяч; статс-секретар, товариш міністра внутрішніх справ в 1880–1881 рр.	180
Качала – власник зали для концертів у приміщенні мінеральних вод у Києві	211
Качала С. (1816–1888) – політичний і громадський діяч, народовець, греко-католицький священник, публіцист; посол до Галицького сейму (1861–1888) і до Австрійського райхсрату (1861–1879). Палкий оборонець прав українського населення Галичини. 1848 р. сприяв виникненню товариств “Головна руська рада” та “Галицько-руська матиця”; член-засновник “Народного дому” та товариства “Просвіта”, брав участь у створенні і діяльності в 1870-х р. товариства імені Шевченка	107
Кашенко А. Ф. (1858–1921) – український письменник, автор численних прозових творів про запорозьке козацтво	662
Квітка К. В. (1880–1953) – правознавець, етнограф, фольклорист, музикознавець. Чоловік Лесі Українки	675

Квітка-Оснoв'яненко Г. Ф. (Квітка Г.; Оснoв'яненко; 1778–1843) – український прозаїк, драматург, журналіст	XVI, XXIV, XLIV, XLV, 31, 115, 133, 214, 259, 260, 269, 327, 341, 347, 350, 351, 354, 355, 372–374, 388, 410, 493, 507, 517, 561, 562, 564, 585, 640, 652, 657, 665, 671, 678, 679, 683
Кирило (Костянтин; бл. 827–869) – слов'янський просвітител ь та проповідник християнства; разом з Мефодієм був творцем слов'янської азбуки	7, 11, 68, 122, 356, 657
Кістяківська О. І. (уроджена Міхель; 1846–1920) – дружина О. Кістяківського, займалась благодійницькою діяльністю	225
Кістяківський Б. О. (1868–1920) – український правознавець, філософ права, соціолог; громадський діяч	638
Кістяківський О. Ф. (1833–1885) – український вчений-криміналіст та історик права, член Київської старої громади, гласний Київської міської думи, професор Київського університету	XVII, 224, 225, 671
Кіц К. – київська купчиха	28
Клейгельс М. В. (1850–1916) – військовий та державний діяч, генерал-ад'ютант (1903), генерал від кавалерії (1910); київський, подільський та волинський генерал-губернатор, командуючий військами Київського військового округу (1904–1905)	415
Клеопатра – цариця Єгипту в 69–30 рр. до н. е.	14
Климкович К. Г. (1835–1881) – письменник, перекладач, редактор, видавець; співробітник галицьких видань 1860-х рр. Перекладав українською мовою твори М. Гоголя, Дж. Байрона та ін.; німецькою – поезії Т. Шевченка	666
Климович П. Т. (1855–1920) – громадський і політичний діяч, адвокат, учасник громадського руху; член Одеської старої громади (кінця 1870-х рр.), заарештований та ув'язнений за передачу грошей арештованим членам громади; звільнений 1880 р., виїхав до Австрії, зустрічався з М. Драгомановим у Женеві (1881); брав участь у підготовці видання “Словарь російсько-український” (Львів, 1893–1898)	335
Ключевський В. Й. (1841–1911) – російський історик; академік Петербурзької академії наук (1900)	XXII
Кобилянська М. – учениця церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Кобилянська О. – учениця церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544

Кобилянська О. Ю. (1863–1942) – українська письменниця	653
Кобилянський – медик	161
Кобилянський Г. І. – житель с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Ковальов – власник друкарні в Харкові	426
Ковалевська М. П. – дружина М. Ковалевського	162, 164
Ковалевський М. В. (1841–1897) – студент Київського університету, учасник перепоховання праху Т. Шевченка в Каневі, педагог, член Київської старої громади	24, 162–164, 642, 656
Коваленко Г. О. (1868–1937) – український письменник, журналіст, історик, етнограф, художник, громадський і земський діяч, член Чернігівської громади; автор першого (1906) в Наддніпрянській Україні підручника вітчизняної історії “Українська історія. Оповідання з історії України”, в якому українська історія розглядалася в контексті всесвітньої історії; 1897 р. подавав клопотання щодо дозволу на видання часописів “Україна” і “Характерник”	297, 343, 344, 643, 677, 683, 684
Коваленко О. К. – селянин з хут. Власова Наголінської волості Бірючанського пов. Воронежської губ., звинувачений у замовленні передруку тексту і нот гімну “Ще не вмерла Україна” в Києві в друкарні П. Барського	476–479
Коваленко О. К. (1880–1927) – український поет, перекладач, видавець	629
Коваленко С. Г. (1855–?) – депутат III Державної думи	431
Коваленко-Коломацький Г. А. – член Одеської громади	336
Кованько С. М. – полтавський повітовий предводитель дворянства в 1856–1857 рр.	93
Ковригу А. Н. – член Одеської громади	336
Кожанчиков Д. Ю. (1819–1877) – книгар, походив із кріпаків; книготорговельну і видавничу діяльність розпочав у Петербурзі в 1858 р. Книгарня Кожанчикова, за свідченням сучасників, була найуспішнішою з усіх петербурзьких книгарень; навколо неї групувалася майже вся тогочасна ліберальна преса. Д. Кожанчиков мав книгарні також у Варшаві, Казані, Харкові і Одесі. Випущений ним за редакцією М. Костомарова та Г. Вашкевича “Кобзар” (1867) був найповнішим на той час виданням віршів Т. Шевченка	149
Кожушко – студент, поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина” в 1900 р.	297
Козлов Г. (Сурмаченко Г. Є.) – поет; автор збірки віршів, забороненої до друку 1890 р.	239, 241, 654, 658, 660, 676, 678, 680, 681, 682, 683
Козлов І. І. (1779–1840) – російський поет, перекладач	687
Козловська Б. – актриса трупи М. Кропивницького з 1882 р.	419

Козловська М. Й. – дружина учителя 4-ї київської гімназії М. Козловського, сестра М. Шухевича	293
Козловський М. І. – вчитель 4-ї київської гімназії	293
Козоріз – радомишльський міщанин	27
Кокошкін С. О. (1795–1861) – державний діяч, чернігівський, полтавський і харківський генерал-губернатор в 1847–1856 рр.	10, 12
Колесса О. М. (1867–1945) – український літературознавець, мовознавець, фольклорист і поет; приват-доцент Львівського університету	293, 294
Колесса Ф. М. (1871–1947) – український фольклорист, етнограф, музикознавець, літературознавець	XXVIII, 628
Колиско Бенедикт (1751–1833) – генерал, командир повстанців- поляків, дав бій російській армії під Дашевим 2 травня 1831 р.	627
Коломійцев Д. В. – головний редактор і видавець кримської газети “Тавричанин”	449
Колтановський В. О. (Грицай В.; 1856–1910) – український актор, співак і режисер, керівник театральної групи, якій було заборонено виступати в Бердичеві 1894 р.	256, 257, 419, 652, 654, 655, 656, 659, 660, 663, 664, 667, 668, 669, 670, 672, 673, 675, 678, 679, 681, 682, 684, 685, 686
Колумб Христофор (1451–1506) – мореплавець, відкривач Америки	273
Колобакин О. М. (1868–1915) – російський політичний діяч, депутат III Державної думи	431
Комарецький М. А. (1877–1931) – депутат III Державної думи	431
Комаров М. Ф. (Уманець; 1844–1913) – громадський діяч, історик, літературознавець, етнограф, бібліограф, нотаріус, член Київської старої громади, видавець популярних книжок для народу, діяч “Просвіти”; у статті “Дещо з історії українського письменства XIX віку” (газета “Діло”, 1885) виступив з критикою цензурного переслідування української мови в Російській імперії (1885)	126, 132, 186, 198, 296, 321, 322, 335, 356, 656, 657, 674, 676, 686
Комаров О. Ф. (Степовик О., 1854–?) – природознавець, автор науково- популярних книжок для народу	290, 356, 664, 676
Комарова Л. – член Одеської громади	336
Комовський С. Д. (1798–1880) – директор канцелярії міністра народної освіти	7
Кондратович <i>див.</i> Вовк Ф. К.	
Кондратович Людвік (Сирокомля Кондратович; 1823–1862) – білоруський поет, краєзнавець, історик літератури, перекладач	609
Кондратенко Р. С. (1857–1904) – військовий інженер, генерал-лейте- нант, командував обороною Порт-Артура у російсько-японській війні	327, 347

Кондрагченко (Кондратенко) М. – український поет, автор рукописної збірки віршів “Що було на серці”, поданої на розгляд цензури 1893 р. та видрукованої 1905 р.	253, 686
Кондратьєв – в. о. помічника правителя справ Головного управління у справах друку	268
Кониський О. Я. (Переходовець О.; 1836–1900) – український громадський діяч, письменник, поет, перекладач, видавець	XIX, 22, 33, 36, 92, 125, 130, 132, 149, 150, 217, 234, 250, 265, 280, 288, 290, 296, 302, 303, 309, 310, 344, 355, 432, 483, 633, 634, 637, 639, 643, 651, 652, 653, 655, 658, 663, 665, 667, 668, 670, 671, 672, 674, 675, 676, 679, 680, 681, 682, 684, 686
Коновал І. О. (Воронківський І.; 1875–1925) – чернігівський поет і драматург	643
Кононенко М. С. (1864–1922) – поет, прозаїк, громадівець, службовець Управління Південно-Західної залізниці	296, 298, 669
Кононенко Т. – дружина М. Кононенка, поширювала українську літературу від “Киевской старины”	298
Констанді Л. В. – вчителька однієї з житомирських приватних гімназій, член житомирської “Просвіти”	502
Константин Миколайович (1827–1892) – великий князь, генерал-адмірал, другий син Миколи І; ліберал, прихильник реформ Олександра II	376, 568, 621
Константинов – колезький радник	11
Конторович <i>див.</i> Вовк Ф. К.	
Концевич Г. М. (1863–1937) – композитор, диригент, керівник Військового хору Кубанського козачого війська, професор, репресований і розстріляний	532
Копачевський М. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Кордунян О. С. – член Одеської громади	336
Корейво Б. – київський книгопродавець	244
Кореницький П. (1816–1854) – український письменник, автор сатиричних віршів, памфлетів та байок	244, 246, 654, 664

Корнишин П. Г. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Користинський – художник, малював у Кам'янці-Подільському декорації для вистави “Просвіти”	532
Коровицький – парафіяльний священик	98
Короленко В. Г. (1853–1921) – російський та український письменник, журналіст, публіцист і громадський діяч	327, 347
Корольков – студент Київського університету, член трупи українського хору М. Лисенка	227
Корсун О. О. (1818–1891) – український письменник, поет-романтик і видавець. 1839 р. видав у Харкові збірку “Украинские поверья”	350
Корчак-Новицький М. Т. – власник друкарні у Києві	218, 684
Корчевський Й. – мировий посередник	30
Корчинський В – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	543–545
Корчинський І. М. – учень Вінницької вчительської семінарії, селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	542, 543
Корчинський М. Ф. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	543
Корф М. О. (1834–1883) – український педагог і просвітитель, земський діяч, почесний член Женевської Академії наук і Петербурзького педагогічного товариства та Московського комітету письменності	433, 611, 643
Корш Ф. Є. (1843–1915) – російський і український філолог, сходознавець, славіст, поет, перекладач; академік Петербурзької академії наук (1900), дійсний член Наукового товариства імені Шевченка у Львові, член Копенгагенського філологічного, Угро-фінського товариств, почесний член багатьох університетів	I, 369, 370, 534, 553, 558, 632
Косач Г. А. (1843 – після 1907) – дядько Лесі Українки	637
Косач Л. П. <i>див.</i> Леся Українка	
Косач М. М. – дружина Г. Косача, дядька Лесі Українки, судового пристава при Новоград-Волинському мировому суді	234
Косач О. П. <i>див.</i> Олена Пчілка	
Косач П. А. (1842–1909) – правник, громадський діяч; мировий посередник та голова з'їзду мирових посередників Новоград-Волинського пов. Волинської губ.; чоловік Олени Пчілки, батько Лесі Українки	127, 128, 132, 161
Косач-Кривинюк О. П. (Олеся Зірка, О. З.; 1877–1945) – письменниця, перекладачка, сестра Лесі Українки	264, 671
Косів (Косов) Сильвестр (?–1657) — український письменник і церковний діяч, митрополит Київський, Галицький та всієї Руси	XLI
Коссович С. Г. (1835–1898) – цензор Варшавського і Петербурзького цензурних комітетів	266
Костецький Ц. – благочинний буковинських уніатських церков	250

Костомаров – опричник	122
Костомаров М. І. (Галка Іеремія; 1817–1885) – український та російський історик, мислитель, громадський діяч; організатор Кирило-Мефодіївського братства, професор Петербурзького університету, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1876), почесний член Київського університету	XVI, XIX, XX, XXIII, XXV, XXVII, 7–14, 62, 66, 71, 74, 83, 85, 86, 90–92, 95, 105, 121–124, 149, 150, 174, 197, 220, 280, 327, 347, 350–352, 373, 379, 381, 382, 546, 562, 572, 575, 576, 616, 618, 619, 625, 631, 632, 633, 641, 654, 659, 660, 661, 662, 666, 671
Котляревський І. П. (1769–1838) – український письменник, поет і драматург, основоположник української літератури; громадський діяч	XVI, XXIV, XLIII, 87, 115, 117, 118, 120, 133, 145, 194, 196, 214, 221, 259, 269, 271, 315, 316, 341, 350, 372, 374, 388, 398, 517, 532, 560, 561, 564, 585, 600, 639, 659, 667, 669, 672, 681
Котляров – начальник Уманської повітової поліції	39, 40
Котов К. Є. (1855–1938) – український просвітній діяч, правник, редактор і видавець	657
Коховський В. П. (1835–1891) – український письменник, військовий, педагог	671
Коховський О. П. – автор підручника із зоології, підготовленого до видання 1862 р.	92
Коціпінський А. Г. (1816–1866) – український і польський композитор, етнограф і педагог	673
Коцута М. – волосний старшина	30
Коцюбинський М. М. (1864–1913) – український письменник, громадський діяч, голова “Просвіти” в Чернігові	297, 350, 351, 532–534, 626, 643, 665, 685
Кошиць О. А. (1975–1944) – український хоровий диригент, композитор, етнограф, письменник-мемуарист	660

Коялович М. О. (1828–1891) – російський історик, публіцист, видавець, представник “західно-російської” історичної школи	123
Краєвський А. О. (1810–1889) – російський журналіст, педагог, у 1839–1867 рр. – видавець та редактор журналу “Отечественные записки”	373, 563
Крамаренко – актор трупи М. Кропивницького з 1876 р.	419
Крамаренко (Крамаренчиха) – актриса трупи М. Кропивницького з 1876 р.	419
Красицький Ф. С. (1873–1944) – український художник, графік	421, 685
Красовський А. О. (1822–1886) – військовий і громадський діяч українського походження; за агітаційну діяльність серед солдатів і селян був заарештований і засуджений до смертного покарання, заміненого 12-ма роками каторги	63, 65
Краузе К. – старший фабричний інспектор Полтавської губ.	315, 317
Крашевський Юзеф Ігнацій (1812–1887) – польський письменник, видавець, громадський і політичний діяч	107
Кревецький І. І. (1883–1940) – український історик, бібліотекар, журналіст; дійсний член Наукового товариства імені Шевченка (1907), головний бібліотекар бібліотеки НТШ (1905–1914; 1921–1937); редактор урядової газети ЗУНР “Республіка”	630
Кремянський Я. С. – студент медичного факультету Харківського університету	93, 95, 631
Крилов І. А. (1769–1844) – російський байкар; його твори українською перекладали В. Александров, Л. Глібов, М. Старицький, Павлин Свенціцький та ін.	117, 278, 308, 609
Кримський А. Ю. (1871–1942) – український історик, мовознавець, сходознавець, письменник і перекладач, один із організаторів Української академії наук, вчений секретар УАН/ВУАН (1918–1928)	ЛІІ, 350, 351, 680, 685
Крип’якевич І. П. (1866–1967) – український історик, учень М. Грушевського; академік АН УРСР (1958), професор Львівського (гасмного) українського університету (1921–1924), Львівського університету імені Івана Франка (з 1941 р.), директор Інституту суспільних наук АН України (1953–1962)	662
Кромвель Олівер (1599–1658) – лорд-протектор Англії в 1653–1658 рр.; військовий керівник громадянської війни, прибічник парламентаризму	VII, 365, 400
Кропивницький М. Л. (1840–1910) – основоположник українського театру, драматург і актор	XXXIII, 212, 234, 259, 268, 269, 273, 323, 327, 328, 350, 355, 419, 420, 489, 655, 656, 657, 659, 669, 673, 675, 680
Кропотов О. Є. (1874–1934) – депутат III Державної думи	431
Кротенко Є. – дописувач газети “Світова зірниця”	679

Ксенжепольський – учасник польського Січневого повстання 1863 р.	132
Кудлай О. У. – селянин	25
Кудрицький М. – один із авторів привітання М. Сумцову 1907 р. з нагоди читання ним лекцій у Харківському університеті українською мовою, надісланого від імені студентів-українців з Томського університету	427
Кузьма Мінін (кінець XVI ст. – 1616) – організатор і один з керівників земського ополчення 1611–1612 рр., скликаного для боротьби проти польської і шведської інтервенції	122
Кузьменко П. С. (1831–1874) – український письменник і етнограф	669
Кулаківський Ю. А. (1855–1919) – історик, професор кафедри римської словесності Київського університету, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1906)	L, 348, 408, 621
Кулжинський І. Г. (1803–1884) – український і російський письменник, педагог, літературознавець; у 1860-х роках займав реакційну позицію у справі розвитку української мови та літератури	XVI, 61, 63, 628
Куліш П. О. (Казюка Панько, 1819–1897) – український письменник, фольклорист, етнограф, історик, перекладач, критик, видавець; автор першої фонетичної абетки української мови, що склала основу сучасного правопису; громадський діяч, член Кирило-Мефодіївського братства; разом з І. Пулюєм та І. Нечуєм-Левицьким вперше переклав Біблію українською мовою	XIX, XXI, XXVI, XLIV, XLV, 9–11, 13, 19, 21, 22, 26–32, 35, 51, 52, 54, 55, 92, 93, 95, 105, 109, 120, 174–176, 195, 199, 199, 203, 206, 218, 222, 230, 235, 236, 264, 265, 341, 343, 344, 350, 359, 373, 375, 376, 432, 546, 562, 565, 566, 567, 611, 618, 621, 625, 626, 635, 636, 638, 639, 640, 641, 643, 651, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 663, 665, 667, 668, 671, 672, 674, 675, 677, 679, 682, 683, 684, 685
Кулко – студент Київського університету, член польської громади	227
Кулябко – предводитель Конотопського повітового дворянського зібрання	313, 315

Кулябко-Корецький М. Г. (1846–1931) – публіцист, революціонер-народник, завідуючий статистичним бюро Полтавського губернського земства	268
Кулябко М. М. – начальник Київського охоронного відділення (1907–1911)	438, 450, 453, 459, 460, 472, 474, 476, 645
Кунцевич Йосафат <i>див.</i> Йосафат	
Купернік Л. А. (1845–1905) – київський адвокат і юрист	635
Купрін О. І. (1870–1938) – російський письменник	638
Куракін О. Б. (1759–1829) – князь, державний діяч, генерал-губернатор Малоросії, міністр внутрішніх справ Росії; І. Котляревський присвятив йому “Оду до князя Куракіна”	672
Кутайсов О. П. – граф, державний діяч, волинський губернатор у 1909–1912 рр.	484
Кучерявенко А. Г. – секретар Дубенської повітової земської управи, член житомирської “Просвіти”	502
Кучерявий Д. – сільський староста	30
Кучинська А. П. – член Одеської громади	335
Кучинський – старший понадштатний чиновник з особливих доручень при київському губернаторові в 1886 р.	218
Кучинський А. – громадівець, вчитель гімназії	296
Кучін – знайомий М. Старицького у Петербурзі	161, 162
Кушнер – суддя в Бродах, голова місцевого товариства “Просвіта”	492
Л. – криптонім автора твору “Розумний суддя”	264
Лаврентьев – в. о. правителя канцелярії київського губернатора	165
Лавров П. Л. (1823–1900) – російський соціолог, філософ, публіцист і революціонер	633
Лавров П. Ф. – завідуючий справами газети “Село”	459, 460
Лавровський П. О. (1827–1886) – російський вчений-славіст, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1856), ректор Харківського (1851–1869), Варшавського (1869–1872) університетів, попечитель Одеського навчального округу (1880–1885); автор статті “Обзор замечательных особенностей наречия малорусского сравнительно с великорусским и другими славянскими наречиями” (Журнал Министерства народного просвещения. – 1859. – Ч. 52), в якій доводив самостійність української мови	377, 568
Лазаревський В. М. (1817–1890) – український лексикограф, письменник, перекладач, автор рукопису “Материалы для составления Малороссийско-русского словаря” (кінець 1840-х – початок 1850-х рр.)	ЛП
Лазаревський О. М. (1834–1902) – український історик і генеалог	XV, 187, 188, 626

Лазарук В. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Лазарук І. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губернії	540
Лазов О. О. – цензор Київського цензурного комітету з 1859 р.	XXIII, 72, 79
Ламанський В. І. (1833–1914) – російський філолог, етнограф, історик, академік Петербурзької академії наук (1900)	640
Лаппо-Данилевський О. С. (1863–1919) – історик і філософ, академік Петербурзької академії наук (1905)	553, 558
Лассаль Фердинанд (1825–1864) – німецький політичний діяч, філософ, юрист, економіст	489
Лашкар'єв П. О. (1833–1899) – правник, професор Київської духовної академії та Київського університету; активний учасник Археологічних з'їздів	XXVIII
Лашкар'єв С. С. (1816–1869) – російський громадський діяч, ініціатор і засновник Петербурзького комітету грамотності	627
Лебедєв М. Є. (1828–?) – молодший цензор Петербурзького цензурного комітету	84
Лебединцев П. Г. (1819–1896) – священик, історик, археолог, журналіст; гласний Київської міської думи, законоучитель Білоцерківської гімназії (1851–1860), згодом – протоієрей Софіївського собору, прихильник запровадження української мови в школах; знав Т. Шевченка з дитинства, сприяв зупинці у Києві труни з прахом поета	376, 566
Лебедюк М. – селянський хлопець	29
Лев XIII (1810–1903) – Папа Римський з 1878 р.	636
Левитський – правитель канцелярії херсонського губернатора	213
Левитський М. В. (1859–1934) – український громадський і кооперативний діяч, засновник хліборобських і ремісничих артілей в Україні	299
Левитський О. – парафіяльний священик	39
Левицький І. <i>див.</i> Нечуй-Левицький І. С.	
Левицький М. – співробітник газети “Рада”	456, 492
Левицький О. І. (1842–1922) – архівіст, археограф, етнограф, правознавець, історик школи В. Антоновича, дійсний член УАН (1918), її другий президент (1919–1922); белетрист; член Київської старої громади, один з редакторів часопису “Киевская старина”, гласний Київської міської думи	649
Левін С. – одеський адресат Л. Костанді	470
Левченко – один із власників книгарні в Києві	108
Лемке М. К. (1872–1923) – російський історик журналістики, цензури і революційного руху	LIII, 630
Леонтович В. М. (1866–1933) – український громадсько-політичний діяч, письменник і меценат, за фахом – правник	339, 556, 602, 640, 645

Леопас К. – власник музичного магазину в Петербурзі	277
Лермонтов М. Ю. (1814–1841) – російський поет і прозаїк; його твори перекладали українською мовою В. Александров, В. Мова, С. Руданський, М. Старицький та ін.	117, 205, 217, 221, 240, 434, 609, 654, 660, 681, 683
Леруа-Больйо Анатоль (1842–1912) – французький публіцист, вчений, ліберальний громадський діяч	619
Леслі О. О. – генерал-майор, командир дивізії, який дозволив спектаклі українською мовою у Військовому зібранні 12-го козачого полку в Радзивиліві 1894 р.	261
Леся Українка (Косач-Квітка Л. П.; 1871–1913) – українська письменниця, перекладачка, культурна діячка; активна учасниця українського культурно-національного руху	350, 351, 532, 534, 637, 680
Леус І. К. (1855–?) – депутат III Державної думи	431
Лебедев М. Ф. (1866–?) – священник, депутат III Державної думи	431
Леонтьев – підполковник Харківського губернського жандармського управління	494
Лизогуб – предводитель Чернігівського губернського дворянського зібрання	314
Лиманський В. <i>див.</i> Мова В. С.	
Линниченко І. А. (1857–1926) – історик, ординарний професор Новоросійського університету в Одесі (1898), член-кореспондент Петербурзької академії наук (1900), Краківської академії наук (1901); член Одеської громади	336
Липа І. Л. – лікар, член Одеської громади	336, 685
Липягов С. С. (1867–?) – депутат III Державної думи	431
Лисевич В. В. (1837–1905) – український та російський філософ і письменник; читав курс публічних лекцій 1901 р. у Чернігівській бібліотеці	314
Лисенко А. В. – лікар	161
Лисенко М. В. (1842–1912) – композитор, основоположник української національної музики; український громадський діяч, член Київської старої громади	XVII, XX, 113, 171–173, 175, 193, 194, 210–212, 217, 223, 226–228, 281, 294, 296, 317, 381, 474, 475, 532, 574, 575, 619, 620, 628, 632, 635, 636, 638, 643, 644, 645, 655, 659, 660, 661, 663, 667, 670, 671, 673, 678, 682

Лисенко О. (уроджена Вуїч) – дружина А. Лисенка	161
Литвиненко Ф. – ілюстратор журналу “Молода Україна”	667
Лишин М. А. (1843–1905) – інженер, з 1874 р. товариш секретаря Одеського відділення Російського технічного товариства	335
Ліндфорс <i>див.</i> Русова С. Ф.	
Лінкольн Абрагам (1809–1865), американський державний діяч, 16-й президент США, який звільнив американських рабів і став національним героєм	273, 275, 288
Лінц – німецький філософ і правник, автор праці з філософії права	162
Ліпська О. – квартирантка родини М. Старицького	161
Лобанов-Ростовський О. Б. (1824–1896) – князь, державний діяч, товариш міністра внутрішніх справ в 1867–1878 рр.	140, 144
Лобко – поручик у відставці	28
Лобко – дружина титулярного радника з Києва	28
Лобода А. М. (1871–1931), – фольклорист, літературознавець, етнограф, академік ВУАН (1922), член-кореспондент Російської академії наук (1924), дійсний член Наукового товариства імені Шевченка (1924)	367
Лобода В. В. (1823–1876) – полтавський громадський діяч; за участь в українському русі був заарештований і засланий до Пермської губернії; 1868 р. звільнений без права повернення в Україну	XX, 33, 36
Лободовський М. Ф. – письменник, педагог, вчителював на Катеринослащині, звільнений за українофільство, емігрував до Женеви, де був складачем у друкарні М. Драгоманова; переклав українською “Святе Письмо”, “Тараса Бульбу”; видавець часопису “Порада” в Харкові	110, 126–128, 132
Лозинський – службовець шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Лозинський В. У. (1855–1914) – український видавець і громадський діяч; за фахом лісничий	685
Ломоносов М. В. (1711–1765) – російський вчений-природознавець	5, 385, 581
Лоначевський-Петруняк О. І. (1841–?) – український фольклорист, інспектор Олександрівської ремісничої школи у Києві; очолював комісію Київської старої громади з укладання словника української мови	163
Лонгфелло Генрі Уодсворт (1807–1882) – американський поет	205, 687
Лопухін С. О. – прокурор Київської судової палати	313
Лор’є Вільфред (1841–1919) – державний діяч, лідер Ліберальної партії (з 1887 р.), сьомий Прем’єр-міністр Канади (1896–1911)	648
Лорис-Меліков М. Т. (1830–1897) – державний діяч, міністр внутрішніх справ (1880–1881)	171, 193, 419
Лотоцька Н. М. – видавчиня журналу “Украинская жизнь”	642

Лотоцький О. Г. (1870–1939) – український історик церкви, громадський діяч, організатор та ініціатор заходів у державних установах Петербурга щодо скасування Емського указу	XXXIII, LIII–LV, 296, 298, 520, 523, 524, 556, 639, 640
Лубенець Т. Г. (Хуторний Т.; 1859–1936) – український педагог, діяч народної школи, директор народних училищ Київського навчального округу в 1902–1913 рр., автор бл. 30 підручників	423, 425, 643, 663, 685
Лузанов – учитель Чернігівської губернської гімназії в 1850-х рр.	15
Лукашевич К. – завідуючий школою для підготовки сільських вчителів, українофіл	517
Лукашевич П. А. (1809—1888) – український та російський етнограф, лінгвіст-аматор, один із перших збирачів народних пісень	XLV, LII
Лукич-Левицький В. Л. (1856–938) – український письменник і громадський діяч, видавець, літературознавець, почесний член товариства “Просвіта” (1925), дійсний член Наукового Товариства імені Шевченка (1926)	661
Лунін О. Л. (1867–1929) – депутат III Державної думи	431
Луценко – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання часопису “Новини”	344, 670
Луценко І. М. – лікар, член Одеської громади	336, 489
Лучицький І. В. (1845–1918) – український історик-медієвіст, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1908); член Київської старої громади; депутат III Державної думи від Києва. 10 листопада 1910 р. виступив з промовою на підтримку права українців на шкільну освіту українською мовою	XXXVI, 325, 431, 474, 638, 644, 645
Ляхоцький А. М. (Кузьма; 1853–1918) – український громадсько-культурний діяч еміграції, видавець. 1905 і 1915 обирався головою “Української громади” в Женеві, заснованої М. Драгомановим	656
Ляшук А. – селянський хлопчик	52
Львов О. Ф. (1798–1870) – російський скрипаль, диригент	648
Льоннрот Елліас (1802–1884) – фінський лінгвіст, фольклорист, дослідник і укладач карело-фінського епосу “Калевала”	IX
М. С. див. Соловйов М. П.	
Магер – один з керівників польської громади серед студентів Київського університету	57
Мазепа Іван (1639–1707) – український державний і військовий діяч, дипломат, гетьман Української козацької держави (1687–1709)	XXV, 119, 129, 305, 497
Мазур – службовець шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Мазуренко М. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540

Мазурова Р. У. – мати А. Крагельської, нареченої М. Костомарова	10
Майков А. А. (1866–1917) – російський художник, один з засновників “Союза русского народа”	649
Макарій III Займ Антіохійський (?–1672) – патріарх в 1647–1672 рр.; подорожував з Дамаска до Московського царства; протягом 1654–1656 рр. двічі побував в Україні; зустрічався з гетьманом Богданом Хмельницьким. Його син Павло Алеппський – автор твору “Подорож Патріарха Макарія”, що містить цінний матеріал про тогочасне політичне становище України, культуру, звичаї і побут українського народу в середині XVII ст.	332, 431, 638 643
Маклаков В. В. (1869–1957) – політичний і державний діяч, депутат II, III і IV Державних дум; адвокат	431
Маклаков М. О. (1871–1918) – державний діяч, міністр внутрішніх справ (1912–1915)	541
Маковей О. С. (1867–1925) – український поет, прозаїк, публіцист, критик, літературознавець, перекладач; редактор періодичних видань, педагог та громадсько-політичний діяч	653, 665, 685
Максим Горький (Пешков О. М.; 1868–1936) – російський письменник, публіцист, драматург	648
Максимейко М. О. (1870–1941) – український історик права, професор Харківського університету, дослідник “Руської правди”	349, 350
Максимович – псаломщик в с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	545
Максимович А. – актор трупи М. Кропивницького	419
Максимович М. О. (1804–1873) – вчений-енциклопедист, перший ректор Київського університету, історик, ботанік, етнограф, філолог; видрукував три збірки українських народних пісень (1827, 1834, 1849)	XVI–XVIII, XLV, LII, 372, 373, 388, 396, 561, 562, 586, 596, 641, 676
Малашенко М. – студент Київського університету, учасник перепоховання праху Т. Шевченка у Каневі	24
Малицька К. І. (К. М., 1872–1945) – українська письменниця, педагог, діячка культурно-освітніх товариств у Галичині; літературні псевдоніми – Віра Лебедева, Чайка Дністрова	669
Малицький – капітан Київського губернського жандармського управління	200, 202
Малич І. – редактор ілюстрованого тижневика “Село”, що видавався у Києві в 1909–1911 рр. за редакцією М. Грушевського	679
Мальований В. Г. (1848–1893) – член Одеської громади	200
Мальований Т. – студент медичного факультету Київського університету, поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина”	297
Мальцев – протоієрей сл. Александровка побл. Берліна	359
Мальчевський Антоній (1793–1826) – польський поет-романтик, представник української школи в польській літературі	377, 569

Мандровський Б. С. – член Київської судової палати	476, 479
Манжура І. І. (Манджура І. І., Мара Ів.; 1851–1893) – український поет, етнограф, автор рукописів, заборонених 1893 р. до друку, зокрема: “Лиха година”, “Над Дніпром: думи та співи”, “Тремсин-Богатир” та ін.	217, 252, 253, 654, 662, 665, 668, 674, 677, 680, 681, 682
Мансфельд Д. А. (1851–1909) – російський драматург	259
Манько Л. Я. (1863–1922) – український актор, автор кількох п’єс	259
Мара Ів. <i>див.</i> Манжура І. І.	
Маринчук І. Д. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	542
Маріуполець – автор книги “Як живе тіло людське”, яку чотири рази цензура забороняла друкувати	356
Маркевич Г. І. (1849–1923) – український літератор і фольклорист, книговидавець, культурно-освітній і громадський діяч	677
Марко Вовчок (Вілінська М. О.; 1833–1907) – українська письменниця, дружина О. Марковича	XLIV, 31, 145, 341, 373, 375, 562, 565, 640, 653, 673, 677, 684
Марко Черемшина (Семанюк І.; 1874–1927) – український письменник і громадський діяч; адвокат, доктор права	653
Марков Д. А. (1864–1938) – карпато-руський громадський діяч, лідер староруської партії	447
Марков О. А. (1849–1909) – український журналіст з Галичини москвофільської орієнтації; головний редактор часописів “Пролом”, “Червоная Русь”, “Галичанин” та ін.	685
Маркович А. М. (1830–1907) – державний діяч, сенатор, правник, голова Петербурзької судової палати, дійсний статський радник, статс-секретар; за його ініціативою створено 20 відділень музичного товариства, зокрема в Харкові, Києві, Одесі; разом з А. Рубінштейном був засновником Петербурзької консерваторії	520–522, 562
Маркович Д. В. – мировий суддя у відставці, член житомирської “Просвіти”	496, 502
Маркович О. В. (1822–1867) – український фольклорист, народознавець, етнограф, громадський діяч	373, 626, 641
Марковський – адвокат у Києві	160
Маркс Карл (1818–1883) – німецький філософ, економіст, журналіст	232, 639, 672
Маров О. І. (1862–?) – депутат III Державної думи	431
Масалітінов – підполковник Корпусу жандармів в Чернігівській губ.	319, 320
Маслов С. І. (1880–1957) – український літературознавець, книгознавець, історик літератури і педагог	660
Масюкевич В. – голова бібліотечної комісії житомирської “Просвіти”	495, 496, 502
Матвієнко Г. І. – козак с. Красилівка Остерського пов. Чернігівської губ., зберігав закордонне видання “Кобзаря” Т. Шевченка та рукописні копії його творів для розповсюдження	320

Матковський – економ на цукровому заводі купців Яхненка і Смиренька	25
Матушевський Ф. П. (1869–1919) – громадський діяч, член Центральної Ради, публіцист і літератор, посол УНР в Греції	296, 638, 639, 644
Мацкевич – канівський протоієрей	24, 626
Медведев С. (1641–1691) – російський громадський діяч, поет, просвітитель	371, 559
Мезенцев М. В. (1827–1878) – державний діяч, начальник штабу корпусу жандармів (1864), начальник Третього відділення власної і. і. в. канцелярії в 1876 р.	XXIV, 97
Мезенцев О. В. – начальник Волинського губернського жандармського управління	540
Мейснер – сенатор, старший голова Київської судової палати	476, 479
Меланик Г. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Мельник А. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Мельник М. О. – статський радник, волинський губернатор (1912–1915)	495
Мельниковські – брати, службовці на заводі Старицьких	161
Мельниченко – член “Просвіти” в Одесі	489
Менглі-Гірей I (1445–1515) – кримський хан, ініціював союз з Великим князівством Московським, спрямований проти Золотої Орди та Великого князівства Литовського; захопив Київ (1482)	148
Менчиць В. А. (1837–1916) – український фольклорист	54
Метлинський А. Л. (Могила А.; 1814–1870) – український поет і етнограф, фольклорист, перекладач; професор Харківського (1848–1849) та Київського (1849–1854) університетів; видрукував збірку українських пісень “Народные южно-русские песни” (К., 1854)	XLV, 264, 265, 350, 351, 372, 373, 561, 562, 635, 655, 657, 658, 661, 677
Меттерніх Клемент Вензель фон (1773–1859) – німецький та австрійський політичний діяч, дипломат, міністр; очолив переговори до і під час Віденського конгресу (1814–1815)	457
Мефодій (Михаїл; бл. 815–885) – слов’янський просвітитель, разом із братом Кирилом був творцем слов’янської азбуки	7, 11, 68, 122, 356, 657
Мещерський В. П. (1839–1914) – російський письменник, публіцист, видавець-редактор	641
Мерославський Людвік (1814–1878) – польський політичний діяч, генерал, учасник Листопадового повстання 1830 р. та Січневого повстання 1863 р.; під час останнього був проголошений диктатором	446

Микешин М. Й. (1835–1896) – російський художник і скульптор; автор пам’ятника Богданові Хмельницькому у Києві; ілюстрував “Кобзар”, створив скульптурні портрети Т. Шевченка; домігся створення Товариства імені Шевченка для допомоги петербурзьким студентам – вихідцям з України	144, 634
Микола I (1796–1855) – російський імператор з 14 грудня 1825 р.	119, 138, 280, 521
Микола II (1868–1918) – російський імператор в 1894–1917 рр.	XXXII, 325, 417, 621, 642
<i>Миколенко В. М.</i>	LX
Милорадович Є. І. (уроджена Скоропадська; 1832–1890) – графиня, громадська діячка, меценатка; внесла 9 тис. гульденів на заснування у Львові Наукового товариства імені Шевченка	93, 95
Милорадович Г. О. – граф, предводитель Чернігівського губернського дворянського зібрання в 1896 р.	314
Мирний – громадівець, чиновник Контрольної палати у Києві	296
Мировець В. <i>див.</i> Дурдуківський В. Ф.	
Мирославський-Винников К. П. – український драматург, артист і антрепренер, автор історичних драм “Мазепа” (за поемою О. Пушкіна “Полтава”), “Гайдамаки”, “Тегьманці”, “Козаче серце”; комедії “Веселі полтавці”, одноактних водевілів та жартів	654
Миславський Самуїл (1731–1796) – церковний діяч, проповідник; митрополит Київський, Галицький і всієї Малої Росії; ректор Київської академії, архієпископ Ростовський і Ярославський; історик	371, 560
Мисюрович – просвітянин, рахівник шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Мисянюк З. – селянський хлопчик	52
Михайлов – московський видавець лубочних видань, зокрема й українською мовою	269
Михайлов М. І. (1829–1865) – російський поет і політичний діяч; 1861 р. виїхав до Лондона, де видав прокламацію “К молодому поколенню”; після повернення до Росії був заарештований і засланий на каторжні роботи до Сибіру	93
Михайлов П. – свідок у справі О. Коваленка	477
Михайловський М. К. (1842–1904) – російський публіцист, соціолог, літературний критик, теоретик народництва	546
Михалевич – лікар	163, 164
Михальчук – службовець пивоварного заводу	294
Михальчук В. П. – молодший брат К. Михальчука	30
Михальчук К. П. (1840–1914) – український мовознавець і етнограф, член Київської старої громади; автор карти українських говорів	XXVIII, XXIX, 30–32, 635, 660
Михальчукова – дружина купця 2-ї гільдії, мати К. Михальчука	30
Міллер В. Ф. (1848–1913) – російський філолог, фольклорист	231

<i>Міллер О. І.</i>	XXII, XXIX, LIII, 630, 632, 633
Міллер О. Ф. (1833–1889) – російський історик літератури	XXVII, 109
Мілюков П. М. (1859–1943) – державний і політичний діяч, історик і публіцист; лідер конституційно-демократичної партії; міністр іноземних справ Тимчасового уряду в 1917 р.	XXXVI, 644
Мілютин Д. О. (1816–1912) – державний і військовий діяч, генерал-фельдмаршал	613
Мінатов – власник друкарні у Києві	65
Мінін <i>див.</i> Кузьма Мінін	
Мінченки – брати, поширювали українську літературу від книгарні “Киевская старина”	297
Міткевич Яків – калузький єпископ	377, 569, 615
Міхневич Й. Г. (1809–1885) – професор філософії Рішельєвського ліцею в Одесі, помічник попечителя Київського і Варшавського навчальних округів	23
Міхневич Л. Л. – член Одеської громади	336
Міхновський М. І. (1873–1924) – український політичний і громадський діяч, правник, автор праці “Самостійна Україна”, один з організаторів РУП. Засновник та редактор часописів: “Самостійна Україна”, “Хлібороб”, “Слобожанщина”, “Сніп” та ін.	297, 317, 426, 451, 493, 675, 685
Міцкевич Адам (1798–1855) – польський поет, засновник польського романтизму, діяч національно-визвольного руху	609, 625, 629, 667
Міщенко Ф. Г. (1848–1906) – український дослідник античності, філолог-перекладач, доктор грецької словесності Київського і Казанського університетів. Автор перекладу “Географії” Страбона. Член-кореспондент Петербурзької академії наук (1895)	XXVIII, 182
Міяковський В. В. (1888–1972) – український літературознавець, історик-архівіст	632
Мова В. С. (Лиманський В.; 1842–1891) – український (кубанський) письменник, поет, драматург, вперше виступив 1861 р. в журналі “Основа”	149, 670, 682
Могила А. <i>див.</i> Метлинський А.	
Могила Петро (1596–1647) – український церковний і культурно-освітній діяч, богослов, митрополит Київський, Галицький і всієї Руси з 1633 р., екзарх Константинопольського патріарха	XLI
Могилянський М. М. (1873–1942) – український літературознавець, публіцист, письменник; походив з Кубані; студентом був пов’язаний з Чернігівською громадою	314, 638
Молодченко Андрій – фіктивне прізвище, псевдонім, за яким було видано збірку віршів і оповідань українською мовою “Веселка” (Львів, 1887); матеріали збірки укладено студентською громадою в Києві під керівництвом І. Франка	301, 654
Молчанов О. М. (1847–?) – юрист, адвокат, літератор; редактор “Киевского телеграфа”, кореспондент “Нового времени”	125, 131

Молчановська – домогосподарка	298
Моль Роберт фон (1799–1877) – німецький юрист, державознавець	635
Мольєр Жан Батист (1622–1673) – французький комедіограф, актор	322, 638, 687
Мольтке Гельмут Карл Бернхард фон (Старший; 1800–1891) – граф, німецький генерал-фельдмаршал (1871), військовий теоретик; начальник Генерального штабу (1858–1888), один з ідеологів німецького милітаризму	489
Моляр О. – рядовий у відставці	39, 40
Морачевський П. С. (1806–1879) – український педагог і перекладач, інспектор Ніжинського ліцею кн. Безбородька; автор перекладу Євангелія українською літературною мовою (1861), видрукуваного 1906, 1914 та 1917 рр., згодом перевиданого у Канаді (1948) та США (1966)	XXII, XLVII, L, 72, 92, 343, 359, 377, 378, 392, 568, 569, 591, 614, 615, 628
Мордовець (Мордовцев) Д. Л. (1830–1905) – український і російський письменник та історик	31, 149, 234, 265, 350, 3745, 399, 556, 565, 602, 640, 657, 666, 671, 680, 681
Морковін В. В. – член Одеської громади, співробітник журналу “Южные записки”	336
Морозов Б. І. (1590–1661) – боярин, влаштував перший театр в Москві за царювання Софії Олексіївни	322
Морозов М. О. (1854–1946) – російський революціонер-народник, учасник замаху на Олександра II	183
Мочульський М. (1875–1940) – український правник, літературознавець, перекладач, етнограф; досліджував творчість Т. Шевченка, І. Франка, І. Манжури	356
Музиченко Є. Ю. – член Одеської громади	335
Музиченков О. Ф. – член Одеської громади	336
Мукалов М. – член правління Літературно-артистичного товариства в Києві	317
Мукосій – літературний герой	303
Мулевич – столоначальник	54
Муравйов М. М. (1796–1866) – державний діяч, гродненський, мінський і віленський генерал-губернатор в 1863–1865 рр.	IX
Муравська Н. В. – член Одеської громади	336
Мурашко М. І. (1844–1909) – український художник, педагог	638
Мурзина О. В. – член Одеської громади	336
Муркен – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання сільськогосподарського часопису “Хлібороб”	344, 684
Муркос Г. А. (1846–1911) – арабо-сирійський церковний діяч, орієнталіст; перекладач з арабської “Путешествия Антиохийского патриарха Макария”, видрукуваного у “Чтениях в Обществе истории и древностей российских” (1896–1900)	643

Мусін-Пушкін В. О. – граф, предводитель Сосницького повітового дворянського зібрання	313
Мусоргський М. П. (1839–1881) – російський композитор	212
Муханов М. О. (1802–1871) – державний діяч, товариш міністра народної освіти в 1858–1861 рр., з 1859 р. – член Комітету у справах друку, з 1860 р. – член Головного управління цензури	17
Муханов О. О. – предводитель Чернігівського губернського дворянства; 1903 р. виніс на обговорення в губернському дворянському зібранні питання про запровадження викладання українською мовою в школах губернії	313–315
Муханов О. С. (1835–1877) – подільський губернатор (1873–1877)	155
Навроцький О. О. (1823–1892) – український громадський і культурний діяч, поет і перекладач; член Кирило-Мефодіївського братства	8, 10, 373, 562, 662
Назаревський С. – в. о. правителя справ канцелярії Головного управління у справах друку	188, 229, 230
Назаренко І. – старший помічник Миколаївської міської поліції	146
Назарук О. Т. (1883–1940) – український громадський і політичний діяч, письменник, журналіст, член урядів УНР та ЗУНР	499, 501, 686
Наливайко Семерій (Северин) (1560–1597) – один з керівників козацтва під час козацьких війн у Речі Посполитій кінця XVI ст., зокрема повстання 1594–1596 рр.	63
Наум Шрам <i>див.</i> Воробкевич Г. І.	
Науменко В. П. (1852–1919) – український громадський діяч; письменник, педагог, редактор “Киевской старины”, вчитель підготовчих класів 2-ї київської гімназії	XIX, XXVIII, XXXIII, 151, 152, 154, 156, 276, 294–296, 337, 345, 346, 399, 556, 640
Науменко І. О. – артист у трупі М. Кропивницького	259
Наумов П. – ілюстратор київського сатиричного журналу “Шершень”	685
Наумович І. Г. (1826–1891) – український громадський, політичний і релігійний діяч, лідер москвофілів у Галичині	233, 410
Невірний (Невіруючий) Фома <i>див.</i> Фома Невірний	
Неговський – родич В. Мальованого	200
Негрич Іван – учитель, перший редактор найстаршого в Канаді українськомовного часопису “Канадійський фермер”	648
Нейолов М. М. (1872–?) – депутат III Державної думи	431
Некрашевич І. Г. (бл. 1742 – після 1796) – поет і проповідник; навчався у Києво-Могилянській академії; з 1796 р. – намісник митрополита Київського	383, 577
Нелідов О. І. (1835–1910) – російський дипломат, неодноразово виконував особливі та таємні доручення верховної влади, посол в Константинополі	323

Неплюев М. І. (1825–1890) – чернігівський губернський предводитель дворянства (1872–1890)	196
Непокуйчицький – знайомий К. Михальчука	32
Нестурх Ф. П. (1857–1936) – міський архітектор Одеси, художник, педагог, громадський діяч, член Одеської громади	336
Нечай І. (?–1651) – український шляхтич, брацлавський полковник, один з найближчих сподвижників Богдана Хмельницького	223, 661, 673
Нечуй-Левицький І. С. (Левицький І.; 1838–1918) – громадський діяч, письменник, автор популярних історичних, етнографічних, літературних творів, перекладач	XXIII, XLIV, 187, 195, 205, 221, 222, 224, 233, 207, 322, 325, 343, 344, 350, 621, 638
Никон (Бессонов М. М.; 1868–1919) – церковний і державний діяч; перший вікарій Волинської єпархії, депутат IV Державної думи; директор департаменту шкільництва при Міністерство освіти Генерального Секретаріату	XXXVI
Никитенко О. В. (1804?–1877) – російський історик літератури, мемуарист, критик; цензор; професор Петербурзького університету	29, 456, 614, 641
Ніколай (Касаткін І. Д.; 1836–1912) – архієпископ Японський	359
Ніколаєв В. М. (1847–1911) – український архітектор російського походження, педагог, громадський діяч; голова правління Літературно-артистичного товариства у Києві	317, 638
Ніколайчук С. – учениця церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Ніколаї О. П. (1821–1899) – державний діяч, барон, камергер двора й. і. в., попечитель Київського навчального округу з 1861 р., член Державної ради з 1875, міністр народної освіти у 1881–1882 рр.	26
Нікольський А. – інспектор друкарень і книжкової торгівлі у Києві, член Київського тимчасового комітету у справах друку в 1906–1910 рр.	460, 645
Нікольський О. І. (1860–1933) – депутат III Державної думи	
Ніс С. Д. (1829–1900) – український фольклорист, етнограф, лікар, громадський діяч	86, 88, 125, 130, 132, 250, 626, 633
Ніщинський П. І. (1832–1896) – український композитор, поет-перекладач	342, 651, 662, 670
Новиков І. П. – помічник попечителя Київського навчального округу	151, 159
Новиков М. І. (1744–1818) – російський журналіст, видавець, громадський діяч	522
Новицький В. Д. (1837–1907) – генерал-майор, начальник Київського губернського жандармського управління (1878–1902)	162, 203, 228, 230, 235, 242, 243, 296

Новицький О. М. (1806–1884) – професор філософії Київського університету, з 1850 р. служив цензором в Київському цензурному комітеті, автор праці “Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием язычницкой религии” (1860–1862)	16, 26, 72, 73, 630
Ножина О. – автор романсу “Вечір тихий”	277
Номис М. <i>див.</i> Симонов М. Т.	
Нордштейн С. О. – товариш київського прокурора, головуєчий у Київській судовій палаті	160, 162, 427, 430
Норов А. С. (1795–1869) – державний діяч; міністр народної освіти (1853–1858)	15
О. З. – криптонім Косач-Кривинюк О. П.	
Овідій (Публій Овідій Назон; 43 до н. е. – 17 н. е.) – останній з поетів “золотої доби” римської літератури	355
Овсянко-Куликовський Д. М. (1853–1920) – російський та український літературознавець і лінгвіст, почесний член Петербурзької академії наук (1907), Російської академії наук (1917)	349
Огарьов М. П. (1813–1877) – російський поет, публіцист, революційний діяч	636
Огоновський О. М. (1833–1894) – український громадський діяч, філолог, доктор філософії (1865), член-кореспондент Польської академії наук (1881)	107, 402, 445, 662
Околита П. – селянин с. Чуків Брацлавського пов. Подільської губ., виборщик до всіх чотирьох Державних дум, “переконаний українець”	517
Олександр I (1777–1825) – російський імператор з 12 березня 1801 р.	VII, XIII, 119, 640
Олександр II (Олександр-Визволитель; 1818–1881) – російський імператор з 18 лютого 1855 р.	XIV, XXVI, XXIX, XXXI, 119, 298, 380, 388, 572, 585, 611, 613, 615, 618, 619, 632, 633, 635
Олександр III (1845–1894) – російський імператор з 1 березня 1881 р.	327, 355, 381, 575, 620
Олексій Михайлович (1629–1676) – другий московський цар з династії Романових (1645–1676); батько Петра I	122
Олена Пчілка (Косач О. П.; 1849–1930) – українська громадська і культурна діячка, письменниця, драматург, публіцистка, перекладачка, етнограф, член-кореспондент ВУАН (1925); мати Лесі Українки, сестра М. Драгоманова	127, 206, 217, 234, 296, 326, 337, 345, 346, 453, 635, 659, 664, 667, 668, 676, 677, 679, 683
Олеся Зірка <i>див.</i> Косач-Кривинюк О. П.	
Олесь О. (Кандиба О. І.; 1878–1944) – український поет і драматург	453, 673

Олівер Франк (1853–1933) – політик, журналіст; міністр внутрішніх справ Канади (1905–1911) в ліберальному уряді Вільфреда Лор’є. Засновник першого в Канаді українськомовного часопису “Канадійський фермер”	648
Оліферов В. Г. – наставник Глухівського вчительського інституту	158
Ольденбург С. Ф. (1863–1934) – сходознавець, академік Петербурзької академії наук (1900), академік АН СРСР (1925)	LI, 369, 370, 553, 558
<i>Омельчук В. Ю.</i>	LX
Опанас – літературний герой	302, 303
Опатович С. І. (1832–1892) – протоієрей, закінчив Кременецьку духовну семінарію, навчався в Петербурзькій духовній академії; підготував українською мовою підручники з Старого і Нового Заповіту	XLVII, 92, 392, 591, 671
Опатовський М. С. – секретар Київського цензурного комітету	456, 645
Орел М. Г. (сценічне ім’я Степняк) – службовець Полтавського відділення Державного банку, заступник голови музично-драматичного гуртка, який на ювілейному вечорі Т. Шевченка в міському театрі Полтави декламував вірші поета	529
<i>Орел Ю. В.</i>	LX
Орися – літературна героїня	305, 306
Орлик Пилип (1672–1742) – український військовий, політичний і державний діяч. Гетьман Війська Запорозького у вигнанні (1710–1742); один з укладачів “Договорів і постанов прав і вольностей військових...” (т. зв. Конституції Пилипа Орлика) – визначної пам’ятки української політико-правової думки раннього нового часу (1710)	497
Орлов О. Ф. (1787–1862) – державний діяч, начальник III відділення власної й. і. в. канцелярії і шеф жандармів (1845–1856)	625
Основ’яненко <i>див.</i> Квітка-Основ’яненко Г. Ф.	
Островський – топограф	39, 40
Островський М. М. (1827–1901) – державний діяч; статс-секретар з 1876 р., міністр державних маєтностей в 1881–1893 рр.; голова Департаменту законів Державної ради в 1893–1899 рр.; брат драматурга О. Островського	190, 382, 575, 605
Островський О. М. (1823–1886) – російський драматург, п’єси якого користувалися популярністю на українській сцені; виявляв пильний інтерес до українського театру; переклав російською мовою комедії Г. Квітки-Основ’яненка	259, 489
Острогорський О. М. (1840–1917) – російський педагог, публіцист; видавець зібрання творів К. Д. Ушинського (1908)	643
Оуен (Овен) Роберт (1771–1858) – англійський соціаліст-утопіст	162
П. 3. Р-ой – криптонім М. Грінченко	
Павлик М. І. (1853–1915) – український громадсько-політичний діяч, публіцист і письменник; 1878–1879 рр. видавав у Львові журнал	183, 254, 652, 656, 658, 668, 682

- “Громадський друг”, альманахи “Дзвін” та “Молот” (разом з І. Франком), 1879–1882 рр. у Женеві журнал “Громада” (разом із М. Драгомановим і С. Подолинським); співзасновник УРП, редактор її органів – часописів “Народ”, “Хлібороб”, “Громадський Голос”; з 1914 р. заступник голови Головної української ради у Львові
- Павло I (1754–1801) – російський імператор з 6 листопада 1796 р. 119
- Павлов П. В. (1823–1895) – історик і громадський діяч, професор російської історії Київського університету в 1847–1859 та 1875–1885 рр., куратор недільних шкіл Києва 376, 567
- Павловський А. А. – помічник секретаря Київської судової палати 427
- Павловський О. П. (1773–після 1822) – український мовознавець, автор першої друкованої граматики живої народної мови (“Грамматика малороссийского наречия”, 1818) XLVI, LII
- Павловський Ф. – дворянин 30, 31
- Павловський Ю. А. (1872–1956) – український просвітянин, лікар за фахом; один з ініціаторів видання ілюстрованого журналу “Дніпрові хвили” 657
- Павлуцький Г. Г. (1861–1924) – український історик мистецтва, доктор теорії та історії мистецтв, заслужений ординарний професор Київського університету 367
- Павлуша Т. П.* LX
- Павлюк (Бут) Павло (?–1638) – гетьман нересстрогого козацтва, керівник національно-визвольного повстання 1636 р. в Україні 63
- Павсаній (Павзаній) – давньогрецький письменник, мандрівник і географ II ст., автор праці “Опис Еллади” 636
- Падалка Л. В. (1859–1927) – український історик, археолог, статистик, етнограф, краєзнавець; громадський діяч; член Полтавської громади; один із засновників губернського осередку Товариства українських поступовців, Українського наукового товариства дослідження й охорони пам’яток старовини та мистецтва на Полтавщині 297
- Падурра Тимко (1801–1871) – польський та український письменник, політичний діяч, композитор, торбаніст; писав українські твори латинкою, популяризував козацьчину, український фольклор і музику XIX, 105, 107, 377, 569
- Пасвський О. Ф. – професор ліцею кн. Безбородька у Ніжині 94, 631
- Палацький Франтішек (1798–1876) – чеський історик і політичний діяч 639
- Паливода-Карпенко С. Д. – український співак, актор і драматург 679
- Палій Семен (Гурко С. П.; 1640–1710) – державний і військовий діяч, полковник Фастівського охочекомонного (1684–1702) і Білоцерківського (1702–1704; 1709–1710) полків Української козацької держави 148, 305

Панас Мирний (Рудченко П. Я.; 1849–1920) – український прозаїк та драматург	XLIV, 184, 203, 204, 208, 220, 234, 300, 344, 350, 355, 636, 651, 652, 658, 662, 663, 664, 665, 667, 673, 677, 679, 682, 684, 686
Панасюк Г. – селянський хлопець	29
Панкєєв М. М. (1857–?) – депутат III і IV Державних дум	431
Пантелєєв Н. – в. о. секретаря Ради Головного управління у справах друку	237, 241, 246
<i>Панова М. А.</i>	LX
Паньківський Кость (1855–1915) – український громадський діяч, журналіст і видавець, член-засновник Наукового товариства імені Шевченка	672
Парков – діловод шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Партицький Омелян (1840–1895) – український вчений-мовознавець, етнограф, історик, педагог, громадський діяч	661, 672
Пашенко-Розвадовський К. В. – товариш прокурора Київської судової палати	501
Пелєх І. М. (1859–1924) – український видавець і журналіст москвофільської орієнтації	685
Пергамент О. Я. (1868–1909) – депутат II і III Державних дум	431
Перебендя – літературний герой	302, 303
Перетц В. М. (1870–1935) – російський філолог, історик літератури; автор праць з джерелознавства, текстології, палеографії, фольклористики та історії театру; академік Петербурзької академії наук (1914), УАН (1919), АН СРСР (1925)	367, 456, 645, 660
Пермінов В. В. – професор Київського політехнічного інституту, організував у Києві вищі технічні курси (1910–1912)	527
Песталоцці Йоганн Генріх (1746–1827) – швейцарський педагог	338
Петерс Е. Н. – член Київської судової палати	476, 479
Переверзєв – начальник Подільського губернського жандармського управління	539, 542
Переверзєва А. – актриса трупи М. Кропивницького	419
Переходовець О. <i>див.</i> Кониський О. Я.	XLII
Петлюра С. В. (1879–1926) – український політичний і державний діяч, публіцист, літературний і театральний критик; організатор українських збройних сил	638, 648

Петрашевський М. В. (Бугашевич-Петрашевський; 1821–1866) – російський революціонер, прихильник утопічного соціалізму	374, 564
Петро I (Петро Великий, 1672–1725) – російський цар з 1682 р., імператор з 1721 р.	5, 9, 119, 148, 322, 371, 386, 387, 521, 556, 560, 580, 581, 582
Петров – заступник правителя канцелярії Головного управління у справах друку	237
Петров М. І. (1840–1921) – український історик літератури і науки, етнограф	XXVIII
Петровська – працівниця шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Петровський – службовець шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Петрук Т. – селянський хлопчик	52
Петрункевич І. І. (1843–1928) – російський земський діяч, юрист, чернігівський земський гласний, організатор нелегальних земських з’їздів 1870-х рр.; у 1904–1905 рр. голова “Союза освобождения”, один з лідерів кадетів, редактор газети “Речь”, депутат I Державної думи	175
Петрушевич А. С. (1821–1913) – український історик, філолог; священник Української Греко-Католицької Церкви; москвофіл	626
Пешков М. М. (1857 – після 1917) – генерал-лейтенант, харківський губернатор з лютого 1906 по жовтень 1908 рр., член Головної ради “Союзу русского народа” і його голова у 1910–1912 рр.	426
Пилецький – ревізор торгівлі спиртними напоями	25
Пильчиков Д. П. (1821–1893) – український письменник і педагог; викладач історії в Полтавському кадетському корпусі, член Кирило-Мефодіївського братства, організатор недільних шкіл, член Полтавської громади	XX
Пильчиков М. Д. (1857–1908) – фізик, професор Новоросійського університету (1894–1902) та Харківського технологічного інституту (1902–1908), першовідкривач в галузі радіозв’язку, створив першу радіостанцію в Харкові; виснажений боротьбою з чорносотенцями, зокрема в інституті, покінчив життя самогубством	675
Пирогов М. І. (1810–1881) – російський і український хірург, анатом і педагог. Засновник оперативної хірургії та топографічної анатомії, військово-польової хірургії; член-кореспондент Петербурзької академії наук (1846), попечитель Одеського (1856–1858) і Київського (1858–1861) навчальних округів	XIX, 16–18, 376, 469, 567
Писаревський С. (1780-ті – 1839) – український драматург, поет; друкувався під псевдонімом Стецька Шерепері; автор віршів, що стали народними піснями (“Де ти бродиш, моя доле?..”, “За Немань іду”)	659

Писарев Д. І. (1840–1868) – російський літературний критик; кероване ним “Русское слово” співпрацювало з журналом “Современник”	157, 163, 634
Писемський О. Ф. (1821–1881) – російський письменник, драматург	247, 669
Піскунов Ф. (?–?) – український лексикограф, етнограф, літературознавець; автор українського фонетичного правопису	XIX, XXX, 184, 635, 659
Піхно Д. І. (1853–1909) – редактор проурядової газети “Киевлянин”	322
Платон (427 до н. е. – 347 або 348 до н. е.) – давньогрецький мислитель; разом з Піфагором, Парменідом і Сократом вважається основоположником європейської філософії; глава філософської школи, відомої як “Академія Платона”	162
Плеве В. К. (1846–1904) – сенатор, у 1881–1884 рр. директор Департаменту поліції, 1902–1904 рр. міністр внутрішніх справ і шеф жандармів Російської імперії, убитий есерами	454, 457, 621
Площанський В. М. (1834–1902) – історик і публіцист, москвофіл; у 1871–1887 рр. редагував у Львові газету “Слово”; 1887 р. емігрував до Росії й служив у Віленській комісії для розгляду давніх актів; з 1874 р. – член-кореспондент Московського археологічного товариства; автор праць з історії Холмщини	106, 175, 680
Побєдоносцев К. П. (1827–1907) – державний діяч, правознавець, письменник, перекладач, історик; обер-прокурор Святішого Синоду	382, 575, 605, 620,
Погибко О. І. – член Одеської громади	336
Погодін М. П. (1800–1875) – російський історик, колекціонер, письменник; член (1836), дійсний член (1841) Петербурзької академії наук	XVI, XXII
Подруцький – духовний слідчий, священник с. Писарівки Балтського пов. Подільської губ.	544
Подолинський С. А. (1850–1891) – український громадський і політичний діяч, лікар, соціолог, економіст, публіцист, член “Женевського гуртка”	183, 656, 672, 675, 676, 677
Пожарський Д. М. (1577–1642) – князь, російський державний і військовий діяч; один з організаторів і керівників народного ополчення (разом з Мініним), яке 1612 р. визволило Москву від польських інтервентів	122
Полевой М. О. (1796–1846) – російський письменник, журналіст, критик і історик	XXII
Полігістор Луцій (100 р. до н. е. – 40 р. до н. е.) – грецький вчений	XIX
Поліщук Є. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Поліщук К. – адресат житомирської “Просвіти” в Краснополі	495, 496
Половцов (Половцев) О. О. (1832–1909) – державний і громадський діяч; сенатор першого департаменту Сенату, ревізував Київську і Чернігівську губ. в 1880–1881 рр., голова Російського історичного товариства	180, 182, 620

<i>Полозова О. В.</i>	LX
Полоцький Симеон (Самуїл Гаврилович Петровський-Ситнянович; 1629–1680) – церковний діяч, богослов, письменник, поет, драматург; білорус за походженням	371, 559
Поночевний – студент Київського університету з групи хористів М. Лисенка, висланий з Києва	227
Попов П. М. (1877–?) – депутат III Державної думи	431
Попович О. (1856–1930) – український громадсько-політичний, педагогічний діяч і публіцист; посол до Буковинського сейму в 1911–1918 рр.	653
Потанін Г. М. (1835–1920) – російський географ, етнограф, публіцист, ботанік, мандрівник; 1860 р. – сибірський козацький сотник, студент Петербурзького університету; один із засновників петербурзького гуртка сибірських студентів “Товариство незалежності Сибіру”, що висунуло програму унезалеження сибіряків – “сибірської нації” (відозва “Патриотам Сибири”) й готувалося до повстання	133
Потапов О. Л. (1818–1886) – державний діяч, шеф жандармів і начальник Третього відділення власної й. і. в. канцелярії в 1874–1876 рр.	114, 132, 136, 603, 632
Потебня О. О. (1835–1891) – український мовознавець, філософ, фольклорист, етнограф, літературознавець, педагог, громадський діяч; професор Харківського університету з 1875 р.; член-кореспондент Петербурзької академії наук (1875) та багатьох (у тому числі зарубіжних) наукових товариств	327, 338, 347, 351, 434, 445, 637, 643
Пригара С. – співробітник газети “Рада” в 1909 р., фейлетоніст	453, 455
Присовський В. А. (1861–1917) – композитор, автор фортепіанних п’єс, розрахованих на аматорське музикування; його музика на межі XIX–XX ст. стала еталоном салонної культури; українська тематика простежується у всій його творчості	532
Пріцак Омелян (1919–2006) – український історик, мовознавець, орієнталіст, засновник і директор Українського наукового інституту Гарвардського університету, Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України	LIV
Прокопович В. К. (1881–1942) – український педагог, редактор українського педагогічного журналу “Світло”, автор статей у пресі, зокрема в “Раді”	679
Прокопович-Антонський А. А. (1762–1848) – український публіцист і педагог; вихованець Київської духовної академії	120
<i>Процик Роман</i>	LX
Прудон П’єр Жозеф (1808–1865) – французький соціаліст, теоретик анархізму	162
Пугачов О. І. (1742–1775) – донський козацький отаман, керівник селянської війни в Російській імперії в 1773–1775 рр.	121
Пузиревський Г. О. – київський окремих цензор з іноземної цензури	XXVI, 112

Пукач П. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Пулой І. І. (1845–1918) – український фізик і електротехнік, винахідник, організатор науки, громадський діяч, перекладач; разом з П. Кулішем та І. Нечуєм-Левицьким вперше переклав українською мовою Новий та Старий Заповіти, видані у Відні 1901 та 1903 рр. Британським закордонним біблійним товариством	318, 319, 343, 359, 621, 638, 679
Пуркіне Ян Евангеліста (1787–1869) – чеський біолог та громадський діяч; член-кореспондент Петербурзької академії наук (1836), почесний член Петербурзької медико-хірургічної академії	639
Пурпуров І. П. (1872–?) – депутат III Державної думи	431
Путятін Є. В. (1803–1883) – граф, державний діяч, міністр народної освіти в 1861–1862 рр.	26
Пуцикович В. Ф. (1843–1909) – російський публіцист	641
Пушкар П. – селянин	39, 40
Пушкін О. С. (1799–1837) – російський поет і прозаїк	XLV, 157, 158, 308, 322, 373, 434, 462, 563, 634, 640, 648, 662, 674
П’ята С. П. – член Одеської громади	336
Радіщев О. М. (1749–1802) – російський письменник, філософ, поет; 1790 р. анонімно видрукував “Путешествие из Петербурга в Москву”	522
Раєвський А. О. (1848–1916) – ветеринарний лікар, директор і професор Харківського ветеринарного інституту	349
Рапота І. П. – пристав Двірцевої дільниці у Києві	317, 318, 325, 326
Рафальський В. Л. – київський цензор з іноземної та внутрішньої цензури	209, 218, 323
Ревуцький Л. М. (1889–1977) – український композитор, педагог, музичний і громадський діяч; академік АН УРСР (1957)	660
Редванський В. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Ремез – автор твору “Чайка” (1914)	532, 684
<i>Ремі Йоганес</i>	XXII, XXVI
Ренан Жозеф Ернест (1823–1892) – французький письменник, історик, філолог	524
Ренінг Р. Ф. – завідуючий дрібним кредитом губернської земської управи в Житомирі, член житомирської “Просвіти”	502

Ренненкампф М. К. (1832–1908) – київський правник, закінчив історико-філологічний факультет Київського університету (1855), з 1862 р. професор права, ректор в 1888–1889 рр., гласний Київської міської думи та її голова у 1875–1879 рр.	162
Рехневський (Рихневський) Ю. С. (1824–1887) – письменник, редактор “Журнала Министерства народного просвещения”, член редакції польської газети “Słowo”, учасник польського таємного політичного гуртка	641
Решевський С. – в. о. одеського окремого цензора з внутрішньої цензури	204, 205
Решітка М. А. – селянин с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Рєпін І. Ю. (1844–1930) – російський та український художник	532
Рєпнін М. Г. (1778–1845) – державний і військовий діяч, малоросійський військовий губернатор в 1816–1834 рр.	VII, VIII
Рикова Є. М. – секретар літературно-художнього і етнографічного Товариства імені Г. Квітки-Основ'яненка в Харкові	507
Риковський О. Н. – начальник Харківського губернського жандармського управління	494, 509
Рильський О. Р. (1842–1862) – учасник українського національного руху	18
Рильський Т. Р. (1841–1902) – етнограф, учасник українського національного руху	18, 53, 55, 57, 165, 637
Рильські, брати <i>див.</i> Рильський О. Р. та Рильський Т. Р.	
Ришковський П. П. – діяч житомирської “Просвіти”	496, 502
Рігельман М. А. (1817–1888) – український історик, публіцист і громадський діяч слов'янофільського напрямку	XV, 617, 632
Рігер Франтішек Ладислав (1818–1903) – чеський політичний і громадський діяч	639
Рогозинський О. – студент історико-філологічного факультету Київського університету, бібліотекар “Студентської української громади”; поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина”	297
Рожков Г. Ю. (1864–?) – депутат III Державної думи	431
Розеггер Петер (Розгрер Петро) – автор брошури “Приятелі”, переклад якої видано в Києві 1908 р.	545, 675
Розенгейм М. П. (1820–1857) – російський поет і перекладач; друкувався в “Отечественных записках”, “Русском вестнике”, “Голосе”, “Русской речи”; засновник і редактор сатиричного часопису ліберального напрямку	255, 653, 658, 664, 675, 678, 681
Розумовський К. Г. (1728–1803) – граф, український та російський військовий, політичний і державний діяч, генерал-фельдмаршал. Останній український гетьман (1750–1764)	505

Романчук Ю. С. (1842–1932) – український політичний і громадський діяч, депутат Австрійського рейхстагу (1901–1918), провідник Народної ради, один із засновників “Просвіти” у Львові, публіцист, видавець і редактор творів Т. Шевченка, підручників для шкіл; 1890 р. запровадив фонетичний правопис	316, 446, 652
Романюк К. – селянський хлопча	52
Ромодановський Г. Г. (?–1682) – російський державний і військовий діяч, московський воєвода	148
Рубінштейн А. Г. (1829–1894) – російський композитор	212
Рубінштейн В. А. – член Київської старої громади, один із засновників Південно-Західного відділу Російського географічного товариства, директор промислового банку у Києві	160
Руданський С. В. (1833–1873) – український поет	662, 679
Руденков І. Л. – вчитель реального училища, член Одеської громади	336
Рудов М. П. – начальник Чернігівського губернського жандармського управління	314, 348
Рудченко І. Я. (Білик Іван; 1845–1905) – фольклорист, письменник, літературний критик; старший брат і співавтор Панаса Мирного; видав збірки: “Народные южнорусские сказки” у 2-х випусках (1869–1870), “Чумацкие народные песни” (1874); перекладав українською мовою твори І. Тургенєва, А. Міцкевича, Г. Гейне, Дж. Байрона та ін.	XVII, XX, XXXI, 184, 203, 204, 234, 574, 652, 684
Рузький Д. П. – декан інженерно-будівельного відділення Київського політехнічного інституту, голова Літературно-артистичного товариства у Києві	325, 326
Рум’янцев (Рум’янцев-Задунайський) П. О. (1725–1796) – граф, російський державний діяч, полководець	643
Русов М. О. (1876–1909) – один із засновників “Студентської громади”; син О. Русова та С. Русової	298, 299, 682
Русов О. О. (1847–1915) – український земський статистик, член Київської старої громади, видавець українських творів	XVII, XIX, XXXIII, 175, 399, 556, 643, 640,
Русова С. Ф. (Ліндфорс, С. Р.; 1856–1940) – українська громадська діячка, педагог, організатор жіночого руху. Дружина О. Русова	XXXI, 175, 398, 471, 556, 600, 643, 640, 648, 675
Рутський Йосиф <i>див.</i> Йосиф Велямин Рутський	
Рябошапка – видавець часопису, на видання якого не було отримано цензурного дозволу (1897)	657
С. Б. – невстановлена особа	470
С. Р. <i>див.</i> Русова С. Ф.	
Сабо М. М. – скульптор, автор проекту пам’ятника Т. Шевченку в Харкові	508

Савенко А. І. (1874–?) – лідер фракції російських націоналістів у III та IV Державних думах, редактор “Русского знамени”; організатор єврейських погромів, співробітник газет “Киевлянин” та “Новое время”	455, 492
Савинський Д. – власник книгозбірні в Житомирі, де за невелику плату брали для читання українські книжки	483
Савицький – автор брошур українською мовою	126, 132
Савич М. І. (1808–1892) – український громадсько–політичний діяч, хімік та економіст за освітою, член Кирило-Мефодіївського братства	175
Савлуцький – правитель канцелярії київського губернатора	263
Савченко Ф. Я. (1892–1936) – український історик, літературознавець і публіцист; дійсний член Наукового товариства імені Шевченка (1927); автор монографії “Заборона українства. 1876 р. До історії громадських рухів на Україні 1860–1870-х рр.” (Харків; Київ, 1930), перевиданої у Мюнхені (1970)	LIII, LIV, 611, 613, 622, 630
Савченко Я. – дописувач газети “Рада” з Житомира	483, 484
Савченко-Бельський М. О. – український громадсько-політичний діяч, за фахом агроном, член житомирської “Просвіти”	470, 502
Савчинський Г. (1804–1888) – громадський діяч, греко-католицький священник, письменник	636
Савчук Т. – селянин	518
Садик-Паша <i>див.</i> Чайковський М. С.	
Садовський М. К. (Тобілевич М. К.; 1856–1933) – український актор, театральний діяч, режисер, актор трупи М. Кропивницького з 1882 р.; брат І. Карпенка-Карого та П. Саксаганського	213, 257, 261, 262, 419, 637, 669
Саксаганський П. К. (Тобілевич П. К.; 1859–1940) – український актор, режисер, театральний діяч; брат І. Карпенка-Карого та М. Садовського	419, 518
Саладилів П. М. (? – 1908?) – український громадський діяч, співзасновник українського клубу “Громада” в Петербурзі (1906); полковник Генерального штабу, урядовець Міністерства внутрішніх справ	XIV, XXXIII, 556, 640
Саліковський О. Х. (1866–1925) – український громадський і державний діяч, публіцист	648
Салтиков І. А. – в. о. помічника правителя канцелярії київського губернатора	228
Самарін Ю. Ф. (1819–1876) – російський публіцист і філософ; правитель канцелярії київського військового, подільського і волинського генерал-губернатора в 1849–1850 рр.	399, 602, 641
Самійленко В. І. (1864–1925) – український поет-лірик, сатирик, драматург і перекладач	351, 532, 643, 658, 662, 680
Самойлов В. В. (1813–1887) – російський актор, драматург	259

Самойлович Іван (початок 1630-х – 1690) – український військовий, політичний і державний діяч; гетьман Війська Запорозького (1672–1687), засланий до Сибіру	148
Самоквасов Д. Я. (1843–1911) – російський археолог, історик права, архівознавець	XXVIII
Самородов А. – учень Києво-Печерської гімназії	535, 537
Самусь Д. І. (?–1899) – директор Білоцерківського реального училища в Київській губ.	145
Саул – перший цар та засновник об'єднаного Ізраїльського царства (біля 1029–1005 рр. до н. е.)	480
Свенціцький Павлин (1841–1876) – українсько-польський письменник та громадський діяч	636
Святненко О. – адресат гімназиста Самородова А.	537
Святополк-Мирський Д. І. (1826–1899) – тимчасовий харківський генерал-губернатор	194, 196
Святополк-Мирський П. Д. (1857–1914) – державний діяч, міністр внутрішніх справ (1904–1905)	621
Сеймська – антрепренер	256, 257
Селецький І. Й. – діяч житомирської “Просвіти”	502, 631
Селін О. І. (1816–1877) – заслужений ординарний професор, декан історико-філологічного факультету Київського університету	631
Сема В. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Сембратович Сильвестр (1836–1898) – єпископ Української Греко-Католицької Церкви, кардинал Римо-Католицької Церкви; з 1885 р. митрополит Галицький та архієпископ Львівський; професор догматики і декан богословського факультету Львівського університету, депутат Галицького сейму; сприяв поширенню української мови	134, 446
Семененко Петро (1814–1886) – польський католицький священник українського походження, проповідник, письменник; співзасновник і перший настоятель ордену Змартвихвстанців (Воскресінців)	446
Семенов П. – рахівник кредитно-ощадного товариства в с. Михалківці Острозького пов. Волинської губ., заарештований у зв'язку з розгромом житомирської “Просвіти”	496, 502
Семенов – студент Київського університету, член групи хористів М. Лисенка; родом з Кубані, надсилав туди українські видання	227, 228
Семешко – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання часопису “Громадянин”	344, 656
Сендерко М. І. (1862– ?) – священник з Поділля	XXXVI, 644
Сениця П. І. (1879–1960) – український композитор і фольклорист	532
Сенкевич Генрик (1846–1916) – польський письменник, переклади оповідань якого українською мовою заборонялися до друку	322
Сербинов – вільнослухач Київського університету	95

Сербинович К. С. – директор банку	625
Серговський А. Г. (1877–1903) – композитор, автор пісні на слова Олени Пчілки “Надик, вернися”, яку співали на літературно-вокальному вечорі в Житомирі	483
Сигаревич Д. Д. (1868–1914) – український педагог і громадський діяч, член Одеської громади; автор нарисів про українську народну творчість, зокрема про думи	335
Сигаревич Г. К. – член Одеської громади	336
Сидоренко С. І. (1858–?) – депутат III Державної думи	431
Сидоров А. – голова Тимчасового комітету у справах друку у Києві	645
Симиренко В. Ф. (1835–1915) – український промисловець, інженер-конструктор, меценат	645
Симонов М. Т. (Номис М.; 1823–1900) – український етнограф і педагог	657
Сипягін Д. С. (1853–1902), російський державний діяч, міністр внутрішніх справ у 1899–1902 рр., смертельно поранений есерами	454, 457
Сироїдів Микола – перший редактор канадського тижневика “Канадійський русин”	648
Сирокомля Владислав <i>див.</i> Кондратович Людвік	
Сирокомський Т. – художник-ілюстратор журналу “Молода Україна”	667
Сіверс Б. Ф. – граф, генерал-майор	613, 621
Сірик І. – укладач збірки “Українські пісні”, забороненої до друку 1886 р.	221, 683
Сірий Ю. <i>див.</i> Тищенко Ю.	
Сірко Іван (між 1605 та 1610–1680) – український політичний та військовий діяч, кошовий отаман Запорозької Січі	207
Сковорода Г. С. (1722–1794) – український просвітитель-гуманіст, філософ, поет, педагог; освіту здобув у Києво-Могилянській академії; переслідуваний світськими та духовними властями, з 1770-х років вів життя мандрівного філософа; автор філософських діалогів і трактатів, у яких біблійна проблематика переплітається з ідеями платонізму та стоїцизму	XLIII, 327, 347, 350
Скоморовський Й. – український лексикограф	LII
Славинський М. А. (1868–1945) – український громадсько-політичний діяч, поет-перекладач	638, 642
Славік Ян (1885–1978) – чеський історик і публіцист	615
Сластїон О. Г. (Сластьон; 1855–1933) – маляр і графік романтично-народницького напрямку; етнограф, педагог	667, 685
Смаль-Стоцький С. Й. (1859–1938) – громадсько-політичний, культурний і економічний діяч Буковини; мовознавець і педагог; професор української мови і літератури в Чернівецькому університеті	250
Смірнов П. – член Тимчасового комітету у справах друку у Києві	645

Смоленська О. С. – член Одеської громади	336
Смоленський Л. А. – член Одеської громади	336
Смотрицький Мелетій (світське ім'я – Максим Герасимович; 1577–1633) – український письменник, церковний і освітній діяч, мовознавець	XLVI
Снарєнко А. – автор брошури “Про народознавство” (1907)	676
Снєльман Йоган (1806–1881) – фінський філософ, публіцист, державний діяч; професор Гельсінгфорського університету	IX
Снєжко-Блоцький А. – редактор газети “Киевский телеграф” (1867–1876)	109, 135, 138
Снігуровський – парафіяльний священик	52
Соболевський О. І. (1856–1929) – філолог-славіст, палеограф, етнограф, професор Київського і Петербурзького університетів, член-кореспондент (1893), дійсний член (1900) Петербурзької академії наук	384, 446, 579
Совачев В. – студент медичного факультету Київського університету, поширював українську літературу від книгарні “Киевская старина”	297
Сойкін П. П. (1862–1938) – російський видавець	643
Созонович І. П. (1855–1912?) – історик літератури та російський політичний діяч; член фракції правих II і III Державних дум	430
Соколов – конторник	161
Соколов І. І. (1880–?) – депутат III Державної думи	431
Соколов Л. Г. – начальник Подільського губернського жандармського управління	503, 504
Соловійов В. С. (1849–1903) – російський письменник	638
Соловійов М. П. (1842–1901) – начальник Головного управління у справах друку в 1900-х рр., директор і професор Харківського ветеринарного інституту	272, 277–281, 284, 288, 291
Соловійов С. В. (1862–1913) – історик літератури, професор Харківського університету	XXII, 349, 350
Соловцов М. М. (Федоров; 1857–1902) – російський актор, режисер, театральний діяч	257, 638
Солуха – учитель музики	161
Солуха В. Д. (1870–?) – депутат III Державної думи	431
Сольський Д. М. (1833–1910) – державний діяч, граф, голова Державної ради в 1905–1906 рр.	190, 382, 575, 605
<i>Сондерс Девід</i>	XXII
Сорока М. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Сорока П. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540

Софія Олексіївна (1657–1704) – московська цариця 1682 по 1689 рр.; сестра Петра I	322
Софокл (близько 496–406 до н. е.) – давньогрецький трагік, драматург	289, 651
Спасович В. Д. (1829–1906) – польський і російський критик і історик літератури, громадський діяч, юрист-правознавець, адвокат	122, 125
Спиридович О. І. (1873–1952) – начальник Київського охоронного відділення; генерал-майор Корпусу жандармів (1915)	317, 325
Спілка І. <i>див.</i> Зозуля І.	
Средзинська – поміщиця с. Холоневичі Луцького пов. Волинської губ.	28, 29
Средзинський Генріх – студент Київського університету	28, 29
Средзинський Сигізмунд – студент Київського університету	28, 29
Средзинський Станіслав – брат Сигізмунда і Генріха Средзинських	29
Срезневський І. І. (1812–1880) – філолог, славіст, історик, палеограф, письменник	XXVII, XLV, 351, 373, 562
Ставровецький Кирило (Транквіліон) (1581–1646) – український православний і греко-католицький церковний діяч, архімандрит, поет, учений, друкар	XLI
Стадіон Франц (1806–1853) – намісник Галичини (1846–1848), міністр внутрішніх справ і освіти Австро-Угорщини (1848–1849)	446
Станіслав II Август Понятовський (1732–1798) – останній король Речі Посполитої	46, 627
Станьковська П. – учениця церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Станьковська А. – учениця церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	544
Старицька М. М. (1865–1930) – українська акторка, режисер і педагог	253, 644
Старицька О'Коннор – ймовірно, псевдонім М. Старицької та Валерії О'Коннор-Вілінської, співавторів казки “Ледащо”	253
Старицька-Черняхівська Л. М. (Старицька; 1868–1941) – українська письменниця, поетеса, драматург, перекладачка, громадська діячка	680, 685
Старицький М. П. (1840–1904) – український громадський діяч, письменник, драматург; член Київської старої громади	160, 162, 163, 175, 182, 207, 234, 257–259, 261, 294, 296, 323, 343, 344, 350, 483, 609, 635, 636, 654, 655, 659, 664, 667, 668, 669, 670, 673, 677, 678, 681, 682, 683, 684, 685, 686
Стафієвський – пристав Плоської дільниці у Києві	93, 94, 631

Стахович – адресат Муханова О. О.	314
Стебницький П. Я. (1862–1923) – український громадський і політичний діяч, письменник і публіцист; голова Благодійного товариства видання загальнокорисних і дешевих книжок, співредактор повного видання “Кобзаря” Т. Шевченка. Під час української революції 1917–1921 рр. обіймав високі державні посади	XXXII, 556, 640
Стельмах С. – селянський хлопчик	52
Степаненко В. П. – член Полтавської громади, управляючий книгарнею “Киевская старина”	296
Степняк <i>див.</i> Орел М. Г.	
Степовик О. <i>див.</i> Комаров О. Ф.	
Степурський І. М. (1827–?) – цензор Петербурзького цензурного комітету	148, 149, 151, 634
Шешенко І. М. (1873–1918) – український громадський діяч, педагог, літературознавець, письменник, секретар Літературно-артистичного товариства в Києві, помічник секретаря Київської міської управи	296, 316–318, 325, 326
Штефанік В. С. (1871–1936) – український письменник, майстер експресіоністичної новели, депутат Австрійського парламенту	350, 351, 356, 532, 653, 663, 665, 679, 685
Штефанович Я. В. (1854–1915) – народник, організатор “Чигиринської змови”	635
Штефановська Л. Я. – член Одеської громади	336
Штеценко К. Г. (1882–1922) – український громадський діяч, композитор, хоровий диригент	532, 660
Штолпін П. А. (1862–1911) – державний діяч, реформатор, прем’єр-міністр (1906–1911); ініціатор масштабних переслідувань української мови і культури	XXXVI, 454, 455, 457, 471, 476, 528
Штолярук Т. – селянський хлопчик	52
Штороженко О. П. (1806–1874) – письменник, етнограф, художник; чиновник особливих доручень, слідчий; друкувався українською і російською мовами; автор творів: „Українські оповідання” “Марко Проклятий”; дописувач журналу “Правда” у Львові 1870 р.	259, 574, 641, 666
Шторчак І. І. (1862–?) – депутат III Державної думи	431
Штоянов О. П. – український етнограф, учителював у Полтаві, член Київської старої громади	65
Штрадомський Н. – київський міський діяч	649
Штрижевський (Маріуполець) А. – автор забороненої брошури “Як живе тіло людське”	686
Штрижевський М. – відставний статський радник, проживав у Черкасах	263
Штудинський К. Й. (1868–1941) – український філолог-славіст, літературознавець, фольклорист, громадський діяч; дійсний член ВУАН (1929)	XXVIII, 659

Судакевич – київський домовласник	163
Сумароков О. П. (1717–1777) – російський поет, письменник і драматург	385, 581
Сумцов М. Ф. (1854–1922) – фольклорист, етнограф і літературознавець, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1906), дійсний член Наукового товариства імені Шевченка (1908), академік УАН (1919); 1907 р. почав читати лекції в Харківському університеті українською мовою	LV, 198, 276, 349, 350, 418–420, 423, 424, 427, 428, 451, 642, 660, 685
Сурмаченко Г. Є. <i>див.</i> Козлов Г.	
Суслов А. З. (1857–1929) – український драматург, актор, режисер і антрепренер школи М. Кропивницького	655
Суходольський С. П. (1845 – після 1907) – державний діяч, волинський губернатор у 1892–1896 рр.	259
Сухомлинов В. О. (1848–1926) – державний діяч, начальник Генерального штабу (1908–1909), військовий міністр (1909–1915)	455
Сушкевич (Шушкевич) Корнило (1840-1885) – громадсько-культурний діяч, один з керівників народовців, літератор, перший видавець творів Т. Шевченка в Галичині	107
Суярко Я. – селянин с. Красилівка Остерського пов. Чернігівської губ., який поширював твори Т. Шевченка	320
Сцевола Гай Муцій – легендарний римський герой, юнак-патрицій	14
<i>Таїрова-Яковлева Т. Г.</i>	LX
Тарас, Тарас Трясило <i>див.</i> Федорович Тарас	
Тарле Є. В. (1874–1955) – радянський історик, педагог, дійсний член АН СРСР (1927)	638
Телегін – підполковник Полтавського губернського жандармського управління	298, 299
Телешов М. – автор брошури “Скрута”	680
Телюгін – товариш прокурора Київського окружного суду	200, 202
Теодорович – священник с. Копилля Луцького пов. Волинської губ.	28, 29
Терень – автор твору “Сильний” (?) (1914)	532, 680
Терещенко С. А. – почесний попечитель Глухівського вчительського інституту	
Терлецький О. С. (Звестний (?); 1850–1902) – галицький громадсько-політичний діяч, публіцист, літературознавець	685
Терновський П. А. – член Київської судової палати	427, 430
Теплов Г. М. (1711–1779) – державний діяч, сенатор, таємний радник; письменник, композитор; дійсний член Академії наук і мистецтв; ініціатор ліквідації гетьманату, автор записки “О не порядках, которые происходят от употребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии”	468
Тимашев О. Є. (1818–1893) – державний діяч, міністр внутрішніх справ (1868–1878)	114, 136, 144, 603, 617, 632

Тимошенко С. П. – товариш голови літературно-художнього і етнографічного Товариства імені Г. Квітки-Основ'яненка в Харкові	507
Тимофєєв В. – керуючий справами Міністерства внутрішніх справ	144
Тимченко Є. К. (1866–1948) – український мовознавець, літературознавець, перекладач, член-кореспондент АН СРСР (1929); автор “Русско-малороссийского словаря” (1897)	253, 272, 294, 296–298, 678
Тимченко С. – літературний співробітник журналу “Шершень”	685
Тиховський Ю. І. (1868–1919) – український літературознавець, громадівець	296
Тихомиров О. А. (1850–1931) – ректор Московського університету у 1899–1904 рр., з 1904 р. – директор департаменту Міністерства народної освіти	411
Тищенко Ю. П. (Сірий, Лавров П. П.; 1880–1953) – видавець, публіцист, письменник; автор оповідань і популярних книг; організував у Відні 1919 р. видавництва “Дзвін” і “Українська школа”	453
Ткаченко М. – літературний герой	303
Тобілевич М. К. <i>див.</i> Садовський М. К.	
Токарев – діловод шляхового відділу губернської земської управи в Житомирі	485
Толстой Д. А. (1823–1889) – граф, державний діяч, міністр освіти (1866–1880), міністр внутрішніх справ і шеф жандармів (1882–1889)	136, 151, 158, 224, 603, 606, 617
Толстой Л. М. (1828–1910) – російський письменник, філософ	322, 462, 489, 496, 537
Томара Л. П. (1839 – після 1917) – державний діяч, київський губернатор у 1885–1898 рр., сенатор у 1898–1916 рр.	218, 224, 225, 227, 228, 256, 257, 261, 263
<i>Томпсон Ева</i>	VIII, XV
Траскін О. С. (1803–1855) – державний діяч, генерал-майор, попечитель Київського навчального округу (1846–1849)	3
Требинська М. М. – власниця квартири, в якій збиралися поширювачі української літератури	298
Трегубов В. П. – полтавський міський голова	315, 316
Трегубов Є. К. – вчитель історії Колегії Павла Ґалаґана та Київського кадетського корпусу	243, 296
Трегубов О. Л. (1874–?) – депутат III і IV Державних дум	431
Трепов Ф. Ф. (1854–1938) – державний і військовий діяч; генерал від кавалерії, київський, подільський та волинський генерал-губернатор (1908–1914); 1917 р. емігрував до Франції	455, 474, 476, 541, 648, 649
Троїцький М. – автор брошури “Як тепер одбуватиметься воєнна служба” (1875)	686
Троїцький О. І. (1871–?) – депутат III Державної думи	431

Трошинський Д. П. (1749–1829) – державний діяч, сенатор, міністр уділів і юстиції; після відставки (1821) повернувся у родовий маєток у с. Кибинці Миргородського пов. Полтавської губ., який перетворив на культурний центр з бібліотекою, театром, колекцією зброї, меблів, картин, порцеляни	341
Трубецької В. – родич Т. Рильського по материнській лінії	53
Трунов В. Л. – учасник українського руху, висланий 1863 р. до Полтави, де заснував друкарню	93, 95
Тулуб О. Д. (1825–1899) – український педагог і громадський діяч, належав до кола Кирило-Мефодіївського братства, вчителював у гімназіях Київського навчального округу	15
Тумасов Н. С. (1835–1887) – історик, письменник, вчитель історії 2-ї київської гімназії, доцент Київської духовної академії	151–154, 156
Тургенєв І. С. (1818–1883) – російський письменник, перекладач, член-кореспондент Петербурзької академії наук (1860)	462
Тутковський – член правління Літературно-артистичного товариства в Києві	317
Тучапський А. Л. – титулярний радник, в. о. цензора Петербурзького цензурного комітету	277, 300, 302
Уваров С. С. (1786–1855) – граф, державний діяч, міністр народної освіти (1833–1849)	X, 3, 7, 625
Уварова П. С. – графиня, голова Московського археологічного товариства	292
Удовицький Г. Г. (1872–?) – депутат III Державної думи	431
Уманець М. Ф. <i>див.</i> Комаров М. Ф.	
Уманов-Каплуновський В. В. – рецензент творів М. Кропивницького	419
Урсул В. І. – паламар церкви с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	543, 544
Успенський Г. І. (1843–1902) – російський письменник	669
<i>Устиновський Д. В.</i>	LX
Устрялов М. В. (1890–1937) – російський правознавець, філософ, політичний діяч	XXII
Учений А. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Ушинський К. Д. (1824–1871) – російський педагог українського походження, основоположник наукової педагогіки в Росії, автор концепції національної освіти	338, 433, 435, 611, 641, 643
Ушинський О. Д. – голова з'їзду мирових посередників Володимирського пов. Волинської губ.	97, 98
Фамінцин А. С. (1835–1918) – ботанік, ординарний академік Петербурзької академії наук; громадський діяч	369, 370, 553, 558

Федір Олексійович (Феодор, 1661–1682) – московський цар з 1676 р.	148
Федоров О. М. (1865–1949) – російський письменник, емігрант	259
Федоров Ф. (1866–1908) – в. о. цензора Петербурзького цензурного комітету, з 1896 р. – цензор	301, 308, 310
Федорович Тарас (Тарас, Трясило Тарас (?–1639?) – козацький ватажок; кошовий отаман Війська Запорозького нересстрогого (1629), керівник антиурядового повстання 1630 р.	63
Федорченко – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання часопису “Неділя”	669
Федорченко І. І. – автор збірки віршів і пісень “В чаду мрій” (К., 1902)	304, 305, 307, 638, 653, 655, 656, 657, 680
Федорченко П. – службовець Управління Південно-Західної залізниці	317, 318
Федькович Ю. А. (1834–1888) – український письменник	264, 354, 636, 652, 653
Фейєрбах Людвіг (1804–1872) – німецький філософ	232
Феодор <i>див.</i> Федір Олексійович	
Феокистов Є. М. – начальник Головного управління у справах друку у 1883–1885 рр.	199, 202–206, 208, 212, 214, 216, 217, 219–224, 226, 228–230, 237, 242, 244, 247, 251, 252, 255, 268, 362
Фердинанд II (1578–1637) – імператор Священної Римської імперії у 1619–1637 рр.	VII, 400
Фердинанд III (1608–1657) – імператор Священної Римської імперії з 1637 р., король Угорщини з 1625 р., і Богемії з 1627 р.	365
Філіп V (1683–1746) – король Іспанії з 1700 р., перший представник з династії Бурбонів на іспанському троні	464
Флоринський Т. Д. (1854–1919) – славіст і візантолог, професор Київського університету, очолював комісії, які доводили, що українці є російським народом, а українська мова – говірка, створена за допомогою польської мови; позиція в українському питанні стала однією з причин його необрання у члени Петербурзької академії наук	XXVIII, 291, 292, 410, 444, 452, 455, 456
Фогт Карл (1817–1895) – німецький філософ	232
Фомін Н. – керуючий канцелярією харківського губернатора	426
Фома Невірний (Невірний Фома, Невіруючий Фома) – апостол	197
Фортинський Ф. Я. (1848–1902) – російський історик-медієвіст; професор Київського університету з 1877 р., ректор з 1902 р.	XXVIII, 292
Фортунатов Ф. Ф. (1848–1914) – російський індоєвропеїст та славіст, мовознавець	L, 369, 370, 553, 558

Франко І. Я. (1856–1916) – український вчений, письменник, поет, публіцист і перекладач, громадський і політичний діяч	XLIII, 242, 243, 254, 309–311, 351, 356, 532, 609, 636, 637, 652, 654, 656, 657, 660, 662, 665, 668, 675, 679, 680, 686
Франко О. Ф. (уроджена Хоружинська; 1864–1941) – громадська діячка і видавець, дружина І. Я. Франка; разом з чоловіком видавала журнал “Життя і слово” (1894–1897)	242, 243
Франковський – лікар медичного факультету Харківського університету	93, 95, 631
Франклін Бенджамін (1706–1790) – американський політичний діяч, дипломат, вчений	490
Француз Карл-Еміль (1848–1904) – австрійський письменник і літературознавець	639
Фрейман М. О. (1829?–1892) – цензор Петербурзького цензурного комітету з 1879 р.	235, 239
Фундуклей І. І. (1804–1886) – державний і громадський діяч, меценат, київський цивільний губернатор (1839–1852)	120
Халанський М. Г. (1857–1910) – український фольклорист і мовознавець; професор Харківського університету з 1892 р., член-кореспондент Петербурзької академії наук (1909); під впливом О. Потебні та М. Сумцова звернувся до вивчення українського фольклору; основні праці пов’язані з великоруськими билинами київського циклу	349
Харламов В. А. (1875–1957) – депутат I–IV Державних дум	431
Харченко – начальник Житомирської земської поліції	30, 31
Хемніцер І. І. (1745–1784) – російський поет і перекладач	308
Хижняков В. М. (1842–1917) – громадський діяч, з 1875 р. голова Чернігівської міської думи; голова Чернігівської земської управи	315, 435, 643
Хмельницький Богдан (1596–1657) – державний діяч і полководець, гетьман Війська Запорозького	18, 65, 107, 118, 120, 121, 129, 186, 207, 240, 497, 528, 532, 538
Ходоровський-Мороз Г. К. (Константинов; 1853–?) – композитор і піаніст, закінчив Лейпцігську (1865–1869) та Московську (1870–1872) консерваторії; викладач Київського музичного училища, підготував аранжування для фортепіано до збірки віршів “14 малорусских песен”	253
Хорько – козацький ватажок; у пісні із збірки М. Лисенка (1886) згадується як гетьман	223, 661, 673

Хоткевич Г. М. (Галайда Гнат; 1877–1938) – український письменник, літературознавець, історик, етнограф	297, 356, 356, 679, 685
Хуторний Т. <i>див.</i> Лубенець Т. Г.	
Ц. Н. – криптонім автора твору українською мовою “Павзаній”	203, 671
Цвейг Стефан (1881–1942) – австрійський письменник, критик, автор белетризованих біографій	639
Цвітківський Ю. Ю. (1843–1913) – український громадівський діяч, педагог, викладач Військової гімназії, член Київської старої громади, член-засновник Південно-Західного відділу Російського географічного товариства	161, 162
Цеглинський Г. І. (1853–1912) – український письменник, драматург, громадський, театральний і освітній діяч	661
Цертелев М. А. (1790–1869) – фольклорист, один із перших дослідників і видавців української народної поезії; 1819 р. видрукував у Петербурзі “Опыт собрания старинных малороссийских песней”	XLV, 341, 372, 561
Цесевич – соліст хору, який виконував у Полтаві “Заповіт” Т. Шевченка, на вечорі, присвяченому столітньому ювілею поета	529
Цветков – службовець	161
Цуркан С. – учень церковнопарафіяльної школи с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.	543
Чайковський М. С. (Садик-Паша; 1804–1886) – письменник-козакофіл; автор романів “Тетьман України” про Івана Виговського та “Вернигора” про гайдамацьке повстання 1768 р.	60, 377, 569
Чайченко В. <i>див.</i> Грінченко Б. Д.	
Чалий М. К. (1816–1907) – український педагог, громадсько-культурний діяч, біограф Т. Шевченка	626
Чарнецький С. М. (Горобець Т.) – автор рукопису “Дві приказки”, забороненого до друку 1886 р.	223, 655–657
Чекановський О. Л. – учасник Січневого польського повстання 1863 р., засланий на каторгу	132
Чепіга І. П. (1933–2007) – український мовознавець, дослідниця Пересопницького Євангелія	634
Чепурний В. – син Чепурного П. П.	543
Чепурний П. П. – конторник на ст. Слобідка Балтського пов. Подільської губ.	543
Черевін П. О. (1837–1896) – військовий і державний діяч, товариш шефа жандармів (1878–1880) та міністра внутрішніх справ (1880–1881)	183
Черемшина М. <i>див.</i> Марко Черемшина	653

Черепакін О. – учасник видання і розповсюдження журналу “Громада”	656
Череповський Є. – київський видавець	425
Черкасенко С. Ф. (1876–1940) – український поет, прозаїк, драматург	483
Чернишевський М. Г. (1828–1889) – російський письменник, публіцист, філософ	164
Чернуха (Чорнуха) Меланія – дружина Т. Рильського	165
Чернявський М. Ф. (1868–1938) – український поет, педагог, земський діяч	350, 351
Черняхівський О. Г. – лікар, автор статті про віспощення	356
Чертков М. І. (Чертков 2-й; 1829–1908) – державний діяч, київський, волинський і подільський генерал-губернатор (1877–1881)	XXX, XXXI, 165, 171, 173, 190, 193, 381, 382, 575, 576, 605, 608, 620,
Чехов А. П. (1870–1904) – російський письменник	259, 641
Чикаленко Є. Х. (1861–1929) – український громадський і культурний діяч, спонсор видавничих проєктів “Просвіти”; теоретик сільського господарства, науково-популярні брошури якого українською мовою заборонялися; автор праць про українську мову	VIII, LIII, 276, 296, 303, 304, 344, 397, 452, 599, 637, 644, 645, 678, 679
Чорторійська Овдотя Олександрівна (?–після 1528) – княгиня	634
Чорторійський – вчитель Полтавської гімназії	135
Чорторійський Іван Федорович (?–1567) – князь	634
Чубинська К. І. (1832–?) – дружина П. Чубинського	225
Чубинський М. П. (1872–1943) – український правник-криміналіст, професор Харківського університету, міністр юстиції в уряді гетьмана П. Скоропадського	349
Чубинський П. П. (1839–1884) – український громадський діяч, історик, етнограф; член Київської старої громади, автор національного гімну “Ще не вмерла Україна” (1862)	XVII, XX, XLIX, L, 63, 108, 123, 124, 132, 134, 136, 139, 163, 175, 224, 225, 476–478, 616, 618, 628, 629, 632, 685
III. – криптонім М. К. Вороного	
Шабельська О. С. (Монтевід; 1845–1917) – письменниця, драматичні твори якої неодноразово перекладалися українською мовою; актриса, антрепренер	670
Шалан Я. – селянин, учасник відзначення 100-річчя від дня народження Т. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540

<i>Шаленко О. М.</i>	LX
Шалімов А. С. – член Київської судової палати в 1908 р.	427
<i>Шандра В. С.</i>	XXXVII, LIX, LX
Шапіро – невстановлена особа	470
Шاپовал М. Ю. (1882–1932) – політичний і громадський діяч, публіцист, соціолог, поет; за фахом лісник; видавець і співредактор журналу “Українська хата” (1909–1914)	683
Шаравський (Шаровський) – священник с. Слободзея Балтського пов. Подільської губ.; читав проповіді українською мовою і поширював українську літературу	519, 542–545
Шаршмідт – барон, депутат Австрійського рейхстагу	463
Шафонський (Шефонський) О. Ф. (1740–1811) – український лікар, історик, громадський діяч; один з засновників епідеміології в Російській імперії; здобув ступінь доктора права в Галле, доктора філософії у Лейдені та доктора медицини в Страсбурзі; радник карної палати, генеральний суддя у Чернігові, автор праці “Черниговского намесничества топографическое описание”	468
Шахматов О. О. (1864–1920) – російський філолог та історик; дійсний член Петербурзької академії наук (1899), з 1910 р. – професор Петербурзького університету; член Сербської академії наук (1904), доктор філософії Празького (1909) та Берлінського (1910) університетів, член-кореспондент Краківської академії наук (1910)	L, 350, 369, 370, 456, 553, 558, 660
Шаховської С. В. – князь, в. о. чернігівського губернатора	194–196
Шацький М. – голова ради старшин Таращанського громадського зібрання 1894 р.	261
Шашкевич В. М. (1839–1885) – український письменник, культурно-освітній діяч, народовець; син Маркіяна Шашкевича	654
Шварц О. М. (1848–1915) – російський філолог-класик, міністр народної освіти в 1901–1910 рр.	XXXV, 438, 439, 447
Шевельов Юрій (Юрій Шерех; 1908–2002) – славіст-мовознавець, історик української літератури	639
Шевцов Ф. Т. (1868–1909?) – політичний діяч, депутат III Державної думи	431
Шевченко В. Г. (1821–1892) – троюрідний брат Т. Шевченка, опікувався за життя спадщиною поета і його могилою у Каневі	24
Шевченко З. М. (1870–?) – редактор київського журналу “Маяк”, за походженням селянин с. Мліїв Черкаського пов. Київської губ.	537–539

- Шевченко Т. Г. (1814–1861) – український поет, письменник, художник, громадський діяч; його постать стала символом національно-визвольної боротьби, творчість – основою ідеології українського державотворення XV, XXV, XXVII, XXXVI, XLIV, XLV, XLVII, L, 8–10, 12, 13, 22, 24, 25, 28–31, 34, 35, 60, 98, 105, 115, 121, 126, 129, 132, 144, 145, 149, 164, 181, 182, 186, 187, 194, 195, 197, 198, 204, 205, 208, 226, 227, 230, 231, 235, 239, 244, 245, 254, 259, 265, 269, 280, 291–293, 298, 302, 319, 320, 322, 323, 327, 341, 347, 350, 352, 354, 373, 398, 410, 432, 437, 468, 474, 479–481, 483, 489, 496, 508, 510–514, 517, 520–524, 526, 527, 529, 532, 534, 538, 540, 541, 542–546, 562, 600, 618, 625, 626, 634, 635, 643, 648, 649, 653, 655, 657, 658, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 670, 672, 674, 675, 678, 679, 681, 682, 684, 686
- Шейковський К. В. (1835–1903) – український мовознавець, етнограф, педагог, видавець; випускник Київського університету; автор видання “Опыт южно-русского словаря” (1861) XIX, 31, 375, 462, 565, 643, 653, 658
- Шекспір Вільям (1564–1616) – англійський драматург і поет; перші переклади його творів українською мовою належать П. Кулішеві та М. Старицькому; драматичні твори Шекспіра перекладали І. Франко, Ю. Федькович, П. Грабовський, Я. Гординський та інші XLIV, 195, 199, 217, 289, 322, 355, 609, 619, 636, 655

Шелудько К. – автор збірки віршів, надісланої до цензури з Богодухова	223, 680, 686
Шелухін С. П. (1864–1938) – український правознавець, політик, письменник, державний діяч; студент В. Б. Антоновича; працював у судових установах Єлисаветграда, Кам'янця-Подільського, Кишинєва; член Української Центральної Ради, Генеральний суддя УНР, міністр судових справ (лютий – квітень 1918)	335
Шелухіна Л. М. – член Одеської громади; дружина С. Шелухіна; на початку 1906 р. – офіційний редактор і видавець місцевого українського часопису “Вісті”	336
Шемет В. – розповсюджувач української літератури від книгарні “Киевская старина” в Лубнах	297
Шепченко – лікар земської лікарні в Радзивилові	492
Шерстюк Г. П. (1882–1911) – український педагог, редактор, письменник, публіцист, видавець; засновник Українського педагогічного видавництва “Український учитель” (1907) та часопису “Світло” (1910–1914)	679
Шигаєвич І. – в. о. помічника правителя справ Головного управління у справах друку	255
Шиллер Йоганн-Крістоф-Фрідріх (1759–1805) – німецький поет і драматург	289, 342, 462, 463, 619, 664, 666
Шимкевич Ф. С. (1802–1843) – філолог, лексикограф, автор “Словаря украинского наречия”	ЛП
Шимонов А. – студент Харківського університету	27
Ширинський-Шихматов О. П. (1822–1884) – державний діяч, помічник попечителя, попечитель Віленського навчального округу (1857–1864), попечитель Київського (1864–1867) і Московського (1867–1874) навчальних округів, товариш міністра народної освіти (1874–1880), сенатор	142
Шишацький-Ілліч О. В. (1828–1859) – український поет, етнограф	626
Шликєвич О. П. (1849–1909) – український статистик і земський діяч	643
Шнєль О. А. – генерал-майор, начальник Корпусу жандармів у Одесі	11, 13, 625
Шніцлер Артур (1862–1931) – австрійський письменник	639
Шолата Й. – селянин, учасник відзначення столітнього ювілею від дня народження Т. Г. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Шопєнгауєр Артур (1788–1860) – німецький філософ	537
Шпейєр – статський радник, старший лікар 9-ої піхотної дивізії, учасник вечора на честь столітнього ювілею Т. Г. Шевченка в Полтаві	529
Шраг І. Л. (1847–1919) – державний і громадський діяч, юрист, кандидат права, член Державної Думи, член Центральної Ради	264, 266, 286, 288, 297, 337, 345, 346, 643
Шредєль О. Ф. – начальник Київського губернського жандармського управління	490, 492, 526, 529

Штевельман А. – член Одеської громади	336
Штепа Павло (1897–1980) – громадський діяч, публіцист, письменник	LXX
Штефан – штатний наглядач Радомишльського повітового дворянського училища	27
Шувалов Е. Д. – помічник секретаря Київської судової палати	476, 479
Шукета І. – канцелярист, учасник перепоховання праху Т. Шевченка у Каневі	24
Шульгін В. Я. (1821–1878) – професор історії Київського університету, редактор газети “Киевлянин”	XV, XVII, XXX, 109, 110, 231, 628, 639
Шулькевич – начальник Сквирської повітової поліції	54
Шулько Ф. Г. – член Одеської громади	336
Шульце Фріц (1846–1908) – німецький філософ-новокантіанець, професор Ієнського і Дрезденського політехнікумів	636, 668
Шухевич М. Й. (1862–1942) – доктор права, юрист, адвокат	293, 294
Шухиристий Т. – селянин, учасник відзначення столітнього ювілею від дня народження Т. Г. Шевченка в с. Гулівці Острозького пов. Волинської губ.	540
Шушкевич <i>див.</i> Сушкевич	
Шапов А. П. (1831–1876) – історик церковного розколу, обстоював ідеї обласного самоврядування Сибіру	164
Щеглов В. Г. (1854–1927) – російський юрист, доктор права	162
Щепкін М. С. (1788–1863) – актор української та російської сцени; у 1813–1821 рр. – актор полтавського театру, керованого І. Котляревським. Останній організував збір коштів, завдяки чому 1822 р. Щепкіна викуплено з кріпацтва. Тоді ж він дебютував у московському театрі (з 1824 – Малий театр); в українському репертуарі був першим “Виборним” та “Чупруном” у п’єсах І. Котляревського “Наталка-Полтавка” та “Москаль-Чарівник”; товаришував із Т. Шевченком, на його честь ставив “Москаля-Чарівника” в Нижньому Новгороді (1857)	327
Щоголев С. Н. (1862–1919) – чиновник особливих доручень при київському генерал-губернаторові (1909); дослідник українського руху, автор праці “Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма” (К., 1912)	XXVI, 453, 455, 644
Щоголів Я. І. (1823–1898) – український поет, представник українського романтизму	217, 265, 350, 654, 657, 680, 684, 687
Щурат В. Г. (1871–1948) – український педагог, літературознавець, поет і перекладач; один із засновників Львівського (таємного) українського університету, академік ВУАН (1929); автор одного з найкращих віршованих перекладів “Слова о полку Ігоревім” сучасною українською мовою (1907)	680

Юзефович Б. М. (1843–1911) – російський військовий, державний і громадський діяч, публіцист, педагог, голова Київського відділення Російського зібрання; київський окремих цензор (з 1892 р.), видавець київської газети “Закон и правда”	188, 264, 271, 427, 429, 430, 642, 661
Юзефович М. В. (1802–1889) – державний діяч, помічник попечителя Київського навчального округу (1843–1846), голова Київської археографічної комісії (1857–1889), ініціатор і один з авторів Емського указу 1876 р.	XV, XVI, XX, XXV–XXVII, XXIX, XXX, 110–115, 118, 126, 128–132, 136, 379, 572, 603, 607, 608, 617, 618, 621, 632, 633, 639, 641, 642
Юркевич А. Д. (1833–1896) – учитель грецької мови 2-ї київської гімназії; брат філософа П. Юркевича	151–153, 156
Яблоновський – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання часопису “Степ”	343, 681
Яблонський – мешканець Києва	537
Яворницький Д. І. (Еварницький; 1855–1940) – український історик, археолог, етнограф, фольклорист, письменник; дійсний член Наукового товариства імені Шевченка (1914) та ВУАН (1929)	314, 534
Яворський В. – видавець, 1897 р. подав клопотання щодо дозволу на видання сільськогосподарського часопису “Рілля”	343, 678
Яворський В. (1854–1926) – український громадський і політичний діяч, публіцист, меценат; депутат Австрійського парламенту (1900–1907). Разом з Р. Сембратовичем та А. Косом видавав у Відні журнали “Ruthenische Revue” (1903–1905) та “Ukrainische Rundschau” (1905–1915); надавав фінансову підтримку українським молодіжним організаціям Галичини	451, 683
Ягайло <i>див.</i> Владислав II Ягайло	
Яким – літературний герой	305, 306
Яковенко В. І. (1859–1915) – російський громадський діяч, журналіст, видавець “Кобзаря” в Петербурзі 1910 р.; відомий петербурзький видавець Ф. Павленков (1839–1900) заповідав йому продовжити видавничу справу	479, 480, 646
Яковленко А. П. – автор рукопису “Ніч на Івана Купайла. Комедія на одну дію”, забороненого до друку 1887 р.	229, 669
Якубовський – київський інженер	182
Якутович – майор Окремого корпусу жандармів у Києві	160, 162
Ямпольська Г. П. (“Бульварна”) – дочка генерала від інфантерії, видавець тижневика “Село” (до квітня 1910 р.)	460, 679
Янковський А. – актор мандрівних театрів, автор водевілів	674
Янчук М. А. (1859–1921) – славіст, мовознавець, фольклорист, етнограф, педагог, український письменник і драматург	654, 672

Ярмоченко С. – волосний старшина	36
<i>Яременко В. В.</i>	LIII
Ярошенко С. П. (1864–?) – математик; доцент кафедри чистої математики (1870), ректор (1881–1890) Новоросійського університету в Одесі	335
Ярошинська Є. І. (1868–1904) – українська письменниця, перекладачка, етнограф, фольклорист, педагог; громадська діячка на Буковині	653
Ясинський М. М. (1862–1935) – історик, правознавець; приват-доцент Київського університету; секретар Підготовчого комітету для проведення XI Археологічного з'їзду в Києві 1899 р.	292
Ястребов В. М. (1855–1898) – український фольклорист, етнограф, укладач збірки “Песни казацкие, солдатские, чумацкие, наемных рабочих, разбойничьи, любовные, семейные, насмешливые и шуточные”, забороненої до друку 1894 р.	266, 666
Яхно І. Т. – підрядник на цукровому заводі купців Яхненка і Симиренка	25
Ященко Л. (1833–?) – студент Київського, згодом Московського університетів, викладач у московських школах; автор підручника “Грамматика задля українського люду” (1862)	XIX, 432, 643, 655

Показчик географічних назв

- Авдотіївка, с. Одеського пов. Херсонської губ. 488
- Австрійська Галичина *див.* Галичина
- Австро-Угорщина (Австрійська імперія, Австрійська корона, Австрія, Австро-Угорська імперія, Угорщина) XXXIV, XXXVII, XLIII, 178, 183, 249, 327, 335, 343, 344, 347, 365, 366, 378, 380, 403, 446, 475, 484, 485, 492, 497, 501, 509, 518, 536, 556, 570, 573, 616, 617, 632, 637
- Азія XII
- Александровка, сл. поблизу Берліна 359
- Америка *див.* Сполучені Штати Америки
- Англія (Велика Британія) 67, 69, 71, 273, 275, 366, 403, 612
- Архангельськ, губернське м. 108, 125, 385, 580
- Архангельська губ. 90
- Афганістан 321
- Баварія 403
- Балкани XLVII
- Балта, повітове м. Подільської губ. 542
- Балтійське узбережжя 148
- Балтський пов. Подільської губ. 518, 519, 542, 545, 653, 661, 680, 685
- Бандурка, с. Єлисаветградського пов. Херсонської губ. 488
- Батурін, м. Конотопського пов. Чернігівської губ. 468
- Баштанка, с. Херсонського пов. і губ. 488
- Бельгія 366
- Бергдорф, с., Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
- Бердичів, повітове м. Київської губ. 256, 257, 259, 652–656, 659, 660, 663, 664, 667–670, 672, 673, 675, 678, 679, 681, 682, 684–686
- Бердянськ, повітове м. Таврійської губ. 255
- Березна, с. Сквирського пов. Київської губ. 40
- Бессарабська губ. (Бессарабія) XI, 398, 488, 599
- Белгород, повітове м. Курської губ. 179
- Біла Церква, м-ко Васильківського пов. Київської губ. 145, 259, 376, 566, 567
- Білорусія (Західна Росія) XXVI, 70, 133, 387, 466, 583
- Білоцерківщина 40
- Бірючанський пов. Воронежської губ. 476, 479
- Благодатне, с. Одеського пов. Херсонської губ. 488
- Бобруйськ, м. XXIII
- Богемія 3
- Богодухів, повітове м. Харківської губ. 223
- Болгарія 5, 618
- Борзнянський пов. Чернігівської губ. 176
- Бориспіль, м-ко Переяславського пов. Полтавської губ. 108, 123
- Боснія 5
- Брацлавський пов. Подільської губ. 517, 530

- Бретань 116
 Броди, м. Східної Галичини 492
 Будапешт, м. ХХІХ
 Будієшти, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
 Буковина (Герцогство Буковина, Північна Буковина) 164, 174, 175, 249, 316, 409, 446, 535, 536, 546, 629, 653
 Варшава, м. 42, 120, 146, 147, 164, 323, 325, 452
 Вашингтон, м. ХХХVІІІ
 Вашкіці, м. на Буковині 629
 Велика Британія *див.* Англія
 Велике князівство Литовське (Литовське князівство, Литовсько-Білоруський край, Литовсько-Руська держава) X, ХХХІІ, 371, 385, 559
 Велике князівство Фінляндське *див.* Фінляндія
 Великоросія *див.* Росія
 Відень, м. ХХVІІІ, 125, 176, 178, 318, 319, 322, 343, 399, 601, 621, 638, 639, 672, 679, 683
 Вільгельмсталь, кол. в Херсонській губ. 488
 Вінниця, повітове м. Подільської губ. 517, 543
 Вкраїна *див.* Україна
 Власів, хут. Наголинської вол. Бірючанського пов. Воронежської губ. 476, 479
 Волга, р. 385, 580
 Волинська губ. (Волинь) X, 29, 107, 128, 132, 161, 431, 492, 502, 516, 616, 634, 666
 Вологда, губернське м. 10, 125, 634
 Володимир, повітове м. Волинської губ. 98
 Володимирський пов. Волинської губ. 97
 Волочиськ, м. Старокостянтинівського пов. Волинської губ. 491
 Воронежська губ. 446, 476
 Вюртемберг 403
 В'ятка, губернське м. 9, 10
 В'ятська губ. 10
 Гадяч, повітове м. Полтавської губ. 677
 Гайдамацьке, с. Херсонського пов. і губ. 488
 Гайсинський пов. Подільської губ. 545
 Галичина (Австрійська Галичина, Загранична Русь, Зарубіжна Русь, Зарубіжна Україна, Галицька Русь, Галицька Україна, Прикарпатська Русь, Східна Галичина) ХVІІ, ХХ, ХХІІІ, ХLІІІ, 16, 70, 92, 105–107, 116, 125, 130, 131, 134, 136, 138, 164, 174–177, 181, 211, 230, 233, 249, 250, 293, 296, 297, 299, 316, 321, 325, 332, 342, 344, 346, 350, 354, 366, 369, 378–380, 389, 390, 398, 402, 405, 408–414, 446, 459, 475, 484, 491, 497–499, 501, 508, 509, 535, 536, 538, 546, 554, 570, 571, 572, 584, 587, 592, 594, 600, 609, 616, 617, 618, 619, 641, 645, 652
 Герцогство Буковина *див.* Буковина
 Гетьманщина (Гетьманська Україна) ХХХІV, 8, 10, 12, 90, 109, 432, 505, 538, 643
 Гетьманці, с. Тираспольського пов. Херсонській губ. 488
 Глухів, повітове м. Чернігівської губ. 155–157
 Голландія 410
 Городище, с. Черкаського пов. Київської губ. 110
 Городнянський пов. Чернігівської губ. 176, 432
 Градець-Кралове (Кенігретц, Садова), м. 632
 Греція ХLІІІ
 Грибове, с. Одеського пов. Херсонській губ. 488
 Гофнунгсталь, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
 Гулівці, с. Острозького пов. Волинської губ. 540
 Далекий Схід 419
 Далмація 5
 Дашів, м-ко Липовецького пов. Подільської губ. 48, 627
 Деражня, м-ко Рівненського пов. Волинської губ. 29
 Дерпт, м. 630
 Діордієшти, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488

- Дніпро, р. 24, 62, 106, 107, 121, 129, 176, 236, 240, 297, 376, 567
- Дніпровщина *див.* Наддніпрянина
- Добромиль, м. у Східній Галичині 636
- Дойбани, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
- Дон, р. 385, 580
- Донець, р. 385, 580
- Дубно, повітове м. Волинської губ. 28
- Емс, м. 137, 139, 380, 572, 618, 633
- Ефінгар, с. Херсонського пов. і губ. 488
- Європа (Західна Європа, Захід) VII, XLVI, 3, 66, 68, 286, 350, 352, 354, 366, 393, 350, 354, 409, 465, 503, 581, 592, 632
- Єлисаветград, повітове м. Херсонської губ. 213, 256
- Єлисаветградський пов. Херсонської губ. 266
- Женева, м. 183, 184, 199, 203, 211, 220, 233, 629, 633, 636, 654, 656, 658, 665, 670, 671, 674, 675, 677, 684
- Житомир, губернське м. Волинської губ. 30, 31, 53, 126, 156, 256, 259, 470, 481, 483–485, 487, 495, 502, 540, 646, 659
- Житомирський пов. Волинської губ. 30
- Жовте море 321
- Задніпровська Русь *див.* Україна
- Закарпаття *див.* Угорська Русь
- Закаспійська область 647
- Запорозька Січ (Запорожжя, Січ) 148, 240, 253, 355, 488, 546
- Зарубіжна Русь *див.* Галичина
- Зарубіжна Україна *див.* Галичина
- Затишок, хут. Куп'янського пов. Харківської губ. 327
- Західна Європа *див.* Європа
- Західна Росія *див.* Білорусія
- Зеебах, с. Ананьївського пов. Херсонської губ. 488
- Зеленьки, с. Канівського пов. Київської губ. 25
- Зимне, с. Володимирського пов. Волинської губ. 98
- Зміїв, повітове м. Харківської губ. 28
- Золотоніський пов. Полтавської губ. 433
- Іванківці Дунаєвецькі, с. Ушицького пов. Подільської губ. 530
- Ізраїлівка, с. Єлисаветградського пов. Херсонської губ. 488
- Ізяславський пов. Волинської губ. 540
- Іллінойс, штат у США 275
- Ірландія 366
- Іспанія 366, 410, 464, 640
- Італія 66, 612
- Іудея XLV
- Кавказ X, 323, 409, 413
- Кавказький край 647
- Казань, губернське м. 11, 18, 147, 164, 614, 630
- Калузька губ. 488
- Кам'янець-Подільська губ. *див.* Подільська губ.
- Кам'янець-Подільський (Кам'янець), губернське м. 503, 516, 517, 530, 539, 545, 648, 673, 679
- Кам'янка, с. Ушицького пов. Подільської губ. 530
- Канада 535, 648
- Канів, повітове м. Київської губ. 24, 25, 121, 129
- Канівський повіт Київської губ. 25, 53, 105, 231
- Карлсруе, с. Одеського пов. Херсонської губ. 488
- Карпати 233, 409, 413, 485
- Каспійське море 233
- Каталонія 464
- Катеринослав, губернське м. 419, 657, 665
- Катеринославська губ. 397, 431, 494, 599
- Квельнарт, о. у Жовтому морі 321
- Кеніггрец *див.* Градець-Кралове
- Кенігсберг, м. XXXII
- Київ, губернське м. XV, XVI, XXIV–XXVIII, XLIX, LIII, 7, 10, 11–18, 21, 23, 24, 26–30, 32, 38, 54, 56–60, 62, 65, 70, 72, 86, 89, 91, 93–96, 104–106, 108–110, 112, 115, 118–121, 123–125, 128–131, 135, 137, 146–148, 151, 159,

- 160–162, 165, 166, 171–176, 182–184, 187, 200, 203, 209, 211–212, 218, 224, 227, 230–235, 242, 243, 250, 253, 256, 257, 259, 261, 263, 265, 269, 273, 276, 282, 288, 291, 293, 294, 296–298, 317, 325, 343, 346, 348, 350, 362, 375, 376, 379, 385, 387, 400, 421, 423, 427, 429, 432, 438, 450, 459–461, 471, 472, 474–477, 488, 490–492, 494, 497, 499, 501, 508, 510, 513, 514, 520, 524, 526, 535, 537–541, 546, 562, 566, 568, 572, 580, 583, 584, 603, 614, 616, 617, 625, 628, 629, 631, 632, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 642, 643, 644, 645, 648, 649, 651–653, 655–667, 669, 673–687
- Київська губ. (Київщина) X, 15, 22, 35, 53, 107, 159, 293, 373, 423, 425, 431, 447, 490, 491, 492, 516, 538, 616, 620, 635, 644
- Кириївка, с. Житомирського пов. Волинської губ. 30
- Климундка, сл. Житомирського пов. Волинської губ. 30, 32
- Ковель, повітове м. Волинської губ. 243
- Козелецький пов. Чернігівської губ. 38, 176
- Коломия, м. у Східній Галичині 629, 668
- Коломна, повітове м. Московської губ. 445
- Константинополь *див.* Стамбул
- Копилля, с. Луцького пов. Волинської губ. 28, 29
- Корсунь, м-ко Канівського пов. Київської губ. 42
- Костромка, с. Олександрійського пов. Херсонської губ. 488
- Кочерів, с. Радомишльського пов. Київської губ. 36
- Кошари, с. Одеського пов. Херсонської губ. 488
- Краків, м. ХХХ
- Красилівка, с. Остерського пов. Чернігівської губ. 319, 320, 660, 670, 671, 679
- Краснопілля, с. Житомирського пов. Волинської губ. 495, 496
- Кременецький пов. Волинської губ. 259
- Кременчук, повітове м. Полтавської губ. 419
- Крим, півострів 54, 537
- Кроація *див.* Хорватія
- Кронау, кол. Херсонського пов. і губ. 488
- Кубанська обл. (Кубань) 148, 188, 228
- Куниче, с. Брацлавського пов. Подільської губ. 530
- Куп'янський пов. Харківської губ. 328
- Лабушна, с. Балтського пов. Подільської губ. 544
- Лейпциг (Липськ), м. 171, 209, 233, 381, 575, 620, 636, 660, 661, 676
- Лемберг *див.* Львів
- Липне, с. Луцького пов. Волинської губ. 29
- Липськ *див.* Лейпциг
- Литва VIII, ХХІ, 48, 363, 612
- Литовське князівство *див.* Велике князівство Литовське
- Литовсько-Білоруський край *див.* Велике князівство Литовське
- Литовсько-Руська держава *див.* Велике князівство Литовське
- Лівобережна Україна (Лівобережжя) *див.* Гетьманщина
- Лондон, м. 183, 633, 636
- Лубни, повітове м. Полтавської губ. 297
- Луцьк, повітове м. Волинської губ. 28, 51
- Луцький пов. Волинської губ. 28, 51
- Львів (Лемберг), окружне м. Східної Галичини 16, 94–96, 106, 107, 134, 176, 178, 233, 234, 249, 253, 254, 280, 291, 293, 294, 298, 299, 320, 321, 323, 342, 343, 356, 378–381, 385, 388, 389, 391, 393, 399, 492, 497, 532, 570, 571, 573, 574, 580, 584, 587, 590, 592, 601, 617, 628, 630, 633, 636, 637, 638, 644, 646, 651, 652, 655–657, 659–662, 665, 666, 668, 670, 672, 674–676, 678, 680–682, 684, 686
- Ляховецька вол. Острозького пов. Волинської губ. 540
- Люблінська губ. 132
- Магала, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
- Мала Росія *див.* Україна

- Малашти, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
- Малоросія *див.* Україна
- Мекленбург, м. 5
- Мерефа (Мерехва), сл. Харківського пов. і губ. 207
- Миколаїв, м. Херсонського пов. і губ. 146, 213
- Микуличі, с. Володимирського пов. Волинської губ. 98
- Миргородський пов. Полтавської губ. 397
- Михалківці, с. Острозького пов. Волинської губ. 496
- Мілан, м. 66
- Мліїв, с. Черкаського пов. Київської губ. 538
- Мліївська вол. Черкаського пов. Київської губ. 538
- Могилів-Подільський, повітове м. Подільської губ. 679
- Моравія 4
- Моря 5
- Москва, губернське м. XXXIV, LV, 29, 71, 90, 91, 106, 119, 128, 230, 257, 269, 271, 292, 294, 305, 322, 325, 332, 340, 371, 372, 375, 386, 387, 397, 475, 491, 519, 565, 580, 599, 614, 627, 632, 639, 643, 645, 648, 649, 655, 657, 659, 660, 663, 666, 667, 670, 673, 676, 682–684, 686
- Москва *див.* Росія
- Московія *див.* Росія
- Московська держава *див.* Росія
- Московська земля *див.* Росія
- Московська Русь *див.* Росія
- Московське царство *див.* Росія
- Московщина *див.* Росія
- Мостище, с. Козелецького пов. Чернігівської губ. 38
- Мюнхен, м.
- Нагартав**, с. Херсонського пов. і губ. 488
- Наголинська вол. Бірючанського пов. Воронезької губ. 476
- Наддніпрянщина (Дніпровщина, Правобережна Україна, Придніпров'я, Придніпрянщина) XI, XVII, XXI, 33, 253, 325, 386, 581, 634, 639, 643, 662, 667
- Нейбан, кол. в Херсонській губ. 488
- Нижньгородська губ. 488
- Ніжин, повітове м. Чернігівської губ. 22, 23, 61, 468, 631
- Ніжинський пов. Чернігівської губ. 176
- Німеччина 5, 66, 67, 69, 357, 366, 410, 444, 463, 465, 608, 632
- Новгород, губернське м. 148, 385, 580, 649
- Новоград-Волинський пов. Волинської губ. 126, 127, 132, 540, 637
- Новоросійський край 113, 266, 488
- Новочеркаськ, м., адміністративний центр Облaсті Війська Донського 509
- Норвегія 410, 465
- Нью-Йорк, м. 644
- Область Війська Донського** 507, 509
- Одеса, повітове м. Херсонської губ. XIX, XXXIV, 11, 28, 147, 164, 200, 204, 219, 234, 269, 273, 296, 325, 329, 452, 470, 489, 637, 638, 641, 649, 651, 654, 658, 663, 664, 666, 668, 669, 672, 674, 678
- Ока, р. 385, 580,
- Олександрійський повіт Херсонської губ. 266
- Олонецька губ. 9
- Оринин, м-ко Кам'янецького пов. Подільської губ. 96
- Остерський пов. Чернігівської губ. 176, 319, 320, 660, 670, 671, 679
- Остзейські провінції (Остзейський край) IX, XXI, 363
- Острозький пов. Волинської губ. 496, 540
- Париж**, м. XXVIII, 641, 665
- Пеньківка, с. у Подільській губернії 679
- Переяславський пов. Полтавської губ. 63, 95, 108
- Пермська губ. 488
- Петербург *див.* Санкт-Петербург
- Петергоф, повітове м. Санкт-Петербурзької губ. 416, 417
- Печера, м. Брацлавського пов. Подільської губ. 530
- П'ємонт 509
- Писарівка, с. Балтського пов. Подільської губ. 519, 544
- Південна Росія *див.* Україна

- Південна Русь *див.* Україна
 Південний край *див.* Україна
 Південно-Західна Росія *див.* Україна
 Південно-Західна Русь *див.* Україна
 Південно-Західний край *див.* Україна
 Південно-Руський край *див.* Україна
 Південно-Східний район *див.* Слобожанщина
- Північна Буковина *див.* Буковина
 Північна Русь *див.* Росія
 Північно-Американські Сполучені штати, Північно-Американські штати *див.* Сполучені Штати Америки
 Піренейський півострів 640
 Плоти, с. Балтського пов. Подільської губ. 542
 Подільська губ. (Кам'янець-Подільська губ., Поділля) X, XXXVI, 27, 42, 96, 155, 431, 437, 516, 518, 519, 539, 616, 648, 653, 661, 679, 680, 685
 Полісся LX, 29
 Полтава, губерньське м. 22, 34, 93, 94, 125, 296–298, 315, 325, 346, 356, 385, 397, 418, 419, 433, 529, 530, 580, 599, 637, 643, 646, 651, 662, 677, 686
 Полтавська губ. VII, 33, 34, 93–95, 108, 123, 155, 160, 173, 176, 251, 271, 293, 299, 315, 317, 398, 433, 434, 488, 516, 599
 Полтавський пов. Полтавської губ. 397
 Полуднева Росія *див.* Україна
 Полуднево-Західна Русь *див.* Україна
 Польща (Польська Річ Посполита, Річ Посполита, Царство Польське) VII–XI, XV, XXII, 5, 7, 13, 38, 46, 48, 50, 59, 60, 66, 68, 69, 72, 74, 86, 91, 99, 105, 107, 116, 119, 120, 122, 134, 230, 314, 318, 337, 353, 375, 462, 566, 612, 627, 647, 648
 Померанія 5
 Португалія 410
 Почаїв, м-ко Кременецького пов. Волинської губ. 27, 675,
 Правобережна Україна *див.* Україна
 Прага, м. XXXII, 318, 615
 Придніпров'я *див.* Наддніпрянина
 Прикарпатська Русь *див.* Галичина
 Прованс 410
 Пруссія 366, 403, 632
 Псков, губерньське м. 148
- Радзивилів, м., Кременецького пов. Волинської губ. 259, 242, 492, 673, 679
 Радомишль, повітове м. Київської губ. 26, 27
 Радомишльський пов. Київської губ. 36, 447, 448
 Радянський Союз *див.* СРСР
 Райківська вол. Новоград-Волинського пов. Волинської губ. 126, 132
 Рашків, м-ко Балтського пов. Подільської губ. 431
 Рейнфелд, с. Херсонського пов. і губ. 488
 Рим, м. XL, XLV, 234
 Рівне, с. Єлизаветградського пов. Херсонської губ. 488
 Рівненський пов. Волинської губ. 29
 Річ Посполита *див.* Польща
 Романівка, м. Сквирського пов. Київської губ. 165
 Роменський пов. Полтавської губ. 536
 Ромни, повітове м. Полтавської губ. 156
 Російська Україна *див.* Україна
 Росія (Великоросія, Москва, Московська держава, Московська Русь, Московське царство, Московщина, Російська держава, Російська імперія, Російське царство, Північ, Північна Русь, Русь, Центральна Росія) VII, IX, XII–XVIII, XXV, XXVI, XXX, XXXIII, XXXVII, XXXIX–XLIII, XLIX–LIV, LVIII, 4–8, 11–13, 16, 17, 47, 55, 58, 59, 62, 63, 67, 69, 70, 72–74, 84, 86, 90, 92, 99, 101, 103–108, 110, 115, 116, 118–123, 126, 128, 129, 131, 133, 134, 148, 163, 164, 171, 174–179, 181, 193, 194, 199, 207, 209, 211, 223, 225, 226, 229–235, 239, 240, 242, 243, 249–251, 254, 265, 280, 293, 298, 299, 305, 306, 314, 318, 319, 321–324, 326–328, 330, 332–335, 341–347, 351, 354, 355, 357–360, 362, 364, 368, 369, 375, 376, 378–381, 385, 386, 387, 389–394, 397, 399, 403–405, 407, 409–411, 413–415, 417, 425, 426, 429, 431, 436, 439, 444–446, 454, 457, 465,

- 468, 469, 475, 478, 485, 487, 489, 491, 492, 497–499, 508–510, 516, 518, 521, 524, 526, 538, 543, 553, 554, 558, 559, 560, 567, 569, 570, 571, 573, 574, 580, 581, 583, 587, 590, 591, 592, 593, 594, 599, 601, 602, 603, 604, 605, 608, 609, 612, 614, 615, 616, 618, 619, 620, 621, 622, 629, 631, 633, 634, 642, 644, 647, 648, 649, 657, 666, 667, 671, 672, 678, 682, 684, 686
- Росошки, с. Уманського пов. Київської губ. 39, 40
- Рось, р. 305
- Румунія XLI, 501
- Русь, Русь Київська *див.* Україна
- Рязань, губернське м. 385, 580
- Сагайдаківка, с. Єлизаветградського пов. Херсонської губ. 488
- Садова *див.* Градець-Кралове
- Саксонія 5, 403,
- Санкт-Петербург (Петербург), столицне м. VII, IX, XXI, XXXIV, XLVII, LIII, LV, 3, 7, 10, 11, 17, 19, 26, 28, 29, 31, 52, 54–56, 59, 60, 72–74, 76, 79, 81–83, 85, 86, 90, 92–94, 96–98, 105, 114, 121, 123, 125, 128, 129, 131, 137, 140, 142, 144, 148, 149, 158, 161, 164, 172, 180–182, 186–188, 191–193, 195–199, 202–206, 208, 212–214, 216, 217, 219–226, 228–230, 235, 237, 239, 241, 243, 244, 247, 251, 252, 254, 255, 266, 268, 272, 276–281, 283, 284, 290, 294, 295, 299–304, 307–311, 320, 323–325, 327, 328, 337, 346, 360, 364, 367, 372, 375, 379, 386, 387, 404, 412, 417, 430, 438, 451, 455–457, 462, 473, 475, 479, 480, 496, 504, 508, 520, 543, 560, 565, 572, 581, 583, 613, 614, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 625, 626, 628, 631, 633, 634, 638, 640, 641, 642, 643, 646, 647, 651–653, 655–660, 662–672, 674–680, 682, 684–686
- Сараєво, м. XXVIII
- Священна Римська імперія VII
- Саратов, губернське м. 375, 475, 565, 666
- Севастополь, м. Таврійської губ. 48
- Сейм, р. 385, 580,
- Сейдеменуха (Сейдеминуха), с. Херсонського пов. і губ. 488
- Семиреньки, с. Луцького пов. Волинської губ. 51, 52
- Сербія 5, 403
- Сибір 133, 164, 232, 355, 427, 613
- Сімферополь, губернське м. Таврійської губ. 644
- Січ *див.* Запорозька Січ
- Сквира, повітове м. Київської губ. 54
- Сквирський пов. Київської губ. 54, 165
- Скрентон, м. LI
- Славонія 5
- Слобідка, ст. Балтського пов. Подільської губ. 543, 544
- Слободзея, с. Балтського пов. Подільської губ. 519, 542, 543, 545, 653, 661, 680, 685
- Слобожанщина (Слобідська Малоросія, Слобідська Україна, Східна Малоросія, Східна Україна, Південно–Східний район, Харківщина) 207, 432, 507, 509, 641
- Слов'янська держава 3
- Смоленська губ. 488
- Сокаль, м. у Східній Галичині 535
- Сосницький пов. Чернігівської губ. 176, 432
- Софія, м. XXXII, 219
- Сполучені Штати Америки (Америка, Північно-Американські Сполучені штати, Північно-Американські штати, Сполучені Держави) LIV, LX, 105, 230, 273, 275, 366, 403, 592, 634
- СРСР (Радянський Союз) XL, 622
- Ставищі, м-ко Тарашанського пов. Київської губ. 107
- Стамбул (Константинополь), м. 219, 322
- Стетківці, с. Житомирського пов. Волинської губ. 30
- Страсбург, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
- Сумський пов. Харківської губ. 243
- Східна Галичина *див.* Галичина
- Східна Росія *див.* Росія
- Східна Україна *див.* Слобожанщина
- Сянок, м. 634

- Таврійська губ. 398, 599
Тараща, повітове м. Київської губ. 261, 652, 654, 664, 667, 673, 675, 679, 686
Тимків, с. Балтського пов. Подільської губ. 519, 544
Токмазєя, с. Тираспольського пов. Херсонської губ. 488
Томськ, губернське м. 427, 428
Туреччина XIII, 314, 497
Туркестанський край 647
Турку, м. IX
- Угорська Русь (Закарпаття) 70, 175, 446, 641
Угорщина *див.* Австро-Угорщина
Уельс 410, 464
Україна (Україна, Задніпровська Русь, Мала Росія, Малоросія, Південна Росія, Південна Русь, Південний край, Південно-Західна Росія, Південно-Західна Русь, Південно-Західний край, Південно-Руський край, Південь, Південь Росії, Правобережна Україна, Російська Україна, Русь, Русь Київська, Україна) VII, XI, XVI, XVII, XXIII, XXV, XXVI, XXXIII, XXXIV, XL, XLI, XLIII, XLV–LI, LV, 8–13, 18, 23, 24, 35, 37, 47, 48, 55, 58–63, 65, 68–72, 73, 74, 78, 83, 84, 86, 87, 90, 91, 92, 95, 99–102, 105, 106, 108, 110, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 122, 127–129, 131, 133, 148, 150, 154, 158, 159, 163, 164, 167, 173, 177, 181, 186, 190, 191, 202, 205, 207, 208, 230, 231, 233, 235, 236, 240, 244, 246, 250, 251, 253, 254, 257, 280, 296, 297, 299, 302–305, 307, 310, 314, 315, 318, 319, 325–328, 332, 337, 338, 345, 347, 351, 355, 358, 359, 362, 365, 368, 369, 371, 375, 376, 378, 382, 383, 385, 386, 388–394, 396–399, 403, 404, 406, 407, 409, 410, 412, 413, 414, 418, 425, 427, 431–433, 437, 444–448, 453, 460, 468, 469, 471, 472, 475, 477, 478, 485–489, 491–493, 497, 505, 507, 509, 516, 521, 535–539, 541, 543, 546, 554, 556, 557, 559, 565, 566, 567, 569, 576, 577, 580, 581, 582, 584, 589, 590, 591, 592, 593, 597, 598, 600, 604, 606, 608, 612, 613, 618, 626, 629, 632, 633, 634, 637, 646, 667, 668, 672, 682
Уманський пов. Київської губ. 39
Умань, повітове м. Київської губ. 39, 104, 259, 273
Урал 233
Уральські гори 485
Ушицький пов. Подільської губ. 530
- Ф**іліппополь, стара назва м. Пловдива 322
Фінляндія (Велике князівство Фінляндське) IX, 83, 103, 321
Франція 66, 67, 69, 71, 116, 326, 366, 608, 612, 632, 640, 645
- Харків, губернське м. 28, 92–95, 173, 234, 265, 296, 297, 299, 317, 325, 346, 349–351, 355, 373, 426, 437, 451, 480, 493, 494, 502, 505, 507, 508, 509, 562, 631, 635, 637, 639, 648, 654, 656, 657, 659, 661, 662, 664, 665, 668, 669, 672, 673, 675, 677–680, 684, 687
Харківська губ. VII, 93–95, 127, 243, 283, 293, 328, 359, 431, 432, 480, 494
Харківщина *див.* Слобожанщина
Херсон, губернське м. 213, 296, 487, 489, 653, 660, 678
Херсонська губ. 266, 283, 431, 488, 490
Холм, м. 344
Холмщина 462
Холоневичі, с. Луцького пов. Волинської губ. 28, 29
Хорватія (Кроація) 5
Хорохорин, с. Луцького пов. Волинської губ. 52
Х'юстон, м. VIII
- Ц**арство Польське *див.* Польща
- Ч**игиринський пов. Київської губ. 232
Черкаси, повітове м. Київської губ. 259, 263, 656, 668, 670
Черкаський пов. Київська губ. 25, 110, 120, 538
Чернівці (Чорновиці), м., адміністративний центр Буковини 176, 178, 249, 409, 587, 601, 653, 655
Чернігів, губернське м. 22, 23, 28, 86–88, 95, 125, 194, 196, 264, 270, 286, 296,

- 297, 313, 314, 325, 343, 346, 626, 637,
651–655, 657–659, 661–664, 666, 668,
669, 671, 672, 674, 677–679, 681, 684,
685, 687
- Чернігівська губ. VII, 38, 88, 156, 157, 173,
175, 176, 196, 293, 314, 340, 397, 432,
434, 435, 488, 599, 620, 660, 670, 671
- Чернігівський пов. Чернігівської губ. 176,
432
- Чернігівський полк 432
- Чехія 5, 632
- Чигиринський пов. Київської губ. 232, 635
- Чорновиці *див.* Чернівці
- Чорногорія 403
- Чуднів, м-ко Житомирського пов. Волин-
ської губ. 495
- Чуків, с. Брацлавського пов. Подільської
губ. 517
- Шабельники**, с. Чигиринського пов. Київ-
ської губ. 635
- Швабія 410
- Швейцарія 366, 403, 464, 618
- Швеція 410
- Шейнау, кол. Херсонського пов. і губ. 488
- Широке, с. Херсонського пов. Херсон-
ської губ. 488
- Шлезвіг 366
- Щурівці**, с. Брацлавського пов. Поділь-
ської губ. 530
- Юшки**, с. Канівського пов. Київської губ.
53
- Ялта**, повітове м. Таврійської губ. 637
- Ярославль, губернське м. 385, 580, 649
- Японія 359

Перелік використаних архівних фондів та публікацій документів

I. Архівні фонди

Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАК України)

- ф. 268 – Південне районне охоронне відділення, м. Одеса
- ф. 274 – Київське губернське жандармське управління, м. Київ
- ф. 275 – Київське охоронне відділення, м. Київ
- ф. 276 – Південно-Західне районне охоронне відділення, м. Київ
- ф. 293 – Київський цензурний комітет, м. Київ
- ф. 294 – Канцелярія Київського окремого цензора, м. Київ
- ф. 295 – Київський тимчасовий комітет у справах друку, м. Київ
- ф. 301 – Жандармські установи Подільської губернії. Об'єднаний архівний фонд
- ф. 317 – Прокурор Київської судової палати, м. Київ
- ф. 318 – Київська судова палата, м. Київ
- ф. 320 – Полтавське губернське жандармське управління, м. Полтава
- ф. 336 – Харківське губернське жандармське управління, м. Харків
- ф. 348 – Одеська судова палата, м. Одеса
- ф. 356 – Канцелярія миколаївського військового губернатора, м. Миколаїв
- ф. 419 – Прокурор Одеської судової палати, м. Одеса
- ф. 442 – Канцелярія київського, подільського і волинського генерал-губернатора, м. Київ
- ф. 473 – Слідча комісія з політичних справ при київському, подільському і волинському генерал-губернаторі, м. Київ
- ф. 575 – Канцелярія київського окружного фабричного інспектора, м. Київ
- ф. 707 – Управління Київського навчального округу, м. Київ
- ф. 711 – Київська духовна академія, м. Київ
- ф. 832 – Антоновичі
- ф. 1225 – Лотоцький Олександр Гнатович
- ф. 1252 – Штаб-офіцер корпусу жандармів у м. Одесі
- ф. 1335 – Волинське губернське жандармське управління, м. Житомир
- ф. 1439 – Чернігівське губернське жандармське управління, м. Чернігів
- ф. 1680 – Канцелярія харківського інспектора в справах друку, м. Харків
- ф. 2052 – Сумцов Микола Федорович

- ф. КМФ-8 – Документи про життя та діяльність Тараса Григоровича Шевченка
- ф. КМФ-13 – Слідча справа про Кирило-Мефодіївське товариство
- ф. КМФ-19 – Документи з історії української культури та революційного руху

ф. КМФ-22 – Документи та матеріали з історії суспільно-політичного руху в Україні в 60-х – 90-х рр. XIX ст.

**Російський державний історичний архів
(РДІА)**

ф. 775 – Центральне управління по цензурному відомству
ф. 776 – Головне управління у справах друку
ф. 777 – Санкт-Петербурзький цензурний комітет
ф. 1282 – Канцелярія міністра внутрішніх справ

**Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського НАН України
(ІР НБУВ)**

ф. І – Літературні матеріали (XI–XX ст.)

**Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаніка
(ЛННБ ім. В. Стефаніка)**

Відділ рідкісної книги, інв. № 69438

II. Публікації документів

Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори / Упоряд. О. Тодійчук, В. Ульяновський. Вст. ст. та коментарі В. Ульяновського. – К.: Либідь, 1995. – 816 с. – (“Пам’ятки історичної думки України”).

Антонович В. Б. Твори. Повне видання. – Т. 1. – К.: ВУАН, 1932.

Архівні документи Валуєвського циркуляра 1863 року та їх сприйняття / Публ. В. Яременка та О. Сліпушко // Дніпро. – 2001. – № 1–2. – С. 62–69.

Борьба за язык: Публикация документов / Ком.: Р. Вульпиус, И. Герасимов, А. Каплуновский // Ab Imperio. – 2005. – № 5. – С. 331–367.

Вашкевич Г. Перевод П. А. Кулиша на украинский язык Манифеста 19 февраля 1861 года и Положения о крестьянах // Киевская старина. – 1905. – Кн. 2: февраль. – С. 324–341.

Возняк М. З життя чернігівської громади в 1861–3 рр. (Листи Леоніда Глібова й Степана Носа до Ол. Кониського) // Україна. – 1927. – Кн. 6. – С. 114–124.

Гісцова Л. Кайдани на вуста народу // Україна – 1990. – № 46. – С. 20–22.

Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия четвертая. – Часть 1. – СПб., 1910. – Заседание 16.

Граховецький Д. З видавничої діяльності Б. Грінченка та Полтавського губернського земства в 1890 р. // За сто літ. – 1930. – Кн. 5. – С. 252–261.

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х тт. – Т. 1: 1861–1864 гг. – М., 1961. – 422 с.

До історії указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Кн. 5. – С. 135–151.

Западные окраины Российской империи / Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева. Кол. авт. Науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с., ил. – (Серия “Historia Rossica. Окраины Российской империи”).

Записка Вол. Антоновича в справі обмежень української мови // Записки Українського наукового товариства в Києві. – 1908. – Кн. 3. – С. 33–39.

І. Ф. Сухий пень // Літературно-науковий вістник. – 1905. – Т. XXIX, кн. 2. – С. 89–97.

Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в “Московских ведомостях”, “Русском вестнике” и “Современной летописи”. – Вып. I. – М., 1887. – 662 с.

Кирило-Мефодіївське товариство. У 3-х томах / Упорядн.: І. І. Глизь, М. І. Бутич, О. О. Франко. АН Української РСР. Археографічна комісія; Інститут історії; Центральний державний історичний архів УРСР у м. Києві. – Т. 1. – К., 1990. – 544 с.

Кревецкий І. “Не было, нет и быть не может” // Літературно-науковий вістник. – 1904. – Т. XXVI. – С. 129–158; Т. XXVII. – С. 1–18.

Лемке Мих. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 годов. – СПб., 1904. – 524 с.

Лотоцький О. Сторінки минулого. – Ч. 2. – Варшава, 1933. – 486 с.

Миллер А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.

Мияковский В. “Киевская громада” (Из истории украинского общественного движения 60-х гг.) // Летопись революции. – 1924. – № 4. – С. 127–150.

Міяковський В. З молодих років К. Михальчука // Україна. – 1924. – Кн. 4. – С. 98–107.

Міяковський В. Недруковане й забуте. Громадські рухи дев'ятнадцятого сторіччя. Новітня українська література / Українська вільна академія наук у Сполучених Штатах Америки. – Т. 1. – Нью-Йорк, 1984. – 510 с.

Міяковський В. В. Записка 1874 р. про український рух // Архівна справа. – 1927. – Кн. 2–3. – С. 21–29.

[*Науменко В.*] Найближчі відгуки указу 1876 р. про заборону українського письменства // Україна. – 1907. – Т. 2, кн. 3. – С. 249–268.

Ник. Фабрикант. Краткий очерк из истории отношений русских цензурных законов к украинской литературе // Русская мысль. – 1905. – Год XXVI, № 3. – С. 125–146.

Об отмене стеснений малорусского печатного слова. – СПб., 1905. – 96 с.

Общественно-политическое движение на Украине: Сб. док.: В 2-х тт. / АН СССР. Ин-т славяноведения; АН УССР. Ин-т истории и др.; Редкол.: В. Королюк и др. – Т. 1: 1856–1862. – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – IV, 387 с.; Т. 2: 1863–1864. – К.: Вид-во АН УРСР, 1964. – XLIX, 551 с.

Палієнко М. Діяльність редакції “Киевской старины” в оцінці жандармського агента // Київська старовина. – 1997. – № 1/2. – С. 74–85.

Палієнко М. “Киевская старина” у громадському та науковому житті України (кінець XIX – початок XX ст.). – К.: Темпора, 2005. – 380 с.

Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3-е. – Т. 24. – Отд. 1: 1904. – СПб., 1907. – № 25495. – С. 1196–1198; Т. 25. – Отд. 1: 1905. – СПб., 1908. – № 25880. – С. 141; № 26803. – С. 754–755.

Речь. – 1910. – № 38. – 8 (21) февраля. – С. 2.

Савченко Ф. Заборона українства 1876 р. До історії громадських рухів на Україні. 1860–1870-х рр. – Харків; Київ, 1930. – 522 с.

Saunders D. Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863 // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 17, no. 3–4 (1996 for 1993). – P. 365–383.

Син України: Володимир Боніфатійович Антонович. У 3-х тт. / Упоряд. В. Короткий, В. Ульяновський. – Т. 2. – К.: Заповіт, 1997. – 448 с.

Тарас Шевченко. Документи і матеріали. 1814–1963. – К.: Держполітвидав, 1963. – 566 с.

Тарас Шевченко. Документи та матеріали до біографії. 1814–1861. – Вид. 2-е перероб. і доп. – К.: Вища школа, 1982. – 432 с.

Франко О. О., Шандра В. С. Байкар, видавець, педагог (До 150-річчя від дня народження Л. І. Глібова) // Архіви України. – 1977. – № 2 (142). – С. 56–62.

Чикаленко Євген. Щоденник (1907–1917). – Львів: Червона калина, 1931. – 496 с.

Шандра В. С. “Заступимо шлях сваволі...” // Україна. – 1990. – № 39. – С. 20.

Шевелів Б. Петиції українських громад до Петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ. – 1928. – Кн. 3. – С. 11–16.

Яворський М. Емський акт 1876 року // Прапор марксизму. – 1927. – № 1. – С. 120–122; 1928. – № 1. – С. 93–95.

Яременко В. “... Літератури дивна течія...” – К.: Аконтіт, 2011. – Кн. 2. – 608 с.

Перелік документів

- № 1 1847 р., травня 29. Санкт-Петербург. – Розпорядження міністра народної освіти С. С. Уварова попечителєві Київського навчального округу О. С. Траскіну із зобов’язанням викладачів Київського університету у викладанні і дослідженнях надавати перевагу російській мові, літературі, історії, а також історії права з метою навчання юнацтва “и впредь по-русски мыслить и чувствовать”, оскільки лише у такий спосіб “будущие члены общества составят одну великую семью с одинакими мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством” 3
- № 2 1847 р., травня 30. Санкт-Петербург. – Відношення начальника Третього відділення власної й.і.в. канцелярії О. Ф. Орлова міністрові народної освіти С. С. Уварову про наслідки розслідування діяльності Кирило-Мефодіївського братства у Києві 7
- № 3 1847 р., червня 21. Одеса. – Повідомлення начальника П’ятого округу Корпусу жандармів у м. Одесі генерал-майора О. А. Шнеля полковникові цього Корпусу В. І. Граве про недопущення поширення українофільських ідей та друкованих і рукописних творів членів Кирило-Мефодіївського братства ... 11
- № 4 1847 р., вересня 22. Київ. – Розпорядження попечителя Київського навчального округу директорові училищ Волинської губернії про вилучення творів П. О. Куліша, Т. Г. Шевченка і М. І. Костомарова з бібліотек навчальних закладів 13
- № 5 1847 р., грудня 17. Київ. – Висновок ректора Київської духовної семінарії архімандрита Антонія цензурному комітетові при Київській духовній академії про небажаність публікацій українськомовних проповідей, “дабы под предлогом общенародности, ложной простоты не исказать русского языка, а найпаче не подвергать унижению ... Слово Божье” 14
- № 6 1853 р., листопада 7. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова міністрові народної освіти А. С. Норову про винесення суворой догани старшому вчителєві Чернігівської губернської гімназії О. Д. Тулубу, який виконував обов’язки цензора “Губернских ведомостей” і схвалив до друку українські прислів’я та приказки, а також про обов’язкове подання етнографічних, фольклорних та історичних матеріалів на розгляд Київського цензурного комітету 15
- № 7 1859 р., березня 14. Київ. – Повідомлення цензора Київського цензурного комітету О. М. Новицького попечителєві Київського навчального округу і голові Київського цензурного комітету М. І. Пирогову про заборону використовувати латинський алфавіт в українськомовних творах 16

№ 8	1859 р., травня 30. Санкт-Петербург. – Повідомлення товариша міністра народної освіти М. О. Муханова попечителеві Київського навчального округу М. І. Пирогову про заборону використовувати латинський алфавіт для друкування українськомовних творів	17
№ 9	1859 р., червня 19. Київ. – Розпорядження попечителя Київського навчального округу М. І. Пирогова Київському цензурному комітетові про заборону ввезення до Росії творів, надрукованих за кордоном українською мовою латинським алфавітом	17
№ 10	1861 р., лютого 25. Київ. – Розпорядження київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова попечителеві Київського навчального округу М. І. Пирогову про переведення студентів Київського університету братів Тадея та Йосипа Рильських до Казанського університету за “неуместное сближение с крестьянами с предосудительной целью”	18
№ 11	1861 р., лютого 28. Санкт-Петербург. – Розпорядження начальника Третього відділення власної й і. в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про підтвердження відомостей щодо появи студентів Київського університету на лекціях у національному вбранні та виконання польського гімну на концерті в залі університету	19
№ 12	1861 р., березня 7. – Лист П. О. Куліша до В. П. Буткова з поясненнями щодо перекладу ним українською мовою “Загального положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності”	19
№ 13	1861 р., березня 12. Київ. – Рапорт київського жандармського штаб-офіцера начальникові Третього відділення власної й і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про всенародне оголошення в Києві “Загального положення про селян, які вийшли з кріпосної залежності” з обґрунтуванням доцільності здійснення його перекладу українською мовою	21
№ 14	1861 р., травня 11. Чернігів. – Лист Л. І. Глібова до О. Я. Кониського про намір видавати газету “Чернігівський листок”	22
№ 15	1861 р., травня 16. Київ. – Розпорядження київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова виконуючому обов’язки попечителя Київського навчального округу Й. Г. Міхневичу про підтвердження факту створення студентами Київського університету товариства “Українська громада”	23
№ 16	1861 р., травня 24. Київ. – Донесення київського губернатора П. І. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про перепоховання праху Т. Г. Шевченка в Каневі	24
№ 17	1861 р., вересня 30. Канів. – Повідомлення начальника Канівської повітової поліції київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про розповсюдження “Букваря” Т. Г. Шевченка у Канівському повіті	25
№ 18	1861 р., вересень. Київ. – Повідомлення попечителя Київського навчального округу О. П. Ніколаї міністрові народної освіти Є. В. Путятіну про доручення директорам училищ повідомити про факти використання рукописних або видрукованих за кордоном підручників, подібних до рукопису “Нової української азбуки”, писаної польською абеткою і забороненої цензурою у 1859 р.	26

№ 19	1861 р., жовтня 2. Радомишль. – Донесення начальника Радомишльської повітової поліції Загорського київському губернаторові П. І. Гессе про розслідування випадку одержання протоієреєм Троїцького собору в м. Радомишль Гороновським книг українською мовою	26
№ 20	1861 р., грудня 13. Київ. – Свідчення купчихи К. Кіц, надане старшому поліцеймейстеру Києва, про продаж і розсилку нею книг українських письменників, виданих друкарнею П. О. Куліша в Петербурзі	28
№ 21	1862 р., лютого 6. Луцьк. – Донесення начальника Луцької повітової поліції Дверницького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про навчання селянських дітей студентами Київського університету Генріхом і Сигізмундом Средзинськими за українськими букварями і підручниками	28
№ 22	1862 р., лютого 19. Житомир. – Донесення начальника Житомирської земської поліції Харченка київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про розповсюдження українських творів серед селян сл. Климундка та с. Стетківці Житомирського повіту	30
№ 23	1862 р., не пізніше березня 6. Житомир. – Свідчення К. Михальчука, надані начальникові Житомирської земської поліції, щодо розповсюдження ним серед селян українських книжок	31
№ 24	1862 р., березня 18. – Петиція Д. П. Пильчикова, В. В. Лободи та О. Я. Кониського до Петербурзького комітету грамотності з обґрунтуванням необхідності викладання українською мовою в народних школах Наддніпрянщини	33
№ 25	1862 р., не раніше березня 18. – Петиція викладачів київських шкіл до Петербурзького комітету грамотності з обґрунтуванням необхідності викладання українською мовою в народних школах	36
№ 26	1862 р., квітня 7. Київ. – Донесення київського губернатора П. І. Гессе київському, подільському та волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про затримання поліцією дворянина М. М. Вілігорського за появу в українському національному вбранні на вулицях Києва	38
№ 27	1862 р., квітня 24. Умань. – Рапорт начальника Уманської повітової поліції Котлярова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про виявлення в с. Росошки Уманського повіту віршованих прокламацій українською мовою. Тексти прокламацій	39
№ 28	1862 р., травня 19. Луцьк. – Донесення начальника Луцької повітової поліції Дверницького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові І. І. Васильчикову про навчання студентом Київського університету Л. Житинським селянських дітей у с. Семиренки Луцького повіту за “ГраMATкою” П. О. Куліша та букварями	51
№ 29	1862 р., червня 12. Санкт-Петербург. – Циркуляр міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва київському губернаторові П. І. Гессе про закриття недільних шкіл і читалень	52
№ 30	1862 р., червня 20. Житомир. – Повідомлення військового губернатора м. Житомира і волинського цивільного губернатора М. В. Друцького-Соколинського київському губернаторові П. І. Гессе про агітаційну роботу серед селян Київської губернії Т. Р. Рильського та В. Трубецького	53
№ 31	1862 р., серпня 30. Сквир. – Донесення начальника Сквирської повітової поліції Шулькевича київському губернаторові П. І. Гессе про участь	

- молодшого помічника керуючого акцизною конторою в Сквирському повіті В. А. Менчица в етнографічній експедиції для вивчення побуту чумаків, що її організував П. О. Куліш 54
- № 32 1862 р., вересня 28. Санкт-Петербург. – Лист міністра народної освіти О. В. Головніна до київського, подільського і волинського генерал-губернатора І. І. Васильчикова з пропозицією висловити думку щодо доцільності публікації в часописі “Русский вестник” статті представників київської інтелігенції про безпідставні звинувачення у політичному характері їхньої діяльності 54
- № 33 1862 р. Санкт-Петербург. – Лист П. О. Куліша до Т. Р. Рильського, перлюстрований поліцією, з роздумами про спрямування громадської діяльності народлюбців 55
- № 34 1863 р., січня 28. Санкт-Петербург. – Відношення начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові М. М. Анненкову про вжиття заходів щодо припинення діяльності української громади в Києві 56
- № 35 1863 р., лютого 23. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про встановлення таємного нагляду за особами, які підписали статтю “Отзыв из Киева”, вміщену у часописі “Русский вестник” 57
- № 36 1863 р., березня 4. – Анонімний лист від “благонамеренных малороссов” до начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова про можливі політичні наслідки та шкоду, яку може завдати державі переклад Біблії українською мовою “сепаратистами-хохломанами” 58
- № 37 1863 р., березня 17. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про намагання “малоросійської партії” отримати дозвіл на видання українського перекладу Святого Письма, що може призвести до легітимізації української мови та претензій на “автономію Малоросії” 60
- № 38 1863 р., березня 27. Ніжин. – Лист І. Г. Кулжинського до київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова із застереженням проти “дерзкой затеи хохломанов” – видання “Народної газети”, книжок для народних училищ та Євангелія українською мовою 61
- № 39 1863 р., квітня 27 – травня 2. – Із свідчення В. С. Синьогуба, наданого земському справнику Переяславського повіту, про знайомство з П. П. Чубинським та написання останнім вірша “Ще не вмерла України...” з наведенням по пам’яті його тексту 63
- № 40 1863 р., червня 21. – Стаття М. Н. Каткова, вміщена в газеті “Московские ведомости”, про шкідливість українофільства, неприпустимість формування української літературної мови та осудження М. І. Костомарова за видання книжок для народної освіти, оскільки “Украина не может иметь особого политического существования” 66
- № 41 1863 р., червня 27. Київ. – Подання голови Київського цензурного комітету О. М. Новицького міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву про необхідність вжиття заходів проти намагання “некоторых малороссов” повернути свій народ до рідної мови, оскільки “никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может” 72

№ 42	1863 р., липня 11. Санкт-Петербург. – Доповідна записка міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва Олександрові П “О книгах, издаваемых для народа на малороссийском наречии” з пропозицією дозволити друкування творів красного письменства та призупинити видання навчальної та релігійної літератури українською мовою	73
№ 43	1863 р., липня 18. Санкт-Петербург. – Відношення міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва міністрові народної освіти О. В. Головніну про заборону видань українською мовою, спричинену небезпекою масового поширення українофілами “політичних задумів” під виглядом запровадження письменності й просвіти і, відповідно, набуттям питання про українську літературу виключно політичного забарвлення	76
№ 44	1863 р., липня 18. Санкт-Петербург. – Розпорядження міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва Київському цензурному комітету про заборону друкування українською мовою книжок релігійного змісту, підручників та видань для початкового читання	79
№ 45	1863 р., липня 20. Санкт-Петербург. – Відношення міністра народної освіти О. В. Головніна міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву про несхвалення дій київського цензора та радикальних заходів уряду щодо заборони українських видань, оскільки підставою для цензурної заборони має бути не мова, а зміст твору	81
№ 46	1863 р., липня 23. Санкт-Петербург. – Лист М. І. Костомарова до міністра внутрішніх справ П. О. Валуєва із проханням дозволити відповісти публічно у газеті “Голос” на звинувачення у солідарності з польським визвольним рухом та роз’яснити свою позицію щодо заборони видань українською мовою	83
№ 47	1863 р., липня 24. Санкт-Петербург. – Відношення начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву з підтримкою аргументів останнього на користь заборони друкування українськомовних книжок “для обучения простонародья”	85
№ 48	1863 р., липня 28. Санкт-Петербург. – Із щоденника П. О. Валуєва про зустріч з М. І. Костомаровим і про свою категоричну позицію дотримуватися положень розпорядження від 18 липня 1863 р. про обмеження друкування “популярных изданий на хохольском наречии”	86
№ 49	1863 р., серпня 15. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про поширення членами “малоросійської партії” серед вихованців Київської духовної академії віршів українською мовою та її зв’язок з таємним товариством “Земля і Воля”	86
№ 50	1863 р., серпня 29. Чернігів. – Донесення чернігівського цивільного губернатора С. П. Голіцина міністрові народної освіти О. В. Головніну про причетність вчителя Чернігівської гімназії Л. І. Глібова до справи С. Д. Носа та І. О. Андрущенка	88
№ 51	1863 р., не раніше вересня. Київ. – Витяги із львівського літературно-політичного часопису “Мета” про ставлення урядових та ліберальних кіл Росії до української мови та культури, підготовлені в канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора	89
№ 52	1863 р., листопада 16. Київ. – Доповідна записка пристава Плоської ділянки м. Києва Стафіївського київському, подільському і волинському генерал-губернаторові М. М. Анненкову про діяльність українських громад у Полтаві, Харкові та Києві	93

№ 53	1863 р., листопада 23. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукову про українофільське спрямування львівського літературно-політичного часопису “Мета” та його зв’язок з діяльністю громад	94
№ 54	1863 р., грудня 16. Санкт-Петербург. – Повідомлення начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії В. А. Долгорукова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові М. М. Анненкову про заборону Олександром II розповсюдження львівського літературно-політичного часопису “Мета”	96
№ 55	1864 р., березня 4. Київ. – Донесення полковника штабу військ Київського військового округу Баженьського до Канцелярії київського, подільського і волинського генерал-губернатора про виявлення в містечку Оринин Подільської губернії книжки під назвою “Маленький збірник для грамотного сільського люду” та про заходи щодо вилучення цієї книги	96
№ 56	1864 р., серпня 31. Санкт-Петербург. – Супровідний лист виконуючого обов’язки начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії М. В. Мезенцова до київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. М. Анненкова із анонімною запискою про розповсюдження головою з’їзду мирових посередників Володимирського повіту О. Д. Ушинським серед учнів церковнопарафіяльної школи книжок українських письменників. Текст записки	97
№ 57	1864 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Відношення обер-прокурора Синоду О. П. Ахматова міністрові внутрішніх справ П. О. Валуєву зі схваленням урядових ініціатив щодо заборони друкування українською мовою книжок релігійного змісту, підручників та видань для початкового читання	98
№ 58	1869 р., червня 25. Київ. – Повідомлення київського губернатора М. К. Катаказі київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. М. Дондукову-Корсакову про дозвіл режисеру драматичної трупи м. Умані Базареву на постановку українських п’єс за умови обов’язкової наявності російських п’єс у її репертуарі	104
№ 59	1875 р., не пізніше січня 25. – Записка, подана міністром народної освіти Д. А. Толстим попечителеві Київського навчального округу П. О. Антоновичу, про піднесення українофільського руху у зв’язку з діяльністю Південно-Західного відділу Російського географічного товариства	105
№ 60	1875 р., квітня 16. Київ. – Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. М. Дондукова-Корсакова міністрові внутрішніх справ О. Є. Тимашеву про недоцільність публікації у газеті “Киевлянин” статті голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича про його вихід з Південно-Західного відділу Російського географічного товариства ..	110
№ 61	1875 р., квітня 21. Київ. – Повідомлення київського окремого цензора з іноземної цензури Г. О. Пузиревського Головному управлінню у справах друку про причини відмови друкування в газеті “Киевлянин” статті голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича щодо його виходу з Південно-Західного відділу Російського географічного товариства	112
№ 62	1875 р., серпня 28. Санкт-Петербург. – Повідомлення начальника Третього відділення власної й. і. в. канцелярії О. Л. Потапова міністрові внутрішніх справ О. Є. Тимашеву про скликання за наказом Олександра II Особливої наради для розгляду питання щодо видання підручників та молитовників українською мовою	114

№ 63	1875 р., не пізніше жовтня 17. – Записка голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича “Про шкоду літературної діяльності українофілів та заходи щодо її відвернення”, призначена для членів Особливої наради, скликаної Олександром II	115
№ 64	1875 р., середина жовтня. Київ. – Записка голови Київської археографічної комісії М. В. Юзефовича “Про так званий українофільський рух”, підготовлена для Особливої наради	118
№ 65	1876 р., квітня 3. Житомир. – Донесення начальника Волинського губернського жандармського управління Третьому відділенню власної й. і. в. канцелярії про розслідування діяльності М. Ф. Лободовського щодо розповсюдження серед селян книжок українською мовою	126
№ 66	1876 р., травня 18. Санкт-Петербург. – Журнал Особливої наради, скликаної Олександром II, із пропозиціями щодо заборони української мови у сфері художньої, просвітницької та публіцистичної літератури з метою припинення “распространения в народе посредством печати мысли о самостоятельности малорусского языка и народности”	128
№ 67	1876 р., травня 18. Санкт-Петербург. – Висновки Особливої наради щодо запровадження міністерствами внутрішніх справ та народної освіти, а також Третім відділенням власної й. і. в. канцелярії низки заходів з метою припинення “небезпечної для держави діяльності українофілів”	137
№ 68	1876 р., травня 18 (30). Емс. – Указ Олександра II про заборону ввезення до Росії українськомовних видань, друкування книжок та текстів до нот українською мовою, постановки українських п’єс, а також про закриття газети “Киевский телеграф”	139
№ 69	1876 р., червня 15. Санкт-Петербург. – Циркуляр Міністерства народної освіти помічникові попечителя Київського навчального округу І. П. Новікову про посилення контролю за викладачами Харківського, Київського та Одеського навчальних округів, заміну неблагонадійних викладачів “вихідцями з великоросійських губерній”, а також про вилучення українськомовних видань із бібліотек початкових та середніх шкіл	140
№ 70	1876 р., червня 23. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку начальникам губерній з викладом положень Емського указу	142
№ 71	1876 р., серпня 13. Санкт-Петербург. – Повідомлення виконуючого обов’язки начальника Головного управління у справах друку В. Григор’єва Петербурзькому цензурному комітетові про заборону друкування спогадів скульптора М. Й. Микешина про Т. Г. Шевченка	144
№ 72	1876 р., вересня 1. Біла Церква. – Донесення директора Білоцерківського реального училища Д. І. Самуся попечителєві Київського навчального округу П. О. Антоновичу про вилучення з бібліотеки училища книжок українською мовою. Список вилучених книг	145
№ 73	1876 р., листопада 10. Миколаїв. – Повідомлення миколаївського військового губернатора М. А. Аркаса міській поліції про заборону Головним управлінням у справах друку виконання українських пісень у громадських місцях ...	146
№ 74	1876 р., грудня 3. Київ. – Відношення київського губернатора М. П. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. М. Дондукову-Корсакову з проханням запровадити у Києві посаду особливого інспектора для нагляду за книготоргівлею і друком	146

№ 75	1876 р., грудня 22. Санкт-Петербург. – Доповідна записка цензора І. М. Степурського Петербурзькому цензурному комітетові про розгляд російськомовного перекладу брошури М. П. Драгоманова “Про українських козаків, татар та турків” з висновком комітету про заборону її друкування	148
№ 76	1877 р., січня 26. Санкт-Петербург. – Доповідь цензора І. М. Степурського Петербурзькому цензурному комітетові про заборону друку українського літературного альманаху “Батьківщина” з поезіями Т. Г. Шевченка, М. І. Костомарова, О. Я. Кониського й прозою В. С. Мови (В. Лиманського) та Д. Л. Мордовця	149
№ 77	1877 р., лютого 18. Київ. – Доповідна записка попечителя Київського навчального округу П. О. Антоновича міністрові народної освіти Д. А. Толстому про неблагонадійність Павла та Іродіона Житецьких, А. Д. Юркевича, В. П. Науменка, Н. С. Тумасова, Т. Біленького, М. Белінського й Є. Дьяконенка, запідозрених в українофільстві керівництвом гімназій та Глухівського вчительського інституту	151
№ 78	1877 р., березня 4. Глухів. – Донесення директора Глухівського вчительського інституту О. В. Білявського попечителю Київського навчального округу П. О. Антоновичу про виявлення у студентів записів українських народних пісень і колядок	157
№ 79	1877 р., квітня 30. Санкт-Петербург. – Розпорядження міністра народної освіти Д. А. Толстого попечителю Київського навчального округу П. О. Антоновичу про переведення викладачів навчальних закладів округу, запідозрених в українофільстві, до різних навчальних закладів великоросійських губерній	158
№ 80	1877 р., червня 2. Київ. – Донесення київського губернатора М. П. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. М. Дондукову-Корсакову про вилучення з обігу книжки “Легенда про запорожців”, яку безкоштовно роздавав у Києво-Печерській лаврі відставний офіцер М. Бранке	159
№ 81	1877 р., серпня 25. Київ. – Розпорядження помічника попечителя Київського навчального округу І. П. Новикова директорові Колегії Павла Галагана про звільнення викладача П. Г. Житецького, запідозреного у співчутті “українофільським тенденціям”	159
№ 82	1878 р., червня 3. Київ. – Протокол допиту М. П. Старицького у Київському губернському жандармському управлінні про коло його знайомих та виявлені під час обшуку листи і рукопис щодо ставлення російської ліберальної громадськості до національних рухів	160
№ 83	1879 р., листопад. Київ. – Із свідчення чиновника Тифліської контрольної палати В. Г. Веледницького, наданого начальникові Київського губернського жандармського управління В. Д. Новицькому, про діяльність громадівців у Києві	162
№ 84	1880 р., березня 14. Київ. – Донесення київського губернатора М. П. Гессе київському, подільському і волинському генерал-губернаторові М. І. Черткову про результати таємного нагляду сквирського повітового справника за просвітницькою діяльністю Т. Р. Рильського	165
№ 85	1880 р. Київ. – Записка вчителя Колегії Павла Галагана П. Г. Житецького начальникові Третього відділення власної й. і. в. канцелярії О. Р. Дрентельну з викладом сутності його переконань у зв’язку з примушенням до відставки через обвинувачення в українофільстві	166

№ 86	1881 р., не раніше січня 12. Київ. – Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. І. Черткова 2-го міністрові внутрішніх справ М. Т. Лорис-Мелікову щодо доцільності скасування встановлених Емським указом обмежень української мови	171
№ 87	1881 р., січня 31. Харків. – “Записка о малорусском языке”, подана тимчасовим харківським генерал-губернатором О. М. Дондуковим-Корсаковим до Міністерства внутрішніх справ, про необхідність послабити чинність Емського указу	173
№ 88	1881 р., лютого 4. Санкт-Петербург. – Повідомлення сенатора О. О. Половцова товаришеві міністра внутрішніх справ М. С. Каханову про ставлення різних груп української інтелігенції до питання запровадження української мови в шкільному навчанні	180
№ 89	1881 р., лютого 24. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкувати статті до дня вшанування пам’яті Т. Г. Шевченка, а також навчати в народних школах українською мовою та виголошувати нею церковні проповіді	181
№ 90	1881 р., лютого 26. Київ. – Телеграма київського губернатора М. П. Гессе Департаменту поліції про дозвіл відслужити панахиду з нагоди 20-х роковин смерті Т. Г. Шевченка	182
№ 91	1881 р., березня 29. Санкт-Петербург. – Повідомлення товариша міністра внутрішніх справ П. О. Черевіна київському, подільському і волинському генерал-губернаторіві О. Р. Дрентельну про надходження з-за кордону на адресу Київського університету видань революційного змісту російською та українською мовами. Список видань	182
№ 92	1881 р., квітня 3. Київ. – Повідомлення київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. Р. Дрентельна Головному управлінню у справах друку про заборону друкувати портрети українських письменників і діячів та малюнки історичних пам’ятних місць з віршованими підписами. Тексти віршів	184
№ 93	1881 р., квітня 6. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкувати твір М. Ф. Комарова, присвячений життю і творчості Т. Г. Шевченка	186
№ 94	1881 р., вересня 22. Санкт-Петербург. – Висновок ради Головного управління у справах друку на подання київського цензора з дозволом на перевидання творів Т. Г. Шевченка, М. В. Гоголя та І. С. Нечуя-Левицького, що раніше друкувалися у Києві, за умови дотримання російського правопису	187
№ 95	1881 р., жовтня 3. Санкт-Петербург. – Всепідданіша доповідь міністра внутрішніх справ М. П. Ігнат’єва “Об употреблении малорусского наречия” з пропозиціями таємно впровадити вироблені Особливою нарадою 1881 р. зміни до Емського указу 1876 р., а саме: дозволити друкування українських словників за умови дотримання російського правопису, встановити посилений контроль адміністрації за постановкою українськомовних вистав, повністю заборонити український театр і театральні трупі	188
№ 96	1881 р., жовтня 16. Санкт-Петербург. – Циркуляр міністра внутрішніх справ М. П. Ігнат’єва київському, подільському і волинському генерал-губернаторіві О. Р. Дрентельну з доповненнями положень Емського указу	191

№ 97	1881 р., листопада 8. Санкт-Петербург. – Повідомлення виконуючого обов’язки начальника Головного управління у справах друку П. П. Вяземського київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну про дозвіл на видання третього випуску “Збірника українських пісень” М. В. Лисенка	193
№ 98	1881 р., листопада 24. Чернігів. – Відношення виконуючого обов’язки чернігівського губернатора князя С. В. Шаховського тимчасовому харківському генерал-губернаторові Д. І. Святополку-Мирському про дозвіл на постановку п’єс Т. Г. Шевченка та І. П. Котляревського на сцені Чернігівського театру	194
№ 99	1881 р., листопада 26. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону передруку творів І. С. Нечуя-Левицького “Запорожці” та Т. Г. Шевченка “Гайдамаки”	195
№ 100	1881 р., листопада 13. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на видання трагедії Вільяма Шекспіра “Тамлет, принц данський” у перекладі П. О. Куліша	195
№ 101	1881 р., листопада 30. Чернігів. – Відношення виконуючого обов’язки чернігівського губернатора князя С. В. Шаховського тимчасовому харківському генерал-губернаторові Д. І. Святополку-Мирському про дозвіл аматорам на постановку вистав “Наталка Полтавка” І. П. Котляревського та “Сватання на Гончарівці” Г. Ф. Квітки-Основ’яненка	196
№ 102	1881 р., грудня 21. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на видання брошури Л. І. Глібова “Байки” за умови дотримання російського правопису	196
№ 103	1882 р., серпня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування окремих текстів із рукопису “Рада. Українська збірка” ..	197
№ 104	1882 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування збірки творів Т. Г. Шевченка із серії “Читання для народу”, підготовленої М. Ф. Сумцовим	198
№ 105	1882 р., грудня 29. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на видання рукописів “Додаток до рукопису “Ворскло” та “Показчик нової української літератури (1798–1883)” М. Ф. Комарова за умови дотримання російського правопису	198
№ 106	1883 р., лютого 18. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону ввезення в Росію видання М. П. Драгоманова “Політичні пісні українського народу XVIII–XIX ст.”	199
№ 107	1883 р., грудня 9. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування творів Вільяма Шекспіра в перекладі П. О. Куліша	199
№ 108	1883 р., грудня 12. Київ. – Протокол допиту професора В. Б. Антоновича у Київському губернському жандармському управлінні про його знайомство і стосунки з Ф. К. Вовком та іншими особами	200

№ 109	1883 р., грудня 23. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування драматичного твору Велецького “Мотря Кочубеївна” та необхідність виправлення рукопису “Слова до музики “Вечорниці” згідно з правилами російського правопису	202
№ 110	1883 р., грудня 28. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування твору “Як Богдан Хмельницький визволив Україну з неволі польської”	202
№ 111	1884 р., березня 1. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування рукопису “Павзаній” і дозвіл на видання “Доповнення” до збірки віршів П. О. Куліша “Дзвін”	203
№ 112	1884 р., березня 3. Київ. – Листування Київського губернського жандармського управління з київським цензором про заборону розповсюдження твору Панаса Мирного та Івана Білика “Хіба ревуть воли, як ясла повні?”, надрукованого в Женеві	203
№ 113	1884 р., квітня 5. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування рукопису В. Чайченка “Од снігу до снігу. Дитячі оповідання та пісні” та про дозвіл на видання твору К. Гамалії “Земля і люди в Росії. Кавказ” за умови дотримання російського правопису .	204
№ 114	1884 р., квітня 16. Одеса. – Висновок виконуючого обов’язки одеського окремого цензора з внутрішньої цензури С. Решевського, поданий на розгляд до Головного управління у справах друку, з рекомендацією вилучити зі збірки українських пісень В. С. Александрова вірші Т. Г. Шевченка як такі, що мають “вредно действовать на нравственность и мужество народа, укореняя в нем предубеждение против воинской повинности”	204
№ 115	1884 р., травня 21. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування повісті І. С. Нечуя-Левицького “Кайдашева сім’я”	205
№ 116	1884 р., травня 21. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування перекладу українською мовою збірки оповідань Г. І. Успенського “Не пити горілки” та повісті М. В. Гоголя “Страшна помста”, а також про дозвіл на видання поеми Олени Пчілки “Рада. Козачка Олена” за умови дотримання російського правопису	206
№ 117	1884 р., червня 6. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про вилучення з підготовленого до видання альманаху “Рада” статті П. О. Куліша, повісті Александровича, віршів М. П. Старицького та Антоненка	206
№ 118	1884 р., липня 21. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на друкування рукопису роману Панаса Мирного “Повія” з окремими купюрами та за умови дотримання російського правопису	208
№ 119	1884 р., листопада 23. Київ. – Повідомлення київського окремого цензора з іноземної та внутрішньої цензури В. Л. Рафальського Київському губернському жандармському управлінню про політичне спрямування заборонених до поширення в Росії брошур, виданих за кордоном М. П. Драгомановим	209

№ 120	1884 р., грудня 19. Київ. – Повідомлення київського окремого цензора з іноземної цензури Київському губернському жандармському управлінню про заборону поширення в Росії брошури М. П. Драгоманова “До чого довоювались”	211
№ 121	1885 р., січня 24. Київ. – Прохання М. В. Лисенка до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. Р. Дрентельна про дозвіл на проведення репетицій хору у Залі мінеральних вод	211
№ 122	1885 р., не пізніше січня 28. Київ. – Записка М. В. Лисенка київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. Р. Дрентельну про включення до програми його концерту українських пісень та уривків з опери “Тарас Бульба”	212
№ 123	1885 р., лютого 11. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування українською мовою творів М. Л. Кропивницького “Доки сонце зійде – роса очі виїсть”, “По ревізії”, “Глитай, або ж павук”	212
№ 124	1885 р., травня 6. Херсон. – Повідомлення херсонського губернатора О. С. Ерделі військовому губернаторові м. Миколаєва про встановлення нагляду за М. К. Садовським (Тобілевичем) та виставами його трупи	213
№ 125	1885 р., липня 13. Санкт-Петербург. – Повідомлення начальника Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на перевидання творів Г. Ф. Квітки-Основ’яненка за умови дотримання російського правопису	213
№ 126	1885 р., листопада 18. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на перевидання творів І. П. Котляревського за умови дотримання російського правопису	214
№ 127	1885 р., грудня 21. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про категоричну заборону друкування українських творів, написаних “кулішівкою”	214
№ 128	1886 р., січня 5. Санкт-Петербург. – Повідомлення начальника Головного управління у справах друку Є. М. Феоктистова київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування рукопису В. Євгенєва “Співи і розмови і щире кохання” з нагадуванням про те, що місцевим цензурним установам заборонено надавати дозвіл на друкування творів, написаних українською мовою	216
№ 129	1886 р., січня 7. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про дозвіл на друкування за російським правописом вірша Я. І. Щоголіва “Хортиця”, а також збірки віршів Олени Пчілки “Думки-мережанки”, за виключенням перекладів творів Вільяма Шекспіра і М. Ю. Лермонтова	217
№ 130	1886 р., січня 8. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про дозвіл на друкування твору І. І. Манжури “Лиха година”; про безумовну заборону рукописів невстановлених авторів “Де взялася горілка”, “Оповідання про війну князя Ігоря Святославовича з невірними половцями”, а також вірша О. Я. Кониського “Молитва” з нотами М. В. Лисенка	217

- № 131 1886 р., січня 23. Київ. – Листування київського губернатора Л. П. Томари з київським окремим цензором з внутрішньої цензури В. Л. Рафальським про необхідність знищення 12 тисяч примірників творів, надрукованих “кулішівкою” у друкарні М. Т. Корчака-Новицького 218
- № 132 1886 р., лютого 13. Санкт-Петербург. – Висновок Головного управління у справах друку про вилучення драми “Бурлаки” із “Збірника драматичних творів” І. К. Карпенка-Карого 219
- № 133 1886 р., лютого 15. Одеса. – Повідомлення начальника Жандармського управління м. Одеси О. М. Катанського прокуророві Одеської судової палати В. Арістову про арешт болгарського підданого С. Гулапчева за спробу нелегального ввезення з-за кордону заборонених в Росії видань женецької друкарні “Громади” 219
- № 134 1886 р., березня 28. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про безумовну заборону друкування драми Панаса Мирного “Лимерівна” 220
- № 135 1886 р., квітня 29. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування творів М. Ю. Лермонтова в перекладі О. Замашного та збірки І. Сірика “Українські пісні”, а також про дозвіл на видання творів І. П. Котляревського за умови дотримання російського правопису 221
- № 136 1886 р., травня 10. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування повісті І. С. Нечуя-Левицького “Микола Джеря” та дозвіл на видання повісті “Баба Параска і баба Палажка” за умови дотримання російського правопису 221
- № 137 1886 р., травня 12. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про дозвіл на друкування драми П. О. Куліша “Петро Сагайдачний” із купюрами та за умови дотримання російського правопису 222
- № 138 1886 р., травня 16. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування казки І. С. Нечуя-Левицького “Запорожці” та дозвіл на видання повісті “Кайдашева сім’я” з купюрами та за умови дотримання російського правопису 222
- № 139 1886 р., травня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування віршів селянина К. Шелудька “Смерть царя-мученика” та “Як Україна притулилась до Московського царства” 223
- № 140 1886 р., листопада 9. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування рукопису Т. Горобця “Дві приказки”, а також про дозвіл на видання збірки М. В. Лисенка за виключенням семи пісень та за умови дотримання російського правопису 223
- № 141 1886 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування рукопису Б. Д. Грінченка “Оповідання” 224

№ 142	1886 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про заборону друкування повісті І. С. Нечуя-Левицького “Старосвітські батюшки та матушки”	224
№ 143	1887 р., січня 20. Київ. – Щотижнева записка київського губернатора Л. П. Томари міністрів внутрішніх справ Д. А. Толстому про запобіжні поліцейські заходи в Києві напередодні панахиди в Софійському соборі по О. Ф. Кістяківському та П. П. Чубинському	224
№ 144	1887 р., березня 30. Санкт-Петербург. – Роз’яснення Головного управління у справах друку київському окремому цензоріві з іноземної цензури про праці М. П. Драгоманова “Нові українські пісні про громадські справи” та “Про те, як наша земля стала не наша” як такі, що належать до заборонених в Росії видань	225
№ 145	1887 р., червня 2. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону поширення в Росії нотних зошитів М. В. Лисенка “Збірник українських пісень” та “Музика до “Кобзаря” Т. Г. Шевченка” .	226
№ 146	1887 р., червня 4. Київ. – Повідомлення київського губернатора Л. П. Томари Департаменту поліції про українофільське спрямування діяльності членів студентського хору М. В. Лисенка, а також про існування польського і єврейського гуртків серед студентів Київського університету	227
№ 147	1887 р., серпня 27. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про безумовну заборону друкування твору Г. М. Бораковського “Маруся Чурай” українською мовою	228
№ 148	1887 р., вересня 16. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування творів І. Спілки “Сербська війна” та А. П. Яковленка “Ніч на Івана Купала”	229
№ 149	1887 р., вересня 30. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону поширення в Росії усіх виданих за кордоном книжок серій “Бібліотека музикальна” та “Наукова бібліотека”	229
№ 150	1887 р., жовтня 19. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону друкування рукопису твору І. Спілки “В Америці”	230
№ 151	1889 р., не пізніше вересня 1. Київ. – Записка начальника Київського губернського жандармського управління В. Д. Новицького, надіслана київському, подільському і волинському генерал-губернаторіві О. П. Ігнат’єву, про українофільський рух 70–80-х рр. ХІХ ст. як політичну течію в суспільстві	230
№ 152	1889 р., листопада 17. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування збірника віршів “Квітка” з творами Т. Г. Шевченка, П. О. Куліша, Б. Д. Грінченка, С. І. Воробкевича, К. О. Білиловського	235
№ 153	1889 р., грудня 24. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам і окремим цензорам з внутрішньої цензури з нагадуванням про категоричну заборону розглядати українські літературні твори, написані “кулішівкою”	237

№ 154	1890 р., січня 31. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону поширення в Росії виданої за кордоном брошури з твором Т. Г. Шевченка “Перебендя”	239
№ 155	1890 р., квітня 27. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету та рішення Головного управління у справах друку про заборону друкування рукопису Г. Є. Сурмаченка “Збірник творів” як такого, що вирізняється “весьма яркой украинофильской тенденциозностью”	239
№ 156	1890 р., серпня 10. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про заборону перевидання збірки українських пісень С. Д. Карпенка “Васильківський соловей Київської України” через недотримання правил російського правопису, а також про дозвіл на друкування “Збірника творів М. С. Жернова” з купюрами	241
№ 157	1891 р., червня 8. Київ. – Рапорт начальника Київського губернського жандарського управління В. Д. Новицького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат’єву про розпорядження Департаменту поліції вислати І. Я. Франка за кордон в разі його прибуття до Росії ..	242
№ 158	1891 р., липня 19. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку київському окремому цензорів з іноземної цензури з нагадуванням про заборону надсилати на розгляд українськомовні рукописи і твори, написані з найменшим відхиленням від російського правопису	243
№ 159	1891 р., вересня 9. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензорів з іноземної цензури про заборону перевидання поеми Т. Г. Шевченка “Катерина”	244
№ 160	1891 р., жовтня 13. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про необхідність “останавливать всякое проявление мысли о самобытности Украины” та заборону друкування в часописі “Киевская старина” статті про українського сатирика П. Кореницького	244
№ 161	1892 р., січня 10. Санкт-Петербург. – Розпорядження Головного управління у справах друку київському окремому цензорів з іноземної цензури про безумовну заборону перекладів українською мовою російськомовних творів, розгляд усіх українських творів “с особой строгостью и вниманием” з метою зменшення кількості українських видань	247
№ 162	1892 р., червня 10 (22). Чернівці. – Пам’ятна записка російського консула у Чернівцях С. Горяїнова київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат’єву про наявність двох течій у громадсько-політичному житті Буковини	249
№ 163	1892 р., липня 15. Київ. – Прохання О. Я. Кониського до київського окремого цензора про дозвіл на друкування брошури С. Д. Носа “Про холеру” українською мовою	250
№ 164	1892 р., жовтня 20. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат’єву про заборону ввезення до Росії газети “Буковина”	251
№ 165	1892 р., листопада 17. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку київському окремому цензорів з іноземної цензури про заборону друкування рукопису “Три думи народні” українською мовою	252

№ 166	1893 р., січня 5, 7. Київ. – Подання київського окремого цензора до Головного управління у справах друку про виключення з розглянутих рукописів українських авторів творів і окремих місць соціально-критичного та українофільського змісту	252
№ 167	1893 р., серпня 18. Київ. – Повідомлення київського окремого цензора з іноземної цензури слідчому київському військового округу по Дубенській дільниці про заборону ввезення до Росії львівської газети “Діло” та виданих за кордоном творів Т. Г. Шевченка	253
№ 168	1893 р., вересня 25. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітетам і окремим цензорам з іноземної цензури про заборону ввезення до Росії часопису “Народ”, редагованого І. Я. Франком та М. І. Павликом	254
№ 169	1893 р., листопада 19. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про виключення із збірки віршів Д. І. Грушки “На гулянках” творів українофільського і соціально-критичного змісту, а також українських перекладів російськомовних творів	255
№ 170	1894 р., січня 11. Київ. – Донесення київського губернатора Л. П. Томари київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про клопотання театральної трупи В. О. Грицяя щодо постановки у Бердичеві вистав за п'єсами українських авторів	256
№ 171	1894 р., січня 17. Москва. – Прохання М. П. Старицького, уповноваженого Товариства акторів М. К. Садовського і М. К. Заньковецької, до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл театральній трупі М. К. Садовського на постановку у Києві вистав за п'єсами українських авторів	257
№ 172	1894 р., березня 24. Київ. – Прохання артиста І. О. Науменка до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на постановку у Бердичеві, Умані, Черкасах та Білій Церкві вистав за п'єсами українських і російських авторів	259
№ 173	1894 р., травня 2. Житомир. – Донесення волинського губернатора С. П. Суходольського київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про виставу “Сватання на Гончарівці”, що відбулася у військовому зібранні 12-го Донського козачого полку в м. Радзивиліві без належного оформлення дозволу	259
№ 174	1894 р., травня 10. Київ. – Прохання М. К. Садовського до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на продовження гастролей у Києві	261
№ 175	1894 р., червня 10. Київ. – Повідомлення київського губернатора Л. П. Томари київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про дозвіл на постановку 11-ти вистав вистав за п'єсами українських авторів на сцені Таращанського громадського зібрання	261
№ 176	1894 р., червня 30. Київ. – Подання київського губернатора Л. П. Томари до київського, подільського і волинського генерал-губернатора О. П. Ігнат'єва про дозвіл на постановку у Черкасах 10-ти аматорських вистав за п'єсами українських авторів	263
№ 177	1894 р., липня 14. Чернігів. – Прохання видавця І. Л. Шрага до київського окремого цензора Б. М. Юзефовича з викладом юридично обґрунтованих підстав для скасування заборони на видання двох збірок оповідань, віршів і казок українських авторів	264

- № 178 1894 р., листопада 4. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування окремих виданням збірки українського пісенного фольклору Херсонської губернії “Песни казацкие, солдатские, чумацкие...” В. М. Ястребова та про дозвіл на її публікацію в часописі “Киевская старина” за умови дотримання російського правопису 266
- № 179 1894 р., листопада 23. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву про заборону постановки на сценах приватних театрів драми М. Л. Кропивницького “Глитай, або ж павук” 268
- № 180 1895 р., вересня 15. – Лист Б. Д. Грінченка до завідуючого Статистичним бюро Полтавського губернського земства М. Г. Кулябки-Корецького з обґрунтуванням потреби видання Полтавським земським зібранням книг українською мовою в інтересах народної просвіти 268
- № 181 1895 р., грудня 18. Москва. – Висновок Московського духовно-цензурного комітету, надісланий до київського окремого цензора з іноземної цензури Б. М. Юзефовича, про заборону друкувати псалми, перекладені П. П. Гулаком-Артемовським 271
- № 182 1896 р., липня 11. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов'язки київського окремого цензора з іноземної цензури про дозвіл на видання “Російсько-українського словника” Є. К. Тимченка за умови заміни у назві слова “український” на “малоросійський” 272
- № 183 1896 р., липня 23. Київ. – Доповідна записка режисера “русско-малорусского товарищества артистов” М. Л. Кропивницького київському, подільському і волинському генерал-губернаторові О. П. Ігнат'єву з проханням дозволити спектаклі в приміщенні Київського купецького зібрання 273
- № 184 1898 р., квітня 15. Одеса. – Доповідь виконуючого обов'язки окремого цензора з внутрішньої цензури в м. Одесі Головному управлінню у справах друку про заборону друкування українськомовного оповідання М. Загірної “Абрагам Лінкольн” 273
- № 185 1898 р., квітня 21. Київ. – Лист редактора журналу “Киевская старина” В. П. Науменка до М. Ф. Сумцова про повернення київським цензором його статті, присвяченої М. П. Драгоманову, для доопрацювання і подальшого подання на розгляд до Головного управління у справах друку 276
- № 186 1898 р., травня 13. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету, надісланий на розгляд Головного управління у справах друку, про дозвіл на видання рукопису Є. Х. Чикаленка “Розмова про сільське господарство” 276
- № 187 1898 р., травня 15. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету, надісланий на розгляд Головного управління у справах друку, про дозвіл на видання пісні “Вечір тихий” за умови дотримання російського правопису 277
- № 188 1898 р., травня 18. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування українськомовного рукопису Я. В. Жарка “Байки”, з яким не погодилося Головне управління у справах друку, оскільки байки “не можуть бути віднесені до спеціальної дитячої літератури” 278

№ 189	1898 р., травня 26. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету, надісланий на розгляд Головного управління у справах друку, про дозвіл друкувати рукопис М. Ганька “Як дбасш, так і масш” за умови дотримання російського правопису	279
№ 190	1898 р., червня 6. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету, надісланий на розгляд Головного управління у справах друку, про заборону розповсюдження в Росії виданої у Львові книги О. Я. Кониського “Тарас Шевченко-Грушівський. Хроніка його життя”, написаної “в україно-фільском духе”	280
№ 191	1898 р., червня 9. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування музичного твору М. В. Лисенка на слова А. Міцкевича “Моя Милованка” російською, польською і українською мовами з резолюцією Головного управління у справах друку: “...разрешается печатание польского текста и русского перевода”	281
№ 192	1898 р., липня 18. Київ. – Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора М. І. Драгомирова міністрів внутрішніх справ І. Л. Горемікіну з проханням дозволити редакції журналу “Киевская старина” публікувати етнографічні матеріали українською мовою за погодженням з місцевою цензурою	282
№ 193	1898 р., липня 21. Санкт-Петербург. – Висновок Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування українськомовних рукописів, якщо в них надаватимуться практичні поради щодо сільськогосподарської діяльності, запобігання хворобам тощо	283
№ 194	1898 р., липня 31. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку виконуючому обов’язки київського окремого цензора з іноземної цензури про надання йому права самостійно дозволяти публікацію статей у “Киевской старине”	284
№ 195	1898 р., не пізніше жовтня 19. Чернігів. – Відозва комітету “Молодої України” до студентської молоді, в якій формулюються завдання руху	286
№ 196	1898 р., листопада 18. Чернігів. – Клопотання видавця І. Л. Шрага до Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування українськомовного рукопису М. Загірньої “Абрагам Лінкольн. Оповідання”	286
№ 197	1898 р., листопада 24. Київ. – Прохання О. Я. Кониського до міністра внутрішніх справ І. Л. Горемікіна про дозвіл на друкування збірки оповідань “Квітки з чужого поля” у перекладі українською мовою	288
№ 198	1899 р., березня 24. Санкт-Петербург. – Висновок Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування рукопису О. Степовика “Корисні звірятка. Кажан, іжак та зинське щеня (кріт)”	290
№ 199	1899 р., травня 23. Київ. – Повідомлення голови Київського відділення підготовчого комітету з влаштування XI Археологічного з’їзду В. Б. Антоновича попечителєві Київського навчального округу про дискусію щодо заборони використання української мови на з’їзді	291
№ 200	1899 р., жовтня 13. Київ. – Повідомлення начальника Київського губернського жандармського управління директорові Департаменту поліції С. Є. Зволянському про поширення учасниками XI Археологічного з’їзду М. Й. Шушевичем і О. М. Колесою “Програми української національної партії”	293

№ 201	1900 р., січня 7. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкувати окремою брошурою “Руководство обучению грамоте, составленное для малорусских воскресных школ А. А. Потемной”, опубліковане у часописі “Киевская старина”	294
№ 202	1900 р., лютого 24. Санкт-Петербург. – Прохання редактора часопису “Киевская старина” В. П. Науменка до Головного управління у справах друку про дозвіл на друкування окремими збірниками українськомовної белетристики, опублікованої на сторінках журналу	295
№ 203	1900 р., не пізніше липня 2. – Донесення таємного агента М. Железняка до начальника Київського губернського жандармського управління В. Д. Новицького про діяльність української інтелігенції Києва та інших міст України, яка об’єднувалася навколо журналу “Киевская старина”	296
№ 204	1901 р., листопада 19. Полтава. – Протокол допиту М. О. Русова в Полтавському губернському жандармському управлінні про його співпрацю з Науковим товариством імені Шевченка у Львові	298
№ 205	1902 р., січня 21. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування збірки творів Панаса Мирного за умови дотримання російського правопису (за виключенням із збірки повісті “Товариші” й “Думи про Ігореве військо”)	300
№ 206	1902 р., березня 1. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування українською мовою рукопису А. Молодченка “Веселка”, оскільки за змістом книжка може бути зарахована до навчальних посібників для дітей шкільного віку	301
№ 207	1902 р., березня 11. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про вилучення з п’ятого тому Повного зібрання творів О. Я. Кониського трьох оповідань українофільського спрямування	302
№ 208	1902 р., березня 28. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування книги Є. Х. Чикаленка “Сад” із серії “Розмова про сільське господарство”	303
№ 209	1902 р., травня 4. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування збірника віршів і пісень І. І. Федорченка “В чаду мрій” за винятком окремих віршів тенденційного змісту	304
№ 210	1902 р., травня 11. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування творів Є. П. Гребінки як додатку до журналу “Север”	308
№ 211	1902 р., вересня 3. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування українською мовою брошури М. Виноградової з географії та астрономії “Дещо про світ Божий”	309
№ 212	1902 р., вересня 21. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про виключення з рукопису “Літературного збірника”, присвяченого пам’яті О. Я. Кониського, його біографії, віршів І. Я. Франка та алегоричного малюнку	309
№ 213	1902 р., вересня 30. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про заборону друкування збірника пісень, казок, віршів і оповідань “Оселя”, упорядкованого С. О. Єфремовим	310
№ 214	1902 р., грудня 23. Санкт-Петербург. – Висновок Петербурзького цензурного комітету про дозвіл на друкування казки І. Я. Франка “Без праці” з незначними купорами	311

№ 215	1903 р., січня 15. Чернігів. – Відношення прокурора Чернігівського окружного суду Зверева прокуророві Київської судової палати С. О. Лопухіну про необрання О. О. Муханова на посаду губернського предводителя дворянства через ліберальну позицію при вирішенні у губернському зібранні питання щодо навчання дітей у народних школах українською мовою	313
№ 216	1903 р., вересня 4. Полтава. – Донесення старшого фабричного інспектора Полтавської губернії К. Краузе київському окружному фабричному інспекторові про інцидент під час урочистостей з нагоди відкриття пам'ятника І. П. Котляревському в Полтаві після заборони полтавським міським головою В. П. Трегубовим виголошувати промови українською мовою	315
№ 217	1903 р., грудня 22. Київ. – Донесення пристава Двірцевої дільниці м. Києва І. П. Рапоти начальнику Київського охоронного відділення О. І. Спиридовичу про виголошення на ювілейному вечорі М. В. Лисенка привітання українською мовою	317
№ 218	1904 р., січня 7 (20). Прага. – Прохання професора І. П. Пулюя “від імені мільйонів українського народу” до Головного управління у справах друку про дозвіл на поширення в Україні віденських видань українськомовного перекладу Старого і Нового Заповіту	318
№ 219	1904 р., січня 28. – Постанова підполковника Корпусу жандармів Масалітінова про притягнення до відповідальності мешканця с. Красилівка Остерського повіту Г. І. Матвієнка за переховування та розповсюдження заборонених творів Т. Г. Шевченка та інших українських видань	319
№ 220	1904 р., березня 1. Санкт-Петербург. – Повідомлення Головного управління у справах друку харківському окремому цензоріві з внутрішньої цензури про заборону розповсюдження в Росії “Записок Наукового товариства імені Шевченка”, а також інших українськомовних видань, надрукованих “кулішівкою”	320
№ 221	1904 р., липня 13. – Із огляду публікацій львівської газети “Діло” за 1885 р. про політику Російської імперії щодо української мови та літератури, підготовленого у Центральному комітеті з питань іноземної цензури	321
№ 222	1904 р., грудня 12. Санкт-Петербург. – Із указу імператора Миколи II Сенату “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” про лібералізацію законодавства про цензуру і друк із дорученням Комітету міністрів у найкоротші терміни розробити конкретні заходи у цій сфері	324
№ 223	1904 р., грудня 20. Київ. – Донесення пристава Двірцевої дільниці м. Києва І. П. Рапоти начальникові Київського охоронного відділення О. І. Спиридовичу про зміст промов політичного характеру, виголошених під час святкування 35-річного ювілею літературної діяльності І. С. Нечуя-Левицького у Літературно-артистичному товаристві	325
№ 224	1905 р., січня 8. Хут. Затишок. – Звернення актора М. Л. Кропивницького до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте про повернення прав українського народу користуватися рідною мовою в сфері освіти, науки, друку і сценічної діяльності	327
№ 225	1905 р., січня 21. Санкт-Петербург. – Із Особливого журналу Комітету міністрів про порядок виконання восьмого пункту указу Миколи II від 12 грудня 1904 р. щодо перегляду актів 1876 та 1881 рр. без заміни мови викладання у народних школах	328

№ 226	1905 р., січня 21. Одеса. – Звернення групи української інтелігенції м. Одеси до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте про необхідність повного скасування тасмних актів 1863, 1876 та 1881 рр. як незаконних і шкідливих для духовного розвитку українців	329
№ 227	1905 р., лютого 10. Санкт-Петербург. – Звернення О. П. Косач, В. П. Науменка, І. Л. Шрага та М. А. Дмитрієва до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте про необхідність скасування заборон на книгодрукування українською мовою	337
№ 228	1905 р., лютого 25. Санкт-Петербург. – Положення Комітету міністрів про скасування існуючих обмежень на видання Святого Письма українською мовою	346
№ 229	1905 р., лютого. Харків. – Звернення громадян м. Харкова до голови Комітету міністрів С. Ю. Вітте з вимогою скасувати усі тасмні заборони щодо української мови та ввезення українських видань з Галичини	346
№ 230	1905 р., березня 28. Київ. – Особлива думка ординарного професора Київського університету Ю. А. Кулаківського про недоцільність видання Святого Письма українською мовою, оскільки “пропаганда малорусского языка для Св. Писания есть вопрос текущей политики настоящего и не имеет никаких корней в прошлом”	348
№ 231	1905 р., квітня 5. Харків. – Записка з питання цензури українськомовної книжки, підготовлена за дорученням Комітету міністрів спеціальною комісією Харківського університету	349
№ 232	1905 р., травня 8. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку цензурним комітатам про допущення до друку для народного читання лише “безусловно безвредных” книг українською мовою	360
№ 233	1905 р., раніше травня 24. Київ. – Доповідь Особливої комісії членів ради Київського університету про необхідність скасування усіх обмежень щодо української мови і літератури	362
№ 234	1905 р., раніше травня 24. Санкт-Петербург. – Доповідь Комісії Петербурзької академії наук у справі про відміну утисків українського друкованого слова, створеної за ініціативою Комітету міністрів у зв’язку з виконанням указу Миколи II від 12 грудня 1904 р., із висновком про необхідність збереження мови, звичаїв, пісень, переказів українського народу	367
№ 235	[1905 р., раніше травня 24]. Київ. – Записка професора В. Б. Антоновича у справі обмежень української мови, написана за дорученням історико-філологічного факультету Київського університету	400
№ 236	1905 р., травня 24. Санкт-Петербург. – Висновки міністра народної освіти В. Г. Глазова, надані Комітетові міністрів, про необхідність скасування заборонних актів 1876 та 1881 рр. стосовно українськомовної наукової, популярної та публіцистичної літератури із збереженням обмежень щодо української мови у сфері освіти, у судочинстві, адміністрації та у духовному житті	404
№ 237	1905 р., травня 31. Санкт-Петербург. – Проект Особливого журналу Комітету міністрів із обґрунтуванням необхідності скасування обмежень на друкування книг українською мовою	412
№ 238	1905 р., жовтня 17. Петергоф. – Маніфест Миколи II “Об усовершенствовании государственного порядка” з проголошенням в Росії недоторканості особи, свободи слова, зборів і спілок	416

№ 239	1906 р., січня 25. Санкт-Петербург. – Циркуляр Головного управління у справах друку губернаторам про заборону приватним театрам відступати від дозволених цензурою текстів п'єс	417
№ 240	1906 р., травня 15. Полтава. – Лист Л. М. Жебуньова від імені полтавської громади українських демократів до М. Ф. Сумцова з проханням взяти участь у складанні звернення до університетів про створення кафедр української мови, літератури, історії та звичасового права	418
№ 241	1906 р., липня 25. – Лист М. Л. Кропивницького до М. Ф. Сумцова про 25-річчя заснування української театральної трупи та цензурні утиски щодо його творів	419
№ 242	1906 р., грудня 11. Київ. – Повідомлення київського губернатора О. П. Веретенникова Головному управлінню у справах друку про дозвіл М. С. Грушевському на друкування щомісячника “Літературно-науковий вісник” у друкарні П. О. Барського в Києві	421
№ 243	1907 р., січня 2. Київ. – Лист Б. Д. Грінченка до М. Ф. Сумцова із схваленням наміру останнього розпочати виклади в Харківському університеті українською мовою	423
№ 244	1907 р., квітня 4. – Анонімна стаття за підписом “Русский педагог”, надрукована в газеті “Закон и порядок”, з вимогою заборонити “Читанку” Т. Хуторного (Т. Г. Лубенця), а її автора звільнити з посади директора народних училищ Київської губернії	423
№ 245	1907 р., листопада 13. Харків. – Повідомлення Канцелярії харківського губернатора інспекторові у справах друку про дозвіл М. Д. Пильчикову видавати у Харкові щотижневик “Початок” українською мовою за редакцією М. І. Міхновського. Програма часопису	426
№ 246	1907 р., листопада 19. Томськ. – Привітання М. Ф. Сумцову від студентської української громади в м. Томську з нагоди читання ним у Харківському університеті лекцій українською мовою	427
№ 247	1908 р., січня 16. Київ. – Виправдувальний вирок Київської судової палати на рішення окружного суду у справі Б. М. Юзефовича, який на сторінках власної газети “Закон и правда” звинуватив М. С. Грушевського у професійній неспроможності посісти кафедру російської історії Київського університету	427
№ 248	1908 р., квітня 3. Санкт-Петербург. – Супровідний лист секретаря Державної думи І. П. Созоновича до міністра народної освіти О. М. Шварца та проект Основних положень щодо запровадження навчання рідною мовою в початковій школі у місцевостях з українським населенням, внесений 37-ма депутатами. Текст проекту	430
№ 249	1908 р., квітня 3. Харків. – Постанова харківського інспектора у справах друку про арешт у харківській друкарні Адольфа Дарре накладу видання “Заповіт” Т. Г. Шевченка з нотами Г. П. Гладкого	437
№ 250	1908 р., не пізніше квітня 21. Київ. – Резолюція Першої загальностудентської конференції українців у м. Києві про розвиток української преси та культурно-освітнього руху, надіслана начальником Київського охоронного відділення М. М. Кулябком начальнику Чернігівського губернського жандармського управління М. П. Рудову	438

№ 251	1908 р., квітня 29. Санкт-Петербург. – Супровідний лист і висновок міністра народної освіти О. М. Шварца про відхилення законодавчої ініціативи 37-ми депутатів Державної думи щодо запровадження навчання українською мовою у початковій школі	438
№ 252	1908 р. – Из звіту про установчі збори Спілки сільських учителів Радомишльського повіту Київської губернії	447
№ 253	1909 р., березня 7. Сімферополь. – Висновок виконуючого обов’язки прокурора Сімферопольського окружного суду, затверджений Одеською судовою палатою, про скасування арешту на число газети “Тавричанин”, де було вміщено статтю про діяльність галицької “Просвіти”, а також про відсутність підстав для кримінального переслідування редактора газети Д. В. Коломійцева	449
№ 254	1909 р., жовтня 17. Київ. – Донесення начальника Київського охоронного відділення М. М. Кулябка директорів Департаменту поліції Н. П. Зуєву про розповсюдження редакцією журналу “Українська хата” анкет серед засланців з метою вивчення національної свідомості українців	450
№ 255	1909 р., грудня 5. Харків. – Лист М. І. Міхновського до М. Ф. Сумцова з проханням взяти участь у виданні збірника висловлювань провідних вчених та громадських діячів у зв’язку з відхиленням шкільною підкомісією Державної думи проекту запровадження навчання в школі українською мовою	451
№ 256	1909 р., грудня 6–14 – 1910 р., лютого 19. – Из щоденника Є. Х. Чикаленка про розгортання політичної кампанії переслідування українського національного руху та нищення усіх проявів “українського життя”	452
№ 257	1910 р., січня 20. Санкт-Петербург. – Циркуляр міністра внутрішніх справ П. А. Столипіна губернаторам про заборону реєстрації “инородческих обществ”, передусім українських й єврейських, що створюються з метою розвитку “національно-политического самосознания”, а також про перевірку діяльності вже існуючих іноетнічних культурно-просвітніх товариств	457
№ 258	1910 р., березня 9. Київ. – Донесення начальника Київського охоронного відділення М. М. Кулябка директорів Департаменту поліції Н. П. Зуєву з агентурними відомостями про співробітників редакції газети “Село”	459
№ 259	1910 р., травня 3. Київ. – Розпорядження Київського тимчасового комітету у справах друку київському поліцмейстерові про накладення арешту на брошуру українською мовою “Ще не вмерла Україна” і її конфіскацію	460
№ 260	1910 р., жовтня 10. Київ. – Відозва студентів Київського політехнічного інституту із закликом до інтелігенції об’єднуватися задля здобуття соціальної справедливості і національної освіти	461
№ 261	1910 р., листопада 10. Санкт-Петербург. – Виступ І. В. Лучицького в Державній думі про право українців навчати дітей рідною мовою з аргументованою критикою статті 19 законопроекту про шкільну освіту	462
№ 262	1910 р., листопада 15. Житомир. – Лист учительки Л. В. Костанді до С. Левін в Одесу, перлюстрований поліцією, про діяльність бібліотечної комісії місцевої “Просвіти” з розповсюдження серед селян книжок українською мовою	470
№ 263	1910 р., листопада 18. Київ. – Огляд педагогічного журналу “Світло”, складений судовим слідчим 3-ї дільниці м. Києва, з викладом змісту статті С. Ф. Русової “Приватна діяльність”, зокрема про критику циркуляру П. А. Столипіна щодо заборони українських товариств і спілок	471

№ 264	1910 р., листопада 20. Київ. – Донесення начальника Київського охоронного відділення М. М. Кулябка Департаменту поліції про видання Державним банком брошури українською мовою “Забезпечення прибутків і капіталів державними шадничими касами”	472
№ 265	1910 р., листопада 22. Київ. – Донесення начальника Київського охоронного відділення М. М. Кулябка київському, подільському і волинському генерал-губернаторові Ф. Ф. Трепову з пропозицією заборонити комітетові українських громадських організацій на чолі з М. В. Лисенком підготовку відзначення 50-х роковин від дня смерті Т. Г. Шевченка	474
№ 266	1910 р., листопада 26. Київ. – Вирок Київської судової палати про двотижнєве ув’язнення селянина О. К. Коваленка у справі замовлення друкарні П. О. Барського у Києві перевидання вірша П. П. Чубинського “Ще не вмерла Україна”	476
№ 267	1911 р., січня 13. Санкт-Петербург. – Постанова Синоду за донесенням харківського архієпископа Арсенія про заходи щодо вилучення з бібліотек, шкіл і читалень, а також із продажу петербурзьких видань “Кобзаря” Т. Г. Шевченка	479
№ 268	1911 р., березня 5. Житомир. – Допис В. Дейнеки до редакції газети “Рада”, перлюстрований поліцією, про діяльність місцевої “Просвіти”, утиски з боку церковної та державної адміністрації, нападки чорносотенної преси	481
№ 269	1911 р., травня 10. Житомир. – Допис Я. Савченка до редакції газети “Рада”, перлюстрований поліцією, про культурно-освітню діяльність місцевої “Просвіти”	483
№ 270	1911 р., жовтня 30. Житомир. – Повідомлення начальника Волинського губернського жандармського управління В. Е. Гофмана волинському губернаторові О. П. Кутайсову про українофільський рух у Волинській губернії та необхідність закриття товариства “Просвіта” у Житомирі	484
№ 271	1912 р., січня 3. Херсон. – Донесення начальника Херсонського губернського жандармського управління М. Т. Заушкевича Департаменту поліції про історичні традиції та стан суспільно-політичного життя краю в умовах загально-го поширення “українсько-мазепинського руху”	487
№ 272	1912 р., січня 10. Київ. – Донесення начальника Київського губернського жандармського управління О. Ф. Шределя Департаменту поліції про діяльність українських товариств та політичних партій у 1903–1911 рр.	490
№ 273	1912 р., січня 19. Харків. – Донесення начальника Харківського губернського жандармського управління О. Н. Риковського директорові Департаменту поліції С. П. Белецькому про пожвавлення культурно-освітньої діяльності української інтелігенції у Харкові	493
№ 274	1912 р., квітня 24. Житомир. – Донесення начальника Волинського губернського жандармського управління В. Е. Гофмана губернаторові М. О. Мельникову про результати обшуків у членів житомирського товариства “Просвіта”, огляд його діяльності та необхідність закриття відповідно до циркуляру від 20 січня 1910 р.	495
№ 275	1912 р., травня 16. Київ. – Обвинувальний акт Київської судової палати про притягнення до судової відповідальності редактора журналу “Українська хата” П. О. Богацького за публікацію рецензії на брошуру О. Т. Назарука “Що таке нарід або нація”	499

№ 276	1912 р., травня 24. Житомир. – Донесення начальника Волинського губернського жандармського управління В. Е. Гофмана Департаменту поліції про закриття товариства “Просвіта” в Житомирі та виїзд його членів за межі губернії	502
№ 277	1912 р., травня 24. Кам’янець-Подільський. – Повідомлення начальника Подільського губернського жандармського управління Л. Г. Соколова губернському правлінню про заборону виголошення у товаристві “Просвіта” реферату “Про культурний розвиток народів”	503
№ 278	1912 р., вересня 8. Санкт-Петербург. – Циркуляр Департаменту поліції губернатора, градоначальникам, начальникам губернських жандармських управлінь і охоронних відділень про недопущення збирання благодійних пожертвувань на користь Національного українського фонду шляхом продажу марок без попереднього дозволу місцевих властей	504
№ 279	1912 р., жовтня 29. Харків. – Повідомлення харківського інспектора у справах друку прокуророві Харківського окружного суду про арешт журналу “Сніп” та притягнення до суду його редактора М. А. Біленького та автора статті “Мандровані дяки” про закриття українських народних шкіл Гетьманщини Г. Бабенка	505
№ 280	1912 р., листопада 3. Харків. – Донесення начальника Харківського губернського жандармського управління О. Н. Риковського директорів Департаменту поліції С. П. Белецькому про діяльність українських культурно-освітніх товариств у Харкові та на території Облaсті Війська Донського	507
№ 281	1912 р., не раніше листопада 8. – Довідка Міністерства внутрішніх справ про методи дезорганізації діяльності спільного комітету київських і полтавських гласних для спорудження пам’ятника Т. Г. Шевченку в м. Києві та збирання коштів для цього	510
№ 282	1913 р., грудень. Кам’янець-Подільський. – Агентурна записка про український рух у Подільській губернії, підготовлена для губернського жандармського управління	516
№ 283	1914 р., січня 16. Москва. – Повідомлення начальника відділення з охорони громадської безпеки і порядку в м. Москві виконуючому обов’язки начальника Подільського губернського жандармського управління про українофільську агітацію священниками Балтського повіту Подільської губернії	519
№ 284	1914 р., січня 24. Київ. – Циркуляр попечителя Київського навчального округу О. М. Деревицького начальникам середніх навчальних закладів і директорам народних училищ про заборону учням брати участь у заходах з відзначення ювілею Т. Г. Шевченка	520
№ 285	1914 р., не пізніше лютого 25. Санкт-Петербург. – Звернення О. Г. Лотоцького до цензурних органів щодо дозволу на повне видання творів Т. Г. Шевченка без купюр	520
№ 286	1914 р., не пізніше лютого 25. Київ. – Відозва Загальнокоаліційної ради вищих навчальних закладів Києва із закликом до проведення політичного страйку в день 100-річного ювілею Т. Г. Шевченка	524
№ 287	1914 р., лютого 28. Київ. – Донесення начальника Київського губернського жандармського управління О. Ф. Шределя директорів Департаменту поліції С. П. Белецькому про проведення студентами вищих навчальних закладів Києва демонстрації на честь 100-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка	526

№ 288	1914 р., березня 17. Полтава. – Донесення начальника Полтавського губернського жандармського управління В. Е. Зейдліца губернаторові О. К. Багговуту про проведення вечора пам'яті Т. Г. Шевченка у Полтаві	529
№ 289	1914 р., не пізніше березня 24. Кам'янець-Подільський. – Звіт про діяльність товариства “Просвіта” в Подільській губернії за 1913 р.	530
№ 290	1914 р., квітня 29. Київ. – Лист учня Києво-Печерської гімназії Анатолія Самородова, перлюстрований поліцією, до Петра Давидовича у м. Сокаль про настрої київської національно свідомої учнівської молоді	535
№ 291	1914 р., травня 19. Київ. – Обвинувальний акт Київської судової палати у справі видавця й редактора журналу “Маяк” З. М. Шевченка за публікацію статті “Рідна мова”	537
№ 292	1914 р., травня 27. Кам'янець-Подільський. – Анонімний лист за підписом “Русский чиновник” до виконуючого обов'язки начальника Подільського губернського жандармського управління Переверзева із застереженнями щодо організації українського музею у Кам'янці-Подільському	539
№ 293	1914 р., червня 19. Житомир. – Донесення помічника начальника Волинського губернського жандармського управління в Новоград-Волинському, Острозькому та Ізяславському повітах начальника управління О. В. Мезенцеву про відзначення селянами с. Гулівці Острозького повіту 100-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка	540
№ 294	1914 р., липня 24. Київ. – Відношення київського, подільського і волинського генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова міністрові внутрішніх справ М. О. Маклакову про недоцільність підтримки клопотання київської громадськості про дозвіл на спорудження пам'ятника Т. Г. Шевченку	541
№ 295	1914 р., липня 24. Балта. – Донесення помічника начальника Подільського губернського жандармського управління в Балтському повіті Кравцова виконуючому обов'язки начальника управління Переверзеву про українофільську діяльність священика с. Слободзеї Шаровського	542
№ 296	1914 р., не пізніше серпня 8. Київ. – Відозва студентів Київського політехнічного інституту із закликом єднатися в гуртки, навчатися рідної мови, історії та готуватися “до національної роботи”	546

В оформленні палітурки використано документи
Центрального державного історичного архіву України, м. Київ:
обкладинку петербурзького видання
поєми Тараса Шевченка “Катерина” (1887),
забороненої до перевидання 1891 р.,
обкладинку до повісті Михайла Коцюбинського
“Тіні забутих предків”
(малюнок олівцем)

Наукове видання

УКРАЇНСЬКА
ІДЕНТИЧНІСТЬ
І МОВНЕ ПИТАННЯ
В РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ:
спроба державного
регулювання
(1847–1914)

Художньо-технічний редактор
Майя Притикіна

Оригінал-макет
Ірина Собко

Обкладинка
Андрій Шубін

Підп. до друку 27.02.2013. Формат 70×100/16
Умовн. друк. арк. 70,6. Обл.-вид. арк. 67,27.
Наклад 200 прим. Зам. № 14-2013.
Поліграф. д-ця Ін-ту історії України НАН України
Київ 1, вул. М. Грушевського, 4.